ТАНЕЦ ОТРАЖЕНИЙ
ПАМЯТЬ

ЛОИС МАКМАСТЕР БУЛЖОЛ

ТАНЕЦ ОТРАЖЕНИЙ
ПАМЯТЬ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЛОИС МАКМАСТЕР БУЛЖОЛ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

LOIS McMASTER

BUJOLD

MIRROR DANCE

MEMORY

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

ТАНЕЦ ОТРАЖЕНИЙ

ПАМЯТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
1999

ББК 84 (7США)
Б90

Серия основана в 1999 году

Перевод с английского Т. Черезовой («Танец отражений»); О. Косовой («Память»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Буджолд Л.М.

Б90 Танец отражений. Память: Романы / Пер. с англ. Т. Черезовой; О. Косовой – М.: ООО " Фирма «Издательство АСТ", 1999. – 720 с. – (Золотая библиотека фантастики).

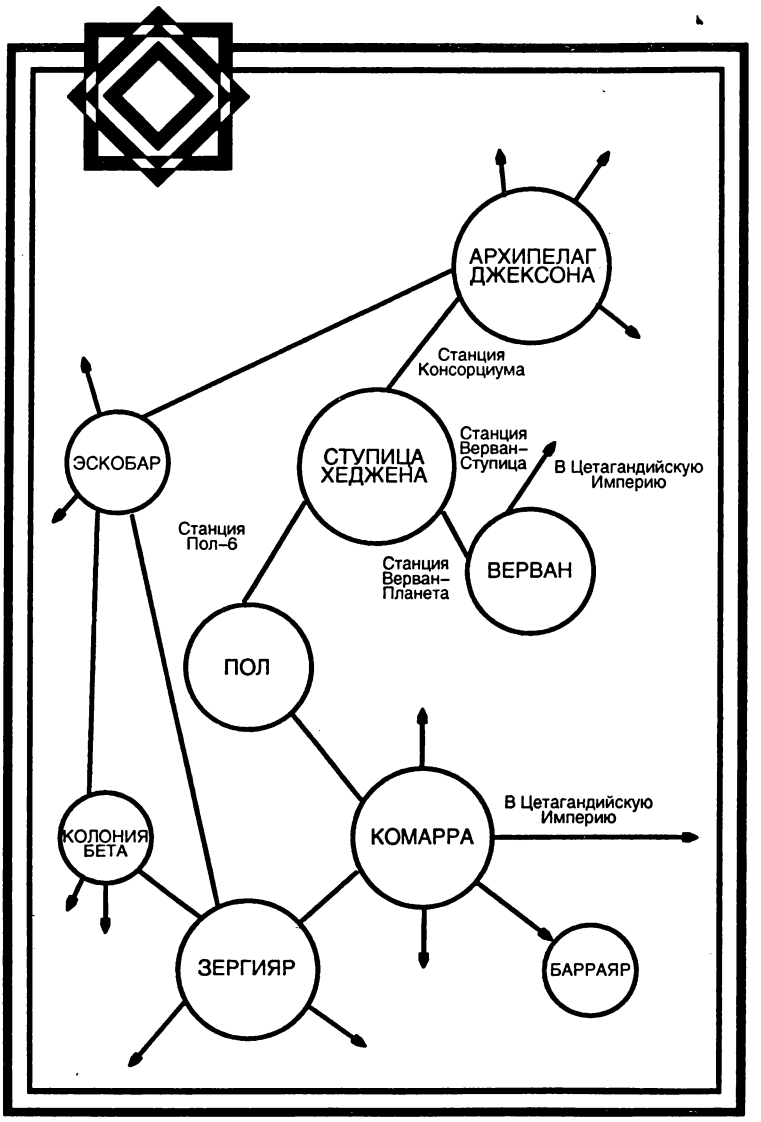
ISBN 5-237-03128-5

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн, Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг. И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто героя.

Читайте романы «Танец отражений» и «Память», по праву вошедшие в золотую библиотеку мировой фантастики.

© Lois McMaster Bujold, 1994, 1996
© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

ТАНЕЦ ОТРАЖЕНИЙ

АРХИПЕЛАГ ДЖЕКСОНА
Станция Консорциума
ЭСКОБАР
СТУПИЦА ХЕДЖЕНА
Станция Верван–Ступица
В Цетагандийскую Империю
Станция Пол–6
Станция Верван–Планета
ВЕРВАН
ПОЛ
КОЛОНИЯ БЕТА
КОМАРРА
В Цетагандийскую Империю
ЗЕРГИЯР
БАРРАЯР

Патриции Коллинз Рид, литературной повитухе, которая помогала мне, несмотря на разделявшее нас расстояние

ГЛАВА 1

Через весь зал ожидания крупнейшей эскобарской орбитальной станции протянулся ряд комм-кабинок с зеркальными дверями, наискось перечеркнутыми мерцающими радужными полосками. Не иначе находка дизайнера. Отражение дробилось в треугольных зеркалах, намеренно расположенных под разными углами. Коротышка в сером с белым мундире скорчил рожу своему расколотому отражению.

Отражение криво ухмыльнулось в ответ.

Офицерская форма наемника — китель с накладными карманами, широкие брюки, высокие ботинки. Все предельно точно. А под мундиром? Он тщательно изучал отражение. Скрюченный карлик с большой головой и короткой шеей — настоящий урод, никакой надежды затеряться в толпе. Аккуратно подстриженные темные волосы. Пронизывающий взгляд серо-стальных глаз из-под темных бровей. Все предельно точно.

Он ненавидел это.

Наконец зеркальная дверь скользнула в сторону, и из комм-кабинки вышла женщина в легкой блузе и свободных шароварах. Модельный патронташ с дорогой электроникой, висевший на изящной декоративной цепочке, лучше всяких слов говорил о ее положении в обществе. Наткнувшись на его мрачный пристальный взгляд, женщина отшатнулась, а затем осторожно обогнула его, растерянно повторяя: «Разрешите, пожалуйста... Извините...»

Пытаясь сгладить неловкость, он выдавил из себя подобие улыбки, пробормотал нечто невнятное и поспешно скрылся в кабинке.

Один. Наконец-то. Пусть только на несколько секунд, в тесной, неуютной комм-кабинке. В воздухе еще витал легкий аромат ее духов, смешанный с запахами пищи, человеческих тел, пластика, металла и дезинфекции. Он выдохнул, сел и, пытаясь унять дрожь в руках, прижал ладони к пульту.

Не совсем один. И здесь проклятое зеркало — не иначе как для удобства посетителей, желающих привести себя в надлежащий вид перед выходом на связь. Встретив затравленный взгляд темных, запавших глаз, он демонстративно отвернулся от зеркала. Коротышка выложил на пульт содержимое карманов. Все его имущество уместилось на столике в две ладони шириной. Последняя проверка. Словно от этого что-то изменится...

Кредитная карточка на три сотни бетанских долларов: достаточно, чтобы беззаботно прожить неделю на орбитальной станции или пару месяцев внизу, на планете. Три поддельных удостоверения на каких-то вымышленных персон и ни одного — на того человека, кем он был сейчас. Кем он был раньше. Кем бы он ни был. Дешевая пластмассовая расческа. Куб с данными. Вот и все. Он тщательно разложил все по карманам, оставив только кредитную карточку. Карманов оказалось больше, чем вещей. Он хмыкнул. «Уж зубную щетку-то мог бы и захватить. .» Слишком поздно.

Да, слишком поздно. Кошмар нарастает, ситуация выходит из-под контроля, а он сидит здесь, пытаясь обрести хладнокровие. «Ну, давай. Один раз тебе уже удалось это проделать. Удастся и теперь». Он вставил кредитную карточку и по памяти набрал номер. В последний момент, невольно встретившись взглядом со своим отражением, он постарался скрыть все чувства под маской холодной доброжелательности. Улыбка сейчас все равно не получилась бы. И вообще эту улыбку он презирал.

Экран с шипением ожил, и в кабине возникло объемное изображение женщины, одетой в такую же серую с белым форму, но только со знаками различия и с именной эмблемой на кармашке.

— Офицер связи Герелд, «Триумф», дендарийский свободный...

Военная инспекция Эскобара требовала, чтобы на всех военных судах при выходе из п-в-туннеля оружие упаковывалось и опечатывалось. Наемников пропускали в эскобарское пространство лишь после официального заявления, что они прибыли сюда в чисто коммерческих целях. Видимо, офицер связи заботилась о соблюдении приличий.

Облизнув губы, он спокойно проговорил:

— Соедините меня, пожалуйста, с дежурным офицером.

— Адмирал Нейсмит! Сэр! Вы вернулись! — Женщина вскинула голову, глаза ее радостно заблестели. Ему было почти физически больно от такой реакции. — Что слышно? Скоро отправляемся?

— В свое время, лейтенант... Герелд. — «Почти «герольд» — подходящее имя для офицера связи». Он заставил себя улыбнуться. Да, адмирал Нейсмит непременно улыбнулся бы. — В свое время вы все узнаете. А пока я хочу, чтобы меня забрали с орбитальной станции.

— Слушаюсь, сэр. Я пошлю за вами. Вы с капитаном Куин?

— Э-э... нет.

— Когда она вернется?

— ...Позже.

— Хорошо, сэр. Я только попрошу разрешение на... Мы должны забрать... э... какое-нибудь оборудование?

— Нет. Только меня.

— Значит, разрешение на капсулу для персонала... — Она на несколько секунд отвернулась. — Ждите минут через двадцать в стыковочном узле Е-17.

— Прекрасно. — За это время он как раз успеет добраться до причала. Интересно, должен ли он сказать напоследок что-то неофициальное? Она-то его знает, а вот знает ли он ее? С этой секунды каждая фраза, которая сорвется с его губ, содержит в себе опасность — опасность неизвестности. Опасность ошибки. А за ошибки приходится платить. Правилен ли его бетанский выговор? Он ненавидел все это. Ненавидел до тошноты.

— Пусть меня доставят прямо на «Ариэль».

— Так точно, сэр. Вы хотите, чтобы я предупредила капитана Торна? — «А может, адмирал Нейсмит имеет привычку устраивать неожиданные проверки? Ладно, по крайней мере не в этот раз».

— Предупредите. Скажите, чтобы подготовили корабль к выходу с орбиты.

— Только «Ариэль»? — Она удивленно подняла брови.

— Да, лейтенант.

Вот это он произнес как истинный бетанец: слегка нараспев, скучающе, словно порицая собеседницу за нарушение правил — то ли безопасности, то ли этикета, то ли того и другого вместе. Он мог поздравить себя: Герелд сразу подтянулась, и если у нее и было намерение задать еще какой-нибудь вопрос, то теперь оно явно исчезло.

— Так точно, сэр.

— Конец связи.

Он отключил комм и облегченно вздохнул. Изображение, рассыпавшись искрами, исчезло. Адмирал Нейсмит. Майлз Нейсмит. Ему надо вновь привыкнуть отзываться на это имя. Даже во сне. Лорда Форкосигана следует пока забыть, оставаясь лишь частью этого человека. Нелегко. Как тебя зовут? Майлз. Майлз. Майлз.

Лорд Форкосиган играет роль адмирала Нейсмита. Он — тоже. В конце концов какая разница?

«Но кто же ты на самом деле? Как тебя зовут?»

От злости и отчаяния потемнело в глазах. Он попытался расслабиться.

«Меня зовут так, как я сам того пожелаю. И сейчас я желаю, чтобы меня звали Майлз Нейсмит».

Он вышел из кабинки и засеменил по залу ожидания, стараясь не замечать косых взглядов.

«Посмотрите на Майлза. Посмотрите, вот бежит Майлз. Посмотрите, Майлз получает по заслугам».

Он шагал, опустив голову, и все расступались перед ним.

Как только на датчиках стыковочного узла загорелась зеленая лампочка, он нырнул в крошечный четырехместный катер и поспешно захлопнул за собой крышку люка. Он проплыл над спинками кресел — катер был слишком мал, чтобы поддерживать там гравитационное поле, — и осторожно опустился рядом с пилотом.

— Все в порядке. Можем отправляться.

Пилот радостно усмехнулся и небрежно отдал честь. Он производил впечатление человека серьезного и рассудительного, но на лице его застыло то же выражение, что и у офицера Герелд: возбужденное, взволнованное, полное жадного любопытства, как у ребенка, который ждет, что сейчас ему покажут фокус.

Когда капсула послушно отделилась от стыковочного узла и повернула, он посмотрел через плечо. Они уносились в открытый космос. Сигналы диспетчерской полетов разноцветной сетью оплели экран пульта управления, и пилот быстро вел их через эту сеть.

— Приятно снова вас видеть, адмирал, — проговорил пилот, когда сеть поредела. — Что происходит?

Голос пилота звучит несколько официально, но в данном случае так спокойнее — просто товарищ по оружию, а не старый добрый друг или, еще хуже, подруга. «Адмирал» уклончиво ответил:

— Вам сообщат — всему свое время.

Он предусмотрительно избегал имен и званий, но старался говорить приветливо.

Пилот заинтересованно хмыкнул — похоже, ответ ему понравился.

«Нейсмит» откинулся на спинку сиденья, напряженно улыбаясь. Огромная пересадочная станция бесшумно удалялась, и вот уже виден только дальний отблеск огней.

— Извините. Я немного устал. — Он поудобнее устроился в кресле и закрыл глаза. — Если я засну, разбудите меня перед стыковкой.

— Да, сэр, — уважительно отозвался пилот. — Похоже, отдохнуть вам не помешает.

«Адмирал» ответил усталым взмахом руки и притворился, что дремлет.

Он всегда мог мгновенно узнать, что его приняли за Нейсмита. У всех на лицах появлялось идиотское сияние. Не все его боготворили: доводилось встречаться и с врагами

Нейсмита, но, боготворящие или ненавидящие, они все реагировали. Словно их вдруг включали и они становились в десять раз живее, чем прежде. Как ему это, черт возьми, удается? Заставлять людей вот так вспыхивать? Ну конечно, Нейсмит чертовски гиперактивен, но как он заражает этим окружающих?

На него самого что-то никто так не реагировал. Все оставались флегматичными и вежливыми или просто флегматичными, замкнутыми и равнодушными. И втайне испытывали неловкость из-за его явно ненормальной внешности. Да, неловкость и еще — настороженность.

Как всегда от подобных мыслей у него разболелась голова. Это чертово преклонение, или как это еще назвать... И все — Нейсмиту.

«Нейсмиту, а не мне... Никогда не мне».

И тут ему стало страшно — нет, только не думать о том, что предстоит... Бел Торн, капитан «Ариэля». Друг, подчиненный, и вдобавок бетанец — да, уж это трудное испытание. Торн знал о существовании клона — тот инцидент на Земле два года назад. Они никогда не встречались лицом к лицу. С Торном он не имеет права на ошибку — это может вызвать подозрение, догадку...

Даже это Нейсмит у него украл. Адмирал флота наемников публично и лживо объявил клоном себя самого. Великолепное прикрытие, маскирующее его второе «я», его другую жизнь.

«У тебя две жизни, — рассеянно обратился он к отсутствующему противнику. — А у меня ни одной. Ведь это же я настоящий клон, черт возьми. Неужели нельзя было оставить мне хотя бы это».

Нет. Только без паники. Он справится с Торном. Пока можно будет избегать пугающей Куин, его телохранителя и любовницы. Куин. Тогда на Земле он ведь смог целое утро водить ее за нос. Но глупо рассчитывать, что такое повторится. Но Куин сейчас с настоящим Майлзом Нейсмитом: их водой не разольешь. На этот раз никаких старых любовниц.

У него еще не было любовниц. Может, несправедливо винить Нейсмита и в этом. Первые двадцать лет своей жизни он был настоящим пленником, хотя и не всегда это понимал. Последние два года... Последние два года — сплошная катастрофа, горько признался он себе. И сейчас — его последний шанс. А что дальше? Об этом лучше не думать. Нет смысла. Нет, на этот раз все получится.

Рядом пошевелился пилот, и он открыл глаза — торможение вжимало в кресло. Они подлетали к «Ариэлю». Легкий крейсер иллириканской постройки. Экипаж — двадцать человек, плюс место для крупного груза и отряда коммандос. Для такого типа кораблей «Ариэль» великолепно вооружен. И вид у него увертливый, почти нахальный. Прекрасный курьерский корабль — как раз в таком можно улепетывать во все лопатки.

Несмотря на мрачное настроение, при виде корабля он невольно улыбнулся.

«А теперь я беру, а ты даешь, Нейсмит».

Пилот подвел капсулу к захватам стыковочного узла почти без удара — аккуратнее просто невозможно. Конечно, старается для своего адмирала.

— Мне ждать, сэр?

— Нет. Вы свободны.

Пилот поспешно занялся герметичными дверями и проводил его лихим салютом и еще одной идиотской улыбкой. Он изобразил ответный салют и улыбку, схватился за поручни люка и поднялся в гравитационное поле «Ариэля».

Он ловко встал на ноги в небольшом погрузочном отсеке. Позади него пилот капсулы уже запечатывал люк, чтобы вернуться со своим корабликом к месту отлета — вероятно, к флагману «Триумф». Он посмотрел вверх — как всегда вверх — в лицо ожидавшего его дендарийского офицера. Это лицо он не раз внимательно разглядывал на головидео.

Капитан Бел Торн был бетанским гермафродитом — раса, возникшая в результате ранних экспериментов генной инженерии, закончившихся появлением еще одного меньшинства. Безбородое лицо Торна обрамляли мягкие каштановые волосы, постриженные двусмысленно-коротко. Офицерский китель расстегнут, черная футболка обтягивает явно женскую грудь. Серые форменные брюки достаточно свободного покроя и скрывают выпуклость под ширинкой. Некоторые чувствовали себя в присутствии гермафродитов очень неловко. Он с облегчением понял, что для него это, похоже, не проблема.

«Не клонам судить... что?»

На самом деле больше всего в гермафродите его обеспокоило все то же выражение лица «Я-люблю-Нейсмита». Ощущая сильную дурноту, он ответил на салют капитана «Ариэля».

— Добро пожаловать на борт «Ариэля», сэр! — звучный голос даже вибрировал от энтузиазма.

«Нейсмит» натянуто улыбнулся, а гермафродит радостно заключил его в объятия. У него оборвалось сердце — и он с трудом подавил инстинктивное желание вырваться. Он выдержал объятие, пытаясь собрать разбегающиеся мысли и вспомнить приготовленные речи.

«Надеюсь, он не собирается меня целовать!»

Гермафродит отстранил его, фамильярно держа за плечи. Слава Богу, обошлось без поцелуя. Он облегченно вздохнул. Торн наклонил голову, озадаченно улыбаясь:

— Что произошло, Майлз?

Они зовут друг друга по имени?!

— Извините, Бел. Просто немного устал. Может, перейдем сразу к инструкциям?

— У вас очень усталый вид. Ладно. Хотите, чтобы я собрал всю команду?

— Нет. Вы сможете инструктировать их по мере необходимости.

Так требовалось по плану: как можно меньше прямых контактов с дендарийцами.

— Ну так пойдемте ко мне в каюту — можете снять сапоги и выпить чаю, пока мы будем говорить.

Гермафродит вышел за ним в коридор. Не зная, в какую сторону повернуть, он сделал вид, что вежливо пропускает Торна вперед. Он плелся за дендарийцем по нескольким поворотам — а потом на следующий уровень. Внутри корабль оказался не таким уж тесным. Он старался запомнить все направления. Нейсмит хорошо знал этот корабль.

Каюта капитана «Ариэля» оказалась аккуратной небольшой комнаткой, по-солдатски скромной, и закрытые дверцы шкафчиков очень мало говорили о личности хозяина. Торн открыл шкафчик и достал оттуда старинный фарфоровый чайный сервиз и пару дюжин небольших баночек с различными сортами чая с Земли и других планет. Все было тщательно упаковано в специально изготовленные пенопластовые чехлы.

— Какой? — спросил Торн, остановив руку над баночками.

— Как всегда, — ответил он, опускаясь в кресло, прикрепленное к полу у небольшого столика.

— Следовало бы мне догадаться. Клянусь, я все же заставлю вас попробовать что-нибудь более рискованное!

Торн странно улыбнулся: нет ли тут какого-то скрытого смысла? Позвенев еще немного, Торн поставил на столик фарфоровую чашечку с тонкой ручной росписью. «Адмирал» взял чашечку и осторожно отпил глоток, пока Торн, установив еще одно кресло в зажимы, налил себе чаю и наконец уселся, удовлетворенно хмыкнув.

Оказалось, что горячая янтарная жидкость имеет достаточно приятный вкус, хотя и немного терпкий. Сахар? Он не посмел попросить. Торн его на стол не поставил. Он наверняка бы это сделал, если бы думал, что Нейсмит захочет сахару. Ведь вряд ли Торн устроил ему тонкую проверку? Значит, без сахара.

Наемники, пьющие чай! Этот напиток казался недостаточно ядовитым, чтобы подходить к выставке — нет, арсеналу оружия на стене: два парализатора, игольчатое ружье, плазмотрон, сверкающий металлом арбалет с набором гранат-дротиков в подвешенном рядом патронташе. Торн считался мастером своего дела. Если это так, то совершенно не важно, что пьет это существо.

— Вы что-то слишком задумчивы. Надо полагать, вы на этот раз прибыли с игрушечкой, а? — спросил Торн после паузы.

— Следующее задание, да. — Он от души надеялся, что Торн имел в виду именно это. Гермафродит кивнул и

приготовился внимательно слушать. — Мы должны кое-кого забрать. Не настолько много, как бывало, конечно... — Торн расхохотался. — Но не без сложностей.

— Сложнее Дагулы-IV быть не может. Ну, говорите, говорите!

Он потер губы характерным для Нейсмита жестом:

— Налет на ясли клонов дома Бхарапутра на Архипелаге Джексона. Надо вычистить их полностью.

Торн собирался было закинуть ногу на ногу, но удивленно замер.

— Убить? — недоверчиво спросил он.

— Клонов? Нет, увезти! Всех.

— О! Уф-ф... — Торн облегченно вздохнул. — Мне на секунду представилась жуткая картина. Ведь они же все-таки дети. Пусть даже и клонированные.

— Вот именно. Я... рад, что вы именно так на это смотрите.

— А как еще? — Торн пожал плечами. — Пересадка мозга в клонов — самое чудовищное и непристойное дело из всего пакостного перечня услуг дома Бхарапутра. Если только у них нет чего-нибудь похуже, о чем я пока не слышал.

— Вот именно.

Он откинулся на спинку кресла, изумленный столь быстрым согласием. Искренне ли говорит Торн? Ему-то самому слишком хорошо известны ужасы клонирования. Он их пережил. Он не ожидал, что его точку зрения можно принять, если не испытал всего этого на себе.

Строго говоря, дом Бхарапутра занимался не клонированием. Их бизнес — бессмертие, или по крайней мере продление жизни. И это было очень выгодным делом: как можно оценить стоимость жизни? По максимальной рыночной цене. Процедура, которую предлагал дом Бхарапутра, была рискованной, далеко не идеальной... Но альтернатива — близкая смерть, и безжалостные и, надо признать, дальновидные богачи выбирали риск.

Устраивалось все просто, хотя хирургическая операция, на которой все и основывалось, была чудовищно сложной. Из соматической клетки заказчика выращивали клон: сначала он рос в маточном репликаторе, а потом доращивался до физической зрелости в яслях Бхарапутры — нечто вроде роскошно обставленного детского дома. Ведь в конце концов клоны очень ценные, их физическое состояние и здоровье чрезвычайно важны. Потом, в нужный момент, их пожирали. Во время операции, успех которой отнюдь не гарантирован, мозг пересаживался из стареющего и изношенного тела в дубликат, находящийся в расцвете юности. А мозг клона рассматривался как отходы.

Операция считалась нелегальной везде, кроме Архипелага Джексона. Но это вполне устраивало правящие преступные дома. Это обеспечивало им монополию, надежное

дело и много клиентов — поток богачей с других планет позволял хирургам поддерживать великолепную форму. Насколько он мог судить, отношение других планет к подобной практике выражалось поговоркой «С глаз долой — из сердца вон». Искренний добропорядочный гнев в глазах Торна коснулся такой болезненной точки, что он чуть было не разрыдался.

«Скорее всего это просто уловка».

Он протяжно выдохнул — еще один нейсмитизм.

Торн сдвинул брови, о чем-то задумавшись:

— Вы уверены, что следует брать «Ариэль»? Насколько мне известно, барон Риоваль еще жив. Это наверняка привлечет его внимание.

Дом Риоваль был одним из более мелких соперников дома Бхарапутра в том, что касалось незаконной медицины. Он специализировался на производстве генетически измененных или хирургически сформированных людей для любых целей, включая сексуальные, — фактически рабов, выполненных на заказ. Он готов был согласиться с тем, что это преступно, но не это смертельно мучило его. А вот какое отношение к барону Риовалю имеет «Ариэль»? Он понятия не имел. Пусть Торн сам об этом беспокоится. Может, позже гермафродит скажет что-то более понятное. Клон напомнил себе, что надо будет при первой же возможности ознакомиться с вахтенными журналами.

— Это задание не имеет никакого отношения к дому Риоваль. Мы будем их избегать.

— Я очень на это надеюсь, — с жаром согласился Торн. Он помолчал, задумчиво прихлебывая чай. — Ну, несмотря на то, что Архипелаг Джексона давно требует хорошенькой уборки — предпочтительно с использованием атомного оружия, — я полагаю, что мы идем на это отнюдь не по доброте сердечной. И что за... э-э... задание на этот раз стоит за основным заданием?

На такой вопрос он подготовил ответ заранее.

— По правде говоря, нашего нанимателя интересует только один клон — вернее, его родитель. Остальные — просто дымовая завеса. У клиентов Бхарапутры множество врагов. Они не будут знать, кто именно нападает и на кого. Таким образом, личность нашего нанимателя, который желает остаться неизвестным, остается тайной.

Торн довольно ухмыльнулся:

— Насколько я понимаю, эта небольшая тонкость — ваших рук дело.

«Нейсмит» пожал плечами:

— В некотором смысле.

— Не следует ли нам знать, какой именно клон нам нужен, чтобы предотвратить несчастный случай или другие неожиданности при отступлении? Он нужен нашему

нанимателю живым или это не важно? Если реальная цель — тот старый перечник, который его заказал...

— Им важно. Он должен быть жив. Но... будем считать, что все клоны — это именно тот, кто нам нужен.

Торн развел руками:

— Я возражать не стану. — Глаза гермафродита радостно заблестели. — Давно пора заняться этими джексонианскими подонками! О, это будет здорово! — Он оскалил зубы в прямо-таки пугающей ухмылке. — Какая помощь у нас будет на Архипелаге Джексона? Система безопасности?

— Ни на что не рассчитывайте.

— Гм. А сколько помех. Естественно, не считая Бхарапутры, Риоваля и Фелла.

Дом Фелл занимался главным образом вооружением. Какое отношение имеет ко всему этому Фелл?

— Я знаю не больше вашего.

Торн нахмурился: похоже, это не типичный нейсмитовский ответ.

— У меня много точной информации о яслях — я смогу проинструктировать вас за время полета. Послушайте, Бел, что я буду учить вас, как надо работать? Я вам доверяю. Возьмите на себя подготовку и планирование, а я проверю окончательный результат.

Торн выпрямился:

— Хорошо. О скольких ребятишках идет речь?

— Бхарапутра выполняет в среднем одну такую операцию в неделю. Скажем, у них запланировано пятьдесят в год. В последний год жизни клонов их переводят в специальное здание около штаб-квартиры дома — для окончательной подготовки. Я хочу забрать весь годовой запас. Пятьдесят или шестьдесят ребятишек.

— И всех запихнуть на «Ариэль»? Тесновато будет.

— Скорость, Бел, скорость.

— Угу. Наверное, вы правы. Расписание?

— Как можно скорее. Каждая неделя отсрочки стоит жизни еще одному невинному ребенку.

Последние два года он жил по этому календарю. «Я уже растратил сто жизней». Один только перелет с Земли на Эскобар обошелся ему в тысячу бетанских долларов и четыре погибших клона.

— Понял, — мрачно сказал Торн, поднимаясь из-за стола и убирая чашку. Он переставил свое кресло в пазы у комм-устройства. — Этот клон назначен на операцию, да?

— Да. А если не он, то его товарищ по яслям.

Торн начал стучать по клавишам:

— А как насчет средств? Это по вашему ведомству.

— Тут нам заплатят по конечному результату. Возьмите сколько нужно из фондов флота.

— Хорошо. Приложите свою ладонь сюда, чтобы подтвердить мой запрос.

Торн подставил ему сенсорную пластину.

Он не колеблясь приложил ладонь. К его ужасу, на пульте зажегся красный сигнал неузнавания.

«Нет! Все должно получиться, должно!»

— Чертова машина. — Торн резко стукнул пластину об стол. — Веди себя пристойно. Еще раз.

На этот раз он приложил ладонь, чуть дернув ее в последний момент. Компьютер переварил новые данные и на этот раз объявил, что все в порядке. Слава Богу. Он почувствовал, что сердце его начало биться ровнее.

Торн ввел новые данные и бросил через плечо:

— Нет вопросов о том, какую именно команду вы хотите выбрать на это дело, а?

— Нет, — глухо отозвался он. — Действуйте.

Ему надо отсюда поскорее выбираться, пока он не испортил такое удачное начало.

— Вам отвести ту же каюту, что и всегда? — осведомился Торн.

— Конечно.

Он встал.

— Скоро, насколько я понимаю... — Гермафродит вглядывался в светящуюся путаницу сведений и расписаний, загоревшуюся над пластиной комма. — Пластина замка по-прежнему настроена на вашу ладонь. Полежите, у вас совсем измученный вид. Все под контролем.

— Прекрасно.

— Когда появится Элли Куин?

— Она на это задание не полетит.

Торн явно удивился.

— Вот как! — Почему-то его улыбка стала шире. — Жаль.

В его голосе не слышалось и тени сожаления. Какое-то соперничество? Интересно, из-за чего?

— Пусть с «Триумфа» пришлют мои вещи, — распорядился он. Правильно, надо перепоручить и это тоже. Все перепоручить. — И... когда у вас будет время, скажите, чтобы мне в каюту принесли поесть.

— Будет сделано, — пообещал Торн, решительно кивнув. — Кстати, хорошо, что вы ели нормально — пусть и не спали. Молодец. Так держать. Мы ведь за вас беспокоимся.

Нормально ел — черта с два! При таком росте ему становилось все труднее не полнеть. Он три месяца голодал, чтобы влезть в мундир Нейсмита, который украл два года назад и который сейчас на нем. Новая волна ненависти к своему родителю захлестнула его. Он вышел, небрежно отдав честь, надеясь, что Торн примет этот жест за приглашение продолжать

работу, и с трудом удержал тихое рычание до того момента, как за ним сдвинулись створки двери.

Пришлось прикладывать ладонь ко всем замкам подряд. Оставалось только надеяться, что никто из дендарийцев не видел его позора. В конце концов он отыскал свою каюту — напротив каюты капитана-гермафродита. На этот раз при прикосновении ладони дверь открылась сразу же.

Каюта оказалась небольшой, совершенно такой же как у Торна, но только менее заставленной. Он проверил шкафы. Почти все оказались пустыми, но в одном он обнаружил серую полевую форму и замызганный комбинезон техника как раз своего размера. В ванной комнате он нашел зубную щетку и печально усмехнулся. Аккуратно застеленная кровать, убиравшаяся в стену, выглядела ужасно притягательно, и он упал на нее в полуобмороке.

«Я уже в пути. Все получилось!»

Дендарийцы его приняли, приняли его приказы и пошли за ним с тем же идиотским слепым доверием, с каким они шли за Нейсмитом. Стадо баранов. Теперь самое трудное позади.

Он быстро принял душ и как раз надевал брюки Нейсмита, когда принесли еду. Воспользовавшись тем, что не одет, он побыстрее выпроводил услужливого дендарийца с подносом. Под крышками оказалась настоящая еда, а не полевые рационы. Прожаренный бифштекс из мясного заменителя, свежие на вид овощи, несинтетический кофе. Горячие блюда были горячими, холодные — холодными, красивые маленькие порции точно рассчитаны на аппетит Нейсмита. Даже мороженое. Он узнал любимые блюда своего родителя и заново поразился тому, сколько неизвестных ему людей спешат принести ему именно то, чего ему хочется, — вплоть до мельчайших деталей. Конечно, высокое звание связано с определенными благами, но это казалось настоящим безумием.

В крайне угнетенном состоянии он съел все, что было на подносе, и как раз соображал, съедобна ли пенистая зеленая штука, заполняющая пустые места на тарелке, когда снова зазвенел дверной сигнал.

На этот раз вошел рядовой дендариец с парящей платформой, на которой было три больших ящика.

— А! Мои пожитки. Поставьте их пока на пол.

— Есть, сэр. Вам не нужен денщик?

Выражение лица рядового ясно говорило, кто первым вызовется занять эту должность.

— Нет... пока нет. Пожалуй, здесь будет слишком тесно. Просто оставьте все здесь.

— Я буду рад все для вас распаковать, сэр. Я все паковал.

— Все в порядке.

— Если я что-то пропустил, только дайте мне знать — я сейчас же все доставлю.

— Спасибо, капрал.

«Нейсмита» уже несколько раздражало рвение капрала, и, к счастью, тот понял, что несколько перестарался. Капрал снял ящики с платформы и удалился с виноватой улыбкой, словно говорившей: «Эй, ну не обижайтесь — я просто так».

Он улыбнулся в ответ, стиснув зубы, но как только дверь закрылась, моментально переключился на ящики. Открыв крышки, он помедлил, удивляясь собственному нетерпению. Наверное, это похоже на подарки ко дню рождения. Ему никто никогда не дарил подарков.

«Ну, так будем наверстывать упущенное».

В первом ящике оказалась одежда — столько одежды у него еще никогда в жизни не было. Комбинезоны техников, полевая и повседневная форма, парадный мундир... Он достал бархатный серый китель, с удивлением подняв брови при виде сверкающих серебряных пуговиц. Ниже оказалась обувь: сапоги, ботинки, туфли, тапочки. И пижамы. Все в соответствии с военными требованиями, все точно ему впору. И гражданская одежда — восемь или десять костюмов в различных планетных и галактических традициях и на всевозможных социальных уровнях. Эскобарский деловой костюм из красного шелка, барраярский полувоенный китель и брюки в полосочку, бетанский саронг с сандалиями, обтрепанные куртка, рубашка и штаны, которые мог бы где угодно надеть неудачливый портовый грузчик. Множество нижнего белья. Три типа хроно со встроенными коммустройствами: одно обычное, дендарийское, одно — очень дорогая коммерческая модель и одно с виду дешевенькое и поцарапанное, но оказавшееся одной из лучших военных моделей. И еще многое, многое другое.

Он перешел ко второму ящику и изумленно разинул рот. Космическая броня. Полные космические доспехи для боя, с заряженными аккумуляторами и системами жизнеобеспечения, с закрепленным и готовым к бою оружием. Как раз его размера. Казалось, она светится темным зловещим блеском. В нос ударил запах брони — невероятно военный: металл и пластик, энергия и химия... и старый пот. Он вытащил шлем и с любопытством посмотрел на затемненное зеркальное стекло. Он никогда не надевал космической брони, хотя изучал все это снаряжение до одури. Зловещий, смертоносный панцирь...

Он все выгрузил и разложил по порядку на полу. То тут, то там сверкающая поверхность была обезображена странными разводами, шрамами и заплатками. Какое оружие, какие удары смогли повредить прочный сплав? Дотрагиваясь до металла, он понял, что каждый такой шрам нес смерть.

Это его обеспокоило.

«Нет! — Он отогнал холодную дрожь сомнения. — Если он это может, я тоже могу!»

Он постарался не замечать отремонтированных мест и пятен на самой броне и ее мягкой абсорбирующей подкладке, аккуратно убирая все обратно в ящик. Кровь? Ожоги? Масло? Все равно все уже вычищено и дезодорировано.

В третьем ящике, поменьше, оказалась полуброня — без встроенного оружия и рассчитанная не на космос, а на боевые действия на поверхности планеты при нормальной или почти нормальной силе тяжести, температуре и атмосферных условиях. Самая удивительная деталь — командирский шлем — гладкая штука со встроенной телеметрией и голопроектором надо лбом, передающим все необходимые данные так, что они оказываются прямо перед глазами командующего. Поток данных регулируется определенными гримасами и голосовыми командами. Он оставил шлем на столе, чтобы потом поближе с ним познакомиться, а все остальное снова запаковал.

К тому времени, как он кончил прятать одежду по шкафам и ящикам, он уже пожалел о том, что так поспешно отказался от денщика. Он упал на постель и погасил свет. Когда он проснется в следующий раз, он уже будет на пути к Архипелагу Джексона...

Он только задремал, когда услышал сигнал комма. Он неловко поднялся, с трудом выдавив достаточно убедительное «Нейсмит слушает».

— Майлз? — сказал Торн. — Прибыл отряд коммандос.

— Э-э... Прекрасно. Уходим с орбиты.

— А вы разве не хотите с ними встретиться? — удивился Торн.

Инспекция. Он с шумом выдохнул:

— Конечно. Я... сейчас приду. Нейсмит разговор закончил.

Он поспешно натянул форменные брюки, на этот раз выбрав китель с соответствующими знаками различия, и быстро вызвал на экран план корабля. Для боевых катеров было предусмотрено два стыковочных узла: на носу и на корме. Который? Пожалуй, лучше выяснить, как добираться до обоих.

Работал первый узел, к которому он вышел. Нейсмит на секунду остановился в тени и тишине коридора, пока его еще никто не заметил.

Посадочную площадку заполнили дюжина мужчин и женщин в сером полетном камуфляже, а также горы оборудования и припасов. Ручное и тяжелое вооружение было сложено аккуратными пирамидами. Наемники стояли или сидели, громко переговариваясь, просто и грубовато, перемежая разговоры взрывами хохота. Они все были такие рослые, их так переполняла энергия, что они полушутливо натыкались друг на друга, словно для того, чтобы можно было кричать еще громче. Ножи и другое личное оружие было закреплено на поясах, в кобурах или патронташах — весьма демонстративно. Лица их сливались, словно у стада животных. Он с трудом сглотнул, выпрямился и шагнул к ним.

Эффект оказался мгновенным.

— Головы выше! — крикнул кто-то. Не ожидая дальнейших приказов, все вытянулись по стойке «смирно» в две аккуратные шеренги, и сразу стало тихо. Это казалось еще более пугающим, чем царивший только что хаос.

С натянутой улыбкой он пошел вперед, делая вид, что осматривает каждого. Последний тяжелый вещмешок дугой вылетел из люка и стукнулся о палубу. Тринадцатый коммандос протиснулся в корабль, выпрямился и отдал ему честь.

Он застыл, парализованный ужасом. Что за чертовщина? Он смотрел в начищенную пряжку ремня, а потом задрал голову, чуть не вывихнув шею. Эта чертова штука — в три с лишним метра ростом! От чудовищно огромного тела исходила сила, которую он ощутил, словно волну жара. А лицо... лицо словно из какого-то кошмара. Золотистые глаза, как у волка, неестественный, чуть выдающийся вперед рот — с клыками, черт побери! На огромных руках — когти, толстые, мощные, острые, как бритва... накрашенные алым лаком... Что?.. Его взгляд еще раз скользнул по лицу чудовища. Глаза были подведены карандашом и золотистыми тенями, с которыми перекликалась небольшая золотая звездочка, эффектно наклеенная под уголком глаза. Волосы цвета красного дерева заплетены в замысловатую косу. Пояс туго затянут, подчеркивая некое подобие фигуры несмотря на свободный серый полетный камуфляж. Это чудище женского рода?...

— Сержант Таура и Зеленый отряд прибыли, сэр!

Низкий голос звучно разнесся по посадочному отсеку.

— Спасибо! — У него получился только надтреснутый полушепот, и он откашлялся, прочищая горло. — Спасибо, свободны, получите указания от капитана Торна, всем вольно. — Они напряглись, ожидая, чтобы он повторил приказ. — Все свободны!

Они рассыпались в беспорядке — или, может быть, в известном только им одним порядке, — и посадочный отсек неимоверно быстро опустел. Чудовищный сержант задержалась, нависнув над ним. Он чуть было не бросился наутек от этого... от нее.

Чудище доверительно сказало:

— Спасибо, что выбрал Зеленый отряд, Майлз. Насколько я поняла, ты нашел для нас настоящую конфетку.

Опять его зовут по имени?

— Капитан Торн проинструктирует всех в пути. Это... непростая миссия.

— Капитан Куин как всегда знает все детали? — Она вопросительно приподняла мохнатую бровь.

— Капитан Куин... в этой операции не участвует.

Он готов был поклясться, что ее золотые глаза широко раскрылись, зрачки расширились. Губы раздвинулись,

обнажив клыки, и он, ужаснувшись, не сразу понял, что это — улыбка. Почему-то это напомнило ему ухмылку, с которой Торн встретил то же известие.

Она подняла голову — других дендарийцев вокруг не было.

— А? — басовито промурлыкала она. — Ну, на этот раз твоей телохранительницей буду я, любовь моя. Дай только знак.

Какой знак, какого черта?..

Она нагнулась, морща губы, рука с алыми ногтями сжала его плечо... Ему вдруг представилось, как она отрывает ему голову и съедает, но тут ее губы прижались к его губам. У него остановилось дыхание, в глазах потемнело, и он чуть не потерял сознание, прежде чем она выпрямилась, кинув на него недоумевающе-обиженный взгляд.

— Майлз, в чем дело?

Это был поцелуй!.. Всемогущие боги...

— Ничего! — с трудом выдавил он из себя. — Я... болен. Мне, наверное, не следовало вставать, но надо было проинспектировать...

Она страшно встревожилась:

— Конечно, тебе не следовало вставать! Ты ведь весь дрожишь! Еле на ногах держишься. Ну-ка, я отнесу тебя в лазарет. Ненормальный!

— Нет! Ничего страшного. То есть меня уже лечили. Просто какое-то время мне надо отдыхать и приходить в себя, только и всего.

— Ну, так сейчас же отправляйся в постель!

— Да.

Он быстро повернулся. Она шлепнула его по заду. Он прикусил язык. Она сказала:

— По крайней мере ты стал лучше есть. Береги себя, ладно?

Он помахал ей через плечо и удрал, не оглядываясь. Солдатское панибратство? Со стороны сержанта по отношению к адмиралу? Не похоже. Это — близость.

«Нейсмит, психованный подонок, чем ты занимался в свободное время? Мне казалось, у тебя нет свободного времени. Ты просто чокнутый маньяк-самоубийца, если якшался с этой...»

Он запер за собой дверь каюты и прислонился к ней спиной, весь дрожа, истерически хохоча и не веря увиденному. Черт возьми, он изучал Нейсмита вдоль и поперек! Этого просто не может быть.

«Если есть такие друзья, зачем тогда враги?»

Он разделся и лежал на кровати, обдумывая жизнь Нейсмита-Форкосигана, пытаясь угадать, какие еще ловушки его ожидают. Наконец легкое изменение шорохов и скрипов корабля, меняющиеся грави-поля заставили его осознать, что «Ариэль» уходит с эскобарской орбиты. Ему на самом деле удалось похитить полностью вооруженный и оснащенный скоро-

стной военный крейсер — и никто даже не догадался об этом. Они летят к Архипелагу Джексона. К его судьбе. Его, а не Нейсмита. Наконец мысли утащили его в сон.

«Но если ты можешь взять свою собственную судьбу, — прошептал в самый последний момент его насмешливый демон, — почему ты не берешь свое имя?»

ГЛАВА 2

Они спустились по трапу пассажирского корабля взявшись за руки. Куин легко закинула на плечо вещмешок, Майлз тащил сумку. На них все оборачивались — в зале ожидания орбитальной пересадочной станции их появление не осталось незамеченным. Майлз гордо поглядывал на свою спутницу, равнодушно шагавшую мимо восхищенных мужчин. Майлз ловил в их взглядах плохо скрытую зависть. «Моя Куин».

Сегодня утром Куин выглядела как никогда подтянутой. Кстати, а утро ли сейчас? Надо бы свериться со временем дендарийского флота... Ей даже удалось добиться, что ее серые форменные брюки с многочисленными карманами выглядят как последний писк моды: она их заправила в красные замшевые сапоги (стальные набойки на носках совсем незаметны), а сверху коротенькая алая маечка. Белоснежная кожа, темные короткие кудри, алая майка — просто великолепно! Яркие цвета скрывали атлетизм ее фигуры — о нем можно было судить, только зная вес ее вещмешка.

Влажные карие глаза освещали лицо остроумием. Но голоса мужчин замирали на полуслове главным образом из-за идеально правильных линий ее лица. Очевидно, дорогостоящее лицо, произведение хирурга-художника, обладавшего несравненным гением. Невнимательный наблюдатель мог бы решить, что за это лицо заплатил маленький уродец, который держал ее под руку, и сделать вывод, что и сама женщина тоже куплена. Невнимательный наблюдатель никогда не догадался бы, какую цену она на самом деле заплатила: свое старое лицо, сожженное в бою у Тау Верде. Почти первая потеря на службе адмирала Нейсмита... Уже десять лет тому назад? Господи! Невнимательный наблюдатель — просто дурак, решил Майлз.

Последним представителем этого класса оказался богатый служащий (Майлзу он показался блондинистым гражданским вариантом его кузена Айвена), который пребывал в таком заблуждении весь двухнедельный путь от Зергияра до Эскобара, пытаясь ее соблазнить. Майлз мельком увидел сейчас, как он грузит свои вещи на гравитационную платформу, досадливо вздыхая. Майлз не обижался — если не считать того, что тот на-

помнил ему Айвена. По правде говоря, Майлзу было его почти жаль, так как юмор у Куин такой же убийственный, как и ее профессиональная реакция.

Майлз указал подбородком на удаляющегося эскобарца и пробормотал:

— И что же ты в конце концов сказала такое, что тебе удалось от него избавиться, милая?

Куин посмотрела в ту сторону, чтобы понять, о ком речь, и рассмеялась, озорно сощурив глаза.

— Если я тебе скажу, ты застесняешься.

— Не застесняюсь. Вот увидишь.

— Я сказала, что ты можешь отжиматься с помощью языка. Наверное, он решил, что не может с тобой тягаться.

Майлз покраснел.

— Я не позволила бы ему зайти так далеко, если бы не была абсолютно уверена в том, что он чей-то агент, — извиняющимся тоном добавила она.

— А теперь ты убедилась в обратном?

— Да. Очень жаль. Так было бы гораздо забавнее.

— Не для меня. Мне нужны были небольшие каникулы.

— Да, и тебе это пошло на пользу. Видно, что ты отдохнул.

— Мне очень нравится наше новое прикрытие для путешествия — семейная пара. Меня оно устраивает. — Он сделал более глубокий вдох. — Так медовый месяц у нас был — почему бы теперь не устроить свадьбу?

— Ты никогда не сдаешься, да?

Она старалась говорить беззаботно, но он почувствовал, как у нее дрогнула рука, и понял, что причинил ей боль. Мысленно он обругал себя последними словами.

— Извини. Я обещал не поднимать эту тему.

Она пожала тем плечом, на котором не висел вещмешок, высвободив при этом словно случайно свой локоть, и зашагала, агрессивно размахивая рукой.

— Беда в том, что ты не хочешь сделать меня мадам Нейсмит, грозой дендарийцев. Ты хочешь, чтобы я была барраярской леди Форкосиган. Это должность планетная. Я родилась в космосе. Даже если бы я вышла за грязежора, спустилась бы в какой-нибудь колодец... Я все равно не выбрала бы такую дыру, как Барраяр. Не хочу оскорбить твой дом.

«Почему бы и нет? Все так делают».

— Ты понравилась моей матери, — сказал он.

— А я ею восхищаюсь. Я встречалась с нею уже... сколько... четыре раза, и она поражает меня все сильнее. Но чем сильнее мое восхищение, тем больше меня возмущает то, как Барраяр преступно тратит ее таланты. Останься она на Колонии Бета, сейчас была бы уже генеральным директором Бетанской астроэкспедиции. Или кем угодно, кем бы захотела.

— А она захотела быть графиней Форкосиган.

— Она захотела потрястись твоим па, который, надо признать, довольно-таки потрясающий. А на остальную касту форов ей начхать. — Куин остановилась вне поля слышимости эскобарских таможенных инспекторов, и Майлз остановился рядом с ней. Оба смотрели перед собой, а не друг на друга. — Несмотря на весь ее стиль, она — женщина усталая. Барраяр столько из нее высосал! Барраяр — ее рак. И медленно убивает ее. — Майлз молча помотал головой. — И твой тоже, лорд Форкосиган, — серьезно прибавила Куин.

На этот раз это он вздрогнул. Она это почувствовала и вскинула голову:

— И вообще, мой любимый маньяк — это адмирал Нейсмит. По сравнению с ним лорд Форкосиган — просто зануда. Я видела тебя дома, на Барраяре, Майлз. Ты там словно половина себя. Какой-то притихший, завявший. У тебя голос — и тот звучит тише. Это ужасно странно.

— Я не могу... Я должен там приспосабливаться. Всего одно поколение тому назад человека с таким странным телом, как у меня, просто убили бы как подозрительного мутанта. Я не могу заставить развитие идти слишком далеко — и слишком быстро. Я слишком легкая мишень.

— Именно поэтому Имперская служба безопасности дает тебе такое количество заданий вне планеты?

— Для моего роста как офицера. Чтобы расширить мой кругозор, увеличить мой опыт.

— И в один прекрасный день они тебя окончательно отсюда загребут, возьмут домой и выжмут весь этот опыт обратно — себе на потребу. Словно ты — губка.

— Я и сейчас им служу, Элли, — тихо напомнил он. — Сейчас, потом — и всегда.

Она отвела глаза:

— Ладно... И когда они приколотят подошвы твоих башмаков к полу там, на Барраяре, я хочу получить твою работу. Я хочу когда-нибудь стать адмиралом Куин.

— Ничего не имею против, — добродушно заметил он. Работа — да. Пора лорду Форкосигану и его личным желаниям убираться восвояси. И вообще пора бы ему перестать по-мазохистски снова и снова прокручивать этот дурацкий разговор с Куин о женитьбе. Куин — это Куин, он не хочет, чтобы она стала не-Куин, даже ради... лорда Форкосигана.

Несмотря на подавленность, вызванную собственной глупостью, предвкушение возвращения к дендарийцам заставило его ускорить шаг, когда они прошли через таможенный контроль в чудовищно огромную пересадочную станцию. Куин права. Он явственно ощущал, как Нейсмит вновь заполняет его, распространяясь из каких-то неведомых глубин сознания

до самых кончиков пальцев. До свидания, зануда Майлз Форкосиган, очень тайный агент Имперской службы безопасности (которому давно бы пора получить следующее звание). Привет, ослепительный адмирал Нейсмит, космический наемник и солдат удачи.

Или неудачи. Он замедлил шаг, когда они оказались у рядов комм-будочек, выстроившихся вдоль стены зала ожидания, и кивком указал на зеркальные двери.

— Посмотрим сначала, как там наш Красный отряд. Если они готовы к выписке, я хотел бы лично спуститься и забрать их.

— Хорошо.

Куин плюхнула вещмешок в опасной близости от обутых в сандалии ног Майлза, зашла в ближайшую будочку, вставила в щель карточку и набрала код.

Майлз поставил дорожную сумку, сел на мешок и стал смотреть на нее через дверь. Он поймал свое расколотое отражение в дверце соседней будочки. Темные брюки и свободная белая рубаха скроены так, что невозможно угадать, с какой они планеты, но, как и подобает путешествующему молодожену, одежда абсолютно гражданская. Недурно.

Было время, когда он носил мундиры, как черепаший панцирь высоконадежной социальной защиты для своего странного тела. Как броню принадлежности, говорившую: «Не связывайтесь со мной. У меня есть друзья». Когда он перестал так отчаянно в этом нуждаться? Он точно не знал.

Если уж на то пошло, то когда он перестал ненавидеть свое тело? Прошло уже два года со времени его последнего серьезного ранения — во время операции по освобождению заложников, которая прошла сразу же после той невероятной заварухи с его братом на Земле. Он уже достаточно долгое время чувствовал себя совершенно здоровым. Он несколько раз сжал и разжал руки с пластиковыми костями и ощутил их столь же своими, как и до того, как их в последний раз разломали. И до того, как их в первый раз сломали. У него не было обострения артрита уже несколько месяцев.

«Я не испытываю боли, — осознал он, мрачно усмехаясь. И это дело рук не только Куин, хотя Куин действует очень... оздоравливающе. — Не становлюсь ли я на старости лет нормальным?»

«Радуйся, пока можешь».

Ему двадцать восемь — и он наверняка на пике здоровья. Он чувствовал этот пик, захватывающий дух взлет к апогею. Спуск — дело отдаленного будущего.

Голоса из комм-будочки вернули его к настоящему. Куин связалась с Сэнди Герелд:

— Привет, вот и я.

— Привет, Куини. Я тебя ждала. Чем могу быть полезна?

Майлз даже издали заметил, что Сэнди опять сотворила со своими волосами что-то странное.

— Я только что сошла с корабля сюда, на пересадочную станцию. Планирую небольшой крюк. Мне нужен транспорт на планету, чтобы забрать выживших из Красного отряда, а потом обратно на «Триумф». Какое у них сейчас состояние?

— Подожди секундочку. Сейчас скажу...

Лейтенант Герелд вызвала данные на соседний дисплей.

По залу ожидания прошел мужчина в сером дендарийском мундире. Он заметил Майлза и нерешительно кивнул, видимо, опасаясь, что странная одежда адмирала — свидетельство тому, что он здесь инкогнито. Майлз успокоительно помахал ему, и мужчина, улыбнувшись, пошел дальше. Мозг Майлза моментально выдал ненужные данные. Трейвис Грей, полевой техник, в настоящее время числится при «Перегрине», отслужил шесть лет, специалист по коммуникационному оборудованию, собирает классическую допереходную музыку Земли...

Сколько таких сведений о личном составе сейчас у него в голове? Сотни? Тысячи?

А вот и новые. Герелд снова повернулась к ним и выпалила:

— Айвза отпустили на планету в увольнение, Бойда вернули на «Триумф» долечиваться. Восстановительный центр Бошен сообщает, что Дурэм, Вайфиан и Азиз готовы к выписке, но сначала они хотят поговорить с кем-нибудь из начальства.

— Хорошо.

— Ки и Зелески... О них они тоже хотят поговорить.

Куин сжала губы.

— Хорошо, — глухо повторила она. У Майлза сжалось сердце. Он подозревал, что разговор будет не слишком приятным. — Тогда дай им знать, что мы едем, — добавила Куин.

— Да, кэп. — Герелд переключила файлы на своем дисплее. — Будет сделано. Какой катер вам нужен?

— Хватит маленького катера для личного состава с «Триумфа», если вам не надо одновременно захватить какой-нибудь груз из Бошена.

— Оттуда ничего не надо.

— Ладно.

Герелд проверила свой экран:

— Согласно эскобарским диспетчерам, я могу пристыковать второй катер к стыковочному узлу G-26 через тридцать минут. У вас будет разрешение сразу же отправляться на планету.

— Спасибо. Передай всем: когда мы вернемся, будет брифинг для капитанов и капитанов-владельцев. Который сейчас час в Бошене?

Герелд посмотрела в сторону:

— Девять ноль шесть в двадцатишестичасовых сутках.

— Утро. Великолепно. Какая погода?

— Чудесная. Одежда летняя.

— Хорошо, можно будет не переодеваться. Мы сообщим, когда будем готовы вылететь из порта Бошен. Куин разговор закончила.

Майлз сидел на вещмешке, уставившись на носки своих сандалий и погрузившись в неприятные воспоминания. Это была одна из самых трудных контрабандистских операций дендарийцев: они доставили на Мэрилак военных советников и вооружение для поддержки сопротивления цетагандийцам. Боевой катер А-4 с «Триумфа» попал под вражеский огонь на последнем перелете к кораблю. На нем находился весь Красный отряд и несколько мэрилаканцев. Пилот, лейтенант Дурэм, несмотря на смертельное ранение и шок, привел свой искореженный и горящий катер с достаточно низкой скоростью столкновения к захватам стыковочного узла «Триумфа», так что экипажу корабля удалось подвести аварийные трубы, прорезать корпус катера и извлечь всех, кто в нем находился. Они успели отстрелить поврежденный катер прежде, чем тот взорвался и «Триумф» ушел с орбиты, избежав мести цетагандийцев. И вот операция, которая начиналась как простая, легкая и тайная, опять превратилась в ту героическую неразбериху, которую Майлз начал уже ненавидеть. Неразбериху, конечно, а не героизм.

Результат после надрывающей сердце первой помощи: двенадцать тяжело раненных, семеро не поддаются поддержанию жизни в условиях «Триумфа» и криогенно заморожены в надежде на последующую помощь, трое окончательно и необратимо мертвы. Теперь предстоит узнать, сколько из тех семерых должны перейти в третью категорию. Лица, имена, сотни ненужных сведений водопадом обрушились в его сознание. Первоначально он планировал находиться на борту того последнего катера, но вылетел раньше — возникли непредвиденные обстоятельства...

— Может, они и не в таком уж плохом состоянии, — сказала Куин, читая по лицу его мысли. Она протянула руку, он встал с вещмешка и взял сумку.

— Я сам столько времени провел по больницам, что не могу не сопереживать им, — объяснил он свою мрачность. Хотя бы одну идеальную операцию! Чего бы только он не дал за одну идеальную операцию, где не случалось бы ничего непредвиденного! Может, следующая будет именно такой...

Больничный запах ударил Майлзу в нос сразу же, как только они с Куин вошли в двери Восстановительного центра Бошена — клиники, специализирующейся на криотерапии, с которой дендарийцы наладили отношения на Эскобаре. Этот запах не был неприятным — не вонь, а просто странная острота кондиционированного воздуха. Но в его жизни эта гамма запахов была четко связана с болью, и сердце учащенно забилось. Он

сделал глубокий вдох и осмотрелся. Вестибюль был оформлен по последнему слову технозаведений всего Эскобара: чистый, но обставленный дешево. Основные деньги вложены в помещения наверху — в криооборудование, лаборатории по регенерации тканей, операционные.

Один из старших партнеров фирмы, доктор Арагонс, спустился встретить их и провести наверх, в свой кабинет. Майлзу кабинет Арагонса понравился: он был беспорядочно завален инфодисками, историями болезни и оттисками журнальных статей — среда технократа, увлеченного своим делом. И сам Арагонс ему тоже понравился: крупный добродушный мужик с бронзовой кожей, благородным профилем и седеющими волосами, дружелюбный и прямой.

Доктор Арагонс был огорчен, что не может сообщить о более успешных результатах.

— Вы привозите нам такое безобразие и ожидаете чудес, — пожаловался он, неловко поворачиваясь в кресле, когда Майлз с Куин уселись. — Если хотите обеспечить себе чудеса, вам следует начинать, когда вы только готовите моих бедняг-пациентов к лечению.

Арагонс никогда не употреблял слово «трупольдышки» или подобные прозвища, придуманные солдатами. Он всегда говорил «мои пациенты». И это Майлзу тоже в нем нравилось.

— Как правило, к сожалению, наши потери происходят не на регулярной и размеренной основе, — ответно извинился Майлз. — В данном случае в лазарет одновременно попали двадцать восемь человек с самыми разнообразными повреждениями: глубокими травмами, ожогами, химическим отравлением... Первая помощь некоторое время была чудовищной, пока не стало ясно, что к чему. Мои люди сделали все, что могли. — Он помедлил. — Как вы считаете, будет смысл послать на повышение квалификации наших медтехников, и если да, то не согласитесь ли вы вести семинар?

Арагонс развел руками и задумался.

— Возможно, удастся что-то устроить... Перед уходом поговорите с администратором Маргарой.

Куин дождалась кивка Майлза и сделала пометку на плате отчета.

Арагонс вызвал на экран комма истории болезни:

— Сначала о самом плохом. Мы ничем не смогли помочь мистеру Ки и мисс Зелласки.

— Я... видел, какое ранение в голову получил Ки. Я не удивлен. — Раскололась, как арбуз... — Но у нас была свободная криокамера, вот мы и решили попробовать.

Арагонс понимающе кивнул:

— У мисс Зелласки была та же проблема, хотя и не настолько очевидная. Во время травмы мозговое кровообращение было настолько нарушено, что кровь из ее мозга не уда-

лось вывести надлежащим образом и соответственно наполнить мозг криожидкостью. Из-за кристаллов, образовавшихся при замораживании, и множественных гематом мозговые функции оказались полностью нарушены. Мне очень жаль. Их тела сейчас хранятся у нас в морге в ожидании ваших инструкций.

— Ки хотел, чтобы его тело было возвращено для погребения его семье. Пусть ваш морг подготовит и отправит его обычным порядком. Мы сообщим адрес. — Он мотнул головой в сторону Куин, которая сделала еще одну пометку. — У Зеласски не числится никаких родных — некоторые дендарийцы не хотят или не могут указать своих близких, и мы не настаиваем. Но она как-то раз говорила своим приятелям в отряде, как бы она хотела быть погребенной. Пожалуйста, кремируйте ее останки и направьте их на «Триумф».

— Хорошо.

Арагонс убрал с экрана истории болезни, и они исчезли, как отлетевшие души. На их место он вызвал следующие.

— Ваши мистер Дурэм и мисс Вайфиан оправились от ран только отчасти. Оба страдают тем, что я охарактеризовал бы как нормальную посттравматическую и криоамнезию. У мистера Дурэма потеря памяти более обширная — отчасти из-за осложнений в связи с мозговыми пилотскими имплантатами, которые нам пришлось удалить.

— А он сможет получить новый имплантат?

— Пока об этом говорить рано. Я бы сказал, что у обоих долгосрочный прогноз благоприятный, но они по крайней мере год не смогут вернуться в строй. И потом им понадобится значительная переподготовка. В обоих случаях я настоятельно рекомендую, чтобы они возвратились к себе домой, к семьям, если это возможно. Знакомая обстановка обеспечивает и стимулирует восстановление сохранившихся воспоминаний — со временем.

— Семья лейтенанта Дурэма — на Земле. Мы позаботимся, чтобы он туда попал. Техник Вайфиан — со станции Клайн. Посмотрим, что можно сделать.

Куин энергично кивнула, делая новые пометки.

— Тогда я сегодня же могу их выписать. Здесь мы сделали все, что могли, а для остального достаточно обычных условий. Так... остается ваш мистер Азиз.

— Мой рядовой Азиз, — согласился с этим утверждением Майлз. Азиз три года служил у дендарийцев, подал заявление на офицерскую подготовку и получил положительное решение. Двадцать один год.

— Мистер Азиз... снова жив. То есть его тело существует без помощи искусственных средств, не считая некоторых проблем с внутренней терморегуляцией, которые, похоже, решаются сами собой.

— Но у Азиза не было ранений в голову. Что случилось? — спросил Майлз. — Вы хотите сказать, что он будет вести чисто растительное существование?

— Боюсь, мистер Азиз стал жертвой плохой предварительной подготовки. Создается впечатление, что кровь у него отводилась поспешно и процедура была проведена недостаточно тщательно. Небольшие замерзающие капли крови создали у него в мозгу сеть омертвевших участков. Мы их удалили и начали рост новых, которые успешно прижились. Но его личность потеряна безвозвратно.

— Вся?

— У него могли сохраниться тревожащие обрывки воспоминаний. Сны. Но он не может восстановить нейронные пути через новые цепочки, потому что сама ткань исчезла. Новый человек начнется с почти младенческого состояния. Помимо всего прочего, он утратил речь.

— У него восстановится интеллект? Со временем?

Арагонс слишком долго молчал:

— Через несколько лет он, возможно, будет в состоянии выполнять достаточно простые действия, чтобы жить самостоятельно.

— Понятно, — вздохнул Майлз.

— Что вы хотите с ним сделать?

— У него тоже нет сведений о близких. — Майлз протяжно вздохнул. — Переведите его в Центр длительной опеки здесь, на Эскобаре. Такой, чтобы там было хорошее лечебное отделение. Я попрошу вас рекомендовать нам такое. Я создам фонд, из которого будут оплачиваться все расходы до той поры, как он сможет жить самостоятельно. Сколько бы времени на это ни потребовалось.

Арагонс кивнул, и они с Куин сделали соответствующие пометки.

Уладив еще несколько административно-финансовых вопросов, они закончили совещание. Майлз настоял на том, чтобы зайти повидать Азиза и только потом забрать двоих выздоравливающих.

— Он не узнает вас, — предупредил доктор Арагонс, когда они входили в палату.

— Ничего.

На первый взгляд Майлз решил, что Азиз не выглядит так, что краше в гроб кладут, несмотря на уродливую больничную рубаху. Цвет лица у него был хороший, но он лежал, запутавшись в одеялах, худой и равнодушный. У кровати были подняты боковины, неприятно напоминая колыбель или гроб.

Куин встала у двери, скрестив руки. У нее тоже больницы и восстановительные центры сидели в печенках.

— Аззи, — мягко окликнул Майлз, наклоняясь к нему. — Аззи, ты меня слышишь?

Взгляд Азиза на мгновение остановился на нем.

— Я знаю, что ты меня не узнаешь, но потом, может быть, ты об этом вспомнишь. Ты был хорошим солдатом, умным и сильным. Ты не подвел своих товарищей во время катастрофы. У тебя была та собранность, которая спасает жизни окружающим... — «Но не тебе самому». — Завтра тебя переведут в другую больницу, где тебе помогут выздоравливать дальше. — «Среди незнакомых людей. Опять незнакомых». — О деньгах не беспокойся. Я устрою так, чтобы их у тебя было столько, сколько нужно. — «Он не знает, что такое деньги». — Я буду время от времени справляться о тебе, — пообещал Майлз. Кому он это обещал? Азизу? Азиза больше нет. Себе самому? Голос его звучал все тише и тише.

Слуховая стимуляция заставила Азиза забиться и издать громкий бессмысленный стон. Даже сквозь фильтр надежды Майлз не смог воспринять это как попытку общения. Одни только животные рефлексы.

— Всего доброго, — прошептал он и ушел, на мгновение остановившись в коридоре, чтобы справиться с дрожью.

— Зачем ты это себе устраиваешь? — резко спросила Куин.

— Во-первых, он фактически умер за меня, — он попытался говорить непринужденно, — а во-вторых, разве ты не чувствуешь определенную навязчивую потребность смотреть в лицо тому, чего ты боишься сильнее всего?

— А ты сильнее всего боишься смерти? — с любопытством спросила она.

— Нет. Не смерти. — Он потер лоб, медля с ответом. — Потери разума. Всю жизнь мой план заключался в том, чтобы заставить принимать вот это, — он провел рукой по всей длине своего тела, — потому, что я — сообразительный маленький подонок и могу перехитрить любого противника и доказать это сколько угодно раз. Без мозгов... — «Без мозгов я ничто». Он выпрямился, справляясь с болезненным напряжением, пожал плечами и кривовато улыбнулся. — Пошли, Куин.

После Азиза общаться с Дурэмом и Вайфиан было легко. Они могли ходить и говорить — пусть запинаясь, а Вайфиан даже узнала Куин. Они привезли их в космопорт на арендованной машине, и Куин несколько смягчила свой обычный агрессивный стиль вождения. Там Майлз посадил Дурэма рядом с товарищем-пилотом, и к концу перелета Дурэм вспомнил не только имя этого человека, но и некоторые приемы пилотирования. Майлз передал обоих выздоравливающих медтехнику, встретившему их в коридоре стыковочного

узла, и тот увел их в лазарет, чтобы они могли лечь после путешествия. Майлз проводил их взглядом и почувствовал себя немного лучше.

— Недешево, — заметила Куин.

— Да, — вздохнул Майлз. — Затраты на реабилитацию — значительная доля медбюджета. Возможно, мне придется приказать бухгалтерии разделить их, чтобы медицина не оказалась в загоне. Но что ты хочешь? Мои люди проявляют безмерную верность — я не могу их предавать. Кроме того, — он мимолетно ухмыльнулся, — платит-то Барраярская империя.

— Мне показалось, что на брифинге твой шеф из Службы безопасности был недоволен твоими счетами.

— Иллиану приходится объяснять, почему каждый год из его бюджета исчезает сумма, на которую можно экипировать небольшую армию. Некоторые имперские ревизоры склонны обвинять его в неэффективной организации работы.

Дендарийский пилот, отключив системы катера, вышел в коридор, закрыв за собой люк. Он кивнул Майлзу.

— Пока я ждал вас в порте Бошен, сэр, я услышал в местных новостях короткое сообщение, которое может вас заинтересовать. Здесь, на Эскобаре, это только короткое маловажное сообщение.

— Ну, сержант Лажуи, — вопросительно приподнял бровь Майлз.

— Цетагандийцы только что объявили, что уходят с Мэрилака. Они называют это... как там... «В связи с огромным прогрессом в культурных связях мы передаем внутренние вопросы местной полиции».

Майлз торжествующе сжал кулаки.

— Другими словами, они бросили свое марионеточное правительство! Ха! — Он несколько раз подпрыгнул на одной ножке и хлопнул Куин по плечу. — Слышала, Элли! Мы победили! Я хочу сказать — они победили, мэрилаканцы!

«Наши жертвы оправданны...»

Он сглотнул комок в горле, чтобы не разрыдаться или не устроить еще какой-нибудь дури.

— Сделайте одолжение, Лажуи. Передайте это по флоту. Скажите им: «Вы, ребята, хорошо поработали». А?

— Есть, сэр. С удовольствием.

Сияющий пилот отдал честь и поспешил исполнить приказ.

Майлз торжественно улыбнулся.

— Видишь, Элли! То, что только что приобрел Саймон Иллиан, все равно обошлось бы дешево, заплати он хоть в тысячу раз больше. Полномасштабное цетагандийское вторжение сначала замедлено, потом приостановлено, потом дезорганизовано — и, наконец, разбито! — И яростно прошептал: — И это сделал я!

Куин тоже улыбалась, но несколько иронично.

— Это прекрасно, но, если я правильно поняла подтекст, барраярская Служба безопасности хотела, чтобы цетагандийская военщина втянулась в партизанскую войну на Мэрилаке. На неопределенно долгое время. Отвлекая цетагандийцев от барраярских границ и п-в-туннелей.

— Они это нигде не записали, — ощерился Майлз. — Саймон сказал только: «По мере возможности помогай мэрилаканцам». Именно так и был сформулирован его приказ.

— Но тебе же прекрасно известно, чего он хотел!

— Четыре кровавых года — больше чем достаточно. Я не предал Барраяр. И никого не предал.

— Ага? А если Саймон Иллиан настолько хитроумнее тебя, то каким образом прошел все-таки твой вариант? Майлз, когда-нибудь у тебя закончатся все отговорки — и что ты тогда будешь делать?

Он улыбнулся и покачал головой, отказываясь отвечать.

Майлз как на крыльях летел к своей каюте на «Триумфе». Оглянувшись, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, он обнял и поцеловал Куин — крепким поцелуем, которого им должно было хватить надолго, — и она ушла к себе. Он вошел в каюту, и за ним со вздохом сомкнулись двери, эхом повторив его собственный вздох. Снова дома.

Это действительно дом — для половины его «я», подумал Майлз, швыряя сумку на кровать и направляясь в душ. Десять лет назад лорд Майлз Форкосиган в момент крайней необходимости изобрел для прикрытия адмирала Нейсмита и отчаянно блефовал, прибирая к рукам поспешно переименованных дендарийских наемников. Барраярская Служба безопасности обнаружила, что это прикрытие небесполезно... Нет. Надо отдать должное тем, кто этого заслуживает: это он сам убеждал, интриговал, и заставлял Безопасность найти этому прикрытию применение.

«Осторожнее выбирай, кем притворяться. А то можешь им стать».

Когда адмирал Нейсмит перестал быть только прикрытием? Конечно, это происходило постепенно, но главным образом после ухода в отставку его наставника — коммодора Танга. Или, возможно, хитроумный Танг первым понял, что больше нет необходимости поддерживать «адмирала Найсмита». Пока Майлз принимал душ, у него перед глазами роились разноцветные диаграммы организации Свободного флота дендарийских наемников. Персонал — оборудование — управление — снабжение... Он знал каждый корабль, каждого бойца, каждый катер, каждую единицу вооружения. Он знал, как это все сочетается между собой, что надо делать в первую, вторую, третью, двадцать пятую очередь... Как поместить четко выверен-

ную силу на наиболее решающую тактическую позицию. Вот что такое опыт: он может посмотреть на корабль вроде «Триумфа» и мысленным взором увидеть сквозь стены все технические детали, все сильные и слабые места... Посмотреть на отряд коммандос или на стол, вокруг которого на брифинге сидят капитаны и капитаны-владельцы, и знать, что сделает или скажет каждый, прежде чем они сами будут это знать.

«Я на пике. Наконец-то. Я на самой вершине. С помощью этого рычага я могу двигать целые миры».

Он переключил душ на режим сушки, ощутив волну теплого воздуха. Он вышел из душа, все еще посмеиваясь.

«Это как раз по мне».

Его смех изумленно замер, когда он открыл дверцу шкафа с мундирами и обнаружил, что шкаф пуст. Неужели денщик забрал все в чистку и починку? Со всевозрастающим изумлением он проверил другие ящики и обнаружил только остатки совершенно гражданских костюмов, которые надевал, когда требовалось растянуть цепочку ложных персон и выступить в роли дендарийского шпиона. Плюс самое поношенное нижнее белье. Это что — розыгрыш? Если так, то он посмеется последним. Голый и рассерженный, он рывком открыл шкафчик, в котором жила его космическая броня. Пуст. Это его потрясло. «Кто-то, должно быть, унес ее в технический отдел для калибровки или тактического программирования, или еще за чем-нибудь». Но денщик должен был бы уже ее вернуть. А что, если она срочно понадобится?

Пора. Люди уже собираются. Куин как-то утверждала, что он мог бы появиться на людях нагишом — и только заставил бы окружающих чувствовать себя неловко из-за того, что они одеты. На мгновение ему захотелось проверить это утверждение, но по зрелом размышлении он все же надел рубаху, брюки и сандалии, в которых прилетел. Ему не нужен мундир, чтобы вести брифинг, — уже не нужен.

По дороге на собрание он догнал в коридоре Сэнди Герелд, возвращавшуюся с дежурства, и дружески ей кивнул. Она повернулась и изумленно попятилась.

— Вы вернулись, сэр! Вот это быстро!

Он не стал бы характеризовать длившуюся несколько недель поездку в имперскую штаб-квартиру на Барраяре как быструю. Наверное, она имеет в виду его полет на планету.

— Это заняло всего пару часов.

— Что? — Она наморщила носик. Она продолжала пятиться, пока не уперлась в конец коридора.

Его ждал конференц-зал, полный старших офицеров, собравшихся на брифинг. Помахав рукой, он нырнул в лифтовую шахту.

Сидевшие вокруг темного полированного стола были успокаивающе знакомы. Капитан «Триумфа» Озен. Элен

Ботари-Джезек, недавно получившая повышение, став капитаном «Перегрина». Ее муж, коммодор Баз Джезек. Главный инженер флота, он в отсутствие Майлза отвечал за весь ремонт и переоборудование дендарийского флота на орбите Эскобара. Эта чета, оба барраяры, вместе с Куин были среди тех немногих, кто знал о двойной жизни Майлза. Капитан «Партизана» Трузилло и еще дюжина других, проверенных и верных. Его люди.

Бел Торн с «Ариэля» опаздывал. Странно. Одной из главных черт Торна было неутолимое любопытство: для бетанского гермафродита брифинг перед новой операцией был все равно что подарок к Зимнепразднику. Майлз повернулся к Элен Ботари-Джезек, чтобы поболтать, пока они будут дожидаться.

— Тебе удалось навестить мать на Эскобаре?

— Да, спасибо. — Она улыбнулась. — Было... приятно немного побыть вместе. Мы поговорили о таких вещах, о которых не могли говорить при первой встрече.

Майлз решил, что это было полезно им обеим. Казалось, взгляд Элен стал немного менее напряженным. Постепенно все будет лучше и лучше.

— Хорошо.

Он повернулся к вновь раздвинувшимся дверям — но это была только Куин, беззаботно вошедшая с пачкой секретных дел. Она снова оделась в повседневный офицерский мундир и выглядела непринужденно, но по-деловому. Элли вручила дела Майлзу, он загрузил их в комм-устройство и подождал еще минуту. Бел Торн по-прежнему не появлялся.

Разговоры затихли. Офицеры внимательно смотрели на него, призывая начать серьезный разговор. Нечего стоять и грызть ногти. Прежде чем включить дисплей, он осведомился:

— Для опоздания капитана Торна есть причина?

Они посмотрели на него, потом переглянулись.

«Не может быть, чтобы с Белом что-то случилось, мне доложили бы сразу же».

Но все-таки сердце у него замерло.

— Где Бел Торн?

Взглядами все поручили говорить Элен Ботари-Джезек. Дурной знак.

— Майлз, — нерешительно проговорила она, — Бел должен был вернуться раньше тебя?

— Вернуться? Бел улетел?

Она смотрела на него так, словно он сошел с ума.

— Бел улетел с тобой на «Ариэле», три дня тому назад.

Куин резко подняла голову:

— Это невозможно.

— Три дня назад мы только подлетали к Эскобару, — объяснил Майлз. Холод в его груди превращался почти в

абсолютный. Он уже не чувствовал, что владеет собравшимися. Наоборот, их лица вдруг стали расплываться.

— Ты забрал с собой Зеленый отряд. На новую операцию, сказал Бел, — добавила Элен.

— Вот новая операция. — Майлз постучал по дисплею. Жуткое объяснение случившемуся начало возникать у него в уме, поднимаясь из ледяной черной дыры, образовавшейся в груди. Выражения лиц собравшихся тоже начали разделяться: меньшинство, знавшее о заварухе на Земле два года тому назад, пришло в ужас — да, они думают то же, что и он, — а остальные пришли в полное недоумение...

— И куда я направился? — осведомился Майлз. Ему показалось, что он говорит мягко, но некоторые явно содрогнулись.

— На Архипелаг Джексона.

Элен посмотрела ему прямо в глаза с таким же выражением, какое бывает у биолога, готовящегося препарировать неизвестное существо. Неожиданное недоверие...

«Архипелаг Джексона. Ну, это все».

— Бел Торн? «Ариэль»? Таура? На Архипелаге Джексона? — Майлз задохнулся. — Боже милостивый...

— Но если вы — это вы, — сказал Трузилло, — то кто был тут три дня назад?

— Если ты — это ты, — мрачно подчеркнула Элен. Те, кто был в курсе, смотрели на него так же мрачно.

— Видите ли, — объяснил Майлз той части собравшихся, которые недоумевали, — у некоторых бывают злобные близнецы. Мне повезло меньше. У меня — близнец-идиот.

— Твой клон, — сказала Элен.

— Мой брат, — механически поправил он.

— Маленький Марк Пьер, — сказала Куин. — Ах, дерьмо...

ГЛАВА 3

Тошнота подступила к горлу, стены покачнулись, в глазах потемнело. Странные ощущения п-в-перехода исчезли — как и появились — внезапно, но осталось долгое внутреннее эхо, словно после удара в гонг. Он глубоко вздохнул. Четвертый переход за время полета. «Ариэль» уже три дня в пути. До Архипелага Джексона еще пять — почти полпути.

Клон оглядел каюту Нейсмита. Дольше скрываться невозможно, ни под предлогом болезни, ни под предлогом нейсмитовской черной депрессии. Он должен во всех подробностях обсудить с Торном предстоящую операцию — налет дендарийских наемников на ясли клонов. Ну что ж, нельзя

сказать, что эти три дня прошли впустую, по крайней мере он успел изучить вахтенные журналы «Ариэля» за последние два года — с момента своей первой встречи с дендарийцами.

Увы, как раз об этой самой встрече — встрече адмирала Нейсмита со своим клоном на старой Земле — в журнале почти ничего не говорилось. Зато во множестве попадались записи о реабилитации раненых, о переоборудовании, о сварах с поставщиками и о брифингах инженеров. И только один приказ, имевший отношение к его, клона, похождениям: после сообщения о том, что на Земле видели клона адмирала Нейсмита, следовало предупреждение, что клон может попытаться выдать себя за адмирала. Давалась ошибочная информация, что при сканировании в ногах клона видны нормальные кости. При задержании клона было приказано пользоваться только парализаторами. И все. Никаких объяснений, никаких поправок, никаких дополнительных сведений. Все доклады Нейсмита-Форкосигана высшему командованию были преимущественно устными и документально не фиксировались — все хранилось в тайне от дендарийцев. Ну что ж, а вот это как раз на пользу.

Откинувшись в кресле, он угрюмо смотрел на экран комма. В дендарийских данных его называли Марком.

«Это еще одна вещь, которую на Барраяре не выбирают, — сказал ему Майлз Нейсмит Форкосиган, — Марк Пьер. Ты — лорд Марк Пьер Форкосиган. На Барраяре титул дается с рождения».

Но он не на Барраяре и сделает все, от него зависящее, чтобы никогда там не оказаться.

«Ты мне не брат, и Мясник Комарры мне не отец, — в тысячный раз мысленно возразил он. — У меня нет матери. Я — из репликатора».

Но с тех пор сомнения уже не оставляли его, и он не мог больше радоваться очередному удачному псевдониму. Внушительные имена, простые имена, причудливые имена, странные, обычные, глупые... Дольше всего он прожил под именем Яна Фандермарка — первое, неуверенное приближение к осознанию себя как личности.

«Тебя зовут Марк! — кричал Майлз, когда его волокли — он тогда не сомневался — на смерть. — Марк! Слышишь?»

«Я не Марк и не брат тебе, слышишь, ты, псих!»

Он сопротивлялся горячо, отчаянно, изо всех сил, но когда эхо протеста стихло, он вдруг осознал, что он — никто. Вообще никто.

Дико разболелась голова: боль вползла по позвоночнику, через шею и растеклась под кожей.

«Не брат тебе». Но если быть абсолютно честным, Нейсмита никак нельзя обвинить в том, что он сознательно навязал своему клону жизнь. Да, разумеется, они генетически

идентичны. А может, просто все дело в... в намерении? И в том, кто платит деньги?

Во время последних судорог комаррского сопротивления, когда из какой-то клиники на Барраяре был похищен образец ткани, лорду Майлзу Нейсмиту Форкосигану едва исполнилось шесть лет. Майлз как таковой ни на Барраяре, ни на Комарре ни для кого не представлял интереса. В центре внимания находился его отец. Адмирал граф Эйрел Форкосиган, регент Барраяра, Покоритель (или Мясник) Комарры. Эйрел Форкосиган приложил все усилия, чтобы завоевать Комарру для Барраярской империи. И сделался объектом ненависти и мести Комаррского Сопротивления. Со временем надежда на успех Сопротивления угасла. Надежда отомстить, напротив, росла, питаясь горечью изгнания. Лишившись армии, оружия и какой бы то ни было поддержки, единственная группа комаррцев строила планы медленной безумной мести. Ударить по отцу через сына, которого он, как известно, обожает...

Комаррцы, как чернокнижник из легенды, заключили сделку с дьяволом и создали гомункулуса. Незаконнорожденный клон, подумал он с горькой усмешкой. Но потом все пошло не так. Майлз — калека, отравленный еще до рождения очередным смертельным врагом своего отца, развивался совершенно непредсказуемо, чего нельзя было сказать о его генетической копии... Это и стало первым ключом к разгадке, подумал он. Когда другие клоны ходили к врачам лечиться, они возвращались еще более крепкими и здоровыми и росли быстрее. Когда к врачам ходил он — а такое случалось очень часто, — после мучительных процедур он заболевал и словно прекращал расти. Скобы, которые ему накладывали на кости, на шею, на спину, превратили его в горбатого карлика — точное подобие Майлза.

«Я мог бы вырасти нормальным, не будь Майлз Форкосиган калекой».

Когда он понял, какова истинная цель создания остальных клонов — а среди детей, несмотря на все старания воспитателей, ходили самые разные слухи, — он даже втайне обрадовался своему физическому уродству. Едва ли они надумают использовать такое тело для пересадки мозга. Может, его сочтут непригодным, может, он еще избавится от любезных, улыбчивых слуг-тюремщиков...

Реальное избавление — в четырнадцать лет, когда за ним прибыли комаррские владельцы, — походило на чудо. А потом началась подготовка. Бесконечная суровая муштра, зубрежка, промывание мозгов. Сначала судьба — любая судьба — казалась счастьем по сравнению с тем, что ожидало его друзей-клонов. Он упорно готовился подменить Майлза и отомстить злым барраярцам за родную Комарру (которую, надо сказать, он никогда не видел). Но обучаясь на Майлза Форкосигана,

он оказался в той же ситуации, что и знаменитый заяц из парадокса Зенона, который никогда не сможет догнать черепаху. Сколько бы он ни узнавал, как бы отчаянно ни зубрил, как сурово ни наказывали его за ошибки, Майлз учился быстрее и всегда знал больше. Как только клон достигал очередной точки, его близнец вновь оказывался впереди — не важно, в интеллектуальном или в каком-либо ином плане. Это были настоящие гонки.

А потом, когда комаррцы решили осуществить подмену, начались гонки в самом прямом смысле слова. Они гонялись за неуловимым Майлзом Форкосиганом по всей Галактике, даже не подозревая, что когда исчезает лорд Майлз Форкосиган, появляется адмирал Нейсмит. Комаррцы так ничего и не узнали. И лишь случай в конце концов свел два года назад на Земле Майлза и его двойника.

Но комаррцы просчитались. Они не предусмотрели главного: когда вся эта безумная гонка только начиналась, клон — после психологической обработки — был всецело предан «старым революционерам» и готов на все. Разве не они спасли его от обычной судьбы клона? Восемнадцать месяцев он путешествовал, восемнадцать месяцев наблюдал, восемнадцать месяцев слушал сводки новостей без всякой цензуры. Ему даже удалось познакомиться с новыми людьми! И тогда в глубине души зародилось сомнение. И немудрено — ведь нельзя же, получив такое образование, как у Майлза Форкосигана, не научиться думать. А тут еще операция по замене его совершенно нормальных костей ног на синтетические только потому, что Форкосигану размозжило ноги. Поразительно болезненная операция. А что, если в следующий раз Форкосиган сломает себе шею? Постепенно он начал осознавать, что происходит.

Когда ему по кусочкам забивали голову лордом Форкосиганом, это тоже была пересадка мозга, пусть и без виброскальпелей. «Кто строит планы мести, должен готовить две могилы». Но комаррцы-то копали вторую могилу ему! Человеку, которым ему так и не позволили стать, человеку, которым он мог бы стать, если бы его электрошоками не заставляли становиться кем-то другим.

Иногда он уже не знал, кого больше ненавидит: дом Бхарапутра, комаррцев или Майлза Нейсмита Форкосигана.

Фыркнув, он отключил комм и встал, чтобы вынуть из кармана мундира драгоценный куб данных. Подумав немного, он еще раз умылся и побрился, прежде чем надеть свежий мундир дендарийского офицера. Пусть дендарийцы видят только отглаженную оболочку, а не человека под ней...

Он приготовился, вышел из каюты, пересек коридор и нажал сигнал у двери капитана-гермафродита.

Никакой реакции. Он позвонил еще раз. Наконец послышался голос Торна:

— Да?

— Это Нейсмит.

— А, Майлз! Входи.

Дверь скользнула в сторону, и он вошел, только тут поняв, что причиной промедления было то, что он разбудил Торна. Тот приподнялся на локте в постели: каштановые волосы растрепаны, рука только отодвигается от ключевой пластины, открывшей дверь.

— Извините, — сказал он, попятившись, но дверь уже закрылась.

— Ничего-ничего, все в порядке, — гермафродит сонно улыбнулся и, потянувшись, гостеприимно похлопал по кровати прямо перед своим укрытым одеялом... животом. — Для вас — в любое время. Садитесь. Хотите, разомну вам спину? Вы какой-то весь зажатый.

На Торне была явно женская ночная рубашка, вся в кружевах и оборках, с глубоким вырезом, в котором виднелась грудь.

Опасливо покосившись на Торна, клон прошел к креслу. Во взгляде Торна мелькнула насмешка. «Нейсмит» откашлялся.

«Мне следовало бы проверить расписание дежурств. Адмирал Нейсмит, наверное, знает распорядок дня своих капитанов».

— Пора, давно пора. Я рад, что вы наконец вернулись к реальности. Что вы, к дьяволу, делали там, где провели последние восемь недель, Майлз? Кто умер?

— Никто. Ну, надо полагать, восемь клонов.

— Гм... — Торн задумчиво кивнул, встряхнулся — вся его обольстительность разом исчезла — и протер глаза, словно стирая остатки сна. — Чаю?

— Естественно. Или... э-э... может, мне лучше прийти, когда вы выспитесь?

«Или когда вы оденетесь».

Капитан — весь в кружевах и оборочках — вылез из-под одеяла.

— Ну уж нет. Мне все равно через час вставать. Я давно этого жду.

Прошлепав по каюте, он приступил к ритуалу заваривания чая.

Поставив куб данных на пульт комма, клон стал ждать из вежливости и практических соображений, пока капитан первым отхлебнет горячую черную жидкость и окончательно проснется. Ну что стоило надеть мундир!

Когда Торн подошел ближе, он включил дисплей.

— У меня есть подробная голокарта главного медкомплекса дома Бхарапутра. Этим данным не больше четырех месяцев. Плюс расписание смены часовых и маршруты обходов — охрана там получше, чем в обычных больницах, скорее

как в военных лабораториях, но все-таки это не крепость. Они заботятся только о том, чтобы не допустить местных с целью воровства. И конечно, чтобы никто из пациентов не сбежал.

И эти данные стоили ему почти всего состояния.

Цветокодированное изображение развернулось световыми линиями и плоскостями над видеопластиной. Комплекс был огромным скоплением строений, туннелей, лечебных садов лабораторий, мини-производственных участков, посадочных площадок, гаражей... Там было даже две площадки для катеров, чтобы выходить прямо на орбиту.

Торн поставил чашку, склонился над комм-пультом и с интересом всмотрелся в изображение. Взяв дистанционное управление, он покрутил карту, уменьшил ее, разбил на части.

— Значит, в первую очередь мы захватим площадки для катеров?

— Нет. Всех клонов держат здесь, в западной части комплекса: это нечто вроде хосписа. Я прикинул, если мы приземлимся вот тут, на спортплощадке, то окажемся у самых дортуаров. Естественно, меня мало волнует, что повредит катер при посадке.

— Естественно, — по лицу капитана скользнула усмешка. — Время?

— Я хочу провести операцию ночью. Не столько ради прикрытия — боевой катер нам все равно не спрятать, но потому, что только ночью все клоны находятся в доме. Днем они играют, занимаются спортом, плавают, ну и так далее.

— И учатся?

— Нет, не совсем. Они не учат их ничему сверх того, что нужно для примитивного общения. Если клон способен сосчитать до двенадцати и прочесть надпись, этого достаточно. Мозги на выброс. — Поэтому он тоже догадался, что не такой, как все. Настоящий человек-учитель познакомил его со множеством компьютерных обучающих программ. В отличие от его следующих учителей — комаррцев, программы готовы были повторять все бесконечно и никогда его не наказывали, никогда не сыпали проклятиями и не кричали, не били его и не заставляли напрягаться, пока его не рвало или он терял сознание... — Но несмотря на это, клоны подбирают удивительно много информации. Массу сведений — из игр с виртуальной реальностью. Умненькие ребятишки. Мало у кого из этих клонов были тупые родители, иначе они не накопили бы столько денег, чтобы купить себе такое продление жизни. Может, они безжалостные, но не тупые.

Торн сощурился, расчленяя карту на дисплее, разбирая здания слой за слоем, изучая планы...

— Итак, дюжина вооруженных до зубов дендарийцев в полночь выхватывает из сладкого сна пятьдесят—шестьдесят ребятишек... они знают, что мы появимся?

— Нет. Кстати, скажите участникам операции, что с виду они совсем не похожи на детей. Мы берем их с последнего года развития. Им всем по десять-одиннадцать лет, но из-за ускоренного развития они выглядят совсем как взрослые.

— Неуклюжие?

— Нет. Они получают великолепную физическую подготовку. Здоровые как черти. В этом причина, почему их просто не держат в автоклаве до самой трансплантации.

— Они... знают? Знают, что с ними произойдет? — нахмурившись, спросил Торн.

— Им не говорят, нет. Их кормят всевозможными баснями. Говорят, что они в специальной школе из соображений безопасности, что им что-то угрожает. Что все они — принцы или принцессы, или богатые наследники, или дети военных, и в один прекрасный день, очень скоро их родители, тетки или опекуны приедут за ними и увезут к блестящему будущему... а потом в конце концов кто-то приходит и, улыбаясь, подзывает к себе и говорит, что этот прекрасный день настал, и они бегут... — Он сглотнул. — ...И собирают вещи, и хвастаются...

Торн — весь бледный — машинально постукивал дистанционным пультом по ладони.

— Понимаю...

— И уходят, счастливые, рука об руку со своими убийцами...

— Довольно, Майлз! Вы так живо все это рассказываете, что еще минута — и я расстанусь со вчерашним обедом.

— Ну почему же? Мне казалось, вы уже давно все это знаете, — съязвил клон. — С чего это вам вдруг стало тошно?

Он заставил себя скрыть горечь. Нейсмит. Он должен быть Нейсмитом.

Торн сверкнул глазами:

— В прошлый раз именно я готов был зажарить их с орбиты. А вы мне не позволили. Или вы забыли?

«Что еще за «прошлый раз»?» Явно не в последние три года. Проклятие, опять придется копаться в вахтенном журнале!

Он пожал плечами.

— Так, — сказал Торн. — А эти... как их... большие детишки... не решат, что мы — враги их родителей, которые вознамерились похитить их перед самым возвращением домой? По-моему, тут мы столкнемся с некоторыми трудностями.

— Может быть, и нет. У детей... есть своя собственная культура. Передается из года в год. Ходят слухи. Страшные рассказы. Сомнения. Говорю вам — они не глупые. Их взрослые надсмотрщики стараются искоренить эти истории, высмеивают их, перемешивают с другими, явно лживыми.

И все же... его они не обманули. Но ведь он прожил в яслях гораздо дольше, чем остальные. У него было время увидеть, как клоны приходят и исчезают, видеть, как по-

вторяются истории, дублируются псевдобиографии... было время заметить, как крошечные ошибки и оговорки надсмотрщиков складываются в целое.

— Если так... — Он чуть было не сказал: «Если все так, как было при мне...», но успел остановиться. — Я смогу их убедить. Предоставьте это мне.

— С превеликим удовольствием. — Торн поставил стул вплотную к его креслу, уселся и быстро ввел кое-какие заметки о подготовке операции и плане атаки, о том, кто пойдет в атаку, а кто будет обеспечивать поддержку, наметил пути по зданиям. — Два дортуара? — с любопытством спросил он, указывая пальцем. Ногти у Торна были коротко подстрижены и не накрашены.

— Да. Мальчиков держат отдельно от девочек, довольно строго. Клиенты женщины (обычно женщины) желают получить девственное тело.

— Ясно. Так. Нам каким-то чудом удается загрузить всех этих ребятишек раньше, чем бхарапутряне успеют собрать силы для ответного удара...

— Да. Скорость имеет огромное значение.

— Как обычно. Но бхарапутряне на нас обрушатся при малейшей задержке. В отличие от мэрилаканцев на Дагуле, у вас нет нескольких недель, чтобы обучить этих ребятишек правилам посадки в катер. Так что, если...

— Как только клоны окажутся на катере, они фактически станут нашими заложниками. С ними на борту мы можем не бояться огня на поражение. Бхарапутра не станет рисковать своими инвестициями, пока у них будет надежда вернуть хоть что-то.

— Как только они решат, что надежды больше нет, они начнут активно мстить — чтобы другим неповадно было.

— Верно. Нам надо сделать так, чтобы у них оставались сомнения.

— Ну что же, если нам удастся поднять катер, они сделают все, чтобы отрезать нам пути к отступлению, то есть попытаются взорвать «Ариэль» на орбите, прежде чем мы до него доберемся.

— Скорость, — упрямо повторил он.

— Запасные варианты, милый мой Майлз. — Проснитесь. Обычно мне не приходилось по утрам прочищать вам мозги. Может, еще чаю? Нет? Я предлагаю, в случае задержки на поверхности, «Ариэлю» укрыться на Станции Фелл, а мы встретимся там.

— На Станции Фелл? Орбитальной? — Он недоумевал. — Почему?

— Ну, барон Фелл вроде бы продолжает вендетту против Бхарапутры и Риоваля, так ведь?

Внутренняя политика джексонианских домов — он знает о ней меньше, чем следовало бы. Ему даже не пришло в голову искать себе союзников среди других домов. Они все пре-

ступные, насквозь порочные и терпят друг друга или мешают друг другу в зависимости от того, что в данный момент выгоднее в борьбе за власть. И снова это упоминание о Риовале... Почему? Он отделался еще одним безмолвным движением плеч.

— Сидеть на Станции Фелл с пятьюдесятью клонами и ждать, пока Бхарапутра возьмет под контроль станции у переходов? Ничего себе выход! Никому из джексонианцев нельзя доверять. Все равно самая безопасная стратегия — убраться восвояси и как можно скорее совершить прыжок.

— Бхарапутра не сможет распоряжаться Переходной станцией пять — она принадлежит Феллу.

— Да, но я хочу вернуться на Эскобар. Там клоны смогут найти безопасное убежище.

— Послушайте, Майлз, переход туда принадлежит консорциуму, который контролирует Бхарапутра. Нам никогда не вернуться тем же путем, которым прилетели, если вы не приготовили еще какой-нибудь сюрприз... Нет? Тогда позвольте заметить, что лучшим способом отступления будет Переходная станция пять.

— Вы действительно видите в Фелле такого надежного союзника? — осторожно осведомился он.

— Ничуть. Но он — враг наших врагов. На этот раз.

— Но переход от Пятой ведет к Ступице Хеджена. Мы не можем переходить на цетагандийскую территорию, а второй возможный переход от Ступицы — к Комарре через Пол.

— Кружной путь, но гораздо более надежный.

«Не для меня! Это же Барраярская империя!»

— Ступица — Пол — Комарра — Зергияр и снова Эскобар, — с удовольствием перечислил Торн. — Знаете, это действительно может получиться.

Он сделал еще кое-какие пометки. Ночная рубашка струилась и переливалась в разноцветных огоньках дисплея. Потом он поставил локти на пульт и уперся подбородком в ладони. Грудь колыхалась под тонкой тканью. Лицо его стало мягко-задумчивым. Торн взглянул на него со странной, немного печальной улыбкой.

— Клонам когда-нибудь удавалось бежать? — тихо спросил Торн.

— Нет, — ответил он, быстро и автоматически.

— Конечно, если не считать вашего собственного клона.

Опасный поворот.

— Мой клон тоже не бежал. Его просто забрали заказчики.

Ему следовало бы пытаться бежать. Какую бы жизнь он вел, если бы ему это удалось?

— Пятьдесят ребятишек, — вздохнул Торн. — Знаешь... я действительно одобряю эту операцию.

Он подождал, пристально глядя на него блестящими глазами.

Чувствуя себя ужасно неловко, «Нейсмит» справился с глупым желанием сказать «спасибо», но не нашел никаких других слов. Возникла неловкая пауза.

— Наверное, — проговорил Торн после слишком затянувшегося молчания, — для кого-то, выросшего в таких условиях, должно быть, очень трудно доверять... людям. Чьему-то слову. Их благодарности.

— На... наверное.

Это просто пустой разговор или что-то гораздо более серьезное? Ловушка?

Торн, все с той же странной улыбкой, перегнулся через подлокотник его кресла, поймал его подбородок сильной изящной рукой и поцеловал его.

Он не знал — отшатнуться или ответить, поэтому не сделал ни того, ни другого, а только сидел, окосев от страха. Губы Торна были теплыми, пахли чаем и бергамотом. Неужели Нейсмит трахает... и это тоже? Если да, то как? Или по очереди?

«И будет ли это так уж плохо? — На фоне ужаса он ощутил и явное возбуждение. — Наверное, я готов был бы умереть за любящее прикосновение».

Он всегда был один.

Торн наконец отодвинулся, к его глубочайшему облегчению, но только немного, по-прежнему не выпуская его подбородок. Еще секунда полного молчания, и гермафродит грустно улыбнулся.

— Наверное, мне не следует вас дразнить, — вздохнул он. — Если уж говорить честно, то в этом есть некая жестокость.

Он отпустил его и встал. Вся чувственная томность куда-то вдруг исчезла.

— Сейчас вернусь.

Капитан прошагал в ванную и закрыл за собой дверь.

«Нейсмит» сидел в полной растерянности. Его трясло.

«О чем он говорил?» А откуда-то из другого уголка сознания: «Спорим, ты мог бы в этом полете расстаться с девственностью». И еще из одного: «Нет! Только не с этим!»

Это была проверка? Но прошел он ее или провалился? Торн не бросил ему обвинений, не вызвал вооруженную охрану. Может, капитан как раз сейчас планирует его арест, включив в ванной наручный комм. Бежать некуда: маленький корабль находится в глубинах космоса. Он обхватил себя за плечи. Потом с усилием заставил себя разжать руки и положил их на коммпульт, расслабившись.

«Скорее всего они меня не убьют».

Они просто вернут его к остальному флоту и предоставят Нейсмиту его убить.

Но в дверь не ворвался отряд охранников, а вскоре вернулся Торн. Щеголевато одетый в мундир — наконец-то! Он вынул куб данных из комм-устройства и сжал его в руке.

— Мы с сержантом Таурой серьезно займемся планированием.

— А, да. Пора.

Ему тяжело было выпускать этот драгоценный куб из рук. Но, похоже, в глазах Торна он все еще оставался Нейсмитом.

Торн поджал губы:

— Теперь, когда настало время брифинга отряда, вы не считаете разумным перекрыть связь «Ариэля» с флотом?

Прекрасная масль, хотя сам он не решился бы ее высказать, считая слишком подозрительной и странной. Может быть, для этих тайных операций она и не столь уж странная? У него не было точных сведений, когда настоящий Нейсмит должен вернуться к дендарийскому флоту, но, судя по тому, как спокойно его встретили наемники, адмирал ожидался вскоре. Последние три дня он жил в страхе, что вот-вот по направленному лучу придет приказ от настоящего адмирала и «Ариэль» повернет обратно.

«Еще несколько дней. Всего несколько дней, и я все оправдаю».

— Да. Так и сделайте.

— Слушаюсь, сэр. — Торн помедлил. — Как вы себя сейчас чувствуете? Все знают, что ваши провалы в черное отчаяние могут длиться неделями. Но если только вы как следует отдохнете, я уверен, что на планетной операции вы будете в форме. Мне передать, чтобы вас не дергали?

— Я... я бы это очень оценил, Бел. — «Вот это удача!» — Но держите меня в курсе, ладно?

— О, да. Можете на меня рассчитывать. Это обычный налет — если не считать того, что придется пасти стадо ребятишек, — но тут я положусь на ваш немалый опыт.

— Правильно.

Улыбнувшись и жизнерадостно отсалютовав, он сбежал по пустынному коридору в тихую гавань своей каюты. Все тело словно пульсировало от торжества и нервной головной боли, так что казалось, будто он парит в воздухе. Когда за ним задвинулась дверь, он упал на кровать и вцепился в покрывало.

«Это действительно произойдет!»

Позже, прилежно просматривая на комме вахтенные журналы, он наконец нашел упоминание о предыдущем визите «Ариэля» на Архипелаг Джексона четыре года назад. Достаточно непонятные упоминания. Они начались с потрясающе скучных подробностей, касающихся договора о вооружениях, которые следовало погрузить с орбитальной пересадочной станции дома Фелл. Вдруг взволнованный голос Торна произнес: «Марко потерял адмирала. Его захватил в плен барон Риоваль. Я собираюсь заключить с Феллом отвратительное соглашение».

Потом шли записи экстренного полета боевого катера на планету, а потом «Ариэль» внезапно улетел со Стан-

ции Фелл, получив только половину груза. За этими событиями последовали удивительно интересные, но совершенно непонятные разговоры адмирала Нейсмита с баронами Риовалем и Феллом соответственно. Риоваль был вне себя и так и сыпал самыми экзотическими угрозами. Лжеадмирал встревоженно изучал искаженное яростью благообразное лицо барона. Даже в обществе, где безжалостность высоко ценится, Риоваль считался человеком, которого другие джексонианские воротилы старались не задевать. Похоже, адмирал Нейсмит на что-то нарвался.

Гнев Фелла был более сдержанным и холодным. Как всегда, вся действительно важная информация, включая причину прилета, содержалась в устных приказах Нейсмита. Но все же ему удалось выяснить удививший его факт: пятиметровая сержант Таура оказалась продуктом генетической лаборатории Бхарапутры, генинженерным прототипом суперсолдата.

Словно неожиданно встретил кого-то из родного города. Его захлестнула странная волна ностальгии, и вдруг ужасно захотелось встретиться с Таурой и удариться в воспоминания. Похоже, Нейсмит похитил ее сердце — или по крайней мере похитил ее саму, хотя, кажется, Риоваль кипел не из-за этого. Все было ужасно запутано.

Но он узнал и еще один неприятный факт. Барон Фелл планировал использовать клона. Его старый враг Риоваль мстительно подстроил убийство клона Фелла прежде, чем произошла пересадка мозга, поймав Фелла в стареющем теле, но намерение было налицо. Несмотря на запасные планы Бела Торна, он принял твердое решение не иметь дела с Феллом, если только удастся этого избежать.

Горестно вздохнув, он отключил комм-пульт и снова принялся практиковаться с командирским шлемом: к счастью, обучающую программу изготовителя так и не стерли из памяти.

«Я все-таки это сделаю».

ГЛАВА 4

— «Ариэль» опять не ответил, сэр, — виновато доложила лейтенант Герелд.

Майлз в ярости сжал кулаки и принялся мерять шагами навигационную рубку «Триумфа».

— Третий раз... Третий? Вы отправляли сообщение после каждого скачка?

— Да, сэр.

— Третий раз — никакого ответа! Вот черт, что там с Белом?

На этот риторический вопрос лейтенант Герелд беспомощно пожала плечами.

Майлз с мрачным видом шагал от стены к стене. Проклятое время задержки! Он хотел знать, что там творится сейчас. Направленный луч связи пересекает обычное пространство со скоростью света, но единственный способ передать информацию через п-в-туннель — это записать ее и отправить с каким-нибудь кораблем. Потом, с Переходной станции ее снова транслировали — и так далее. В районах с активной связью корабли-курьеры совершали переходы раз в полчаса, а иногда и чаще. Между Эскобаром и Архипелагом Джексона курьеры ходили строго по графику — каждые четыре часа. Итак, время задержки определялось не только пределом скорости света, но и рядом других факторов. Порой это оказывалось весьма полезным для тех, кто вел сложные финансовые игры в масштабах галактики. Или для тех, кто привык самостоятельно решать проблемы, не посвящая начальство во все подробности. Майлз и сам нередко откалывал подобные номера. Просьба разъяснить приказ, ответ, еще одна просьба о разъяснении... Пока тянулась вся эта переписка, можно было многое успеть сделать. Потому-то Майлз лично составил приказ об отзыве «Ариэля» — решительный и абсолютно однозначный. Но Бел не попытался отделаться фразой типа «Вы о чем, сэр? Я не понял». Бел не ответил вообще.

— А может, это сбой в расписании курьеров, а? Другие корабли... другие корабли на маршруте получают сообщения?

— Да, сэр. Я проверила. Информация проходит нормально по всему маршруту до Архипелага Джексона.

— Они зарегистрировали план полета к Архипелагу Джексона. Они действительно прошли тот самый п-в-туннель?

— Да, сэр.

«Четыре дня назад! Проклятие!»

Он воссоздал в памяти схему следующих переходов. На стандартном маршруте от Эскобара до Архипелага Джексона не было ни одного п-в-туннеля, который вел бы к чему-нибудь интересному. Он не мог представить себе, чтобы Бел ни с того ни с сего надумал поиграть в Бетанскую астроэкспедицию и отправился на разведку. Правда, случалось и такое, что корабль входил в п-в-туннель и больше не выходил оттуда, превратившись в облако кварков. Нет, на маршруте Эскобар — Архипелаг Джексона подобное происшествие не могло бы остаться незамеченным.

Его вынудили принять решение, и одно это уже бесило.

«Проклятие, это не входило в мои планы!»

— Ладно, Сэнди. Созывай совещание штаба. Капитана Куин, капитана Ботари-Джезек, коммодора Джезека. В конференц-зале «Триумфа» — как только все соберутся.

Услышав перечень имен, Герелд удивленно вскинула брови, но послушно потянулась к комм-пульту. Все самые доверенные люди.

— Серьезное дерьмо, сэр?

Он заставил себя улыбнуться.

— Всего лишь серьезно-досадное, лейтенант.

Не совсем. Что опять задумал этот псих? Зачем ему понадобился отряд коммандос? Дюжина вооруженных до зубов дендарийских наемников — это вам не семечки. Но по сравнению с военными ресурсами, скажем, дома Бхарапутра... Достаточная сила, чтобы вляпаться в серьезные неприятности, но недостаточная, чтобы из них выпутаться... Одна мысль о том, что его люди — Господи, Таура! — слепо идут за невежественным Марком на какую-то тактическую глупость, доверчиво считая, что Марк — адмирал Нейсмит, приводила в исступление. В голове выли сирены и вспыхивали красные лампочки. Бел, ну почему ты не отвечаешь?

Майлз метался по конференц-залу «Триумфа» до тех пор, пока Куин не прорычала:

— Не будешь ли ты любезен сесть?

Куин не так тревожилась, как он: она еще не начала грызть ногти, это утешало. Майлз упал в кресло и тут же принялся отбивать ногой дробь. Один ботинок начал постукивать по полу. Куин посмотрела вниз, нахмурилась, открыла рот, закрыла и покачала головой. Он замер и постарался изобразить беззаботную улыбку. Впрочем, довольно безуспешно. В этот момент прибыл Баз Джезек.

— Элен уже вылетела с «Перегрина», — доложил Баз, усаживаясь в свое любимое кресло и привычным движением включая интерфейс технической службы флота. — Через несколько минут будет здесь.

— Хорошо, спасибо, — кивнул Майлз.

Майлз знал Джезека почти десять лет — столько же, сколько существовал сам флот дендарийских наемников. Весь флот состоял тогда из самого Майлза, его телохранителя, дочери телохранителя, транспортного корабля, годного лишь в утиль, пилота, пребывающего в черной депресии, и совершенно авантюрной идеи — разбогатеть на контрабанде оружия. Баз Джезек — высокий, худощавый, темноволосый и очень несчастный двадцативосьмилетний мужчина — принес присягу лорду Форкосигану. Адмирала Нейсмита еще не существовало. Сейчас, десять лет спустя, Баз был все так же строен, только волосы у него слегка поседели. И еще у него появилась какая-то безмятежная, спокойная уверенность. Баз напоминал Майлзу аиста, затаившегося в камышах в поисках добычи, — та же долгая неподвижность и четко рассчитанные движения.

Вслед за Базом пришла Элен Ботари-Джезек. Она устроилась в кресле рядом со своим мужем. Приветствие ограничилось улыбкой и быстрым рукопожатием под столом. Элен одарила улыбкой и Майлза. Во вторую очередь.

Отец Элен, покойный сержант Ботари, с самого рождения Майлза был его вассалом и личным телохранителем. Майлз и Элен росли вместе. Графиня Форкосиган заменила девочке мать. Да, Элен лучше всех знала адмирала Нейсмита, лорда Форкосигана и просто Майлза.

И пожелала выйти за База Джезека... Майлз нашел единственное утешение: думать о ней, как о сестре. Элен была почти такой же высокой, как ее муж. Ее блестящие коротко стриженные черные волосы оттеняли белизну кожи. В чуть резковатых чертах лица было что-то от сержанта Ботари, но странная генетическая алхимия превратила свинец уродства в золото красоты.

«Проклятие! Элен, я все еще люблю тебя...»

Майлз одернул себя. Теперь у него есть Куин. Во всяком случае, она есть у адмирала Нейсмита.

Как дендарийский офицер Элен была его лучшим творением. Обидчивая, застенчивая, неловкая девушка на его глазах превратилась сначала в командира отряда, потом — в офицера-штабиста и, наконец, в командира корабля.

— «Ариэль» по-прежнему не отвечает, — начал Майлз без всяких предисловий: этим людям формальности не нужны. При них он мог расслабиться и позволить адмиралу Нейсмиту и лорду Форкосигану объединиться. Он мог даже отказаться от свойственного адмиралу Нейсмиту плавного бетанского выговора и вставить в речь гортанные барраярские ругательства. А уж в том, что на на этом заседании штаба ему захочется выругаться, Майлз не сомневался. — Я хочу отправиться за ними.

Куин постучала пальцем по столу:

— Так я так и думала. А может, твой младший брат как раз на это и рассчитывает? Не исключено, что это ловушка. Помнишь, как он провел тебя в прошлый раз?

Майлз поморщился:

— Помню. У меня сразу мелькнула мысль, что это ловушка. Потому-то я и не отправился за ними еще вчера. — (Сразу же после совещания штаба в полном составе. В тот момент он готов был на братоубийство). — Допустим, поначалу Бел сам ничего не понял, а почему бы и нет? Ведь Марк сумел обмануть не только его. Но уже прошло достаточно времени, чтобы Марк совершил какую-нибудь ошибку. Следовательно, Бел должен был бы разобраться во всем. Тогда почему «Ариэль» не вернулся в соответствии с приказом?

— Марк действительно классно тебя изображает, — заметила Куин. (Уж она-то знала это на собственном опыте.) — По крайней мере так было два года назад. Если не знать о существовании двойника, можно подумать, что это — ты, но только ты — не в форме. А внешне — просто один в один.

— Но Бел-то все знает, — вставила Элен.

— Да, — согласился Майлз. — Так что, возможно, Бел не обманулся. А может, с Белом что-то случилось?

— Марку нужен экипаж — любой экипаж, — чтобы вести корабль, — сказал Баз. — Хотя, возможно, на выходе из п-в-туннеля его поджидали свои люди.

— Если он планировал захват корабля и убийство, зачем ему тогда отряд дендарийских наемников? Чтобы они ему мешали? — Логика иногда успокаивает. Иногда. Майлз глубоко вздохнул. — Или, возможно, Бела перевербовали.

Баз удивленно поднял брови. Куин закусила ноготь на мизинце.

— Как перевербовали? — спросила Элен. — Не за деньги же. — Губы у нее изогнулись в улыбке. — Думаешь, Бел отказался от попыток соблазнить тебя и решил удовлетвориться заменой?

— Не смешно, — отрезал Майлз. Баз подавил подозрительный смешок, вежливо откашлялся и невинно встретил его возмущенный взгляд, но не выдержал и захихикал.

— И вообще эта шутка устарела, — устало добавил Майлз. — Все зависит от того, что именно Марк намерен учинить на Архипелаге Джексона. Это... откровенное рабство, которое практикуют всевозможные джексонианские скульпторы по телам, глубоко оскорбительно прогрессивной бетанской душе Бела. Если Марк задумал вылазку против своей родной планеты, он запросто мог заручиться поддержкой Бела.

— За счет флота? — осведомился Баз.

— Это действительно... граничит с мятежом, — неохотно признал Майлз. — Я не обвиняю. Я просто прикидываю. Прокручиваю все варианты.

— А если Марк направился не на Архипелаг Джексона? — сказал Баз. Из местного джексонианского пространства уходит еще четыре п-в-туннеля.

— Физически это возможно, да, — сказал Майлз. — Психологически... Я ведь тоже изучал Марка. И хотя не могу утверждать, что раскусил его, но знаю, что для него значит Архипелаг Джексона. Это только чувство, но очень сильное чувство.

«Вроде изжоги».

— Но как ему удалось улизнуть? — спросила Элен. — Считалось, что Имперская служба безопасности следит за ним.

— Следит. Я регулярно получаю доклады от ребят Иллиана, — подтвердил Майлз. — Согласно последнему, который я читал в штаб-квартире Службы безопасности не далее чем три недели назад, Марк находился на Земле. Все из-за этой идиотской задержки. Если он улетел, скажем, недели четыре назад, соответствующий доклад сейчас только идет с Земли на Барраяр. Спорю на сколько угодно бетанских долларов — в самое ближайшее время мы получим шифрованное сообщение, в котором нас честно предупредят, что Марк опять скрылся от наблюдения.

— Опять? — переспросила Элен. — А что, он уже скрывался?

— Дважды. Даже трижды. — Майлз замялся. — Видишь ли, время от времени я сам пытался связаться с ним. Приглашал его прилететь на Барраяр или хотя бы встретиться со мной где-нибудь в другом месте. Каждый раз он с перепугу менял имя и местожительство. Этому его комаррские террористы хорошо обучили. А потом люди Иллиана неделями искали его. Иллиан просил меня больше не пытаться войти с ним в контакт. — Майлз погрузился в мрачное раздумье. — Матери так хочется, чтобы он приехал, но она всегда возражала, когда Иллиан предлагал устроить похищение. Я с ней соглашался. Боюсь, я был не прав.

— А твой клон, он... — начал Баз.

— Брат, — мгновенно поправил его Майлз. — Брат. Я отвергаю термин «клон» по отношению к Марку. Я запрещаю его употреблять. «Клон» подразумевает нечто заменимое. А «брат» — это нечто уникальное. И смею тебя уверить, Марк уникален.

— Пытаясь просчитать следующие шаги... Марка, — более осторожно сказал Баз, — мы можем использовать логику? Он в здравом уме?

— Если и да, то не благодаря комаррцам. — Майлз встал и принялся расхаживать по конференц-залу, не обращая внимания на яростные взгляды Куин. — Когда мы наконец узнали о существовании Марка, Иллиан поручил своим людям выяснить о нем все, что только возможно. Отчасти чтобы смягчить чрезвычайно неловкую ситуацию, в которую служба безопасности себя поставила, так долго не подозревая о его существовании. Я видел все их доклады. Все пытался и пытался понять Марка.

Майлз продолжал вышагивать: вдоль стены, до угла, поворот, вдоль следующей стены.

— Его жизнь в яслях для клонов дома Бхарапутра казалась не такой уж плохой: они заботятся о клиентах, но когда его забрали наши комаррские друзья, тут начался настоящий кошмар. Они готовили его на роль моего двойника, но всякий раз, как они приближались к цели, я откалывал очередной трюк, и им приходилось начинать все сначала. Они постоянно меняли и оттачивали свои планы. Заговор растянулся на много лет. А группа была маленькая, и средств у нее было мало. Их шеф, Сер Гален, по-моему, был не в своем уме.

Еще круг, и еще.

— Часть времени Гален обращался с Марком, как с надеждой и опорой комаррских революционеров, баловал его и постоянно твердил, что он, Марк, в случае успеха непременно станет императором Барраяра. Но иногда у Галена ум заходил за разум, он начинал видеть в Марке потомка Эйрела Форкосигана и вымещал на нем всю свою ненависть. При этом самые жестокие наказания — в сущности, пытки — он называл «дисциплинарными взысканиями». Агент Иллиана узнал это от

подчиненного Галена при нелегальном допросе с применением суперпентотала, так что это правда.

Еще круг, и еще.

— Например, судя по всему, у нас с Марком разный обмен. И всякий раз, когда вес Марка превышал мой, Гален, вместо того чтобы прибегнуть к медицинским средствам, по нескольку дней не кормил его, потом позволял наесться вдоволь, а потом — под угрозой электрошока — заставлял делать физические упражнения, пока Марка не рвало. Такие вот дела, очень неприятные. Похоже, Гален отличался крайней вспыльчивостью. А может, он специально пытался сделать из Марка психа. Создать императора Майлза Безумного, который вслед за Ури Безумным уничтожил бы всю верхушку Барраяра. Однажды, — рассказал тот тип, — Марк захотел погулять ночью — просто погулять ночью — и каким-то образом сумел улизнуть. Когда комаррцы его поймали, Гален совсем сбрендил, обвинил его в попытке бегства, взял электрошок и... — тут он увидел, как побледнела Элен, — ...и сделал что-то отвратительное. Что никоим образом не способствовало сексуальной адаптации Марка. Это было настолько ужасно, что даже сами громилы Галена умоляли своего шефа перестать.

— Неудивительно, что он ненавидел Галена, — тихо сказала Куин.

Элен отреагировала иначе.

— Ты ничего не мог сделать. Ты тогда даже не знал о его существовании.

— Я должен был знать.

— Так. И в какой степени это чувство вины определяет ход твоих мыслей, адмирал?

— Ну, в какой-то степени, наверное, определяет, — признал Майлз. — Вот почему я вас всех сюда позвал. Я чувствовал, что мне нужен взгляд со стороны. — Он замолчал и заставил себя сесть. — Но не только поэтому. Пока на нас не свалилась вся эта заваруха с «Ариэлем», я готовился дать вам сведения о новой операции.

— Ага! — удовлетворенно протянул Баз. — Наконец-то!

— Новый контракт. — Несмотря на все неприятности, Майлз улыбнулся. — Пока в дело не вмешался Марк, я считал, что тут ничего непредвиденного случиться не может. Просто оплаченный отпуск.

— То есть как это, вообще никаких боевых действий? — шутливо возмутилась Элен. — А я-то считала, что ты именно за такие штучки презирал адмирала Оссера!

— Я изменился. — Как всегда, при упоминании об Оссере у него на мгновение сжалось сердце. — С годами его методы кажутся мне все более привлекательными. Старею, наверное.

— А может, взрослеешь, — предположила Элен. Они обменялись взглядами.

— Короче, — продолжил Майлз, — высшее командование Барраяра желает предоставить некоей независимой космической пересадочной станции более мощное и современное вооружение, чем то, какое у них есть на данный момент. То, что станция Вега находится непосредственно у границ Цетагандийской империи, естественно, не случайность. Однако вышеупомянутая станция расположена очень неудобно. Куин, карту, пожалуйста.

Куин включила трехмерное голографическое изображение. П-в-туннели, обозначенные сверкающими ломаными линиями, соединяли размытые сферы обычного пространства.

— Из трех п-в-туннелей, которые контролирует Вега, один ведет в Цетагандийскую империю через сатрапию Ола Три, один блокирован Торанирой, которая выступает то с цетагандийцами, то против них, а третий принадлежит Сумеркам Зоава, политически нейтральным по отношению к Цетаганде, но опасающимся своего большого соседа. — Пока он говорил, Куин высвечивала каждую систему. — Весь импорт тяжелого вооружения и защиты космического базирования на станцию Вега блокирован со стороны Олы Три и Тораниры. Сумерки Зоава под давлением Цетаганды тоже присоединились к эмбарго на вооружение.

— А при чем тут мы? — поинтересовался Баз.

— А при том. Мы контрабандой доставляем вьючных лошадей.

— Что? — переспросил Баз, но Элен поняла намек и усмехнулась.

— Ты никогда не слышал эту историю? Из прошлого Барраяра? Вот она. Граф Зелиг Форкосиган воевал с лордом Форвином из Хейзелбрайта во время Первого кровавого столетия. Город Форкосиган-Вашнуй был осажден. Дважды в неделю патрули лорда Форвина останавливали странного полубезумного типа с караваном вьючных лошадей и обыскивали вьюки в поисках контрабанды: еды или припасов. Но вьюки всегда были наполнены мусором. Они рылись в мусоре, вытряхивали его — а этот сумасшедший всегда все тщательно собирал, — потом трясли и обыскивали его самого и в конце концов отпускали. После войны пограничник Форвина встретил вассала графа Зелига, уже вполне нормального, в каком-то питейном заведении. «Что ты провозил? — спросил он недоуменно. — Мы знаем, что ты что-то провозил, но что?» А вассал графа Зелига ответил: «Лошадей».

Так вот, мы должны контрабандой провезти корабли. А именно «Триумф», «Д-16» и «Ариэль», которые принадлежат самому флоту. Мы входим в пространство станции Вега через Тораниру, якобы направляясь к Иллирии. Куда мы действительно направимся. Мы улетим через Зоав, по-прежнему со всеми людьми, но оставив три устаревших корабля. Потом мы летим дальше, к Иллирии, и получаем три новеньких боевых корабля, которые как раз сейчас достраиваются в иллирийских орби-

тальных доках. Подарок к Зимнепразднику от императора Грегора.

Баз только моргнул:

— И это получится?

— А почему бы и нет? Предварительная подготовка: разрешения, визы, взятки и все такое — возложена на местных агентов службы безопасности. Нам надо только пролететь, никого не потревожив. Войны нет, ни одного выстрела никто не сделает. Единственная проблема в том, что треть моего товара только что отбыла к Архипелагу Джексона, — договорил Майлз, недовольно хмыкнув.

— И сколько у нас времени, чтобы его вернуть? — спросила Элен.

— Мало. Сроки, которые нам дала Имперская служба безопасности, гибкие, но эта гибкость подразумевает дни, а не недели. Флот должен улететь с Эскобара до конца недели. Первоначально я планировал вылет на завтра.

— Так мы летим без «Ариэля»? — поинтересовался Баз.

— Придется. Но не с пустыми руками. У меня есть идея. Куин, передай иллирийские спецификации Базу.

Куин наклонилась над своим коммом и перевела шифрованные данные на комм База. Инженер начал просматривать рекламные материалы, описания, спецификации и планы иллирийских кораблестроителей. Его лицо неожиданно осветилось улыбкой.

— В этот Зимнепраздник Дед Мороз очень щедр, — пробормотал он.

При виде данных относительно силовых установок он открыл рот и принялся жадно изучать все.

Майлз позволил Базу понаслаждаться еще несколько минут.

— Итак, — сказал он, когда смущенный Баз наконец опомнился. — Следующий после «Ариэля» по скорости и огневой мощи — «Партизан» Трузилло. — К сожалению, Трузилло был капитаном-владельцем, и у него с дендарийцами существовало отдельное соглашение. — Как ты считаешь, его удастся уговорить на обмен? Новый корабль будет быстрее и современнее, но хотя он определенно лучше «Ариэля» по вооружению, по сравнению с «Партизаном» в этом плане он несколько проигрывает. Когда мы планировали эту операцию, я думал, что мы выиграем, а не останемся при своих.

Элен приподняла бровь и улыбнулась.

— Так это твой сценарий, да?

Он пожал плечами:

— Иллиан попросил меня решить проблему эмбарго на вооружения. И принял мое решение.

— О, — пробормотал Баз, снова погрузившийся в изучение данных. — Пусть только Трузилло увидит вот это... И это... и...

— Так ты считаешь, что тебе удастся его убедить? — спросил Майлз.

— Да, — уверенно ответил Баз, отрываясь от дисплея. — И тебе бы удалось.

— Только я направляюсь в противоположном направлении. Хотя если все пойдет хорошо, то не исключено, что я вас еще нагоню. Я поручаю эту операцию тебе, Баз. Куин передаст тебе все подробности, шифры и данные по агентам — все, что мне сообщил Иллиан.

Баз кивнул:

— Слушаюсь, сэр.

— Я беру «Перегрин» и отправляюсь за Марком, — добавил Майлз.

Баз с Элен только обменялись взглядами.

— Слушаюсь, сэр, — почти без паузы откликнулась Элен. — Я вчера перевела «Перегрин» с суточной на часовую готовность. На какое время мне согласовать наш отлет с эскобарским центром управления?

— Через час. — И хотя никто не потребовал объяснений, он добавил: — «Перегрин» — наш третий по скорости корабль, у которого есть неплохое вооружение, после «Партизана» и самого «Ариэля». Мне кажется, скорость сейчас имеет огромное значение. Если удастся догнать «Ариэль»... Ну, гораздо легче предотвратить заваруху, чем потом расхлебывать последствия. Сейчас я уже жалею, что не улетел вчера, я решил предоставить событиям идти своим чередом, по крайней мере какое-то время. Куин полетит со мной, потому что у нее есть бесценный опыт сбора информации на Архипелаге Джексона.

Куин пожала плечами:

— Дом Бхарапутра чертовски опасен, если Марк направляется именно туда. У них огромные средства, влияние и долгая память на обиды.

— А ты думала почему я избегаю появляться там? Существует опасность, что некоторые джексонианцы примут Марка за адмирала Нейсмита. Например, барон Риоваль.

Да, барон Риоваль по-прежнему очень опасен. Всего три месяца назад дендарийцы расправились с очередным искателем приключений, который пытался получить награду, назначенную Риовалем за скальп адмирала Нейсмита. На данный момент это уже четвертый. Похоже, скоро это станет традицией. Может, Риоваль отправлял агента в каждую годовщину их встречи как памятный дар. У Риоваля не столь уж большое влияние и длинные руки, но он прошел процедуру продления жизни, и теперь может позволить себе не торопиться. Спешить ему некуда. Времени у него много — очень много.

— А ты не рассматривал еще один вариант решения? — медленно проговорила Куин. — Отправь курьера на Архи-

пелаг Джексона и предупреди их. Пусть, например, дом Фелл арестует Марка и задержит «Ариэль», пока ты за ними не прибудешь. Фелл достаточно сильно ненавидит Риоваля и может защитить Марка только для того, чтобы досадить своему врагу.

Майлз вздохнул:

— Я об этом думал.

Он кончиком пальца выводил какой-то непонятный узор на крышке стола.

— Ты просил, чтобы мы тебя проконтролировали, Майлз, — напомнила ему Элен. — Чем плоха эта идея?

— Она могла бы сработать. Но если Марк действительно убедил Бела, что он — это я, они могут оказать сопротивление при аресте. У Марка на Архипелаг Джексона параноидальная реакция. Да он вообще параноик, черт возьми! Я не знаю, что он выкинет в панике.

— Ты весьма трепетно относишься к чувствам Марка, — сказала Элен.

— Я пытаюсь добиться того, чтобы он мне доверял. И этот процесс никак нельзя начать с предательства.

— А ты прикинул, во что обойдется эта небольшая прогулка, когда счет ляжет на стол Саймону Иллиану? — осведомилась Куин.

— Служба безопасности заплатит. Не колеблясь.

Куин переспросила:

— Ты уверен? Какое дело Безопасности до Марка теперь, когда он всего лишь осколок неудавшегося заговора? Барраяр может больше не опасаться, что тебя тайно подменят. Я считала, что они следят за ним исключительно из вежливости.

Майлз ответил, тщательно подбирая слова:

— Задача Имперской службы безопасности — охранять Барраярскую империю. Это включает не только охрану лично Грегора и необходимый шпионаж на галактическом уровне, — взмах руки обозначил дендарийских наемников и широкую, хоть и сильно растянутую сеть иллиановских агентов, военных атташе и осведомителей, — но и наблюдение за непосредственными наследниками Грегора. Наблюдение не только для того, чтобы охранять их, но и в целях защиты Империи от заговоров. Я остро ощущаю, что вопрос о том, кто именно сейчас является наследником Грегора, очень щекотлив. Как бы мне хотелось, чтобы он женился и мы смогли бы наконец вздохнуть спокойно! — Майлз долго медлил. — Согласно одной версии, права лорда Марка Пьера Форкосигана на барраярский престол уступают только моим. Поэтому службе безопасности не только есть до него дело, но он — одно из важнейших их дел. Преследование «Ариэля» вполне оправданно.

— Может быть оправдано, — сухо уточнила Куин.

— Как угодно.

— Если Барраяр — как ты не раз утверждал — не примет тебя в качестве императора из-за подозрения в мута-

ции, то, на мой взгляд, всех просто кондрашка хватит от одного только предположения, что в императорском дворце может устроиться твой клон, — сказал Баз. — Брат-близнец, — поспешно поправился он, увидев, что Майлз уже открывает рот.

— Для того чтобы возможность попытки захвата власти привлекла внимание Службы безопасности, такая попытка вовсе не должна иметь высокую вероятность, — фыркнул Майлз. — Смех! Комаррцы рассматривали своего поддельного Майлза как самозванца. По-моему, ни они, ни Марк не догадывались, что создали настоящего претендента. Ну, конечно, все равно надо, чтобы сначала умер я, так что, с моей точки зрения, этот вопрос не так важен. — Постучав по столу, он встал. — Ну, вперед, друзья.

Направляясь к двери, Элен спросила его, понизив голос:

— Майлз... А твоя мать видела те ужасные результаты расследования Иллиана относительно Марка?

Он мрачно улыбнулся:

— А кто, по-твоему, их заказал?

ГЛАВА 5

Он начал надевать полуброню. Сначала на тело ложилось изделие новейшей технологии: защитная нейробластерная сеть. Сеть, вырабатывающая поле, была вплетена в ткань облегающего костюма с капюшоном, который защищал голову, шею и лоб. Из отверстия выглядывали только глаза, нос и рот. Угроза одного из самых страшных для человека видов оружия превращалась в ничто. Вдобавок этот костюм останавливал и огонь парализаторов. Как это по-нейсмитовски иметь все самое новое и лучшее и изготовленное по заказу точно на него... Неужели этот эластик и должен быть таким тугим?

Поверх сетевого костюма надевалась гибкая броня, которая остановит любой снаряд, начиная от небольших ручных ракет и кончая смертоносными иглами. К счастью, он все же смог в нем дышать: застежки были регулируемыми. Он распустил их до упора. Так что бесценная защита всего лишь удобно облегала тело. Поверх был надет серый полевой камуфляж, слава Богу, просторный, изготовленный из ткани, рассчитанной на боевые условия, которая не горит и не плавится. Потом — ремни и патронташи с парализатором, нейробластером, плазмотроном, аккумуляторами, альпинистской рулеткой и ремнями, кислородом на всякий случай. На плечи он надевал ремни с поместившимся за спиной плоским устройством, которое при первом же прикосновении вражеского огня создавало

зеркальное противоплазменное поле — с такой крошечной задержкой во времени, что даже не очень успеешь поджариться. Его хватало на то, чтобы поглотить от тридцати до сорока прямых попаданий, потом устройству, а заодно и его владельцу, приходил конец. Право же, название «полуброня» казалось неподходящим: скорее это была тройная броня.

На облегавшую ноги нейробластерную сеть он натянул толстые носки, а поверх них — боевые ботинки Нейсмита. По крайней мере хоть ботинки подошли без всяких неприятных подгонок. Всего неделя бездеятельности — и уже растолстел... Нейсмит просто патологически мало ест, вот и все. Патологически мало питающийся и гиперактивный тип. Он выпрямился. Правильно надетое грозное вооружение оказалось удивительно легким.

На столике у комм-пульта дожидался командирский шлем. Он взял шлем в руки и поднес к свету, жадно вглядываясь в изящные линии. Его руки могут управлять лишь одним оружием, максимум двумя. Эта вещь, через людей, которыми она командует, управляет десятками. А может управлять и сотнями и даже тысячами. В этом настоящая сила Нейсмита.

Прозвучал дверной сигнал. Он подпрыгнул, чуть не выронив шлем. Шлем можно было шмякнуть об стену — и с ним все равно ничего бы не случилось, но он почему-то осторожно положил его на место.

— Майлз? — прозвучал в селекторе голос капитана Торна. — Вы уже готовы?

— Да, входите.

Он прикоснулся к пластине, открывая дверь.

Вошел Торн, одетый так же, как он, но сдвинув капюшон с головы. Мешковатая полевая форма превратила Торна из гермафродита в бесполое существо — солдата. У Торна под мышкой тоже был командирский шлем, чуть более старый, другой модели.

Торн обошел вокруг него, взглядом проверив все оружие и показания противоплазменного устройства.

— Хорошо.

Что, Торн всегда проверяет адмирала Нейсмита перед сражением? Может, у Нейсмита привычка идти на бой, не застегнув ботинки или забыв еще что-нибудь? Торн кивнул в сторону командирского шлема:

— Вот это машина! Уверены, что сможете с ней справиться?

Шлем казался новым, но не настолько. Он сомневался, чтобы Нейсмит брал в свое личное пользование списанное вооружение и оборудование, какую бы экономию он ни наводил в своем флоте.

— А почему бы нет? — Он пожал плечами. — Не впервой.

— Эти штуки, — тут Торн поднял свой собственный, — поначалу просто пугают. Это не поток данных, а бук-

вально целое наводнение. Надо научиться игнорировать все лишнее, а иначе лучше просто отключить шлем. Вот вы, — помедлил Торн, — как и старина Танг, обладаете удивительной способностью вроде бы игнорировать все — и в то же время выдергивать и мгновенно вспоминать нужные сведения. Можно подумать, у вас ум работает сразу на двух уровнях. Когда вас захватывает бой, ваша командная реакция просто потрясающе быстрая. Это ужасно затягивает. Люди, которые с вами работают, ожидают этого... и рассчитывают на вас.

Торн замолчал.

«Чего он от меня ждет?» Он снова пожал плечами:

— Я сделаю, что смогу.

— Знаете, если вы все еще плохо себя чувствуете, можете поручить всю операцию мне.

— Я что, так плохо выгляжу?

— Вы на себя не похожи.

Торн казался напряженным, почти настаивал.

— Я в полном порядке, Бел. Отстань!

— Слушаюсь, сэр. — Торн вздохнул.

— Все готово?

— Катер заправлен и вооружен. Зеленый отряд готов и сейчас ведет погрузку. Мы рассчитали все так, что выйдем на парковочную орбиту в полночь и спустимся к главному медицинскому комплексу Бхарапутры. Садимся сразу же, не ожидая, когда нам начнут задавать вопросы. Наносим удар и бежим. Если все пойдет по плану, то операция продлится всего час.

— Хорошо. — У него учащенно забилось сердце. Он постарался превратить глубокий вздох в растянутый выдох. — Пошли.

— Давайте... сначала проверим связь в шлемах, а? — предложил Торн.

Это была хорошая мысль — сделать это здесь, в тишине каюты, а не в возбужденном шуме катера.

— Хорошо, — сказал он и хитровато добавил: — Можете не торопиться.

В командирском шлеме работало более ста каналов — даже для такой небольшой операции. Вдобавок к прямой аудиосвязи с «Ариэлем», Торном и с каждым бойцом были еще боевые компьютеры на корабле, в катере и в самом шлеме. Была всевозможная телеметрия, учет зарядов оружия, новые данные по снабжению. На шлемах всех бойцов были передающие устройства, так что он мог видеть все, что видят они в инфракрасном, световом и ультрафиолетовом диапазонах, а также полный звук, показания медприборов и голографические карты. Голографический план яслей клонов был введен специальной программой, а также основной план операции и несколько запасных вариантов. Существовали каналы, которые будут использованы для подслушивания телеметрии противника. Торн уже подключил комм-связь

охранников Бхарапутры. Они могли принимать даже коммерческие развлекательные радиопередачи с планеты, к которой подлетали. Когда они переключались через эти каналы, воздух на мгновение наполнялся резковатой музыкой.

Они закончили, и он обнаружил, что они с Торном смотрят друг на друга в неловком молчании. Лицо у Торна осунулось и выражало тревогу, словно он старался справиться с каким-то скрытым чувством. Вины? Какая странная мысль... Не может быть. Торн не мог его раскусить, иначе он положил бы конец всей операции.

— Мандраж, Бел? — непринужденно спросил он. — А я считал, что вы любите свою работу.

Торн вздрогнул и, глубоко вздохнув, вышел из напряженной задумчивости.

— Ага, люблю. Ну, пошли.

— Пошли! — согласился он и прошел вперед, наконец-то выбравшись из своей одинокой каюты-берлоги в освещенный коридор и наполненную людьми реальность, которую создали его действия — именно его действия.

Коридор перед люком боевого катера напоминал уже виденную им картину, только прокрученную в обратном направлении: огромные дендарийские боевики уходили, а не заваливались внутрь. На этот раз они казались притихшими, меньше дурачились и шутили. Более деловая обстановка. И у них к тому же были имена, занесенные в данные его командирского шлема, что поможет не запутаться. На всех были полуброня и шлем и, помимо ручного оружия, каждый тащил тяжелое вооружение.

Теперь, когда он знал историю чудовищного сержанта, он обнаружил, что смотрит на нее другими глазами. Вахтенный журнал сказал, что ей всего девятнадцать, хоть она и казалась старше. Четыре года назад, когда Нейсмит похитил ее у дома Риоваль, Тауре было всего шестнадцать. Он прищурился, стараясь представить ее ребенком. Его забрали отсюда в четырнадцать лет, восемь лет назад. Они с Таурой одновременно находились в доме Бхарапутра, хоть никогда и не встречались. Исследовательские лаборатории генной инженерии находились в другом городе. Дом Бхарапутра был огромной организацией, по странным джексонианским меркам — почти небольшим правительством. Если не считать того, что на Архипелаге Джексона правительств вообще не существовало.

Восемь лет...

«Сейчас уже не осталось в живых никого, кого ты знал. Ты ведь это понимаешь, правда?»

«Если я не могу сделать то, что хочу, я сделаю то, что могу».

Он шагнул к Тауре.

— Сержант Таура... — Она обернулась и брови «Нейсмита» изумленно поползли вверх. — Что это у вас на шее?

По правде говоря, он прекрасно видел, что это: большой пышный розовый бант. Надо полагать, на самом деле вопрос заключался в том, почему он повязан у нее на шее?

Она... улыбнулась (видимо, эта отвратительная гримаса должна была означать именно улыбку) и расправила бант огромной когтистой рукой. Сегодня лак на ее когтях был ярко-розовым.

— Как вы считаете, это поможет? Я хотела придумать что-то, чтобы не испугать ребятишек.

Он скользнул взглядом вверх по трем метрам полуброни, камуфляжа, ботинок, патронташей, мускулов и клыков.

«Почему-то мне кажется, что этого будет недостаточно, сержант...»

— Конечно, стоит попробовать, — выдавил он с трудом. Значит, она все-таки сознает, какая у нее странная внешность...

«Идиот! Еще бы ей не сознавать. А ты сам-то что, не понимаешь, какая у тебя странная внешность?!»

Теперь он уже почти жалел, что не отважился выйти из своей каюты во время полета и не познакомился с ней.

«Девочка с моей родины».

— Что вы чувствуете, возвращаясь обратно? — вдруг спросил он. Неопределенный кивок должен был означать приближающуюся посадочную зону дома Бхарапутра.

— Что-то странное, — призналась она, сдвигая густые брови.

— Вам знакома эта посадочная площадка? Вы тут когда-нибудь были?

— В этом медкомплексе — нет. Я почти не выходила из генлабораторий, не считая двух лет, когда жила у наемных приемных родителей. Но это было в том же городе. — Таура повернула голову, понизила голос чуть ли не на октаву и рявкнула приказ о погрузке оборудования своему подчиненному, который тут же поспешил его выполнять. Она снова повернулась к нему, и ее голос зазвучал мягко, но нарочито небрежно. Находясь при исполнении служебных обязанностей, она больше ничем не выдала неподобающую близость: похоже, они с Нейсмитом были осторожными любовниками — если вообще были любовниками. Эта сдержанность его успокоила. — Я мало выходила.

Он тоже понизил голос:

— Вы их ненавидите?

«Так, как я?» Совсем другой вопрос, но тоже очень интимный.

Она задумчиво усмехнулась.

— Наверное... Пока я росла, они меня ужасно донимали, но в то время я не воспринимала это как плохое обращение. Конечно, все это неприятные тесты, но это все было для науки... Они не хотели специально причинить мне боль. Да мне и не было по-настоящему больно, пока они не продали меня Риовалю, после отмены проекта «Суперсолдат». То, что хотел

со мной сделать Риоваль, было ужасно, но такова уж природа Риоваля. А вот Бхарапутре... Бхарапутре не было до меня дела. Это меня оттолкнуло. Это было больно. Но когда появились вы... — у нее просветлело лицо, — как рыцарь-избавитель в блистающей броне, и все такое прочее.

Его снова захлестнула волна возмущения.

«Пошел бы этот рыцарь в сверкающей броне куда подальше вместе со своей лошадью!»

И еще он подумал: «Я тоже могу спасать других!»

К счастью, Таура смотрела в сторону и не заметила отблески гнева в его глазах. Или, может, решила, что это гнев на ее мучителей.

— Но как бы то ни было, — пробормотала она, — меня даже не существовало бы, если бы не дом Бхарапутра. Они меня создали. Я живу насколько хватит моей жизни. Платить ли мне смертью за жизнь?

Ее странное искаженное лицо стало задумчивым.

Он слишком поздно осознал, что коммандос перед боевым заданием должен быть настроен несколько более боевито.

— Не обязательно. Мы должны спасти клонов, а не убивать служащих Бхарапутры. Мы убиваем только тогда, когда приходится, а?

Это оказалось удачным нейсмитством: Таура подняла голову и улыбнулась ему.

— Я так рада, что вам лучше. Я ужасно беспокоилась. Я хотела к вам зайти, но капитан Торн не позволял.

Ее глаза стали теплыми, как желтое пламя.

— Да, я был... очень нездоров. Торн поступил правильно. Но... может, мы сможем поговорить на обратном пути.

Когда все будет позади. Когда он завоюет право...

Завоюет право на что?

— Заметано, адмирал. — Она подмигнула (о, Боже!) и выпрямилась, яростно радостная. «Что я ей пообещал?» И снова став образцовым сержантом, принялась присматривать за своим отрядом.

Он прошел следом за ней в боевой катер. Здесь освещение менее яркое, воздух холоднее и, конечно, никакой силы тяжести. Он плыл от захвата к захвату следом за капитаном Торном, мысленно прикидывая, как разместит свой груз. От двенадцати до четырнадцати рядов ребятишек, усаженных по четыре в ряд... Места предостаточно. Катер был рассчитан на перевозку двух отрядов плюс бронированные платформы или полевой госпиталь. В конце располагался пункт первой помощи и переносная криокамера на случай крайних ситуаций. Все оборудование сейчас закрепляли спокойно движущиеся люди в сером, без суеты и лишних разговоров. Для всего есть место — и все находятся на своем месте.

Пилот катера уже сидел в своем кресле. Торн занял место второго пилота. «Нейсмит» занял место связиста прямо за ними. Из фонаря были видны далекие резко очерченные звезды, ближе — мигающие огни, говорившие о человеческой деятельности, а на самом краю обзора находился яркий выгнутый край планеты. Почти дома. Его начало подташнивать — и не только от невесомости. Голову под шлемом сжало тугим обручем боли.

Пилот включил свой комм:

— Пересчитайте-ка мне всех, Таура. У нас пятиминутный разгон, чтобы скорости совпали, а потом мы падаем.

Через несколько секунд сержант Таура ответила:

— Порядок. Все бойцы пристегнуты, люк загерметизирован. Мы готовы. Давай — повторяю — давай.

Торн оглянулся и ткнул пальцем. Клон поспешно пристегнул ремни — еле успел. Ремни сильно врезались в тело, и его начало швырять из стороны в сторону, пока «Ариэль», сотрясаясь, выходил на парковочную орбиту. Такие эффекты ускорения в большом корабле нейтрализуются искусственной гравитацией.

«Когда они говорят «падаем», — пронеслось у него в голове, — они ничуть не преувеличивают».

Впереди, через фонарь, было видно, как тошнотворно поворачиваются планета и звезды. Он закрыл глаза. Желудок у него пытался вскарабкаться вверх к пищеводу. Он вдруг осознал скрытое преимущество полной космической брони. Если вдруг обделаешься от ужаса, об этом позаботится сансистема костюма и никто ничего не узнает.

За оболочкой корабля начал свистеть воздух: они вошли в ионосферу. Ремни пытались разрезать его на ломтики, как вареное яйцо.

— Весело, а? — заорал Торн, ухмыляясь, как сумасшедший. Его лицо искривилось, губы обвисли от торможения. Они летели прямо вниз — по крайней мере туда был направлен нос корабля, хотя кресло пыталось катапультировать его прямо в потолок, сломав шею и расплющив череп.

— Очень надеюсь, что у нас на пути ничего не окажется! — весело крикнул пилот. — Это ведь не согласовано ни с одним диспетчером полетов, знаете ли!

Он представил себе воздушное столкновение с большим коммерческим пассажирским катером... Пять тысяч мужчин и женщин на борту... Громадные желто-черные взрывы, разлетающиеся тела...

Они перешли через терминатор в сумерки. Потом наступила темнота, проносящиеся мимо облака... Тучи... Катер вибрировал и завывал, как одуревшая туба... И он готов был поклясться, что катер по-прежнему несется вертикально вниз, хотя и не мог понять, как пилоту удается ориентироваться в этом орущем тумане.

3 Заказ 701

А потом вдруг они полетели горизонтально, как атмосферный катер: облака наверху, огни города, словно драгоценные камни, рассыпавшиеся по ковру... Катер камнем падал вниз. У него начал сжиматься позвоночник, все сильнее и сильнее. Новый отвратительный скрежет — это выпущены шасси катера. Внизу возникли полуосвещенные здания. Темная спортплощадка...

«О, черт, — вот оно, началось!» Здания вдруг оказались вокруг них, над ними. Удар, хруст гравия... Надежная посадка на все шесть опор. Тишина оглушила его.

— Прекрасно, пошли! — Торн вскочил с кресла, раскрасневшийся, с глазами, горевшими то ли жаждой крови, то ли страхом, то ли и тем и другим одновременно — трудно сказать.

«Нейсмит» протопал по трапу вниз следом за дюжиной дендарийцев. Его глаза уже наполовину привыкли к темноте, а вокруг комплекса горело достаточно огней, рассеивающих туман в прохладном воздухе, так что он мог видеть, хотя цвета и не воспринимались. Тени казались черными и угрожающими. Сержант Таура знаками разделила своих людей. Никто не шумел. Молчаливые лица освещались короткими отрывистыми вспышками света, когда шлемы выдавали какие-то данные. Одна дендарийка с дополнительными скопами на шлеме выкатила одноместный воздушный мотоцикл, села на него и бесшумно поднялась. Прикрытие с воздуха.

Пилот остался в катере, и Таура отсчитала еще четырех дендарийцев. Двое растворились в темноте, еще двое остались с катером как арьергард. Они с Торном об этом спорили. Торн хотел усилить охрану. Чутье говорило ему, что им в яслях понадобится как можно больше бойцов. Гражданские охранники госпиталя особой опасности не представляли, а войска появятся не сразу. К тому времени дендарийцы уже исчезнут — если смогут достаточно быстро погрузить клонов. Задним числом он проклинал себя, что на Эскобаре не потребовал два отряда коммандос. Ему совсем нетрудно было бы это сделать, но он сомневался, поместятся ли они в «Ариэле», и считал, что экономит жизнеобеспечение для обратного перелета. Столько всего надо учесть!

Шлем окружал его разноцветным ворохом шифров, чисел, графиков... Он пытался изучать их все, но данные мелькали слишком быстро: не успевал он рассмотреть и расшифровать одни, как появлялись следующие. Он последовал совету Торна и шепотом уменьшил яркость до минимума. Слуховые каналы шлема мешали меньше: никто не болтал попусту.

Он, Торн и семь дендарийцев побежали за Таурой (она просто шагала) между двумя зданиями. Переключив канал шлема на частоту охраны, он обнаружил, что охранники Бхарапутры зашевелились.

Первая реакция была вполне обычной: «Какого дьявола? Ты слышал? Джо, проверь четвертый сектор!»

Он был уверен, что на этом дело не кончится, хотя и не собирался ждать, что будет дальше.

За угол. Так. Трехэтажное красивое белое здание — множество растений и уютных уголков вокруг, большие окна, балконы. Надпись на фронтоне «Дом Жизни» была достаточно двусмысленной — вполне в духе местных традиций.

«Дом смерти. Мой милый старый дом».

Все здесь было до боли знакомым — и до боли чужим. Когда-то этот дом казался ему просто роскошным. Теперь... гораздо меньше, чем он помнил.

Таура подняла плазмотрон, включила широкий луч и убрала запертые стеклянные двери, растекшиеся оранжевыми, белыми и голубыми струями. Дендарийцы проскочили внутрь, рассыпавшись направо и налево. Один остался охранять дверь. Сработали сигналы тревоги: проходя, дендарийцы сбивали шумные громкоговорители навскидку, но установки в глубине здания продолжали приглушенно шуметь. Автоматические огнетушители развозили у них на пути воду и пену.

Он побежал вперед. Охранник в форме дома Бхарапутра — коричневой с розовым — выскочил в коридор. Три дендарийских парализатора одновременно уложили его.

Таура с двумя дендарийками отправилась по лифтовой шахте на третий этаж. «Нейсмит» провел Торна и остальных дендарийцев на второй этаж, а оттуда — налево. Двое безоружных мужчин и женщина в ночной рубашке были обезврежены мгновенно. Так. Теперь к той двустворчатой двери. Дверь заперта. Кто-то стучится изнутри.

— Мы сейчас откроем двери, — прокричал Торн. — Отойдите, а то вам достанется!

Стук прекратился. Торн кивнул. Один из дендарийцев переключил плазменную дугу на узкий луч и перерезал металлическую задвижку. Ударом ноги Торн распахнул двери.

Светловолосый молодой человек, отступив на шаг, озадаченно уставился на Торна:

— Вы не пожарные.

Толпа мужчин, а точнее, высоких мальчишек, теснилась в коридоре. Ему не было нужды напоминать себе, что это — десятилетние ребятишки, но он не знал, как их воспринимают дендарийцы. Здесь были люди всевозможного роста, сложения и расы — куда более пестрая компания, чем греческие боги, которых можно было ожидать в таком идиллическом окружении. Но каждый светился здоровьем насколько позволяла наследственность. На всех были одинаковые пижамы: бронзово-коричневые курточки и шорты.

— Иди, — прошипел Торн, подталкивая его. — Говори.

— Пересчитай присутствующих.

— Ладно.

Он тысячи раз мысленно репетировал эту речь, проигрывая все возможные варианты. Единственное, в чем он был уверен, так это в том, что не начнет словами «Я — Майлз Нейсмит». У него отчаянно колотилось сердце. Он набрал воздуха.

— Мы — дендарийские наемники. Мы пришли спасти вас.

На лице мальчугана отразилась смесь презрения, отвращения и страха.

— Ты похож на гриб, — недоуменно сказал он.

Это было настолько... настолько не по сценарию. Из тысячи заранее подготовленных фраз ни одна не была рассчитана на такое. Со своим командирским шлемом он, наверное, и в самом деле слегка походил на большой серый гриб. Да, образ далеко не героический.

Он сорвал с себя шлем, скинул капюшон и оскалился... Парнишка отшатнулся.

— Слушайте меня, вы, клоны! — заорал он. — Тайна, которую вам повторяли шепотом, — правда! Каждый из вас ожидает своей очереди под ножом хирурга дома Бхарапутра. Они засунут вам в череп чужие мозги, а ваши выбросят на помойку. Вот куда один за другим уходили ваши друзья — на смерть. Мы увезем вас на Эскобар, где вам предоставят убежище...

С самого начала в коридоре собрались не все мальчишки, а теперь те, кто стоял сзади, начали по одному отходить и возвращаться в свои отдельные комнаты. Послышался шум. Один темноволосый мальчишка попытался проскочить в коридор за двустворчатой дверью, и коммандос применил стандартный захват. Клон завопил от боли и неожиданности — и этот звук и потрясение прокатились, как взрывная волна. Парнишка яростно вырывался. У дендарийца вид был раздосадованный и неуверенный. Он не отпускал парнишку, ожидая дальнейших указаний.

— Возьмите своих друзей и следуйте за мной! — отчаянно проорал «Нейсмит» отступающим мальчишкам. Блондин резко повернулся и бросился бежать.

— По-моему, они нам не поверили, — сказал Торн. — Наверное, проще было бы их всех парализовать и унести. Мы не можем терять время — слишком плохая охрана.

— Нет...

Шлем вызывал командира. Он снова нахлобучил его. Голос сержанта Тауры, автоматически выделенный каналом, звучал достаточно разборчиво:

— Сэр, нам тут нужна ваша помощь.

— В чем дело?

Ее ответ заглушил голос женщины с воздушного мотоцикла:

— Сэр, с балконов дома, в котором вы находитесь, слезают несколько человек. А с севера подходят четыре охранника дома Бхарапутра.

Он отчаянно перебирал каналы, пока не нашел канал воздушной охраны.

— Не давай им уйти!

— Как я могу их остановить, сэр? — вопрос прозвучал резко.

— Парализатор, — беспомощно пролепетал он. — Подожди! Не парализуй тех, что спускаются, подожди, чтобы они слезли.

— Тогда мне будет плохо видно.

— Делай, что можешь. — Он снова нашел Тауру. — Что такое, сержант?

— Я хочу, чтобы вы поговорили с одной ненормальной. Уж вы-то сможете ее убедить — больше никто не может.

— Здесь... не все под контролем.

Торн поднял глаза к небу.

Тем временем пленный клон отчаянно лягался. Торн перевел свой парализатор на минимум и прикоснулся к шее брыкающегося мальчишки. Тот дернулся и бессильно обмяк. Не потеряв сознания, дико водя затуманившимися глазами, он начал плакать.

В приступе малодушия дубль-Майлз сказал Торну:

— Собери их всех. Как только сможешь. Я пойду к Тауре.

— Валяй, — прорычал Торн без всякой почтительности и резко повернулся, собирая своих людей. — Ты и ты — идите по той стороне. Ты — по другой. Ломайте двери.

Он позорно бежал под треск выбиваемых дверей.

Наверху было тише. Девочек меньше, чем мальчиков — в его время такая диспропорция тоже замечалась. Он часто задумывался над ее причиной. Переступив через тело коренастого охранника, он пошел к сержанту Тауре, ориентируясь по плану в шлеме.

Примерно десяток девочек сидели по-турецки на полу, сцепив руки за головой, под угрозой дендарийского парализатора. Их пижамные курточки и шорты были из розового шелка, а в остальном ничем не отличались от мальчишечьих. Вид испуганный, но по крайней мере сидят молча. Он шагнул в боковую комнату и там обнаружил Тауру и вторую дендарийку, нависших над высокой смуглой девочкой-женщиной, сидевшей за коммпультом, агрессивно скрестив руки на груди. Там, где должна была находиться пластина экрана, дымилась дыра от плазменного удара.

Девочка повернула голову, встряхнув длинными черными волосами, переведя взгляд с Тауры на него.

— Госпожа моя, ну и цирк!

Голос ее обжигал презрением.

— Она отказывается стронуться с места, — сказала Таура. В голосе ее звучало странное беспокойство.

— Девочка, — он отрывисто кивнул, — если ты останешься, ты умрешь. Ты — клон. Твое тело предназначе-

но твоему предку. Твой мозг извлекут и уничтожат. Возможно, очень скоро.

— И без тебя знаю, — сказала она презрительно, словно идиоту.

— Что?! — У него отвисла челюсть.

— Я знаю. И довольна своим предназначением. Моей госпоже угодно, чтобы было так. Я всецело предана своей госпоже.

Она подняла голову, и в глазах ее мелькнуло непонятное мечтательное обожание.

— Она связалась со службой безопасности Дома, — напряженно сказала Таура, кивая в сторону дымящегося экрана. — Описала нас, наше снаряжение — даже сообщила приблизительную численность.

— Вам не разлучить меня с моей госпожой, — подтвердила девочка с холодным и уверенным кивком. — Охранники вас убьют и спасут меня. Я — очень важная персона.

Как, к дьяволу, им удалось вывернуть девчонке мозги наизнанку? И можно ли все исправить за тридцать секунд? Он решил, что нет.

— Сержант. — Он сделал глубокий вдох и пропищал на выдохе: — Парализуйте ее.

Девочка попробовала увернуться, но не успела: парализатор ударил ей точно в лоб. Таура перепрыгнула через комм-пульт и поймала голову девочки до того, как она стукнулась об пол.

— У нас все? — спросил он.

— Как минимум две убежали по черной лестнице, — доложила Таура, хмурясь.

— Их парализуют, когда они попытаются выйти из здания, — успокоил он.

— А что, если они спрячутся внизу? На их поиски уйдет время. Нам уже пора возвращаться на катер.

— Секунду. — Он неловко перебрал каналы связи в поисках Торна. Донесся чей-то вопль: «...ин сын! Ах ты, маленький..».

— Что? — рявкнул Торн затравленно. — Ты уже собрал этих девчонок?

— Одну пришлось парализовать. Послушай, у тебя есть сведения об их количестве?

— Да, обнаружились на комме у смотрителя. Тридцать восемь мальчишек и шестнадцать девочек. У нас не хватает четырех — наверное, слезли с балкона. Рядовая Филиппи уложила троих, но утверждает, что четвертого не видела. Как у тебя?

— Сержант Таура говорила, что две девочки спустились по черной лестнице. — Он осмотрелся, стараясь не замечать дисплеев шлема, завихрившихся всеми цветами радуги. — Сержант, Торн говорит, что здесь должно быть шестнадцать тел.

Таура высунула голову в коридор, шевеля губами, потом вернулась, уставившись на парализованную девочку.

— Все равно одной не хватает. Кестертон, осмотри этаж, загляни в шкафы и под кровати.

— Слушаюсь, сержант. — Дендарийка бросилась выполнять приказ.

Он пошел за ней. В шлеме настойчиво звучал голос Торна:

— Пошевеливайтесь, там! Похищение рассчитано на быстроту, помните? У нас нет времени собирать разбежавшихся!

— Подожди, черт побери!

В третьей комнате рядовая заглянула под кровать и сказала:

— Ха! Поймала! — Она схватила брыкающуюся жертву за щиколотки и потянула. Добыча выскользнула на свет божий: невысокая девочка в розовой пижамной кофточке и шортах. Она тихонько повизгивала, ни на что не надеясь. У нее была копна белокурых кудряшек, но самым удивительным в ее внешности был потрясающий бюст: громадные налившиеся шары, которые не мог сдержать натянутый до предела шелк. Она перекатилась на колени и села на пятки, бессознательно поддерживая руками тяжелую грудь, словно по-прежнему потрясенная ее появлением.

«Десятилетняя. Сволочи!»

На вид ей было все двадцать. И такая чудовищная гипертрофия просто не могла быть естественной. Видимо, таково было требование заказчика. Вполне разумно: пусть клон пройдет все хирургические и обменные страдания. Осиная талия, широкие бедра...

— Уйдите, — скулила она, — уйдите, отстаньте! За мной завтра мамочка приедет!

— Парализуйте, — прохрипел он.

Им придется ее нести, но по крайней мере не придется ее слушать.

— Бедная куколка, — прошептала дендарийка.

Шлем вызвал его:

— Сэр, мы только что оттеснили парализаторами пожарных Бхарапутры. На них не было противопарализаторных костюмов. Но у охранников есть. Они высылают новые отряды, с более тяжелым вооружением. Парализаторы уже бесполезны.

«Нейсмит» попытался определить местоположение говорившего. Но не успел он это сделать, как взволнованный голос охранника с воздуха прервал его поиски:

— Сэр, с юга к вашему зданию подходит команда с тяжелым вооружением. Вам надо выбираться как можно скорее. Здесь скоро станет жарко.

Он дал знак, и дендарийка, подхватив «куколку», вышла из спальни.

— Сержант Таура, — окликнул он, — вы слышали сообщение?

— Да, сэр. Давайте двигаться.

Таура перекинула вторую парализованную девушку через плечо, и они повели толпу перепуганных девиц вниз

по лестнице. Девочки запротестовали, когда их направили к спальням мальчиков.

— Нам туда нельзя. Нас накажут.

Торн уложил шестерых парализованных мальчишек лицом вверх на полу в коридоре. Остальные стояли в ряд лицом к стене, расставив ноги, в позе пленных, а двое рядовых орали на них, заставляя оставаться на местах. Одни клоны злились, другие плакали, но все были перепуганы до смерти.

Он с ужасом посмотрел на парализованных:

— Как мы их всех утащим?

— Пусть сами и несут, — сказала Таура. — Так у нас руки будут свободны, а у них — заняты.

Она заботливо уложила свою ношу в конце ряда.

— Хорошо, — откликнулся Торн, с трудом отрывая зачарованный взгляд от «куколки». — Ворли, Кестертон, давайте-ка... — Он не договорил: срочное сообщение перекрыло все каналы в командирских шлемах.

Это кричала рядовая на воздушном мотоцикле:

— Сукин сын, катер... Внимание, ребята, слева от вас... — горячая волна помех, и: — ...А, едрена вошь...

И молчание — только шум помех на опустевшем канале.

Он отчаянно стал искать ее телеметрию — любой показатель с ее шлема. Локатор по-прежнему работал, показывая, что она находится на земле между двумя зданиями позади спортплощадки, на которой приземлился катер. Медицинские показания превратились в прямые линии. Погибла? Не может быть, должны сохраниться показатели химической активности крови... Помехи, изображение — туманное небо... Наконец-то он догадался: Филиппи потеряла шлем. Что еще она потеряла?

Торн поочередно вызывал то пилота катера, то охранников, оставленных в арьергарде. Никакого ответа. Капитан разразился проклятиями.

— Попробуй ты.

Все те же опустевшие каналы. Два других оставленных в охране дендарийца вели перестрелку с отрядом тяжеловооруженных охранников дома Бхарапутра.

— Нам надо определиться, — рявкнул Торн. — Сержант Таура, вы распоряжайтесь здесь, готовьте детей к быстрому маршу. Ты... — Похоже, теперь так обращались к нему. Почему Торн больше не называет его «адмирал» или «Майлз»? — ... пойдешь со мной. Рядовой Самнер, прикройте нас.

Торн бросился бежать. Клон проклинал свои короткие ноги. Вниз по лифтовой шахте, наружу через все еще горячие входные двери, за угол темного здания... Он догнал Торна — капитан прижался к углу здания, стоявшего у спортплощадки.

Катер был на месте, с виду целый и невредимый — ведь, конечно же, никакое оружие не может повредить

его оболочку, рассчитанную на бой в космосе? Трап втянут, люк закрыт. Темная фигура — павший дендариец или неприятель? — обмякла в тени под крылом. Торн, шепотом матерясь, начал набирать код на пульте. Люк распахнулся, трап скользнул вниз под вой сервомоторов... По-прежнему никого.

— Я войду, — объявил Торн.

— Капитан, согласно уставу, это моя обязанность, — сказал рядовой, выглядывая из-за огромной бетонированной кадки.

— Не сейчас, — отрезал Торн и зигзагом бросился вперед, взбежал по трапу и ворвался внутрь, держа плазмотрон на изготовку. Мгновение спустя из комма донесся его голос: — Давай, Самнер.

«Нейсмит» пошел за Самнером. Внутри была кромешная тьма. Они включили освещение шлемов: щупальца лучей метались из стороны в сторону... Внутри все вроде в порядке, но дверь в кабину пилота запечатана.

Торн знаком приказал рядовому занять позицию напротив и готовиться стрелять. Лже-Майлз встал позади Торна. Торн набрал еще один шифр. Дверь с мучительным стоном отъехала в сторону, содрогнулась и заклинилась.

Волна жара хлынула, как из топки. Затем последовал оранжевый взрыв: кислород ворвался в раскаленную кабину, и загорелось все, что могло гореть. Рядовой натянул кислородную маску, сорвал со стены химический огнетушитель и направил его в рубку пилота. Через несколько секунд они вошли.

Все оплавилось и сгорело. Пульт потек, оборудование обуглилось. В рубке стоял удушающий запах токсических продуктов сгорания пластика. И еще один — органический запах. Обуглившегося мяса. То, что осталось от пилота... Он отвернулся и с трудом сглотнул.

— У Бхарапутры нет... не должно было быть тяжелого оружия внутри комплекса!

Торн зашипел — ругательств у него уже не осталось — и ткнул пальцем:

— Они швырнули сюда пару наших собственных термомин, закрыли дверь и сбежали. Пилота должны были сначала парализовать. Один... сообразительный бхарапутрянский сукин сын... У них не было тяжелого оружия — они воспользовались нашим! Оттянули или оттеснили мою охрану, забрались внутрь — и посадили нас. Даже не стали задерживаться, устраивать засаду... Они могут сделать это, когда пожелают. Этот зверь больше не полетит.

Лицо Торна в свете ламп походило на вырезанный из камня череп.

От ужаса у клона перехватило горло.

— И что нам теперь делать, Бел?

— Отступать к зданию. Установить круговую оборону. Использовать заложников, чтобы обговорить условия сдачи.

— Нет!

— Ты можешь предложить что-нибудь получше... Майлз? — Торн скрипнул зубами. — Так я и думал.

Пораженный рядовой уставился на Торна.

— Капитан... — Он смотрел то на одного, то на другого. — Адмирал нас выручит. Мы бывали в переделках и похлеще.

— На этот раз — нет. — Торн выпрямился. Его голос был искажен мукой. — Моя вина — я за все в ответе... Это не адмирал. Это его брат-клон, Марк. Он нас провел, но я догадался уже давно. Раскусил его еще до посадки, пока мы даже не вошли в джексонианское пространство. Я решил, что справлюсь сам — и меня не поймают.

— А?..

У рядового недоверчиво шевелились брови. Такой пораженный вид мог быть у клона, почувствовавшего, что его усыпляют.

— Мы не можем... не можем предать этих детей и отдать обратно в руки Бхарапутры, — умоляюще прошептал Марк.

Торн запустил руку в обуглившийся комм, приклеенный к тому, что было креслом первого пилота.

— Кто предан? — Он провел осыпающуюся черную полосу по лицу Марка от щеки к подбородку. — Кто? — прошипел Торн. — У тебя есть... мысль... получше?

Марка трясло, в голове была полная пустота. Уголь на щеке горел.

— Отступайте к зданию, — сказал Торн. — Это — мой приказ.

ГЛАВА 6

— Никаких подчиненных, — твердо сказал Майлз. — Мне надо говорить с самым главным: раз — и все. И потом уматывать отсюда.

— Я попытаюсь еще, — сказала Куин. Она снова повернулась к комм-пульту тактического центра «Перегрина», который сейчас передавал изображение высокопоставленного офицера безопасности дома Бхарапутра, и снова принялась спорить.

Майлз откинулся в кресле, прижав ступни к полу, заставив руки спокойно лежать на утыканных кнопками управления подлокотниках. Спокойствие и самообладание. Такова стратегия. В данный момент — это единственная стратегия, которой он может воспользоваться. Если бы только он оказался здесь на девять часов раньше... Он методично осыпал проклятиями все задержки последних пяти дней на всех известных ему четырех языках, пока не иссяк словарный запас. Они не жалели

топлива и вели «Перегрин» с максимальным ускорением, так что почти сократили разрыв между ним и «Ариэлем». Почти. Задержки как раз дали Марку время воспользоваться этой бредовой идеей и довести дело до катастрофы. Но не одному только Марку. Майлз больше не придерживался теории, по которой у катастрофы был только один автор-герой. Такая полная каша требовала содействия нескольких десятков помощников. Ему очень хотелось поговорить наедине с Белом Торном — и как можно скорее. Он не ожидал, что Бел окажется таким же путаником, как и сам Марк.

Майлз осмотрел тактический центр, усваивая последнюю информацию. «Ариэль» вышел из игры: отступил под огнем противника и под командованием заместителя Торна, лейтенанта Харта, пристыковался к станции Фелл. Теперь его блокировало полдюжины кораблей охраны дома Бхарапутра, остановившихся на границе зоны Фелла. Еще два корабля Бхарапутры сейчас сопровождали на орбите «Перегрин». Пока это всего лишь условность: «Перегрин» сильнее обоих, вместе взятых. Это распределение сил изменится, когда к ним присоединятся все бхарапутрянские корабли. Если он не сможет убедить барона Бхарапутру, что в этом нет необходимости.

Он вызвал на свой дисплей вид ситуации на планете в том виде, как ее сейчас расшифровывал боевой компьютер «Перегрина». Внешняя структура медкомплекса была понятна даже с орбиты, но ему не хватало деталей внутреннего устройства, которые очень пригодились бы, если бы он планировал хитроумное нападение. Никакого хитроумного нападения. Переговоры и подкуп... Он поморщился, предвидя расходы. Бел Торн, Марк, Зеленый отряд и около пятидесяти заложников-бхарапутрян сейчас окружены в одном здании, отрезаны от поврежденного катера — и это длится уже восемь часов. Погиб пилот катера, трое рядовых ранены. Майлз поклялся себе, что за это Бел лишится командования.

Там, внизу, скоро рассветет. Бхарапутряне эвакуировали из комплекса всех гражданских лиц — слава Богу! — но взамен ввели тяжеловооруженный отряд и тактическое оборудование. Только из-за своих драгоценных клонов они пока не атакуют здание. Увы, он будет вести переговоры не с позиции силы.

Только спокойствие...

Куин, не оборачиваясь, подняла руку, подавая сигнал: «Готовься». Майлз осмотрел себя. Повседневный серый офицерский мундир был взят взаймы у самого низкорослого члена экипажа «Перегрина» — полутораметровой женщины-инженера и плохо на нем сидел. Недоставало половины нужных знаков различия. Существует агрессивно-небрежный стиль командования, но, право же, для успеха необходимо побольше реквизита. Предельная собранность и скрытая ярость должны при-

дать недостающую внушительность. Если бы не биочип на блуждающем нерве, то у него сейчас началось бы очередное прободение язвы желудка. Он подготовил пульт к подключению и стал ждать.

И вот появилось изображение хмурого мужчины. Темные волосы стянуты сзади золотым кольцом, подчеркивая волевые черты лица. Шелковая бронзово-коричневая туника — и никаких драгоценностей. Оливково-смуглая кожа. На вид — около сорока. Внешность бывает обманчивой. Для того чтобы стать неоспоримым главой джексонианского дома, нужна не одна жизнь, полная битв и интриг. Васа Луиджи, барон Бхарапутра, уже по крайней мере двадцать лет носил тело клона. Он явно хорошо о нем заботился. Период уязвимости при еще одной пересадке мозга вдвойне опасен для человека, о чьей власти мечтает такое количество беспринципных подчиненных.

«С таким человеком шутки плохи», — решил Майлз.

— Бхарапутра слушает, — сообщил мужчина в коричневом и стал ждать. Действительно, следовало считать, что этот человек и его дом — это одно.

— На связи Нейсмит, — сказал Майлз. — Командующий флотом дендарийских наемников.

— Очевидно, командующий не всем флотом, — невозмутимо отозвался Васа Луиджи.

Майлз раздвинул губы, не разжимая зубов, и ухитрился не покраснеть.

— Вот именно. Вы, надеюсь, поняли, что я не санкционировал этот налет?

— Я понял, что вы это утверждаете. Лично я не стал бы с такой готовностью объявлять о том, что подчиненные вышли из-под контроля.

«Он тебя дразнит. Спокойствие».

— Нам надо четко обозначить все факты. Я еще не выяснил, действительно ли капитан Торн совершил измену или просто обманут моим братом-клоном. В любом случае это ваш продукт по каким-то сентиментальным соображениям совершал попытку отомстить. Я — посторонний, пробующий все уладить.

— Вы, — барон моргнул, как ящерица, — просто диковинка. Мы вас не изготавливали. Откуда вы взялись?

— Это важно?

— Может оказаться важным.

— Тогда я могу продать вам эту информацию или обменять еще на что-то. Но даром я ее не отдам.

Это соответствовало хорошему тону, принятому на Архипелаге Джексона, — барон кивнул, ничуть не обидевшись. Они вступили в область Сделки, пусть это еще и не было переговорами между равными. Отлично.

Но барон не стал сразу же продолжать расследование происхождения Майлза.

— Так что вы от меня хотите, адмирал?

— Я хочу помочь вам. Если мне предоставить свободу действий, я могу извлечь своих людей из этого неприятного тупика на планете с минимальными потерями персонала и собственности Бхарапутры. Тихо и чисто. Я даже готов говорить о разумном возмещении причиненного ущерба.

— Мне не нужна ваша помощь, адмирал.

— Нужна, если не хотите увеличивать свои затраты.

Васа Луиджи прищурился, обдумывая его слова:

— Это угроза?

Майлз пожал плечами:

— Напротив. Наши с вами затраты могут оказаться очень незначительными — или очень крупными. Я бы предпочел первое

Взгляд барона на мгновение отклонился вправо, к какому-то предмету или человеку, который находился за пределами обзора камеры.

— Извините, адмирал, — минутку.

Вместо его изображения появился абстрактный узор.

Куин подошла поближе:

— Как ты думаешь, мы сможем спасти кого-то из этих несчастных клонов?

Он запустил руку в шевелюру:

— Дьявольщина, Элли, я все еще пытаюсь вызволить Зеленый отряд! Сомневаюсь.

— Страшно обидно. Мы так далеко летели.

— Послушай, у меня есть возможность совершать крестовые походы поближе к дому, — если они мне понадобятся. Черт возьми, гораздо больше, чем пятьдесят ребятишек каждый год умирают в глубинке Барраяра по подозрению в мутации, например. Я не могу себе позволить... донкихотство Марка. Не знаю, откуда у него эти идеи. Наверняка не из дома Бхарапутра. И не от комаррцев.

Куин подняла брови, открыла рот, но передумала и только грустно улыбнулась. Но в конце концов все-таки сказала:

— Я думаю о Марке. Ты все же говоришь, что хочешь заставить его доверять тебе.

— Подарить ему клонов? Хотел бы я, чтобы это было возможно. Сразу после того, как я придушу его голыми руками, а это будет вслед за тем, как я повешу Бела Торна. Марк — это Марк и ничего мне не должен, но Белу следовало бы знать, что он делает.

Он крепко стиснул зубы. Ее слова потрясли его, вызвав лихорадочные видения: оба корабля со всеми клонами на борту совершают нуль-переход из пространства Архипелага Джексона... Показав язык нехорошим бхарапутрянам, Марк, запинаясь, благодарит его. Восхищенно... И он привозит их всех матери... безумие. Это непостижимо. Если бы он все

спланировал сам, с начала до конца — может быть. В его планы, уж конечно, не входила бы полуночная атака в лоб без всякой поддержки. Пластина экрана снова сверкнула, и он жестом велел Куин отойти. Снова появился Васа Луиджи.

— Адмирал Нейсмит, — кивнул он. — Я решил позволить вам отдать приказ вашему мятежному экипажу, чтобы он сдался моим людям.

— Мне не хотелось бы затруднять ваших людей, барон. Они ведь и так всю ночь не спали. Они устали и нервничают. Я сам заберу своих людей.

— Это невозможно. Но я гарантирую им жизнь. Личные штрафы за преступления будут определены потом.

Выкупы. Он подавил вспышку ярости:

— Это... возможный вариант. Но штрафы должны быть установлены заранее.

— Не вам диктовать условия, адмирал.

— Я только хочу избежать недоразумений, барон.

Васа Луиджи поджал губы:

— Хорошо. За рядовых — по десять тысяч бетанских долларов. За офицеров — по двадцать пять тысяч. За вашего капитана-гермафродита — пятьдесят. Если вы не желаете, чтобы мы сами занялись... Нет? Не вижу, зачем бы вам мог понадобиться ваш... э-э... собрат-клон, так что его мы оставим себе. Взамен я отказываюсь от претензий по материальному ущербу.

Свыше четверти миллиона. Майлз внутренне содрогнулся. Ну, это все-таки реально.

— Но я не могу сказать, что клон меня не интересует. Какую... цену вы назначите за его голову?

— Ну зачем он вам? — удивленно осведомился Васа Луиджи.

Майлз пожал плечами.

— Казалось бы, это очевидно. Моя профессия полна неожиданностей. Я — единственный, оставшийся в живых из моей серии клонов. Тот, которого я зову Марком, удивил меня не меньше, чем я — его, кажется. Мы оба не знали о существовании еще одного плана по клонированию. Где еще мне найти такого идеального... донора органов — и так быстро?

Васа Луиджи раскрыл ладони:

— Мы могли бы договориться и хранить его для вас.

— Если уж он мне понадобится, то срочно. В таких обстоятельствах я буду опасаться резкого подъема рыночных цен. Кроме того, бывают несчастные случаи. Вспомните о несчастном случае, который приключился с бедным клоном барона Фелла, который находился у вас.

Казалось, похолодало градусов на двадцать. Майлз мысленно проклял свой язычок. Судя по всему, здесь этот эпизод по-прежнему оставался тайной — или по крайней мере очень неприличным вопросом. Барон смотрел на него если и

не с более глубоким уважением, то, во всяком случае, с большим подозрением.

— Если вы хотите, чтобы был изготовлен еще один клон с целью пересадки, адмирал, то вы обратились куда надо. Но этот клон не продается.

— Этот клон вам не принадлежит, — огрызнулся Майлз... Слишком стремительно, нет, надо сохранять спокойствие. Действовать хладнокровно, не показывать своих истинных чувств, притворяться этакой елейной личностью, которая действительно может заключить сделку с бароном Бхарапутрой и при этом не опасаться, что его вырвет от отвращения. Спокойствие. — Кроме того, вопрос в необходимых для этого десяти годах. Меня волнует не смерть от старости, а неожиданная и внезапная смерть. — Помолчав, он с героическим усилием выдавил: — Конечно, вам нет необходимости отказываться от претензий по материальному ущербу.

— У меня нет необходимости вообще что бы то ни было делать, адмирал, — напомнил ему барон. Хладнокровно.

«Не слишком на это полагайся, джексонианский ублюдок».

— А зачем вам нужен именно этот клон, барон? Если принять во внимание, насколько вам легко изготовить еще один.

— Не настолько. Его медицинская карта показывает, что там было немало сложностей.

Васа Луиджи постучал кончиком пальца по носу и улыбнулся без особого юмора.

— Вы планируете его наказать? Как предупреждение возможным последователям?

— Он, несомненно, отнесется к этому, как к наказанию.

Так, значит, на Марка действительно существуют какие-то планы. Или по крайней мере идея, которая пахнет выгодой.

— Надеюсь, это не относится к нашему барраярцу-родителю. Тот заговор давно скончался. Они знают о нас обоих.

— Признаюсь, его барраярские связи меня интересуют. И ваши барраярские связи тоже. По имени, которое вы себе присвоили, видно, что вам давно известно ваше происхождение. Каковы все же ваши отношения с Барраяром, адмирал?

— Неприятные, — признал он. — Они меня терпят. Я время от времени оказываю им услуги. За плату. Если не считать этого, мы взаимно друг друга избегаем. У Имперской службы безопасности Барраяра руки подлиннее, чем у дома Бхарапутра. Смею вас уверить, вы не заинтересованы в том, чтобы привлечь к себе их внимание.

Васа Луиджи приподнял брови, выражая вежливое недоверие.

— Родитель и два клона... Три идентичных брата. И все такие низенькие. Надо полагать, из вас получился бы один нормальный мужчина.

Не по делу. Барон пытается что-то из него выудить — информацию, надо полагать.

— Три, но едва ли идентичных, — сказал Майлз. — Оригинал, лорд Форкосиган — скучный зануда, как меня уверяют. Ограниченность своих способностей Марк, надо полагать, только что продемонстрировал. А я — усовершенствованная модель. Мои создатели планировали для меня вещи получше, но не слишком хорошо справились со своим делом, и я начал сам строить для себя планы. Похоже, два моих брата этому так и не научились.

— Хотел бы я поговорить с вашими создателями.

— Я тоже. Но, увы, они скончались.

Барон одарил его холодной улыбкой:

— А вы самоуверенный человечек, а?

Майлз изобразил ответную улыбку и ничего не ответил.

Барон откинулся на спинку кресла:

— Мое предложение остается в силе. Клон не продается. Но каждые тридцать минут штрафы будут удваиваться. Я советую вам, адмирал, побыстрее заключить сделку. Лучших условий вам не добиться.

— Мне надо проконсультироваться с главным бухгалтером флота, — придумал Майлз проволочку. — В ближайшее время я снова свяжусь с вами.

— А как же... — пробормотал Васа Луиджи, чуть улыбаясь собственному остроумию.

Майлз быстро отключил комм. Его трясло от стыда и бессильной ярости.

— Но главного бухгалтера флота здесь нет, — напомнила Куин немного озадаченно. Лейтенант Боуни отбыла с Базом и остальными дендарийцами.

— Мне... не нравится сделка, которую предлагает барон Бхарапутра.

— Разве Служба безопасности не может выручить Марка потом?

— Служба безопасности — это я.

Спорить Куин не могла и замолчала.

— Мне нужна моя космическая броня, — капризно сказал он, горбясь в кресле.

— Она у Марка.

— Знаю. Полуброня. И мой командирский шлем.

— Тоже у Марка.

— Знаю. — Он хлопнул рукой по подлокотнику, и раздавшийся в тишине резкий удар заставил Куин вздрогнуть. — Тогда шлем командира отряда!

— Зачем? — поинтересовалась Куин. — Ты же уверял, что в данном случае донкихотство неуместно.

— Я устрою более выгодную сделку. — Он вскочил.

— Пошли.

* * *

Привязные ремни врезались ему в тело, когда катер отстрелил захваты и с нарастающим ускорением отвалил от борта «Перегрина». Майлз взглянул через плечо пилота, чтобы быстро проверить, как изгиб планеты скользит за фонарем и от корабля отходят два боевых катера прикрытия. За ними следовал второй транспортный катер «Перегрина» — вторая половина двусторонней атаки. Слабая попытка стратегии. Примет ли Бхарапутра это всерьез? Будем надеяться. Он снова сосредоточился на сверкающем мире данных своего командирского шлема.

В конце концов ему все же не пришлось довольствоваться сержантским шлемом. Он реквизировал капитанское снаряжение Элен Ботари-Джезек, оставшейся в тактическом центре на борту «Перегрина».

«Верни мне его без дырок, черт бы тебя побрал», — сказала она на прощание. Практически все, что было на нем, принадлежало кому-то другому. На слишком большом костюме с противонейробластерной сетью пришлось подвернуть манжеты и закрепить резинками на запястьях и щиколотках. Куин на этом настояла, а так как он больше всего боялся нейробластера, то спорить не стал. Поверх — мешковатая полевая форма — тоже на резинках. Ремни плазменного зеркала достаточно хорошо убирали лишнюю ткань вокруг тела. Две пары носков в одолженных кем-то ботинках. Все это ужасно раздражало, но было не главной его головной болью в попытке за тридцать минут подготовить налет на планету.

Самой большой заботой было место посадки. Охотнее всего он выбрал бы крышу здания Торна, но пилот катера высказал опасение, что весь дом рухнет, если они попытаются посадить на него катер, и, кроме того, крыша оказалась двускатной, а не плоской. Следующая самая близкая площадка была занята мертвым и брошенным катером «Ариэля». От третьего места посадки, похоже, придется далеко идти, особенно на обратном пути, когда Служба безопасности Бхарапутры уже наверняка успеет предпринять контрмеры. Его любимым стилем атаки не был прямой подход к цели. Ну, может, сержант Кимура и Желтый отряд во втором катере заставят Бхарапутру поволноваться.

«Береги свой катер, Кимура. Теперь это наш единственный запасной вариант. Мне следовало бы привести сюда весь наш флот».

Он не обращал внимания на громыхание и вопль торможения собственного катера, вошедшего в атмосферу. Превосходное падение на грани допустимого риска, но он был бы рад, если бы они падали еще быстрее. Пока же он следил за продвижением своего прикрытия по разноцветным шифрам и графикам на дисплее шлема. Изумленные бхарапутряне на истребителях, охранявших «Перегрин», обнаружили, что вынуж-

4 Заказ 701

дены делить свое внимание. Они потратили несколько бессмысленных выстрелов на «Перегрин», потом метнулись было за Кимурой, потом повернули, чтобы преследовать боевое построение Майлза. Один из катеров Бхарапутры за эту попытку был разнесен на куски, и Майлз шепотом похвалил пилота дендарийского истребителя. Ну, это легко. Вот обратный путь будет куда как веселее. Другие бхарапутряне, смутившись, отстали, чтобы дожидаться подкреплений. Майлза уже охватил боевой азарт — ощущение более странное и сладкое, чем наркотик. Это продлится несколько часов, а потом резко оборвется, оставив выгоревшую оболочку с запавшими глазами и севшим голосом. Стоит ли того?

«Да, если мы победим».

«Мы должны победить».

Когда они оказались прямо над местом происшествия, он еще раз попытался связаться с Торном. Бхарапутряне глушили главные каналы командной связи. Он попытался перейти на другие частоты и передать короткий запрос по коммерческим каналам, но ответа не получил. Следовало бы поручить кому-то следить за этими частотами. Ну ладно, когда они окажутся на месте, он сможет к ним пробиться. Он вызвал изображение медкомплекса: заплясали призрачные картинки. Если уж говорить о прямом подходе, на мгновение он соблазнился идеей приказать своим катерам-истребителям открыть огонь и прожечь траншею от намеченного места посадки к убежищу Торна, снеся с пути все лишние здания. Но траншея будет слишком долго остывать, и, кроме того, здания могут послужить прикрытием не только охранникам Бхарапутры, но и его отряду. Конечно, не настолько хорошим: бхарапутряне лучше знают расположение. Он прикинул возможность существования туннелей, подземных коммуникаций и воздуховодов. Воспоминание о воздуховоде заставило его хмыкнуть и нахмуриться при мысли о Тауре, которая слепо пошла в эту мясорубку за Марком.

Яростное торможение наконец окончилось: вокруг них поднялись здания — превосходные пункты для снайперов, — и катер тяжело приземлился. Куин, которая, сидя напротив него, пыталась связаться с отрядом Торна, подняла глаза и просто сказала:

— Я поймала Торна. Попробуй канал 6-2-к. Пока только звук, изображения нет.

Переключившись на нужную частоту, Майлз вызвал своего бывшего подчиненного:

— Бел? Мы сели и направляемся за вами. Готовьтесь к прорыву. Там еще остались живые?

Ему не надо было видеть лица Бела, чтобы почувствовать, как оно скривилось. Но Бел хотя бы не стал тратить время на извинения и оправдания.

— Двое неходячих раненых. Рядовая Филиппи умерла примерно пятнадцать минут назад. Мы обложили ей голову льдом. Если вы сможете доставить переносную криокамеру, нам, возможно, удастся что-то спасти.

— О'кей, но у нас не будет времени с ней возиться. Начни готовить ее прямо сейчас. Нам надо действовать как можно быстрее.

Он кивнул Куин, и оба вышли из кабины пилота. Он приказал пилотам запечатать за ними двери.

Куин передала медику, с чем ему предстоит иметь дело, и первая часть Оранжевого отряда вырвалась из катера, заняв оборонительные позиции. Две небольшие бронированные машины на воздушной подушке последовали сразу же за ними, чтобы очистить все командные высоты от снайперов Бхарапутры, заменив их дендарийцами. Когда они доложили, что все очищено, Майлз с Куин вышли вслед за Голубым отрядом в холодный и влажный рассвет. Он оставил всю вторую половину Оранжевого отряда охранять катер, на тот случай, если бхарапутрянам вздумается повторить свой маневр.

Утренний туман чуть клубился у горячей обшивки катера. Небо стало жемчужным в неспешном наступлении утра, но здания медкомплекса по-прежнему нависали темными неосвещенными громадами. Вверх взвился воздушный мотоцикл, двое рядовых быстрой пробежкой двинулись вперед. За ними последовал Голубой отряд. Майлз сосредоточился, заставляя свои короткие ноги работать быстрее, чтобы не отстать от остальных. Ни одному длинноногому рядовому никогда не придется из-за него замедлять свое движение. Никогда! Ну по крайней мере на этот раз никому не пришлось его ждать, и он удовлетворенно хмыкнул, потратив последний запас дыхания. Отовсюду доносятся звуки стрельбы, видимо, охрана из Оранжевого отряда уже вовсю принялась за дело.

Они стремительно обогнули одно здание, прошли под прикрытием портика второго, потом миновали третье. Половина отряда то выходила вперед, то прикрывала остальных. Все получалось слишком легко. Комплекс напомнил Майлзу хищные цветы, в которых покрытые нектаром колючки отклонены назад. Проскользнуть внутрь таким маленьким жучкам, как он, легко. А вот попытка выбраться наружу лишает сил и в конце концов убивает...

Поэтому он испытал чуть ли не облегчение, когда взорвалась первая акустическая граната. Значит, бхарапутряне все-таки не придерживают все на закуску. Взрыв прозвучал немного в стороне и странно разнесся по проходам между домами. Граната не дендарийская — те звучат немного иначе. Он переключил каналы командирского шлема, чтобы следить за ходом боя: Оранжевый отряд расправлялся с гнездом бхарапутрянс-

ких охранников. Его тревожили не те охранники, которых удалось выкурить. Вот те, кого они не заметили... Он подумал, не выдвинул ли неприятель дополнительное оружие, стреляющее пулями или снарядами. Его холодило сознание недостающего элемента во взятой взаймы полуброне. Куин пыталась всучить ему свою броню, но ему удалось убедить ее, что, когда слишком большой доспех начнет хлопать при ходьбе, он осатанеет. «Осатанеет еще больше», — кажется, пробормотала она вполголоса, но он не стал просить объяснений. На этот раз он не намерен возглавлять кавалерийскую атаку, это определенно.

Он сморгнул призрачный поток данных: отряд завернул за последний угол, спугнул трех-четырех затаившихся бхарапутрян и подошел к яслям. Большое приземистое здание с виду напоминало гостиницу. Разбитые двери вели в вестибюль, где призрачные защитники в сером камуфляже двигались за поспешно созданным прикрытием: сорванными с петель и укрепленными вертикально металлическими дверями. Быстрый обмен опознавательными знаками — и они прошли внутрь. Половина Голубого отряда мгновенно рассредоточилась, подменяя усталых защитников здания из Зеленого отряда. Вторая половина осталась охранять Майлза.

Медик протащил антигравитационную платформу с переносной криокамерой в двери, и его поспешно направили куда-то в глубину здания. Они предусмотрительно готовили Филиппи в отдельной комнатке, подальше от заложников-клонов. Первый шаг состоял в том, чтобы выпустить почти всю кровь пациента. В боевых условиях нечего и пытаться ее сохранить и законсервировать. Неаккуратная, поспешная и весьма непривлекательная процедура: неподходящее зрелище для людей слабонервных и неподготовленных.

— Адмирал, — раздался негромкий грудной голос.

Он резко обернулся, оказавшись лицом к лицу с Белом Торном. Лицо гермафродита было почти таким же серым, как и капюшон защитной сети. Несмотря на весь свой гнев, Майлзу было больно смотреть в это усталое, опустошенное лицо. Поражение. У Бела был вид человека, потерявшего все. И так оно и было. Они не обменялись ни единым словом обвинения или оправдания. В этом не было необходимости: все ясно читалось на лице Бела, и, как он подозревал, на его собственном тоже. Он кивнул в знак того, что видит Бела и все остальное.

Рядом с Белом стоял еще один солдат, верх шлема которого — «моего шлема!» — едва доставал до плеча Бела. Майлз почти забыл, как удивительно выглядит Марк.

«Неужели и у меня такой вид?»

— Ты... — У Майлза сорвался голос, так что ему пришлось замолчать и попробовать еще раз. — Позже, у нас с тобой будет длинный разговор. Похоже, ты очень многого не понимаешь.

Марк вызывающе вскинул голову.

«А у меня лицо не такое круглое». Наверное, это из-за капюшона.

— А как эти ребята? — сказал Марк. — Эти клоны?

— А что клоны?

Кажется, двое молодых людей в коричневых шелковых курточках и шортах помогали защитникам-дендарийцам, испуганные и взволнованные, но не озлобленные. Еще одна группа, девочки и мальчики вперемежку, сидели, явно перепуганные, на полу под зорким взглядом вооруженного парализатором рядового.

«Дьявольщина, они же действительно просто дети».

— Мы... ты должен взять их с собой. Или я останусь.

Зубы у Марка были сжаты, но Майлз заметил, как тот судорожно сглотнул.

— Нечего меня дразнить, — огрызнулся Майлз. — Конечно, мы их возьмем, иначе как мы, по-твоему, выберемся отсюда живыми?

Лицо Марка просияло. Он разрывался между надеждой и ненавистью.

— А потом? — подозрительно осведомился он.

— О, — саркастически пропел Майлз, — мы просто заявимся на станцию Бхарапутра, высадим их и вежливо поблагодарим Васа Луиджи за то, что он нам их одолжил. Идиот! Что, по-твоему, может быть потом? Погрузимся и бросимся наутек. Единственное, куда их можно будет высадить, это в космос, и могу гарантировать, что ты отправишься первым!

Марк содрогнулся, но сделал глубокий вдох и кивнул:

— Ну тогда ладно.

— Вовсе — даже — не — ладно, — отчеканил Майлз. — Просто... просто... — Он не нашел слов, которые могли бы охарактеризовать, что просто, если не считать, что это просто самая глубокая лужа, в которую ему доводилось садиться. — Если уж ты собрался выкинуть вот такую идиотскую штуку, то почему бы не посоветоваться с родственником-специалистом?

— С тобой? Обратиться к тебе за помощью? Ты что, считаешь меня сумасшедшим? — разъяренно спросил Марк.

— Да...

Их прервал изумленный парнишка-блондин, рассматривавший их, разинув рот.

— Так вы и правда клоны, — изумленно сказал он.

— Нет, мы близнецы, родившиеся с интервалом в шесть лет, — огрызнулся Майлз. — Да, мы такие же клоны, как и вы. Ну надо же, догадался! А теперь возвращайся, садись и слушайся приказов, черт побери!

Парнишка поспешно отступил, шепча:

— Это правда!

— Чертовщина, — тихонько заскулил Марк. — Почему это вдруг они поверили тебе, а не мне? Это несправедливо!

Голос Куин в шлеме прервал семейную встречу:

— Майлз, если вы с Дон-Кихотом-младшим завершили обмен приветствиями, то медик Норвуд подготовил и загрузил Филиппи и раненые готовы к отправке.

— Выстраивайтесь, давайте отправлять первую партию. — Он вызвал сержанта Голубого отряда: — Фрэмингем, возглавьте первый конвой. Готовы?

— Готовы. Сержант Таура их собрала.

— Идите. И не оглядывайтесь.

Полдюжины дендарийцев, примерно втрое больше ошеломленных и измученных клонов и двое раненых рядовых на антигравитационных платформах собрались в вестибюле и вышли через разбитые двери. Похоже, Фрэмингему не слишком приятно было использовать двух юных девушек в качестве заслона от стрелкового оружия: его темно-шоколадное лицо было мрачным. Но бхарапутрянским снайперам придется очень-очень тщательно целиться. Дендарийцы заставили клонов двигаться если не бегом, то хотя бы рысцой. Не прошло и минуты, как за первой группой ушла вторая. Майлз включил на периферии своего зрения связь с обоими руководителями, по одной с каждой стороны, и в то же время напрягал слух, пытаясь уловить смертоносный вой оружия.

Неужели проскочим? Сержант Таура вывела в вестибюль последнюю группу клонов. Она приветствовала его взмахом руки: ей даже секунды не понадобилось, чтобы разобраться, где он, а где Марк.

— Рада видеть вас, сэр, — пророкотала она.

— Взаимно, сержант, — искренне отозвался он. Если бы Марк ухитрился убить Тауру, то он никогда не смог бы с ним примириться. В какой-то более удобный момент необходимо будет выяснить, как это Марку удалось ее провести и на каком уровне интимности. Но позже.

Таура придвинулась к нему и прошептала:

— Мы потеряли четырех ребятишек — сбежали к бхарапутрянам. Меня от этого как-то мутит. Нет возможности?..

Он с сожалением покачал головой:

— Никакой. На этот раз никаких чудес. Нам надо хватать то, что можем, и смываться, чтобы не потерять все.

Она кивнула, прекрасно осознавая тактическую ситуацию. Но, к несчастью, от понимания легче не становилось.

Медик Голубого отряда вывез большую антигравитационную платформу с криокамерой. Прозрачная часть сверкающего цилиндра была прикрыта одеялом, чтобы защитить обнаженное тело пациента от посторонних взглядов. Таура заставила клонов встать.

Бел Торн осмотрелся.

— Я здесь все ненавижу, — сказал он ровным голосом.

— Может, нам удастся на этот раз разбомбить тут все, когда будем улетать, — так же ровно ответил Майлз. — Наконец-то.

Бел кивнул.

Целая толпа — около пятнадцати последних клонов, платформа, арьергард дендарийцев, Таура и Куин, Марк и Бел — просочилась через входные двери. Майлз поднял глаза с таким чувством, будто у него на шлеме нарисована аккуратненькая мишень, но движущаяся на крыше противоположного дома фигура была одета в серый дендарийский камуфляж. Хорошо. На дисплее справа появилась информация, что Фрэмингем со своей группой добрались до катера без происшествий. Еще лучше. Он отключил связь с Фрэмингемом, уменьшил звук на канале связи со вторым руководителем до чуть слышного бормотания и сосредоточился.

Его размышления были прерваны голосом Кимуры: первый выход на связь командира Желтого отряда, высадившегося на другой стороне города.

— Сэр, сопротивления почти нет. Они нам не поверили. Насколько далеко мне надо зайти, чтобы заставить принимать нас всерьез?

— Как угодно далеко, Кимура. Тебе просто необходимо отвлечь внимание бхарапутрян. Оттягивайте их силы, но не рискуйте собой и в особенности своим катером.

Майлз надеялся, что лейтенанту Кимуре сейчас не до размышлений о несколько шизоидальной логике подобного приказа.

И тут снайперы Бхарапутры громко заявили о себе — в буквальном смысле слова: примерно в пятнадцати метрах перед ними взорвалась акустическая граната. Она пробила дыру в дорожке, и через несколько мгновений на них обрушился дождь раскаленных осколков — пугающих, но не слишком опасных. Он почти оглох, и поэтому вопли клонов показались странно тихими.

— Надо идти, Кимура. Соображай сам, ладно?

Промах был не случайным, понял Майлз, когда плазменным огнем зажгли дерево справа и стену слева от них. И то, и другое вспыхнуло. Их специально брали в вилку, чтобы посеять панику среди клонов, и это великолепно сработало: они начали увертываться, падать, хвататься друг за друга, кричать... Еще парочка таких попаданий — и разбегутся кто куда. И тогда их уже не соберешь. Плазменный огонь ударил прямо в одного из дендарийцев, демонстрируя, что бхарапутряне могут и это. Зеркальный экран поглотил плазменный луч и отбросил его с обычной адской голубой вспышкой, еще сильнее напугав ребятишек. Более опытные бойцы встретили огонь спокойно. Судя по углу обстрела, бхарапутряне находились главным образом над ними.

Таура посмотрела на паникующих клонов, огляделась, подняла плазмотрон и разнесла двери ближайшего строения — то ли склада, то ли гаража.

— Заходи! — зычно крикнула она.

Это было удачное решение: если уж они готовы бежать, то побегут хотя бы все в одном направлении. Если только не останутся внутри. Если они снова позволят окружить себя и обезвредить, то старший брат на выручку уже не придет.

— Двигайтесь! — поддержал ее Майлз. — Но только не останавливайтесь! Выходите с противоположной стороны!

Она махнула рукой, подтверждая, что слышит, и ребятишки кинулись из зоны обстрела туда, где, им казалось, безопаснее. Майлз боялся, что они теперь в ловушке, но клонам необходимо держаться вместе. Если есть что-то худшее, чем попасть в западню, так это рассеяться и дать себя переловить поодиночке. Он пропустил всех вперед и двинулся следом. Двое рядовых Голубого отряда отступали последними, стреляя из плазмотронов вверх. Он рассчитывал, что это будет только предупреждающий огонь, но одному из рядовых повезло. Его выстрел достал одного бхарапутрянина, который опрометчиво попытался перебежать по краю крыши. Полуброня поглотила огонь, но солдат споткнулся и упал, страшно закричав. Майлз попытался не услышать звука падения об асфальт — и не смог. Крик оборвался.

Майлз повернулся и бросился по коридору к двустворчатым дверям, где его ждал Торн.

— Я буду замыкающим, — вызвался Торн.

Может, Торн мечтает героически погибнуть, избежав тем самым неизбежного трибунала? На мгновение Майлзу страшно захотелось это ему позволить. Очень по-форовски. Иногда истинные форы ведут себя совершенно по-идиотски.

— Ты поведешь клонов к катеру, — огрызнулся Майлз. — Заканчивай дело, за которое взялся. Если уж мне приходится столько платить, я хочу получить то, за что плачу.

Торн оскалил зубы, но кивнул. Оба помчались за отрядом.

За двустворчатыми дверями оказалась громадная комната с цементным полом. Высоко под потолком шли красные и зеленые переходы, увешанные таинственными кабелями. Тусклые лампы отбрасывали неверные тени. Он заморгал в полумраке и чуть было не решил опустить инфракрасный фильтр. Похоже, они попали в какой-то сборочный цех, хотя сейчас здесь пусто. Куин с Марком медлили, поджидая его, и не хотели обращать внимания на то, что Майлз жестами приказывал им двигаться дальше.

— Чего ради вы остановились? — рявкнул он, резко тормозя рядом с ними.

— Осторожнее! — заорал кто-то. Куин резко обернулась, поднимая плазмотрон, выискивая цель. Марк глупо разинул рот и оцепенел.

Майлз заметил бхарапутрянина — на какую-то долю секунды они ошеломленно застыли, уставившись друг на друга. Отряд вражеских снайперов, видимо, вышел из туннелей. Они бестолково суетились среди подпорок и казались столь же ошарашенными, как и преследуемые ими дендарийцы. Бхарапутрянин направил прямо на него какое-то огнестрельное оружие, и сверкнула вспышка.

Майлз, конечно, не мог увидеть снаряд — даже когда он попал ему в грудь. Только его грудная клетка вдруг раскрылась, словно цветок. И звук — не слышный, а только ощутимый, отбросивший его назад, словно ударом кувалды. И в его глазах тоже расцвели темные цветы, закрыв весь мир.

Он был удивлен — не тем, что успел передумать (для мыслей времени не было), но тем, сколько успел перечувствовать за те недолгие секунды, пока последняя кровь не пробежала через его мозг... Стены, бешено закрутившиеся вокруг него — бездонная пропасть боли, ярость и гнев, — и краткий миг неизмеримо глубокого сожаления.

«Постойте, я еще не...»

ГЛАВА 7

Марк стоял так близко, что взрыв снаряда он воспринял как внезапно наступившую тишину. Все произошло так быстро, что он не успел ничего осознать, не успел даже зажмуриться, чтобы защитить себя от ужасного зрелища. Маленький человечек, который только что орал и жестами приказывал им идти вперед, вдруг упал навзничь, раскинув руки. Струя крови ударила в Марка с обжигающей силой.

«Так. Значит, ты тоже можешь ошибаться, — было его первой абсурдной мыслью. Эта абсолютная беззащитность невыносимо его потрясла. — Я не думал, что ты можешь быть ранен. О черт, я не думал, что ты можешь быть...»

Куин закричала, все вдруг отшатнулись, а потом застыли на месте. Майлз лежал на цементном полу с разнесенной взрывом грудной клеткой, с открытым ртом, без движения.

«...убит».

Марку уже приходилось видеть мертвеца, тут ошибиться невозможно.

Куин, задыхаясь от ярости, поливала плазменной струей бхарапутрян. Она не могла остановиться, пока раскаленные куски потолка не посыпались чуть ли не на голову им самим. В этот момент кто-то из дендарийцев отвел ее руку в сторону.

— Таура, достань их! — Куин указала наверх.

Таура стрельнула вверх захватом, зацепившимся за потолочную балку. Она поднялась на полной скорости, словно бешеный паук. В пятнах света и тени Марку трудно было уследить за ее продвижением: она с нечеловеческой быстротой понеслась по переходам, и вскоре вниз посыпались охранники дома Бхарапутра. Вся их полуброня по последнему слову техники оказалась бессильна перед громадными когтистыми руками. Три человека упали, обливаясь кровью, с разорванными глотками. Одного из рядовых дендарийцев, перебегавшего через помещение, чуть не пришибло вражеским телом. Современные военные действия не должны сопровождаться подобным кровопролитием: обычно оружие аккуратненько всех поджаривает, словно раков в панцирях.

Куин не обращала на это ни малейшего внимания, словно результаты приказа уже не имели к ней никакого отношения. Она нерешительно опустилась на колени рядом с Майлзом. Потом вдруг стянула с него командирский шлем. Швырнув свой шлем на пол, она надела поверх гладкого серого капюшона шлем Майлза. Ее губы зашевелились, устанавливая контакт, проверяя каналы связи... Она отдала приказы охране периметра, соединилась с катером... И еще один приказ:

— Норвуд, возвращайся сюда, возвращайся сюда! Да, неси ее, неси сейчас же! Быстро, Норвуд! — Она только на одну секунду отвела взгляд от Майлза, чтобы крикнуть: — Таура, обеспечь охрану этого строения!

Сверху сержант моментально начала выкрикивать приказы своим людям.

Куин вытащила вибронож из ножен на поясе и стала взрезать полевой мундир Майлза, вспарывая ремни и нейробластерный костюм, отбрасывая в сторону окровавленные лоскуты. И тут подоспел медик с антигравитационной платформой. Он затормозил и опустил платформу на пол рядом с погибшим командующим. Полдюжины ошарашенных клонов шли за медиком гуськом, как утята, и теперь застыли, сбившись в кучку и с ужасом взирая на отвратительные последствия короткого, но бурного боя.

Медик переводил взгляд с тела Майлза на загруженную криокамеру.

— Капитан Куин, это бесполезно. Двое туда не поместятся.

— Черта с два бесполезно. — Куин, шатаясь, поднялась на ноги. Кажется, она не осознавала, что у нее по лицу текут слезы. — Черта с два. — Она безнадежно посмотрела на сверкающую криокамеру. — Вываливай ее.

— Куин, я не могу!

— Мой приказ. На моей совести.

— Куин! — в его голосе слышалась мука. — Разве он отдал бы такой приказ?

— Он только что потерял право голоса. Ладно. — Она судорожно вздохнула. — Я это сделаю. Начинай его готовить.

Сжав зубы, медик послушно начал выполнять приказ. Он достал лоток с инструментами. Инструменты были в беспорядке, ими уже воспользовались и поспешно убрали обратно. Он выкатил несколько больших теплоизолированных бутылей.

Куин раскрыла камеру. Раздался хлопок, когда нарушилась герметичность, и крышка распахнулась. Она просунула руки внутрь, расстегивая что-то, Марк не видел что. И не хотел бы видеть. Она зашипела от боли, когда мгновенно замерзшая кожа на руках начала отслаиваться, но снова сунула руки обратно. Охнув, она вытащила из камеры зеленоватое, усеянное синяками обнаженное тело женщины и положила его на пол. Это была разбившаяся рядовая с мотоцикла, Филиппи. Патруль Торна, несмотря на обстрел бхарапутрян, в конце концов нашел ее рядом с упавшим воздушным мотоциклом. Перебитый позвоночник, переломанные руки и ноги... Она умирала несколько часов, несмотря на героические попытки медика Зеленого отряда ее спасти. Куин подняла голову и заметила, что Марк на нее уставился. Ее лицо искажало отчаяние.

— Ты... нечего таращиться... заверни ее, — прошипела Куин и поспешила туда, где медик Голубого отряда стоял на коленях рядом с Майлзом.

Марк наконец вышел из оцепенения, засуетился, отыскал среди медицинских припасов тонкую теплозащитную фольгу. Он боялся мертвого тела, но еще больше он боялся Куин. Расстелив серебристое покрывало, он перекатил на него холодную мертвую женщину. Под его робкими пальцами тело было холодным и жестким.

Распрямившись, он услышал, как медик бормочет, глубоко запустив руки без перчаток в кровавое месиво, бывшее когда-то грудью Майлза Форкосигана:

— Не могу найти вход. Где, к дьяволу, вход? Хоть аорта чертова, хоть что...

— Уже больше четырех минут, — прорычала Куин, вытащила свой вибронож и перерезала Майлзу горло. Она сделала два аккуратных разреза.

Медик поднял глаза и спокойно сказал:

— Проследи за тем, чтобы взять сонную артерию, а не яремную вену.

— Я пытаюсь. На них не написано. — Она отыскала что-то бледное и резинистое. Вытащив трубку из горлышка термоизолированной бутыли, она засунула ее пластиковый конец-сопло в якобы артерию и включила питание: крошечный насос зажужжал, проталкивая прозрачную зеленоватую жидкость через прозрачные трубки. Вытащив из бутыли вторую трубку, она вставила ее в разрез по другую сторону шеи Майлза.

Из рассеченных вен хлынула кровь и потекла по рукам, кровь не пульсировала, как при работе сердца, а текла ровным механическим потоком. Она растеклась по полу сверкающей лужей, а потом стала уходить по какому-то незаметному наклону для слива маленьким карминовым ручейком. Невероятное количество крови. Сбившиеся в кучку клоны плакали. У самого Марка голова пульсировала болью, такой сильной, что в глазах потемнело.

Куин все продолжала закачивать жидкость, пока наружу не потекла такая же зеленовато-прозрачная. Тем временем медик, похоже, нашел тот вход, который искал, и закрепил еще две трубки. Новая кровь, смешанная с криожидкостью, волной выхлестнулась из раны. Ручеек превратился в реку. Медик стянул с Майлза ботинки и носки и приложил датчики к его бледнеющим ступням.

— Почти порядок... Черт, все истратилось.

Он бросился к своей бутыли, которая отключилась и замигала красным индикатором.

— Я использовала все, что было, — сказала Куин.

— Этого, наверное, хватит. Они оба были маленькие. Поставь зажимы... — Он швырнул ей что-то блестящее, что она поймала на лету. Они склонились над маленьким телом. — Ну, в камеру, — решил медик.

Они поспешно положили его в криокамеру, оставив на полу кучу пропитанных кровью обрывков мундира. Куин, предоставила последние подключения медику и отвернулась, невидяще уставившись в пространство. Она не смотрела на длинный серебристый пакет у своих ног.

Рысцой прибежал Торн. Где он был? Торн поймал взгляд Куин и, указав на бхарапутрян, доложил:

— Они точно пришли через туннели. Я сейчас поставил охрану у всех выходов.

Торн безнадежно нахмурился на криокамеру. Гермафродит вдруг оказался... пожилым. Нет, даже не пожилым — старым.

Куин отреагировала на это кивком.

— Переключись на канал 9-В. У нас неприятности снаружи.

Несмотря на шок, Марк вдруг почувствовал нечто вроде мрачного любопытства и снова включил свой шлем. Он бессильно и безнадежно отключил его уже много часов назад, когда Торн отнял у него командование. Теперь Марк с интересом следил за передачами капитанов.

Заградительные посты Голубого и Оранжевого отрядов находились под сильнейшим давлением усиленных отрядов охраны дома Бхарапутра. Задержавшаяся в этом здании группа Куин притягивала бхарапутрян, жужжавших вокруг, словно мухи вокруг падали. Две трети клонов находились уже в катере, и тяжелый огонь прекратился, но воздушные подкрепле-

ния собирались быстро, кружа над ним, как коршуны. Куин и группа прикрытия вот-вот будут отсечены и окружены.

— Должен быть другой путь, — пробормотала Куин, переключая каналы. — Лейтенант Кимура, как у вас? Сопротивление все еще вялое?

— Оно дивно оживилось. — Высокий, странно жизнерадостный голос Кимуры пробивался через волны разрядов, говоривших о плазменном огне и включении его зеркального противоплазменного поля. — Мы достигли цели и выходим из боя. Пытаемся. Поболтаем потом, ладно?

Опять помехи.

— Какой цели? Позаботься о своем чертовом катере, слышишь, парень? Тебе еще, может, придется лететь за нами. Свяжись со мной в ту же секунду, как окажешься в воздухе.

— Ладно. — Небольшая пауза. — А почему по этому каналу не говорит адмирал, Куини?

Куин зажмурилась от боли:

— Он... временно недосягаем. Шевелись, Кимура!

Ответ Кимуры, какой бы он ни был, потонул в сумятице помех. В шлеме Марка не было заложено никакой программы относительно Кимуры и его цели, но похоже, что лейтенант выходит на связь не из медкомплекса. Ложный выпад? Если так, то Кимура отвлек от них недостаточно много охранников. Канал сержанта Фрэмингема, находящегося в катере, настоятельно призывал Куин спешить — и почти одновременно заградительные силы Оранжевого отряда доложили, что их вытеснили с еще одной выгодной позиции.

— Катер может приземлиться на крышу этого здания и забрать нас? — спросила Куин, разглядывая балки на потолке.

Торн хмуро проследил за ее взглядом:

— Думаю, он проломит крышу.

— Дьявол. Есть еще идеи?

— Вниз, — неожиданно вмешался Марк. Оба дендарийца дернулись и еле успели удержаться и не упасть на пол. — Через туннели. Бхарапутряне пришли сюда — мы можем уйти отсюда.

— Там настоящий лабиринт, — возразила Куин.

— У меня есть план, — сказал Марк. — У всего Зеленого отряда он есть, в программах. Зеленый отряд может нас вести.

— Так что же ты раньше молчал? — рявкнула Куин, нелогично забыв о том, что этого «раньше» практически и не было.

Торн кивнул, подтверждая его слова, и начал быстро прослеживать маршрут по объемной голокарте шлема.

— Реально. Мы окажемся в здании позади твоего катера, Куин.

Там заграждения почти нет. А внизу численное превосходство им не поможет.

Куин уставилась на пол.

— Ненавижу грязь. Мне нужен вакуум и простор для действий. Ладно, пошли. Сержант Таура!

Поспешные сборы, еще несколько взорванных дверей — и небольшой отряд снова двинулся вперед, вниз по лифтовой шахте, в подземные коммуникации. Передовые разведывали путь перед основным отрядом. Таура и полдюжины клонов несли завернутое тело Филиппи, уложенное на три металлических прута, которые она оторвала от перил переходов. Словно у мотоциклистки еще осталась какая-то слабая надежда на воскресение.

Марк обнаружил, что шагает рядом с криокамерой, которую тащил обеспокоенный медик. Краешком глаза он заглянул под прозрачную крышку. Его родитель лежал с открытым ртом, бледный, синегубый и неподвижный. Иней перьями оседал на швах, с радиатора охлаждающего элемента сорвалась волна отводимого тепла. На инфракрасном скопе противника такая волна вспыхнет костром. Марк задрожал и весь сжался. Как холодно, как хочется есть.

«Будь ты проклят, Майлз Форкосиган. Я так много хотел сказать тебе, а теперь ты не слушаешь».

Прямой туннель привел их в просторный вестибюль. Сколько здесь разных ответвлений и перекрестков... Лифтовые шахты, пожарные лестницы, еще туннели, чуланы... Все двери распахнуты или взорваны их авангардом, выискивавшим бхарапутрян. В воздухе резко пахло дымом и плазменным огнем. К сожалению, здесь авангард нашел то, что искал.

Погас свет. Вокруг Марка на шлемы всех дендарийцев опустились фильтры: они перешли на инфракрасный обзор. Он сделал то же и потерянно уставился на мир без красок. Два передовых дендарийца из разных коридоров вбежали обратно в вестибюль, стреляя из плазмотронов. Четверо бхарапутрян в полуброне выскочили из лифтовой шахты, разделив колонну Куин пополам, и они оказались втянутыми в рукопашный бой. Марка случайно сбил с ног дендариец, и он пригнулся рядом с антигравитационной платформой.

— Она не защищена, — простонал медик, шлепая по криокамере, когда над самыми их головами хлестнул плазменный луч. — Одно прямое попадание, и...

— Тогда в лифтовую шахту! — заорал Марк. Медик кивнул, задвигая платформу в ближайшее темное отверстие, где не было бхарапутрян. Шахта оказалась отключенной, иначе противодействующее гравиполе могло бы замкнуть цепи и на платформе, и в камере. Медик взгромоздился на криокамеру, словно на лошадь, и начал медленно спускаться вниз. За ним на руках по запасной лестнице начал спускаться еще один рядовой. Плазменный огонь три раза почти без интервалов ударил в Марка, снова сбив его с ног. Его зеркальная защита взре-

вела, рассыпая голубые искры, и он перекатился к шахте через волны жара. Цепляясь за лестницу, он ушел из зоны обстрела.

Но ненадолго. В отверстии над ними сверкнул шлем бхарапутрянина, и огонь плазмотрона ударил вниз по лифтовой шахте, словно молния. Рядовой помог медику вытолкнуть платформу в самый нижний проход и нырнул следом. Марк пробрался за ними, ощущая себя живым факелом, опутанным шумным голубым свечением. Который это уже выстрел? Он потерял счет. Сколько еще сможет выдержать его защита?

Рядовой приготовился стрелять, целясь в лифтовую шахту, но бхарапутрянин за ними не полез. Они стояли в темноте и тишине — сверху в шахту доносились выстрелы и крики боя наверху. Этот вестибюль поменьше, и из него только два выхода. Тусклое желтое аварийное освещение вдоль пола казалось обманчиво теплым.

— Черт, — сказал медик, глядя вверх. — Кажется, мы только что дали себя отрезать.

— Не факт, — возразил Марк. Медик и рядовой были не из Зеленого отряда. Он включил план, нашел их местоположение и предоставил компьютеру шлема проложить маршрут. — С этого уровня туда тоже можно добраться. Путь немного более кружной, но именно поэтому меньше вероятности наткнуться на бхарапутрян.

— Ну-ка я посмотрю, — потребовал медик.

Нехотя, но с облегчением, Марк отдал ему свой шлем. Медик нахлобучил его себе на голову и стал смотреть на красную линию, змеящуюся по трехмерному изображению медкомплекса. Марк рискнул бросить быстрый взгляд вверх, в лифтовую шахту. Бхарапутрян не видно, и звуки боя стали более приглушенными. Он нырнул обратно, поймав на себе неприязненный взгляд рядового.

«Да, я не ваш чертов адмирал. Очень жаль, правда?»

Рядовой явно считал, что бхарапутряне пристрелили не того коротышку. Чтобы понять это, Марку даже не нужны были слова. Он ссутулился.

— Угу, — решил медик. Было видно, как он сжал челюсти.

— Если вы поторопитесь, то можете оказаться там даже раньше капитана Куин, — сказал Марк. Он по-прежнему держал шлем медика. Сверху больше ничего не слышно. Что ему теперь делать? Догонять отряд Куин или остаться охранять платформу? Он не знал, что страшнее — Куин или огонь противника. Но, очевидно, оставаясь с криокамерой, он все-таки в большей безопасности.

Он сделал глубокий вдох:

— Вы... оставьте себе мой шлем. Я возьму ваш. — Медик и рядовой смотрели на него, словно отталкивая. — Я пойду за Куин и клонами.

Его клоны. А какое, собственно, дело Куин до их жизни?

— Ну так иди, — сказал медик. Они с рядовым вывезли платформу за двери и не оглянулись. Они явно решили, что он не помощник, а обуза, и были рады от него избавиться.

Он мрачно начал карабкаться вверх по лифтовой шахте. Оказавшись на уровне пола, он осторожно осмотрел вестибюль. Немалые разрушения. К удушающему дыму автоматическая противопожарная система добавила еще и пар. Одно тело в коричневой форме неподвижно лежало на полу. Пол мокрый и скользкий. Он вылез из шахты и неуверенно бросился в коридор, по которому должны были уйти дендарийцы, если не изменили намеченный маршрут. Новые следы плазменного огня убедили его в том, что он на верном пути.

Марк завернул за угол, резко затормозил и снова кинулся назад, чтобы спрятаться. Бхарапутряне его не заметили: они смотрели в противоположную сторону. Он отступил обратно по коридору, неловко переключая каналы незнакомого шлема, пока не связался с Куин.

— Капитан Куин? Э-э... это Марк.

— Куда ты подевался, черт возьми, и где Норвуд?

— У него мой шлем. Он повез криокамеру другим маршрутом. Я позади вас, но не могу вас догнать. Между нами четыре бхарапутрянина в полной космической броне. Заходят к вам с тыла. Будьте осторожны.

— Черт, теперь у них еще и преимущество. Ну, все. — Куин промолчала. — Нет. С ними я справлюсь. Марк, уматывай отсюда. Иди за Норвудом. Беги!

— Что вы собираетесь сделать?

— Уроню на этих подонков крышу. Пусть тогда попробуют воспользоваться своей космической броней. Беги!

Он бросился бежать, поняв, что она задумала. У первой же лифтовой шахты он ринулся к лестнице и стал отчаянно карабкаться вверх, не думая, куда она его приведет. Он не хотел уходить глубже под землю, когда...

Это было похоже на землетрясение. Лифтовая шахта затрещала и содрогнулась, а он цеплялся за перекладину, чувствуя, как в него бьет взрывная волна. Через секунду все уже закончилось, только эхо гулко перекатывалось по туннелям, и он снова начал подъем. Впереди показался дневной свет, посеребривший вход в лифтовую шахту.

Он оказался на первом этаже какого-то здания. Похоже на шикарную контору. Окна потрескались. Он разбил окно, выбрался наружу и поднял инфракрасный фильтр. Справа половина какого-то строения провалилась в чудовищную воронку. Оттуда поднимались удушливые клубы пыли. Возможно, бхарапутряне в крепкой космической броне все еще живы под всеми этими обломками, но, чтобы их вытащить, понадобится

несколько часов раскопок. Несмотря на ужас, он ухмыльнулся, пытаясь отдышаться и привыкнуть к дневному свету.

Шлем медика не давал ему таких возможностей для подслушивания, как командирский шлем, но он снова отыскал Куин.

— Хорошо, Норвуд, продолжайте двигаться, — говорила она. — Идите как можно быстрее! Фрэмингем! Слышишь? Следи за Норвудом. Начинай отводить ограждение. Взлетай, как только возьмешь на борт Норвуда и Тонкина. Кимура! Ты уже в воздухе? — Пауза. Марку не слышен был ответ Кимуры, кто бы он ни был и где бы ни находился, но по тому, что сказала Куин дальше, он смог понять смысл его ответа: — Ну, мы только что сделали себе новую посадочную площадку. Она немного неровная, но сойдет. Следуй по моему сигналу, опускайся прямо в воронку. Как раз хватит места. Да, еще как можешь, я проверила все лазерным скопом. И разрешение у тебя еще как есть. Теперь ты можешь рисковать катером, Кимура. Давай!

Он тоже бросился к воронке, пробираясь вдоль стены здания, пользуясь прикрытием архитектурных деталей, пока дождь бетонных осколков не подсказал ему, что поврежденный взрывом балкон начинает разваливаться. Остаться под ним и быть раздавленным или выйти на открытое место и быть застреленным? Какую цитату из военного пособия так любил Форкосиган? «Ни один из планов сражения не выдерживает первого столкновения с противником». Тактика и диспозиция Куин менялась с ошеломляющей скоростью. Она воспользовалась в буквальном смысле новым выходом. Рев спускающегося катера становился все громче, и он выскочил из-под балкона как раз в тот момент, когда вибрация окончательно расшатала его и один край обвалился. Он бежал не останавливаясь. Пусть снайперы Бхарапутры попытаются поймать движущуюся мишень...

Куин и ее группа отважились выйти как раз в тот момент, когда катер, вытянув длинные ноги наподобие гигантского насекомого, осторожно опустился в воронку. Несколько последних бхарапутрян заняли позицию на крыше здания напротив и открыли по ним огонь. Но они были вооружены только плазмотронами и по-прежнему старались не попасть в клонов, хотя одна девочка в розовой пижамке закричала, попав в поле плазменного зеркала дендарийца. Легкие ожоги, болезненные, но не смертельные. Она плакала и страшно перепугалась, но тем не менее кто-то из дендарийцев поймал ее и подтолкнул к люку, который уже начал открываться, выпуская трап.

Бхарапутряне, не надеясь сбить катер снайперским оружием, сменили тактику. Они начали сосредоточивать свой огонь на Куин. Выстрел за выстрелом ударяли в ее перегруженное зеркальное поле. Она вся сверкала голубыми искрами, шатаясь под ударами. Клоны и дендарийцы взбегали по трапу.

«Командирские шлемы притягивают огонь».

Он не видел другого выхода, кроме как пробежать перед ней. Воздух вокруг вспыхнул от рассеиваемой зеркальным полем энергии, но за эту короткую передышку Куин сумела сориентироваться. Она схватила его за руку, и они вдвоем взбежали по трапу — последние. Не успели они упасть в люк, как катер уже взлетел, втягивая трап. Люк загерметизировался за ними. Тишина показалась музыкой.

Марк перекатился на спину и лежал, хватая ртом воздух. Легкие его горели. Куин села. Лицо ее было красным пятном на фоне серого шлема. Просто легкий ожог, как при загаре. Она три раза истерически всхлипнула, потом сжала зубы. Ее пальцы робко прикоснулись к горящим щекам, и Марк вспомнил: у этой женщины когда-то плазменным огнем сожгло все лицо. Но только один раз. Второго не случилось.

Она встала на колени и принялась переключать каналы командирского шлема, чуть не стоившего ей жизни. С трудом поднявшись на ноги, она пробежала вперед. Марк сел и огляделся, полностью потеряв ориентацию. Он увидел сержанта Тауру, Торна, клонов. Остальные дендарийцы были ему незнакомы: надо полагать, Желтый отряд лейтенанта Кимуры, некоторые — в обычной полевой форме, некоторые — в полной космической броне. Выглядели они довольно потрепанными. Все четыре койки для раненых были разложены и заняты ранеными, пятый лежал на полу. Но занимавшаяся ими женщина-медик двигалась плавно, не дергалась. Видимо, состояние ее пациентов стабилизировалось и они могут дожидаться лечения в более благоприятных условиях. Но криокамера Желтого отряда, оказывается, была недавно занята. Теперь прогноз для завернутой в фольгу Филиппи был настолько плохим, что Марк сомневался, что ее заморозят по возвращении на борт «Перегрина». Но если не считать мотоциклистки и криокамеры, больше накрытых тел не было: отряд Кимуры выполнил свое задание, каково бы оно ни было, достаточно легко.

Катер накренился: они делали круг, не выходя пока на орбиту. Марк чуть слышно простонал и встал, чтобы пойти за Куин и выяснить, что происходит.

Увидев пленного, он остановился как вкопанный. Мужчина сидел со связанными за спиной руками, надежно привязанный ремнями к креслу, под охраной двух рядовых Желтого отряда: крупного мужчины и худой женщины, чем-то напомнившей змею, — гибкое мускулистое тело и немигающие глаза-бусинки. Пленный лет сорока был очень внушителен и одет в разорванный китель из коричневого шелка. Пряди темных волос выбились из золотого кольца, стягивавшего их сзади, и упали на лицо. Он не вырывался, а сидел спокойно, выжидая с холодным терпением, вполне соответствующим терпению женщины-змеи.

Бхарапутра. Сам Бхарапутра. Барон дома Бхарапутра, сам Васа-Луиджи. Он ничуть не переменился с того дня восемь лет назад, когда Марк последний раз мельком видел его.

Васа Луиджи поднял голову и глаза его чуть расширились при виде Марка.

— Так, адмирал, — пробормотал он.

— Вот именно, — автоматически ответил Марк нейсмитовской фразой. Катер накренился сильнее, и он покачнулся, стараясь скрыть ужас и смертельную усталость. Он ведь не спал и в ночь перед операцией.

«Бхарапутра, здесь?»

Барон приподнял бровь:

— Кто это на вашей рубашке?

Марк посмотрел на себя. Полоса крови еще не потемнела: она была влажной, липкой и холодной. Он почувствовал острое желание ответить: «Мой брат», — просто для того, чтобы потрясти. Но вряд ли барон доступен потрясениям. Марк предпочел отойти подальше, избегая более тесного общения. Барон Бхарапутра! Что, Куин с компанией собираются прокатиться верхом на этом тигре? Каким образом? Но по крайней мере теперь ему было понятно, почему катер может кружить над местом боя, не опасаясь вражеского огня.

Он нашел Куин и Торна в кабине пилота, вместе с командиром Желтого отряда Кимурой. Куин заняла место у пульта коммсвязи. Серый капюшон откинут, открыв спутавшиеся влажные кудряшки.

— Фрэмингем! Докладывай! — кричала она в комм. — Тебе необходимо взлетать! Воздушные подкрепления Бхарапутры почти у тебя над головой!

Через проход от Куин Торн работал с тактическим монитором. Две окрашенные дендарийские точки, истребители, наскакивали на эскадрилью вражеских катеров, пролетающих над призрачным городом, но никак не могли разбить их построение. Марк выглянул наружу, но в освещенном солнцем утреннем смоге не смог разглядеть реальные летательные аппараты.

— Мы сейчас осуществляем извлечение неходячего, мэм, — ответил голос Фрэмингема. — Минутку — и отряд вернется.

— Все остальные уже у вас? Норвуда вы взяли? Я не могу вызвать его шлем!

Наступила долгая пауза. Куин сжала кулаки... Ногти у нее были обгрызаны почти до мяса.

Наконец послышался голос Фрэмингема:

— Теперь мы его взяли, мэм. Все на борту — и живые, и мертвые, все, кроме Филиппи. Я не хочу никого оставлять этим гадам...

— Филиппи у нас.

— Слава Богу! Тогда все на месте. Мы взлетаем, капитан Куин.

— Ценный груз, Фрэмингем, — сказала Куин. — Встречаемся под огневым зонтиком «Перегрина». Истребители будут охранять ваши крылья.

На тактическом дисплее дендарийские точечки оторвались от неприятеля и оставили его позади.

— А как насчет ваших крыльев?

— Мы полетим следом за вами. Желтый отряд купил нам обратный билет первого класса. Возвращаемся на станцию Фелл.

— А потом улетаем?

— Нет. У «Ариэля» небольшие повреждения. Мы стыкуемся. Это договорено.

— Ясно. Увидимся там.

Дендарийские катера наконец соединились и начали ускоренный набор высоты. Марк отчаянно вцепился в кресло. Истребителям вражеский огонь опаснее, понял он, наблюдая за тактическим дисплеем. Один из истребителей явно хромал.

Он держался поближе к катеру Желтого отряда. Скорость выдерживали, ориентируясь на «раненого». Но в кои-то веки все шло по плану. Их преследователи неохотно отстали, когда катера вышли за пределы атмосферы.

Куин на мгновение устало облокотилась на пульт и спрятала лицо в ладонях. Торн сидел бледный и молчал. На Куин, Торне и на нем самом — следы крови. Теперь они как будто связаны этим.

Наконец показалась станция Фелл — крупнейшая орбитальная станция Архипелага Джексона, штаб-квартира дома Фелл и его город. Барон Фелл любил занимать господствующие высоты. В системе Главных домов у Фелла был перевес в грубой силе. Но грубая сила редко бывает доходной, а на Архипелаге Джексона успех исчисляется в звонкой монете. Какой монетой дендарийцы оплатят помощь станции Фелл или по крайней мере ее нейтралитет? Персоной барона Бхарапутры? Тогда какая роль достанется клонам — роль разменной монеты? И подумать только, что он ненавидел джексонианцев за торговлю людьми!

Станция Фелл как раз выходила из тени планеты, и надвигающаяся линия солнечного света эффектно подчеркивала ее гигантские размеры. Они начали тормозить, подлетая к одному из ответвлений, передав управление диспетчерской системе станции и тяжеловооруженным буксирам, возникшим словно из ниоткуда, чтобы сопровождать их. А вот и дрейфующий «Перегрин». Посадочные и боевые катера исполняли вокруг корабля сложный танец, подлетая к своим стыковочным захватам. Сам «Перегрин» осторожно двигался к отведенной стоянке.

Послышался стук захватов и шипение герметизирующихся переходных труб, возвещавших об их возвращении домой. В основном отсеке дендарийцы торопились с отправкой

раненых в лазарет «Перегрина», а потом уже устало перешли к наведению порядка и уборке. Куин промчалась мимо них, за ней по пятам — Торн. Марк последовал за ними.

Стремительный бег Куин привел ее к люку, где совершал стыковку катер Фрэмингема. Они оказались там, когда начали подводить гибкую трубу-переходник, а потом им пришлось посторониться: в первую очередь выгружали раненых. Марк с тревогой узнал рядового Тонкина, который сопровождал Норвуда. Тонкин сменил амплуа, превратившись из охранника в пациента. Лицо его потемнело и застыло. Он оставался без сознания, пока заботливые руки проносили его в корабль и укладывали на антигравитационную платформу.

«С ним что-то очень нехорошее».

Куин нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Появились другие дендарийцы, выводя клонов. Куин нахмурилась и протолкалась по гибкому переходнику в катер.

Торн и Марк пробрались следом за ней в хаос невесомости. Клоны были повсюду — одни плакали, других выворачивало наизнанку... Дендарийцы пытались их поймать и доставить к выходу. Крики, вопли и шум такие, что можно с ума сойти. Зычные окрики Фрэмингема не могли установить военный порядок, пока не выведут из катера всех перепуганных клонов.

— Фрэмингем! Где, черт возьми, криокамера, которую вез Норвуд? — спросила Куин, ухватив его за щиколотку.

— Но вы же сказали, что она у вас, капитан.

— Что?!

— Вы сказали, что Филиппи у вас. — Его губы растянулись в яростной гримасе. — Черт побери, если мы оставили ее внизу, я...

— Да, Филиппи у нас, но она... она была уже не в криокамере. Норвуд должен был доставить камеру вам — Норвуд и Тонкин.

— У них ее не было, когда мой спасательный отряд их нашел. Мы их обоих привезли — то, что от них осталось. Норвуд убит. Ему в глаз попала иглограната. Всю голову разнесло. Но я его тело не оставил, оно тут, в мешке.

«Командирские шлемы притягивают огонь. О, да, я это знал...»

Неудивительно, что Куин не удалось вызвать его шлем.

— Криокамера, Фрэмингем! — В голосе Куин звучала такая мука, какой Марку еще не приходилось слышать.

— Мы не видели никакой криокамеры, Куин! Когда мы до них добрались, у Норвуда с Тонкиным криокамеры не было! А что там такое ценное, если Филиппи, как вы говорите, у вас?

Куин отпустила его щиколотку и поплыла, сжимаясь в комок. Глаза ее стали темными и огромными. Она резко оборвала цепочку бессвязных ругательств и так сжала зубы, что у нее даже десны побелели.

— Торн, — сказала Куин, когда снова смогла говорить, — свяжись по комму с Элен. С этой секунды оба корабля прерывают связь с окружающим. Никаких отпусков, никаких увольнений, никаких переговоров со станцией Фелл или с кем-либо еще без моего ведома. Скажи, чтобы она вызвала сюда с «Ариэля» лейтенанта Харта. Мне надо переговорить с ними — и не по комм-связи. Иди.

Торн кивнул, перевернулся в воздухе и направился к кабине пилота.

— В чем дело? — спросил Фрэмингем.

Куин сделала глубокий-глубокий вдох:

— Фрэмингем, мы оставили внизу адмирала.

— Что за чушь — вот ведь он... — Палец Фрэмингема не дошел до Марка. Указующая рука сжалась в кулак. — О! — Он помолчал. — Это клон.

У Куин горели глаза. Марку казалось, что они прожигают его насквозь, словно лазерные дрели.

— Может, и нет, — тяжело проговорила Куин. — В том, что касается дома Бхарапутра.

— О? — Фрэмингем прищурился, соображая.

«Нет!» — мысленно вскрикнул Марк. Но беззвучно. Совершенно беззвучно.

ГЛАВА 8

Он словно оказался в одной комнате с полдюжиной маньяков убийц, страдающих от похмелья. До Марка доносилось их тяжелое дыхание. Они собрались в кают-компании рядом с главным тактическим центром «Перегрина». Только Элен Ботари-Джезек на своем месте во главе стола и сидящий справа от нее лейтенант Харт по-корабельному чистенькие и подтянутые. Остальные пришли в том виде, в каком вернулись с операции: Таура, сержант Фрэмингем, лейтенант Кимура, Куин, сидевшая слева от Ботари-Джезек, и, конечно, он сам — в одиночестве, на противоположном конце длинного стола.

Капитан Ботари-Джезек нахмурилась и молча пустила вдоль стола пузырек с болеутоляющими таблетками. Сержант Таура взяла шесть. Только лейтенант Кимура отказался. Таура передала пузырек через стол Фрэмингему, не предложив лекарство Марку. Он жаждал этих таблеток как глотка воды в пустыне. Пузырек обошел всех сидящих и вернулся в карман капитана. У Марка виски пульсировали в такт боли, а кожа на голове стянулась, как высыхающая шкура.

Ботари-Джезек заговорила:

— Нам предстоит решить только два вопроса — и предельно быстро. Что произошло и что нам делать теперь? Записи из шлемов сейчас будут здесь?

— Да, мэм, — ответил сержант Фрэмингем. — Их принесет капрал Абрамс.

— К сожалению, самого важного у нас нет, — заметила Куин. — Так, Фрэмингем?

— Боюсь, что да, мэм. Надо думать, записывающее устройство воткнулось в стенку в туннелях Бхарапутры вместе с остальными частями шлема Норвуда. Чертовы гранаты.

— Проклятие!

Куин ссутулилась в своем кресле.

Дверь скользнула в сторону, и рысцой вбежал капрал Абрамс. Он нес четыре небольших прозрачных пластиковых подноса, сложенных стопкой, с этикетками «Зеленый отряд», «Голубой отряд», «Желтый отряд», «Оранжевый отряд». На каждом подносе лежал ряд из десяти—шестнадцати крошечных пуговичек. Записывающие устройства шлемов. Личные записи каждого бойца: каждое движение, каждый удар сердца, каждый поворот, выстрел, удар, каждое слово. События, которые в реальном времени происходили слишком стремительно, могли быть замедлены, проанализированы, разобраны на кусочки. Ошибочные действия можно было выделить и исправить в следующий раз.

Абрамс отдал честь и вручил подносы капитану Ботари-Джезек. Поблагодарив, она отпустила его и передала подносы Куин, которая поочередно вставила их в паз моделирующего устройства и переписала данные. Кроме того, она сделала этот файл чрезвычайно секретным. Ее ободранные пальцы стремительно двигались по пульту.

Над крышкой стола возникло уже привычное изображение трехмерной карты медкомплекса дома Бхарапутра.

— Я сразу перескочу на тот момент, когда на нас напали в туннеле, — сказала Куин. — Вот где мы. Голубой отряд, часть Зеленого отряда... — Переплетенные спагетти голубых и зеленых нитей появились в глубине призрачного здания. — Тонкин был номером шестым Голубого отряда, и далее сохраняет свой шлем. — Ради контраста она высветила маршрут Тонкина желтым.

— На Норвуде все еще был надет Номер десятый Голубого отряда. — Марк... — она сжала губы, — был в шлеме Номер один. — Этот маршрут, естественно, на изображении отсутствовал. Она выделила маршрут Норвуда розовым. — В какой момент вы с Норвудом обменялись шлемами, Марк?

Задавая этот вопрос, она на него не посмотрела.

«Пожалуйста, отпустите меня».

Он не сомневался, что болен — его все еще трясло. На шее сзади все время судорожно сокращалась какая-то мышца, прибавляя неприятные ощущения к общему фону боли.

— Мы спустились до конца этой лифтовой шахты. — У него получился только сухой шепот. — Когда... когда шлем Номер десять снова поднимется наверх, он будет уже на мне. Норвуд и Тонкин пошли вместе дальше — и я их больше не видел.

Действительно, розовая линия снова выползла из шахты и двинулась следом за скопищем голубых и зеленых. Желтый маршрут пошел дальше один.

Куин быстро прокрутила голосовую связь. Басок Тонкина звучал, словно писк накачавшегося амфетаминами комара.

— Когда я последний раз с ними говорила, они были вот здесь. — Куин отметила место сверкающей точкой — внутренний коридор еще под одним зданием. Она замолчала, наблюдая, как желтая линия змеится дальше, вниз по лифтовой шахте, через еще одну подземную коммуникацию, под зданием, через еще одно.

— Здесь, — вдруг сказал Фрэмингем. — Вот этаж, где они попались. Мы связались с ними вот здесь.

Куин сделала еще одну пометку.

— Значит, криокамера должна быть где-то недалеко от их маршрута между этим и тем местом. — Она указала на две светящиеся точки. — Просто обязана. — Она всмотрелась в план, прищурив глаза. — Два здания. Может, два с половиной. Но в голосовой связи Тонкина ничто не может служить подсказкой.

Комариный голосок просил о помощи, снова и снова, но не упоминал о криокамере. У Марка перехватывало горло в такт его словам.

«Куин, отключите его, пожалуйста...»

Программа закончилась. Все дендарийцы, сидевшие за столом, уставились на изображение медкомплекса, словно надеясь услышать что-то еще. Но больше ничего не было.

Отодвинувшаяся в сторону дверь впустила капитана Торна. Марк еще никогда не видел столь измученного человеческого существа. На Торне все еще была грязная полевая форма, только аккумулятор плазменного зеркала отстегнут. Серый капюшон сдвинут, темные волосы слиплись. Движения Торна торопливые и резкие: сила воли боролась со смертельной усталостью.

Торн наклонился, опираясь о стол заседаний, мрачно сжав губы.

— Ну, получилось узнать что-нибудь от Тонкина? — спросила у Торна Куин. — Мы только что видели то, что осталось в компьютере. И, по-моему, этого мало.

— Медикам удалось на время привести его в сознание, — доложил Торн, — и он говорил. Я надеялся, что по записям удастся понять, что он сказал, но...

— Так что же он все-таки сказал?

— Он сказал, что, когда они попали вот в это здание, — Торн показал на карту, — их отрезали. Еще не окружили,

но перекрыли дорогу к катеру, и противник стал быстро замыкать кольцо. Тонкин сказал, что Норвуд крикнул: «Есть идея!» Он что-то видел «позади». Он велел Тонкину отвлечь противника и охранять один коридор — должно быть, вот этот. Норвуд схватил криокамеру и побежал с ней обратно. Он вернулся довольно скоро, не больше чем через шесть минут, и сказал Тонкину: «Теперь все в порядке. Адмирал отсюда выберется, даже если у нас с тобой не получится». Примерно через две минуты его убило той гранатой, а Тонкин потерял сознание — контузия.

Фрэмингем кивнул:

— Мой отряд добрался до них не больше чем через три минуты. Мы оттеснили бхарапутрян, которые обыскивали тела: то ли грабили, то ли искали информацию, капрал Абрамс не может сказать определенно, — взяли Тонкина и тело Норвуда и побежали. Никто из отряда не докладывал, что видел где-нибудь криокамеру.

Куин рассеянно закусила обглоданный ноготь. Казалось, все собравшиеся за столом пытаются переварить эту последнюю новость, глядя на карту.

— Он сделал что-то хитрое, — сказала Ботари-Джезек. — Или по крайней мере ему это казалось хитрым.

— У него было всего минут пять. Какую хитрость можно устроить за пять минут? — пожаловалась Куин. — Будь он тысячу раз проклят, этот хитрец, за то, что не доложился!

— Он наверняка собирался это сделать, — вздохнула Элен. — Мне кажется, не надо тратить время на выяснение кто виноват и в чем. Вины на всех хватит.

Торн содрогнулся — Фрэмингем, Куин и Таура тоже. Потом все они посмотрели на Марка. Тот еще сильнее вжался в кресло.

— Прошло всего, — Куин взглянула на часы, — меньше двух часов. Что бы Норвуд ни придумал, криокамера должна все еще быть там. Просто должна.

— И что мы будем делать? — сухо поинтересовался лейтенант Кимура. — Организуем еще одну операцию по высадке?

Куин поджала губы, показывая, что сейчас не время для шуток.

— Вы вызываетесь добровольцем, Кимура?

Кимура промолчал.

— Тем временем, — сказала Элен, — станция Фелл нас вызывает — и достаточно настоятельно. Нам надо начать переговоры. Мне представляется, что они должны включить нашего заложника. — Отрывистый кивок в сторону Кимуры отметил единственный безоговорочно успешный эпизод операции, и Кимура ответно кивнул. — Кто-нибудь из присутствующих знает, что адмирал собирался сделать с бароном Бхарапутрой?

Никто не знал.

— И ты не знаешь, Куини? — удивленно переспросил Кимура.

— Нет. Времени поболтать не было. Я даже не знаю, Кимура, рассчитывал ли адмирал, что твое похищение окажется успешным, или задумал его как отвлекающий маневр. Это больше похоже на его стратегию: вся операция не строится в расчете на один непредсказуемый результат. Полагаю, он собирался, — ее голос стал тише, — сориентироваться по обстановке. — Она села прямее. — Но я совершенно определенно знаю, что намерена делать я. На этот раз сделка должна быть в нашу пользу. Барон Бхарапутра может стать для нас всех обратным билетом отсюда — и для адмирала тоже, но нам надо правильно разыграть все карты.

— В таком случае, — сказала Ботари-Джезек, — думаю, нам не следует говорить, насколько ценный груз мы оставили внизу.

Тут Ботари-Джезек, Торн, Куин — все — повернулись и посмотрели на Марка, холодно и расчетливо.

— Я тоже об этом думала, — согласилась Куин.

— Нет, — прошептал он. — Нет! — Вместо крика у него получился только резкий хрип. — Вы это не серьезно. Вы не можете заставить меня быть им. Я больше не хочу быть им. Господи! Нет!

Его трясло, тошнило, ломало.

«Мне холодно».

Куин с Ботари-Джезек переглянулись. Ботари-Джезек кивнула в ответ на какую-то безмолвную фразу.

Куин сказала:

— Все могут возвращаться к исполнению своих обязанностей. Кроме вас, капитан Торн. Вы освобождаетесь от командования «Ариэлем». Лейтенант Харт вас заменит.

Торн кивнул, словно ожидая именно этого:

— Я под арестом?

Куин зажмурилась, словно от боли:

— Черт, у нас нет на это времени. И людей. И вы еще не сделали доклад, и кроме того, мне нужен ваш опыт. Эта... ситуация в любой момент может быстро измениться. Считайте себя арестованным и поступившим в мое распоряжение. Можете охранять себя сами. Займите гостевую офицерскую кабину на «Перегрине» и можете называть ее камерой, если считаете нужным.

Лицо Торна стало еще мрачнее.

— Слушаюсь, мэм, — невыразительно отозвался он.

Куин нахмурилась:

— Пойдите и приведите себя в порядок. Продолжим позднее.

Кроме Куин и Ботари-Джезек, все вышли. Марк попытался последовать за ними.

— Ну, нет, — сказала Куин, и слова ее прозвучали как удары погребального колокола. Он снова упал в свое крес-

ло и съежился. Когда из зала ушел последний дендариец, Куин протянула руку и отключила все записывающие устройства.

Женщины Майлза. Возлюбленная юности Элен, теперь капитан Ботари-Джезек. Ее Марк изучал тогда, когда комаррцы готовили его к исполнению роли лорда Форкосигана. И все же она оказалась не совсем такой, как он ожидал. Дендарийка Куин стала для комаррцев неожиданностью. Две женщины случайно оказались похожи: короткие темные волосы, тонкая бледная кожа, влажные карие глаза... Или не так уж случайно? Может, Форкосиган подсознательно выбрал Куин как подмену Ботари-Джезек, когда не смог получить оригинал? Даже имена у них были похожи: Элли и Элен.

Ботари-Джезек была выше на целую голову, с длинным аристократическим лицом. И держалась она более холодно и сдержанно, что еще сильнее подчеркивал офицерский мундир. Элли, в полевой форме и боевых ботинках, была ниже, хотя и на целую голову выше его самого и не такая надменная, как Элен. Обе внушали ужас. Собственный вкус Марка, если когда-то он сможет проявить его, скорее склоняется к той блондиночке, которую они извлекли из-под кровати, но только чтобы возраст у нее соответствовал внешности. Невысокая, мягкая, розовая, робкая — чтобы она не сожрала его после совокупления.

Элен Ботари-Джезек наблюдала за ним с каким-то брезгливым любопытством.

— Так похож на него. И не он. Чего ты трясешься?

— Мне холодно, — пробормотал Марк.

— Холодно! — возмутилась Куин. — Ему холодно! Ты, проклятый всеми богами маленький негодяй...

Тут она стремительно развернула свое кресло и села спиной к ним.

Элен встала и прошла к его месту за столом. Она прикоснулась к его лбу, покрытому холодным потом. Он резко отпрянул. Наклонившись, она заглянула ему в глаза:

— Куини, он в психологическом шоке.

— Он не заслуживает того, чтобы с ним считались! — прошептала Куин.

— Но он все равно в шоке. Если хочешь получить результаты, то следует это учитывать.

— Дьявол! — Куин снова повернулась к ним. От ее глаз по перепачканному лицу пролегли влажные чистые дорожки. — Ты-то не видела. Ты не видела, как Майлз лежал с взорванным сердцем!

— Куини, он же на самом деле не умер. Правда? Он просто заморожен и... потерялся.

Не слышится ли в ее голосе слабого оттенка неуверенности, отрицания?

— О, еще как умер. На самом деле умер и заморожен. И таким останется навечно, если мы не вернем его обратно!

Элен глубоко вздохнула:

— Давай сосредоточимся на ближайших задачах. Самый важный вопрос: Марк сможет провести барона Фелла? Фелл один раз встречался с настоящим Майлзом.

— Я именно поэтому и не посадила Бела Торна под настоящий арест. Бел при этом присутствовал и, надеюсь, сможет что-то посоветовать.

— Да. И вот что странно... — Она уселась на край стола, раскачивая ногой. — Шок или не шок, но Марк не выдал тайну Майлза. Имя «Форкосиган» в его устах не звучало, так?

— Да, — признала Куин.

Ботари-Джезек изучающе посмотрела на него.

— Почему? — внезапно спросила она.

Он еще сильнее скорчился в кресле, пытаясь спрятаться от ее взгляда.

— Не знаю, — пробормотал он. Она безжалостно продолжала ждать, и он постарался говорить чуть громче. — Наверное, по привычке. — Главным образом, по привычке Сера Галена избивать его до полусмерти при каждой ошибке, в те старые злые времена. — Если я играю роль, то я ее играю. М-Майлз никогда не сделал бы такой ошибки — и я тоже не сделал.

— А кто ты, когда не играешь роли? — Элен оценивающе прищурилась.

— Я... почти не знаю. — Он сглотнул и попытался еще раз заставить свой голос звучать громче. — Что теперь будет с моими... с клонами?

Когда Куин собралась ответить, Элен остановила ее, подняв руку.

— А что бы ты хотел, чтобы с ними было?

— Я хочу, чтобы они были свободны. Чтобы их отпустили на свободу где-нибудь в безопасности, откуда дом Бхарапутра не сможет их снова украсть.

— Странный альтруизм. Я все пытаюсь понять: почему? Почему ты вообще предпринял всю эту операцию? Что ты рассчитывал получить?

Он открыл было рот, но не смог издать ни звука. Он не мог ответить. Он все еще был покрыт холодным липким потом, его колотила дрожь, и сил совсем не было... Голова болела по-черному, словно оттуда отхлынула вся кровь. Он помотал головой.

— Ха! — фыркнула Куин, — ну и слабак. Что за чертов анти-Майлз! Сумел вырвать поражение из пасти победы.

— Куин, — негромко сказала Элен. В этом одном слове была глубокая укоризна, которую Куин услышала и признала, пожав плечами. — Думаю, мы обе не слишком понимаем, что нам тут досталось, — добавила она. — Я знаю, когда

дело мне не по силам. Но знаю я и кого-то, кому оно будет по силам.

— Кому?

— Графине Форкосиган.

— Хм-м, — вздохнула Куин. — Вот и еще одно. Кто расскажет ей о... — Она ткнула в них пальцем, обозначая Архипелаг Джексона и роковые события, которые там произошли. — И да помогут мне боги: если я действительно теперь командую всей этой конторой, то мне предстоит доложить обо всем этом Саймону Иллиану. — Она помолчала. — Хочешь взять командование на себя, Элен? Как старший из присутствующих здесь капитанов кораблей — после ареста Бела — и все такое прочее... Я просто взяла командование на себя, потому что так надо было — в бою.

— У тебя прекрасно получается, — отозвалась Элен, чуть улыбаясь. — Я буду тебя поддерживать. Ты все время была больше связана с разведкой, так что выбор логически падает на тебя.

— Да, знаю. — Куин поморщилась. — Если до этого дойдет, ты скажешь семье?

— Тут, — вздохнула Ботари-Джезек, — выбор логически падает на меня. Да, я скажу графине.

— Заметано.

Но у обеих был такой вид, словно обе не уверены, кому досталось дело похуже.

— А что до клонов... — Ботари-Джезек снова всмотрелась в Марка, — хочешь заработать их свободу?

— Элен, — предупреждающе проговорила Куин, — не надо давать обещаний. Мы еще не знаем, что нам придется предложить за то, чтобы отсюда вырваться. Чтобы получить... — она снова указала вниз, — ...его обратно.

— Нет, — прошептал Марк. — Вы не можете. Не можете... отправить их снова туда — после всего.

— Я отдала Филиппи, — сурово сказала Куин. — И тебя бы отдала не колеблясь, если не считать того, что он... Ты знаешь, почему мы вообще оказались на планете и начали эту чертову операцию?

Он безмолвно покачал головой.

— Из-за тебя, дерьмо. Адмирал почти обо всем договорился с бароном Бхарапутра. Мы могли выкупить Зеленый отряд за четверть миллиона бетанских долларов. Это было бы не дороже операции, если посчитать, сколько оборудования мы потеряли вместе с катером Торна. И сколько жизней. Но барон отказался включить тебя в сделку. Не знаю, почему он отказался тебя продавать. Больше никому ты не нужен. Но Майлз не мог тебя оставить!

Марк уставился на свои пальцы, которые беспокойно дергались. Подняв глаза, он увидел, что Ботари-Джезек

снова разглядывает его так, словно он какая-то ключевая криптограмма.

— Как адмирал не мог оставить своего брата, — медленно проговорила Ботари-Джезек, — так Марк не может оставить клонов. Так ведь? А?

Он судорожно сглотнул.

— Ты сделаешь все, чтобы их спасти, а? Все, о чем мы просим?

Его рот открылся и закрылся снова. Это могло быть глухим, беззвучным «да».

— Ты сыграешь для нас роль адмирала? Мы, конечно, тебя подготовим.

Он полукивнул, но сумел выдавить:

— Какое обещание?

— Когда мы улетим, мы заберем всех клонов. Мы высадим их где-нибудь, куда дом Бхарапутра не достанет.

— Элен! — запротестовала Куин.

— Мне нужно... нужно слово женщины Барраяра. Ваше слово, — сказал он Элен.

Куин закусила нижнюю губу, но промолчала. После долгой паузы Элен кивнула:

— Хорошо. Даю тебе мое слово. Но ты будешь во всем нам помогать, ясно?

— Ваше слово как кого?

— Просто мое слово.

— ...Да. Ладно.

Куин встала и посмотрела на него сверху вниз:

— Но сможет ли он сейчас сыграть эту роль?

— В таком состоянии — нет. Наверное, нет. Пусть сначала приведет себя в порядок, поест, отдохнет. Тогда видно будет, что делать дальше.

— Возможно, барон Фелл не даст нам времени нянчиться с ним.

— А барону Феллу мы скажем, что он принимает душ. И это правда.

Душ. Еда. Он так проголодался, что уже даже есть не хотелось, он чувствовал только отупение, слабость и холод.

— Ну что ж, единственное, что я могу сказать, — не выдержала Куин, — что он чертовски неудачная имитация настоящего Майлза Форкосигана.

«Да, ведь именно это я вам и твержу».

Элен покачала головой и не стала оспаривать это утверждение.

— Пошли, — позвала она Марка.

Она провела его в офицерскую каюту, маленькую, но, слава Богу, отдельную. Каюта необжитая, чистая и по-военному суровая. Воздух немного застоявшийся. Наверное, Торна устроили где-то поблизости.

— Я распоряжусь, чтобы с «Ариэля» прислали чистую одежду. И закажу еду.

— Сначала еду — можно?

— Конечно.

— Почему вы ко мне добры?

Вопрос прозвучал жалобно и настороженно — боялся, что все его сочли слабаком-параноиком.

Какое-то время Элен задумчиво молчала.

— Я хочу понять... кто ты. Что ты такое.

— Вы же знаете. Я — клон, искусственно изготовленный. И изготовленный именно здесь, на Архипелаге Джексона.

— Я не имела в виду твое тело.

Он автоматически ссутулился, хоть и знал, что это только подчеркивает его уродство.

— Ты очень замкнут, — заметила она. — Очень одинок. Это не похоже на Майлза. Хотя иногда он бывает и таким...

— Он вообще не человек, а толпа. За ним повсюду таскается целая армия. — «Не говоря уже о чудовищном гареме». — Надо полагать, ему это нравится.

И вдруг она улыбнулась. Марк впервые увидел, как она улыбается. У нее даже лицо стало совсем другим.

— Да, наверное, нравится. — Улыбка погасла. — Нравилось.

— Вы делаете это ради него, так? Обращаетесь со мной хорошо, потому что он бы этого хотел.

Ну разумеется, не ради него самого, а из-за Майлза и его проклятой одержимости братом.

— Отчасти.

«Так я и думал».

— Но главным образом, — добавила она, — потому, что в один прекрасный день графиня Форкосиган спросит меня, что я сделала для ее сына.

— Вы планируете обменять его на барона Бхарапутра, да?

— Марк... — Ее глаза потемнели от странной... иронии? Жалости? Он не мог разгадать ее взгляда. — Она спросит, что я сделала для тебя.

Резко повернувшись, она оставила его одного в каюте.

Он принял самый горячий душ, какой только можно было в такой крошечной кабинке, а потом долго стоял в жаре воздушной сушилки, пока кожа у него не покраснела, и только тогда его перестало трясти. От усталости кружилась голова. Выйдя из душа, он обнаружил, что кто-то заходил в его каюту и оставил еду и одежду. Он поспешно натянул нижнее белье, черную дендарийскую футболку и серые брюки из корабельного трикотажа, принадлежавшие его родителю. А потом набросился на обед. На этот раз ему не предложили специально ней-

смитовские лакомства — это была стандартная готовая еда, предназначенная поддерживать на должном уровне энергию крупного и физически активного рядового. Отнюдь не гурманский стол, но зато впервые за несколько недель у него на тарелке оказалось достаточно еды. Он проглотил все, словно та фея, которая доставила обед, может вновь появиться и все отнять. До боли набив живот, он кинулся на кровать и лег на бок. Его больше не трясло от холода, слабость и неуверенность, вызванные пониженным содержанием сахара в крови, тоже прошли. Но какое-то психологическое эхо прошедших событий все еще раскатывалось по его телу, словно черный прилив.

«По крайней мере тебе удалось вывести клонов».

«Нет. Это Майлзу удалось вывести клонов».

О черт...

Этот полупровал вовсе не походил на триумф, о котором он мечтал. Ну а какими он представлял себе последствия? Плетя свои отчаянные интриги, он фактически никаких планов и не строил — кроме возвращения на Эскобар с «Ариэлем». Да, именно так он все и представлял — вернуться на Эскобар, с улыбкой и клонами под крылышком. Ему очень отчетливо виделась картина встречи с разъяренным Майлзом, но тогда Майлз уже не смог бы его остановить, отнять у него победу. Он почти ожидал ареста, но собирался пойти смело посвистывая. Чего же он все-таки хотел?

Избавиться от чувства вины, что он единственный, оставшийся в живых? Разбить то старинное проклятие? «Никого из тех, кого ты знал тогда, уже не осталось в живых...» Он считал, что им движет именно это — если он вообще думал о том, что им движет. Может, все было не так просто. Он хотел от чего-то освободиться... В последние два года, избавившись от Сера Галена и комаррцев благодаря Майлзу Форкосигану и расставшись с самим Майлзом на рассвете на улице Лондона, он не нашел того счастья, о котором мечтал, томясь в рабстве у террористов. Майлз разбил только физические цепи, сковывавшие его: другие, невидимые, врезались в его плоть так глубоко, что вросли в нее.

«На что ты рассчитывал? Что, если будешь таким же героем, как Майлз, к тебе и относиться будут, как к Майлзу? Что они вынуждены будут тебя полюбить?»

И кто такие «они»? Дендарийцы? Сам Майлз? Или, за Майлзом, те грозные и манящие тени: граф и графиня Форкосиган?

Образ родителей Майлза был нечетким, размытым. Ненормальный Гален изобразил их, своих ненавистных врагов, как черных негодяев — Мясник Комарры и его ведьма-жена. Но другой рукой он заставил Марка изучать их, пользуясь непроцензурированными материалами: их письмами, публичными выступлениями, частными видеозаписями. Родители

Майлза, конечно, люди сложные и отнюдь не святые, но все-таки это не необузданный садист-содомит и сука-убийца, как можно было бы решить из маниакальных излияний Галена. На видео граф Эйрел Форкосиган оказывался просто седеющим коренастым мужчиной: резкие черты лица, пронизывающий взгляд, хрипловатый, красивый голос. Графиня Корделия Форкосиган говорила реже: высокая женщина с темно-рыжими волосами и удивительными серыми глазами, слишком сильная, чтобы ее можно было назвать хорошенькой, но такая уравновешенная и уверенная, что казалась красивой, хотя, строго говоря, таковой не была.

И теперь Ботари-Джезек грозится доставить его к ним...

Он сел и включил свет. Быстрый осмотр каюты обнаружил, что покончить с собой нечем. Ни оружия, ни режущих предметов: дендарийцы разоружили его, когда он вошел на корабль. Прицепить ремень или веревку не к чему. Сварить себя заживо в душе не получится: спрятанный датчик автоматически отключает воду, когда ее температура превышает физиологически допустимую. Он снова лег.

Образ маленького, настойчивого, кричащего человечка со взрывающейся грудью, разлетающейся карминовыми брызгами, медленно прокручивался в его голове. Он изумился, когда понял, что плачет. Шок — конечно, все дело в шоке, вот и Ботари-Джезек так подумала.

«Я ненавидел этого маленького паскудника, когда он был жив, так почему же я плачу?»

Это абсурд. Наверное, он сходит с ума.

После двух бессонных ночей он вымотан до опустошения, но заснуть сейчас просто нереально. Можно только дремать, погрузившись в какие-то полусны и недавние обжигающие воспоминания. Ему полупривиделось, что он плывет на резиновом плотике по реке крови, отчаянно маневрируя в красном потоке. Так что когда Куин пришла за ним всего после часа отдыха, он испытал настоящее облегчение.

ГЛАВА 9

— Ни при каких обстоятельствах, — сказал капитан Торн, — не упоминай о бетанском методе омоложения.

Марк нахмурился:

— Что это еще за бетанский метод омоложения? Разве такой существует?

— Нет.

— Тогда с чего бы мне о нем упоминать?

— Не важно — просто запомни.

Марк сжал зубы, развернул свое кресло к комм-пульту и нажал кнопку, опускающую сиденье, чтобы как следует упереться в пол. Он был полностью облачен в нейсмитовский офицерский мундир. Куин одела его, словно он кукла или ребенок дебил. Потом Куин, Ботари-Джезек и Торн набили ему голову массой противоречивых инструкций, как ему играть роль Майлза в предстоящем разговоре.

«Можно подумать, я этого не знаю».

Теперь три капитана сидели в креслах вне пределов приема комма в тактическом центре «Перегрина», чтобы в случае чего подсказывать в скрытый наушник. А он-то считал Галена мастером-кукловодом! У него свербило ухо, и он раздраженно потрогал наушник, заслужив неодобрительный взгляд Ботари-Джезек. Куин непрестанно хмурилась.

Куин вообще непрестанно что-нибудь делала. На ней все еще была окровавленная полевая форма. Внезапно получив командование после этой катастрофы, она не могла позволить себе роздых. Торн привел себя в порядок и переоделся в корабельную форму, но явно еще не спал. На их лица легли морщины усталости. Куин заставила Марка принять стимулянт, обнаружив во время одевания, что он слишком мямлит — и результат был достаточно неприятным. Голова, пожалуй, даже слишком ясная, но все равно ощущение такое, как будто его долго били. Все предметы казались неестественно четкими. Голоса и звуки — то слишком резкие, то размытые. Он понял, что Куин тоже держится на этой штуке, увидев, как она поморщилась, когда комм резко запищал.

— Хорошо, ты на связи, — услышал он в наушнике голос Куин. Экран включился. Наконец-то они все заткнулись.

Появившееся изображение барона Фелла тоже хмуро посмотрело на него. Джориш Стойбер, барон Фелл дома Фелл был исключением среди всех глав основных домов Архипелага Джексона: он все еще донашивал первое тело. Тело старика. Барон был толст, краснолиц и лыс. Покрытую старческими пятнами лысину окружал седой ежик. Китель зеленого цвета его дома делал его похожим на увядшего эльфа. Но в его холодных проницательных глазах ничего общего с эльфом не чувствовалось. Марк напомнил себе, что Майлза не испугала бы сила джексонианского барона. Майлза не запугала бы никакая сила, не подкрепленная мощью менее чем трех планет. Его отец, Мясник Комарры, может закусить всеми главными джексонианскими домами.

Но он, конечно, не Майлз.

«К дьяволу. По крайней мере следующие пятнадцать минут я — Майлз».

— Так, адмирал, — пророкотал барон, — мы все же встретились снова.

— Вот именно. — Марку с трудом удалось не пискнуть.

— Я вижу, вы все такой же нахальный. И столь же малоинформированный.

— Вот именно.

(— Начинай с ним говорить, черт тебя подери! — прошипел ему в ухо голос Куин.)

Марк сглотнул:

— Барон Фелл, в мои первоначальные планы не входило вовлекать станцию Фелл в эту операцию. Я настолько же стремлюсь убраться отсюда с моими людьми, как вы — нас спровадить. С этой целью я прошу вашей помощи в роли посредника. Вы, полагаю... знаете, что мы выкрали барона Бхарапутру?

— Так мне сообщили. — У Фелла дергалось веко. — Вы, похоже, сильно просчитались в том, на какую поддержку можете рассчитывать, не так ли?

— Разве? — Марк пожал плечами. — Дом Фелл находится с домом Бхарапутра в состоянии вендетты, не так ли?

— Не совсем. Дом Фелл в принципе готов прекратить вендетту с домом Бхарапутра. В последнее время мы увидели, что она невыгодна обеим сторонам. Теперь меня подозревают в пособничестве вашему налету.

Барон нахмурился еще сильнее.

— Э-э... — Его мысли прервал шепот Торна:

(— Скажи ему, что Бхарапутра жив и здоров.)

— Барон Бхарапутра жив и здоров, — сказал Марк, — и я не против, если он и впредь будет находиться в том же состоянии. Мне кажется, что, выступив в роли посредника, вы сможете продемонстрировать дому Бхарапутра свои добрые намерения. Я хочу просто обменять его — целым и невредимым — на один предмет — и мы улетаем.

— Вы полны оптимизма, — сухо заметил Фелл.

Марк упрямо продолжил:

— Это простой взаимовыгодный акт торговли. Барон в обмен на моего клона.

(— Брата! — в один голос поправили его в наушнике Торн, Куин и Ботари-Джезек.)

— ...брата, — прибавил Марк напряженно. Он с трудом разжал стиснутые зубы. — К несчастью, моего... брата застрелили внизу, в суматохе. К счастью, его успешно заморозили в одной из наших переносных криокамер. Гм... к несчастью, криокамеру случайно оставили в спешке отлета. Живой мужчина меняется на мертвого — я не вижу, в чем может быть проблема.

Барон отрывисто хохотнул, замаскировав смешок кашлем. Три дендарийца напротив Марка были холодны, напряжены и ничуть не развеселились.

— У вас был интересный визит, адмирал. А для чего вам мертвый клон?

(— Брат, — снова сказала Куин. — Майлз всегда на этом настаивает.)

(— Да, — поддержал Торн, — я поэтому и заподозрил, что ты не Майлз, тогда, на «Ариэле», когда назвал тебя клоном, а ты не возмутился.)

— Брат, — устало повторил Марк. — Ранения в голову не было и криообработку начали сразу же. У него неплохой шанс на оживление.

(— Только если мы получим его обратно, — проворчала Куин.)

— У меня есть брат, — заметил барон Фелл. — И он не внушает мне таких чувств.

«Тут я с вами целиком согласен, барон», — подумал Марк.

Торн в наушники подсказал Марку:

(— Он говорит о своем сводном брате, бароне Риовале из дома Риоваль. Первоначально вендетта шла между Феллом и Риовалем. Бхарапутряне втянулись потом.)

«Я знаю, кто такой Риоваль», — хотелось огрызнуться Марку, но было нельзя.

— По правде говоря, — продолжал барон Фелл, — моему брату будет очень интересно узнать, что вы здесь. После того как вы в свой прошлый приезд сократили его ресурсы, он, увы, ограничен маломасштабными нападениями. Но я советую вам быть бдительным.

— О? Так агенты Риоваля так свободно себя чувствуют на станции Фелл? — промурлыкал Марк.

(— Прекрасно! Точь-в-точь Майлз!)

Фелл заледенел:

— Ничуть.

Торн прошептал:

(— Да, напоминай ему, как ты помог ему с его братом!)

Что это Майлз сделал четыре года назад?

— Барон. Я помог вам с вашим братом. Теперь вы помогите мне с моим, и будем считать, что мы квиты.

— Едва ли. То яблоко раздора, которое вы швырнули нам, улетая, вызвало долгие недоразумения. Однако... Действительно, вы нанесли Ри более удачный удар, чем смог бы я. — Не блеснула ли в глазах Фелла крохотная искра одобрения? Он потер свой круглый подбородок. — Поэтому я дам вам сутки на завершение ваших дел и отлет.

— Вы выступите посредником?

— Чтобы быть в курсе дел обеих сторон. Да.

Марк объяснил догадки дендарийцев относительно примерного местонахождения криокамеры и дал описание ее внешнего вида и серийный номер.

— Скажите бхарапутрянам, что мы подозреваем, что ее могли как-то спрятать или замаскировать. Пожалуйста, подчеркните, что мы желаем получить ее в хорошем состоянии. Тогда их барон тоже будет в хорошем состоянии.

(— Хорошо! — похвалила его Ботари-Джезек, — дай им понять, что она слишком ценная, чтобы ее уничтожить, но не показывай, что с нас за нее можно запросить больше.)

Фелл поджал губы:

— Адмирал, вы человек сообразительный, но, по-моему, вы не совсем понимаете, как принято делать дела на Архипелаге Джексона.

— Но вы понимаете, барон. Вот почему мы хотели бы, чтобы вы были на нашей стороне.

— Я не на вашей стороне. Это — одна из вещей, которых вы не понимаете.

Марк медленно кивнул: он решил, что так сделал бы Майлз. Отношение Фелла было странным. Немного враждебным.

«И тем не менее кажется, что он меня уважает».

Нет. Он уважает Майлза. Дьявол!

— Я не прошу большего, чем ваш нейтралитет.

Фелл быстро взглянул на него из-под седых бровей:

— А остальные клоны?

— А что остальные клоны?

— Дом Бхарапутра будет спрашивать.

— О них переговоры вестись не будут. Жизни Васа Луиджи должно быть больше чем достаточно.

— Да, обмен кажется неравноценным. Чем так ценен ваш покойный клон?

Три голоса хором сказали ему в ухо:

(— Брат!)

Марк вытащил микронаушник и швырнул его на столик рядом с коммом. Куин чуть не подавилась.

— Я не могу предложить к обмену кусочки барона Бхарапутра! — рявкнул Марк. — Хоть и испытываю большой соблазн это сделать.

Барон Фелл успокаивающе приподнял пухлую руку:

— Спокойнее, адмирал. Сомневаюсь, чтобы вам пришлось заходить настолько далеко.

— Надеюсь. — Марка снова начало трясти. — Было бы жаль, если бы пришлось отправить его на планету без мозгов. Как клонов.

Видимо, барон почувствовал полную искренность его угрозы.

— Я посмотрю, что можно будет сделать, адмирал.

— Спасибо, — прошептал Марк.

Барон кивнул — его изображение растаяло. Из-за какой-то причуды видеопластины или принятого Марком стимулянта глаза Фелла, казалось, задержались еще на один

тревожащий взгляд. Марк не двигался несколько секунд, пока не убедился, что они исчезли.

— Ха! — удивленно сказала Ботари-Джезек. — У тебя вышло совсем не плохо.

Он даже не стал на это отвечать.

— Интересно, — сказал Торн, — почему Фелл не потребовал оплаты или своей доли?

— Мы можем ему доверять? — встревожилась Элен.

— Не то чтобы доверять... — Куин задумчиво закусила остатки ногтя. — Но нам нужно содействие Фелла, чтобы улететь через пятый п-в-туннель. Мы не смеем его оскорбить — ни за какие деньги. Я считала, что он будет доволен нашей внезапной вылазкой против Бхарапутры, но, похоже, со времени нашего последнего визита сюда, Бел, стратегическая ситуация переменилась.

Торн вздохнул, соглашаясь.

Куин продолжила:

— Попробуйте как можно больше узнать о теперешней расстановке сил. Обо всем, что может повлиять на наши действия или чем мы могли бы воспользоваться. О домах Фелл, Бхарапутра и Риоваль — и о любой неожиданности. Тут есть что-то, из-за чего мне безумно неспокойно — хотя, может быть, дело просто в лекарствах, которые я приняла. Но я слишком устала, чтобы сейчас разобраться, что к чему.

— Посмотрю, что можно будет сделать. — Торн кивнул и ушел.

Когда за Торном закрылась дверь, Ботари-Джезек спросила у Куин:

— Ты уже доложила обо всем этом на Барраяр?

— Нет.

— Ни о чем?

— Да. Я не хочу передавать такое по какому-нибудь коммерческому комм-каналу — пусть даже и зашифрованное. Может, у Иллиана тут есть тайные агенты, но я не знаю, ни кто они, ни как с ними связаться. Майлз бы знал. И...

— И? — вопросительно приподняла бровь Ботари-Джезек.

— И я хотела бы сначала получить обратно ту криокамеру.

— Чтобы подсунуть под дверь вместе с докладом? Куини, это не пройдет.

Куин пожала плечом, защищаясь.

Немного помолчав, Ботари-Джезек проговорила:

— Но я согласна с тобой относительно того, что не следует ничего посылать с джексонианскими курьерами.

— Да, судя по тому, что говорил Иллиан, они полны шпионов — и это не только главные дома проверяют друг друга. Все равно в течение следующих суток Барраяр нам ничем не поможет.

— В течение суток... — Марк сглотнул. — Это мне столько играть Майлза?

— Не знаю! — огрызнулась Куин. Потом, овладев собой, добавила: — День, неделю, две недели — пока мы не сдадим тебя вместе с криокамерой Галактическому бюро Имперской службы безопасности на Комарре. А дальше — это уже не мое дело.

— И как, к дьяволу, вы надеетесь сохранить все в тайне? — презрительно поинтересовался Марк. — Несколько десятков человек знают, как все было на самом деле!

— Тайну могут хранить двое, если один из них мертв? — поморщилась Куин. — Не знаю. Рядовые подчиняются дисциплине. Клонов я могу изолировать. Да и вообще мы все будем закрыты в этом корабле, пока не прилетим на Комарру. А потом... об этом я подумаю.

— Я хочу видеть моих... этих... моих клонов. Что вы с ними сделали? — забеспокоился Марк.

Казалось, Куин вот-вот взорвется, но тут вмешалась Элен:

— Я отведу его вниз, Куини. Я тоже хочу навестить моих пассажиров.

— Ну... только после этого ты сразу отведешь его в каюту. И поставь у двери охранника. Нечего ему разгуливать по кораблю.

— Слушаюсь.

Элен поспешно вывела Марка из тактического центра, пока Куин не надумала для пущей безопасности связать его.

Клонов разместили в трех грузовых отсеках, очищенных на скорую руку от всякого хлама: в двух — мальчиков и в одном — девочек. Нырнув следом за Ботари-Джезек в мальчиковый отсек, Марк осмотрелся. На полу три ряда спальных мешков — очевидно, с «Ариэля». В одном углу установлен переносной сортир, в другом — переносной душ. Наполовину тюрьма, наполовину лагерь беженцев, теснота... Марк шагал по проходу, сопровождаемый враждебными взглядами клонов.

«Проклятие: ведь я же освободил вас! Вы что, не знаете, что это я вас освободил?»

Конечно, все вышло не так, как он ожидал. Той страшной ночью, когда они сидели в осаде, дендарийцы не скупились на угрозы. А как еще они могли усмирить своих подопечных? Теперь некоторые клоны спали, другие постепенно приходили в себя после парализатора. Дендарийка медик ходила по отсеку, оказывая первую помощь и утешая перепуганных детей. Напряженная тишина. Скованность. Никакого ликования, никакой благодарности.

«Если они поверили нашим угрозам, почему же они не верят нашим обещаниям?»

Даже те мальчишки, которые только что с энтузиазмом помогали дендарийцам во время сражения, смотрели на Марка с явным недоверием.

Марк остановился рядом с белокурым мальчуганом и присел на корточки. Ботари-Джезек ждала, молча наблюдая за ними.

— Все это, — Марк неопределенно махнул рукой, — временно. Понимаешь? Все будет хорошо. Мы вас увезем отсюда.

Мальчик отодвинулся от него, закусил губу и с подозрением спросил:

— Ты — который?

«Живой», — чуть было не ответил Марк, но, поймав взгляд Элен, вовремя сдержался.

— Это не важно. Мы все равно вас отсюда вытащим.

«Вытащим ли?» У него больше не было никакой власти над дендарийцами, а уж тем более над барраярцами. А ведь Куин сказала, что теперь они направятся именно к барраярцам. Марку стало очень не по себе. Поднявшись, он направился в отсек к девочкам.

Оборудован отсек был так же — спальные мешки, туалет, душ, но, поскольку девочек было всего пятнадцать, здесь казалось просторнее. Дендарийка, раздававшая упаковки с едой, стояла спиной, но не узнать ее невозможно. Таура. Чтобы не казаться такой пугающе большой, Таура опустилась на пол и села по-турецки. Девочки смотрели на нее без страха, с нескрываемым любопытством. Из всех дендарийцев только Таура, даже в самые трудные моменты, ни разу не повышала на них голос. Теперь она напоминала сказочную героиню, которая пытается подружиться с дикими животными.

Причем весьма успешно. Заметив Марка, две девочки спрятались за спину Тауры и уставились на него, чувствуя себя в безопасности. Таура, нахмурившись, посмотрела на Ботари-Джезек. Элен быстро кивнула:

«Все в порядке. Он со мной».

— Н-не ожидал вас здесь увидеть, сержант, — пробормотал Марк.

— Я сама вызвалась присматривать за ними, — решительно ответила Таура. — Не хочу, чтобы к ним приставали.

— Это... может стать проблемой?

Пятнадцать красивых девственниц... Да, пожалуй.

«Пятнадцать. И один девственник», — прозвучал у него в голове чей-то насмешливый голосок.

— Теперь — нет, — сказала Элен.

— Хорошо, — еле слышно отозвался Марк.

И тут он увидел ту самую платиновую блондинку: девочка спала на боку, и розовая пижамка туго обтягивала ее не по годам пышное тело. Смутившись, Марк опус-

тился на колени и укрыл ее одеялом до подбородка, невольно коснувшись шелковых волос. Он виновато взглянул на Тауру:

— Она уже получила синэргин?

— Да. Пусть теперь поспит. Когда проснется, ей станет лучше.

Марк взял поднос с едой и поставил его рядом с блондинкой — пусть поест, когда проснется. Дышала она медленно и ровно. Марк почувствовал чей-то взгляд: сзади на него злобно смотрела та, темноволосая. Он поспешно отвернулся.

Тем временем Элен, завершив инспекцию, вышла в коридор. Марк покорно поплелся следом. Заметив охранника, вооруженного парализатором, Элен остановилась.

— ...с широким рассеянием, — донеслось до Марка. — Сначала стреляй, а задавать вопросы будем потом. Они все здоровые, так что, я надеюсь, скрытых пороков сердца можно не опасаться. Не думаю, чтобы они причинили много хлопот.

— За одним исключением, — вмешался Марк. — Там есть такая темноволосая девушка — стройная, смуглая, очень заметная... Похоже, ей как-то по-особому промыли мозги. Она.. ну, не совсем в своем уме. Будьте с ней осторожны.

— Есть, сэр, — автоматически отозвался рядовой, но тут же, опомнившись, посмотрел на Ботари-Джезек. — Э-э...

— Сержант Таура подтверждает эту информацию, — сказала Элен. — И в любом случае ни одна из них не должна свободно бродить по кораблю. Они ничему не обучены. Их невежественность может оказаться еще опаснее, чем враждебность. Это не почетный караул. Будь начеку.

Элен быстро пошла вперед, Марк, стараясь не отставать, припустился за ней.

— Ну? — спросила она наконец, — наше обращение с клонами одобрено?

Марк не понял, есть ли в ее словах ирония.

— Лучшего для них сейчас никто не мог бы сделать. — И, не сдержавшись, выпалил: — Проклятие, это несправедливо!

Элен, не замедляя шага, вопросительно подняла брови:

— Что несправедливо?

— Я их спас... ну, то есть я хотел сказать, мы их спасли... то есть вы... а они на нас смотрят, как на злодеев. Словно мы изверги какие-то, похитители, чудовища! Даже не рады совсем!

— Может... придется удовлетвориться тем, что ты просто их спас. Требовать, чтобы они этому радовались, — это, возможно, чересчур... герой ты наш.

Теперь в ее голосе явно звучала ирония, но почему-то совсем лишенная презрения.

— Казалось бы, гораздо естественнее была бы благодарность. Доверие. Признательность. Хоть что-то!

— Доверие? — тихо переспросила Элен.

— Да, доверие! По крайней мере хоть от некоторых! Неужели ни один из них не понимает, что мы говорим правду?

— Они довольно сильно травмированы. На твоем месте я многого бы не ждала — пока у них не появится возможность увидеть какие-то доказательства. — Элен замолчала, остановилась и повернулась к нему. — Но если ты когда-нибудь придумаешь... придумаешь, как добиться доверия от невежественного, травмированного, глупого ребенка-параноика, то скажи Майлзу. Ему бы очень хотелось это знать.

Марк тоже остановился.

— Это... вы это обо мне? — переспросил он.

Элен, глядя куда-то мимо него, с горечью улыбнулась.

— Вот ты и дома. — Она кивнула на дверь его каюты. — Оставайся там.

Наконец-то он заснул и спал долго. Хотя, когда пришла Куин, Марку показалось, что он почти не спал. Куин успела помыться и привести себя в порядок. Теперь на ней был привычный офицерский мундир. Это немного успокоило Марка, а то он уже подумывал, что Элли так и будет ходить в своей окровавленной полевой форме, пока они не получат криокамеру. Но даже и без полевой формы Элли выглядела не лучшим образом. Глаза у нее покраснели, лицо казалось очень усталым.

— Пошли, — прорычала она. — Ты должен еще раз поговорить с Феллом. Он чего-то крутит. Я начинаю подозревать, что он сговорился с Бхарапутрой. Ничего не понимаю.

Элли снова притащила его в тактический центр, но на этот раз она не стала полагаться на микронаушник, а агрессивно встала рядом с ним. Со стороны могло показаться, что Элли — телохранитель и главный помощник, но Марк не мог отделаться от мысли, что Элли в любой момент может схватить его за волосы и перерезать горло.

Капитан Ботари-Джезек тоже была здесь: она заняла свое кресло и наблюдала молча за происходящим.

Когда на экране материализовалось лицо Фелла, Марк сразу понял, что румянец барона свидетельствует отнюдь не о его благодушии. Барон, судя по всему, пребывал в крайнем раздражении.

— Адмирал Нейсмит, я сказал капитану Куин, что, когда у меня появится конкретная информация, я сам с вами свяжусь.

— Барон, капитан Куин... находится в моем подчинении. Примите мои извинения, если она вела себя чересчур назойливо. Она только... э-э... достоверно демонстрирует мою собственную обеспокоенность. — Марк совершенно увяз в столь привычных для Майлза цветистых оборотах. Куин впилась пальцами ему в плечо — не зарывайся. — И какой... скажем, не вполне конкретной... информацией вы располагаете?

Фелл откинулся на спинку кресла — все еще недовольный, но успокоенный.

— Грубо говоря, люди Бхарапутры уверяют меня, что не могут найти вашу криокамеру.

— Она должна быть там! — прошипела Куин.

— Ну-ну, Куини. — Марк похлопал ее по руке. Элли сдавила ему плечо, словно тисками, но все же ей удалось выдавить неестественную улыбку — для комма. Марк снова повернулся к Феллу: — Барон, как, по-вашему, люди Бхарапутры лгут?

— Не думаю.

— У вас есть независимые источники, подтверждающие это предположение? Агенты на месте?

Губы барона искривились:

— Право, адмирал, не могу вам сказать.

«Естественно».

Он характерным нейсмитовским движением потер лицо:

— Вы можете сказать что-то определенное о действиях людей Бхарапутры?

— Сейчас они буквально выворачивают свой медкомплекс наизнанку. Все работники и вся охрана, которую они вызвали, чтобы помешать вашему налету, заняты поисками.

— Это не может быть сложным спектаклем, рассчитанным на то, чтобы нас провести?

Барон задумался.

— Нет, — в голосе его звучала уверенность. — Они действительно суетятся. На всех уровнях. Вы представляете себе... — он глубоко вздохнул, — во что выльется похищение барона Бхарапутры для равновесия сил главных домов, если это затянется надолго?

— Нет. Во что?

Барон резко поднял голову и пристально посмотрел на Марка, проверяя, не было ли в его словах сарказма.

— Вы должны осознавать, что с течением времени ценность вашего заложника понизится. Вакуум власти на вершине крупного дома — впрочем, как и мелкого — долго не продержится. Всегда найдутся группировки более молодых, зачастую тайные, которые стремительно его заполняют. Даже если предположить, что Лотос устроит так, что место Васа Луиджи займет его главный помощник, рано или поздно он наверняка сообразит, что возвращение его господина связано не только с наградой, но и с понижением в должности. Представьте себе крупный дом в виде мифической гидры: если отрезать ей голову, на шее возникают семь новых, которые начнут кусать друг друга. В конце концов выживет только одна. Но дом станет слабее, и все старые договоры и сделки окажутся ненадежными. Смятение распространяется на дома, связанные с ним... Такие резкие перемены здесь не приветствуются. Никем.

«И меньше всего самим бароном Феллом», — догадался Марк.

— Не считая, вероятно, ваших молодых коллег, — сказал он.

Взмахом руки Фелл выразил все свое пренебрежение к молодым коллегам. Взмах подразумевал: если они хотят получить власть, пусть плетут интриги, суетятся и убивают, как это пришлось делать мне.

— Ну, у меня нет желания держать здесь барона Бхарапутру до тех пор, пока он не постареет и не покроется плесенью, — сказал Марк. — Как таковой барон мне вообще не нужен. Пожалуйста, попросите дом Бхарапутра поспешить с поисками моего брата, а?

— Просьбы излишни. — Барон смерил его ледяным взглядом. — Учтите, адмирал: если эта... ситуация не будет успешно разрешена в самые ближайшие сроки, станция Фелл не сможет вас укрывать.

— Э-э... Уточните, что такое «самые ближайшие сроки».

— Очень скоро. В течение суток.

Не приходится сомневаться: на станции Фелл хватит сил для того, чтобы по первому слову барона выдворить два маленьких дендарийских корабля, когда только барон пожелает. А может даже и не просто выдворить.

— Вас понял. Э-э... как насчет свободного перелета к п-в-туннелю номер пять?

Если дела пойдут плохо...

— Тут... вам придется вести отдельные переговоры.

— То есть?

— Если у вас все еще будет ваш заложник... Я не желал бы, чтобы вы увезли Васа Луиджи с Архипелага Джексона. И я способен добиться того, чего хочу.

Куин стукнула кулаком по столику.

— Нет! — закричала она. — Не выйдет! Барон Бхарапутра — наш единственный козырь, чтобы получить Ма... криокамеру. Мы его не отдадим!

Фелл, инстинктивно отпрянув, укоризненно проговорил:

— Капитан!

— Если нас вынудят, мы возьмем его с собой, — пригрозила Куин, — и плевать я на всех хотела. В противном случае мы отправим его от пятого п-в-туннеля пешком без скафандра. Если мы не получим криокамеру... Ну, у нас найдутся союзники и получше вас. И не такие закомплексованные. Им плевать на ваши прибыли, ваши сделки и ваше равновесие сил. Единственный вопрос, который они зададут, это — с чего начать: с Северного полюса и жечь вниз, или с Южного — и жечь вверх!

Фелл сердито поморщился:

— Не глупите, капитан. Вы говорите о силе планетного масштаба.

Куин подалась к комм-пульту и прорычала:

— Барон, я говорю о силе многопланетного масштаба!

Изумленная Элен резко провела ребром ладони по горлу: «Заткнись, Куин!»

Глаза Фелла сверкнули.

— Это блеф, — сказал он после минутной паузы.

— Нет. И лучше вам поверить, что это не блеф!

— Никто не пойдет на такое ради одного человека. А уж тем более ради одного трупа.

Куин колебалась. Марк взял ее за руку и сжал ее изо всей силы, словно говоря: «Возьми себя в руки, черт подери!» Элли готова была выдать то, что сама же совсем недавно требовала хранить в строжайшей тайне.

— Ладно. Может, вы и правы, барон, — наконец сказала она. — Молите Бога, чтобы вы оказались правы.

После продолжительного молчания Фелл вежливо осведомился:

— И кто же этот ваш незакомплексованный союзник, адмирал?

После не менее продолжительного молчания Марк поднял глаза и ласково ответил:

— Капитан Куин блефовала, барон.

Губы Фелла растянулись в чрезвычайно сухой улыбке.

— Все критяне — лжецы.

Протянув руку, он прервал связь, и изображение рассыпалось обычным дождем искр. На этот раз, казалось, задержалась его улыбка.

— Прекрасно, капитан Куин, — огрызнулся Марк в наступившей тишине, — вы только что сообщили барону Феллу, сколько он может запросить за эту криокамеру. И, возможно, даже с кого. Теперь у нас два врага.

Куин тяжело дышала, словно после быстрого бега.

— Он нам не враг и не друг. Фелл заботился о Фелле. Не забывай об этом — потому что он это помнит всегда.

— Но лгал ли Фелл или просто передавал ложь дома Бхарапутра? — медленно спросила Ботари-Джезек. — Какой дополнительный доход может получить с этого Фелл?

— А если лгут и те, и другие? — предположила Куин.

— А что, если никто не лжет? — раздраженно спросил Марк. — Об этом вы не подумали? Вспомните, что Норвуд...

Их прервал сигнал комма.

— Куин, это Бел. Тот человек, на которого я вышел, согласен встретиться с нами у стыковочного узла «Ариэля». Если ты хочешь присутствовать при допросе, тебе надо вылететь немедленно.

— Хорошо. Буду. Конец связи. — Она устало направилась к выходу. — Элен, проследи, чтобы он, — она ткнула пальцем, — сидел в своей каюте.

— Угу. Ну, когда поговоришь с этим человеком, отдохни немного, а, Куин? Ты расклеиваешься. Только что ты чуть не сорвалась.

Куин махнула рукой. Когда она вышла, Элен повернулась к пульту и вызвала для Куин транспорт.

Марк встал и начал мерять шагами тактический центр, предусмотрительно засунув руки в карманы. Дисплеи оставались темными и неподвижными, шифровальные устройства молчали. Он представил себе тактический центр, наполненный людьми, живой, яркий, суматошный: тактический центр перед боем. Он представил себе, как вражеский огонь вскрывает корабль, будто консервную банку, и как вся эта жизнь размазывается, горит и рассыпается в вакууме. Например, огонь станции дома Фелл у пятого п-в-туннеля. Марк содрогнулся.

У закрытой двери в конференц-зал он задержался. Элен обсуждала с кем-то решение относительно надежности их причала у станции Фелл. Марк из чистого любопытства приложил ладонь к пластине замка. К немалому его удивлению, дверь мгновенно поехала в сторону. Кому-то предстоит немалая работа по перепрограммированию. Очень немалая работа — Майлз, несомненно, устроил так, чтобы свободно разгуливать везде, где пожелает. Это вполне в его стиле.

Элен взглянула на него, но ничего не сказала. Расценив это как безмолвное разрешение, Марк вошел в конференц-зал и обошел вокруг стола. В зале зажглись лампы. У него в голове снова прозвучали слова Торна: «Норвуд сказал, что адмирал отсюда выберется, даже если у нас не получится». Насколько тщательно дендарийцы изучили записи операции? Надо полагать, они внимательно просмотрели все, и не один раз. Что он сможет там увидеть такого, что не заметили бы другие? Они знают своих людей, свое оборудование...

«Но я знаю медкомплекс. Я знаю Архипелаг Джексона».

Интересно, на что еще способна его ладонь? Он сел в кресло Куин. Так и есть: в ответ на его прикосновение экран мгновенно засветился, аппаратура подчинялась его прикосновениям так, как этого не делала ни одна женщина. Он отыскал нужные записи. Данные Норвуда были потеряны, но ведь часть времени с ним был Тонкин. Что видел Тонкин? Существует ли эта запись? Если у рядовых шлем аналогичен командирскому... Ага! Перед его зачарованным взглядом возникли визуальные и слуховые записи Тонкина.

Марк попытался включиться в происходящее, и у него сразу разболелась голова. Движения камеры были резкими, как отрывистые взгляды при поворотах головы. Он замедлил запись — и увидел самого себя в вестибюле у лифтовой шахты: взволнованного коротышку в сером мундире с блестящими глазами на застывшем лице.

«Неужели я действительно такой?»

Кажется, под свободной полевой формой его уродство было не так заметно.

Теперь, глядя на все глазами Тонкина, Марк шел вместе с ним по лабиринту зданий, коридоров и туннелей до самого последнего боя. Торн правильно процитировал слова Норвуда: они звучали именно так. Вот только со временем он ошибся: Норвуд отсутствовал одиннадцать минут. На экране снова появилось разгоряченное лицо Норвуда, послышались его тяжелое дыхание, какой-то странный смех — и еще через несколько минут — удар гранаты, взрыв... Невольно отшатнувшись, Марк поспешно отключил запись и оглядел себя так, словно ожидал увидеть брызги крови.

«Если подсказка и есть, то раньше».

Он снова включил запись... Но в третий раз Марк замедлил ее еще сильнее. Всепоглощающая сосредоточенность была почти приятной. Тщательный анализ. Мельчайшие подробности... Можно буквально утонуть в мельчайших подробностях — анестезия от душевной боли.

— Поймал! — прошептал он.

Если прокручивать запись в реальном времени, все промелькнет очень быстро, но останется в подсознании. Мимолетный взгляд на надпись со стрелкой, указывающей в перпендикулярный коридор: «Прием отправлений».

Подняв глаза, он увидел, что за ним наблюдает Элен. Когда она сюда вошла? Она сидела непринужденно, вытянув длинные ноги, сцепив руки в замок.

— Что ты поймал? — тихо спросила она.

Он вызвал трехмерную карту призрачных зданий, на которой были высвечены маршруты Норвуда и Тонкина.

— Не здесь, — показал он, — а вот где! — Он отметил здание в стороне от коридора, по которому шли с криокамерой дендарийцы. — Вот куда пошел Норвуд. По этому туннелю. Я уверен! Я видел, что там — проходил по всему зданию! Черт, я даже играл там с друзьями в прятки, пока надзиратели не запретили. Я так ясно его себе представляю, словно у меня здесь есть запись из шлема Норвуда. Он привез камеру в помещение для приема отправлений — и отправил ее!

Ботари-Джезек выпрямилась в кресле:

— Разве это возможно? У него было так мало времени!

— Не просто возможно. Это легче легкого! Упаковочное оборудование полностью автоматизировано. Ему надо было только завезти криокамеру в пакующий аппарат и нажать кнопки. Автоматы даже доставили ее на погрузочную палубу. Там масса дел — они получают припасы на весь комплекс, отправляют все что угодно — от дисков данных до замороженных органов для пересадки, от генетически измененных эмбрионов до аварийного оборудования для спасательных команд. Включая перепрограммированные криокамеры! Все что угодно! Почта работает круглосуточно — так что во время нашего на-

падения ее наверняка пришлось спешно эвакуировать. Пока работало упаковочное оборудование, Норвуд составил на компьютере ярлык с адресом. Налепил ярлык, передал посылку транспортному роботу — а потом, если он был так сообразителен, как мы думаем, стер файл с записью адреса. И помчался обратно к Тонкину.

— Так что криокамера лежит себе упакованная на планете, на погрузочной палубе! Подожди, я скажу Куин! Наверное, нам следует подсказать людям Бхарапутры, где искать...

— Мне... — он приподнял руку, останавливая ее, — мне кажется...

Посмотрев на него, Элен снова откинулась в кресле, подозрительно сощурившись:

— Что тебе кажется?

— Прошли уже почти сутки с нашего отлета. И почти все это время люди Бхарапутры ищут криокамеру. Если бы камера все еще оставалась на погрузочной палубе, они ее уже нашли бы. Но на Архипелаге Джексона автоматическая система почтовых отправлений работает очень хорошо. Думаю, люди барона и Фелл говорят правду. Наверное, они сейчас буквально сходят с ума. Мало того, что там, внизу, криокамеры нет, они еще и понятия не имеют, куда она могла подеваться!

Элен напряглась.

— А мы имеем понятие? — спросила она. — Господи! Если ты прав... Она же может быть где угодно! Отправлена через любые двадцать пять грузовых перевалочных станций — она могла сейчас уже пройти через п-в-туннель! Саймона Иллиана удар хватит, когда мы ему об этом доложим!

— Нет. Не где угодно, — решительно возразил Марк. — Она могла быть отправлена только в такое место, о котором знал медик Норвуд. О котором он вспомнил бы, даже находясь в окружении и под огнем!

Элен облизнула губы и задумалась.

— Хорошо, — наконец признала она, — почти где угодно. Но по крайней мере мы можем попробовать угадать, изучив личное дело Норвуда. — Элен посмотрела на него очень серьезно. — Знаешь, в тишине ты соображаешь нормально. Ты не дурак. Я этого в тебе не замечала. Ты просто не годишься в боевые офицеры.

— Я ни в какие офицеры не гожусь. Ненавижу военных.

— Майлз обожает боевые условия. Он просто адреналиновый наркоман.

— Ненавижу. Ненавижу, когда мне страшно. Когда я испуган, я перестаю что-либо соображать. Когда на меня кричат, я цепенею.

— Но ты можешь соображать... А когда ты испуган?

— Почти всегда, — мрачно признался он.

— Тогда почему... — Элен замялась, подбирая слова, — почему ты все время пытаешься быть Майлзом?

— Не я пытаюсь, это вы меня заставляете в него играть!

— Не сейчас. Вообще.

— Не знаю, о чем вы.

ГЛАВА 10

Через двадцать часов два дендарийских корабля отстыковались от станции Фелл и направились к пятому п-в-туннелю. Они были не одни. Их сопровождали — вернее, конвоировали — шесть военных кораблей дома Фелл, рассчитанных на полеты только в местном пространстве. Сэкономленная энергия тратилась на грозное вооружение и защиту. Корабли-громилы.

Следом за конвоем на безопасном расстоянии шел крейсер Бхарапутра — скорее яхта, чем военный корабль, — готовый принять согласно договоренности барона Бхарапутру около фелловской станции у пятого туннеля.

Увы, на борту этой яхты криокамеры не было.

Когда пришлось смириться с неизбежным, Куин чуть не сорвалась.

— Я не оставлю Майлза! — кричала она. — Да я лучше вышвырну этого подонка Бхарапутру в открытый космос!

— Слушай! — прошипела Ботари-Джезек, схватив Элли за шиворот. Марку показалось, что, будь она зверем, уши у нее сейчас прижались бы к голове. Он съежился в кресле, стараясь казаться совсем маленьким. Еще меньше, чем на самом деле. — Мне это нравится не больше, чем тебе, но ситуация осложнилась. Майлз явно не у людей Бхарапутры, и одному Богу известно, куда его заслали. Нам нужны подкрепления: не боевые корабли, а подготовленные агенты-разведчики. Масса. Нам нужен Иллиан со всей его Службой безопасности, очень нужен — и как можно скорее. Пора сматываться отсюда: чем быстрее мы улетим, тем быстрее сможем вернуться.

— Я вернусь! — пообещала Куин.

— Это уж ты будешь решать с Саймоном Иллианом. Уверяю тебя, он не меньше нашего заинтересован в возвращении криокамеры.

— Иллиан — всего-навсего барраярец. — В устах Куин это прозвучало уничтожающе-презрительно. — Чиновник. Не может ему это быть так же важно, как нам.

— Не будь так уверена, — прошептала Элен.

В конце концов Куин пришлось уступить Элен, чувству долга и логике.

И Марк снова вынужден был напялить на себя серый офицерский мундир, искренне уповая на то, что это — его последнее выступление в роли адмирала Нейсмита. Ему предстояло наблюдать за передачей заложника представителям дома Фелл. Что бы потом ни случилось с Васа Луиджи — это будет на совести Фелла. И Марк очень надеялся, что это будет что-то неприятное.

Элен лично сопровождала Марка от каюты к стыковочному люку, куда было назначено явиться кораблю Фелла. Она казалась столь же невозмутимой, как всегда, только усталой. Марк решительно одернул китель и пошел следом за Элен.

— Почему я должен это делать? — жалобно спросил он.

— Это наш последний шанс доказать Васа Луиджи, что Майлз Нейсмит — ты, а в криокамере — всего лишь клон. На тот случай, если криокамера все-таки находится на планете, и на тот случай, если люди Бхарапутры найдут ее раньше нас.

Они прибыли к люку одновременно с двумя вооруженными до зубов техниками, которые тут же заняли свои места у пульта управления стыковочным узлом. Барон Бхарапутра явился чуть позже в сопровождении Элли Куин и двух бдительных дендарийских охранников. Марк решил, что охранники тут больше для проформы. Главная угроза — не эти пешки. Главная угроза — Пятая станция и охраняющие ее корабли дома Фелл. Он представил себе корабли Фелла, окружившие дендарийцев. Шах. А барон Бхарапутра кто, король? Сам Марк казался себе пешкой, прикинувшейся офицером. Васа Луиджи вообще на охранников не обращал внимания, украдкой поглядывая на Куин — черную королеву, но главным образом смотрел на люк.

Куин отсалютовала Марку:

— Адмирал.

Он ответил тем же.

— Капитан.

Он стоял в позе «вольно», словно наблюдая за операцией. Должен ли он говорить с бароном? Он предоставил Васа Луиджи самому начать разговор. Барон просто ждал, пугающе собранный и терпеливый, словно время для него шло не так, как для Марка.

Несмотря на то что дендарийцы сильно уступали кораблям Фелла в огневой мощи, они находились всего в нескольких минутах от спасительного п-в-туннеля. Как только будет передан заложник, «Перегрин» и «Ариэль» могут начинать п-в-переход — и клоны окажутся вне досягаемости смертоносных щупалец дома Бхарапутра. Этого они по крайней мере добились — с невероятными потерями, но добились. Малые победы.

Наконец послышались звяканье стыковочного узла и шипение герметизирующего перехода. Дендарийцы проследили за раскрытием люка и встали навытяжку. По другую

строну люка мужчина в зеленой форме дома Фелл с капитанскими знаками различия в сопровождении двух собственных восточного вида охранников, отрывисто кивнув, назвал себя и свой корабль.

Определив в Марке высшего по чину офицера, он отдал ему честь.

— Барон Фелл приветствует вас, адмирал Нейсмит, сэр, — и возвращает вам то, что вы случайно оставили, улетая.

Куин побледнела. Марк готов был поклясться, что у нее остановилось сердце. Капитан Фелла посторонился, но позади него оказалась не столь желанная криокамера, а строй из троих мужчин и двух женщин в гражданской одежде. Вид у них был от смущенного до гневного и даже мрачного. Один мужчина хромал и опирался на соседа.

Шпионы Куин. Группа дендарийских добровольцев, которых она попыталась внедрить на станцию Фелл для продолжения поисков. Куин, густо покраснев от досады, гордо вскинула голову и внятно проговорила:

— Передайте барону Феллу, что мы благодарим его за заботу.

Капитан Фелла ответил на это салютом и кислой усмешкой.

— Встретимся в конференц-зале, — выдохнула она, кивком отпуская своих людей. Они потопали прочь. Элен ушла с ними.

Капитан Фелла объявил:

— Мы готовы принять на борт пассажира.

Он ждал за люком. Дендарийские охранники вместе с Куин отошли от барона Бхарапутра, который, подняв голову, шагнул вперед.

— Мой господин! Подождите меня!

Марк резко обернулся на крик. Барон изумленно раскрыл глаза.

Смуглая девочка с развевающимися волосами выскользнула из коридора и бросилась вперед. Она держала за руку пышнотелую платиновую блондиночку. Ужом проскользнув мимо дендарийских охранников, которые, к счастью, не выхватили оружие, она стремительно помчалась вперед. Низенькая блондинка оказалась не такой спортивной, тем более что одной рукой ей приходилось поддерживать пышную грудь. Она отстала, тяжело дыша, с широко раскрытыми испуганными голубыми глазами.

Марк четко представил себе, как она лежит на операционном столе, а светловолосый скальп аккуратно отведен в сторону... Вой хирургической пилы, вгрызающейся в кость, осторожное рассечение нейронов в основании мозга, и, наконец, мозг вынимают как подарок. Разум, память, личность — жертва какому-то темному богу...

Марк сделал ей подножку. Тонкая рука блондинки вырвалась из пальцев темноволосой, и девочка упала. Сначала она закричала, а потом, плача, принялась лягать его, изви-

ваясь, вырываясь, перекатываясь на спину. Боясь, что она вывернется, Марк полз вверх, пока не прижал ее к полу всем телом. Девочка дергалась под ним, не понимая даже, что может просто дать ему коленом в пах.

— Прекрати. Прекрати, ради Бога, я не хочу сделать тебе больно, — прошептал он, зарывшись в сладко пахнущие волосы. Тем временем второй девочке удалось нырнуть в люк катера. Капитан дома Фелл был совершенно ошарашен ее появлением, но когда один из дендарийцев попытался схватить девочку, он моментально вытащил нейробластер.

— Остановитесь немедленно. Барон Бхарапутра, что это?

— Мой господин! — вскричала смуглая девочка. — Возьмите меня с собой, пожалуйста! Я должна соединиться с моей госпожой, должна!

— Оставайся на той стороне, — спокойно посоветовал барон. — Там они тебя не тронут.

— Только попробуйте... — начала Куин, готовясь шагнуть вперед, но барон приподнял руку, чуть согнув пальцы — жест ни угрожающий, ни непристойный, но чем-то оскорбительный.

— Капитан Куин. Не может быть, чтобы вам хотелось устроить инцидент и задержать ваш отлет. Очевидно, что девочка сделала выбор совершенно добровольно.

Куин остановилась.

— Нет! — завопил Марк. Он неловко вскочил, схватил блондинку и передал ее самому рослому дендарийскому охраннику. — Держи ее. — Он бросился вперед, готовясь пробежать мимо барона Бхарапутры.

— Адмирал? — барон чуть иронично приподнял бровь.

— На тебе надет труп, — огрызнулся Марк. — Не разговаривай со мной! — Он проковылял вперед, вытянув руки, и остановился перед девочкой, отделенной этим невидимым, ужасным, политически значимым порогом. — Девочка... — Он не знал ее имени. Он не знал, что сказать. — Не уходи. Не надо уходить. Они убьют тебя.

Она торжествующе улыбнулась Марку из-за спины капитана и встряхнула темными волосами. Глаза у нее горели.

— Я защитила свою честь. Совсем одна! Моя честь — это моя госпожа. У тебя нет чести. Свинья! Моя жизнь — это жертва... Ты такого даже представить себе не можешь. Я — цветок на ее алтаре.

— Ты — сумасшедшая дурочка, цветочный горшок, — резко сказала Куин.

Девочка подняла голову, сжала губы.

— Идите, барон, — приказала она хладнокровно, театрально протягивая руку.

Барон Бхарапутра пожал плечами, словно говоря: «Ну что вы хотите?», и пошел к люку. Никто из дендарийцев

не поднял оружия: Куин не давала им такого приказа. У Марка оружия не было. Он в отчаянии повернулся к ней:

— Куин...

Она тяжело дышала:

— Если мы не улетим сейчас, мы можем потерять все. Не двигайтесь.

Васа Луиджи задержался у люка, стоя одной ногой на территории «Перегрина», и повернулся к Марку.

— На тот случай если вам интересно, адмирал, это клон моей жены, — промурлыкал он.

Подняв правую руку, он облизал указательный палец и приложил его Марку ко лбу. Палец оставил холодный след. Очко в его пользу.

— Одно мое. Сорок девять — ваших. Но если вы посмеете вернуться, обещаю вам сравнять счет — да так, что вы будете только мечтать о смерти. — Он проскользнул в люк. — Привет, капитан. Спасибо за ваше терпение...

Люк закрылся, заглушив дальнейшие слова его приветствия, обращенного охранникам его соперника — или союзника.

Звякнул освобождающийся захват. Теперь тишину нарушали только безнадежные, отчаянные всхлипывания блондиночки. Пятно у Марка на лбу зудело, как отмороженное. Марк потер лоб ладонью, словно опасаясь, как бы он не треснул.

В коридор у люка влетела сержант Таура. Увидев блондиночку, она закричала, оборачиваясь:

— Вот она! Осталось две!

Следом за ней вбежал задыхающийся рядовой.

— Что случилось, Таура? — спросила Куин.

— Та девица, заводила. Хитрая! — сказала Таура, переводя дыхание и продолжая обшаривать взглядом коридоры. — Она сказала девочкам, будто мы — работорговцы. Убедила десятерых одновременно броситься наутек. Охранник с парализатором уложил трех, остальные семь разбежались. Четырех мы уже поймали. Большинство просто прятались, но, по-моему, у той длинноволосой был настоящий план: добраться до персональных капсул, пока мы еще не начали п-в-переход. Я поставила там охранника.

Куин чертыхнулась:

— Правильно сделала, сержант. Ваша тактика удалась — потому что она явилась сюда. К несчастью, она прибежала как раз к моменту обмена. И улетела с бароном. Вторую нам удалось перехватить. — Куин кивнула на всхлипывающую блондинку. — Так что вам осталось найти только еще одну.

— Как... — Таура недоуменно смотрела на люк, — как вы это допустили, мэм?

Лицо Куин застыло, словно маска.

— Я не сочла возможным начинать из-за нее перестрелку.

Таура сжала огромные когтистые руки в кулаки:

— Тогда мы должны поскорее найти последнюю, пока чего-нибудь не случилось.

— Продолжайте, сержант. Вы четверо, помогите ей, — приказала Куин охранникам. — Доложите мне в конференц-зале, когда снова всех соберете, Таура.

Таура, кивнув, направила дендарийцев по разным коридорам, а сама пошла к ближайшей лифтовой шахте. Ноздри у нее раздувались: казалось, она буквально вынюхивает беглянку.

Куин резко повернулась, бормоча:

— Мне надо в конференц-зал. Узнать, что случилось с...

— Я... отведу ее к остальным клонам, Куин, — предложил Марк.

Куин с сомнением посмотрела на него:

— Пожалуйста. Мне хотелось бы. — Она взглянула на люк, за которым скрылась темноволосая девочка, а потом снова на Марка. — Знаешь, я несколько раз просмотрела записи. У меня не было... возможности тебе сказать. Когда ты заслонил меня при отступлении к катеру, ты знал, насколько мало энергии оставалось в твоем противоплазменном зеркале?

— Нет. То есть я знал, что в меня много раз попадали там, в туннелях.

— Один выстрел. Если бы оно поглотило еще один выстрел, оно бы отказало. Еще два выстрела — и ты бы вспыхнул.

— О!

Куин хмуро смотрела на Марка, не зная, что это — мужество или просто глупость.

— Вот. Я решила, что это интересно. Что тебе надо это знать. — Она еще помедлила. — А у меня энергия была на нуле. Так что если ты действительно ведешь счет против Бхарапутры, можешь поднять свой до пятидесяти.

Марк не знал, какого ответа она ждет. Наконец Куин вздохнула:

— Хорошо. Можешь ее отвести. Если тебя это утешит.

Она быстро зашагала к конференц-залу.

Марк повернулся и взял блондиночку за руку, очень нежно. Она отпрянула, мигая огромными заплаканными глазами. Хотя он прекрасно понимал, насколько сознательно вылеплены ее черты и ее тело, эффект все равно был потрясающим: красота и невинность, сексуальность и страх смешались в один опьяняющий напиток. На вид ей было лет двадцать, полный физический расцвет. И она была всего на несколько сантиметров выше него. Можно подумать, она просто создана, чтобы стать героиней этой драмы — вот только его жизнь далеко не героическая. Хаос и полная потеря ориентации. Никаких наград, только новые наказания.

— Как тебя зовут? — притворно-радостно спросил Марк.

Девочка подозрительно глянула:

— Мари.

Фамилий у клонов не было.

— Красивое имя. Пошли, Мари. Я отведу тебя в твой... э-э... дортуар. Среди подруг тебе станет лучше.

Мари пошла за ним.

— Сержант Таура хорошая, знаешь ли. Она действительно о вас заботится. Ты просто напугала ее тем, что вот так убежала. Она боялась, как бы с тобой чего не случилось. Ты ведь ее не боишься, правда?

Ее дивные губки неуверенно приоткрылись.

— Н-не знаю...

Шла она изящно, покачивая бедрами, и от каждого шага ее груди чертовски завлекательно колыхались под розовой пижамной курточкой. Ей следовало бы их уменьшить — хоть он и не уверен, входит ли это в сферу деятельности хирурга «Перегрина». И если ей пришлось пережить в доме Бхарапутра что-то вроде того, что выпало на его долю, то, наверное, ее сейчас просто тошнит от хирургии. Его определенно тошнило.

— Мы не работорговцы. — Марк старался говорить как можно более убедительно. — Мы везем вас... — Да, если они узнают, что их везут в Барраярскую империю, их это мало успокоит. — Наша первая остановка, наверное, будет на Комарре. Но вам не обязательно там оставаться.

Он не имеет права ничего обещать ей. Никакого права. Пленный пленного не вызволит.

Девочка закашлялась и протерла глаза.

— С тобой... все в порядке?

— Я хочу попить водички.

Она охрипла от бега и слез.

— Я тебя напою, — пообещал Марк. Его каюта была совсем рядом, и он провел ее туда.

Марк прикоснулся к пластине замка, и дверь с шипением отъехала в сторону.

— Входи. У меня не было возможности с вами поговорить. Иначе... может быть, та девочка тебя и не обманула бы.

Марк завел ее в каюту и усадил на постель. Девочка дрожала. Он тоже.

— Она тебя обманула.

— Н-не... знаю, адмирал.

Он горестно усмехнулся:

— Я не адмирал. Я клон, как и все вы. Меня вырастили в доме Бхарапутра, этажом выше. — Он прошел в ванную, налил в чашку воды и принес ей. Ему вдруг захотелось подать ей воды, опустившись на одно колено. Ей надо... — Я хочу, чтобы вы поняли. Поняли, кто вы, что с вами происходит.

Чтобы вас больше никто не обманул. Вам надо многому научиться, чтобы суметь защитить себя. — Особенно ей. С таким телом. — Ты будешь ходить в школу.

Девочка отпила глоток.

— Не хочу в школу, — пробормотала она в чашку.

— Разве бхарапутряне никогда не давали тебе виртуальные программы обучения? Когда я там жил, это было самое интересное. Даже интереснее игр. Хотя игры мне, конечно, тоже нравились. Ты играла в «Зайлек»?

Она кивнула.

— Это было здорово! Но программы по истории и астрографии... Виртуальный инструктор был такой забавный! Седой такой дядька в костюме двадцатого века, в куртке с заплатами на рукавах... Я все гадал, то ли это образ реального человека, то ли просто некий обобщенный учитель.

— Я их вообще не видела.

— А чем вы занимались весь день?

— Болтали друг с другом. Делали прически. Плавали. Наставники каждый день заставляли нас делать гимнастику...

— Нас тоже.

— ... пока мне не сделали вот это. — Она прикоснулась к своей груди. — Потом меня заставляли только плавать.

Логично.

— Насколько я понимаю, последний раз тебе поменяли фигуру совсем недавно.

— Примерно месяц назад. — Она помолчала. — Ты правда не... не думаешь, что меня ждала мама?

— Мне очень жаль. У тебя нет матери. И у меня тоже. То, что тебя ждало... это был ужас. Почти невообразимый.

Девочка нахмурилась, явно не желая расставаться с мечтой.

— Мы все красивые. Если ты действительно клон, то почему тогда ты урод?

— Я рад, что ты начинаешь думать, — он тщательно подбирал слова. — Я точная копия моего родителя. Он урод.

— Но если это правда — насчет пересадки мозга, — то почему тебя?..

— Я был... частью другого плана. Мои заказчики взяли меня целиком. Я только позже узнал всю правду о Бхарапутре. — Он сел на кровать рядом с девочкой. Ее запах... неужели они генетически закладывают нежный аромат кожи? ...просто пьянит. Воспоминание о том, как ее мягкое тело извивалось под ним, будоражило Марка... — У меня были друзья... У тебя, наверное, тоже?

Она кивнула.

— К тому времени, когда я мог что-то для них сделать... Задолго до того, как я мог им хоть чем-то помочь... они все исчезли. Их убили. И поэтому я спас вас.

Девочка смотрела на него с сомнением. Он не мог угадать, о чем она думает.

Внезапно пол задрожал.

— Что это было? — Мари, широко распахнув глаза, бессознательно схватила его за руку.

— Все в порядке. Более чем в порядке. Это был твой первый п-в-переход. — Со своим опытом в... ну, скажем, несколько переходов... он постарался говорить весело и небрежно. — Мы улетели. Теперь джексонианцам до нас не добраться. — Гораздо лучше, чем двойная измена, которую он почти ожидал от барона Фелла. Никакого рева и сотрясений от неприятельского огня. Просто славный и спокойненький такой переходик. —Вы в безопасности. Мы все теперь в безопасности.

Марк вспомнил безумную смуглую девочку. «Почти все».

Ему так хотелось, чтобы Мари поверила! Дендарийцы, барраярцы... от них он не ждал особого понимания. Но эта девочка... если бы только он мог стать героем в ее глазах! Он хотел получить в награду поцелуй.

Он весь напрягся. Может, она не заметит? Не поймет? Не осудит?

— Ты... не поцелуешь меня? — робко спросил Марк пересохшими губами. Приняв у нее из рук чашку, он допил воду.

— Зачем? — спросила она, морща лоб.

— По... понарошку.

Такая просьба была ей понятна. Она моргнула, но достаточно охотно подалась вперед и прикоснулась губами к его губам. Ее пижамная курточка натянулась...

— Ох! — выдохнул он, обнимая ее. — Еще, пожалуйста...

Он притянул ее ближе. Мари не сопротивлялась и не отвечала, но все равно ее рот был потрясающим.

«Я хочу... хочу...»

Ничего страшного не случится, если он дотронется до нее — просто дотронется. Мари инстинктивно обхватила руками его шею. Он ощущал каждый прохладный пальчик, заканчивающийся остреньким ноготком. Ее губы раскрылись. В висках гулко стучала кровь. Он скинул китель...

«Прекрати. Прекрати немедленно, черт тебя побери!»

Ведь она могла была бы стать его героиней. У Майлза их — целый гарем, тут никаких сомнений. Может, она позволит ему... не только ее целовать? Конечно, он ничего такого не сделает. Ничего, что причинило бы ей боль. Но если потереться между этими огромными грудями — это не может причинить ей боль, хотя может удивить. Она, наверное, подумает, что он псих, но плохо ей от этого не будет. Его губы жадно искали ее рот. Он прикоснулся к ее коже. Еще... Он нетерпеливо сдвинул пижаму с ее плеч. Кожа у нее бархатисто-мягкая. Его рука, дрожа, метнулась вниз — расстегнуть пояс брюк. Какое об-

легчение... Он так ужасно, мучительно возбужден. Но он не прикоснется к ней ниже пояса — нет...

Он уложил Мари на кровать, навалился на нее, отчаянно осыпая поцелуями. Она изумленно ахнула. Его дыхание участилось — и вдруг неожиданно остановилось. Спазм хватил легкие, словно все дыхательные пути вдруг сжались.

«Нет! Только не это!»

Опять как в тот раз, год назад, когда он попробовал...

Марк скатился с нее, весь покрывшись холодным потом. Ему удалось сделать один астматический, мучительный вдох. Вспышки воспоминаний такие ясные, словно у него начались галлюцинации.

Гневные крики Галена. Ларс и Мок схватили его, сорвали с него одежду — словно те побои, которые он только что от них вытерпел, — это еще недостаточное наказание. Сначала они выгнали девушку. Она сбежала, как заяц. Он выплюнул соленую кровь. Электрошоковая дубинка указывала, прикасаясь: сюда, сюда. Удар и треск. Гален краснел все сильнее, обвиняя его в предательстве — и хуже, расписывая сексуальные склонности Эйрела Форкосигана, включив слишком сильное напряжение... «Переверните его». Смутное воспоминание о боли, унижении, ожоге, судорогах, странном электрическом возбуждении и отвратительно постыдном оргазме...

Он оттолкнул от себя воспоминания и, почти теряя сознание, еще раз вдохнул и выдохнул. Почему-то вдруг оказалось, что он сидит не на кровати, а на полу, судорожно сжавшись. Блондиночка скорчилась на сбитой постели и удивленно уставилась на него:

— Что с тобой? Почему ты перестал? Ты умираешь?

«Нет, только жалею, что не умер».

Это нечестно! Он знал, откуда взялась такая реакция. Это не воспоминание, погребенное в подсознании, это не из далекого и забывшегося детства. Это произошло всего четыре года назад. Разве не считается, что подобное ясное осознание помогает человеку освободиться от демонов прошлого? Он что, будет кататься в судорогах всякий раз, когда попробует секс с настоящей девушкой? Если все будет спокойно, если его не будет мучить совесть, если у него когда-нибудь появится возможность заниматься любовью — настоящей любовью, тогда, может, ему удастся справиться с безумием. «Или, может, не удастся...» Он сделал еще один судорожный вдох. И еще один. Легкие снова работали. Неужели он действительно мог умереть? Надо полагать, в момент потери сознания автономная нервная система должна снова заработать.

Дверь его каюты скользнула в сторону. В проеме показались Таура и Элен. Увидев, что происходит, Элен разразилась проклятиями, а Таура стремительно шагнула вперед.

Сейчас! Ему надо потерять сознание прямо сейчас! Но упрямый демон не слушался. Он продолжал тяжело дышать, свернувшись на боку, со спущенными до коленей брюками.

— Ты что делаешь? — прорычала Таура. В неярком свете ее клыки угрожающе засверкали. Марк видел, как она одной рукой разрывала солдатам горло.

Блондиночка, страшно встревоженная, поднялась на колени. Она, как всегда, пыталась прикрыть руками свои самые выдающиеся атрибуты и, как всегда, только привлекла к ним всеобщее внимание.

— Я только попросила попить водички, — прохныкала она. — Извините!

Таура поспешно опустилась на одно колено и повернула руки ладонями вверх, показывая девочке, что на нее-то она не сердится. Марк решил, что Мари таких тонкостей не понять.

— Тогда что случилось? — сурово спросила Элен.

— Он заставил меня его целовать.

Элен, глянув на Марка, яростно сверкнула глазами:

— Ты пытался ее изнасиловать?

— Нет! Не знаю. Я только...

Сержант Таура распрямилась, сгребла Марка за рубашку, прихватив заодно и немного кожи, подняла на ноги и притиснула к ближайшей стене. Пол оказался в метре от его ног.

— Отвечай честно, будь ты проклят, — рыкнула сержант.

Марк закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Не потому, что ему угрожают женщины Майлза, нет. Не из-за них. Но из-за того, что тогда, четыре года назад, последовало за этим унижением. Когда встревоженные Ларс и Мок в конце концов убедили Галена остановиться, Марк был в глубоком шоке, на грани остановки сердца. Галену пришлось отвезти дорогостоящего клона к врачу. Была глубокая ночь. Гален объяснил ожоги, сказав, будто Марк тайком занимался онанизмом с помощью электрошока, случайно его включил и не смог выключить, потому что у него свело руки. Врач ошарашенно захихикал. Марк еле слышно подтвердил все: он слишком боялся Галена, чтобы сказать правду. Но врач ведь видел следы побоев, неужели он не понял, как все было на самом деле? Но врач ничего не сказал. Ничего не сделал. Потом уже Марк осознал, что самые глубокие сожаления вызывает в нем его собственное пугливое подтверждение, что тот мрачный смешок обжег его больнее всего. Он не может допустить, не допустит, чтобы с Мари произошло то же самое.

Отрывистыми, резкими фразами он описал, что пытался сделать. Это звучало просто отвратительно, хотя виной тому была ее красота. Он крепко зажмурился. Он ни словом не обмолвился о своей панике, не попытался рассказать про Галена. Внутренне содрогаясь, он говорил правду. Пока он говорил, стена медленно поползла вверх вдоль его позвоночника,

и его ступни коснулись пола. Сжимавшие рубашку руки разжались, и он осмелился открыть глаза.

И чуть было не зажмурился снова, обожженный откровенным презрением, читавшимся на лице Элен. Ну все. Она — почти дружелюбная, почти добрая, почти его друг — теперь словно окаменела от ярости, и он понял, что потерял единственного человека, который мог бы за него заступиться. Было больно, смертельно больно потерять то малое, что он имел.

— Когда Таура доложила, что одной из девочек нет, — произнесла Элен, — Куин сказала, что ты настаивал на том, чтобы проводить ее. Теперь мы знаем почему.

— Нет. Я... ничего такого не планировал. Она действительно захотела попить.

И Марк указал на чашку, валявшуюся на полу.

Таура повернулась к нему спиной и опустилась на колено, мягко заговорив с блондиночкой демонстративно-мягко.

— У тебя ничего не болит?

— Со мной все в порядке, — дрожащим голосом ответила она, натягивая пижамную курточку. — Но этот человек по-настоящему болен.

Она смотрела на него удивленно-встревоженно.

— Несомненно, — пробормотала Элен. Подняв голову, она взглядом пронзила Марка, все еще цеплявшегося за стену. — Ты сидишь в каюте под арестом. И я снова ставлю у твоей двери охрану. Даже не пытайся выйти.

«Не буду, не буду».

Они увели Мари. Дверь с шипением закрылась, словно падающий нож гильотины. Марк, весь дрожа, бросился на свою узенькую койку.

Две недели до Комарры. Ему очень хотелось умереть.

ГЛАВА 11

Первые три дня одиночного заключения Марк провел лежа на кровати в глубокой депрессии. Он хотел, чтобы его героическая операция спасла человеческие жизни, а не отняла их. Он считал погибших. Пилот катера. Филиппи. Норвуд. Рядовой из отряда Кимуры. И восемь тяжело раненных. Когда он только составлял план, у всех этих людей не было имен. А еще — люди Бхарапутры, для него — безымянные. Обычный джексонианский охранник просто зарабатывал себе на хлеб. Может быть, даже Марк и встречался раньше с кем-нибудь из погибших бхарапутрян. Перекидывался шутками... Всегда так: в мясорубку попадают ни в чем не повинные люди, а те, у кого

есть власть, кто действительно виноват, выходят сухими из воды, как барон Бхарапутра.

Стоят ли жизни сорока девяти клонов гибели четырех дендарийцев? Похоже, сами дендарийцы так не считают.

«Они не знали, на что идут. Ты обманул их».

Это неожиданное прозрение ошеломило его. Жизни не складываются, как простые числа. Они складываются, как бесконечности.

«Я не хотел, чтобы так вышло!»

И клоны. Та блондиночка. Уж ему ли не знать, что она, несмотря на пышные формы, не взрослая женщина. Шестидесятилетний мозг, который собирались пересадить ей, наверняка знал бы, что делать с таким телом. Но ведь Марк же прекрасно понимал, что она еще маленькая! Он не хотел пугать или обижать ее, но ухитрился сделать и то, и другое. Он так хотел понравиться ей, так хотел, чтобы у нее осветилось лицо.

«Как при виде Майлза?» — насмешливо спросил внутренний голос.

Ни один клон не отреагировал так, как хотелось Марку. Надо расстаться с этой фантазией. Через десять, через двадцать лет, они, возможно, поблагодарят его. А может, и не поблагодарят.

«Я сделал все, что мог. Простите меня».

На второй день заключения ему пришла в голову страшная мысль: ведь его самого вполне могут использовать для пересадки мозга Майлза. Как ни странно — а, может, вполне логично, — со стороны Майлза он такого не боялся. Но сейчас Майлз не в состоянии наложить вето. А вдруг кто-нибудь подумает, что куда проще пересадить мозг Майлза в теплое и живое тело Марка, избежав тем самым сложнейшей операции по восстановлению грудной клетки криотрупа? Марк настолько перепугался, что уже готов был добровольно предложить такой план — лишь бы долго не мучиться.

Он был уже на грани безумия, когда вспомнил, что криокамера все равно потеряна, и опасность остается чисто умозрительной. По крайней мере до тех пор, пока не отыщется криокамера. В темной каюте, зарывшись лицом в подушку, он вдруг осознал, что затеял всю эту отчаянную операцию по освобождению клонов, чтобы увидеть уважение на лице Майлза!

«Ну, такую возможность ты практически свел к нулю, верно?»

Освобождение от круговерти отчаяния давали только еда и сон. Запихнув в себя полный рацион, Марк впадал в такое отупение, что мог на короткое время заснуть. Стремясь забыться, он уговорил мрачного дендарийца, который трижды в день просовывал ему в дверь подносы, приносить лишнюю еду. Ну а поскольку наемники явно не считали свои полевые рационы особым лакомством, возражать никто не стал.

Еще один дендариец принес Марку комплект одежды Майлза из запасов «Ариэля». Знаки различия были тщательно спороты.

На третий день Марк бросил все попытки застегнуть пояс форменных брюк и перешел на трикотажные костюмы. И тут на него снизошло озарение.

«Они не смогут меня заставить играть Майлза, если я не буду на него похож!»

И с этого момента Марк потерял ощущение времени. Один дендариец так разозлился на его бесконечные просьбы о лишних рационах, что притащил полный ящик, шмякнул об пол и велел Марку больше никого не дергать. Марк остался наедине со своей операцией по самоспасению и углубился в хитроумные расчеты. Он слышал, что пленным удавалось прорыть подкоп, пользуясь одной только ложкой. А чем он хуже других?

В глубине души он понимал, что это совершенно безумная затея, но зато теперь у него появилась цель. И неожиданно оказалось, что у него слишком мало времени. Марк тщательно изучал сведения о питательности продуктов. Если бы он не шевелился, одного рациона хватило бы на целый день. Следовательно, все, что сверх того, должно превращать его в не-Майлза. Каждые четыре плитки дадут килограмм лишнего веса. Жаль, конечно, что еда так однообразна...

Но все равно времени оставалось слишком мало. В итоге он запаниковал и ел беспрерывно, пока острая боль не вынуждала его остановиться. Так он соединил удовольствие, мятеж и наказание. Ощущение было странным, но приятным.

Куин вошла без стука и решительно переключила освещение на максимальную яркость.

Марк, вскрикнув, закрыл лицо руками. Вырванный из тревожной дремоты, он перевернулся на постели и, моргая, попытался разглядеть показания хроно. Куин пришла за ним на день раньше, чем он ожидал. Видимо, дендарийские корабли летели с максимальным ускорением.

«Господи, помоги!»

— Вставай, — приказала Куин. Она наморщила нос. — Помойся. И надевай вот этот мундир.

И она положила на кровать что-то густо-зеленое с золотом. У Элли был такой вид, будто ей очень хочется швырнуть мундир ему в лицо, и по тому, как бережно она уложила костюм, Марк заключил, что он принадлежит Майлзу.

— Я встану, — ответил Марк. — И вымоюсь. Но я не надену этот мундир — и вообще никакого мундира не надену.

— Будешь делать то, что прикажут.

— Это — мундир барраярского офицера. Он олицетворяет реальную власть. Барраярцы вешают тех, кто надевает чужие мундиры.

Марк отбросил одеяло и сел. У него немного кружилась голова.

— Боги! — придушенным голосом ахнула Куин. — Что ты с собой сделал?

— Полагаю, — гордо сказал Марк, — вы все равно можете запихнуть меня в мундир. Но советую вам подумать, как это будет смотреться.

И поплелся в ванную.

Умывшись и сняв депиллятором щетину, Марк осмотрел результаты своей попытки к бегству. Жаль, времени не хватило. Правда, он снова набрал тот вес, который ему пришлось сбросить, чтобы сыграть адмирала Нейсмита на Эскобаре, плюс, может быть, немного лишнего, и всего за четырнадцать дней. Намек на двойной подбородок. Живот болезненно растянулся, так что двигаться приходилось очень осторожно.

«Мало. Для безопасности — мало».

Куин — это Куин. Не в ее натуре было сразу отступать. Когда она все же попробовала напялить на Марка барраярский мундир, он тут же ссутулился. Впечатление получилось... ну очень невоенное. Элли с рычанием сдалась и разрешила ему самому подобрать себе одежду. Марк выбрал чистую пару трикотажных корабельных брюк, мягкие тапочки и свободный гражданский пуловер Майлза с широкими рукавами и вышитым поясом. С минуту Марк раздумывал, что больше досадит Куин: если он повяжет пояс поверх округлившегося животика, по экватору, или снизу, как поддержку. Судя по ее кислому виду — внизу. Так он его и оставил.

Куин почувствовала его отчаянную отвагу.

— Развлекаешься? — саркастически спросила она.

— Сегодня больше ничего веселенького не будет. Так-ведь?

Куин разжала кулак, невесело признавая его правоту.

— Куда вы меня ведете? И если уж на то пошло — где мы?

— На орбите Комарры. Мы сейчас тайно перелетим в капсуле на одну из барраярских военных станций. Там у нас состоится очень секретная встреча с шефом Имперской службы безопасности, капитаном Саймоном Иллианом. Он прилетел с Барраяра на курьерском корабле в ответ на довольно двусмысленное шифрованное сообщение, которое я отправила. Ему очень не терпится узнать, с чего это я нарушила его распоряжение. Он спросит, в чем дело. И, — тут голос у нее сорвался, и она глубоко вздохнула, — я ему расскажу.

Элли провела его по «Перегрину». Все коридоры казались опустевшими. Нет, не опустевшими. Очищенными.

Они вошли в капсулу, где за пультом управления уже сидела Ботари-Джезек. Когда она через плечо оглянулась на Марка, глаза ее удивленно раскрылись, а темные выгнутые брови нахмурились.

— Дьявольщина, Марк. Ты выглядишь, как утопленник, который неделю пролежал в воде.

«И чувствую я себя не лучше», — подумал Марк, но сказал только:

— Спасибо.

Элен фыркнула — он не понял, насмешливо, сердито или презрительно — и снова повернулась к пульту. Люк закрылся, разжались захваты, и они бесшумно отчалили от «Перегрина». При переходе от невесомости к ускорению Марку снова пришлось вспомнить о своем туго набитом животе.

— Почему глава имперской разведки всего лишь капитан? — спросил Марк, стараясь отвлечься от неприятных ощущений. — Ведь не из-за секретности же — все равно все знают, кто он такой.

— Еще одна барраярская традиция, — ответила Элен. На слове «традиция» в ее голосе послышалась горечь. — Предшественник Иллиана, покойный великий капитан Негри, не захотел принять повышений после капитана. Видимо, приближенному императора Эзара это было ни к чему. Все знали, что Негри — голос императора, и его приказы распространялись на все чины и звания. Иллиан... наверное, он стесняется оказаться выше по званию, чем его прежний шеф. Но получает он жалованье вице-адмирала. А тот бедняга, который возглавит службу безопасности после Иллиана, наверное, вынужден будет навечно остаться капитаном.

Они приближались к орбитальной станции. Марку наконец удалось далеко внизу разглядеть Комарру: с орбиты она казалась полумесяцем. Элен строго придерживалась траектории, заданной предельно лаконичным диспетчером. После напряженного обмена паролями им разрешили стыковку.

У люка гостей встретили два молчаливых охранника, очень аккуратных и подтянутых. Барраярцы провели их в небольшую каюту без окон, превращенную в кабинет: комм-пульт, три кресла — и все. Никаких излишеств.

— Спасибо. Можете идти, — сказал мужчина, сидевший за комм-пультом. Охранники бесшумно исчезли.

Мужчина, казалось, немного расслабился. Он кивнул Ботари-Джезек:

— Привет, Элен. Рад тебя видеть.

В голосе прозвучало неожиданное тепло — словно дядюшка приветствует любимую племянницу.

Марк сразу узнал Саймона Иллиана. Именно таким он и был на записях, которые показывал Гален: худощавый стареющий мужчина, с сединой, приливом поднимавшейся в темно-русых волосах от висков. Округлое лицо с курносым носом слишком изборождено морщинами, чтобы казаться мо-

ложавым. Иллиан был в мундире, с воротничка мигало Недремное око — символ Имперской службы безопасности.

И тут Марк заметил, что Иллиан, в свою очередь, уставился на него с каким-то ужасно странным выражением.

— Господи, Майлз, ты... — Он осекся, и во взгляде зажглась догадка. Иллиан снова откинулся на спинку стула. — А! — Его губы чуть искривились. — Лорд Марк. Леди Форкосиган будет вам очень рада. И я очень рад наконец встретиться с вами.

Казалось, Иллиан говорит совершенно искренне.

«Эта радость ненадолго, — безнадежно подумал Марк. — И почему лорд Марк? Он, наверное, шутит!»

— И еще я очень рад снова знать, где вы находитесь. Я так понимаю, капитан Куин, что сообщение моего департамента относительно исчезновения лорда Марка наконец до вас дошло?

— Нет. Пока нет. Наверное, его пересылают с места нашей... последней остановки.

Иллиан изумленно поднял брови:

— Так лорд Марк пришел добровольно? Или это мой бывший подчиненный послал его мне?

— Ни то, ни другое, сэр.

Казалось, Куин трудно говорить. Элен даже не пыталась.

Иллиан подался вперед.

— Так что за недопеченную нахальную выдумку он послал вас проталкивать под вывеской: «Я считал, что вы посоветовали бы мне поступать по обстановке, сэр»? За что мне платить на этот раз?

— Никакой выдумки, сэр. — Куин побледнела. — Но счет будет просто чудовищный.

— Да? — сказал он после секундного молчания.

Куин положила руки на пульт. Марку показалось, что это не для внушительности, а просто чтобы не упасть.

— Иллиан, у нас проблема. Майлз погиб.

Иллиан словно окаменел. Потом резко повернулся на стуле спиной к ним, так что Марк видел только его затылок. Макушка начала лысеть. Когда Иллиан наконец повернулся, на его застывшем лице пролегли новые морщины, глубокие, как шрамы.

— Это не проблема, Куин, — прошептал он. — Это катастрофа.

Он крепко прижал обе ладони к пульту — очень осторожно. «Так вот где Майлз подхватил это движение!» — некстати подумал Марк.

— Он в криокамере. — Куин облизала пересохшие губы.

Иллиан закрыл глаза. Губы его шевелились, то ли в молитве, то ли в проклятиях... Но он только мягко произнес:

— С этого можно было бы начать. Остальное можно вывести логически. — Он снова открыл глаза, пытаясь сосредоточиться. — Так что случилось? Насколько тяжело он был

ранен? Надеюсь, не в голову? Насколько хорошо его обработали?

— Я сама помогла его обработать. В боевых условиях. По... по-моему, обработали хорошо. Но невозможно сказать, пока... Да. Он получил очень тяжелое ранение в грудь. Насколько я могла судить, выше шеи все цело.

Иллиан осторожно выдохнул:

— Вы правы, Куин. Не катастрофа. Всего лишь проблема. Я отправлю сообщение в Форбарр-Султан, в госпиталь, чтобы ждали своего любимого пациента. Мы можем погрузить криокамеру на мой курьер немедленно.

Похоже, от облегчения он говорит слишком много.

— Э-э... нет, — прервала его Куин.

— Договаривай, Куин, — сказал он с плохо скрытым ужасом.

— Мы потеряли криокамеру.

— Как можно было потерять криокамеру?

— Она была переносная. — Перехватив обжигающий взгляд, Элли поспешила с докладом. — Ее оставили внизу при поспешном отлете. Было два боевых катера. И на каждом считали, что криокамера — на втором. Вопрос в неточности связи — клянусь, я проверяла! Так случилось, что медик, которому поручили криокамеру, был отрезан от катера. Он оказался рядом с коммерческой посылочной станцией. Мы считаем, что он отправил криокамеру по почте.

— Вы считаете? Я еще спрошу, что это была за боевая операция на поверхности планеты. Куда он ее отправил?

— В том-то и дело: мы не знаем. Медика убили прежде, чем он успел сказать. Сейчас криокамера может оказаться где угодно.

Иллиан откинулся на спинку стула:

— Ясно. И все это произошло... Когда? И где?

— Две недели и три дня назад, на Архипелаге Джексона.

— Я отправил вас всех к Иллирии через станцию Вега. Какого черта вас понесло на Архипелаг Джексона?

Куин встала «вольно» и сдержанно, в коротких словах, рассказала все с самого начала.

— У меня тут полный отчет со всеми нашими записями и личный журнал Майлза, сэр. — Она положила на комм-пульт куб данных.

Иллиан посмотрел на куб, как на ядовитую змею:

— А сорок девять клонов?

— На борту «Перегрина», сэр. Мы хотели бы их выгрузить.

«Мои клоны. Что Иллиан собирается с ними сделать?»

Марк не смел спросить.

— Личный журнал Майлза нам ничего не даст, полагаю, — отстраненно заметил Иллиан. — Он весьма поднаторел в том, чтобы не записывать.

Иллиан молча встал и начал расхаживать по кабинету. Хладнокровная маска раскололась без всякого предупреждения: с исказившимся лицом он повернулся и со всей силы, так, что кости захрустели, ударил кулаком в стену.

— Будь он проклят, этот парень! Даже собственные похороны умудрился превратить в комедию ошибок!

Когда Иллиан снова повернулся к посетителям, его лицо было застывшим и ничего не выражало. Подняв глаза, он обратился к Ботари-Джезек.

— Элен. Ясно, что мне придется остаться на Комарре и руководить поисками из штаб-квартиры по внешнегалактическим делам. Я, конечно... составлю официальное сообщение о пропаже без вести лейтенанта лорда Форкосигана и немедленно отправлю его графу и графине Форкосиган. Мне больно думать, что это сообщение им вручит посторонний, но ничего не поделаешь. Но не согласишься ли ты, в качестве личного одолжения, сопроводить лорда Марка в Форбарр-Султан к Форкосиганам?

«Нет! Нет! Нет!» — мысленно закричал Марк.

— Мне... не хотелось бы лететь на Барраяр, сэр.

— У премьер-министра будут вопросы, на которые сможет ответить только тот, кто при всем присутствовал. Ты... идеальный курьер для столь тонкого дела. Не спорю, задача будет очень нелегкой.

— Сэр, я — старший капитан, — затравленно сказала Элен. — Я не могу оставить «Перегрин». И... откровенно говоря... мне не хочется сопровождать лорда Марка.

— Взамен я пообещаю тебе все, что хочешь.

Элен колебалась:

— Все?

Он кивнул.

Она взглянула на Марка.

— Я дала слово, что все клоны дома Бхарапутра будут отправлены в безопасное место, где о них будут заботиться и куда не смогут добраться джексонианцы. Вы поможете мне сдержать слово?

— Конечно, Службе безопасности ничего не стоит сделать им новые биографии. Тут ничего трудного нет. С размещением будет сложнее. Но — да. Мы ими займемся.

«Займемся». Что, интересно, он хочет этим сказать? Несмотря на все их недостатки, барраярцы по крайней мере не практикуют рабство.

— Это дети! — выпалил Марк. — Вы должны помнить, что они — всего лишь дети!

«Об этом нелегко помнить», — хотел он добавить, но замолчал, наткнувшись на холодный взгляд Элен.

Иллиан отвернулся от Марка:

— Тогда я обращусь за советом к графине Форкосиган. Что-нибудь еще?

— «Перегрин» и «Ариэль»...

— Должны пока остаться на орбите Комарры и ни с кем не выходить на связь. Извинитесь за меня перед своими людьми, но им придется потерпеть.

— И вы возьмете на себя оплату всей этой истории?

Иллиан поморщился:

— Увы, да.

— И... и будете изо всех сил искать Майлза!

— О, да! — выдохнул он.

— Тогда полечу, — еле слышно сказала Элен.

— Спасибо тебе, — негромко отозвался Иллиан. — Мой курьерский корабль примет вас, как только вы будете готовы. — Он неохотно посмотрел на Марка. Всю вторую часть разговора он старался на него не глядеть. — Сколько охранников ты желаешь взять с собой? — спросил он у Ботари-Джезек. — Я дам им четкие инструкции, что, пока они не доставят вас к графу, они подчиняются только тебе.

— Я вообще не хотела бы брать охранника, но, боюсь, мне надо будет поспать... Двоих.

Итак, теперь он официальный пленник императорского правительства Барраяра, понял Марк. «Приехали».

Элен поднялась и жестом приказала Марку встать.

— Пошли. Мне надо взять с «Перегрина» личные вещи. И передать командование моему помощнику. И объяснить людям насчет карантина. Тридцать минут.

— Хорошо. Капитан Куин, задержитесь, пожалуйста.

— Слушаюсь, сэр.

Иллиан встал, чтобы проводить Элен.

— Скажи Эйрелу и Корделии... — Он замолчал. Время мучительно замедлилось.

— Скажу, — тихо ответила Элен. Иллиан кивнул.

Дверь раскрылась. Элен даже не обернулась, проверяя, идет ли за ней Марк. Каждые пять шагов ему приходилось переходить на бег, чтобы не отстать.

Каюта на борту скоростного курьера Службы безопасности оказалась еще более тесной и похожей на тюремную камеру, чем та, которую Марк занимал на «Перегрине». Элен заперла его и ушла. Не было даже отсчета времени по доставке питания: в каюте находилась управляемая компьютером система доставки с центрального склада. Марк постоянно переедал, сам не понимая, зачем. Разве что для успокоения и самоистязания. Но чтобы умереть от тучности, нужны годы, а у него было всего пять дней.

В последний день у него началась рвота. На катере все решили, что это болезнь невесомости, и на удивле-

ние мягкосердечный охранник, видимо, страдавший подобным недугом, быстро наклеил Марку противорвотный пластырь.

Пластырь обладал и слабым успокаивающим действием. У Марка немного уменьшилось сердцебиение. Когда катер приземлился, их уже поджидал бронированный лимузин. Охранник сел спереди, рядом с водителем, а Марк оказался напротив Элен сзади. Начался последний этап этого кошмарного путешествия: дорога из военного космопорта в самое сердце Форбарр-Султана. Центр Барраярской империи.

Только когда у него началось нечто вроде приступа астмы, Элен вышла из мрачной задумчивости:

— Что с тобой?

Наклонившись вперед, Элен нащупала его пульс. Марк весь был покрыт холодным потом.

— Тошнит, — выдавил он и в ответ на ее раздраженный взгляд признался: — Страшно.

Марку казалось, что под огнем бхарапутрян он перепугался так, что сильнее просто невозможно, но это были еще цветочки по сравнению с медленным кошмаром и удушающей беспомощностью перед судьбой.

— Чего тебе бояться? — презрительно спросила Элен. — Никто тебе ничего плохого не сделает.

— Капитан, они меня убьют!

— Кто? Лорд Эйрел и леди Корделия? Едва ли. Если нам по какой-то причине не удастся вернуть Майлза, ты можешь стать следующим графом Форкосиганом. Надо полагать, ты и сам это сообразил.

И тут он наконец удовлетворил свое давнее любопытство: когда он потерял сознание, дыхание действительно возобновилось автоматически. Он сморгнул черную пелену и отстранил испуганную Элен. На всякий случай она прихватила из аптечки катера пару пластырей и теперь неуверенно крутила их в руках. Марк жестом поторопил ее. Это помогло.

— За кого ты их принимаешь? — гневно вопросила она, когда его дыхание немного выровнялось.

— Не знаю. Но они наверняка злы на меня.

Хуже всего понимание, что все могло бы и не быть так плохо. Теоретически в любой момент до заварушки на Архипелаге Джексона он мог просто явиться и сказать: «Привет!». Но он хотел встретиться с Барраяром на равных. Все равно что пытаться взять штурмом небо. Его попытка все исправить вконец испортила дело.

Элен откинулась в кресле и с запоздалым недоумением уставилась на Марка.

— Ты что, правда до смерти перепуган, да? — спросила она с таким изумлением, что ему захотелось взвыть. — Марк, лорд Эйрел и леди Корделия отнесутся к тебе со всем

возможным снисхождением. Я это точно знаю. Но ты должен будешь выполнять свои обязанности.

— Какие обязанности?

— Я... Я точно не знаю, — призналась она.

— Спасибо. Ты так мне помогла!

И тут они приехали. Машина миновала несколько ворот и оказалась на узкой площадке перед огромной каменной резиденцией. Марк решил, что резиденция кажется такой внушительно древней благодаря архитектуре Периода Изоляции. Подобную архитектуру он видел в Лондоне, но тем зданиям было больше тысячелетия, а этому — всего сто пятьдесят стандартных лет.

Резиденция Форкосиганов.

Фонарь открылся, и Марк выбрался из машины следом за Ботари-Джезек. На этот раз она задержалась, поджидая его. Элен крепко сжала ему руку выше локтя, то ли тревожась, как бы он не упал, то ли опасаясь, что он сбежит. Они прошли по ласковому солнышку в прохладные сумерки большого вестибюля, вымощенного черно-белой плиткой. Сколько раз Майлз переступал через этот порог?

Ботари-Джезек на миг показалась Марку служанкой какой-то злой волшебницы, похитившей любимого Майлза и подменившей его бледным толстеньким подкидышем. Он с трудом подавил истерический смешок в ответ на насмешливо-издевательский внутренний голос: «Здравствуй, мама, здравствуй, папа, вот и я!»

Что самое печальное, злая волшебница — это он сам.

ГЛАВА 12

В вестибюле их встретили два ливрейных слуги в цветах дома Форкосигана: в коричневом с серебром. Один направил Ботари-Джезек куда-то направо. Марк готов был разрыдаться. Конечно, Элен его презирает, но по крайней мере она хоть какая-то поддержка. Чувствуя себя даже более одиноким, чем в темной каюте, он последовал за слугой налево, по сводчатому коридору.

Когда-то он под руководством Галена выучил план резиденции Форкосиганов, поэтому знал, что сейчас они идут в «Первую гостиную», расположенную перед огромной библиотекой, которая занимала пол-этажа. По сравнению с огромными парадными комнатами эта, надо полагать, считалась интимной, хотя из-за высокого потолка в ней царила атмосфера холодной суровости. И тут Марку стало не до архитектуры: он увидел женщину, сидевшую на мягкой кушетке и спокойно ожидавшую его.

Она была высокая, не худая и не толстая, а скорее просто крепко сложенная. Каштановые волосы закручены на затылке в замысловатый узел. Четкая линия скул и носа, ясные серые глаза. Держалась она довольно напряженно. На ней была мягкая бежевая шелковистая блуза, перехваченная вышитым поясом, — Марк вдруг понял, что узор на поясе совпадает с тем, что на нем, краденым, — коричневая юбка ниже колен и сандалии на платформе. Никаких драгоценностей. Он ожидал увидеть что-то более пышное, замысловатое, подавляющее: облик графини Форкосиган с записей, сделанных на официальных приемах. А может, графиня настолько уверена в своей власти, что ей и не требуется ее подчеркивать — она сама и есть власть? Он не заметил между нею и собой никакого внешнего сходства. Ну разве что только цвет глаз. И бледность кожи. Ну, может, еще переносица. Линия скул у нее была очень четкая — на записях этого не видно...

— Лорд Марк Форкосиган, миледи, — торжественно доложил слуга. Марк содрогнулся.

— Спасибо, Пим, — кивнула графиня пожилому слуге, отпуская его. Закрывая за собой двери, он позволил себе только один быстрый взгляд.

— Привет, Марк. — Голос у графини был мягкий, грудной. — Садись, пожалуйста.

Она махнула рукой в сторону кресла, стоявшего под углом к кушетке. Вроде никаких ловушек или капканов незаметно, да и кресло не слишком близко от графини — Марк осторожно опустился на сиденье. Как ни странно, оно оказалось не слишком высоким — ступни касались пола. Может, его подрезали для Майлза?

— Рада наконец познакомиться с тобой, — сказала она. — Хоть мне и жаль, что обстоятельства такие неловкие.

— Взаимно, — пробормотал он.

Рад — или жаль? И кто они вообще такие, сидящие тут напротив друг друга и вежливо лгущие о своей радости и сожалении? «Кто вы, леди?» Он опасливо огляделся в поисках Мясника Комарры. — А где... ваш супруг?

— Формально — приветствует Элен. А если по правде — он струсил и выслал меня на линию огня. Очень на него не похоже.

— Я... не понимаю, сударыня.

Он не знал, как к ней обращаться.

— Последние два дня он пьет лекарства от желудка, как лимонад... Ты должен понять, как к нам просачивались вести, взглянуть на все с нашей точки зрения. Первый намек на то, что не все в порядке, мы получили четыре дня назад. Офицер из штаба Службы безопасности принес короткое стандартное сообщение от Иллиана: Майлз пропал без вести, подробности позже. Сначала мы не склонны были паниковать.

Майлз и раньше пропадал без вести, иногда достаточно надолго. Только когда несколько часов спустя было получено и расшифровано полное сообщение Иллиана вместе с известием, что ты летишь сюда, все стало понятно. У нас было три дня, чтобы обо всем подумать.

Он сидел молча, пытаясь привыкнуть к мысли, что у великого адмирала Форкосигана, грозного Мясника Комарры, вообще существует точка зрения. Не говоря уже о том, что такие жалкие смертные, как он сам, могут так запросто ее понять.

— Иллиан никогда не виляет, — продолжила графиня, — но в сообщении он ни разу не употребил слово «погиб» или «убит». Медицинские данные свидетельствуют об обратном. Правильно?

— Э-э... Криообработка, похоже, была успешной.

«Чего она добивается?»

— И таким образом мы попали в эмоциональное и юридическое небытие, — вздохнула она. — Кажется, было бы почти легче, если бы он... — Она яростно нахмурилась, глядя в пол. Впервые ее руки сжались в кулаки. — Понимаешь, нам надо говорить о массе возможных вариантов. Многое зависит от тебя. Но я не буду считать Майлза мертвым, пока он не истлеет.

Марк вновь увидел лужу крови на цементе и беспомощно хмыкнул.

— То, что ты сыграл роль Майлза... — Графиня осеклась, недоуменно глядя на него. — Говоришь, дендарийцы тебя приняли?..

Он съежился под ее пристальным взглядом, чувствуя, как под рубашкой Майлза перекатывается и обвисает его живот, как туго натянулись брюки...

— С тех пор... я немного прибавил в весе.

— Всего за три недели?

— Да. — Марк покраснел.

Она приподняла бровь:

— Специально?

— Вроде как.

— Ага! — Она откинулась назад, явно удивленная. — Но это ты очень хорошо придумал!

Он разинул рот, но, поняв, что так еще заметнее двойной подбородок, поспешно его закрыл.

— Твой статус был предметом немалых споров. Я выступала против любых уловок скрыть случившееся с Майлзом, заставив тебя играть его роль. Во-первых, это излишне: лейтенант лорд Форкосиган часто надолго исчезает — в последнее время его отсутствие стало почти привычным. Стратегически более важно заявить о тебе, как о тебе самом, лорде Марке — если ты действительно им будешь.

 Он сглотнул:

— А что, у меня есть право выбора?

— Да. Но сознательного выбора. После того как ты разберешься, что к чему.

— Вы шутите! Я же клон!

— Я — с Колонии Бета, парнишка, — язвительно сказала она. — Бетанские законы относительно клонов ясны и разумны. Это не барраярские традиции, которых — по этому вопросу — просто не существует. Барраярцы! — Это слово прозвучало, как ругательство. — Барраяру не хватает опыта с разнообразными технологическими вариантами воспроизведения потомства. Никаких юридических прецедентов. А если у них нет традиции, — это слово графиня произнесла совершенно так же, как Элен, — то они не знают, что делать.

— И кто я для вас, как для бетанки? — спросил Марк с тревожным любопытством.

— Или сын, или двоюродный сын, — мгновенно ответила она. — Нелицензированный, но признанный мною в качестве наследника.

— Это категории вашей родной планеты?

— Еще бы! Значит так, если бы я заказала твой клон от Майлза — разумеется, получив сначала лицензию, — ты был бы просто моим сыном. Если бы то же самое сделал Майлз, будучи юридически совершеннолетним, то твоим юридическим родителем был бы он сам, а я была бы твоей двоюродной матерью, и мои права и обязанности по отношению к тебе были бы примерно те же, что и у бабушки. Конечно, в тот момент, когда тебя клонировали, Майлз не был совершеннолетним, и твое рождение не было лицензировано. Если бы ты все еще оставался несовершеннолетним, мы с ним предстали бы перед судьей, и тот назначил бы тебе опекуна, исходя из соображений твоего благополучия. Конечно, ты уже не несовершеннолетний — ни по бетанским, ни по барраярским законам. — Она вздохнула. — Время юридического опекунства миновало. Потеряно. Наследование собственности будет запутано барраярскими недоразумениями. Когда придет время, Эйрел обсудит с тобой традиционный закон Барраяра — или отсутствие оного. Остаются наши эмоциональные взаимоотношения.

— А они у нас есть? — с опаской поинтересовался Марк. Он не знал, чего боится больше: того, что она выхватит оружие и прикончит его, или же того, что она бросится к нему в припадке материнской любви. Впрочем, оба варианта казались ему все менее вероятными.

— Есть. А вот какие — это еще предстоит выяснить. Но усвой следующее. В твоем теле половина генов — мои, а мой эгоистический геном эволюционно запрограммирован на то, чтобы заботиться о своих копиях. Вторая половина принадлежит человеку, который восхищает меня больше всех

среди всех времен и народов, так что мой интерес удваивается. Художественное сочетание того и другого... ну, скажем так, имеет право на мое внимание.

Облеченные в такую форму их отношения казались вполне логичными и совсем не страшными. Тошнота отступила, дыхание стало свободным. И ему моментально захотелось есть — впервые после выхода на орбиту Барраяра.

— Ну, твои отношения со мною не имеют ничего общего с твоими отношениями с Барраяром. Это — область Эйрела, и он сам выскажет свою точку зрения. Все настолько неопределенно... Кроме одного: пока ты находишься здесь, ты — это ты, Марк, брат-близнец Майлза. Так что чем убедительнее ты сможешь показать свою непохожесть на Майлза — тем лучше.

— Ох! — выдохнул он. — Да, пожалуйста!

— Я так и думала, что ты уже догадался. Хорошо, договорились. Но просто не быть Майлзом — это оборотная сторона подражания Майлзу. Я хочу знать: кто такой Марк?

— Леди... я не знаю.

В его словах прозвучала мука.

Корделия понимающе смотрела на него:

— Время есть. Майлз... он хотел, чтобы ты оказался здесь. Мечтал, как будет тебе все показывать. Представлял, как будет учить тебя ездить верхом.

Марк вздрогнул:

— Гален пытался меня учить верховой езде в Лондоне. Это было жутко дорого, а у меня не очень-то получалось, и в конце концов он велел мне избегать лошадей, когда попаду сюда.

— О? — Она чуть повеселела. — Хм... Видишь ли, Майлз питал... питает романтические воззрения на то, что такое родные братья и сестры. Такое бывает только у единственных детей в семье. Ну, у меня-то брат был, так что никаких иллюзий не осталось. — Она помолчала, огляделась и подалась вперед, доверительно понизив голос. — У тебя есть дядя, бабушка и два кузена в Колонии Бета — такие же родственники, как мы с Эйрелом и твой кузен Айвен здесь, на Барраяре. Не забывай: у тебя не один вариант. Я отдала Барраяру одного сына. И двадцать восемь лет смотрела, как Барраяр пытается его сломать. Может, с Барраяра достаточно, а?

— А Айвен сейчас не здесь? — испуганно спросил Марк.

— Он не живет в резиденции Форкосиганов — если ты это имел в виду. Он в Форбарр-Султане, в распоряжении штабквартиры Службы безопасности. Может, — в ее глазах вспыхнул интерес, — он покажет тебе кое-что из того, что планировал Майлз.

— Айвен, наверное, все еще злится на меня за то, что я сделал в Лондоне, — затрясся Марк.

— Забудет, — уверенно сказала графиня. — Да, пожалуй, Майлз бы просто наслаждался тем, как ты смущаешь окружающих.

Теперь все понятно. Значит, Майлз пошел в маму.

— Я почти тридцать лет на Барраяре, — задумалась она. — Мы прошли такой большой путь! А осталось гораздо больше. Даже Эйрел начинает уставать. Может, за одно поколение всего не сделать. По-моему, пришло время смены караула... А, ладно.

Он впервые откинулся на спинку кресла, начиная по-настоящему воспринимать происходящее. Союзница! Похоже, у него есть союзница, хотя все еще непонятно почему. Гален мало внимания уделял графине Форкосиган: он был полностью одержим своим старым врагом, Мясником. Похоже, Гален серьезно ее недооценил. Она выдержала здесь двадцать девять лет... Может, и у него получится? Впервые это показалось ему достижимым.

Раздался отрывистый стук в дверь. Когда графиня Форкосиган откликнулась, створки приоткрылись и заглянувший в комнату мужчина напряженно ей улыбнулся.

— Мне можно зайти, капитан?

— Да, думаю, что да, — ответила графиня Форкосиган.

Мужчина вошел, закрыв за собой дверь. У Марка перехватило дыхание. Он сглотнул и вздохнул, сглотнул и вздохнул, с трудом сохраняя самообладание. Он не грохнется в обморок на глазах этого человека!

Это был он, несомненно он: премьер-министр адмирал граф Эйрел Форкосиган, бывший регент Барраярской империи и фактический властитель трех планет, завоеватель Комарры, военный гений, крупнейший политик... Обвинявшийся в убийствах, применении пыток, в безумии — слишком во многом, чтобы все это вместилось в одном коренастом человеке, который сейчас шагал к Марку.

Марк смотрел записи, сделанные в самое разное время. Может, и неудивительно, что его первой связной мыслью было: «Он кажется старше, чем я ожидал».

Граф Форкосиган был на десять лет старше своей жены-бетанки, но по виду ему можно было дать лишние двадцать или тридцать. В волосах даже по сравнению с видеозаписями двухлетней давности прибавилось седины. Для барраярца он был невысок — одного роста с графиней. Лицо — внушительное, полное жизни. На графе были зеленые форменные брюки и кремовая рубашка, рукава закатаны, воротник расстегнут. Если это попытка одеться небрежно, то попытка неудачная. С его появлением атмосфера в комнате стала удушающе напряженной.

— Элен устроилась, — доложил граф Форкосиган, садясь рядом с графиней: поза свободная, руки — на коленях, спина прямая. — Похоже, этот визит вызвал в ней столько воспоминаний... Она не была готова.

— Я скоро пойду поговорю с ней, — пообещала графиня.

— Хорошо. — Граф изучал Марка. Что он испытывает: недоумение? Отвращение? — Так. — Опытный дипломат, в обязанности которого входило уговорами толкать три планеты по пути прогресса, сидел в полной растерянности, не зная, что сказать. — И он умудрился выдать себя за Майлза?

Во взгляде графини заиграли веселые искорки.

— Он с тех пор прибавил в весе.

— Ясно.

Молчание длилось.

Марк ни с того ни с сего выпалил:

— Первое, что я должен был сделать при встрече с вами, — это попытаться вас убить.

— Знаю.

Граф Форкосиган откинулся на спинку дивана и наконец посмотрел Марку в глаза.

— Меня заставили выучить около двадцати способов — я мог повторить их даже во сне, но основным был кусочек пластыря с парализующим токсином, который при вскрытии давал картину сердечной недостаточности. Мне надо было остаться с вами наедине и приклеить пластырь к любой части тела, которая будет мне доступна. Этот яд — удивительно медленный. Я должен был ждать минут двадцать, пока вы не умрете, и так и не признаться, что я не Майлз.

Граф мрачно улыбнулся:

— Ясно. Хорошая месть. Очень искусная. Метод сработал бы.

— А потом я, как новый граф Форкосиган, должен был возглавить восстание и захватить власть в империи.

— А вот это бы не получилось. Сер Гален это предвидел. Ему нужен был только хаос, вызванный провалом восстания, чтобы Комарра тем временем обрела независимость. Тогда ты стал бы еще одним Форкосиганом, которому он отомстил.

Казалось, этот человек чувствовал себя более непринужденно, профессионально обсуждая заговоры.

— Ваше убийство стало для меня единственной целью. Два года назад я был готов его осуществить.

— Не огорчайся, — посоветовала графиня. — У многих и такой цели нет.

Граф заметил:

— Когда стало известно о заговоре, служба безопасности собрала о тебе массу сведений. Они охватывают период от момента, когда ты был еще только безумным огнем в глазах Галена, до недавнего сообщения о твоем исчезновении с Земли. Но в этих документах нет ничего, свидетельствующего, что твое... э-э... недавнее посещение Архипелага Джексона — тайная программа, направленная на мое убийство. Это так?

В голосе графа звучало сомнение.

— Да, — решительно сказал Марк. — Меня достаточно программировали, я знаю, что это такое. Такого нельзя не заметить. По крайней мере как это делал Гален.

— Я не согласна, — неожиданно вмешалась графиня Форкосиган. — Тебя запрограммировали, Марк. Но не Гален.

Граф изумленно-вопрошающе поднял брови.

— Боюсь, это сделал Майлз, — объяснила она. — Совершенно невольно.

— Не представляю, как, — сказал граф.

Марк поспешил согласиться:

— Я виделся с Майлзом всего несколько дней, на Земле.

— Не уверена, что ты готов это услышать, но ладно. У тебя было всего три шанса научиться быть человеком. От джексонианских торговцев телом, от комаррских террористов... и от Майлза. Ты был весь пропитан Майлзом. Мне очень жаль, но Майлз считает себя странствующим рыцарем. Нормальное правительство не доверило бы ему и перочинного ножика, не то что космический флот. И вот, Марк, когда тебе наконец пришлось выбирать между двумя вариантами очевидного зла и безумием, ты вскочил и побежал за безумцем.

— Я считаю, что у Майлза с головой все в порядке! — запротестовал граф.

Графиня, как-то странно всхлипнув, закрыла лицо ладонью.

— Милый, мы говорим о молодом человеке, на которого Барраяр взвалил такую невыносимую ношу, такую боль, что он нашел убежище в совершенно другой личности! А потом убедил несколько тысяч галактических наемников поддерживать его психоз и сверх того заставил Барраярскую империю все это оплачивать. Адмирал Нейсмит — это куда больше, чем просто маска службы безопасности, ты и сам знаешь. Согласна, он — гений, но только не смей говорить мне, что он не безумен. — Она помолчала. — Нет. Это несправедливо. Предохранительный клапан Майлза работает. Я не буду всерьез опасаться за его рассудок, пока он не отрезан от маленького адмирала. В целом — это просто чудеса акробатики. — Она взглянула на Марка. — И я бы сказала, номер, не подлежащий повторению.

Марк никогда не считал Майлза серьезно сдвинутым — он только считал его лишенным недостатков. Все это так странно.

— Но дендарийцы действительно функционируют как оперативное отделение Службы безопасности, — сказал граф, тоже несколько озадаченный. — Иногда — просто потрясающе хорошо.

— Конечно. Будь иначе, ты не позволил бы Майлзу держать их, поэтому он и добивается того, чтобы они прекрасно функционировали. Я просто напоминаю, что официальная функция — не единственная. И... если они когда-нибудь перестанут быть нужны Майлзу, не пройдет и года, как

Служба безопасности найдет причину порвать с ними связь. И вы все будете искренне полагать, что поступаете совершенно логично.

Почему они его не винят?.. Он набрался храбрости:

— Почему вы не вините меня за то, что я убил Майлза?

Корделия взглянула на мужа. Тот кивнул и ответил. За них обоих?

— В рапорте Иллиана говорится, что Майлза убил выстрел бхарапутрянина.

— Но он не оказался бы под огнем, если б я не...

Граф Форкосиган поднял руку, прерывая:

— Если бы ты не решил туда отправиться. Не пытайся замаскировать свою истинную вину, взяв на себя слишком многое. Я сам совершил немало смертельных ошибок, чтобы попасться на такое. — Он опустил глаза. — А еще мы приняли во внимание дальнюю перспективу. Хотя ты — это ты, ты — не Майлз, но дети, которых ты мог бы иметь, будут генетически неотличимы от его детей. Не ты, но твой сын может стать необходимым Барраяру.

— Только чтобы поддержать систему форов, — сухо заметила графиня. — Сомнительная цель, милый. Или ты видишь себя дедушкой-ментором потенциальных детей Марка, каким твой отец был для Майлза?

— Боже упаси, — искренне возмутился граф.

— Следи за своим собственным программированием. — Она повернулась к Марку. — Дело в том... — Она отвела глаза, снова посмотрела ему в лицо. — Если мы не сможем вернуть Майлза, то тебя ждут не просто взаимоотношения. Тебя ждет должность. Как минимум ты будешь отвечать за благополучие двух миллионов человек в твоем округе: ты будешь их Голосом в Совете графов. К этой должности Майлза готовили буквально с рождения. Не уверена, что в последнюю минуту возможны замены.

«Ох, нет, конечно, нет!»

— Не знаю, — задумчиво сказал граф. — Я сам был такой заменой. Пока мне не исполнилось одиннадцать, я был запасным. Надо признать, после того как убили моего брата, события развивались столь стремительно, что перемена судьбы прошла легко. Мы все были так сосредоточены на мести, во время войны Ури Безумного. Когда у меня появилась минутка, чтобы оглядеться и вздохнуть, я уже полностью освоился с тем, что стану графом. Хотя и не мог себе представить, что это «когда-то» наступит через пятьдесят лет. Возможно, и у тебя, Марк, будет немало времени, чтобы учиться и готовиться. Но возможно и то, что графство свалится на тебя завтра.

Этому мужчине семьдесят два года — по галактическим меркам средний возраст, но для жестокого Барраяра — старость. Граф Эйрел тратил себя беспощадно — не растра-

тил ли он себя целиком? Его отец, граф Петер, прожил на двадцать лет больше — чуть ли не целую жизнь.

— А разве Барраяр примет клона в качестве вашего наследника? — усомнился Марк.

— Ну, давно пора начать разработку законов, как бы они ни решили этот вопрос. Твой случай станет крупным прецедентом. Если приложить определенные усилия, я могу, наверное, вбить им в голову...

Марк не сомневался.

— Но начинать юридическую войну преждевременно, пока не прояснится вопрос с потерянной криокамерой. А пока официально будет объявлено, что Майлз находится на задании, а ты впервые приехал навестить нас. Все достаточно близко к истине. Нет нужды подчеркивать, что все подробности должны быть засекречены.

Марк кивнул. У него голова шла кругом.

— Но... есть ли в этом необходимость? Предположим, меня не создали бы, а Майлза бы убили при исполнении обязанностей. Вашим наследником стал бы Айвен Форпатрил.

— Да, — согласился граф. — И после одиннадцати поколений прямого наследования дому Форкосиганов пришел бы конец.

— И в чем проблема?

— Проблема в том, что это не так. Ты же существуешь. Проблема в том... что я всегда хотел, чтобы моим наследником был сын Корделии. Заметь, мы обсуждаем немалую собственность по обычным масштабам.

— Я считал, что большинство ваших наследственных земель светятся по ночам после атомного взрыва Форкосиган-Вашнуй.

Граф пожал плечами:

— Кое-что осталось. Например, эта резиденция. Но мое наследство — это не просто собственность. Как любит говорить Корделия, оно сопряжено с настоящей должностью и полным рабочим днем. Если мы признаем твои права на нее, ты должен признать ее права на тебя.

— Оставьте себе, — искренне предложил Марк. — Я все подпишу.

Граф дернулся.

— Считай, что это инструктаж, — посоветовала графиня Марку. — Кое-кто из тех, с кем ты встретишься, будет очень интересоваться этими вопросами. Тебе просто надо быть в курсе необъявленной повестки дня.

Граф вдруг ушел в себя. Когда он снова поднял взгляд, лицо его было пугающе серьезным.

— Это так. И есть один пункт, о котором не только не надо, но и ни в коем случае нельзя говорить. Тебя следует предупредить.

Видимо, табу на подобные разговоры было настолько сильным, что графу Форкосигану самому было трудно его нарушить.

— Что такое? — испугался Марк.

— Существует... ложная теория родословных, одна из возможных шести, которая ставит меня следующим императором Барраяра, если император Грегор умирает, не оставив потомства.

— Ну да, — нетерпеливо отозвался Марк. — Конечно, я это знаю. Заговор Галена был на это и рассчитан. Вы, потом Майлз, потом Айвен.

— Да. Теперь это я, потом Майлз, потом ты, потом Айвен. А Майлз в настоящий момент... технически мертв. Таким образом, между тобой и заговором стою только я. Не тобой, как поддельным Майлзом, а тобой, как таковым.

— Бред! — взорвался Марк. — Это еще глупее, чем мысль, что я стану графом Форкосиганом!

— Держись этой позиции, — поддержала его графиня. — Держись крепко, и никогда даже намека не давай на то, что мог бы думать иначе.

«Я оказался среди сумасшедших».

— Если кто-то заведет с тобой разговор на эту тему, сообщи мне, Корделии или Саймону Иллиану. Как можно скорее, — добавил граф.

Марк поглубже забился в кресло:

— Ладно...

— Ты его перепугал, милый, — заметила графиня.

— В данном случае паранойя — залог здоровья, — виновато сказал граф. Он посмотрел на Марка. — У тебя усталый вид. Мы проводим тебя в твою комнату. Можешь отдохнуть и помыться.

Все встали. Марк вышел следом за графом в вымощенный камнем вестибюль. Графиня кивнула в сторону арки, уходившей куда-то под лестницу:

— Я поднимусь на лифте и повидаюсь с Элен.

— Хорошо, — согласился граф. Марку пришлось идти за ним по лестнице. Когда они поднялись на второй этаж, Марк задыхался, как старик. Граф свернул в коридор третьего этажа.

Марк не без ужаса спросил:

— Вы ведь не поселите меня в комнату Майлза?

— Нет. Хотя та, где ты будешь жить, когда-то была моей детской.

Надо полагать, пока не погиб его старший брат. Комната второго сына. Ничуть не лучше.

— Сейчас это просто комната для гостей.

Граф распахнул еще одну простую деревянную дверь. За ней оказалась залитая солнцем спальня. Среди предметов мебели ручной работы неизвестного периода и огромной цен-

ности были кровать и комоды: у резного изголовья домашний пульт управления освещением и механизированными окнами казался неуместным.

Марк оглянулся и встретился с пытливым взглядом графа. Это было в тысячу раз хуже восторженного дендарийского «Я-люблю-Нейсмита». Он схватился за голову и прокричал:

— Майлза тут нет!

— Знаю, — тихо ответил граф. — Я искал... себя, наверное. И Корделию. И тебя.

И тут Марк невольно стал вглядываться в графа, пытаясь найти в нем себя. Трудно сказать. Раньше — волосы: у них с Майлзом такие же темные, как и на ранних записях адмирала Форкосигана. Разумом он всегда знал, что Эйрел Форкосиган—младший сын старого генерала графа Петера Форкосигана, но тот потерянный старший брат умер уже шестьдесят лет назад. Он был изумлен, что граф помнит все так живо. Это было странно — и страшно.

«Я должен был убить этого человека. И еще могу. Он совершенно не защищается».

— Ваши люди из службы безопасности даже не допросили меня с суперпéнтоталом. Разве вас не беспокоит, что я могу все еще быть запрограммирован на ваше убийство?

— Я считал, что ты уже застрелил того, кто выступал в роли твоего отца. Достаточно очистительно.

Губы графа изогнулись в улыбке.

Марк вспомнил удивленный вид Галена, когда луч нейробластера ударил ему в лицо.

— Ты тогда спас Майлза, — сказал граф. — Два года назад, на Земле, ты выбрал, за кого ты. Очень действенно. У меня с тобой связано немало опасений, Марк, но страха смерти от твоей руки нет. У тебя не такой уж плохой счет с братом, как тебе кажется. В моем представлении — равный.

— С родителем. Не с братом, — похолодев, сказал Марк.

— Твои родители — мы с Корделией, — твердо сказал граф.

На лице Марка отразилось неприятие.

Граф пожал плечами:

— Кем бы ни был Майлз — это мы его создали. Возможно, ты прав, относясь к нам с опаской. Может, и тебе мы тоже будем не на пользу.

Сердце у него отчаянно забилось. Родители. Мать и отец. Он не был уверен, что хочет так поздно обрести родителей. Они казались такими чудовищно громадными. Ему чудилось, что он теряется в их тени, раскалывается, как стекло, исчезает. Он вдруг испытал странное желание вернуть Майлза. Ему нужен человек одного с ним размера и возраста.

Граф снова заглянул в спальню:

— Пим должен был бы разложить твои вещи.

— У меня нет вещей. Только то, что на мне... сэр.

— У тебя должна была быть какая-то еще одежда!

— То, что я привез с Земли, осталось в камере хранения на Эскобаре. Время хранения истекло, так что вещи, наверное, уже конфискованы.

Граф осмотрел его:

— Я пришлю кого-нибудь снять с тебя мерки и собрать все необходимое. Если бы ты приехал погостить при более нормальных обстоятельствах, мы бы водили тебя всюду. Знакомили бы с родными и друзьями. Показали бы город. Проверили бы твои склонности, позаботились о твоем дальнейшем образовании. Но кое-что мы все равно сделаем.

Образование? Какое? Барраярская военная академия в представлении Марка приравнивалось к аду. Могут ли они его заставить?.. Ну, он найдет способ сопротивления. Он уже успешно избежал пользования гардеробом Майлза.

— Если тебе что-нибудь понадобится, вызови Пима, — проинструктировал граф.

Живые слуги. Как странно! Страх, от которого его выворачивало наизнанку, начал слабеть, сменяясь общим беспокойством.

— Я могу что-нибудь поесть?

— А! Пожалуйста, присоединись к нам с Корделией за ленчем через час. Пим проведет тебя в Желтую гостиную.

— Я сам найду. Этажом ниже, второй коридор на юг, третья дверь справа.

Граф поднял бровь:

— Правильно.

— Я же вас изучал.

— Ничего. Мы тоже тебя изучали. Мы все выполнили домашнее задание.

— А контрольная?

— А, вот в том-то все и дело. Никаких контрольных. Это жизнь.

И смерть.

— Мне очень жаль! — выпалил Марк.

Майлза? Себя? Он и сам толком не знал.

Похоже, граф подумал то же самое: губы его изогнулись в ироничной улыбке.

— Ну... как ни странно, мы почти рады, что все так плохо — хуже некуда. Раньше, когда Майлз пропадал без вести, никто не знал, где он и что еще выкинет... э-э... усиливая хаос. По крайней мере на этот раз известно, что в большую неприятность он уже не угодит.

Коротко взмахнув рукой, граф ушел. На мгновение Марк представил себе три способа, которыми мог бы сейчас его убить. Но вся подготовка, казалось, уже зачерстве-

ла. Да и вообще он сейчас не в форме. Поднимаясь по лестнице, он полностью выдохся. Закрыв дверь, Марк упал на резную кровать. Напряжение отступило, и его охватил озноб.

Под предлогом того, что Марк устал после перелета, граф и графиня первые два дня не давали ему никаких заданий. Честно говоря, если не считать официальных сборов за трапезой, Марк вообще не видел графа Форкосигана. Он бродил по дому и по окрестностям без всякой охраны — разве что под ненавязчивым присмотром графини. У ворот стояли охранники в мундирах: у Марка не хватило мужества проверить, поручено ли им не выпускать его.

Он изучал резиденцию Форкосиганов и никак не мог привыкнуть к мысли, что он действительно здесь. Все казалось чуть-чуть не таким. Дом был полон всевозможных закоулков, но несмотря на обилие антиквариата, в старые окна было вставлено современное высокопрочное бронированное стекло. Это напоминало огромную защитную оболочку. Дворец — крепость — тюрьма. Удастся ли привыкнуть к этой оболочке?

«Я всю жизнь был пленником. Я хочу стать свободным».

На третий день Марку принесли новую одежду. Графиня помогла распаковать вещи. Осенняя утренняя прохлада врывалась в спальню через окно, которое он с ослиным упрямством открывал навстречу таинственному, опасному, незнакомому миру.

Расстегнув один чехол, Марк обнаружил костюм в омерзительно военном стиле: китель с высоким воротником и брюки с лампасами. Все — цвета дома Форкосиганов, коричневое с серебром.

— Что это?

— А, — отозвалась Корделия, — довольно кричащий, правда? Это твой мундир, мундир младшего лорда дома Форкосиганов.

Его, не Майлза. Все новые наряды были рассчитаны компьютером с щедрым припуском. При мысли о том, сколько ему придется есть, чтобы сбежать и из этой одежды, у Марка похолодело в желудке.

Заметив его непритворное отчаяние, графиня улыбнулась:

— Ты обязан надевать это только в двух случаях: на Совете графов и на церемонии в честь дня рождения императора. Что, возможно, ты и сделаешь: день рождения Грегора не за горами. — Она помедлила, водя пальцем по вышитому на воротнике вензелю Форкосиганов. — А вскоре после него — день рождения Майлза.

Ну, сейчас Майлз не стареет.

— Для меня дни рождения не существуют. Как вы назовете момент, когда кого-то вынимают из маточного репликатора?

— Мои родители назвали его моим днем рождения, — сухо ответила Корделия.

Ну да, она же бетанка.

— Я даже не знаю, когда мой.

— Правда? Это есть в твоих записях.

— Каких записях?

— В твоей медицинской карте. Ты не видел ее? Надо будет дать тебе копию. Это... гм.. увлекательное чтение — из разряда ужасов. Твой день рождения был в прошлом месяце, семнадцатого числа.

— Ну так я его все равно пропустил. — Марк застегнул мешок и упрятал мундир подальше в шкаф. — Впрочем, это не важно.

— Важно, чтобы кто-то праздновал наше существование, — мирно возразила Корделия. — Люди — единственное зеркало, в котором мы себя видим. Область всех значений. Все добродетели и все пороки — в людях. Во Вселенной, как таковой, их нет. Одиночное заключение является наказанием в любой культуре.

— Это... правда, — признал Марк, вспомнив свое недавнее заточение. — М-да.

Следующий наряд как нельзя лучше соответствовал его настроению: весь черный. Но при ближайшем рассмотрении он оказался практически таким же, как и мундир младшего лорда, только лампасы и вензеля — не из серебра, а из черного шелка, почти не различимые на черной же ткани.

— Это для похорон, — объяснила графиня. Голос ее зазвучал очень монотонно.

— А! — Он повесил костюм еще дальше, чем мундир юного фора.

В конце концов он выбрал самый невоенный костюм: мягкие свободные брюки, низкие ботинки без пряжек, стальных набоек и прочих агрессивных украшений, и рубашку с жилетом темных тонов. Чувство было такое, словно он нацепил на себя маскарадный костюм, но только великолепно сшитый. Камуфляж? Должна ли одежда представлять того, кто в ней, или скрывать его?

— Это я? — спросил он, выходя из ванной.

Графиня усмехнулась:

— Сложный вопрос. Даже я не могла бы на него ответить.

На четвертый день за завтраком объявился Айвен Форпатрил. В зеленом имперском мундире лейтенанта, великолепно смотревшемся на его высокой подтянутой фигуре. С появлением Айвена в Желтой гостиной вдруг стало тесно. Марк виновато съежился, а его предполагаемый кузен приветствовал тетку чинным поцелуем в щеку, а дядю — церемонным полупоклоном. Взяв тарелку, Айвен навалил на нее яичницы, мяса, обсахаренного хлеба, прихватил чашку кофе, выдвинул ногой стул и уселся за стол напротив Марка.

— Привет, Марк, — наконец соизволил заметить его Айвен. — Выглядишь отвратительно. Когда это тебя так разнесло?

Он отправил в рот кусок мяса и принялся сосредоточенно жевать.

— Спасибо, Айвен. А ты, я вижу, совсем не изменился.

Марк очень надеялся, что ему удалось высказать «не изменился к лучшему».

Карие глаза Айвена сверкнули. Он уже хотел ответить, но Корделия укоризненно покачала головой:

— Айвен!

Марк не думал, что упрек относился к попытке говорить с полным ртом, но Айвен все же сначала проглотил, а потом ответил — не Марку, графине:

— Примите мои извинения, тетя Корделия. Но у меня все еще наблюдаются трудности с чуланами и прочими маленькими непроветриваемыми помещениями. А все из-за него.

— Извини, — пробормотал Марк, ссутулившись. Но что-то не позволяло ему сдаваться, и он добавил: — Я просто заставил Галена похитить тебя, чтобы выманить Майлза.

— Так это была твоя идея?

— Моя. И она сработала. Майлз не замедлил явиться и сунул ради тебя голову в петлю.

Айвен стиснул зубы.

— Насколько я понимаю, он так и не поборол эту привычку, — то ли прорычал, то ли промурлыкал он.

Теперь уже настала очередь Марка замолчать. Впрочем, так оно и лучше, что Айвен обращается с ним так, как он того заслужил. Желанное наказание. Под дождем презрения он начал оживать, как полузасохшее растение.

— Зачем ты здесь?

— Не по своей воле, можешь не сомневаться, — парировал Айвен. — Я должен тебя вывести. В город. На прогулку.

Марк взглянул на графиню, но та смотрела на мужа.

— Уже? — спросила она.

— Это пожелание, — ответил граф Форкосиган.

— А! — понимающе кивнула графиня. Марку от этого легче не стало. — Хорошо. Может, Айвен по дороге покажет тебе город.

— Это мысль, — согласился граф. — А поскольку Айвен — офицер, необходимость в телохранителе отпадает.

Зачем? Чтобы можно было говорить откровенно? Кошмар какой! И потом — кто в таком случае защитит его от Айвена?

— Надеюсь, внешняя охрана будет, — сказала графиня.

— Разумеется.

Внешнюю охрану не должен видеть никто — даже те, кого она охраняет. Интересно, что мешает людям из внешней охраны просто взять выходной, а потом заявить, что на самом деле они незримо присутствовали? И ведь такое

жульничество может длиться достаточно долго — в перерыве между кризисами.

Как обнаружил Марк после завтрака, у лейтенанта лорда Форпатрила была собственная машина: спортивная модель красного цвета. Марк неохотно устроился рядом с Айвеном.

— Ну, — начал он неуверенно, — тебе все еще хочется свернуть мне шею?

Айвен стремительно вывел машину из ворот резиденции и бросил ее в поток на улицах Форбарр-Султана.

— В глубине души — да. С точки зрения практической — нет. Мне нужно, чтобы между мною и должностью дяди Эйрела стояло как можно больше людей. Жаль, Майлз не обзавелся полудюжиной ребятишек. А ведь мог бы... В каком-то смысле ты — подарок судьбы. Не будь тебя, меня бы уже сейчас записали в наследники. — Айвен помедлил — только словесно, машина, продолжая нестись с прежней скоростью, еле увернулась от четырех встречных. — На самом деле, насколько Майлз мертв? Дядя Эйрел говорил ужасно неопределенно. И не уверен, что из соображений секретности — таким застывшим я его еще не видел.

Движение тут было похлеще, чем в Лондоне, и, если такое вообще возможно, еще более неорганизованным. Или организованным по принципу: выживает сильнейший. Марк, вцепившись в сиденье, ответил:

— Не знаю. Иглограната попала ему в грудь. Хуже могло бы быть только если б его разорвало пополам.

Не сжались ли губы Айвена в тайном ужасе? Если и да, маска беззаботности вернулась почти мгновенно.

— Чтобы оживить его, нужен первоклассный восстановительный центр, — продолжил Марк. — Что касается мозга... Никогда не известно, пока человека не оживят. — «А тогда уже слишком поздно». — Но проблема не в том. Или — пока не в том.

— Угу, — поморщился Айвен. — Жуткая неразбериха, правда? И как вы умудрились потерять... — Он так резко повернул, что бампер чиркнул по покрытию, рассыпая искры. Айвен жизнерадостно чертыхнулся в адрес грузовой платформы, которая чуть не въехала в них со стороны Марка. Марк пригнулся и стиснул зубы. Лучше пускай кончится разговор, чем он сам — похоже, его жизнь зависит от того, насколько водитель сосредоточен.

Первое впечатление от родного города Майлза: половина населения еще до вечера погибнет в автокатастрофах. Или, может, погибнут только те, что попадутся Айвену. Айвен резко повернул машину в противоположном направлении, заносом выскочил на свободную парковку, к которой подъезжали еще два автомобиля и затормозил так резко, что Марка чуть не швырнуло на пульт управления.

— Замок Форхартунг, — объявил Айвен под замирающий рев двигателя. — Сегодня Совет графов не заседает, так что музей открыт для публики. Хотя мы — не публика.

— Как... э-э... познавательно. — Марк с опаской посмотрел сквозь стекло фонаря.

Замок Форхартунг действительно выглядел, как замок: огромное древнее каменное сооружение, окруженное деревьями на высоком берегу порожистой реки, разделившей Форбарр-Султан на две части. Сейчас Форхартунг был окружен парком и там, где когда-то люди и лошади волокли по ледяной грязи таран, безуспешно пытаясь взять твердыню, были разбиты клумбы.

— И что же на самом деле?

— Ты встретишься с одним человеком. Я не имею права обсуждать это сейчас.

Айвен воткнул фонарь и вылез наружу. Марк последовал за ним.

То ли в соответствии с планом, то ли из вредности, но Айвен действительно провел его в музей, занимавший целое крыло замка и полностью посвященный оружию и доспехам форов с Периода Изоляции. Айвен в военной форме прошел бесплатно, но законопослушно заплатил за Марка. Для секретности, догадался Марк. Ведь форов тоже пускали бесплатно, как шепотом объяснил ему Айвен. Объявления об этом не было. Если ты фор, то предполагается, что ты и так знаешь.

А может, Айвен таким образом высказался по поводу форства Марка — или же отсутствия оного. Айвен играл роль аристократического нахала столь же блестяще, как и роль имперского лейтенанта. Или любую другую роль, которую требовало от него окружение. Настоящий Айвен не так прост, решил Марк. Было бы ошибкой его недооценивать.

Значит, ему предстоит встреча с каким-то человеком? С каким? Если это еще один допрос Службы безопасности, то почему этот неизвестный не мог встретиться с Марком в резиденции Форкосиганов? Может, кто-то из правительства или центристской коалиции премьер-министра графа Эйрела? Но опять-таки почему он сам не приехал? Не может быть, чтобы Айвен вел его на смерть — за последние два года Форкосиганы могли убить его сто раз. А может, его подставят, чтобы обвинить в преступлении? Ему приходили в голову все более странные идеи, но все имели один недостаток: они были полностью лишены мотивации и логики.

Марк разглядывал витрину, заполненную комплектами дуэльных шпаг, расположенных в хронологическом порядке (демонстрировалось развитие барраярского кузнечного дела на протяжении двух столетий), а потом поспешно догнал Айвена у витрины с оружием, действующим по принципу «снаряд, толкаемый химической взрывчаткой». Среди экспо-

натов были богато украшенные крупнокалиберные мушкеты, заряжавшиеся с дула — как утверждала надпись, некогда принадлежавшие императору Вэлду Форбарре. Пули были изготовлены из чистого золота: массивные шарики размером с сустав большого пальца. На близком расстоянии — все равно что попадание тяжелого кирпича. А на большом, наверное, летят мимо. И какой-то бедняга крестьянин или оруженосец обязан ходить и подбирать те, что не попали? Или, еще хуже, те, что попали? Некоторые шарики были сплющены, и, к полному недоумению Марка, одна из надписей гласила, что вот этот (совершенно искореженный) комочек убил лорда Фор-такого-то в битве такой-то... и «вынут из его мозга». Надо полагать, после смерти. Надо надеяться. Уф-ф! Удивительно еще, что кто-то счистил с пули засохшую кровь и лишь потом выставил ее напоказ — если учесть мрачный характер некоторых других экспонатов. Например, выдубленный скальп императора Ури Безумного, предоставленный музею какой-то частной коллекцией.

— Лорд Форпатрил. — Говоривший появился настолько беззвучно, что Марк даже не смог бы сказать, откуда он пришел. Пожилой, с виду — неглупый. Можно принять за музейного работника. — Будьте добры, пройдите со мной.

Айвен без лишних вопросов направился следом за пришедшим, пропустив Марка вперед. Марк пошел, разрываясь между любопытством и страхом.

Они зашли в дверь с надписью «Нет входа», которую незнакомец открыл механическим ключом, а потом снова запер, поднялись по двум лестницам, прошли по гулкому коридору с голым деревянным полом в комнату, оказавшуюся на верхнем этаже круглой угловой башни. Раньше здесь стояли часовые. Теперь комната была обставлена как кабинет, и вместо амбразур в стенах были прорезаны обычные окна. Внутри дожидался мужчина, сидевший на табурете, задумчиво глядя на спускавшийся к реке парк, где гуляла пестрая публика.

Худой, темноволосый, лет тридцати с небольшим. Бледная кожа казалась еще бледнее благодаря свободной черной одежде, начисто лишенной псевдовоенных деталей.

Он мимолетно улыбнулся:

— Спасибо, Кеви.

Видимо, это было одновременно приветствие и приказ удалиться, потому что проводник, кивнув, вышел.

Только когда Айвен сказал: «Ваше величество», — Марк узнал наконец того, кто ждал их.

Император Грегор Форбарра. Вот влип! Айвен закрыл путь к отступлению. Марк подавил приступ ужаса. Грегор — всего лишь человек. Он один, и, судя по всему, без оружия. А все остальное... пропаганда. Чушь. Иллюзия. Но все равно сердце у него забилось.

— Привет, Айвен, — сказал император. — Спасибо, что пришел. Почему бы тебе не пойти посмотреть на экспонаты?

— Уже смотрел, — лаконично ответил Айвен.

— И все же. — Грегор кивнул на дверь.

— Говори прямо, — сказал Айвен, — это не Майлз. И хоть с виду и не скажешь, но когда-то его готовили как убийцу. Не преждевременно ли?

— Ну, — негромко ответил Грегор, — вот мы и посмотрим, правда? Ты хочешь меня убить, Марк?

— Нет! — прохрипел Марк.

— Ну вот. Поди прогуляйся, Айвен. Я пришлю за тобой Кеви.

Айвен поморщился — Марк почувствовал, что в нем говорит любопытство. Он удалился с ироничным поклоном, который словно говорил: «Пеняйте на себя».

— Ну, лорд Марк, — сказал Грегор, — и что вы думаете о Форбарр-Султане?

— Город промелькнул очень быстро, — дипломатично ответил Марк.

— Боже правый, да не позволили ли вы Айвену сесть за руль?!

— А у меня был выбор?

Император рассмеялся.

— Садитесь. — Он указал на кресло за комм-пультом: маленькая комната была обставлена по-спартански. Хотя древние военные гравюры и карты на стенах могли попасть сюда из музея.

Улыбка императора сменилась выражением задумчивости, и он внимательно вгляделся в Марка. Это походило на то, как смотрел на него граф Форкосиган: тот же взгляд, вопрошающий «кто ты?», но без жадной напряженности. Терпимое любопытство.

— Это ваш кабинет? — поинтересовался Марк, осторожно устраиваясь в императорском кресле. Комната показалась ему чересчур маленькой и строгой.

— Один из. Весь комплекс полон всевозможных кабинетов, расположенных в самых неожиданных местах. У графа Форволка кабинет в одной из тюремных камер. Выпрямиться невозможно. Я пользуюсь этой комнатой как личным убежищем во время заседаний Совета графов или когда у меня здесь дела.

— И я оказался делом? Почему? Впрочем, не могу претендовать на то, что я — потеха. Это личное или официальное?

— Для меня даже сплюнуть — дело официальное. На Барраяре очень трудно отделить одно от другого. Майлз... был... — Грегору тоже трудно далось прошедшее время. — Перечисляя совершенно произвольно: человек моей касты, офицер на моей службе, сын чрезвычайно, чтобы не сказать первостепенно, важного официального лица и личный друг всей моей жизни. И

наследник графства. А графы — это механизм, с помощью которого один человек, — он прикоснулся к своей груди, — превращается в шестьдесят, а потом — во множество. Графы — опора империи. Я ее глава. Вы сознаете, что я — это не империя? Империя ведь не чисто географическое понятие. Империя — это общество. Множество, все вместе — в конце концов до последнего подданного — вот что такое империя. И я — только ее часть. И если уж на то пошло, часть вполне заменимая... Кстати, вы обратили внимание на скальп моего двоюродного дедушки?

— Э-э... да. Он... э-э... очень бросается в глаза.

— Это — дом заседаний Совета графов. Точка приложения рычага может счесть себя главенствующей, но без рычага она ничто. Ури Безумный об этом забыл. Я — помню. Граф округа Форкосиганов — еще одна такая живая часть. Тоже вполне заменимая.

Он замолчал.

— Э-э... звено цепи, — осторожно подсказал Марк, демонстрируя свое внимание к речи императора.

— Звено кольчуги. Часть паутины. Так что одно слабое звено — это не фатально. Надо, чтобы разорвалось сразу много — тогда произойдет настоящая катастрофа. Но... все равно хочется иметь как можно больше надежных звеньев, очевидно.

— Очевидно.

«Почему вы на меня так смотрите?»

— Так. Расскажите мне, что произошло на Архипелаге Джексона. С вашей точки зрения.

Грегор выпрямился на своем табурете, зацепившись каблуком за ножку. Он казался уравновешенным и спокойным, как ворон на ветке.

— Мне придется начать с Земли.

— Пожалуйста.

Непринужденная улыбка императора словно говорила, что у Марка сколько угодно времени, и он слушает его со всем вниманием. Марк, запинаясь, начал свой рассказ. Грегор задавал мало вопросов: он вмешивался только тогда, когда Марк застревал на трудных местах. Вопросов мало — но очень глубокие. Марк довольно быстро понял, что Грегора интересуют не факты. Он явно уже видел рапорт Иллиана. Императора интересовало что-то другое.

— Не могу не сочувствовать вашим благим намерениям, — сказал Грегор в какой-то момент. — Пересадка мозга — дело отвратительное. Но вы должны были понимать: ваша попытка, ваш налет — это крохотное препятствие. Дом Бхарапутра попросту выметет разбитое стекло и продолжит работу.

— Но сорока девяти клонам это даст все, — упрямо заявил Марк. — Все твердят одно: «Я не могу с этим покончить, так что не буду делать ничего». И не делают. И все это продолжается и продолжается. И вообще, если бы мне уда-

лось вернуться через Эскобар, как я и планировал, поднялась бы шумиха. Может, дом Бхарапутра даже попытался бы вернуть клонов законным путем — и тогда об этом узнала бы вся Вселенная. Уж я бы позаботился. Пусть я даже угодил бы в эскобарскую тюрьму. Где, между прочим, людям Бхарапутры было бы очень трудно до меня добраться. И может быть... может быть, этой проблемой заинтересовались бы и другие.

— А! — сказал Грегор. — Рекламный трюк!

— Это был не трюк! — прошипел Марк.

— Извините. Я не хотел сказать, что ваши усилия были тривиальны. Совсем напротив. Но, значит, у вас все же был долгосрочный план.

— Да, и он провалился полностью, как только я потерял контроль над дендарийцами. Как только они узнали, кто я на самом деле.

Его захлестнуло воспоминание о собственной беспомощности.

Понукаемый Грегором, Марк рассказал о смерти Майлза, о путанице с потерянной криокамерой и об их унизительном изгнании из пространства Архипелага Джексона. Он заметил, что высказывает неприятно много своих истинных мыслей, но... С Грегором было почти легко. Как ему это удается? Мягкое, почти сверхскромное поведение, за которым скрывается несравненное умение работать с людьми. Марк путано рассказал об эпизоде с Мари и о своем полубезумном пребывании в одиночном заключении, а потом бессильно замолчал.

Грегор задумчиво нахмурился и какое-то время ничего не говорил. Дьявол, он вообще почти ничего не говорил!

— Мне кажется, Марк, вы недооцениваете свои сильные стороны. Вы прошли испытание в бою и продемонстрировали отвагу. Вы способны взять на себя инициативу и рискнуть многим. У вас есть мозги, хотя иногда вам недостает... информации. Неплохие предпосылки, чтобы стать графом. Когда-нибудь.

— Никогда. Я не хочу быть барраярским графом, — решительно заявил Марк.

— Это может стать первым шагом к моей должности, — подсказал Грегор с легкой улыбкой.

— Нет! Это еще хуже! Они меня живьем съедят! Мой скальп присоединится к тому, что уже выставлен в музее.

— Очень может быть. — Улыбка Грегора погасла. — Да. Я часто задумываюсь над тем, где в конце концов окажутся различные части моего тела. И все же... насколько я понимаю, два года назад вы были намерены этого добиваться. Включая графство Эйрела.

— Играть — да. Но сейчас вы говорите о настоящем! Не о подделке. — «Я весь подделка, разве вы еще не поняли?» — Я изучал только внешнее. Суть я едва ли могу себе представить.

— Но, видите ли, — сказал Грегор, — мы все с этого начинаем. Играем. Роль — это личина, но постепенно под ней появляется реальная плоть.

— Стать механизмом?

— Некоторые становятся. Это патологический вариант графа, и такие существуют. Другие становятся... более человечными. Механизм, роль становятся обжитым протезом, который служит человеку. На мой взгляд, оба типа полезны. Надо просто сознавать, в чем именно заблуждается тот, с кем имеешь дело.

Да, графиня Корделия явно приложила руку к воспитанию императора. Марк видел ее влияние, словно фосфоресцирующий след в темноте.

— И чем они вам полезны?

Грегор пожал плечами:

— Надо сохранять мир. Надо не дать различным партиям уничтожить друг друга. Надо быть абсолютно уверенным в том, что ни один галактический захватчик снова не поставит свой сапог на барраярскую землю. Надо способствовать экономическому развитию. Леди Мир первой попадает в заложницы, когда ощущается экономический дискомфорт. Тут мое правление необычайно благословенно: мы терраформируем второй континент и открыли для колонизации Зергияр. После того, как нам наконец удалось справиться с этими подкожными паразитами. На освоение Зергияра уйдет вся энергия нескольких поколений. Я в последнее время изучал историю колонизации: хочу проверить, скольких ошибок мы сможем избежать... В общем, так.

— И все равно я не хочу быть графом Форкосиганом.

— Если Майлза нет, нельзя сказать, чтобы у вас оставался выбор.

— Глупости. — «По крайней мере хотелось бы думать, что это глупости». — Вы сами только что сказали, что это вполне заменимая роль. Если понадобится, можно найти кого-нибудь ничуть не хуже. Например, Айвена.

Грегор невесело улыбнулся:

— Признаюсь, я часто пользовался тем же аргументом. Хотя в моем случае речь идет о потомстве. Кошмары относительно дальнейшей судьбы различных частей моего тела — ерунда по сравнению с тем, что станет с моими гипотетическими детьми. И я не намерен жениться на каком-то форовском бутончике, чье фамильное древо скрещивалось с моим за последние шесть поколений не меньше шестнадцати раз. — Он быстро взял себя в руки, виновато поморщившись.

И в то же время этот человек настолько хорошо владел собой, что у Марка возникло подозрение, что даже эта демонстрация тайных чувств не случайна.

У него разболелась голова. Без Майлза... При Майлзе все эти барраярские дилеммы были бы уделом Майлза. А

он, Марк, был бы волен... волен разбираться с собственными дилеммами как минимум. Со своими собственными, а не с этими, навязанными со стороны.

— Графство — не мое призвание. Талант. Интерес. Предназначение. Что угодно — я не знаю... — Он потер затылок.

— Страсть? — подсказал Грегор.

— Да. Это слово подойдет. Графство — не моя страсть.

Помолчав секунду, Грегор с любопытством спросил:

— А что ваша страсть, Марк? Если не власть, не богатство... Кстати, вы даже не упомянули о богатстве.

— Иметь столько денег, чтобы уничтожить дом Бхарапутра, настолько недостижимо, что... просто не обсуждается. Такое решение мне недоступно. Я... я... Некоторые люди — каннибалы. Дом Бхарапутра, его клиенты... Я хочу остановить каннибалов. Ради этого не обидно утром вставать с постели.

Марк заметил, что голос его зазвучал громче, и снова ссутулился в мягком кресле.

— Иначе говоря... у вас страсть к правосудию. Или, смею ли я сказать — к безопасности? Странное эхо вашего... э-э предка.

— Нет-нет! — «Ну... может быть, немного». — Надо полагать, на Барраяре тоже есть каннибалы, но они не вызвали моего непосредственного интереса. Я не мыслю категориями правопорядка, потому что на Архипелаге Джексона трансплантация мозга не является противозаконной. Так что полицейский — не решение. Или... это должен быть чертовски необычный полицейский.

«Например, тайный агент Имперской службы безопасности?» Марк попытался представить себе инспектора-следователя с правом на возмездие. Почему-то ему все время представлялся Майлз. Черт бы побрал этого Грегора.

«Не полицейский. Странствующий рыцарь. Графиня дала абсолютно точное определение».

Но сейчас странствующим рыцарям нет места: полицейским пришлось бы их всех арестовать.

Грегор откинулся назад с выражением чуть заметного удовлетворения.

— Это очень интересно. — Он был так сосредоточен, словно пытался запомнить сложный код к сейфу. Соскользнув с табуретки, Грегор прошелся вдоль окон, чтобы посмотреть вниз с несколько другой точки. Остановившись лицом к свету, он заметил: — Кажется, ваша возможность в будущем заняться своей... страстью довольно сильно зависит от возвращения Майлза.

Марк вздохнул:

— Это не в моей власти. Мне никогда не позволят... Что я могу, чего не могла бы Служба безопасности? Может, они его найдут. Со дня на день.

— Иными словами, — медленно проговорил Грегор, — на самую важную вещь в вашей жизни вы сейчас не имеете совершенно никакого влияния. Примите мои глубочайшие соболезнования.

Марк невольно обратился к откровенности:

— Я здесь практически пленник. Я ничего не могу — и уехать мне нельзя!

Грегор наклонил голову:

— Вы пробовали?

Марк помедлил:

— Ну... вообще-то нет.

— А! — Грегор отвернулся от окна и, вынув из внутреннего кармана пиджака пластиковую карточку, протянул ее через пульт Марку. — Мой Голос не распространяется за границы Барраярской империи, — сказал он... — Тем не менее... вот мой личный номер комм-связи. Ваш вызов пройдет только через одного человека. Вы будете в списке. Просто назовите свое имя — и вас соединят со мной.

— Э-э... спасибо, — смущенно сказал Марк. На карточке была только цепочка цифр и никаких имен. Он очень тщательно ее спрятал.

Грегор прикоснулся к булавке на пиджаке, включающей аудиосвязь, и вызвал Кеви. Через несколько секунд в дверь постучали. Вошел Айвен. Марк, который начал крутиться в кресле Грегора (оно не скрипело), смущенно выбрался из него.

Грегор с Айвеном попрощались так же лаконично, как и поздоровались, и Айвен увел Марка из комнаты в башне. Когда они поворачивали за угол, Марк оглянулся на звук шагов. Кеви уже вел на аудиенцию к императору следующего посетителя.

— Ну и как? — поинтересовался Айвен.

— Меня просто выжали, — признался Марк.

Айвен мрачно улыбнулся:

— Грегор это умеет, когда выступает как император.

— Выступает? Ты хотел сказать — играет роль?

— О, нет. Он не играет.

— Он дал мне свой личный номер.

«И, похоже, забрал у меня все секреты».

Айвен изумленно поднял брови:

— Добро пожаловать в клуб избранных. Я могу пересчитать всех, у кого он есть, по пальцам — и даже не снимая ботинок.

— И Майлз... был среди них?

— Конечно.

ГЛАВА 13

Айвен, не иначе как следуя указаниям графини, пригласил его на ленч. Они отправились в караван-сарай — район, расположенный неподалеку от замка Форхартунг. Поездки в машине Марку удалось избежать только благодаря тому,

что этот древний район славился чрезвычайно узкими переулочками.

Караван-сарай мог служить живой иллюстрацией социального развития Барраяра. Его древнейшую часть вычистили и отреставрировали, превратив в декоративный лабиринт магазинчиков, кафе и маленьких музеев. Днем там было многолюдно: горожане закусывали в уютных кафе, приезжие осматривали достопримечательности.

Но изменения коснулись только центральной части караван-сарая, расположенной у реки. На окраинах, ближе к югу, все еще оставались злачные места: в былые времена весь район пользовался дурной славой.

По дороге Айвен с гордостью показал Марку здание, где он якобы родился во время войны с Фордарианом. Теперь там продавались дорогие ковры ручной работы. Айвен так гордо говорил об этом событии, что Марк стал искать взглядом мемориальную доску. Но доски не оказалось.

После того как они поели в маленьком кафе, Айвен, внезапно зациклившийся на семейной истории, пожелал продемонстрировать Марку тот кусочек тротуара, на котором во время все той же войны убили его отца, лорда Падму Форпатрила. Все это прекрасно сочеталось с мрачными впечатлениями дня, и Марк не стал возражать. Они пешком направились к югу. Низкие домики с бежевой штукатуркой первого века Периода Изоляции сменились высокими зданиями из красного кирпича.

На этот раз, слава Богу, мемориальная доска была: литой бронзовый квадрат, утопленный в мостовую. Мимо него и по нему проносились машины. Айвен остановился, глядя вниз.

— Можно было бы установить ее на тротуаре, — заметил Марк.

— Точность, — отозвался Айвен. — Матушка настояла.

Марк вежливо молчал, Айвен предавался неизвестно каким размышлениям. Наконец Айвен вышел из глубокой задумчивости и жизнерадостно предложил:

— Как насчет десерта? Тут за углом чудесная пекаренка. Матушка всегда меня туда водила после ежегодного возжигания. Похожа на пещеру, но выпечка что надо!

Марк еще не успел переварить ленч, но пекаренка оказалась настолько же неотразима внутри, насколько непрезентабельна снаружи, и кончилось тем, что он незаметно купил пакет с марципановыми булочками и традиционными шанежками с блестяникой — на потом. Пока Айвен занимался выбором вкусностей для леди Форпатрил, а возможно, и более сладкими переговорами с хорошенькой продавщицей (трудно сказать, флиртует ли Айвен всерьез или это у него безусловный рефлекс), Марк вышел на улицу.

Когда-то Гален внедрил в этот район несколько тайных комаррских агентов. Их, несомненно, замели два

года назад, после раскрытия заговора, но все же интересно проверить, сумел бы он, Марк, их отыскать, если б планы Галена осуществились. Так. Свернуть на следующую улицу, миновать еще две... Айвен самозабвенно болтал с продавщицей. Марк отправился.

Он нашел нужный адрес почти сразу, но заходить не стал. Повернув обратно, Марк решил вернуться к пекарне более коротким путем. Этот путь привел его в тупик. Он снова повернул и пошел к началу переулка.

Старуха и худой парнишка, сидевшие на крыльце, смотрели, как он заходил, а теперь смотрели, как он выходит. Тусклые близорукие глаза старухи внезапно неприязненно вспыхнули.

— Это не мальчик. Это мутантик! — прошипела она парнишке. Внуку? Она демонстративно пихнула его в бок. — Мутантик набрел на нашу улицу!

После такой подсказки парнишка лениво встал и загородил Марку дорогу. Марк остановился. Мальчишка был выше его — а кто не был? — но ненамного тяжелее. Бледный, с сальными волосами. Он агрессивно расставил ноги, не давая Марку пройти. Замечательно. Аборигены. Во всем великолепии.

— А тебе тут не место, мутантик. — Юнец сплюнул, явно подражая старшим товарищам.

— Ты прав, — охотно согласился Марк, выговаривая слова со среднеатлантическим земным акцентом. — Это просто дыра.

— Инопланетник! — взвыла старуха. — Делай переход к дьяволу, инопланетник!

— Похоже, это я уже сделал, — сухо отозвался Марк. Невежливо, но настроение такое скверное, что не до вежливости. Если этим трущобникам нравится его задирать, он последует их примеру. — Барраярцы! Если и найдется что-то хуже форов, так это — дураки, которыми они управляют. Неудивительно, что вся Галактика говорит, будто здесь — настоящая свалка.

Марка удивило, насколько легко ему удается выразить накопившуюся ярость и какое это доставляет ему удовольствие. Пожалуй, не стоит заходить слишком далеко.

— Я тебе покажу, мутантик, — пообещал парнишка, покачиваясь на носках. Старая ведьма сделала грубый жест в адрес Марка: явно науськивает. Странная компания: обычно старушки и хулиганы бывают естественными врагами, но эти двое, похоже, спелись. Да... Сторонники империи перед лицом общего врага.

— По мне — лучше быть мутантиком, чем дебилом, — с напускным добродушием проговорил Марк.

Задира нахмурился.

— Эй! Ты что, отвечать вздумал? А?

— А ты видишь здесь еще дебилов? — Взгляд юнца на секунду скользнул в сторону. Марк оглянулся. — Ах! Из-

вини. Тут действительно еще двое. Теперь понятно, почему ты запутался.

Еще два юнца: выше, крепче, старше, но все равно — подростки. Возможно, злобные, но необученные. И все же... куда подевался Айвен? И где, интересно знать, эта якобы незримая внешняя охрана? Отдыхает?

— Вы случаем не опаздываете в школу? На лечебные занятия по распусканию слюней?

— Шутник-мутантик, — сказал тот, что постарше. Он не смеялся.

Нападение было внезапным и чуть не застигло Марка врасплох: он считал, что согласно этикету следует обменяться еще несколькими оскорблениями и как раз придумал парочку. Возбуждение странно перемешалось с ожиданием боли. А может, это ожидание боли так возбуждает? Самый крупный попытался лягнуть Марка в пах. Марк ухватил его за ногу и дернул резко вверх, бросив парнишку на камни с такой силой, что у того перехватило дыхание. Второй замахнулся кулаком. Марк поймал его за руку. Они развернулись, и парень неожиданно для себя налетел на своего худого товарища. Увы, теперь оба закрывали Марку пути к отступлению.

Подростки поспешно вскочили. За два года Марк утратил быстроту реакции, и дыхание у него уже начало сбиваться. Но в то же время лишний вес помогал удерживаться на ногах.

«Трое на одного, притом искалеченного? Вам такое соотношение по душе? Ну, идите сюда, маленькие людоеды».

Все еще сжимая в кулаке нелепый кулек со сладостями, Марк ухмыльнулся и приветственно раскрыл объятия.

Юнцы бросились одновременно, заранее обозначая каждое движение. Оборонительные приемы не подвели: оба отлетели в сторону и, оказавшись на земле, ошарашенно замотали головами. Жертвы собственной агрессии. У Марка заныла челюсть. Удар был неловкий, но достаточно сильный, чтобы заставить его проснуться. Следующий раунд прошел не так успешно: Марку пришлось откатиться в сторону, выпустив пакет с булочками, на который тут же наступили. А потом одному все же удалось схватить его за шиворот. Посыпались неумелые кулачные удары. Марк уже задыхался. Пора прибегнуть к болевому приему и уносить ноги. Тем, может, дело бы и кончилось — и все остались бы довольны, если бы один из этих идиотов не вытащил электрошок и, пригнувшись, не ткнул им в Марка.

Марк чуть не убил его ударом ноги в шею: только в самую последнюю секунду он успел смягчить удар, чуть изменив направление. Паренек, хрипя, упал на землю, и Марк в ужасе отшатнулся.

«Нет, меня учили не драться. Меня учили убивать. А, дерьмо!»

Оставалось только молить Бога, чтобы ударом не разорвало какой-нибудь важный сосуд. Остальные двое ошеломленно остановились.

Из-за угла с топотом выскочил Айвен.

— Какого дьявола ты тут делаешь? — завопил он.

— Не знаю, — выдохнул Марк. Он пригнулся, уперевшись ладонями в колени. Из носа на новую рубашку лилась кровь. — Они на меня набросились.

«Я их дразнил».

И правда, какого дьявола он это сделал? Все произошло так быстро...

— Этот мутантик с вами, офицер? — в голосе худощавого звучал ужас, смешанный с изумлением.

Марк понял, что Айвену очень хочется отказаться от него. Наконец он с трудом выдавил из себя:

— Да.

Второй, который еще держался на ногах, попятился, повернул и бросился бежать. Худощавого на месте происшествия удерживало присутствие пострадавшего и старухи, но по нему видно было, что он бы тоже рад сбежать. Старая ведьма осыпала Марка обвинениями и угрозами. Казалось, она — единственная, кого не смутил мундир Айвена. И тут явилась муниципальная охрана.

Как только Марк убедился, что потерпевшему будет оказана помощь, он заткнулся и предоставил объяснения Айвену. Айвен лгал, как... настоящий ветеран, ни разу не упомянув имени Форкосигана. Охранники, в свою очередь, разобравшись, кто такой Айвен, поспешно утихомирили старуху и отпустили их. И без подсказки Айвена Марк отказался выдвигать какие-либо обвинения. Через полчаса они уже сидели в машине Айвена. Теперь Айвен вел ее не так лихо. Марк решил, что это последствия испуга: ведь лейтенант чуть не потерял своего подопечного.

— Где, интересно знать, прятался этот тип из внешней охраны, мой ангел-хранитель? — спросил Марк, осторожно ощупывая разбитое лицо. Кровь из носа остановилась. Иначе Айвен не позволил бы ему сесть в машину.

— А кто, по-твоему, вызвал муниципальную охрану? Внешней охране положено быть незаметной.

— Ох! — Ребра болели, но переломов, по-видимому, не было. В отличие от Майлза, он ни разу ничего не ломал. «Мутантик». — А Майлзу часто... приходилось... приходится иметь дело с такой дрянью?

Единственное, в чем он провинился перед этими людьми, — то, что прошел мимо них. Если бы Майлз был одет в гражданское и оказался один, они напали бы и на него?

— Начнем с того, что Майлз никогда не был настолько глуп, чтобы ходить сюда в одиночку!

Марк задумался. Если верить Галену, знатное происхождение защищало Майлза от мутагенных предрассудков Барраяра. Неужели ему постоянно приходилось мысленно оценивать степень опасности и ограничивать себя в передвижениях и в действиях?

— А если бы уж забрел, — добавил Айвен, — то заговорил бы их. Увернулся бы. Какого черта тебе понадобилось связываться с тремя парнями? Если хочешь, чтобы тебя кто-нибудь хорошенько избил, обратись ко мне. Буду счастлив оказать тебе эту услугу.

Марк неловко пожал плечами. Может, подсознательно этого он и добивался? Наказания? Может, именно поэтому все настолько стремительно обернулось так плохо?

— Я считал, что вы все — великие форы. Зачем вам выворачиваться? Нельзя, что ли, просто затоптать это отребье?

— Нет! — простонал Айвен. — Ну до чего ж я рад, что мне не придется быть твоим постоянным телохранителем!

— Я тоже, если ты всегда так работаешь, — огрызнулся Марк. Он пощупал челюсть: губа и десна распухли. Хорошо хоть зубы на месте.

Айвен только зарычал. Марк откинулся на спинку сиденья, думая о том пареньке с разбитым горлом. Муниципальная охрана увезла его в больницу. Не следовало с ним драться — еще чуть-чуть, и он его убил бы. Он мог убить всех троих. В конце концов это ведь всего-навсего маленькие людоеды. Так вот почему Майлз попытался бы оттовориться и вывернуться: не из страха и не потому, что положение обязывает, а потому, что эти дети... не в его весовой категории. Марку стало нехорошо.

По дороге Айвен заехал в свою квартиру, которая оказалась неподалеку от Главного штаба Имперских вооруженных сил. Там он позволил Марку умыться и отстирать кровь с одежды. Доставая из сушки его рубашку, Айвен заметил:

— У тебя завтра все тело будет в синяках. Майлз бы недели на три угодил в больницу. Мне бы пришлось везти его туда, примотав к доске.

Марк посмотрел на красные пятна, только начинающие лиловеть. Ему становилось трудно двигаться. Ныли потянутые связки. Но это все ерунда, это можно скрыть. А вот лицо... Придется давать объяснения. Самое лучшее — сказать, что они с Айвеном попали в аварию. Этому все поверят... Жаль, ложь быстро раскроется.

Как бы то ни было, объяснения взял на себя Айвен. Звучали они приблизительно так:

— У, он просто отстал и его слегка потрепали местные жители, но я вовремя вернулся, так что ничего страшного не случилось. Пока, тетя Корделия.

Марк не стал мешать его отступлению.

К обеду полный отчет о происшествии, очевидно, дошел до графини. Марк сразу почувствовал напряжение. Он сел за стол напротив Элен, которая наконец вернулась после длительного и, надо полагать, тяжелого допроса в штабе службы безопасности.

Граф подождал, пока слуга не принесет первое блюдо.

После его ухода он заметил:

— Я рад, что твой образовательный опыт, Марк, не закончился сегодня смертью.

Марк чуть не подавился.

— Его или моей? — еле слышно спросил он.

— Обоих. Хочешь узнать новости о своей... э-э... жертве?

«Нет!»

— Да. Пожалуйста.

— Врачи муниципальной больницы рассчитывают выписать его через два дня. Неделю он сможет принимать только жидкую пищу. Голос у него восстановится.

— А. Хорошо.

«Я не хотел...» Что толку объяснять? Наверняка никакого.

— Я справлялся о возможности анонимно оплатить его лечение, но обнаружил, что Айвен меня опередил. Поразмыслив, я решил ему это позволить.

— О.

Значит ли это, что он должен предложить Айвену деньги? И вообще, есть ли у него деньги или какие-то права на них? Юридические? Моральные?

— Завтра твоим экскурсоводом будет Элен, — объявила графиня. — И вас будет сопровождать Пим.

Вид у Элен был не слишком довольный.

— Я говорил с Грегором, — продолжал тем временем граф Форкосиган. — Оказалось, что тебе как-то удалось произвести на него впечатление: он дал свое разрешение, чтобы я официально представил тебя как своего наследника. Стажера дома Форкосиганов в Совете графов. Время я могу выбрать по своему усмотрению, тогда когда — и в том случае, если — будет подтверждена смерть Майлза. Очевидно, что пока этот шаг преждевремен. Не знаю, что лучше: провести подтверждение прежде, чем графы узнают, или потом, когда у них будет время привыкнуть к этой мысли. Быстрым маневром: удар и побег, или путем длительной осады. В кои-то веки я бы предпочел осаду. Если мы победим, твоя победа будет намного надежнее.

— А что, они могут меня отвергнуть? — с надеждой спросил Марк.

«Неужели — свет в конце туннеля?»

— Чтобы ты унаследовал графский титул, они должны принять и утвердить тебя простым большинством голо-

сов. Мое личное имущество — вопрос отдельный. При обычных обстоятельствах такая процедура является рутинной для старшего сына или, в случае его отсутствия, для любого компетентного родственника мужского пола, которого граф пожелает выдвинуть. Формально даже не обязательно, чтобы это был родственник. Существовал знаменитый прецедент с графом Фортала, еще в Период Изоляции, который поссорился со своим сыном. Молодой лорд Фортала в Зидиаркской торговой войне встал на сторону своего тестя. Фортала лишил сына права наследования и каким-то образом сумел заставить немногочисленный Совет графов объявить наследником его коня, Полуночника. Он утверждал, что конь ничуть не глупее, зато никогда его не предавал.

— Это.. обнадеживает, — пробормотал Марк. — И как проявил себя граф Полуночник? В сравнении с обычным средним графом?

— Лорд Полуночник. Увы, никто так и не узнал. Конь скончался раньше Форталы, война затихла, и в конце концов все досталось сыну. Но это событие — одна из зоологических вершин многообразной истории Совета, почти на уровне заговора кошек-поджигателей. — Пока граф Форкосиган излагал все это, в глазах его светилось оживление. Потом его взгляд упал на Марка, и оживление погасло. — У нас было несколько столетий, чтобы накопить множество прецедентов, от смешных до ужасных.

Граф больше не расспрашивал Марка, как прошел день, а Марк предпочел не вдаваться в подробности. Еда казалась тяжелее свинца, и он сбежал, как только позволили приличия.

Марк прокрался в библиотеку, длинную комнату самой старой части здания. Графиня поощряла его интерес к этому помещению. Кроме считывающего устройства с доступом к публичным базам данных и закрытого от посторонних шифрованного комм-пульта тут были длинные ряды переплетенных книг, напечатанных и даже переписанных вручную на бумаге в Период Изоляции. Библиотека напомнила Марку замок Форхартунг, где современное оборудование неловко ютилось в закоулках древнего здания.

Его взгляд случайно упал на большой фолиант с гравированными изображениями доспехов и оружия. Бережно сняв книгу с полки, Марк отнес ее в один из альковов по сторонам высоких застекленных дверей, выходивших в сад за домом. Альковы были шикарно обставлены. Рядом с огромным креслом стоял столик, на который можно было положить тяжелый том.

Марк с любопытством пролистывал книгу. Пятьдесят видов холодного оружия, причем у каждой разновидности клинка — свое название, да еще названия разных деталей... Потрясающая область знаний: как раз такую обычно создают,

и, в свою очередь, с ее помощью создаются замкнутые группы вроде форов...

Дверь распахнулась и по мраморному полу и ковровому покрытию прозвучали шаги. Граф Форкосиган. Марк съежился в кресле подтянув ноги, чтобы его не заметили. Может, граф просто возьмет книгу и уйдет. Марку ужасно не хотелось нарываться на всякие доверительные разговоры, к которым так располагала обстановка. Хоть он и преодолел первоначальный страх перед графом, но все равно в его присутствии чувствовал себя ужасно неловко, даже когда не говорилось ни слова.

К несчастью, граф Форкосиган устроился за комм-пультом. На оконном стекле замелькали отражения разноцветных огней. Марк понял, что чем дольше он просидит, скрываясь, словно убийца, тем более неловко будет себя обнаружить.

«Ну так скажи «Привет». Урони книгу. Высморкайся. Сделай что-нибудь!»

Он уже почти собрался с духом, когда дверь снова скрипнула и прозвучали более легкие шаги. Графиня. Марк сжался в комок.

— А! — сказал граф. Огоньки погасли: он отключил комм и повернул рабочее кресло. Прошуршала материя — Корделия села.

— Ну, Марк действительно проходит ускоренный курс Барраяра, — заметила она, лишив Марка последней возможности заявить о своем присутствии.

— Это ему и надо, — вздохнул граф. — Ему надо нагнать двадцать лет, чтобы тут функционировать.

— А ему надо тут функционировать? Я хочу сказать: так вот сразу?

— Нет. Не сразу.

— Хорошо. Мне показалось, что ты ставишь перед ним невыполнимую задачу. А как известно, невыполнимое требует немного больше времени.

Граф усмехнулся:

— По крайней мере он увидел одну из самых худших наших особенностей. Надо позаботиться, чтобы он подробно узнал о мутагенных катастрофах. Тогда он поймет, откуда идет такое насилие. Насколько глубоко впитались мука и страх, которые движут видимыми тревогами и... э-э... как это воспринимаете вы, бетанцы, дурными манерами.

— Не думаю, чтобы ему легко удалось продублировать врожденную способность Майлза играючи пробегать по минному полю.

— У него скорее склонность это поле пропахивать, — проворчал граф и после паузы добавил: — Его внешность... Майлз прилагает огромные усилия к тому, чтобы двигаться, одеваться, вести себя так, чтобы отвлекать внимание от своей внешности. Чтобы личность затмевала внешний вид. Марк... кажется, сознательно это преувеличивает.

 — Что — угрюмая сутулость?

— Это, и... признаюсь, меня тревожит то, как он набирает вес. Особенно если судить по докладам Элен. Может, стоит показать его врачам? Это же наверняка вредно.

Графиня фыркнула:

— Ему только двадцать два. Непосредственной опасности для здоровья нет. Тебя не то беспокоит, милый.

— Может быть... не только.

— Ты его стесняешься. Мой озабоченный внешним барраярский друг.

— М-м...

Марк заметил, что граф не стал спорить.

— Очко в его пользу, — заметила Корделия.

— Ты не пояснишь эту фразу?

— Поступки Марка — это язык. Главным образом язык отчаяния. Их не всегда легко истолковать. Но этот-то очевиден.

— Не мне. Проанализируй, пожалуйста.

— Проблема трехсторонняя. Во-первых, чисто физический фактор. Надо понимать, ты не читал медицинские материалы так же внимательно, как я.

— Я читал сводку Службы безопасности.

— Я читала необработанные данные. Полностью. Когда джексонианские художники по телу укоротили Марка «под Майлза», они не стали генетически менять его обмен. Вместо этого они составили коктейль из гормонов и стимуляторов, который вводили ему каждый месяц, меняя по необходимости состав. Дешевле, проще, легче регулируется. Теперь возьми Айвена как образец того, к чему привел бы генотип Майлза без солтоксинового отравления. А в Марке мы имеем человека, генетически запрограммированного на вес Айвена, но физически урезанного до роста Майлза. И когда комаррские процедуры закончились, его тело снова стало пытаться осуществить генетически заложенную программу. Если ты когда-нибудь сможешь заставить себя по-настоящему посмотреть на него, то заметишь, что дело не в одном жире. У него больше масса костей и мышц, даже если сравнивать не с Майлзом, а и с ним самим, каким он был два года назад. Когда он наконец найдет новое равновесие, вид у него скорее всего будет довольно приземистый.

«Вы хотите сказать — шарообразный», — в ужасе подумал Марк. Да, он, пожалуй, за обедом переел. Героическим усилием Марк удержал отрыжку.

— Как у маленького танка, — подсказал граф, перед которым, похоже, встало несколько более обнадеживающее видение.

— Возможно. Это зависит от двух других факторов, которые присутствуют в... э-э... языке его тела.

— А именно?

— От протеста и страха. Что до протеста... Всю жизнь им кто-то распоряжался. Например, насильственно на-

вязали это тело. А теперь наконец наступила его очередь. И страх. Перед Барраяром, перед нами, но, откровенно говоря, больше всего перед тем, что его полностью подавит Майлз, который может давить достаточно сильно, причем не только на младшего брата. И Марк прав. В каком-то смысле для него это благо. Телохранителям и прислуге легко отличить его, принимать не как Майлза, а как лорда Марка. Я вижу в этом фокусе странную полубессознательную гениальность, которая... напоминает мне одного нашего общего знакомого.

— Но когда это прекратится?

Марк решил, что теперь графу тоже представилось нечто сферическое.

— Обмен — когда он пожелает. Он может отправиться к врачу и отрегулировать его, чтобы иметь любой вес, какой ему понравится. Он выберет свой тип, когда пройдет страх и когда ему больше не понадобится выражать протест.

Граф хмыкнул:

— Я знаю Барраяр с его паранойей. Здесь никогда не чувствуешь себя в полной безопасности. И что нам делать, если он решит, что никогда не будет достаточно толст?

— Ну тогда мы купим ему антигравитационную платформу и наймем пару мускулистых прислужников. Или... поможем ему победить его страхи. А?

— Если Майлз мертв... — начал граф.

— Если Майлза не удастся вернуть и оживить, — резко поправила она.

— Тогда Марк — это все, что нам останется от Майлза.

— Нет! — Зашуршав юбками, Корделия встала и начала расхаживать по комнате. «Господи, не дай ей пройти сюда!» — Вот здесь ты ошибся, Эйрел. Марк — это не все, что нам останется от Майлза. Марк — будет все, что у нас есть.

Граф помедлил:

— Хорошо. Готов согласиться. Но если Марк — это все, что у нас есть... Есть ли у нас следующий граф Форкосиган?

— А ты не можешь принять его как сына, даже если он — не следующий граф Форкосиган? Или это — испытание, которое ему надо пройти, чтобы быть принятым?

Граф промолчал. Графиня заговорила тише:

— Не слышу ли я голос твоего отца? Не его ли я вижу в твоих глазах?

— Не... Невозможно, чтобы его там не было. — Граф тоже говорил тихо и взволнованно, но только не виновато. — На каком-то уровне. Несмотря ни на что.

— Я... Да. Понимаю. Извини. — Она снова села. Марк вздохнул с облегчением. — Хотя, право же, чтобы считаться барраярским графом, нужно удивительно мало. Посмотри, какие странные типы сейчас заседают в Совете. Или,

в некоторых случаях, не являются туда. Сколько, ты говоришь, прошло с тех пор, как голосовал граф Фортьенн?

— Его сын уже достаточно взрослый, чтобы занять его место, — ответил граф. — К нашему великому облегчению. В последний раз, когда требовалось единогласное решение, Старшему оруженосцу Совета пришлось насильственно вывозить графа из его резиденции. Он застал там совершенно невероятную сцену... ну, граф находит своим телохранителям несколько необычное применение.

— И к ним предъявляются несколько необычные требования, насколько я понимаю.

Судя по голосу графини, она ухмыльнулась.

— А это ты откуда узнала?

— Элис Форпатрил.

— Я... даже не стану спрашивать, откуда знает она.

— Очень мудро. Но речь о том, что Марку придется очень и очень постараться, если он надумает стать худшим в Совете. Они не так хороши, как желают казаться.

— Фортьенн — самый гадкий пример. Это нечестно. Совет графов действует исключительно благодаря редкостной преданности очень многих. Он пожирает людей. Но... графы — это еще полбеды. Гораздо острее стоит вопрос с округом. Примут ли его там? Неуравновешенную копию изуродованного оригинала?

— Они приняли Майлза. По-моему, они даже гордятся им. Но... Майлз сам этого добивается. Он излучает столько преданности, что они невольно отражают какую-то часть.

— Интересно, что излучает Марк, — задумался граф. — По-моему, он больше похож на какую-то живую черную дыру. Свет в нее заходит, но наружу не выходит ничего.

— Дай срок. Он все еще боится тебя. Думаю, это чувство вины из-за того, что он столько лет был твоим потенциальным убийцей.

Марк съежился еще сильнее. У нее не глаза, а настоящий рентген! Какая пугающая союзница — если действительно союзница.

— У Айвена, — медленно проговорил граф, — проблем с популярностью в округе не будет. И пусть неохотно, но мне кажется, он даст то, что нужно Совету. Он не будет ни худшим, ни лучшим, но по крайней мере средним.

— Именно этой системой он пользовался, чтобы окончить школу, Императорскую академию и пережить службу в армии, — сказала графиня. — Середнячок-невидимка.

— Досадно смотреть. Он способен на большее.

— Находясь так близко к престолу, насколько блестящим он смеет быть? Он притягивал бы заговорщиков, как фонарь насекомых. За него хватались бы все, кому нужна яркая фигура, чтобы возглавить партию. Он только прикидывается дурачком. На самом деле он умнее всех нас.

— Оптимистическая теория, но если Айвен настолько расчетлив, как ему удалось стать таким буквально с пеленок? — жалобно спросил граф. — Ты изображаешь его пятилетним Макиавелли, милая капитан.

— Я не настаиваю на своем толковании, — успокоила его графиня. — Но речь идет о том, что, надумай Марк жить, например, в Колонии Бета, Барраяру удастся как-то существовать и дальше. Даже твой округ скорее всего не погибнет. И Марк все равно не перестанет быть нашим сыном.

— Но мне хотелось оставить несколько больше... Ты все возвращаешься к этой мысли. О Колонии Бета.

— Да. Тебя это удивляет?

— Нет. — Он заговорил совсем тихо. — Но если ты увезешь его на Колонию Бета, у меня не будет возможности узнать его.

Графиня ответила не сразу, но голос ее звучал твердо:

— На меня эта жалоба произвела бы гораздо большее впечатление, если бы по тебе было заметно, что ты хочешь его узнать. Ты избегал его почти так же старательно, как он — прятался от тебя.

— Я не могу из-за личного кризиса отложить все правительственные дела, — чопорно возразил граф. — Как бы мне того ни хотелось.

— Насколько я помню, ради Майлза ты это делал. Вспомни, сколько времени ты проводил с ним, здесь и в Форкосиган-Сюрло... Ты как вор крал время, урывал его то тут, то там: утро, день... Сколько получалось. И все это время на бегу протаскивал регентство через полдюжины крупных политических и военных кризисов. Ты не можешь лишить Марка тех преимуществ, которые имел Майлз, а потом обвинять его в том, что ему не удается затмить Майлза.

— Ах, Корделия, — вздохнул граф, — я тогда был моложе. Я теперь уже не тот па, который был у Майлза двадцать лет назад. Тот человек ушел, сгорел.

— Я и не прошу, чтобы ты пытался быть тем па, которым был тогда. Это нелепо. Марк не ребенок. Я только прошу, чтобы ты постарался быть тем отцом, какой ты сейчас.

— Милая капитан...

После паузы графиня решительно сказала:

— У тебя было бы больше времени и энергии, если бы ты вышел в отставку. Наконец, отказался от поста премьер-министра.

— Сейчас?! Подумай, Корделия! Я не имею права потерять контроль именно сейчас. Если я стану просто графом, я выпаду из цепочки командования, я потеряю власть вести розыски.

— Чепуха. Майлз — офицер Службы безопасности. Сын он премьер-министра или нет, они все равно станут его искать. Преданность своим — одно из немногих привлекательных качеств Службы.

— Они будут вести розыск в пределах разумного. И только будучи премьер-министром, я могу заставить их пойти дальше.

— Не думаю. По-моему, Саймон Иллиан ради тебя вывернется наизнанку, даже если ты будешь мертвый и в могиле, милый.

Когда граф наконец снова заговорил, голос у него был страшно усталый.

— Три года назад я был готов уйти от власти, передав ее Квинтиллиану.

— Да. Я была в восторге.

— Если бы только он не погиб в той глупой авиакатастрофе! Такая бессмысленная трагедия. Даже не убийство!

Графиня мрачно расхохоталась:

— По-настоящему бессмысленная гибель, по барраярским меркам. Но — я серьезно. Пора остановиться.

— Давно пора, — согласился граф.

— Отойди в сторону.

— Как только позволят обстоятельства.

Она помолчала.

— Ты все равно никогда не будешь достаточно толстым, милый. Лучше отойди.

Марк сидел, скрючившись, потеряв способность двигаться. Одна нога у него совершенно онемела. У него было такое чувство, будто его пропахали и проборонили, обработали почище, чем та троица в тупике. Да, графиня вести бой обучена.

Граф усмехнулся, но ничего не ответил. К громадному облегчению Марка, оба встали и вышли из библиотеки. Как только за ними закрылась дверь, он скатился на пол и принялся разминать затекшие ноги. Его трясло. Наконец он закашлял, блаженно восстанавливая дыхание. Марк не знал, плакать ему или смеяться, а потому просто хрипло дышал, глядя, как вздымается и опадает его живот. Он чувствовал себя жирным. Он чувствовал себя сумасшедшим.

Отдышавшись, Марк понял, что чего он не чувствует — так это страха. По крайней мере страха перед графом и графиней. Их поведение на людях и дома оказалось неожиданно одинаковым. Похоже, он может доверять им.

«Так вот как выглядит прямота. А я не знал».

ГЛАВА 14

Графиня сдержала обещание (или исполнила угрозу) — отправила Марка знакомиться с Барраяром в сопровождении Элен. Следующие недели были наполнены экскурсиями по Форбарр-Султану и окрестностям. Уклон у них был культур-

но-исторический. В программу вошел даже тур по императорскому дворцу. К глубочайшему облегчению Марка, Грегора в тот день дома не оказалось. Похоже, они побывали во всех музеях столицы. Элен протащила его по двум десяткам колледжей, академий и технических институтов. Марк облегченно вздохнул, убедившись, что не каждое учебное заведение на Барраяре готовит военных. Самыми крупными и популярными оказались Сельскохозяйственный и Технический институты округа Форбарра.

Элен держалась с Марком очень официально. Что бы она ни испытывала, впервые за десять лет оказавшись на родной планете, ее чувства надежно хранились под маской. Марк заподозрил, что напряженная программа экскурсий рассчитана специально на то, чтобы Элен не пришлось говорить. Паузы она заполняла лекциями. Он уже начал жалеть, что не попытался наладить отношения с Айвеном: может, кузен повел бы его по пивнушкам — ради разнообразия.

Но как-то вечером все переменилось: граф неожиданно вернулся в резиденцию и объявил, что они отправляются в Форкосиган-Сюрло. Уже через час Марк со всеми пожитками оказался в флайере вместе с Элен, графом и телохранителем Пимом — и они понеслись на юг, в загородное поместье Форкосиганов. Графиня осталась дома. Наконец вдали показались Дендарийские горы — темное пятно на фоне ночных облаков и звезд. Они облетели тускло поблескивающее озеро и приземлились на склоне холма, перед большим каменным домом. В окнах горели огни. Из второго флайера незаметно высадилась охрана.

Была почти полночь, и граф ограничился тем, что быстро провел Марка по дому, оставив его в комнате для гостей с видом на уходящую к озеру лужайку. Оставшись наконец в одиночестве, Марк облокотился на подоконник и устремил взгляд в темноту. На другом берегу озера мерцали огни деревни.

«Зачем вы меня сюда привезли?»

Форкосиган-Сюрло — самое уединенное поместье. Если его допустили сюда, значит ли это, что он успешно прошел какое-то испытание? Или Форкосиган-Сюрло и есть испытание?

Его разбудили косые лучи утреннего солнца. Вчера ночью слуги развесили в гардеробе его самую неофициальную одежду. Марк отыскал ванную, умылся, оделся и отправился на поиски живых. Домоправительница на кухне отправила его на улицу искать графа, даже не предложив завтрак.

Он пошел по вымощенной гравием дорожке к купе земных деревьев, чья характерная зеленая листва уже начала пестреть с приближением осени. Большие деревья, очень старые. Граф и Элен оказались неподалеку, в обнесенном стеной садике, который теперь служил семейным кладбищем Форкосиганов.

Брови Марка изумленно поползли вверх. Граф надел самый торжественный синий мундир. Элен была в ден-

дарийском сером бархате с серебряными пуговицами и белыми лампасами. Она сидела на корточках у небольшой бронзовой курильницы. Горели бледно-оранжевые язычки пламени. В позолоченном солнцем утреннем тумане поднималась тонкая струйка дыма. Марк понял, что это — возжигание усопшему, и неуверенно остановился у чугунной калитки.

Элен поднялась. Они с графом негромко переговаривались, пока остатки возжигания не обратились в пепел. Спустя несколько секунд Элен сделала из ткани прихватку, сняла курильницу с треножника и вытряхнула на могилу серые и белесые хлопья. Протерев бронзовую чашу, она убрала ее в коричневый с серебром мешочек. Повернувшись к озеру, граф увидел стоящего у калитки Марка и приветственно кивнул, не приглашая зайти — но и не приказывая убираться прочь.

Еще что-то сказав графу, Элен вышла из обнесенного невысокой стеной сада. Граф отдал ей честь. Проходя мимо Марка, она любезно кивнула. Лицо у нее было очень серьезным, но Марку показалось, что теперь оно не такое напряженное и застывшее, как раньше. Граф поманил Марка к себе. Чувствуя одновременно любопытство и неловкость, Марк прошел через калитку, и под ногами захрустел гравий.

— Что... происходит? — наконец спросил он. Слова прозвучали довольно легкомысленно, но, кажется, графа это не задело.

Граф Форкосиган кивком указал на могильную плиту: «Сержант Константин Ботари». Даты. И еще одно слово: «Фиделис» — верный.

— Я выяснил, что Элен никогда не приносила возжигание отцу. Он восемнадцать лет был моим телохранителем, а до того служил под моим командованием в космических силах.

— Телохранитель Майлза. Это я знал. Но его убили раньше, чем Гален начал мое обучение. Гален на нем не останавливался.

— Напрасно. Сержант Ботари много значил для Майлза. И для всех нас. Ботари был... непростым человеком. По-моему, Элен так с этим и не смирилась. Ей нужно научиться как-то принимать его, чтобы жить в мире с самой собой.

— Непростым? Насколько мне известно, он был преступником.

— Это очень... — Граф помедлил. Марк ожидал услышать «несправедливо» или «неправильно», но в конце концов граф добавил: — Неполно.

Они стали ходить по кладбищу: граф провел для Марка экскурсию. Родственники и вассалы... Кто такой майор Эмор Кливи? Марк вспомнил бесконечные музеи. История Форкосиганов повторяла историю Барраяра. Граф показал могилу отца, матери, брата, сестры, деда и бабки. Надо полагать, все, кто умер раньше, покоились в прежней столице округа Форкосиган-Вашнуй и цетагандийские захватчики расплавили их вместе с городом.

— Я буду лежать здесь, — сказал граф, глядя на спокойное озеро. Утренний туман уже поднялся и солнце светило ярче. — Не хочу оказаться на императорском кладбище в Форбарр-Султане. Отца хотели похоронить там. Мне пришлось выдержать бой, хотя в завещании была четко выражена его воля.

Он кивнул на камень. «Генерал граф Петер Форкосиган». И даты. Очевидно, граф одержал верх. Вернее, оба графа.

— Здесь прошли мои самые счастливые дни, когда я был маленьким. А потом — свадьба и медовый месяц. — По его лицу промелькнула страдальческая улыбка. — Майлз был зачат здесь. Так что в каком-то смысле и ты тоже. Осмотрись. Вот ты откуда. Когда мы позавтракаем и я переоденусь, я еще тебя здесь повожу.

— А. Так, э-э... значит, никто еще не ел.

— Перед возжиганием принято поститься. Я подозреваю, что именно поэтому возжигание устраивают на рассвете.

Граф улыбнулся.

Здесь графу больше ни для чего не мог понадобиться великолепный дворцовый мундир, а Элен — дендарийский парадный. Они взяли их с собой именно для этой цели. Марк посмотрел на свое неверное отражение в начищенных до блеска сапогах графа. Из-за выпуклой поверхности он казался карикатурно толстым. Так он будет выглядеть в будущем?

— И мы все прилетели сюда для этого? Чтобы Элен могла совершить обряд?

— Отчасти.

Звучит пугающе. Марк пошел следом за графом, испытывая непонятную тревогу.

Завтрак подали на освещенную солнцем террасу. Цветущие кусты окружали ее со всех сторон, оставив свободной только сторону, открывавшуюся на озеро. Граф переоделся в черные брюки от старой полевой формы и широкую куртку с поясом. Элен к завтраку не вышла.

— Она решила прогуляться, — объяснил граф. — И мы сделаем то же.

Марк благоразумно положил в корзинку третью булочку.

Уже очень скоро он обрадовался своей выдержке: граф повел его вверх по холму. На вершине они остановились передохнуть. Вид на длинное озеро, извивающееся между холмами, вполне заслуживал остановки. По другую сторону холма оказалась небольшая долина со старой каменной конюшней и ухоженными пастбищами, покрытыми по-земному зеленой травой. По пастбищу бродило несколько упитанных лошадей. Граф провел Марка вниз, к изгороди, и облокотился на нее.

— Вон тот большой чалый — конь Майлза. В последние годы он немного заброшен. Даже когда Майлз бывал

дома, у него не всегда находилось время поездить верхом. Чалый всегда прибегал на зов Майлза. Удивительно было смотреть, как этот крупный ленивый конь встает и мчится. — Граф помолчал. — Может, попробуешь.

— Что? Позвать коня?

— Мне любопытно посмотреть. Заметит ли конь разницу? Голоса у вас... по-моему, очень похожи.

— Меня на это натаскивали.

— Его зовут... э-э... Дурачок. — В ответ на удивленный взгляд Марка граф добавил: — Ласковое прозвище.

«Его зовут Толстый Дурачок. Вы это подредактировали. Вот!»

— И что я должен делать? Стоять и кричать: «Дурачок, Дурачок, сюда»?

Он и сам уже чувствовал себя дураком.

— Три раза.

— Что?

— Майлз всегда повторял его имя три раза.

Лошадь стояла на другой стороне пастбища, навострив уши и глядя на них. Марк набрал побольше воздуха и с великолепным барраярским выговором позвал:

— Дурачок-Дурачок-Дурачок, сюда! Дурачок-Дурачок-Дурачок!

Лошадь фыркнула и затрусила к изгороди. Нельзя было сказать, что она мчится, но она и вправду пару раз взбрыкнула. Подскакав, она брызнула потом на Марка с графом и навалилась на изгородь, которая застонала и прогнулась. При ближайшем рассмотрении конь показался чудовищно большим. Марк поспешно отступил.

— Привет, старина, — граф потрепал коня по холке. — Майлз всегда дает ему сахар, — сообщил он.

— Тогда неудивительно, что к нему мчатся! — возмутился Марк. А он-то решил, что опять имеет дело с эффектом «любовь к Нейсмиту»!

— Да, но мы с Корделией тоже даем ему сахар, а к нам он не бежит. Он просто подходит — неспешно так.

Конь уставился на Марка в полном недоумении. Вот и еще одна душа, которую ты предал тем, что ты — не Майлз. Две другие лошади тоже подошли, словно ревнуя. Марк затравленно спросил:

— А вы не принесли сахару?

— Ну... вообще-то да, — признался граф и, достав из кармана штук шесть белых кубиков, вручил Марку. Марк осторожно положил их на ладонь и с опаской протянул руку. Пронзительно заржав, Дурачок прижал уши, куснул соперников и потом скромненько собрал сахар большими мягкими губами, оставив у Марка на ладони след травянисто-зеленых слюней. Марк попытался обтереть ладонь об изгородь, глянул исподтишка на брюки и стер остальное о лоснящуюся лошадиную шкуру.

Марк на шее коня казался давним шрамом. Дурачок боднул Марка, и он отошел подальше. Граф восстановил порядок в толпе, пару раз крикнув и раздав всем шлепки — «Ага, точь-в-точь барраярская политика», — и позаботился, чтобы двое опоздавших тоже получили сахар. А потом вытер руки о штанины, ничуть не смутившись.

— Не хочешь прокатиться на нем? — предложил граф. — Хотя в последнее время на нем не ездили, так что он может быть немного игрив.

— Нет, спасибо! — поспешил отказаться Марк. — Может, в другой раз.

— А!

Они пошли вдоль изгороди, а Дурачок тащился за ними по другую сторону, пока на углу не потерял последнюю надежду. Он заржал, когда они уходили — потрясающе печально. Марк ссутулился, словно от удара. Граф улыбнулся, но, наверное, улыбка далась ему с трудом.

— Старику уже за двадцать. — Граф оглянулся через плечо. — Для лошади — немало. Я начинаю понимать его чувства.

Они шли к лесу.

— Тут есть дорожка для верховой езды... Она выходит туда, откуда виден дом. Мы, бывало, устраивали там пикники. Хочешь посмотреть?

Пеший переход. Марку совсем не хотелось идти, но он уже отверг предложение проехаться верхом. Отказываться во второй раз он не смел: граф может решить, что он... замкнут.

— Хорошо.

Вокруг не было видно ни охранников из Службы безопасности, ни графских телохранителей. Граф приложил немало усилий, чтобы они оказались вдвоем. Марк напрягся. Приближается доверительный разговор.

Когда они оказались на опушке, под ногами зашуршали первые опавшие листья. Запах тления почему-то казался приятным. Но шорох шагов все же не заполнял молчания. Несмотря на внешнюю непринужденность, граф был явно напряжен. Марк не выдержал:

— Графиня заставила вас это сделать. Так?!

— На самом деле — нет, — ответил граф. — ...Да.

Ужасно противоречивый ответ — и, вероятно, честный.

— Вы когда-нибудь простите людей Бхарапутры за то, что они застрелили не того адмирала Нейсмита?

— Наверное, нет.

Граф говорил спокойно, без обиды.

— Если бы все случилось наоборот — если бы снайпер прицелился в того коротышку, что стоял левее, — Имперская служба безопасности искала бы сейчас мою криокамеру?

И вообще, выбросил бы Майлз рядовую Филиппи, чтобы положить на ее место Марка?

— Поскольку в этом случае представителем службы безопасности там был бы Майлз, то, полагаю, ответом будет «да», — негромко ответил граф. — Раз я сам с тобой не встречался, то мой интерес, вероятно, был бы несколько... академическим. Но твоя мать все равно не дала бы никому покоя, — задумчиво добавил он.

— Да уж, давайте будем друг с другом честными, — горько сказал Марк.

— На другой основе ничего надежного не построишь,— холодно ответил граф. Марк вспыхнул. Он не мог не согласиться.

Дорога сначала шла вдоль ручья, потом — вброд через ручей, а потом взяла круто вверх по склону оврага. Какое-то время она, слава Богу, шла по ровной местности, петляя между деревьями. То тут, то там виднелись небольшие препятствия для лошадей, которые при желании можно было и обойти. Почему он так уверен, что Майлз всегда выбирал прыжок?

Лес дышал каким-то древним покоем: пятна солнечного света, высокие привезенные с Земли деревья и исконно барраярский кустарник создавали иллюзию полной уединенности. Если не знать о терраформировании, можно подумать, что вся планета — вот такая безлюдная пустыня. Они свернули на более широкую дорогу и пошли рядом.

Граф облизал губы:

— Кстати, о криокамере.

Марк вскинул голову, как та лошадь, когда почуяла сахар. Служба безопасности ему ничего не говорила, граф ему ничего не говорил. Чуть не сойдя с ума от информационного вакуума, он в конце концов сломался и начал мучить расспросами графиню. Но даже она смогла сообщить только об отрицательных результатах. Сейчас Служба безопасности могла назвать уже более четырехсот мест, где криокамеры не было. Неплохо для начала. Четыреста спишем — остальная Вселенная в уме. Невозможно, бесполезно, глупо...

— Служба безопасности ее нашла.

Граф потер щеку.

— Что?! — Марк резко остановился. — Они ее вернули? Все позади! И где они... Почему вы...

Он вдруг осекся. Видимо, есть причина тому, что граф не сказал об этом сразу. И кажется, ему не очень-то хочется узнать, что это за причина. Лицо у графа было безрадостное.

— Она была пустая.

— Ох... Как... Не понимаю. — Он представлял себе множество вариантов развития событий, но такого — никогда. Пустая?! — Где?

— Агент Безопасности обнаружил ее в прейскуранте компании по продаже медоборудования на Ступице Хеджена. Пустую и заново отлаженную.

— И они уверены, что это именно она?

— Если номера, которые передала нам капитан Куин, правильные, то — да. Агент — один из самых наших талантливых ребят — просто без шума ее купил. Сейчас ее на курьерском корабле везут на Комарру для тщательного анализа. Не думаю, чтобы там осталось что анализировать.

— Но это улика. Наконец-то у нас есть подсказка! Компания должна вести учет, мы сможем проследить ее историю до... до...

До чего?

— И да, и нет. Цепочка обрывается на следующем же звене. Независимый поставщик, у которого они ее приобрели, похоже, принимал краденое.

— С Архипелага Джексона? Но ведь это сильно сужает область поиска!

— Гм-м. Не следует забывать, что Ступица Хеджена — действительно центр. Вероятность того, что криокамера с Архипелага Джексона была направлена в Цетагандийскую империю, а потом через Ступицу Хеджена обратно, не слишком велика... но существует.

— Нет. Вопрос времени.

— По времени это трудно, но возможно. Иллиан просчитал. Временное ограничение сводит район поиска всего к... девяти планетам, семнадцати станциям и всем кораблям, которые находятся в полете между ними. — Граф поморщился. — Мне почти хочется, чтобы это оказался цетагандийский заговор. По крайней мере я был бы уверен, что гем-лорды знают или догадываются о ценности содержимого. Самое страшное — если камера попала в руки мелкого джексонианского воришки, который просто выкинул содержимое, чтобы перепродать оборудование. Мы заплатили бы выкуп... В десятки раз больший, чем стоимость криокамеры, за одно только тело. За Майлза... Сколько бы ни запросили. Меня просто сводит в ума мысль, что Майлз гниет где-то просто по ошибке!

Марк прижал ладони к вискам:

— Нет... Это безумие... безумие. У нас есть уже оба конца — не хватает только середины. Норвуд... Норвуд был предан адмиралу Нейсмиту. И он был сообразителен. Я видел его — недолго. Конечно, он не рассчитывал на то, что его убьют, но он не стал бы отправлять криокамеру наугад. — Уверен ли он в этом? Ведь Норвуд думал забрать камеру из места назначения самое большее через день. Если она попала... не важно куда... с какой-то малопонятной запиской вроде «оставьте у себя, пока за ней не заедут», а потом никто за ней не заехал... — Она была заново отлажена до того, как ее получили на Ступице Хеджена или после?

— До.

— Тогда возможно, что в промежутке скрыт какой-то медицинский центр. Может, с криоустановками. Может... может, Майлза перевели в банки постоянного хранения.

Неидентифицированного и нищего? На Эскобаре такая благотворительность была бы возможной, но на Архипелаге Джексона?.. Почти исключено.

— Молю Бога, чтобы это было так. Таких центров не так уж много. Служба безопасности сейчас ими занимается. Но только... Простая механика очистки опустевшей камеры может быть проведена в лазарете любого корабля. Или в техническом отделе. Безымянную могилу найти труднее. А может, и не могилу. Может, он просто гниет, как отбросы...

Граф посмотрел на лес.

Марк был уверен, что он не видит деревьев. Он знал, что граф видит ту же картину, что и он сам: замороженное маленькое тело с разорванной грудью небрежно запихивают в мусоросжигатель. Задумаются ли они, кем был этот человек? И кто такие эти «они»? И как давно граф думает о том же и каким образом ему еще удается идти и разговаривать?

— Вы давно это узнали?

— Мы получили рапорт вчера. Так что видишь... стало несравненно более важно узнать твою позицию. В отношении Барраяра.

Граф снова пошел по дороге, потом свернул на тропинку, которая круто поднималась вверх, туда, где деревья были выше, а подлесок — реже.

Марк с трудом поспевал за ним.

— Никто, будучи в здравом уме и трезвой памяти, не станет иметь никаких отношений с Барраяром. Они сбегут отсюда. Подальше.

Граф ухмыльнулся:

— Боюсь, ты слишком много разговаривал с Корделией.

— Да, ну... Она тут единственная со мной разговаривала.

Он догнал графа, который замедлил шаги.

Граф болезненно поморщился:

— Это правда. — Он зашагал вверх по крутой каменистой тропе. — Мне очень жаль. — Пройдя еще несколько шагов, он добавил: — Интересно, как мой отец реагировал, когда я шел на риск. Если так, как я, — он отомщен. Но тем более необходимо... знать...

Граф неожиданно остановился и сел, привалившись к стволу.

— Странно, — пробормотал он. Его лицо, разгоряченное от быстрого подъема, вдруг побледнело и покрылось испариной.

— Что? — испуганно спросил запыхавшийся Марк. Он уставился на графа, казавшегося таким странным в необычной перспективе.

— Кажется... мне лучше передохнуть.

— Очень кстати.

Марк опустился на камень. Граф молчал, и у Марка тревожно сжалось сердце.

«Что с ним? С ним явно что-то не то».

Небо стало ярко-синим, легкий ветерок вздыхал в кронах, медленно падали золотые листья...

— Это, — спокойно сказал граф, — не прободение язвы. Оно у меня уже было. Это совсем другое.

Он скрестил руки на груди. Дыхание его участилось.

«Что-то очень нехорошее».

Марк решил, что храбрый человек, изо всех сил старающийся скрыть страх, одно из самых пугающих зрелищ. Храбрый, но не глупый: граф не пытался, например, сделать вид, что все в порядке, и продолжить подъем.

— Вы плохо выглядите.

— Я себя плохо чувствую.

— Что с вами?

— Э-э... боюсь, боль в груди, — признался он с явным смущением. — По правде говоря, довольно сильная. Очень... странное... ощущение. Вдруг появилось после очередного шага.

— Это не может быть несварение желудка, а?

— Боюсь, что нет.

— Может, вам следует вызвать помощь по комму, — робко подсказал Марк. Уж он-то определенно ничем не поможет, если это что-то серьезное. А все говорит именно за это.

Граф хрипло рассмеялся:

— Я его не взял.

— Что?! Вы же премьер-министр, вам не положено ходить без...

— Я хотел, чтобы у нас был спокойный разговор, без помех. Ради разнообразия, чтобы помощники министра из Форбарр-Султана не донимали меня расспросами, где лежат их папки с текущими делами. Я раньше... делал это для Майлза. Иногда, когда дел становилось слишком много. Все просто с ума сходили, но в конце концов... они... смирились. — На последнем слове его голос сорвался. Он лег на спину, на подстилку из прелых листьев. — Нет... Так не лучше.

Он протянул руку, и Марк, замирая от ужаса, помог ему снова сесть.

«Парализующий токсин... сердечная недостаточность... Я должен был остаться с вами наедине... Ждать на ваших глазах минут двадцать, пока вы будете умирать...»

Как это произошло? Черная магия? Может, он и правда запрограммирован и какая-то частичка его существа делает вещи, о которых сознание даже не подозревает, как при раздвоении личности?

 «Неужели это сделал я? О Боже!»

Граф заставил себя улыбнуться.

— Не пугайся так, мальчик, — прошептал он. — Просто вернись к дому и пришли моих телохранителей. Это близко. Обещаю не двигаться.

И опять хрипло засмеялся.

«Я не следил за дорогой, когда мы поднимались. Я шел за вами».

Не сможет ли он нести?.. Нет. Марк не был медиком, но с леденящей ясностью осознавал, что пытаться двигать этого человека было бы огромной ошибкой. Даже при своей новой солидности он намного легче графа.

— Хорошо.

Заблудиться будет нелегко, так ведь?

— Вы... вы...

«Не смейте умирать. Только не сейчас!»

Марк повернулся и побежал трусцой, поскальзываясь и переходя, где можно, на бег. Направо или налево? Налево, вниз по широкой дороге. Но где они на нее вышли? Они пробились сквозь кустарник — но кустарник рос вдоль барьеров, и просветов в нем было штук пять. Вот барьер, который они миновали. Или нет? Они все похожи.

«Я заблужусь в этих проклятых лесах и буду кружить... двадцать минут, пока мозг у него не умрет, а он не похолодеет, и они все решат, что я это сделал специально...»

Он споткнулся, налетел на дерево и с трудом удержался на ногах. Ему вдруг показалось, что он — пес из мелодрамы, спешащий за помощью: прибежав, он сможет только лаять, скулить, валиться на спину... и никто его не поймет. Он уцепился за дерево, задыхаясь и затравленно озираясь. Кажется, мху полагается расти с северной стороны деревьев, или это только на Земле?.. А! Вот и ручей. Они шли вверх по течению или вниз?

«Ах, тупица, тупица, тупица!»

Закололо в боку.

Ура! Впереди показалась высокая женская фигура. Элен направляется обратно. Он не только не заблудился, но и нашел помощь! Он попытался крикнуть. Получился какой-то хрип, но Элен услышала, обернулась, увидела его и остановилась. Он заковылял к ней.

— Что на тебя нашло?

Холодное раздражение сменилось любопытством, к которому подмешивалась тревога.

Марк с трудом выговорил:

— Графу... стало плохо... в лесу. Можно... вызвать туда телохранителей?

Она нахмурилась и с подозрением спросила:

— Плохо? Как это? Час назад он был абсолютно здоров!

— Очень плохо, ради Бога, скорее!

— Что ты с ним... — начала Элен, но, заметив его смятение, остановилась. — В конюшне есть комм, это ближе всего. Где ты его оставил?

Марк неопределенно махнул рукой:

— Где-то... Не знаю, как вы называете... По дороге к месту для пикников. Так можно понять? Что, у вашей чертовой охраны нет сканеров? — Он заметил, что чуть не подпрыгивает с досады на ее медлительность. — У тебя ноги длиннее! Иди!

Элен наконец поверила и бросилась бежать.

Повернувшись, он снова помчался вверх, туда, где оставил графа. Может, лучше поискать убежище? Если угнать флайер и добраться до столицы, можно ли найти какое-нибудь галактическое посольство, которое предоставит ему политическое убежище?

«Она думает, что я... Они все решат, что я...»

Проклятие, он сам себе не доверяет, почему ему должны доверять барраярцы? Может, лучше сэкономить силы и прямо сейчас покончить с собой — здесь, в этом дурацком лесу? Но оружия нет, и скалы слишком низкие — не разобьешься.

Граф лежал на спине возле поваленного дерева. Дыхание прерывистое, руки сжаты. Очевидно, боль усилилась. Но он не умер. Пока не умер.

— Привет, мальчик, — с трудом проговорил граф.

— Элен побежала за помощью. — Марк посмотрел наверх, прислушался.

«Но их еще нет».

— Хорошо.

— Не надо... разговаривать.

Это заставило графа отрывисто засмеяться, что еще сильнее сбило ему дыхание.

— Только Корделии... удавалось... заставить меня заткнуться.

Но выговорив это, он замолчал. Марк благоразумно оставил последнее слово за ним.

«Живи! Не оставляй меня так!»

Сверху донесся знакомый свистящий звук. Элен решила проблему транспортировки — воздушный мотоцикл. Позади Элен, обхватив ее за талию, примостился мужчина в зеленом мундире Службы безопасности. Элен стремительно опустила мотоцикл через тонкие ветви, которые только затрещали. Ветви хлестали ее по лицу, оставляя на коже красные полосы, но она ни на что не обращала внимания. Когда до земли оставалось полметра, мужчина спрыгнул с мотоцикла.

— Отойди! — рявкнул он на Марка. По крайней мере у него хоть аптечка с собой. — Что ты с ним сделал?

Марк попятился поближе к Элен:

— Он врач?

— Нет, просто медик.

Медик поднял голову и сообщил:

— Это — сердце, но я не знаю, в чем дело. Не вызывайте сюда врача премьер-министра, пусть он встретит нас в Хассадаре. Незамедлительно. Думаю, нам нужна хорошая больница.

— Так. — Элен стремительно отдала приказы в наручный комм.

Марк попытался помочь им устроить графа на воздушном мотоцикле — между Элен и медиком. Но тот гневно бросил Марку:

— Не прикасайся к нему!

Граф открыл глаза и прошептал:

— Эй! С парнем все в порядке, Джази! — Медик увял. — Все в порядке, Марк.

«Он же при смерти, черт возьми, и все равно думает о будущем. Он пытается отвести от меня подозрения».

— Флайер ждет на ближайшей прогалине, — Элен указала вниз. — Поспеши, если хочешь улететь с нами.

Мотоцикл медленно набрал высоту.

Марк мчался по склону, не упуская из виду движущуюся над деревьями тень. Они его опередили. Марк побежал быстрее, хватаясь на поворотах за стволы деревьев, ободрав ладони, и вылетел на широкую дорогу ровно в тот момент, когда медик Службы безопасности, Элен и телохранитель Пим закончили укладывать графа Форкосигана на заднем сиденье черного флайера. Марк ввалился в салон и уселся рядом в Элен. Фонарь моментально опустился. Пим сел за штурвал, они, кружась, набрали высоту и помчались на полной скорости к Хассадару. Медик дал графу кислород и сделал инъекцию синэргина.

Марк никак не мог отдышаться. Джази с чисто медицинским интересом хмуро посмотрел на него, но постепенно его дыхание выровнялось. Марк обливался потом и весь дрожал. Последний раз ему было так жутко, когда стреляли люди Бхарапутры.

«Разве флайер рассчитан на такую скорость?»

Оставалось надеяться, что в воздухозаборники не попадает ничего крупнее жука.

Несмотря на синэргин, взгляд у графа начал туманиться от шока. Он отодвинул пластиковую кислородную маску, отмахнулся от медика и настоятельно поманил к себе Марка. Ему так требовалось что-то сказать, что лучше было ему это позволить, а не пытаться помешать. Марк опустился на колени у изголовья.

— Все... истинное богатство... биологическое, — доверительно прошептал граф.

Медик затравленно посмотрел на Марка, но тот только беспомощно пожал плечами.

— Кажется, он отключается.

Когда флайер приземлился на посадочной площадке Окружной больницы Хассадара, на них мгновенно набросилась небольшая армия медперсонала, захватившая графа. Марка с Элен увели в комнату ожидания.

Вскоре туда заглянула медсестра с блокнотом и спросила у Марка:

— Вы — ближайший родственник?

Марк открыл рот, но остановился. Он действительно не в состоянии ответить.

— Графиня Форкосиган уже вылетела из Форбарр-Султана, — выручила его Элен. — Она будет здесь через несколько минут.

Это, похоже, удовлетворило медсестру, поскольку она мгновенно исчезла.

Элен оказалась права. Не прошло и десяти минут, как в коридоре прозвучали стремительные шаги. Графиня в сопровождении двух ливрейных телохранителей. Она буквально промелькнула мимо, только бросила Марку с Элен быструю успокаивающую улыбку. Неосведомленный доктор попытался ее остановить:

— Извините, сударыня, но посетителям...

— Нечего мне тут заливать, парень, я — твоя хозяйка, — отрезала Корделия.

Он поперхнулся, наконец разглядев ливрею телохранителей. До Марка с Элен донесся удаляющийся голос:

— Сюда, миледи.

— Она не шутит, — заметила Элен, иронически улыбаясь. — Медицинское обслуживание округа Форкосиганов — в числе ее главных интересов. Половина здешнего медперсонала служит ей по личной присяге в обмен на обучение.

Время тянулось мучительно медленно. Марк подошел к окну. Хассадар — новый город, наследник разрушенного Форкосиган-Вашнуй. Почти все дома построены после окончания Периода Изоляции. Рассчитанный на более современные средства передвижения, нежели повозки, запряженные лошадьми, он раскинулся широко, как города развитых миров Галактики. Кое-где в лучах утреннего солнца блестели небоскребы. Утреннего? Да, утреннего. А ведь казалось, с рассвета прошло не меньше столетия. Больница ничем не отличалась от скромного учреждения подобного рода, скажем, на Эскобаре. Официальная резиденция графа в Хассадаре была одной из немногих полностью современных вилл в перечне владений Форкосиганов. Графиня утверждала, что любит ее, но жила там, только когда приезжали в Хассадар по делам округа, так что вилла скорее походила на отель, чем на дом. Странно.

Укоротившиеся тени от небоскребов говорили о приближении полудня, когда наконец за ними пришла графиня. Марк тревожно вгляделся в ее лицо. Вокруг усталых глаз

залегли морщинки, но губы не искажены отчаянием. Значит, граф жив.

Графиня обняла Элен, кивнула Марку:

— Состояние Эйрела стабилизировалось. Его собираются переводить в Имперский госпиталь в Форбарр-Султане. Сердце сильно повреждено. Врач говорит, что показана трансплантация или механический протез.

— А где вы были утром? — спросил Марк.

— В штабе Службы безопасности. — «Логично». — Мы поделили работу. Двоим в шифровальной делать нечего. Эйрел тебе сказал, да? Он поклялся, что скажет.

— Да. Как раз перед тем, как ему стало плохо.

— Что вы делали?

По крайней мере не «Что ты с ним сделал?» Запинаясь, Марк пересказал события утра.

— Стресс, завтрак, пробежка по холмам, — подытожила графиня. — Готова спорить, что темп задавал он.

— Марш-бросок, — подтвердил Марк.

— Ага!

— Это тромб? — спросила Элен.

— Нет. Я знала, что артерии у него чистые — он принимает лекарство, иначе бы это ужасное питание убило его давным-давно. Артериальная аневризма сердечной мышцы. Сосуд лопнул.

— Стресс, да? — переспросил Марк. — А давление у него было высокое?

Графиня сощурилась:

— Да, очень, но сосуд был ослаблен. Это все равно случилось бы в ближайшее время.

— Нет ли... от агентов были еще известия? — робко спросил он. — Пока вы там находились?

— Нет. — Корделия подошла к окну и невидящим взглядом уставилась на небоскребы Хассадара. — Такая находка... пошатнула наши надежды. По крайней мере это заставило Эйрела наконец попытаться найти с тобой контакт. — Молчание. — У него получилось?

— Нет... не знаю. Он водил меня по поместью, показывал. Он пытался. Он так пытался, что больно было смотреть.

Ему и сейчас было больно — комок боли застрял где-то в солнечном сплетении. По чьей-то там мифологии в этом месте живет душа.

— Получилось! — выдохнула она.

Это было слишком. Стекло, конечно, ударопрочное, но рука... Марк сжал кулак, замахнулся, ударил...

Графиня стремительно перехватила его руку. Агрессия испарилась.

— Оставь, — спокойно посоветовала она.

ГЛАВА 15

Большое зеркало в резной раме висело в холле рядом с библиотекой. Марк остановился, чтобы еще раз осмотреть себя перед тем, как предстать перед графиней.

Мундир младшего лорда дома Форкосиганов не скрывал формы его тела, ни старых уродств, ни новых, хотя когда он вставал очень прямо, кажется, костюм придавал ему некоторую несгибаемую солидность. Правда, стоило ему ссутулиться, и вся внушительность пропадала. Но мундир сидел уж как-то слишком хорошо. Это внушало определенную тревогу: восемь недель назад он был чуть свободным. Может, какой-нибудь аналитик Службы безопасности просчитал, насколько он прибавит в весе к сегодняшнему дню? С них станется.

Всего восемь недель назад? Казалось, он заключен здесь уже целую вечность. Конечно, это очень мягкое заключение, как в старину, когда офицеры, дав клятву, могли свободно ходить по крепости. Хотя с него никто никаких обещаний не брал. Может, его слово ничего не стоит? Он поспешил в библиотеку.

Графиня сидела на обитой шелком кушетке, стараясь не помять длинное платье: что-то очень воздушное и бежевое, все расшитое медными и серебряными нитями, перекликавшимися с цветом ее волос, уложенных на затылке кольцами. Ни намека на черное или серое или еще на что-то, что могло бы подсказать ожидание траура: вызывающе элегантный наряд.

«У нас все в полном порядке, — словно говорил ее ансамбль. — И очень по-форкосигановски».

Увидев Марка, она улыбнулась. Он невольно улыбнулся в ответ.

— Ты прекрасно выглядишь.

— И вы тоже, — испугавшись, что это прозвучало слишком фамильярно, он поспешно добавил: — Сударыня.

Она чуть приподняла брови, но ничего не сказала. Марк подошел к соседнему креслу, но понял, что слишком взволнован, и не стал садиться, а облокотился на спинку.

— И как, по-вашему, они примут сегодняшнее? Ваши друзья-форы?

— Ну, ты определенно привлечешь их внимание, — вздохнула графиня. — Можешь не сомневаться. — Взяв небольшой коричневый шелковый мешочек с вышитым на нем серебряным гербом Форкосиганов, она вручила его Марку. Вложенные в кошель тяжелые золотые монеты звякнули. — Когда ты вручишь его Грегору во время сегодняшней церемонии уплаты налогов вместо Эйрела, это послужит официальным заявлением, что мы приняли тебя как законного сына и что ты с этим согласен. Первый этап. Потом будет еще много других.

А в конце — титул графа? Марк нахмурился.

— Что бы ты ни чувствовал, чем бы ни кончился текущий кризис, пусть они не увидят, как ты трясешься. Вся эта система форства — чистый вымысел. Убежденность заразительна. Сомнение — тоже.

— Вы считаете систему форства иллюзией? — спросил Марк.

— Раньше считала. Теперь бы я назвала институт форов неким организмом, который, как все живое, должен непрерывно воссоздаваться. Я видела барраярскую систему неловкой, прекрасной, извращенной, глупой, благородной, раздражающей, безумной и поразительной. Почти всегда ей удается выполнять всю правительственную работу, что, как правило, и делает любая система.

— Так... вы ее одобряете или нет? — озадаченно спросил он.

— Не думаю, что мое одобрение имеет какое-то значение. Империя — большая, обрывочная симфония, которую сочиняет комитет. Уже триста лет. А исполняет ее шайка музыкантов-любителей. Она обладает колоссальной инерцией и в основе своей очень хрупкая. Ее нельзя назвать совсем уж неизменной или не подверженной изменениям. Но она может раздавить тебя, как слепой слон.

— Очень мило.

Она улыбнулась:

— Сегодня мы не бросаем тебя одного. Там будут Айвен и твоя тетя Элис, и молодые лорд и леди Фортала. И другие, с кем ты здесь познакомился в последние недели.

Плоды мучительных обедов. Еще до болезни графа в резиденцию Форкосиганов постоянно приглашались избранные. Графиня Корделия настойчиво продолжала этот процесс, невзирая на то, что случилось неделю назад, — она упорно вела приготовления к сегодняшнему вечеру.

— Надо полагать, все будут выуживать информацию о состоянии Эйрела, — прибавила она.

— И что им говорить?

— Легче всего не запутаться, когда говоришь правду. Эйрел находится в госпитале и ждет, пока ему вырастят сердце для пересадки. Пациент он трудный. Врач то грозится привязать его к постели, то выйти в отставку, если он не будет себя хорошо вести. В медицинские подробности вдаваться не нужно.

Подробности открыли бы, насколько серьезно болен премьер-министр. Разумеется, никаких подробностей.

— А что, если меня спросят о Майлзе?

— Рано или поздно, — она вздохнула, — если Служба безопасности не найдет его тело... рано или поздно придется официально сообщить о его смерти. Пока Эйрел жив, я предпочла бы, чтобы это было поздно. Никому, кроме самых высоких чинов Службы безопасности, императора Грегора

и нескольких правительственных лиц, не известно, что Майлз не просто курьер Службы безопасности в сравнительно небольшом чине. Большинство из тех, кто будет о нем справляться, не слишком удивятся, что Служба безопасности не делится с тобой сведениями о том, куда он направлен и на какой срок.

— Гален как-то говорил... — начал Марк и замолчал.

Графиня пристально посмотрела на него:

— Ты сегодня много думаешь о Галене?

— Довольно много, — признался Марк. — К этому он меня тоже готовил. Мы прошли все основные церемониалы Империи, потому что он не мог сказать заранее, в какое именно время года удастся меня внедрить. День рождения императора, Парад середины лета, Зимнепраздник — все. Я не могу не думать о нем и о том, как он ненавидел Империю.

— У него были на то причины.

— Он говорил... что адмирал Форкосиган — убийца.

Графиня, вздохнув, села поудобнее:

— Да?

— Это так?

— Ты видел его. Что ты сам думаешь?

— Сударыня... Я сам убийца. Не мне его судить.

Она сощурилась:

— Справедливо. Так. Его военная карьера была долгой и непростой... и кровавой. И о ней немало написано. Но мне представляется, что Гален сосредоточился главным образом на убийстве в день Солнцестояния, когда погибла его сестра Ребекка.

Марк молча кивнул.

— Это офицер из политотдела барраярской экспедиции, а не Эйрел, отдал приказ. За это Эйрел казнил его собственными руками — когда узнал. К сожалению, без такой необходимой формальности, как трибунал. Так что одно обвинение с него снимается, но другое — нет. Так что — да. Он — убийца.

— Гален сказал, это было сделано, чтобы скрыть улики. Что существовал устный приказ, о котором знал только тот офицер.

— А откуда это мог узнать Гален? Эйрел говорит иначе. Я верю Эйрелу.

— Гален говорил, он — садист...

— Нет, — решительно ответила графиня. — Это — Джес Форратьер и принц Зерг. Их сторонников больше не осталось.

И улыбнулась странной непримиримой улыбкой.

— ...сумасшедший.

— По бетанским меркам на Барраяре вообще нет нормальных. — Она посмотрела на Марка смеющимися глазами. — Включая и нас с тобой.

«Особенно меня». Он вздохнул:

— Гомосексуалист.

Она наклонила голову:

— Для тебя это важно?

— Это... играло большую роль, когда Гален меня обрабатывал.

— Знаю.

— Правда? Черт... — Он что, для них прозрачный? Забавное порношоу? Правда, по графине не заметно, чтобы ее это забавляло. — Надо полагать, это было в сообщениях Службы безопасности.

— Они допросили с суперпентоталом одного из помощников Галена. Ларса, если это тебе что-нибудь говорит.

— Еще бы...

Он стиснул зубы. Ему не оставили ни капли человеческого достоинства.

— А если не думать о Галене, разве склонности Эйрела имеют значение? Для тебя?

— Не знаю. Правда — имеет.

— Да, конечно. Ну, правда... Я считаю, что он — бисексуал, но подсознательно мужчины его привлекают больше. Или, вернее — солдаты, а не мужчины вообще, как мне кажется. Я, по барраярским понятиям, ужасный сорванец и поэтому решила все его проблемы. Когда он впервые увидел меня, на мне был мундир и все происходило во время неприятного вооруженного конфликта. Он решил, что это любовь с первого взгляда. Я никогда не видела нужды объяснять ему, что дело просто в его потребностях.

Уголки губ чуть приподнялись.

— А почему? Или у вас тоже проснулись потребности?

— Нет, я совершенно расклеилась только через четыре-пять дней. Ну, через три. — От воспоминаний ее глаза засияли. — Жаль, что ты не видел его тогда, в сорок с небольшим.

Марк слышал, как графиня препарировала и его — в этой же библиотеке. Все-таки утешительно, что для ее скальпеля нет исключений.

«Дело не во мне. Она так разбирает каждого. Вот ужас-то!»

— Вы... очень откровенны, сударыня. А что обо всем этом думал Майлз?

Она нахмурилась:

— Он никогда ни о чем меня не спрашивал. Возможно, тот неприятный период в жизни Эйрела дошел до Майлза в искаженном виде, как нападки политических противников, и он не поверил.

— А почему вы рассказали мне?

— Ты спросил. Ты взрослый. И... тебе знать важнее. Из-за Галена. Чтобы между тобой и Эйрелом наладились отношения, надо, чтобы ты видел его не ложно возвеличенным и не ложно приниженным. Эйрел — великий человек. Я, бетанка, утверждаю это, но я не путаю величие с безуп-

речностью. Быть великим, несмотря ни на что, гораздо... большее достижение. — Она усмехнулась. — Это должно тебя ободрить. А?

— Хм-м. Перекрыть мне путь к отступлению, хотите вы сказать. Надо понимать так: какой бы я ни был сдвинутый, вы все равно будете ждать от меня чудес?

«Кошмар».

Она задумалась над его словами, потом безмятежно ответила:

— Да. Больше того, поскольку безупречных людей не бывает, все великие дела создавались из недостатков. И тем не менее каким-то образом они совершались.

Марк понял, что Майлз сумасшедший не только из-за отца.

— Я что-то не слышал, чтобы вы анализировали себя, сударыня. Кто бреет брадобрея?

— Меня? — Она улыбнулась. — Я — игрушка, мальчик.

Она уклонилась от ответа. Или нет?

— Игрушка любви? — небрежно спросил он, пытаясь развеять неловкость.

— Не только.

В глазах ее был зимний холод.

Влажные туманные сумерки плащом окутали столицу, когда Марк с графиней направились в императорский дворец. Разряженный в самую что ни на есть парадную ливрею, неимоверно аккуратный Пим сидел за пультом управления. Еще с полдюжины телохранителей ехали следом — скорее почетный кортеж, чем охрана. Марк чувствовал, что они предвкушают приятный вечер. В ответ на какие-то его слова графиня сказала:

— Да, для них это скорее выходной. Служба безопасности полностью контролирует дворец. На подобных мероприятиях встречается избранное общество прислуги, и бывает даже, видный вассал знакомится с младшей форовской дочкой и женится на ней — если его послужной список достаточно хорош.

Они прибыли к императорскому дворцу — что-то вроде резиденции Форкосиганов, возведенной в восьмую степень. Липкий туман заставил их поспешить внутрь. Графиня строго по этикету взяла Марка под левую руку — жест пугающий и успокаивающий одновременно. Кто он — спутник или обуза? Как бы то ни было, он втянул живот и выпрямил спину.

Как ни странно, первый человек, которого они встретили в вестибюле, был Саймон Иллиан, одетый, согласно требованиям этикета, в красно-синий дворцовый мундир, придающий внушительность его худощавой фигуре. Впрочем, кругом было столько подобных мундиров, что он не выделялся. Но только у Иллиана на поясе висело настоящее боевое оружие — плазмотрон и нейробластер в потрепанных кобу-

рах, а у офицеров-форов затупленные парадные клинки. В правом ухе шефа Безопасности поблескивал крупный наушник.

— Сударыня, — кивнув, Иллиан отвел их в сторону и, понизив голос, спросил у графини: — Вы навестили его сегодня, как он?

Кто такой «он» объяснять, разумеется, не требовалось. Графиня осмотрелась, проверяя, не может ли услышать их посторонний.

— Неважно, Саймон. Цвет лица плохой, сильные отеки. Иногда теряет ощущение действительности, что меня пугает больше всего. Хирург хотел избежать двойного шока и обойтись без установки механического сердца, пока они доращивают органический трансплантант до нужного размера, но, возможно, медлить уже нельзя. В любой момент может потребоваться операция.

— Как, по-вашему, мне следует к нему зайти?

— Нет. Как только ты войдешь, он сядет и попробует заняться делами. И стресс от попытки ни в какое сравнение не пойдет со стрессом от неудачи. — Она помолчала. — Если ты не заскочишь на секунду просто сообщить одну хорошую новость.

Иллиан беспомощно помотал головой:

— Мне очень жаль.

Марк решился нарушить молчание:

— А я считал, что вы на Комарре, сэр.

— Я был обязан вернуться. Обед в честь дня рождения императора — кошмар для Службы безопасности. Одной бомбы достаточно, чтобы ликвидировать все правительство. Впрочем, тебе это прекрасно известно. Я как раз был в пути, когда получил известие о... болезни Эйрела. Я бы вышел в космос и сам толкал корабль, если б это заставило его лететь быстрее.

— И... что на Комарре? Кто руководит... э-э поиском?

— Доверенный помощник. Теперь, когда, похоже, мы ищем только тело... — бросив взгляд на графиню, Иллиан замолчал. Корделия побледнела и нахмурилась.

«Они больше не ведут поиск в приоритетном режиме».

— И сколько ваших агентов работает на Архипелаге Джексона?

— Столько, сколько можно туда отправить. Этот кризис, — дернув головой, Иллиан дал понять, что имеет в виду болезнь графа Форкосигана, — почти истощил мои ресурсы. Ты хоть представляешь себе, какое нездоровое оживление это вызовет на одной только Цетаганде?

— Сколько? — Вопрос прозвучал слишком резко и громко, но по крайней мере графиня не попыталась его утихомирить. Она наблюдала за происходящим с хладнокровным интересом.

— Лорд Марк, вы пока не имеете права требовать, чтобы вас ознакомили с самыми секретными диспозициями Службы безопасности!

Пока? Да нет, конечно же, никогда.

— Только просить, сэр. Но вам не удастся делать вид, будто эта операция меня не касается.

Иллиан как-то странно кивнул, прикоснулся к своему наушнику, на секунду сосредоточился и прощально махнул рукой графине.

— Вынужден просить извинения, сударыня.

— Желаю приятно провести время.

— Вам тоже.

Марк провел графиню по широкой лестнице, и они оказались в длинном зале: по одной стене ряд зеркал, по другой — высокие окна. Мажордом у входа зычно объявил их имена и титулы.

Сначала Марк увидел только безликий, угрожающий калейдоскоп — словно сад с хищными цветами. Радуга мундиров различных форовских семейств, сильно разбавленная дворцовым красно-синим, затмевала даже великолепные наряды дам. Повсюду слышался шум голосов. Несколько человек сидели на тонконогих креслах у стены, словно принимая придворных. Между группками собравшихся ловко сновали слуги, предлагая подносы с закусками и напитками. Главным образом слуги. Но наверняка все эти весьма спортивные молодые люди в ливреях дворцовой прислуги — агенты Службы безопасности. А суровые немолодые стражи у входа в ливрее Форбарры — личные телохранители императора.

Марку показалось, что при их появлении толпа затихла, а все взгляды обратились на него, но он поспешил приписать это приступу паранойи. Правда, несколько голов действительно повернулось в их сторону, и разговоры в непосредственной близости от них прекратились. Немного привыкнув, он заметил Айвена Форпатрила с матерью — леди Элис Форпатрил, которая сразу же окликнула графиню Форкосиган.

— Корделия, милочка! — Леди Форпатрил озабоченно улыбнулась. — Ты должна ввести меня в курс. Люди спрашивают.

— Да, ну ты же знаешь, что надо делать, — вздохнула графиня.

Леди Форпатрил виновато кивнула и обратилась к Айвену, явно продолжая разговор, прерванный появлением Форкосиганов:

— Потрудись быть любезным с девицей Форсуиссонов, если представится случай. Это — младшая сестра Виолетты Форсуиссон, может, она тебе больше понравится. И Кассия Форгорофф будет здесь. Она впервые присутствует на Дне рождения императора. И Айрин Форташпуло — пригласи ее танцевать хотя бы один раз. Я пообещала ее матери. Право, Айвен, здесь сегодня будет столько подходящих девушек. Если бы ты только удосужился...

Две женщины взялись за руки и повернулись, ловко выключая Айвена с Марком из конфиденциального разговора. Решительный кивок графини Форкосиган напомнил Ай-

вену, что сегодня на него опять возложены обязанности телохранителя. Вспомнив прошлый раз, Марк подумал, что в обществе графини был бы в большей безопасности.

— О чем это они? — спросил Марк. Мимо шествовал слуга с подносом. Последовав примеру Айвена, Марк тоже взял себе бокал и попробовал — белое сухое с привкусом чего-то цитрусового, довольно приятное.

— Ежегодный прогон скота, — поморщился Айвен. — Сегодня и в Зимнепраздник все коровы высшего форства выводятся на всеобщее обозрение.

Об этом аспекте церемониала в честь Дня рождения императора Гален никогда не упоминал. Марк сделал глоток побольше. Интересно. Значит, теперь он стал сильнее винить Галена за то, что тот о многом умолчал, чем за то, что заставил так много Марка выучить.

— Ну, на меня-то они не посмотрят, правда?

— Если учесть, каких жаб они целуют, — почему бы и нет, — пожал плечами Айвен.

«Ну, спасибо, Айвен».

Рядом с красно-синим великолепием высокого Айвена он, наверное, и правда напоминал приземистую коричневую жабу. Чувствовал он себя соответственно.

— Я в эти игры не играю, — твердо заявил он.

— Не очень-то надейся. Наследников графов всего шестьдесят, а непристроенных дочек — гораздо больше. Кажется, сотни. Как только выплывет наружу, что сталось с беднягой Майлзом, все возможно.

— Ты хочешь сказать... мне не надо будет гоняться за женщинами? Если я буду просто стоять, они подойдут ко мне?

Или по крайней мере к его имени, положению и состоянию. Эта мысль принесла пугающее ободрение — если только такое сочетание возможно. Лучше пусть любят за положение в обществе, чем не любят вообще. Те надутые глупцы, которые уверяют, будто это не так, никогда не тосковали по человеческому прикосновению.

— Похоже, у Майлза это работало, — сказал Айвен с непонятной завистью. — Но мне никак не удавалось заставить его этим воспользоваться. Конечно, он не выносил, когда его отвергали. Моим девизом было «Попробуем еще раз», но он просто весь скисал и прятался в свою скорлупу на несколько недель. Он не любил приключений. А может, просто не жадничал. Имел тенденцию останавливаться на первой надежной женщине, которая встречалась. Сначала Элен, потом, когда с Элен сорвалось, — Куин. Хотя, наверное, я могу понять, почему можно остановиться на Куин.

Айвен одним глотком опустошил бокал и сразу же заменил его полным.

Марк напомнил себе, что адмирал Нейсмит — это второе «я» Майлза. Не исключено, что Айвену далеко не все известно о кузене.

— А, черт! — воскликнул Айвен, глядя поверх бокала. — Вон к нам нацеливают одну из маменькиного списка.

— Так ты ухлестываешь за девицами или нет? — спросил Марк, совершенно запутавшись.

— За теми, что здесь, ухлестывать нет смысла. Здесь «смотреть можно — трогать нельзя». Никаких шансов.

Очевидно, под «шансом» Айвен подразумевал секс. Как и множество других отсталых культур, где все еще существует зависимость от биологического размножения, а не от маточных репликаторов, барраярцы подразделяли секс на две категории: законный — в рамках контракта, когда получившееся потомство должно быть признано, и незаконный, то есть любой другой. Марк еще больше повеселел. Значит, сегодняшнее событие проходит в зоне сексуальной безопасности? Прекрасно, значит, можно обойтись без напряжения и страха.

Замеченная Айвеном молодая женщина в бледно-зеленом длинном платье приближалась к ним. Темнорусые волосы уложены в сложную прическу из кос и завитков и украшены живыми цветами.

— И что же тебе не нравится вот в этой, например? — шепотом спросил Марк.

— Ты что, шутишь? — пробормотал Айвен. — Это в Кассии-то Форгорофф? Фитюлечке с лошадиной мордой, а вдобавок плоской, как доска?.. — Он замолчал, потому что девушка подошла достаточно близко, чтобы их услышать, и вежливо ей кивнул, довольно удачно скрывая досаду. — Привет, Касс.

— Здравствуйте, лорд Айвен, — взволнованно отозвалась она, одаряя его сияющей улыбкой. Пожалуй, лицо у нее было слишком длинное и фигура слишком тощая, но Марк решил, что Айвен чересчур привередлив. У нее была гладкая кожа, красивые глаза... Ну, вообще-то тут у всех женщин были красивые глаза — дело в хорошей косметике. И пьянящих духах. Ей наверняка не больше восемнадцати. Робкая улыбка растрогала Марка чуть ли не до слез: почему она так бессмысленно дарит ее Айвену?

«Никто никогда так на меня не смотрел. Айвен, ты просто свинья неблагодарная!»

— Вы рады будете потанцевать? — спросила она Айвена, явно напрашиваясь на приглашение.

— Не особенно, — пожал тот плечами. — Вечно одно и то же.

Девица завяла. Марк готов был биться об заклад, что это ее первый бал. Стой они на лестнице, Марк испытал бы сильный соблазн спустить с нее Айвена. Он откашлялся. Айвен взглянул на него и глаза его вдохновенно вспыхнули.

— Касси, — промурлыкал Айвен, — ты еще не знакома с моим кузеном, лордом Марком Форкосиганом?

Похоже, она только сейчас его заметила. Марк неуверенно улыбнулся. Она с сомнением посмотрела на него.

— Нет... Я слышала... Кажется, он не очень похож на Майлза...

— Да, — сказал Марк, — я не Майлз. Очень рад, леди Кассия.

Запоздало вспомнив о правилах приличия, она отозвалась:

— Очень приятно, лорд Марк, — и нервно кивнула. Цветы в прическе задрожали.

— Ну, вы пока знакомьтесь... Извините, мне надо найти одного человека...

Айвен махнул рукой коллеге в красно-синем мундире и ускользнул.

— Вы любите танцевать? — светским тоном спросил Марк. Он так сосредоточился на том, чтобы запомнить все обязательные моменты церемонии выплаты налога и торжественного обеда, не говоря уж о списке «Кто есть кто», в котором находилось примерно триста имен и все начинались с «Фор», что почти не думал о том, что потом будет бал.

— Ну... вроде бы...

Кассия неохотно отвела взгляд от успешно отступившего Айвена, быстро посмотрела на Марка и тут же отвела глаза.

Он с трудом удержался и не спросил: «Вы часто здесь бываете?» Что говорить? «Как вам нравится Барраяр?» Нет, не годится. «Какой сегодня славный туман на улице?» И в голове у него тоже. «Помогите мне, барышня! Скажите хоть что-нибудь — что угодно!»

— А вы и вправду клон?

«Что угодно, но только не это!»

— Да.

— Ой! Боже!

Опять молчание.

— Очень многие люди — клоны.

— Только не здесь.

— О, да.

— Э-э... О! — На ее лице отразилось живейшее облегчение. — Извините, лорд Марк. Я вижу, меня зовет мама...

Откупившись вымученной улыбкой, она поспешно ушла к важной матроне на другую сторону зала. Марк что-то не заметил, чтобы та ее поманила.

Он вздохнул. Ну, вот и конец приятной теории притягательности положения в обществе. Леди Кассия явно не рвется поцеловать жабу.

«Будь я на месте Айвена, я бы на голову встал ради девушки, которая так на меня смотрит».

— Вид у тебя задумчивый, — сказала графиня Форкосиган. Марк подпрыгнул от неожиданности.

— А-а... Айвен только что познакомил меня вон с той девушкой. Насколько я понимаю, он за ней не ухаживает.

— Да, я наблюдала эту сценку через плечо Элис Форпатрил. Я встала так, чтобы она ничего не видела — из соображений милосердия.

— Я... не могу понять Айвена. Мне она показалась достаточно милой девушкой.

Графиня Форкосиган улыбнулась:

— Они все милые девушки. Дело не в этом.

— А в чем?

— Ты не понял? Ну, может, ты просто не успел их достаточно хорошо изучить. Элис Форпатрил — горячо любящая мать, но никак не может справиться с соблазном построить будущее Айвена. Айвен слишком благодушен — или слишком ленив, чтобы открыто сопротивляться. Поэтому он делает все, что она просит, — кроме того, чего она жаждет больше всего. Он отказывается жениться и дать ей внуков. По-моему, он выбрал неправильную стратегию. Если ему действительно хочется, чтобы на него перестали давить, то внуки бы поглотили все внимание бедной Элис. А пока она сходит с ума от страха всякий раз, как он садится за руль.

— Я ее понимаю, — заметил Марк.

— Иногда меня так и тянет хорошенько отшлепать его за эти игры, но только я не уверена, что он сам отдает себе отчет в том, что делает. Да и вообще, на две трети виновата тут сама Элис.

Марк наблюдал за тем, как леди Форпатрил настигла Айвена на другой стороне зала. Видимо, проверяет, как идут дела с ее списком.

— А вы, похоже, придерживаетесь достаточно сдержанной материнской политики, — не думая, проговорил он.

— Может... это было ошибкой, — чуть слышно сказала Корделия.

Марк поднял глаза и внутренне содрогнулся, поймав на мгновение во взгляде графини беспросветное отчаяние.

«Высказался. Идиот».

Она так стремительно отвела глаза, что он даже не посмел извиниться.

— Ну, не совсем уж сдержанной, — весело сказала она, снова беря его под руку. — Пошли, я продемонстрирую тебе барраярскую систему отношений.

И повела его по длинному залу.

— Как ты только что видел, сегодня здесь преследуются двоякие цели, — добродушно поучала графиня. — Политические — стариков и матримониальные — старух. Мужчины

воображают, что их цели — единственные, но это всего лишь эгоистическое заблуждение. Вся система форства основана на женских играх. Старики в правительственных кабинетах тратят жизнь на споры за или против финансирования той или иной инопланетной военной технологии. А тем временем маточный репликатор проходит мимо их внимания, и они даже не сознают того, что спор, который коренным образом изменит будущее Барраяра, ведется сейчас их женами и дочерьми. Использовать или не использовать? Слишком поздно не пускать репликатор на планету — он уже здесь. Средний класс вовсю им пользуется. Каждая мать, которая любит свою дочь, настаивает на этом, чтобы уберечь ее от физических опасностей, связанных с биологическим деторождением. Они воюют не со стариками, которые вообще ничего не замечают, а со старой гвардией своих же сестер, заявляющих своим дочерям примерно следующее: «Нам пришлось пострадать, так что извольте и вы!» Оглянись вокруг Марк! Перед тобой — последнее поколение мужчин и женщин Барраяра, которые танцуют этот танец по-старому. Система форства вот-вот изменится там, где меньше всего ожидает перемены, — в самой своей основе. Пройдет еще половина жизни поколения — и ее будет не узнать!

Марк почти готов был поклясться, что под спокойным ученым тоном графини скрывается яростно-мстительная радость. Но лицо ее оставалось все таким же бесстрастным.

К ним подошел молодой человек в капитанском мундире — его приветственный кивок равно предназначался графине и Марку.

— Главный церемониймейстер просит вашего присутствия, милорд, — пробормотал он. Казалось, и эта фраза была адресована в пространство между ними. — Сюда, пожалуйста.

Покинув длинную приемную, они поднялись вверх по белой мраморной лестнице, украшенной богатой резьбой, а потом прошли по коридору в комнату ожидания, где уже находилось человек шесть графов или их представителей. За широкой аркой виден был Грегор в окружении небольшой группы людей, главным образом в красно-синем, но человека три были в темных министерских мантиях.

Император сидел на простой складной табуретке — даже не на стуле.

— Я почему-то ожидал увидеть трон, — прошептал Марк.

— Это символ, — тоже шепотом объяснила она. — Как и большинство символов, достался ему по наследству. Это — обычная складная офицерская походная табуретка.

Тут Марку пришлось расстаться с графиней: церемониймейстер увел его на положенное место в очереди. Место Форкосиганов. «Вот оно!» На мгновение он почувствовал неописуемый ужас: ему вдруг показалось, что он потерял мешочек с золотом... Но нет, вот он: по-прежнему надежно привя-

зан к поясу. Вспотевшими пальцами он неловко отвязал шелковые шнурки.

«Это просто глупая церемония. Почему я так нервничаю?»

Так, повернуться, пройти вперед... Его сосредоточенность чуть было не нарушил раздавшийся за спиной шепот:

— Господи, Форкосиганы все-таки посмели!..

Так, еще шаг, приветствие, преклонить левое колено... Он протянул мешочек на раскрытой ладони правой руки и пробормотал положенные официальные формулы, чувствуя себя, словно под плазмотронным огнем взглядов собравшихся. Только потом он поднял глаза, чтобы встретиться взглядом с императором.

Грегор улыбнулся, взял мешочек и произнес столь же официальную формулу. Потом он передал кошель министру финансов в черной бархатной мантии и жестом велел министру отойти.

— Итак, вы здесь, лорд Форкосиган, — негромко произнес Грегор.

— Только лорд Марк! — поспешно взмолился Марк. — Я не лорд Форкосиган, пока Майлз не... не... — Ему вспомнилась обжигающая фраза графини: — Не истлел. Это ничего не значит. Граф с графиней этого хотели. Мне казалось, сейчас не время спорить.

— Это так. — Грегор печально улыбнулся. — Спасибо вам. А как вы сами поживаете?

Грегор был первым человеком, который спросил о нем самом, а не о графе. Марк изумленно моргнул. Но, конечно, Грегор может хоть каждый час требовать информацию о состоянии своего премьер-министра.

— Наверное, неплохо. — Он пожал плечами. — По крайней мере по сравнению со всеми остальными.

— Гм-м... Вы не воспользовались вашей карточкой. — В ответ на озадаченный взгляд Марка Грегор мягко пояснил: — Я дал ее вам не в качестве сувенира.

— Я... я не оказал вам никаких услуг, которые позволили бы мне чего-то у вас просить, сэр.

— Ваша семья заслужила практически неограниченный кредит. Вы можете им воспользоваться.

— Я ни о чем не просил.

— Знаю. Благородно, но глупо. Возможно, вы еще здесь приживетесь.

— Мне не нужны поблажки.

— Новое дело часто начинают, взяв в долг. А потом выплачивают — с процентами.

— Я уже один раз попробовал, — горько проговорил Марк. — Я взял взаймы дендарийских наемников — и потерпел крах.

— Гм-м... — Грегор еще раз улыбнулся и посмотрел за спину Марка — на толпу, несомненно, переполнив-

шую комнату ожидания. — Мы еще поговорим. Приятного аппетита.

И его кивок превратился в императорский приказ удалиться.

Марк с трудом поднялся, отвесил положенный поклон и ушел туда, где его дожидалась графиня.

ГЛАВА 16

По завершении долгой и скучной церемонии выплаты налогов прислуга дворца подала обед на тысячу персон в семи залах — присутствующие занимали места в соответствии с рангом. Марк обнаружил, что сидит за столом чуть пониже главного, за которым сидел Грегор. Вино и замысловато приготовленные яства послужили отличным предлогом воздержаться от общения с соседями. Он старался пить и жевать как можно медленнее и все равно почувствовал, что опять переел, и голова уже кружилась от алкоголя. Присмотревшись, он заметил, что графиня при каждом тосте только пригубливает рюмку, и взял на вооружение ее стратегию. Жаль, он не заметил раньше, но по крайней мере ему удалось встать, а не выползти из-за стола, и стены кружились не слишком быстро.

«Могло быть и хуже. Например, выдержать все это, делая вид, что я — Майлз Форкосиган».

Графиня отвела его в бальный зал с причудливым паркетным узором: все было готово к началу танцев, но никто не танцевал. Оркестр из живых исполнителей — одни мужчины, и все в военных мундирах — расположился в углу. Сейчас играли всего человек пять какую-то камерную музыку. Высокие двери были открыты прохладному ночному воздуху галереи. Марк про себя отметил дверь, как возможный путь к отступлению. Сейчас было бы невероятно оказаться одному, в темноте. Он даже начал скучать по своей каюте на борту «Перегрина».

— Вы танцуете? — спросил он у графини.

— Сегодня только один танец.

Ее слова вскоре стали понятны: появился император Грегор и с неизменной серьезной улыбкой вывел графиню, чтобы открыть бал. Когда мелодия повторилась, к ним присоединились и другие пары. Танцы форов были в основном чинные, торжественные: пары располагались группами, а не каждая поодиночке, и совершали множество сложных и очень труднозапоминаемых движений. Марк решил, что это очень соответствует здешнему образу жизни.

Оказавшись в одиночестве, Марк поспешно сбежал в соседнюю комнату, где музыка была не так слышна. Здесь

он обнаружил столы с новыми закусками и бокалами. На мгновение он подумал, как хорошо было бы воспользоваться анестезирующими свойствами алкоголя. Зыбкое забвение...

«Ага, конечно. Публично напиться и устроить скандал». Графине сейчас только этого не хватает. Он и так уже много натворил.

Марк забился в оконную нишу. Похоже, этого оказалось достаточно, чтобы туда больше никто не совался. Прислонившись к стене и скрестив руки, он приготовился стойко ждать. Может, удастся уговорить графиню уехать пораньше, после первого танца. Но, похоже, она тут всех обрабатывает. Несмотря на кажущуюся веселость и общительность, он от нее сегодня не слышал ни единого слова, сказанного просто так, без всякой цели. Подобное самообладание, пожалуй, даже пугало.

Его настроение стало еще более мрачным, когда он задумывался о том, что означает та пустая криокамера. Графиня как-то сказала, что Служба безопасности не может быть везде. Черт побери! Считается, что Служба безопасности все знает и все видит! Именно это и значат мрачные нашивки с недремным оком на воротнике у Иллиана. Так, значит, репутация Службы безопасности — всего лишь пропагандистский трюк?

Одно несомненно. Сам Майлз из той криокамеры вылезти не мог. Интересно, он уже истлел и рассыпался в прах или все еще заморожен? Но ведь где-то же должен существовать свидетель, или свидетели. Нить, веревочка, цепочка, связь, дорожка из кровавых хлебных крошек — хоть что-то! Что-то должно быть!

— Лорд Марк? — услышал он оживленный голос.

Марк перестал мрачно разглядывать носки своих ботинок и поднял взгляд, который уперся в дивное декольте, обрамленное малиновым шелком с белым кружевом. Нежная линия плеч, гладкие женственные формы, безупречная кожа — можно подумать, что это абстрактная скульптура, перевернутое топологическое изображение. Он вдруг вообразил, что уменьшился до размеров насекомого и шагает по этим мягким холмам и долинам босиком...

— Лорд Марк? — неуверенно спросила она.

Он поднял голову, надеясь, что в полумраке не так заметна невольная краска смущения, и сумел, как требует вежливость, посмотреть ей в глаза.

«Я не виноват, что такой низенький. Извините».

На лицо смотреть было не менее приятно: ярко-синие глаза, изящные губки. Головку окружал ореол пепельно-русых кудряшек. В соответствии с обычаем в них были вплетены крошечные розовые цветы, принесенные в жертву ее великолепию. Но волосы оказались слишком короткими, и несколько цветочков вот-вот могли упасть.

— Да? — ответ прозвучал слишком резко. Неприветливо. Он попробовал загладить такое впечатление, добавив: — Леди?..

— О, — улыбнулась она. — Я вовсе не леди. Я — Карин Куделка.

Он нахмурился, припоминая:

— Вы — не родня капитану Клементу Куделке?

Это имя одного из главных офицеров, работающих с графом Эйрелом Форкосиганом, было включено в список Галена в качестве одной из жертв, буде предоставится возможность.

— Это мой отец, — с гордостью ответила она.

— О!.. Он здесь? — нервно спросил Марк.

Ее улыбка погасла.

— Нет. Ему в последнюю минуту пришлось уйти в Главный штаб.

— А!

Ну конечно. Было бы поучительно составить список тех, кто должен был сегодня прийти сюда, но не пришел из-за болезни премьер-министра. Будь Марк действительно вражеским агентом, как и предполагалось, то смог бы легко вычислить ключевые фигуры из окружения Эйрела Форкосигана, и такая информация была бы более ценной, чем любая другая.

— Вы и правда совсем не похожи на Майлза, — сказала она, критически оглядывая его. Он весь напрягся, но все же удержался и не стал втягивать живот. — У вас кости шире. Здорово было бы посмотреть на вас вместе. Он скоро вернется?

«Она не знает. Не знает, что Майлз мертв, не знает, что это я его убил».

— Нет, вряд ли, — пробормотал он, а потом по-мазохистски спросил: — Вы тоже были в него влюблены?

— Я? — рассмеялась она. — Не имела возможности. У меня три старшие сестры, и все — выше меня. Они меня называют карлицей.

Его макушка находилась где-то на уровне ее плеча, что значило, что у нее обычный для барраярки рост. Ее сестры, видимо, были амазонками, как раз во вкусе Майлза. Аромат ее цветов — или ее кожи — укачивал его на легких, нежных волнах.

У Марка отчаянно сжалось сердце.

Она держалась дружелюбно, открыто, улыбчиво — только потому, что не знала, что он совершил. А если он соврет, если попробует, если вдруг, вопреки всему он, как в самых пьяных грезах Айвена, пойдет прогуляться с этой девушкой и она пригласит его в поход по горам — что тогда? Насколько занимательно ей будет наблюдать, как он задохнется до полусмерти во всем великолепии своей нагой импотенции? Безнадежность, бессилие, беспросветность... От одного только предчувствия боли и унижения у него потемнело в глазах.

— Ах, уходите, ради Бога, — простонал он.

Синие глаза изумленно распахнулись.

— Пим предупреждал меня, что вы — бука... Ну, ладно...

Она пожала плечами и отвернулась, гордо вскинув голову.

Несколько крошечных розовых цветочков выскользнули и упали на пол. Марк судорожно подхватил их.

— Постойте!

Она обернулась, все еще хмурясь:

— Что?

— Вы потеряли цветы.

Он протянул их ей на сложенных лодочкой ладонях — расплющенные розовые комочки — и попытался улыбнуться. Улыбка, наверное, получилась такая же помятая, как цветы.

— О!

Она забрала их у него — длинные уверенные пальцы, короткие ненакрашенные ногти... вовсе не руки бездельницы, — посмотрела на цветы с некоторой растерянностью, словно не знала толком, как их закрепить обратно. В конце концов бесцеремонно продела их в кудряшки на макушке, совсем не так, как остальные, и еще более ненадежно, чем раньше.

«Говори хоть что-нибудь, иначе упустишь свой шанс!»

— У вас волосы короткие, не то что у остальных, — выпалил он. О, Господи, она решит, что это критика!..

— У меня нет времени с ними возиться.

Ее пальцы бессознательно зарылись в волосы, разбросав новую порцию цветов.

— А на что уходит ваше время?

— Главным образом на учебу. — Ее лицо понемногу оживилось. — Графиня Форкосиган обещала, что, если у меня результаты будут не хуже, чем сейчас, она на следующий год отправит меня учиться на Колонию Бета! — Блеск ее глаз по остроте уже мог бы сравняться с лазерным скальпелем. — И я это могу! Я всем докажу. Если Майлз делает то, что он делает, то и я смогу своего добиться!

— А что вам известно о том, что делает Майлз? — спросил он, встревожившись.

— Ну, он же прошел через Военную академию, так? — Она вдохновенно подняла голову. — А все говорили, что он слишком хлипкий и болезненный, что все это впустую, что он просто умрет молодым. А потом, когда он своего добился, все стали говорить, что дело в отцовской протекции. Но он же окончил в числе лучших! Не думаю, чтобы его отец имел какое-то отношение и к этому.

Она уверенно кивнула, удовлетворенная своими аргументами.

«Но насчет ранней смерти они не ошиблись».

Ей явно ничего не известно о личной армии Майлза.

— А сколько вам лет? — спросил он.

— Восемнадцать.

— А мне... э-э... двадцать два.

— Знаю. — Она вгляделась в него с интересом, но не без опаски. А потом в ее глазах вдруг вспыхнуло понимание, и она понизила голос: — Вы очень тревожитесь о графе Эйреле, да?

В высшей степени милосердное истолкование его грубости.

— Граф — мой отец. — Фраза вышла по-майлзовски короткой. — Не считая прочего.

— Вы уже нашли здесь друзей?

— Мне... трудно сказать. — Айвен? Грегор? Его мать? Можно ли кого-то из них назвать его другом? — Я был слишком занят тем, что находил родственников. Родственников у меня прежде не было.

Ее брови изумленно поднялись.

— И друзей тоже?

— Да. — Странно это осознавать — странно и слишком поздно. — Не могу сказать, что мне не хватало друзей. У меня всегда были более насущные проблемы.

«И сейчас есть».

— У Майлза всегда была куча друзей.

— Я не Майлз, — огрызнулся Марк, задетый за живое. Нет, она не виновата — у него чуть ли не любое место больное.

— Это я вижу... — Она помолчала, слушая, как в бальном зале начинают играть новый танец. — Хотите потанцевать?

— Я ваших танцев не знаю.

— Это танец отражений. Его может танцевать любой, он нетрудный. Надо просто повторять все, что делает партнер.

Он оглянулся назад и вспомнил о высоких дверях, выходящих на променад.

— Может... может, на улице?

— Почему? Вы не сможете меня видеть.

— Но и меня тоже никто не сможет увидеть. — Тут к нему пришло новое подозрение: — Это моя мать вас попросила?

— Нет...

— Леди Форпартил?

— Нет! — Она засмеялась. — С чего им вдруг меня просить? Пошли, а то танец кончится! — Она схватила его за руку и решительно потащила за собой, рассыпав еще несколько цветов. Он подхватил пару бутонов и тайком спрятал в карман.

«Помогите, меня похищает энтузиастка!»

Можно себе представить ситуацию и похуже. Он натянуто улыбнулся.

— Вам не противно танцевать с жабой?

— Что?!

— Айвен сказал...

— А, Айвен! — Она равнодушно пожала белым плечиком. — Не обращайте на Айвена внимания, мы все так делаем.

«Леди Кассия, вы отомщены».

Марк еще немного повеселел, дойдя до средней степени мрачности.

Танец отражений был таким, как она обещала: пары стояли друг напротив друга, приседая, покачиваясь и ступая в такт музыке. Темп был побыстрее — не такой торжественный, как в парадных танцах, и к старшим присоединилось немало молодежи.

Чувствуя себя нелепым, Марк вышел за Карин и начал повторять ее движения, отставая примерно на полтакта. Как она и обещала, уже секунд через пятнадцать у него стало получаться. Он начал немного улыбаться. Пары постарше были совершенно серьезны и элегантны, но кое-кто из молодежи позволял себе больше вольностей. Один юный фор решил подразнить свою даму и на секунду приставил палец к носу. Она нарушила правила и не повторила его движения, но он великолепно передразнил возмущенное выражение ее лица. Марк рассмеялся.

— Ты совсем другой, когда смеешься! — Карин удивленно наклонила голову.

Он повторил наклон ее головы:

— В чем другой?

— Не знаю... Не такой... траурный. Когда ты прятался там, в углу, у тебя был такой вид, словно ты потерял лучшего друга.

«Если бы ты только знала!»

Карин покружилась — он тоже покружился. Он отвесил ей преувеличенный поклон с удивленным, но довольным видом, она отвесила ему такой же. Зрелище при этом открылось великолепное.

— Мне просто необходимо снова вас рассмешить, — твердо решила она и совершенно серьезно пересказала ему подряд три неприличных анекдота. Кончилось тем, что он расхохотался главным образом из-за того, насколько они не соответствовали ее девическому облику.

— Где ты этого нахваталась?

— Естественно, от старших сестер, — пожала она плечиками.

Когда танец закончился, он искренне об этом пожалел. На этот раз инициативу захватил он и увел ее обратно в соседнюю комнату чего-нибудь выпить, а оттуда — на променад. После того как его сосредоточенность на танце прошла, он смущенно заметил, сколько народу на него смотрит, — и на этот раз дело не в мании преследования. Они слишком заметная пара: прекрасная Карин и жаба-Форкосиган.

На улице оказалось не так темно, как он надеялся. Из окон дворца вырывались потоки света, а туман рассеивал свет множества разноцветных фонариков в саду. Под каменной балюстрадой уходил склон, заросший почти по-лесному старыми кустарниками и деревьями. Серпантином спускались вымощенные каменными плитами дорожки, гранитные скамейки будто приглашали желающих помедлить. Но ночь выдалась

холодной, и большинство предпочитало оставаться в залах — к счастью.

Обстановка в высшей степени романтическая — совершенно не для него.

«Почему я здесь оказался?»

Какой смысл пробуждать желания, которые он не может утолить? Даже смотреть на нее ему было больно. И все равно он придвинулся чуть ближе. От исходившего от нее аромата кружилась голова, сильнее, чем от вина и танца. Ее разгоревшаяся от движений кожа излучала тепло — в скопе снайпера она сейчас пылала бы факелом. Какая мрачная мысль. Похоже, для него смерть и секс связаны неразрывно. Ему стало страшно.

«Я разрушаю все, к чему прикасаюсь. Я не притронусь к ней».

Он поставил свой бокал на каменный парапет и сунул руки в карманы.

— Лорд Марк, — сказал она, пригубив вино, — вас можно считать гражданином Галактики. Если бы вы женились и собрались иметь детей, вы захотели бы, чтобы ваша жена пользовалась маточным репликатором, или нет?

— А почему супружеская пара может вдруг решить не воспользоваться репликатором? — спросил он, ошеломленный столь неожиданным поворотом.

— Ну, например, чтобы она доказала ему свою любовь.

— Господи, дикость какая! По-моему, это может доказать только обратное — что он ее не любит. — Помолчав, он поинтересовался: — Это ведь был чисто теоретический вопрос?

— Ну... да.

— Я имел в виду — никто из ваших близких не ведет всерьез таких разговоров — например, ваши сестры?

— Нет, мои сестры еще не замужем. Но не из-за отсутствия предложений. Мама и па просто выжидают. Это стратегия.

— О?

— Леди Корделия так им посоветовала, после того как у них родилась вторая дочь. Вскоре после того, как она сюда иммигрировала, наступил период, когда стала распространяться галактическая медицина и можно было принять такую пилюлю, чтобы выбрать пол ребенка. И все на какое-то время с ума посходили. Все заказывали мальчишек. В последнее время соотношение немного выравнялось. Но мы с сестрами пришлись как раз на середину настоящей засухи девочек. Сейчас мужчина, не поставивший в брачном контракте пункт о согласии на использование маточного репликатора, жены себе не найдет. Свахи даже не станут им заниматься. — Она хихикнула. — Леди Корделия сказала маме, что если она правильно разыграет свои карты, то все ее внуки могут иметь перед своим именем «Фор».

— Ясно, — изумленно моргнул Марк. — Ваши родители об этом мечтают?

— Вовсе нет, — пожала плечами Карин. — Но при прочих равных это — преимущество.

— Это... приятно знать... наверное. — Он посмотрел на бокал, но пить не стал.

Из бального зала вышел Айвен, увидел их и приветливо махнул, но прошел дальше. В руке у него был не бокал, а целая бутылка, и прежде чем направиться по дорожке в сад, он затравленно оглянулся.

Тут Марк отхлебнул вина:

— Карин... а я приемлем?

— Приемлем для чего? — Наклонив голову, она улыбнулась.

— Для... для женщин. То есть — посмотри на меня! Прямо. Я действительно похож на жабу. Весь искорежен, и если в ближайшее время ничего не предприму, то стану поперек себя шире. И сверх того — я еще и клон!

Не говоря уж о проблеме с дыханием. Приняв все во внимание, вполне логично прямо сейчас броситься с парапета вниз головой.

— Ну, все это верно, — рассудительно ответила она.

«Черт побери, ты бы хоть из вежливости возразила!»

— Но ты же — клон Майлза. Значит, и мозги у тебя его.

— А мозги компенсируют все остальное? С точки зрения женщины?

— Не любой женщины. Только неглупой.

— Ты — неглупая.

— Да, но с моей стороны было бы нахальством так говорить. — Она ухмыльнулась и взъерошила свои кудряшки.

«И как это понимать?»

— Может, у меня и нет мозгов Майлза, — мрачно проговорил он. — Может, джексонианские врачи мне их притупили, чтобы я был послушным. Этим можно объяснить очень многое в моей жизни.

Вот еще одна неприятная идея, которая будет его преследовать.

Карин снова хихикнула:

— Не думаю, Марк.

Он иронично улыбнулся:

— Прямо. Без пощады.

— А теперь ты говоришь совсем как Майлз!

Из бального зала вынырнула молодая женщина в чем-то голубовато-шелковистом. Она была по-спортивному подтянута, ослепительно белокура и почти так же высока, как Айвен.

— Карин! — Она помахала рукой. — Мама хочет, чтобы мы все подошли к ней!

— Сейчас, Делия? — спросила Карин с явной досадой.

— Да. — Делия посмотрела на Марка с пугающим интересом, но, повинуясь дочернему долгу, ушла обратно.

Карин вздохнула, сняла руки с парапета, неловким жестом оправила платье и прощально улыбнулась.

— Очень приятно было познакомиться, лорд Марк.

— Я с большим удовольствием с вами разговаривал. И танцевал.

И это было правдой. Он помахал рукой нарочито небрежно, и она исчезла в теплом свете дворца. Убедившись, что она скрылась, он опустился на колени, тайком подобрал розовые цветочки и убрал в карман.

«Она улыбнулась мне. Не Майлзу. Не адмиралу Нейсмиту. Мне самому. Марку».

Вот как все могло быть, если бы не фиаско в истории с клонами.

Теперь, оставшись один в темноте, он вдруг обнаружил, что на самом деле ему этого не так уж и хотелось. Он решил разыскать Айвена и направился следом за ним по садовой дорожке. К несчастью, дорожка разветвлялась. Он проходил мимо уединившихся парочек и несколько более солидных мужчин и женщин, которые зашли сюда просто спокойно поговорить или проветриться. Куда направился Айвен? Очевидно, не сюда — небольшой круглый балкончик оказался тупиком. Марк повернул обратно.

Кто-то шел за ним следом: высокий мужчина в красно-синем. Лица в темноте не видно.

— Айвен? — неуверенно проговорил Марк. Почему-то он был почти уверен, что это не Айвен.

— Так это ты форкосигановский клоун.

Голос не Айвена. Подвывание на слове «клон» подчеркнуло намеренность оскорбления.

Марк не шевельнулся.

— Тут ты не ошибся, — прорычал он. — А ты кто в этом цирке: дрессированный медведь?

— Я — фор.

— Это видно по низкому лбу и крохотному черепу. Что за фор?

Он чувствовал, что у него щетинятся волосы на затылке. В последний раз такое тошнотворное возбуждение он испытывал в тупике караван-сарая. Сердце забилось быстрее.

«Но он пока не угрожал — и он один. Подожди».

— Инопланетник. Ты понятия не имеешь о том, что такое честь фора! — проскрежетал незнакомец.

— Совершенно верно, — жизнерадостно согласился Марк. — По-моему, вы все сумасшедшие.

— Ты — не солдат.

— Опять-таки верно. Ну до чего мы сегодня сообразительные! Меня обучали исключительно убийствам. Смерть в темноте — моя специальность.

Он начал мысленно отсчитывать секунды.

Двинувшийся было вперед противник вдруг отступил.

— Это точно, — прошипел он. — И времени ты зря не терял — уже обеспечил себе графство. Не слишком тонко для профессионального убийцы.

— А я — человек не тонкий.

Марк постарался собраться, но не двигаться. Никаких неожиданных жестов. Продолжай блефовать.

— Вот что я тебе скажу, маленький клоун, — говорящий опять так же оскорбительно перековеркал это слово, — если Эйрел Форкосиган умрет, ты на его место не встанешь!

— Ну, и тут ты снова прав, — промурлыкал Марк. — Только что это ты так раскипятился, зануда-фор?

«Вот черт. Он знает, что Майлз погиб. Откуда? Он из Службы безопасности?» Но насколько Марку удалось рассмотреть, в петлицах незнакомца не было Недремного ока — только знаки какого-то корабля. Судя по всему, с действительной. — А какое тебе дело до лишнего трутня, проживающего на фамильную стипендию в Форбарр-Султане? Сегодня я видел их тут целые стада — лакали на дармовщинку.

— Нахальничаешь.

— Пораскинь мозгами. — У Марка почти иссякло терпение. — Здесь ты никаких смертельных угроз не осуществишь. Это поставило бы Службу безопасности в неловкое положение. Не думаю, чтобы тебе хотелось раздражать Саймона Иллиана, кто бы ты ни был.

Он продолжал свой отсчет.

— Не знаю, какая у тебя, по-твоему, есть зацепка в Службе безопасности... — яростно начал неизвестный, но его прервали. Улыбающийся слуга в дворцовой ливрее показался на дорожке с подносом, уставленным бокалами. Очень рослый молодой человек.

— Не желаете ли выпить, джентльмены? — предложил он.

Безымянный фор бросил на него взбешенный взгляд:

— Нет, спасибо.

Резко повернувшись, он зашагал прочь. Ветви кустов закачались, стряхивая капли росы.

— А я выпью, спасибо! — весело отозвался Марк. С легким поклоном слуга подал ему поднос. Ради своего многострадального желудка Марк выбрал бокал с тем же легким вином, что он пил почти весь вечер. — Восемьдесят пять секунд. Время никудышное. Он мог бы три раза меня прикончить, а вы вмешались как раз в тот момент, когда разговор стал наконец интересным. Как вам удается отслеживать такие ситуации? Не

может быть, чтобы за следящими устройствами дежурило столько народу, что прослушивали бы каждый разговор. Автоматический поиск ключевых слов?

— Канапе, сэр? — слуга невозмутимо повернул поднос другой стороной.

— Опять-таки благодарю вас. Кто был гордый фор?

Слуга взглянул на опустевшую дорожку:

— Капитан Эдвин Форвента. Он в увольнении, пока его корабль ремонтируется в орбитальных доках.

— Он не в Службе безопасности?

— Нет, милорд.

— Да? Ну, скажите своему начальнику, что я хотел бы переговорить с ним, как только у него будет возможность.

— Это будет лорд Фораронберг, управляющий кухней и погребами.

Марк ухмыльнулся:

— Ага, как же. Уходите, я и так уже пьян.

— Слушаю, милорд.

— До утра. А! Еще одно. Вы случайно не знаете, где я сейчас могу найти Айвена Форпатрила?

Молодой человек рассеянно посмотрел через край баллюстрады, словно к чему-то прислушивался, хотя никакого наушника у него заметно не было.

— В конце следующей тропинки, отходящей налево, около фонтана есть беседка. Попробуйте поискать его там.

— Спасибо.

Марк пошел по прохладному ночному туману в указанном направлении. Скоро до него донесся плеск фонтана. Около него стояло крошечное каменное строение: никаких стен, одни только арки.

В этом уголке сада было так тихо, что до него донеслось дыхание человека, находившегося в беседке. Только одного человека: слава Богу, он не уменьшит своей и без того минимальной популярности, прервав свидание. Но дыхание было странно хриплым.

— Айвен?

Наступило продолжительное молчание. Марк уже пытался решить, окликнуть ли Айвена снова или уйти на цыпочках, когда кузен неприветливо пробурчал:

— Чего?

— Я... просто не знал, что ты делаешь.

— Ничего.

— Прячешься от своей матери?

— Угу.

— Я... э-э... не скажу ей, где ты.

— Весьма признателен, — кисло ответил тот.

— Ну... пока. — Он повернулся, собираясь уйти.

— Погоди.

Марк остановился, недоумевая.

— Выпить хочешь? — предложил Айвен после длинной паузы.

— Э-э... конечно.

— Ну, заходи.

Марк нырнул в беседку и остановился, чтобы глаза привыкли к темноте. Обычная каменная скамья, на ней сидит Айвен. Кузен протянул блеснувшую бутылку, и Марк долил свой бокал, запоздало обнаружив, что Айвен пьет не вино, а что-то вроде бренди. Коктейль оказался довольно мерзким. Он уселся на пол, прислонившись к каменной колонне, и поставил бокал рядом с собой. Айвен обошелся без такой формальности, как бокал.

— А ты доберешься до своей машины? — с сомнением спросил Марк.

— А зачем? Дворцовая прислуга вывезет меня утром, вместе с остальным мусором.

— О! — Глаза привыкли к темноте, и Марк разглядел сверкающее шитье на мундире Айвена и начищенные до блеска сапоги. Отблески света от его глаз. И блеск влажных дорожек на щеках. — Айвен, ты... в порядке?

— Я, — твердо заявил Айвен, — решил напиться.

— Вижу. А почему?

— Никогда не напивался в день рождения императора. Это популярный подвиг. Все равно что кого-нибудь трахнуть в дворцовом саду.

— Неужели кто-то это делает?

— Иногда. На спор.

— До чего забавно для Службы безопасности.

Айвен насмешливо фыркнул:

— Да, это есть.

— Так с кем ты поспорил?

— Ни с кем.

Марк почувствовал, что у него скоро закончатся пытливые вопросы, чего не скажешь об односложных ответах Айвена.

Но тут Айвен вдруг сказал из темноты:

— Мы с Майлзом почти каждый год бывали тут вместе. Я... удивился, до чего мне не хватает безжалостных комментариев этого паскудника. Он вечно меня смешил.

Айвен засмеялся. Звук получился странный и совершенно неубедительный. Он тут же замолчал.

— Тебе сказали, что нашли криокамеру, да? — догадался Марк.

— Угу.

— Когда?

— Несколько дней назад. Я с тех пор все время об этом думаю. Плохо.

— Да. — Марк замолчал. Айвена трясло. — Хочешь... вернуться домой и лечь спать?

— Мне теперь в гору не подняться. — Айвен пожал плечами.

— Я дам тебе руку. Или подставлю плечо.

— Ладно.

Не без труда он поднял Айвена на ноги и они начали пробираться вверх по крутому склону сада. Марк не знал, какой милосердный ангел из Службы безопасности занимался передачей вестей, но у дворца их встретила не мать Айвена, а его тетка.

— Он... э-э... — Марк не знал, что говорят в таких случаях. Айвен тупо озирался.

— Вижу, — ответила графиня.

— Мы можем дать телохранителя, чтобы отвезти его домой. — Айвен бессильно обвис, и у Марка подогнулись колени. — Лучше даже двух.

— Да... — Графиня прикоснулась к красивой булавке с коммом, приколотой к лифу. — Пим?

Избавившись от Айвена, Марк облегченно вздохнул. Облегчение переросло в благодарность, когда графиня заметила, что им тоже пора уезжать. Через несколько минут Пим привел машину графа к выходу, и испытание закончилось.

Ради разнообразия графиня по дороге домой почти все время молчала, измученно откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза. Она не задала ни одного вопроса.

В вымощенным черно-белыми плитками вестибюле графиня отдала служанке накидку и направилась налево, в библиотеку.

— Извини, Марк. Я буду звонить в госпиталь.

У нее был такой усталый вид!

— Но вам наверняка сообщили бы, сударыня, если бы в состоянии графа произошли какие-то изменения.

— Я буду звонить в госпиталь, — бесстрастно повторила она. — Иди спать, Марк.

Он остановился у двери в свою комнату. Уже глубокая ночь. Коридор пуст. Тишина огромного дома навалилась на него. Внезапно он повернулся и прошел дальше, к комнате Майлза. У двери он снова остановился. За все недели, проведенные на Барраяре, он ни разу не осмелился сюда войти. Его не приглашали. Он нерешительно повернул старинную ручку. Дверь оказалась не заперта.

Он нерешительно вошел и включил свет. Спальня была просторной, если учесть причудливую архитектуру. Соседнюю комнатку, где в прежние времена спал камердинер, давно превратили в ванную. На первый взгляд комната казалась чуть ли не разоренной — такая она была пустая, аккуратная и чистая. Видимо, все детское барахло было сложено в коробки и отправлено на чердак в очередном припадке взрослости. Марк подозревал, что чердаки резиденции Форкосиганов могут оказаться совершенно потрясающими.

И все же следы владельца остались. Он медленно прошел по комнате, спрятав руки в карманы, словно посетитель музея.

Естественно, большая часть оставшихся сувениров говорила об успехах. Диплом Военной академии и офицерский патент были вполне ожидаемыми, хоть и непонятно, почему между ними под стеклом повешен потрепанный устав метеорологической службы. Витрина со старыми призами по конному спорту, похоже, скоро тоже отправится на чердак. Половина стены была отведена под громадную коллекцию книжных дисков и видео, тысячи названий. Сколько из них Майлз на самом деле прочел? Любопытствуя, он снял со стены считывающее устройство и проверил в нем наугад три диска. У каждого на полях оказалось хотя бы несколько заметок или переводов трудных слов — следы Майлза. Марк бросил проверку и пошел дальше.

Один предмет был ему знаком лично: старинный кинжал, унаследованный Майлзом от генерала Петера. Марк решился снять его со стены и проверить остроту клинка и удобство рукояти. И когда же за последние два года Майлз перестал таскать его с собой? Он осторожно вложил кинжал в ножны и вернул на полку.

Одно из стенных украшений было ироничным, личностным и очевидным: старый экзоскелет для ноги, перекрещенный, на музейный манер, с форской шпагой. Наполовину шутка, наполовину вызов. И то и другое устарело. Дешевая фотонная репродукция страницы из старинной книги помещена в немыслимо дорогостоящую серебряную рамку. Без контекста отрывок трудно было понять, но, похоже, какая-то допереходная религиозная чушь: что-то о пилигримах, горе и городе в облаках. Марк толком не разобрал, к чему это: никто никогда не подозревал Майлза в религиозности. Но тем не менее текст был явно ему важен.

«Некоторые из этих сувениров не награды, — понял Марк. — Это — уроки».

На прикроватной тумбочке лежала коробка с альбомом голографических портретов. Марк сел и включил ее. Он ожидал увидеть лицо Элли Куин, но на первом видеопортрете оказался высокий, хмурый и удивительно уродливый мужчина в ливрее дома Форкосиганов. Сержант Ботари, отец Элен. Он стал смотреть дальше. Следующей шла Куин, потом Ботари-Джезек. Родители, конечно. Лошадь Майлза, Айвен, Грегор — а потом целая вереница лиц и фигур. Он стал переключать их все быстрее и быстрее, не опознавая даже трети. После пятидесятого лица он остановился, устало потирая лоб.

«Он не человек, а толпа». Так. Он согнулся, полный боли, спрятав лицо в ладони. «Нет. Я не Майлз».

Комм-пульт Майлза была засекреченным, не хуже того, что у графа в библиотеке. Марк подошел и стал

изучающе осматривать, засунув руки в карманы. Кончики пальцев нащупали смятые цветочки Карин Куделки.

Он вытащил их, разложив на ладони, а потом в припадке отчаяния смял и швырнул на пол. А уже в следующую минуту ползал по ковру, отчаянно подбирая лепестки.

«Кажется, я сошел с ума».

Стоя на коленях на ковре, он разрыдался.

В отличие от бедняги Айвена, его отчаянию никто не мешал, чему он был несказанно рад. Мысленно он извинился перед кузеном, хотя очень вероятно, что наутро Айвен и не вспомнит о его несвоевременном появлении. Он попытался успокоиться. Голова раскалывалась.

Десять минут задержки в медкомплексе Бхарапутры все решили. Успей они на десять минут раньше к катеру, бхарапутряне не смогли бы его взорвать — и будущее стало бы совсем иным. В его жизни было много тысяч десятиминутных интервалов, незаметных и не имевших никаких последствий. Но тех десяти минут хватило, чтобы превратить его из потенциального героя в ненужный хлам. И ничего уже не изменишь.

Может, как раз в этом и заключается дар командира: распознать решающие минуты среди многих и многих минут в ужасающей сумятице боя? Рискнуть всем, чтобы поймать именно эти золотые мгновения? Майлз обладал этим удивительным даром своевременности. И мужчины и женщины следовали за ним и складывали к его ногам свою веру — только за это.

И вот однажды его дар не сработал...

Нет. Он кричал, чтобы они не задерживались. Он совершенно правильно определил момент. Роковым образом его задержали чужие ошибки.

Марк с трудом встал с пола, умыл лицо в ванной, вернулся и сел за комм-пульт. На первый уровень секретности впускал отпечаток ладони. Механизму его ладонь не понравилась: ставшие шире кости и отложения подкожного жира начали сильно искажать отпечаток. Но не полностью, не до конца: с четвертой попытки отпечаток был принят. Следующий уровень требовал кодов, но ему достаточно было и первого: частный, пусть и незашифрованный вызов Службы безопасности.

Механический автоответчик Службы почти мгновенно перебросил его дежурному оператору.

— Мое имя — лорд Марк Форкосиган, — сообщил он ночному дежурному в чине капрала. — Я хочу поговорить с Саймоном Иллианом. Надо полагать, он все еще в императорском дворце.

— Это срочное дело, милорд? — спросил капрал.

— Для меня — да, — прорычал Марк.

Что бы капрал ни думал по этому поводу, он соединил Марка со своим начальством. Правда, сперва Марку

пришлось пробиться еще через два уровня подчиненных. При виде Иллиана Марк судорожно сглотнул:

— Капитан Иллиан.

— Да, лорд Марк, в чем дело? — устало осведомился Иллиан. Для Службы безопасности ночь явно выдалась нелегкой.

— Сегодня вечером у меня состоялся интересный разговор с неким капитаном Форвентой.

— Я в курсе. Ты высказал несколько не слишком завуалированных угроз.

А Марк-то решил, что слугу-охранника прислали, чтобы защитить его!

— И у меня возник вопрос к вам, сэр. Капитан Форвента находится в списке тех, кто может знать о Майлзе?

Иллиан прищурился:

— Нет.

— Ну, а он знает.

— Это... очень интересно.

— Вам полезно это знать?

Иллиан вздохнул:

— У меня теперь одной тревогой больше. Откуда произошла утечка? Придется выяснять.

— Но... лучше знать.

— О, да.

— Могу ли я попросить об одолжении?

— Возможно. — Ответ прозвучал чрезвычайно уклончиво. — Что за одолжение?

— Включите меня. В розыск Майлза. Наверное, я хотел бы начать с просмотра ваших результатов. Что потом — не знаю. Но я больше не могу находиться в неведении.

Иллиан посмотрел на него с глубоким подозрением.

— Нет, — ответил он наконец, — я не позволю тебе резвиться в моих сверхсекретных файлах, спасибо большое. Спокойной ночи, лорд Марк.

— Постойте, сэр! Вы же жаловались на нехватку людей. Вы не можете отказать добровольцу.

— И что, по-твоему, ты сделаешь такого, чего не сделала Служба безопасности? — огрызнулся Иллиан.

— В том-то и суть, сэр, не сделала! Вы не нашли Майлза. Меньшего не сделать даже мне.

Увидев, как лицо Иллиана темнеет от гнева, Марк понял, что говорит не слишком дипломатично.

— Спокойной ночи, лорд Марк, — процедил Иллиан сквозь зубы и резко прервал связь.

Марк замер. В доме было так тихо, что казалось, он слышит пульсирование крови в висках. Следовало бы напомнить Иллиану, как умно он себя вел, как быстро все схватил: Форвента показал все, что знает, но сам Марк не признал,

что знает то, о чем знает Форвента. Теперь расследование Иллиана может застать доносчика — кто бы он ни был — врасплох.

«Разве это ничего не стоит? Я не так глуп, как все вы думаете. А ты, Иллиан, не так умен, как я думал. Ты не... непогрешим».

Это его встревожило. Почему-то он ожидал, что Служба безопасности не имеет недостатков: это давало надежную картину мира. И Майлз непогрешим. И граф с графиней. Все — непогрешимы, недоступны смерти. Все — из резины. Единственная реальная боль — его собственная.

Он вспомнил, как плакал Айвен в темноте. Как в лесу умирал граф. Маска графини была более надежной. Вынужденно. Ей приходится прятать гораздо больше. А сам Майлз... он создал даже целую личность, чтобы прятаться в ней...

Загвоздка в том, решил Марк, что он в одиночку пытался быть Майлзом Форкосиганом. Даже сам Майлз не пытался так быть Майлзом. Он набрал себе целую труппу. Труппу из тысяч людей.

«Неудивительно, что мне за ним не угнаться».

Медленно, нерешительно Марк расстегнул китель и, достав из внутреннего кармана карточку Грегора, выложил ее на пульт. Он пристально всмотрелся в гладкий кусочек пластика, словно на нем было шифрованное послание, доступное только ему одному. И ему даже показалось, что так оно и есть.

«Ты знал. Ты знал это, да, Грегор? Подонок! Ты просто ждал, когда я сам до этого додумаюсь».

С судорожной решимостью Марк засунул карточку в щель комм-устройства.

На этот раз никаких автоответчиков. Мужчина в гражданском ответил сразу же, но не называя себя:

— Да?

— Я — лорд Марк Форкосиган. Я должен быть у вас в списке. Мне надо поговорить с Грегором.

— Прямо сейчас, милорд? — мягко спросил мужчина, протягивая руку к каким-то кнопкам.

— Да. Сейчас. Пожалуйста.

— Соединяю. — И он исчез.

Пластина осталась темной, но из усилителя послышалась мелодичная трель. Она не смолкала довольно долго. Марк начал паниковать. А что если... Но трель оборвалась. Послышались непонятное звяканье и невнятный голос Грегора:

— Да?

Никакого изображения.

— Это я. Марк Форкосиган. Лорд Марк.

— Угу?

— Вы разрешили вам позвонить.

— Да, но... — Короткая пауза. — Черт, в пять утра! Марк!

— О! Вы спали? — отчаянно вскрикнул он, подался вперед и легонько ударился головой о твердый прохладный пластик пульта.

«Я не вовремя. Как всегда».

— Боже, вы это сказали совсем как Майлз, — пробормотал император. Пластина заработала и появилось изображение Грегора, включившего свет. Он находился в полутемной спальне и был только в просторных черных шелковых пижамных брюках. Он всмотрелся в Марка, словно проверяя, не говорит ли он с призраком. Император сделал глубокий вдох и прогнал сон. — Что вам нужно?

Какая милая лаконичность. Если отвечать подробно, то не хватит и шести часов.

— Мне нужно, чтобы меня включили в розыски Майлза. Иллиан меня не допускает. Вы можете ему приказать.

Грегор на секунду застыл, а потом коротко рассмеялся, приглаживая взлохматившиеся от сна волосы.

— Вы его просили?

— Да. Только что. Он мне отказал.

— Гм-м, да... его обязанность — быть осторожным вместо меня. Чтобы мои суждения оставались объективными.

— Объективно, сэр. Ваше величество! Включите меня!

Грегор пристально рассматривал его, растирая щеку.

— Да... — медленно протянул он спустя некоторое время. — Давайте... посмотрим, что получится.

Взгляд у него был уже совсем несонный.

— Вы позвоните Иллиану прямо сейчас, ваше величество?

— Что это — накопившееся желание? Плотина прорвалась?

«И я полился, как вода...» Откуда эта цитата? Ужасно похоже на графиню.

— Он еще не спит. Пожалуйста, ваше величество! И пусть свяжется со мной через этот комм и подтвердит. Я буду ждать.

— Хорошо. — Губы Грегора изогнулись в странной улыбке. — Лорд Марк.

— Спасибо, ваше величество. Э-э... доброй ночи.

— Доброе утро.

Грегор отключил связь.

Марк ждал. Секунды растянулись. Начиналось похмелье, но и опьянение еще не прошло. Наихудшая комбинация. Он начал дремать, когда комм наконец дал сигнал, и он чуть не слетел со стула.

Он стремительно включил связь:

— Да. Сэр?

Возникло демонически мрачное лицо Иллиана.

— Лорд Марк. Если вы сегодня утром явитесь в штаб-квартиру Службы безопасности к началу обычного рабочего дня, то вам будет разрешено просмотреть файлы, о которых у нас с вами шла речь.

— Спасибо, сэр, — искренне сказал Марк.

— Это через два с половиной часа, — заметил Иллиан. Марк решил, что некий садизм, прозвучавший в его словах, вполне оправдан.

— Я приду.

В ответ Иллиан только чуть прикрыл глаза и исчез.

Проклятие через благие намерения — или только милость? Марк задумался о милости Грегора.

«Он знал. Знал раньше меня».

Лорд Марк Форкосиган — реальный человек.

ГЛАВА 17

Ровный утренний свет позолотил остатки ночного тумана, и в осенней дымке Форбарр-Султан казался сказочным городом. Кубическая громада Имперской службы безопасности — без окон, с огромными дверями — явно проектировалась с расчетом на то, чтобы подавить неразумного посетителя, дерзнувшего приблизиться к ней. Марк решил, что в данном случае этот эффект совершенно излишний.

— Кошмарная архитектура, — заметил он.

Пим, сидевший за рулем графского лимузина, жизнерадостно кивнул.

— Самое уродливое здание во всем городе. Построено по проекту главного архитектора императора Ури Безумного лорда Доно Форратьера. Дяди покойного вице-адмирала. До убийства Ури он успел воздвигнуть пять крупных сооружений — только потом его удалось остановить. Муниципальный цирк стоит на втором месте, но снести его нельзя: денег нет. Так что мы уже шестьдесят лет как не можем от него избавиться.

— Тут явно должны быть подвальные темницы. Со стенами, выкрашенными в зеленый цвет. Где работают врачи, лишенные моральных устоев.

— А они тут были, — ответил Пим.

Проехав мимо охранников, он остановил машину у огромной лестницы.

— Пим... По-моему, эти ступеньки слишком высокие.

— Да, — ухмыльнулся телохранитель. — Если попробовать подняться по ним не останавливаясь, ногу сведет обязательно. Но если обойти здание слева, там есть дверь. И вестибюль с лифтовой шахтой. Вот там все и входят.

— Спасибо. — Марк вылез из машины. — А что случилось с лордом Доно после того, как свергли Ури Безумного? Надеюсь, его все же прикончила Лига защиты архитектуры?

— Нет, он уехал в провинцию, сел на шею дочери и зятю и помер совсем психом. Он в их поместье построил такие странные башни, что теперь туда пускают за деньги.

Помахав Марку на прощание, Пим уехал.

Марк, как было указано, пошел налево. Вот он и тут. С утра пораньше, бодренький... Ну ладно, по крайней мере хоть с утра пораньше.

Перед поездкой Марк принял душ и выпил столько болеутоляющих средств от похмелья и стимуляторов, что теперь выглядел почти нормально.

В вестибюле он подошел к охране:

— Я — лорд Марк Форкосиган. Меня ждут.

— Как же, как же, — проворчал кто-то из лифтовой шахты и оттуда появился Саймон Иллиан собственной персоной. Охранники вытянулись по стойке «смирно», а Иллиан совсем не по-военному махнул им рукой. Иллиан успел принять душ и снова надел свой зеленый мундир. Марк подозревал, что на завтрак шеф СБ тоже ел пилюли. — Спасибо, сержант, я его отведу наверх.

— До чего неприятное здание, — вежливо заметил Марк.

— Да, — вздохнул Иллиан. — Как-то раз я был в помещении Инвестигейтив Федераль на Эскобаре. Сорок пять этажей, сплошное стекло... Никогда мне еще так не хотелось эмигрировать. Доно Форратьера следовало придушить в колыбели. Но... теперь оно мое.

Иллиан провел его глубоко в... да, Марк решил, что у этого здания действительно есть чрево. Нутро Службы безопасности. Шаги гулко разносились по коридору, в который выходили двери крохотных комнаток. В самом конце коридора стояла кофеварочная машина. Иллиан наверняка не случайно подвел его к двери под номером тринадцать.

— В комм загружены все полученные мною доклады, связанные с поисками лейтенанта Форкосигана, — неприветливо сказал Иллиан. — Если ты считаешь, что справишься лучше, чем мои аналитики, — пожалуйста, пробуй.

— Благодарю вас, сэр. — Марк сел в рабочее кресло и включил комм. — Вы неожиданно щедры.

— У вас не должно быть жалоб, милорд. — Это прозвучало как приказ.

Иллиан удалился с ироничным кивком. Видно, сегодня утром Грегор хорошенько накрутил ему хвост. Он настроен враждебно? Пожалуй, что нет. Это несправедливо. Иллиан вовсе не так уж враждебен. Могло быть и хуже. И тут Марк осознал, что дело не только в повиновении императору. В таком вопросе Иллиан вполне мог бы не пойти на уступку Грегору. Если бы захотел.

 «Он начинает отчаиваться».

Сделав глубокий вдох, как перед прыжком в воду, Марк погрузился в доклады. Он читал, слушал, просматривал... Иллиан не шутил, когда сказал, что здесь все. Сотни докладов от пяти или шести десятков агентов. Одни — краткие и чисто негативные. Другие — длинные и тоже чисто негативные. Но похоже, люди Иллиана побывали во всех криоучреждениях Архипелага Джексона, на всех его орбитальных станциях, станциях при п-втуннелях и в нескольких соседних системах. А один доклад пришел аж с Эскобара.

Очень скоро Марк понял, чего тут не хватает — сводки и анализа. Он получил бездну информации, но информации необработанной. Впрочем, он был скорее доволен, чем огорчен.

Марк работал, пока у него не зарябило в глазах.

«Пора сделать перерыв и перекусить», — подумал он, и тут в дверь постучали.

— Лорд Марк, ваш шофер приехал, — вежливо сообщил охранник.

Проклятие! Пора кончать работу!

Охранник провел его к выходу и сдал с рук на руки Пиму. На улице было темно.

На следующее утро Марк упрямо вернулся обратно и снова принялся за работу. И на следующее. Пришли новые доклады. По правде говоря, доклады приходили быстрее, чем он успевал их прочитывать. Чем усерднее он работал, тем сильнее отставал. На пятый день он откинулся на спинку кресла и задумался. Иллиан просто похоронил его под этой кучей. Паралич неведения сменился параличом, вызванным избытком информации.

Марк решительно вырубил комм с его бесконечным бормотанием и потоками цифр. Теперь он сидел в темноте и в тишине.

«Служба безопасности не смогла. Не смогла найти Майлза».

Ему не нужны все эти данные. Никому они не нужны. Ему нужен один-единственный факт.

«Итак, что мы имеем? Начнем с нескольких очевидных предположений. Первое. Майлза можно вернуть».

Пусть Служба безопасности сколько угодно ищет истлевший труп, безымянную могилу или запись о дезинтеграции. На здоровье. Ему такие поиски не нужны, даже если они окажутся успешными. Особенно если они окажутся успешными.

Его интересуют только криокамеры — либо банки постоянного хранения, либо новые переносные криокамеры. Либо... менее вероятно... и явно более редкие... центры криооживления. Впрочем, на центры криооживления не стоит возлагать слишком большие надежды. Если Майлза успешно оживили друзья, то первое, что бы он сделал, — дал бы о себе знать. Он этого не сделал. Следовательно, он все

еще заморожен. Или оживлен, но не в состоянии действовать. Или его оживили не друзья.

Дендарийскую криокамеру обнаружили на Ступице Хеджена. Ну и что с того? Ведь ее туда прислали уже пустой. Полуприкрыв глаза, Марк задумался. Откуда ведет этот след? «Нет! К дьяволу Ступицу Хеджена. Майлз по-прежнему на планете».

Значит, три четверти данных, мельтешивших на экране, можно отбросить.

Итак, будем рассматривать только рапорты с Архипелага Джексона. Хорошо. И что теперь?

Как Служба безопасности проверила все остальные возможные пункты? Те, которые не связаны с домом Бхарапутра? В основном агенты просто задавали вопросы, не открывая себя, но предлагая немалое вознаграждение. И все это делалось по крайней мере через четыре недели после исчезновения Майлза. По остывшему следу. У кого-то было достаточно времени подумать над таинственной посылкой. И спрятать — при желании. Так что, когда Служба безопасности проводила второе, более тщательное расследование, у нее было еще меньше шансов.

«Майлз находится в таком месте, которое СБ уже проверила, и в руках тех людей, у которых есть скрытые причины им интересоваться».

И все равно оставалась не одна сотня вариантов.

«Мне нужна зацепка. Должна же существовать зацепка».

СБ, конечно, сразу досконально изучила все доступные материалы по Норвуду. И конечно, ничего не нашла. Но Норвуд прошел медицинскую подготовку. И он не отправил криокамеру со своим любимым адмиралом наугад. Он отправил ее куда-то и кому-то.

«Знаешь, Норвуд, если ад и впрямь существует, надеюсь, тебе сейчас там очень жарко».

Марк, вздохнув, включил комм.

Часа через два зашел Иллиан, плотно закрыв за собой звуконепроницаемую дверь. Нарочито небрежно прислонившись к стене, он осведомился:

— Как дела?

Марк взъерошил пятерней волосы:

— Несмотря на вашу любезную попытку меня похоронить, я, кажется, кое-что выяснил.

— Да? И что же?

— Я убежден, что Майлз не покидал Архипелаг Джексона.

— И как вы объясняете то, что криокамеру нашли на Ступице Хеджена?

— Никак. Обыкновенный отвлекающий маневр.

Иллиан только хмыкнул.

— И он сработал, — жестко добавил Марк.

Иллиан поджал губы.

Дипломатичнее, напомнил себе Марк. Дипломатичнее, иначе ничего не добьешься.

— Я понимаю, что ваши возможности небезграничны, сэр. Так сконцентрируйте все силы на одном. Все, что имеется в вашем распоряжении, следует сосредоточить на Архипелаге Джексона.

Язвительно-ироническая улыбка Иллиана в комментариях не нуждалась. Этот человек почти тридцать лет возглавляет Службу безопасности, а он, Марк, учит его работать. Да. Одной дипломатии тут мало.

— А что вы узнали о капитане Форвенте? — Марк сменил тему.

— Цепочка оказалась короткой. Его младший брат был адъютантом моего помощника по галактическим вопросам. Это не предатели, имейте в виду.

— Так... и что вы сделали?

— С капитаном Форвентой — ничего. Слишком поздно. Информация все равно просочилась, слухи уже пошли. Тут мы ничего изменить не можем. Форвенту-младшего переместили и понизили в должности. И в моем штате образовалась дыра. Он был хорошим работником.

Похоже, Иллиан не слишком благодарен Марку.

— А... — Марк помолчал. — Форвента почему-то считает, будто я виноват в том, что случилось с графом. Такие слухи тоже ходят?

— Да.

Марк поморщился.

— Ну... По крайней мере вы знаете, что это неправда, — вздохнул он. Взглянув на окаменевшее лицо Иллиана, он почувствовал тошнотворную тревогу. — Ведь так, сэр?

— Может быть, и так. А может быть, и нет.

— Как — нет! У вас же есть сообщения врачей!

— Ну... Сердечная аневризма действительно кажется естественной. Но ее можно вызвать и с помощью портативного хирургического луча. Последующее повреждение всей области сердечной мышцы скрывает все следы.

Марк чуть не задохнулся от возмущения.

— Тонкая операция, — прошипел он. — Очень тонкая. И как, интересно, я заставил графа не двигаться и ничего не замечать?

— Это — слабое место всего сценария, — согласился Иллиан.

— И что я потом сделал с портативным лучом? И с медсканером? Медсканер мне бы тоже понадобился. Два или три килограмма приборов!

— Спрятали в лесу. Или еще где-то.

— Вы их нашли?

— Нет.

— А искали?

— Да.

Марк потер лоб.

— Так, — прошипел он сквозь зубы. — Вам хватило людей, чтобы прочесать несколько квадратных километров леса в поисках портативного луча, которого там нет, но вам не хватает людей, чтобы прочесать Архипелаг Джексона в поисках Майлза, который там есть. Замечательно.

«Стоп. Возьми себя в руки или потеряешь все». Марк не знал, чего ему больше хочется: завыть или расквасить Иллиану физиономию.

— Галактический агент — высококвалифицированный специалист с редкими личными качествами, — теперь Иллиан говорил очень официально. — Поиски на местности определенного объекта могут осуществляться нижними чинами, которых гораздо больше.

— Да. Извините.

Марк глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. «Цель. Не забывай о цели».

— Я не говорю, что таково мое убеждение. — Иллиан посмотрел ему в глаза. — Это — подозрение.

— Ну, спасибо, — огрызнулся Марк и замолчал, пытаясь собраться с мыслями. — Послушайте, — наконец сказал он. — Вы плохо используете людей. Например, меня. Отправьте меня на Архипелаг Джексона. Я знаю его гораздо лучше, чем любой из ваших агентов. Кое-какая подготовка у меня есть — конечно, меня готовили как убийцу, но все-таки... Ведь мне же удалось трижды уйти от вашего наблюдения на Земле! Мне удалось попасть сюда. Я знаю Архипелаг Джексона. Я вырос там. И вам даже не придется платить мне!

Марк замолчал: у него перехватило дыхание. Вернуться?! Он снова увидел фонтан крови.

Иллиан холодно посмотрел на него:

— Пока результаты ваших тайных операций не впечатляют, лорд Марк.

— Да, я не гениальный боевой офицер. Я не Майлз. Мы все в этом убедились. А у вас есть такие агенты, которых можно приравнять к Майлзу?

— Если вы действительно настолько... некомпетентны, как кажется, посылать вас бесполезно. Но предположим, что вы хитрее, чем я думаю. Что ваше беспомощное трепыхание здесь — всего лишь дымовая завеса. — Иллиан тоже умеет бросать скрытые оскорбления. — И предположим, что вы первыми найдете Майлза. Что потом?

— То есть как это — «что потом»?

— Допустим, вы привезете оттаявший труп, который годится только для погребения. Как мы тогда узнаем,

что именно в таком виде вы его нашли? А вы унаследуете титул, положение в обществе, богатство и будущее. Соблазнительно для человека без личности. Очень соблазнительно.

Марк закрыл лицо руками. Он был раздавлен, взбешен, выведен из себя...

— Послушайте, — проговорил он, не отнимая ладоней, — послушайте. Или я — человек, который, согласно вашей теории, сумел наполовину прикончить Эйрела Форкосигана, и до того ловко, что не оставил улик, — или нет. Вы можете утверждать, что я недостаточно компетентен. Или — что недостаточно надежен. Но нельзя же использовать оба аргумента одновременно. Выбирайте что-то одно!

— Мне не хватает информации. — Иллиан не дрогнул.

— Клянусь, — прошептал Марк, — излишняя подозрительность делает нас большими глупцами, чем излишняя доверчивость. — Он поднял голову. — Допросите меня с суперпентоталом.

Иллиан вопросительно хмыкнул.

— Допросите меня с суперпентоталом. Вы этого не делали. Разрешите свои сомнения.

— Мне бы этого очень хотелось, лорд Марк, — признался Иллиан, — но у вашего... оригинала... весьма своеобразная реакция на суперпентотал. Полагаю, у вас такая же. Это даже не аллергия. Препарат вызывает у Майлза крайнюю гиперактивность, повышенную болтливость, но, увы, не потребность говорить только правду. Это бесполезно.

— Для Майлза. — Марк ухватился за надежду. — Вы ведь не знаете точно! Разве нельзя по крайней мере проверить?

— Да, — задумчиво протянул Иллиан, — проверить можно. Он вышел из комнаты со словами: — Работайте. Я скоро вернусь.

Марк вскочил и начал метаться по комнате. Два шага туда — два обратно. Если хочешь что-то найти, ищи там, где потерял. Он потерял все на Архипелаге Джексона.

Наконец Иллиан вернулся:

— Сядьте и закатайте левый рукав.

Марк послушался:

— Что это?

— Аллергический тест.

Иллиан быстро прижал к его руке крошечную металлическую пластинку с иглой, потом убрал ее и, заметив время, начал наблюдать за рукой.

Через минуту на месте укола появилось розовое пятно. Через две — крапивница. Через пять минут — белое уплотнение, окруженное воспаленными полосами, разбежавшимися до запястья и локтя.

Иллиан разочарованно вздохнул:

— Лорд Марк, рекомендую в будущем во что бы то ни стало избегать допроса с суперпентоталом.

— Это была аллергическая реакция?

— Это была очень сильная аллергическая реакция.

— Вот черт! — Марк задумался. И начал чесаться. Пришлось спешно застегнуть манжету, пока он не разодрал руку до крови. — Если бы на моем месте сидел Майлз и приводил те же самые доводы, вы бы его послушали?

— Лейтенант Форкосиган настолько часто оказывался прав, что заслужил мое внимание. Результаты говорят сами за себя. А как вы неоднократно подчеркивали, вы — не Майлз. Нельзя использовать оба аргумента одновременно, — холодно добавил он. — Выберите что-то одно!

— Зачем вы вообще пустили меня сюда, если не желаете меня слушать! — вспылил Марк.

Иллиан пожал плечами:

— Если не считать прямого приказа Грегора... По крайней мере я знаю, где вы и что делаете.

— Камера предварительного заключения? Только добровольно? А если бы меня можно было запереть в камеру без коммустройства, вы обрадовались бы еще больше?

— Откровенно говоря, да.

— Вот. Именно.

Марк демонстративно повернулся к экрану, и Иллиан оставил его одного.

Он вскочил, проковылял к двери и выглянул.

Иллиан был уже в дальнем конце коридора.

— У меня есть собственное имя! — яростно прокричал Марк.

Иллиан оглянулся, недоуменно поднял брови — и пошел дальше.

Марк попробовал сосредоточиться на очередном докладе, но смысл слов не доходил до него. Сегодня он больше не в состоянии работать. Сдавшись, он вызвал Пима. На улице было еще светло. Марк смотрел на заходящее за дома солнце, пока у него не заболели глаза.

На этой неделе он впервые вернулся к обеду. Графиня с Ботари-Джезек уютно устроились на первом этаже, в комнатке с окнами в сад, усеянный опавшей листвой. Прожектор выхватывал из сгущающихся сумерек многоцветный пейзаж. На графине был замысловатый зеленый жакет и длинная юбка: городской наряд знатной дамы. Элен была одета так же, но в синих тонах. Явно костюм из гардероба графини. Несмотря на то, что Марк вот уже четыре дня не являлся к обеду, стол был накрыт на троих. Растерянный, он уселся за стол.

— Как граф?

 — Все так же, — вздохнула графиня.

По заведенному графиней обычаю перед едой все с минуту молчали. Графиня в это время молилась, и Марк подозревал, что ее молитва не ограничивалась благодарением за хлеб насущный. Марк с Элен вежливо ждали: Элен — размышляя о своем, а Марк — в очередной раз проигрывая разговор с Иллианом, изобретая массу остроумных ответов... Слишком поздно. Слуга внес накрытые крышками блюда и удалился, чтобы не мешать. Когда не было гостей, графиня предпочитала оставаться без прислуги. «По-семейному».

По правде говоря, Элен все это время как дочь поддерживала графиню: сопровождала ее в частых поездках в госпиталь, выполняла поручения, выслушивала признания. Марк решил, что графиня высказывает свои тайные мысли именно Элен, и ему почему-то стало завидно. Единственная дочь любимого вассала, Элен практически была приемной дочерью Форкосиганов. Если Майлз действительно его брат, не становится ли Элен ему кем-то вроде сестры? Надо бы подкинуть ей такую мысль. И немедленно спасаться бегством. Как-нибудь в другой раз.

— Капитан Ботари-Джезек, — начал Марк, проглотив кусок, — что происходит с дендарийцами на Комарре? Или Иллиан вас тоже держит в неведении?

— Пусть только попробует, — ответила Элен. Да, у нее-то есть союзники получше, чем шеф СБ. — Мы совершили кое-какие перестановки. Куин оставила главных свидетелей вашего... налета (мило с ее стороны не сказать «позора») — Зеленый отряд, часть Оранжевого и Голубого. А остальных отправила на «Перегрине» к дендарийцам. Люди начали терять терпение, сидя на орбите без дела и без увольнений.

Да, ее явно угнетает временная потеря командования своим кораблем.

— Так «Ариэль» все еще у Комарры?

— Да.

— С Куин, конечно... С капитаном Торном? Сержантом Таурой?

— Они по-прежнему там.

— Наверное, тоже теряют терпение.

Элен кивнула и с такой силой ткнула вилкой в кусок искусственного бифштекса, что он чуть не вылетел из тарелки. Теряет терпение. Да.

— И что ты узнал за эту неделю, Марк? — спросила графиня.

— Боюсь, ничего, о чем бы не знали вы. Иллиан ведь держит вас в курсе?

— Да, но я успеваю только просмотреть общие выводы. И вообще мне хотелось бы услышать всего одну-единственную новость.

Конечно. Приободрившись, Марк подробно рассказал ей о своем обзоре, о том, как решил отбирать данные и к какому убеждению все больше склоняется.

— Похоже, ты работал очень тщательно, — заметила графиня.

Марк пожал плечами:

— Теперь я знаю приблизительно столько же, сколько Служба безопасности — если Иллиан ничего не скрыл. Но поскольку СБ не знает, где Майлз, все это впустую. Я готов поклясться...

— Да? — ободрила его графиня.

— Я клянусь, что Майлз все еще на Архипелаге Джексона. Но я не могу заставить Иллиана сосредоточить поиски там. Он куда только не кидается. Он просто зациклился на цетагандийцах.

— На то есть веские причины исторического характера, — заметила графиня. — И не слишком давние, хотя, боюсь, Иллиан не стал делиться с тобой заботами, не связанными с исчезновением Майлза. Сказать, что у него был трудный месяц — значит сильно приуменьшить. — Она надолго замолчала, словно раздумывала: сказать или не говорить. — Марк... В конце концов ты же близнец Майлза. Большей близости и придумать невозможно. Ты настолько страстно... Кажется, будто ты на самом деле это знаешь. Ты... не думаешь, что на самом деле знаешь? На каком-то уровне сознания?

— Вы имеете в виду телепатическую связь? — переспросил он. «Что за жуткая мысль!»

Графиня кивнула, чуть краснея. Элен кинула ему умоляющий взгляд: «Не смей морочить ей голову, ты!..»

— Извините. Я не экстрасенс. Только экстра-псих. — Элен успокоилась. Марк поник, но тут же немного оживился: — Хотя, может, следовало бы сказать Иллиану, что, по-вашему, это так.

— Иллиан слишком убежденный рационалист, — печально улыбнулась графиня.

— Страстность только результат бессилия, сударыня. Мне ничего не дают сделать.

— А что бы ты хотел сделать?

«Хочу сбежать на Колонию Бета. Графиня, наверное, поможет. Нет. Я больше никогда никуда не сбегу».

— Я хотел бы вернуться на Архипелаг Джексона и искать Майлза. Я могу работать не хуже агентов Иллиана. Знаю, что могу! Я пытался его убедить, а он... Будь его воля, он вообще посадил бы меня под замок.

— Сейчас Саймон продал бы душу дьяволу, лишь бы остановить мгновение, — сказала графиня. — Сейчас у него внимание не просто рассеивается — оно разбивается на кусочки. Мне его немного жаль.

— А мне — нет. Я у Саймона Иллиана не спросил бы даже, который час. А он бы мне и не сказал. — Марк уставился в тарелку. — Грегор бы тонко намекнул, где поискать хроно. Вы... — сравнение пришло само собой, — вы дали бы мне часы.

— Будь у меня часовой завод, сынок, я бы его отдала весь, — вздохнула графиня.

Марк чуть не подавился бифштексом:

— Правда?

— П... — решительно начала она, но вовремя опомнилась. — Правда — что?

— Лорд Марк — человек свободный? Я хочу сказать — я ведь не совершал преступления на территории Барраярской империи, да? Ведь глупость — это не преступление. Я не арестован.

— Да...

— Я мог бы сам отправиться на Архипелаг Джексона! И пусть Иллиан подавится своими драгоценными агентами. Если... — А, вот в чем загвоздка. Он приуныл. — ...если бы купил билет.

Марк замолчал. Все его состояние равнялось семнадцати маркам, оставшимся от купюры в двадцать пять марок, которую графиня дала ему на расходы в начале недели.

Графиня отодвинула тарелку и выпрямилась.

— Мне это кажется не слишком безопасным.

— После того, что ты сделал, дом Бхарапутра наверняка назначил цену за твою голову, — услужливо подсказала Элен.

— Нет... за голову адмирала Нейсмита, — возразил Марк. — И я не намерен возвращаться к бхарапутрянам. — Он настоятельно обратился к графине: — Сударыня...

— Ты просишь, чтобы я финансировала твой шанс на гибель?

— Нет! Шанс на спасение! Я больше не могу... — он бессильно махнул рукой, — жить так дальше. Я не нахожу тут себе места, я сюда не подхожу!

— Не спеши. Со временем все наладится. Пока просто слишком рано, — запротестовала графиня. — Ты здесь так недавно.

— Я должен вернуться. Я обязан исправить свою ошибку. Если смогу.

— А если не сможешь, что тогда? — холодно поинтересовалась Элен. — Улизнешь, пока никто не успеет опомниться?

Она что, мысли читает? Марк весь сжался.

— Я, — выдохнул он, — не...

«...знаю». Он прикусил язык.

Графиня переплела свои тонкие пальцы.

— Я не сомневаюсь в твоем сердце, — сказала она, глядя ему прямо в глаза. — Но... ты мой второй шанс. Моя новая надежда, совершенно неожиданная. Я никогда не думала, что у меня на Барраяре может быть еще один ребенок. А теперь, когда Архипелаг Джексона сожрал Майлза, ты хочешь отправиться туда следом за ним? И ты тоже?

— Сударыня, — сказал он отчаянно. — Мама... Я не могу быть твоим утешительным призом.

Ее серые глаза были холоднее зимнего моря.

— Уж ты-то должна понять, — взмолился Марк, — каким важным может оказаться второй шанс.

Корделия отодвинула стул и встала.

— Я... должна это обдумать.

Она вышла из комнаты, так и не пообедав.

— Ну, молодец! — прошипела Элен и выбежала за графиней.

Марк остался один, всеми покинутый, и с горя наелся так, что разболелся желудок. Доковыляв до своей комнаты, он повалился на кровать, мечтая если не заснуть, то хотя бы отдышаться. Но ни то, ни другое не получалось.

В дверь постучали.

— Кто там? — простонал он.

— Элен.

Марк включил свет и сел на постели, подсунув под спину подушку. Он не хотел разговаривать с Элен. И вообще ни с кем не хотел разговаривать.

— Входите.

Она тихонько вошла в комнату. Лицо у нее было бледное и серьезное.

— Привет. Чувствуешь себя нормально?

— Нет, — признался он.

— Я пришла извиниться.

— Вы? Извиниться? Передо мной? За что?

— Графиня... объяснила мне, что с тобой творится. Извини. Я не знала.

Опять препарировали! Только на этот раз в его отсутствие. То-то Элен смотрит на него с таким ужасом!

— А черт. И что она на сей раз сказала?

— Майлз говорил об этом, но не прямо. Я не понимала, насколько это страшно. Графиня сказала мне все. Что с тобой сделал Гален. Как изнасиловал электрошоком и как вызвал... нарушения в еде. И другие нарушения. — Похоже, они с графиней говорили часа два. — И все было специально рассчитано. Вот что самое ужасное!

— Я не так уверен, что с электрошоком было специально рассчитано, — осторожно начал Марк. — По-моему, Гален просто сбрендил. Крыша поехала. Или, может, началось все по расчету, а потом вышло из-под контроля. — Он взорвался: — Черт возьми! — Элен аж подскочила. — Она не имела права обсуждать меня с тобой! Я что, лучшее кабаре в столице?!

— Нет-нет! — Элен замахала руками. — Ты должен понять. Я рассказала ей о Мари, о той блондиночке, с которой мы тебя застали. О том, что, на мой взгляд, произошло. Я обвинила тебя перед графиней!

Марк испуганно замер:

— Я не знал, что ты ей сразу не рассказала.

Господи, что же о нем подумала графиня! Наверное, теперь он ей противен.

Ботари-Джезек изумленно помотала головой:

— Она настолько бетанка! Настолько странная. Настолько непредсказуемая. Она ничуть не удивилась. А потом все мне объяснила, словно мне мозги вывернули наизнанку и хорошенько прочистили.

— Типичный разговор с графиней, — засмеялся Марк.

— Извини, Марк. Я была не права, — отважно сказала Элен.

Он развел руками:

— Очень приятно, что у меня есть такая защитница, но ты была права. Ты тогда все правильно подумала. Меня остановила не порядочность, а условный рефлекс.

— Да нет, я не то хотела сказать. Просто я не должна была так реагировать. Я даже не представляла себе, что тебя воспитывали систематическими пытками. И что ты настолько невероятно сопротивлялся им. Я на твоем месте просто сломалась бы.

— Ну, не всегда все было так уж плохо, — поспешно прервал ее Марк.

— Но ты должен понять, — упрямо продолжила Элен, — что происходило со мной. Это связано с моим отцом.

— А? — ошарашенно спросил Марк. — Как это связано с моим отцом, я знаю, но твой-то тут при чем?

Элен заметалась по комнате.

— Мой отец изнасиловал мою мать. Вот откуда я взялась. Это было во время барраярской агрессии против Эскобара. Я узнала это несколько лет назад. Я не выношу насилия! — Элен сжала кулаки. — Но оно — во мне! Я не могу от него спрятаться. Поэтому я последние десять недель смотрела на тебя, как сквозь пелену. Графиня эту пелену сорвала. — И правда, взгляд Элен больше не обжигал его холодом. — Граф тоже мне помог — не могу даже передать, насколько.

Ну что тут можно ответить? Значит, эти два часа они говорили не только о нем.

— Мне... мне не жаль, что ты существуешь. Откуда бы ты ни взялась.

Элен криво усмехнулась:

— Если честно — мне тоже.

Его ярость погасла, сменившись удивительным чувством облегчения.

Марк слез с кровати, схватил ее за руку, подвел к деревянному стулу у окна, забрался на сиденье и поцеловал.

— Спасибо!

— За что?

Она неожиданно рассмеялась и отняла у него руку.

— За то, что ты существуешь. И вообще... Не знаю.

Марк радостно улыбнулся, но тут у него закружилась голова, и он осторожно слез со стула.

Элен закусила губу:

— Зачем ты такое над собой творишь?

Глупо притворяться, будто он не понимает, о чем речь. Физические свидетельства его неудержимого обжорства налицо. Прямо чудовище какое-то.

— Не знаю. Но мне кажется, половина того, что мы зовем безумием, просто-напросто попытки справиться с болью с помощью стратегии, которая раздражает окружающих.

— Как можно справиться с болью, причиняя себе боль? — недоуменно спросила Элен.

Он как-то странно улыбнулся и опустил взгляд.

— Это зачаровывает. Заставляет забыть о реальной боли. — Марк вздохнул. — Гален просто пытался исковеркать мои отношения с отцом. Но ему удалось исковеркать мои отношения абсолютно со всем. Он знал, что не сможет непосредственно управлять мною, когда я окажусь на Барраяре. Поэтому старался создать мотивации, которых хватит надолго. И ему это аукнулось. Потому что в каком-то смысле Гален тоже был моим отцом. Приемным отцом. Когда комаррцы забрали меня с Архипелага Джексона, я безумно хотел стать личностью. Стать самим собой. Наверное, я был как инкубаторский цыпленок, который привязывается к автопоилке, потому что это — первое, что попалось на глаза.

— У тебя удивительный талант к анализу информации, — заметила Элен. — Я поняла это еще там, на Архипелаге.

— У меня? — изумился он. — Вот уж нет!

Будь у него талант, он получил бы результаты получше.

— Графиня тоже так думает. Она хочет тебя видеть.

— Прямо сейчас?

— Она послала меня за тобой. Но сначала я должна была сама с тобой поговорить. Пока не потеряла храбрость.

— Хорошо. Дай мне собраться.

Марк умылся ледяной водой, проглотил болеутоляющее и причесался. Натянув поверх рубашки жилет в деревенском стиле, он следом за Элен вышел в коридор.

Элен провела его в личный кабинет графини — тихую строгую комнату с окнами в сад. Рядом была спальня Корделии. Корделии и Эйрела. Марк увидел темное пространство за аркой, вниз по лестнице. Отсутствие графа казалось буквально физически ощутимым.

Графиня сидела за комм-пультом — не секретным правительственным, а просто дорогим коммерческим устройством. Пластину экрана обрамляли перламутровые цветы, инкрустированные на черном дереве. На экране было лицо перепуганного мужчины.

— Ну так выясните! — резко сказала графиня. — Да, сегодня, сейчас. А потом свяжитесь со мной. Спасибо.

Ударив по выключателю, она повернулась к Марку и Элен.

— Ты узнаешь насчет билетов на Архипелаг Джексона? — спросил он, не смея надеяться.

— Нет.

Ну конечно, нет! Как она может его отпустить?

— Я узнаю насчет корабля. Если уж лететь на Архипелаг Джексона, нужно иметь свободу перемещений.

— Купить корабль? — ошеломленно переспросил Марк. А он-то считал, что та фраза насчет часового завода — просто шутка! — Но это же очень дорого!

— Я попробую арендовать. Если не получится — куплю. На орбитах Барраяра и Комарры есть три-четыре подходящих корабля.

— И все же — как?

Вряд ли даже Форкосиганы в состоянии просто так взять и купить скачковый корабль.

— Что-нибудь заложу, — туманно ответила графиня.

— Фамильные драгоценности? Но они же сейчас ничего не стоят. В мире полно синтекамней. — Марк проследил за ее взглядом. — Не резиденцию Форкосиганов же!

— Нет, это родовое имение. Окружная резиденция в Хассадаре — тоже. Но вот Форкосиган-Сюрло я могу заложить совершенно спокойно.

Сердце их владений!

— Исторические дома — это прекрасно, — улыбнулась графиня, заметив его ужас, — но за чертов музей много не получишь. И вообще финансы — моя проблема. У тебя своих проблем хватает.

— Экипаж? — мгновенно спросил Марк.

— Скачковый пилот и инженер будут при корабле. Что до остальных — на орбите Комарры крутятся осатаневшие от безделья дендарийцы. Полагаю, среди них ты найдешь пару-другую добровольцев. Очевидно, что «Ариэль» в джексонианское пространство вести нельзя.

— Куин уже наверняка все ногти себе изгрызла, — сказала Элен. — Даже Иллиану ее не удержать, если Служба безопасности в ближайшее время что-то не узнает.

— А меня Иллиан попробует задержать? — забеспокоился Марк.

— Если бы не Эйрел, я бы полетела сама, — сказала графиня, — и уж определенно не позволила бы Иллиану остановить меня. Ты — моя замена. Со Службой безопасности я справлюсь.

Уж в этом-то Марк не сомневался.

— Дендарийцы, конечно, проявят рвение, но... я предвижу проблемы. Они меня не станут слушаться. Кто будет руководить этой небольшой частной экспедицией?

— Золотое правило, мой мальчик. У кого золото, тот и правит. Корабль — твой. Выбор спутников — за тобой. Если они захотят, чтобы ты их взял, придется им подчиниться.

— Ага. До первого п-в-перехода. А потом Куин запрет меня в чулане.

Графиня рассмеялась:

— Это верно. — Откинувшись на спинку кресла, она задумчиво переплела длинные пальцы и прикрыла глаза. Наконец она нашла решение: — Элен, ты присягнешь на верность лорду Форкосигану?

— Я уже присягнула на верность лорду Форкосигану, — непримиримо ответила Элен.

Серые глаза посуровели.

— Смерть освобождает от присяги. Система форов никак не научится решать закавыки, которые ей подбрасывает галактическая технология. Знаешь, по-моему нет правила относительно статуса присяги, если одна из сторон находится в криостазе. Слово не может быть твоим дыханием, если ты вообще не дышишь. Придется нам создать прецедент.

Элен прошла к окну и невидящим взглядом уставилась в темноту. Потом решительно повернулась, опустилась перед Марком на колени и подняла руки, ладонь к ладони. Марк автоматически обхватил ее руки своими.

— Милорд, я обещаю вам повиновение в качестве вашей подданной...

— Э-э, — сказал Марк. — ...Думаю, мне понадобится большее. Попробуем вот как: «Я, Элен Ботари-Джезек, свидетельствую, что я — свободная жительница округа Форкосиганов. И ныне я поступаю на службу лорду Форкосигану в качестве оруженосца... оруженосицы?.. Я буду считать его своим сюзереном и командиром до тех пор, пока его или моя смерть не освободит меня от клятвы».

Элен потрясенно уставилась на него:

— Но так же нельзя! Разве так можно?

— Ну, — засмеялась графиня, — вообще говоря, не существует закона, в котором бы говорилось, что наследнику графства нельзя взять в оруженосцы женщину. Этого просто никто не делал. Традиция.

Элен с графиней обменялись долгим взглядом. Неуверенно, словно завороженная, Ботари-Джезек повторил клятву.

Марк сказал:

— Я, Марк Пьер Форкосиган, вассал-секундус императора Грегора Форбарры, принимаю твою клятву и клянусь защищать тебя как сюзерен и командир. Клянусь словом Форкосигана. — Тут он замолчал и обратился к графине: — Вообще-то я еще не приносил присяги Грегору. Это делает все недействительным?

— Детали, — графиня махнула рукой. — Детали можно выяснить потом.

Элен встала. Вид у нее был, как у женщины, просыпающейся с похмелья рядом с незнакомым мужчиной. Она потерла руки там, где к ним прикоснулись его ладони.

Власть. И сколько власти он получил? Надо полагать, ровно столько, сколько сочтет нужным сама Элен. Можно не опасаться, что она позволит ему злоупотреблять положением. Неуверенность на ее лице сменилась тайной радостью, от которой у Марка потеплело на душе. Да, это был правильный шаг. И графиня довольна: она откровенно одобряла своего нарушившего все традиции сына.

— Ну, — сказала графиня. — Сколько у нас времени на сборы? Когда вы будете готовы к вылету?

— Немедленно, — ответила Элен.

— Как только прикажете, графиня, — сказал Марк. — У меня такое чувство... ничего экстрасенсорного, конечно. Просто логика. Но я считаю, что время у нас на исходе.

— Почему? — спросила Ботари-Джезек. — Что может быть статичнее криостаза? Конечно, неопределенность нас всех с ума сводит, но это — наши проблемы. У Майлза времени больше, чем у нас.

Марк покачал головой:

— Если бы криокамера с Майлзом попала к друзьям или просто к незнакомым людям, то они бы уже давно проявились, прослышав о вознаграждении. Но если... кто-то... хотел его оживить... Для этого необходима предварительная подготовка. Сейчас мы очень остро ощущаем, сколько требуется времени, чтобы вырастить органы для пересадки. Если бы... там, куда Майлз попал... начали работу вскоре по его получении, сейчас они почти готовы к оживлению.

— Они могут все провалить, — сказала графиня. — Могут оказаться недостаточно осторожны.

Она забарабанила пальцами по нарядной перламутровой инкрустации.

— Не понимаю, — возразила Элен, — зачем врагам оживлять его? Что может быть хуже смерти?

— Не знаю, — вздохнул Марк.

«Но если что-то и есть, то уж джексонианцы это знают».

ГЛАВА 18

С дыханием пришла боль.

Он лежит на больничной койке. Это он понял, еще не открыв глаза, по тому, как ему было неудобно и холодно... И по запаху. Это казалось правильным. Отда-

ленно, хотя и неприятно знакомым. Он попытался моргнуть и обнаружил, что глаза залеплены жижей. Пахучей, прозрачной медицинской жижей. Словно смотришь сквозь стекло, покрытое слоем жира. Еще несколько раз моргнув, он смог сфокусировать взгляд и вынужден был остановиться, потому что от этого усилия сбилось дыхание.

С дыханием было что-то ужасно нехорошее: он дышал часто и тяжело, но воздуха не хватало. И еще этот свист. Он понял, что свист издает пластиковая трубка, которую он обнаружил, когда попытался сглотнуть. Губы пересохли и потрескались, и трубка мешала их облизать. Он попытался пошевелиться. Тело ответило сильнейшей болью, пронизавшей все кости. К рукам — или от рук — тоже шли трубки. И от ушей. И от носа?

Слишком много этих чертовых трубок. Он смутно догадывался, что это плохо, хотя не знал, почему. Героическим усилием приподняв голову, он взглянул на свое тело. Трубка в горле тут же переместилась. Больно.

Ребра торчат. Живот ввалился. По всей груди расходятся красные рубцы, словно под кожей притаился длинноногий паук. Неровные разрезы покрыты хирургическим клеем. Повсюду какие-то датчики. Еще трубки, причем там, откуда они отходят, по идее не должно быть отверстий. Все тело покрыто толстым слоем пахучей жижи. Кожа отслаивается противными хлопьями.

Он уронил голову на подушку, и перед глазами закружились черные вихри.

«Слишком много чертовых трубок. Плохо...»

Когда пришла женщина, он словно в тумане плавал между непонятными обрывками снов и болью.

Она склонилась над ним:

— Сейчас мы вынем ритмоводитель.

У нее был грудной и чистый голос. Трубки из ушей исчезли. А может, они ему привиделись?

— Твое новое сердце будет биться, а легкие дышать сами.

Она склонилась над ним. Симпатичная женщина. С виду умная и элегантная. Ему стало неприятно, что он одет только в жижу. Хотя, кажется, когда-то он обходился даже более скромным нарядом. Но где и когда? Этого он не мог вспомнить. Женщина что-то проделала с паукообразной шишкой: он увидел, как у него разошлась кожа. Потом все снова скрепили. Казалось, она вырезает ему сердце, словно древняя жрица, готовящая жертвоприношение, но это было не так, потому что дыхание не прервалось. Она явно что-то извлекла и положила на лоток, который держал мужчина-ассистент.

— Ну вот. — Женщина пристально посмотрела на него.

Он тоже на нее смотрел, пытаясь сморгнуть противную жижу. У нее были прямые шелковистые черные волосы,

собранные на затылке в неаккуратный узел. Несколько тонких прядей выбились из пучка и трепетали вокруг лица. Золотисто-смуглая кожа. Чуть раскосые карие глаза. Аристократическая горбинка на носу. Живое своеобразное лицо, не превращенное хирургами в безупречно-красивую маску, но полное мысли. Не пустое лицо. За ним — кто-то интересный. Но, увы, незнакомый.

Высокая и стройная, она была одета в хирургический зеленый костюм.

«Док-тор», — попытался угадать он, но из-за пластиковой трубки получилось только бессмысленное клокотание.

— Я сейчас выну эту трубку, — сказала она и оторвала что-то липкое от его губ и щек — пластырь? К пластырю тоже прилипла отмершая кожа. Она стала осторожно вытягивать трубку. Его замутило. Словно пытаешься вытянуть проглоченную змею. Когда он наконец освободился от трубки, то чуть не потерял сознание. Еще какая-то трубка — кислородная? — сидела в носу.

Он подвигал челюстью, попытался сглотнуть впервые за... за... Короче, язык онемел и распух. Грудь болела жутко. Но слюна потекла — во рту снова стало влажно. Как-то не ценишь слюни, пока не приходится обходиться без них. Сердце билось быстро, но слабо. Какое-то неправильное чувство, но все же лучше, чем ничего.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Подсознательный ужас — словно черная пропасть. Дыхание панически участилось. Воздуха не хватало. Он не мог ответить на этот вопрос! С губ сорвались еле слышные нечленораздельные звуки. Он не знал ни кто он, ни откуда у него такой огромный груз боли. Но незнание пугало гораздо сильнее, чем боль.

Молодой человек в бледно-голубом халате хмыкнул:

— Похоже, я выиграю пари. У него в черепушке сплошные короткие замыкания.

Женщина досадливо поморщилась:

— Пациенты не выходят из криостаза, как обед из микроволновой печки. Лечения требуется не меньше, чем если бы ранение не убило его. А даже больше. Я только через несколько дней смогу оценить состояние центральной нервной системы.

Но все равно она отколола от ворота что-то сверкающее и острое и, прикасаясь этим чем-то к нему, наблюдала за показаниями монитора. Его правая рука дернулась от укола, и женщина улыбнулась.

Ему хотелось говорить. Хотелось сказать этому типу в голубом, чтобы тот катился вместе со своим пари в блокированный п-в-туннель. Но изо рта вырвалось только глухое шипение. Его затрясло от злости. Он должен выкарабкаться

или умереть. Это он знал точно. Быть лучшим — или быть уничтоженным.

Медики удалились. Движимый безотчетным страхом, он попытался сделать в постели статические упражнения. Ему удалось пошевелить только правой рукой. Датчики отметили его метания. Вернулся юнец и дал успокоительное. Когда вокруг снова стала смыкаться тьма, ему захотелось взвыть. Потом ему снились омерзительные сны. Он был бы рад любому содержанию, но, проснувшись, помнил только омерзение.

Время тянулось мучительно долго. Наконец вернулась врач. Покормить его. Кажется.

Нажав кнопку, чтобы приподнять изголовье, она приветливо сказала:

— Давай-ка, друг мой, испытаем твой новый желудок. Шестьдесят миллилитров раствора глюкозы — сладкая водичка. Так сказать, первая еда в твоей жизни. Интересно, у тебя уже восстановилась мускульная деятельность, чтобы пить через трубочку?

Она вылила ему на губы несколько капель. Сосать и глотать — ничего более примитивного и не придумаешь. Вот только он не смог выпить все.

— Ничего, — весело щебетала врач, — понимаешь, у тебя еще не до конца вырос желудок. И сердце с легкими тоже. Лилли торопила нас с твоим пробуждением. Все пересаженные органы пока малы для твоего тела. Значит, им придется усиленно работать, и растут они не так быстро, как в пробирке. Ты еще довольно долго будешь задыхаться. Но зато их легче было пересаживать. Больше места для рук — это я оценила.

Он не мог понять, обращается ли она к нему, или говорит сама с собой, как одинокий человек, у которого есть домашнее животное. Убрав чашку, она принесла тазик, губку, полотенца и принялась его мыть, участок за участком. Почему хирург ухаживает за больным? «Д-р В. Дюрона» — значилось на кармашке зеленого хирургического костюма. Но, похоже, она одновременно вела нейрофизиологическое обследование. Проверяет результаты своей работы?

— Понимаешь, ты — настоящая загадка. Тебя прислали по почте, в ящике. Ворон утверждает, что ты слишком мал, чтобы быть солдатом, но я извлекла много осколков брони и кусочков противонейробластерной сети. А еще — сорок шесть осколков гранаты. Так что можно не сомневаться — ты не случайный свидетель. Кем бы ты ни был, та иглограната предназначалась именно тебе. К сожалению, на посылке не написали твое имя. — Женщина вздохнула. — Кто же ты?

Она не стала дожидаться ответа — к счастью. Усилия, которых потребовало глотание сладкой водички, совершенно вымотали его. Не менее важным вопросом было, где он

находится, и его раздосадовало, что она, явно зная ответ, ничего не сказала. Эта палата... стандартная больничная палата. Без окон. Но на планете, а не на корабле.

«Откуда я это знаю?» При попытке сосредоточиться расплывчатое видение корабля мгновенно рассыпалось. Что за корабль? И если уж на то пошло, что за планета?

Тут должно быть окно. Большое окно, а за окном — город в дымке. Город рассекает быстрая река. И люди. Тут обязательно должны находиться люди, которых ему не хватает, хоть он и не в состоянии вспомнить, как они выглядят. Эта смесь привычного и незнакомого ужасно мучительна.

Губка была ледяная и очень жесткая. Но все равно приятно избавиться от этой жижи, не говоря уже об отвратительных струпьях, прилипших к ней, — совсем как ящерица, которая меняет кожу. Новая кожа выглядела совсем тонкой.

Женщина намазала ему лицо депиллятором — слишком густо, так что ужасно щипало щеки. Да, кажется, это ощущение даже приятное. Немного успокоившись, он почувствовал удовольствие от ее ухода, пусть даже чересчур интимного. По крайней мере эта женщина вернула ему достоинство чистого тела. И она не похожа на врага. Скорее — на союзницу. Женщина сняла с его лица крем, щетину и немало кожи. Она даже причесала его. Одно жаль — волосы вываливались просто клочьями.

— Ну вот, — удовлетворенно проговорила врач, поднося ему большое зеркало. — Тебе знаком этот молодой человек?

Она наблюдала за ним — видимо, проверяла, фокусируется ли взгляд.

«Это я?.. Ну... Наверное, привыкнуть можно». Скелет и череп, обтянутые покрасневшей кожей. Заострившиеся черты лица... Серые глаза с красными, как после хорошей попойки белками. Темные волосы с проплешинами, словно от стригущего лишая. Если честно, он надеялся увидеть что-то более приличное.

Он попытался задать вопрос. Губы зашевелились, но речь, как и сны, получилась совершенно бессвязной. Он не смог даже чертыхнуться, отчего выругаться захотелось еще сильнее. В конце концов он издал какое-то булькающее рычание. Женщина поспешно убрала зеркало и встревоженно посмотрела на него.

Спокойно. Если он станет метаться, они опять вкатят снотворное, а это ни к чему. Он лег, бессильно задыхаясь. Женщина снова опустила изголовье кровати, притушила свет и собралась уходить. Ему удалось застонать. Подействовало — она вернулась.

— Лилли назвала твою криокамеру шкатулкой Пандоры, — задумчиво пробормотала она, — но мне она представилась хрустальным гробом заколдованного рыцаря. Как бы мне хотелось разбудить тебя поцелуем.

Женщина склонилась над ним, полузакрыв глаза, и прижалась губами к его губам. Он замер, наслаждаясь и тревожась одновременно. Она выпрямилась, посмотрела на него и вздохнула:

— Не похоже, чтобы получилось. Наверное, я просто не та принцесса.

«У вас очень странный вкус, миледи, — ошеломленно подумал он. — На мое счастье».

Впервые мелькнула какая-то надежда. Он лежал тихо, позволив ей уйти. Прежде он либо терял сознание, либо ему вводили успокоительное. На этот раз сон пришел естественно, сам по себе. Не то чтобы он обрадовался: «Вдруг я умру, так и не проснувшись?» — но сон нужен был его телу и позволил забыть о боли.

Постепенно он овладел левой рукой. Потом заставил дергаться правую ногу. Его прекрасная дама принесла еще сладкой водички, но сладких поцелуев на десерт больше не последовало. К тому моменту, как он начал шевелить левой ногой, она явилась снова, но на этот раз произошло что-то ужасно нехорошее.

Доктор Дюрона, казалось, постарела лет на десять и стала холодной. Как лед. Расчесанные на прямой пробор волосы были коротко острижены и в темных прядях блестела седина. Прикоснувшиеся к его телу руки, которые помогли ему сесть, были сухие, холодные, суровые. Совсем неласковые.

«Я попал в искривление времени. Нет, меня снова заморозили. Нет, я просто слишком долго не прихожу в норму, и она обозлилась. Нет...»

От смятения у него перехватило дыхание. Он только что потерял лучшего друга и не понимал почему.

Она очень профессионально растерла ему ноги, надела на него просторную больничную рубаху и заставила встать. Он чуть не лишился чувств. Женщина уложила его в постель и ушла.

В следующий раз она снова поменяла прическу. Волосы отросли и были аккуратно стянуты сзади серебряным кольцом. Хвост был прочерчен широкими полосами седины. Он готов был поклясться, что она постарела еще на десять лет. «Что со мной происходит?» Она держалась не слишком сурово, но все же не столь непринужденно, как вначале. Женщина провела его по комнате туда и обратно, и он так измучился, что сразу же заснул.

Он ужасно расстроился, когда вновь увидел ее с короткой стрижкой. Но, что ни говори, она смогла поднять его и заставить двигаться. Женщина гаркала, как сержант на строевой подготовке, но он пошел, даже сам, без ее помощи. Она вывела его из палаты туда, где короткий коридор заканчивался дверью, потом отвела обратно.

Они как раз начали второй круг, когда дверь с шипением отъехала в сторону и оттуда вышла доктор Дюрона с конским хвостом. Он уставился на стоящую рядом стриженую особу и чуть не расплакался.

«Это нечестно! Вы меня совсем запутали!»

Доктор Дюрона подошла к доктору Дюрона. Он моргнул и вгляделся в вышитые на кармашках имена. Стриженая была «Д-р А. Дюрона». Хвостатая — «Д-р Р. Дюрона».

— Привет, Астра, как он? — спросила доктор Р.

Доктор А. ответила:

— Не так уж плохо. Но я совсем измотала его этой терапией.

— Похоже... — Доктор Р. вовремя подхватила его, иначе бы он рухнул. Губы не слушались, и вместо слов получался сдавленный стон. — По-моему, ты перестаралась.

— Ничуть, — ответила доктор А., подхватывая его с другой стороны. — Но, похоже, восстановление умственных способностей у него задерживается. Это плохо. На нас давят. Лилли начинает терять терпение. Если в самое ближайшее время он не начнет соображать, нам он ни к чему.

— Лилли никогда не теряет терпения, — укоризненно сказала доктор Р.

— А сейчас теряет.

— А умственные способности вообще-то восстановятся? — Доктор Р. помогла ему улечься в постель.

— Кто знает? Физические Вербена нам гарантировала. Великолепная работа. Мозг электрически активен, так что...

— Да, но не так-то быстро, — прозвучал от двери теплый жизнерадостный голос. — Что вы такое сотворили с моим пациентом?

Это была доктор Дюрона. Опять. Ее длинные мягкие волосы, совершенно черные, были собраны сзади. Пока она, улыбаясь, шла к ним, он прочел на кармашке «Доктор В. Дюрона». Его Дюрона. Он даже застонал от облегчения. Большего смятения просто не вынести, эта боль сильнее, чем физическая. Похоже, с нервами у него совсем плохо. Состояние, как во время ночного кошмара — только кошмары омерзительнее. Кровь, куски тел. А тут просто женщина в зеленом стоит и спорит сама с собой.

— Все физиотерапевты — садисты, — пошутила доктор А.

А, теперь понятно...

— Возвращайся помучить его попозже, — посоветовала доктор Р., — но осторожно.

— Какова максимально допустимая нагрузка? — Доктор А. была внимательна и серьезна. Склонив голову, она делала заметки в истории болезни. — Видишь ли, сверху поступают настойчивые запросы.

— Знаю. Физиотерапия не чаще чем раз в четыре часа. Пока. Пульс не должен быть выше ста сорока.

— Так много?

— Неизбежные последствия того, что сердце у него все еще маловато.

— Бу сде, лапочка. — Доктор А. захлопнула историю болезни и кинула ее доктору В., а потом ушла. Доктор Р. выпорхнула следом.

Его доктор Дюрона, доктор В., подошла к постели, улыбнулась и отвела волосы у него со лба.

— Тебе уже скоро пора стричься. А на проплешинах начинают расти новые волосы. Это очень хороший признак. Раз на голове столько происходит, то и внутри нее, наверное, тоже что-то меняется, а?

Да, если считать припадки истерии... Из глаза выкатилась слезинка. Она провела пальцем по влажному следу и вздохнула тревожно-сочувственно. Почему-то его это вдруг смутило.

«Я не... я не... я не мутант».

Она наклонилась поближе:

— Как ваше имя?

Он хотел заговорить. Язык не слушался. Он знал слова, но никак не мог их воспроизвести.

— Фш... мм... К фш ммя?

— Ты повторил за мной? — обрадовалась она. — Уже неплохое начало...

— Нн! К фш-ш м-мя? — Он ткнул пальцем в кармашек халата, надеясь, что она не подумает, будто он пытается ее лапать.

— Что? Ты спрашиваешь, как меня зовут?

— Гх! Гх!

— Доктор Дюрона.

Он застонал, закатывая глаза.

— А мое имя — Вербена.

Облегченно вздохнув, он упал на подушку. Вербена. Славное имя. Ему хотелось сказать Вербене, что у нее славное имя. Ой, а если их всех зовут Вербенами... нет, ту, ну, которая как сержант, назвали Астрой. Все в порядке. Он может, если понадобится, выбрать из стада свою доктор-Дюрону — она особенная. Он прикоснулся дрожащей рукой к ее губам, потом к своим, но Вербена не поняла намека и не поцеловала его.

Неохотно, просто потому, что не было сил ее удерживать, он позволил Вербене уйти. Может, тот поцелуй ему приснился? А может, ему вообще все это снится?

После ее ухода прошло, похоже, немало времени, но ради разнообразия он не задремал, а лежал, охваченный бессвязными тревожными мыслями. В потоке мыслей кружился странный мусор: то какой-то образ, то что-то вроде вос-

поминания, но стоило ему сосредоточиться на этом, как поток мыслей замерзал и поднималась волна паники. Ну, так. Надо занять себя чем-то другим и наблюдать за мыслями исподтишка. В том, что он знает, есть его отражение. Надо попытаться расследовать, кто же он все-таки такой. «Если не можешь делать то, что хочешь, делай то, что можешь». И если нельзя ответить на вопрос, кто он такой, надо попробовать выяснить, где он. Нашлепки с датчиками исчезли — за ним больше не наблюдали так тщательно, как прежде.

Было очень тихо. Он соскользнул с кровати и направился к двери. При его приближении дверь отъехала в сторону и он увидел короткий коридор, по-ночному тускло освещенный лампами на уровне пола.

В коридор выходили двери еще трех палат. Ни в одной не оказалось окон. Пациентов тоже не оказалось. Крошечный кабинет врача — или пост дежурной сестры — был пуст... Нет. На столике рядом с включенным коммом дымилась чашка какого-то напитка. Значит, дежурная скоро вернется. Он быстро проскользнул мимо и проверил дверь в конце коридора. И эта дверь тоже открылась автоматически.

Еще один короткий коридор. Две прекрасно оборудованные операционные. Обе отключены, стерилизованы, по-ночному молчаливы. И без окон. Пара кладовок, одна запертая, другая — нет. Две запертые стеклянные двери лабораторий: сквозь одну смутно виднеются ряды клеток для подопытных животных. Все заставлено медицинским и биохимическим оборудованием. Оборудования гораздо больше, чем может понадобиться лечебному учреждению. Несомненно, исследовательский центр.

«Откуда я знаю, что?..» Нет. Не надо задавать вопросов. Просто двигайся. В конце коридора — лифтовая шахта. Туда.

Все тело ныло, дышать было тяжело, но надо воспользоваться шансом.

«Давай, давай, давай».

Где бы он ни находился, это — самый нижний этаж. Под лифтовой шахты — здесь, прямо у его ног. Шахта уходила вверх в темноту, разбиваемую табличками с надписями Т-3, Т-2, Т-1. Поле отключено, низенькая дверца и не думает открываться автоматически. Открыв дверь вручную, он задумался над дальнейшими возможностями. Можно включить поле, но это рискованно — где-то на пульте немедленно загорится сигнальная лампочка (почему он так четко это себе представляет?). Или можно взобраться на первую перекладину.

При первой же попытке у него потемнело в глазах. Он включил поле.

Плавно поднявшись до уровня Т-1, он вышел из шахты. У крошечной площадки была дверь, прочная и сплошная. Дверь открылась и тут же закрылась у него за спиной.

Осмотрев то, что оказалось самым обыкновенным чуланом, он повернул обратно. Дверь исчезла, слившись со стеной.

Понадобилась целая минута испуганного исследования, чтобы убедиться в том, что он не ошибся. Дверь маскировалась под стену. И он только что сам себя запер. Он отчаянно заколотил по стене, но дверь отказывалась выпустить его. Босые ноги мерзли на гладком цементном полу, голова кружилась, усталость накатывала волнами. Ему так хотелось вернуться в постель. «Тебе это так надо только потому, что не получается. Из упрямства. Иди вперед». Тяжело опираясь на всякий хлам, он добрался до второй двери. Когда дверь захлопнулась у него за спиной, выяснилось, что и она открывается только с одной стороны.

«Иди вперед».

Впереди был еще один короткий коридор, заканчивающийся стандартным вестибюлем с лифтовой шахтой. Этот уровень тоже прикидывался, будто он последний. Уровень П-2. Таблички указывали на уровни П-1, 0, 2, 3 и дальше, уходя за пределы видимости. Он выбрал «0». Земля? Да. Он оказался в темном фойе.

Небольшое аккуратное помещение, обставленное скорее поделовому, чем по-домашнему: растения в кадках, столик ночного дежурного. Никого. Никаких надписей. Но здесь наконец он увидел окна и прозрачные двери. В стеклах неясно отражалось помещение — на улице стояла ночь. Главный приз: коммпульт. Здесь можно не только сесть и передохнуть — здесь можно найти массу данных... Вот черт! Комм, оказывается, настроен на конкретных людей и на его прикосновение никак не отреагировал. Существуют способы снять защиту. Как же это делается?.. Нечеткая картина рассыпалась, как стайка испуганных рыбок. Он чуть не расплакался от беспомощности, сидя в рабочем кресле и опустив голову на панель несговорчивого комма.

Его трясло. «Господи, как я ненавижу холод!» Он проковылял к стеклянной двери. На улице шел снег: крошечные сверкающие хлопья неслись под углом в белом луче прожектора. Эти снежинки такие колючие. Они с шипением обожгут ничем не защищенную кожу. Внезапно мелькнуло воспоминание. Странная картина: ледяная метель, ночь и дюжина нагих мужчин. И еще — ощущение гигантской катастрофы. Может, тогда он и умер, под ветром и снегом? Недавно, где-то поблизости?

«Я был мертв». Он впервые осознал это. Сквозь ткань рубахи виднелись шрамы, расползшиеся по телу. «И сейчас чувствую себя весьма неважно». Он нервно хихикнул и тут же засунул в рот кулак. Видимо, тогда он даже не успел испугаться. Запоздалая волна ужаса бросила его на колени. Потом он повалился на ледяной пол, дрожа от холода. И пополз.

Видимо, он включил какой-то датчик, потому что прозрачная дверь с шипением поползла в сторону. Ну уж

нет, он не собирается повторять одну и ту же ошибку. Он не окажется во тьме внешней. Он немедленно вернется обратно. В глазах потемнело, и он потерял ориентацию. Ледяной цемент сменил гладкие плитки пола. Ошибся! Что-то словно ударило его по голове и с силой отбросило назад. Он почувствовал запах паленых волос. Перед глазами замелькали яркие узоры. Он попытался податься назад, но на пороге упал в лужу ледяной воды. «Нет, черт возьми, нет! Я не хочу снова замерзнуть!..» Он скорчился от отчаяния.

Голоса, тревожные крики. Шаги, шум.. Теплые, о, благословенно теплые руки оттаскивают его от смертоносной двери.

Два женских голоса и один мужской:

— Как он сюда попал?

— ... не должен был выбраться.

— Позовите Вербену. Разбудите.

— Он выглядит ужасно.

— Нет, он вообще так выглядит.

Приблизилось чье-то лицо, суровое и обеспокоенное. Ассистент Вербены, тот самый, который ввел ему тогда успокоительное: поджарый тип, смуглый, и нос у него с горбинкой. На кармашке надпись «В. Дюрона». Но не «Д-р». «Назовем его... Брат Дюрона».

— ...опасность. — говорил «Брат Дюрона». — Невероятно, чтобы он смог в таком состоянии обмануть систему безопасности!

— Не 'зпасность. —(Слова! Он выговаривает слова!) — Пжарный выхд. — И добавил: — Дурак.

«Брат Дюрона» оскорбленно дернулся:

— Ты это мне, Короткое Замыкание?

— Он говорит! — С радостным возгласом над ним склонилась его доктор Дюрона. Он узнал ее даже с распущенными волосами, темным облаком упавшими на плечи. «Вербена, любовь моя». — Ворон, что он сказал?

Молодой человек сдвинул темные брови.

— Готов поклясться, что он сказал «пожарный выход». Чушь какая-то.

Вербена широко улыбнулась:

— Ворон, все потайные двери открываются наружу автоматически! Для эвакуации на случай пожара или химического загрязнения, или... Ты понимаешь, о каком уровне мышления это говорит?!

— Нет, — холодно ответил Ворон.

Наверное, обиделся на «дурака». Конечно, обидно, тем более если учесть, кто его так обозвал.

Откуда-то слева донесся немолодой грудной голос.

— Если вы тут не по долгу службы, идите спать. — Обладательница грудного голоса, доктор Дюрона с коротко стриженными седыми волосами появилась в его поле зрения,

внимательно вглядываясь в него. — Господи, Вербена, он чуть было не сбежал — и это в его-то состоянии!

— Ну уж и сбежал, — сказал Брат Ворон. — Даже если бы ему удалось каким-то образом прорваться сквозь силовой экран, он замерз бы через двадцать минут — в его-то одежде!

— А как он вышел?

Очередная доктор Дюрона виновато сказала:

— Он, наверное, прошел мимо поста, когда я была в туалете. Извините!

— А если бы он выбрался днем? — задумалась старшая. — Если бы его увидели? Это была бы катастрофа!

— Теперь я буду запирать больничное крыло! — пообещала встревоженная Дюрона.

— Не уверена, что этого достаточно. Вчера он даже ходить не мог! И все же случившееся меня не только тревожит, но и обнадеживает. Кажется, мы тут что-то заполучили. Придется следить тщательнее.

— Кому это поручить? — спросила Вербена.

Несколько докторов Дюрона — кто в ночных рубашках, кто в халатах — разом посмотрели на молодого человека.

— Ну уж нет! — запротестовал Ворон.

— Вербена может следить за ним днем и продолжать свою работу. А у тебя будут ночные дежурства, — решительно объявила седовласая.

— Да, сударыня, — вздохнул Ворон.

Та повелительно махнула рукой:

— Верните его в палату. А ты, Вербена, проверь, не повредил ли он себе чего.

— Сейчас привезу антигравитационную платформу, — сказала Вербена.

— Не нужна нам платформа, — презрительно возразил Ворон, опустился на колени, подхватил его на руки и, хрипло выдохнув, встал. Демонстрирует, какой он сильный?.. Ну... нет. — Веса в нем не больше, чем в мокрой шубе. Пошли, Короткое Замыкание, тебя ждет постель.

Сил больше не было — пришлось позволить себя нести. Вербена на всякий случай пошла с ними.

Вербена тщательно осмотрела его, особое внимание уделив ноющим шрамам.

— Ничего страшного. Но, похоже, он испытывает беспокойство. Может, из-за боли.

— Ввести ему пару кубиков снотворного? — с готовностью спросил Ворон.

— Нет. Выключи свет. Ему нужны покой и тишина. Он очень измучен. Думаю, он сам заснет, как только согреется. — Вербена нежно прикоснулась к его щеке,

потом к губам. — Знаешь, ведь он заговорил уже второй раз за последние сутки.

Ей хочется, чтобы он поговорил с ней. Но не сейчас. Сейчас он слишком устал. И слишком переволновался. В этих Дюронах чувствуется какая-то скрытая тревога. Что-то их очень беспокоит. Что-то связанное с ним? Может, сам он о себе ничего не помнит, но они-то уж точно что-то знают. Знают и не говорят.

Вербена ушла. Брат Дюрона сдвинул два кресла и, устроившись поудобнее, углубился в чтение. Время от времени Ворон возвращался назад или делал записи. Несомненно, изучает медицину.

Он лежал пластом, безмерно усталый. Сегодняшняя экскурсия чуть не прикончила его, и какие результаты? Никаких, не считая того, что он находится в очень странном месте.

«И я здесь пленник».

ГЛАВА 19

Марк, Элен и графиня сидели в библиотеке и просматривали данные по кораблю. Вылет планировался на завтра.

— Как вы думаете, у меня будет время повидать на Комарре клонов? — спросил Марк. — Иллиан позволит?

Служба безопасности поместила клонов в комаррский частный пансион — по совету графини, которая держала Марка в курсе происходящего. Иллиану это понравилось, поскольку так надо было охранять только одно место. Клонам это понравилось, потому что они по-прежнему были вместе. Хоть что-то знакомое в совершенно незнакомом мире. Учителям это понравилось, потому что с клонами можно было заниматься по общей программе, подтягивая всех к одному уровню. В то же время детишки имели возможность встречаться с подростками из нормальных семей и понемногу учиться общению. Позже, когда минует опасность, графиня постарается найти им приемных родителей.

«Как они смогут научиться строить семью, не имея примера для подражания?» — убеждала она Иллиана. Марк слушал этот разговор с глубочайшим интересом, но рта не открывал.

— Конечно, если захочешь, — ответила графиня. — Иллиан, естественно, заартачится, но это у него чисто рефлекторное. Только... Боюсь, он может высказать один веский аргумент. В связи с тем, куда ты направляешься. Если ты — не приведи Господь — нарвешься на людей Бхарапутры, тебе лучше не знать подробностей, касающихся клонов. Было бы куда осмотрительнее заглянуть к ним на обратном пути.

Казалось, графине самой неприятно это говорить, но многолетняя привычка сделала осмотрительность автоматической.

«Если я нарвусь на Васа Луиджи, меньше всего меня будут волновать клоны», — подумал Марк. Да и вообще, зачем ему лично навещать их? Давняя мечта выступить в роли героя? Герой должен быть сдержан и суров. Герой не нуждается в похвалах и не преследует свои... жертвы... добиваясь признания. Хватит уже валять дурака.

— Нет, — вздохнул он наконец. — Если кто-то из них захочет со мной поговорить, он, наверное, сам меня отыщет.

Да и вообще, ни одна принцесса по доброй воле его не поцелует.

Графиня только молча пожала плечами.

Элен вернула их к практическим вопросам: стоимости топлива и ремонта системы жизнеобеспечения. Ботари-Джезек и графиня (Марк вспомнил, что когда-то она и сама была капитаном корабля) как раз обсуждали проблему отладки двигателей Неклина, когда изображение на экране комма вдруг разделилось и в одной его части материализовалось лицо Саймона Иллиана.

— Привет, Элен, — кивнул он ей, поскольку за пультом сидела именно она, — я хотел бы поговорить с Корделией.

Элен улыбнулась, кивнула, отключила микрофон, отодвинула кресло и, быстро поманив графиню, шепотом спросила:

— У нас неприятности?

— Он нам помешает, — забеспокоился Марк. — Он меня приколотит гвоздями к полу. Не сомневаюсь.

— Ш-ш, — графиня улыбнулась. — Сядьте подальше и молчите. Саймон — моя забота. — Она включила микрофон. — Да, Саймон, чем могу быть полезна?

— Миледи, — Иллиан отрывисто кивнул, — коротко говоря, — вы можете остановиться. Ваш план неприемлем.

— Для кого, Саймон? Для меня он вполне приемлем. У кого еще есть право голоса?

— У Безопасности, — прорычал Иллиан.

— Безопасность — это ты. Будь любезен, сам отвечай за собственные эмоциональные реакции и не пытайся переложить их на какую-то туманную абстракцию. Или отключись и соедини меня с капитаном Безопасность.

— Хорошо. Неприемлемо для меня.

— Коротко говоря — перебьешься.

— Я прошу вас остановиться.

— А я отказываюсь. Если хочешь меня остановить, придется тебе отдать приказ на мой арест. И на арест Марка.

— Я поговорю с графом, — непреклонно заявил Иллиан с видом человека, вынужденного прибегать к крайним мерам.

— Граф слишком болен. И я с ним уже поговорила.

Иллиан проглотил это, почти не подавившись.

— Не знаю, чего, по-вашему, вы сможете добиться, кроме как замутить воду, подвергнуть риску людей и потратить целое состояние.

— Ну вот, в том-то и дело, Саймон. Я не знаю, чего сможет добиться Марк. И ты не знаешь. Все дело в том, что у Службы безопасности в последнее время не было конкурентов. Вы принимали свою монополию как нечто само собой разумеющееся. Вам полезно будет посуетиться.

Какое-то время Иллиан сидел, молча стиснув зубы.

— Тем самым вы подвергаете семейство Форкосиганов тройному риску, — сказал он наконец. — Вы рискуете последней возможной заменой.

— Я это сознаю. И выбираю риск.

— У вас есть на это право?

— Больше, чем у тебя.

— Такого переполоха в правительстве я не видел уже много лет. Центристская коалиция ищет человека, который заменил бы Эйрела. И три другие партии тоже ищут.

— Превосходно. Надеюсь, у одной из них это получится прежде, чем Эйрел встанет на ноги. Иначе я никогда не заставлю его выйти в отставку.

— Вот вы чего добиваетесь? — возмутился Иллиан. — Хотите оборвать карьеру вашего мужа? Где же ваша преданность, миледи?

— Я хочу увезти его из Форбарр-Султана живым, — ледяным голосом ответила Корделия. — В последнее время я почти потеряла надежду это сделать. Выбирай сам, чему предан ты — я выбираю за себя.

— Но кто в состоянии заменить его? — жалобно спросил Иллиан.

— Таких немало. Ракоци, Форхалас или Сендорф — вот уже трое. Если не так, значит, Эйрел — плохой лидер. Единственное мерило оценки великого человека — люди, которых он оставляет после себя, которым он передал свои таланты. Если ты считаешь, будто Эйрел настолько мелок, что подавил всех окружающих, тогда, наверное, Барраяру лучше будет без него.

— Вы же знаете, что я так не считаю!

— Прекрасно. Тогда твой довод уничтожен.

— Вы меня всегда путаете. — Иллиан потер затылок и под конец сказал: — Миледи, я не хотел вам этого говорить. Но подумали ли вы, насколько опасно допустить, чтобы лорд Марк нашел лорда Майлза первым?

Графиня откинулась на спинку кресла и забарабанила пальцами по краю пульта.

— Нет, Саймон, — улыбнулась она. — О какой опасности ты говоришь?

— О соблазне продвинуться вверх.

— Убить Майлза. Говори, что думаешь, черт побери! — В ее глазах появился опасный блеск. — Ну так позаботься, чтобы твои люди нашли Майлза первыми. Так ведь? Я не возражаю.

— Черт побери, Корделия, — воскликнул он, теряя самообладание. — Ты же должна понимать, что стоит им нарваться на неприятности, они первым делом обратятся за помощью к Службе безопасности!

Графиня ухмыльнулась:

— Цель вашей жизни — служение, так, по-моему, вы говорите, принося присягу. Верно?

— Посмотрим, — огрызнулся Иллиан и отключил связь.

— Что он предпримет? — испуганно спросил Марк.

— Попытается найти на меня управу. Поскольку с Эйрелом я его опередила, у него остается только одна возможность. Думаю, мне не имеет смысла вставать с кресла. Все равно со мной в ближайшее время свяжутся.

Марк с Элен попытались продолжить работу. Когда комм снова заверещал, Марк подпрыгнул.

Незнакомый молодой человек, кивнув Корделии, объявил:

— Леди Форкосиган — император Грегор, — после чего мгновенно исчез. На экране появилось смущенное лицо Грегора.

— Доброе утро, леди Корделия. Право же, вам не следовало так огорчать Саймона.

— Он это заслужил, — спокойно ответила графиня. — Готова признать, что сейчас у него немало забот. Скрытое беспокойство вечно превращает его в мерзавца. Иначе бы ему пришлось с воплями носиться по кругу. По-видимому, для него это — средство держаться.

— А для некоторых средство держаться — чрезмерно тщательный анализ, — пробормотал Грегор. Губы Корделии изогнулись в улыбке, и Марк подумал, что знает, кто бреет брадобрея.

— Его соображения безопасности вполне законны, — продолжил Грегор. — Насколько разумно ваше предприятие?

— На это можно ответить только экспериментальным путем. Я согласна, Саймон говорит искренне. Но... ваше величество, что, по-вашему, лучше служит интересам Барраяра? Вот вопрос, на который вы должны ответить.

— В мыслях у меня есть противоречия.

— А в сердце? — Ее слова прозвучали как вызов. Графиня раскрыла ладони — то ли извинение, то ли мольба. — Так или иначе вам еще долго предстоит иметь дело с лордом Марком Форкосиганом. Эта поездка в любом случае проверит основательность всех сомнений. Иначе сомнения останутся с вами навсегда и будут точить душу. Я считаю, что это нечестно по отношению к Марку.

— До чего научно, — выдохнул Грегор. Собеседники с иронией посмотрели друг на друга.

— Я подумала, что вам такой довод понравится.
— Лорд Марк с вами?
— Да. — Графиня дала ему знак подойти.
Марк вышел в зону приема:
— Ваше величество.
— Ну, лорд Марк. — Грегор серьезно посмотрел на него. — Похоже, ваша мать намерена предоставить вам все возможности самому вырыть себе могилу.
Марк с трудом сглотнул:
— Да, ваше величество.
— Или спастись. — Грегор кивнул. — Так тому и быть. Удачи вам — ни пуха ни пера.
— К черту, ваше величество.
Грегор улыбнулся и отключил связь.
Больше Иллиан их не тревожил.

После обеда графиня, отправляясь в госпиталь, взяла с собой Марка. Он уже дважды навещал отца. Правда, граф по-прежнему пугал Марка. Даже теперь, прикованный к постели, на грани между жизнью и смертью, он был все так же силен духом, и Марк не знал, что его больше пугает: сила личности или близость смерти.
У палаты премьер-министра Марк неуверенно остановился. Графиня вопросительно посмотрела на него.
— Мне... — замялся Марк. — Мне на самом деле не хочется туда заходить.
— Я не стану тебя заставлять. Но сделаю предсказание.
— Говори, о прорицательница!
— Ты никогда не пожалеешь о том, что зашел. Но возможно, будешь глубоко сожалеть о том, что не зашел.
Марк переварил ее слова, чуть слышно произнес: «Ладно» и пошел за ней.
Они прошли на цыпочках по пышному ковру. За окном открывался великолепный вид на Форбарр-Султан: древние здания и река, рассекающая сердце города. День выдался пасмурный, холодный и дождливый, и последние этажи современных зданий терялись в клубящемся белом тумане. Граф лежал, повернувшись к серебристому свету. Бледное одутловатое лицо казалось почти зеленым — и не только из-за обманчивого освещения и бликов от зеленой пижамы. Он был весь облеплен датчиками, а к ноздрям подходила кислородная трубка.
Услышав шаги, он повернул голову, улыбнулся и включил лампочку у кровати. Но теплый электрический свет не улучшил цвет его лица.
— Милая капитан! Марк!
Графиня наклонилась к мужу, и они обменялись долгим поцелуем. Графиня уселась по-турецки у него в но-

гах, расправила длинную юбку и принялась массировать ему ступни. Эйрел умиротворенно вздохнул.

Марк остановился в метре от кровати:

— Добрый вечер, сэр. Как вы себя чувствуете?

— Если не можешь поцеловать собственную жену, не задохнувшись, значит, дела плохи, — пожаловался Эйрел и откинулся на подушки.

— Меня пустили в лабораторию посмотреть на твое новое сердце, — сообщила графиня. — Оно уже размером с цыплячье и очень весело бьется в своей пробирке.

Граф тихо рассмеялся:

— Мрачный юмор.

— Мне оно показалось очень симпатичным.

— Тебе — еще бы!

— А уж если хочешь мрачного юмора, то подумай, как ты распорядишься старым после пересадки. Возможности для шуток в дурном вкусе просто неограниченны.

— Голова кругом идет, — пробормотал граф. Все еще улыбаясь, он взглянул на Марка.

Марк вздохнул поглубже:

— Леди Корделия говорила вам, что я собираюсь сделать?

— Угу. — Улыбка графа погасла. — Да. Будь осторожен. Гадкое место этот Архипелаг Джексона. Хотел бы я отправить с тобой Ботари.

Графиня явно удивилась. По ее лицу Марк угадал, что она сейчас думает: «Неужели он забыл, что Ботари погиб?» Графиня постаралась изобразить еще более веселую улыбку.

— Я беру Ботари-Джезек, сэр.

— История повторяется. — С трудом приподнявшись на локте, граф строго добавил: — Смотри, чтобы она не повторилась, мальчик! — И снова откинулся на подушки. Графиня успокоилась. — Надо признать, Элен умнее отца, — печально заметил он.

Графиня закончила массаж.

Эйрел нахмурился, очевидно, пытаясь сформулировать более полезный совет.

— Когда-то я думал... конечно, я понял это уже в старости... что нет более страшной судьбы, чем стать ментором. Быть в состоянии объяснить, что надо делать — и не в состоянии сделать самому. Послать своего воспитанника вперед, яркого и красивого, чтобы он принял огонь вместо меня... Но, кажется, я узнал и кое-что похуже. Послать ученика, не имея возможности как следует его обучить... Будь умным, мальчик. Уворачивайся. Не отдавай победы врагу заранее, в своих мыслях. Потерпеть поражение ты можешь только здесь.

Граф прикоснулся пальцами к вискам.

— Я пока даже не знаю, кто мои враги, — виновато сказал Марк.

— Не беспокойся, они сами тебя найдут, — вздохнул граф. — Люди сами выдают себя: словами, поступками. Если ты терпеливо молчишь и не мешаешь им, и не торопишься настолько, что становишься глух и слеп, как крот. Верно?

— Наверное, так, сэр, — ответил озадаченный Марк.

— Ха! — граф окончательно задохнулся. — Сам увидишь, — просипел он.

Графиня пристально посмотрела на него и встала.

— Ну, — Марк отрывисто кивнул, — до свидания.

Его слова беспомощно повисли в воздухе. Он судорожно сглотнул, осторожно приблизился к графу и протянул руку.

Граф быстро и сильно сжал ее. Рука у него была большая, с квадратной ладонью и крепкими пальцами: рука для лопаты и кирки, сабли и ружья. Ладонь Марка рядом с ней показалась по-детски маленькой и пухлой. У них не было ничего общего, кроме рукопожатия.

— Смерть врагам, мальчик, — прошептал граф.

— И вам тем же концом по тому же месту, сэр.

Отец хрипло рассмеялся.

Этим вечером, в свой последний день на Барраяре, Марк сделал еще один вызов по комму. Он прокрался в комнату Майлза, чтобы воспользоваться его комм-пультом — не то чтобы по секрету, но все же не при всех. Минут десять он молча смотрел на потухший экран и наконец порывисто набрал номер.

Когда отзвучал сигнал вызова, на экране возникла светловолосая женщина средних лет. Прежде, наверное, она была потрясающе красива, но и теперь казалась сильной и уверенной. В голубых глазах горели веселые искорки.

— Дом коммодора Куделки, — официально произнесла она.

«Это ее мать!» Марк с трудом поборол ужас и дрожащим голосом проговорил:

— Можно мне поговорить с Карин Куделкой, сударыня?

Светлая бровь чуть приподнялась.

— Кажется, я знаю, кто вы, но... как мне сказать, кто ее спрашивает?

— Лорд Марк Форкосиган, — с трудом выдавил он.

— Секунду, милорд. — Изображение исчезло, и он услышал удаляющийся голос: — Карин!

Потом послышался приглушенный стук, неясные возгласы, вскрик, и смеющаяся Карин воскликнула:

— Нет, Делия, это меня! Мама, пусть она уйдет! Меня, только меня! Уходи!

Стук двери, судя по всему, кого-то прищемившей, вопль и еще один, более решительный хлопок.

На экране появилась Карин Куделка, запыхавшаяся и взъерошенная, и, радостно блеснув глазами, сказала:

— Привет!

Если это был и не точь-в-точь такой взгляд, какой леди Кассия подарила Айвену, то по крайней мере что-то очень похожее.

— Здрасьте, — взволнованно сказал он. — Я хотел попрощаться.

Нет, это слишком внезапно...

— Что?!

— Э-э, извините, я не совсем то хотел сказать. Но я скоро улетаю с планеты, и мне хотелось перед отъездом поговорить с вами еще раз.

— А. — Ее улыбка погасла. — А когда вы вернетесь?

— Точно не знаю. Но когда вернусь, хотел бы снова вас увидеть.

— Ну... конечно.

«Конечно!» Сколько в это «конечно» можно вложить радостных предположений!

Она прищурилась:

— Что-нибудь случилось, лорд Марк?

— Нет, — поспешно ответил он. — Э-э... Я только что слышал голос вашей сестры?

— Да. Мне пришлось от нее запереться, иначе она встала бы передо мной и начала корчить рожи. — Искреннее негодование Карин продержалось всего секунду, а потом она добавила: — Я всегда так делаю, когда ей звонят молодые люди.

Он — молодой человек. Как... как нормально! Несколькими вопросами он вызвал ее на рассказ о сестрах, о родителях, о ее жизни. Частные школы, любимые дети... Семья коммодора была зажиточной, но барраярский культ работы внушил им страсть к образованию и жизненному успеху: идеал служения пронизывал всю их жизнь, увлекая их в будущее. Он весь пропитался ее словами, мечтательно сопереживая. Она такая мирная, такая настоящая! Никакого надлома, никакого уродства. Его разум согрелся, насытился и стал счастливым: ощущение почти эротическое, но без угрозы. Увы, вскоре Карин заметила, что он почти все время молчит.

— Боже, я совсем вас заболтала! Извините.

— Нет! Мне нравится вас слушать.

— Вот это что-то новое. У нас в семье мне и слова не удается вставить. Я до трех лет вообще не говорила. Меня даже к врачу повели. Оказалось, дело в том, что сестры все время отвечали за меня!

Марк рассмеялся.

— А теперь все говорят, что я наверстываю упущенное.

— Насчет упущенного я прекрасно понимаю, — невесело сказал Марк.

— Да, я... кое-что слышала. Кажется, ваша жизнь была настоящим приключением.

— Не приключением, — поправил он, — скорее катастрофой. Может, когда вернусь, я кое-что смогу вам рассказать.

Если вернется. Если осуществит то, ради чего летит.

«Я нехороший человек. Вы должны это знать, прежде чем...»

Прежде чем что? Чем дольше будет продолжаться их знакомство, тем труднее будет рассказать ей эти отвратительные тайны.

— Послушайте, я... Вы должны понять. — Господи, он говорит точь-в-точь как Элен, когда та пришла извиняться. — Я в ужасной форме, и я не имею в виду только внешность. — Какое право он имеет забивать ей голову такими ужасами? — Я даже не знаю, что мне следует вам рассказать!

Он прекрасно понимал, что сейчас это преждевременно. Но потом может оказаться слишком поздно, и у нее возникнет чувство, будто ее обманули и предали. А если он не прекратит этот разговор сию же минуту, то поддастся настроению и потеряет единственное светлое существо, которое нашел.

Карин озадаченно наклонила голову:

— Может, вам следует спросить графиню.

— Вы ее хорошо знаете? Можете с ней поговорить?

— О, да. Они с мамой — лучшие подруги. Моя мама раньше была личной телохранительницей графини, а потом вышла в отставку и родила нас.

Ну вот. Опять заговор бабушек. Властные старухи с их генетическими задачами... Он понимал, что существуют вещи, которые мужчина должен делать сам. Но на Барраяре пользуются услугами посредниц. На его стороне — генеральная посланница. Графиня будет иметь в виду его благо. Ага, как женщина, которая держит вопящего младенца, чтобы ему сделали болезненную прививку от смертельной болезни.

Насколько он доверяет графине? Смеет ли он довериться ей в этом?

— Карин... До моего возвращения окажите мне услугу. Если вам представится возможность поговорить с графиней наедине, спросите, что, по ее мнению, вам следует знать обо мне, прежде чем мы с вами сможем познакомиться ближе. Скажите, что это я вас попросил.

— Хорошо. Я люблю разговаривать с леди Корделией. Она для меня как наставница. Внушает мне, что я способна сделать что угодно. — Карин помедлила. — А если вы вернетесь к Зимнепразднику, вы потанцуете со мной на балу у императора? И не прячьтесь в угол! — строго добавила она.

— Если я вернусь к Зимнепразднику, мне не надо будет прятаться в угол. Конечно, потанцую.

— Хорошо. Я вам напомню.

— Слово Форкосигана, — небрежно сказал он.

Ее синие глаза округлились, а на пухлых губах появилась ослепительная улыбка.

— О Боже!

Такое же чувство, наверное, испытываешь, когда собираешься сплюнуть, а вместо слюны изо рта вдруг выскакивает бриллиант. И уже нельзя ничего переиграть. Видимо, форская жилка в ней сильна, если она так серьезно относится к слову Форкосигана.

— Ну, мне пора, — сказал он.

— Хорошо... Лорд Марк, будьте осторожны!

— Я... почему вы это сказали?

Он готов был поклясться, что ни словом не обмолвился о том, куда и зачем направляется.

— У меня отец — военный. И он, глядя такими же честными глазами, так же бессовестно врет, когда отправляется на сложное задание. И маму ему тоже никогда не удается обмануть.

Еще ни разу в жизни девушка не просила его быть осторожным — и притом с таким видом, будто она это серьезно.

— Спасибо вам, Карин.

Марк неохотно отключил комм.

ГЛАВА 20

Марк с Элен долетели до Комарры на курьерском корабле Службы безопасности.

Марк твердо решил, что это последнее одолжение, о котором он просит Саймона Иллиана. Он оставался тверд в своей решимости до самой орбиты Комарры. А на орбите его уже поджидал подарок дендарийцев — все личные вещи медика Норвуда.

СБ вскрыла посылку первой, но на то она и СБ. Что поделаешь? Не без помощи Элен Марк улестил Иллиана и в конце концов получил доступ ко всем вещам. Ему с большой неохотой позволили войти в секретный кабинет на орбитальной станции, принадлежавшей силам безопасности. Марк бессовестно свалил на Элен все дела, связанные с кораблем, а сам погрузился в исследование очередной шкатулки с сокровищами. Один в пустой комнате! Какое блаженство.

Лихорадочно просмотрев абсолютно все вещи Норвуда — одежду, подборку дискет с книгами, письма и сувениры, Марк слегка приуныл и уже готов был признать поражение. Ничего ценного. Ни в одном кармане ничего не завалялось — СБ проверила. Отодвинув одежду, обувь, сувениры, он сосредоточился на библиотеке Норвуда и его учебных записях.

Вздохнув, Марк поудобнее устроился в кресле и приготовился к долгим исследованиям. Он отчаянно надеялся, что Норвуд даст хоть какую-то подсказку. Неужели этот человек, погибший по его вине, умер напрасно?

«Никогда больше не захочу быть командиром. Ни за что и никогда».

Марк и не ожидал, что подсказка будет очевидной. Но через несколько часов, когда он наконец нашел зацепку, это сработало на уровне подсознания. Записка, одна из многих, вложенная в учебник по криообработке. И всего-то там было написано: «Встреча с д-ром Дюроной в 9.00 по поводу лабораторных материалов».

Неужели та самая Дюрона?..

Марк вернулся к послужному списку Норвуда — он уже изучал этот список на Барраяре. Дендарийцы направили Норвуда на криообучение в некий восстановительный центр Бошен — весьма уважаемую коммерческую клинику Эскобара. Среди преподавателей имя доктора Дюроны не встречалось. Не было его и в списке сотрудников Восстановительного Центра. Его вообще нигде не было. Марк на всякий случай перепроверил информацию.

«Наверное, на Эскобаре живет множество людей по фамилии Дюрона».

Но он все равно сжал записку в кулаке. Бумага жгла руку.

Марк связался с Куин, находившейся недалеко от станции на борту «Ариэля».

— А, — неприветливо сказала Элли, — ты вернулся. Элен говорила. И что?

— Послушай, среди дендарийцев есть кто-нибудь — врачи или медики, — кто обучался бы в Восстановительном центре Бошена? Желательно одновременно с Норвудом. Или примерно в то же время.

Элли вздохнула:

— В его группе было трое. Медик Красного отряда, Норвуд и медик Оранжевого отряда. Служба безопасности уже спрашивала об этом, Марк.

— Где они сейчас?

— Медик Красного отряда погиб несколько месяцев назад, разбился с катером...

— А! — он запустил пятерню в волосы.

— ...а медик Оранжевого отряда здесь, на «Ариэле».

— Замечательно! Мне надо с ним поговорить. — Он чуть не сказал: «Позовите его», но вовремя опомнился. Ведь это комм Службы безопасности, и разговор наверняка подслушивают. — Направьте за мной капсулу.

— Во-первых Служба безопасности уже допросила его, а во-вторых, кто ты такой, чтобы мне указывать?

— Вижу, Элен вам ничего не рассказала. — Любопытно. Неужели присяга для Элен важнее, чем преданность дендарийцам? Или ей просто некогда было болтать? Сколько времени он тут... Марк взглянул на хроно. Боже!.. — Дело в том, что я собираюсь на Архипелаг Джексона. В самое бли-

жайшее время. Так что если вы будете себя хорошо вести, может, я и попрошу Службу безопасности отпустить вас в качестве моей гостьи. — Он ухмыльнулся.

Элли одарила его взглядом, куда более выразительным, чем любые ругательства. Ее губы беззвучно зашевелились (считает до десяти?). Наконец она заговорила.

— Твоя капсула будет у стыковочного узла станции ровно через одиннадцать минут.

— Спасибо.

Медик был крайне раздражен.

— Послушайте, меня уже расспрашивали буквально обо всем. В течение нескольких часов. Мы все обговорили.

— Я обещаю быть кратким, — успокоил его Марк. — Всего один вопрос.

Медик злобно посмотрел на Марка: может, догадался, из-за кого они уже двенадцать недель не могут уйти с орбиты Комарры?

— Когда вы с Норвудом проходили криоподготовку в Восстановительном центре Бошена, вам не встречалась некая доктор Дюрона? Может, она заведовала лабораторией.

— Там всяких докторов было навалом. Нет. Я могу идти? — Медик встал.

— Подождите!

— Вы уже задали один вопрос. И Служба безопасности мне его задавала.

— И вы ответили им то же самое? Подождите. Дайте подумать. — Марк озабоченно кусал губы. Одного имени недостаточно. Надо получить что-то большее. — А не вспомните ли вы... чтобы Норвуд встречался с высокой эффектной женщиной с прямыми черными волосами и карими глазами... Очень умной.

О возрасте он спрашивать не стал: возраст мог быть любым, от двадцати до шестидесяти.

Медик изумленно уставился на него:

— Угу! А вы откуда знаете?

— Кто она была? И что ее связывало с Норвудом?

— По-моему, она тоже там училась. Он какое-то время за ней приударял, все хвастался своим мундиром и военным опытом, но, по-моему, ее не добился.

— А вы не помните, как ее звали?

— Вера или еще как-то. Верба. Не помню.

— Она была с Архипелага Джексона?

— Я считал, что она с Эскобара. — Медик пожал плечами. — В клинике были интерны со всей планеты. Я с ней никогда не разговаривал. Просто пару раз видел ее с Норвудом. Наверное, он боялся, что мы попробуем ее у него отбить.

— Значит, клиника очень хорошая. Пользуется превосходной репутацией.

— Так нам казалось.

— Подождите здесь. — Марк оставил медика в офицерской кают-компании «Ариэля» и бросился на поиски Куин. Искать пришлось недолго: Элли ждала его в коридоре, нетерпеливо постукивая носком ботинка.

— Куин, быстро! Мне нужна визуальная запись со шлема сержанта Тауры. Всего один кадр.

— Служба безопасности конфисковала оригинал.

— Но вы же оставили себе копию!

Она ядовито улыбнулась:

— Надо посмотреть.

— Ну пожалуйста, Куин!

— Подожди.

Элли вернулась довольно быстро и на этот раз зашла вместе в ним в кают-компанию. Поскольку комм уже не реагировал на отпечаток его ладони, пришлось попросить о помощи Куин. Он быстро нашел нужный кадр: крупным планом лицо высокой темноволосой девушки. Марк смазал на кадре фон и только потом подозвал медика.

— Ого!

— Это она?

— Это... — Медик всмотрелся внимательнее. — Она моложе. Но это она. Откуда это у вас?

— Не важно. Спасибо вам. Не смею вас больше задерживать. Вы мне очень помогли.

Медик удалился так же неохотно, как и входил — даже оглянулся через плечо.

— Ты нашел след, Марк? — спросила Элли.

— Вот сядем на мой корабль, отправимся, тогда и скажу. Не раньше.

Он опередил Службу безопасности и не собирается лишаться преимущества. Если бы они не отчаялись, его бы не отпустили — несмотря на просьбы графини. Это честная игра: у него нет никаких данных, которые не могли бы получить люди Иллиана. Он просто чуть иначе эти данные интерпретировал.

— Твой корабль? Откуда ты его взял?

— Мать подарила. — Марк с трудом сдержал торжествующую улыбку.

— Графиня? Ну дела! Она тебя отпустила?

— В конце концов родители подарили моему старшему брату целый флот! — У него заблестели глаза. — Увидимся на борту, как только Элен доложит, что все готово.

Собственный корабль! Не ворованный! Никаких обманов и подделок. Марк еще никогда не получал подар-

ков ко дню рождения. А теперь получил. Первый за все двадцать два года.

Небольшая космическая яхта преклонного возраста когда-то в блаженные времена до барраярского завоевания принадлежала комаррскому олигарху. Раньше яхта, видимо, была роскошной, но за последние десять лет явно пришла в упадок. Но это вовсе не служило свидетельством упадка комаррской экономики. Яхту просто собрались заменить новой — потому и продали. Комаррцы разбирались в бизнесе, а форы разбирались в связи бизнеса и налогов, так что деловая активность при новом режиме осталась прежней.

Марк объявил кают-компанию конференц-залом и сейчас оглядывал гостей, расположившихся в удобных креслах вокруг декоративного камина.

Конечно, здесь была Куин — по-прежнему в дендарийском мундире. Она уже обгрызла ногти и теперь кусала губы. Бел Торн был молчалив и сдержан. Вокруг его погасших глаз пролегли тонкие морщинки. Рядом возвышалась сержант Таура — огромная, растерянная и встревоженная.

Ударным отрядом это не назовешь. Марк опять — в который раз — подумал, что следовало прихватить побольше людей... Нет. Если первая вылазка чему-то его и научила, так это тому, что, если у тебя слишком мало сил для победы, лучше вообще не прибегать к силе.

В каюту вошла Элен. Кивнув Марку, она сообщила:

— Летим. Мы ушли с орбиты и за пультом твой пилот. До первого п-в-перехода двадцать часов.

— Спасибо, капитан.

Куин подвинулась, освобождая место для Ботари-Джезек. Марк устроился на каминном порожке из искусственного булыжника, спиной к потрескивающему искусственному пламени, свободно положив руки между коленями. Глубоко вздохнув, он начал:

— Добро пожаловать на корабль и спасибо вам всем за то, что вы здесь. Как вы понимаете, это не официальная операция дендарийцев, и ее не оплачивает Служба безопасности. Наши расходы взяла на себя графиня Форкосиган. Вы все числитесь в отпуске за свой счет. Я над вами не имею практически никакой власти. А вы — надо мной. Но у нас есть общий интерес, который требует, чтобы мы объединили наши усилия. Первое — это истинная личность адмирала Нейсмита. Элли, вы информировали капитана Торна и сержанта Тауру?

Бел Торн кивнул:

— Мы со стариком Тангом давно все вычислили. Тайна личности адмирала Нейсмита была не настолько тайной, насколько он надеялся.

— Для меня это новость, — пробасила Таура, — но это ужасно многое объяснило.

— Ну, добро пожаловать в круг посвященных, — подытожила Элли. — Официально. — Она повернулась к Марку: — Ладно, что ты нашел? Какие-то зацепки?

— Ах, Элли, зацепок у меня хоть отбавляй. Единственное, чего не хватает, так это мотива.

— Значит, ты опередил Службу безопасности.

— Да, но, думаю, ненадолго. Они заслали своего агента на Эскобар. Выяснить все подробности, касающиеся Восстановительного Центра Бошена. Так что эту зацепку они получат. Рано или поздно. Планируя нашу экспедицию, я собирался для начала более тщательно проверить двадцать основных точек на Архипелаге Джексона. Однако в личных вещах Норвуда оказалось нечто, заставившее меня изменить первоначальный план. Если Майлза оживили — на чем, собственно, и основана моя гипотеза, — то как, по-вашему, сколько времени пройдет, пока он не выкинет очередной номер, чем, естественно, привлечет к себе внимание?

— Очень немного, — неохотно признала Элен.

Элли невесело добавила:

— Но он может очнуться в состоянии амнезии. Для криооживления такие случаи скорее правило, чем исключение.

— Дело вот в чем: мы и Служба безопасности — не единственные, кто ищет Майлза. Фактор времени не дает мне покоя. Чье внимание он привлечет прежде всего?

Куин только хмыкнула. Торн с Таурой обменялись беспокойными взглядами.

— Ладно. — Марк провел ладонями по волосам, с трудом удержавшись, чтобы не начать по-майлзовски расхаживать по каюте. — Вот что я выяснил и вот что я думаю. Когда Норвуд обучался на Эскобаре, он познакомился с некоей доктором Верой или Вербой Дюрона с Архипелага Джексона, которая проходила ординатуру по криооживлению. У них сложились определенные отношения — достаточно хорошие, чтобы, оказавшись в безвыходной ситуации, Норвуд вспомнил о ней. Он был уверен в этой женщине настолько, чтобы отправить криокамеру именно ей. Не забудьте: Норвуд считал Фелла нашим союзником. А группа Дюроны работает на дом Фелл.

— Погоди-ка! — встрепенулась Куин. — Ведь Фелл утверждает, что у них криокамеры нет!

Марк предупреждающе поднял руку:

— Позвольте мне сделать небольшой экскурс в историю Архипелага Джексона. Примерно сто или девяносто лет назад...

— О Господи, лорд Марк, это долгая история? — испугалась Ботари-Джезек. Услышав барраярский титул, Куин бросила на Элен быстрый взгляд.

— Потерпи. Вам всем необходимо понять, что собой представляет группа Дюрона. Примерно девяносто лет назад отец нынешнего барона Риоваля только начинал в области работорговли. Я имею в виду изготовление человеческих существ по требованию заказчика. Однажды его осенило: зачем нанимать гения со стороны? Не лучше ли вырастить собственного? Умственные способности программировать труднее всего, но старик Риоваль и сам был гением. Он начал проект, завершившийся созданием женщины, которую он назвал Лилли Дюрона. Дюрона должна была стать музой его медицинских исследований и его рабыней.

Лилли выросла, получила образование и начала работать. И работала блестяще. Но тут старый барон Риоваль помер — не сказать, чтобы при особо таинственных обстоятельствах. Просто при попытке пересадки мозга.

Я сказал «не особо таинственных», потому что именно тогда ярко проявился истинный характер его сына и наследника, нынешнего барона Риоваля. Первым делом новый барон избавился от всех родственников. (А старик наплодил немало детей.) Начало карьеры Риоваля на Архипелаге стало своего рода легендой. Взрослых мужчин он попросту поубивал. Женщин и подростков отправил в лаборатории по модификации тела, а оттуда — в закрытые бордели, обслуживать клиентов. Надо думать, сейчас они уже все умерли. Если им повезло.

Похоже, таким же образом Риоваль обошелся и с унаследованными им служащими. Его отец обращался с Лилли Дюроной, как с сокровищем, а новый барон Риоваль пригрозил в случае неповиновения отправить ее в бордель. Лилли вместе с единокровным братом Риоваля по имени Джориш Стойбер решили устроить побег.

— А! Барон Фелл! — сказал Торн, наконец начиная что-то понимать. Таура слушала Марка как зачарованная, Куин и Ботари-Джезек — с ужасом.

— Тот самый — но не надо спешить. Лилли с юным Джоришем получили убежище в доме Фелл. Насколько я понимаю, Джориша взяли только ради Лилли. Оба начали работать на своих новых хозяев, получив немалую автономию — по крайней мере Лилли. Это была Сделка. А сделки на Архипелаге Джексона считаются почти священными.

Джориш начал продвигаться по службе. А Лилли образовала Исследовательскую группу Дюрона. Она клонировала себя. Снова и снова. Группа Дюрона, в которой сейчас насчитывается от тридцати до сорока клонированных сестер, оказывает дому Фелл ряд услуг. Они вроде семейного врача для высших служащих Фелла, которые справедливо не хотят в вопросах здоровья полагаться на специалистов дома Бхарапутра. А поскольку дом Фелл торгует оружием, сестрам Дюрона приходилось вести исследования и разработку военных ядов и биологического

оружия. Группа Лилли подарила дому Фелл небольшое состояние в виде «Перитрава», а спустя насколько лет — громадное состояние в виде противоядия к «Перитраву». Если следить за подобными вещами, то становится ясно, что группа Дюрона обладает определенной, хоть и негромкой славой.

Джориш, отчасти благодаря тому, что это он подарил дому Фелл такого доходного работника, как Лилли, достиг самой вершины, и несколько лет назад стал бароном Фелл. И тут появляются дендарийские наемники. Теперь ваша очередь. — Марк кивнул Белу Торну. — Вы должны рассказать мне, что произошло. До меня долетали только обрывки.

Бел присвистнул:

— Кое-что я знал, но всю историю слышу впервые. Неудивительно, что Фелл с Риовалем друг друга ненавидят. — Гермафродит вопросительно посмотрел на Куин, и та кивком разрешила ему продолжать. — Ну, года четыре назад Майлз доставил дендарийцам небольшой контракт на вывоз пассажира. Наш наниматель... прошу прощения, Барраяр. Я так привык называть их «наш наниматель», что делаю это автоматически.

— Сохраняйте свой автоматизм, — посоветовал Марк.

— Империя захотела вывезти крупного генетика. Не знаю почему. — Тут он снова посмотрел на Куин.

— И не узнаешь, — отрезала она.

— Короче, некий доктор Канабе, один из лучших генетиков дома Бхарапутра, надумал бежать. Дом Бхарапутра не поощряет подобные попытки со стороны тех, кто допущен к секретной информации. Поэтому Канабе понадобилась помощь. Он заключил сделку с Барраярской империей.

— Вот тогда я и попала к дендарийцам, — вставила Таура.

— Да, — подтвердил Торн. — Таура — его любимый проект. Он... э-э... настоял на том, чтобы захватить ее с собой. К несчастью, работа над «суперсолдатом» к тому моменту была прекращена, и Тауру продали барону Риовалю, который коллекционирует генетические — пардон, сержант, — диковинки. Так что нам пришлось похитить ее у дома Риоваль. Гм... Таура, о том, что было потом вы расскажете лучше.

— Адмирал пришел и вывел меня из главного биоцентра Риоваля, — пробасила великанша. — При побеге мы полностью уничтожили главный генетический банк Риоваля. Вековая коллекция тканей превратилась в дым. В буквальном смысле слова. — Таура улыбнулась, показав клыки.

— По оценкам барона, дом Риоваль потерял в ту ночь примерно пятьдесят процентов своих ценностей, — добавил Торн. — Как минимум.

Марк хихикнул, но тут же нахмурился:

— Тогда понятно, почему вы считаете, что люди барона Риоваля будут охотиться за адмиралом Нейсмитом.

— Марк, — отчаянно сказал Торн, — если Риоваль найдет Майлза первым, он его оживит только для того, чтобы убить еще раз. И еще раз. И еще. Вот почему мы так настаивали, чтобы ты сыграл роль Майлза, когда мы уходили с Архипелага Джексона. У Риоваля нет причин мстить клону — только адмиралу.

— Ясно. Ага. Спасибо. А что случилось с доктором Канабе? Если можно узнать.

— Его благополучно доставили на Барраяр, — сказала Куин. — У него теперь новое имя, новое лицо, новая лаборатория и такое жалованье, что он может ни о чем не беспокоиться. Новый верноподданный империи.

— Гм. Ну, вот я и подошел ко второй зацепке. Это вещь общеизвестная, хотя мне и непонятно, чем она может помочь. Кстати, Иллиан тоже об этом знает и уже дважды посылал агентов проверить группу Дюрона. Баронесса Лотос Бхарапутра, жена барона, — клон Дюроны.

Когтистая рука Тауры метнулась к губам.

— Та самая девочка!

— Да, та самая девочка. Я все не мог понять, почему у меня при виде ее мороз по коже. Я встречал ее в ином воплощении. Клон клона.

Баронесса — одна из старших клондочерей Лилли Дюроны — или как там следует назвать этот клан. Улей. Продалась она за высокую цену. Самую высокую за всю историю Архипелага Джексона. Лотос совершила измену за почти равный с бароном контроль над домом Бхарапутра. Вот уже двадцать лет она — подруга барона. И теперь, похоже, она получает еще одно вознаграждение. У группы Дюрона богатейший опыт, но они отказываются заниматься пересадкой мозга. Это записано в первом контракте Лилли Дюроны с домом Фелл. Но баронесса Бхарапутра, которой должно быть уже больше шестидесяти, похоже, планирует в самое ближайшее время получить вторую молодость.

— Ну дела, — пробормотала Куин.

— Значит, еще одна зацепка, — сказал Марк. — Тут такая чертова уйма зацепок — настоящий перемет. Только вот главную лесу ухватить никак не удается. Мне совершенно не понятно, зачем группе Дюрона прятать Майлза от своих хозяев из дома Фелл. Но, судя по всему, именно это они и сделали.

— Если Майлз у них, — сказала Куин, закусывая губу.

— Если, — согласился Марк, но тут же снова приободрился: — Тогда понятно, почему криокамера очутилась на Ступице Хеджена. Группа Дюрона не пыталась спрятать ее от Службы безопасности. Она пыталась спрятать криокамеру от других джексонианцев.

— Почти убедительно, — заметил Торн.

— Да. Почти. Так что вот как обстоят дела. Первая наша задача — войти в пространство Архипелага Джексона через станцию барона Фелла. Капитан Куин прихватила целый арсенал, чтобы разработать нам новые личности. Обсуждайте свои идеи с ней. У нас на это десять дней.

Они разошлись, чтобы каждый мог самостоятельно обдумать ситуацию. Ботари-Джезек и Куин задержались, глядя как Марк встает, пытаясь расправить ноющую спину. Голова у него тоже ныла.

— Очень недурной анализ, Марк, — неохотно признала Куин. — Конечно, если это не бред.

Кому как не ей судить. Марк искренне поблагодарил Элли. Он тоже молил Бога, чтобы все это не оказалось бредом.

— Да... по-моему, он немного переменился, — заметила Элен. — Повзрослел.

— А? — Элли окинула его взглядом. — Ага...

У Марка потеплело на душе...

— ...потолстел он, вот что.

— За работу, — прорычал Марк.

ГЛАВА 21

Скороговорки... Черные слова на бледно-голубом фоне... Что это было? Какой-то курс ораторского искусства? Как трудно вспомнить. Нет, хотя он ясно видит экран, но на экране нечто непонятное: «Сла... шла Саса... сука!» Вздохнув, он попробовал еще раз. И еще раз... Язык, как старая подметка. Почему-то — он не знает почему, но он должен, должен снова научиться говорить. Пока запинаешься, как идиот, с тобой и обращаются, как с идиотом.

«Могло быть и хуже. Гораздо хуже...». Он уже ест настоящую еду, а не подсахаренную водичку или жиденькую кашку. Уже целых два дня сам принимает душ и одевается. Теперь никаких больничных рубах. Ему выдали футболку и штаны. «Как корабельный костюм». Приятно, что они серые. Да, приятно, но тревожно. Потому что он не понимал, почему ему это приятно.

— Шла. Саша. По. Шоссе. И. Сосала. Сушки! Ха!

Он откинулся на подушки, задыхаясь, но торжествуя. И тут он увидел, что за ним с улыбкой наблюдает доктор Вербена.

Все еще не отдышавшись, он вместо приветствия махнул ей рукой. Она подошла и присела на краешек кровати. На ней привычный зеленый хирургический костюм, а в руке какой-то мешок.

— Ворон сказал, что ты полночи что-то бубнил, — заметила она. — А ты вовсе не бубнил, правда? Ты практиковался.

Он кивнул:

— Надо грить... Риказ... — Он прикоснулся к своим губам, потом обвел рукой комнату. — Сполняют.

— Вот как? — Она насмешливо приподняла брови, но глаза смотрели пристально и серьезно. Подвинувшись, она поставила между ними столик. — Ну, садись, я принесла тебе игрушки.

— Торое децво, — мрачно пробормотал он, снова поднимаясь на постели. Грудь все еще немного ныла. Ну что ж, по крайней мере он вроде бы избавлен от наиболее отталкивающих аспектов своего детства. И что дальше? Второе отрочество? Боже упаси. Может, через этот этап удастся перескочить. «Почему меня так пугает отрочество, которого я не могу вспомнить?»

Он рассмеялся, когда она вытряхнула из мешка на столик детали различного оружия.

— Тест, да? — Он начал собирать оружие. Парализатор, нейробластер, плазмотрон, игольник... Засунуть, повернуть, щелчок, ударом вогнать на место... Раз-два-три-четыре — и он выложил их рядом. — Кумуляторы пустые. Не даете мне ружия, а? Эти — лишние. — Он сгреб с полдюжины запасных элементов и ненужных деталей в отдельную кучку. — Ну вот. Теперь все.

И он довольно ухмыльнулся.

— Ты ни разу не направил их ни на меня, ни на себя, пока собирал, — с любопытством отметила она.

— А? Не заметил. — Но он сразу понял, что так оно и было. Потом неуверенно прикоснулся к плазмотрону.

— Когда ты это делал, у тебя ничего не включилось? — спросила она.

Он покачал головой, снова почувствовав бессильное беспокойство, но тут же оживился:

— А седня утром спомнил. Фанной. — Стоило только попробовать говорить быстрее, как слова отказывались повиноваться и путались.

— В ванной, — перевела она, подбадривая его. — Расскажи-ка. Попробуй говорить медленно.

— Медленно. Это. Смерть, — четко произнес он.

Она только моргнула:

— Ладно. Все равно расскажи.

— А. Да. Будто я маленький. Еду рхом. Старик тоже. Ферх на гору. Хлодно. Лошади... пхтят, как я. — Даже самого глубокого дыхания ему не хватало. — Деревья. Гора — две, три, росли деревьями — и единились новыми пластиковыми трубами. Ведут к домику внизу. Деда доволен... тому что трубы эф-фективны. — Он постарался выговорить последнее слово полностью — и у него получилось. — И люди тоже довольны.

— И что они делают в этой сценке? — озадаченно спросила она. — Те люди.

Он снова представил себе картинку: воспоминание о воспоминании.

— Жгут дерево. Делают сахар.

— Получается бессмыслица. Сахар получают в биокотлах, а не сжигая деревья, — сказала Вербена.

— Деревья, — уверенно возразил он. — Коричневые сахарные деревья.

Выплыло еще одно туманное воспоминание: старик отламывает кусочек чего-то похожего на бежевый песчаник и кладет ему в рот попробовать. Он ощущает прохладное прикосновение узловатых старческих пальцев, сладость с привкусом кожи и лошадей. «Это было на самом деле. Деда». Но он по-прежнему не мог вспомнить никаких имен.

— Горы мои, — добавил он. Почему-то от этой мысли стало грустно, хоть и не понятно почему.

— Что?

— Собственность. — Он мрачно нахмурился.

— Еще что-нибудь?

— Нет. Все.

— А ты уверен, что все это тебе не приснилось?

— Нет. Фанной, — твердо повторил он.

— Очень странно. Это-то вполне понятно. — Она кивнула на собранное оружие и снова сложила его в мешок. — А то, — мотнув головой, она обозначила его рассказ, — не укладывается. Деревья из сахара, сдается мне, похожи на сказку.

«Не укладывается куда?» В порыве отчаяния он схватил ее за руку и умоляюще выговорил:

— Не кладвается куда? Что ты знаешь?

— Ничего.

— Ненчего!

— Мне больно, — спокойно сказала она.

Он сразу выпустил ее руку, но настойчиво повторил:

— Ненчего. Что-то. Что?

Вздохнув, она закончила укладывать оружие и пристально посмотрела на него.

— Мы и правда не знаем кто ты. А еще точнее — не знаем, который из двух.

— Есть выбор? Скажи!

— Ты на... опасном этапе выздоровления. Амнезия после криооживления проходит обычно не сразу. Типичная кривая Гаусса. Сначала понемногу, потом все больше. А потом снова очень мало. Несколько последних пробелов могут остаться на годы. Поскольку у тебя не было серьезных повреждений черепа, мой прогноз — что ты в конце концов восстановишь личность полностью. Но...

Очень страшное «но». Он умоляюще посмотрел на нее.

— На данном этапе криооживленный настолько жаждет вернуть свою личность, что может подобрать неверную и начать собирать свидетельства вокруг нее. И тогда придется потратить несколько месяцев, чтобы снова все исправить. В твоем случае присутствуют некоторые дополнительные факторы и подобный поворот событий вполне возможен. Я должна быть очень-очень осторожной, чтобы не сказать тебе что-то, в чем я не уверена полностью. А это трудно, потому что я тоже гадаю — и так же настоятельно, как ты. Мне необходима уверенность, что все твои воспоминания действительно исходят от тебя, а не подсказаны мною.

Он разочарованно вздохнул и откинулся на подушки.

— Но существует возможность ускорить процесс, — добавила она.

Он снова стремительно сел:

— Какая? Гри!

— Существует препарат, который называется суперпентотал. Одна из его производных применяется как успокоительное при душевных расстройствах, но в основном его используют как средство для допросов. Называть его «сывороткой истины» неверно, но непосвященные настаивают на таком наименовании...

— Я... знаю спертотал,

Он нахмурился. С суперпентоталом связано что-то важное. Что именно?

— Он действует очень расслабляюще, а иногда у пациентов после криооживления включает механизмы воспоминаний.

— А!

— Но он вполне может поставить в неловкое положение. Под его воздействием люди охотно говорят все, даже самое потаенное, даже очень личное. Врачебная этика требует, чтобы я тебя предупредила. А еще у некоторых к этому препарату аллергия.

— А где... вас научили... чебной этике? — с любопытством спросил он.

Как ни странно, она поморщилась, а потом, пристально глядя на него, сказала:

— На Эскобаре.

— А мы сейчас?

— Пока мне не хотелось бы говорить.

— Как это может портить мою память? — возмутился он.

— Наверное, я уже скоро смогу сказать, — успокоила она. — Совсем скоро.

Он стиснул зубы и глухо застонал.

Вербена вытащила из кармана небольшую белую наклейку.

— Протяни руку. — Она приложила наклейку к сгибу его локтя, объяснив, что это проверка на аллергию.

— Судя по тому, что мне известно о твоей работе, у тебя высокий шанс иметь аллергию. Искусственно вызванную.

Отклеив нашлепку, она пристально посмотрела на его руку. Там появилось розовое пятнышко, и она нахмурилась, с подозрением спросив:

— Зудит?

— Нет, — соврал он, сжимая вторую руку в кулак, чтобы не начать чесаться. Препарат, который вернет память! Ему он просто необходим. «Побледнее, чтоб тебя!» — мысленно приказал он розовому пятнышку.

— Кажется, у тебя наблюдается повышенная чувствительность.

— Ну, пжалуссста!

Она с сомнением покачала головой.

— Ну, ладно... Что нам терять? Сейчас вернусь.

Очень скоро она принесла два инъектора и положила на столик у кровати.

— Это — суперпентотал, а это — нейтрализатор. Сразу же скажи, если вдруг почувствуешь себя как-то странно, может быть, появится зуд или трудно станет дышать или глотать, или язык начнет отниматься.

— Уже тнялся, — пробурчал он. — Ткуда смогу знать?

— Сможешь. А теперь просто ляг и расслабься. Скоро будешь вроде в полусне: тебе покажется, что ты паришь в воздухе. Считай обратно с десяти. Ну, начали.

— Десс.. Вять... восьми... Семь. Шесть. Пять, тыре, три-два-дин. — Никакого полусна: он напряжен, нервничает и расстроен. — Это тот прат?

Его пальцы сами забарабанили по столику. Звук неестественно громкий. Все предметы в комнате видятся слишком резко, слишком четко. Лицо Вербены — незнакомое и жуткое — какая-то белая маска. И эта маска угрожающе придвигается.

— Твое имя? — прошипела она.

— Я... я... йа-йа... — Язык не слушался.

— Странно, — пробормотала маска. — Давление у тебя должно бы снижаться, а не повышаться.

И тут он вспомнил, что такое важное связано с суперпентоталом.

— Спертотал меня ждает... — Она покачала головой, показывая, что не понимает. — ...Збуждает... — заставил он повторить свой непослушный язык. Ему хотелось говорить. Тысячи слов рвались наружу, подталкиваемые нервным возбуждением. — Та-та-та!!!

— Это необычно. — Она хмуро посмотрела на инъекторы, которые все еще держала в руке.

— А то. — Лицо Вербены стало хорошеньким, кукольным. Сердце у него колотилось. Стены колыхались, словно он находился под водой. Огромным усилием воли он по-

пробовал заставить себя расслабиться. Ему необходимо расслабиться!

— Ты что-нибудь вспомнил?

Ее темные глаза как озера, влажные и прекрасные. Ему хотелось окунуться в ее глаза, хотелось сделать ее счастливой, танцевать с ней, нагой, под звездами... Его бормотание вдруг вылилось в поэзию... в некотором роде. На самом деле это был крайне непристойный стишок, в котором обыгрывался очевидный символизм п-в-туннелей и скачковых кораблей. К счастью, выговорился стишок очень невнятно.

К его облегчению, она улыбнулась. Но с этим было связано и что-то совсем не смешное...

— Гда я прошлый раз его чтал, хто-то теня трашно збил. Тоже был под спертоталом.

Все ее прекрасное стройное тело вдруг напряглось.

— Тебе уже вводили суперпентотал? А что еще ты помнишь об этом?

— Его звали Гален. Лился на мнея. Не знаю чему. — Он вспомнил, как над ним колыхалось багровеющее лицо, источавшее смертельную ненависть. Как на него сыпались удары. Он поискал воспоминания о страхе и обнаружил, что страх почему-то был связан с жалостью. — Не пнимаю.

— А о чем еще он тебя спрашивал?

— Нпомню. Сказал ему еще стих.

— Ты читал ему стихи под суперпентоталом?

— Нсколько часов. Чертовски злил.

— Ты не поддался допросу под суперпентоталом! Потрясающе. Ну, тогда давай поговорим о поэзии. Но ты помнишь Сера Галена. Ага!

— Гален кладывается? — Он встревоженно наклонил голову. Ну конечно, Сер! — Имя было важно — она его узнала. — Скажи мне!

— Я... не уверена. Каждый раз, когда мне кажется, что я сделала шаг вперед, мы уходим на два в сторону и один назад.

— Хотел бы пройтись с тобой, — признался он и с ужасом услышал, как описывает, коротко и грубо, что еще хотел бы с ней сделать. — А! А! Извините, миледи.

— Ничего, — утешила она, — это суперпентотал.

— Не... этто гормоны.

Она расхохоталась. Это подействовало ободряюще, но ненадолго. Пальцы начали теребить одежду, ноги задергались.

Она хмуро посмотрела на меддисплей:

— Давление у тебя все повышается. Хоть под суперпентоталом ты и очарователен, но реакция у тебя явно атипичная. — Она взяла второй инъектор. — Думаю, нам следует остановиться.

— Я ненормальный. Вы вынете мои мозги? — спросил он с подозрением, глядя на инъектор. И вдруг пришло озарение: — Эй! Я знаю, где я! Это Архипелаг Джексона!

С ужасом посмотрев на нее, он вскочил и бросился к двери.

— Подожди, подожди! — она бросилась за ним. — У тебя реакция на препарат, стой! Давай я ее нейтрализую! Роза, держи его!

Он увернулся от доктора Дюроны с конским хвостом, нырнул в лифтовую шахту и стал карабкаться по запасной лестнице. Все тело невыносимо болело. Мелькающий хаос коридоров, этажей, криков и быстрых шагов вдруг прекратился, и он оказался в знакомом вестибюле.

Он прошмыгнул мимо рабочих, тащивших антигравитационную платформу с ящиками и выскочил за прозрачные двери. На этот раз силовой экран не сработал. Охранник в зеленой куртке повернулся к нему, словно в замедленных съемках, вытаскивая парализатор, и открывал рот, чтобы крикнуть. Крик тек медленно, как патока.

Беспомощно моргая глазами в слепящем сером свете дня, он разглядел эстакаду, стоянку, грязный снег. Гравий и лед больно врезались в ноги, но он все равно задыхаясь бежал через стоянку. Перед ним стена. В стене ворота открытые, а в воротах охрана.

— Не парализуйте его! — услышал он женский голос.

Он вырвался на грязную улицу, увернулся от какой-то машины. Слепящие серо-белые пятна чередовались с цветными. Открытое пространство по другую сторону улицы усеяно голыми черными деревьями. За стеной дальше по улице — еще здания, громадные и пугающие. Все кругом чужое, незнакомое. Он бросился туда, к деревьям. Глаза заволокло сиренево-серой пеленой. Холодный воздух обжигал легкие. Он споткнулся и упал на спину.

Полдюжины Дюрон набросились на него, как стая волков на добычу. Схватив за руки и за ноги, его подняли со снега. Подбежала перепуганная Вербена. Зашипел инъектор. Его, как овцу, поволокли через улицу и быстренько втащили в большое белое здание. В голове немного прояснилось, но грудь болела так, словно ее сжимали тисками. К тому моменту, как его уложили на кровать в подземной больнице, ложная паранойя, вызванная препаратом, развеялась, сменившись вполне реальной.

— Как ты думаешь, его видели? — озабоченно спросил грудной голос.

— Охрана ворот, — коротко ответил другой голос. — Посыльные.

— Еще кто-нибудь?

— Не знаю, — пропыхтела Вербена. — Пока мы за ним бежали, проехало штук пять автомобилей. В парке я никого не видела.

— А я видела вдали парочку, — сообщила еще одна доктор Дюрона. — Вдалеке, по ту сторону озера. Они на нас смотрели, но сомневаюсь, чтобы что-то разглядели.

— Да уж, посмотреть было на что...

— А что случилось на этот раз, Вербена? — устало спросила седовласая доктор Дюрона. Она прошаркала поближе и уставилась на него, тяжело опираясь на резную палку. Похоже, это не для форсу. Все ее слушались. Может, это и есть таинственная Лилли?

— Я ввела ему дозу суперпентотала, — сдержанно доложила Вербена, — чтобы попробовать включить память. Иногда криооживленным это помогает. Но у него началась реакция. Подскочило давление, накатила паранойя, и он кинулся бежать, словно борзая. Мы не могли его догнать, пока он сам не свалился в парке.

Боль немного отступила, и он заметил, что Вербена все еще не отдышалась.

Старая доктор Дюрона хмыкнула:

— И как суперпентотал, помог?

Вербена неуверенно сказала:

— Кое-что странное он вспомнил. Мне надо поговорить с Лилли.

— Да, да и как можно скорее, — согласилась старая доктор Дюрона (значит, все-таки не Лилли). — Я...

Но тут его попытки говорить, заикание и дрожь вызвали конвульсии. Мир рассыпался на тысячи осколков. Очнувшись, он увидел, что две женщины удерживают его на постели, Вербена склонилась над ним, давая какие-то указания, а остальные Дюроны расходятся кто куда.

— Приду, как только смогу, — с отчаянием бросила через плечо Вербена. — Сейчас его оставить нельзя.

Старая Дюрона кивнула и ушла. Вербена отстранила поданный кем-то инъектор с противосудорожным средством.

— Запишите в его истории: этому человеку не вводить ничего, предварительно не проверив реакцию.

Она отослала почти всех помощников, и в палате стало темно, тихо и тепло. Постепенно дыхание выровнялось, но его все еще подташнивало.

— Извини, — сказала она, — я не думала, что суперпентотал приведет к такому.

Он попытался сказать: «Ты не виновата», но дар речи снова покинул его.

— И-и-йа. Делал. Плохо?

Она слишком долго не отвечала, а потом наконец сказала:

— Может, все обойдется.

Через два часа за ним пришли с антигравитационной платформой и перевели из палаты.

— К нам поступают новые больные, — невозмутимо сообщила доктор Астра с короткой стрижкой. — Им нужна твоя палата.

Ложь? Полуправда?

Больше всего его озадачило то, куда они его перевели. Ему виделись запертые камеры, а вместо этого его подняли в грузовом лифте и уложили на раскладушку в личных комнатах Вербены. В коридоре целый ряд одинаковых дверей — видимо, на этом этаже жилые помещения Дюрон. Вербене были отведены гостиная (она же кабинет), спальня и ванная комната. Он ощущал себя не столько узником, сколько собачонкой, которую тайком поселили в женском общежитии. Хотя он заметил еще один мужской вариант доктора Дюроны, мужчину лет тридцати. Доктор Астра назвала его Ястребом. Цветы и птицы. В этой бетонной клетке все — цветы и птицы.

Еще чуть позже какая-то юная Дюрона принесла ему поднос с обедом, и он поел вместе с Вербеной за небольшим столиком, наблюдая, как за окном опускаются сумерки. Надо полагать, в его статусе пациента-пленного изменений не произошло, но было приятно выбраться из больничной палаты, освободиться от датчиков и грозного медицинского оборудования. И заниматься чем-то столь прозаическим, как обед с подругой.

Когда они поели, он обследовал гостиную.

— Можно посмотреть ваши вещи?

— Пожалуйста. Если у тебя что-то сработает, дай мне знать.

Она по-прежнему ничего не говорила о нем самом, но по крайней мере была готова говорить о себе. Во время разговора его внутреннее видение мира вдруг изменилось. «Почему у меня в голове сидят карты п-в-туннелей?» Может, его восстановление пойдет по трудному пути: сначала он узнает все, что есть во Вселенной, а то, что останется, дырка в форме карлика, методом исключения станет им. Пугающая перспектива.

Он посмотрел сквозь стекло на чуть заметное сияние, повисшее в воздухе, — словно тонкая золотая пыль. Теперь он опознал силовое поле — шаг вперед по сравнению с первым столкновением. Силовой экран был военного образца. Непроницаем ни для чего, начиная с вирусов и молекул газа и кончая... чем? Конечно, снарядами и плазменным огнем. Где-то поблизости должен находиться мощнейший генератор. Защита была явно позднейшей добавкой — первоначальная архитектура на силовой экран не рассчитана. За этим что-то кроется...

— Так мы и правда на Архипелаге Джексона? — спросил он.

— Да. О чем тебе это говорит?

— Опасность. Что-то нехорошее. А это что за место?

— Клиника Дюрона.

— Да, так? Чем занимаетесь? Почему я тут?

— Мы — личная клиника дома Фелл. Выполняем то, что им необходимо.

— Дом Фелл. Оружие. — Ассоциация пришла автоматически. Он обвиняюще добавил: — Биологическое оружие.

— Иногда, — признала она. — И биологическая защита тоже.

Может, он солдат дома Фелл? Или взятый в плен вражеский солдат? Но какая армия возьмет в солдаты карлика-полукалеку?

— Это дом Фелл велел меня сделать?

— Нет.

— Почему я здесь?

— Для нас это тоже загадка. Тебя прислали замороженным в криокамере. Все говорило о том, что подготавливали тебя в страшной спешке. Камера была в ящике, который пришел простой почтой, без обратного адреса. Мы надеялись, что, если мы тебя оживим, ты сможешь нам сказать.

— Тут что-то еще.

— Да, — честно призналась она.

— Но мне не скажете.

— Пока нет.

— А что будет, если я отсюда уйду?

Она явно испугалась:

— Пожалуйста, не надо. Тебя могут убить.

— Снова.

— Снова, — кивнула она.

— Кто?

— Это... зависит от того, кто ты такой.

Тут он сменил тему разговора, но потом еще три раза снова к ней возвращался, надеясь, что Вербена невольно проговорится. Вконец измучившись, он решил прекратить попытки, но даже в постели еще долго лежал без сна, терзая проблему, как хищник добычу. Но все это только окончательно заморозило ему мозги. «Утро вечера мудренее». Может, утро принесет что-то новое. В какой бы ситуации он ни находился, но стабильной такую ситуацию уж никак не назовешь. Он словно балансировал на лезвии ножа, балансировал над тьмой, скрывающей все что угодно — пуховую перину, заостренные колья или, может, вообще ничто, бесконечную пропасть.

Он не знал, какой смысл в горячей ванне и массаже. Вот с упражнениями все ясно: доктор Астра притащила в гостиную к Вербене велотренажер и велела ему крутить педали до полуобморока. Такая мучительная процедура наверняка полезна. Но пока никаких отжиманий: он попробовал было и рухнул, пискнув от мучительной боли. Да еще разгневанная доктор Астра на него наорала, запретив делать самовольные упражнения.

Доктор Астра сделала какие-то пометки и ушла, отдав его в нежные руки Вербены. Теперь он, распаренный, лежал на ее постели, завернутый в одно только полотенце по бедрам, а она обследовала мышцы спины. Когда массаж делала доктор Астра, пальцы у нее были, как щупы. Руки Вербены

ласкали. Строение голосовых связок не позволяло ему мурлыкать, и он время от времени только блаженно постанывал. Она дошла до ступней и пальцев ног, а потом снова двинулась вверх.

Уткнувшись лицом в подушку, он почувствовал, как еще одна система организма докладывает о готовности к работе — впервые после оживления. Лицо разгорелось от радости и смущения. «Она же твой врач. Ей следует это знать». Вербена и так прекрасно знает все его тело, снаружи и изнутри. Но он все равно продолжал прятать лицо.

— Переворачивайся, — сказала Вербена. — Пройдусь по второй стороне.

— Э-э... лучше не надо, — промямлил он в подушку.

— Почему?

— Гм-м... помните, вы все спрашивали, не сработало ли у меня что-то.

— Да...

— Ну... что-то сработало.

Она мгновение помолчала, а потом воскликнула:

— О! Тогда тем более переворачивайся. Мне надо тебя осмотреть.

Он вздохнул:

— На что только мы не идем ради науки.

Он перекатился на спину, и она сняла с него полотенце, спрашивая:

— Такое уже было?

— Не. Первый раз в жизни. В этой жизни.

Ее прохладные ловкие пальцы быстро и профессионально прикоснулись к нему.

— Это прекрасно! — с энтузиазмом сообщила она.

— Спасибо!

Она рассмеялась. Не нужно было никакой памяти, чтобы понять, насколько это хороший признак — когда женщина в такой момент смеется его шуткам. Осторожно, ласково, он притянул к себе ее лицо. «Да здравствует наука! Посмотрим, что будет». Он поцеловал ее. Она ответила. Он растаял.

Речь и наука на время были отброшены, не говоря уже о зеленом хирургическом костюме. Тело у нее было именно такое, каким он его себе и представил. Удивительное тело, особенно в сравнении с ним — жалким скелетиком, обтянутым бледной кожей.

Вдруг пришло осознание недавно пережитой смерти, и он принялся отчаянно, страстно целовать ее, словно она была самой жизнью, и он мог вобрать ее в себя. Он не знал, враг она или друг, хорошо он поступает или плохо. Но это было тепло, движение и жизнь — явная противоположность леденящей неподвижности криостаза. «Лови мгновение». Ведь его поджидала ночь, холодная и неумолимая. Она изум-

ленно раскрыла глаза. Только трудности с дыханием заставили его действовать медленнее, разумнее.

Его уродливость должна была бы его тревожить, но не тревожила. Интересно, почему? «Любовью занимаются с закрытыми глазами». Кто сказал ему это? И та же женщина говорила: «Все дело в движении». Тело Вербены было все равно что разобранное на части оружие: он знал, что надо делать, какие детали важны, а какие — просто для отвода глаз, хоть и не мог вспомнить, как он все это узнал. Инструкции остались, а инструктор был стерт. Такого тревожащего совокупления, знакомого и чуждого, он еще не испытывал.

Она задрожала, вздохнула и расслабилась, а он поцелуями проложил дорожку вверх по ее телу и шепнул на ухо:

— Наверное, отжимания мне пока не показаны.

— О! — Она открыла затуманившиеся глаза. — Боже! Да.

Несколько мгновений поиска — и они выбрали врачебно одобренную позицию: он лежал на спине, никак не напрягая грудь, руки или мышцы живота — и наступила его очередь. Это казалось правильным: дамы вперед, и тогда в него не будут швырять подушками за то, что он сразу же заснул. Страшно знакомая картина, но детали все неправильные. Судя по всему, Вербена тоже раньше это делала — хотя, наверное, нечасто. Но с ее стороны особого умения и не требовалось. Его тело функционировало прекрасно...

— Доктор Д., — прошептал он ей, — ты гений. Эшк... Аск... Эск... Тот грек мог бы у тебя поучиться оживлению.

Она рассмеялась и улеглась рядом с ним, тело к телу.

«Мой рост не имеет значения, когда мы лежим». Это он тоже знал. Они обменялись теперь уже неспешными поцелуями, которые можно было смаковать, как десерт после обеда.

— У тебя это здорово получается! — пробормотала она, покусывая ему ухо.

— Угу... — его улыбка погасла, и он устремил взгляд в потолок, хмурясь от вновь подступившего беспокойства. — ...Интересно, а я женат? — Она резко отстранилась, и он готов был язык себе прикусить при виде ужаса на ее лице. — Не думаю, — быстро прибавил он.

— Нет... Нет. — Она снова легла. — Ты не женат.

— Которым бы я ни оказался?

— Так.

Он помедлил, накручивая на пальцы длинные пряди ее волос, а потом аккуратно раскладывая их веером по шрамам, разбежавшимся у него по груди.

— И с кем, по-твоему, ты сейчас занималась любовью?

Она нежно прикоснулась изящным указательным пальцем к его лбу:

— С тобой. Просто с тобой.

Это было приятно, но...

— Любовь или лечение?

Она чуть насмешливо улыбнулась, очерчивая пальцами его лицо:

— Кажется, того и другого понемногу. И любопытство. И подходящий момент. Последние три месяца я была очень погружена в тебя.

Ответ производил впечатление искреннего.

— Кажется, подходящий момент ты создала сама.

На ее губах промелькнула ухмылочка:

— Ну... может, и так.

Три месяца! Интересно. Значит, он был мертв чуть больше двух. За это время на него должно было уйти немало денег и времени Группы Дюрона. Начнем с того, что три месяца труда этой женщины стоят недешево.

— Зачем все это? — спросил он, хмуро глядя в потолок. — Я имею в виду себя. Что вы от меня ожидаете? — Полукалека, заика, потерявший память и навыки, без гроша за своей безымянной душой. — Вы все ждете моего выздоровления, словно я — ваша надежда на спасение. — Он начал понимать, что даже жестко деловая физиотерапевт Астра мучает его ради его же блага. Она почти нравилась ему этим безжалостным напором. — Кому еще я нужен, что вы меня прячете? Врагам?

«Или друзьям?»

— Наверняка врагам, — вздохнула Вербена.

Он наконец замолчал. Она задремала, он — нет. Касаясь паутины ее темных волос, он размышлял. Что она в нем видит?

«...Мне она представилась хрустальным гробом заколдованного рыцаря... Я извлекла достаточно осколков гранаты, чтобы можно было не сомневаться, что ты не случайный свидетель...»

Так что предстоит какая-то работа. И Группе Дюрона не нужен обычный наемник. Если это — Архипелаг Джексона, то обычных боевиков тут можно нанимать целыми кораблями.

Но ведь он никогда и не считал себя обычным человеком. Ни секунды.

«Ах, миледи. Кем я должен быть для вас?»

ГЛАВА 22

Вновь открытый секс обездвижил его почти на три дня, но потом, когда Вербена ушла, оставив его спящим — а он не спал, — инстинкт бегства снова выплыл на поверхность. Он открыл глаза, нащупал шрамы на груди и обдумал свои действия. Пытаться вырваться наружу — явная ошибка. А вот проник-

нуть внутрь он пока не пробовал. Похоже, все здесь со своими проблемами обращаются к Лилли. Прекрасно. Он тоже обратится к Лилли.

Вверх или вниз? Как глава джексонианской группы, она должна, согласно традиции, жить или в пентхаузе, или в бункере. Барон Риоваль живет в бункере — по крайней мере в каком-то смутном воспоминании это имя ассоциируется с подвалом. Барон Фелл выбрал высшую степень пентхауза — смотрит на все сверху, со своей орбитальной станции. Почему-то у него в голове масса картинок Архипелага Джексона. Это — его дом? Такая мысль его смущала. Вверх. Вверх и внутрь.

Он надел свой серый трикотажный костюм, похитил у Вербены несколько пар носков и выскользнул в коридор. Найдя лифтовую шахту, он поднялся наверх — всего этажом выше. Тут снова были двери личных помещений. В центре оказался еще один лифт, включавшийся ладонью. Внутри шахты вилась спиральная лестница. Он очень медленно поднялся по ступенькам, передохнув у самого конца. А потом постучал.

Дверь скользнула в сторону и на него серьезно уставился стройный смуглый мальчик лет десяти, который спросил, хмурясь:

— Что вам нужно?

— Я хочу видеть твою... бабушку.

— Впусти его, Стриж, — произнес мягкий голос.

Мальчик наклонил голову и сделал знак войти. Его ноги, обутые в носки, бесшумно ступали по пышному ковру. Окна были затемнены, чтобы не впускать серые сумерки, темноту рассеивали пятна теплого желтого света. За стеклом золотисто поблескивало силовое поле, отталкивая крошечные капельки тумана и пылинки.

Усохшая старуха сидела в глубоком кресле и наблюдала за ним темными глазами, выделявшимися на фоне пожелтевшей от старости кожи. На ней были черная шелковая блуза с высоким воротником и свободные шаровары. Волосы были очень длинные и совершенно седые. Стройная девочка, близняшка мальчика, расчесывала их, перекинув через спинку кресла. В комнате было очень тепло. Разглядывая старуху, он изумился, как это смог принять за Лилли ту озабоченную пожилую женщину с палкой. Глаза столетнего человека смотрят на вас совершенно иначе.

— Сударыня, — выговорил он вдруг пересохшим ртом.

— Садитесь. — Она кивнула на кушетку у столика. — Ива, милая, принеси-ка чаю. Три чашки. Стриж, спустись, пожалуйста, вниз и приведи Вербену.

Дети молча исчезли. Очевидно, Группа Дюрона не нанимает посторонних. В такую организацию тайного агента не внедришь. Он столь же послушно опустился, куда было велено.

На гласных звуках голос у нее по-старчески дрожал, но произношение оставалось идеально четким.

— Вы пришли в себя, сэр? — осведомилась она.

— Нет, сударыня, — грустно ответил он, — только к вам. — Он тщательно формулировал свои вопросы: наверняка Лилли будет проявлять не меньшую осторожность, чем Вербена, в том, чтобы не дать ему подсказки. — Почему вы не можете определить, кто я?

— Хороший вопрос. По-моему, вы готовы получить ответ. Так.

Зажужжала лифтовая шахта и появилась встревоженная Вербена. Она поспешила к ним:

— Лилли, извини. Я думала, он спит...

— Ничего, девочка. Садись. Разлей чай. — Из-за угла появилась Ива с большим подносом. Лилли что-то прошептала девочке и та, кивнув, убежала. Вербена опустилась на колени, словно исполняя четкий древний ритуал. Не была ли она когда-то на месте Ивы? Скорее всего — да... Разлив зеленый чай по хрупким белым чашкам, она вручила их, а сама уселась у ног Лилли, незаметно прикоснувшись к седой пряди, спустившейся до пола.

Чай был очень горячий. Поскольку он в последнее время возненавидел холод, это было приятно.

— Ответы, сударыня? — осторожно напомнил он.

Вербена открыла рот, собираясь возразить, но Лилли подняла палец и заставила ее молчать.

— Фон, — сказала старуха. — Я полагаю, пришло время рассказать вам одну историю.

Он кивнул и уселся поудобнее.

— Жили-были, — она мимолетно улыбнулась, — три брата. Настоящая сказка, правда? Старший, оригинал — и два младших клона. Старший, как обычно бывает в сказках, получил великолепное наследство. Титул, богатство, комфорт... Его отец хоть и не был королем, но власти имел больше, чем любой король в доскачковые времена. И поэтому у него было много врагов. Поскольку было известно, как он обожает сына, то многим его врагам пришло в голову нанести ему удар через его единственного ребенка. Оттуда и пошло это странное умножение.

Она кивнула. Его бил озноб. Чтобы скрыть смятение, он сделал еще один глоток. Она помолчала:

— Вы еще не вспомнили ни одного имени?

— Нет, сударыня.

Она бросила сказочку, заговорив более энергично.

— Барраярский лорд Майлз Форкосиган был оригиналом. Сейчас ему около двадцати восьми лет. Первый его клон изготовили именно тут, на Архипелаге Джексона, двадцать два года назад, по заказу комаррцев, готовивших сложный заговор с подменой. Исполняли заказ в доме Бхарапут-

ра. Мы не знаем, как зовет себя тот клон, но заговор комаррцев провалился примерно два года назад, и клон сбежал.

— Гален, — прошептал он.

Она пристально посмотрела на него.

— Да, он был главой комаррцев. Второй клон — это загадка. Вероятнее всего, его изготовили цетагандийцы, но точно не знает никто. Появился он примерно десять лет назад как сложившийся и исключительно талантливый командующий наемников, присвоивший себе вполне официально бетанское имя Майлз Нейсмит, по материнской линии. Он достаточно враждебен цетагандийцам, так что теория относительно того, что он перебежал от них, представляется достаточно убедительной. Никто не знает его возраста, хотя очевидно, что ему не может быть больше двадцати восьми. — Она сделала глоток. — Мы полагаем, что вы — один из этих двух клонов.

— Отправленный по почте, словно ящик мороженого мяса? С разнесенной взрывом грудной клеткой?

— Да.

— Ну и что? Клоны, даже замороженные, тут не в диковинку. — Он бросил быстрый взгляд на Вербену.

— Позвольте мне продолжить. Примерно три месяца назад изготовленный бхарапутрянами клон вернулся домой с отрядом наемников, который он, судя по всему, украл у дендарийского флота, притворившись своим клоном-близнецом, адмиралом Нейсмитом. Он совершил налет на ясли Бхарапутры, пытаясь то ли украсть, то ли освободить группу клонов, которые должны были послужить телами при пересадке мозга. Лично мне эта операция глубоко претит.

Он прикоснулся к груди:

— Он... провалился?

— Нет. Но за ним по пятам прилетел адмирал Нейсмит за украденными у него кораблем и людьми. В неразберихе боя, который завязался в медкомплексе Бхарапутры, один из двух был убит. Второй улетел с наемниками и почти всеми дорогостоящими клонами Бхарапутры. Они оставили Васа Луиджи в дураках — я чуть не умерла от смеха, когда об этом услышала. — Она чинно отхлебнула чаю. — Перед отлетом дендарийские наемники назначили награду за криокамеру с останками человека, как они утверждали, изготовленного бхарапутрянами клона.

Он широко раскрыл глаза:

— Меня?

Она приподняла руку.

— Васа Луиджи, барон Бхарапутра, абсолютно убежден, что в той коробке на самом деле их адмирал Нейсмит.

— Я? — неуверенно спросил он.

— Джориш Стойбер, барон Фелл, даже не пытается угадать. А барон Риоваль готов разнести хоть целый го-

род, чтобы получить шанс схватить адмирала Нейсмита, который четыре года назад нанес ему такой удар, какого барон не получал целое столетие.

Все это звучало очень складно, но только никак не складывалось. Словно он слышал эту историю очень давно, в детстве, и вот теперь столкнулся с ней снова. «В прежней жизни». Словно он видел что-то знакомое сквозь тусклое стекло. Он прикоснулся ко лбу, боль нарастала. Вербена с тревогой проследила за его жестом.

— Разве у вас нет медицинских данных? Хоть чего-то?!

— Не без риска нам удалось достать материалы по созданию бхарапутрянского клона. К сожалению, они обрываются на четырнадцатом году жизни. Об адмирале Нейсмите мы не знаем абсолютно ничего. Имея только одну координату, нельзя определить местонахождение точки.

Он повернулся к Вербене:

— Ты меня знаешь снаружи и изнутри. Разве ты не можешь сказать?

— Ты такой странный. — Вербена покачала головой. — Знаешь, ведь у тебя половина костей заменена пластиковыми. А на настоящих — следы старых переломов, старых травм... Мне кажется, ты не только старше, чем клон Бхарапутры, ты старше и оригинала, лорда Форкосигана, — а это невозможно. Если бы могли получить хоть одну определенную зацепку! Те воспоминания, о которых ты рассказал, страшно двусмысленные. Тебе знакомо оружие — как должно было быть знакомо адмиралу, — но бхарапутрянского клона готовили в убийцы. Ты помнишь Сера Галена, а это мог помнить только клон. Про сахарные деревья я узнала. Их называют кленами и происходят они с Земли, куда увезли учиться бхарапутрянского клона. И так далее.

Она бессильно развела руками.

— Раз не получаете правильного ответа, — медленно проговорил он, — значит, не задаете правильного вопроса.

— И какой вопрос — правильный?

— Почему... почему вы не вернули мое тело дендарийцам за вознаграждение? Или почему не продали меня барону Риовалю, раз я так ему нужен? Зачем было меня оживлять?

— Барону Риовалю я не продам и лабораторной крысы, — решительно заявила Лилли, мимолетно улыбнувшись. — У нас старые счеты.

Насколько старые? Старше него, кто бы он ни был.

— А что до дендарийцев... Может, нам еще придется с ними говорить. В зависимости от того, кто вы.

Он почувствовал, что они приближаются к сути дела.

— Четыре года назад адмирал Нейсмит посетил Архипелаг Джексона и помимо того, что великолепно наколол Риоваля, он еще и увез с собой некоего доктора Хью Кана-

бе, одного из главных генетиков Бхарапутры. Ну, я Канабе знала. И что еще важнее, я знала, сколько Васа Луиджи и Лотос заплатили, чтобы его заполучить, и сколькими тайнами дома он владел. Они никогда не отпустили бы его живым. Но он исчез, и никто из джексонианцев больше не смог его отыскать. Если допустить, что Канабе не выпихнули из люка в космос... Адмирал Нейсмит продемонстрировал, что способен помочь людям выбраться отсюда. Более того, это то, чем он славится. Вот почему он нас интересует.

— Вы хотите улететь отсюда? — Он оглядел комфортабельное и отгороженное от мира маленькое царство Лилли Дюроны. — Почему?

— У меня с Джоришем Стойбером — бароном Феллом — Сделка. Сделка давнишняя, а мы очень старые договаривающиеся стороны. Мое время определенно кончается, а Джориш становится, — она поморщилась, — ненадежен. Если я умру, или он умрет, или ему удастся перенести свой мозг в более молодое тело, как он уже один раз попытался сделать, старой Сделке придет конец. Группе Дюрона могут предложить менее выгодные условия, чем те, на которых мы существовали в доме Фелл. Ее могут разбить, продать, ослабить так, что она станет открыта для нападений со стороны старых врагов, например Ри, который никогда не забывает оскорблений или обид. Ее могут заставить выполнять такую работу, с какой мы не хотим иметь дело. Я уже несколько лет ищу возможность уехать. Адмиралу Нейсмиту такая возможность известна.

Ей хочется, чтобы он был адмиралом Нейсмитом, — он явно более ценный из двух клонов.

— А что, если я — тот, другой?

— Вас могли бы выкупить.

Кто он? Спаситель или товар? Вот это выбор! У Вербены был очень смущенный вид.

— А кто я для вас, если я не смогу вспомнить, кто я?

— Вообще никто, человечек.

На мгновение ее глаза блеснули, как осколки обсидиана.

Эта женщина почти век смогла прожить на Архипелаге Джексона. Не следует недооценивать ее безжалостность только на том основании, что она почему-то предубеждена против пересадки мозга в тело клона.

Они допили чай и вернулись к Вербене.

— Что из этого показалось тебе знакомым? — озабоченно спросила его Вербена, когда они уселись вдвоем на ее маленьком диванчике.

— Все, — озадаченно ответил он. — И в то же время... Лилли словно надеется, что я смогу умчать вас от-

сюда, как волшебник. Но даже если я — адмирал Нейсмит, я не могу вспомнить, как я это делал!

— Ш-ш, — попыталась она его успокоить. — Я готова поклясться, что ты уже дозрел до каскада воспоминаний. Я почти вижу, как он начинается. Речь у тебя за эти несколько дней стала гораздо лучше.

— Это все терапевтические поцелуи, — улыбнулся он, надеясь, что комплиментом заработает продолжение лечения. Но остановившись, чтобы отдышаться, сказал: — Я этого и не вспомню, если я — другой. Я помню Галена. Землю. Дом в Лондоне... А как звали того клона?

— Мы не знаем. Правда, не знаем.

— Адмирал Нейсмит... не должен бы называться Майлзом Нейсмитом. Он должен был бы быть Марком Пьером Форкосиганом. — Откуда он, к черту, это узнал? Марк Пьер.

«Петер Пьер. Петер, Петер, в жопе ветер!» — насмешливо крикнул кто-то из толпы, и старик пришел в такую ярость, что его пришлось удерживать... кому? Картина снова расплылась. «Деда?»

— Если изготовленный бхарапутрянами клон — третий сын, то он может зваться как угодно.

«Нет, тут что-то не так».

Он попытался представить себе детство адмирала Нейсмита в рамках секретной операции цетагандийцев. Свое собственное детство? Оно должно быть необычайным, если он сумел не только сбежать в восемнадцатилетнем возрасте или раньше, но и скрыться от цетагандийской разведки и в течение года сделать такую блестящую карьеру. Но он ничего не мог себе представить из этой юности. Полный провал.

— А что вы сделаете со мной, если я — не Нейсмит? Будете держать в качестве домашней собачонки? Сколько?

Вербена нервно прикусила губу.

— Если ты — клон, сделанный бхарапутрянами, то тебе самому надо как можно скорее бежать с Архипелага Джексона. Налет дендарийцев ужасно повредил штаб-квартиру Васа Луиджи. Ему надо отомстить не только за убытки, но и за кровь. И раненую гордость. Если это так... я попробую помочь тебе улететь.

— Ты? Или вы все?

— Я никогда не действовала вразрез с интересами Группы. — Встав, она принялась расхаживать по гостиной. — Но ведь я прожила год на Эскобаре одна, когда проходила обучение по криооживлению. Я часто думала... каково это — быть половиной пары. А не одной сороковой группы. Я ощущала бы себя более весомой?

— Ты ощущала себя более весомой, когда была вообще единицей, на Эскобаре?

— Не знаю. Это глупая мечта. И все же... нельзя не думать о Лотос.

— Лотос. Баронесса Бхарапутра? Та, которая ушла из вашей группы?

— Да. Вторая дочь Лилли, следующая после Сирени. Лилли говорит... если не будем держаться вместе, то поодиночке все погибнем. На Архипелаге Джексона не выжить одному. Тут никому нельзя выжить.

— Интересный парадокс. Ставит перед настоящей дилеммой.

Она вгляделась в его лицо, ища там иронию, и, найдя, нахмурилась:

— Это не шутка.

Да уж. Даже материнская стратегия самовоспроизведения, которую взяла на вооружение Дюрона, не вполне решает проблему, как продемонстрировала Лотос.

Еще раз пристально всмотревшись в нее, он вдруг спросил:

— Тебе приказали спать со мной?

Она вздрогнула:

— Нет. Но я попросила разрешения. И Лилли позволила: это может помочь привязать тебя к нашим интересам. — Она помолчала. — Тебе это кажется ужасно бессердечным?

— На Архипелаге Джексона — только предусмотрительным.

А привязанность ведь распространяется на обе стороны. На Архипелаге Джексона не выжить одному. «Но доверять никому нельзя».

Поначалу от чтения у него резало глаза и мучительно болела голова, но постепенно это занятие стало ему даваться легче.

Ему уже удавалось читать минут по десять, и только потом глаза начинали невыносимо болеть. Забившись в кабинет Вербены, он доходил до пределов боли: глоток информации, несколько минут отдыха — и новая попытка. Начиная с центра, он первым делом прочел об Архипелаге Джексона: его уникальной истории, отсутствии правительства и ста шестнадцати Главных Домах и бесчисленных Младших, с их переплетением союзов и вендетт, сделок и предательств. Группа Дюрона находилась в процессе превращения в самостоятельный Младший дом, отпочковываясь от тела дома Фелл наподобие гидры — и, как гидра, размножаясь неполовым образом. Упоминания о домах Бхарапутра, Харгрейвз, Дайн, Риоваль и Фелл вызывали мысленные картины, которых не было на считывающем устройстве. Некоторые из них даже начинали связываться между собой. Но еще очень немногие. Он пытался сообразить, имеет ли значение то, что самыми знакомыми домами казались те, которые связаны с внепланетной нелегальной деятельностью.

«Кто бы я ни был, я знаю этот мир». И все же... Эти картины казались слишком узкими и неглубокими, что-

бы представлять период формирования личности. Но, может, он сам узкий и неглубокий. Однако это все же было больше, чем полный нуль, относительно юности вероятного адмирала Нейсмита — созданного цетагандийцами клона.

«Деда». Вот эти воспоминания были весомыми, потрясающе живыми. Кто такой этот «деда»? Джексонианский лесник? Комаррский учитель? Цетагандийский инструктор? Кто-то громадный и захватывающе интересный, таинственный, старый и опасный? У деды не было начала — казалось, он возник вместе со Вселенной.

Начала. Может быть, если он изучит своего родителя, искалеченного барраярского лордика Форкосигана, это ему что-то напомнит. Он создан по образу и подобию Форкосигана — и это уже крайняя жестокость по отношению к любому бедняге. Он вызвал на пульт библиотеки Вербены все ссылки на Барраяр. Тут было несколько сотен нехудожественной литературы. Чтобы сориентироваться, он начал с общей истории, быстро просматривая рубрики. Пятьдесят тысяч Первопроходцев. Схлопывание п-в-туннеля. Период Изоляции, Кровавые столетия... Вторичное открытие... Слова начали расплываться. Голова, казалось, вот-вот лопнет. Знакомо, до боли знакомо... Придется остановиться.

Задыхаясь, он притушил свет и прилег на диван. Но если его готовили заменить Форкосигана, это все и должно казаться ужасно знакомым. Ему пришлось бы изучать Барраяр вдоль и поперек. «И я его изучил». Ему хотелось умолять Вербену приковать его к стене и ввести еще дозу суперпентотала, пусть давление скачет, как хочет. Ведь тогда чуть не получилось... Может, еще попытка...

Зашелестела отодвигающаяся дверь, и остановившаяся на пороге Вербена зажгла свет.

— Привет! Что с тобой?

— Голова болит. Читал.

— Тебе не следует...

«Так себя гнать», — договорил он про себя ставшую привычной за последние дни фразу Вербены. Но на этот раз она остановилась на половине. Он приподнялся, а она подошла и села рядом с ним.

— Лилли велела привести тебя наверх.

— Хорошо...

Он начал было вставать, но она его остановила. Ее поцелуй был долгим-долгим, и сначала он пришел в восторг, а потом встревожился. Прервав поцелуй, он спросил:

— Вербена, что случилось?

— ...Кажется, я тебя люблю.

— Это проблема?

— Исключительно моя. — Она выдавила невеселую улыбку. — Я с ней справлюсь.

Он поймал ее руки, погладил изящные кисти. У нее были гениальные руки. Подходящих слов не находилось.

До лифтовой шахты в покои Лилли они дошли, держась за руки. Там Вербена выпустила его руку, чтобы включить ладонью поле, и больше уже за руку не взяла. Вдвоем они поднялись в гостиную Лилли.

Лилли, прямая и торжественная, восседала в своем кресле. Ее седые волосы сегодня были заплетены в толстую косу, спускавшуюся через плечо. Чуть позади, справа от нее, стоял Ястреб — явно в качестве телохранителя. Вокруг стола расположились трое незнакомцев в серой полувоенной форме с белой отделкой. Две женщины сидели, мужчина стоял. У одной из женщин были темные кудряшки и карие глаза, которые буквально обожгли его. У второй, постарше, волосы короткие, темно-русые, чуть тронутые сединой. Но он не мог оторвать глаз от мужчины.

«Бог мой! Это второй я!»

«... Или... не-я».

Они были одинакового роста. Этот был как-то слишком подтянут: ботинки начищены, мундир отглажен... На воротнике блестят знаки различия. Адмирал... Нейсмит? На левом нагрудном кармане вышито «Нейсмит». Коротышка резко вдохнул, блеснул серыми глазами и улыбнулся. Но если он был костлявой тенью себя самого, этот был удвоенным им. Коренастый, почти квадратный, мускулистый и напряженный, с тяжелым подбородком и заметным брюшком. У него и вид был командирский: стоит в агрессивной позе «вольно» — упитанный бульдог, да и только! Значит, вот он какой, этот Нейсмит, знаменитый спасатель, которого так жаждет Лилли. Он вполне мог этому поверить.

Несмотря на зачарованный интерес к своему клон-близнецу, он вдруг с ужасом осознал, что он — не тот! Лилли потратила целое состояние на оживление не того клона! Интересно, она сильно рассердится? Для главы джексонианского дома такой промах должен восприниматься как полный провал. И действительно, лицо Лилли было сурово.

— Это точно он! — выдохнула женщина с обжигающим взглядом. Она крепко сжала кулаки, лежавшие на коленях.

— Я... с вами знаком, сударыня? — вежливо и осторожно спросил он. Пламенный жар ее взгляда его смутил, и он полубессознательно придвинулся ближе к Вербене.

Лицо у нее превратилось в мраморную маску, только глаза чуть расширились, словно ей ударили лазерным лучом под дых, и в них отразилось... что? Любовь? Ненависть? Напряжение... Его головная боль усилилась.

— Вот видите, — сказала Лилли. — Жив и здоров. Так вернемся к вопросу о цене.

На круглом столике чашки — видимо, переговоры идут уже достаточно долго.

— Какую пожелаете, — сказал адмирал Нейсмит, тяжело дыша. — Мы платим и улетаем.

— В пределах разумного. — Темно-русая женщина кинула на своего командира странно недовольный взгляд. — Мы прилетели за человеком, а не реанимированным телом. Неудачное восстановление, на мой взгляд, требует снижения цены. — Этот голос, этот иронический грудной голос... «Я с тобой знаком».

— Восстановление вовсе не было неудачным! — возмутилась Вербена. — Если проблемы и были, так они вызваны плохой обработкой...

Горячая дернулась и яростно нахмурилась.

— ...но на самом деле он прекрасно поправляется. Значительные улучшения каждый день. Просто еще очень рано. — Кажется, взгляд на Лилли? — Стресс и давление отодвигают от цели, а не приближают. Он слишком многого от себя требует, он настолько напрягается, что...

Лилли подняла руку, прерывая ее.

— Вот мнение моего криоспециалиста, — сказала она адмиралу. — Ваш клон-брат находится в стадии выздоровления и можно ожидать, что его состояние улучшится. Если вы и правда желаете именно этого.

Вербена начала кусать губы. Горячая грызла палец.

— А теперь к тому, чего желаю я, — продолжала Лилли. — И как вы будете рады слышать, это не деньги. Давайте поговорим об эпизоде из недавней истории. Недавней — с моей точки зрения.

Адмирал Нейсмит посмотрел на большие прямоугольные окна, за которыми стоял еще один серый зимний день Архипелага Джексона. Низкие стремительно летящие облака начали плеваться снегом. Силовой экран искрился, бесшумно пожирая ледяные иголочки.

— Недавняя история меня очень беспокоит, сударыня, — ответил он Лилли. — Если вы с ней знакомы, то должны понять, почему у меня нет желания здесь задерживаться. Перейдем к сути.

Джексонианский этикет не признает такой прямоты, но Лилли кивнула:

— Как сейчас поживает доктор Канабе, адмирал?

— Что?!

Кратко — по джексонианским меркам — Лилли объяснила, почему ее интересует сбежавший генетик.

— Ваша организация помогла Хью Канабе бесследно исчезнуть. Ваша организация вывезла десять тысяч мэрилакских военнопленных из-под самого носа цетагандийцев с Дагулы-4, хотя, надо признать, они-то как раз весьма впечатляюще

не исчезли. Где-то между этими доказательными крайностями лежит судьба моего семейства. Простите за шутку, но вы, похоже, именно то, что доктор прописал.

Адмирал Нейсмит широко раскрыл глаза, втянул воздух сквозь зубы и попытался изобразить улыбку.

— Ясно, сударыня. Так. Ну что ж, такой проект может быть вполне осуществим, особенно если вы хотите присоединиться к доктору Канабе. Вы должны понять, что я не могу сегодня же выложить вам это из кармана, — тут Лилли кивнула, — но как только я свяжусь с моими спонсорами, я полагаю, что-то можно будет придумать.

— Тогда, как только вы свяжетесь с вашими спонсорами, возвращайтесь, адмирал, и ваш клон-близнец будет вам передан.

— Нет! — начала было горячая, привставая, но ее спутница поймала ее за локоть и покачала головой, заставив снова сесть и пробормотать: — Конечно, Бел.

— Мы надеялись забрать его сегодня, — сказал наемник, бросая взгляд на него. Их взгляды столкнулись с какой-то непонятной силой. Адмирал отвел глаза, словно защищаясь от слишком интенсивного воздействия.

— Но, как вы понимаете, тогда я останусь без моего главного козыря, — пробормотала Лилли.

— Обычная система предполагает аванс в пятьдесят процентов, но в данном случае это явно неосуществимо. Может быть, вас успокоила бы умеренная денежная сумма.

— Пока они вроде неплохо о нем заботились, — неуверенно проговорила темно-русая.

— Но это, — нахмурился адмирал, — дало бы вам возможность предложить его другим заинтересованным сторонам. Я хочу предупредить вас, сударыня, чтобы вы не начинали денежное сражение. Оно может превратиться в настоящее.

— Ваша незаменимость охраняет ваши интересы, адмирал. Больше никто на Архипелаге Джексона не может предложить мне то, что нужно. Только вы. И кажется, обратное тоже верно. Так что у нас должна получиться Сделка.

Для джексонианца это было верхом сговорчивости. «Соглашайся, заключай Сделку!» — подумал он и тут же удивился собственной пылкости. Зачем он понадобился этим людям? За окном кружился снег. Налетел порыв ветра, и снежинки зашуршали по стеклу.

Снежинки бились в окно!

Лилли поняла это почти одновременно с ним, и ее темные глаза вдруг раскрылись. Пока никто не заметил, что бесшумного искристого блеска уже нет. Ее изумленный взгляд встретился с его, губы приоткрылись, чтобы отдать приказ...

Стекло брызнуло в комнату.

Это было защитное стекло: в них полетели не режущие осколки, а град горячих капелек. Обе дендарийки вскочили, Лилли крикнула, и Ястреб прыжком заслонил ее собой, вытаскивая парализатор. У окна завис какой-то крупный летательный аппарат. Один, два... три, четыре огромных солдата прыгнули в комнату. Поверх противонейробластерных костюмов у них были прозрачные бионические устройства, головы и лица защищены полностью. Несколько выстрелов парализатора Ястреба оказались бессильными против их экипировки.

«Лучше бы уж ты швырнул в них своим парализатором!» Он отчаянно озирался в поисках снаряда: ножа, стула, ножки от стола — чего угодно, с чем бы можно было нападать. Из карманного устройства одной из дендариек металлический голос кричал:

— Куин, это Элен. Только что почему-то отключился защитный экран здания! У меня показания о разрядах энергии. Что происходит? Вам нужна группа поддержки?

— Да! — крикнула горячая, откатываясь от луча парализатора, который, потрескивая, преследовал ее по ковру. «Автонаведение». Значит, похищение, а не убийство. Ястреб наконец опомнился, схватил круглый столик и ударил им, попав в одного из солдат, но тут же был уложен парализатором второго. Лилли стояла абсолютно неподвижно, мрачно наблюдая за происходящим. В нее никто не целился.

— Который тут Нейсмит? — прогудел усиленный громкоговорителем голос одного из нападающих. Видимо, дендарийцы разоружились для переговоров: темно-русая схватилась врукопашную с одним из солдат. Сам он ничего не мог сделать. Схватив Вербену за руку, он нырнул за какое-то кресло, готовясь броситься к лифтовой шахте.

— Хватай обоих! — крикнул главный, перекрывая шум. Один из солдат кинулся к лифтовой шахте, чтобы отрезать им путь к отступлению, и включил парализатор, готовясь выстрелить почти в упор.

— Черта с два! — проорал адмирал, налетая на солдата. Тот пошатнулся и промазал. Ныряя вместе с Вербеной в шахту, он успел увидеть, как луч парализатора попал Нейсмиту прямо в голову. Обе дендарийки уже были без сознания.

Они опускались мучительно медленно. Если они с Вербеной успеют добраться до генератора силового поля, можно ли будет его включить и поймать нападавших? Вслед за ними летели лучи парализаторов, рассыпаясь на стенках яркими искрами. Они перекувырнулись в воздухе, каким-то образом все же сумели приземлиться на ноги и спиной вперед вылетели в коридор. Для объяснений времени не было: он схватил Вербену за руку, пришлепнул ее ладонь к сенсорному

элементу и локтем отключил поле шахты. Преследовавший их солдат с воплем упал с трехметровой высоты.

Громкий удар заставил его содрогнуться, но он потащил Вербену за собой по коридору.

— Где генераторы? — проорал он через плечо.

Со всех сторон сбегались встревоженные Дюроны. В дальний конец коридора влетели два охранника в зеленой форме дома Фелл и бросились к лифтовой шахте пентхауса. Но они-то на чьей стороне? Он втянул Вербену в ближайшую открытую дверь, с трудом выговорив приказ запереть ее.

Она повиновалась. Они находились в помещении кого-то из Дюрон. Тупик, конечно, плохое убежище, но, похоже, им придут на помощь. Он только не знал, кто. Защитный экран управляется изнутри. Иной возможности просто нет. Он сложился пополам, жадно ловя открытым ртом воздух. Сердце отчаянно колотилось, легкие жгло огнем, глаза застилала темная пелена... Но он все равно проковылял к грозящему опасностью окну, чтобы понять ситуацию. Из коридора доносились приглушенные крики и удары.

— Как эти ублюдки сумели отключить вашу защиту? — просипел он, цепляясь за подоконник. — Взрыва не было... Предательство?

— Не знаю, — с тревогой ответила Вербена. — Это — внешняя защита. Она должна находиться в ведении людей Фелла.

Он посмотрел на обледеневшую стоянку. По ней бежали двое в зеленом и что-то кричали, указывая вверх. Они укрылись за припаркованной машиной и попытались навести ракетницу. Еще один охранник в зеленом отчаянно махал им руками, приказывая остановиться: промах разнес бы на куски пентхаус и всех, кто в нем находился. Охранники с ракетницей кивнули и стали выжидать.

Он выгнул шею, прижавшись лицом к стеклу, пытаясь увидеть то, что происходит чуть левее. Там все еще висел бронированный летательный аппарат.

Нападавшие уже начали отход. Дьявол! С защитным экраном ему явно не успеть. Солдаты садились обратно, раскачивая аппарат. Мелькнули руки и через зазор протащили толстого человечка в сером — через ужасную бетонную пропасть в шесть этажей. Обмякшего солдата тоже забрали. Раненых для допроса не оставили. Вербена, стиснув зубы, оттащила его от окна:

— Уходи с линии огня!

Он отчаянно сопротивлялся, протестуя:

— Они уходят! Нам надо биться с ними сейчас, на нашей территории...

С улицы, из-за старой стены, окружавшей клинику Дюроны, поднялся флайер — маленький, гражданский, без всякого вооружения и защиты, он стремительно набирал

высоту. Сквозь фонарь виднелась размытая фигура в сером, оскалившая белые зубы. Бронированный аппарат налетчиков отвалил от окна. Дендарийский флайер пытался протаранить его, заставить сесть. Летели искры, трещал пластик, скрежетал металл, но бронированный аппарат стряхнул флайер, и тот понесся вниз и рухнул на землю грудой обломков.

— Наверняка арендованный, — простонал он, наблюдая за происходящим. — Придется платить. Хорошая попытка — почти сработала... Вербена! Там, внизу, есть ваши флайеры?

— Ты хочешь сказать — группы? Да, но...

— Пошли! Нам надо вниз.

Но здание теперь заполнят охранники. Они будут ставить всех лицом к стене, чтобы опознать и выяснить причастность к происшедшему. Прыгнуть из окна, чтобы пролететь пять этажей, было нельзя — хоть и очень хотелось. Ах, ему бы шапку-невидимку!

«О! Конечно!»

— Неси меня! Ты сможешь меня нести?

— Наверное, но...

Он кинулся к двери и, когда она начала открываться, упал ей на руки.

— Зачем? — спросила она.

— Делай, просто делай, — прошипел он сквозь зубы. Она выволокла его в коридор. Он сквозь полуприкрытые веки смотрел на окружающий хаос, очень правдоподобно задыхаясь. Несколько перепуганных Дюрон толклись у шахты пентхауса, вход в которую перекрыла охрана Фелла. — Вели доктору Астре взять меня за ноги, — пробормотал он, стараясь не открывать рта.

Вербена была настолько ошеломлена, что даже перестала спорить и крикнула:

— Астра, помоги мне! Надо отнести его вниз.

Решив, что имеет дело с каким-то медицинским экстренным случаем, доктор Астра вопросов не задавала. Она схватила его за щиколотки, и они начали протискиваться сквозь толпу. Две Дюроны бегом протащили бледного человека — судя по всему, раненого, — и охранники в зеленом поспешно посторонились, давая им дорогу.

Когда они оказались внизу, доктор Астра попыталась было направиться к операционным. Его потянули в разные стороны, но он высвободил ноги из рук изумленной Астры и вырвался от Вербены. Она бросилась за ним, и к выходной двери они подбежали одновременно.

Все внимание охранников сосредоточилось на тех двоих с ракетометом: он проследил за их целью — неясным силуэтом в снежных тучах. «Нет-нет, не стреляйте!..» Ракетомет выстрелил. Яркий взрыв подбросил удаляющийся аппарат, но не сбил его.

— Веди меня к самому большому и быстрому флайеру, — пропыхтел он Вербене. — Нельзя дать им уйти. — «И нельзя позволить людям Фелла его взорвать». — Скорее!

— Зачем?

— Эти подонки выкрали моего... моего... брата! — с трудом выговорил он. — Надо сесть им на хвост. Заставить сесть, если получится. Преследовать. У дендарийцев наверняка есть подкрепление — важно только не потерять машину из виду. Или у Фелла есть... Лилли ведь его... его вассал, так? Он должен принять меры. Или кто-то должен. — Его отчаянно трясло. — Если мы дадим им уйти, мы их уже не найдем. Они на это и рассчитывают.

— А что мы сделаем, если догоним их? — возразила Вербена. — Они только что хотели тебя похитить, а ты собираешься лететь за ними? Это дело Службы безопасности.

— Я и есть... и есть...

«Что? Что он есть такое? — Его бессильные попытки что-то сказать снова рассыпались в хаосе бессвязных представлений. — Нет, только не это!»

Зашипел инъектор и темнота, грозившая его проглотить, отступила. Доктор Астра поддерживала его, а Вербена приподнимала пальцем веко, глядя на его зрачок. Другой рукой она убирала в карман инъектор. На него опустилось какое-то прозрачное отупение, словно его завернули в целлофан.

— Это должно помочь, — сказала Вербена.

— Не помогает! — пожаловался он — вернее, попытался. Вместо слов получилась какая-то каша.

Они утащили его из вестибюля к одной из лифтовых шахт, ведущих в подземные помещения. Значит, конвульсии длились всего несколько секунд. Значит, еще есть шанс... Он попытался вырваться из рук доктора Астры, но та только крепче схватила его.

В коридоре зазвучали шаги — легкая поступь женщин, не топот сапог охранника. Появилась суровая Лилли в сопровождении доктора Розы.

— Вербена. Забирай его отсюда. — Несмотря на то что Лилли запыхалась, голос ее остался спокойным. — Джориш лично прилетит расследовать происшедшее. Его тут вообще не было. Похоже, что нападавшие — враги Нейсмита. Будем придерживаться версии, что дендарийцы пришли сюда искать клон Нейсмита, но не нашли. Астра, позаботься об уликах в комнатах Вербены и спрячь его историю. Быстро!

Астра кивнула и убежала. Вербена помогала ему не упасть. Он почему-то обвисал, словно таял. Моргая, он пытался справиться с действием лекарства.

«Нет, надо преследовать...»

Лилли кинула Вербене кредитную карточку, а доктор Роза передала ей врачебный чемоданчик и пару курток.

— Выводи его через задний ход и исчезай. Воспользуйся кодами для эвакуации. Выбери место наугад и ложись на дно. Только не наши помещения! Доложишь по секретной линии — и не из дома. К тому времени мне будет понятно, что удалось спасти. Быстрее, девочка.

Вербена послушно кивнула. Он возмущенно заметил, что она совсем не спорит. Крепко держа его за руку, она направилась к грузовой шахте и через подвал в подземное отделение клиники. За потайной дверью на втором уровне открылся узкий туннель. Ему казалось, что он — крыса в лабиринте. Три раза Вербена останавливалась, чтобы включить защитное устройство.

Они вышли в подвал какого-то другого здания, и закрывшаяся за ними дверь бесследно исчезла, слившись со стеной. Дальше они шли уже по обычным подземным коммуникациям.

— Вы часто здесь ходите? — пропыхтел он.

— Нет. Но иногда нам хочется что-то внести и вынести, не регистрируя у наших охранников, — они ведь люди Фелла.

В конце концов они пришли в маленький подземный гараж. Вербена подвела его к голубому легкому флайеру, далеко не новому и ничем не примечательному, и запихнула на пассажирское место.

— Это не так, — запротестовал он, с трудом выговаривая слова. — Адмирал Нейсмит... Кто-то должен лететь за адмиралом Нейсмитом!

— Нейсмиту принадлежит целый флот наемников, — ответила Вербена, пристегиваясь к креслу пилота. — Пусть они и занимаются его врагами. Постарайся успокоиться и отдышаться. Мне не хотелось бы вводить тебе еще одну дозу.

Флайер поднялся в снежные вихри, неуверенно покачиваясь в порывах ветра. Раскинувшийся под ними город быстро исчез. Вербена попыталась его утешить:

— Лилли что-нибудь предпримет. Ей тоже нужен Нейсмит.

— Все не так, — бормотал он. — Все совершенно не так.

Он ежился в куртке, которую Вербена накинула ему на плечи. Она включила обогрев.

«Я — не тот». Похоже, он сам по себе не имеет никакой ценности, но адмиралу Нейсмиту он почему-то нужен. А если адмирал Нейсмит не в состоянии будет заключить Сделку, то единственный, кто в нем будет заинтересован, — это Васа Луиджи, который ищет отмщения за что-то, о чем он даже не помнит. Бесполезный, никчемный, одинокий и испуганный... Все тело у него ныло, голова болела.

У него есть только Вербена. И, похоже, адмирал, который приехал за ним. Который, вероятно, рискнул жизнью, чтобы забрать его. Зачем?

«Мне необходимо... что-то предпринять».

— Дендарийские наемники. Они здесь? У адмирала на орбите есть корабли? Какая у него поддержка? Он сказал, что ему нужно время, чтобы связаться со спонсорами. Сколько времени? Они могут вызвать поддержку с воздуха? Сколько... когда... где...

Он лихорадочно пытался собрать из отсутствующих данных план атаки.

— Успокойся! — взмолилась Вербена. — Мы ничего не можем сделать. Мы — люди маленькие. А ты в плохом состоянии. Ты так доведешь себя до нового припадка.

— Чхать мне на мое состояние! Мне надо... надо...

Вербена только иронически подняла брови. Вздохнув, он откинулся на спинку сиденья, совершенно выжатый.

«Я должен был бы суметь это сделать... сделать что-то...» Он ничего не слышал, загипнотизированный звуком собственного тяжелого дыхания. Потерпел поражение. Снова. Он мрачно смотрел на свое бледное кривое отражение на внутренней поверхности фонаря. Время стало тягуче-липким.

Огоньки на пульте управления вдруг погасли. Сила тяжести исчезла. Привязные ремни больно врезались в тело. Мимо них заструились ленты тумана, все быстрее и быстрее.

Вербена вскрикнула, пытаясь вернуть управление, ударила по пульту. Он на секунду включился, они немного выровнялись. Потом снова начали падать. Спуск стал судорожным.

— Что с ним, черт возьми! — воскликнула Вербена.

Он посмотрел вверх. Ничего, только ледяной туман — они спустились ниже уровня облачности. А потом над ними вдруг появилась темная тень. Огромный летающий грузовик, тяжелый...

— Системы в порядке. Нам просто то включают, то выключают поле, — сонно проговорил он. — Нас вынуждают сесть.

Вербена судорожно сглотнула, при каждом включении энергии пытаясь выровнять флаейр.

— Господи, опять они?

— Нет, не знаю... может, они были не одни. — Решимость боролась с лекарственной дремотой, и ему удалось заставить свои мозги действовать. — Устрой шум! — приказал он. — Устрой фейерверк!

— Что?!

Она не понимает. Не врубилась. Она должна бы... Кто-то должен был...

— Бросай эту дрянь на землю!

Она не повиновалась:

— Ты с ума сошел!

Они неловко приземлились в пустой долине, покрытой снегом и хрустким кустарником.

— Кто-то хочет нас захватить. Нам надо оставить след, иначе мы просто исчезнем. Связь не работает. — Он указал на мертвый пульт. — Надо оставить следы, поджечь хоть что-нибудь!

Он начал лихорадочно отстегивать привязные ремни.

Слишком поздно. Четверо или пятеро громил окружили их флайер с парализаторами на изготовку. Один открыл дверцу и выволок его наружу.

— Осторожно, не повредите ему! — испуганно вскрикнула Вербена. — Это мой пациент.

— Не повредим, сударыня, — вежливо кивнул громила, — только вы не сопротивляйтесь.

Вербена застыла неподвижно.

Он отчаянно озирался. Если броситься к их грузовику — удастся ли?.. Но он успел сделать всего несколько шагов, как громила поймал его за рубаху и поднял в воздух. Что-то холодное металлическое защелкнулось на его запястьях. Это были не те люди, что вломились в клинику Дюроны: совсем другие лица, форма и оборудование.

Скрипя по снегу, подошел еще один. Откинув с головы капюшон, он осветил фонариком лица пленных. Ему было около сорока — резкие черты лица, смуглая кожа, темные волосы, стянутые узлом. Глаза яркие и очень живые. Озадаченно хмурясь, он уставился на свою добычу.

— Расстегни ему рубашку, — приказал он одному из громил.

Тот повиновался, и фонарик осветил извивы шрамов. Глава похитителей хищно улыбнулся, откинул голову и громко расхохотался. Его смех эхом разнесся по сумеречной снежной долине.

— Ри, глупец! Интересно, когда до тебя дойдет?!

— Барон Бхарапутра! — тоненько пропищала Вербена.

— Доктор Дюрона, — вежливо-насмешливо отозвался Васа Луиджи. — Так он ваш пациент? Тогда примите мое приглашение. Будете нашей гостьей. По-родственному.

— Зачем он вам? Он ничего не помнит.

— Вопрос не в том, зачем он мне. Вопрос в том... зачем он кому-то другому. И что я могу с них получить. Ха! Даже удачнее!

Сделав знак своим людям, он повернулся. Те загнали пленных в летающий грузовик. Один остался, чтобы увести голубой флайер.

— Где мне его оставить, сэр?

— Верни в город и брось в любом переулке. Где угодно. Увидимся дома.

— Слушаюсь, сэр.

Двери грузовика захлопнулись, и он поднялся в воздух.

ГЛАВА 23

Марк застонал. Острая боль прорвалась сквозь туман тошноты.

— Собираешься ввести ему синэргин? — услышал он чей-то удивленный голос. — Разве барон велел с ним нежничать?

— А тебе охота чистить флайер, когда его вывернет наизнанку?

— А...

— Барон им займется сам. Барон сказал, что хочет получить его живым. Ну, он пока жив.

Зашипел инъектор.

— Бедняга!

Марк начал отходить от удара парализатора. Он не знал, сколько пространства и времени отделяло его от клиники Дюрона. После того как к нему вернулось сознание, похитители раза три делали пересадку и один раз летели на чем-то более крупном, чем флайер.

Наконец прибыли неизвестно куда. Марка завели в камеру очистки. Потом безликие солдаты удалились, а его передали двум охранникам: верзилам в черных брюках и красных кителях.

Цвета дома Риоваль. Ох!

Марка связали по рукам и ногам и швырнули в очередной флайер.

«А все-таки Майлз жив!»

Он улыбнулся. Бледный, осунувшийся —кожа да кости, но живой! Стоит и дышит. Марк чуть не разрыдался. Ему удалось, удалось исправить свою ошибку! Теперь он имеет право называться лордом Марком.

Он молил Бога, чтобы доктор Дюрона оказалась права и чтобы к Майлзу вернулась память. В глазах Майлза было какое-то пугающее недоумение. И он даже не узнал Куин.

«Ты поправишься. Мы увезем тебя домой, и ты поправишься».

Он притащит Майлза домой, и все снова будет хорошо. Нет, даже не хорошо. Все будет просто чудесно.

Вот только бы этот дурак Риоваль понял, что ошибся.

«Ничего, Служба безопасности им займется».

Марк так и не разглядел, куда его везут. Флайер сел на подземной стоянке. Два охранника бесцеремонно вытащили Марка наружу и развязали ему ноги. Они зашли в какую-то комнату, где с него содрали одежду, и быстро двинулись дальше. Нет, это, пожалуй, не тюрьма. И не знаменитый бордель Риоваля. Противно пахнет медикаментами. Но обстановка слишком суровая — здесь явно не принимают богатых клиентов. И слишком уж много электронной защиты, чтобы выращивать на заказ рабов. Довольно тесно. Окон нет. Подземное сооружение?

Куда же я попал?

Только без паники. Он подбодрил себя мыслью о том, что Риоваль устроит своим людям, когда обнаружит, что они захватили не того. А если Риоваль сразу не поймет своей ошибки, может, лучше какое-то время скрывать от него истину? И тогда Майлз будет в безопасности. Ведь Майлза-то не схватили. И дендарийцы на свободе.

Они наверняка отыщут Марка. А не они, так Служба безопасности. Служба безопасности отставала от него самое большее на неделю и быстро сокращала разрыв.

«И все равно я выиграл!» Голова шла кругом от странного сочетания восторга и ужаса. Охранники ввели его к Риовалю. Видимо, у барона тут были апартаменты, потому что за аркой Марк увидел гостиную. Риоваля он узнал без труда. Он видел его изображение в вахтенном журнале «Ариэля». Тогда барон пообещал, что отрежет адмиралу Нейсмиту голову и повесит на стену в качестве трофея. У Марка возникло неприятное подозрение, что Риоваль свое обещание выполнит, и выполнит буквально. Барон стоял, облокотясь на стол с комм-устройством. Блестящие темные волосы были уложены в замысловатую прическу. Лицо с гладкой кожей и изящным носом казалось неправдоподобно молодым для столетнего старика.

«На него напялили труп».

Марк злобно ощерился.

Охранники усадили его на стул и пристегнули руки металлическими захватами.

— Ждите за дверью, — приказал барон. — Это недолго.

Руки у Риоваля дрожали. Смуглое лицо покрылось испариной. Когда он улыбнулся Марку, в его глазах появился лихорадочный блеск. Так должен выглядеть человек, настолько погруженный в свои видения, что окружающее для него почти не существует. Но Марк был здорово разъярен, и его это ничуть не встревожило.

— Адмирал, — радостно выдохнул Риоваль, — я ведь обещал, что мы еще встретимся. Это судьба. — Он внимательно осмотрел Марка и удивленно приподнял брови: — За последние четыре года вы сильно пополнели.

— Жил припеваючи, — огрызнулся Марк.

— Как я рад, что вы живы! Поначалу я мечтал, чтобы вы скончались в страшных муках, но, поразмыслив, начал молиться о том, чтобы вы выжили. У меня было четыре года, чтобы все продумать. Пересмотреть и отточить первоначальный план.

Риоваль не признает в нем не-Нейсмита! Риоваль вообще его почти не видит. Казалось, он смотрит сквозь него. Барон начал расхаживать перед Марком, излагая свои планы, как взволнованный любовник. Сложные планы мести, начи-

ная с самых непристойных и безумных до вообще неосуществимых.

Ну что же, могло быть и хуже. Риоваль мог бы сейчас осыпать угрозами недоумевающего щуплого человечка, потерявшего память после криооживления, а тот даже не знал бы, кто он такой, не говоря уже о том, почему с ним такое происходит.

«Нет. Лучше уж меня, чем его. Определенно».

«Он просто хочет запугать тебя. Это только слова». Что говорил граф? «Не отдавай победы врагу заранее, в своих мыслях...»

Дьявол, ведь Риоваль даже и не его враг! Все эти безвкусные сценарии рассчитаны на Майлза. И даже не на Майлза. На адмирала Нейсмита, которого, по идее, вообще не существует. Риоваль гонялся за призраком.

Тем временем барон замолчал и с любопытством провел рукой по телу Марка. Чуть согнутые пальцы умело проследили мышцы, спрятанные под слоем жира.

— Знаете, — выдохнул он, — я ведь собирался морить вас голодом. Но, пожалуй, я передумал. Вас будут кормить насильно. Должно получиться даже забавнее.

Марк вздрогнул. Риоваль, уловив его дрожь, ухмыльнулся. У этого типа удивительный нюх. Кажется, лучше переключить его внимание на химеру.

— Мне очень жаль портить вам удовольствие, барон, но у меня для вас неприятное известие.

— А разве я просил вас говорить? — пальцы Риоваля поползли вверх, ущипнули его за щеку... — Это не допрос. Не инквизиция. Признаниями вы ничего не добьетесь. Даже смерти.

— Я не адмирал Нейсмит. Я — клон, которого изготовили люди Бхарапутры. Ваши люди захватили не того человека.

Риоваль улыбнулся:

— Неплохо, адмирал. Но мы уже много дней наблюдали за тем клоном в клинике Дюроны. Я знал, что вы за ним явитесь, после того на что вы пошли, чтобы получить его обратно в первый раз. Не знаю, какую страсть он в вас будит... Вы не любовники? Вы не поверите, сколько клонов заказывают именно с этой целью.

Так. Когда Куин клялась, что за ними не могло быть хвоста, она не ошиблась. Риоваль за ними не следил. Он их поджидал. Роскошно. Именно поступки, а не слова и не мундир, убедили барона в том, что Марк — это Нейсмит.

— Но его я тоже получу, — Риоваль пожал плечами. — Очень скоро.

«Не получишь!»

— Барон, я действительно клон адмирала Нейсмита. Не верите — проверьте.

Риоваль хмыкнул:

— И что вы предлагаете? Генетический анализ? Даже Дюроны не могли вас отличить. — Он глубоко вздохнул. — Столько планов, что просто не знаю, с чего начать. Нельзя ведь терзать те части тела, которые уже отрезал. Интересно, на сколько лет я смогу растянуть удовольствие. Или не лет, а десятилетий?

Марк почувствовал, что его самообладание дает трещину.

— Я не Нейсмит! — встревоженно повторил он.

Риоваль схватил Марка за подбородок и заставил поднять голову, одарив насмешливо-недоверчивой улыбкой.

— Тогда я на вас потренируюсь. Генеральная репетиция. А Нейсмит появится. Со временем.

«Со временем тебя ждет крупный сюрприз». Служба безопасности без колебаний разнесет весь дом Риоваля, чтобы спасти Майлза. Да, но он-то не Майлз.

Первое избиение оказалось достаточно неприятным. Дело было даже не в боли, а в сочетании боли и страха. Риоваль наблюдал. Марк вопил, не пытаясь сдерживаться. Никакой мужественной гордости вам не будет — спасибо. Может, Риоваль наконец поймет, что он — не Нейсмит. Бред какой-то. Но тюремщики не поломали ему ни одной кости и быстро закончили. Его заперли — голого — в очень холодном чулане. Без окон. Вентиляционное отверстие оказалось сантиметров пять в диаметре. Туда даже кулак не пролезет.

Он попытался собраться с мыслями. Внушить себе надежду. Время работает на него. Риоваль, понятное дело, садист, но садист с психологическим уклоном. Риоваль оставил его живым и относительно невредимым — по крайней мере пока. В конце концов если повредить нервные окончания, по ним перестанут поступать болевые сигналы. А если помутится рассудок, он перестанет реагировать на все нюансы. Значит, в планах Риоваля — изысканные унижения, а не порка до смерти. Главное — выжить. А потом... Графиня сказала, что, отправляясь на Архипелаг Джексона, он волей-неволей заставит Иллиана активизировать тамошнюю агентурную сеть. И это уже положительный результат, сказала графиня, даже если самому Марку ничего не удастся.

Ну и подумаешь. Что такое в конце концов несколько лишних унижений? Вот Майлз сломался бы. А у него просто нет гордости. Пытки для него — дело привычное.

«Ах, Риоваль, как же ты здорово просчитался!»

Будь Риоваль хоть наполовину таким хорошим психологом, каким себя считает, он должен был бы прихватить пару-тройку друзей Майлза и пытать их у него на глазах. Дурак. И вообще, черт с ним, с Риовалем. Скоро придут дендарийцы и вызволят его.

Скоро. Очень скоро. Вот-вот.

Сейчас.

Все было хорошо, пока не пришли тюремщики.

* * *

Когда Марка привели обратно в его крошечную камеру, он очень долго вообще не мог думать.

Наконец туман рассеялся, и боль ослабла, уступив место черной ярости. Его привязали, засунули в горло трубку и накачали до отказа омерзительной высококалорийной жижей, смешанной с противорвотным да еще с целым коктейлем медикаментов, ускоряющих отложение жиров. А он-то воображал, что обжорство — его личное достижение. Риоваль следил за его реакцией с глумливой улыбкой. Риоваль знал!

Барон лишил его тайный протест скрытого удовлетворения. Поймал его, задел за живое. Очень сильно.

Разница между пыткой и истинным унижением — в соучастии жертвы. Гален прекрасно это понимал, Гален всегда заставлял его все делать самостоятельно. Или считать, что он все делает самостоятельно.

Вскоре Риоваль показал, что и это он знает. Марку ввели сильнейшее возбуждающее и передали его охранникам. Он стал соучастником собственного падения. А расставленные повсюду камеры запечатлели великолепные сцены.

Его вновь отвели в камеру. Переваривать новые впечатления. Интересно. Препарат закоротил электрошоковый рефлекс, сведя его до странной икоты. Риоваль наблюдал.

Нет. Риоваль изучал.

Этот взгляд преследовал Марка. Риоваль отслеживал... рефлексы? Едва заметные признаки интереса, страха, отчаяния?

Да, это не пытки. Это только предварительные испытания. Пытки — впереди.

И тут он понял, что его ждет. Сначала Риоваль создаст у него зависимость, повторяя все снова и снова. Потом добавит боль. А потом предоставит ему продолжать все самостоятельно. Вот он и продолжит. И тогда Риоваль предложит ему свободу. А он будет умолять, чтобы его не прогоняли, оставили рабом. Уничтожение через соблазн. Эндшпиль. Полное отмщение.

«Ты видишь меня, Риоваль, но и я тебя вижу. Я тебя вижу».

Насильственные кормления устраивали каждые три часа. Это был единственный хронометр — иначе он решил бы, что время остановилось.

Он всегда считал, что кожу живьем сдирают острыми ножами. Или тупыми. Люди Риоваля спрыснули тща-

тельно выбранные участки тела аэрозолем. На исполнителях были перчатки, маски, защитные костюмы. Марк безуспешно попытался сорвать с одного маску, чтобы тот попробовал того же лекарства. Он проклинал свой малый рост и смотрел, как его кожа пузырится и стекает на пол. Это была не щелочь, а какой-то особый фермент: нервы словно обнажились. Теперь ему было мучительно больно прикоснуться к чему-нибудь, не говоря уже о том, чтобы сесть или лечь. Несколько долгих часов он стоял, переминаясь с ноги на ногу. А потом ноги подкосились.

Куда же подевались дендарийцы и СБ? Сколько времени прошло? День?

«Так. Один день я пережил. Переживу и еще один». Хуже уже не будет.

Он сидел, раскачиваясь, почти ослепнув от боли. И ярости. Особенно от ярости.

«Я хотел быть лордом Марком. Просто хотел быть лордом Марком». Что в этом плохого? Он уже почти добился этого, почти ухватил пальцами. А у него все отняли. «Я просто хотел быть человеком».

ГЛАВА 24

Он в сотый раз обошел комнату, простукивая стены.

— Если б только выяснить, которая из них наружная, мы могли бы попробовать ее проломить.

— Чем? Ногтями? — огрызнулась Вербена. — А если мы на третьем этаже? Сядь, пожалуйста! Ты меня довел!

— Нам надо выбраться!

— Нам надо ждать. Лилли нас хватится, и что-нибудь предпримет.

— Как? Каким образом?

Он яростно оглядел маленькую спальню. Никакая это не тюремная камера. Просто комната для гостей с отдельной ванной. Окон нет, значит, скорее всего они или под землей, или во внутренней части здания. Если под землей, то проламываться наружу бессмысленно, но если там соседняя комната... Это дало бы массу возможностей.

Одна дверь, за ней два охранника, вооруженные парализаторами. Прошлой ночью они попробовали заманить охранников: один раз изобразив болезнь, а второй — когда его отчаянное волнение вылилось в настоящие конвульсии. Охранники передали Вербене ее врачебный чемоданчик, но в ответ

на его требования действовать она пригрозила ввести успокоительное.

— Выжить, освободиться, навредить врагу, — повторял он, как заклинание. — Вот долг солдата.

— Я не солдат, — отозвалась Вербена, протирая глаза, под которыми легли темные тени. — И Васа Луиджи меня убивать не собирается. А если бы он собирался убить тебя, то сделал бы это вчера вечером. Он не играет людьми, как Риоваль. — Вербена прикусила губу, видимо, пожалев о последней фразе. — Или, может, он оставит нас тут вдвоем, пока я сама тебя не убью.

Она повернулась спиной и закрыла голову подушкой.

— Ты должна была разбить флайер, когда я тебе приказал!

Из-под подушки вырвался то ли стон, то ли проклятие. Наверное, он слишком часто повторяет этот упрек.

Дверь, щелкнув, открылась, и он дернулся как ошпаренный.

Охранник вежливо вскинул руку:

— Барон Бхарапутра приветствует вас. Будьте любезны присоединиться к нему и баронессе за обедом. Мы проводим вас, как только вы будете готовы.

В столовой были большие деревянные двери, выходившие в обнесенный стенами морозный сад — и по дюжему охраннику у каждого выхода. В сгущающихся сумерках поблескивали покрытые инеем ветви, значит, они провели здесь уже сутки по времени Архипелага Джексона. Двадцать шесть часов плюс сколько-то там минут. При их появлении Васа Луиджи встал, а охранники удалились за дверь, создавая иллюзию интимности.

Столовая была обставлена со вкусом: одноместные кушетки и столики, полукругом на нескольких уровнях, с видом на сад. На одной из кушеток сидела очень знакомая с виду женщина.

Седые волосы, уложенные вокруг головы, темные глаза, тонкая поблекшая кожа, испещренная множеством морщинок, аристократический нос... Доктор Дюрона. Опять. На очередной Дюроне были светло-зеленая шелковая туника под цвет лабораторных халатов и свободные шаровары кремового цвета. Да, доктор Дюрона, баронесса Бхарапутра, отличалась изысканным вкусом. И имела средства.

— Вербена, милая, — кивнула она, протягивая руку так, словно Вербена могла бы запечатлеть на ней придворный поцелуй.

— Лотос. — Вербена поджала губы.

Лотос улыбнулась и перевернула ладонь, превратив свой жест в приглашение садиться — что все и сделали.

Баронесса прикоснулась к пластинке управления, и в столовую вошла девушка, одетая в коричневые с розовым шелка. Очень знакомая на вид девушка, высокая и гибкая, с аристократическим носом, шелковистыми черными волосами,

схваченными сзади и струящимися вдоль спины... Она подала напитки. Барону — первому, не поднимая взгляда. Когда девушка подошла к баронессе, ее глаза широко раскрылись, как цветы под солнцем, полные радости. Когда девушка склонилась перед Вербеной, ее взгляд вдруг стал изумленным, а темные брови недоумевающе поползли вверх. Вербена сперва изумилась не меньше девушки, а потом вдруг ужаснулась.

Когда девушка склонилась перед ней, она нахмурилась еще сильнее.

— Ты! — потрясенно прошептала она.

— Иди, Лилли, милочка. Глазеть некрасиво, — ласково упрекнула баронесса.

Удаляясь изящной походкой, она еще раз обернулась через плечо.

— Лилли? — задохнулась Вербена. — Ты назвала ее Лилли?!

— Небольшая месть.

Вербена сжала кулаки:

— Как ты могла? Зная, кто ты? Зная, кто мы?

— А как ты смогла выбрать смерть, а не жизнь? — Баронесса пожала плечами. — Или, еще хуже, позволить Лилли выбирать за тебя? Твое время соблазна еще не наступило, Вербена. Милая моя сестра. Спроси себя через двадцать или тридцать лет, когда ощутишь, как распадается твое тело, и посмотрим, так ли легко дастся тебе ответ.

— Лилли любила тебя, как дочь.

— Лилли помыкала мною, как прислугой. Любовь? — Баронесса усмехнулась. — Стадо Дюрон удерживает вместе не любовь. Их удерживает давление хищников. Если бы все внешние опасности исчезли, то даже в одном пространстве — времени вам стало бы тесно, дорогим моим родственникам. Вообще-то почти во всех семьях так.

Вид у Вербены был несчастный, но спорить она не стала.

Васа Луиджи откашлялся:

— Вообще-то, доктор Дюрона, вам вовсе нет необходимости искать себе место на краю галактики. В доме Бхарапутра может найтись место для человека ваших способностей. Например, в качестве главы лаборатории. А позже — кто знает — даже филиала.

— Нет, спасибо! — отрезала Вербена.

Барон пожал плечами. А баронесса, похоже, немного обрадовалась.

Он настоятельно вмешался:

— Барон, это действительно были люди Риоваля — те, кто захватили адмирала Нейсмита? Вы знаете, куда они его забрали?

— Ну, это интересный вопрос, — пробормотал Васа Луиджи, внимательно глядя на него. — Я весь день безрезультатно пытался связаться с Ри. Подозреваю, что там, где Ри, там и ваш клон-близнец... адмирал.

Он стремительно втянул воздух:

— Почему вы считаете, что это я — адмирал, сэр?

— Потому что я встречался с тем, вторым. При очень интересных обстоятельствах. Не думаю, чтобы настоящий адмирал Нейсмит позволил своему телохранителю себе указывать, а?

У него разболелась голова.

— Что Риоваль с ним сделает?

— Право, Васа, не за столом, — укоризненно проговорила баронесса, а потом с любопытством посмотрела на него: — И вообще, почему это вас волнует?

— «Майлз, где брат твой Марк?» — Взявшаяся непонятно откуда цитата вырвалась у него помимо воли. Он неуверенно прикоснулся к губам. Вербена и Лотос изумленно уставились на него.

Васа Луиджи сказал:

— Что до вашего вопроса, адмирал, то все зависит от того, пришел ли Ри к тем же выводам, что и я. Если да — скорее всего ничего не сделает. А если нет, то его методы будут зависеть от вашего клона-близнеца.

— Я... не понимаю.

— Риоваль станет изучать его. Экспериментировать. Выбор будет зависеть от анализа личности подопечного.

Это звучало не так уж страшно. Он представил себе тесты, в которых нужно выбрать один из предложенных ответов, и озадаченно нахмурился.

— Ри — мастер, — продолжил барон. — Он умеет создавать удивительные психологические эффекты. Я видел, как он превратил врага в преданного раба, готового повиноваться любому приказу. А последний человек, пытавшийся убить его, теперь подает напитки на приемах у Риоваля и молит о возможности удовлетворить любую просьбу гостя.

— И чего ты попросил? — холодно поинтересовалась баронесса.

— Белого вина. Это было еще до тебя, дорогая. Но я наблюдал. Взгляд у него был совершенно затравленный.

— Вы намерены предложить меня Риовалю? — медленно спросил он.

— Если он предложит больше других, адмирал. Ваш и вашего клона-близнеца налет на мои комплексы (а я до сих пор не уверен, что вы с самого начала не сговорились) очень дорого мне обошелся. И... — тут его глаза сверкнули, — был мне неприятен. Я не стану мстить человеку, страдающему криоамнезией, но хотел бы возместить убытки. Если я продам вас Ри, вас накажут лучше, чем это смог бы сделать я. Ри будет счастлив получить пару. — Васа Луиджи вздохнул. — Боюсь, дом Риоваля так и останется Младшим — Ри ставит удовольствие выше выгоды. Глупо. С его ресурсами я сделал бы большее.

Девушка, вернувшись, подала закуски, долила в бокалы какой-то смеси вина с фруктовыми соками и снова ушла. Медленно. Васа Луиджи проводил ее взглядом. Заметив это, баронесса прищурилась. Но когда барон снова перевел взгляд на нее, опустила ресницы.

— А как насчет... дендарийских наемников в качестве покупателя? — Да! Пусть только Бхарапутра предложит им сделку — и дендарийцы тут же явятся к его дверям. С плазменной пушкой. Прекрасное предложение. Игра будет короткой. Бхарапутра не может устроить аукцион, не объявив, что адмирал Нейсмит у него, и тогда... тогда... Что? — И уж по крайней мере вы могли бы воспользоваться ими как конкурентами, чтобы Риоваль заплатил вам побольше.

— Боюсь, их ресурсы ограничены. И находятся не здесь.

— Мы их видели. Вчера.

— Это всего лишь секретная оперативная группа. Ни кораблей. Ни сил поддержки. Насколько я понял, они вообще открылись только для того, чтобы убедить Лилли переговорить с ними. Но... У меня есть основания полагать, что в этой игре — еще один участник. Когда я на вас смотрю, мне почему-то становится не по себе. И возникает странное желание удовольствоваться скромным вознаграждением посредника. А негативные предложения пусть поступают дому Риоваль.

Барон расхохотался.

«Негативные предложения?» А! От людей с плазменными пушками. Он постарался никак не выдать своей реакции.

Васа Луиджи продолжал:

— И это возвращает нас к первому вопросу: какой интерес преследовала Лилли? Почему она поручила вам, Вербена, оживить этого человека? И уж если на то пошло, как Лилли его заполучила, когда несколько сотен старательных работников ничего не добились?

— Она мне не сказала, — невозмутимо ответила Вербена. — Но я была рада возможности отточить свои навыки. Благодаря меткости вашего охранника задача с медицинской точки зрения оказалось очень интересной.

Разговор принял чисто врачебное направление — Лотос и Вербене было что обсудить, — а потом стал обрывочным. Девушка-клон подала им изысканный обед. Барон бросал Вербене нарочито небрежные вопросы, та ловко от них уходила. Ему никто вопросов не задавал. Похоже, барон Бхарапутра не спешит. Видимо, намерен выжидать. После обеда охранники отвели их обратно в комнату, которая, как он наконец понял, предназначалась для слуг важных господ.

— Где мы? — прошипел он, как только закрылась дверь. — Ты догадалась? Это главная резиденция Бхарапутры?

— Нет, — ответила Вербена. — Главную резиденцию еще не восстановили. — И раздраженно добавила: — Там несколько комнат взорвали коммандос.

Он медленно обошел спальню, но, к явному облегчению Вербены, на этот раз не стал стучать по стенам.

— Вот что мне пришло в голову... Есть еще один способ побега. Можно не выбираться изнутри наружу, а заставить кого-то вломиться снаружи внутрь. Скажи-ка... Откуда труднее всего вызволить пленника: из дома Бхарапутра, дома Фелл или дома Риоваль?

— Ну... наверное, из дома Фелл труднее всего. У него больше людей и оружия. А из дома Риоваль легче всего. У Риоваля на самом деле Младший дом, но сам барон настолько стар, что по традиции пользуется таким же почтением, как и бароны Главных домов.

— Так... Если знаешь, что идет подмога... тактически разумнее оставить того же пленного у Риоваля.

Она снова с ним согласилась.

— Нам надо связаться с Феллом.

— Как? Мы даже из комнаты выйти не можем!

— Из комнаты — конечно, из комнаты нам надо выйти. Но из дома выбираться не обязательно. Достаточно, чтобы один из нас добрался до комма. Связаться с Феллом, связаться с кем-нибудь, дать знать, что мы у Васа Луиджи. Это послужит толчком.

— С Лилли, — решительно заявила Вербена, — а не с Феллом.

«Мне нужен Фелл. Лилли к Риовалю не прорваться».

Он с беспокойством подумал, что его интересы начинают расходиться с интересами группы Дюрона. Ему надо просить одолжения у Фелла, от которого хочет сбежать Лилли. Хотя... Чтобы заинтересовать Фелла в операции против Риоваля нужно немногое. Достаточно пообещать оплату расходов, а доходом будет старая ненависть. Ага.

Он забрел в ванную и уставился на себя в зеркало. Кто он? Тощий, изможденный, бледный человечек странного вида, с отчаянием в глазах и склонностью к конвульсиям. Если бы он только мог решить, кто из них клон, методом исключения можно было бы назвать и себя. Вчера ему показалось, что у того типа вид Нейсмита. Но Васа Луиджи не дурак, и Васа Луиджи убежден в обратном. Почему он не может решить?

«Если я — Нейсмит, то почему мой брат занял мое место?»

И тут он понял. Будто попал под водопад, будто огромная река выплеснулась на него, и тонны воды придавили его к земле. Чуть слышно застонав, он скорчился на полу, обхватив голову руками. Боль в висках рассыпалась искрами, от ужаса перехватило дыхание. Он стиснул зубы, чтобы больше не издать ни звука и не привлечь внимания заботливой Вербены. С этим надо остаться наедине.

«Понятно, почему я не мог догадаться. Я пытался выбрать из двух неверных ответов». Лейтенант Лорд Майлз

Нейсмит Форкосиган корчился на кафельном полу и мысленно кричал: «Нет, нет, нет...»

«Элли...»

«Бел, Элен, Таура...»

«Марк... Марк? Тот мрачный решительный плотный субъект — это Марк?»

О своей смерти он ничего не мог вспомнить. Он испуганно прикоснулся к груди, ощупывая следы... чего?

Он зажмурился, стараясь поймать последние воспоминания.

Спуск в медкомплекс Бхарапутра. Марк — Марк с Белом устроили катастрофу, и он кинулся вниз, чтобы попытаться выручить их. С маниакальной мыслью переплюнуть Марка, показать ему, как это делают специалисты, отнять тех клонов у оскорбившего его Васа Луиджи... Увести их домой к маме. Господи, а что известно его матери? Надо надеяться, ничего. Они ведь все почему-то по-прежнему на Архипелаге Джексона. Сколько времени он был мертв?

Где, к дьяволу, агенты Службы безопасности?

Конечно, не считая того, который валяется здесь на полу в ванной.

И Элли. Он ее спросил: «Я знаком с вами, сударыня?!» Лучше бы он себе язык откусил.

«Вербена... Элли». В каком-то отношении это понятно: его возлюбленная — высокая, кареглазая, решительная и умная женщина. И начав приходить в себя, он увидел высокую, кареглазую, решительную и умную женщину. Вполне естественная ошибка.

Интересно, примет ли Элли такое объяснение? Вкус на хорошо вооруженных подруг имеет и отрицательные стороны.

Таура, здесь? Риоваль об этом знает? Знает ли он, что Таура приложила свою дивную когтистую ручку к уничтожению его генного банка? Или обвинил во всем «адмирала Нейсмита»? Конечно, наемные убийцы, подосланные Риовалем, охотились исключительно за ним. Но люди Риоваля приняли Марка за адмирала. А Риоваль? Но Марк ведь скажет ему, что он — клон. Дьявол, Майлз и сам бы сказал то же самое, только для того, чтобы запутать дело. Что происходит с Марком? Почему Марк предложил себя в качестве... выкупа за Майлза? Ведь не может же такого быть, чтобы у Марка тоже оказалась криоамнезия. Нет, Лилли сказала, что дендарийцы вместе с клонами и «адмиралом Нейсмитом» улетели. Зачем же они вернулись?

«Они вернулись искать тебя, адмирал».

И наткнулись на Риоваля, который искал его же. Прямо рандеву какое-то!

Что за блаженное состояние эта криоамнезия! Майлз вдруг очень захотел, чтобы она вернулась.

— Что с тобой? — встревоженно позвала Вербена. Открыв дверь ванной, она увидела его на полу. Опустившись на колени и нащупывая пульс, она воскликнула: — Ах, нет! Опять конвульсии? Ты обо что-то ударился?

«Я не стану мстить человеку, страдающему криоамнезией», — сказал Васа Луиджи. Значит, надо, чтобы у него по-прежнему оставалась криоамнезия. Пока он не овладеет ситуацией. И собой.

— По-моему, все в порядке.

Майлз позволил уложить себя в постель. Вербена гладила его по голове. Он с ужасом смотрел на нее из-под полуопущенных век, изображая постконвульсионную сонливость.

«Что я наделал?»

«Что мне теперь делать?»

ГЛАВА 25

Он забыл, почему он здесь. Кожа начала понемногу заживать.

Интересно, куда делся лорд Марк?

Приходили какие-то люди, пытали нечто безымянное и расплывчатое и снова уходили. Он встречал их по-разному. Возникающие аспекты стали личностями и в конце концов он дал им имена. Обжора, Пыхтун, Рева и еще один, Другой, молчаливый, затаившийся и выжидающий.

Он предоставил Обжоре время насильственного кормления, потому что Обжора единственный получал от этого удовольствие. Ведь Обжоре никогда не позволили бы делать то, что проделывали люди Риоваля. Пыхтуна он высылал на передовые позиции, когда Риоваль приходил с инъектором возбуждающего. Скорее всего именно Пыхтун отвечал за попытку изнасилования Мари, хотя в спокойном состоянии Пыхтун был ужасно застенчив и виновато молчал.

Остальным занимался Рева. Марк вообще начал подозревать, что это из-за Ревы они все оказались у Риоваля. Наконец-то Рева попал туда, где его накажут по-настоящему. «Не следует пытаться закодировать мазохиста на отвращение. Результаты непредсказуемы». Так что Рева получал по заслугам. Неуловимый четвертый только выжидал, пообещав, что они еще его оценят.

Дав им всем имена, он наконец методом исключения нашел лорда Марка. Обжора, Пыхтун, Рева и Другой отправили лорда Марка глубоко внутрь: пусть пока спит. Бедный нежный лорд Марк, ему ведь всего двенадцать недель от роду.

Там, в глубине, Риовалю лорда Марка даже не разглядеть. И не достать. И не прикоснуться к нему. Обжо-

ра, Пыхтун, Рева и Другой оберегали сон младенца. Нежные и заботливые, они защищали его. Им это по силам. Они уродливые, гадкие, закаленные жизнью, эти его психические наемники. Несимпатичные. Но дело свое знают.

Он начал время от времени напевать им марши.

ГЛАВА 26

Любовь лишь крепнет при разлуке. И наоборот, решил Майлз. Вербена опять спрятала голову под подушку. Он продолжал метаться. И говорить. Остановиться он был не в состоянии. За время, прошедшее после каскада, который он от всех скрыл, Майлз успел разработать множество планов побега, но все страдали губительными недостатками. Не в силах осуществить ни один, Майлз вслух классифицировал и оттачивал их. Снова и снова. Вербена перестала критиковать его планы... Вчера, кажется? По правде говоря, она вообще перестала с ним разговаривать. Она больше не ласкала и не успокаивала его, старалась держаться на другой стороне комнаты или надолго пряталась в ванной. Майлз ее не винил.

Насильственное заключение поставило под угрозу ее чувства. И, приходилось признать, он не смог скрыть от Вербены некоторой холодности. Его прикосновения стали равнодушнее, он не признавал ее врачебного авторитета. Нет, он, конечно, любит ее и восхищается ею и с восторгом поручил бы ей возглавить любой принадлежащий ему лазарет. Под его командованием. Но чувство вины и подозрение, что за ними наблюдают, окончательно убили интерес к интимному общению. Сейчас им владели другие страсти. И они снедали его.

Скоро должны были принести обед. Если считать, что их кормят три раза в день, то они провели тут уже четыре дня. Барон с ним больше не разговаривал. Какие сети плетет сейчас Васа Луиджи? Запросил ли он уже за «адмирала Нейсмита» цену? А что, если его вообще никто не захочет купить, если его оставят тут навсегда?

Обычно еду на подносе приносит слуга под зорким наблюдением двух охранников, вооруженных парализаторами. Майлз перепробовал все средства, пытаясь распропагандировать их — разве что не выдал свою тайну, — пользуясь обрывочными разговорами. Они только улыбались в ответ. Он сомневался в своей способности ускользнуть от луча парализатора, но решил при первой же возможности попробовать. Он не мог пуститься на хитрость. И был готов пуститься на глупость. Неожиданность иногда срабатывает...

Щелкнул замок. Он резко повернулся, готовясь броситься вперед.

— Вербена, вставай! — прошипел он. — Я попытаюсь прорваться.

— А, черт, — простонала она, выныривая из постели. Она безнадежно обошла вокруг кровати и встала рядом с ним. — От парализатора бывает больно. А потом рвет. А у тебя, наверное, еще начнутся конвульсии.

— Да. Знаю.

— Но по крайней мере ты хоть ненадолго заткнешься, — пробурчала она себе под нос.

Майлз приподнялся на носках и снова встал нормально, увидев, кто принес им еду. «Вот это да! Что происходит?» В игру вступил новый участник — и мысль лихорадочно заработала. Вербена, ожидавшая обещанного броска, тоже посмотрела на дверь и изумленно раскрыла глаза.

Девушка-клон, Лилли — наверное, ему следует назвать ее Лилли-младшей — в коричневых и розовых шелках. Выпрямив спину, она внесла поднос с обедом и поставила на столик в дальнем конце комнаты. И тут — странное дело — охранник кивнул ей и ушел, закрыв за собой дверь.

Лилли, как и положено прислуге, начала сервировать стол. Вербена направилась к ней, приоткрыв рот.

Майлз мгновенно увидел десятки возможностей. В таком болезненном состоянии ему девушку не скрутить. А как насчет снотворного, которым ему вечно грозит Вербена? Сможет ли Вербена скрутить ее? Вербена плохо понимает намеки, а краткие приказы вовсе не признает. Ей захочется объяснений. Ей захочется споров. Но все равно надо попробовать.

— Господи, ну до чего же вы похожи! — жизнерадостно прощебетал он, бросая Вербене яростно-предупреждающий взгляд. На лице Вербены отразилась смесь досады и недоумения, которая тут же превратилась в улыбку, когда девушка повернулась к ним. — Чем это мы заслужили такую... э-э... благороднорожденную прислугу?

Гладкая рука Лилли прокоснулась к груди.

— Я не леди, — сказала она тоном, показавшим, что она считает его полным идиотом. И не без причины. — Но вот вы... — Она повернулась к Вербене. — Я вас просто не понимаю.

— Тебя прислала баронесса? — спросил Майлз.

— Нет. Но я сказала охраннику, что в вашей еде снадобье, и баронесса велела мне остаться и смотреть, как вы будете есть, — довольно неожиданно объяснила она.

— И это... правда? — поинтересовался он.

— Нет. — Она вскинула голову, так что ее длинные волосы рассыпались по плечам, и снова жадно уставилась на Вербену. — Кто же вы?

— Она — сестра баронессы, — мгновенно ответил Майлз. — Дочь матери твоей госпожи. Ты знаешь, что тебя назвали в честь... э-э... бабушки?

— Бабушки?

— Расскажи ей о группе Дюрона, Вербена! — настоятельно сказал он.

— Так дай мне возможность говорить, хорошо? — прошипела она сквозь зубы, улыбаясь.

— Она знает, что она такое? Спроси ее, знает ли она, что она такое! — потребовал он, и тут же заткнул себе рот кулаком, для пущей убедительности больно прикусив костяшки. Девушка пришла не к нему. Она пришла к Вербене. Надо позволить Вербене действовать.

— Ну... — Вербена быстро посмотрела на закрытую дверь, а потом снова на девушку. — Группа Дюрона включает в себя тридцать шесть клонированных братьев и сестер. Мы находимся под покровительством дома Фелл. Маму — первую Дюрону — тоже зовут Лилли. Ей было очень грустно, когда Лотос — баронесса — нас покинула. Видишь ли, Лотос была моей... старшей сестрой. Значит, ты тоже моя сестра. Лотос говорила тебе, зачем она тебя завела? Ты будешь ее дочерью? Ее наследницей?

— Я стану с моей госпожой единым целым, — ответила девушка. В ее голосе прозвучал вызов, но было видно, насколько она зачарована Вербеной. — Я боялась... не займете ли вы мое место.

Ревность? Что за безумие!

Глаза Вербены потемнели от ужаса.

— Да ты понимаешь, что это значит?! Что такое пересадка мозга для клона? Она отнимет твое тело, Лилли, а тебя просто не станет.

— Да. Я знаю. Это мое предназначение.

Она снова вскинула голову. Голос ее звучал убежденно. Но вот глаза... Не таилось ли там сомнение?

— Вы так похожи! — пробормотал Майлз, обходя их кругом и стараясь подавить беспокойство. И улыбаясь. — Готов поспорить, что вы можете обменяться одеждой — и никто не заметит! — Быстрый взгляд, который бросила на него Вербена, сказал: да, она поняла, но считает, что он слишком торопится. Но он добавил, поджимая губы и склонив голову набок: — Нет, наверное, все-таки не можете. Девушка слишком толстая. Как ты считаешь, Вербена, она ведь слишком толстая, да?

— Не толстая я! — возмутилась Лилли-младшая.

— Одежда Вербены на тебя не налезет.

— Ты не прав, — сказала Вербена, сдаваясь. — Он идиот. Давай ему покажем, Лилли.

Она скинула куртку, блузку, брюки. Медленно, с любопытством девушка сняла с себя пиджачок и юбку и

взяла костюм Вербены. Вербена пока не притрагивалась к шелкам, брошенным на кровать.

— Да тебе идет! — сказала Вербена и кивнула в сторону ванной. — Пойди, посмотри в зеркало.

— Я ошибся, — щедро признал Майлз, подталкивая девушку к ванной. Нет времени ни строить планы, ни отдавать приказы. Придется целиком положиться на... инициативность Вербены. — Костюм Вербены тебе и правда к лицу. Представь себе, что ты — хирург из Группы Дюрона. Они там все врачи, знаешь? Ты тоже могла бы стать врачом...

Краем глаза он увидел, как Вербена стремительно распустила волосы и схватила шелковую униформу. Закрыв дверь за собой и Лилли, он повернул ее к зеркалу и включил воду, чтобы не было слышно, как Вербена стучит в наружную дверь, как ей открывает охранник и как она уходит, наклонив голову, чтобы распущенные волосы прикрыли лицо...

Лилли смотрелась в большое зеркало. Она взглянула на отражение Майлза, потом на его макушку у своего плеча. Он схватил чашку и поскорее выпил воды — придется много говорить. Сколько он сможет отвлекать ее? Вряд ли удастся отключить ее ударом по голове, а какое именно средство из чемоданчика Вербены — то самое знаменитое снотворное, он тоже не знал.

К его изумлению, Лилли заговорила первой:

— Ты ведь тот, что приходил за мной, да? За всеми нами, клонами.

Он только замычал. Она имеет в виду тот катастрофический налет на бхарапутрян? Она была одной из тех клонов? А как она тогда снова очутилась здесь?

— Извини. Я последнее время был мертвым, и мозги у меня плохо работают. Криоамнезия. Может, это был я, а может, ты встречалась с моим клоном.

— У тебя тоже есть клонированные братья и сестры?

— По крайней мере один. Мой... брат.

— И ты правда был мертвый? — спросила она чуть недоверчиво.

Он задрал серую трикотажную рубаху и продемонстрировал свои шрамы.

— О! — уважительно сказала она. — Наверное, и правда.

— Меня воскресила Вербена. Она прекрасный специалист. — Нет, не следует напоминать об отсутствующей Вербене. — Уверен, ты тоже могла бы стать такой, если бы захотела. Если бы тебя учили.

— А как это? Быть мертвым?

Он опустил рубаху:

— Скучно. Совершенно не интересно. Полное ничто. Я ничего не помню. Я не помню, как я умер... — Тут у него перехватило дыхание: он вдруг увидел вспыхнувшее огнем дуло игольника... почувствовал, как мучительной болью взрывается

грудь... Глубоко вздохнув, он облокотился на подзеркальник, едва удерживаясь на подгибающихся ногах. — Одиноко. Тебе бы не понравилось. Могу гарантировать. — Он взял ее теплую руку. — Быть живым гораздо лучше. Быть живым — это... это... — Ему надо на что-нибудь встать. Он забрался на подзеркальник и, пригнувшись, наконец посмотрел ей прямо в глаза. Запустив руку ей в волосы, он наклонил голову и поцеловал ее — просто на секунду прижался губами. — Ты чувствуешь, что живешь, когда кто-то ответно прикасается к тебе.

Она отпрянула, пораженная и заинтересовавшаяся:

— Ты целуешь не так, как барон.

— Барон тебя целовал?

— Да...

Уже пробует новое тело своей жены? Когда же должна состояться пересадка?

— А ты всегда жила со своей... госпожой?

— Нет. Меня привезли сюда, когда разгромили ясли клонов. Ремонт почти закончен. Я скоро вернусь туда.

— Но... ненадолго.

— Да.

Соблазны, которые испытывает барон... интересные. В конце концов ведь у нее скоро отнимут мозги, так что обвинять она не сможет. Васа Луиджи может делать что угодно — главное сохранить ей девственность. И как это воздействует на ее верность предназначению? Явно воздействует — иначе бы она сюда не пришла.

Лилли взглянула на закрытую дверь, и на ее лице отразилось внезапное подозрение. Вырвав у него руку, она вбежала в опустевшую спальню.

— Ой, нет!

— Ш-ш, ш-ш! — Майлз выбежал следом, схватил ее за руку и прыгнул на кровать, чтобы снова оказаться лицом к лицу с ней. — Не кричи! — прошипел он. — Если ты выбежишь и предупредишь охранников, у тебя будут большие неприятности, а если просто подождешь, пока она вернется, никто вообще ничего не узнает. — Ему было ужасно противно, но выхода не оставалось. — Молчи, и никто ничего не узнает.

Он понятия не имел, вернется ли Вербена вообще. Может, сейчас ей уже просто хочется больше никогда его не видеть. Ни в одном из своих планов он не рассчитывал на такую удачу.

Лилли-младшая с легкостью могла бы с ним справиться, хотя, может, и не сознавала этого. Один хороший удар в грудь — и он рухнет. Ей не надо даже особо напрягаться.

— Сядь, — сказал Майлз. — Вот тут, рядом со мной. Не бойся. Честно говоря, не понимаю, как ты вообще можешь бояться, если приняла свое предназначение даже глазом не моргнув. Ты очень смелая девочка. Женщина. Садись.

— Он потянул ее вниз. Она ужасно неуверенно посмотрела на дверь, но позволила себя усадить. Мускулы у нее были, как пружины. — Расскажи мне... расскажи мне о себе. Знаешь, ты ведь очень интересная личность!

— Я?!

— Я сейчас почти ничего о себе не помню — вот почему и спрашиваю. Для меня это ужасно, что я не могу вспомнить. Это меня просто убивает. Какое у тебя самое первое воспоминание?

— Ну... наверное... Дом, где я жила до яслей. Там обо мне заботилась женщина. У меня... смешно... но я помню, у нее были какие-то лиловые цветы, с меня ростом — они росли в маленьком таком садике, всего в квадратный метр, и пахли виноградом.

— Да? Расскажи мне еще про эти цветы...

Он опасался, что разговор предстоит длинный. А что потом? То, что Вербену до сих пор не вернули, — хороший признак. А то, что она, возможно, и не вернется, — проблема Лилли-младшей.

«И что с ней такого сделают барон с баронессой? — насмешливо-яростно спросил он себя. — Убьют?»

Они говорили о ее жизни в яслях. Майлз вытащил из нее пересказ налета дендарийцев — с ее точки зрения. Как ей удалось снова вернуться к барону. Умненькая девочка, умненькая. Какая досада для Марка! Паузы становились все длиннее. Скоро ему придется рассказывать о себе, просто чтобы разговор не заглох, а это очень, очень опасно. Лилли уже, кажется, не о чем говорить, что-то она слишком часто посматривает на дверь.

— Вербена не вернется, — сказала наконец Лилли-младшая. — Так ведь?

— Наверное, нет, — честно ответил он. — Наверное, она убежала совсем.

— Откуда ты знаешь?

— Если бы ее поймали, то уже пришли бы за тобой. Они считают, что Вербéна по-прежнему здесь. Это ты исчезла.

— Ты не думаешь, что ее приняли за меня? — испуганно ахнула Лилли. — И взяли, чтобы воссоединить с моей госпожой?

Майлз не мог понять, испугалась ли она за Вербену, или из-за того, что Вербена займет ее место. Какой гадкий, отвратительный новый страх!

— А когда... — начал было он, но тут же поспешил успокоить ее. И себя. — Нет. Конечно, если смотреть невнимательно или издали, вы очень похожи, но тут взглянули бы иначе. Она намного старше тебя. Это просто невозможно.

— И что же мне делать? — Лилли попыталась встать, но Майлз поймал ее за руку и удержал на месте.

— Ничего, — посоветовал он. — Все в порядке. Скажешь им... скажешь, что это я заставил тебя остаться.

Она покосилась на щуплую низенькую фигурку.

— Как?

— Обманом. Угрозами. Психологическим давлением, — правдиво ответил он. — Все можешь валить на меня.

Она явно сомневалась.

Сколько ей лет? Последние два часа он вытягивал из нее историю всей ее жизни — история получилась очень короткая. В Лилли странно сочетались сообразительность и наивность. Главным приключением в ее жизни был налет дендарийских наемников.

Вербена. Ей удалось выбраться. И что теперь? Вернется ли она за ним? Как? Это ведь Архипелаг Джексона. Тут никому доверять нельзя. Здесь люди — просто материал. Как вот эта девочка. Ему вдруг представилось кошмарное видение: пустой череп, померкший взгляд.

— Извини, — прошептал он. — Ты такая красивая... внутренне. Ты заслуживаешь того, чтобы жить. А не быть сожранной этой старухой.

— Моя госпожа — великая женщина, — преданно заявила Лилли. — Она заслуживает того, чтобы пожить больше.

Что за странной этикой руководствуется Лотос, если ей понадобилось превращать эту девочку в якобы добровольную жертву? Кого Лотос хочет обмануть? Похоже, только себя.

— И потом, — сказала Лилли-младшая, — тебе ведь понравилась та толстая блондинка. Ты так вокруг нее и вился.

— Кто?!

— А, да. Это, наверное, был твой клон.

— Мой брат, — автоматически поправил Майлз. А это что еще за история, Марк?

Лилли начала успокаиваться, смирившись со своим странным пленом. И скучать. Внимательно посмотрев на Майлза, она спросила:

— Хочешь еще поцеловать меня?

Все дело в его росте. Он будит в женщинах зверя. Не ощущая угрозы, они смелеют. Обычно он считал, что это просто прекрасно, но девочка его смущала. Она ему... неровня. Но надо убить время, задерживать ее здесь, развлекать как можно дольше...

— Ну... Ладно.

Минут через двадцать благопристойных и чинных ласк она чуть отстранилась и заметила:

— А барон делает это совсем по-другому.

— Что ты делаешь для Васа Луиджи?

Лилли распустила ему завязку на брюках и начала показывать. Уже через минуту он выдавил:

— Прекрати!

— Тебе не понравилось? А барону нравится.

— Не сомневаюсь. — Жутко возбужденный, Майлз поспешно ретировался на стул. — Это... э-э... очень мило, Лилли, но для нас с тобой слишком серьезно.

— Я не понимаю.

— Вот в том-то и дело. — Она же просто маленькая девочка. — Когда подрастешь... ты почувствуешь свои границы. И сможешь, если захочешь, позволить кому-то их нарушить. А сейчас ты едва понимаешь, где кончаешься ты и начинается мир. Желание должно рождаться внутри, а не навязываться извне.

Он пытался справиться с собственным желанием путем неимоверных усилий — и все равно получалось плохо. «Васа Луиджи, ах ты подонок!»

Лилли печально нахмурилась:

— Я не подрасту.

Обхватив руками коленки, Майлз содрогнулся. Он вдруг вспомнил, как встретился с сержантом Таурой. Ну вот, опять попал в ловушку. Ситуация с Таурой явно напоминала нынешнюю, наверное, поэтому подсознание пытается навязать ему решение, которое тогда сработало. Но Таура была продуктом генной инженерии, мутантом, и жить ей оставалось недолго. Дендарийские медики, замедлив метаболизм, выкроили для нее немного времени. Очень немного. Каждый день был подарком, каждый год — чудом. Таура старается жить стремительно и ухватить как можно больше — и он полностью ее одобряет. А Лилли-младшая могла бы прожить хоть сто лет, если бы ее не... сожрали. Ее нужно соблазнять жизнью, а не сексом.

Как и порядочности, любви к жизни научить нельзя — ею можно только заразиться. И только от того, у кого она имеется.

— Разве ты не хочешь жить? — спросил Майлз.

— Не... не знаю.

— А я хочу. Я хочу жить! И поверь мне, я знаком с нежизнью — и очень близко знаком!

— Ты... смешной, уродливый, маленький человечек. Что ты можешь получить от жизни?

— Все! И собираюсь получить еще больше. — «Я хочу... хочу... Богатства, власти, любви, побед. Блестящих, великолепных побед, отражающихся светом в глазах товарищей. Когда-нибудь — жену и детей. Кучу детей, высоких и здоровых, чтобы дать по мозгам тем, кто шепчет: «Мутант!» И еще — брата».

Марка. Ага. Того мрачного человечка, которого, вероятно, барон Риоваль сейчас разбирает на кусочки. Вместо Майлза. Нервы у него натянулись до предела.

«Мне необходимо выгадать время».

Наконец Майлз уговорил Лилли-младшую лечь спать, завернувшись в одеяло на той стороне кровати, которую

раньше занимала Вербена. Сам он по-рыцарски устроился в кресле. Через несколько часов ему стало мучительно неловко. Майлз попробовал устроиться на полу. Пол был холодный. У него болела грудь. Еще не хватает схватить насморк. В конце концов он заполз на кровать и улегся поверх одеяла, свернувшись калачиком спиной к Лилли.

Ближе к утру он наконец немного согрелся и заснул.

— Вербена, любимая, — сонно пробормотал Майлз, зарываясь лицом в ее ароматные волосы и прижимаясь к теплому телу. — Миледи. — Барраярское обращение — теперь-то он знает, откуда взялась эта «миледи». Она вздрогнула, и Майлз отпрянул. — Ой! Извини!

Лилли-младшая села, стряхивая с себя его руку.

— Я не миледи!

— Извини, я перепутал. Я называю Вербену «миледи». Она — миледи, а я ее... — «придворный шут» — ...рыцарь. Понимаешь, я ведь и вправду солдат. Несмотря на то, что такой низенький.

При новом стуке в дверь он осознал, что именно его разбудило.

— Завтрак! Скорее! В ванную. Пусти воду. Готов поспорить, что нам удастся и дальше их обманывать!

На этот раз он не пытался завести с охранниками разговор и предложить денег. Когда за слугой снова закрылась дверь, Лилли-младшая вышла из ванной. Она ела медленно, неуверенно, словно сомневаясь в своем праве на пищу. Майлз наблюдал за ней с возрастающим интересом.

— На. Возьми еще рогалик. И знаешь, его ведь можно посыпать сахаром.

— Мне нельзя есть сахар.

— Тебе надо есть сахар. — Он помолчал. — Тебе надо все. Тебе надо иметь друзей. Тебе нужны... сестры. Тебе надо получить образование, чтобы напрягать ум до предела, и тебе нужна работа, чтобы дух твой рос. Тебе надо есть... мороженое.

— Мне нельзя толстеть. Моя госпожа — это мое предназначение.

— Предназначение! Что ты можешь знать о предназначении? — Майлз вскочил и начал расхаживать вокруг стола и кровати. — Я — специалист по предназначениям. Твоя госпожа — фальшивое предназначение! Знаешь, почему я в этом уверен? Она все берет и ничего не дает взамен. Настоящее предназначение берет все — до последней капли крови, да еще выжмет тебе вены, чтобы убедиться, что больше ничего не осталось, но возвращает вдвойне. Вчетверо. В тысячу раз больше! Но нельзя давать понемногу. Надо отдать все. Я это знаю. Я могу в этом поклясться. Я воскрес из мертвых, чтобы сказать тебе правду. Настоящее предназначение дает тебе целую гору жизни и ставит тебя на ее вершину.

Его убежденность была просто маниакальной. Майлз обожал такие минуты.

— Ты — сумасшедший, — сказала Лилли, с опаской глядя на него.

— Откуда тебе знать? Ты в жизни не встречала нормальных людей. Ну сама подумай и скажи — встречала?

Она вдруг снова потеряла интерес к разговору:

— Это все пустое. Все равно я пленница. Куда мне идти?

— Лилли Дюрона приняла бы тебя, — мгновенно отозвался Майлз. — Группа Дюрона находится под покровительством дома Фелл. Если б тебе удалось добраться до бабушки, там ты была бы в безопасности.

Она нахмурилась: точь-в-точь как Вербена, когда находила слабые места в его планах побега.

— А как?

— Они не могут оставить нас здесь навсегда. А что если... — Он зашел ей за спину, скрутил волосы в неаккуратный пучок. — У меня не создалось впечатления, что Васа Луиджи собирается задерживать здесь Вербену после того, как отпадет необходимость скрывать тайну. Когда меня отправят, должны отпустить и ее. Готов поспорить, что, если они примут тебя за Вербену, ты сможешь спокойненько уйти.

— И что... что мне говорить?

— Как можно меньше. Привет, доктор Дюрона, вас дожидается ваш транспорт. Ты берешь чемоданчик и идешь.

— Я не смогу!

— А ты попробуй. Если не получится — ты ничего не потеряешь. А вот если ты выберешься... ты могла бы сказать, где я. Кто меня захватил и когда. Всего несколько минут решимости — а она бесплатная. Мы сами создаем ее. Отвагу нельзя отнять, словно кошелек. Господи, да что я тебе это рассказываю! Ты ведь улизнула от дендарийцев на одних только отваге и хитрости.

Вид у нее был совершенно изумленный.

— Я это делала ради моей госпожи. Я в жизни ничего не делала ради... себя!

Майлзу в пору было разрыдаться, так у него натянулись нервы. Обычно он впадал в такое возвышенное красноречие, чтобы убедить людей рисковать жизнью, а не спасаться. Подавшись к Лилли, он демонически прошептал ей на ухо:

— Сделай это ради себя.

После завтрака Майлз постарался помочь ей уложить волосы так, как это делала Вербена. Он совершенно не умел обращаться с волосами, но, поскольку Вербена тоже не очень-то умела, результат, кажется, получился вполне убедительный.

Когда к ним вошли, не постучав, Майлз сразу понял, что это не обед.

Вошли три охранника и еще один человек в ливрее дома Бхарапутра. Два охранника, ни слова не говоря, связали ему руки — хорошо хоть не за спиной — и вытолкали его в коридор. Ни Васа, ни Лотос не было видно. Может, ищут пропавшую Лилли? Майлз оглянулся через плечо.

— Доктор Дюрона, — обратился ливрейный слуга к Лилли-младшей. — Мне поручено вас отвезти. Куда желаете?

Она поправила волосы, взяла чемоданчик Вербены, шагнула вперед и сказала:

— Домой.

— Вербена! — окликнул Майлз и, когда она повернулась к нему, тихо сказал: — Бери все, потому что рано или поздно у тебя все будет отнято. Это — святая правда. — Облизав пересохшие губы, он попросил: — Поцелуй меня на прощание!

Лилли наклонила голову, повернулась, нагнулась, быстро прижалась губами к его губам и ушла за водителем.

Ну, этого достаточно, чтобы произвести впечатление на охранников. Уводя его в противоположную сторону, они добродушно поинтересовались:

— Как это тебе удалось?

— Ко мне быстро привыкают, — самодовольно ответил Майлз.

По пути к машине он дважды пытался сбежать. После второй попытки самый рослый охранник взвалил его себе на плечо и пригрозил, что если Майлз будет дергаться, то его просто уронят. Его запихнули на заднее сиденье между двумя охранниками.

— Куда вы меня везете?

— К месту передачи, — ответил один.

— Какой передачи?

— Тебе знать не обязательно.

Он говорил без умолку, улещивая, угрожая, оскорбляя... но охранники молчали. Поездка оказалась долгой. На машинах за городом почти не ездили — дорога была отвратительная. А они были далеко от города. Уже совсем стемнело, когда они затормозили у пустынного перекрестка.

Охранники передали Майлза двум невозмутимым как буйволы плосколицым верзилам в красных с черным ливреях. Цвета дома Риоваль. Верзилы связали ему руки за спиной и ноги тоже, а потом швырнули на заднее сиденье флайера.

Флайер бесшумно взлетел в темноту.

«Похоже, Васа Луиджи получил, сколько хотел».

Вербена, если куда-то и доберется, скажет, что Майлз у Бхарапутры. Где его уже не окажется. Майлз прекрасно понимал, что Васа Луиджи очень хочет подставить Риоваля.

Но если бы Риоваля было легко разыскать, это уже сделали бы.

«Господи, похоже, я буду там первым агентом Службы безопасности!» Надо не забыть подчеркнуть это в докладе Иллиану.

ГЛАВА 27

— Извините, барон, — сказал техник, — но жертва ваших пыток, похоже, прекрасно проводит время.

Обжора ухмыльнулся, насколько мог с запихнутой в глотку трубкой, наблюдая, как барон Риоваль обходит вокруг него, разглядывая со всех сторон. Может, барона восхитило его непревзойденное брюхо?

— В таких ситуациях включается ряд защитных механизмов, — сказал Риоваль, — в том числе расщепление личности и идентификация себя с палачом. Я ожидал, что Нейсмит в конце концов все их задействует, но... настолько быстро?

— Я тоже сначала себе не поверил, сэр, и несколько раз провел сканирование мозга. Результаты получились необычные.

— Если у него действительно расщепляется личность, сканирование должно это показать.

— Что-то сканирование показало. Похоже, он защищает определенные участки мозга от воздействия наших стимулов, и внешние реакции действительно говорят о расщеплении, но... картина ненормально ненормальная, если можно так выразиться.

— Интересно. — Риоваль поджал губы. — Я посмотрю ваши результаты.

— Но что бы это ни было, это не притворство. Я уверен.

— Так невообразимо быстро... — пробормотал барон. — И когда, по-твоему, он сломался? Как я мог это пропустить?

— Точно не знаю. В самом начале. В первый же день... Может, в первый же час. Но если так пойдет и дальше, на него очень трудно будет давить. Он может... менять дежурных.

— И я тоже, — холодно отозвался Риоваль.

Напряжение в желудке начинало перерастать в боль. Рева беспокойно задергался, но Обжора не пожелал уступить место. Другой внимательно прислушивался. Он всегда слушал, когда приходил барон Риоваль. Почти не спал и почти никогда не разговаривал.

— Я думал, он еще долго не дойдет до стадии распада. У меня все планы рушатся, — посетовал барон.

«Да, барон. Правда, мы очаровашки? Ты заинтригован?»

— Надо подумать, как лучше его сфокусировать, — размышлял Риоваль вслух. — Приведите его потом ко мне. Посмотрю, какие результаты дадут спокойный разговор и небольшие эксперименты. Может, наметятся новые направления.

И под маской тупого аффекта Другой насторожился.

Два охранника доставили его (их?) в приветливую гостиную барона Риоваля. Окон там не было, но одну стену занимал голографический экран, на котором сейчас проециро-

вался пейзаж с тропическим побережьем. Можно не сомневаться, что Риоваль устроился под землей. Сюда никто не вломится через окна.

Кожа у Марка все еще не наросла. Техники покрыли незажившие участки какой-то штукой, а на раны наложили пластповязки, чтобы не испачкать дорогую мебель.

— Думаешь, поможет? — спросил один техник, орудуя аэрозолем.

— Скорее всего нет, — вздохнул его напарник. — Наверное, стоит заранее вызвать уборщиков. Брезент подложить, что ли.

Охранники усадили его в низкое широкое кресло. Обычное кресло, без кольев или бритвенных лезвий. Руки у него были связаны за спиной — значит, откинуться на спинку не удастся. Широко расставив колени, Марк постарался выпрямить спину. Дышать было тяжело.

Старший охранник спросил Риоваля:

— Нам его привязать, сэр?

— А он сможет встать самостоятельно? — Риоваль приподнял бровь.

— Из такого положения — с трудом.

Глядя на свою жертву сверху вниз, Риоваль презрительно скривил губы:

— А, мы приближаемся к цели. Постепенно. Оставьте нас, — приказал он охранникам. — Я вас позову. Сами не заходите. Даже если услышите шум.

— Звукоизоляция у вас прекрасная, сэр.

Откозыряв, плосколицые удалились. Эти охранники были какие-то не такие. Когда они не исполняли приказ, они просто сидели или стояли, бессловесные и тупые. Надо полагать, такими их и задумали.

Обжора, Пыхтун, Рева и Другой с интересом осмотрелись, гадая, чья сейчас очередь.

«Твоя была только что, — сказал Рева Обжоре. — Теперь я».

«Не зазнавайся, — встрял Пыхтун. — Может, и я».

«Если бы не Обжора, — сердито заметил Другой, — я мог бы вступить в игру немедленно. А теперь придется ждать».

«Ты все время чего-то ждешь», — с любопытством сказал Обжора, но Другой опять затаился.

— Посмотрим-ка шоу, — сказал Риоваль, потянувшись за пультом дистанционного управления.

Тропический пейзаж сменился видеозаписью: общение Пыхтуна с... созданиями из борделя. Пыхтун наблюдал за собой с глубочайшим наслаждением. Столько новых нюансов!

— А не отправить ли мне копию видеозаписи дендарийским наемникам? — задумчиво пробормотал Риоваль, наблюдая за Марком. — Только представьте, как это бу-

дут смотреть все ваши старшие офицеры. Полагаю, после этого некоторые явятся ко мне, а?

Нет. Риоваль лжет. Если бы дендарийцы узнали, что он у Риоваля, его бы здесь уже не было. И барону наверняка не к спеху выдавать тайну.

Другой сухо прокомментировал: «Почему бы тебе заодно не послать копию Саймону Иллиану — увидишь, кто тогда к тебе явится!» Но Иллиан принадлежал лорду Марку, а лорда Марка здесь не было. И вообще Другой еще никогда не говорил вслух.

— Представь, что будет, когда к тебе присоединится твоя хорошенькая телохранительница... — Риоваль принялся расписывать дальнейшее в подробностях.

Пыхтуну это даже сначала понравилось. Хотя некоторые места были противны даже ему.

«Рева?»

«Ну нет! — возразил Рева. — Это не по моей части!»

«Придется найти нового рекрута», — решили все в один голос.

Если надо будет, он найдет тысячи. Он — армия, он течет, как поток, огибая препятствия, и одним ударом его не уничтожить.

На экране появился Рева: это был один из его лучших моментов, именно тогда он и получил свое имя. Вскоре после того как с Марка ферментами сняли кожу, техники намазали его какой-то липкой гадостью, от которой начался невыносимый зуд. Никому даже не пришлось до него дотрагиваться. Он чуть сам себя не убил. Потом ему сделали переливание крови.

Он бесстрастно смотрел на экран. Да, Риоваль явно не ожидал такой реакции.

Другой наблюдал со всевозрастающим нетерпением. Он уже почти отдышался, но надо было еще как-то справиться с чертовым креслом. Это должно произойти сегодня. К тому времени, когда предоставится следующая возможность, Обжора их всех окончательно обездвижит.

Да. Он ждал.

Риоваль разочарованно надул губы. Отключив запись, он встал и обошел вокруг кресла, внимательно следя за своим пленником.

— Вы просто отсутствуете, так? Спрятались в каком-то закоулке сознания. — Риоваль сощурился. — Надо подумать, что вернет вас ко мне. Вас всех.

Барон слишком проницателен.

«Я тебе не доверяю, — с сомнением сказал Обжора Другому. — А что со мной будет потом?»

«И со мной», — добавил Пыхтун.

Только Рева ничего не сказал. Рева очень устал.

«Обещаю, что лорд Марк будет кормить тебя, Обжора, — прошептал Другой из глубины. — По крайней мере

изредка. Пыхтун, ты меня слышишь? Лорд Марк отвезет тебя в Колонию Бета. Там есть люди, которые помогут тебе почиститься, и ты сможешь спокойно появляться на свет Божий. Тебе не понадобится инъектор Риоваля. А бедный Рева совсем умотался, он всем вам помогал. И вообще, Пыхтун, а что, если Риоваль надумает провести кастрацию? Вам не нужен Риоваль. Мы спасем лорда Марка, а он спасет нас. Я обещаю».

«А кто ты такой, что даешь обещания за Марка?» — недовольно пробурчал Обжора.

«Я к нему ближе всех».

«Прятался ты точно лучше всех», — заметил Рева с некоторой обидой.

«Это было необходимо. Но мы все погибнем, один за другим — Риоваль нас отыщет. Он ужасно хитрый. Мы — настоящие. Новые рекруты будут лишь нашими искаженными тенями».

Это была правда, они все поняли.

— Скоро я доставлю вам дружка, — заметил Риоваль, обходя вокруг него. — Вашего клона. Того, которого мои дураки не удосужились прихватить вместе с вами.

Где-то в самой глубине с воплем пробудился лорд Марк. Другой заставил его замолчать: «Он лжет. Лжет».

— Их ошибка мне дорого обошлась, и они еще за нее заплатят. Ваш двойник исчез, а потом вдруг объявился у Васа Луиджи. Типично для Васа. Не уверен, что у милой Лотос нет тайных связей с группой Дюрона.

Риоваль еще раз обошел вокруг него. Это ужасно сбивало.

— Васа убежден, что его пленник и есть адмирал, а вы клон. Он заразил меня своими сомнениями, хотя, если он прав и тот человек действительно страдает от криоамнезии, то это будет ужасно обидно. Но теперь это не имеет значения. Вы оба у меня в руках. Как я и обещал. Угадайте, что я заставлю вас обоих сделать друг с другом?

Пыхтун угадал. И не ошибся. Хотя даже он не мог представить себе все в таких пикантных подробностях, о которых шепотом рассказал ему Риоваль.

Лорд Марк бушевал, плакал от ужаса и отчаяния. Но на одурелой физиономии Пыхтуна ничего не отразилось, и тупые глаза не загорелись тайной решимостью.

«Подожди!» — умолял Другой.

Барон подошел к конторке из полированного дерева и разложил сверкающие инструменты, которые не смог разглядеть никто из них, хотя Рева изо всех сил вытягивал шею. Риоваль глубокомысленно разглядывал свой набор.

«Вы все извольте мне не мешать. И не путайтесь под ногами», — велел Другой.

«Риоваль тебя не кормит», — заметил Обжора.

«Я сам закушу Риовалем», — прошептал Другой.

«У тебя только одна попытка, — испуганно напомнил Рева. — А потом возьмут меня».

«Мне и нужна только одна попытка».

Риоваль повернулся. В руке у него блеснуло хирургическое лучевое устройство. Перепуганный Пыхтун незамедлительно уступил место Другому.

— Скорее всего, — объявил Риоваль, — я удалю вам глаз. Один. Это даст интересный фокусирующий эффект, когда я пригрожу удалить оставшийся».

Рева поспешно ретировался. Последним неохотно отошел Обжора.

Первая попытка Убийцы встать провалилась, и он снова завалился в кресло.

«Будь ты проклят, Обжора!»

Он сделал вторую: перенес вес вперед, рывком поднялся и сделал один шаг, с трудом сохраняя равновесие с завязанными за спиной руками. Риоваль, ужасно развеселившись, наблюдал за ним, нисколько не опасаясь ковыляющего враскачку маленького чудовища, которого, по его мнению, он же сам и сотворил.

Первый удар ногой пришелся Риовалю в пах. Барон аккуратно сложился пополам — и верхняя часть тела стала досягаема. Убийца мгновенно нанес второй удар ногой, прямо в горло, и почувствовал, как ткани и хрящи дробятся о позвонки. Поскольку на этот раз ботинок с металлическими набойками не было, он сломал несколько пальцев на ноге. Но боли не почувствовал. Это прерогатива Ревы.

Он упал. Встать оказалось нелегко — со связанными за спиной руками. Барахтаясь на полу, чтобы подтащить под себя ноги, он с разочарованием увидел, что Риоваль еще жив. Барон извивался на ковре и хрипел, держась за горло. Но комм уже не узнавал голос хозяина. Еще немного времени у них есть.

Марк подкатился к Риовалю и прошипел:

— Я тоже Форкосиган! Тот самый, из которого готовили тайного агента и убийцу. Знаешь, я ужасно злюсь, когда меня недооценивают!

Ему удалось подняться на ноги. Теперь можно перейти к решению следующей проблемы. Он вздохнул, шагнул вперед и начал наносить барону удар за ударом. Наконец Риоваль затих. Все это было так мерзко, что даже Убийце пришлось призвать на помощь весь свой профессионализм.

Марк подумал о Другом, которого теперь узнал как Убийцу.

«Тебя сотворил Гален, да?»

«Да. Но он не сотворил меня из ничего».

«Ты прекрасно сработал. Прятался. Выжидал. Я все гадал, есть ли у кого-то из нас чутье на своевременность. Рад, что все-таки есть».

«Мне помогли слова графа, нашего отца, — признался Убийца, довольный, но смущенный похвалой. — О том, что люди сами отдадут нам себя, если быть терпеливым и не торопиться самому себя им выдать. Я так и сделал. И Риоваль так и сделал. — Он робко добавил: — Понимаешь, граф ведь тоже убийца. Как я».

«М-да».

Он подергал связанными за спиной руками и похромал к конторке посмотреть на инструменты Риоваля. Полный комплект: лазерная дрель плюс тошнотворная коллекция ножей, скальпелей, щипцов и зондов. Дрель была малого радиуса действия, хирургическая: хороша для резания костей. Не ахти какое оружие, зато прекрасный инструмент.

Марк подковылял поближе и попытался ухватить дрель. Когда дрель упала, он чуть не заплакал. Придется снова ложиться на пол. Он так и сделал и барахтался до тех пор, пока не дотянулся до инструмента. Понадобилось немало усилий, чтобы повернуть и направить его должным образом. Перерезав путы, Марк обхватил руками свое распухшее тело и принялся укачивать себя, как укачивают усталого ребенка. Заболела нога. Похоже, лягая Риоваля в горло, он умудрился повредить себе спину.

Марк снова посмотрел на жертву-палача-добычу. Пожиратель клонов!

Внезапно его охватил испуг: а вдруг охранники Риоваля ворвутся сюда и спасут своего господина? Он подполз поближе — теперь, когда руки освободились, это стало гораздо легче, — взял лазерную дрель и позаботился о том, чтобы этот мозг уже больше никогда нельзя было пересадить. Никому, ни при каких обстоятельствах.

Рухнув в низкое кресло, Марк замер в полном изнеможении. Больше всего ему хотелось умереть. Люди Риоваля, конечно, отомстят за своего погибшего властителя.

Никто не приходил.

...Конечно. Босс заперся у себя в кабинете с пленным и с набором хирургических инструментов и велел его не беспокоить. Сколько времени пройдет, прежде чем они решатся прервать его развлечения? Возможно... очень немало.

Вернувшаяся надежда придавила его почти невыносимым грузом. «Я не хочу шевелиться».

Марк был страшно зол на Службу безопасности, которая бросила его тут, но, наверное, простил бы им все, если бы они сейчас ворвались в кабинет барона и умчали бы его отсюда. Неужели он не заслужил передышки?

В комнате стало ужасно тихо.

«Это было, пожалуй, чересчур, — решил он, разглядывая тело Риоваля. — Признак некоторой неуравновешенности. И ковер ты испортил».

«Я не знаю, что теперь делать».

Кто это сказал? Убийца? Обжора, Пыхтун? Рева? Все хором?

«Вы хорошие солдаты, верные, но не слишком умные».

«Ум не по нашей части».

Пришло время проснуться лорду Марку. А спал ли он вообще?

— Ладно, ребята, — сказал он вслух. — Все встаем.

Низкое кресло само было орудием пытки. Последний подарок барона Риоваля. Марк, застонав, поднялся на ноги. Не может быть, чтобы старая лиса Риоваль оставил только один выход из своего логова. Марк приступил к изучению подземных апартаментов. Кабинет, гостиная, небольшая кухня, большая спальня, довольно странно оборудованная ванная. Он с тоской глянул на душ. С тех пор как его сюда притащили, ему даже ни разу не дали помыться. Но мыться сейчас опасно, как бы не смыть пластскожу. Хотя зубы почистить можно. Десны, конечно, кровоточат, но это пустяки. Он выпил немного холодной воды. Ну хотя бы есть не хочется — и то хорошо. Марк усмехнулся.

В конце концов он отыскал запасной выход — в гардеробе при спальне.

«Раз выход не охраняется, значит, там ловушка», — уверенно заявил Убийца.

«Главная защита Риоваля работает против тех, кто попытается проникнуть внутрь снаружи, — медленно проговорил лорд Марк. — А изнутри наружу должно обеспечиваться быстрое бегство. Для Риоваля. И только для Риоваля».

Замок реагировал на прикосновение ладони. Да, такие замки регистрируют пульс, температуру и электропроводность кожи, а не только дактилоскопический рисунок. Мертвая рука его не откроет.

«Есть способы обмануть такие замки», — пробормотал Убийца.

Когда-то, в прошлом воплощении, Убийцу обучали таким вещам. Марк предоставил ему действовать, а сам предпочел роль стороннего наблюдателя.

В руках Убийцы хирургические инструменты действовали не хуже, чем специальный набор электронщика. Лорд Марк сонно смотрел, как Убийца снимает со стены сенсорную пластину: прикосновение здесь, надрез там...

Наконец на двери зажегся сигнальный огонек. Убийца удовлетворенно хмыкнул. Остальные восхищенно ахнули. На дисплее высветился небольшой квадрат.

«Ему нужен кодовый ключ!» — в отчаянии сказал Убийца.

Остальные запаниковали.

Лорд Марк призвал всех к спокойствию. Если кодовый ключ нужен им, значит, он понадобился бы и Риовалю.

У барона Риоваля не было наследника. У него не было заместителя. Все его забитые подчиненные ведали разными вещами и между собой не общались. Дом Риоваль состоял из самого барона Риоваля и рабов барона Риоваля. Вот поче-

му дом не развивался. Риоваль никогда ни с кем не делился властью.

Следовательно, барон должен носить кодовые ключи при себе. Всегда.

Когда лорд Марк повернулся и направился обратно в гостиную, черная команда дружно заныла. Лорд Марк их игнорировал.

«Сейчас моя очередь действовать».

Лорд Марк положил тело Риоваля на спину и методично обыскал с ног до головы. Он не обошел вниманием ни одну возможность — даже фальшивый зуб.

«Ключ должен быть здесь. Непременно должен».

«Беги, беги, беги!» — вопила его черная команда на редкость единодушно.

«Заткнитесь и дайте подумать».

Он повернул правую руку Риоваля. Блеснуло кольцо с плоским черным камнем... Марк громко рассмеялся и испуганно подавился смехом, озираясь. Нет, звукоизоляция, похоже, работает. Кольцо не снималось. Слишком тесное? Или соединяется с костью? Все той же лазерной дрелью он отрезал Риовалю кисть. Лазер прижег место разреза, так что обошлось без лишней крови. Он медленно проковылял к гардеробу и уставился на горящий квадрат — как раз по размеру камня на кольце.

Как его приложить? А вдруг включится сигнал тревоги?

Лорд Марк представил себе, как поступил бы барон в случае поспешного бегства. Хлопок о пластину замка, поворот руки — и кольцо входит в паз...

— Так! — прошептал он.

За открывшейся дверью оказалась персональная лифтовая шахта. Она уходила вверх метров на двадцать. Горели указатели антигравитационного поля: зеленый — вверх, красный — вниз. Лорд Марк и Убийца внимательно осмотрелись. Защиты не видно...

Небольшой сквознячок принес сверху дыхание свежего воздуха.

«Уходим! Быстрее!» — хором вопили Обжора, Пыхтун и Рева.

Лорд Марк стоял, расставив ноги, и упрямо отказывался поддаваться нажиму.

«Здесь нет запасной лестницы», — сказал он наконец.

«Ну и что?»

«Ну. И что?»

Убийца подался назад, заставил остальных заткнуться и уважительно ждал.

«Мне нужна запасная лестница», — сварливо пробурчал лорд Марк.

Повернувшись, он опять побрел в апартаменты Риоваля. Заодно он поискал и одежду. Выбирать было в общем-то не из чего: главная резиденция Риоваля не здесь. Вся одежда оказалась слишком длинной и недостаточно широкой. О

брюках нечего было и думать. Но трикотажную рубаху натянуть на болезненно-нежную кожу все-таки удалось. Незастегнутая широкая куртка послужила дополнительной защитой. По чреслам прошел саронг в бетанском стиле — из ванной. Тапка хлопала на левой ноге, а на распухшую от перелома правую еле налезла.

Он попытался найти деньги, ключи, еще что-нибудь полезное. Но приспособлений для альпинистского восхождения не нашлось.

«Придется делать запасную лестницу самому».

Соорудив из двух ремней Риоваля петлю, он пристроил себе на шею лазерную дрель, вошел в лифтовую шахту и начал методично выжигать отверстия в пластиковой стене.

«Слишком медленно!» — взвыла черная команда.

Рева рыдал, и даже Убийца завопил:

«Беги, черт бы тебя побрал, беги!»

Лорд Марк не обращал на них никакого внимания. Он включил поле в положение «вверх», но не позволил ему утащить себя. Цепляясь за еще горячие упоры, лорд Марк медленно полз по стене. Лезть было нетрудно — помогало антигравитационное поле, — труднее было не забывать про три точки опоры. Правая нога практически не действовала. Черная команда визжала от ужаса. Упрямо и методично Марк продолжал подниматься. Проплавим дыру. Подождем. Переставим руку — ногу — руку — ногу. Проплавим еще дыру. Подождем...

За три метра до конца шахты его голова оказалась рядом с маленьким аудиоприемником, врезанным в стену, и датчиком движения.

«Надо полагать, ему нужен пароль. Произнесенный голосом Риоваля, — хладнокровно заметил лорд Марк. — Ничем не могу помочь».

«Не обязательно случится то, что ты думаешь, — сказал Убийца. — Может быть все что угодно. Плазменный огонь. Ядовитый газ».

«Нет. Риоваль меня видел, но и я видел Риоваля. Все будет простенько. И со вкусом. Вот смотри».

Лорд Марк ухватился покрепче и выдвинул лазерную дрель за датчик движения, чтобы проплавить следующее отверстие.

Поле отключилось. Несмотря на то что именно этого он и ожидал, Марк чуть не сорвался вниз. За последние несколько дней он стал слишком тяжелым. Рева со всем не справился. Марк чуть не закричал, затопленный болью, но не разжал руки.

Последние три метра можно было бы назвать кошмаром, но теперь у него появилось новое понимание того, что такое кошмар. Последние три метра были... просто скучными.

У входа оказалось ловчее поле, но оно было направлено вверх.

Лазерная дрель быстро расправилась с механизмом. Марку удалось бочком проковылять в подземный личный га-

раж, где стоял флайер Риоваля. Прикосновение кольца — и фонарь открылся.

Марк скользнул внутрь, постарался подогнать сиденье и панель управления под свое искалеченное тело, включил двигатель и повел флайер вперед. Вот эта кнопка? Дверь гаража открылась. Оказавшись снаружи, он резко бросил машину вверх, в темноту. Ускорение вдавило его в кресло. Никто даже не стрелял. Внизу — ни огонька. Скалистая зимняя пустыня. Видимо, все помещения находятся под землей.

Марк проверил дисплей с картой и выбрал направление: на восток. К свету. Ему показалось, что это правильно.

Он все прибавлял скорость.

ГЛАВА 28

Флайер накренился. Вытянув шею, Майлз разглядел, что находится внизу. Или — чего там нет. По зимней пустыне крался рассвет. На многие километры вокруг ничего примечательного.

— Странно, — сказал тот, кто сидел за пультом управления. — Дверь открыта.

Он прикоснулся к кнопке, передавая какой-то кодовый сигнал. Второй охранник обеспокоенно поерзал, наблюдая за напарником. Майлз весь изогнулся, чтобы следить за ними обоими.

Они снижались. Сначала появились скалы, а потом — бетонная шахта. А! Потайной вход! Опустившись на дно, они вырулили на подземную стоянку.

— Ха! — удивился второй охранник. — Где же весь транспорт?

Флайер остановился, и более рослый стащил Майлза с заднего сиденья, развязал ему ноги и поставил стоймя. Он чуть снова не рухнул. Шрамы на груди ныли от напряжения, вызванного связанными за спиной руками. Майлз встал ровнее и начал озираться вместе со своими сопровождающими. Самый обыкновенный утилитарный гараж, плохо освещенный, гулкий и холодный. И пустой.

Охранники повели его к выходу. Набрав шифры у механических дверей, они вошли в комнату электронного слежения. Приборы монотонно гудели.

— Вадж? — окликнул охранник. — Мы приехали. Сканируй.

Никакого ответа. Охранник шагнул вперед, осмотрелся и ввел шифр в стенной пульт.

— Заведем его так.

Электронная охрана его пропустила. На Майлзе по-прежнему был серый костюм, в который его одели Дю-

роны: похоже, Дюроны не догадались вшить туда никаких интересных устройств. Плохо!

Старший охранник попытался воспользоваться переговорным устройством. Несколько раз.

— Никто не отзывается.

— Что будем делать? — спросил напарник.

Старший нахмурился:

— Разденем его и отведем к боссу. Как приказано.

Они стянули с Майлза костюм: сопротивляться он не мог, но горько сожалел о потере. Слишком холодно. Даже эти буйволы-охранники с минуту смотрели на его испещренную шрамами грудь. А потом снова связали руки за спиной и повели через какие-то помещения, тревожно озираясь на каждом углу.

Было очень тихо. Свет горел, но людей нигде не видно. Странное здание — не слишком большое, очень простое и... он принюхался... с явно медицинскими запахами. Исследовательский центр, решил Майлз. Тайная личная лаборатория Риовала. Видимо, после дендарийской операции четырехлетней давности Риоваль решил, что его главный комплекс недостаточно надежен. Здесь не было той деловой атмосферы, что в прежнем центре. Пахло военизированной паранойей. В такие места если попадаешь на работу, то не выходишь долгие годы. Или, если учесть особенности Риовала, вообще никогда не выходишь. Он на ходу заглянул в несколько лабораторий. Никого. Охранники несколько раз пробовали кого-нибудь окликнуть. Никто не отозвался.

Они подошли к открытой двери, за которой виднелся чей-то кабинет.

— Сэр? — робко произнес старший охранник. — Мы привели вашего пленника.

Второй охранник почесал в затылке:

— Если его тут нет, должны ли мы обрабатывать этого, как того, первого?

— Он пока ничего не приказывал. Лучше подождать.

Вот именно. Риоваль не из тех, кто поощряет инициативу подчиненных, решил Майлз.

Старший неуверенно шагнул через порог и осмотрелся. Младший толкнул Майлза, чтобы тот шел следом. Кабинет был прекрасно обставлен: письменный стол из настоящего дерева, а перед столом — странный стул с зажимами для запястий. Видимо, никто не прерывал разговора с бароном Риовалем, пока тот сам не позволит. Они стали ждать.

— Что будем делать?

— Не знаю. Других приказов я не получал. — Старший помолчал. — Может, это проверка...

Они подождали еще минут пять.

— Если вы не собираетесь тут все осмотреть, — жизнерадостно заявил Майлз, — так я осмотрю сам.

Они переглянулись. Старший охранник, нахмурившись, вытащил парализатор и осторожно проскользнул через арку в соседнюю комнату. Секунду спустя они услышали:

— Дьявол!

А еще секунду спустя донеслось тонюсенькое завывание и тут же смолкло. Этого не выдержал даже такой тупица, как тот, что держал Майлза. Не отпуская его плеча, громила прошел за своим начальником в большую комнату, обставленную, как гостиная. Экран размером во всю стену был черен и пуст. Комнату делила пополам конторка из полированного дерева. Посреди комнаты стояло очень низкое кресло. И очень мертвый барон Риоваль лежал лицом вверх, совершенно голый, и смотрел в потолок высохшими глазами.

Никаких признаков схватки — ни перевернутой мебели, ни следов плазменных лучей на стенах. Следы остались только на теле: перебитое горло, расквашенное лицо, окровавленный рот. По лбу барона шел двойной ряд аккуратных черных отверстий размером в мелкую монету. Они походили на ожоги. И еще исчезла правая кисть, только обожженная культяпка осталась.

Охранники терялись от ужаса, охваченные слишком преходящим параличом изумления.

— Что случилось? — прошептал младший.

«Куда их сейчас понесет?»

И вообще, как Риоваль управлял своими подчиненными-рабами? Младшими, естественно, через страх, а техниками и менеджерами, видимо, за счет тонкого сочетания страха и материальной заинтересованности. Но личные телохранители должны быть самыми приближенными людьми, тем инструментом, через который проводилась воля господина.

Они не так тупы, как кажется, иначе какой от них толк в экстремальной ситуации? Но если их разум не затронут, значит, ими управляют с помощью эмоций. Люди, которым Риоваль разрешал стоять у себя за спиной с оружием в руках, должны программироваться по максимуму — возможно, с рождения. Риоваль для них все — отец, мать, семья... Риоваль — их Бог.

И вот сейчас их Бог умер. Что они будут делать? Существует ли для них понятие «Я свободен»? В отсутствие центральной фигуры насколько быстро начнут разрушаться их условные рефлексы?

«Недостаточно быстро».

В их взглядах загорался неприятный огонь — смесь ярости и страха.

— Это не я, — поспешил напомнить Майлз. — Я был с вами.

— Стой тут, — рявкнул старший. — Я пойду на разведку. — Он промчался через апартаменты барона и

вернулся через несколько минут, коротко бросив: — Его флайер исчез. И защита лифтовой шахты вся полетела к чертям.

Они колебались. А, вот она, оборотная сторона полного повиновения: отсутствие инициативы.

— Не стоит ли осмотреть все помещения? — предложил Майлз. — Кто-то мог остаться в живых. Свидетели. Может... может, убийца прячется где-то тут.

«Где Марк?»

Старший охранник нахмурился, пытаясь принять решение.

— Захватить его. Запереть здесь. Или убить.

— Вы не знаете, что барон для меня планировал, — мгновенно вмешался Майлз. — Лучше возьмите меня с собой, пока не выясните.

— Ты был нужен ему для того, второго, — сказал старший, равнодушно глядя на Майлза.

Маленький, голый, наполовину больной, со связанными за спиной руками... Охранники явно не считали его угрозой.

«И они правы. Дьявол!»

Посовещавшись вполголоса, они быстро пошли по всем помещениям. Нашли двух своих красно-черных товарищей — мертвых. В коридоре от стены к стене разливалась таинственная красная лужа. В душе обнаружился еще один труп, в костюме старшего техника — голова сзади проломлена чем-то тяжелым. В комнатах на более низких уровнях стали попадаться следы борьбы, грабежа и явно неслучайных разрушений: разбитые коммпульты и оборудование.

Восстание рабов? Борьба за власть? Месть? Все одновременно? Было ли убийство Риоваля причиной или целью? Массовая эвакуация или массовое убийство? Поворачивая за каждый угол, Майлз готовился увидеть горы трупов.

На самом нижнем этаже располагались лаборатории и полдюжины камер со стеклянными стенами. Судя по запаху, какую-то колбу оставили на огне слишком долго... Заглянув в камеры, Майлз судорожно сглотнул.

Когда-то они были людьми, эти комки плоти, все в шрамах и наростах. А сейчас они стали... питательными средами для каких-то культур. Четыре женщины и двое мужчин. Кто-то из бегущих техников из милосердия аккуратно перерезал каждому горло. Майлз отчаянно всматривался в них, прижавшись лицом к стеклу. Нет, для Марка все слишком крупные. И потом такого ведь нельзя добиться всего за пять дней.

По крайней мере теперь понятно, почему подчиненные Риоваля не пытались сопротивляться активнее. Здесь все было до жути экономно. Тебе не нравится работать в борделе, девочка? Тебе стало скучно и противно служить в охране, парень? А не хочешь ли заняться научными исследовани-

ями? Вот чем кончают потенциальные Спартаки, принадлежащие Риовалю.

«Прав был Бел. Надо было сбросить сюда ядерную бомбу еще в тот раз».

Охранник мельком заглянул в камеры и пошел дальше. Майлз задержался, охваченный вдохновением. Стоит попробовать...

— Ой! — вздрогнув, выдохнул Майлз.

Охранники резко обернулись.

— Тот... вон тот мужик. Он шевельнулся. Кажется, я сейчас блевану.

— Не может быть. — Старший охранник посмотрел через прозрачную стену на тело, лежавшее к ним спиной.

— Он ведь отсюда не мог ничего увидеть, правда? — спросил Майлз. — Ради Бога, только не открывайте эту дверь!

— Заткнись.

Старший охранник покусал губу, посмотрел на пульт управления, секунду поколебался, набрал шифр, открывающий дверь, и осторожно зашел внутрь.

Майлз ахнул.

— Что? — дернулся младший охранник.

— Он снова шевельнулся! Вроде... вроде как забился.

Младший достал парализатор и вошел следом за своим напарником, прикрывая его. Старший протянул было руку, остановился и, передумав, вытащил из-за пояса электродубинку, которой осторожно ткнул тело.

Майлз лбом ударил по пульту. Стеклянная дверь закрылась. Охранники бросились на нее, как взбесившиеся псы. Дверь даже почти не тряслась. Их открытые рты, видимо, извергали проклятия и угрозы, но до Майлза не доносилось ни звука. Прозрачные стены, похоже, изготовлены из материала космической прочности — луч парализатора они тоже не пропускали.

Старший охранник вытащил плазмотрон и включил его на полную мощность. Стена потихоньку начала раскаляться. Плохо. Майлз всмотрелся в пульт управления... Так. Он переключал языком кнопку меню, пока не дошел до «кислорода», который снизил до минимума. Потеряют ли охранники сознание раньше, чем прожгут стену?

Да. Прекрасная система. Псы Риоваля упали у стены, потеряв сознание. Плазмотрон вывалился из ослабевших пальцев и отключился. Майлз оставил охранников замурованными вместе с их жертвой.

Это лаборатория. Здесь должны быть резаки и всяческие приспособления... Правильно. Ему пришлось несколько минут извиваться, и он чуть не потерял сознание, но наконец сумел освободить руки. Он даже всхлипнул от облегчения.

Оружие? Настоящее оружие, очевидно, прихватили с собой бежавшие обитатели комплекса. А без биозащит-

ного костюма он не решился войти в стеклянную камеру за оружием охранников. Но благодаря лазерному скальпелю из лаборатории Майлз почувствовал себя немного увереннее.

Надо одеться. Дрожа от холода, он пробежал по пугающе пустым коридорам к комнате электронной защиты и там снова надел свой трикотажный костюм.

Вернувшись в помещение, Майлз приступил к методическому исследованию каждого неразбитого комм-пульта. Увы, все коммы были рассчитаны только на внутреннее пользование.

«Где Марк?»

Ему вдруг пришло в голову, что существует более страшная судьба, нежели просто сидеть запертым в камере, ожидая палача: это — сидеть запертым в камере, ожидая палача, который никогда не придет. За полчаса он взломал все закрытые двери в комплексе. За каждой дверью ожидая увидеть окровавленного маленького человечка, которому милосердно перерезали горло... Он уже был близок к очередному приступу конвульсий, когда с глубочайшим облегчением нашел камеру рядом с апартаментами Риоваля. Пустую. От пятен на стенах и на полу к горлу подступила холодная тошнота. Но где и в каком состоянии ни находился бы Марк, здесь его не было. И Майлзу тоже пора отсюда выбираться.

Отдышавшись, он раздобыл пластиковую корзинку и отправился на поиски полезного электронного оборудования. Кусачки и провода, диагностические приборы, датчики и реле — все, что попадалось. Решив, что набрал достаточно, он вернулся в кабинет барона и взялся за испорченный комм. В конце концов Майлзу удалось обойти выключатель, рассчитанный на отпечаток ладони — и тут же перед ним возник яркий квадрат с требованием вставить кодовый ключ. Чертыхнувшись, он потер ноющую спину и снова уселся перед экраном. Предстояла нудная работа.

Пришлось еще раз обойти весь комплекс в поисках оборудования. Наконец, обманув кодовый блок, он вошел в планетную систему связи. Потом была еще одна короткая пауза, когда он соображал, как сделать вызов за счет дома Риоваль, — на Архипелаге Джексона всегда требуют деньги вперед.

Он остановился, соображая, с кем бы связаться. У Барраяра на станции Консорциума Харгрейвз-Дайн есть представительство. Даже настоящие дипломаты или экономисты там имели вторую профессию. А остальные были агентами чистой воды и поддерживали сеть осведомителей, охватывавшую планету и ее окрестности. У адмирала Нейсмита был контакт с представительством. Но побывала ли уже здесь Служба безопасности? Освобождение Марка — это их рук дело? Нет. Операция выглядела безжалостной, но недостаточно методичной. Честно говоря, скорее это был настоящий хаос.

«Так почему же никто не пришел искать Марка?»

Неприятный вопрос, и на него он ответить не может. Майлз набрал код консульства. «Цирковое представление начинается».

Они заявились ровно через полчаса: взвинченный лейтенант СБ по фамилии Айверсон с отрядом местных громил, взятых в аренду у дома Дайн, одетых в квазивоенную форму и с вполне приличным вооружением. Они спустились на катере прямо с орбиты. Майлз сидел на скале у пешеходного выхода, или, точнее говоря, у запасного выхода, который ему удалось отыскать, и иронически наблюдал, как они выскакивают из корабля с оружием на изготовку и рассыпаются, словно готовясь брать комплекс штурмом.

Офицер поспешно подошел к нему и неуверенно козырнул:

— Адмирал Нейсмит?

С Айверсоном Майлз знаком не был. Человек с таким званием должен считать его ценным небарраярским работником.

— Он самый. Можете сказать вашим людям, чтобы они расслабились. Комплекс под контролем.

— Вы сами взяли его под контроль? — с некоторым недоверием спросил Айверсон.

— Более или менее.

— Мы ищем его уже два года!

Майлз с трудом сдержался, чтобы не проехаться по поводу людей, которые не могут отыскать собственный член, даже если им дать карту и фонарик.

— А где... э-э... Марк? Второй клон. Мой двойник.

— Не знаем, сэр. На основе полученных сведений мы готовили штурм дома Бхарапутра, чтобы забрать вас оттуда, — и тут вы с нами связались.

— Я был там вчера вечером. Ваш осведомитель не знал, что меня переместили. — «Значит, Вербена выбралась. Ура!» — Вы бы весьма неуместно опоздали.

Айверсон поджал губы:

— С этой операцией с самого начала так. Приказы меняются постоянно.

— Скажите, — вздохнул Майлз, — у вас был какой-нибудь контакт с дендарийскими наемниками?

— Секретный отряд ваших людей сейчас должен находиться на пути сюда, сэр. — «Сэры» у Айверсона получались какие-то неуверенные: типичное барраярское отношение к неизвестно откуда получившему звание наемнику. — Я... хотел бы лично убедиться, что комплекс находится под контролем, если вы не возражаете.

— Валяйте, — разрешил Майлз. — Думаю, для вас это будет небезынтересно. Если нервы у вас крепкие.

Айверсон повел своих людей внутрь. Не будь Майлз так напряжен, он расхохотался бы. Вздохнув, он соскользнул со своего насеста и пошел следом.

Дендарийцы прибыли на маленьком катере, который нырнул прямо в подземный гараж. Майлз увидел их на мониторе в кабинете Риоваля и сообщил, где его найти. Куин, Элен, Таура и Бел — все в полуброне. Они стремительно вошли в кабинет, бряцая оружием, почти столь же внушительно бесполезные, как и отряд Службы безопасности.

— Что вы так вырядились? — устало спросил Майлз, когда они возникли перед ним. Надо бы встать и обменяться приветствиями, но рабочее кресло Риоваля такое удобное, а он так измучен.

— Майлз! — воскликнула Куин, собираясь броситься к нему.

Увидев ее испуганное лицо, он осознал, насколько зол и насколько виноват в этом. Отчаянно зол, потому что отчаянно боится.

«Где Марк, черт бы вас всех побрал?»

— Капитан Куин. — Он дал ей понять, что сначала — дела. Резко остановившись, она встала по стойке «смирно». Остальные сгрудились у нее за спиной.

— Мы уже договорились со Службой безопасности о налете на дом Бхарапутра, — взволнованно проговорила Куин. — Вы пришли в себя! У вас была криоамнезия, вы оправились? Та доктор Дюрона обещала...

— Кажется, процентов на девяносто. Я все еще обнаруживаю провалы в памяти. Куин, что тут происходило?

Видно было, что она немного растеряна.

— С какого момента? Когда вас убили...

— Начните с пяти дней тому назад. Когда вы были в Группе Дюрона.

— Мы прилетели за вами. Нашли вас — после стольких кошмарных месяцев!..

— Вас парализовали, Марка захватили, и Лилли Дюрона отправила меня и моего врача в безопасное, как она считала, место, — подсказал Майлз.

— А, так это был твой врач! Я думала... Ну, не важно. — Куин справилась с эмоциями, стянула с головы шлем, откинула капюшон, провела покрасневшими кончиками пальцев по волосам и начала излагать основное — в боевом стиле. — Поначалу мы потеряли несколько часов. К тому моменту, как Элен с Таурой достали новый флайер, похитители скрылись. Они их искали, но безрезультатно. Когда они вернулись к Дюронам, мы с Белом как раз начали приходить в себя. Лилли Дюрона утверждала, что вы в безопасности. Я ей не поверила. Мы отошли на прежние позиции, и я связалась со Службой

безопасности. Они начали стягивать свои силы, которые были разбросаны по всей планете в поисках зацепок относительно вашего местонахождения, и сосредоточили их на Марке. Потом опять отсрочки из-за их любимой теории, будто похитители — цетагандийские наемники. А у дома Риоваль около пятидесяти всевозможных комплексов и помещений, которые надо было проверить, не считая вот этого, о котором вообще никто не знал. И тут Лилли Дюрона решила, что вы действительно пропали. Поскольку казалось более важным найти вас, мы бросили на это все силы. Но зацепок было еще меньше. Мы даже в течение двух дней не могли найти тот брошенный флайер. А он нам ничего не дал.

— Так. Но вы догадывались, что Марка захватил Риоваль.

— Но Риовалю нужен был адмирал Нейсмит. Мы подумали, что Риоваль сообразит, что поймал не того.

Майлз провел ладонями по лицу. Голова болела. И желудок тоже.

— А вы не подумали, что Риовалю будет наплевать? Я хочу, чтобы через несколько минут вы прошли вот по этому коридору и заглянули в камеру, где его держали. И принюхались. Я хочу, чтобы вы рассмотрели все очень внимательно. И вообще — идите немедленно. Сержант Таура, задержитесь.

Куин неохотно вышла вместе с Элен и Белом. Майлз подался вперед, и Таура наклонилась, чтобы лучше его слышать.

— Таура, что произошло? Ты же джексонианка. Ты знала, кто такой Риоваль, каково бывает у него. Как вы все могли об этом забыть?

Она встряхнула головой:

— Капитан Куин считала, что Марк — полное ничтожество. После вашей смерти она была так зла, что едва могла с ним говорить. И поначалу я была с ней согласна. Но... не знаю. Он так старался. Налет на ясли чуть было не удался. Если бы мы действовали чуть быстрее, или если бы охрана катера справилась со своей задачей, все было бы хорошо.

Он поморщился, соглашаясь:

— Такие операции безжалостны к сбоям во времени. И командиры тоже безжалостны, иначе можно просто оставаться на орбите и пускать людей непосредственно в утиль. Экономишь усилия. — Он помолчал. — Когда-нибудь Куин будет хорошим командиром.

— Я так считаю, сэр. — Таура сняла шлем и капюшон и осмотрелась. — Но я как-то привязалась к бедняге. Он старался. Он старался изо всех сил — и не сумел. Но остальные вообще не старались. И он совсем один.

— Один. Да. Здесь. Пять дней.

— Мы действительно думали, что Риоваль догадается.

— Возможно...

В какой-то мере он и сам за это цеплялся. Может, все было не настолько плохо, как казалось, не настолько плохо, как рисовало идущее вразнос воображение?

Куин и компания вернулись — все одинаково мрачные.

— Так, — сказал он. — Вы меня нашли. Теперь, может, мы сосредоточимся на Марке. Я тут за эти часы все прочесал и не нашел ни зацепки. Его прихватил сбежавший персонал? Или он сейчас бродит где-то по пустыне, замерзая? Я отправил на поиски шестерых людей Айверсона со скопами. Еще один проверяет регистрационные данные дезинтеграционных камер на пятьдесят с лишком кило протеина. Есть еще какие-нибудь идеи?

Вернулась Элен, заглянувшая в соседнюю комнату.

— А кто, по-твоему, отметил Риоваля?

Майлз развел руками:

— Не знаю. У него сотни врагов — при его-то карьере!

— Его убил невооруженный человек. Сначала ударом разбил горло, а потом забил упавшего до смерти.

— Это я заметил.

— А набор инструментов видел?

— Угу.

— Майлз, это был Марк.

— Каким образом? Ночью? После скольких... пяти... дней обработки... И Марк маленький — как я. По-моему, это физически невозможно.

— Марк маленький, но не как ты, — возразила Элен. — И он чуть не убил человека в Форбарр-Султане, ударив ногой по горлу.

— Что?!

— Его обучали, Майлз. Его готовили убить твоего отца, который даже крупнее Риоваля и имеет огромный боевой опыт.

— Да, но я никогда не думал... Когда Марк был в Форбарр-Султане? Удивительно, как отстаешь от жизни после двух месяцев смерти.

Впервые он лишился желания моментально приступить к командованию. Маньяк, потерявший четверть памяти и имеющий склонность к конвульсиям, как раз то, что надо. Не говоря уже об одышке.

— Да, кстати о твоем отце: я должна тебе сказать... Нет, наверное, лучше попозже. — Элен озабоченно осмотрела его.

— А как насчет... — Его прервал сигнал комма, который из вежливости вручил ему Айверсон. — Да, лейтенант?

— Адмирал Нейсмит, тут у входа барон Фелл. С двумя взводами. Он... э-э... говорит, что хочет забрать тело покойного единокровного брата. Как ближайший родственник.

Майлз беззвучно присвистнул и ухмыльнулся:

— Да неужели? Ну-ну. Вот что я вам скажу. Пусть войдет с одним телохранителем. И мы поговорим. Может, ему что-то известно. Но весь отряд не пропускайте.

— Вы считаете, это разумно?

«Откуда мне, к черту, знать?»

— Конечно.

Через несколько минут появился запыхавшийся барон в сопровождении одного наемника Айверсона и телохранителя в зеленом. От физической нагрузки круглое лицо барона Фелла раскраснелось сильнее обычного, а так все тот же толстенький дедушка, окруженный атмосферой опасно обманчивого добродушия.

— Барон Фелл, — кивнул Майлз. — Как приятно снова видеть вас.

Фелл ответил кивком.

— Адмирал. Да, полагаю, вам все сейчас кажется весьма привлекательным. Значит, бхарапутрянский снайпер все-таки застрелил вас. Ваш клон, надо сказать, прекрасно сыграл вашу роль, сильно запутав и без того запутанную ситуацию.

Майлз мысленно вздрогнул:

— Да. И... э-э... что именно привело вас сюда?

— Сделка, — ответил барон, что на джексонианском языке означало «Вам говорить первому».

Майлз кивнул:

— Покойный барон Риоваль приказал двум своим телохранителям доставить меня сюда на флайере. Дела тут обстояли примерно так, как вы сейчас видите. Я... гм... нейтрализовал их при первой же возможности. Как я оказался в их руках — это несколько более запутанная история.

Что означало «Пока я вам больше ничего не скажу».

— Тут начали ходить совершенно удивительные слухи о том, как мой милый покойный... а он действительно покойный?

— О да. Через несколько секунд сможете убедиться сами.

— Спасибо... Как мой милый покойный брат погиб. Я слышал об этом из первых рук.

Значит, какой-то бывший служащий Риоваля кинулся прямиком к Феллу. Понятно.

— Надеюсь, его добродетель была вознаграждена.

— Будет, как только я удостоверюсь в том, что он говорил правду.

— Так. Ну, почему бы вам не удостовериться?

Надо встать с рабочего кресла. Майлз с трудом нашел в себе силы и провел барона в гостиную. Следом шли телохранитель дома Фелл и все дендарийцы.

Рослый телохранитель с опаской глянул на Тауру. Она ответила улыбкой, сверкнув клыками:

— Привет малыш. Знаешь, ты ужасно милый.

Телохранитель отпрянул и придвинулся поближе к своему господину.

Фелл поспешно подошел к телу, опустился на колени и приподнял правую руку Риоваля, оканчивающуюся аккуратной культей.

— Кто это сделал?

— Пока не знаем, — ответил Майлз. — Я его нашел таким.

— В точности? — пристально взглянул на него Фелл.

— Да.

Фелл проследил за темными отверстиями на лбу трупа:

— Тот, кто это сделал, знал, что делает. Я хочу найти убийцу.

— Чтобы... отомстить за смерть брата? — осторожно спросила Элли.

— Нет. Чтобы предложить ему работу! — Фелл расхохотался гулко и весело. — Знаете ли вы, сколько людей столько лет пытались совершить именно это?

— Понятия не имею, — сказал Майлз. — Если вы можете помочь...

В соседней комнате просигналил полузарезанный комм Риоваля.

Фелл поднял голову, став вдруг совершенно серьезным.

— Сюда нельзя сделать вызов без кодового ключа, — проговорил он, тяжело поднимаясь на ноги.

Майлз еле успел первым пройти в кабинет и опустился в рабочее кресло. Включив комм, он чуть не свалился на пол. На экране возникло опухшее лицо Марка. Казалось, он только что вышел из душа: лицо отмыто до блеска, мокрые волосы приглажены. Как и на Майлзе, на нем был серый трикотажный костюм. Видимые участки кожи — все в темных с желтизной синяках, но глаза блестят. И уши целы!

— А! — жизнерадостно сказал Марк, — вот и ты! Я так и думал. Ты уже сообразил, кто ты?

— Марк! — Майлз чуть не залез в экран. — С тобой все в порядке? Где ты?

— Ага, вижу, что сообразил. Хорошо. Я у Лилли Дюрона. Господи, Майлз. Что за место. Что за женщина! Она позволила мне принять ванну. Она налепила мне новую кожу. Она полечила мне ногу. Она сделала мне инъекцию чего-то, что расслабило мышцы спины. Она своими руками оказала медицинские услуги — слишком личные и неприятные, чтобы их описывать, но совершенно необходимые, смею тебя уверить — и держала мне голову, пока я орал. А о ванне я сказал? Я в нее влюбился и хочу на ней жениться.

Все это звучало с таким искренним энтузиазмом и так серьезно, что Майлз не смог понять, шутит ли Марк.

— Ты что принял? — подозрительно спросил он.

— Болеутоляющее. Много-много болеутоляющего. Ах, до чего чудесно! — Он одарил Майлза странной широкой улыбкой. — Но не беспокойся, голова у меня совершенно ясная. Просто дело в ванне. Я держался, пока она не вымыла меня в ванне. Это меня сломало. Знаешь, что за чудная вещь ванна, когда смываешь... Ну, не важно.

— Как ты отсюда выбрался и попал к Дюронам? — настоятельно спросил Майлз.

— На флайере Риоваля, естественно. Кодовый ключ сработал.

У Майлза за спиной раздался резкий вдох барона Фелла.

— Марк. — Он улыбаясь приблизился к приемному устройству комма. — Вы на минуту не позовете Лилли?

— А, барон Фелл! — сказал Марк. — Прекрасно. Я собирался связаться с вами позже. Хочу пригласить вас на чай к Лилли. Нам надо многое обсудить. И тебя тоже, Майлз. И всех своих друзей захвати.

Марк многозначительно взглянул на него. Майлз незаметно опустил руку и нажал кнопку «внимание» на комме Айверсона.

— Зачем, Марк?

— Потому что они мне нужны. Мои люди слишком устали, чтобы сегодня еще работать.

— Твои люди?

— Пожалуйста, сделай, как я прошу. Потому что я прошу, — добавил так тихо, что Майлз едва расслышал. — Потому что ты у меня в долгу! — Глаза Марка на секунду ярко вспыхнули.

Фелл пробормотал себе под нос:

— Он им воспользовался. Он должен знать...

Снова подавшись вперед, он спросил у Марка:

— Вы знаете, что у вас... э-э... в руках, Марк?

— О, барон. Я знаю, что делаю. Не понимаю, почему столько людей никак не могут в это поверить, — добавил он с обидой. — Я прекрасно знаю, что делаю.

И тут он рассмеялся. Странный смех, нервный и слишком громкий.

— Позвольте мне поговорить с Лилли, — сказал Фелл.

— Нет. Вот прилетите сюда, тогда и поговорите с Лилли, — капризно ответил Марк. — Да и вообще вам надо разговаривать со мной. — Он посмотрел прямо в глаза Феллу. — Обещаю, что разговор будет для вас выгодным.

— Похоже, я действительно хочу говорить с вами, — пробормотал Фелл. — Хорошо.

— Майлз. Ты сейчас в кабинете Риоваля, где был я. — Марк всмотрелся в его лицо: Майлз не мог понять, что он хочет увидеть, но Марк тихо кивнул, словно удовлетворившись. — Элен здесь?

— Да...

Элен подошла и остановилась по другую сторону Майлза.

— Чего ты хочешь, Марк?

— Я хочу поговорить с вами, вассал. С глазу на глаз. Вы не очистите помещение? Пожалуйста, пусть все уйдут.

— Но... — начал было Майлз. — Вассал? С принесением присяги?.. Но так нельзя!

— Формально, надо полагать, она уже не вассал, раз ты снова жив. — Марк печально улыбнулся. — Но я хочу

попросить выполнить одну службу. Моя первая и последняя просьба, Элен. С глазу на глаз.

Элен осмотрелась:

— Все уйдите. Пожалуйста, Майлз. Это между Марком и мной.

— Вассал? — пробормотал Майлз, разрешая вытолкнуть себя в коридор. — Но как...

Элен закрыла за ними дверь. Майлз вызвал Айверсона, чтобы договориться о транспорте и других вещах. Гонки с Феллом пока оставались вежливыми, но это явно были гонки. Через несколько минут из дверей вышла Элен. Лицо у нее застыло.

— Вы все отправляйтесь к Дюронам. Марк попросил меня кое-что для него сделать. Я вас догоню.

— Заодно собери как можно больше информации для СБ, — посоветовал Майлз, огорошенный тем, как стремительно развиваются события. Почему-то здесь инициативой владел не он. — Я скажу Айверсону, чтобы он предоставил тебе свободу действий. Но... вассал? Неужели это значит то, что мне кажется? Как...

— Сейчас это ничего не значит. Но я у Марка в долгу. Мы все в долгу. Понимаешь, он ведь убил Риоваля.

— Понимаю. Я просто не понимаю как.

— Он говорит — со связанными за спиной руками. И я ему верю. — Элен снова повернулась к двери в апартаменты Риоваля.

— Это Марк? — бормотал Майлз, неохотно направляясь в противоположную сторону. Он случайно не приобрел за время смерти нового клон-брата? — Говорил он совсем не как Марк. Во-первых, он говорил так, словно рад меня видеть! И это Марк?

— Да, да, — подтвердила Куин. — Это Марк, не сомневайся.

Он пошел быстрее. Даже Тауре пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать.

ГЛАВА 29

Маленький дендарийский катер не отставал от более крупной машины барона Фелла, и они подлетели к клинике Группы Дюрона почти одновременно. Катер дома Дайн, временно принадлежавший Службе безопасности, вежливо дожидался на другой стороне улицы, у парка. Просто дожидался.

Когда они пошли на посадку, Майлз спросил Куин, которая сидела за пультом:

— Элли... Если бы мы летели на флайере или еще на чем-то и я вдруг приказал бы тебе разбить машину, ты послушалась бы?

— Сейчас? — изумилась Куин. Катер дернуло.

— Нет! Нет, не сейчас. Теоретически. Ты повиновалась бы мгновенно, не задавая вопросов?

— Разумеется. Но я задала бы вопросы потом. Вероятно, обхватив тебя руками за шею.

— Я так и думал. — Майлз удовлетворенно откинулся на спинку сиденья.

Они встретились с бароном Феллом у главного входа. Охранники уже готовились открыть портал в силовом поле, но при виде трех дендарийцев в полуброне Фелл нахмурился: Куин, Бел и Таура следовали по пятам за Майлзом, облаченным в серый трикотажный костюм.

— Это мое помещение, — напомнил Фелл. Его люди в зеленом смотрели на них неприветливо.

— Это мои телохранители, — сказал Майлз, — которые мне, как всем очевидно, очень нужны. Ваше силовое поле, похоже, отказало.

— Этим происшествием уже занимаются, — мрачно отозвался Фелл. — Такое больше не повторится.

— Тем не менее. — В качестве уступки Майлз пообещал, ткнув пальцем в катер у парка: — Остальные мои друзья могут подождать на улице.

Фелл нахмурился, но уступил. У входа их встретил Ворон, поклонился барону и провел гостей через несколько лифтовых шахт к пентхаусу Лилли Дюроны.

Войдя в гостиную, Майлз решил, что уместнее всего было бы назвать это «живой картиной». Все было отрежиссировано, как в лучшей театральной постановке.

Марк располагался по центру сцены. Он удобно устроился в кресле самой Лилли, а перебинтованная правая нога покоилась на невысоком круглом чайном столике. Его окружали Дюроны. Сама Лилли, волосы которой сегодня были уложены короной вокруг головы, стояла у правого плеча Марка, опираясь на спинку кресла и благосклонно улыбаясь его макушке. Ворон занял место слева от Марка. Доктор Астра, доктор Роза и доктор Сирень восхищенно столпились подле. Рядом с доктором Астрой стоял большой огнетушитель. Вербены не было. Окно уже починили.

В центре стола лежала небольшая холодильная камера. Сквозь прозрачную крышку виднелась отрезанная кисть с большим серебряным перстнем.

Вид Марка испугал Майлза. О происходившем в последние пять дней говорили только синяки на лице да повязка на ноге. Но лицо и тело Марка странно и нездорово распухли, а живот раздулся просто до невероятных размеров. Теперь Марк мало чем напоминал крепкого уравновешенного «адмирала Нейсмита», не говоря о почти двойнике, которого он пытался спасти во время нападения на ясли клонов четыре месяца назад. В ком-то другом, например в бароне Фелле, такая тучность

его бы не испугала, но Марк... Что, если он, Майлз, тоже станет таким, если сбавит ритм? Ему вдруг отчаянно захотелось поклясться не есть больше сладкого. Элли не скрывала ужаса и отвращения.

Марк улыбался. Под его правой рукой лежала маленькая коробочка дистанционного управления. Указательным пальцем он нажимал кнопку.

Увидев холодильную камеру с рукой Риоваля, барон Фелл бросился к ней с радостным возгласом.

— Стоять, — сказал Марк.

Барон остановился и с опаской посмотрел на него.

— Да?

— Интересующий вас предмет в этой герметической камере лежит на небольшой термогранате, которой управляет, — тут Марк поднял руку с пультом, — вот эта нажатая кнопка. Есть и вторая кнопка, ненажатая, в руках другого человека, не присутствующего в этой комнате. Если вы меня парализуете или нападете на меня, граната взорвется. Если вы меня испугаете, у меня может дернуться рука. Если вы меня утомите, у меня может соскользнуть палец. Если вы меня разозлите, то я могу просто отпустить кнопку — и пусть все летит к черту.

— Тот факт, что вы приняли подобные меры предосторожности, — медленно проговорил Фелл, — говорит, что вам известна ценность того, чем вы завладели. Но это невозможно. Вы блефуете.

Он пристально посмотрел на Лилли.

— Не надо меня испытывать, — сказал Марк, все еще улыбаясь. — После пяти дней гостеприимства вашего единоутробного брата я настроен весьма враждебно. То, что лежит в этой коробке, представляет ценность для вас, а не для меня. Однако, — он сделал глубокий вдох, — у вас есть нечто, представляющее ценность для меня. Барон, давайте заключим Сделку.

Фелл пососал нижнюю губу, глядя в блестящие глаза Марка.

— Я слушаю, — сказал он наконец.

Марк кивнул. Две Дюроны поспешно подали кресла барону Феллу и Майлзу. Телохранители остались стоять. Казалось, охранники Фелла что-то отчаянно пытаются сообразить, глядя то на коробку, то на своего господина. В свою очередь, дендарийцы внимательно следили за людьми Фелла. Барон уселся с серьезным видом.

— Чаю? — предложила Лилли.

— Спасибо, — отозвался барон.

Она кивнула, и две маленькие Дюроны поспешно вышли. Ритуал начался. Майлз осторожно опустился в кресло, изо всех сил стиснув зубы. Инициатива явно принадлежит Марку. Но он далеко не уверен в том, что Марк сейчас нормален. Соображает — да. Нормален — нет. Казалось, барон Фелл

склоняется к такому же мнению, разглядывая самозваного хозяина дома.

Два противника молча ждали, пока принесут чай, пытаясь тем временем оценить друг друга. Мальчик внес поднос и поставил его рядом с пугающей коробкой. Девочка налила только две чашки лучшего привозного японского зеленого чая — Марку и барону — и предложила печенье.

Марк с видимым отвращением отказался от печенья. Барон взял две штучки. Марк начал было поднимать чашку левой рукой, но рука так тряслась, что он поспешно поставил чашку с блюдцем на подлокотник. Девочка бесшумно скользнула к нему и поднесла чашку к его губам. Марк сделал глоток, благодарно кивнул, и девочка устроилась с чашкой у его левого колена. Похолодев, Майлз понял, что Марку пришлось гораздо хуже, чем можно судить по виду. Барон взглянул на дрожащую левую руку Марка, несколько менее уверенно — на правую и беспокойно поерзал в кресле.

— Барон Фелл, — сказал Марк, — я думаю, вы согласитесь со мной: время имеет огромное значение. Я начну?

— Будьте так любезны.

— В этой холодильной камере, — Марк кивнул на отрезанную кисть, — находится ключ к дому Риоваль... э-э... секретное декодирующее кольцо Ри Риоваля. — Марк откашлялся, проглотил резкий смешок и кивнул девочке, прося еще глоток чаю. Снова совладав со своим голосом, он продолжил: — В кристалле кольца заключены все личные коды покойного барона Риоваля. Следует напомнить, что у дома Риоваль особая административная структура. Сказать, что Ри Риоваль был параноик, помешанный на власти, — значит сильно преуменьшить. Но Риоваль скончался, оставив своих разбросанных по всей планете подчиненных без привычных указаний. Когда до них дойдут слухи о его смерти, кто знает, что они сделают? Один пример вы уже видели.

Через несколько дней отовсюду слетятся стервятники терзать труп дома Риоваль. Поскольку никаких законов на этой планете не существует, то кто смел — тот и съел. Например, дом Бхарапутра явно могут заинтересовать товары дома Риоваль. Не сомневаюсь, что вам известны и другие, барон. — Фелл кивнул. — Но тот, у кого кодовые ключи Риоваля окажутся сегодня, имеет немалое преимущество, — продолжил Марк. — Особенно если он владеет людьми, которые окажут ему силовую поддержку. Вместо того чтобы скучать, пока один за другим будут расшифрованы коды Риоваля, он может взять под контроль практически всю собственность дома Риоваль — целиком, а не по кусочкам. Добавьте к этому хорошо известные родственные связи, которые прибавят веса такому захвату... На мой взгляд, большая часть конкурентов отступит без боя.

— Кодовое кольцо моего брата не ваша собственность, чтобы вы ею торговали, — холодно сказал Фелл.

— Нет, моя, — возразил Марк. — Я его получил. Я им владею. Я могу его уничтожить. И... — Он облизнул губы, и девочка снова поднесла чашку. — Я за него заплатил. Вам не предоставилась бы эта исключительная (а пока еще она по-прежнему исключительная) возможность, не будь меня.

Барон едва заметно кивнул:

— Продолжайте.

— Как бы вы оценили стоимость Группы Дюрона по сравнению с настоящим состоянием дома Риоваль? В пропорции.

Барон нахмурился:

— В одну двадцатую. Может, в одну тридцатую. У дома Риоваль гораздо больше недвижимости. Э-э... интеллектуальную собственность оценить труднее. Они специализируются на довольно разных биологических задачах.

— Не будем принимать во внимание недвижимость. Дом Риоваль, несомненно, обладает гораздо большей ценностью. Лаборатории, техники, рабы. Списки клиентов. Хирурги. Генетики.

— Должен с вами согласиться.

— Хорошо. Давайте меняться. Я отдаю вам дом Риоваль в обмен на Группу Дюрона плюс чек на предъявителя, равный десяти процентам стоимости дома Риоваль.

— Десяти процентам. Премия посредника, — сказал Фелл, глядя на Лилли. Лилли улыбнулась, но промолчала.

— Всего лишь премия посредника, — согласился Марк. — Даже если бы я запросил вдвое больше, это все равно было бы дешево. И не случайно, — вы потеряете как минимум такую сумму, не имея в руках ключей Ри Риоваля.

— И что вы сделаете с этими дамами, если их получите, Марк?

— Что мне заблагорассудится. От слова «благо».

— Собираетесь заняться бизнесом? Стать бароном Марком?

От такой перспективы у Майлза похолодело в желудке.

— Нет, — вздохнул Марк. — Мне благорассудится вернуться домой, барон. Я подарю Группу Дюрона им самим. А вы их отпустите, чтобы они могли отправиться свободно и без помех, куда им... заблагорассудится. Кажется, на Эскобар, Лилли?

Он поднял глаза на Лилли, и та, улыбнувшись, кивнула.

— До чего странно, — пробормотал барон. — По-моему, вы безумны.

— Ах, барон. Вы даже не представляете себе, насколько вы правы!

Марк как-то странно засмеялся. Если он играет, то лучшего актерства Майлз в жизни не видел, не исключая и собственного.

Барон откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Он размышлял. Не придет ли он к выводу приме-

нить силу? Майлз начал отчаянно прикидывать боевые варианты неожиданной атаки: дендарийцы на месте, Служба безопасности на орбите, они с Марком под угрозой... Внезапно ярко вспыхнувшее дуло... О, Господи, ну и дела!..

— Десять процентов, — наконец предложил барон, — минус стоимость Группы Дюрона.

— И кто будет подсчитывать стоимость этой интеллектуальной собственности, барон?

— Я. И они эвакуируются немедленно. Все имущество, записи, файлы и идущие эксперименты должны остаться нетронутыми.

Марк посмотрел на Лилли. Та нагнулась и что-то зашептала ему на ухо.

— Группа Дюрона получит право скопировать технические файлы. И забрать личное имущество, например, одежду и книги.

Барон задумчиво уставился в потолок:

— Они могут забрать столько, сколько может унести каждый. Не больше. И они не имеют права копировать технические файлы. И их банковские счета останутся, как и были, моей собственностью.

Лилли нахмурилась. Еще одно совещание шепотом. Марк отмахнулся от какого-то возражения и указал вверх. Наконец она кивнула.

— Барон Фелл, — Марк сделал глубокий вдох, — мы заключаем Сделку.

— Заключаем Сделку, — подтвердил барон, наблюдая за Марком с легкой улыбкой.

— И вот вам в этом моя рука, — продекламировал Марк.

Хихикнув, он перевернул коробку дистанционного управления, переключил рычажок и положил на ручку кресла, а потом встряхнул дрожащие пальцы.

Фелл потянулся в кресле, стряхивая напряжение. Телохранители слегка расслабились. Майлз чуть не растекся лужицей.

«Батюшки, что мы тут наделали?»

По приказу Лилли Дюроны разбежались в разные стороны.

— Было очень занимательно иметь с вами дело, Марк, — сказал Фелл, вставая. — Не знаю, где именно ваш дом, но, если вы когда-нибудь решите, что вам нужна работа, я мог бы воспользоваться таким посредником, как вы, в ведении моих галактических дел. Ваше чувство своевременности... жестоко элегантно.

— Спасибо, барон, — кивнул Марк. — Я буду иметь это в виду, если другие варианты провалятся.

— И ваш брат тоже, — добавил Фелл, спохватившись. — При условии его полного выздоровления, естественно. Моим войскам не помешал бы более активный боевой командир.

Майлз откашлялся:

— Потребности дома Фелл главным образом оборонительные. Я предпочитаю более агрессивный вид работы, как у дендарийцев.

— В будущем агрессивной работы может стать больше, — сказал Фелл, и взгляд его сделался задумчивым.

— Замышляете завоевать мир? — осведомился Майлз.

«Империя Фелла»?

— Приобретение дома Риоваль приводит дом Фелл к очень интересному неравновесному состоянию. Ради каких-то пяти лет правления нет смысла проводить политику неограниченной экспансии и борьбы с оппозицией, которая неизбежно возникнет. Но вот если прожить, скажем, еще лет пятьдесят, то можно было бы найти захватывающе интересную работу для талантливого военного офицера...

Фелл вопросительно посмотрел на Майлза:

— Нет. Спасибо.

Марк кинул на Майлза победно-веселый взгляд. Майлз подумал, что Марк добился поразительного решения. Что за Сделка! Наверное, джексонианец протестует, становясь на сторону добра, восстает, становясь неподкупным? Похоже, что так.

«Кажется, мой братец в большей степени джексонианец, чем он думает. Джексонианский ренегат! Голова кругом идет».

По сигналу Фелла его телохранитель осторожно взял прозрачную коробку. Фелл повернулся к Лилли.

— Что ж, сестренка. У тебя была интересная жизнь.

— И еще есть, — улыбнулась Лилли.

— Ненадолго.

— С меня хватит, жадина. Так вот он, конец пути. Разорван наш союз крови. Кто бы мог такое себе представить, когда мы вместе выползали из канализации Риоваля?

— Только не я, — отозвался Фелл. Они обнялись. — Прощай, Лилли.

— Прощай, Джорик.

Фелл повернулся к Марку:

— Сделка сделкой, это для моего дома. А это — для меня. Ради прошлого. — Он протянул широкую ладонь. — Могу я пожать вам руку, сэр?

Вид у Марка был озадаченный и недоверчивый, но Лилли кивнула. И он позволил Феллу схватить его руку.

— Спасибо, — искренне сказал Джориш Стойбер. Кивком собрав своих телохранителей, он исчез в лифтовой шахте.

— Вы думаете, Сделка останется в силе? — встревоженно спросил Марк у Лилли.

— Некоторое время — да. В ближайшие дни Джориш будет слишком занят своим новым приобретением. На

это уйдут все его силы — и еще не хватит. А потом будет поздно. Потом, конечно, он пожалеет. Но преследовать и мстить не станет. Этого достаточно. Большего нам не надо. — Она ласково погладила его по голове. — А теперь просто отдыхайте. Выпейте еще чаю. Мы пока будем очень заняты. — Она повернулась к младшим Дюронам: — Стриж, Ива! Пошли быстренько!

Лилли увела их в глубь своих апартаментов. Марк устало сгорбился. Озадаченно поморщившись, он взял чашку в правую руку и задумчиво помешал чай.

Элли прикоснулась к шлему, прислушалась и вдруг горько и резко рассмеялась.

— На связи командующий Службы безопасности со станции Харгрейвз-Дайн. Говорит, пришло подкрепление, и спрашивает, куда его послать.

Майлз с Марком переглянулись. Майлз не знал, о чем думает Марк, но большая часть ответов, приходивших ему в голову, звучала совершенно непристойно.

— Домой, — сказал наконец Марк. — И пусть заодно подвезут нас.

— Мне надо вернуться к дендарийцам, — стремительно сказал Майлз. — Э-э... где они, Элли?

— На пути к Эскобару от Иллирии. Но вы, сэр, к ним и близко не подойдете, пока медики СБ не дадут вам разрешения вернуться на действительную службу, — твердо ответила она. — Флот в полном порядке. А вы — нет. Иллиан мне уши оторвет, если я не отправлю вас домой. И немедленно. А потом — ваш отец...

— Что отец? — спросил Майлз. Элен начала что-то говорить... Его охватил леденящий ужас. Стремительно закружились картины: убийства, смертельные болезни, политические заговоры... Не говоря уже об авиакатастрофах.

— Пока я там был, у него случился серьезный приступ сердечной недостаточности, — сказал Марк. — Его уложили в госпиталь. Когда я улетал, он дожидался трансплантанта для пересадки сердца. По правде говоря, примерно сейчас ему должны делать операцию.

— Ты там был? — «Что ты с ним сделал?» У Майлза было такое ощущение, будто мир перевернулся. — Мне надо домой!

— Я только что это и сказал, — устало отозвался Марк. — А ты как думаешь, для чего мы все сюда завалились, как не для того, чтобы увезти тебя домой? Уж не для бесплатного отдыха на курорте Ри Риоваля, позволь тебя уверить. Мама решила, что я — следующий наследник Форкосиганов. Барраяр я еще, наверное, выдержу, но уж это — нет!

На Майлза слишком быстро слишком много всего свалилось. Он сел и попытался успокоиться, пока не начался новый приступ конвульсий. Вот такая небольшая слабость мо-

жет привести к моментальному увольнению с действительной службы Империи. Он считал, что конвульсии — это временное. Но что, если они не пройдут? О, Боже...

— Я собираюсь одолжить мой корабль Лилли, — сказал Марк, — раз барон Фелл так любезно лишил ее денег, на которые можно было бы купить тридцать шесть билетов на Эскобар.

— Какой корабль? — спросил Майлз. «Только не один из моих!»

— Тот, что мне подарила мама. Лилли с немалой прибылью сможет продать его на эскобарской орбите. Я верну маме деньги, чтобы выкупить закладную на Форкосиган-Сюрло, и еще останется кое-что на карманные расходы. Мне когда-нибудь захочется иметь собственную яхту, но этой я еще долго не смог бы пользоваться.

«Что? Что? Что?!»

— Я как раз подумал, — добавил Марк, — что дендарийцы могли бы полететь с Лилли. Обеспечить ей военную поддержку в обмен на быстрый бесплатный путь к флоту. И СБ сэкономит на четырех билетах.

«На четырех?»

Майлз взглянул на Бела, который все это время упорно молчал. Тот ответил безрадостным взглядом.

— И все по-быстрому отсюда смоются, — закончил Марк. — Пока еще чего-нибудь не случилось.

— Аминь! — отозвалась Куин.

Вербена и Элли на одном корабле?! Не говоря уже о Тауре. А что, если они соберутся вместе и начнут обмениваться впечатлениями? А вдруг между ними возникнет вражда? Или еще хуже — вдруг они сговорятся и поделят его на части? Северный Майлз и Южный Майлз... Он готов был поклясться, что не так уж много у него было женщин за всю жизнь. По сравнению с Айвеном он вообще монах. Просто он никогда ни с одной не расстается. Такое накопление может с течением времени привести к неловкостям. Ему нужна... леди Форкосиган, которая положила бы конец всем этим глупостям. Но даже Элли Отважная отказалась взять на себя такую обязанность.

— Да, — согласился Майлз, — годится. Домой. Капитан Куин, договоритесь о том, что мы с Марком полетим в корабле СБ. Сержант Таура, будьте добры поступить в распоряжение Лилли Дюроны. Чем быстрее мы отсюда эвакуируемся, тем лучше — тут я согласен. И... э-э... Бел... пожалуйста, задержись: нам надо поговорить.

Куин и Таура поняли намек и исчезли. Марк... Майлз решил, что Марка можно оставить. И вообще ему было немного страшно просить Марка встать. Страшно думать, о чем могут сказать его движения. Эта небрежная фразочка о курорте Ри Риоваля была явной попыткой скрыть... что?

— Садись, Бел. — Майлз кивнул на кресло, которое освободил барон Фелл.

Он, Марк и Бел оказались как бы на вершинах равностороннего треугольника. Бел кивнул и сел, устроив шлем на коленях и скинув с головы капюшон. Майлз вспомнил, как несколько дней назад, до каскада, в этой самой комнате принял Бела за женщину. Прежде его глаза видели в Беле мужчину. Странно. Наступила неловкая тишина.

Сглотнув, Майлз сказал:

— Я не могу вернуть тебе командование «Ариэлем».

— Знаю, — сказал Бел.

— Это подорвало бы дисциплину во всем флоте.

— Знаю, — опять повторил он.

— Это... несправедливо. Будь ты нечестным гермафродитом и не открой рта, продолжай ты притворяться, что Марк тебя провел, — и никто бы ничего не узнал.

— Знаю, — сказал Бел и после паузы добавил: — Мне надо было взять командование на себя в экстремальной ситуации. Я решил, что не могу позволить Марку и дальше отдавать приказы. Слишком опасно.

— Капитан Торн, — вздохнул адмирал Нейсмит, — я вынужден просить, чтобы вы подали в отставку.

— Слушаюсь, сэр.

— Спасибо.

Дело сделано. Так быстро. Он вспомнил отрывочные впечатления об операции. Почти наверняка какие-то куски еще отсутствуют. Но были смерти — слишком много смертей, сделавших тот налет неоправданным.

— Ты не знаешь... что стало с Филиппи? Кажется, у нее был шанс.

Марк с Белом переглянулись. Бел ответил:

— Она не выжила.

— А... Очень жаль.

— Криовосстановление — вещь ненадежная, — вздохнул Бел.

— Мы все идем на риск, заключая контракт.

Марк нахмурился:

— Получается несправедливо. У Бела сломана карьера, а я целехонек.

Бел секунду смотрел на избитое раздувшееся тело Марка, сгорбившееся в большом кресле Лилли, и только чуть приподнял брови.

— Какие у тебя планы, Бел? — осторожно спросил Майлз. — Вернешься домой, на Колонию Бета? Ты об этом поговаривал.

— Не знаю, — сказал Бел. — Не потому, что над этим не задумывался. Я думаю уже несколько недель. Но не уверен, что приживусь теперь дома.

— Я и сам думал, — отозвался Майлз. — Есть одна мысль. Мне сдается, что некие силы с моей стороны будут несколько меньше тревожиться из-за того, что ты шляешься по п-в-туннелям с барраярскими засекреченными сведениями в голове, если ты по-прежнему останешься на службе у Иллиана. Как осведомитель... или, может, агент?

— У меня нет таланта Элли, — возразил Бел. — Я был просто капитаном корабля.

— Капитаны бывают в очень интересных местах. И могут получать самую разную информацию.

Бел наклонил голову:

— Я... серьезно об этом подумаю.

— Полагаю, ты не захочешь уйти на Архипелаге Джексона?

Бел откровенно рассмеялся:

— Да уж нет!

— Ну так обдумай это на пути к Эскобару. Поговори с Куин. Прими решение к моменту прилета и дай ей знать.

Бел кивнул, встал и осмотрел элегантную гостиную Лилли Дюроны.

— Знаешь, я не очень-то жалею, — сказал он Марку. — Так или иначе, но мы вывезли из этой вонючей дыры почти девяносто человек. Спасли от верной смерти или джексонианского рабства. Для стареющего бетанца не слишком плохой результат. Можешь не сомневаться, я вспомню о них, когда буду вспоминать все это.

— Спасибо, — прошептал Марк.

Бел посмотрел на Майлза:

— Помнишь, как мы впервые встретились?

— Да. Я тебя оглушил.

— Еще как. — Бел подошел к его креслу, нагнулся и взял его за подбородок. — Не двигайся. Мне уже много лет хотелось это сделать.

И поцеловал его, решительно и крепко. Майлз подумал о том, как это выглядит со стороны, как это двусмысленно, потом вспомнил о своей внезапной смерти, мысленно послал все к черту и ответил на поцелуй. Выпрямляясь, Бел улыбнулся. Из лифтовой шахты донеслись голоса. Кто-то из Дюрон объяснял:

— Прямо наверху, сударыня.

За оградкой шахты появилась Элен Ботари-Джезек.

— Привет, Майлз, мне надо говорить с Марком, — выпалила она. Глаза ее потемнели и были тревожными. — Мы можем куда-нибудь уйти? — спросила она у Марка.

— Я не хотел бы вставать, — ответил Марк. Голос у него был такой усталый, что слова звучали невнятно.

— Так. Майлз и Бел, уйдите, пожалуйста, — решительно заявила она.

Озадаченный Майлз поднялся на ноги. Он вопросительно посмотрел на Элен, но ее взгляд сказал ему: «Не сейчас. Потом». Он пожал плечами:

— Пошли, Бел. Посмотрим, не можем ли мы кому-нибудь помочь.

Ему хотелось найти Вербену. Спускаясь вниз вместе с Белом, он наблюдал за оставшимися в комнате. Элен повернула стул и уселась на него верхом. Ладони ее уже раскрылись в настоятельном протесте. Вид у Марка был до предела мрачный.

Майлз сдал Бела доктору Розе в качестве ответственного за связь и пошел искать комнаты Вербены. Как он и надеялся, Вербена оказалась на месте — она собирала вещи. Рядом сидела еще одна юная Дюрона и наблюдала за ней, немного испуганная. Майлз сразу же узнал ее.

— Лилли-младшая! Ты выбралась! Вербена!

Лицо Вербены просияло, и она стремительно обняла его.

— Майлз! Так тебя все-таки зовут Майлз Нейсмит! Я так и думала. У тебя был каскад. Когда?

— Ну, — он виновато кашлянул, — по правде говоря, еще у Бхарапутры.

Ее улыбка немного померкла.

— До моего ухода. И ты мне не сказал.

— Безопасность, — неуверенно сказал он.

— Ты мне не доверял.

«Это же Архипелаг Джексона. Ты сама так говорила».

— Меня сильнее беспокоил Васа Луиджи.

— Наверное, я могу это понять, — вздохнула Вербена.

— А когда вы обе сюда добрались?

— Я вчера утром. А Лилли вчера вечером. Хитро! Я не надеялась, что ты и ее сможешь вытащить!

— Один побег повлек за собой второй. Ты выбралась сама — и это позволило выбраться Лилли. — Майлз быстро улыбнулся Лилли-младшей, которая с любопытством наблюдала за ним. — Я ничего не сделал. В последнее время это для меня типично. Но я почти уверен, что вы улетите с планеты, прежде чем Васа Луиджи и Лотос поймут, в чем дело.

— Мы все улетим еще до наступления сумерек. Слушай! — Она подвела его к окну. Дендарийский катер с сержантом Таурой в качестве пилота и с восемью Дюронами на борту тяжело поднимался с обнесенного стенами двора. Авангард, который приготовит корабль к приему остальных.

— Эскобар, Майлз! — восторженно воскликнула Вербена. — Мы все летим на Эскобар! Ах, Лилли, до чего тебе там понравится!

— Вы останетесь одной группой? — спросил Майлз.

— Сначала, наверное, да. Пока остальные немного не привыкнут. Лилли отпустит нас, когда будет умирать. Наверное, барон Фелл это предвидел. В конечном счете у него окажется меньше конкурентов. Полагаю, он уже завтра заберет главных специалистов дома Риоваль и поселит их сюда.

Майлз прошелся по комнате и заметил на подлокотнике кушетки знакомый пульт дистанционного управления.

— А! Так это ты управляла термогранатой! Мне следовало бы знать. Так что ты все слышала. А я не был уверен, что Марк не блефует.

— Марк не блефовал, — уверенно ответила Вербена.

— Ты присутствовала при его появлении?

— Да. Я добралась сюда незадолго до рассвета. Он вывалился из флайера в совершенно нелепом костюме и потребовал, чтобы его провели к Лилли.

Майлз только поднял брови:

— И что сказали охранники на воротах?

— Они сказали: «Да, сэр». У него был такой вид... Не знаю, как его описать. Но только... я могла бы представить, как в темном переулке с его пути будут убегать верзилы-грабители. Твой клон — страшный молодой человек.

Майлз только моргнул.

— Лилли и Астра отвезли его в клинику на антигравитационной платформе, и потом я его уже не видела. И тут посыпались приказы. — Она помолчала. — Так. И ты теперь вернешься к дендарийским наемникам?

— Да. Наверное, понадобится немного подлечиться и отдохнуть.

— Не... выйдешь на покой? После такого близкого столкновения со смертью.

— Если честно, вид оружия внушает мне новые неприятные ощущения, но... Надеюсь, что я еще долго не расстанусь с дендарийскими наемниками. Э-э... эти мои конвульсии. Они пройдут?

— Должны бы. Криовосстановление всегда идет без гарантий. Значит... ты не представляешь себе жизни на покое. Например, на Эскобаре.

— Мы время от времени бываем на Эскобаре для ремонта кораблей. И личного состава. Это крупный галактический центр. Возможно, мы еще встретимся.

— Надеюсь, не так, как в первый раз, — улыбнулась Вербена.

— Позволь тебя заверить, что, если мне еще раз понадобится криовосстановление, я распоряжусь, чтобы отыскали тебя. — Он замялся. «Мне нужна миледи Форкосиган, чтобы прекратить все эти скитания...» Сможет ли Вербена стать ею? Тридцать пять свояченицы — не слишком серьезный недостаток, если они будут далеко, на Эскобаре. — А какого ты была бы

мнения о Барраяре с точки зрения того, чтобы там жить и работать? — осторожно поинтересовался он.

Вербена наморщила носик:

— В этой дыре? С чего вдруг?

— У меня там... интересы. По правде говоря, именно там я собираюсь жить, когда уйду на покой. На самом деле это очень красивая планета. И малонаселенная. Они поощряют... э-э... деторождение. — Еще чуть-чуть — и он откроет тайну своей личности, ради сохранения которой шел на такой риск. — И там масса работы для хирурга, получившего галактическую подготовку.

— Надо думать. Но я всю жизнь была рабыней. Зачем мне становиться подданной, когда можно быть гражданкой? — Вербена грустно улыбнулась, подошла к нему и обхватила руками за плечи. — Те пять дней, когда мы были заперты у Васа Луиджи... это ведь не результат плена, да? Ты всегда такой, когда здоров?

— Более или менее, — признал он.

— Никогда не знала, кем работают выросшие гиперактивные дети. Командование несколькими тысячами солдат, наверное, как раз поглощает твою энергию, правда?

— Да, — вздохнул он.

— Наверное, я всегда буду тебя любить — немного. Но если бы я жила с тобой постоянно, я с ума бы сошла. По-моему, более властного человека я в жизни своей не встречала.

— Предполагается, что ты не будешь мне поддаваться, — объяснил он. — Я рассчитываю на то, что... — Он не мог сказать «Элли» или, еще хуже, «мои женщины». — Мой партнер не будет мне поддаваться. Иначе я не мог бы вести себя естественно и быть самим собой.

Так. Значит, слишком тесный контакт действительно разрушил их любовь, или по крайней мере ее заблуждения. Ему все больше начинала нравиться барраярская традиция сватовства с помощью посредников. Может, гораздо надежнее сначала жениться, а потом уже знакомиться. К тому времени, как жена его раскусит, ходу назад уже не будет. Он вздохнул, улыбнулся и отвесил Вербене преувеличенно любезный поклон.

— Буду счастлив навестить вас на Эскобаре, миледи.

— Это было бы просто чудесно, сударь, — подыграла она на полном серьезе.

Ах! Черт побери, она могла бы стать леди Форкосиган, она себя недооценивает... Лилли-младшая, которая зачарованно наблюдала за ними с кушетки, кашлянула. Взглянув на нее, Майлз вспомнил ее рассказ о пребывании у дендарийцев.

— А Марк знает, что ты тут, Лилли? — спросил он.

— Не знаю. Я была с Вербеной.

— Когда Марк видел тебя в последний раз, ты улетала обратно с Васа Луиджи. По-моему... ему было бы приятно узнать, что ты передумала.

— Он пытался уговорить меня остаться на корабле. Он говорит не так хорошо, как ты, — призналась Лилли.

— Он купил вам право улететь отсюда. — И Майлзу не хотелось думать, какой монетой Марк за это заплатил. — Я просто тащился следом. Пошли. Скажи хотя бы «привет, пока и спасибо». Это тебе ничего не будет стоить, но, подозреваю, будет иметь для него кое-какое значение.

Лилли неохотно встала и позволила ему утащить ее за собой. Вербена, одобрительно кивнув, снова принялась поспешно укладывать вещи.

ГЛАВА 30

— Вы их нашли? — спросил лорд Марк.

— Да, — с трудом выговорила Ботари-Джезек.

— И уничтожили?

— Да.

Марк покраснел и откинул голову на спинку кресла.

— Вы их просмотрели. — Он вздохнул. — Я же сказал, чтобы вы этого не делали.

— Мне надо было убедиться, что это именно они.

— Нет, не надо было. Можно было просто уничтожить все.

— В конце концов я так и сделала. Я начала смотреть. Потом отключила звук. Потом пустила их на повышенной скорости. Потом стала просто проверять время от времени.

— Очень жаль, что вы меня не послушали.

— Мне тоже очень жаль. Марк, этих записей были сотни часов! Я не могла поверить, что их так много.

— На самом деле около пятидесяти часов. Или, может, пятидесяти лет. Но проводилось одновременно несколько записей. Я всегда краем глаза видел записывающую камеру, что бы ни происходило. Не знаю, зачем Риоваль их делал: изучать и анализировать или просто наслаждаться. Наверное, того и другого понемногу. Его проницательность просто ужасала.

— Я... не поняла кое-что из того, что видела.

— Хотите, чтобы я вам объяснил?

— Нет.

— Ну и хорошо.

— Могу понять, почему вы захотели, чтобы они были уничтожены. Попади записи в плохие руки... они стали бы страшным рычагом для шантажа. Если хотите, чтобы я поклялась молчать, я готова.

— Дело не в этом. Я ничего не намерен держать в тайне. Никто никогда больше не получит надо мной та-

кой власти. Не будет дергать меня за скрытые веревочки. В общих чертах можете рассказывать хоть всей галактике — мне наплевать. Но... если бы СБ получила эти материалы, они в конце концов попали бы в руки Иллиану. А он не смог бы утаить их от графа — и от графини тоже, хотя, не сомневаюсь, попробовал бы. Или в конце концов от Майлза. Можете себе представить, как граф, графиня или Майлз смотрят это дерьмо?

Элен сквозь зубы втянула воздух:

— Начинаю понимать.

— Подумайте над этим. Я подумал.

— Лейтенант Айверсон разбушевался, когда, сломав дверь, увидел оплавленные упаковки. Он будет жаловаться начальству.

— Пусть жалуется. Если СБ готова начать жаловаться на меня и моих людей, то и я на них начну жаловаться. Например, где они, к дьяволу, были последние пять дней? Мне не будет ни стыдно, ни неловко напомнить об этом кому угодно, начиная с самого Иллиана. Пусть только попробуют встать у меня на пути... — враждебно пробормотал он.

Лицо у нее было зеленовато-бледным.

— Мне... очень жаль, Марк.

Элен неуверенно прикоснулась к его руке. Он схватил ее за запястье и сильно сжал. У Элен раздулись ноздри, но она не дрогнула. Он сел прямее, вернее, попытался:

— Не смей меня жалеть! Я победил! Прибереги свою жалость для барона Риоваля, если уж тебе надо кого-то жалеть. Я его поймал. Обманул. Победил в его собственной игре, на его собственном поле. Я не позволю превратить мою победу в поражение ради твоих чертовых... эмоций. — Марк отпустил ее руку. Она потерла кисть, не спуская с него пристального взгляда. — Вот и все. Я могу отбросить Риоваля, если мне не будут мешать. Но если окружающие будут знать слишком много — если бы они увидели те проклятые записи, — они никогда не могли бы об этом забыть. Их чувство вины возвращало бы их к этому снова и снова, и они возвращали бы к этому меня. Я не хочу сражаться с Ри Риовалем у себя в голове — или у них в голове — всю оставшуюся жизнь. Он умер, а я нет — и довольно. — Помолчав, он хмыкнул: — И признай, это было бы особенно плохо для Майлза.

— О, да, — выдохнула Элен, искренне соглашаясь.

За окном дендарийский катер, пилотируемый сержантом Таурой, поднял первую партию Дюрон на корабль Марка. Он помолчал, глядя ему вслед.

«Да. Вперед, вперед, вперед. Выбираемся из этой дыры: вы, я — все мы, клоны. Навсегда. Идите и станьте людьми, если сможете. Если я смогу».

Элен снова на него посмотрела:

— Они настоят на медицинском осмотре.

— Да, кое-что они увидят. Я не смогу скрыть побои, и, видит Бог, насильственное кормление скрыть просто невозможно. Гадость, правда?

Она кивнула, с трудом сглотнув:

— Я думала, ты... Нет, ладно.

— Правильно. Я говорил, чтобы ты не смотрела. Но чем дольше мне удастся избежать осмотра квалифицированными врачами СБ, тем более неопределенно я смогу говорить обо всем остальном.

— Но ведь тебе надо лечиться.

— Лилли Дюрона прекрасно поработала. И по моей просьбе все зафиксировано только у нее в голове. Я должен бы проскочить.

— Не старайся совсем увильнуть от лечения, — посоветовала Элен. — Графиня это заметит, даже если ты проведешь остальных. И я не думаю, чтобы не нужно... что-то еще. Не физически.

— А, Элен. Уж если я что и узнал за эту неделю, так это насколько у меня действительно не все дома, там, в голове. Самое страшное, с чем я столкнулся в подвале Риоваля, это чудовище в зеркале, в психологическом зеркале Риоваля. Мое ручное чудовище о четырех головах. Очевидно, пострашнее даже самого Риоваля. Сильнее. Быстрее. Хитрее. — Марк прикусил язык, почувствовав, что слишком много говорит. Он не думал, что идет к безумию. Он подозревал, что кружным путем идет к норме. Трудным путем. — Я знаю, что делаю. Где-то я очень хорошо знаю, что делаю.

— На записях казалось, будто ты обманываешь Риоваля, делая вид, что у тебя расщепилась личность. Говорил сам с собой?..

— Я никогда не смог бы обмануть Риоваля, делая вид. Он занимался этим много десятилетий, копался на дне человеческого сознания. Но моя личность не расщепилась. Скорее... вывернулась. — Нельзя назвать расщепленным то, что ощущается таким гармонично единым. — Я не решил что-то сделать. Я просто что-то сделал.

Элен смотрела на него со страшным беспокойством. Он не сдержал смеха. Но его веселье, похоже, отнюдь ее не успокоило.

— Ты должна понять, — сказал Марк, — что иногда безумие — это не трагедия. Иногда это стратегия выживания. Иногда... это триумф. — Он замялся. — Ты знаешь, что такое «черная команда»?

Она молча помотала головой.

— Я видел это в одном из музеев Лондона. Давным-давно, в девятнадцатом и двадцатом веках, на Земле были корабли, которые плавали по поверхности океанов. У них были паровые двигатели. Жар паровые двигатели получали от громадных угольных топок в брюхе корабля. И там были такие дура-

ки, которые бросали уголь в топки. Внизу, в грязи, духоте, вони и копоти. От угля они чернели, и их прозвали «черная команда». И офицеры, и прекрасные дамы на палубе не желали иметь ничего общего с этими несчастными грубиянами. Но без них не было движения. Не было огня. Не было жизни. Не было пара. Черная команда. Безымянные герои. Уродливые простаки.

Теперь она точно решит, что он бредит. Тот гимн, который он хочет спеть своей черной команде, наверное, сейчас неуместен.

«Да, и никто меня не любит, — жалобно прошептал Обжора. — Ты уж привыкай».

— Замнем. — Он улыбнулся. — Но, скажу я тебе, Гален после Риоваля просто букашка. А Риоваля я победил. Как это ни странно, я сейчас чувствую себя освобожденным. И собираюсь таким оставаться.

— Ты мне кажешься... извини... немного маниакальным, Марк. В Майлзе это казалось бы нормой. Ну, не необычным. Рано или поздно он переходит через пик и скатывается вниз. Наверное, тебе следует проследить за такой картиной — возможно, она у вас с Майлзом общая.

— Словно расположение духа крутят на веревочке?

Она невольно отрывисто рассмеялась:

— Да.

— Я буду опасаться перигея.

— Гм, да. Хотя на апогее все окружающие должны прятаться и разбегаться.

— Я к тому же сейчас принял много всяких болеутоляющих. Иначе я не продержался бы последние несколько часов. Боюсь, их действие проходит.

Прекрасно. Это объясняет его путаную речь — и к тому же истинная правда.

— Мне привести Лилли Дюрону?

— Нет. Я просто буду сидеть тут. Не шевелясь.

— Наверное, это хорошая мысль.

Элен встала и взяла свой шлем.

— Но я знаю, кем хочу стать, когда вырасту, — неожиданно сообщил Марк. Она остановилась, подняв брови. — Я хочу стать аналитиком Службы безопасности. Гражданским. Чтобы не посылать людей не туда, куда надо, или на пять дней позже. Или неподготовленными. Я хочу целыми днями сидеть в комнатушке внутри крепости и все делать правильно.

Он думал, Элен засмеется. Но, к его изумлению, она совершенно серьезно кивнула:

— Как служащая СБ, я была бы в восторге.

Она небрежно козырнула ему и отвернулась. Марк пытался разгадать выражение ее глаз. Это была не любовь. И не страх.

«О! Так вот как выглядит уважение. Я мог бы к нему пристраститься».

Как Марк и сказал Элен, какое-то время он просто сидел, глядя в окно. Но рано или поздно придется шевелиться. Может, он воспользуется сломанной ногой как предлогом попросить о летающем кресле. Лилли пообещала, что ее стимулянты дадут ему шесть часов сознания, а потом придут нейрорэкетиры и потребуют платить по счетам. Он только хотел бы продержаться, пока не окажется на катере Службы безопасности.

«Ох, братишка. Увези меня домой».

В лифтовой шахте послышались голоса. Появился Майлз, тащивший за собой какую-то Дюрону. Он был худ, как скелет, и казался мертвенно-бледным в дюроновском трикотажном костюме. Можно подумать, их физическое состояние представляет собой единое целое. Если бы он мог каким-то волшебством передать Майлзу те килограммы, которые ему навязал за последнюю неделю Риоваль, оба выглядели бы гораздо лучше. Но если он и дальше будет толстеть, то не истает ли Майлз полностью? Пугающая картина.

«Это просто лекарства, парень, лекарства».

— А, хорошо, — проговорил Майлз. — Элен сказала, что ты еще здесь. — С видом фокусника, успешно выполнившего особенно сложный трюк, он заставил женщину сделать шаг вперед. — Узнаешь?

— Это — Дюрона, Майлз, — отозвался Марк мягко, но устало. — Они будут мне сниться по ночам. — Он помолчал. — Это был вопрос с зацепкой? — И тут же выпрямился в кресле, пораженный узнаванием. Клонов все-таки можно различить. — Это она!

— Вот именно, — радостно улыбнулся Майлз. — Мы тайком утащили ее у бхарапутрян. Она летит на Эскобар с сестрами.

— А! — Марк снова откинулся на спинку кресла. — А! О! Прекрасно. — Он неуверенно потер лоб. «Забирай свое очко, Васа Луиджи!» — А я не думал, что тебя интересует освобождение клонов, Майлз.

Майлз поежился:

— Ты меня заразил.

А! Он не хотел упоминать о Риовале. Ясно: Майлз притащил сюда эту девочку, пытаясь немного ободрить Марка. И может, сам Майлз не осознал, но Марк это видел ясно: тут присутствовал и элемент соперничества. Впервые в жизни Майлз ощутил за спиной горячее дыхание брата-конкурента.

«Тебе неловко? Ха! Привыкай, братик. Я с этим жил двадцать два года».

Майлз говорил о Марке «мой брат» точно тем же тоном, каким сказал бы «мои ботинки» или, например,

«моя лошадь». Или — ну, не будем несправедливы — «мой ребенок». С неким самодовольством собственника. Майлз не ожидал встретить равного. И Марк вдруг понял, что у него появилось чудесное новое хобби, которое займет его на много лет.

«Господи, ну и удовольствие — быть твоим братом».

— Да, — благодушно заметил Марк, — ты тоже можешь. Я так и знал, что, если ты постараешься, у тебя получится. — Он рассмеялся, но, к его ужасу, смех перешел в рыдание. Пришлось проглотить и то, и другое. Сейчас он не должен смеяться. Он слишком плохо владеет собой. — Я очень рад, — произнес он как можно нейтральнее.

Майлз, от которого не укрылась вся эта сцена, кивнул и столь же нейтрально сказал:

— Хорошо.

«Спасибо тебе, братишка».

Майлзу прекрасно известно, что значит балансировать на самом краю.

Оба посмотрели на юную Дюрону. Она неловко шевельнулась, придавленная весом такого двойного ожидания. Встряхнув волосами, она постаралась подыскать подходящие слова.

— Когда я тебя в первый раз увидела, — сказала она Марку, — ты мне не очень-то понравился.

«Когда ты меня в первый раз увидела, я сам себе тоже не очень нравился».

— Да? — подбодрил Марк.

— Я все равно считаю, что у тебя странный вид. Даже более странный, чем у другого. — Она кивнула на Майлза, который невозмутимо ей улыбнулся. — Но... но...

Слов она явно не нашла и робко, словно дикая птичка, впервые прилетевшая к кормушке, подошла поближе, наклонилась и поцеловала его в распухшую щеку. И, как птичка, упорхнула.

— Гм-м... — сказал Майлз, глядя, как она исчезает в лифтовой шахте. — Я рассчитывал на более восторженное проявление благодарности.

— Привыкнешь, — добродушно отозвался Марк. Он прикоснулся к своей щеке и улыбнулся.

— Если ты считаешь, что это неблагодарность, попробуй поговорить со Службой безопасности, — мрачно посоветовал Майлз. — Сколько оборудования вы потеряли?!

Марк только приподнял бровь:

— Цитируешь Иллиана?

— А ты с ним встречался?

— О, да.

— Жаль, меня при этом не было.

— И мне тоже жаль, что тебя при этом не было, — вполне искренне подтвердил Марк. — Он был... язвительный.

— Еще бы. У него это получается чуть ли не лучше всех, если не считать моей матери, когда она выходит из себя, что, благодарение Господу, случается нечасто.

— Тебе бы посмотреть тогда, как она его уничтожила, — сказал Марк. — Борьба титанов. Думаю, ты получил бы удовольствие. Я получил.

— О? Похоже, нам надо о многом поговорить...

И Марк впервые понял, что это действительно так. У него поднялось настроение. К несчастью, по лифтовой шахте поднялся кто-то еще. Человек в зеленой ливрее дома Фелл заглянул через хромированные перила, увидел его и неуверенно козырнул.

— У меня послание к человеку по имени Марк, — объявил он.

— Марк — это я.

Курьер подошел к нему, сканировал лицо, открыл плоский чемоданчик, прикрепленный к запястью, и вручил ненадписанный конверт.

— Барон Фелл вас приветствует, сэр, и надеется, что это ускорит ваш отлет.

Кредитная карточка. Ага! И с нею весьма толстый намек.

— Я приветствую барона Фелла и... и... Что мы хотим сказать барону Феллу, Майлз?

— Я, наверное, ограничился бы просто «спасибо», — посоветовал Майлз. — По крайней мере пока мы не окажемся далеко-далеко отсюда.

— Передайте ему спасибо, — сказал Марк курьеру, который кивнул и удалился тем же путем, каким пришел. Марк взглянул на комм-пульт Лилли в углу комнаты. Ужасно далеко. Он ткнул пальцем. — Ты не мог бы... э-э... подать мне дистанционный считыватель от того комма, Майлз?

— Конечно.

— Предсказываю, — сказал Марк, помахивая кредитной карточкой, — что меня серьезно надуют, но не настолько сильно, чтобы я рискнул возвратиться к Феллу и начать с ним ругаться. — Он вставил карточку в отверстие считывателя и улыбнулся. — Точно!

— Сколько? — поинтересовался Майлз, вытягивая шею.

— Ну, это довольно нескромный вопрос, — отозвался Марк.

Майлз виновато втянул голову в плечи.

— Давай меняться. Ты спал со своей Дюроной-врачом?

Майлз закусил губу: в нем явно боролись джентльменство и любопытство. Марк с интересом ждал, что победит. Он ставил на любопытство. Майлз сделал глубокий вдох и наконец сказал:

— Да.

«Так я и думал». Марк решил, что их удача делится пополам: Майлзу — везение, а ему — все остальное. Но не на этот раз.

— Два миллиона.

Майлз присвистнул:

— Два миллиона имперских марок? Внушительно!

— Нет-нет. Два миллиона бетанских долларов. Сколько это будет? Около восьми миллионов марок, кажется? Или

ближе к десяти... Наверное, зависит от обменного курса. В общем, совсем не десятая часть стоимости дома Риоваль. Ближе к двум процентам, — вслух подсчитывал Марк. И получил редкое удовольствие увидеть, как Майлз Форкосиган лишился дара речи.

— И что ты собираешься делать с такими деньгами? — прошептал Майлз примерно через минуту.

— Инвестировать, — яростно ответил Марк. — Ведь у Барраяра быстро развивается экономика, правда? — Он помолчал. — Но, наверное, сначала я кину миллион Службе безопасности за их услуги в течение последних четырех месяцев.

— Но Службе безопасности никто денег не дает!

— А почему? Посмотри, к примеру, на свои операции. Разве деятельность наемников не должна приносить прибыль? Дендарийский флот мог бы стать для СБ настоящей дойной коровой, если управлять им как следует.

— Их прибыль заключается в политических последствиях, — твердо ответил Майлз. — Хотя... если ты действительно собираешься это сделать, я бы хотел при этом присутствовать. Посмотреть, какой вид будет у Иллиана.

— Если будешь паинькой, разрешу пойти со мной. Да, я действительно это сделаю. Есть долги, которые я не в состоянии оплатить. — Он вспомнил о Филиппи и остальных. — За это я собираюсь расплатиться по остальным счетам. Но можешь не сомневаться, остальные деньги я оставлю себе. Лет за шесть я их удвою, так что получу то, с чего начал. Или даже больше. Если я правильно понимаю эту игру, то легче превратить миллион в два, чем одну марку в две. Я изучу этот вопрос.

Майлз зачарованно смотрел на него:

— Не сомневаюсь.

— Ты хоть представляешь себе, с какой безнадежностью я начинал этот налет? И с каким страхом? Я намерен приобрести ценность, которую больше никто никогда не сможет игнорировать — пусть даже она будет иметь чисто денежное выражение. Деньги — это такая власть, которую может иметь почти что любой. Не нужно даже, чтобы твоя фамилия начиналась с «Фор». — Он чуть улыбнулся. — Может, через какое-то время заведу себе квартирку. Как Айвен. В конце концов было бы странно, если бы я продолжал жить с родителями в возрасте, скажем, двадцати восьми лет.

И, наверное, на сегодня дразнить Майлза хватит. Майлз доказал, что готов отдать жизнь за своего брата, но у него есть заметная тенденция превращать окружающих в продолжение собственной личности.

«Я тебе не придаток, а брат».

Да. Марк был в достаточной степени уверен, что теперь оба об этом не забудут. Он ссутулился в кресле, смертельно усталый, но счастливый.

— Знаешь, — проговорил Майлз, все еще не придя в себя от изумления, — ты — первый Форкосиган за пять поколений, которому удалось получить прибыль в деловой операции. Добро пожаловать в семейство.

Марк кивнул. Некоторое время оба молчали.

— Это не решение вопроса, — вздохнул Марк, кивком указывая на клинику Дюроны и вместе с тем — на весь Архипелаг Джексона, — такое спасение клонов кусочками. Даже если бы я взорвал все комплексы Васа Луиджи, кто-то другой продолжил бы дело дома Бхарапутра.

— Да, — согласился Майлз. — Настоящий ответ должен быть медико-техническим. Кто-то должен найти более надежный и безболезненный способ продления жизни. И я уверен, что кто-то это сделает. Наверняка над этим работает множество людей во множестве мест. Пересадка мозга — слишком рискованный способ, чтобы выдержать конкуренцию. Ей должен прийти конец — и достаточно скоро.

— У меня... нет способностей в медико-технической области, — сказал Марк. — А тем временем убийства продолжаются. Мне надо будет еще раз попытаться решить эту проблему. Как-нибудь.

— Не сегодня, — решительно заявил Майлз.

— Да. — В окно Марк увидел, как на площадку перед клиникой опускается катер. Для дендарийцев слишком рано. Он кивнул: — Это случайно не за нами?

— Наверное. — Майлз подошел к окну и посмотрел на улицу. — Да.

А потом больше не было времени. Пока Майлз ходил проверять катер, Марк призвал с полдюжины Дюрон, чтобы те вытащили его негнущееся, скрючившееся, наполовину парализованное тело из кресла Лилли и уложили на антигравитационную платформу. Нераспрямляющиеся пальцы неудержимо дрожали, так что Лилли, поджав губы, сделала ему еще одну инъекцию. Марка вполне устраивала возможность передвигаться в горизонтальном положении. Сломанная нога давала общественно приемлемый повод не ходить. Вид у него с поднятой на подушки ногой в пластповязке был убедительно больной, так что можно без труда убедить членов экипажа корабля СБ уложить его прямо в постель.

Впервые в жизни Марк возвращался домой.

ГЛАВА 31

У входа в библиотеку резиденции Форкосиганов Майлз смотрелся в старинное зеркало — то, которое принесла в приданое мать графа Петера. Раму богато украсил резьбой

какой-то служитель дома Форратьеров. Майлз был один. Подойдя поближе, он с беспокойством всмотрелся в свое отражение.

Алый китель дворцового мундира и раньше слишком подчеркивал его бледность. Расшитый золотом высокий воротник был, увы, недостаточно высок, чтобы скрыть два красных шрама на шее. Со временем шрамы побледнеют и станут менее заметны, но пока... Интересно, как лучше объяснить их появление?

«Получил на дуэли. Которую проиграл». Или, может, «укусила любовница?». Это уже ближе к истине. Майлз провел по рубцам кончиком пальца, поворачивая голову то так, то этак.

Ну, все знают, что у него проблемы со здоровьем, а шрамы такие аккуратные. Их запросто можно принять за хирургические. Может, никто ничего и не спросит. Он отошел подальше, чтобы осмотреть себя. Несмотря на героические попытки матери заставить его есть побольше, мундир по-прежнему на нем висел. Графиня даже обратилась за помощью к Марку. Марк, ухмыльнувшись, принялся безжалостно дразнить Майлза. И, сказать по правде, его тактика принесла успех. Майлз действительно чувствовал себя лучше. Окреп.

Бал в честь Зимнепраздника был несколько менее официальным, не связанным ни с военными, ни с правительственными обязанностями, так что двойные мундирные клинки можно оставить дома. Айвен свои, конечно, нацепит, но на то он и Айвен. А при росте Майлза шпага просто-напросто волочится по земле. Не говоря уже о том, что о нее вечно спотыкаешься или ударяешь ею во время танцев партнершу по лодыжкам.

Под аркой раздались шаги. Майлз быстро присел на подлокотник кресла, делая вид, что это не он только что занимался самолюбованием.

— А, вот и ты. — Марк задержался у зеркала и повернулся, проверяя, как сидит костюм. Костюм сидел превосходно. Марк узнал имя императорского портного — тайну, которую хранила Служба безопасности, — просто позвонив Грегору и спросив его. Пиджак и брюки прямого покроя были вызывающе гражданскими, но Марк выглядел в этом наряде удивительно подтянутым. Цвета отдавали дань традиции Зимнепраздника: зеленый, настолько темный, что казался почти черным, с красной отделкой — настолько темной, что казалась почти черной. Эффект одновременно праздничный и мрачный: такая маленькая добродушная бомба.

Майлз вспомнил кошмарный момент во флайере Вербены, когда он на время уверился, что он — Марк. Как страшно оказаться Марком — совсем одиноким. Майлз вздрогнул.

«Неужели он так все время себя чувствует? Ну теперь, пожалуй, нет».

— Выглядит недурно, — заметил Майлз.

— Угу, — ухмыльнулся Марк. — Ты тоже весьма недурен. Меньше походишь на труп.

— И ты постепенно приходишь в норму. Медленно.

Большинство пугающих уродств — отражение тех ужасов, через которые Марк прошел у Риоваля и о которых он упорно отказывался говорить — исчезло.

— Какой вес ты в конце концов изберешь? — поинтересовался Майлз.

— Такой, как сейчас. Стал бы я иначе вкладывать целое состояние в одежду?

— Э-э... и тебе удобно?

Марк сверкнул глазами.

— Да, спасибо. И мысль о том, что даже одноглазый снайпер на расстоянии двух километров в грозу ночью не сможет нас с тобой перепутать, меня очень успокаивает.

— А. Да. Наверное, в этом что-то есть.

— Упражняйся, — сердечно посоветовал Марк. — Тебе это полезно.

Сам Марк уселся, положив ноги на удобный столик.

— Марк? — позвала графиня. — Майлз?

— Мы здесь, — крикнул Майлз.

— А, — сказала она, стремительно входя, — вот и вы. — И улыбнулась им с материнским торжеством.

Вид у Корделии был ужасно довольный. Майлзу вдруг стало так тепло, словно наконец отошли остатки криозаморозки. На графине было новое платье: зеленое с серебром, с защипами, рюшами и шлейфом. Но даже в таком наряде она не казалась чопорной. Глаза ее сверкали ярче серебряного шитья.

— Отец уже ждет нас? — спросил Майлз.

— Сейчас спустится. Я настаиваю, чтобы мы уехали ровно в полночь. Вы с Марком, конечно, можете задержаться. Я не сомневаюсь, что он переутомится, пытаясь доказать этим старым шакалам, что его рано списывать со счетов. Привычка. Постарайся привлечь его внимание к Округу, Майлз. Бедный премьер-министр Ракоци с ума сойдет, если Эйрел будет все время стоять у него над душой. Надо нам после Зимнепраздника переехать в Хассадар.

Майлз, который прекрасно знал, что такое восстановление после пересадки сердца, успокоил ее:

— Думаю, тебе удастся его убедить.

— Пожалуйста, помоги. Я знаю, что тебя он не проведет. И он это знает. Кстати, как ты думаешь, чего мне ожидать сегодня?

— Он потанцует два танца: один, чтобы доказать, что может, а второй, чтобы доказать, что первый не случайность. А потом тебе будет очень легко уговорить его сесть, — уверенно сказал Майлз. — Играй роль клуши, и он притворится, будто сел, чтобы успокоить тебя, а не потому, что вот-

вот упадет. Поездка в Хассадар кажется мне очень удачным планом.

— Да. На Барраяре пока плохо знают, что делать с сильными личностями, вышедшими в отставку. Традиционно им хватает порядочности умереть, а не задерживаться и комментировать деятельность своих преемников. Эйрел тут чуть ли не первый. Хотя у Грегора появилась просто чудовищная мысль.

— Да?

— Он говорит что-то невнятное о вице-королевстве на Зергияре, когда Эйрел окончательно поправится. Нынешний вице-король слезно просится домой. Не могу представить себе работу более неблагодарную, чем правитель колонии. Честного человека могут стереть в порошок: сверху давит правительство, снизу — колонисты. Если ты придумаешь, как убедить Грегора отказаться от этой затеи, я буду очень рада.

— Ну, не знаю, — задумчиво протянул Майлз. — Это ж прекрасное хобби для отставного политика. Играть с целой планетой. Зергияр. Разве это не ты ее открыла, когда была в Бетанской астроэкспедиции?

— Конечно. Если бы нас не опередили барраярские военные, Зергияр был бы сейчас бетанской колонией и управлялся бы гораздо лучше, можешь мне поверить. Надо, чтобы кто-то этим занялся. Одни только экологические проблемы настоятельно требуют разумного подхода. Возьми, к примеру, то нашествие червей. Немного бетанского благоразумия, и... Да. Но, кажется, они с этим в конце концов справились.

Майлз с Марком переглянулись. Телепатической связи между ними не было, но им одновременно пришла в голову мысль, что Эйрел Форкосиган не единственный стареющий, но полный энергии политик, которого Грегор был бы рад выдворить из столицы.

Марк нахмурил брови:

— И когда это может произойти, сударыня?

— О, не раньше, чем через год.

Марк заметно просветлел.

Телохранитель Пим просунул голову в арку.

— Готовы, миледи, — доложил он.

Они вышли в вымощенный черными и белыми плитками холл. Граф уже ждал, стоя у лестницы. За время болезни Форкосиган тоже похудел, но от этого выглядел только более подтянутым. В красно-синем мундире со шпагой он держался естественно непринужденно. Через три часа скиснет, подумал Майлз, но к тому времени успеет произвести на окружающих достойное впечатление. Особенно если учесть, что это его первый выход в свет. Цвет лица у Эйрела был превосходный, глаза смотрели все так же проницательно. Но в волосах появи-

лось слишком много седины. А так, глядя на графа, можно было подумать, что он собирается жить вечно.

Только вот Майлз больше так не думал. Задним числом болезнь отца здорово его испугала. Что отец рано или поздно умрет, возможно, раньше, чем он, — это в порядке вещей, но что Майлза может не оказаться рядом — это куда страшнее.

Поскольку оба были в мундирах, сын-лейтенант отдал честь папе-адмиралу с обычной легкой иронией, которая окрашивала их военные приветствия. Майлзу гораздо больше хотелось бы обнять отца, но это будет странно выглядеть.

«К черту, пусть выглядит как угодно». И Майлз все-таки обнял отца.

— Эй, парень, эй, — проговорил удивленный, но растроганный граф. — Все не так уж и плохо, правда. — Он обнял Майлза. А потом отступил на шаг, глядя на жену и — теперь уже двух — сыновей. Самодовольно улыбаясь, граф простер руки, словно обнимая их всех, мимолетно и почти смущенно. — Ну, так Форкосиганы готовы брать штурмом бал в честь Зимнепраздника? Милая капитан, предсказываю, что тебе начнут сдаваться в плен толпами. Как нога, Марк?

Марк выставил вперед правый ботинок и покрутил носком.

— Может быть отдавлена любой фор-девицей весом до ста кило, сэр. Там внутри стальная прокладка, — вполголоса признался он Майлзу. — Рисковать не собираюсь.

Графиня взяла мужа под руку:

— Веди нас, милый. Форкосиганы Победительные.

«Форкосиганы Выздоравливающие было бы точнее», — подумал Майлз, идя следом за ними.

Майлз не слишком удивился, когда первым, кого встретили Форкосиганы, войдя в императорский дворец, оказался Саймон Иллиан. Иллиан был одет как всегда в таких случаях: парадный мундир, а под мундиром — множество коммов.

— А, он сегодня тут, — пробормотал граф, увидев шефа Службы безопасности на другой стороне вестибюля. — Значит, крупных заварух нигде нет. Прекрасно.

Они отдали засыпанные снегом накидки дворцовой прислуге. Майлз дрожал. Последнее приключение испортило ему все расписание. Обычно ему всегда удавалось найти какое-нибудь задание, чтобы улететь из столицы зимой. Иллиан кивнул и подошел к ним.

— Добрый вечер, Саймон, — поздоровался граф.

— Добрый вечер, сэр. Пока все тихо и спокойно.

— Очень мило. — Граф сдержанно улыбнулся, приподнимая бровь. — Уверен, что премьер-министр Ракоци будет рад это слышать.

Иллиан открыл рот — и снова закрыл.

— Привычка, — смущенно пробормотал он, глядя на графа почти обиженно. Словно он мог общаться со своим командующим только по делу, а адмирал граф Форкосиган больше докладов не принимает. — Это так странно, — признался он.

— Привыкнешь, Саймон, — заверила его графиня.

Она решительно увела мужа от Иллиана. Граф махнул ему рукой, словно присоединяясь к словам графини. Тогда Иллиан перевел взгляд на Майлза с Марком и хмыкнул что-то невнятное, как человек, который только что убедился в том, что ему подсунули старую клячу.

Майлз выпрямился. Медики СБ разрешили ему через два месяца вернуться к исполнению служебных обязанностей, но после прохождения комиссии. Он не стал посвящать врачей в свои проблемы, связанные с конвульсиями. Может, первый приступ был результатом его своеобразной реакции на суперпентотал. Конечно! А второй и третий — последствия приема каких-то медикаментов. А с тех пор приступы вообще не повторялись. Майлз нерешительно улыбнулся, пытаясь казаться пышущим здоровьем. Но Иллиан, глядя на него, только покачал головой.

— Добрый вечер, сэр, — поздоровался с Иллианом Марк. — Служба безопасности успела доставить мой подарок клонам к Зимнепразднику?

Иллиан кивнул:

— Пятьсот марок каждому, в отдельном конверте и вовремя. Да, милорд.

— Прекрасно.

Марк улыбнулся своей характерной улыбкой, которая заставляла окружающих ломать голову, о чем же он думает на самом деле. Клоны были предлогом, под которым Марк, как и обещал, вручил Иллиану миллион бетанских марок. Эти деньги положили на специальный счет для обеспечения клонов, и среди прочего именно на них оплачивалась закрытая школа. Иллиан был настолько поражен, что на минуту превратился в настоящего робота — Майлз смотрел на него как зачарованный. К тому моменту, как клоны закончат обучение, от этого миллиона практически ничего не останется, прикинул Марк. Но подарки к Зимнепразднику были от него лично и оплачивались отдельно.

Марк не спросил, как клоны приняли подарок, а просто отошел с вежливым кивком, словно Иллиан был клерком, с которым он только что закончил обсуждать какое-то пустяковое дело. Майлз, козырнув, догнал брата. Марк пытался спрятать довольную ухмылку.

— Все это время, — тихо признался он Майлзу, — я переживал из-за того, что ни разу не получал подарка. И мне даже в голову не приходило переживать из-за того, что я никогда никому ничего не дарил. Знаешь, Зимнепраздник —

удивительный день. — Он вздохнул. — Жаль, что я недостаточно хорошо знаю этих клонов, чтобы выбрать подарок каждому. Но так по крайней мере они могут купить то, что хотят. Словно даришь им два подарка вместо одного. Но как вы дарите что-нибудь, например, Грегору?

— Мы обращаемся к традициям. Двести литров кленового сиропа с Дендарийских гор ежегодно поставляются к его столу. Вот и все дела. Но если ты считаешь, что трудно придумать подарок для Грегора, подумай о нашем отце. Это все равно что пытаться выбрать подарок самому Деду Морозу.

— Да. Я уже ломал над этим голову.

— Иногда ответный подарок сделать просто невозможно. Надо просто дарить дальше. Ты... э-э... подписал те кредитные карточки для клонов?

— В некотором роде. Честно говоря, я подписался «Дед Мороз». — Марк откашлялся. — Кажется, в этом смысл Зимнепраздника. Научить... дарить дальше. Дед Мороз — это уже последняя инстанция, правда?

— Наверное.

— Я начинаю это понимать, — решительно кивнул Марк.

Они вместе поднялись в зал приемов и взяли по бокалу. Майлз, улыбнувшись про себя, заметил, что они привлекают к себе немалое внимание — весь цвет форов, собравшийся здесь, исподтишка бросал на них взгляды.

«Ах, Барраяр, ну и удивим же мы тебя!»

«Меня он точно удивил».

Весело иметь такого брата, как Марк. Наконец-то у него появился союзник!.. Интересно, удастся ли Майлзу заставить его полюбить Барраяр так же сильно, как любит он сам? Эта мысль немного испугала его. Лучше не любить Барраяр слишком сильно. Барраяр смертельно опасен, если относиться к нему, как к любовнице. Но... риск всегда привлекает. И риска хватит на всех, никакого искусственного дефицита.

Но Майлзу надо быть осторожным, а то Марк еще подумает, будто он на него давит. А у Марка аллергия на принуждение, что, конечно, вполне понятно, но зато быть его наставником — дело тонкое.

«Не перестарайся, старший братец. Ты ведь теперь вполне заменим». Он провел ладонью по яркой ткани кителя, с леденящей ясностью понимая, что значит «заменим». Но ведь для учителя поражение, нанесенное учеником, — это высшая победа. «Замечательный парадокс. Как ни поверни, я в выигрыше».

Майлз ухмыльнулся: «Ага, Марк. Догони, если сможешь. Если сможешь».

— О, — Марк кивнул мужчине в винно-красном мундире форского дома, — это, кажется, лорд Форсмит, промышленник?

— Да.

— Я был бы счастлив поговорить с ним. Ты с ним знаком? Можешь меня представить?

— Конечно. Собираешься сделать новые инвестиции?

— Да. Я решил, что их надо разнообразить. Две трети вложений — в барраярскую экономику, одна — в галактическую.

— Галактическую?!

— Я вкладываю деньги в эскобарскую медицинскую технологию.

— Лилли?

— Угу. Ей нужен начальный капитал. Я буду пассивным компаньоном. — Марк замялся. — Решение ведь будет медицинским. И... хочешь поспорить, что она будет давать доход?

— Не-а. Честно говоря, я вообще не стал бы ставить против тебя.

Марк улыбнулся самой язвительной своей улыбкой:

— Хорошо. Ты тоже учишься.

Майлз подвел брата к Форсмиту и с самым официальным видом представил его. Форсмит был счастлив найти человека, который готов на балу говорить о работе, и выражение неизбывной скуки, застывшее на его лице, мгновенно исчезло при первом же вопросе Марка.

Махнув рукой, Майлз выпустил Марка на свободу. Форсмит вовсю жестикулировал, Марк слушал так внимательно, будто в голове у него жужжало записывающее устройство. Майлз решил им не мешать. Увидев на другой стороне зала Делию Куделка, он направился к ней, чтобы получить танец попозже и заодно перебежать дорогу Айвену. Если повезет, можно попробовать на ней эту фразочку насчет дуэльных шрамов.

ГЛАВА 32

После захватывающе интересного разговора о наиболее быстро развивающихся отраслях барраярской экономики лорда Форсмита затребовала жена. Он весьма неохотно расстался с Марком, пообещав прислать проспекты. Марк осмотрелся в поисках брата. «Граф не единственный Форкосиган, который готов переутомиться, пытаясь доказать присутствующим, что совершенно здоров», — напомнил себе Марк.

Марк поневоле стал поверенным брата в тех вопросах, которые тому не хотелось обсуждать со своими начальниками из Службы безопасности. Они пересматривали материалы, начиная с воинских уставов и кончая пятимерной геометрией. Марк всего один раз позволил себе пошутить, а потом понял, насколько глубокий ужас движет нескончаемыми провер-

ками Майлза. Особенно когда им действительно удавалось отыскать в его памяти очередной провал. Марка сильно беспокоила неуверенность, пожалуй, даже отчаянная робость, появившаяся у старшего брата. Он очень надеялся, что рано или поздно к Майлзу вернется свойственная ему отвратительная самоуверенность. Опять эта странная взаимодополняемость: Майлзу хочется о чем-то вспомнить, а ему, Марку, хочется забыть. А он не может.

Придется заставить Майлза побольше водить его повсюду. Майлзу нравится выступать в качестве эксперта — это автоматически ставит его в то положение, к которому он так пристрастился. Ага, пусть немного раздует свое в высшей степени объемистое «эго». Теперь-то Марк может ему это позволить. Он подразнит брата когда-нибудь в другой раз, когда тот снова будет в форме. Тогда это будет честно.

В конце концов, забравшись на стул и вытянув шею, Марк разглядел брата: тот как раз выходил из зала в обществе блондинки в синем бархате — Делия Куделка, самая высокая сестра Карин.

«Они здесь. Боже!»

Соскочив со своего постамента, он поспешил на поиски графини.

Отыскать ее удалось в гостиной третьего этажа: графиня беседовала с какими-то женщинами своих лет — видимо, с приятельницами. Заметив явно взволнованного сына, она, извинившись, уединилась с ним в нише коридора.

— У тебя какая-то проблема, Марк? — спросила графиня, расправляя юбку на низенькой банкетке. Он осторожно присел с краю.

— Не знаю. Куделки приехали. Я еще на Дне рождения императора обещал Карин танец, если успею вернуться. И... попросил ее поговорить с тобой. Обо мне. Она говорила?

— Да.

— Что ты ей сказала?

— Ну, это был длинный разговор... Но главное — я считаю тебя умным молодым человеком, которому пришлось пережить немало неприятностей, но если нам удастся уговорить тебя разумно избавиться от проблем, то я поддержу твое сватовство.

— Бетанская терапия?

— Что-нибудь в этом роде.

— Я думал о бетанской терапии. Немало. Но опасаюсь, как бы записи моего врача не попали в руки аналитиков Службы безопасности. Не хочу, чтобы из меня делали клоуна.

— Наверное, я могла бы это обеспечить.

— Правда? — Он поднял глаза. — Даже если ты сама тоже не увидишь этих записей?

 — Да.

— Мне... очень бы этого хотелось, сударыня.

— Считай, что я обещала. Слово Форкосигана.

Графиня — «приемный» Форкосиган, даже в большей степени, чем сам Марк. Но в ее слове он не сомневался.

«Мама, с тобой все кажется возможным».

— Я не знаю, что именно ты рассказала Карин...

— Почти ничего. Ей же всего восемнадцать. Я решила, что более... э... продвинутые вещи подождут. Ей ведь сначала надо закончить учебу, а уж потом думать о долгосрочных отношениях, — напомнила графиня.

— О. Да. — Он даже не знал, что это — облегчение или разочарование. — Ну, это все устарело. Я успел приобрести... новый набор проблем. Гораздо более серьезных.

— Я этого не чувствую, Марк. После возвращения с Архипелага Джексона ты мне кажешься гораздо более спокойным и уравновешенным. Хоть и не рассказываешь, что там происходило.

— Я не жалею о том, что познал себя, сударыня. И даже о том... что я — это я. — «Я и черная команда». — Но я очень жалею... что так далек от Карин. По-моему, я просто чудовище. А в пьесе Калибан не женится на дочери Просперо. Если память мне не изменяет, его там вообще затоптали.

Да, как объяснить, кто такие Обжора, Пыхтун, Рева и Убийца такой девушке, как Карин? Безнадежно. Лучше и не пытаться.

Графиня улыбнулась:

— Твоя аналогия неверна сразу в нескольких отношениях, Марк. Во-первых я могу гарантировать, что ты не недочеловек, что бы ты сам ни думал. А Карин не сверхчеловек. Хоть ты и настаиваешь на том, чтобы рассматривать ее как награду, а не как личность. Могу также гарантировать, что ты обязательно устроишь себе неприятности другого рода. В качестве условия для моего благословения я высказала предложение, чтобы Карин во время обучения на Колонии Бета прошла дополнительный курс. Немного бетанского образования в сфере интимного, на мой взгляд, будет способствовать тому, чтобы она стала мыслить достаточно широко, и тогда она признает некоторые... гм... сложности, не подавившись. Свободомыслие, какого восемнадцатилетней девушке на Барраяре приобрести негде.

— О! — Такая мысль ему даже в голову не приходила — посмотреть на проблему с точки зрения Карин. Это было... так разумно. — Я... подумывал, не пойти ли мне самому на следующий год учиться в колледж на Колонии Бета. Галактическое образование будет хорошо смотреться в моем резюме. И тогда мне проще будет получить здесь такую работу, какую... э... хотелось бы.

Графиня озадаченно склонила голову набок:

— Хорошо. Кажется, у тебя есть какие-то далеко идущие планы. Осталось только осуществить их. Одобряю.

— Далеко идущие... Но... сегодня — это сегодня.

— И что ты планируешь делать сегодня, Марк?

— Танцевать с Карин.

— Не вижу никаких сложностей. Танцевать тебе разрешено. Кем бы ты ни был. Это же не пьеса, Марк, и у старого Просперо много дочерей. А у одной, может, даже есть низменная склонность к странноватым типам.

— Насколько низменная?

— О... — Графиня подняла руку примерно на уровень макушки Марка. — По крайней мере настолько. Иди потанцуй с девушкой, Марк. Она считает, что ты интересный. Природа-мать взамен осмотрительности дает молодым людям романтизм. Это уловка — благодаря ей мы растем.

Марк пошел через весь зал к Карин Куделке.

Ему показалось, что еще никогда ничего не требовало от него такой решимости — даже спуск дендарийского боевого катера на Архипелаг Джексона.

— Лорд Марк! — радостно воскликнула Карин. — Мне сказали, что вы здесь.

«Вы спрашивали?»

— Я пришел, чтобы сдержать слово и получить обещанный танец, миледи.

Ему удалось изобразить форский поклон.

— Прекрасно! Давно пора. Я оставила все танцы отражений и кадрили.

— На прошлой неделе я попросил Майлза обучить меня фигурам менуэта, — с надеждой добавил Марк.

— Великолепно. Ах, музыка начинается!

И Карин вытащила его на середину зала.

На ней было воздушное темно-зеленое платье с красной отделкой, великолепно оттенявшее светлые кудри. «Она что, специально выбрала такие же цвета, как у меня? Нет, скорее совпадение. Хотя... Мой портной — моя мать — ее мать — она. Черт, любой аналитик безопасности может легко проследить движение этих данных».

Они танцевали танец отражений.

— Так, Карин. Вы — девушка. Я... э-э... спорил с Айвеном. Как по-вашему, что в мужчине самое привлекательное? Флайер, богатство... знатность?

Он надеялся, что говорит совершенно объективно — это чисто научный интерес. «Ничего личного, сударыня».

Она поджала губы и после некоторого размышления ответила:

— Острый ум.

«Ага. И в каком магазине ты купишь это на свои бетанские доллары, приятель?»

— Танец отражений, моя очередь, — сказала Карин. — А что самое привлекательное в женщине?

— Доверие, — ответил он не колеблясь, а потом так задумался, что чуть не сбился с ритма. Да уж, ему понадобятся просто горы доверия.

«Так начинай насыпать их сегодня же, Марк, старина. Хоть по корзинке».

После этого ему удалось четыре раза рассмешить ее. Он специально считал.

Марк слишком много съел, слишком много выпил, слишком много говорил и слишком много танцевал — и вообще чертовски хорошо провел время. Танцы оказались некоторой неожиданностью. Карин неохотно передала его нескольким любопытствующим подружкам. Он решил, что интересует их, как нечто новое, но не стал привередничать. К двум часам ночи Марк настолько перевозбудился, что чуть не начал заговариваться. И снова стал хромать. Пора домой. Да и Майлз уже час тихо сидит в углу с нетипично грустным видом.

По первому же требованию им вызвали лимузин графа, который вел все тот же верный Пим. Граф с графиней уехали часа два назад. Майлз с Марком сели сзади, оба бессильно обмяк-нув. Пим выехал за дворцовые ворота и повел машину по тихим ночным улицам столицы. Транспорта почти не было. Майлз на полную мощность включил обогрев и, прикрыв глаза, откинулся на спинку сиденья.

Марк с братом были в пассажирском салоне одни. Нет, не одни. Марк посчитал присутствующих: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Лорд Майлз Форкосиган и адмирал Нейсмит. Лорд Марк Форкосиган и Обжора, Пыхтун, Рева и Убийца.

С тайным вздохом зависти Марк решил, что адмирал Нейсмит куда более классное творение. Майлз может брать адмирала в гости, знакомить с женщинами, показывать на людях где угодно, кроме Барраяра.

«Надо полагать, моя Черная Команда не добрала по части светского лоска».

— Я извинялся за то, что из-за меня тебя убили? — спросил Марк.

— Не помню. Это не только твоя вина. Я не имел права возглавлять налет на медкомплекс. Следовало бы согласиться на предложение Васа Луиджи о выкупе. Только...

— Только что?

— Он не соглашался продать тебя. Подозреваю, он уже тогда метил на большую сумму, которую предлагал Риоваль.

— Спасибо.

— Я не уверен, что это что-то изменило, — виновато проговорил Майлз. — Ведь Риоваль снова попробовал.

— О нет. В конце концов очень изменило. Изменило все на свете.

Майлз в темноте улыбнулся. За окном мелькали дома Форбарр-Султана.

— Что мы делаем завтра? — спросил Марк.

— Отсыпаемся, — пробормотал Майлз.

— А потом?

— Праздники кончаются через три дня, с кострами Зимнепраздника. Если мои... наши родители действительно уезжают в Округ, то, наверное, я буду жить то тут, то там, пока СБ не разрешит мне вернуться к работе. В Хассадаре в это время года немного теплее, чем в Форбарр-Султане. О... я буду рад, если ты поедешь со мной. Если захочешь.

— Спасибо. Я согласен.

— Что ты намерен делать?

— Когда твой отпуск по болезни кончится, я, наверное, поступлю в один из ваших колледжей.

— Какой именно?

— Если граф с графиней будут главным образом жить в Хассадаре, то, наверное, в Окружной колледж.

— Гм-м... Должен тебя предупредить, что там народ несколько более... неотесанный, чем в столице. Ты столкнешься со старомодными барраярскими взглядами.

— Хорошо. Именно это мне и надо. Я должен научиться принимать такие нападки, не убивая никого.

— Э-э... верно, — согласился Майлз. — А что ты будешь изучать?

— Не имеет значения. Просто я получу официальный статус студента и возможность изучать людей. Данные мне может выдать и машина. Но что касается людей, тут у меня прокол. Столько надо узнать. Мне надо знать... все.

Еще один вид голода — ненасытная жажда знаний. Аналитик Службы безопасности, несомненно, должен владеть огромнейшей базой данных. Те люди, которых он встречал у кофейного автомата в штаб-квартире СБ, вели друг с другом остроумные беседы на самые разнообразные темы. Если он хочет соревноваться с этой компанией, надо пошевеливаться.

«Не соревноваться. Победить».

Майлз рассмеялся.

— Что тебя насмешило?

— Я просто думаю, чему ты научишь Хассадар.

Лимузин въехал в ворота резиденции Форкосиганов и затормозил.

— Может, я встану пораньше, — сказал Марк. — Очень много дел.

Майлз сонно улыбнулся, совсем растекшись на сиденье:

— Добро пожаловать к началу.

ПАМЯТЬ

ГЛАВА 1

Майлз очнулся. Сознание, казалось, растворилось в каком-то бессвязном сне, непонятном и медленно таявшем. От мысли, что он снова убит, его бросило в дрожь, и он дрожал до тех пор, пока память и разум не вернулись к нему.

Тем временем прочие его органы чувств пытались провести инвентаризацию. Так, он в невесомости, его короткое тело лежит, привязанное к какой-то поверхности и завернутое во что-то вроде тонкой медицинской фольги. «Ранен?» Вроде бы все на месте. На нем по-прежнему мягкий комбинезон, который он надел под боевую броню. А вот брони уже нет. Привязан не крепко. Многократно профильтрованный воздух, сухой и прохладный, щекочет ноздри.

Майлз осторожно высвободил руку, стараясь не повредить фольгу, и коснулся лица. Ни датчиков, ни проводов. Крови тоже нет. «Где моя броня, оружие и командирский шлем?»

Спасательная операция шла гладко и без эксцессов, как любая нормальная спасательная операция. Они с капитаном Куин и дендарийцами проникли на пиратский корабль, легко обнаружили гауптвахту. Там нашли пленного курьера барраярской Службы безопасности, лейтенанта Форберга, оглушенного наркотиками, но живого. Медтехник после беглого осмотра сообщил, что у заложника нет ни химических, ни механических ограничителей, и они все дружно и весело двинулись по темным коридорам к боевому катеру дендарийцев. Пираты, сильно занятые другими делами, даже не попытались на них напасть. Так что же пошло не так?

Доносившиеся звуки были привычными и мирными: попискивание медицинского оборудования, шелест воздушных фильтров, работающих в обычном режиме, приглушенный гул голосов. Послышался чей-то низкий животный стон. Майлз облизал губы — убедиться, что этот звук издает не он. Он сам, может, и не ранен, но кому-то явно не повезло. Слабый запах антисептика. Майлз распахнул глаза, гото-

вый мгновенно изобразить беспамятство, если вдруг окажется, что он на вражеском корабле.

Но он — в целости и сохранности, хотелось бы думать — находился на дендарийском боевом катере, привязанный к носилкам в кормовом отсеке. Зрелище переносной станции медпомощи было вполне привычным, хоть с позиции раненого он видел ее впервые. Медтехник Синего отряда стоял спиной, склонившись над носилками, закрепленными у противоположной стены. На них кто-то лежал. «Всего лишь еще один раненый». Можно бы добавить «Прекрасно», только вот фокус в том, что раненых не должно было быть вообще.

«Лишь один раненый», — мысленно поправил себя Майлз. Голова в основании черепа раскалывалась от боли. Но ведь он не ощущает ни ожогов от плазмотрона, ни последствий удара нейробластера. Нет ни инжекторов, ни капельниц, вливающих в вены кровь или синергин. Не чувствуется одурманивающего воздействия болеутоляющих препаратов. Ничто не сковывает движений. Головная боль такая, как бывает после парализатора. Но как мог парализатор пробить боевую броню?

Медтехник, все еще в броне, только без шлема и перчаток, обернулся и увидел, что Майлз открыл глаза.

— Очнулись, сэр? Сейчас позову капитана Куин.

Он быстро склонился к Майлзу и посветил в глаза, проверяя реакцию зрачков.

— Сколько... я был в отключке? Что произошло?

— У вас было что-то вроде эпилептического припадка или конвульсий. Безо всякой видимой причины. Срочный тест на токсины ничего не выявил, но он очень поверхностный. Мы самым тщательным образом осмотрим вас, как только окажемся на корабле.

«Нет, это не смерть. Это хуже. Это последствия той смерти. Дьявольщина! Что же я натворил? И что они видели?»

Уж лучше бы... Черт, нет! Попасть под удар нейробластера, конечно, хуже, но не намного.

— Так сколько? — повторил Майлз.

— Приступ продолжался минуты четыре — пять.

Отлично, только вот для того, чтобы попасть с пиратского корабля на катер, требуется гораздо больше пяти минут.

— А потом?

— Боюсь, адмирал Нейсмит, вы были без сознания около получаса, сэр.

Никогда еще он не отключался так надолго. Похоже, этот припадок оказался намного хуже предыдущих. В прошлый раз он молился, чтобы тот приступ действительно оказался последним. Прошло уже почти два месяца после того, никем не замеченного, короткого припадка. Черт побери, он же был совершенно уверен, что новый препарат сработает!

Майлз начал выпутываться из теплозащитной фольги и ремней.

— Пожалуйста, не пытайтесь встать, адмирал.

— Мне надо выслушать рапорты.

Медик осторожно положил руку ему на грудь и уложил обратно на носилки.

— Капитан Куин приказала дать вам снотворное, если вы попытаетесь подняться, сэр.

«А я этот приказ отменяю!» — чуть было не рявкнул Майлз. Однако в данный момент никаких боевых действий вроде бы не велось, а в глазах медтехника читалось специфическое выражение человека, твердо намеренного выполнить приказ любой ценой. «Боже, храни меня от людской добродетели».

— Поэтому я и пробыл без сознания так долго? Меня накачали снотворным?

— Нет, сэр. Я всего лишь ввел вам синергин. Ваши показатели жизнедеятельности были в норме, и я побоялся давать вам что-то другое, пока мы не разберемся, что произошло.

— А что с людьми? Все выбрались? Барраярский заложник освобожден?

— Все выбрались. А барраярец, э-э-э... будет жить. Я ампутировал ему ноги, но шансы, что хирург пришьет их, достаточно велики.

Медик оглянулся, как бы в поисках поддержки.

— Что?! Как он получил ранение?

— Э-э-э... Я лучше позову капитана Куин, сэр.

— И побыстрее, — прорычал Майлз.

Медтехник оттолкнулся, проплыл к дальней стене и что-то пробормотал в интерком. Затем вернулся к своему пациенту. Лейтенанту Форбергу? В лежащего на соседних носилках человека аппаратура закачивала плазму и различные препараты через трубки, введенные в обе руки и шею. Туловище завернуто в теплозащитную фольгу. Зажегся индикатор, и медик быстро сел в амортизирующее кресло. Последовала серия ускорений и торможений. Катер готовился к стыковке с кораблем.

Как и положено, сразу после стыковки первым выгрузили раненого заложника. В двух частях. Майлз от злости зубами заскрежетал, наблюдая, как солдат с охлаждающим контейнером проследовал за медтехником и носилками. Впрочем, особо много крови Майлз тоже не заметил.

Он только-только начал освобождаться от ремней, устав дожидаться Куин, как она возникла в шлюзе.

Элли уже сняла шлем и перчатки и откинула назад капюшон, высвободив свои темные кудри. Ее точеное лицо было бледным от напряжения, в темных глазах стоял испуг. Но его маленькой флотилии из трех кораблей вряд ли грозила опасность, иначе бы Куин сейчас тут не было.

— Ты в порядке? — хрипло спросила она.

— Куин, что... Впрочем, нет, давай сначала общий рапорт.

— Зеленый отряд отключил команду пиратского корабля. Всех до единого. Повредили кое-какое оборудование, так что страховая компания будет не в таком восторге, как в прошлый раз, но личный состав в целости и сохранности.

— Благодарение Богу и сержанту Тауре. А пираты?

— Мы захватили самый большой корабль и взяли девятнадцать пленных. Трое убитых. Все пленные на нашей гауптвахте. Трофейная команда сейчас работает на захваченном корабле. Шесть или восемь ублюдков успели уйти на спасательной капсуле. Вооружение у капсулы слабенькое, а до ближайшего п-в-туннеля далеко. «Ариэль» догонит их в любой момент. Тебе решать, уничтожить их сразу или постараться захватить.

Майлз потер лицо ладонями.

— Допроси пленных. Если это те самые кровожадные ублюдки, что захватили в прошлом году «Солер» и перебили всех пассажиров и экипаж, то Станция Вега назначила за них награду, так что мы сможем получить тройное вознаграждение за одну операцию. Поскольку веганцы дают равноценную награду и за доказательство их смерти, то все тщательно записывай. Мы предложим пиратам сдаться, но лишь один раз. — Он вздохнул. — Насколько я понимаю, дела пошли не совсем так, как планировалось. В очередной раз.

— Эй, послушай, любая операция по спасению заложников, прошедшая без потерь, является безусловным успехом с любой разумной точки зрения. Если нашему хирургу удастся не перепутать местами правую и левую ногу твоего несчастного барраярца, то наша операция удачна на все сто.

— Э-э-э... да, конечно. А что произошло, когда... когда я отрубился? Что случилось с Форбергом?

— Попал под дружеский огонь. Хотя в тот момент так не казалось. Ты вдруг рухнул на пол, изумив нас всех несказанно. Твой шлем выдал кучу всякого дерьма по телеметрии, а потом включился твой плазмотрон.

Она взъерошила волосы.

Майлз глянул на плазмотрон, встроенный в правый рукав боевой брони Куин — такой же, как у него, и сердце его ушло в пятки.

— О, нет! Ох ты, черт! Только не это!

— Боюсь, именно это. Ты ударил из плазмотрона по спасенному заложнику. Очень чисто и аккуратно, прямо по ногам. К счастью — как мне думается, — луч прижег культи, поэтому парень не истек кровью. К тому же он так накачан наркотиками, что вряд ли вообще что-либо почувствовал. На мгновение я было подумала, что кто-то захватил дистанционное управление твоей броней, но инженеры клянутся, что это невозможно. Ты еще разнес приличный кусок переборки, пока

мы вчетвером держали тебя, пытаясь вскрыть твою броню, залезть внутрь и все отключить. А ты в это время поливал все вокруг плазменным лучом и едва не задел нас, черт побери! От полного отчаяния я парализовала тебя, и ты отключился. Я перепугалась, уж не убила ли тебя.

Голос Куин чуть дрожал. Ведь, в конце концов, ее нынешнее лицо — не настоящее, а восстановленное после плазменного ожога, полученного почти десять лет назад.

— Майлз, что с тобой, к черту, творится?

— Полагаю, у меня было... что-то вроде припадка. Типа эпилептического, с той лишь разницей, что это никак не связано с неврологией. Боюсь, это последствия моего прошлогоднего криооживления.

«Тебе отлично известно, что так оно и есть».

Майлз коснулся уже едва заметных шрамов на шее. Самое безобидное последствие происшедшего. Вынужденный выстрел из парализатора, сделанный Куин, объяснял длительное беспамятство и головную боль. Значит, приступ не был хуже предыдущих...

— Боже, — ахнула Куин. — Но это ведь в первый... — Она замолчала и пристально поглядела на него. Затем продолжила уже более спокойно: — Это с тобой не впервые, не так ли?

Повисло тяжелое молчание. Майлз заставил себя заговорить, пока не последовал взрыв.

— Было раза три или четыре. — «Или пять». — Началось вскоре после того, как я вышел из криостаза. Криохирург сказала, что приступы могут пройти сами по себе, как посткриогенная амнезия и трудности с дыханием. И они вроде бы действительно прекратились.

— И Имперская служба безопасности отправила тебя на боевое задание с этакой бомбой замедленного действия в голове?

— Служба безопасности... э-э-э... об этом ничего не знает.

— Майлз...

— Элли! — отчаянно возразил он. — Они сняли бы меня с оперативной работы, ты же понимаешь! Непременно сняли бы! В лучшем случае прибили бы подошвы моих башмаков к полу за каким-нибудь столом. А в худшем — уволили по здоровью. И конец адмиралу Нейсмиту. Навсегда.

Она замерла.

— Я рассчитывал, если приступы возобновятся, попытаться справиться с ними самому. И думал, что мне это удалось.

— Кому-нибудь об этом известно?

— Немногим... Я не мог допустить, чтобы информация дошла до Имперской безопасности. Сообщил лишь нашему дендарийскому хирургу. И взял с нее клятву хранить секрет. Мы с ней пытаемся найти причину этих припадков. И пока что не очень далеко продвинулись. В конце концов, ее специализация — раны и травмы.

«Ага, вроде плазменных ожогов и приживления отрезанных конечностей. Так что лейтенант Форберг вряд ли попал бы в более надежные и умелые руки, даже если его вдруг чудом удалось мгновенно перенести в Императорский госпиталь на Барраяре».

Куин сжала губы.

— Но мне ты ничего не сказал. Не говоря о наших личных отношениях, я, в конце концов, являюсь твоим заместителем в этой операции!

— Мне следовало сказать тебе. Но все мы крепки задним умом. — «Слепцы».

Куин бросила взгляд в дальний конец катера, где медтех «Перегрина» протискивал в шлюз воздушные носилки.

— У меня дела. А ты останешься в медицинском отсеке до тех пор, пока я за тобой не приду. Договорились?

— Со мной все в порядке! До следующего приступа могут пройти месяцы! Если он вообще будет.

— Договорились? — сквозь зубы процедила Куин, сверля его взглядом.

Вспомнив о Форберге, Майлз сдался.

— Договорились, — нехотя кивнул он.

— Очень признательна, — прошипела Куин.

Майлз не пожелал лечь на носилки, заявив, что прекрасно доберется сам. Под бдительным присмотром медтеха он направился в медицинский отсек, чувствуя себя чрезвычайно подавленно. «Я теряю над этим контроль...»

Как только Майлз дошел до медотсека, обеспокоенный медтех немедленно подверг его сканированию, взял анализ крови и вообще все мыслимые и немыслимые анализы, а также заново проверил функции организма. Потом оставалось только ждать прибытия хирурга. Майлз потихоньку проскользнул в маленькую смотровую, куда ординарец принес ему форму. Поскольку ординарец явно норовил изображать заботливую наседку, Майлз раздраженно отослал его прочь.

Таким образом он остался один в тихом спокойном месте, где решительно нечем было заняться — только размышлять. Что оказалось тактической ошибкой. Конечно, Куин надежна как скала и будет держать язык за зубами, иначе чего ради он сделал бы ее своим заместителем? В последний раз, когда на Архипелаге Джексона его грубо оторвали от командования, разворотив грудную клетку иглогранатой, Элли вполне достойно справилась с возникшей проблемой.

Майлз натянул серые брюки и внимательно оглядел свой торс, пробежав пальцами по сети украшавших грудь шрамов. Джексонианский криохирург проделала великолепную работу. Новое сердце, легкие и прочие внутренние органы уже почти достигли нужного размера и прекрасно функцио-

нировали. Вдобавок хрупкие кости, отравлявшие существование с самого рождения, почти все были заменены синтетическими. Криохирург даже выпрямила ему позвоночник, так что теперь на месте горба, который вкупе с его карликовым ростом позволял соплеменникам-барраярцам называть его за глаза мутантом, осталась лишь практически незаметная выпуклость. И добавилась пара-тройка сантиметров роста. Правда, плата за них оказалась несколько высоковата, но эти дополнительные сантиметры для него весьма важны. И никаких признаков усталости. Для посторонних глаз он сейчас находится в лучшей физической форме, чем был когда-либо за свои почти тридцать лет.

Не считая одного маленького «но»...

Из всех возможных угроз, нависавших когда-либо над его многострадальной карьерой, эта оказалась совершенно неожиданной. И самой опасной. Много лет он напряженно работал, невзирая на возникавшие у многих из-за его физических дефектов сомнения. Работал, чтобы завоевать статус лучшего галактического оперативника Имперской службы безопасности Барраяра. Там, где официальные военные силы Барраяра не могли вмешиваться по политическим соображениям или из-за отдаленности цели, наемник — якобы независимый — мог запросто взяться за дело. Майлз потратил целое десятилетие, оттачивая образ адмирала Нейсмита, весьма своеобразного предводителя дендарийских наемников.

«Наша специализация — безнадежные спасательные мероприятия».

Вроде последнего задания. Команде пиратов напрочь изменила удача в тот день, когда они захватили безоружный торговый корабль Сумерек Зоава и обнаружили, что тот, кого они полагали самой ценной добычей, оказался вовсе не торговцем, а барраярским имперским курьером, перевозившим кредитки и важную дипломатическую информацию. Будь у них хоть капля здравого смысла и толика инстинкта самосохранения, они немедленно отпустили бы лейтенанта Форберга на ближайшей станции со всеми документами и чипами в целости и сохранности, рассыпаясь в извинениях.

Но вместо этого они попытались продать курьера тому, кто больше даст. «Уничтожь их всех, — приказал тогда глава Имперской безопасности Саймон Иллиан. — Дьявол разберется, где свои». Иллиан предоставил Майлзу самому разрабатывать операцию. Император весьма неодобрительно относился к тем, кто осмеливался покуситься на его личных курьеров. Или пытать их. Или пробовал выставить на продажу, как напичканные информацией куски мяса. Это оказалась единственная операция, где, несмотря на то что официальным нанимателем дендарийцев выступала страховая компания с Сумерек Зоава, можно было без особого ущерба дать понять всем,

что за их спиной стоит Барраярская империя. Неплохая реклама на тот случай, если еще какому-нибудь имперскому курьеру не повезет.

Если, конечно, допустить, что Форбергу просто не повезло.

Майлз изнывал от желания присутствовать на допросе пленных. Помимо освобождения Форберга, Иллиан велел еще выяснить, было ли похищение лейтенанта случайным или спланированным. Если спланированным... кому-то придется заняться внутренним расследованием. И Майлза несказанно радовало, что такого рода расследования не входят в его обязанности.

Наконец появилась хирург, еще не снявшая стерильного комбинезона. Подбоченившись, женщина со вздохом посмотрела на Майлза. Выглядела она усталой.

— Как там барраярец? — рискнул поинтересоваться Майлз. — Он... гм-м... Он поправится?

— Не так уж плохо. Рана чистая и, к счастью, ноги отрезало чуть ниже коленных суставов. В конечном итоге он лишь станет сантиметра на три короче, только и всего.

Майлз скривился.

— Он уже встанет на ноги к тому времени, как окажется дома, — добавила она, — учитывая, что путешествие займет недель шесть.

— А! Прекрасно.

Но предположим, плазменный луч прошелся бы прямо по коленям Форберга. Или на метр выше, разрезав его пополам. Даже чудесам, творимым дендарийскими хирургами, есть предел. Вряд ли бы на пользу его, Майлза, карьере послужило то, если бы он привез лейтенанта упакованным в мешок для трупов. Точнее, в два мешка.

Майлз ощутил внезапную слабость от смеси ужаса и облегчения.

«О Господи, и как я все это объясню Иллиану?»

Хирург просмотрела результаты сканирования, бормоча то, что обычно бормочут врачи.

— Мы все еще в самом начале исследований. Никаких явных нарушений не видно. Единственный способ прояснить что-либо — это подвергнуть вас сканированию во время приступа.

— Дьявольщина! Я полагал, мы уже испробовали все известные науке виды стрессов, электрошоков и стимуляторов. Я думал, те таблетки, которые вы мне дали, решили проблему.

— Это обычный-то антиконвульсант? А вы его правильно принимали?

— Да. — Он еле удержался от глупых возражений. — А вы не думали о каких-нибудь еще средствах?

— Нет. Потому-то и дала вам этот монитор для постоянного ношения. — Она оглядела комнату в поисках прибора. — Кстати, где он?

— В моей каюте.

Она раздраженно поджала губы.

— Позвольте мне самой догадаться. Во время припадка его на вас не было.

— Он не помещался под боевую броню.

Хирург стиснула зубы:

— А вы не могли хотя бы позаботиться о том, чтобы отключить свое вооружение?

— Вряд ли от меня в таком случае был бы прок, случись что-то непредвиденное. Тогда я с тем же успехом мог остаться на борту «Перегрина».

— Вы сами и есть непредвиденное. И вам, безусловно, следовало остаться на «Перегрине».

«Или на Барраяре». Но обеспечение безопасности Форберга — самая сложная часть задания, а Майлз — единственный дендарийец, которому Имперская безопасность могла доверить барраярские опознавательные коды.

— Я... — начал было он, но тут же оборвал бесполезные оправдания. — Вы совершенно правы. И больше такое не повторится до тех пор, пока... пока мы не решим эту проблему. Что мы предпримем теперь?

Хирург развела руками:

— Я провела все известные мне исследования. Совершенно очевидно, что антиконвульсанты проблемы не решают. Похоже, мы имеем дело с каким-то посткриогенным повреждением на клеточном или молекулярном уровне. Вам следует показаться самому лучшему крионеврологу, которого вы сможете отыскать.

Майлз вздохнул. Натянул черную футболку и серую форменную куртку.

— На данный момент все? Мне нужно срочно проследить за допросом пленных.

— Догадываюсь, — скривилась она. — Только сделайте нам всем одолжение. Идите безоружным.

— Есть, мэм! — смиренно поклонился Майлз и удрал.

ГЛАВА 2

Майлз сидел перед комм-пультом в своей каюте на борту «Перегрина» — флагманского корабля — и составлял свой тысячный рапорт начальнику Имперской безопасности Барраяра Саймону Иллиану.

Ну, не тысячный, конечно. В среднем он выполнял три-четыре задания в год и занимался этим лет десять, после верванской операции, когда дендарийцы получили на Барраяре официальный статус. Получается меньше сорока рапор-

тов. Но он уже не мог навскидку сказать номер последнего. И это вовсе не следствие криоамнезии.

«Веди отчетность, мальчик». Его персональные записи — не просто краткий перечень необработанных данных, имеющихся в файлах Дендарийского флота. Конечно, аналитики Иллиана прямо-таки обожают необработанные данные, чтобы было над чем поразмышлять в крошечных кабинетиках здания Имперской безопасности в Форбарр-Султане. Видимо, записи Майлза тоже немало их развлекают.

«Перегрин», «Ариэль» и остальные корабли боевой группы адмирала Нейсмита висели на орбите у Сумерек Зоава. Главный бухгалтер флота провела два тяжелых дня, решая вопросы со страховой компанией, получившей наконец свой грузовик вместе с командой, а также договариваясь о деньгах за пиратские корабли, и заполняя в посольстве Станции Вега официальные бланки на получение премиальных. Майлз ввел в свой рапорт финансовый расклад в виде «Приложения А».

Пленных отправили вниз, чтобы веганские и зоавские власти сами их разделили. Желательно в том же аспекте, как беднягу Форберга. Пираты оказались большими мерзавцами. Жаль, что их спасательная капсула сдалась. В «Приложении Б» содержались записи допроса пленных. Власти Зоава получат отредактированную версию, откуда изъяты сведения, касающиеся барраярского курьера. Зато им достанется огромное количество преступных признаний, которые не представляют большого интереса для Имперской безопасности, но зато приведут в восторг веганцев.

Для Иллиана главное то, что похищение барраярского курьера всего лишь случайность. Разве что — Майлз специально отметил это в рапорте — нужными сведениями располагали только пираты, убитые во время операции. Поскольку в число погибших входили и так называемый капитан и два старших офицера, то тут аналитикам Иллиана есть над чем поработать. Но теперь к задаче следовало подходить с другого конца, поскольку курьера пытались выкупить у пиратов представители дома Харгрейв. Майлз очень надеялся, что Имперская безопасность сосредоточит на джексонианском полупреступном синдикате свои лучшие силы. Хотя агенты дома Харгрейв, сами того не желая, оказали дендарийцам весьма неплохую помощь при разработке операции.

Иллиану захочется взглянуть и на финансовый отчет. На сей раз дендарийцам не только удалось удержаться в рамках отпущенного бюджета, но и — для разнообразия — получить поистине грандиозную прибыль. Иллиан, который терпеть не мог понапрасну тратить имперские марки, вернул похищенного курьера совершенно бесплатно. «Ну, разве мы не молодцы?»

Так когда же столь способный лейтенант Имперской безопасности лорд Майлз Форкосиган получит наконец

столь долгожданное повышение и станет капитаном? Просто удивительно, насколько барраярское звание для него весомее, чем дендарийское. Конечно, сперва он сам себя провозгласил адмиралом, а заработал сей чин гораздо позже, так что это трудно назвать нормальным ростом карьеры. Но на сегодняшний день едва ли кто может сказать, что он действительно не стал тем, кем когда-то себя называл. Для всей Галактики адмирал Нейсмит — личность реальная. А его барраярская личность — лишь еще одна личина. Может, приложение?

«Нет ничего роднее дома».

«Я не сказал, что нет ничего лучше. Я лишь сказал, что нет ничего роднее».

Эта мысль привела его к «Приложению В», в котором содержались записи, снятые с боевых скафандров дендарийцев в ходе последней операции. Вся информация о том, как Зеленый отряд сержанта Тауры освободил экипаж торговца. А еще — о его Синем отряде и... всех последующих событиях. С полным звуковым и цветовым изображением, телеметрией — медицинской и коммуникационной. Майлз с отвращением просмотрел запись своего припадка и его неприятных последствий.

Видеозапись скафандра № 060, обладатель которого оказался в непосредственной близости от лейтенанта Форберга. Крупным планом — лицо барраярца, выведенного плазменным ожогом из наркотического состояния. Крик нестерпимой боли. Форберг падает, лишившись сознания. Тело — в одну сторону, отрезанные ноги — в другую.

Майлз поймал себя на том, что, наклонившись к экрану, прижимает руки к груди.

Да, похоже, сейчас не самое подходящее время просить Иллиана о повышении.

Выздоравливающего Форберга вчера передали представителям барраярского консульства на Зоаве. Оттуда его отправят на родную планету уже официально. Майлз втайне радовался, что его нынешний статус избавил его от необходимости приносить Форбергу персональные извинения. До эпизода с плазмотроном Форберг не видел лица Майлза, скрытого за боевым шлемом. Да и потом, разумеется, тоже был лишен такой возможности. Хирург дендарийцев сообщила, что у лейтенанта сохранились лишь смутные воспоминания о своем спасении.

Майлз пожалел, что не может изъять из рапорта все записи Синего отряда. Увы — это бессмысленно. Отсутствие самых интересных файлов привлечет внимание Иллиана не меньше, чем яркий костер, разожженный темной ночью на вершине горы.

Конечно, если он выкинет все «Приложение» целиком, выкинет записи всех отрядов...

Майлз задумался. Чем можно заменить «Приложение В»? В прошлом он писал немало кратких и расплывчатых сводок — из-за нехватки времени, из-за усталости.

«В связи с неисправностью правый плазмотрон боевой брони № 032 заклинило в положении «включен». За несколько минут последовавшей неразберихи, связанной с исправлением поломки, объект, к сожалению, оказался под ударом плазменного луча...» И не его, Майлза, вина, если читатель посчитает, что поломался скафандр, а не тот, на ком он надет.

Нет. Иллиану он лгать не может. Даже в пассивной форме.

«Но это не ложь. Я всего лишь немного сокращу рапорт».

Нет, нельзя. Майлз был полностью уверен: стоит ему опустить хоть незначительную подробность в записи, аналитики Иллиана немедленно это вычислят. И тогда его положение будет во сто крат хуже, чем сейчас.

Не то чтобы в других записях много упоминалось о злополучном эпизоде. Нет, совсем несложно перечитать весь рапорт и внести нужные коррективы.

«Очень скверная мысль».

И все же... это может оказаться весьма любопытным экспериментом. Не исключено, что в один прекрасный день — Боже упаси — ему придется самому читать такие рапорты. Так что весьма полезно выяснить, может ли быть подделан такого рода документ. Чтобы удовлетворить свое любопытство, Майлз записал полный рапорт, снял с него копию и принялся играть с ней. Какие минимальные исправления и умолчания могут скрыть промах полевого агента?

На это ушло минут двадцать.

Майлз уставился на плоды своих трудов. Великолепная работа. Ему стало нехорошо. «Эта бумажка может стоить мне карьеры».

«Но только если меня застукают». Похоже, вся его жизнь строилась именно по этому принципу. Он счастливо избежал наемных убийц, врачей, устава, ограничений, налагаемых форским титулом... Избежал самóй смерти. «Я могу обмануть и тебя, Иллиан».

Он поразмыслил о внедренных к дендарийцам независимых наблюдателях Иллиана. Один остался с основными силами флота, второй служил офицером связи на «Ариэле». На борту «Перегрина» и в штурмовых отрядах не было ни одного. Ergo*, никто не может опровергнуть его версии.

«Над этим, пожалуй, стоит подумать». Поставив на отредактированной версии гриф «совершенно секретно», Майлз присоединил ее к оригиналу. Покончив с этим, он потянулся, разминая затекшую спину. Работа за письменным столом не слишком полезна для позвоночника.

В дверь каюты постучали.

— Да?

— Это Баз и Элен, — раздался из интеркома женский голос.

---

* Следовательно (*лат.*).

Майлз очистил комм-пульт, накинул китель и отпер дверь.

— Заходите.

Баз, то есть командор Дендарийского флота Баз Джезек, главный инженер флота и номинальный заместитель Майлза. Элен — капитан Ботари-Джезек, жена База, командир «Перегрина». Оба — из числа немногих барраярцев Дендарийского флота, которые знали Майлза в двух его ипостасях: адмирала Нейсмита — немного продажного бетанского наемника, и лейтенанта лорда Майлза Форкосигана — верного тайного агента Имперской службы безопасности Барраяра. Они знали его еще до создания Дендарийского флота. Тощий, уже начинающий лысеть Баз был с ним с самого начала дендарийской эпопеи. Дезертир-беглец, которого Майлз подобрал и (как считал Майлз) возродил. Элен... Элен — совсем другое дело.

Дочь барраярца — телохранителя Майлза, выросшая в доме графа Форкосигана, практически сводная сестра Майлза. Будучи женщиной, Элен была лишена возможности пойти на военную службу на Барраяре и лишь мечтала о военной карьере. На Барраяре все помешаны на армии. И Майлз нашел способ помочь ей. Теперь она выглядела как настоящий солдат: стройная, высокая, одного роста с мужем, облаченная в дендарийский серый мундир. Короткие темные чуть вьющиеся волосы обрамляли волевое лицо и подчеркивали глубину внимательных карих глаз.

Интересно, как бы повернулась их жизнь, если бы она ответила согласием на страстное и застенчивое предложение руки и сердца, сделанное Майлзом, когда им было по восемнадцать лет? Что бы с ними теперь стало? Вели бы они в столице респектабельную жизнь воров? Были бы они счастливы? Или со временем надоели бы друг другу и теперь сожалели бы об утраченных возможностях? Нет, тогда бы они и знать не знали о том, что потеряли. Возможно, у них были бы дети... Майлз оборвал мысль. Пустое занятие.

И все же где-то в самой глубине его души до сих пор жило ожидание... Элен, казалось, вполне счастлива со своим мужем. Но жизнь наемника — а Майлз теперь знал это на собственной шкуре — полна смертельного риска. Малейшая ошибка в проведении операции — и Элен стала бы скорбящей вдовой, жаждущей утешения. Только вот дело в том, что она за свою жизнь видела больше рукопашных, чем Баз. Гнусный замысел, будоражащий неугомонный мозг Майлза в ночные часы, имел существенный недостаток. Что ж, нельзя повлиять на чужие мысли. Однако можно открыть рот и высказать какую-нибудь очередную глупость.

— Привет, ребята. Садитесь. Чем могу быть полезен? — радостно промурлыкал Майлз.

Элен улыбнулась, и они с Базом расположились на стульях напротив Майлза. В их поведении было что-то

непривычно официальное. Баз жестом попросил Элен говорить первой. Верный признак какой-то хитрости. Майлз весь подобрался.

Начало оказалось банальным.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Майлз?

— О, со мной все в порядке.

— Отлично. — Глубоко вздохнув, Элен продолжила: — Милорд...

А вот и еще один признак чего-то необычного. Когда Элен обращается к нему, как вассал...

— ...Мы хотим подать в отставку. — Она застенчиво улыбнулась, будто преподнесла исключительно радостную весть.

Майлз чуть со стула не упал.

— Что? Почему?

Элен посмотрела на База, и тот немедленно перехватил инициативу:

— Мне предложили работу. Инженером на одной из орбитальных ферм Эскобара. Платят вполне достаточно, чтобы мы могли спокойно уйти в отставку.

— Я... я и понятия не имел, что вас не устраивает оплата. Если проблема только в этом, то она вполне разрешима.

— Никакого отношения к деньгам это не имеет, — отрезал Баз.

Этого-то он и боялся. Нет, было бы слишком просто...

Почему их просьба об отставке вызвала у него в памяти то мгновение, когда выпущенная снайпером иглограната развернула ему грудь?

— Хм...

— Как офицеры-дендарийцы, мы, конечно, можем просто подать соответствующий рапорт и уйти в отставку. Но как ваши вассалы, мы обязаны просить оказать нам Особую Милость и отпустить нас.

— Э-э-э... Я... я не уверен, что флот может сейчас позволить себе потерю сразу двух старших офицеров. Особенно База. Я полностью полагаюсь на него, когда вынужден отсутствовать. И не только в сфере ремонта и обеспечения. Он держит под контролем все. Следит, чтобы частные контракты не мешали выполнению возложенных на нас Барраяром задач. Знает... все секреты. И я не вижу, кем его можно заменить.

— Мы думали, что ты можешь разделить нынешние обязанности База, — подсказала Элен.

— Да. Мой заместитель по инженерной части вполне готов к повышению, — заверил Баз. — С практической точки зрения он даже лучше меня. Моложе, знаете ли.

— И всем известно, что ты вот уже много лет готовишь Элли занять командный пост, — наступала Элен. — Она жаждет повышения. И вполне для этого созрела. Думаю, за последний год она это неоднократно доказала.

— Она... не барраярка. Иллиан может встретить это в штыки, — тянул время Майлз. — В такой пикантной ситуации...

— До сих пор он этого не делал. Он достаточно долго с ней знаком, чтобы составить о Куин определенное мнение. К тому же Имперская безопасность использует немало инопланетных агентов, — заявила Элен.

— Вы уверены, что хотите именно официальной отставки? Я хочу сказать, есть ли в этом необходимость? Может, вас устроит дополнительный или годичный отпуск?

Элен покачала головой:

— Когда люди становятся родителями, они меняются... Я не знаю, захочу ли потом вернуться.

— А я думал, ты хотела стать солдатом. Хотела всей душой, больше всего на свете. Как я. — «Имеешь ли ты хоть малейшее представление о том, насколько все это затевалось ради тебя, только ради тебя и для тебя?»

— Да, так оно и было. Но я... выдохлась. Я знаю, что «достаточно» — не твое кредо. И не уверена, что даже самый выдающийся успех удовлетворит тебя. — «Это потому, что я совершенно опустошен...» — Но... все детство, всю юность Барраяр вбивал мне в голову, что воевать — единственное стоящее занятие. Самое важное, что есть и может быть в жизни. И что я никогда не смогу приносить пользу, потому что никогда не стану солдатом. Что ж, я доказала, что барраярские взгляды ложны. Я стала солдатом, и чертовски хорошим к тому же.

— Верно...

— И вот теперь я задумалась — а в чем еще барраярские предпосылки ложны? Например, что в жизни действительно важно и кто важен? Когда ты в прошлом году лежал в криостасисе, я много времени провела с твоей матерью.

— О! — «Ну да, во время пребывания на родной планете, куда когда-то поклялась больше никогда ногой не ступать».

— Мы с ней тогда о многом говорили. Я всю жизнь считала, что восхищаюсь ею потому, что она в молодости была солдатом. Сражалась за Колонию Бета во время эскобарской войны, еще до того как бежала на Барраяр и вышла замуж за твоего отца. Но однажды она предалась воспоминаниям о том, кем ей за свою жизнь пришлось побывать. Астрокартографом, исследователем, капитаном корабля, женой, матерью и политиком... Список продолжался и продолжался. И она тогда сказала, что невозможно предсказать, кем ей придется стать еще. И я подумала тогда... Я тоже так хочу. Хочу быть, как она. Не кем-то одним. Я хочу выяснить, кем еще я могу стать.

Майлз украдкой взглянул на База, который гордо улыбался, глядя на жену. Совершенно очевидно, что все это затеяла она. Но Баз — и справедливо — всю жизнь

преданный раб своей жены. И что бы она ни затеяла — он заранее согласен. Дьявольщина.

— А ты не думаешь... что тебе может захотеться вернуться... потом?

— Через десять, пятнадцать, двадцать лет? — воскликнула Элен. — И ты полагаешь, что к тому времени Дендарийский флот все еще будет существовать? Нет. Не думаю, что захочу вернуться. Я захочу идти дальше. В этом я абсолютно уверена.

— Тебе наверняка захочется работать, применить свои навыки и знания.

— Я подумывала пойти капитаном торгового флота. Там требуются практически все мои навыки, кроме умения убивать. Я устала от смерти. И хочу послужить жизни.

— Я... я абсолютно уверен, что ты блестяще справишься со всем, за что ни возьмешься. — На какое-то сумасшедшее мгновение Майлз подумал отказать им в просьбе. «Нет, вы не можете уйти, вы должны остаться со мной...» — Как вы понимаете, формально я могу лишь отпустить вас с нынешней службы. Но освободить от вассальной клятвы могу не больше, чем император Грегор — освободить меня от обязанностей фора. Однако это не мешает нам... забыть о существовании друг друга на неопределенный срок.

Элен одарила его ласковой улыбкой, на какой-то жуткий момент напомнив ему мать. Будто она считала всю систему форов в целом обыкновенной иллюзией. Да, Элен вполне самодостаточна, она не ищет ничего вне себя самой...

Это несправедливо! Люди уходят. Люди меняются по отношению к нему. Меняются, не спросив, без всякого предупреждения. Майлз готов был взвыть от чувства потери, только... «Ты потерял ее много лет назад. И эти изменения начались еще тогда. Ты просто-напросто патологически не способен признать поражение». Весьма ценное качество для военного лидера. И сущее наказание для возлюбленного. Или несостоявшегося возлюбленного.

Однако, сам удивляясь, зачем он это делает, Майлз тем не менее провел положенную церемонию. Элен с Базом по очереди встали перед ним на колени, вложив руки ему в ладони. Вытянув руки ладонями вверх, Майлз отрешенно смотрел, как узкие длиннопалые руки Элен порхнули, как выпущенные из клетки птички. «Я и не знал, что посадил тебя в клетку, моя первая любовь. Прости...»

— Что же, желаю вам всяческого счастья, — сказал Майлз, когда Элен поднялась и взяла мужа за руку. Он даже исхитрился подмигнуть. — Назовите первенца в мою честь. Идет?

Элен ухмыльнулась:

— Не уверена, что она это оценит. Майлзанна? Майлзия?

Майлзия смахивает на название болезни, — признал ошарашенный Майлз. — Ладно, тогда не стоит. Мне бы не хотелось, чтобы она, вырастая, возненавидела меня in absentia*.

— Когда мы можем уехать? — спросила Элен. — Сейчас у нас перерыв между контрактами. Да и в любом случае по графику у флота перерыв.

— С мат- и инженерным обеспечением полный порядок, — добавил Баз. — И разнообразия ради, в этой операции обошлись без повреждений.

«Отсрочка? Нет. Чем быстрее с этим покончим, тем лучше».

— Довольно скоро, полагаю. Конечно, мне нужно уведомить капитана Куин.

— Командора Куин, — кивнула Элен. — Не сомневаюсь, ей понравится новое звание.

Она совсем не по уставу обняла Майлза. Тот замер, стараясь напоследок запомнить ее аромат, затем дверь за ними с тихим шелестом закрылась.

Куин находилась внизу, на Сумерках Зоава. Майлз приказал, чтобы она немедленно явилась к нему, как только вернется на «Перегрин». Ожидая ее прибытия, он затребовал досье всех дендарийцев и внимательно изучил предложенные Базом кандидатуры. Кажется, все может получиться. Повысить вот этого, переместить этих двоих, чтобы заткнуть возникшую брешь... Майлз старательно заверял себя, что вовсе не пребывает в состоянии шока. В конце концов, даже его способность все драматизировать имеет предел. Конечно, он, возможно, несколько выведен из равновесия. Ну, как человек, привыкший опираться на трость и внезапно лишившийся ее. Или на шпагу-трость — как старина Куделка. Если бы не его, Майлза, личная проблемка со здоровьем, то можно сказать, что с точки зрения интересов флота супруги выбрали самый подходящий момент. Наконец появилась Куин — свежая и сияющая в чистом камуфляже, с кубом данных в руке. Поскольку они были одни, Куин поприветствовала его весьма неформальным поцелуем, на который Майлз охотно ответил.

— Барраярское посольство прислало тебе вот это, любовь моя. Может, это подарок к Зимнепразднику от дядюшки Саймона?

— Возможно.

Майлз раскодировал куб.

— Ха! Так и есть! Платежный чип. Промежуточная оплата. На Барраяре еще не знают, что мы уже все сделали. Должно быть, Иллиан захотел подстраховаться на тот случай, если мы в ходе операции выйдем за рамки бюджета. Я рад, что он так серьезно относится к сохранности личного состава Службы

*Здесь: за глаза *(лат.)*.

безопасности. Возможно, и мне когда-нибудь может понадобиться такого рода внимание.

— А тебе и понадобилось, в прошлом году. И — да, он действительно беспокоится. Уж в этом ты Имперской безопасности отказать не можешь. По крайней мере о своих они заботятся. Очень по-барраярски для организации, старающейся быть как можно современнее.

— А это что, м-м-м? — Майлз выудил еще что-то. Зашифрованные инструкции. Только для него.

Куин вежливо отошла в сторону, и Майлз быстренько просмотрел дискету на комме. Разумеется, врожденное любопытство не позволило Элли промолчать.

— И что это? Очередной приказ? Поздравления? Порицание?

— Ну... Хм. — Майлз озадаченно откинулся на спинку стула. — Коротко и неясно. Зачем это вообще нужно было шифровать? Мне приказано немедленно прибыть домой и лично явиться в штаб-квартиру Имперской безопасности. В приложении — расписание барраярского курьерского корабля, проходящего через Тау Кита, который задержится там до моего прибытия. А прибыть туда я должен как можно быстрее любым способом, включая, в случае необходимости, коммерческий рейс. Уж не пронюхали ли они там что-нибудь о недоразумении с Форбергом? Здесь не сказано «завершить операцию и...», сказано просто «прибыть». Похоже, я должен все бросить и мчаться. Но если это настолько срочно, то, должно быть, речь идет о каком-то очередном срочном задании. Тогда почему в таком случае они требуют, чтобы я потратил недели на поездку домой, откуда мне придется потратить еще больше времени, чтобы добраться до флота? — И вдруг его охватил леденящий ужас. «Если это не что-то личное. Отец... Мать...» Нет. Случись что-нибудь с графом Форкосиганом, ныне служащим Империи на посту вице-короля и губернатора Зергияра, галактические службы новостей донесли бы эти сведения даже до такой дыры, как Сумерки Зоава.

— А что будет, если во время поездки у тебя опять случится припадок? — Куин, прислонившись к комм-пульту, с интересом изучала собственные ногти.

— Да ничего особенного, — пожал плечами Майлз.

— Откуда ты знаешь?

— Хм...

Взгляд Элли стал пристальным.

— А я и не знала, что психологическое неприятие так сильно отражается на интеллекте. Черт тебя побери, ты должен что-то делать с этими приступами! Ты не можешь... просто игнорировать их, хотя, похоже, именно этим ты и занимаешься.

— Я пытался что-то сделать. И думал, что дендарийский хирург с этим справится. Я хотел побыстрее вер-

нуться на флот, к врачу, которому полностью доверяю. Ну, доверять-то ей можно, только вот она сказала, что ничем не может мне помочь. Так что теперь мне нужно придумать что-нибудь еще.

— Ей ты доверился. А мне почему нет?

Майлз изобразил неловкое пожатие плечами. Однако явная недостаточность такого рода ответа заставила его добавить:

— Она подчиняется приказам. А я боялся, что ты можешь попытаться сделать что-нибудь — для моего же блага, разумеется — вне зависимости от того, хочу я этого или нет.

Куин некоторое время переваривала услышанное, затем продолжила уже чуть менее терпеливо:

— А как насчет твоей планеты? Сейчас Императорский госпиталь в Форбарр-Султане уже почти соответствует галактическим стандартам.

Майлз немного помолчал.

— Мне следовало это сделать прошлой зимой. А теперь... теперь я вынужден искать другие возможности.

— Иными словами, ты солгал начальству. И теперь попался.

«Еще не попался».

— Ты знаешь, что я рискую потерять.

Поднявшись, он обошел комм-пульт и взял Элли за руку, не дожидаясь, когда она начнет грызть ногти. Они обнялись. Майлз откинул голову и притянул к себе Элли. По ее участившемуся дыханию и потемневшим глазам он почувствовал: ее охватил страх, который она тщательно скрывает.

— Ох, Майлз! Скажи им... Скажи им, что тогда твой мозг еще не полностью восстановился. Что ты не отвечал за свои слова. Сдайся на милость Иллиана, и побыстрее, пока не стало хуже.

Майлз покачал головой:

— Возможно, еще неделю назад это сработало бы. Но после того, что я натворил с Форбергом? Не думаю, что может быть хуже. Я не был бы милостив к подчиненному, отколовшему такой номер. Так с какой стати Иллиан отреагирует иначе? Разве что Иллиан... пока еще не в курсе.

— Боги великие и малые! Ты что, думаешь, тебе и дальше удастся это скрывать, да?

— Из рапорта о последней операции эти сведения изымаются очень легко.

Элли ошарашенно отшатнулась.

— Твой мозг и вправду пострадал от криозаморозки!

Выведенный из себя, Майлз рявкнул:

— Иллиан постоянно культивирует свою репутацию всезнайки, но его «всезнание» сильно преувеличено! Не позволяй Глазу Гора, — он изобразил пальцами круглые значки Службы безопасности, приложил сложенные в колечко пальцы к

глазам и поморгал, как сова, — пудрить тебе мозги! Мы лишь пытаемся изобразить, будто всегда знаем, что делаем. А я видел засекреченные файлы и знаю, насколько все может идти наперекосяк. Этот чип в голове Иллиана не делает его гением, а всего лишь дает ему эйдетическую память.

— Все равно есть много свидетелей.

— Все операции дендарийцев засекречены. Люди не станут болтать.

— Но не между собой. Слухи прошли по всему кораблю, причем сильно преувеличенные. Люди спрашивали меня, что произошло!

— Хм... А что ты им отвечала?

Элли сердито дернула плечом.

— Неполадки с боевой броней, разумеется.

— Ага! Хорошо. Тем не менее... они все здесь, а Иллиан — там. Далеко. Как он может узнать, если я сам ему не скажу?

— Не так уж далеко. — Губы Куин растянулись в подобии улыбки.

— Да ладно тебе. Ну, сама подумай! Если бы Служба безопасности могла узнать об этом, то узнала бы уже много месяцев назад. Совершенно очевидно, что все джексонианские перипетии ускользнули от их взгляда.

У Элли на шее запульсировала жилка.

— Ничего разумного в этом нет! Ты что, потерял хватку, утратил свой острый ум? Ей-богу, с тобой становится так же невозможно иметь дело, как с твоим братцем-клоном Марком!

— А Марк-то тут при чем? — Плохой признак. Сейчас они непременно поссорятся. Все три самые жаркие ссоры, возникавшие у них с Элли, были из-за Марка, и все — совсем недавно. О Господи! Он избегал — насколько мог — привычной близости с Куин во время нынешней операции. Боялся, что она увидит припадок. Майлз сильно сомневался, что сможет выдать приступ за некий новый вид оргазма. Уж не подумала ли она, что его холодность вызвана их разногласиями по поводу его брата? — Марк тут абсолютно ни при чем!

— Еще как при чем! Если бы ты не полез ему на выручку, тебя бы не убили! И у тебя не случилось бы короткое замыкание в мозгах! Может, ты и считаешь, что Марк — лучшее, что есть в мире, после двигателя Неклина, а я эту маленькую толстую жабу ненавижу!

— Ну а я люблю маленькую толстую жабу! Кто-то же должен его любить. Готов поклясться, ты просто ревнуешь! Ну, не будь такой стервой!

Теперь они уже стояли друг напротив друга, сжав кулаки и тяжело дыша. Если дойдет до драки, он проиграет. И Майлз решительно ринулся в атаку.

— Баз с Элен уходят в отставку, ты об этом знаешь? Так что я произвожу тебя в командоры и назначаю своим заместителем вместо База. Пирсон займет место главного инженера. Ты также становишься капитаном «Перегрина» до воссоединения с оставшейся частью флота. Выбор нового капитана «Перегрина» станет твоим первым приказом по личному составу. Выбери кого-нибудь, кому можешь до... с кем сможешь сработаться. Свободна!

Черт побери, совсем не так хотел он предоставить Куин столь долгожданное повышение. Он намеревался положить новое назначение к ее ногам, как ценный трофей, чтобы порадовать ее душу. Чтобы вознаградить ее за все. А не швырять, как сковородку в разгар семейной ссоры, когда слов уже не хватает.

У Элли отвисла челюсть. Она открыла рот, потом закрыла. Потом опять открыла.

— И ты думаешь куда-нибудь ехать без меня, твоего телохранителя? — возмутилась она. — Если мне не изменяет память, Иллиан однозначно приказал, чтобы ты не передвигался без охраны. Или тебе мало того, что ты уже натворил, чтобы разрушить свою карьеру?

— В этом секторе телохранитель — всего лишь формальность, пустая трата средств. — Он набрал побольше воздуха. — И я возьму с собой... сержанта Тауру. Такой телохранитель удовлетворит самого параноидального шефа Безопасности. А Таура уж наверняка заслужила отпуск.

— Ах, ты... — Большая редкость: Куин, утратившая дар речи. Развернувшись, она направилась к двери, где снова повернулась к нему лицом и резко отсалютовала, вынудив его ответить тем же. Увы, автоматической дверью хлопнуть нельзя, однако шелест, с которым она задвинулась за спиной Куин, сильно походил на змеиное шипение.

Майлз плюхнулся на стул и оперся на комм. Поколебавшись, он вызвал сокращенный отчет о задании и зашифровал его на дискету. Затем вызвал полную версию — и нажал кнопку «Стереть».

«Сделано».

Сунув зашифрованный доклад в сумку с кодированным замком, он швырнул ее на койку, медленно поднялся и начал собираться домой.

ГЛАВА 3

Единственные свободные смежные каюты на борту таукитянского скачкового корабля, уходившего с Сумерек Зоава, оказались каютами-люкс. Майлз улыбнулся такой «неудаче», сделав себе мысленную пометку объяснить эти расходы

необходимостью секретности, причем объяснить желательно после того, как он расскажет о сногсшибательной выручке, полученной за последнюю операцию. Он поиграл с этой мыслью, размещая багаж и ожидая, когда сержант Таура покончит с тщательным обследованием корабля.

Каюты были светлыми, койки — широкие и мягкие, ванные комнаты — комфортабельные. Им даже не придется выходить, чтобы поесть, — все обслуживание входило в стоимость билета. Как только корабль окажется в открытом космосе, все семь дней полета они смогут жить в собственном замкнутом мирке.

Вот следующая часть путешествия домой будет не столь удобной. На пересадочной станции Тау Кита он сменит мундир, а вместе с мундиром — и личность. На борт барраярского корабля взойдет лейтенант Майлз Форкосиган, лорд-фор, имперский курьер. Скромный молодой офицер в том же звании и с теми же полномочиями, что и несчастный лейтенант Форберг.

Майлз встряхнул зеленый барраярский мундир и повесил в стенной шкаф, где уже стояли аккуратно упакованные форменные сапоги. Личина имперского курьера всегда служила отличным прикрытием во время многочисленных перелетов к дендарийцам и обратно. Курьер никому ничего не обязан объяснять. Ни при каких обстоятельствах. Отрицательной же стороной путешествия будет то, что общество там исключительно мужское — одни военные и, увы, все — барраярцы. Сержант Таура сможет отбыть к дендарийцам, а Майлз останется со своими соотечественниками — подданными барраярского императора.

Майлз заранее предвидел их реакцию на его явное физическое несоответствие военной службе. Открыто, конечно, никто ничего не скажет — для них совершенно очевидно, что Майлз получил эту синекуру благодаря могучей протекции со стороны отца — вице-короля адмирала Фор-такого-то. Именно такая реакция ему и была нужна, чтобы сохранять прикрытие. Лейтенант Форкосиган Унылый не предпримет ровным счетом ничего, чтобы убедить их в ошибочности суждений. А может, в команде будет кто-то, с кем ему уже доводилось летать и кто привык к его необычной внешности.

Майлз запер шкаф. Пусть лейтенант Форкосиган с его заботами пока недельку отдохнет. У адмирала Нейсмита найдутся заботы и поприятнее.

Сержант Таура наконец вернулась. Просунув голову в дверь, она сообщила:

— Все чисто. «Жучков» нигде не обнаружено. Вообще-то с момента нашего появления на борту не появилось ни новых пассажиров, ни груза. Мы только что ушли с орбиты.

Майлз улыбнулся, подняв голову. Его самый уникальный дендариец, и один из лучших. Впрочем, не мудрено, что Таура отлично справляется со своими обязанностями. Для этого ее и создали.

Ведь Таура — единственный оставшийся в живых результат одного весьма сомнительного генетического проекта, разработанного, конечно же, на Архипелаге Джексона. Дом Бхарапутра надумал получить суперсолдата. Для чего была создана целая лаборатория, в которой работали одни биоинженеры и ни одного опытного военного. На выходе требовалось нечто впечатляющее, что могло произвести на клиента незабываемое впечатление. И тут они, безусловно, преуспели.

Когда Майлз впервые повстречался с Таурой, ей было всего шестнадцать, но она уже достигла восьмифутового роста и состояла из сплошных мышц. Пальцы на руках и ногах заканчивались острыми когтями, а в уголках рта торчали клыки. Тело ее источало жар, вызванный бешеным метаболизмом, которому она была обязана необыкновенной силой и скоростью реакции. Все это, вкупе с золотисто-янтарными глазами, придавало ей несколько волчий облик. Когда Таура полностью отдавалась работе, ее злобный взгляд мог вынудить вооруженных до зубов мужчин побросать оружие и грохнуться наземь. Эдакий психологический эффект, свидетелем которого Майлзу как-то раз довелось быть к его великому удовольствию.

Майлз довольно долго считал, что Таура — одна из самых красивых женщин, которых ему доводилось встречать. В своем роде, конечно. Нужно только уметь увидеть. Он мог припомнить каждый из немногих случаев, когда им довелось заниматься любовью, начиная с первой встречи семь лет назад. Вообще-то, если честно, это было еще до того, как у них все началось с Куин. В каком-то смысле Таура была первой для него, а он — для нее, и эта тайна по-прежнему сближала их.

О, они очень старались быть хорошими! Дендарийский устав, запрещавший связи между начальниками и подчиненными, был придуман ради общего блага — чтобы защитить рядовых от эксплуатации, а офицеров — от дисциплинарных проблем. И Майлз, тогда еще совсем молодой и очень серьезный адмирал Нейсмит, был весьма решительно настроен подавать положительный пример своим подчиненным. Достойное решение, которое испарилось... когда-то. Возможно, после какого-то бессчетного раза, когда его чуть не убили.

Ну, раз уж не можешь быть хорошим, будь по крайней мере скрытным.

— Отлично, сержант. — Он протянул ей руку. — Можешь расслабиться... на следующие дней семь, а?

Лицо Тауры засияло, и губы растянулись в улыбке, обнажив внушительного вида клыки.

— Правда? — Ее звучный голос задрожал.

— Правда.

Таура мгновенно подскочила к нему — при этом пол каюты слегка содрогнулся — и одарила многообещающим

поцелуем. Ее губы, как всегда, оказались горячими и возбуждающими. Огромные клыки придавали еще больше пикантности. Но главное — ее уникальный рост. Таура спешила жить, торопясь испробовать все, жила одним днем. И имела на это все основания... Майлз заставил себя не думать о будущем и запустил руку в ее густые черные волосы.

— Пойду освежусь, — ухмыльнулась Таура, оторвавшись от него и указывая на свою измятую форму.

— И постарайся получить максимум удовольствия, — сердечно напутствовал ее Майлз. — Таких сказочных условий, как здесь, я не встречал с Посольских бань Станции Дина.

Он удалился к себе, чтобы снять форму с адмиральскими нашивками и предаться упоительной процедуре подготовки к приятному времяпрепровождению. То есть побриться, помыться и сбрызнуться одеколоном. Таура заслуживает самого лучшего. Она так редко имеет возможность сбросить личину сурового сержанта, под которой скрывается очаровательная, слегка застенчивая женщина. Застенчивая и ранимая. Майлз всегда думал о ней как о Сказочной Принцессе. «Похоже, все мы имеем скрытую сущность».

Завернувшись, как в саронг, в махровое полотенце, он устроился на койке, с нетерпением ожидая появления Тауры. Интересно, предвидела ли она такую возможность, и если да, то какой наряд на этот раз прихватила с собой? Она наверняка захочет испытать на нем воздействие этих якобы сексуальных вещичек. Таура совершенно не осознавала, насколько она похожа на золотистую богиню, когда единственным украшением ей служат роскошные струящиеся черные локоны. Ну, ладно, положим, не струящиеся, а торчащие в разные стороны и щекочущие ему нос, но Тауре такая прическа очень идет. Майлз понадеялся, что на сей раз она не взяла с собой ту кошмарную розовую штуку с красными перьями. Потребовалась вся его тактичность, чтобы исподволь внушить Тауре, что такой цвет и фасон ей совсем не к лицу, и при этом ни разу не упомянуть о ее вкусе или внешности. Таура способна одной рукой свернуть ему шею, но он может убить ее одним только словом.

Таура появилась, и лицо Майлза засияло нескрываемым восторгом. На ней было что-то кремовое, нежное и шелковистое. Метры тонкой и прозрачной ткани. Такой тонкой, что ее запросто можно продеть сквозь колечко. В этом одеянии Таура еще больше походила на богиню.

— Просто великолепно! — с энтузиазмом выдохнул Майлз.

— Ты и вправду так считаешь?

Она покрутилась перед ним. Легкий шелк взлетел волнами, распространяя пряный аромат, который приятно щекотал ноздри и, казалось, проникал прямо в мозжечок. Огромные когти Тауры были аккуратно подстрижены и покрыты золо-

тистым лаком. «Отлично, значит, на сей раз обойдемся без царапин».

Таура легла рядом, и разница в росте вдруг стала совсем незначительной. Теперь они наконец могли удовлетворить свое желание человеческой — или почти человеческой — близости, не боясь внезапного вторжения и не опасаясь грубых комментариев... Майлз мысленно ощетинился, представив, что кто-то застал их вот так и расхохотался или отпустил скабрезную шутку. Интересно, его столь обостренная реакция вызвана тем, что он нарушает им же придуманный устав, или чем-то иным? Он ведь вовсе не рассчитывал на то, что кто-то способен понять их с Таурой отношения.

Да и понимает ли их он сам? Раньше он пробормотал бы что-нибудь насчет одержимости скалолазанием — самой сокровенной сексуальной фантазии любого мужчины-недомерка. Потом, став постарше, возможно, изрек бы что-нибудь относительно торжества жизни над смертью. А может, на самом деле все гораздо проще.

Может, это просто любовь?

Проснувшись, Майлз долго смотрел на спящую Тауру. Она не проснулась, едва он пошевелился. А ведь того требовала заложенная в ней генетическая программа. Значит, она действительно ему доверяет?

Майлз изучал игру света и тени на ее длинном-длинном теле цвета слоновой кости, полускрытом изрядно помятой простыней. Он провел ладонью над женственными изгибами, не касаясь тела и ощущая жар, исходящий от золотистой кожи. От ее легкого дыхания тени колыхались в танце. Дыхание ее было, как всегда, чуть ускоренным и глубоким. Майлзу так хотелось замедлить его. Ведь дни ее сочтены. Эти вдохи и выдохи... Когда она исчерпает весь запас...

Таура единственная выжила из всех своих собратьев. Все они были генетически запрограммированы на короткую жизнь. Отчасти, возможно, для большей прочности, отчасти в попытке сделать их бесстрашными воинами. Видимо, генетики руководствовались некоей глупой теорией, что короткой жизнью легче жертвовать в бою, чем длинной. Майлз считал, что эти генетики мало что понимали в храбрости, да и в жизни вообще. Суперсолдаты умирали быстро, когда приходил срок, не страдая годами от старческих болезней. Они страдали лишь несколько недель, от силы месяцев, сгорая столь же быстро, как и жили. Будто им было суждено сгореть в пламени, а не медленно умирать в бессилии. Майлз поглядел на тоненькие серебряные нити в черной шевелюре Тауры. В прошлом году их еще не было.

«Господи, ей ведь всего двадцать два года!»

Главный врач дендарийцев тщательно обследовал ее и выдал медикаменты, замедляющие метаболизм. Теперь

Таура ела только за двоих, а не за четверых. Год за годом врачи тянули жизнь Тауры наподобие тонкой золотой нити. И все же когда-нибудь нить оборвется.

Сколько ей осталось? Год? Два? Когда он в следующий раз вернется к дендарийцам, будет ли она жива? Поприветствует ли его официальным «здравствуйте, адмирал Нейсмит» на людях и весьма неформальным, чтобы не сказать грубым «привет, любовничек!» наедине?

«Хорошо, что она любит адмирала Нейсмита. Лорду Форкосигану такое не по плечу».

С некоторой долей вины он подумал о другой любовнице адмирала Нейсмита. Всем известной и признанной Элли Куин. Нет необходимости объяснять свою влюбленность в прекрасную Куин, настолько всем очевидно, что она ему подходит по всем статьям.

Если уж быть точным, то неверно говорить о том, что он неверен Элли Куин. Таура появилась раньше. И они с Куин не давали друг другу клятв и обещаний. Хотя он неоднократно и безуспешно делал ей предложение. Но она тоже любила адмирала Нейсмита. А не лорда Форкосигана. Одна мысль стать леди Форкосиган и оказаться навечно прикованной к планете, которую сама Элли иначе как «комком грязи» не называла, заставляла ее, рожденную на космической станции, с воплем бежать куда подальше или как минимум неловко просить позволения удалиться.

Любовная жизнь адмирала Нейсмита — в некотором роде мечта подростка: безграничный, иногда совершенно невероятный секс и никаких обязательств. Так почему же это вдруг перестало его удовлетворять?

Он любит Куин. Любит ее ум, ее напористость, ее кипучую энергию. Элли — лучший друг, какой у него когда-либо был. Но в конечном итоге она может предложить ему лишь... пустоту. У них не больше совместного будущего, чем было у него с Элен, привязанной к Базу, или у него с Таурой. Которая умирает.

«Боже, как мне больно». Перестать быть адмиралом Нейсмитом и стать снова лордом Форкосиганом — чуть ли не облегчение. У лорда Форкосигана сексуальной жизни нет совсем.

Майлз задумался. Так... когда же это началось, этот... пробел в его жизни? «Довольно-таки давно, по правде говоря». Странно. Он этого прежде не замечал.

Медово-золотистые глаза Тауры приоткрылись, и она одарила его сонной улыбкой.

— Проголодалась? — поинтересовался Майлз, заранее зная ответ.

— Угу.

Следующие несколько минут они посвятили приятному изучению длинного и разнообразного меню. Затем сде-

лали большой заказ. Имея рядом Тауру, радостно сообразил Майлз, он может перепробовать практически все блюда, не рискуя оставить кучу недоеденной пищи.

В ожидании заказа Таура взбила подушки и, прислонившись к ним, села в постели. Глядя на Майлза светящимися золотыми глазами, она спросила:

— А ты помнишь, как впервые накормил меня?

— Да. В подземелье Риоваля. Мерзкой плиткой сухого рациона.

— Уж лучше сухой рацион, чем сырые крысы, должна заметить.

— Теперь я могу позволить себе кое-что получше.

— И насколько!

Когда людей спасают, они должны и впредь оставаться в безопасности. Разве нет? А потом мы живем долго и счастливо, верно? Пока не умрем. Но теперь, с этими конвульсиями, разве он может быть уверен, что Таура уйдет первой? Может, в конечном счете первым уйдет адмирал Нейсмит...

— Это была одна из самых первых моих операций. И в некотором роде до сих пор — одна из лучших.

— А это... для тебя это была любовь с первого взгляда?

— М-мм... по правде говоря, нет. Скорее, ужас с первого взгляда. Влюбился я через час или около того.

— Я тоже. Я по-настоящему влюбилась в тебя, когда ты за мной вернулся.

— Ты ведь знаешь... что изначально это была вовсе не спасательная операция. — Явное преуменьшение. На самом деле его наняли «положить конец эксперименту».

— Но ты превратил ее в спасательную. Мне кажется, это твое любимое занятие. Ты всегда радуешься, когда проводишь именно такие операции. Независимо от того, насколько скверно поворачивается дело.

— Не все награды в моем деле измеряются деньгами. Я вовсе не отрицаю, что получаю хороший эмоциональный пинок, когда пытаюсь вытащить кого-то совершенно отчаявшегося из глубокой-преглубокой ямы. Особенно когда все остальные считают это совершенно невозможным. Я обожаю производить впечатление, а публика всегда такая благодарная.

Ну, разве что кроме Форберга.

— Я иногда думаю, не похож ли ты на того барраярского парня, о котором ты мне как-то рассказывал. Ну, того, который дарил всем на Зимнепраздник печеночный паштет. Потому что сам его любил. И вечно огорчался, что никто не дарит паштета ему.

— Меня спасать не требуется. Как правило.

Прошлогоднее пребывание на Архипелаге Джексона было достопамятным исключением. Только вот в его воспоминаниях об этом эпизоде имелась огромная трехмесячная дыра.

— М-мм, не то чтобы спасать. Я имела в виду то, что следует за спасением. Свободу. Ты даришь свободу всем, когда только можешь. Ты поступаешь так потому, что это то, чего ты сам хочешь?

«И не могу получить?»

— Не-а. Просто я люблю риск.

Прибыл обед на двух тележках. Майлз встретил официанта на пороге и немедленно отослал. И они с Таурой занялись милыми домашними хлопотами, расставляя блюда. Каюта была настолько просторной, что стол был не выдвижной, а обычный, намертво прикрученный к полу. Майлз пощипывал еду, наблюдая за Таурой. Процесс кормления Тауры всегда доставлял ему непонятную радость. Это само по себе являлось весьма впечатляющим зрелищем.

— Не пропусти вот эти маленькие сырные пирожки в пикантном соусе, — подсказал он. — Уверен, в них куча калорий.

— Спасибо.

Наступило мирное молчание, нарушаемое лишь мерным чавканьем.

— Удовлетворена? — поинтересовался Майлз.

Таура проглотила кусочек крошечного пирожного в форме звезды.

— О, да!

Майлз улыбнулся. У нее положительно талант быть счастливой, живя одним днем. Преследует ли ее когда-нибудь видение близкой смерти, вьющейся над ней, как ворон?

«Да, конечно, преследует. Но не будем портить себе настроение».

— Что ты подумала, когда узнала в прошлом году, что на самом деле я — лорд Форкосиган? Что адмирал Нейсмит — фикция?

Таура пожала плечами:

— Мне это показалось правильным. Я всегда думала, что ты что-то вроде переодетого принца.

— Это вряд ли! — рассмеялся Майлз. «Боже, избавь меня от императорского трона. Аминь». А может, он лжет именно сейчас. Может, именно адмирал Нейсмит — реальный человек, а лорд Форкосиган — всего лишь маска. Ему так легко давался бетанский акцент адмирала Нейсмита. А гортанный барраярский выговор лорда Форкосигана требовал сознательного усилия. И чем дальше, тем больше. Становиться Нейсмитом так легко, а Форкосиганом так... болезненно.

— На самом деле, — вернулся он к предыдущей теме, уверенный, что Таура не станет возражать, — свобода — это как раз то, чего я вовсе не хочу. В смысле не иметь цели или... или оказаться безработным. — «Особенно безработным». — Мне нужно не свободное время... не считая настоящего момента, — поспешно добавил он. Таура поощрительно кивнула. — Я хочу... мое предназначение, наверное... Быть или стать настолько полностью собой, насколько это возможно.

Например, создав адмирала Нейсмита, чтобы сохранить все те части своей личности, которым нет места на Барраяре.

Он уже думал об этом. Господи, да тысячу раз. Забыть навсегда о Форкосигане, стать просто Нейсмитом. Сбросить финансовые и патриотические оковы Службы безопасности. Стать изменником, зажить в галактике вместе со Свободным Флотом Дендарийских Наемников. Но это билет в один конец. Для фора обладание личной армией — государственная измена. Совершенно незаконная вещь, тяжелейшее преступление. Ступив на этот путь, он больше никогда не сможет вернуться домой.

Но в первую очередь он не может поступить так с отцом. «Граф-мой-отец», все произносится на одном дыхании. Ни за что, пока старик жив и связывает все свои идеи преобразования Барраяра с сыном. В реакции матери он не так уверен. Даже прожив тридцать лет на Барраяре, она бетанка до мозга костей. В принципе у нее не было бы возражений, но она не слишком одобряет военную карьеру. Но и не не одобряет тоже. Просто отчетливо дает понять, что для разумных людей есть гораздо более интересные вещи в жизни. И когда отец умрет... Майлз станет следующим графом Форкосиганом, с майоратом и голосом в Совете графов и каждодневными дурацкими обязанностями... «Живи, отец, живи как можно дольше».

Но ведь есть в нем, в Майлзе, и некоторые глубины, где нет места и адмиралу Нейсмиту.

— Кстати, о памятных спасательных операциях, — вернул его к действительности голос Тауры. — Как поживает твой клон-близнец Марк? Он уже нашел свое предназначение?

По крайней мере Таура не называет его единственного брата толстой маленькой жабой. Майлз благодарно улыбнулся.

— Насколько я понимаю, поживает он отлично. Он улетел вместе с родителями на Зергияр, пробыл там с ними некоторое время и уехал на Колонию Бета. По просьбе матери там за ним присматривает наша бетанская бабушка. Он поступил в университет Силики — города, где она живет — и изучает там, помимо всего прочего, бухгалтерию. Ему, похоже, это нравится. Вот чего я никак не пойму. Мне почему-то казалось, что близнецы должны иметь больше общего, чем обычные братья.

— Может быть, с возрастом у вас появится больше общего.

— Сомневаюсь, что Марка когда-нибудь снова заинтересует карьера военного.

— Да, но, возможно, тебя заинтересует бухгалтерия.

Майлз подозрительно покосился на нее. О, отлично! Она таки шутит. Это видно по хитрым морщинкам в уголках глаз. Но даже когда она посерьезнела, похожие на птичьи следы морщинки все равно остались.

— Ну, если не стану таким толстым, как он...

Майлз медленно потягивал вино. Разговор о Марке навел на воспоминания об Архипелаге Джексона, пребывании

в криостазе и последовавших за оживлением проблемах. А также о докторе Дюрона, его криохирурге. Удалось ли клану Дюрона основать клинику на Эскобаре, вдали от их ненавистной бывшей родины? Должно быть, Марку об этом известно. Судя по его посланиям, он по-прежнему переводит им деньги. А если удалось, готовы ли они принять нового, точнее, старого пациента? Очень-очень тайно.

Он может взять долгосрочный отпуск, якобы с целью посетить родителей на Зергияре. А с Зергияра до Эскобара рукой подать. А там он сможет увидеть Вербену Дюрона... А может, ему даже удастся представить это Иллиану как поездку к любовнице. Или по крайней мере преподнести эту версию отцу. Агентам Имперской безопасности неохотно, но разрешали иметь личную жизнь. Хотя если у Иллиана таковая имеется, то это новость. Короткий роман с Вербеной был в некотором роде ошибкой. Случайность. Следствие криоамнезии. Но расстались они, похоже, вполне дружески. Сможет ли он убедить ее заняться его лечением втайне, безо всякой документации, которая может попасть в лапы Имперской безопасности?

Такое вполне возможно... Привести в порядок голову, что бы там в ней ни нарушилось. И спокойно жить дальше. И никто и знать не будет. Верно?

Какая-то его часть уже сожалела о том, что он не зашифровал оба варианта рапорта для Имперской безопасности, чтобы принять окончательное решение позже, когда будет время на размышление. Возьми одно и съешь другое. Но теперь он обречен. А раз обречен, то ему необходимо что-то более надежное, чем просто удача.

И Эскобар давал такой выход. Как только позволит время. Ну, очень неприятно, что на этот раз он летит домой не через Эскобар.

Майлз выпрямился и оглядел гору пустой посуды на столе. Больше походит на пейзаж после битвы, после того, как... ну, после того, как Таура наелась. Уборка не требуется. Он посмотрел на кровать.

— Что, миледи? Спать? Или как?

Таура проследила его взгляд.

— Или как. А потом спать, — решила она.

— К вашим услугам. — Он по-форски поклонился, встал и протянул ей руку. — Пользуйтесь ночным временем.

ГЛАВА 4

В соответствии со стандартной процедурой встречи курьера автомобиль Имперской безопасности с шофером, ожидавший в военном космопорту в пригороде Форбарр-

Султана, отвез Майлза прямо в штаб-квартиру Имперской безопасности. Жаль, что шофер не замедлил хода или не объехал вокруг квартала пару-тройку раз. Слишком быстро в окне показалось здание Имперской безопасности Барраяра. Будто всех этих муторных недель, которые он на борту барраярского корабля провел в размышлениях, недостаточно. Размышлять больше не над чем, нужно действовать.

Миновав контрольно-пропускной пункт, машина скользнула в ворота к массивному серому строению, огромному, мрачному и зловещему. Подобное впечатление было вызвано вовсе не мрачным настроением Майлза. Здание Имперской безопасности — одно из самых чудовищных сооружений Форбарр-Султана. Приезжие из глубинки, которым полагалось бы избегать этого места, как чумы, специально старались проехать мимо, чтобы взглянуть на творение пресловутого архитектора, который, если верить легенде, умер совершенно свихнувшимся после внезапного устранения своего покровителя императора Ури. Шофер провез Майлза вдоль угрюмого фасада к потайному входу, предназначенному для курьеров, шпионов, информаторов, аналитиков, секретарей и вообще всех, кому положено.

Отпустив машину, Майлз некоторое время постоял на осенней прохладе. У него возникла неприятная уверенность, что его тщательно разработанный план ни за что не сработает.

«А даже если и сработает, то я обречен вечно ходить с подвешенным над головой топором в ожидании разоблачения ex post facto*. «Нет уж, только не это. Конечно, он отдаст отредактированный рапорт, выбора нет, но потом (не дожидаясь, пока шеф прочтет эту чертову штуку) устно доложит Иллиану и расскажет все как есть. Представит дело так, будто посчитал, что сведения о его состоянии здоровья настолько «горячие», что он побоялся записывать их даже шифром. Будто он изначально собирался вывалить новость Иллиану на голову для принятия решения. В любом случае добраться до дому быстрее Майлз не мог физически.

Если он простоит здесь еще немного, притворяясь, будто рассматривает стилизованных гранитных монстров, вырезанных на дверной перемычке — «сушеные горгульи», как назвал их какой-то шутник, — наверняка появится охранник и вежливо поинтересуется, что он тут делает. Майлз решительно свернул плащ, аккуратно перебросил его через руку, прижал к груди закодированный куб и вошел.

Охранник на проходной после обычной проверки пропустил его без всяких комментариев. Все шло, как обычно. Майлз оставил плащ — специально пошитый на заказ для его, прямо скажем, нестандартной фигуры — в гардеробе. То, что ему предоставили самому добираться до довольно-таки труд-

* после свершившегося факта *(лат.)*.

нодоступного кабинета Иллиана, показывало степень его, Майлза, надежности. Чтобы попасть на этаж, где расположился Иллиан, нужно подняться на двух разных лифтах, а потом еще спуститься на третьем.

Благополучно миновав последнее сканирование в коридоре, Майлз обнаружил, что дверь в приемную Иллиана открыта. Секретарь сидел на месте и беседовал с генералом Лукасом Гарошем, главой Департамента внутренних дел. Почему-то сей титул всегда вызывал у Майлза мысль о жиголо, специализирующимся на скучающих женах, но на самом деле это была одна из самых мерзких и неблагодарных работ Службы безопасности. Департамент занимался отслеживанием возможных заговоров и антиправительственных группировок на Барраяре. Коллега Гароша генерал Аллегре занимался тем же самым на упрямой завоеванной Комарре.

В тех редких случаях, когда Майлз не докладывал непосредственно Иллиану, он, как правило, имел дело с главой Департамента по делам галактики (довольно-таки экзотическое и вызывающее название). Но ДДГ находился на Комарре, а сейчас Майлзу было приказано отправиться прямо на Барраяр. Можно предположить, что дело не терпит отлагательства. Может, оно настолько срочное, что Иллиан не придаст особого значения скверным новостям?

— Приветствую, капитан. Здравствуйте, генерал Гарош. — Как младший офицер, Майлз отдал честь. Ему ответили тем же. Секретаря Иллиана Майлз знал не очень хорошо. Капитан занимался этим неблагодарным делом года два, а Майлз работал непосредственно с Иллианом уже не менее шести лет.

Секретарь протянул руку к закодированному кубу.

— А, ваш рапорт. Отлично. Распишитесь, пожалуйста.

— Я... вроде как собирался вручить его шефу лично. — Майлз кивнул на закрытую дверь кабинета Иллиана.

— Сегодня это невозможно. Его нет.

— Нет? Я рассчитывал... У меня есть кое-какие личные комментарии.

— Я могу ему передать, как только он придет.

— А он скоро вернется? Я мог бы подождать.

— Не сегодня. Его нет в городе.

«Черт!»

— Ну, что ж... — Майлз нехотя протянул куб секретарю и четырежды прижал ладонь к комму, чтобы подтвердить передачу. — А... он не оставлял для меня никаких распоряжений? Ему должно быть известно о моем прибытии.

— Да, лейтенант. Вам приказано отдыхать, пока вас не вызовут.

— Я думал, что дело срочное, раз мне приказали прибыть с первым же кораблем. Я уже отдохнул несколько недель в дороге.

— Ничего не могу сказать, — пожал плечами капитан. — Иногда Имперская безопасность вспоминает, что является военным учреждением. Срочно беги и жди.

Да, из этого никакой информации не вытянешь. Но ежели у него столько времени, тогда тихонько слетать на Эскобар для тайного лечения можно прямо сейчас...

— Отдыхать, значит? А я могу навестить родителей на Зергияре?

— Боюсь, что нет. Вы должны быть готовы явиться по вызову в течение часа. Так что лучше вам не покидать города. Мне очень жаль, лейтенант Форкосиган.

«И вполовину не так, как мне». М-да, ни один план боевых действий не выдерживает первого столкновения с противником.

— Что ж... тогда передайте, пожалуйста, Иллиану, что я хотел бы с ним встретиться при первой же возможности.

— Непременно, — кивнул секретарь, делая пометку в своих записях.

— Как поживают ваши родители, лейтенант Форкосиган? — поинтересовался генерал Гарош. Выглядел генерал лет на пятьдесят, но в волосах его уже пробивалась седина. Майлзу нравился его тембр голоса, низкий и глубокий, иногда с оттенком юмора. Даже прожив столько лет в столице, генерал по-прежнему говорил с легким акцентом, выдававшим уроженца западных провинций. Своими способностями Гарош завоевал блестящую репутацию в Имперской безопасности, будучи при этом практически неизвестен за ее пределами. Качество, весьма импонировавшее Майлзу. Он начал работать в центральном аппарате на год или два раньше Майлза. Но за десять лет на такой работе, подумал Майлз, кто угодно поседеет. А язва желудка Гарошу точно обеспечена.

— Думаю, сэр, вы располагаете более свежими данными. Моя почта, наверное, еще лежит в ДДГ на Комарре.

Гарош развел руками:

— Иллиан изъял Зергияр из моего ведомства и создал отдельный Департамент по делам Зергияра, наподобие департамента по Комарре.

— Вряд ли там столько проблем, чтобы создавать отдельный департамент, — сказал Майлз. — Колония существует меньше тридцати лет. Население не достигает и миллиона, верно?

Секретарь кивнул.

Гарош улыбнулся с оттенком горечи:

— Лично я полагал, что это преждевременное решение, но то, чего хочет прославленный вице-король граф Форкосиган... обычно сбывается.

Он прикрыл глаза, словно не желал, чтобы Майлз заметил его многозначительный взгляд.

«Не вздумайте нести эту чушь о протекции, Гарош. Уж вам-то хорошо известно, чем я действительно занимаюсь. И насколько хорошо справляюсь со своей работой».

— Похоже на очередную синекуру. Колонисты слишком заняты насущными делами, чтобы вступать в дискуссии. Может, мне следует попроситься на должность руководителя.

— Боюсь, этот пост уже занят. Полковником Ольшанским.

— О? Я слышал, что он очень уравновешенный человек. Зергияр, несомненно, занимает важное место относительно п-втуннеля, но я думал, что этим аспектом занимается департамент по делам галактики. Полагаю, Иллиан смотрит вперед. — Майлз вздохнул. — Видимо, я могу идти домой. Когда понадоблюсь, меня можно найти в особняке Форкосиганов.

Губы секретаря растянулись в зловещей ухмылке.

— О, в случае необходимости мы найдем вас где угодно.

Дежурная шутка Службы безопасности. Майлз послушно рассмеялся и сбежал.

К последнему лифту он подошел одновременно с каким-то капитаном, темноволосым субъектом средних лет с внимательными карими глазами и римским профилем: очень знакомая, но совершенно неожиданная здесь физиономия.

— Дув Галени! — воскликнул Майлз. — Что вы здесь делаете?

— О, привет, Майлз. — Галени улыбнулся, насколько вообще был способен улыбаться, то есть состроил радостную гримасу. Он слегка постарел и пополнел, но выглядел довольным и уверенным. — Работаю, конечно. Я снова вернулся сюда.

— В прошлую нашу встречу вы занимались контрразведкой на Комарре. Значит, вас повысили? Проснулась тяга к кабинетной работе? Или решили погреться в лучах имперской мощи?

— Все вышеперечисленное плюс... — Галени огляделся, словно желая лишний раз убедиться, что они одни. Что же это за секрет такой, о котором можно говорить только шепотом даже здесь, в самом центре лабиринта? — Эта женщина...

— Бог мой, звучит похоже на кузена Айвена. Итак, вы, женщина и?..

— Не смейте надо мной смеяться. Разве вы сами... э-э-э... не связаны с великолепной Куин?

Майлз чуть не скривился, вспомнив о последней ссоре с Элли.

— Более или менее.

Ему необходимо вернуться и разобраться с Куин при первой же возможности. Она достаточно остыла, чтобы проводить его, когда он садился на катер «Перегрина», но их прощание было официальным и натянутым.

— Ну так вот, — продолжил Галени. — Она комаррианка. Из семьи Тоскане. Защитив на Комарре докторскую по теории бизнеса, она начала работать в семейном торговом концерне. А теперь является постоянным представителем торговой группы комаррских концессий в Форбарр-Султане.

Своего рода посредник между ними и Империей. Блистательная женщина.

В устах Галени, который сам получил докторскую степень по истории еще до того, как стал первым комаррцем, принятым на военную службу Барраяра, это была высокая оценка.

— Так... вы за ней ухаживаете или думаете взять на работу в свой департамент?

Майлз готов был поклясться, что Галени едва не вспыхнул.

— Это серьезно, Форкосиган!

— И амбициозно. Если она из тех самых Тоскане.

— Я сам был когда-то из тех самых Галенов. Когда Галены еще стояли в том же ряду.

— Подумываете о восстановлении фамильного состояния, а?

— М-м-м... времена меняются. Все движется вперед. Полагаю, и мне пора заняться личной жизнью. Мне ведь почти сорок, знаете ли.

— Стоите на пороге старческой немощи, — ухмыльнулся Майлз. — Ладно, поздравляю. Или мне следует пожелать удачи?

— Пожалуй, удачи. Поздравлять пока рановато. Но, надеюсь, скоро придет черед и поздравлений. А вы?

«Моя личная жизнь в данный момент очень сложная. Во всяком случае... личная жизнь адмирала Нейсмита».

— А, работа? В настоящий момент я... э-э-э... не занят. Я только что вернулся из небольшого галактического круиза.

Галени понимающе поднял бровь. О состоявшейся несколько лет назад встрече с дендарийцами и адмиралом Нейсмитом у него, несомненно, сохранились весьма живые воспоминания.

— Вы вверх и внутрь или вниз и на улицу?

Майлз указал на лифт, ведущий вниз.

— Домой. Получил несколько дней отпуска.

— Тогда, может быть, мы еще встретимся где-нибудь в городе. — Галени кивнул и, весело козырнув, зашел в лифт.

— Надеюсь. До встречи. — Майлз, в свою очередь, вошел в соседнюю кабину и спустился к выходу.

На улице Майлз помедлил, решая небольшую проблемку. Обычно после доклада он либо вызывал машину из резиденции отца, с оруженосцем или слугой за рулем, или — что случалось гораздо чаще — обнаруживал машину, уже поджидающую его у выхода из логова Иллиана. Но оруженосцы, слуги, машины и прочие отбыли вместе с графом и графиней Форкосиган во дворец вице-короля на Зергияре. (Об оном дворце мать в одном из посланий сухо сообщила, что термин «дворец» является явным эвфемизмом.) Так как же быть: позаимствовать транспорт из гаража Службы безопасности или вызвать наемный? Однако можно быть совершенно уверенным: какое бы решение он ни принял, машину все равно сперва тщательно проскани-

руют охранники Службы. А багаж он отправил в резиденцию прямо из космопорта.

День был пасмурный и хмурый, но без дождя. А он столько времени провел на борту весьма тесного (хоть и быстрого) прыжкового корабля. Майлз взял плащ и вышел на улицу. В конце концов, ему было приказано не передвигаться без телохранителя только по галактике.

От штаб-квартиры до особняка Форкосиганов не более четырех километров — оба здания расположены в Старом городе.

«Пройдусь-ка я до дома пешком».

Майлз подошел к резиденции Форкосиганов в сумерках и поздравил себя с хорошим результатом. Четыре километра за... Ну, может, это не лучший его результат, но по крайней мере он не задыхается и не ловит воздух ртом, как полгода назад.

Предпринятая экспромтом прогулка оказалась... просто прогулкой. На улицах в центре было полно машин. Люди спешили по делам, и почти никто не обращал внимания на невысокого мужчину в мундире. Ни тебе долгих взглядов, ни грубых жестов или комментариев, даже ни единого знака, охраняющего от мутации. Может, отношение к нему изменилось потому, что он избавился от искривления позвоночника? Или это изменились сами барраярцы?

Когда-то здесь стояли три старинных особняка, занимавших целый квартал. Во времена регентства графа Форкосигана один из особняков из соображений безопасности приобрело правительство, и теперь там располагались какие-то мелкие конторы. Другой, самый ветхий, с прогнившими перекрытиями, просто-напросто снесли и на его месте разбили небольшой сквер. Лет сто — сто пятьдесят назад эти особняки, должно быть, величественно возвышались над проезжающими каретами и всадниками. А сейчас их затмевали современные башни, выстроенные на противоположной стороне улицы.

Особняк Форкосиганов стоял в центре, отделенный от улицы узеньким газоном и садом, который полукругом огибала дорожка. Сад окружала высокая каменная стена, украшенная острыми коваными пиками. Четыре этажа огромных серых каменных блоков, разбитых на правое и левое крыло, с небольшими пристройками, высились огромным архаичным массивом. Не хватает только решеток на окнах и рва. А заодно летучих мышей и воронов для декора. Привезенные некогда с Земли летучие мыши плохо прижились на Барраяре, поскольку земных видов насекомых здесь оказалось недостаточно, а местные создания, неправомерно называемые жуками, были, как правило, ядовитыми. Настоящей защитой особняка служил силовой щит, начинавшийся сразу за стеной. Он же исключал наличие летучих мышей. В бетонной караульной будке возле ворот обычно сидела охрана. В достославные времена Регент-

ства здесь постоянно дежурили целых два взвода Службы безопасности, расставив посты не только возле особняка, но и на несколько кварталов вокруг, наблюдая за снующими туда-сюда правительственными шишками.

Теперь ворота охранял один-единственный молоденький капрал, который, заслышав шаги Майлза, высунулся из дверей караулки, затем выскочил и, отсалютовав, вытянулся по стойке «смирно». Явно новенький — Майлз его прежде не видел.

— Добрый день, лейтенант Форкосиган, — бодро проговорил юноша. — Я ждал вас. Ваши вещи принесли два часа назад. Я все просканировал, так что чемодан можно вносить в дом.

— Благодарю, капрал. — Майлз с серьезной миной козырнул в ответ. — За последнее время здесь были какие-нибудь проблемы?

— В общем-то нет. С момента отбытия графа с графиней ничего особенного не происходило. Вот только один раз, ночью, когда бродячая кошка проскочила мимо сканеров и угодила в силовую ловушку. Вот уж никогда не думал, что кошка способна учинить такой переполох! Похоже, она решила, что ее сейчас прикончат и съедят.

Майлз заметил в дальнем углу караулки упаковку от сандвича и мисочку с молоком. В дверном проеме второй крошечной комнаты мерцали видеомониторы охранной системы.

— Ну и... э-э... как? Я хотел спросить, убили ее?

— Нет, сэр. К счастью.

— Вот и хорошо. — Майлз забрал чемодан, неловко столкнувшись с капралом, который запоздало сообразил подать багаж. Из-под стула, стоящего возле миски с молоком, на Майлза смотрела пара затравленных желто-зеленых кошачьих глаз. Мундир юного капрала украшала весьма занимательная коллекция темных ворсинок, руки его были покрыты глубокими, уже начавшими подживать царапинами. Держать животных на посту — грубейшее нарушение устава. Но девять часов каждый Божий день сидеть в этом крошечном бункере! Сбеситься можно с тоски.

— Замки перенастроены под вашу ладонь, сэр, — торопливо сообщил охранник. — Я все проверил дважды. Могу я донести ваш чемодан? Вы знаете, сколько пробудете? И будет ли здесь... что-нибудь происходить?

— Пока не знаю. Как только прояснится, я вам сообщу.

Парнишке явно хотелось поговорить, но Майлз слишком устал. Позже. Он двинулся было к дому, но передумал.

— Как вы ее назвали?

— Сэр?

— Кошку.

На лице юноши мелькнул испуг. Видимо, припомнилась статья устава, касающаяся животных.

— Э-э-э... Царапка, сэр.

По крайней мере парень честен.

— Подходяще. Что ж, несите службу дальше, капрал. — Майлз отсалютовал на манер аналитиков Службы безопасности, то есть двумя пальцами обозначил что-то вроде взмаха в направлении левого виска. Аналитики Службы не больно-то почтительно относились к тем, чей КИ считали ниже своего, то есть практически ко всем остальным сотрудникам Имперской безопасности. Охранник благодарно ответил четким армейским салютом.

«Когда это Служба безопасности начала направлять к нам детей для охраны ворот?» Мрачные личности, охранявшие резиденцию при отце, прикончили бы несчастную кошку на месте. А ее бренные останки подвергли бы тщательному исследованию на предмет обнаружения шпионских устройств или бомбы. Пареньку, должно быть... М-да... как минимум двадцать один год, раз он служит в Безопасности и имеет чин капрала. Майлз вздрогнул от холода и поспешил к дому — от измороси, стремительно превращавшейся в проливной дождь.

Он прижал ладонь к сенсорному замку справа от двойных дверей. Створки грациозно распахнулись, пропуская его внутрь, и немедленно закрылись, едва он переступил порог. Весьма непривычно самому открывать дверь. Обычно возле дверей всегда стоял оруженосец в коричневой с серебром ливрее и открывал дверь. Когда это они успели здесь все автоматизировать?

Огромный холл с полом в черно-белую клетку казался холодным и мрачным в дождливых сумерках. Майлз чуть было не воскликнул «Свет!», чтобы включить освещение, но передумал и поставил чемодан на пол. Ни разу еще особняк Форкосиганов не был целиком и полностью в его распоряжении.

— «Когда-нибудь, сын, все это станет твоим», — прошептал он во тьму. Произнесенные шепотом слова эхом разнеслись по всему помещению. Майлз подавил невольную дрожь. Повернувшись направо, он начал медленный обход владений.

Мягкий ковер поглощал звук шагов. Оставшуюся мебель — похоже, родители увезли больше половины — закрывали белые покрывала. Майлз обошел весь первый этаж. Почему-то все казалось одновременно и больше и меньше, чем он помнил. Озадачивающий парадокс.

Он осмотрел гараж, расположенный в подвале восточного крыла. Его флайер аккуратно стоял в углу. Огромный роскошный, хоть и устаревшей модели, бронированный лимузин занимал другой угол. Лимузин напомнил Майлзу его боевую броню. «Пожалуй, не стоит ездить на машине или летать, пока не разберусь с этой чертовой болячкой в голове». Управляя флайером, он рискует погибнуть сам, если припадок застигнет его в небе, а на машине — угробить кого-нибудь на трассе. Прошлой зимой, до того, как Майлз убедил себя, что выздоравливает, он весьма наловчился якобы случайно присоединяться к кому-ни-

 будь, если нужно было ехать.

Он спустился по черной лестнице на большую кухню. В детстве здесь всегда можно было стянуть что-нибудь вкусненькое, пообщаться. Здесь было полно интересных, вечно занятых людей: поваров, оруженосцев, слуг. А иногда можно было встретить даже одного проголодавшегося регента, забегавшего в поисках съестного. Теперь на кухне стояла кое-какая утварь, но ничего съестного ни на плитах, ни в отключенных от сети холодильниках не было.

Майлз подключил самый маленький холодильник. Если он задержится, придется закупить продукты. Или завести слугу. Одного слуги вполне хватит. И все же ему не хотелось видеть здесь никого постороннего... Может, кто-то из прежней обслуги, выйдя на пенсию, живет поблизости и его удастся уговорить вернуться на несколько дней... Но, возможно, он сам пробудет дома недолго. Может, лучше купить готовую еду? Только не с военной кухни, премного благодарен. В винном погребе, покорно открывшемся при прикосновении форкосиганской длани, осталось весьма впечатляющее количество вина. Майлз извлек пару бутылок любимого красного, положенного сюда еще при деде.

Не побеспокоившись включить лифт, Майлз поднялся с чемоданом и бутылками по винтовой лестнице на третий этаж к себе в спальню. Окна выходили на внутренний садик. Он включил свет — в ночной тьме больше опасностей, чем в черной меланхолии. Комната ничуть не изменилась с тех пор, как он был здесь в последний раз... Когда? Неужели всего четыре месяца назад? Слишком чисто и опрятно. Здесь никто давно по-настоящему не жил. Ну, положим, прошлой зимой лорд Форкосиган пробыл тут довольно долго, но был несколько не в форме, чтобы устроить развал.

«Можно заказать что-нибудь поесть. И поделиться с охранником».

Но он не ощущал особого голода.

«Я могу делать все, что мне заблагорассудится. Абсолютно все».

Кроме одного. Того, чего он действительно хотел, — отбыть нынче же ночью на самом быстром прыжковом корабле к Эскобару или какой-нибудь другой планете со столь же развитой медициной. Он непроизвольно зарычал. И принялся распаковывать чемодан, аккуратно раскладывая все по местам. Сбросил сапоги, мундир повесил в шкаф, натянул на себя старенький удобный комбинезон.

Усевшись на кровать, налил себе вина во взятый в ванной стакан. Последнее время он избегал спиртного и вообще любых наркотиков. Впрочем, это, кажется, не играло особой роли в его редких и нерегулярных припадках. Он тихо просидит в резиденции Форкосиганов до самой встречи с Иллианом, и ежели с ним и случится припадок, этого по крайней мере никто не увидит.

«Выпью, а потом закажу еду».

А завтра он разработает новый план атаки на... на чертова саботажника, пробравшегося в его нейроны.

Вино, густое и терпкое, приятно согревало. Похоже, для отключки теперь требуется больше алкоголя, чем раньше. Ну, это не проблема. Понижение восприимчивости могло быть и побочным следствием криооживления, но Майлз мрачно подумал, что скорее всего он просто-напросто стареет. Заснул он только тогда, когда бутылка опустела на две трети.

К полудню следующего дня проблема пищи стала весьма актуальной: хоть Майлз и перехватил что-то на завтрак, отсутствие кофе и чая просто ввергало в отчаяние.

«Я — специально обученный сотрудник Службы безопасности. И могу решить эту проблему». Кто-то же делал закупки все эти годы... Нет, если припомнить, продукты на кухню доставлялись на грузовике. Оруженосцы всегда осматривали машину. Шеф-повар фактически выполнял обязанности каптенармуса, ведь он должен был накормить графа, графиню, пару дюжин слуг, двадцать оруженосцев, кучу их родственников и вечно голодных охранников, никогда не отказывавшихся перекусить. А еще — частые официальные приемы, обеды и ужины, где количество гостей измерялось сотнями.

Комм-пульт на кухне предоставил Майлзу необходимые сведения. У Форкосиганов имелся постоянный поставщик. В связи с отъездом родителей счет закрыли, но его можно открыть снова. Предлагаемый поставщиком ассортимент потрясал своей обширностью. Цены потрясали еще больше. Интересно, сколько марок платили за яйца?.. О!.. Это ж цена за дюжину дюжин, а не за двенадцать штук. Майлз попытался представить себе, что станет делать со ста сорока четырьмя яйцами. Да, такую бы возможность ему бы лет в тринадцать... Увы, некоторые возможности подворачиваются слишком поздно.

Он вернулся к комму. Ближайшее место, где можно приобрести еду, — небольшой магазинчик примерно в шести кварталах отсюда. Вот еще задачка: осмелится ли он сесть за руль?

«Иди пешком. А оттуда приедешь на наемной машине».

Магазинчик оказался забавной маленькой дырой в стене, но там можно было приобрести кофе, чай, молоко, яйца в разумных количествах, коробку каши мгновенного приготовления и целую кучу различных упаковок с надписью «готовое блюдо»! Майлз набрал по паре всех пяти видов. Повинуясь импульсу, заодно захватил штук шесть пакетиков дорогого кошачьего корма, такой пахучей штуки, которую почему-то обожают кошки. Итак... отдать корм охраннику? Или попытаться заманить Царапку к себе? После инцидента с силовой ловушкой киска вряд ли имеет привычку прогуливаться возле черного хода особняка Форкосиганов.

Майлз сгреб в охапку покупки и направился к кассе, где кассир со специфической улыбочкой оглядела его с ног до головы. Он уже приготовился услышать какую-нибудь гнусненькую реплику, типа «А, мутант!». Следовало перед выходом надеть форму. Никто не осмелится оскорбить человека, у которого на воротнике Глаз Гора. Но женщина сказала всего-навсего:

— А, холостяк!

Майлз вернулся домой и приступил к позднему завтраку, потратив на него примерно час. До наступления темноты еще пять часов. А до сна — и того больше. На изучение всех имеющихся на Барраяре крионеврологических клиник и специалистов ушло совсем немного времени. Список был разделен по двум признакам: репутация и вероятность сохранения его визита в тайне от Имперской безопасности. Со вторым пунктом возникли сложности. Майлз хотел, чтобы в его голове копались только самые лучшие специалисты, но самых лучших чудовищно трудно убедить заняться лечением пациента и не вести при этом записей. Так что? Эскобар? Барраяр? Или подождать следующей галактической миссии, как можно дальше от штаб-квартиры?

Он бродил по дому, предаваясь воспоминаниям. Вот здесь была комната Элен. А вот эта крошечная комнатушка принадлежала ее отцу, сержанту Ботари. А тут вот Айвен перевалился через ограждение и пролетел половину пролета, чуть не раскроив себе череп, что, впрочем, никак не отразилось на его умственных способностях. Даже возникла было надежда, что после падения он поумнеет...

Во время ужина Майлз решил соблюсти все семейные традиции. Надел мундир, снял покрывала с мебели в большом обеденном зале и поставил во главе многометрового стола хрустальный бокал для вина. Он даже собрался было достать тарелки, но сообразил, что, если съест все прямо из упаковки, избавится от необходимости мыть посуду. Включив легкую музыку, он приступил к ужину, на который потратил минут пять. Закончив трапезу, он снова аккуратно закрыл покрывалами полированный стол и изящные стулья.

«Будь здесь дендарийцы, я бы устроил настоящую вечеринку».

Элли Куин. Или Таура. Или Вербена Дюрона. Или даже Элен, Баз и все остальные. Бел Торн, которого ему по-прежнему не хватает. Все вместе. Кто-нибудь из них. Представив дендарийцев, занявших особняк Форкосиганов, Майлз испытал легкое головокружение. Вне всякого сомнения, они сумели бы оживить это место.

К вечеру он настолько дошел до ручки, что вызвал по комму кузена Айвена.

Айвен отозвался довольно быстро. Лейтенант лорд Айвен Форпатрил был одет в зеленый мундир, абсолютно

15 Заказ 701

идентичный мундиру Майлза, с той лишь разницей, что на воротнике напротив лейтенантских нашивок вместо Глаз Гора красовалась общевойсковая эмблема. По крайней мере хоть Айвен не меняется: по-прежнему днем сидит в генштабе, а ночами ведет беззаботную жизнь столичного офицера-фора.

При виде Майлза Айвен расплылся в счастливой улыбке.

— Братец! А я и не знал, что ты здесь.

— Я уже несколько дней, как приехал, — признался Майлз. — Занимался тем, что попробовал испытать на себе, что значит иметь особняк Форкосиганов в единоличном пользовании. Странное ощущение, должен заметить.

— Господи Боже мой, ты совсем один в этом мавзолее?

— Не считая охранника и кошки Царапки, но они живут сами по себе.

— Тебе, ожившему покойнику, это, по-моему, вполне подходит, — ухмыльнулся Айвен.

Майлз коснулся груди.

— Не очень. Никогда прежде не замечал, насколько сильно старые дома скрипят по ночам. Вторую половину дня я провел... — Он не мог сказать Айвену, что разрабатывал план тайного лечения, поэтому быстро перестроился, — копаясь в архивах. Меня всегда интересовало, сколько людей умерло в этом доме за многие века. Кроме деда, конечно. Оказалось — гораздо больше, чем я думал.

— Ага.

— Так что в городе? Можно рассчитывать на твое появление у меня, или как?

— Я весь день на службе... а вообще-то ничего интересного нет. День рождения императора уже отпраздновали, а Зимнепраздник еще не наступил.

— Как прошел нынешний День рождения? Меня не было. Я был в пути, летел три недели. И там никто даже не напился.

— Да, знаю. Ведь я вынужден был вручать мешочек с золотом от твоей провинции. Все прошло как обычно. Грегор ушел рано, и все тихо-мирно увяло еще до рассвета. — Айвен провел языком по губам, будто его осенила блестящая идея. Майлз насторожился.

— Вот что я тебе скажу. Через два дня Грегор устраивает официальный ужин. Там будут два или три новых галактических посла и пара консулов, вручивших верительные грамоты в прошлом месяце. Грегор решил принять их всех одновременно, чтобы разом покончить с этим делом. И, как обычно, роль хозяйки выполняет моя мать.

Леди Элис Форпатрил была всеми признанным социальным арбитром Форбарр-Султана и во многом была обязана этой репутации своим обязанностям во дворце, выступая в роли хозяйки на многочисленных официальных мероприятиях

холостого, не имеющего ни матери, ни сестры императора Грегора.

— Потом будут танцы. Мать просила меня привести кого-нибудь из молодежи, чтобы заполнить бальный зал. Под молодежью, насколько я понимаю, она имела в виду людей моложе сорока. Естественно, подходящих по социальному статусу, как ты понимаешь. Если б я знал, что ты приехал, то связался бы с тобой.

— Она хочет, чтобы ты привел девушку, — пояснил Майлз. — Причем желательно невесту.

Айвен ухмыльнулся:

— Ага, только по какой-то непонятной причине большинство моих знакомых не хотят давать взаймы своих.

— Мне тоже нужно привести партнершу для танцев? Сомневаюсь, чтобы у меня здесь остались знакомые женщины.

— Ну, так пригласи одну из дочерей Куделки. Я так и сделал. Конечно, это все равно что прийти с сестрой, но они чертовски хороши, особенно все вместе.

— Ты пригласил Делию? — задумчиво поинтересовался Майлз.

— Ага, но могу уступить ее тебе, если хочешь, и взять Марсию. Но если пойдешь с Делией, пообещай, что не заставишь ее надевать туфли на высоких каблуках. Она терпеть не может каблуки.

— Но на каблуках она... настолько впечатляюще выглядит.

— Она достаточно впечатляюще выглядит и так.

— Это точно. Ну... ладно, договорились. — Майлз на мгновение представил, что с ним приключился припадок посреди бального зала на глазах у доброй половины сливок форского общества столицы. Но какой у него выбор? Сидеть дома, как сыч, мечтая о бегстве на Эскобар, придумывая очередные девятнадцать бесполезных способов, как обыграть Службу безопасности на ее родном поле? Или разрабатывая блестящий план, как спереть у охранника кошку и поселить у себя? А Айвен вполне может решить проблему с транспортом.

— У меня нет машины, — сообщил Майлз.

— А что с твоим флайером?

— Он... в мастерской. На профилактике.

— Хочешь, чтобы я за тобой заехал?

Мозги Майлза работали на полных оборотах. Сие означает, что за рулем будет Айвен, к вящему ужасу всех пассажиров. Разве что Майлзу удастся уговорить Делию Куделку вести машину.

— А твоя мать действительно хочет, чтобы народу было побольше?

— Она так сказала.

— Здесь капитан Дув Галени. Я встретил его на днях в штаб-квартире Имперской безопасности. Сидит в аналитическом отделе и почему-то считает это великим благом.

— Ах да, я ведь знаю об этом! И сказал бы тебе, как только вспомнил. Несколько недель назад он появлялся в

наших краях вместе с генералом Аллегре для консультации с руководством. Я собирался предпринять что-нибудь по случаю его приезда в Форбарр-Султан, но как-то пока с ним не встречался. Вы, ребята из Безопасности, стараетесь держаться сами по себе в вашей Центральной Психушке.

— Ладно, в любом случае он сейчас старается обаять какую-то комаррскую девицу. Точнее, не девицу, а женщину. Некую шишку в торговом представительстве. Как я понял, у нее больше ума, чем красоты, что, зная Галени, меня нисколько не удивляет. И у нее весьма значительные связи на Комарре. Как по-твоему, сколько очков он наберет, приведя ее на императорский официальный ужин?

— Чертову уйму, — решительно сказал Айвен, — особенно если учесть, что это один из приемов для избранных, организованный моей матерью.

— А мы с тобой оба перед ним в долгу.

— И крепко. К тому же, как я заметил, он утратил значительную долю сарказма. Может, мягчеет, а? Конечно, пригласи его, — кивнул Айвен.

— Я сейчас с ним свяжусь, а потом сообщу тебе, идет?

Довольный результатом своего вдохновения, Майлз отключил комм.

ГЛАВА 5

Майлз вылез из машины капитана Галени, остановившейся у восточного входа Императорского дворца, и повернулся, чтобы помочь выйти из машины Делии Куделке, едва ли нуждавшейся в помощи. Она вытянула свои длинные стройные ноги и легко выскочила из автомобиля. Взметнувшийся подол голубого платья позволил разглядеть нарядные бальные туфельки соответствующего оттенка, удобные и на низеньком каблучке. Делия была самой высокой из четырех дочерей коммодора Куделки. Макушка Майлза находилась на добрых десять сантиметров ниже ее плеча. Он ухмыльнулся. Делия ответила несколько кривоватой, чисто дружеской улыбкой.

— Не понимаю, почему я позволила вам с Айвеном втянуть меня в это, — вздохнула она у него над ухом.

— Потому что любишь танцевать, — уверенно заявил Майлз. — Подари мне первые два танца, и я обещаю, что найду тебе симпатичного высокого галактического дипломата на весь оставшийся вечер.

— Да не в том дело, — хмыкнула девушка, окинув взором его невысокую фигуру.

— Недостаток роста я компенсирую скоростью.

— Вот в этом-то как раз и проблема, — кивнула она.

Галени передал свой скромный автомобиль поджидавшему слуге, который отогнал машину в сторону, и взял под руку свою даму. Нужно было знать капитана, чтобы суметь понять выражение его лица. Майлз пришел к выводу, что оно немного гордое, немного самодовольное и чуть смущенное, как у человека, пришедшего на вечеринку в чересчур парадной одежде. Поскольку Галени, хоть и чуть тщательнее, чем обычно, выбритый, выглаженный и начищенный, был в таком же зеленом мундире, как и Майлз, оставалось предположить, что его скованность вызвана дамой, которую он сопровождал.

«И у него есть повод для самодовольства, — подумал Майлз. — А что будет, когда ее увидит Айвен!»

Если у Лаисы Тоскане ума больше, чем красоты, значит, она просто гений. Хотя истинная причина столь сильного воздействия ее на окружающих трудноуловима. Милое славное личико и близко не похожее на скульптурную красоту Элли Куин. Глаза необычного яркого сине-зеленого цвета — интересно, от природы или от умелого пользования косметикой. Она оказалась невысокой даже для комаррской женщины, на две ладони ниже Галени, который был почти одного роста с Делией. Но самое потрясающее в ней — кожа. Молочно-белая, как бы светящаяся. Сказать совершенная, значит не сказать ничего, этим словом нельзя передать ее облик. Такую потрясающую женственность он видел только у цетагандийских аут-леди.

Богатство не всегда означает наличие вкуса, но, когда богатство и вкус идут рука об руку, результат получается сногсшибательный. На Лаисе были темно-красные брюки свободного покроя в комаррском стиле, соответствующего оттенка топ с низким вырезом, поверх которого она надела открытый жакет цвета морской волны с бежевым. Умеренное количество драгоценностей. Волосы, коротко остриженные в соответствии с комаррской модой, слишком темные, чтобы можно было назвать ее блондинкой, и слишком серебристые для русых. Улыбка, с которой она смотрела на своего кавалера, была довольной и радостной, но ни в коем случае не благоговейной. Если она пройдет отбор у тети Элис, решил Майлз, то с ней все будет в порядке. Он ускорил шаг, чтобы не отстать от Делии, и повел свою маленькую группку внутрь, как будто официальный ужин у императора Грегора — его личный подарок.

Они миновали императорских охранников и мажордома, убедившегося, что у них нет с собой никаких вещей, которые нужно принять, и что, имея в своих рядах Майлза, они не нуждаются в эскорте. Следующим встречающим оказалась леди Элис Форпатрил собственной персоной, стоявшая у подножия лестницы. Для этого приема она выбрала отделанное золотом платье темно-синего бархата — возможно, в честь родовых цве-

тов своего давно погибшего мужа. Насколько Майлз помнил, все его детство она носила вдовьи наряды светло-серых тонов, но в конце концов постепенно вернулась к другим цветам. Возможно, тогда, когда окончательно простила лорду Падме Форпатрилу, что он позволил убить себя столь мерзким образом во время дворцового переворота Фордариана.

— Здравствуйте, Майлз, дорогой, Делия!

Майлз почтительно склонился к ее руке и официально представил капитана Галени и доктора Тоскане. Леди Элис благосклонно кивнула. Майлз вздохнул с облегчением — значит, Айвен, как и обещал, попросил мать внести их в список гостей.

— Грегор, как всегда, принимает гостей в Зеркальном зале, — сообщила леди Элис. — За ужином вы будете сидеть за его столом, ниже посла Эскобара с супругом. Я подумала, что было бы неплохо посадить гостей вперемежку с местными жителями.

— Спасибо, тетя Элис.

Майлз глянул через плечо леди Форпатрил на знакомую худощавую фигуру в зеленом мундире, стоявшую в тени слева от двери и тихо о чем-то беседовавшую с охранником Службы безопасности.

— Э-э... Делия, не проводишь ли Дува с Лаисой в Зеркальный зал? Я вас сейчас догоню.

— Конечно, Майлз.

Улыбнувшись Лаисе, Делия грациозно подобрала подол длинного бального платья и повела обоих комаррцев вверх по лестнице.

— Какая милая молодая женщина, — изрекла леди Элис, глядя им вслед.

— Вы это о докторе Тоскане? — рискнул уточнить Майлз. — Я подумал, что ее вполне можно привести.

— О да, безусловно. Она ведь главная наследница тех самых Тоскане, знаешь ли. Весьма подходящая гостья. — И тут же все испортила, добавив: — Для комаррианки.

У всех свои недостатки. Император прибегал к услугам леди Элис именно для того, чтобы допускались только Подходящие люди. Но Майлз углядел второго члена команды, человека, к услугам которого Грегор прибегал, чтобы допускались только Безопасные люди. Глава Имперской службы безопасности Саймон Иллиан наконец оторвался от беседы со своим подчиненным, который, откозыряв, исчез в дверях. Иллиан не улыбнулся и не поприветствовал Майлза, но Майлз скользнул мимо леди Элис и все равно направился к нему, поймав прежде, чем тот успел уйти вслед за охранником.

— Сэр! — на манер аналитиков отсалютовал Майлз. Иллиан ответил еще более небрежно — скорее отмахнулся, чем поприветствовал. Шеф Имперской безопасности — седеющий мужчина лет шестидесяти с удручающе неприметной физиономией — имел постоянную привычку смотреть в пол.

Сегодня вечером Иллиан, судя по вставленному в ухо микрофону комм-связи и заряженному оружию в обеих кобурах, решил лично заняться обеспечением безопасности Грегора. Сие могло означать, либо что нынче ночью здесь происходит что-то более важное, чем было сказано Майлзу, либо что больше нигде не происходит ничего такого, что могло бы вынудить Иллиана сидеть в штаб-квартире, и он оставил рутинную работу своему исполнительному и надежному заместителю Гарошу. — Секретарь передал вам мое послание, сэр?

— Да, лейтенант.

— Он сказал, что вас не было в городе.

— Так и было. А теперь вернулся.

— А вы видели... мой последний доклад?

— Да.

«Черт!» Слова «есть кое-что важное, что не вошло в доклад» застряли у Майлза в горле.

— Мне необходимо с вами поговорить.

Иллиан, и так обычно невозмутимый, казался еще более непроницаемым, чем обычно.

— Сейчас не время и не место.

— Совершенно верно, сэр. Когда?

— Я жду дополнительной информации.

Все верно. Если не беги и жди, то жди и беги. Но что-то скоро должно произойти. Иначе Иллиан не заставил бы Майлза сидеть в Форбарр-Султане в режиме часовой готовности. «Если речь идет о новом задании, то пусть, черт побери, дает мне его побыстрее. Тогда я по крайней мере смогу заняться разработкой долгосрочного плана».

— Отлично, сэр. Я буду наготове.

Иллиан кивком отпустил его, но, едва Майлз направился прочь, окликнул:

— Лейтенант!

Майлз обернулся.

— Вы сюда приехали на машине?

— Да. Меня привез капитан Галени.

— А! — Иллиан, казалось, нашел что-то чрезвычайно интересное за спиной у Майлза. — Проницательный человек Галени.

— Я тоже так думаю.

Расставшись с идеей выудить сегодня из Иллиана еще что-нибудь, Майлз поспешил за друзьями.

Он ждали его в широкой галерее у входа в Зеркальный зал. Галени вежливо болтал с Делией, которая явно не спешила встретиться с находящимися в зале Айвеном и сестрицами. Лаиса с восхищением разглядывала антиквариат и разостланые на полу ковры спокойных тонов. Майлз подошел к ней и стал рассматривать инкрустацию на крышке деревянного

стола. На ней из разных пород дерева были изображены скачущие кони.

— Здесь все такое барраярское, — призналась она Майлзу.

— Вы так себе все и представляли?

— Да, конечно. Как вы думаете, сколько лет этому столу? И о чем думал мастер, когда его делал? Может быть, он представлял себе нас, думающих о нем? — Пальцы Лаисы пробежали по полированной поверхности, пахнущей ароматным воском. Она улыбнулась.

— Около двухсот лет, я полагаю, — ответил Майлз.

— Хм-м. — Ее улыбка стала задумчивой. — Некоторым из наших куполов более четырехсот лет. И все же Барраяр кажется старше, даже если это и не соответствует истине. Есть в вас что-то внутренне архаичное, я бы сказала.

Майлз на мгновение задумался о ее родном мире. Еще лет четыреста терраформирования, и на Комарре люди смогут жить за пределами куполов без дыхательных аппаратов. В настоящее время комаррцы живут внутри куполов и так же зависят от своей технологии, чтобы выжить в жутком холоде, как и бетанцы на своей жаркой покрытой песками планете. Комарра не знала Периода Изоляции, никогда не прерывала связи с остальными мирами. Более того, она жила в основном за счет этих миров, поскольку единственным источником существования для этой планеты являлись шесть важнейших п-в-туннелей. Такое расположение превращало Комарру в важный коммуникационный узел и — к несчастью — в важный стратегический объект. У Барраяра имелся один-единственный выход к другим мирам, и проходил он через Комарру. Если вы не охраняете свои ворота, то те, кто ими завладеет, завладеет и вами.

Майлз направил свои мысли в более личностное русло. Совершенно очевидно, что Галени просто необходимо вывезти свою даму на свежий барраярский воздух. Ей, безусловно, понравятся не свойственные Комарре дикие просторы. Путешествие на перекладных, или, раз уж ей так нравится старина...

— Вам следовало бы попросить Дува пригласить вас на прогулку верхом, — предложил Майлз.

— Господи, неужели он еще и верхом умеет ездить? — Ее поразительные бирюзовые глаза округлились.

— Э-э-э... — Хороший вопрос. Ну, если и не умеет, то Майлз может преподать ему интенсивный курс. — Конечно.

— Настоящая старина кажется такой... — ее голос упал до таинственного шепота, — подлинно романтичной. Только не говорите Дуву, что я так сказала. Он просто помешан на исторической точности. Первое, что он делает, это сдувает всю волшебную пыльцу.

Майлз ухмыльнулся:

— Нисколько не удивляюсь. Но я думал, что вы тоже практичная деловая женщина.

Улыбка Лаисы стала серьезной.

— Я комаррианка. И должна быть деловой. Без прибыли от торговли, транспорта, банков и переработки Комарра вновь опустится до полунищего — даже более, чем полунищего — уровня, с которого начинала. И семьдесят процентов населения погибнут так или иначе.

Майлз заинтересованно выгнул бровь. Приведенные ею цифры, конечно, завышены, но она явно искренне так считает.

— Ну, пожалуй, нам не стоит больше задерживаться. Не пройти ли нам в зал?

Они с Галени поменялись местами, и Майлз повел всех к ближайшей двери. Зеркальный зал представлял собой длинное помещение с рядом высоких окон по одной стене и старинными зеркалами по другой, чему, собственно, и был обязан своим названием, поскольку зеркала эти были приобретены в те времена, когда еще были редкостью.

Грегор, изображавший нынче вечером скорее радушного хозяина, чем владыку, стоял возле двери с несколькими министрами, вызванными сюда ради такого случая, и приветствовал гостей. Худощавый, если не тощий, темноволосый и темноглазый, сегодня он предпочел надеть гражданский костюм, выдержанный в самом официально-консервативном барраярском стиле, с родовыми цветами Форбарра на обшлагах рукавов и кантах брюк. Грегор вообще был равнодушен к одежде. Но не сегодня — когда он исполнял свои светские обязанности, которых терпеть не мог, но которые, как и все прочие свои многочисленные обязанности, выполнял блестяще.

— Это он? — шепнула Лаиса, пока они ждали своей очереди. — А я думала, он будет в том потрясающем мундире, что на видео.

— А, парадный красно-синий мундир? Его он надевает только на Летний парад, по случаю своего дня рождения и на Зимнепраздник. Его дед, император Эзар, действительно был генералом еще до того, как стал императором, и мундир на нем сидел, как вторая кожа, но Грегор в мундире чувствует себя не в своей тарелке, хоть формально он и является верховным главнокомандующим барраярской армии. Поэтому, когда позволяет этикет, он предпочитает что-либо другое. И мы все чрезвычайно этому рады — ведь тем самым он позволяет и нам не носить эту чертову форму. Воротник душит, шпага путается в ногах, а шпоры цепляются за все на свете. — Не то чтобы воротник зеленого мундира был ниже парадного, а высокие сапоги отличались от парадных лишь отсутствием шпор, но Майлз при своем росте больше всего терпеть не мог шпагу.

— Понятно, — прошептала Лаиса, весело прищурившись.

— Ага, вот и наш черед.

Майлз подтолкнул своих друзей.

Делия знала Грегора с детства, поэтому, с улыбкой поприветствовав его, быстро отступила в сторону, давая дорогу новичкам.

— Да, капитан Галени, я о вас слышал, — серьезно произнес Грегор, когда Майлз представил ему офицера, уроженца Комарры. В глазах Галени мелькнул мгновенный испуг, Грегор поспешил добавить: — Много хорошего.

Император повернулся к Лаисе, и его взгляд остановился как бы в изумлении. Быстро овладев собой, Грегор склонился к ее руке, пробормотав что-то о важности Комарры для будущего Империи.

Покончив с формальностями, Делия отправилась на поиски Айвена и сестер, затерявшихся где-то в толпе разодетых гостей. Лаиса через плечо оглянулась на Грегора.

— Господи. Мне показалось, что он чуть ли не извиняется за то, что вы нас завоевали.

— Ну, это вряд ли, — хмыкнул Майлз. — У нас не было выбора после того, как Цетаганда попыталась завоевать нас с вашей помощью. Он всего лишь выразил сожаление по поводу возникших после завоевания трудностей. Впрочем, сейчас, через тридцать пять лет, об этом не стоит и говорить. Управлять многопланетной Империей далеко не просто. Хоть цетагандийцы и справляются со своей уже несколько веков, я бы не стал брать на вооружение их модель политического управления.

— Он не очень похож на того сурового человека, каким кажется на ваших официальных видео, верно?

— На самом деле он скорее угрюм, чем суров, — именно так он и выглядит на видео. И к счастью, возможно.

Тут им перегородил путь тощий старик с палочкой. Абсолютно официальный, хоть и несколько поблекший, парадный красно-белый мундир висел на нем, как на вешалке. Майлз схватил своих гостей за руки и торопливо отвел чуть назад, давая старцу пройти.

Лаиса с любопытством смотрела на старика.

— А кто этот старый генерал?

— Один из самых знаменитых реликтов Форбарр-Султана, — ответил Майлз. — Генерал Форпарадис — последний живой Имперский Аудитор, из тех, кто был лично назначен императором Эзаром.

— Он больше похож на военного, чем на аудитора, — с сомнением заметила Лаиса.

— Это Имперский Аудитор, все с большой буквы, — пояснил Майлз. — Э-э-э... В каждом обществе возникает вопрос, кто бдит за бдящим. И Имперский Аудитор — барраярский ответ на этот вопрос. Аудитор это нечто среднее между, скажем, бетанским прокурором по особым поручениям, генеральным инспектором и небольшим божеством. И не имеет ничего

общего с финансами, хотя в основе титула лежит именно это. Ведь первые графы были именно сборщиками налогов на Тау Форадар. Поскольку мои неграмотные предки ворочали довольно крупными суммами, то ручки у них были загребущие. Аудиторы следили за графами по поручению императора. Неожиданное прибытие Имперского Аудитора, как правило в сопровождении значительных кавалерийских сил, частенько влекло за собой странные и многочисленные самоубийства. Впрочем, самих аудиторов в те времена тоже поубивали немало, но тогдашние императоры после каждого такого убийства весьма настойчиво прибегали к массовым казням, поэтому аудиторы стали в конечном счете неприкасаемыми. Говорят, они скакали по всей планете с набитыми золотом седельными сумками практически без охраны, и бандиты скакали впереди, расчищая им путь, чтобы аудиторы поскорее убрались с их территории без всяких непредвиденных задержек. Лично я считаю, что это лишь легенда.

— Все равно звучит здорово! — рассмеялась Лаиса.

— Их должно быть девять, — вступил в разговор Галени. — Традиционное число, возможно, имеющее несколько вариантов происхождения еще со Старой Земли. Любимая тема рассуждений для низкопробных исторических исследований. Хотя, по-моему, сейчас их всего семь.

— Их назначают пожизненно? — спросила Лаиса.

— Иногда, — ответил Майлз. — А иногда на короткий срок, по каждому отдельному случаю. Когда мой отец был регентом, он назначал только временных аудиторов, хотя Грегор и утвердил кое-кого из них пожизненно, когда достиг совершеннолетия. Проводя свои расследования, они являются Голосом самого императора. Еще одна чисто барраярская традиция. Однажды я был Голосом графа, моего отца, когда расследовал дело об убийстве в нашей провинции. Весьма необычный опыт.

— Звучит интересно с социологической точки зрения, — заметила Лаиса. — Как вы думаете, а не могли бы мы зажать где-нибудь в углу генерала Форпарадиса и попросить его рассказать о старых добрых временах?

— О, нет! — в ужасе возопил Майлз. — Интересен сам институт. А Форпарадис — самый занудный старый фор-маразматик во всем Форбарр-Султане! Единственное, о чем он может непрерывно говорить, это насколько все изменилось к худшему со времен Эзара. — «И как правило, при этом многозначительно поглядывает на меня». — И все это вперемешку с подробнейшими рассказами о том, как плохо стал у него работать кишечник.

— Да, — кивнула Делия Куделка. — И постоянно вас перебивает, чтобы сообщить, насколько плохо воспитана нынешняя молодежь. А молодежь — это все, кому меньше шестидесяти.

— Семидесяти, — поправил ее Майлз. — Он по-прежнему называет моего отца «младший мальчик Петера».

— И все аудиторы такие старые?

— Ну, не настолько. Впрочем, как правило, в тех случаях, когда дело касается действующих генералов и адмиралов, аудиторами назначают отставных.

Благополучно избежав старого зануду, они встретились с Айвеном и Марсией Куделкой, с которыми их тут же разъединил мажордом, принявшийся рассаживать всех за стол в украшенном орнаментами Малом Обеденном зале. Еда пользуется успехом, отметил про себя Майлз. Сам он занимал беседой госпожу посла Эскобара и терпеливо выносил обычный поток вопросов о своем знаменитом отце. Сидящая напротив него Лаиса о чем-то разговаривала с пожилым сотрудником эскобарского посольства. Грегор с капитаном Галени исхитрились обменяться чрезвычайно вежливыми репликами о барраяро-комаррских отношениях, достойными нежного слуха высоких галактических гостей. Похоже, их посадили за стол Грегора не только ради него самого, подумал Майлз.

Галени что-то спросил у Лаисы по поводу комаррского фрахта. Сверкнув глазами, она ответила Грегору напрямую через головы сидящих эскобарцев:

— Да, сир. По правде говоря, Синдикат Фрахтовщиков Комарры, на который я работаю, очень озабочен результатами доклада Совету Министров. Мы просили о снижении налогов на реинвестируемую прибыль.

Майлз мысленно зааплодировал ее нахальству. Обрабатывать самого императора на глазах изумленной публики. Да, на такое не всякий способен. «Давай, дерзай! Почему бы и нет, в конце концов?»

— Да, министр Ракоши говорил мне об этом, — едва заметно улыбнулся Грегор. — Однако, боюсь, это встретит сильное сопротивление в Совете графов, наиболее консервативные члены которого полагают, что наши весьма ощутимые военные затраты по защите п-в-туннелей должны быть... гм... пропорционально поделены с теми, кто находится на передовых позициях.

— Но рост капитала позволяет получить больше налогов в следующем круге. Взимать их слишком рано — это все равно что... съесть зерна, отложенные для посева.

Брови Грегора поползли вверх.

— Весьма интересная метафора, доктор Тоскане. Я передам ее министру Ракоши. Возможно, это произведет большее впечатление на некоторых графов из глубинки, чем сложные рассуждения о прыжковых технологиях, которыми он их потчует.

Лаиса улыбнулась. И Грегор улыбнулся. А Галени помрачнел. Лаиса перевела беседу в более легкое русло, то есть на эскобарскую политику по развитию прыжковых технологий — тему гораздо менее опасную, чем барраяро-комаррские проблемы налогообложения.

В бальном зале, куда после ужина перешли гости, играл, как всегда, Императорский оркестр — безусловно, наименее воинственный, хоть и самый талантливый из всех военных оркестров Барраяра. Пожилой полковник-дирижер был вот уже много лет бессменной принадлежностью Императорского дворца. Грегор открыл бал, проведя по кругу леди Форпатрил, затем, в полном соответствии с этикетом, протанцевал с каждой дамой в порядке значимости, начав с посла Эскобара. Майлз затребовал обещанные два танца от высокой светловолосой и прекрасной Делии Куделки. Покончив с этим, он занял излюбленную позицию капитана Иллиана, то есть подпер стену и принялся наблюдать за остальными. Капитан Галени танцевал если и не легко, то старательно. Поскольку по окончании двадцатилетнего срока службы он намеревался заняться политикой, то со свойственной ему методичностью овладевал всеми необходимыми для этого навыками.

К Лаисе подошел один из оруженосцев Грегора, и когда Майлз через некоторое время поискал ее глазами, он обнаружил ее возле императора. Интересно, станет ли она еще лить воду на мельницу барраяро-комаррских торговых отношений? Такая замечательная возможность редко подворачивается, и вряд ли Лаиса ее упустит. Синдикату Фрахтовщиков Комарры следует вознаградить ее за сегодняшнюю ночную работу. В этот момент Грегор Угрюмый рассмеялся над чем-то, сказанным Лаисой.

Вскоре она вернулась к Галени, на минутку остановившись возле Майлза.

— Он гораздо умнее, чем я думала, — восторженно выдохнула она. — Он слушает... очень внимательно. Такое чувство, что он внемлет всему, что говоришь. Это действительно так или всего лишь игра?

— Не игра, — ответил Майлз. — Он усваивает все, что узнает. Но Грегору приходится очень тщательно следить за своими словами, учитывая, что любое сказанное им слово может стать законом. Он был бы застенчивым, если бы мог, но ему это не дозволено.

— Не дозволено? — изогнула бровь Лаиса. — Как это странно звучит...

Еще трижды за вечер ей представилась возможность проверить интеллектуальные возможности Грегора во время танца. Похоже, Грегор опроверг утверждение Майлза по поводу своей застенчивости: императору дважды удалось рассмешить Лаису.

Вечер уже практически закончился, когда Майлзу наконец удалось перекинутся с Грегором парой слов наедине. Но, к сожалению, первое, что сказал Грегор, было:

— Я слышал, тебе удалось доставить Нам Нашего курьера почти что в целости. Несколько хуже твоих обычных результатов, не так ли?

— И все аудиторы такие старые?

— Ну, не настолько. Впрочем, как правило, в тех случаях, когда дело касается действующих генералов и адмиралов, аудиторами назначают отставных.

Благополучно избежав старого зануду, они встретились с Айвеном и Марсией Куделкой, с которыми их тут же разъединил мажордом, принявшийся рассаживать всех за стол в украшенном орнаментами Малом Обеденном зале. Еда пользуется успехом, отметил про себя Майлз. Сам он занимал беседой госпожу посла Эскобара и терпеливо выносил обычный поток вопросов о своем знаменитом отце. Сидящая напротив него Лаиса о чем-то разговаривала с пожилым сотрудником эскобарского посольства. Грегор с капитаном Галени исхитрились обменяться чрезвычайно вежливыми репликами о барраяро-комаррских отношениях, достойными нежного слуха высоких галактических гостей. Похоже, их посадили за стол Грегора не только ради него самого, подумал Майлз.

Галени что-то спросил у Лаисы по поводу комаррского фрахта. Сверкнув глазами, она ответила Грегору напрямую через головы сидящих эскобарцев:

— Да, сир. По правде говоря, Синдикат Фрахтовщиков Комарры, на который я работаю, очень озабочен результатами доклада Совету Министров. Мы просили о снижении налогов на реинвестируемую прибыль.

Майлз мысленно зааплодировал ее нахальству. Обрабатывать самого императора на глазах изумленной публики. Да, на такое не всякий способен. «Давай, дерзай! Почему бы и нет, в конце концов?»

— Да, министр Ракоши говорил мне об этом, — едва заметно улыбнулся Грегор. — Однако, боюсь, это встретит сильное сопротивление в Совете графов, наиболее консервативные члены которого полагают, что наши весьма ощутимые военные затраты по защите п-в-туннелей должны быть... гм... пропорционально поделены с теми, кто находится на передовых позициях.

— Но рост капитала позволяет получить больше налогов в следующем круге. Взимать их слишком рано — это все равно что... съесть зерна, отложенные для посева.

Брови Грегора поползли вверх.

— Весьма интересная метафора, доктор Тоскане. Я передам ее министру Ракоши. Возможно, это произведет большее впечатление на некоторых графов из глубинки, чем сложные рассуждения о прыжковых технологиях, которыми он их потчует.

Лаиса улыбнулась. И Грегор улыбнулся. А Галени помрачнел. Лаиса перевела беседу в более легкое русло, то есть на эскобарскую политику по развитию прыжковых технологий — тему гораздо менее опасную, чем барраяро-комаррские проблемы налогообложения.

В бальном зале, куда после ужина перешли гости, играл, как всегда, Императорский оркестр — безусловно, наименее воинственный, хоть и самый талантливый из всех военных оркестров Барраяра. Пожилой полковник-дирижер был вот уже много лет бессменной принадлежностью Императорского дворца. Грегор открыл бал, проведя по кругу леди Форпатрил, затем, в полном соответствии с этикетом, протанцевал с каждой дамой в порядке значимости, начав с посла Эскобара. Майлз затребовал обещанные два танца от высокой светловолосой и прекрасной Делии Куделки. Покончив с этим, он занял излюбленную позицию капитана Иллиана, то есть подпер стену и принялся наблюдать за остальными. Капитан Галени танцевал если и не легко, то старательно. Поскольку по окончании двадцатилетнего срока службы он намеревался заняться политикой, то со свойственной ему методичностью овладевал всеми необходимыми для этого навыками.

К Лаисе подошел один из оруженосцев Грегора, и когда Майлз через некоторое время поискал ее глазами, он обнаружил ее возле императора. Интересно, станет ли она еще лить воду на мельницу барраяро-комаррских торговых отношений? Такая замечательная возможность редко подворачивается, и вряд ли Лаиса ее упустит. Синдикату Фрахтовщиков Комарры следует вознаградить ее за сегодняшнюю ночную работу. В этот момент Грегор Угрюмый рассмеялся над чем-то, сказанным Лаисой.

Вскоре она вернулась к Галени, на минутку остановившись возле Майлза.

— Он гораздо умнее, чем я думала, — восторженно выдохнула она. — Он слушает... очень внимательно. Такое чувство, что он внемлет всему, что говоришь. Это действительно так или всего лишь игра?

— Не игра, — ответил Майлз. — Он усваивает все, что узнает. Но Грегору приходится очень тщательно следить за своими словами, учитывая, что любое сказанное им слово может стать законом. Он был бы застенчивым, если бы мог, но ему это не дозволено.

— Не дозволено? — изогнула бровь Лаиса. — Как это странно звучит...

Еще трижды за вечер ей представилась возможность проверить интеллектуальные возможности Грегора во время танца. Похоже, Грегор опроверг утверждение Майлза по поводу своей застенчивости: императору дважды удалось рассмешить Лаису.

Вечер уже практически закончился, когда Майлзу наконец удалось перекинутся с Грегором парой слов наедине. Но, к сожалению, первое, что сказал Грегор, было:

— Я слышал, тебе удалось доставить Нам Нашего курьера почти что в целости. Несколько хуже твоих обычных результатов, не так ли?

— А, значит, Форберг уже дома.

— Так мне сообщили. Что там в точности произошло?

— Э-э-э... очень неприятный инцидент с автоматическим плазмотроном. Я расскажу тебе об этом, но... не здесь.

— Жду с нетерпением.

Что автоматически помещает Грегора в список тех, кого следует избегать. Дьявольщина.

— Где ты отыскал эту удивительную комаррианку? — как бы вскользь бросил Грегор, глядя куда-то в пространство.

— Доктора Тоскане? Впечатляет, верно? Мне понравилась ее смелость, как и ее ум. О чем это вы с ней тут толковали?

— О Комарре главным образом... Нет ли у тебя ее... хм... адреса Синдиката Фрахтовщиков? Впрочем, не важно, Саймон мне его предоставит. И безусловно, вместе с полным докладом СБ, хочу я того или нет.

— Имперская безопасность существует для того, чтобы служить Вам, сир, — поклонился Майлз.

— Не забывайся, — буркнул Грегор.

Майлз ухмыльнулся.

Вернувшись в особняк Форкосиганов, Майлз пригласил комаррцев выпить по рюмочке, не подумав о возможных проблемах с приемом гостей. Галени начал было вежливо отнекиваться, бормоча что-то о завтрашней работе, но Лаиса тут же воскликнула:

— О да, спасибо, с удовольствием! Мне очень хочется посмотреть ваш дом, лорд Форкосиган. С ним связано так много исторических событий!

Галени немедленно проглотил все свои возражения и, чуть улыбаясь, последовал за ней.

Все помещения на первом этаже казались слишком темными, огромными и неуютными для троих человек, поэтому Майлз повел гостей наверх, в более уютную гостиную, где быстро пробежался по комнате, сдергивая покрывала с мебели. Несколько приглушив свет, он помчался вниз в поисках трех бокалов и более или менее приемлемой бутылки вина.

Вернувшись в гостиную, он обнаружил, что Галени не поспешил воспользоваться ситуацией. Следовало бы снять покрывало лишь с маленькой софы, вынудив парочку сесть рядом, а не в разных углах комнаты. Старомодный Галени вроде бы не понимал, что его дама отнюдь не возражает против какой-нибудь романтической глупости. Майлз почему-то вдруг вспомнил Тауру, которая благодаря своему росту, роду деятельности и званию была слишком заметной личностью, чтобы стать объектом насмешек. Лаиса, конечно, не была такой уж высокой, но слишком уж она яркая, слишком зацикленная на своих общественных и светских обязанностях. Она никогда не попросит прямо. Галени заставляет ее улыбаться, но Майлз ни разу

не видел, чтобы ему удалось вызвать у нее смех. Его обеспокоило полное отсутствие даже намека на флирт между этими двумя. Нужно обладать изрядным чувством юмора, чтобы заниматься любовью и сохранять при этом рассудок.

Но в данный момент Майлз не чувствовал себя в форме, чтобы давать Галени советы, как крутить роман. Он снова вспомнил слова Тауры: «Ты пытаешься дать другим то, что хочешь для себя». Черт! Галени — взрослый, пусть набивает себе шишки сам.

Втянуть Лаису в разговор о ее работе оказалось делом несложным, хотя беседа и получилась несколько односторонней, поскольку ни Майлз, ни Галени не могли, естественно, ничего рассказывать о своих сверхсекретных делах. Разговор превратился в этакий небольшой экскурс в историю барраяро-комаррских отношений. Тоскане после завоевания были весьма крупными торговцами, хоть и не самыми крупными, как сегодня.

— Но их нельзя назвать коллаборационистами, — заметил Майлз, когда дошло до этой темы. — Полагаю, что скорее этот термин применим к тем, кто сотрудничал с Барраяром до завоевания. И уж конечно, нельзя обвинить Тоскане в отсутствии патриотизма за то, что они отказались поддержать тактику выжженной земли, я имею в виду позицию комаррского подполья. Барраярское завоевание не было таким уж выгодным для Комарры, но по крайней мере комаррские торговцы сумели справиться с потерями. Теперь, поколение спустя, успехи возрожденной олигархии во главе с Тоскане доказали правильность занятой ими когда-то позиции.

В отличие от Галени, отец которого, Сер Гален, потратил всю жизнь на бесполезное мщение, позиция, занятая тогда семьей Тоскане, позволила Лаисе жить спокойно. Сер Гален был темой, которой Майлз с Галени старательно избегали. Интересно, что рассказал Лаисе Галени о своем покойном сумасшедшем отце?

Уже ближе к рассвету, когда они раздавили еще бутылку лучшего вина, Майлз собрался с духом и отпустил своих зевающих гостей по домам. Стоя у дверей, он проводил взглядом машину капитана, свернувшую по дороге к воротам, миновавшую одинокого охранника и исчезнувшую во тьме. Галени, как и Майлз, последние десять лет занимался исключительно своей карьерой, и накладываемые ею ограничения, возможно, убили в нем остатки романтики. Оставалось лишь надеяться, что, когда придет время, Дув не превратит предложение руки и сердца в нечто вроде делового соглашения. Правда, Майлз сильно опасался, что только так капитан и умеет. Дуву не хватает порывистости. Вот почему ему так подходит канцелярская работа.

«Эта долго возле тебя не задержится, Галени. Кто-нибудь более нахальный уведет ее у тебя и больше не отдаст никому».

Как потенциальная сваха Майлз не думал, что сегодняшний вечер сильно увеличил шансы Галени. Расстроенный, Майлз вошел в дом. Дверь закрылась за ним сама.

* * *

Медленно раздевшись, он сел на кровать и уставился на коммпульт таким же злым настойчивым взглядом, каким Царапка глядела на людей, несших еду. Комм молчал. «Да засветись ты, черт бы тебя побрал!» При нормальном ходе событий Иллиан должен его вызвать именно сейчас, когда он устал, слегка пьян и совершенно не готов к докладу. «Ну же, Иллиан! Я хочу получить свое задание!» Казалось, что с каждым часом напряжение все растет. С каждым часом терялся час. Если до вызова Иллиана пройдет столько времени, сколько требуется, чтобы слетать на Эскобар и обратно, то он начнет грызть ковер и без всякого припадка.

Майлз поразмышлял, не выпить ли ему еще бутылку, чтобы путем опосредованной магии заставить Иллиана вызвать его. Но тошнота и рвота, как правило, замедляют течение времени, а не ускоряют. Мало привлекательная перспектива. «Может, Иллиан забыл обо мне?»

Жалкая шутка. Иллиан никогда ничего не забывает. Не может. Когда-то давно, когда он еще был лейтенантом СБ, тогдашний император Эзар отправил его на далекую Иллирику, чтобы ему в мозг вживили экспериментальный чип эйдетической памяти. Старому Эзару до смерти хотелось иметь ходячий записывающий аппарат, отвечающий только ему одному. Технология не нашла широкого применения по той простой причине, что в девяноста случаях из ста приводила носителей чипа к шизофрении. Безжалостный Эзар был готов рискнуть на 90 процентов ради возможных 10 процентов удачи. Точнее, желал получить молодого офицера, готового рискнуть для него. За свою долгую жизнь Эзар, добиваясь политических целей, пожертвовал тысячами офицеров, подобных Иллиану.

Но вскоре после операции Эзар умер, оставив Иллиана кружится, как бродячий астероид, на орбите вокруг адмирала Эйрела Форкосигана, который стал одной из самых ярких звезд на политическом небосклоне столетия. Так или иначе, Иллиан целых тридцать лет обеспечивал работу СБ для отца Майлза.

Интересно, на что это похоже — помнить все события за последние тридцать пять лет, причем так ярко и подробно, будто все произошло буквально только что? Когда прошлое не покрывается смягчающей дымкой прошедших лет? Помнить каждую свою ошибку, в цвете и звуке — это похоже на вечное проклятие. Неудивительно, что носители чипа сходили с ума. Хотя, возможно, помнить об ошибках других не так болезненно. Рядом с Иллианом быстро обучаешься держать язык за зубами. Он может напомнить тебе о каждой идиотской, глупой и непродуманной вещи, которую ты либо произнес, либо совершил.

В общем, Майлз полагал, что сам он ни за что не захотел бы иметь такую штуковину в голове, даже если

бы медицина позволяла. И так уже близок к шизофрении безо всяких технологических штучек, благодарю покорно.

А вот Галени, кажется, как раз тот лишенный воображения тип, который вполне сгодится для такого рода имплантации. Но Майлз имел все основания подозревать, что в Галени скрываются глубинные течения, так же надежно скрытые от глаз, как террористическое прошлое его отца, Сера Галена. Нет. Галени тоже не самая подходящая кандидатура. Дув сойдет с ума настолько тихо и незаметно, что успеет натворить кучу неприятностей, прежде чем кто-нибудь сообразит, в чем дело.

Майлз посмотрел на комм-пульт, страстно желая, чтобы он засветился. «Вызови. Вызови. Вызови. Дай мне это чертово задание. Вытащи меня отсюда». Комм издевательски молчал. Наконец Майлз, сдавшись, встал и поплелся за следующей бутылкой.

ГЛАВА 6

И только вечером, ровно через двое суток, персональный комм в спальне Майлза вновь подал признаки жизни. Майлз, просидевший напротив него весь день напролет, чуть не свалился со стула. Она дал комму немного поморгать, пытаясь справиться с дыханием и унять сердцебиение. «Правильно. Так и должно быть. Спокойно, собранно и хладнокровно, парень. Не позволяй секретарю Иллиана увидеть твое волнение».

Но к его разочарованию, физиономия, появившаяся на экране, принадлежала кузену Айвену. Айвен явно только что вернулся домой со службы из Генштаба и еще не снял зеленой формы... с синими, а не красными треугольниками в петлицах. «Капитанские знаки различия? Айвен — капитан?»

— Здорово, братец! — жизнерадостно поприветствовал его Айвен. — Как прошел день?

— Медленно, — умудрился изобразить улыбку Майлз, стараясь проглотить появившуюся во рту горечь.

Улыбка Айвена стала еще шире. Он провел ладонью по волосам, красуясь.

— Ничего не замечаешь?

«Ты отлично знаешь, что я сразу заметил».

— У тебя новый парикмахер? — прикинулся простачком Майлз.

— Ха! — Айвен многозначительно постучал ногтем по нашивке.

— Знаешь, Айвен, незаконное ношение знаков различия является преступлением. Конечно, тебя еще не застукали... — «Айвен получил капитана раньше меня?!»

— Ха! — несколько менее радостно повторил Айвен. — Все совершенно официально, начиная с сегодняшнего дня.

Новый оклад мне положен с утренней зо́ри. Я знал, что звание на подходе, но не торопился об этом трезвонить. Подумал, пусть будет для тебя сюрприз.

— Как получилось, что они повысили тебя раньше меня? С кем ты, черт бы тебя побрал, умудрился переспать? — невольно сорвалось у Майлза. Он вовсе не хотел, чтобы в его тоне звучало столько желчи.

Айвен, хмыкнув, пожал плечами.

— Я справляюсь со своими обязанностями. И к тому же делаю это, не выписывая изящные кренделя вокруг устава. Кроме того, ты провел бог весть сколько времени в отпуске по болезни. Прикинь-ка все это. И тогда получится, что у меня, пожалуй, преимущества в выслуге измеряются годами.

Кровь и плоть. Каждое мгновение этого нежеланного отпуска было оплачено кровью, плотью и нескончаемой болью, принесенными практически добровольно в жертву на службе императору. «Кровью и плотью, а они повысили Айвена. Раньше меня...» Майлзом овладело что-то весьма смахивающее на тотальное бешенство, от которого сдавило грудь и слова застряли в глотке.

Айвен, увидев выражение его лица, скис. Да, конечно, Айвен ожидал, что его поздравят в какой-нибудь свойской манере, ждал, что Майлз разделит с ним радость, потому что радоваться одному — грустное занятие. Майлз отчаянно старался совладать со своим лицом, словами и мыслями.

— Поздравляю, братец. — Ну вот, теперь в его голосе вновь звучала обычная легкая ирония. — Ну, и что же теперь, когда твой чин и оклад достигли таких высот, чем ты объяснишь своей мамочке, почему не женишься на какой-нибудь милой фор-барышне?

— Пусть сначала меня заловят! — ухмыльнулся Айвен, снова просветлев. — Я быстро бегаю.

— М-м-м. Лучше особо не затягивать. Кажется, Тати Форвента отчаялась и недавно вышла замуж? Впрочем, еще остается Виолетта Форсуассон, если не ошибаюсь.

— Вообще-то нет. Она вышла замуж прошлым летом, — сообщил Айвен.

— Хельга Форсмит?

— Ее подцепил один из промышленников — приятелей ее отца. Он даже не фор. Но дьявольски богат. Это произошло три года назад. Боже, Майлз, да ты совсем отстал от жизни! Впрочем, нет проблем, я всегда могу найти кого-нибудь помоложе.

— Знаешь, с таким подходом ты скоро начнешь ухлестывать за эмбрионами. — «Все мы начнем». — Перекос соотношения рождавшихся в нашу бытность мальчиков и девочек начинает сказываться. Ну ладно, поздравляю с капитаном. Я-то знаю, что ты много работал, хоть и прикидывался, что валяешь дурака. Готов поспорить, не успею я и глазом моргнуть, как ты станешь начальником генштаба.

Айвен вздохнул:

— Вряд ли, если они вдруг не передумают и не отправят меня служить на корабль, чтобы пополнить мой послужной список. Нынче с этим ужасно строго.

— Боюсь, они начинают учитывать недочеты еще во время обучения. Многие на это жалуются.

— Да, у тебя-то больше боевого опыта, чем у всех, кого я знаю до звания коммодора включительно, хоть и в твоей неподражаемой вывернутой манере, — с завистью добавил Айвен.

— Ага, только все это строго засекречено. Ты один из очень немногих, кто в курсе.

— Тебя не остановили никакие недочеты. Или правила и уставы. Или понятие реальности, насколько мне известно.

— Я никогда и ничему не позволял мне мешать. Только так можно добиться того, чего хочешь, Айвен. Никто ничего не преподнесет тебе на блюдечке. — Ну, во всяком случае, никто не преподнесет ему, Майлзу. А на Айвена все сыплется с неба, причем всю его жизнь. — Если не можешь выиграть, измени правила игры.

Айвен поднял бровь:

— А если это не игра, то понятие выигрыша становится несколько бессмысленным, нет?

Майлз поколебался.

— Устами Айвенов... Мне... мне надо над этим подумать.

— Смотри не перенапрягись, гений-недоросток.

Майлз изобразил фальшивую улыбку. Айвен выглядел так, будто от этого разговора у него во рту такой же отвратительный привкус, как у Майлза. Пожалуй, лучше на этом закончить. С Айвеном можно разобраться потом. Как всегда.

— Пожалуй, я пойду.

— Ага, у тебя ведь масса дел. — Скривившись, Айвен отключился прежде, чем Майлз успел протянуть руку к выключателю.

Целую минуту Майлз сидел, молча уставясь на экран. Затем поднял голову и высказал свое разочарование потолку в самых отборных галактических проклятиях. И почувствовал себя несколько лучше, будто вместе с ругательствами изверг из своей души нечто ядовитое. На самом деле он не завидовал продвижению Айвена. Просто... Просто...

Неужели побеждать — это все, чего он хочет? Или все еще хочет, чтобы видели, как он побеждает? И кто видел? Имперская безопасность — неподходящее место работы, если хочешь славы. Хотя знает Иллиан, знают родители, Грегор — все близкие люди, чье мнение для него важно, знают об адмирале Нейсмите, знают, кто такой Майлз на самом деле. Элен, Куин, все дендарийцы. Даже Айвен знает. «Так ради кого я, черт побери, стараюсь, если не ради них?»

Ну... конечно, всегда присутствует дед, генерал граф Петер Форкосиган, умерший уже тринадцать лет назад.

Взгляд Майлза упал на дедушкин церемониальный кинжал в великолепных ножнах, лежащий на почетном месте — ну по крайней мере не заваленный барахлом — на полке у противоположной стены. В начале карьеры Майлз упорно всегда таскал его с собой. Доказывая... что? Кому? «Теперь уже никому и ничего».

Он встал, подошел к полке и взял оружие. Достал кинжал из ножен и полюбовался игрой света на вороненой стали. Кинжал по-прежнему оставался великолепным произведением искусства, но в нем отсутствовала... некая власть, которой кинжал когда-то обладал над ним. Волшебство исчезло. Или проклятие. Теперь Майлз держал в руке обычный старинный клинок. Он сунул его обратно в ножны и разжал ладонь, выронив кинжал на полку.

Майлз чувствовал себя не в своей тарелке. Он всегда испытывал это чувство, когда приезжал домой, но в этот раз оно оказалось особенно острым. Непривычное отсутствие графа с графиней оставляло неприятное ощущение, будто они уже умерли. Надо полагать, именно так он будет себя ощущать, когда станет графом Майлзом Форкосиганом. Майлз вовсе не был уверен, что это ощущение ему нравится.

«Мне необходим... Нейсмит». Пресная жизнь фора действовала ему на нервы. Но Нейсмит — дорогое хобби. Нужна веская причина, чтобы заставить Службу безопасности оплачивать Нейсмита, необходимо буквально пожизненное задание. Адмиралу Нейсмиту нужно быть постоянно готовым ответить на вопрос «А что ты сегодня сделал, чтобы оправдать свое существование?» — или он рискует быть выброшенным на свалку. Бухгалтеры СБ для него не менее опасны, чем огонь противника. «Ну, почти...» Майлз провел рукой по скрытым рубашкой шрамам на груди.

Что-то не так с его новым сердцем. Нет, кровь оно качает вполне исправно, все клапаны и желудочки в порядке... оно выращено из его собственных тканей, но все же кажется чужеродным телом... «Ты начинаешь сходить с ума от одиночества в пустом доме».

Задание. Ему срочно необходимо задание. Не то чтобы он желает кому-то зла, просто ему необходимо действие. Блокада, небольшая колониальная война... А еще лучше — спасательная операция. Ага, освободить пленников.

«Ты все это уже делал. И если тебе нужно именно это, то почему же ты недоволен?»

Адреналиновый шок, похоже, штука затягивающая. Нейсмит — адреналиноман, которому необходима все большая и большая доза, чтобы удовлетворить потребности.

Чтобы утолить адреналиновый голод, в порядке эксперимента Майлз пробовал заняться опасными видами спорта. Особого успеха он ни в одном не достиг, главным образом из-за нехватки времени. К тому же... не хватало остроты ощу-

щений. Не очень интересно рисковать только собой. Да и призы кажутся мелочью человеку, ставившему на кон и выигравшему десять тысяч жизней за раз.

«Я хочу получить свое задание. Иллиан, позвони!»

Треньканье комма резко оборвало тяжелый дневной сон, в который он погрузился после практически бессонной ночи, вымотанный беспокойством и пустыми домыслами. По грубым прикидкам, он проиграл в уме не менее трех сотен вариантов разговора с Иллианом. И единственный вывод, к которому в результате пришел, — что триста первый будет совершенно иным.

На экране появилась физиономия секретаря Иллиана.

— Сейчас? — спросил Майлз прежде, чем тот успел вымолвить хоть слово, и пригладил рукой взъерошенные со сна волосы.

Секретарь моргнул, откашлялся и начал отработанную речь:

— Добрый день, лейтенант Форкосиган. Иллиан желает вас видеть у себя через час.

— Я буду раньше.

— Через час, — повторил секретарь. — Из штаб-квартиры за вами придет машина.

— А, спасибо.

Бесполезно спрашивать о чем-либо по комму, а машина Майлза лучше защищена, чем обычная, но ненамного.

Секретарь отключился. Ну ладно, по крайней мере теперь у Майлза было время принять холодный душ и одеться соответствующим образом.

Он вынул из шкафа чистый зеленый мундир и начал пристегивать серебряные значки Имперской службы безопасности на воротник возле — хм! — лейтенантских треугольников, которые носил вот уже восемь кровавых лет. Знаков различия можно иметь несколько комплектов, но Глаза Гора, сделанные из серебра, выдавались в единственном экземпляре, причем персонально каждому сотруднику СБ. На тыльной части был выгравирован номер, и горе тому, кто потеряет свой значок. Глаза Гора так же трудно подделать, как деньги, и они обладают не меньшей властью.

Майлз взглянул на себя в зеркало. Он выглядел так, что спокойно мог идти на аудиенцию к самому императору. Даже еще лучше. В данный момент у Грегора меньше власти над его будущим, чем у Иллиана.

Своего рода отвлекающая тактика. Когда не можешь сделать что-то действительно полезное для дела, направляешь энергию на что-то бесполезное, но доступное. И все же он оказался внизу за десять минут до того, как автомобиль СБ подъехал к дверям.

На сей раз дверь в кабинет Иллиана была открыта. Секретарь жестом велел Майлзу заходить.

Иллиан сидел за своим огромным заваленным документами комм-пультом. На несколько более четкий, чем

обычно, салют Майлза он ответил кивком. Нажав кнопку, Иллиан закрыл и запер входную дверь. Весьма необычный жест, и у Майлза вспыхнула надежда, что на этот раз ему предстоит нечто действительно очень важное и чрезвычайно сложное.

Возле стола Иллиана стоял свободный стул. Отлично. Обычно Иллиан, когда уж особенно разъярен, заставляет проштрафившегося стоять, пока не закончит на него орать. То есть вообще-то Иллиан никогда не повышал голоса, он лишь становился особенно ехидным и мордовал виноватого словесно, тщательно контролируя свои эмоции. Манера поведения, весьма импонировавшая Майлзу и которую он все надеялся перенять. Но сегодня шеф Имперской безопасности казался особенно напряженным. Гораздо более угрюмый, чем обычно. Майлз уселся и коротко кивнул, давая понять, что он весь внимание. «Я готов. Приступай».

Но Иллиан не наклонился чуть вперед, как делал всегда, а, наоборот, откинулся назад и пристально посмотрел на Майлза через широченный стол.

— Ты сказал моему секретарю, что хочешь что-то добавить к своему последнему рапорту.

«Черт. Теперь или никогда». Но признание в имеющихся у него проблемах медицинского характера однозначно отменяет предстоящее задание, в чем бы оно ни заключалось. «Значит, никогда. Я сам потом с этим разберусь. Как можно раньше».

— Ничего существенного. Так что вы хотели мне сказать?

Иллиан вздохнул и побарабанил пальцами по черной поверхности.

— Я получил весьма тревожное сообщение с Архипелага Джексона.

У Майлза перехватило дыхание. «Я однажды там умер...»

— Адмирала Нейсмита там не очень-то жалуют, но я готов поправить дело. Что эти поганцы натворили на сей раз?

— Речь идет не о новом задании, и доклад, мною полученный, не нов. Он связан с твоим последним... я даже не могу назвать это заданием, потому что не давал его. С твоим последним приключением на Архипелаге. — Иллиан в упор поглядел на Майлза.

— О? — забеспокоился Майлз.

— Наконец-то я получил полные копии медицинских записей криоспециалиста, занимавшегося твоим оживлением. На это ушло довольно много времени из-за поспешного отбытия группы Дюрона с Архипелага Джексона и из-за того, что их архивы оказались частично на Эскобаре, а частично остались у дома Фелл. Не стоит упоминать, что дом Фелл не очень жаждал делиться сведениями. Еще больше времени ушло на обработку полученных сведений моими аналитиками, а затем полученные данные прочитал кто-то, оказавшийся достаточ-

но сообразительным, чтобы понять их важность. На самом деле на все это ушло несколько месяцев.

У Майлза внезапно похолодело внутри, как при воспоминаниях о холоде смерти. Он вдруг понял состояние человека, который спрыгнул — сорвался — был скинут с крыши высотного здания, его субъективное ощущение вечности полета, пока он летит до камней внизу. «Мы только что совершили роковую ошибку. О да!»

— Конечно, больше всего меня беспокоят не твои припадки как таковые, — продолжил Иллиан, — а то, что ты не сказал о них врачам СБ, которые в прошлом году занимались твоим здоровьем. Ты солгал им и таким образом солгал и мне тоже.

Майлз сглотнул, судорожно пытаясь найти в своем парализованном мозгу оправдание тому, чему оправдания нет. Если не можешь оправдаться, отрицай все. Он представил себя радостно щебечущим: «Какие припадки, сэр?» Нет уж.

— Доктор Дюрона сказала... что припадки пройдут сами собой. — Она действительно это говорила, черт побери! — Или... что должны пройти, — поправился Майлз. — Тогда, во время медкомиссии, я полагал, что они прошли.

Иллиан поморщился. Взяв со стола зашифрованную дискету, он покрутил ее между большим и указательным пальцами.

— Это — последний доклад моего независимого наблюдателя у дендарийцев, — сообщил он. — И в нем, помимо всего прочего, медицинские записи главного хирурга флота. Те, которые она хранила у себя в каюте, а не в медотсеке. Их тоже было нелегко раздобыть. Их-то я и ждал. Дискету доставили прошлой ночью.

«У него имелся третий наблюдатель. Мне следовало бы догадаться».

— Хочешь еще немножко поразыгрывать святую невинность? — сухо поинтересовался Иллиан.

— Нет, сэр, — прошептал Майлз. Он не думал, что голос упадет до шепота. — Я больше не буду ничего разыгрывать.

— Отлично. — Иллиан немного покачался на стуле и положил дискету на стол. Лицо его походило на маску смерти. «Интересно, на что похожа моя физиономия, — подумал Майлз. — Должно быть, напоминает морду затравленного зверя, освещенного фарами летящего на скорости сто километров в час автомобиля».

— Вот это, — Иллиан ткнул пальцем в дискету, — является предательством в отношении подчиненных, которые от тебя зависят, и начальников, которые тебе доверяют. И предательство осознанное, чему доказательство случай с лейтенантом Форбергом. Можешь ли ты сказать что-либо в свое оправдание?

Если тактические условия плохи, смени дислокацию. Если не можешь победить, смени правила игры. Внутреннее напряжение заставило Майлза пулей взлететь со стула, и он заметался туда-сюда перед столом Иллиана.

— Я служил вам телом и кровью — и видит Бог, пролил ее немало — в течение девяти лет, сэр! — Голос его взлетел. — Спросите у мэрилакцев, насколько хорошо я служил вам. Спросите у сотен других людей. Больше тридцати операций, и только две из них можно с натяжкой признать неудачными. Я десятки раз рисковал жизнью, я в прямом смысле слова отдал ее. И теперь все это вдруг ничего не стоит?

— Стоит, — выдохнул Иллиан. — И многого. Именно поэтому я предлагаю тебе уйти по состоянию здоровья, если ты подашь в отставку немедленно.

— Подать в отставку? Уйти? И это, по-вашему, означает оказать мне услугу? Служба безопасности переживала скандалы и покруче. Я знаю, что вы можете сделать для меня нечто большее, если захотите!

— Так лучше всего. Не только ради тебя самого, но ради фамильной чести. Я долго и по-всякому размышлял над этим со всех возможных точек зрения. Думал в течение нескольких недель.

«Так вот почему он отозвал меня домой. Не из-за задания. Никакого задания и не было вовсе. Только это. Я был обречен с самого начала. У меня изначально не было ни малейшего шанса».

— Прослужив твоему отцу в течение тридцати лет, — продолжил Иллиан, — я не могу сделать меньше. Но не могу и больше.

Майлз замер.

— Отец... просил об этом? Он знает?

— Пока нет. Известить его — задача, которую я оставляю тебе. Такой доклад я вовсе не жажду делать.

Удивительная трусость со стороны Иллиана и жестокое наказание для него, Майлза.

— Чувствуется влияние отца, — горько заметил Майлз. — Это называется оказать небольшую услугу.

— Уж поверь мне, если бы не твой послужной список, о котором ты только что напомнил, даже твоему отцу не удалось бы выпросить для тебя этой милости. Твоя карьера закончится тихо и спокойно, без скандала.

— Ага! — Майлз аж задохнулся. — Ну очень славненько. И таким образом мне затыкают рот и лишают возможности апеллировать.

— Я бы настоятельно тебе советовал — от всего сердца, заметь — не доводить дело до трибунала. Ты ни за что не получишь такого мягкого приговора, какой сейчас вынес тебе я. И я на полном серьезе говорю, что твои шансы равны нулю. — Как бы подчеркивая сказанное, Иллиан многозначительно постучал по дискете. И действительно, лицо у него было мрачным. — Одних только данных на этом диске, не говоря уже обо всем остальном, более, чем достаточно, и тебе повезет, если тебя просто уволят с позором, а не приговорят к чему-нибудь посерьезнее.

— Вы обсуждали это с Грегором? — настойчиво спросил Майлз.

Императорская милость, его последняя защита, та самая, относительно которой он поклялся, что скорее умрет, чем прибегнет к ней...

— Да. И очень долго. Сегодня все утро мы фактически просидели с ним взаперти, не обсуждая ничего, кроме твоего дела.

— Вот как.

Иллиан указал на комм:

— Твои документы готовы, чтобы ты мог подписать их прямо сейчас и здесь. Отпечаток ладони, сканирование сетчатки глаза, и дело сделано. Твоя форма... сшита по индивидуальному заказу, поэтому ее не надо возвращать, и по традиции останутся знаки различия. Но вот Глаза Гора, боюсь, тебе придется сдать.

Майлз, развернувшись на каблуках, с трудом удержался, чтобы не схватиться за воротник.

— Только не Глаза! Это... это неправда, я все могу объяснить, я могу... — Все предметы в комнате, включая комм-пульт на столе Иллиана, лицо самого Иллиана вдруг приобрели необычайную четкость, затем в мозгу вспыхнул зеленый огонь. Взорвавшийся ворохом разноцветных конфетти. «НЕТ!»

Он очнулся на ковре в кабинете Иллиана. Пепельно-серый Иллиан озабоченно склонился над ним. Во рту что-то мешало. Майлз повернул голову и выплюнул карандаш — световой карандаш, который раньше лежал у Иллиана на столе. Ворот его мундира оказался расстегнут — Майлз коснулся его ладонью, — но серебряные значки были по-прежнему на месте. Некоторое время Майлз просто полежал неподвижно.

— Ну что же, — проговорил он наконец, — полагаю, это было то еще представление. Сколько?

— Около четырех минут, — глянув на часы, ответил Иллиан.

— Как обычно.

— Лежи спокойно. Я вызову врача.

— К черту врача. Я могу идти сам. — Майлз попытался встать, но ноги подкосились, и он снова рухнул лицом в ковер. Судя по ощущениям, он разбил при первом падении губы, которые распухли, как оладьи, и нос, из которого шла кровь. Иллиан протянул носовой платок, и Майлз прижал его к лицу. Примерно через минуту он нехотя позволил Иллиану усадить себя на стул.

Иллиан присел на краешек стола и внимательно наблюдал на ним. Как всегда, сверху вниз.

— Ты знал, — произнес он. — И лгал. Мне. Письменно. Этим своим чертовым фальсифицированным рапортом ты похерил... все. А я скорее не поверил бы своему чипу памяти, чем тебе. Почему, Майлз? Ты что, настолько сильно запаниковал? — В голосе Иллиана звучала такая мука, будто он истекал кровью.

«Да, именно настолько сильно запаниковал. Я не хотел терять Нейсмита... Не хотел терять... все».

— Теперь это уже не имеет значения. — Майлз судорожно схватился за ворот, выдрал с мясом серебряные глаза и трясущимися руками слепо сунул их Иллиану. — Вот. Ты выиграл.

Иллиан взял значки.

— Храни меня Господь от еще одной такой победы, — тихо выговорил он.

— Отлично, замечательно, давай я сделаю все, что требуется, и покончим со всем этим к чертям собачьим. Меня тошнит от Имперской безопасности и надоело хлебать это дерьмо. Хватит с меня. Отлично.

Его продолжало трясти, жар волнами поднимался откуда-то из глубины живота и охватывал все тело. Больше всего Майлз боялся расплакаться прямо на глазах у Иллиана.

Иллиан снова опустился на край стола:

— Посиди пару минут, чтобы окончательно прийти в себя. Сиди, сколько требуется. Потом пойди умойся. Я не открою двери в кабинет до тех пор, пока ты не будешь в состоянии нормально идти.

«Странное у тебя милосердие, Иллиан. Ты убиваешь меня так заботливо».

Но он лишь молча кивнул и, спотыкаясь, направился в крошечную ванную. Иллиан последовал за ним и, убедившись, что Майлз достаточно твердо стоит на ногах, оставил его одного. Да, отразившуюся в зеркале залитую кровью и помятую физиономию определенно не стоило никому показывать. Вероятно, примерно так он выглядел в тот день, когда погибла сержант Беатрис, разве что сейчас лет на сто старше. «Иллиан не посрамит великой фамилии. Не посрамлю и я». Майлз тщательно умылся, хоть и не сумел смыть кровь с разорванного воротника и торчащей из-под него бежевой форменной рубашки.

Вернувшись в кабинет, он покорно сидел, пока Иллиан давал ему документы на подпись, проводил сканирование сетчатки и записывал официальным тоном произнесенные Майлзом слова отставки.

— Ладно, а теперь выпустите меня, — спокойно проговорил Майлз, когда все кончилось.

— Но, Майлз, тебя все еще трясет.

— И еще некоторое время будет трясти. Ничего, пройдет. Выпустите меня, пожалуйста.

— Я вызову машину. И провожу тебя до нее. Тебе не следует оставаться одному.

«О нет, как раз следует».

— Хорошо.

— Не хочешь поехать сразу в госпиталь? Ты должен. Ты имеешь право лечиться в Императорском госпитале

как ушедший в отставку ветеран, а не только как сын своего отца. Я... Мне показалось, что для тебя это важно.

— Нет. Я хочу поехать домой. Своей проблемой я займусь... позже. Это ведь хроническое, не смертельно. Следующий приступ, по всей вероятности, произойдет не раньше, чем через месяц, насколько я понимаю.

— Ты должен ехать в госпиталь.

Майлз вперился в Иллиана.

— Смею напомнить, что отныне не обязан подчиняться, Саймон.

Иллиан молча кивнул. Поднявшись, он обошел стол и отпер дверь. Затем потер ладонями лицо, как бы стирая эмоции. В глазах его стояли слезы. Майлзу показалось, что он чуть ли не ощущает, как влага высыхает на круглых щеках Иллиана. Когда же Иллиан обернулся, лицо его снова было таким же невозмутимым и замкнутым, как всегда.

«Господи, как же болит сердце!» И голова. И желудок. И вообще все тело. Майлз с трудом поднялся, оттолкнув руку Иллиана, которой тот нерешительно придержал его за локоть.

Дверь открылась, явив взору секретаря Иллиана, генерала Гароша и капитана Галени. При виде Майлза Галени недоуменно поднял брови. Майлз мог точно сказать, в какой момент Галени заметил отсутствие значков СБ у него на воротнике, потому что именно в это мгновение глаза капитана стали большими и круглыми.

«Дьявольщина, Дув, что ты там навыдумывал?» Что он подрался с Иллианом? Что разъяренный Иллиан силой содрал значки с его воротника? «Случайные обстоятельства могут быть очень убедительными».

Гарош изумленно открыл рот.

— Что за чертовщина?.. — Он вопросительно протянул руку к Иллиану.

— Прошу нас простить. — Стараясь ни с кем не встречаться взглядом, Иллиан вместе с Майлзом прошел мимо них. Все три офицера СБ как по команде развернулись и уставились им вслед.

ГЛАВА 7

Прекрасно понимая, что водитель СБ не сводит с него глаз, Майлз очень осторожно вошел в дверь особняка Форкосиганов. Но как только двери закрылись у него за спиной, он рухнул в ближайшее кресло, не потрудившись даже сдернуть с него покрывало. Прошло не меньше часа, прежде чем его перестало трясти.

Встать его заставила не наступившая темнота, а давление в мочевом пузыре. «Наше тело — наш господин, а мы — его пленники. Свободу пленникам». Не успел он подняться, как единственным его желанием стало снова замереть. «Мне следовало бы напиться. В подобных ситуациях это вполне традиционно, разве нет?» Он побрел в погреб — за бутылкой бренди. Вино показалось ему в данном случае недостаточно крепким. Этот взрыв активности закончился тем, что он забился в самую маленькую комнатенку, которую только сумел отыскать, — крошечную клетушку на четвертом этаже, которая, не будь в ней окна, вполне могла бы сойти за шкаф. Бывшая комната кого-то из слуг. В ней стояло старое удобное кресло. Затратив массу усилий на поиски бутылки, Майлз уже не нашел сил на то, чтобы открыть ее. Он свернулся в крошечный комочек на огромном кресле.

Во время следующего похода в ванную, где-то после полуночи, Майлз прихватил дедов кинжал и положил на тумбочке возле непочатой бутылки. Кинжал прельщал его не больше бренди, но на несколько минут занял его мысли. Любуясь игрой света на лезвии, он прижал клинок к запястью, затем к горлу, там, где остались шрамы от предкриогенной подготовки. «Да, в случае чего определенно выберу горло». Все или ничего, и нечего ходить вокруг да около.

Но однажды он уже умер, и толку от этого не было ровным счетом никакого. В смерти нет ни тайны, ни надежды. К тому же нельзя исключать кошмарной возможности, что те, кто уже однажды пожертвовал столь многим, чтобы оживить его, не сделают это снова. И все испортят. Или того хуже. Майлзу доводилось видеть наполовину успешные криооживления, когда человек лишался разума и вел растительное существование. Нет. Умереть он не хочет. Во всяком случае, не там, где его тело смогут легко отыскать. Но жизнь ему в тягость.

Однако сон, это сказочное промежуточное состояние между жизнью и смертью, не шел. Но если он просидит вот так достаточно долго, то наверняка уснет. Точно уснет.

«Вставай. Поднимайся и беги как можно быстрее». Обратно к дендарийцам, пока СБ еще не может помешать. Лови свой шанс, шанс Нейсмита! Последний шанс Нейсмита. «Беги, беги, беги!»

Майлз сидел в кресле. Мускулы судорожно свело, в голове билась мысль о побеге.

Через некоторое время он обнаружил, что если не пить воду, то и не приходится так часто вставать. Сон по-прежнему не шел, но в этот предрассветный час мысли замедлили свой бег. Одна мысль в час. Отлично.

Сквозь окно просачивался утренний свет, и лампа светила не так ярко. Солнечный луч медленно, как его мысли, пробежал по комнате и исчез.

С наступлением утра стали громче городские шумы, но кокон тьмы укрывал его от внешнего мира не хуже криокамеры.

Кто-то звал его. «Айвен. Черт! Я не хочу разговаривать с Айвеном». Он не откликнулся. Если сидеть тихо и не шевелиться, может, они его не найдут. Может, уйдут совсем. Пустыми, совершенно сухими глазами он уставился на трещину в стене, которую созерцал вот уже несколько часов.

Но его затея не сработала. В коридоре раздался грохот сапог, затем послышался голос Айвена:

— Он здесь, Дув! Я нашел его!

Шаги — быстрые и тяжелые. В зоне видимости Майлза возникла физиономия Айвена, закрыв собой стену. Айвен скривился:

— Майлз? Ты в порядке, парень?

— О Боже! — А это голос Галени.

— Не паникуй, — буркнул Айвен. — Он просто-напросто в стельку пьян. — Айвен взял нераспечатанную бутылку. — Н-да... А может, и не пьян... — Он ткнул пальцем лежащий на тумбочке кинжал в ножнах. — Хм.

— Иллиан был прав, — пробормотал Галени.

— Не... обязательно, — возразил Айвен. — Когда видишь такое примерно в двадцать пятый раз, то перестаешь на это так реагировать. Просто... он так делает. Если бы он хотел покончить с собой, то сделал бы это много лет назад.

— Ты уже видел его в таком состоянии?

— Ну... может, и не совсем в таком... — Озабоченное лицо Айвена снова закрыло собой трещину в стене. Он помахал ладонью у Майлза перед глазами.

— Не моргает, — нервно заметил Галени. — Может... нам не следует его трогать? Ты не думаешь, что лучше обратиться за медицинской помощью?

— Позвать психиатра, ты хочешь сказать? Безусловно, нет. Вот уж действительно скверная мысль. Если эти парни из психушки в него вцепятся, то уже никогда не отстанут. Нет. Это дело семейное. — Айвен решительно выпрямился. — Я сам знаю, что делать. Пошли.

— А ничего, что мы оставим его одного?

— Ничего. Раз он просидел так больше суток, значит, далеко не уйдет. — Немного помолчав, Айвен добавил: — Впрочем, нож забери. На всякий пожарный.

Они удалились. Мысли Майлза медленно ползли. Одна за четверть часа.

«Они ушли».

«Ушли».

«Может быть, они не вернутся».

Но они, увы, вернулись.

— Я возьму его за плечи, — распорядился Айвен, — а ты — за ноги. Нет, лучше сперва сними с него сапоги.

Галени так и сделал.

— По крайней мере он не окоченел.

«Нет, наоборот, растекся». Чтобы окоченеть, нужно приложить усилия. Сапоги шлепнулись на пол. Айвен снял с себя китель, закатал рукава рубашки, взял Майлза под мышки и поднял. Галени, как было велено, взял Майлза за ноги.

— А он легче, чем я думал, — заметил Галени.

— Ага. Видел бы ты сейчас Марка, — хмыкнул Айвен.

Они поволокли его вниз по узкой черной лестнице. Может, они собираются уложить его в постель? Этим они избавили бы его от проблемы. Может, тогда он уснет. И может быть, если повезет, то проснется лет через сто, когда о нем и его мире не останется никаких воспоминаний, кроме смутных легенд.

Но его пронесли мимо спальни и втащили в старую ванную комнату дальше по коридору. Ту самую, которую так и не модернизировали. Там стоял древний металлический чан, достаточно здоровый, чтобы мальчишки могли в нем плавать. Чану было не меньше ста лет.

«Они хотят меня утопить. Еще лучше. Я не стану сопротивляться».

— На раз-два-три? — спросил Айвен.

— Просто на «три», — ответил Галени.

И они швырнули его в чан. Лишь в последний миг Майлз разглядел, что ждет его внутри. Его тело попыталось воспротивиться, но мышцы не слушались, а в пересохшей глотке замер возмущенный вопль.

Примерно сто литров воды, в которой плавало килограммов пятьдесят льда.

Он шлепнулся в ледяную купель. Длинные руки Айвена засунули его под воду с головой.

Он вынырнул с воплем:

— Вода лед... — Но Айвен затолкал его обратно.

В следующий раз:

— Айвен, ты чертов приду...

Вынырнув в третий раз, он мог выразить свое возмущение лишь нечленораздельным воем.

— Ага! — радостно прочирикал Айвен. — Так я и знал, что эта процедура тебя быстренько реанимирует! — Он повернулся к Галени, который отошел в сторону, спасаясь от ледяных брызг. — С тех пор, как он пробыл в лагере «Вечная Мерзлота» в качестве офицера-метеоролога, больше всего на свете он ненавидит холод. С возвращением, парень.

Майлз, стараясь вырваться из рук Айвена, выплюнул ледяную воду, вылез наверх и вывалился из чана. Кубики льда сыпались из-под мокрого кителя и скользили

по шее. Сжав кулак, он двинул им по ухмыляющейся физиономии кузена.

Кулак смачно въехал Айвену в подбородок. Боль показалась просто чудесной. Первый раз в жизни он успешно вмазал Айвену по роже.

— Эй! — завопил Айвен, отшатнувшись. Второй удар не достиг цели, потому что теперь Айвен предусмотрительно держался на расстоянии вытянутой руки, вне пределов досягаемости. — А я полагал, от таких штучек у тебя руки ломаются!

— Больше не ломаются, — задыхаясь, буркнул Майлз. Он перестал вырываться и стоял, дрожа как осиновый лист.

Айвен потер подбородок. Брови его поползли вверх.

— Теперь тебе лучше? — через некоторое время поинтересовался он.

В ответ Майлз разразился потоком брани и, собрав с кителя остатки льда, запустил Айвену в физиономию.

— Приятно слышать, — жизнерадостно сообщил Айвен. — А теперь я скажу тебе, что ты должен сделать, и ты это сделаешь. В первую очередь ты пойдешь к себе в комнату и снимешь этот мокрый мундир. Затем сбреешь эту пародию на бороду и примешь горячий душ. А потом оденешься. А после этого мы поведем тебя ужинать.

— Не пойду я никуда, — мрачно пробурчал Майлз.

— Я что, тебя спрашиваю? Дув, разве я предлагал бетанское голосование?

Галени, зачарованно глядя на происходящее, лишь покачал головой.

— Так, — продолжил Айвен. — Ничего не желаю слушать, и у тебя нет выбора. Внизу в холодильнике лежит наготове еще пятьдесят кило льда, и ты прекрасно знаешь, что я не премину им воспользоваться.

Майлз прочитал в лице Айвена, что он с удовольствием приведет угрозу в исполнение. Ругательства превратились в злобное шипение, но несогласия он выражать не стал.

— Тебе это понравилось, — пробурчал он наконец.

— И еще как! — подтвердил Айвен. — А теперь иди собирайся.

Пока Майлз собирался, Айвен выдвинул еще ряд требований. Наконец они с Галени отволокли его в ближайший ресторан. Там он тихим голосом угрожал Майлзу до тех пор, пока тот не сунул в рот несколько кусочков. Едва начав есть, Майлз мгновенно понял, что страшно голоден. Кузен, довольный результатом, отстал.

— А теперь, — сказал Айвен, заглатывая последний кусок десерта, — объясни, что за чертовщина с тобой творится?

Майлз глянул на двух капитанов, на Глаза Гора в петлицах Галени.

— Сначала вы. Это Иллиан вас прислал?

— Он попросил, чтобы я навестил тебя, — сообщил Галени. — Решил почему-то, что мы друзья. Поскольку охранник у ворот сказал, что ты зашел и больше не выходил, а на вызовы по комму ты не ответил, я решил проведать тебя лично. Ну, и я чувствовал себя... мягко говоря, не вправе врываться в особняк Форкосиганов, а потому пригласил с собой Айвена. Я подумал, что у него как у члена семьи есть право туда войти. По разрешению, полученному мною от Иллиана, охранник открыл замки и впустил нас внутрь, так что нам не пришлось вышибать окно. — Поколебавшись, Галени добавил: — К тому же меня совершенно не прельщала перспектива в одиночку выволакивать откуда-нибудь твое тело.

— Я же тебе говорил, что это вряд ли, — вмешался Айвен. — Это не в его стиле. Если он когда-нибудь надумает покончить с жизнью, то обставит это с наибольшим шумом и максимальным количеством взрывов. И скорее всего утащит за собой кучу сторонних наблюдателей.

Майлз с Айвеном обменялись ехидными улыбками.

— Я... я не был в этом так уверен, — задумчиво протянул Галени. — Ты ведь не видел, Айвен, какое у него было лицо, когда он вышел от Иллиана. В последний раз я видел такое выражение лица у парня, которому помогал выбраться из разбившегося флайера.

— Я все объясню, но не здесь, — вздохнул Майлз. — Где-нибудь в более спокойном месте. Потому что во всей этой истории многое связано с работой. — Он отвел взгляд от серебряных значков на воротнике Галени. — Моей бывшей работой.

— Хорошо, — спокойно согласился Галени.

В конце концов они устроились на кухне особняка Форкосиганов. Майлз подспудно надеялся, что Айвен поможет ему надраться, но кузен вместо этого заварил чай и влил в него две чашки. Чтобы компенсировать потерю жидкости, как он изволил выразиться. Затем Айвен уселся верхом на стул. Сложил руки на спинке и произнес:

— Ну ладно, выкладывай. Сам понимаешь, теперь не отвертишься.

— Да. Я знаю. — Майлз на секунду прикрыл глаза, соображая, с чего начать. Наверное, с самого начала. В голове вертелись привычные и отработанные увертки и отрицания. Они привлекали его гораздо больше, чем чистосердечное признание. И готовы были сорваться с языка. Ладно, кратчайшее расстояние между точками — прямая. — После моего прошлогоднего криооживления у меня... возникла проблема. Начались припадки. Конвульсии, длящиеся от двух до пяти минут. Они вроде бы возникают в момент стрессовой ситуации. Мой врач сказала, что они, как криоамнезия, могут пройти сами собой. Припадки случались редко и вроде бы сходили на

нет, как она и обещала. Поэтому я... поэтому я не сказал о них врачам СБ, когда вернулся домой.

— Ах ты черт, — пробормотал Айвен. — Понятно, что за этим последовало. Ты вообще кому-нибудь говорил?

— Марк знал.

— Ты сказал Марку, но не сказал мне?

— Марку я мог довериться... он сделает то, что я велю. А ты сделаешь то, что сочтешь нужным. — Почти то же самое он говорил Куин. Боже!

Губы Айвена скривились, но возражать он не стал.

— Ты понимаешь, почему я боялся, что в худшем случае это будет билет в один конец — увольнением по здоровью. А в лучшем случае — кабинетная работа, и конец дендарийским наемникам, конец оперативной работе. Но я подумал, что, если я, точнее, мой дендарийский врач, потихоньку решит эту проблему, Иллиан никогда ничего не узнает. Она дала мне кое-какие препараты. Я думал, что они сработали.

«Нет, никаких оправданий, черт побери!»

— А Иллиан тебя застукал и поэтому выпер? Тебе не кажется, что это несколько слишком, после всего того, что ты для него делал?

— Это не все.

— А!

— Во время выполнения последнего задания... мы должны были освободить имперского курьера, захваченного пиратами возле Сумерек Зоава... я решил лично понаблюдать за ходом операции. На мне была боевая броня. И в разгар операции со мной случился припадок. И я случайно включил встроенный плазмотрон. И чуть было не разрезал пополам бедолагу курьера. Но он оказался везунчиком. Я всего лишь отсек ему обе ноги.

У Айвена отвисла челюсть.

— Понятно... — медленно проговорил он.

— Ничего тебе не понятно. Пока еще нет. Это была всего лишь глупость. Роковым оказалось то, что я сделал потом. Я фальсифицировал рапорт. Написал, что несчастный случай с Форбергом произошел из-за неисправности оружия.

Галени резко выдохнул:

— Иллиан сказал... что ты уволился по желанию. Но не уточнил, по чьему желанию, а я не посмел у него спросить. Я вообще всему этому не поверил. Подумал, что это начало какой-то очередной вашей с Иллианом заморочки, внутреннего расследования или что-то в этом роде. Единственное, что вызывало у меня сомнение, — вряд ли даже ты способен настолько хорошо притворяться, чтобы изобразить такое выражение лица, какое у тебя было в тот момент.

Айвен никак не мог переварить услышанное.

— Ты солгал Иллиану?

— Угу. И задокументировал эту ложь. Если уж делаешь гадость, делай ее как следует, верно? Я не увольнялся. Меня выгнали. На всем Барраяре не найти никого, кого бы выгнали с таким треском, как меня.

— И он действительно сорвал с тебя серебряные глаза? — Глаза Айвена полезли на лоб.

— Кто это сказал?

Галени хмыкнул:

— Очень было на то похоже. Гарош именно так и подумал.

«Все было гораздо хуже. Он плакал». Никогда за всю свою жизнь Майлз не видел Иллиана плачущим.

— Нет. Я сам их снял. Я все сделал сам. — Поколебавшись, Майлз добавил: — Последний припадок произошел прямо у него в кабинете. У него на глазах. Кажется, я уже говорил, что они случаются в стрессовых ситуациях.

Айвен скривился в сочувственной гримасе.

Галени громко выдохнул.

— Этому Гарош тоже не поверил. Заявил, будто вся СБ знает мнение Иллиана, что ты срешь золотыми слитками.

«О да, Нейсмит был лучше всех».

— После операции на Дагуле он имел полное право так считать. — Но операция на Дагуле была почти четыре года назад. «А чем ты насрал в конечном итоге?» — Насколько я понимаю, это прямая цитата из высказываний Гароша. Узнаю стиль.

— М-м, он может быть иногда несколько прямолинеен. Он с трудом переносит дураков. Мне сказали, что он вырос с самых низов. Он говорит, Иллиан прочил тебя на свое место.

Майлз изумленно поднял брови.

— Невозможно. Осуществление общего руководства требует несколько иных навыков, чем у полевого агента. И главное, диаметрально противоположного отношения к уставу. Я не готов... не был готов для работы Иллиана.

— Гарош так и сказал. Кажется, твоей следующей должностью должна была быть должность его зама. Пять лет на этом месте — и ты готов занять место Иллиана, когда он решит уйти.

— Чушь собачья. Только не Внутренние Дела. Если бы мне пришлось сесть за стол, то скорее уж в департаменте по делам галактики на Комарре. В этом у меня имеется кое-какой опыт.

— Именно пробел в твоем опыте и собирались залатать, направив тебя к Гарошу. Иллиан как-то раз сказал мне, что Гарош в бытность свою полевым агентом сам лично сорвал не менее четырех крупных заговоров против императора. Это не учитывая дела «Ярроу», за которое он и получил нынешний пост. Может, Иллиан надеялся, что часть способностей Гароша передастся тебе.

— Не нужны мне... — начал было Майлз, но тут же закрыл рот.

— А что это за дело «Ярроу»? — заинтересовался Айвен. — И если оно такое важное, то почему я никогда о нем не слышал?

— Классическое дело по борьбе с терроризмом, — пояснил Галени. — Иллиан всех новых аналитиков заставляет изучать его.

— Это дело хорошо известно в рамках СБ, — добавил Майлз. — Хоть оно и очень успешное, простые смертные мало что о нем знают. Такова уж наша работа. Успех остается тайным, и никто спасибо не скажет, а о неудачах идет звон, и в результате ты всегда виноват. «Возьмем, к примеру, меня...»

— Заговор едва не удался, — начал Галени. — Одна изоляционистская группировка, с помощью графа Фортрифрани, задумала самоубийственное дело — бросить старый прыжковый корабль «Ярроу» прямо на Императорский дворец. Рухнув, корабль и так разнес бы больше половины дворца без всякой взрывчатки, которой они его набили. Взрывчатка оказалась их единственной ошибкой, не обрубленным концом, который и вывел на них команду Гароша. Фортрифрани вышел сухим из воды, объявив себя сумасшедшим, но это подорвало его позиции, и с тех пор он меньше... э-э-э... досаждает Империи.

Айвен моргнул.

— Квартира моей матери совсем рядом с дворцом...

— Да, остается только гадать, сколько народу в Форбарр-Султане они могли бы угробить, если б промахнулись.

— Тысячи, — пробормотал Майлз.

— Нужно будет не забыть поблагодарить Гароша при встрече. — На Айвена рассказ явно произвел впечатление.

— Меня тут тогда не было, — вздохнул Майлз. — Как всегда. — Он подавил совершенно неразумную вспышку зависти. — Никто мне никогда ничего не говорил об этом планируемом повышении. И когда же... этот мелкий пакостный сюрприз должен был обрушиться на мою голову?

— Судя по всему, в ближайший год.

— А я-то полагал, что сделал дендарийцев достаточно ценными для СБ, чтобы они и не мечтали для меня ни о чем другом.

— Выходит, ты перестарался.

— Начальник Службы безопасности в тридцать пять лет. Ха. Слава Богу, хоть от этого я теперь избавлен. Н-да. Невелика радость Гарошу заниматься дрессировкой какого-то форского щенка, чтобы того потом поставили над ним начальником. Должно быть, он испытывает немалое облегчение.

— Так и есть, — извиняющимся тоном произнес Галени.

— Ха! — мрачно фыркнул Майлз. И, помолчав, добавил: — Кстати, Дув, надеюсь, тебе понятно, что все это должно остаться между нами. Официальная версия, в том числе и для СБ, — я уволился по состоянию здоровья.

— Иллиан так и сказал, когда Гарош его спрашивал. Иллиан вообще был крайне сдержан. Но было понятно, что все не так просто.

Айвен встал и вышел. Майлз потихоньку потягивал чай. Пожалуй, теперь он сможет уснуть. Вообще-то в

данный момент ему хотелось только спать. Тут возвратился Айвен и шмякнул возле стола чемодан.

— Это еще что? — подозрительно спросил Майлз.

— Мои вещи, — бодро ответил Айвен. — На пару дней.

— Ты здесь не останешься!

— А что, места мало? Да тут комнат больше, чем в гостинице!

Майлз отступил, мгновенно сообразив, что этот спор ему не выиграть.

— Неплохая идея для моей новой карьеры. «У Форкосигана. Ночлег и завтрак».

— А комнаты дешевые? — изогнул бровь Айвен.

— Нет, черт побери! Только за бешеные деньги! — Он помолчал. — И когда ты намерен отсюда убраться?

— Не раньше, чем здесь появятся еще люди. Пока ты не починишь свою башку, тебе как минимум нужен водитель. Кстати, я видел в гараже твой флайер. В ремонте он, как же! А еще нужен кто-то, кто будет тебе готовить и стоять у тебя над душой, пока ты все не съешь. И кто-то, кто будет убирать за тобой.

— Не очень-то я и мусорю...

— И убирать за всеми прочими, — неумолимо продолжал Айвен. — Этим хоромам нужен штат, Майлз.

— Как любому музею, а? Не знаю, не знаю...

— Если ты пытаешься сказать, что не знаешь, нужен ли тебе штат, то вот что я тебе скажу. У тебя нет выбора. Если же ты не знаешь, как этот штат нанять... Хочешь, моя мать сделает это для тебя?

— Э-э... думаю, что сам наберу прислугу. Тетя Элис сделает все слишком правильно и хорошо, выражаясь словами сержанта Ботари.

— Значит, быть посему. Давай сам, или я попрошу мать. Как тебе такая угроза?

— Очень впечатляюще.

— Значит, я прав.

— Как по-твоему, не могу ли я обойтись одним слугой, который станет делать все: водить, готовить...

Айвен фыркнул:

— ...бегать за тобой и заставлять глотать твои мерзкие таблетки? Для этого лучше нанять сваху, чтобы нашла тебе жену. Почему бы тебе для начала не найти водителя и повара, а потом всех остальных?

Майлз устало скривился.

— Слушай, — наступал Айвен, — ты ведь фор, живущий в Форбарр-Султане. Этот город принадлежит нам. Так и живи как фор! Получи удовольствие для разнообразия!

— Ты что, Айвен, совсем из ума выжил?

— В особняке Форкосиганов ты не гость, Майлз. Ты единственный наследник, или был таковым до появле-

ния Марка, а у него есть свой капитал. Хотя бы расширь свои возможности! Ты ведь был столького лишен, работая на Иллиана! Можно сказать, ты и не жил вовсе!

«А вот это верно. Полноценной жизнью жил Нейсмит». Но отныне Нейсмит мертв — его убила иглограната на Архипелаге Джексона. Просто смерть наступила год спустя.

Майлзу доводилось читать о мутантах, сиамских близнецах, сросшихся телами. Иногда один из них умирал первым, а второй оставался привязанным к мертвецу несколько часов или даже дней, пока не умирал тоже. Лорд Форкосиган и адмирал Нейсмит — сиамские близнецы. «Не хочу больше об этом думать. Я вообще ни о чем думать не хочу».

— Пошли спать, Айвен. Уже поздно.

— Да, довольно поздно, — согласился Айвен.

ГЛАВА 8

Майлз проспал почти до полудня. Добравшись по лабиринту коридоров до кухни, он, к своему глубокому изумлению, обнаружил там попивающего кофе Айвена. Оставшаяся после завтрака посуда была сложена в раковине.

— Разве тебе не нужно идти на службу? — поинтересовался Майлз, наливая себе кофе.

— У меня несколько дней отпуска по семейным обстоятельствам, — сообщил Айвен.

— И сколько же?

— Сколько понадобится.

Иначе говоря, пока он не убедится, что Майлз ведет себя как следует. Майлз задумался. Так... Если он наймет этот чертов персонал, Айвен, освободившись от обязанностей надсмотрщика, отвалит в свою уютную квартирку — где, кстати, нет никакой прислуги, только приходящая уборщица. И тогда Майлз сможет спокойно уволить весь персонал... да, именно так. Естественно, выдав всем премиальные и соответствующие рекомендации. Угу, это должно сработать.

— Ты уже сообщил родителям? — спросил Айвен.

— Нет. Пока.

— А следует. Пока до них не дошли слухи.

— Знаю, что должен. Только... это не так просто. — Он глянул на Айвена. — Думаю, ты вряд ли...

— Ни за что! — в ужасе заорал Айвен. После небольшой паузы он снизошел до: — Ну... если ты действительно не в состоянии. Но мне бы не хотелось.

— Я... подумаю.

Майлз допил кофе, поднялся к себе и переоделся в вышитую рубаху и темные брюки. Последний раз он надевал их три года назад. Что же, по крайней мере они ему не узки. Воспользовавшись отсутствием Айвена, он собрал всю свою барраярскую форму и перетащил в пустующую комнату для гостей, чтобы не видеть их каждый раз, как лезет в шкаф. После длительных размышлений он отправил туда же и дендарийскую форму. В его шкафу осталось висеть лишь несколько одиноких шмоток.

Майлз уселся у комма. Послание родителям. О Боже! И еще — сообщение Элли Куин. Появится ли у него теперь возможность помириться с ней? Не на расстоянии, а лицом к лицу, телом к телу? А по комму помириться крайне сложно: электронное изображение, бормочущее непонятные и с трудом подобранные слова. Да и дойдет оно до Элли лишь через несколько недель. К тому же все его переговоры с дендарийцами контролируются СБ.

«Я сейчас не в состоянии этого сделать. Потом. Скоро. Обещаю».

Он обратился мыслями к менее болезненной теме набора персонала. Итак, каких это потребует затрат? Лейтенантской пенсии едва хватит на оплату одного слуги, даже если предоставить ему бесплатное жилье. Во всяком случае, если нанимать человека из тех, кого обычно нанимают столичные аристократы. На местном рынке по найму рабочей силы ему придется вступить в конкуренцию с шестьюдесятью графскими семействами, тучей более мелких аристократов и с недавно появившимися промышленными магнатами не-форского происхождения, которые прибрали к рукам значительное количество форских барышень, придающих светский лоск их жилищам.

Майлз набрал код. Улыбающееся лицо Циписа, управляющего Форкосиганов, появилось на дисплее, едва вызов достиг Хассадара.

— Доброе утро, лорд Форкосиган! Я и не знал, что вы вернулись из галактической миссии. Чем могу служить?

Похоже, Ципис еще не в курсе его увольнения по болезни. Майлзу совсем не хотелось лишний раз повторять даже официальную версию происшедшего, поэтому он ограничился кратким ответом:

— Да, я вернулся несколько недель назад. Похоже... я пробуду на планете дольше, чем рассчитывал. Какие средства в моем распоряжении? Отец не оставил для меня никаких инструкций?

— Все, — ответил Ципис.

— Прошу прощения, я вас не понял.

— Все счета и фонды были переведены на ваше имя непосредственно перед отбытием графа и графини на Зергияр. На всякий случай. Вы ведь доверенное лицо вашего отца.

— Да, но... — Вот уж никак не думал, что Зергияр — пограничная зона. — Хм... И что я могу?

— Легче сказать, чего вы не можете. Вы не можете продать майорат, резиденцию в Хассадаре и особняк Форкосиганов в Форбарр-Султане. Покупать, вы, разумеется, можете все что угодно, и продавать что угодно из того, что ваш дедушка завещал лично вам.

— Так... Могу я позволить себе нанять шофера?

— О, ну конечно! Вы можете нанять полный штат прислуги, необходимой для особняка Форкосиганов. Средства все здесь, в вашем полном распоряжении.

— А на что родители содержат дворец вице-короля на Зергияре?

— Графиня Форкосиган взяла некоторую сумму из своих личных средств, кажется, на переоформление интерьера, но ваш отец в настоящий момент оплачивает лишь содержание своих двадцати оруженосцев. Все остальное на Зергияре оплачивается из казны.

— А!

Ципис расцвел:

— Вы собираетесь снова открыть особняк Форкосиганов, милорд? Это было бы великолепно! Было так хорошо в прошлом году на Зимнепразднике, когда я имел честь там отужинать.

— Нет... Пока нет.

Ципис увял.

— А... — разочарованно протянул он. Затем его озарило. — Милорд... вам нужны деньги?

— Э-э-э... да. Именно об этом я и хотел с вами поговорить. Чтобы было чем платить шоферу, возможно, повару. Оплачивать счета, покупать всякое разное... Короче, чтобы вести соответствующий образ жизни.

Обычно ему с избытком хватало лейтенантского жалованья, накопившегося за время его отсутствия. Поэтому Майлз понятия не имел, сколько денег попросить у Циписа.

— Ну конечно! В какой форме вам удобно? Может быть, еженедельный депозит на ваш служебный счет?

— Нет... Пожалуй, я открою новый. Отдельный. Просто... как лорд Форкосиган.

— Прекрасная мысль. Ваш отец всегда тщательно следил за тем, чтобы его личные и государственные средства никак не соединялись. Очень хорошая привычка. Конечно, отнюдь не потому, что какому-нибудь чересчур ретивому Имперскому Аудитору могло прийти в голову проверить его финансовое состояние. Всего лишь предосторожность на будущее. — Ципис набрал что-то на своем комме. — Допустим, я переведу на ваш новый счет все не использованные на содержание особняка средства. А затем буду переводить еженедельную сумму.

— Отлично.

— Если вам понадобится больше, просто скажите мне.

— Непременно.

— Я пришлю вам вашу новую кредитку с курьером в течение ближайшего часа.

— Благодарю вас. — Майлз потянулся к выключателю, затем спросил как бы между прочим. — А сколько это будет?

— Пять тысяч марок.

— О, прекрасно.

— И восемьдесят тысяч для начала, — добавил Ципис.

Майлз быстренько произвел в уме подсчеты.

— Вы хотите сказать, что этот дом поглощает пять тысяч марок еженедельно?

— О, гораздо больше, если учесть оруженосцев и личный счет графини. И сюда не входят ремонтные работы, которые оплачиваются отдельно.

— Понимаю...

— Если у вас, милорд, появится интерес, я с удовольствием посвящу вас во все подробности по вашим финансовым делам, — радостно добавил Ципис. — Можно так много сделать, если вести дела более агрессивно и предприимчиво, и смею сказать, менее консервативно. И с большим вниманием.

— Если... у меня будет время. Спасибо, Ципис. — Майлз прервал связь.

Бог ты мой! Он может купить... да почти все, что угодно. А чего бы ему хотелось приобрести.

«Дендарийцев».

«Ага. Знамо дело». Но для него их цена не измеряется деньгами. «Так, а что еще?»

Когда-то в юности он недолго мечтал о флайере, более быстром и ярком, чем у Айвена. Последней модели. Теперь аппарат, практически новый, хоть и купленный много лет назад, стоит внизу, в гараже. Только вот летать на нем он не может.

«Никогда я не думал, что купить, а думал, кем стать».

Кем же? Ну, в первую очередь, конечно, адмиралом. Настоящим, барраярским адмиралом. К тридцати пяти годам, на год раньше, чем отец, ставший в тридцать шесть самым молодым адмиралом постизоляционного периода. Стать адмиралом вопреки малому росту и неказистой внешности. Но даже если бы он родился с нормальным телом, все равно сейчас не было подходящих войн, чтобы быстро сделать карьеру. Тайный агент Имперской безопасности — лучшее, на что он мог рассчитывать. Не потому, что это — единственное подразделение, взявшее его на службу, а потому что единственное, которое давало ему возможность оказаться на передовой и участвовать в единственно доступных в настоящее время активных действиях. Как можно стать Великим Человеком, если история не предоставляет тебе Великих Событий? Или предоставляет их не тогда, когда надо, либо когда ты слишком юн, либо слишком стар. Либо слишком травмирован.

Майлз посмотрел на список пяти отставных оруженосцев Форкосиганов, проживавших в Форбарр-Султане и окрестностях. Хоть и престарелый, но бывший оруженосец, чья жена могла бы еще и готовить — идеальный выход из положения. Их не надо ничему учить, и они не станут возражать против краткосрочного контракта. Он начал набирать коды. «Может, мне повезет с первой же попытки».

Один из оруженосцев был слишком стар, чтобы водить машину. Жены остальных четырех сказали «нет». Точнее, «НЕТ!»

Фыркнув, Майлз побрел на кухню — собрать остатки еды, которую каждый раз предлагал Царапке в безуспешных попытках убедить ее не хватать корм острыми когтями и не убегать с рычанием под стул, а есть достойно. А потом сидеть на коленях, благодарно мурлыкая, как положено добропорядочной форской кошке. Вообще-то Царапка во многом напоминала Майлзу его брата-клона Марка, а с Марком он в конечном счете добился своего. К тому же не помешает сообщить охраннику о прибытии курьера от Циписа.

Придя в караулку, Майлз обнаружил, что у охранника визитер — высокий светловолосый юноша, очень похожий на капрала Кости. Молодой человек держал большую лакированную коробку.

— Доброе утро, точнее, мне следует сказать, добрый день, сэр, — отсалютовал охранник с небрежностью, достойной аналитика СБ, запоздало сообразив, что на Майлзе нет мундира. — Хм... Позвольте представить вам моего младшего брата Мартина.

«Ты недостаточно стар, чтобы иметь младшего брата».

— Привет, — протянул юноше руку Майлз.

Блондинистый юнец, ни секунды не колеблясь, пожал протянутую руку, хоть глаза его при этом слегка расширились.

— Э-ээ... Здравствуйте. Лейтенант. Лорд Форкосиган.

Похоже, Кости тоже еще не знает о его новом статусе. Наверно, капрал стоит слишком низко по иерархической лестнице. Майлз отвел взгляд от серебряных Глаз Гора на воротнике Кости-старшего. Ладно. Пора с этим заканчивать.

— Боюсь, больше уже не лейтенант. Я только что расстался со службой. Ушел в отставку по состоянию здоровья.

— О! Мне очень жаль, сэ... милорд. — Сожаление охранника казалось искренним. Но он не стал задавать бестактных вопросов. Никому, глядя на Майлза, не придет в голову усомниться в версии об отставке по состоянию здоровья.

Царапка выскочила из-под стула, слегка зарычав на Майлза, которого потихоньку начала признавать.

— Эта пушистая зверюга не становится дружелюбнее, а? — заметил Майлз. — Лишь толще.

— Неудивительно, — ответил капрал Кости. — Каждый раз, как меняется караульный, она старается убе-

дить заступившего на пост, что предыдущий охранник морил ее голодом.

Майлз предложил кошке корм, который она соизволила принять в свойственной ей манере и удрала, чтобы слопать лакомство. Майлз пососал царапину на пальце.

— Нет, она определенно учится быть сторожевой кошкой. Если бы нам еще удалось научить ее отличать друзей от врагов. — Он выпрямился.

— Никто не хочет брать меня на работу на два месяца, — сказал Мартин брату, явно продолжая прерванный приходом Майлза разговор.

Майлз поднял бровь:

— Ищете работу, Мартин?

— Жду, когда мне исполнится восемнадцать, чтобы поступить на службу в СБ, — гордо заявил Мартин. — И мне ждать еще два месяца. Но мама говорит, если я не найду, чем себя занять на это время, то она мне найдет. А я боюсь, что это окажется что-нибудь, связанное с чисткой и уборкой.

«Подожди, пока встретишься с сержантом в учебке, сынок. Вот тогда ты узнаешь о чистке и уборке все».

— Когда-то я чистил канализационные трубы на острове Кайрил, — припомнил Майлз. — И весьма в этом преуспел.

— Вы, милорд? — Мартин посмотрел на него широко открытыми глазами.

Губы Майлза искривились в улыбке.

— Это было весьма захватывающе. Я нашел тело.

— О! — Мартин успокоился. — Дела СБ, верно?

— Тогда... еще нет.

— На службе сержант выбьет из него дурь, — доверительно сказал Майлзу капрал.

«Он обращается ко мне, как к почтенному ветерану. Откуда ему знать».

— О да! — И оба зловеще улыбнулись. — В наши дни с новобранцами обращаются строго... Надеюсь, вы хорошо справлялись со школьными заданиями?

— Да, сэр, — ответил Мартин.

Да, с его внешностью он явно станет образцово-показательным охранником. У его братца явно хватило мозгов, чтобы стать настоящим.

— Что же, желаю удачи. — «Пусть тебе повезет больше, чем мне». Нет, несправедливо использовать вновь дарованную возможность дышать, чтобы жаловаться на судьбу. — Итак, Мартин... вы умеете водить?

— Конечно, милорд.

— И флайер?

Чуть поколебавшись, юноша ответил:

— Пробовал немного.

— Дело в том, что мне временно необходим шофер.

— Правда, милорд? И вы полагаете... я смогу...

— Может быть.

Капрал недоуменно нахмурился.

— Часть моей работы заключается в том, чтобы сохранить ему жизнь, Мартин. Ты ведь не станешь создавать мне сложности, а?

Мартин улыбнулся брату, но на подначку не поддался. Все внимание он сосредоточил на Майлзе.

— Когда я могу приступить?

— Да в любое время. Сегодня, если хотите. — Да, неплохо бы съездить в магазин и купить себе поесть. — По всей вероятности, сначала работы будет немного, но я не могу сказать заранее, когда мне могут понадобиться ваши услуги, поэтому предпочел бы, чтобы вы жили здесь. Свободное время сможете использовать для подготовки к экзаменам. — Может быть, взяв на службу Мартина, ему удастся отделаться от опеки Айвена? Тогда придется потом сообщить Мартину об одной маленькой дополнительной подробности.

Нет. Лучше сразу. Приступ может случиться в любое время. Нечестно навязывать парнишке припадочного хозяина, не предупредив заранее. Элли Куин с ним бы согласилась.

— Я не могу водить. У меня бывают припадки. Последствие острого приступа смерти, которую я подцепил в прошлом году... благодаря иглогранате. Криооживление прошло почти успешно.

Капрал прямо просветлел:

— Я никогда не думал, что работа курьера — такая уж синекура, как представляют некоторые!

Мартин завороженно глядел на Майлза, пораженный не меньше, чем историей о чистке канализации.

— Вы были мертвы, милорд?

— Так мне сказали.

— И на что это похоже?

— Не знаю, — отрезал Майлз. — Как-то пропустил. — Затем, слегка смягчившись, добавил: — Но возвращаться к жизни — довольно болезненное занятие.

— Ух ты! — Мартин протянул лакированную коробку брату. Царапка вылезла из-под стула и начала тереться о начищенные сапоги капрала, отчаянно мурлыкая и поглядывая на коробку.

— Уймись, Царапка, ты включишь сигнализацию, — развеселился капрал. Он положил коробку на столик и откинул крышку. С отсутствующим видом он разорвал упаковку сухого пайка и бросил на пол. Кошка понюхала бумагу и снова принялась царапать капральский сапог, умильно глядя на лакированную коробку.

Внутренняя сторона крышки оказалась чем-то вроде подноса с маленькими отделениями. Кости поставил в них два сосуда с терморегулятором, миску и две чашки. Затем

последовал набор сандвичей на двух разновидностях хлеба и с разными наполнителями, порезанными кружочками, звездочками, квадратиками. Одна мякоть — никаких косточек и хрящиков. Фрукты на палочках, печенье и круглые пирожные с цукатами, залитыми густым фруктовым сиропом. Из одного сосуда Кости вылил в миску розоватый суп со сметаной, из другого налил в чашку какой-то горячий напиток со специями. От миски и чашки повалил пар. Для кошки в коробке оказалось несколько завернутых в зеленые листочки салата паштетных шариков. Распушив хвост, Царапка с восторженным «мяу» молнией устремилась к еде, не успел Кости положить шарики на пол.

Майлз изумленно наблюдал за всей процедурой, глотая слюну.

— Что это, капрал?

— Мой ленч, — просто ответил Кости. — Ма присылает мне его каждый день. — Он шлепнул по руке потянувшегося за сандвичем брата. — Эй! Ты можешь поесть и дома. А это мое. — Он неуверенно глянул на Майлза.

По уставу сотрудники СБ, находясь на службе, не имеют права есть ничего, кроме пайка, во избежание отравления ядом или наркотиками. Но если не верить родной матери и брату, то кому же тогда вообще доверять? И потом, Майлз больше не обязан следить за соблюдением всяких идиотских правил СБ.

— Ваша мама готовит все это? Каждый день?

— Как правило. С тех пор, как сестры вышли замуж...

«Ну конечно!»

— ...и дома остался только Мартин, ей стало скучно.

— Капрал Кости, Мартин. — Майлз набрал в грудь побольше воздуха, вдыхая аппетитные ароматы. — Как вы думаете, ваша матушка захочет пойти работать?

— Похоже, дела идут на лад, — заявил за ленчем Айвен на следующий день. Матушка Кости поставила на стол изумительно оформленные яства и удалилась из Желтой гостиной. Скорее всего, чтобы принести следующие блюда. Несколько минут спустя он добавил с набитым ртом: — Сколько ты ей платишь?

Майлз сказал.

— Удвой, — решительно приказал Айвен. — Или ты ее потеряешь после первого же официального ужина. Кто-нибудь ее перекупит. Или похитит.

— Вряд ли. Ее сын охраняет ворота. Кроме того, я не собираюсь устраивать приемов.

— Какая жалость. Хочешь, я организую?

— Нет. — Майлз несколько размяк. Возможно, вследствие того, что во рту у него таял кусок персикового торта. — Не сейчас, во всяком случае. — Он расплылся в улыбке. — Но в заметках о великих исторических деятелях... ты можешь сообщить всем и каждому, что лорд Форкосиган ест то же, что его охрана и шофер. И это будет истинной правдой.

* * *

Заключение контракта со службой быта на обслуживание особняка Форкосиганов окончательно удовлетворило требования Айвена. Но Майлз запоздало сообразил, что, наняв матушку Кости, он жестоко просчитался в своем плане избавления от кузена. Следовало бы нанять отвратительного повара.

Пока Айвен не уехал, Майлз не имел возможности спокойно вернуться к меланхолии. Он не мог запереться и не отвечать на стук, потому что Айвен грозился немедленно высадить дверь. А ругаться и рычать мог лишь до определенного предела, рискуя вновь оказаться в ледяной купели.

«Наконец-то Айвен хоть днем начал уходить на службу», — подумал Майлз. И за ужином попытался продвинуться дальше.

— Большинство людей, — заявил он, — не находят лучшего применения своей жизни, чем работать машиной по переработке пищи в дерьмо.

Айвен выгнул бровь:

— Кто это сказал? Твой дед?

— Леонардо да Винчи, — немедленно ввернул Майлз. Но справедливости ради все же добавил: — Это мне дед говорил.

— Так я и думал, — ответил довольный Айвен. — Очень похоже на старого генерала. Он был чудовищем, верно?

Айвен сунул в рот кусок мяса, залитого винным соусом, и начал с аппетитом жевать.

Айвен — это сплошное недоразумение. Последнее, о чем может мечтать чудовище, это мальчишка, непрерывно шляющийся за ним с зеркалом в руках.

Дни шли, складываясь в недели. Наконец Майлз обнаружил на комме чье-то послание. Включил просмотр. На экране появилось аристократическое лицо леди Форпатрил.

— Привет, Майлз, — начала она. — Я очень расстроилась, узнав о твоей отставке по состоянию здоровья. Я понимаю, что для тебя это удар. После всего, что ты сделал.

Спасибо Айвену. Он явно не рассказал ей, что произошло на самом деле, иначе ее соболезнования звучали бы иначе. Легонько взмахнув рукой, она перешла к сути.

— По просьбе Грегора я организую завтра частный прием в южном саду дворца. Он попросил меня пригласить тебя. Просил, чтобы ты пришел на час раньше на аудиенцию. На твоем месте я рассматривала бы это не как «приглашаю», а как «требую вашего присутствия». По крайней мере я так прочитала между строк, хотя он говорил очень мягким тоном, тебе хорошо известным. Когда получишь это сообщение, ответь мне немедленно.

Она отключилась.

Майлз прижался лбом к прохладной поверхности комма. Он знал, что это рано или поздно случится. Неиз-

бежное следствие того, что он предпочел жить. Грегор предоставляет ему возможность извиниться. Рано или поздно им все равно пришлось бы объясняться. Став в один прекрасный день графом и возглавив свою провинцию, Майлз вынужден будет много времени проводить в Форбарр-Султане. Он пожалел, что не может принести извинения по старинному обычаю, вспоров себе живот. Так было бы проще и безболезненнее.

«Ну почему они тогда не оставили меня мертвым?»

Вздохнув, он выпрямился и начал набирать код леди Элис.

ГЛАВА 9

Бронированный лимузин графа Форкосигана остановился напротив восточного входа Императорского дворца. Мартин нервно оглянулся на ворота и толпящихся возле них охранников.

— Вы уверены, что все обойдется, милорд?

— Не волнуйся, — ответил Майлз, сидевший возле него в кабине водителя. — Готов поспорить, что к моему отъезду покореженный кусок ворот будет уже поправлен и выкрашен.

Мартин, кивнув, нажал кнопку, открывающую кабину. Точнее, храбро попытался отыскать ее на светящейся панели. Майлз указал на нужную.

— Спасибо, — пробормотал Мартин.

Кабина открылась, и Майлз благополучно выбрался наружу.

— Послушай, Мартин... Пока я тут буду занят, почему бы тебе не попрактиковаться в вождении. — Майлз сунул в карман настроенный на машину комм. — Когда ты мне понадобишься, я вызову тебя. Если ты... — Майлз проглотил готовое сорваться «въедешь во что-нибудь». — Если возникнут проблемы, вызывай меня... Впрочем, нет. — Майлз сильно подозревал, что вскоре будет молиться о том, чтобы что-нибудь прервало предстоящий разговор с Грегором, но организовывать заранее такой перерыв — трусость. — Вызови вот этот номер. — Наклонившись, он набрал на комм-пульте код. — Таким образом ты свяжешься с весьма компетентным господином по имени Ципис. Он отличный парень и расскажет тебе, что нужно делать.

— Хорошо, милорд.

— Следи за инерцией. Эта зверюга обманчива. Полностью залитые баки придают ей не меньше массы, чем броня. И управление может оказаться проблемой. Поезжай куда-нибудь, где много свободного места, и экспериментируй в свое удовольствие, чтобы впредь для тебя не было сюрпризов.

— Э-э-э... спасибо, сэр. — Колпак кабины опустился. Сквозь тонированные стекла Майлз увидел, что Мартин, трогаясь, сосредоточенно закусил губу. Левое заднее крыло

серебристой машины осталось целехоньким. Ничего удивительного. Ну вот, очередной новобранец на его голову. Будь он посообразительнее, заставил бы парня практиковаться всю прошлую неделю, и тогда этот небольшой инцидент с воротами Грегора не состоялся бы. Но теперь Мартин справится. И даже лучше, что его светлость не будет нервировать его своим присутствием.

Один из оруженосцев встретил Майлза у двери и повел в северное крыло. Значит, они идут в личные покои Грегора. Северное крыло — единственная часть гигантского Императорского дворца, которой менее двухсот лет. Старое сгорело во время государственного переворота Фордариана — в тот год, когда родился искалеченный солтоксином Майлз — и было потом отстроено заново. Находящийся на первом этаже кабинет — один из немногих действительно личных покоев Грегора. Интерьер тут был скромным, немногие произведения искусства принадлежали молодым современным художникам, антиквариат отсутствовал вовсе.

Грегор стоял возле высокого задрапированного окна и глядел в сад. Интересно, вышагивал ли он перед этим по комнате? Сегодня император облачился в мундир цветов Форбарра, очень официальный. Майлз же, испытывающий с некоторых пор аллергию на всякого рода форму, надел уже не модный гражданский костюм, который выудил из глубины шкафа. Неподходящий наряд для визита во дворец.

— Лорд Форкосиган! — объявил оруженосец и, откланявшись, удалился.

Грегор кивнул и жестом велел Майлзу сесть. Когда Грегор уселся на стул напротив, Майлз несколько замороженно улыбнулся и, подавшись вперед, сложил руки на коленях.

— Мне это так же тяжело, как, я уверен, тяжело тебе... — начал Грегор.

Улыбка Майлза стала еще суше.

— Не настолько... мне кажется, — пробормотал он.

Грегор, поморщившись, отмахнулся:

— Мне жаль, что ты это сделал.

— Мне тоже жаль, что я это сделал.

Грегор, проигнорировав реплику, продолжил:

— Что сделано, то сделано. И не имеет значения, насколько ты сожалеешь о содеянном.

— М-м-м... Если б я мог — из серии, «что было бы, если», — то я даже не уверен, что захотел бы изменить это. Скорее предпочел бы вернуться в тот день, когда погиб сержант Ботари, и изменить все так, чтобы он остался жив. Не знаю... может, из этого бы тоже ничего путного не вышло. Скорее всего нет... Но то была более невинная ошибка, хоть и повлекшая смерть сержанта. Похоже, я теперь дорос до лучше просчитанных глупостей. — Голос его звучал жестко.

— Ты стоял на пороге таких грандиозных перемен.

— Каких? Кабинетной работы в Департаменте внутренних дел? Благодарю покорно. — Пожалуй, это самое обидное во всей этой истории: пожертвовать всем, даже честью, ради спасения личности, которой все равно оставалось жить ровно год. Знай он об этом, то... Что?

«Так что же, а?»

Грегор недовольно поджал губы.

— Всю мою жизнь моими делами занимаются старики. Ты — первый представитель моего поколения, которому, как я полагал, я смогу доверить действительно важную и ответственную должность в высшем эшелоне того, что по иронии судьбы называют моим правительством.

«Ага, и я все это пустил псу под хвост. И мы оба это с тобой знаем, Грегор».

— Но ты должен признать, что они вовсе не были стариками, когда начали служить тебе. Иллиан возглавил Имперскую безопасность лет в тридцать, верно? И при этом собирался заставить меня ждать до тридцати пяти, змей.

Грегор покачал головой.

«Если он сейчас скажет: «Майлз, Майлз, что же мне теперь с тобой делать?», я немедленно развернусь и уйду».

Но Грегор спросил:

— Ну и что ты теперь намерен делать?

«Ничуть не лучше».

Но Майлз не ушел.

— Понятия не имею. Мне нужно на время уехать и подумать в тишине. Уехать куда-нибудь подальше. Отпуск по болезни и просто путешествие — не совсем одно и тоже.

— Я... требую, чтобы ты не пытался связаться с дендарийцами. Понимаю, что ни я, ни Служба безопасности, вместе взятые, скорее всего не сможем помешать тебе, если ты надумаешь забрать их и улететь. Но в таком случае я больше не смогу спасти тебя от обвинения в государственной измене.

Майлз согласно кивнул. Он изначально знал, что это был бы билет в один конец.

— Дендарийцам тоже не нужен припадочный командующий. Пока я не починю свою голову — если ее вообще можно починить, — об этом все равно не может быть и речи. — Возможно, оно и к лучшему. Поколебавшись, Майлз все же задал наиболее волнующий его вопрос, облачив его в максимально нейтральные слова. — Каким теперь будет статус Дендарийского флота?

— Все будет зависеть от нового командующего. Что, по-твоему, захочет Куин?

Так, значит, он не собирается отправлять на свалку результаты многолетнего труда. Внутренне облегченно вздохнув, Майлз ответил, тщательно подбирая слова:

— Нужно быть идиотом, чтобы отказаться от нашего — ее — имперского покровителя. А Куин далеко не дура. Не вижу, почему флот не сможет выполнять при ней те же функции, что выполнял при мне.

— С нетерпением жажду увидеть, как оно будет. Сможет ли она обеспечить успех. Или нет.

«Помоги тебе Бог, Куини». Дендарийцы по-прежнему остаются собственностью императора, даже без него, а это главное.

— Куин училась у меня почти десять лет. Сейчас ей около сорока, она на пике своих возможностей. Инициативна, решительна и на редкость собранна в экстремальных ситуациях, с которыми неоднократно сталкивалась с моей легкой руки. Если она не готова к командованию... значит, я не такой хороший командир, как считал.

— Отлично, — коротко кивнул Грегор. Лицо его просветлело. — Не соизволите ли теперь со мной отобедать, лорд Форкосиган?

— Я польщен, Грегор, но стоит ли мне оставаться?

— Там будет кое-кто, с кем я хочу, чтобы ты встретился. Точнее, за кем бы понаблюдал.

«Его все еще интересует мое мнение?!»

— В последнее время мои суждения не стоят того, чтобы о них писать.

— М-м-м... Кстати, о письме... Ты уже сообщил родителям?

— Нет, — отозвался Майлз и осторожно поинтересовался: — А ты?..

— Нет...

Повисла унылая пауза.

— Это — твоя обязанность, — наконец решительно отрезал Грегор.

— А я и не отрицаю...

— Займись своим лечением как можно быстрее, Майлз. Если понадобится, я издам специальный указ.

— Не стоит... Сир.

— Вот и хорошо.

Грегор встал. Майлз был вынужден подняться тоже.

Они уже почти дошли до дверей, когда Майлз тихонько окликнул:

— Грегор?..

— Да?

— Прости...

Чуть поколебавшись, император едва заметно кивнул, и они двинулись дальше.

На лужайке Южного сада, среди деревьев и цветущих кустарников, под муслиновым навесом был накрыт столик на четверых. Погода стояла хорошая, осеннее солнце при-

гревало, дул приятный ветерок. Шум большого города казался далеким и едва слышным, будто сад был погружен в сон. Майлз, слегка озадаченный, окинул взглядом лужайку и уселся рядом с Грегором.

«Надеюсь, он устроил это не в мою честь?! Это было бы верхом издевательства...»

Грегор нетерпеливо отмахнулся от слуги, предложившего аперитив. Он определенно кого-то ждал. И тут все стало ясно: появилась леди Элис Форпатрил, одетая изысканно, как и положено фор-леди. Синее болеро и отделанная серебром юбка великолепно гармонировали с серебристыми прядями в ее черных волосах. Леди Элис эскортировала доктора Лаису Тоскане, одетую по комаррской моде — блузон и брюки. Невесть откуда взявшиеся слуги помогли дамам сесть и тут же снова исчезли.

— Добрый день, доктор Тоскане, — кивнул Майлз. — Вот мы с вами и встретились снова. Кажется, это ваш второй визит во дворец?

— Четвертый, — улыбнулась она. — На прошлой неделе Грегор любезно пригласил меня на деловой обед с министром Ракоши, где мне представилась блестящая возможность изложить некоторые соображения нашей торговой группы. А потом я была еще на приеме для уходящих в отставку чиновников из провинций. Это было просто потрясающе!

«Грегор?..» Майлз глянул на Элис Форпатрил, сидевшую слева от него. Та ответила ничего не выражающим взглядом.

Слуги принесли еду, и потекла общая беседа. Как и следовало ожидать, беседа началась с обсуждения некоторых комаррских дел. Однако закончилась она довольно быстро — едва Грегор с Лаисой принялись вспоминать детство. Оба они оказались единственными детьми — факт, показавшийся им достойным длительного обсуждения. У Майлза возникло ощущение, что он присутствует на просмотре второй, если не четвертой, серии длинного сериала. Его собственная роль в разговоре сводилась к «ага» и «угу», подтверждающих события, которые он едва помнил. Элис, обычно весьма разговорчивая, тоже больше помалкивала.

Грегор заливался соловьем, но и Лаиса ему не уступала. Майлзу давно не доводилось видеть Грегора таким разговорчивым.

Когда принесли пирожные и еще пять разных видов десерта, Грегор застенчиво произнес:

— Лаиса, я приготовил для вас маленький сюрприз.

Он сделал незаметный для собеседницы жест — явно заранее согласованный, потому что один из слуг немедленно растворился за деревьями.

— Вы как-то упомянули, что видели лошадей только в кино. Но кони — тоже своего рода символ форов. По-

этому я подумал, что вам, возможно, захочется прокатиться верхом.

И тут появился слуга, ведя в поводу самую потрясающую маленькую кобылку, какую Майлз видел за всю свою жизнь. Не считая, конечно, породистых лошадей, которых разводил дед. Огромные влажные глаза, стройные ноги... Копыта выкрашены в черный цвет, в длинную волнистую гриву и хвост вплетены алые ленты. Алая попона и расшитая алым уздечка.

— О Боже! — У Лаисы перехватило дыхание. — Можно ее погладить? Но я же совсем не умею ездить верхом!

— Конечно, можно! — Грегор подвел девушку к кобыле. Лаиса, радостно смеясь, провела рукой по шелковистой холке и сияющей гриве. Лошадка добродушно прикрыла глаза, охотно принимая знаки внимания.

— Я сам поведу ее в поводу, — сказал Грегор. — Просто пройдемся шагом. Она очень спокойная.

Вообще-то, по мнению Майлза, кобылка только что не спала на ходу. Да, Грегор явно не собирался рисковать.

Лаиса защебетала что-то из серии «ах-ну-уговорите-меня-пожалуйста», что Грегор охотно и сделал. Майлз, наклонившись к Элис, тихо спросил:

— Где Грегор отыскал эту лошадь?

— За три провинции отсюда, — шепнула она в ответ. — Ее вчера доставили во дворцовые конюшни. Грегор четыре дня гонял всех слуг, планируя этот обед.

— Я вас подсажу, — продолжал тем временем Грегор. — Давайте, я вам покажу, как надо. Согните ногу, а я подставлю руки.

После трех неудачных попыток, сопровождавшихся веселым смехом, Лаиса наконец взгромоздилась на лошадь. Если Грегор и пытался ее втихую потискать, то провернул это с большим знанием дела. Теперь, сидя в обитом бархатом седле, Лаиса выглядела очень довольной и слегка гордой своим достижением. Грегор взял у слуги поводья, жестом велев ему уйти, и повел кобылку по аллее вокруг сада, что-то оживленно рассказывая.

Майлз, широко раскрыв глаза, сделал большой глоток чая.

— Так, тетя Элис... Изображаешь сваху, или как?..

— Похоже на то, — сухо отозвалась она, не сводя глаз с маленькой кавалькады.

— И когда же это произошло?

— Точно не скажу. Не успела я оглянуться... и вот оно, пожалуйста. С тех пор пытаюсь наверстать упущенное...

— Но, Элис... Императрица — комаррианка? — Потому что именно это у Грегора на уме. Элис ни за что не стала бы заниматься сводничеством. — Да консервативная часть форов дерьмом изойдет! Не говоря уже об оставшихся комаррских радикал-революционерах!

— Будь любезен, избавь меня от казарменных выражений, Майлз. Что же до твоего вопроса... Возможно. Однако центристская коалиция это одобрит. Точнее, ее можно убедить.

— Ты сама и убедишь? Или убедят их жены, с твоей подачи? А сама-то ты одобряешь?

Леди Форпатрил задумчиво прищурилась.

— В общем и целом... думаю, да, одобряю. Поскольку твоя мать самоустранилась, последние десять лет именно я, за неимением никого другого, занималась поиском невесты для Грегора. Весьма неблагодарное занятие, должна заметить. То есть он просто сидел и смотрел на меня с такой покорностью, а во взгляде явственно читалось «За что ты со мной так?». По-моему, я представила ему всех высоких худощавых форских красоток, имеющихся на этой планете, внося полную сумятицу в их жизнь и жизнь их семейств. Представляла ему десятки резюме... Все без толку. Клянусь, Грегор был хуже Айвена, а Айвен упустил столько хороших партий... Кое-кто посоветовал мне попробовать предложить ему мальчиков, но я объяснила, что это никоим образом не решит проблемы наследника.

— Действительно, вряд ли такое было бы возможно без беспрецедентного вмешательства генной инженерии, — ухмыльнулся Майлз. — Да нет, Грегора мальчики не интересуют. Но и девушки из форов тоже. Я это понял уже давно. Жаль, что ты меня не спросила. Грегор — еще более близкий родственник Ури Безумного, чем я. И... хм... он знает о своем отце, покойном и никем не оплаканном принце Зерге, гораздо больше, чем, как я полагаю, хотелось бы моим родителям. У него эдакая вполне исторически обоснованная паранойя по поводу... хм... паранойи. И форских внутрисемейных браков. Он никогда не полюбит женщину из касты форов.

Элис выгнула тонкие темные брови:

— Представь себе, о его отношении к форам я и сама догадалась. Что поставило меня перед дилеммой. Как ты понимаешь...

— Итак... Что же, по-твоему, так его привлекает в докторе Тоскане? Помимо ума, красоты, чисто человеческих качеств, отличного чувства юмора, грации, богатства и не-форского происхождения?..

Элис фыркнула:

— Полагаю, все гораздо проще и одновременно сложнее, хотя вряд ли Грегор сам отдает себе в этом отчет. Не то чтобы я подражала бетанскому мгновенному психоанализу твоей матери, но... Мать Грегора убили, когда ему было всего пять лет от роду. — Ее накрашенные губы на мгновение сжались при воспоминании о старой ране. Леди Элис дружила с принцессой Карин. — Посмотри на фигуру доктора Тоскане. Она... материнская. Ни одной косточки не выступает. Как подумаю, сколько времени потратила зря, представляя ему высоких строй-

ных красоток, когда следовало бы маленьких и полных, просто плакать хочется. — Но плакать она не стала, а с аппетитом откусила солидный кусок пирожного.

Майлз откашлялся. Грегор с Лаисой свернули и пошли по аллее. Высокий тощий Грегор шагал у стремени Лаисы, оживленно жестикулировал и что-то говорил, улыбаясь до ушей. Лаиса, склонившись через луку, раскрыв рот внимала. Глаза ее сияли.

— Ну, Майлз, — несколько более сухим тоном продолжила Элис. — Расскажи мне теперь о твоем капитане Галени. Мне не совсем понятна его роль во всей этой истории.

— Вовсе он не мой капитан, — возразил Майлз. — Он капитан Грегора.

— Но, со слов Айвена, он твой друг.

— Айвен работал с ним гораздо дольше, чем я.

— Прекрати свои увертки. У меня такое ощущение, что это важно. Или может стать важным. Моя задача — уберечь Грегора от семейных неприятностей, как Саймон решает проблемы с его безопасностью, а твой отец — а сейчас, как я понимаю, министр Ракоши — решал политические. СБ сообщает, что доктор Тоскане и Галени не являются любовниками.

— Я... я тоже так думаю. Но он за ней ухаживает. Именно поэтому я в первую очередь и пригласил их обоих на императорский ужин. Чтобы помочь ему с ней объясниться. — Внезапно императорский обед кирпичом лег у Майлза в желудке.

— Но официально они не помолвлены?

— Не думаю.

— А говорили они между собой о браке?

— Не знаю. Я, знаешь ли, не в очень-то близких отношениях с Галени. Мы с ним просто... вместе работали. Случайно познакомились во время той заварухи с Марком на Земле, а потом еще раз встречались на Комарре, где СБ расследовала один неприятный инцидент. Впрочем, полагаю, что Галени подумывал о браке. Но он человек очень замкнутый, и не без причин. Думаю, ему было непросто пытаться сблизиться с Лаисой. Не из-за нее, а из-за него самого. Точнее, из-за того, каким он сам себя сделал. Медлительным, обстоятельным и осторожным.

Леди Элис побарабанила длинным накрашенным ногтем по скатерти.

— Мне вот что необходимо знать, Майлз. Является ли в данной ситуации капитан Галени проблемой? С меня достаточно сюрпризов.

— А что тебя интересует? Его проблемы или те проблемы, которые он может создать? А может и не создать?

В голосе Элис зазвучали металлические нотки.

— Именно об этом я тебя и спрашиваю.

— Не знаю... Полагаю, ему это будет неприятно. Мне очень жаль... — Галени собираются бортануть, вот оно

что... «Господи, Дув... Я этого не хотел. Прости, прости... Похоже, сегодня настал мой черед быть кругом виноватым...»

— Ну что ж, в конечном счете выбор все равно за Лаисой, — подытожила Элис.

— Как может бедняга Галени соперничать с императором?

Она одарила его чуть снисходительной улыбкой.

— Если она любит Галени... вопрос исчерпан. Если же нет... то и проблемы нет. Верно?

— Кажется, у меня начинает болеть голова.

Тем временем Грегор помог Лаисе сойти с лошади, ухитрившись изобразить нечто, сильно смахивающее на объятие. Он вернул повод груму, другой слуга поднес два серебряных сосуда, чтобы пара могла омыть руки от лошадиного пота, ежели таковой имеется. Совершенно излишне, на взгляд Майлза. Должно быть, бедную скотину сегодня утром чудом не утопили в шампуне.

Элис демонстративно поглядела на свои часики.

— Мне жаль прерывать столь прекрасный обед, Грегор, но до встречи с графом Форталой и министром Ванном осталось всего двадцать минут.

— О! — Лаиса, вспыхнув от смущения, быстро вскочила со стула. — Я отрываю вас от дел!

— Леди Элис этого не допустит! — с жаром возразил Грегор. Леди Форпатрил кисло улыбнулась. Грегор быстро встал и склонился к руке Лаисы. Неужто он?.. Да. Он собирается поцеловать ей руку.

Грегор перевернул ее руку ладонью вверх и потерся губами. Лаиса сжала ладонь — будто бабочку поймала — и улыбнулась. Грегор улыбнулся в ответ, очень довольный. Элис кашлянула. Майлз закусил губу. Грегор с Лаисой обменялись долгим и потрясающе глупым взглядом. И тут вмешалась Элис. Она взяла Лаису за руку и увела прочь, что-то щебеча насчет визита в нижние залы, где висят роскошные панно.

Грегор плюхнулся на стул, свесив ногу через ручку.

— Ну, и что ты о ней думаешь?

— О докторе Тоскане?

— Ну не о леди же Элис!

Майлз изучал счастливую улыбку Грегора. Нет... Критика тут явно ни к чему.

— Очень мила.

— Правда?

— Очень умна.

— Невероятно. Жаль, что ты не присутствовал на рабочем совещании у Ракоши. Ее выступление было образцом четкости.

Кто бы сомневался? Естественно, все эксперты торговой миссии всю ночь напролет готовили это выступление... Впрочем, Майлзу и самому доводилось проводить пару раз

рабочие совещания. Он знал, каких это требует усилий. Но Грегор не столько разделял мнение Майлза, сколько желал получить подтверждение своему собственному. «Я никогда не умел поддакивать...»

— Очень патриотична, — продолжал Грегор, — и при этом готова к сотрудничеству. Ведь именно такого патриотизма твой отец всегда добивался от Комарры.

— Да, сир.

— Красивые глаза.

— Да, сир. — Майлз вздохнул. — Очень... хм... сине-зеленые. — «За что он со мной это делает?» Может, потому что графа с графиней нет. Он использует Майлза как замену его родителям, которые, в конце концов, и приемные родители Грегора.

— Быстро соображает...

— Да, сир.

— Майлз?

— Да, сир?

— Прекрати.

— Хм. — Майлз попытался снова прибегнуть к трюку с прикушенной губой.

Грегор перестал болтать ногой. Лицо его стало более серьезным.

— Я боюсь, — тихо сказал он.

— Отказа? Я не такой специалист по женщинам, как Айвен, но... все предварительные признаки, на мой взгляд, вполне положительные.

— Нет... Того... что может произойти позже. Это может быть для меня смертельным. И для тех, кто окажется рядом.

Тень принцессы Карин, а не легкий ветерок, охладила воздух. Может, для Грегора и лучше, что северное крыло, где погибла его мать, сгорело дотла и было отстроено заново. Иначе там поселились бы призраки.

— Обычные мужчины и женщины умирают каждый день. От кучи разных причин, по чистой случайности и от неумолимого времени. Смерть не является монополией императоров.

Грегор посмотрел на него.

— Верно, — прошептал он и решительно кивнул, будто Майлз сказал что-то важное.

Только вот что?

Майлз попытался сменить тему.

— На какую тему ваша встреча с Форталой и Ванном?

— О, как обычно. Их комитет хочет привилегий для друзей. А я хочу, чтобы их друзья представили веские к тому основания.

— А! — Это на Южном континенте, ничего интересного для провинции Форкосиганов. Майлз подумал, не шепнуть ли словечко отцовскому депутату, что сейчас самое подходящее время выпрашивать у Грегора привилегии для провинции.

В нынешнем состоянии мечтательного кретинизма и сексуальной озабоченности Грегор может даровать все, что угодно. Нет... для Империи будет куда как полезнее сделать его временное помешательство Государственной Тайной. Женитьба его излечит. И довольно быстро.

Императрица — комаррианка. Боже. Какой кошмар для Имперской безопасности. Иллиана хватит та самая кондрашка, которой он так опасался все эти годы.

— Ты Иллиану уже сказал?

— Я думал послать к нему с известием леди Элис, если все пойдет как надо. Она вроде как взяла на себя эти обязанности.

— Элис — лучший союзник, какого ты только можешь заполучить. Потерпи, и она будет на твоей стороне. Но ты продумал все политические последствия этой... женитьбы?

Слово впервые прозвучало вслух.

— Всю последнюю неделю только об этом и думал. Знаешь, Майлз, это может быть очень неплохо. Символ единства Империи и все такое.

Гораздо более вероятно, что комаррское подполье сделает это символом того, что Барраяр опять поимел Комарру. Майлз представил себе, какие открываются возможности для злобной политической сатиры, и содрогнулся.

— Не очень-то рассчитывай.

Грегор покачал головой:

— Вообще-то... все это не имеет значения. Я наконец-то нашел что-то лично для себя. Именно для себя, а не для Империи, даже не для императора.

— Тогда хватай обеими руками и держи покрепче! Не позволяй всяким гадам у тебя это отнять.

— Спасибо, — выдохнул Грегор.

Майлз откланялся. Его занимало, не убил ли его новый водитель кого-нибудь и стоит ли графский лимузин на четырех колесах или лежит вверх дном. Но гораздо больше его интересовало, как в ближайшие несколько недель избежать встречи с Дувом Галени.

ГЛАВА 10

Майлзу потребовалось несколько дней, чтобы избавиться от опеки кузена и в одиночку — ну или почти в одиночку — удрать в провинцию Форкосиганов. Пришлось дать Айвену слово Форкосигана, что он не будет пытаться покончить с собой. Айвен нехотя согласился, но судя по внезапно возросшей бдительности Мартина, Айвен успел что-то нашептать ему на ухо и снабдить некоторыми номерами коммов. «И теперь па-

рень думает, что я псих. И что меня уволили, потому что я псих, а не что я спятил, потому что меня уволили. Премного тебе благодарен, Айвен». Впрочем, может быть, несколько дней в Форкосигане-Сюрло помогут ему обрести спокойствие.

Майлз понял, что они пересекли северную границу его родной провинции, когда на горизонте, как мираж, возникли из дымки синие силуэты Дендарийских гор.

— Поверни к востоку, — велел он Мартину. — Я хочу облететь провинцию. Мы пролетим чуть севернее Хассадара. Ты когда-нибудь бывал в этих краях?

— Нет, милорд. — Мартин послушно повернул флайер к солнцу. Тонированное стекло предохраняло глаза от яркого света. Как Майлз и подозревал, пилот из Мартина оказался еще хуже, чем водитель. Но благодаря предохранительным системам флайер — маленькая высокоманевренная помесь антиграва с аэропланом — практически не мог разбиться.

Иногда лучший способ пересечь площадь — облететь три стороны по периметру... Не то чтобы провинция Форкосиганов представляла собой правильный квадрат. Скорее — неправильный параллелограмм. Километров триста пятьдесят от северной границы в низине до южных перевалов и километров пятьсот с востока на запад, огибая горы вдоль самой высокой гряды. Только пятая часть территории на севере представляла собой плодородную равнину, из которой, разумеется, использовать можно было лишь половину. Справа по борту показался Хассадар.

— По-моему, Хассадар очень даже ничего, — сообщил Мартин, уроженец Форбарр-Султана, оценив усилия городка соответствовать урбанистическим тенденциям.

— Он настолько же современен, как любой барраярский город, — сказал Майлз. — Гораздо более современный, чем Форбарр-Султан. Он был построен после цетагандийского вторжения, когда мой дед выбрал его на роль столицы провинции.

— Да, только Хассадар — единственное, что тут есть. Я хочу сказать, что больше здесь нет ничего интересного.

— Если под интересным ты подразумеваешь города, то да. Провинция лежит далеко от торговых путей, она всегда была сельскохозяйственной. Есть еще горные районы.

— Судя по количеству горцев, приехавших в Форбарр-Султан в поисках работы, в горах особенно делать нечего. У нас о них шутки ходят. «Как называется девушка-горянка, которая бегает быстрее своего брата? Девственница». — Мартин засмеялся.

Майлз молча смотрел прямо перед собой. В кабине флайера внезапно повеяло холодом. Мартин покосился на хозяина и заерзал на сиденье.

— Простите, милорд, — выдавил он.

— Эту хохму я уже слышал. Я их все слышал. — Действительно, оруженосцы отца — все выходцы из провин-

ции Форкосиганов, часто отпускали такого рода шуточки, но почему-то из их уст это воспринималось по-другому.

— Это верно, у жителей Дендарийских гор предков меньше, чем у вас, столичных, но это лишь потому, что они не покорились цетагандийским завоевателям. — Небольшое преувеличение: цетагандийцы оккупировали равнины, где стали легкой добычей для горцев, действовавших под предводительством молодого и решительного генерала графа Петера Форкосигана. Цетагандийцам следовало бы отойти назад, километров на пятьдесят, а не пытаться завоевать горы. Провинция Форкосиганов отставала от остальных в экономическом развитии именно потому, что больше всех пострадала от оккупантов.

Да... Это было хорошим оправданием еще два поколения назад. Даже одно. Но сейчас?

«Империя забирает нас, Форкосиганов, от нашей провинции, использует нас и никогда не возмещает убытков. А потом еще позволяет себе шутить над нашей бедностью». Странно... никогда прежде он не рассматривал преданную службу своей семьи Империи как скрытый налог, выплачиваемый их провинцией.

Выждав на десять минут больше, чем собирался вначале, Майлз сказал:

— Сворачивай к югу. И поднимись еще на тысячу метров.

— Слушаюсь, милорд. — Флайер нырнул вправо, и уже через несколько минут автомат, контролирующий воздушное пространство, засек их и выдал стандартное предупреждение:

— Внимание! Вы входите в зону повышенной радиации...

Мартин побелел.

— Милорд? Мне продолжать лететь этим курсом?

— Да. На такой высоте нам ничего не грозит. Я уже много лет не летал над центром потерянных земель. Всегда интересно проверить, как тут идут дела.

Плодородные земли уже давно уступили место лесным массивам. Теперь лес становился все более редким и каким-то странным: серого цвета, местами насыщенного, местами — блеклого.

— А знаешь, почти все это принадлежит мне, — сообщил Майлз, глядя вниз. — Мой отец — граф Форкосиган. Дедушка завещал эти земли мне. А не моему отцу, как всю остальную собственность. И я постоянно думаю, что за послание он хотел мне этим передать? — Искалеченная земля для искалеченного потомка, молчаливый намек на его физические недостатки? Или сознание того, что граф Эйрел Форкосиган уйдет из жизни задолго до того, как эти земли вновь станут пригодными к использованию? — Я сюда в жизни ногой не ступал. Собирался как-нибудь надеть радиационную защиту и прогуляться здесь. Но после того, как обзаведусь детьми. Говорят, здесь водятся весьма необычные растения и животные.

— Но людей тут нет, правда? — Мартин с ощутимым беспокойством посмотрел вниз. На всякий случай он поднял флайер вверх еще на несколько сотен метров.

— Несколько скваттеров и бандиты, которые не надеются прожить достаточно долго, чтобы завести детей или заболеть раком. Время от времени рейнджеры окружают их и выгоняют отсюда. Мне кажется, земля оживает. Уже на моей памяти кое-где уровень радиации упал вдвое. Когда я буду стариком, возможно, она совсем оживет.

— Значит, лет через десять, милорд?

Губы Майлза искривились в усмешке.

— Лет через пятьдесят, Мартин, — ласково пояснил он.

— О!

Через несколько минут Майлз вытянул шею и поглядел в окно за Мартином.

— Глянь-ка налево. Вот эта яма — город Форкосиган-Вашнуй, древняя столица провинции. Сейчас она серо-зеленая. А когда я был ребенком, все здесь было черным. Интересно, она все еще светится по ночам?

— Мы можем вернуться сюда ночью и посмотреть, — немного помолчав, предложил Мартин.

— Нет... не стоит. — Майлз выпрямился и посмотрел на возвышавшиеся дальше к югу горы. — Этого достаточно.

— Я могу еще чуть-чуть прибавить скорости, — с надеждой сказал Мартин, когда серый цвет внизу сменился коричневым, зеленым и золотым оттенками. — Чтобы посмотреть, на что способен этот флайер.

Тон его был просительным.

Мартин уже не раз за время полета выдвигал подобное предложение, явно находя подобный способ путешествия медленным и унылым. У Майлза руки чесались отобрать у него управление и показать, что такое захватывающий полет по Дендарийскому ущелью. По этой глубокой расселине с острыми выступами, крутыми перевалами и торчащими внизу зубьями скал. Прокатить его под водопадом, способным вышибить из кабины судорожно вцепившегося в кресло пассажира.

Но увы, даже не будь угрозы очередного припадка, вряд ли он сейчас физически и морально способен проделать это так, как когда-то летал с Айвеном. Они тогда были чуть моложе Мартина. Чудо, что они не убились. Тогда они были уверены, что обязаны этим своим выдающимся форским способностям. Однако теперь, с высоты прожитых лет, это больше смахивало на чудесное вмешательство свыше.

Первым начал Айвен. Кузены по очереди вели флайер по ущелью, пока один из них не сдавался, как принято на татами, постучав по панели, либо пока его не выворачивало наизнанку. Чтобы пройти ущелье по всем правилам, нужно

было сначала отключить систему безопасности полета, о чем Мартин, к счастью, и не подозревал. Майлз довольно быстро обошел Айвена по очкам, перестав есть перед полетом. Но Айвен наконец понял, в чем дело, и начал настаивать на совместном завтраке.

Майлз выиграл последний раунд, предложив Айвену ночной полет. Айвен первым взял управление и протащил их через ущелье живыми, хоть и приобрел при этом пепельно-серый оттенок и обливался потом, когда они, пролетев над последним зубцом, выскочили на открытое пространство.

Майлз, когда настал его черед, выключил все бортовые огни. Надо отдать должное выдержке Айвена: он с воплем бросился искать кнопку аварийного катапультирования, только когда сообразил, что кузен ведет флайер на полной скорости по ущелью с закрытыми глазами.

Конечно, Майлз и не подумал сознаться, что раз шестьдесят за три дня пролетел по ущелью при солнечном свете, постепенно затемняя стекло до полной непрозрачности.

И это был последний раунд той игры. Айвен больше никогда не бросал ему вызов.

— Чему вы улыбаетесь, милорд? — поинтересовался Мартин.

— А... Да так, ничего особенного. Возьми правее и двигайся поперек вон того лесного массива. Мне хочется узнать, как поживают мои леса.

Вечно отсутствующие лорды Форкосиганы главным образом курировали те работы, которые не требовали постоянного наблюдения. После пятидесяти лет лесных работ превосходная древесина была почти готова к выборочной вырубке. Скажем, лет через десять можно приступать. Великолепные дубы, клены, ильмы, гикори и березы переливались всеми красками осени. Тут и там по пологим склонам виднелись темные вкрапления вечнозеленых эбеновых деревьев, созданных методами генной инженерии. Новая порода — точнее, новая для Барраяра, — завезенная лишь тридцать лет назад. Интересно, во что она в конечном итоге превратится? В мебель? Дома? Майлз понадеялся, что хоть часть этой древесины пойдет на создание прекрасного. Музыкальных инструментов, к примеру, скульптур или инкрустаций.

Заметив невдалеке столб дыма, Майлз нахмурился.

— Давай-ка туда, — приказал он Мартину. Но стоило им подлететь, как Майлз тут же понял, что все в порядке. Просто-напросто команда терраформистов выжигала очередной участок от ядовитых растений, перед тем как обработать почву привезенными с Земли органическими удобрениями и высадить саженцы.

Мартин облетел вокруг, и шестеро мужчин в респираторных масках, задрав головы, помахали флайеру, не имея ни малейшего представления о том, кто в нем находится.

— Покачай крыльями, — велел Майлз. Мартин послушно выполнил приказ. Интересно, на что это похоже, день за днем выполнять такую работу, преобразовывая Барраяр метр за метром по старой технологии. По крайней мере через много лет можно полюбоваться на дело рук своих.

Оставив позади лесные плантации, они полетели на запад через красно-коричневые холмы, тут и там расцвеченные завезенными с Земли растениями. Слева подпирали небо серые заснеженные вершины. Майлз устроился поудобнее и прикрыл глаза. Внезапно он почувствовал слабость. Непонятно почему. Вроде бы ел и спал он как обычно. К реальности его вернуло бормотание Мартина. Открыв глаза, он увидел вдали озеро Форкосиган-Сюрло, простиравшееся на добрых сорок километров на восток.

Они пролетели над деревушкой, стоявшей возле разрушенного замка. Собственно, когда-то именно благодаря замку и возникла эта деревня. Майлз заставил Мартина пролететь до верховий и обратно. За последнее время на косе вдоль побережья появилось около сотни новых домов. Раньше эта коса принадлежала его семье, а теперь была отдана поселенцам из Хассадара и Форбарр-Султана. Они-то и устроили демографический взрыв на озере, лазурную гладь которого украшала (или нарушала — это уж как посмотреть) дюжина самых разнообразных лодок.

Когда-то здесь стоял длинный двухэтажный каменный барак, в котором жила охрана замка. Потом барак перестроили, и он превратился в изящное здание — летнюю резиденцию Форкосиганов. Майлз приказал Мартину приземлиться на посадочной площадке возле гаража.

— Нести в дом, милорд? — спросил Мартин, вынимая багаж.

В доме жила пара, присматривающая за хозяйством, и потому в отличие от городского особняка он имел вполне жилой вид.

— Нет... пока оставь. Я сперва загляну на конюшню.

Майлз направился по дорожке к ряду строений на засеянных земной травой зеленых лугах. Деревенская девушка, присматривающая за лошадьми, вышла поприветствовать гостей, и Мартин, который уже было совсем смирился с перспективой провести несколько унылых дней, довольствуясь лишь обществом своего эксцентричного лорда, мгновенно расцвел. Майлз оставил их знакомиться, а сам пошел к воротам пастбища.

Его конь, получивший еще от графа Пётера довольно-таки непрезентабельную кличку Толстый Дурачок, с радостным ржанием прибежал на голос хозяина, за что был немедленно вознагражден заранее припасенными кусочками сахара. Майлз погладил огромного коня по бархатистому носу. У жеребца, которому исполнилось уже двадцать три года, появилось в рыжей шерсти много седины, и после пробежки он тяжело дышал. Так... осмелится ли он проехаться верхом, памятуя о своих припадках? Во всяком случае, отправиться в любимое многодневное пу-

тешествие по горам он не рискнет, это точно. Но если научить Мартина верховой езде, вполне можно будет проскакать несколько кругов по пастбищу. Искусственные кости при падении не сломаешь, а Дурачок никогда не наступит на хозяина.

Плавание, еще одно любимое развлечение в Форкосиган-Сюрло, вполне доступно, а вот хождение под парусом — едва ли. Придется надевать спасательный жилет и брать с собой Мартина. Интересно, умеет ли Мартин плавать? А уж тем более способен ли он на борту помочь бьющемуся в припадке человеку и при этом не упустить лодку? Похоже, предъявлять такие требования — явный перебор. Ладно, все равно в конце осени вода слишком холодная.

Отнюдь не случайно тридцатый день рождения Майлза выпал на неделю, которую он лениво проводил на берегу озера. Провинция — лучшее место, где можно попросту проигнорировать данное событие. В столице ему наверняка досаждали бы друзья и родственники. Айвен вывел бы его из себя разными тостами или того хуже — затеял бы вечеринку в его честь. Впрочем, рвение Айвена мог бы несколько укротить тот факт, что его черед следующий. Буквально через два месяца. Да и вообще, что такое день рождения? Становишься просто на день старше, как в любой другой день, ведь верно?

Этот самый пресловутый день выдался промозглым и туманным — следствие шедшего в предыдущий день меланхоличного дождя, столь соответствующего настроению Майлза. Но судя по появившейся в небе голубизне, погода должна была вскоре стать теплой и просто великолепной. Когда по комму раздался первый вызов, Майлз понял — сегодня его не оставят в покое. Его поздравляла леди Элис. Можно смело предположить, что и Айвен где-то неподалеку. Значит, если Майлз быстро не изыщет способ куда-нибудь скрыться, он рискует просидеть весь день у комм-пульта.

Прихватив на кухне кое-что из еды, Майлз отправился в сад, являвшийся одновременно и фамильным кладбищем. Раньше здесь хоронили охранников. Фамильным кладбище стало лишь после того, как цетагандийцы уничтожили Форкосиган-Вашнуй. Майлз посидел у могилы сержанта Ботари, жуя хлеб и наблюдая, как алые лучи восходящего солнца пробиваются сквозь предрассветную дымку над Форкосиган-Сюрло.

Затем он переместился к могиле генерала Петера и долго смотрел на надгробие. Были времена, когда, сидя здесь, он кричал, шептал и молил. Но, похоже, им со стариком больше нечего сказать друг другу. Почему?

«Да потому, что я говорю не с той могилой», — вдруг решил Майлз. Он решительно повернулся и направился к дому, намереваясь разбудить Мартина, способного проспать до полудня. Он вспомнил, где его не сможет найти никакой

комм. И ему было необходимо поговорить там с одной маленькой леди.

— Так куда же мы летим, милорд? — поинтересовался Мартин, усевшись в кресло пилота и разминая пальцы.

— В одно местечко в горах, именуемое Лесная долина. — Наклонившись, Майлз ввел маршрут в навигационную программу, и на пульте немедленно высветилась карта полета. — Я хочу, чтобы ты сел вот в этой маленькой долине, сразу за развилкой. Вообще-то это кладбище. Места для посадки флайера хватит. Во всяком случае, хватало, когда я там был в последний раз. Это очень симпатичное местечко у ручья. Солнце светит сквозь кроны деревьев... Может, мне стоило взять с собой корзинку для пикника? Это примерно в четырех днях пути отсюда, или два с половиной дня, если верхом. И чуть меньше часа полета.

Мартин кивнул и включил двигатель. Перевалив через хребет, они полетели на юго-восток.

— Готов поспорить, что могу доставить вас туда быстрее, — предложил Мартин.

— Нет...

— Мы снова полетим кружным путем?

Майлз заколебался. Теперь, когда они уже летели, охватившее его нетерпение исчезло, сменившись опасением. «А ты считал, что тяжело просить прощения у императора».

— Угу. Я хотел показать тебе кое-что новенькое о горных склонах и флайерах. Давай двигай на юг, а вот здесь — на запад, вокруг вон тех пиков.

— Да, сэр, — ответил Мартин, изображая вышколенного слугу. Впрочем, он немедленно испортил впечатление, добавив: — Это гораздо лучше, чем урок верховой езды.

У Мартина с Дурачком сложились не настолько хорошие отношения, как рассчитывал Майлз. Мартин явно предпочитал флайеры.

— А что там такое, в этой самой Лесной долине? — спросил Мартин. — Друзья? Красивый ландшафт?

— Не совсем... Когда мне было примерно столько лет, сколько сейчас твоему брату — я тогда только-только окончил Императорскую Военную Академию, — граф, мой отец, вынудил меня, то есть обязал меня выступить как его Голос в одном деле, которое было вынесено на Графский Суд. Он послал меня в Лесную долину, чтобы расследовать и провести суд по делу об убийстве. Убийстве ребенка-мутанта, совершенного в соответствии с древней традицией.

Мартин скривился.

— Уж эти горцы! — с отвращением буркнул он.

— М-м-м. Все оказалось гораздо сложнее, чем я думал, даже когда я ухитрился правильно вычислить ви-

новного. Девочку — а убили девочку четырех дней от роду, потому что у нее была заячья губа, — звали Райна Журик. Сейчас бы ей было почти десять лет, останься она в живых. Я хочу поговорить с ней.

Брови Мартина поползли вверх.

— А вы... э-э-э... часто раговариваете с мертвыми, милорд?

— Иногда.

Мартин неуверенно улыбнулся, как бы говоря «надеюсь, это шутка».

— И они отвечают?

— Иногда... А ты что, никогда не разговариваешь с мертвыми?

— Я таких не знаю. Кроме вас, милорд.

— Я лишь бывший труп.

«Это вопрос времени, Мартин. Со временем твои знакомства расширятся».

Майлз знал многих умерших.

Но даже в этом длинном списке Райна занимала особое место. После того как он отбросил всю имперскую мишуру и глупость, исчерпал все возможности роста, познал все идиотские правила и гнусные темные стороны военной службы... когда это перестало быть игрой, когда возобладала реальность, страшная реальность, когда в жертву той службы шли жизни и души... Райна осталась единственным стоящим символом его службы. И у Майлза было жуткое чувство, что где-то во всей этой кутерьме он потерял связь с Райной.

Неужели он так увлекся игрой в Нейсмита и так стремился выиграть, что забыл, ради чего играет? Райна — пленница, которую Нейсмит никогда не сможет освободить. Пленница, вот уже десть лет лежащая под землей.

Существовало предание об одном из предков Майлза, графе Зелиге Форкосигане, собиравшем — а вероятнее всего, пытавшемся собрать — налоги со своих подданных в провинции. Надо сказать, подданных в те времена подобные поборы радовали не больше, чем нынче. Одна бедная вдова, которую ее никчемный муж после своей смерти оставил по уши в долгах, предложила графу Зелигу единственное, что у нее имелось, — игру на барабане своего сына. Сына — включительно. Согласно преданию, Зелиг принял барабанную дробь, но мальчика вернул матери. История, без сомнения, сочиненная форами в целях пропаганды.

Нейсмит был самой большой жертвой Майлза, самым ценным, что у него было, ради чего он буквально вывернулся наизнанку. Сегодня утром галактические интересы Барраяра казались очень далекими, но служба этим интересам была частью его жизни. Нейсмит был сыгранной им барабанной дробью, но сыграл ее Форкосиган.

Он понял, как шаг за шагом потерял Нейсмита. Он мог перечислить каждое звено этой разрушительной цепи. Но где, черт побери, он потерял Форкосигана?

Когда они прилетят на место, он велит Мартину пойти прогуляться или полетать где-нибудь. При разговоре с Райной ему не нужны свидетели. Он подвел Грегора и все же смог встретиться с ним. Подвел свою семью, и вскоре ему предстоит предстать перед родителями. Но предстать перед Райной... Это так же больно, как выстрел из игольника.

«О Райна. Маленькая леди. Что я делаю?»

Он отвернулся от Мартина и тихо сидел, закрыв глаза, прижавшись лбом к стеклу. Голова раскалывалась.

Голос Мартина прервал невеселые размышления.

— Милорд? Что мне делать? Я не могу сесть в той долине, где вы сказали, здесь кругом вода.

— Что? — Майлз выпрямился, изумленно распахнув глаза.

— По-моему, тут какое-то озеро.

И правда. Там, где сливались две небольшие речушки, теперь высилась небольшая дамба. А за ней, там, где раньше была долина, отражалось в водной глади голубое небо. Майлз сверился с картой, чтобы убедиться. Затем посмотрел на датировку карты.

— Карте два года. Но этой штуки на ней точно нет. Но... место то самое, без сомнения.

— Вы все еще хотите здесь сесть?

— Да. Хм-м. Попробуй приземлиться на восточном берегу, как можно ближе к отметке.

Это оказалось непросто, но Мартин в конце концов отыскал площадку и посадил флайер среди деревьев. Майлз вылез и остановился на песчаном берегу, глядя на плещущуюся у ног прозрачную воду. Настолько прозрачную, что видно было на несколько метров в глубину. Он разглядел белые стволы деревьев, напоминающие кости. Мартин, сгорая от любопытства, вылез следом и стоял рядом, словно помогая смотреть.

— Так... Кладбище еще здесь, или жители Лесной долины перенесли захоронения? А если перенесли, то куда? — пробормотал Майлз.

Мартин пожал плечами. Спокойная водная гладь тоже не ответила.

ГЛАВА 11

Мартин поднял флайер над деревьями, и Майлз определил местонахождение маленькой поляны, которую заприметил примерно в километре от озера. Он велел Мартину посадить аппарат во дворе перед небольшой хижиной из мореного дерева. Хижина со знакомым длинным крыльцом, откуда открывался вид на

долину и новое озеро, казалась такой же, как раньше, хотя появилась пара дополнительных хозяйственных построек.

Привлеченный шумом, на крыльцо вышел мужчина. Не лысый однорукий староста Кейрел, а незнакомый высокий парень с аккуратно подстриженной черной бородой. Он по-хозяйски облокотился на перила, с интересом рассматривая вновь прибывших. Майлз вылез из флайера, немного постоял, глядя на мужчину, пытаясь найти объяснения своему визиту и втайне радуясь внушительным габаритам Мартина. Наверное, ему все же следовало взять с собой обученного телохранителя.

Лицо незнакомца вдруг засияло от радости.

— Лорд Форкосиган! — вскричал он. Мигом пролетев две ступеньки, он, расплывшись в широченной улыбке, побежал к Майлзу и приветственно замахал руками. — Рад снова вас видеть! — Он вдруг посерьезнел: — Надеюсь, ничего не случилось?

Что же, похоже, этот парень хорошо помнил Майлза, хоть и не видел почти десять лет.

— Нет, просто визит вежливости, — сообщил Майлз, когда подошедший человек пожал ему руку — обе руки — с чистосердечной радостью. — Совершенно неофициальный.

Мужчина чуть отошел. Внимательно посмотрел ему в лицо, и радостная улыбка сменилась застенчивой ухмылкой.

— Вы меня не узнаете, верно?

— Хм-м...

— Я Зед Кейрел.

— Зед? — Зед Кейрел, средний сын старосты Кейрела, тогда ему было лет двенадцать... Майлз быстро подсчитал в уме. Значит, сейчас ему двадцать два или около того. Ага. — Когда я видел тебя в последний раз, ты был ниже меня.

— Ну, моя ма была отличная стряпуха.

— Верно. Я помню. — Поколебавшись, Майлз спросил: — Была? Твои родители... хм-м...

— О, с ними все в порядке. Просто они не здесь. Старший брат женился на девушке из низин, из Зелиграда, и переехал туда. Ма с па перебираются на зиму к нему в город, тут им тяжело в период холодов. Ма помогает с внуками.

— Значит... Кейрел больше не староста Лесной долины?

— Нет, у нас нынче новый староста, вот уже почти два года. Молодой сорвиголова, набравшийся всяких прогрессивных идей в Хассадаре, как раз в вашем вкусе. Наверное, вы его помните. Лем Журик. — Улыбка Зеда стала еще шире.

— О! — Впервые за весь день губы Майлза растянулись в улыбке. — Правда? Я с удовольствием с ним повидаюсь.

— Я вас отвезу к нему прямо сейчас, если хотите. Сегодня он, наверное, работает в клинике. Вы не знаете, где это. Ее недавно построили. Минуточку. — Зед нырнул в хижину, чтобы что-то доделать, напомнив своей порывистос-

тью того двенадцатилетнего мальчишку, каким его помнил Майлз. Майлзу захотелось стукнуться головой о флайер, чтобы поставить на место свои мозги.

Зед вернулся, запрыгнул на заднее сиденье флайера и принялся объяснять дорогу. Через несколько километров он велел снизиться возле самого большого дома, который Майлзу доводилось видеть в Лесной долине. К дому было подведено электричество. Человек шесть прекратили работу и смотрели, как они садятся.

Зед вылез и замахал рукой:

— Лем! Эй, Лем! Ты в жизни не догадаешься, кто приехал!

Майлз последовал за ним, а Мартин остался в машине, ошарашенно наблюдая за происходящим.

— Милорд! — Лем Журик тоже мгновенно узнал его. Внешность Майлза, увы, была весьма запоминающейся. Впрочем, Майлз тоже сумел бы довольно быстро найти Лема в толпе. Журик был все таким же сухопарым горцем, каким Майлз его помнил, только выглядел он гораздо более счастливым, чем десять лет назад, когда его ложно обвинили в убийстве, и даже более самоуверенным, чем шесть лет назад, когда Майлз встречался с ним в Хассадаре. Лем тоже радостно потряс ему обе руки.

— Староста Журик, мои поздравления, — улыбнулся Майлз. — Заняты, как я вижу.

— О, вы и половины не знаете, милорд! Пойдемте, я вам покажу. Достраиваем новую больницу, она будет обслуживать весь район. Я тороплюсь, чтобы покрыть крышу до первого снега, а все хочу закончить к Зимнепразднику. К тому времени должен приехать врач, настоящий врач, а не медтехник, который облетает район раз в неделю. Врач — из студентов миледи, вашей матери, выпускник нового института в Хассадаре. Он будет работать у нас четыре года, чтобы расплатиться за обучение. К Зимнепразднику он должен получить диплом. Мы для него тоже строим дом, чуть выше по склону, оттуда отличный вид...

Лем представил ему остальных и повел Майлза смотреть — ну, если не больницу, то мечту о больнице, которую представлял так ярко, что Майлз видел чуть ли не наяву законченный больничный комплекс.

— По дороге сюда я видел дамбу, — сказал Майлз, воспользовавшись паузой. — Откуда она взялась?

— Мы построили! — с гордостью ответил Лем. — Ну работенка была, должен сказать! Пришлось здорово потрудиться. Мы ждали-ждали силовые установки, что нам обещали в районе, но поскольку стояли где-то в самом низу списка, то прождали бы до сих пор. И я начал думать. Съездил в Достовар и посмотрел на их гидростанцию, что стоит у них много лет. Старье, конечно, но работает. Тогда я привез оттуда пару ребят нам в помощь, подобрал самое подходящее место и пригласил

одного инженера из Хассадара, которому когда-то помог дом построить. Он с тех пор пристрастился проводить отпуск в домике у озера. Мы еще не полностью расплатились за генераторы, но и только.

— И там было самое подходящее место, да?

— О, да! Самый большой перепад высоты и самый быстрый поток. Со временем, конечно, нам не будет хватать энергии, но это лишь начало. Без электроэнергии это место находилось в застое. А теперь мы можем развиваться. Вот, врача заполучить не смогли бы, не будь у нас электричества.

— Тебя ничто не может остановить, верно?

— Ну, милорд, вам-то отлично известно, кто меня этому научил.

Конечно, Харра, его жена. Мать Райны. Майлз кивнул.

— Кстати о Харре, а где она?

Он приехал сюда, чтобы тихо постоять у могилы, но теперь ему очень захотелось поговорить с Харрой.

— В школе, где ж еще. Я там пристроил вторую комнату — у нас ведь нынче две учительницы. Девушка, выученица Харры, занимается с малышами, а Харра — со старшими.

— А я могу ее увидеть?

— Да Харра с меня шкуру сдерет, ежели вы улетите, не повидавшись с ней! Пойдемте, я вас к ней отведу.

Зед, передав Майлза с рук на руки, помахал на прощание и отправился восвояси, растворившись среди деревьев. Лем быстро переговорил со своими людьми и занял место Зеда на заднем сиденье флайера.

После короткого перелета они оказались у более старой и традиционной постройки — длинной хижины с каминными трубами. Над крыльцом висела вырезанная вручную деревянная вывеска «Школа имени Райны Журик». Лем провел Майлза внутрь, а Мартин остался скучать на улице. В классе за партами сидели человек двадцать подростков разного возраста и внимательно слушали живо жестикулирующую женщину, стоявшую у доски.

Харра Журик была такой же высокой и стройной, какой ее помнил Майлз. Прямые светлые волосы аккуратно уложены в традиционную прическу горянок. Одета — в простое, но аккуратное и хорошо сшитое платье. Босоногая. Как и большинство учеников, поскольку погода позволяла. Увидев Лема с Майлзом, Харра резко оборвала урок.

— Лорд Форкосиган! Господи, я и предположить не могла!.. — Подлетев к нему с не меньшим энтузиазмом, чем Зед с Лемом, Харра не ограничилась рукопожатием, а горячо обняла Майлза. Спасибо, что хоть от земли не оторвала. Скрыв изумление, он спохватился и тоже обнял ее, а потом, взяв за руку, чуть развернул.

— Привет, Харра. Отлично выглядишь.

— Я не видела вас с того вашего приезда в Хассадар.

— Да... Мне давно следовало сюда наведаться. Но я был сильно занят.

— Знаете, для меня было так важно, что вы приехали тогда на мой выпуск.

— Счастливое стечение обстоятельств. Просто я в тот момент оказался на Барраяре. Никакой моей заслуги в этом нет.

— Это зависит от точки зрения. Пойдемте, посмотрите... — Она повернулась к классу. — Смотрите, ребята, кто к нам приехал! Это сам лорд Форкосиган!

Дети уставились на него скорее с любопытством, чем с опаской или отвращением. Они внимательно глядели на странного коротышку, стоявшего во плоти под своим собственным портретом. На стене класса висели три портрета, два — вполне по праву: император Грегор в парадном мундире и граф Форкосиган, отец Майлза, в гораздо более скромном мундире, коричневом с серебром — родовых цветов Форкосиганов. Что касается третьего портрета!.. От государственных учреждений не требовали вешать на стенку изображения наследников — и однако на Майлза смотрела его собственная физиономия. Давний снимок, где он в зеленой форме с голубыми знаками различия. Должно быть, сразу после выпуска из Академии. Глаза Гора еще не сверкали в петлицах. Где, черт возьми, Харра его раздобыла?

Она гордо демонстрировала его своим ученикам, словно экскурсовод на выставке. С восторгом шестилетнего ребенка, получившего новую игрушку. Приехав в Лесную долину, он вовсе не собирался встречаться с кем-либо, не говоря уж о том, чтобы выступать на публике, и чувствовал себя крайне неловко в поношенной рубашке, старых черных форменных брюках и стоптанных сапогах, изрядно заляпанных грязью. Но он все же исхитрился пробормотать «очень хорошо, очень хорошо», что вроде бы всех удовлетворило. Харра провела его в соседний класс, где проиграла весь спектакль по новой, отчего молоденькая учительница впала в ступор, а восторг юных учеников чуть не перешел в форменный кавардак.

Когда они пошли обратно, Майлз остановил Харру, взяв за руку.

— Харра, ради Бога, я приехал сюда вовсе не с целью внеплановой проверки. Я приехал лишь для того... Ну, по правде говоря, я хотел лишь совершить церемониальное сожжение на могиле Райны. — Подставка, курильня и ароматические палочки лежали во флайере.

— Очень мило с вашей стороны, милорд, — ответила Харра. Майлз отмахнулся, но она лишь покачала головой.

— Похоже, теперь для этого нужна лодка, — продолжил Майлз, — а мне не хотелось рисковать поджечь лодку, в которой сижу. Или кладбище перенесли?

— Да, перед тем, как затопить, кое-какие могилы перенесли. Теперь кладбище на высоком берегу, как раз над старой деревней. Могилу моей матери мы, конечно, переносить не стали. Я оставила ее там. Пусть даже ее могила будет похоронена, и никаких возжиганий. — Харра скривилась. Майлз понимающе кивнул. — А могила Райны... Ну, наверное, потому что почва там сырая, а ее похоронили без гроба, просто завернув в саван, а она была такой крошечной... В общем, мы не смогли отыскать ее косточки. Наверное, она просто растворилась в земле. Для меня это не имело значения. Даже кажется правильным, когда я думаю об этом. На самом деле, я считаю, что лучший для нее памятник — наша школа. Каждый день я прихожу сюда учить детей, и это все равно что совершить возжигание, только лучше. Потому что это создает, а не разрушает. — Словно подтверждая сказанное, она кивнула, решительная и спокойная.

— Понимаю.

Она внимательно глянула на него:

— У вас все в порядке, милорд? Вы выглядите усталым. И очень бледным. Уж не болели ли вы, часом?

Надо полагать, три месяца пролежать трупом в криокамере равнозначно крайне тяжелой болезни.

— В общем, да. Можно сказать и так. Но я выздоравливаю.

— О! Очень хорошо. А потом вас куда-нибудь направят?

— Вряд ли... Я в своего рода... в отпуске.

— Мне бы хотелось показать вам наших с Лемом детишек. Мать Лема обычно сидит с ними, пока я на работе. Иногда помогает его сестра. Не пообедаете с нами?

К обеду он намеревался вернуться в Форкосиган-Сюрло.

— Детишек?

— Да, у нас двое. Мальчику четыре, а девочке годик.

В этих местах маточными репликаторами еще не пользовались. Значит, она сама выносила этих двоих. Совсем, как свою Райну. Господи, да ведь эта женщина еще и работает! Майлз никак не мог отказаться от приглашения Харры.

— Это большая честь для меня.

— Лем, покажи пока лорду Форкосигану окрестности, — распорядилась Харра и нырнула обратно в школу, чтобы решить вопрос с занятиями, а Лем послушно повел Майлза смотреть архитектурные украшения. Через пару минут ребятня высыпала из школы и, восторженно вереща, разбежалась в разные стороны.

— Я не хотел нарушать ваш распорядок, — запротестовал Майлз. Но его протесты никто не слушал. Теперь он был обречен. Ни за какие миры он не мог обмануть этих радостно улыбавшихся людей.

Они свалились на голову сестре Лема, которая — надо отдать ей должное — достойно встретила удар. Приготовленный ею обед, слава Богу, оказался легким. Майлз познако-

мился с детьми, племянниками и племянницами семейства Журик. Попав к ним в плен, он совершил прогулку по лесу и проинспектировал их любимый пруд. С серьезным видом прошелся босиком по гальке, пока пальцы не окоченели, и самым авторитетным форским тоном провозгласил, что это, безусловно, отличный пруд, возможно, лучший во всей провинции. Для детишек он явно был завораживающей аномалией — взрослый человек почти одного с ними роста.

Так — одно за другим — почти наступил вечер, когда они вернулись обратно в школу. Майлз глянул на людей, снующих по большому двору с тарелками, корзинами, цветами, музыкальными инструментами, кувшинами и графинами, дровами и скатертями, и сердце у него ушло в пятки. Несмотря на все свои усилия, он таки угодил на торжественный ужин.

Фразы типа «Нам нужно улететь до темноты, Мартин не привык к полетам в горах» застыли у него на устах. Им крепко повезет, если удастся отсюда выбраться до завтрашнего утра. Или — он отметил огромное количество глиняных кувшинов с кленовой медовухой, самым сногсшибательным алкогольным напитком, когда-либо изобретенным человечеством — завтрашнего вечера.

Потребовалась хорошая еда, красивый закат, костер и довольно-таки приличное количество медовухи, чтобы он постепенно расслабился и начал получать удовольствие от происходящего. Затем заиграла музыка, и все вообще стало прекрасно. Мартин, сперва воротивший нос от деревенской простоты праздника, закончил тем, что начал обучать городским танцам группу подростков. Майлз решил избавить парня от предупреждений вроде: «Кленовая медовуха хоть и пьется легко, но плохо отражается на мозгах». Некоторые вещи нужно постигать на собственном опыте в определенном возрасте. Майлз танцевал традиционные танцы с Харрой и другими женщинами, пока не сбился со счета. В конце концов, этот праздник был вовсе не в его честь, хотя поздравления с днем рождения и шуточки сыпались в изобилии. Это был праздник Лесной долины. А если его приезд и послужил предлогом — ну что же, значит, он наконец принес хоть кому-то хотя бы какую-то пользу.

Но когда костер начал угасать и праздник пошел на убыль, им вновь овладело чувство неудовлетворенности. Он приехал сюда для того, чтобы... Что? Чтобы попытаться справиться со своей депрессией. Это — как вскрыть фурункул. Отвратительная метафора, но его тошнило от самого себя. Ему хотелось взять кувшин медовухи и пойти поговорить с Райной. Дурацкая мысль. Так он, пожалуй, начнет пьяно рыдать на водохранилище и утопится вместе со своим горем. Скверная плата жителям Лесной долины за столь теплый прием, и нарушение данного Айвену слова. Чего он ищет, исцеления или смерти? «И

того, и другого». Именно это промежуточное состояние и невыносимо.

Однако ближе к полуночи он все же оказался на берегу. Но не один. Лем с Харрой пошли с ним и присели рядом на ствол дерева. Обе луны, высоко стоящие в небе, мягко отражались на водной глади, превращая поднимающийся туман в серебряную дымку. Лем прихватил кувшин медовухи и в тишине щедро налил каждому.

Сидя в темноте, Майлз понял, что вовсе не с мертвыми хотелось ему поговорить. С живыми. Бесполезно каяться перед мертвыми, не в их власти дать отпущение. «Но я поверю твоему Голосу, Харра, как когда-то ты поверила моему».

— Я должен кое-что тебе рассказать, — обратился он к Харре.

— Так я и знала, что что-то произошло, — вздохнула она. — Надеюсь, вы не умираете?

— Нет.

— А я боялась чего-то именно такого. Не многие мутанты живут долго, даже если им не перерезать глотку.

— Форкосиганы делают все наоборот. Глотку-то мне как раз перерезали — только для того, чтобы жил, а не для того, чтобы умер. Это длинная история и подробности засекречены, но в прошлом году я оказался в криокамере на одной планете, затерянной в просторах галактики. А когда меня откачали, возникли кое-какие проблемы медицинского характера. А потом я сделал глупость. А потом еще большую глупость, то есть солгал. И меня застукали. И уволили. Так что моим достижениям, которые тебя вдохновляли, пришел конец. Тринадцать лет отчаянных усилий пошли псу под хвост. Дай мне тот кувшин. — Отхлебнув сладкой огненной жидкости, он вернул кувшин Лему, который сперва передал медовуху Харре, потом глотнул сам. — Вот уж никогда не думал, что к тридцати годам окажусь штатским.

Лунные дорожки бежали по темной воде.

— Ты тогда велел мне стоять прямо и говорить правду, — произнесла Харра после продолжительного молчания. — И что же, это означает, что ты теперь будешь больше времени проводить в провинции?

— Возможно.

— Отлично.

— Ты жестокая, Харра, — простонал Майлз.

В лесу тихо пели жуки, исполняя свою маленькую лунную сонату.

— Человечек. — Голос Харры был так же ласков и опасен, как кленовая медовуха. — Моя мать убила мою дочь. И была судима за это перед всей Лесной долиной. И ты думаешь, я не знаю, что такое публичный позор? Или мне не знакомы утраты?

— А почему, по-твоему, я тебе все это рассказываю?

В призрачном лунном свете Харра молчала достаточно долго, чтобы Лем успел снова пустить кувшин по кругу. Затем она сказала:

— Продолжай. Ты просто продолжай. Ничего другого тебе не остается, и нет способа это исправить. Просто двигайся дальше.

— А что там, дальше? Когда придешь?

— Снова жизнь, — пожала она плечами. — Что же еще?

— Это обещание?

Харра подняла камешек, повертела в пальцах и кинула в воду. Лунная дорожка заколебалась и покрылась рябью.

— Это неизбежно. Никакого обмана. И никакого выбора. Ты просто живешь дальше.

На следующий день Майлз заставил Мартина поднять флайер в воздух около полудня. Глаза парня были красными и воспаленными, а физиономия приобрела зеленоватый оттенок, достойный скоростного пролета по Дендарийскому ущелью. Он вел флайер очень аккуратно, с большой осторожностью, что полностью устраивало Майлза. Мартин тоже не отличался разговорчивостью. Единственное, что он спросил, было:

— Вы нашли то, что искали, милорд?

— В этих горах свет ярче, чем где-либо еще на Барраяре, но... нет. Когда-то ответ здесь был, но теперь его нет. — Майлз извернулся под пристяжными ремнями и оглянулся на постепенно снижающиеся холмы. «Этим людям необходимы тысячи вещей. Но им не нужен герой. Во всяком случае, не такой, как адмирал Нейсмит. Им нужны такие, как Лем с Харрой».

Майлз хмыкнул, не слишком довольный сделанным открытием.

Помолчав, он спросил:

— Как по-твоему, Мартин, средний возраст — это сколько?

— О! — Мартин пожал плечами. — Лет тридцать, я думаю.

— Я тоже всегда так думал. — Хотя однажды он как-то слышал высказывание матери, что средний возраст — это на десять лет больше, чем тебе самому. Величина переменная.

— В Императорской Военной Академии был один профессор, — продолжил Майлз, — который читал вводный курс по тактике. Он говорил, что никогда не меняет экзаменационные вопросы от курса к курсу и не опасается списывания, потому что хоть вопросы и одни и те же, ответы всегда меняются. Тогда я думал, что это шутка.

— У? — послушно отреагировал Мартин.

— Не важно, Мартин, — вздохнул Майлз. — Просто двигай вперед.

ГЛАВА 12

Вернувшись в дом на озере и наскоро перекусив, Майлз заперся в комнате с комм-пультом и принялся просматривать поздравления, присланные из Форбарр-Султана. Каждое поздравление полностью соответствовало отправителю: послание Грегора было серьезным и немногословным, Айвена — полным скрытой насмешки.

Поздравление от Марка, пришедшее с Колонии Бета, было очень... марковским. Его насмешки казались неловкой пародией на насмешки Айвена, только злее и продуманнее. По ряду признаков Майлз понял, что Марк отослал не перый вариант записи. И тут он сообразил, что скорее всего Марк впервые в жизни поздравляет кого-то с днем рождения. «Продолжай в том же духе, Марк. Пока ты еще лишь учишься быть человеком».

Но ехидствовал Майлз недолго — ровно до той минуты, когда он понял, что предстоит составить ответное послание. Совершенно очевидно, что Марк еще не знает об изменении его статуса. Как, черт возьми, сообщить об этом таким образом, чтобы его брат-клон не подумал, что Майлз винит в происшедшем его? Поразмыслив, Майлз решил отложить это на потом.

Поздравление от родителей он оставил на закуску. Оно пришло по лучу, а не почтой. Значит, Зергияр включен в правительственную сеть и послания доходят до адресата чуть больше, чем за сутки, тогда как курьерский корабль летит от Зергияра до Барраяра почти две недели. Следовательно, родители комментируют последние дошедшие до них сведения. Вздохнув поглубже, Майлз включил запись.

Родители встали подальше от камеры, чтобы обоим быть в кадре, поэтому на экране они казались маленькими улыбающимися фигурками. Граф Эйрел Форкосиган, высокий седоволосый мужчина лет семидесяти, одет в коричневый с серебром мундир Форкосиганов. Должно быть, запись делали в разгар рабочего дня. На графине — дневной костюм фор-леди: пиджак и юбка зеленых тонов. Темно-рыжие волосы Корделии Форкосиган, очень похожие на гриву Толстого Дурачка, только с большим количеством седины, были, как обычно, сколоты сзади красивыми гребнями. Ростом графиня не уступала мужу. В ее ясных серых глазах плясали чертики.

«Они не знают. Им никто не сообщил», — понял Майлз еще до того, как родители произнесли хоть слово.

— Привет, дорогой, — начала графиня. — Поздравляю с тем, что добрался до тридцатилетия живым.

— Да, — тут же вступил граф. — Мы и впрямь частенько думали, удастся ли тебе это сделать. Но вот — удалось. Могло быть и хуже, но по зрелом размышлении над возможными вариантами рад, что все так, как оно есть. Я сейчас

на Зергияре, вдали от тебя, но я могу каждое утро смотреться в зеркало и вспоминать тебя, глядя на свою седину.

— Не верь ему, Майлз! — ухмыльнулась графиня. — Он начал седеть еще тогда, когда мы с ним только познакомились. Ему тогда было сорок с небольшим. Я поседела гораздо позже.

— Мы без тебя скучаем, — продолжил граф. — Потребуй, чтобы на следующее задание тебя отправили через Зергияр. Здесь творятся вещи, имеющие огромное значение для будущего Империи. Я знаю, тебе будет интересно посмотреть на это собственными глазами.

— И если Саймон тебе не позволит, я устрою ему веселую жизнь, — добавила графиня. — Передай это ему как мое личное обещание. Элис сказала, что ты дома вот уже несколько недель. Почему не свяжешься с нами? Загулял на пару с Айвеном и не можешь выкроить десяти минут для беседы с престарелыми родителями?

Похоже, леди Элис тоже не пожелала сообщать родителям плохие новости. Даже общепринятую версию. А она — главный передатчик всех сплетен, циркулирующих в форском обществе Форбарр-Султана и при императорском дворе.

— Кстати об Элис, — продолжила графиня, — она говорит, что Грегор встретил Ту Самую Девушку, причем заглавные буквы просто слышались в ее голосе. Тебе об этом что-нибудь известно? Ты видел ее? Что нам следует делать? Радоваться, волноваться или еще что?

— Женитьба императора на комаррианке, — произнес граф Форкосиган, прозванный когда-то своими политическими противниками, большинство из которых он пережил, комаррским мясником, — чревата политическими осложнениями. Но теперь, если только Грегор выполнит свой долг и хоть как-то произведет на свет крон-принца, я сделаю все возможное, чтобы поддержать эту затею. И представители моего поколения, входящие в группу потенциальных наследников, наконец вздохнут с величайшим облегчением. Заверь Грегора в моей полной поддержке. Я доверяю его выбору. — Внезапно лицо графа стало серьезным. — Она хорошая девочка? Грегор заслужил хоть немного счастья в компенсацию всех глупостей его императорской ипостаси, которые он выносит ради нас всех.

— Элис говорит, она вполне подходит, — сказала графиня, — а оценке Элис я доверяю. Хотя мне и неизвестно, понимает ли юная леди, во что она вляпалась. Пожалуйста, Майлз, заверь доктора Тоскане, что она может рассчитывать на мою полную поддержку, вне зависимости от того, какое решение она примет.

— Конечно, она согласится, если Грегор сделает ей предложение, — заметил граф.

— Только если она влюбилась настолько, что утратила инстинкт самосохранения, — тут же возразила графиня. —

Поверь мне, нужно спятить, чтобы выйти замуж за барраярского фора. Надеюсь, с ней именно такой случай.

Родители Майлза обменялись загадочными улыбками.

— Ладно, давай-ка вспомним, — сменил тему граф. — Что мы с тобой делали в тридцать лет? Ты можешь вспомнить, Корделия?

— С трудом. Я тогда служила в бетанском Астроэкспедиционном Корпусе и упустила свой первый шанс стать капитаном. Впрочем, второй шанс предоставился на следующий год, и уж его-то я не упустила, будьте уверены. А не будь его, я бы никогда не встретила Эйрела и ты бы никогда не родился, Майлз, так что мне совсем не хочется изменить мое прошлое.

— Я стал капитаном в двадцать восемь, — ехидно сообщил граф. Графиня скорчила ему рожицу. — Корабельная служба мне нравилась. И еще лет пять был на полевой службе, когда Эзар и горячие головы в генштабе начали планировать аннексию Комарры. — Граф снова стал серьезным. — Желаю Грегору удачи. Надеюсь, он добьется успеха там... где мне не удалось преуспеть так, как я рассчитывал. Благодарение Богу за новое поколение и новое начало. — Они с графиней переглянулись. — До свидания, мальчик. И объявись, черт тебя побери.

— И будь поосторожнее, малыш, хорошо? — добавила графиня. — И объявись, черт тебя побери.

Фигуры родителей растаяли.

Майлз вздохнул.

«Больше тянуть нельзя, действительно нельзя».

Он сумел оттянуть неизбежное еще на день, приказав Мартину на следующее утро отвезти себя в Форбарр-Султан. Матушка Кости накормила Майлза обедом в роскошной тишине Желтой гостиной. Она явно много поработала, чтобы обслужить его по всем правилам. Возможно, даже изучила учебник по этикету или проконсультировалась у слуг других форов. Майлз покорно жевал, с трудом сдерживая желание сгрести все тарелки и присоединиться к Мартину и его матушке на кухне. Временами некоторые аспекты жизни фор-лорда кажутся поразительно идиотическими.

Потом он поднялся к себе в комнату и приступил к тяжелой задаче составления послания родителям. Он успел трижды записать и стереть сообщение (одно оказалось слишком мрачным, другое — наоборот, слишком беззаботным, а третье — полное грубого сарказма), когда прозвучал сигнал вызова. Майлз обрадовался вынужденному перерыву, хоть и вызывал его Айвен. Кузен был в форме, скорее всего звонил в обеденный перерыв.

— А, так ты вернулся. Отлично! — Это «отлично» звучало уж больно подозрительно радостно. — Полагаю, чувствуешь себя лучше после каникул в горах?

— В некотором роде, — осторожно ответил Майлз. Как это Айвену удалось так быстро пронюхать о его возвращении?

— Отлично, — повторил Айвен. — Так. Я тут вот о чем подумал. Ты уже предпринял что-нибудь насчет своей головы? Был у врача?

— Пока нет.

— Записался к кому-нибудь на прием?

— Нет.

— Хм. Мать меня спрашивала. Похоже, у нее интересовался Грегор. Догадайся, кто стоит внизу этой цепочки командиров и кому поручено проследить за исполнением? Я ей ответил, что, по-моему, вряд ли ты еще что-нибудь предпринимал в этом направлении, но я у тебя спрошу. Так почему ты ничего не сделал?

— Я... — Майлз пожал плечами. — Да вроде бы особо торопиться некуда. Меня выкинули из СБ не за то, что я страдаю припадками, а за фальсификацию рапорта. Так что даже если медики и смогут вернуть меня в рабочее состояние прямо завтра — а если бы это было возможно, то мой дендарийский хирург давно бы это сделала, — то все равно... ничего не изменится. «Иллиан не возьмет меня обратно. Не может. Дело принципа, а Иллиан — самый принципиальный человек, какого я знаю».

— Я тут подумал... если это потому, что ты не хочешь обращаться в Императорский госпиталь, не желаешь иметь дела с военными медиками, — продолжил Айвен, — то я могу тебя понять. Считаю это глупым с твоей стороны, должен заметить, но могу понять. Так что я нашел еще три клиники, специализирующиеся на криооживлении и его последствиях. У всех трех неплохая репутация. Одна в Форбарр-Султане, одна в Вейновии — это в провинции Фордариана, и одна на Комарре, на тот случай, если ты думаешь, что приближенность к галактической медицине является преимуществом, и готов рискнуть нездоровым ажиотажем, которое вызовет появление лорда Форкосигана на этой планете. Хочешь, чтобы я договорился за тебя с одной из этих клиник?

Майлз подумал, что знает, о каких клиниках идет речь, исходя из своих собственных наработок в этом направлении.

— Спасибо, не стоит.

Айвен откинулся назад, озадаченно пожевав губу.

— Знаешь... я думал, это будет первым, что ты предпримешь, когда ледяная купель вывела тебя из спячки. Возьмешь ноги в руки и помчишься, как всегда. Я никогда прежде не видел, чтобы ты, упершись в какую-нибудь стенку, не попытался либо перелезть через нее, либо обойти, либо, на худой конец, подорвать. Или просто-напросто колотиться в нее лбом до тех пор, пока она не рухнет. И они отправят меня за тобой вдогонку. Снова.

— Куда мчаться-то, Айвен?

— Куда-куда... назад к дендарийцам, конечно. Куда ж еще? — скривился Айвен.

— Ты прекрасно знаешь, что я этого сделать не могу. Без официальной поддержки СБ и соответствующего разрешения императора, приняв снова командование Дендарийским флотом, я, черт побери, становлюсь фор-лордом, наследником графа, командующим личной армией. А это измена, Айвен. Государственная измена. Мы с тобой это уже проходили. Если я уеду, то уже никогда не смогу вернуться обратно. Я дал слово Грегору, что не стану этого делать.

— Да? — выгнул бровь Айвен. — Если ты не вернешься, то какое будет иметь значение слово Форкосигана?

Майлз молчал. Вот как. Значит, пребывание Айвена в особняке Форкосиганов имело целью не только предотвратить возможное самоубийство. Это была еще и слежка на предмет возможного побега.

— Я готов был поспорить, — продолжил между тем Айвен, — если б было с кем поспорить из тех, кто имеет доступ к этой информации. Кроме Галени, конечно. Он любит заключать пари. Именно поэтому я и тянул резину, несмотря на давление со стороны Грегора и матери, и не приставал к тебе с лечением. Зачем лишний раз нарываться? Но, между прочим, я рад, что проиграл бы это пари. Итак, когда же ты собираешься обратиться к врачу?

— Скоро.

— Слишком обтекаемый ответ, — отрезал Айвен. — А я хочу услышать конкретно. Что-нибудь вроде «сегодня». Или, допустим, «завтра до обеда».

Н-да, Айвен явно не отстанет, пока не услышит конкретный ответ.

— В конце недели, — выдавил Майлз.

— Отлично, — коротко кивнул Айвен. — В конце недели я проверю и надеюсь получить положительный ответ. Так что привет... пока что.

Он отключился.

Майлз молча смотрел на пустой экран. Айвен прав. Он ничего не предпринял по поводу своего лечения с тех пор, как его выгнали. Так почему бы ему, освободившись от необходимости соблюдать ограничения, налагаемые СБ, не заняться своими припадками и не разобраться с ними? Или, на худой конец, не повести вперед каких-нибудь ретивых медиков, как водил за собой дендарийских наемников?

«Чтобы иметь немного времени».

Он знал, что так оно и есть, только этот ответ привел его в еще большее недоумение. «Времени на что?»

Выданный им самому себе отпуск по болезни позволяет ему избегать столкновения с некоторыми весьма неприятными реалиями. Например, от вывода, что его припадки

неизлечимы и что надежды больше нет. Для этого тела никакого криооживления, лишь похороны.

«Да? Неужели?»

Или он боится, что его вылечат — а из этого логически следует, что тогда он немедленно схватит своих дендарийцев и умчится в просторы Вселенной? Вернется к своей настоящей жизни, той, какую вел столь долго, вдали отсюда, среди звезд, вдали от всех этих грязеедов. Вернется к геройствованию как образу жизни.

«Но более напуганный, чем прежде».

Не утратил ли он мужества после этой истории с иглогранатой? В мозгу вдруг впыхнуло видение его собственной развороченной грудной клетки, на которую он смотрит под странным углом. Вернулась охватившая его невероятная боль и отчаяние, которое невозможно описать словами. Впрочем, пробуждение тоже мало походило на пикник. Эта боль уже тянулась неделями, практически не прекращаясь. Конечно, вновь выйти на задание и возглавить группу во время операции по освобождению Форберга ему было тяжело, но до припадка он отлично справлялся.

Итак... неужели все это, от начала и до конца, от припадка до подделки рапорта и увольнения, было каким-то хитрым танцем, чтобы больше никогда не смотреть в дуло игольника и избежать необходимости произнести вслух «Я ухожу»?

Черт побери, конечно, он боялся! Нужно быть полным кретином, чтобы не бояться. Любой бы испугался, а он действительно пережил смерть. И не понаслышке знает, что это такое. Умирать больно, смерть — уход в ничто, и любой нормальный человек постарается избежать и того и другого. А он все же вернулся. Как возвращался всякий раз после маленьких смертей с переломанными руками, ногами. Его тело покрыто паутиной шрамов с головы до пят. И так снова, снова и снова. «Сколько раз тебе приходилось умирать, чтобы доказать, что ты не трус, сколько боли перенести, чтобы дойти до цели?»

Айвен прав. Он всегда находит способ преодолеть стену. Майлз проиграл в уме весь возможный сценарий. Допустим, его вылечат, здесь ли, на Комарре или Эскобаре — не важно где. Предположим, он улетит, и СБ решит не предпринимать попыток убить предателя-фора, и они придут к молчаливому соглашению игнорировать друг друга. И он станет лишь адмиралом Нейсмитом.

И что потом?

«Я встречу огонь. И взберусь на эту стену».

И что потом?

«Я сделаю это снова».

И что дальше?

«И снова».

А дальше?

«Логически невозможно доказать невозможное. Я устал бороться со стенами».

Нет. Ему не нужно ни принимать огонь, ни избегать его. Если огонь встанет у него на пути, он с ним договорится. И это не трусость, черт подери, что бы это ни было.

«Так почему же я до сих пор не занялся своей головой?»

Майлз потер лицо, сел и попробовал еще раз сочинить удобоваримый отчет о своем новом гражданском статусе для графа-адмирала и его жены, женщины, к которой его отец обычно обращался «милый капитан». Послание получилось очень напряженным и злым, еще хуже, чем поздравление Марка, но Майлз не хотел больше тянуть. Он отправил запись.

Но не по лучевой связи. Длинным маршрутом, обычной почтой, хоть и с пометкой «личное». По крайней мере сообщение ушло и он не может его вернуть.

Куин тоже прислала поздравление с днем рождения, очень аккуратно составленное, чтобы не слишком развлекать цензоров СБ. За кажущейся небрежностью скрывалось сильное беспокойство. Второй ее запрос выражал обеспокоенность в более открытой форме.

С огромной неохотой он состряпал для Куин укороченную версию послания родителям, отбросив известные ей подробности, изложив лишь результат, который она ему и предсказывала. Куин заслуживала большего, но на большее он в настоящий момент не был способен. Молчания она тоже не заслуживала.

«Прости, Элли».

На следующий день к ужину пожаловал Айвен. Майлз опасался, что ему придется выдержать очередной бой по поводу своих медицинских проблем, которые он, предположительно, никак не хочет решить, но Айвен лишь принес букет цветов матушке Кости и все время, пока она готовила, отирался на кухне, всячески смеша ее, до тех пор, пока она его не выгнала. К тому моменту Майлз начал опасаться, что кузен ведет кампанию по переманиванию его кухарки, хотя и не мог точно определить, действует ли Айвен от себя или по поручению леди Элис.

Они уже почти доели десерт — на сей раз по персональной просьбе Айвена был изготовлен пряный пирог с персиками, — когда трапезу прервал сигнал комма. Точнее, сообщение о вызове.

— Там какой-то хмурый тип из СБ вас вызывает, лорд Форкосиган, — сказал Мартин, ввалившись в гостиную.

«Иллиан? С чего это Иллиану меня вызывать?»

Но когда он подошел к ближайшему комм-пульту — а по пятам за ним следовал весьма заинтригованный Айвен, — то обнаружил, что с экрана смотрит хмурое лицо Дува Галени.

— Ты мерзкий проклятый сводник, — прошипел вместо приветствия Галени.

— Привет, Дув. Что стряслось? — невинно спросил Майлз с легким испугом. Вопрос повис в воздухе под

тяжелым взглядом Галени. Лицо капитана не было ни красным, ни бледным. Оно было пепельно-серым от ярости.

«Похоже, мне следовало задержаться в Форкосигане-Сюрло еще на недельку».

— Ты знал. Ты все это подстроил. Ты меня подставил.

— М-м-м, в порядке любопытства... — Майлз сглотнул. — О чем это ты толкуешь?

Галени даже не удостоил его ответом. Губы его изогнулись, обнажив длинные зубы. И на улыбку это вовсе не походило.

— Уж не о Грегоре с Лаисой, случайно? — Гнетущее молчание нарушало лишь тяжелое дыхание Галени. — Дув... Я не думал, что так получится. Да и кому бы такое пришло в голову после стольких-то лет? Я лишь пытался оказать тебе услугу, черт побери!

— Лаиса — первое и единственное, чем я дорожил за всю мою жизнь. И у меня ее забрали. Украли. Фор действительно значит вор. И вы, чертовы барраярские воры, держитесь друг за дружку. Ты и твой гребаный император, и вообще вся ваша свора.

— Хм, — вмешался Айвен, — твой комм не прослушивается, Майлз? Прости, Дув, но если ты и дальше собираешься столь... э-э... открыто выражать свои чувства, то не лучше ли это сделать при личной встрече? То есть я надеюсь, ты говоришь не по каналу СБ. У них есть уши почти везде.

— Служба безопасности может взять эти уши и затолкать в свою коллективную задницу! — Произношение Галени, обычно подчеркнуто барраярское, на глазах становилось комаррским, причем не просто комаррским, а уличным комаррским.

Майлз знаком велел Айвену заткнуться. Если припомнить, что произошло с двумя несчастными цетагандийцами, столкнувшимися с Галени, когда тот пребывал в подобном настроении, то личная встреча в настоящий момент не казалась Майлзу такой уж привлекательной. Конечно, его защитит капрал Кости, но сможет ли он совладать со старшим по званию? Да еще находящимся в невменяемом состоянии и жаждущим крови? Пожалуй, для бедного парня это чересчур.

— Дув, мне очень жаль. Я вовсе этого не планировал. Совсем нет. Это неожиданность для всех, даже для леди Элис. Спроси Айвена.

Айвен пожал плечами и развел руками:

— Это правда.

Майлз прокашлялся и осторожно спросил:

— А как... хм... как ты об этом узнал?

— Она мне сказала.

— Когда?

— Примерно пять минут назад.

«Она только что его бортанула. Просто класс».

— Они оба мне сказали, — прорычал Галени. — Она сказала, что я — ее лучший друг на этой планете и она хочет, чтобы я был первым комаррцем, узнавшим новость.

«Значит, Грегор действительно довел дело до конца».

— И... э-э... что же ты ответил?

— Поздравил, разумеется. Что я еще мог сказать? Когда эта парочка мне лучезарно улыбалась?

Майлз облегченно вздохнул. Отлично. Значит, Галени не полностью утратил над собой контроль. Он связался с ним, Майлзом, лишь для того, чтобы было на ком спустить пар. С определенной точки зрения это признак величайшего доверия. «Блестяще. Премного благодарен, Дув».

Айвен потер шею.

— Ты пас эту женщину в течение пяти месяцев и добился лишь того, что она считает тебя лучшим другом? Дув, какого черта ты делал все это время?

— Она Тоскане, — ответил Галени. — А я — всего лишь обедневший коллаборационист с точки зрения ее семьи. Мне нужно было убедить ее, что у меня есть достойное будущее. Нет, сейчас еще смотреть не на что, но потом, позже... А потом возник он и просто... просто без всяких проблем увел ее.

Майлз, своими глазами видевший, как Грегор чуть ли не из кожи вон лез, чтобы понравиться Лаисе, лишь хмыкнул.

— Пять месяцев — это чертовски медленно, — произнес Айвен, придерживаясь взятого им тона доброжелательной критики. — Господи, Дув, тебе следовало попросить совета у меня.

— Она комаррианка. Что знаете вы, чертовы барраярские солдафоны, о комаррских женщинах? Умных, образованных, утонченных...

— Тридцатилетних... — ввернул Майлз.

— У меня был график, — продолжал Галени. — И по истечении шести месяцев знакомства я собирался сделать ей предложение.

Айвен скривился.

Кажется, Галени постепенно успокаивался. Он начал переходить от ярости и боли к отчаянию. Возможно, кипящие в нем эмоции выплеснулись вместе с гневными словами, и на сей раз обойдется без мордобоя.

— Майлз... — по крайней мере теперь он обращается к нему без оскорблений, — ты ведь почти сводый брат Грегора.

Так. Только этого не хватало.

— Хм?

— Как ты думаешь... Ты не смог бы попытаться уговорить его отказаться... Нет. — Галени оборвал себя на полуслове.

«Нет».

— Я у Грегора в долгу... и очень давно. Как лично, так и в политическом плане. Наличие наследника очень важно для моего здоровья и безопасности, а Грегор все тянул и тянул с этим. До сегодняшнего дня. И я не могу сделать ничего другого, кроме как всячески поддержать его. К тому же, — Майлз припомнил слова леди Элис, — это решение Лаисы, а не

твое, мое или Грегора. Я ничем не могу помочь, раз ты забыл рассказать ей о своем графике. Извини.

— Черт! — Галени отключил связь.

— Ну, — нарушил молчание Айвен, — по крайней мере с этим покончено.

— Так ты тоже его избегал?

— Да.

— Трус.

— А кто тут прятался в горах в течение двух недель?

— Это было стратегическое отступление.

— Ладно, пошли, у нас десерт пропадает.

— Я не голоден. К тому же... Раз нынче ночью Грегор с Лаисой начали оповещать личных друзей, до официального оглашения... лучше мне тут посидеть еще несколько минут.

— А! — Айвен кивнул и, придвинув стул, плюхнулся рядом.

Ровно через три минуты комм замигал. Майлз нажал кнопку.

Грегор был в темном и подчеркнуто гражданском костюме, Лаиса, как всегда, одета в комаррском стиле. Оба улыбались, глаза сияли от счастья.

— Привет, Майлз, — начал Грегор.

— Снова здравствуйте, лорд Форкосиган, — присоединилась Лаиса.

Майлз прокашлялся.

— Привет, ребята. Чем могу быть полезен?

— Я хотел, чтобы ты был одним из первых, кто узнает, — продолжил Грегор. — Я сделал Лаисе предложение. И она сказала «да». — Грегор выглядел таким ошарашенным, будто это согласие оказалось для него полной неожиданностью. Лаиса, надо отдать ей должное, улыбнулась, хотя и выглядела не менее ошарашенной.

— Поздравляю, — ухитрился выговорить Майлз.

Айвен высунулся у него из-за плеча, чтобы оживить спектакль, и Грегор произнес:

— О, ты тоже здесь! Очень хорошо. Тебе мы собирались сообщить следующему.

Сообщают в порядке старшинства по официальному списку потенциальным наследникам? Что же, это весьма в барраярском стиле. Лаиса пробормотала слова приветствия Айвену.

— Я первым узнаю эту новость? — закинул удочку Майлз.

— Не совсем, — ответил Грегор. — Мы сообщаем по очереди. Первой известили леди Элис, конечно. Она присутствовала при этом с самого начала, или практически с самого начала.

— Родителям я отправила сообщение еще вчера. И сказала капитану Галени, — добавила Лаиса. — Я столь многим ему обязана. Ему и вам обоим.

— И... э-э... что же он сказал?

— Он согласен, что это хорошо для обеих планет, — сказал Грегор, — что, учитывая его происхождение, я нахожу весьма любезным с его стороны.

«Иными словами, ты спросил его прямо в лоб, и он ответил «Да, сир». Бедный блестящий Дув. Неудивительно, что он тут же связался со мной. Ничего другого ему не оставалось, иначе он бы взорвался».

— Галени... сложный человек.

— Да, я знаю, что он тебе нравится, — согласился Грегор. — И я отправил сообщение твоим родителям, они должны получить его сегодня. И завтра надеюсь получить от них ответ.

— О! — вспомнил Майлз. — По-моему, тетя Элис тебя опередила. Отец просил передать тебе заверения в полной поддержке. А мать просила в том же заверить лично вас, доктор Тоскане.

— Я с нетерпением жду, когда познакомлюсь с легендарной Корделией Форкосиган, — с непритворной искренностью воскликнула Лаиса. — Думаю, что смогу многому у нее научиться.

— Я тоже так думаю, — согласился Майлз. — Господи! Они же прибудут сюда по такому случаю, верно?

— Не могу себе представить, что кто-то другой, кроме них, будет стоять в моем свадебном круге, помимо тебя, конечно, — сказал Грегор. — Ты будешь моим шафером?

— Безусловно. Э-э... а когда состоится всеобщий цирк?

Грегор слегка скривился:

— По-моему, у леди Элис на этот счет вполне определенное мнение. Я хотел, чтобы помолвка произошла немедленно, но она настояла, чтобы об этом даже не сообщали до ее возвращения с Комарры. Я отправил ее как мой Голос к родителям Лаисы. Надо соблюсти формальности, ты же понимаешь. Поэтому официальная помолвка состоится не раньше, чем через два месяца. А свадьба почти через год! По поводу помолвки мы сторговались на месяце с момента ее возвращения с Комарры и все еще спорим насчет свадьбы. Она говорит, если мы не предоставим фор-леди достаточно времени, чтобы приготовить достойные наряды, они нам этого никогда не простят. Не понимаю, почему им нужно два месяца, чтобы одеться.

— М-м-м... На твоем месте я бы предоставил ей свободу действий. Она может вынудить партию консервативных старых форов есть у нее из рук так, что они даже не поймут, что происходит. И это решение половины твоих проблем. Боюсь, что ничего не могу сказать по поводу комаррских радикалов.

— Элис считает, что церемонии должно быть две — одна здесь, вторая на Комарре, — сообщил Грегор. — Двойные расходы. — Он скосил взгляд и сжал руку Лаисы. — Но оно того стоит.

Представив себе все социальные проблемы, которые усложняются прямо на глазах, оба выглядели так, будто подумывают о бегстве.

— Вы с этим справитесь, — сердечно поддержал их Майлз. — А мы поможем, правда, Айвен?

— Мать меня уже выдвинула в добровольцы, — мрачно сообщил Айвен.

— А ты сказал Иллиану? — спросил Майлз.

— Я послал леди Элис сообщить ему первому, — ответил Грегор. — Он связался со мной и заверил в полной личной и профессиональной поддержке — кажется. Эта фразочка насчет поддержки начинает надоедать. Разве похоже на то, что я вот-вот упаду? Не могу сказать, обрадовался он или пришел в ужас, но ты же знаешь, что Иллиана зачастую трудно понять.

— Не так уж и трудно. Думаю, как человек он рад, но как профессионал — в ужасе.

— Он предложил, чтобы я сделал все возможное, чтобы обеспечить приезд на Барраяр твоей матери до помолвки, чтобы, как он выразился, добавить ее сдержанности леди Элис. И я подумал, не присоединишься ли ты к нашей просьбе, Майлз. Ты же знаешь, как трудно оторвать ее от твоего отца.

— Ладно. Хотя в данной ситуации подозреваю, что лишь блокада п-в-туннеля помешает ей приехать.

Грегор ухмыльнулся:

— И тебя тоже поздравляю, Майлз. Твоему отцу в свое время понадобилась целая армия, а ты изменил историю Барраяра всего лишь одним приглашением на ужин.

Майлз беспомощно пожал плечами.

«Господи, неужели теперь все будут винить в этом меня? И во всем, что за этим последует?»

— Давай-ка попробуем не делать из этого историю, а? По-моему, следует больше ориентироваться на повседневную домашнюю скуку.

— Полностью согласен! — кивнул Грегор и, бодро отсалютовав, отключил комм.

Майлз уронил голову на руки и простонал:

— Это не моя вина!

— Нет, твоя! — отрезал Айвен. — Это целиком и полностью твоя затея. Я сам присутствовал при ее рождении.

— Нет, не моя. Твоя. Это ты выкрутил мне руки и заставил пойти на этот чертов прием.

— Я пригласил только тебя. А ты пригласил Галени. И вообще это моя мать выкрутила мне руки.

— О! Так, значит, это она виновата. Отлично. Это я вполне могу пережить.

Айвен согласно повел плечами.

— Ну, не выпить ли нам за счастливую чету? В твоем подвале есть такие бутылки, на которых больше пыли, чем на любом старом форе.

— Ага. Пошли глянем, — согласился Майлз.

По пути в подвал, резко отвергнув предложения Майлза выпить кленовой медовухи, Айвен нехотя спросил:

— Как по-твоему, Галени не попытается сделать что-нибудь, о чем потом будет сожалеть? Или мы будем сожалеть?

После довольно длительного молчания Майлз ответил:

— Нет.

ГЛАВА 13

Айвен так и не воплотил в жизнь свою угрозу проследить за тем, как Майлз выполняет свои обязательства по поводу лечения, поскольку был занят подготовкой отъезда леди Элис на Комарру. По пути она заскочила в резиденцию Форкосиганов и оставила несколько килограммов исторических документов о предыдущих императорских свадьбах, приказав Майлзу их тщательно изучить. По возвращении у нее наверняка будет бесконечный список поручений для всех, начиная с Айвена. А следующим по списку после Айвена шел Майлз.

Майлз с некоторым недоумением перелистывал древние книги. Которые из этих заплесневелых церемоний им предстоит вытащить из музея? С последней императорской свадьбы, когда великолепный — или пресловутый — принц Зерг женился на несчастной принцессе Карин, минуло сорок лет. Весьма впечатляющий цирк, а ведь Зерг тогда был лишь кронпринцем, а не императором. Впрочем, Майлз полагал, что возобновление подобных форских церемоний могло бы укрепить их позиции как класса. Может быть, хорошо продуманная и проведенная церемония сработает как своего рода подавитель иммунитета, дабы форское общество не отторгло комаррские ткани. Элис, похоже, думает так же, а она-то уж точно знает. Форпатрилы — сами из древних форов.

Он мрачно размышлял о своих обязанностях. То, что он будет шафером императора, имеет и социальное и политическое значение, учитывая специфику Форбарр-Султана, но все равно он почему-то чувствовал себя столь же полезным, как пластмассовая статуэтка со свечкой. Что же... ему приходилось выполнять и более странные задания. Или он предпочел бы чистить канализационные трубы в лагере «Вечная мерзлота»? Или бегать по Архипелагу Джексона, лишь на шаг опережая головорезов какого-нибудь из местных чокнутых баронов?

«Не отвечай, мой мальчик».

Леди Элис нашла себе временную замену возле Грегора в лице Дру Куделки, жены коммодора и матери Делии. Майлз обнаружил это, когда мадам Куделка связалась с ним, чтобы передать очередное приглашение — приказ послужить форским украшением очередному затеянному Грегором для Лаисы пикнику. Прибыв чуть раньше времени, Майлз напоролся на толпу в официальных красно-синих мундирах, покидавшую какую-то сверхофициальную утреннюю церемонию. Он отошел в сторону, чтобы дать дорогу офицерам, пытаясь скрыть обуявшую его жгучую зависть.

Один из офицеров спускался по лестнице медленно и аккуратно, держась за перила. Майлз мгновенно узнал его и с трудом удержался, чтобы не нырнуть за ближайший куст. Лейтенант Форберг! Форберг никогда не видел адмирала Ней-

смита, лишь фигуру в боевых доспехах. Судя по украшавшей грудь Форберга новенькой медали, той самой, что дают за ранение на службе императору, сегодня день, когда Грегор вручает имперские награды. У Майлза ими забит целый графин, засунутый куда-то в шкаф. В какой-то момент Иллиан перестал представлять к ним Майлза. Возможно, испугавшись, что, если он в один прекрасный день все их наденет, это будет не слишком лестно СБ. Но для Форберга это явно первая серьезная почесть — лицо лейтенанта было изумленно-самодовольным.

Майлз не смог отказать себе в удовольствии.

— А, Форберг, не так ли? — бросил он проходящему мимо лейтенанту.

Форберг неуверенно моргнул, затем лицо его просветлело.

— Форкосиган, да? Кажется, я как-то видел вас в штаб-квартире Управления по делам галактики на Комарре. — Он дружелюбно кивнул, как один имперский курьер и фор другому.

— Как это вам удалось получить такое подтверждение невезучести? — поинтересовался Майлз, кивком указав на грудь лейтенанта. — Или мне не стоило задавать этот вопрос?

— Да нет, это не секрет. Я выполнял обычное задание — чистая рутина — возле Сумерек Зоава. И чертовы пираты захватили корабль, на котором я летел.

— Наш курьерский корабль? Не может быть! Я бы наверняка об этом услышал. Шум бы стоял на всю вселенную.

— Дорого бы я дал, чтобы это был курьерский корабль. Тогда СБ отправили бы мне на помощь наших. Нет, я летел обычным коммерческим рейсом на корабле, приписанном к Зоаву. Так что Имперская безопасность, по великой мудрости своей и наверняка по совету тех же помешанных на экономии счетоводов, что отправили меня этим рейсом, наняла каких-то вшивых наемных головорезов. Это был полный провал. — Он доверительно понизил голос. — Если вам доведется побывать в подобной переделке, постарайтесь избежать встречи с этими клоунами, именующими себя Свободным Флотом Дендарийских Наемников. Они опасны.

— Для кого?

— Для вас, если они на вашей стороне.

— О! — Должно быть, кто-то сказал Форбергу, что он попал под дружеский огонь. Врач скорее всего. Она безнадежно правдива. — Но я слышал о дендарийцах. То есть в их рядах есть выходцы с Барраяра, иначе они не назвали бы себя в честь самой главной географической достопримечательности моего округа. Разве что среди них имеется какой-то помешанный на военной истории олух, на которого произвела неизгладимое впечатление партизанская война моего деда.

— Да, их старший офицер барраярец, точно. Я с ним встречался. А их командующий вроде бы бетанец. Похоже, он сбежал, чтобы не подвергнуться бетанской терапии.

— А я думал, что дендарийцы хороши.

— Не сказал бы.

— Но вы ведь здесь, верно? — раздраженно заметил Майлз, но тут же взял себя в руки. — Так... Теперь вы вернетесь к исполнению служебных обязанностей?

— Мне придется пару недель посидеть за столом в штаб-квартире после всего этого. — Форберг мотнул головой, имея в виду только что завершившуюся церемонию. — Бумажная работа. Не понимаю, почему мои ноги нельзя долечить во время полета, но медики явно считают, что в случае необходимости я должен быть способен бежать во все лопатки.

— И это правильно, — заметил Майлз. — Если бы я сам тогда двигался чуть быстрее... — Он замолчал на полуслове.

Только теперь Форберг заметил, что Майлз в гражданской одежде.

— А вы тоже в отпуске по болезни?

— Уволен по медицинским показаниям. — Ответ прозвучал резко.

— О! — У Форберга хватило такта засмущаться. — Но... я думал, что у вас есть своего рода особое расположение... э-э... сверху. — Форберг, может, и не знал, кто такой Майлз, но уж кто такой отец Майлза, он знал совершенно точно.

— Я исчерпал его. Спасибо иглогранате.

— Ух! — воскликнул Форберг. — Это звучит еще страшнее, чем плазмотрон. Мне очень жаль. И что же вы намерены делать дальше?

— Пока не знаю.

— Вернетесь в округ?

— Нет... У меня имеются некоторые... э-э... общественные обязанности здесь, в Форбарр-Султане. — Официального сообщения о помолвке императора еще не было. Рано или поздно, конечно, информация просочится, но Майлз был твердо намерен держать ее при себе. Штаб-квартира СБ будет весьма горячим местечком, когда начнутся приготовления к свадебному торжеству. Если бы Майлз там еще числился, сейчас было бы самое подходящее время отправиться куда-нибудь подальше с долгосрочным заданием. Но он не мог предупредить Форберга о грядущих событиях. — К тому же резиденция Форкосиганов... тоже мой дом.

— Может, еще увидимся. Удачи.

— И вам того же. — Майлз небрежно отсалютовал и двинулся вверх по лестнице. Форберг, конечно, и не подумал отсалютовать гражданскому лицу, лишь соизволил ответить вежливым кивком.

Мажордом Грегора провел Майлза на очередной прием в саду, отличавшийся от предыдущего лишь отсутствием лошадей. Да и круг приглашенных был, пожалуй, несколько шире. Сегодня здесь присутствовали близкий друг императора граф

Форволк с женой и еще парочка приятелей Грегора. Похоже, на повестке дня стояло представление будущей невесты следующему кругу императорских приближенных, помимо семейного круга, в который входили Элис, Майлз и Айвен. Грегор чуть припозднился, едва успев сменить парадный мундир на более подходящую одежду.

Дру Куделка, мать Делии, восседала на месте отсутствующей леди Элис. Когда-то, когда Грегор был еще ребенком, Дру, до того как вышла замуж, была его личным телохранителем и телохранителем его матери, принцессы Карин. Майлз видел, что Грегору очень хочется, чтобы Дру с Лаисой поладили.

Ему не следовало беспокоиться. Мадам Куделка, обладавшая колоссальным опытом жизни в Форбарр-Султане, ладила со всеми. Живя в обществе форов не будучи фор-леди, она могла давать Лаисе бесценные советы. Похоже, именно на это Грегор и рассчитывал.

Лаиса, как всегда, была великолепна. Она обладала прекрасной интуицией и не менее прекрасной наблюдательностью и никогда не повторяла своих ошибок. Конечно, было бы слишком оптимистично надеяться на то, что Лаиса могла бы выжить в одиночку в барраярской глубинке или трущобах столицы, но ее способности справиться со своими обязанностями на галактическом уровне ни у кого сомнений не вызывали.

Несмотря на строгость этикета, Грегор исхитрился остаться ненадолго со своей нареченной наедине, когда по его приглашению гости разбрелись гулять по саду. Майлз сбежал вместе с Делией Куделкой, и они сели на лавочку, откуда наблюдали за менуэтом, который выплясывали гости, стараясь не сталкиваться с Грегором и Лаисой на дорожках сада.

— Как поживает твой па? — спросил Майлз. — Думаю, мне следует его навестить.

— Да, он, по-моему, удивлялся, почему это ты стараешься его избегать. А потом мы узнали о твоем увольнении по медицинским показаниям. Он просил меня передать, что ему ужасно жаль. Ты уже знал об этом, когда мы были тогда на приеме? По тебе этого не было видно. Но ведь наверняка это не было для тебя сюрпризом.

— Тогда я еще надеялся, что как-нибудь выкручусь. — Не совсем правда. Он тогда вообще об этом не думал. Грубейшая ошибка, теперь это очевидно.

— А как поживает твой капитан Галени?

— Хоть все и уверены в обратном, Дув Галени не моя собственность.

Она нетерпеливо закусила губу.

— Ты меня прекрасно понял. Как он воспринял обручение Лаисы с Грегором? В тот вечер мне показалось, что он от нее без ума.

— Не очень здорово, — вынужден был признаться Майлз. — Но он переживет. Думаю, он слишком затянул период ухаживания. Наверное, Лаиса подумала, что не так уж ему и нужна.

— Приятное исключение среди всех этих олухов, пытающихся немедленно на тебя залезть, — вздохнула Делия.

Майлз представил себя с крючьями и кучей канатов, взбирающимся на гору Делия. Весьма опасное мероприятие.

— А как у тебя дела с Айвеном? А то я не знаю, надо ли мне извиниться за то, что оторвал тебя от него в тот вечер.

— А, Айвен!

Майлз чуть улыбнулся:

— Ты ждешь императорской свадьбы?

— Ну, мама вся взбудоражена, радуется за Грегора. Она уже планирует, во что мы все оденемся, и размышляет, приедет ли на свадьбу с Колонии Бета моя сестра Карин. А меня интересует, не считает ли она, что свадьба — вещь заразная. Мы по-прежнему регулярно слышим намеки, что ма с па вовсе не возражают иметь дом только в своем распоряжении. Или хотя бы ванные комнаты.

— И?..

— Ну, там же будут танцы. — Делия расцвела. — И, возможно, интересные мужчины.

— А Айвен — неинтересный?

— Я сказала мужчины, а не мальчики.

— Ему почти тридцать. А тебе сколько, двадцать четыре?

— Дело не в годах, а в поведении. Мальчики хотят лишь переспать. А мужчины хотят жениться и жить дальше.

— Я более чем уверен, что мужчины тоже не возражают переспать, — чуть ли не извиняющимся тоном заметил Майлз.

— Да, конечно, но это не всепоглощающее желание. У них остается еще несколько извилин, нацеленных на другое.

— Только не говори мне, что женщины не отвечают им взаимностью.

— Может быть, мы более избирательны.

— Твой аргумент не подтверждается статистикой. Почти все выходят замуж. Так что не очень-то вы и избирательны.

Делия задумалась: похоже, для нее это было новостью.

— Только в нашей культуре. Карин говорит, что на Колонии Бета все совсем по-другому.

— На Колонии Бета вообще все другое.

— Так, может, это просто заразное поветрие.

«Тогда почему у меня что-то вроде иммунитета?»

— Удивляюсь, почему никого из вас, девочки, еще никто не умыкнул.

— Думаю, потому что нас четверо, — сообщила Делия. — Охотники приближаются к гнезду, а потом теряются и не могут понять, кто же является их целью.

— Понятно, — протянул Майлз. Все вместе, блондиночки Куделки выглядели весьма впечатляюще. — Только и ждешь, чтобы отделаться от сестер. Верно?

— Ага, — вздохнула Делия.

К ним подошли Форволки и остановились поболтать. В конце концов Майлз с Делией вернулись вместе с ними к мадам Куделке, и вечер завершился. Майлз вернулся в особняк Форкосиганов, готовый заняться чем угодно — только бы не делать домашнего задания, которое дала ему перед отъездом леди Элис.

Сидя в Желтой гостиной, Майлз просматривал после ужина ежемесячный финансовый отчет Циписа и делал пометки, тщательно игнорируя сваленную в углу кипу пыльных томов в кожаных переплетах, когда вошел Мартин.

— Там кто-то пришел, — с удивлением сообщил он.

Как начинающий дворецкий — эта обязанность как-то сама собой свалилась на него помимо вождения и мытья посуды — Мартин получил инструкции, как впускать посетителей и вести их по лабиринтам особняка в жилые помещения. Похоже, пришла пора проверить урок.

Майлз выключил аппарат для чтения.

— Так... Ты впустил его, ее внутрь? Насколько я понимаю, это не коммивояжер, поскольку их обычно выпроваживают охранники у ворот...

Из-за спины Мартина выступил Дув Галени. Майлз проглотил конец фразы. Галени был в форме. В повседневном зеленом мундире. Оружия при нем вроде бы не было. Вообще-то он выглядел лишь очень усталым. И несколько обеспокоенным, но без внутренней напряженности, которую Майлз умел распознавать в мгновение ока.

— О, — выдавил Майлз, — проходи, садись.

Галени жестом поблагодарил за приглашение, хоть уже и так прошел в комнату. Он сел на стул.

— Не хочешь ли выпить?

— Нет, спасибо.

— А, тогда ты свободен, Мартин. Спасибо.

После небольшой паузы Мартин понял намек и исчез.

Майлз понятия не имел, что последует дальше, поэтому выжидательно поднял бровь. Галени неуверенно кашлянул.

— Думаю, что должен извиниться перед тобой. Я был немного не в себе.

Майлз расслабился. Может, все еще обойдется.

— Да и да. Но тебя можно понять. И довольно об этом. — Галени коротко кивнул, в своей обычной сдержанной манере. — Хм-м... Надеюсь, в ту ночь я был твоим единственным доверенным лицом.

— Да. Но это лишь вступление к тому, что я, собственно, пришел тебе сказать. Случилось нечто более серьезное.

«Что там еще? Только, пожалуйста, не надо больше мне сложных любовных историй...»

— Да? И что же?

— Это профессиональная дилемма, а не личная на этот раз.

«Я больше не служу в СБ». Но Майлз не стал напоминать об этом. Он ждал, исполненный любопытства.

Галени нахмурился.

— Скажи... тебе когда-нибудь удавалось поймать Саймона Иллиана на ошибке?

— Ну, он выгнал меня, — сухо обронил Майлз.

Галени отмахнулся, игнорируя шутку.

— Нет, я имею в виду именно ошибку.

Майлз задумался.

— Он не супермен. Я видел, как он делал не то, что надо, следуя не совсем верным доводам, хоть и не часто. Обычно он постоянно сверяет свои теории с новыми данными.

— Не сложные ошибки. Простые.

— Нет. — Майлз помолчал. — А тебе?

— Никогда до недавнего времени. Понимаешь, я ведь никогда не работал в непосредственном контакте с ним. Только еженедельные брифинги со всем моим департаментом и изредка отдельные запросы. Но за последние три дня произошло четыре... странных инцидента.

— Инцидента, говоришь? Какого плана?

— Первый... Он спросил меня об обзоре, который я готовил. Я закончил обзор и отправил ему, но два часа спустя он позвонил и затребовал его снова. Возникло замешательство, затем его секретарь подтвердил, что я передал диск, и сообщил, что отдал его Иллиану. Иллиан обнаружил диск у себя на столе и извинился. И я забыл об этом.

— Возможно... он потерял терпение, — предположил Майлз.

Галени пожал плечами.

— Второй эпизод совсем мелкий, лишь записка от него с неверной датой. Я связался с его секретарем, и дату исправили. Нет проблем.

— М-м-м...

Галени набрал побольше воздуха.

— А третий — записка с неверной датой, адресованная моему предшественнику, который не работает вот уже более пяти месяцев, с запросом последних сведений о каком-то барраяро-комаррском торговом флоте, ушедшем к Тау Кита. Когда я связался с ним, чтобы выяснить, какого рода сведения он, собственно, хочет получить, он сказал, что вообще не делал подобного запроса. Тогда я отослал записку ему обратно, он тут же замолчал и отключил связь. Это произошло сегодня утром.

— Это три.

— А потом днем был еженедельный брифинг в нашем департаменте, где присутствовали мы — пятеро аналитиков по делам Комарры и генерал Аллегре. Ты знаешь, как обычно излагает Иллиан. Длинные паузы, но когда говорит, то очень веско и медленно. А сегодня было... много пауз. А то, что он говорил в промежутке, как бы вылетало у него изо рта, иногда даже будто непроизвольно. Он нас быстро распустил, мы не сделали и половины запланированного.

— Хм-м... И что было сегодня на повестке?

Галени словно воды в рот набрал.

— Да, я понимаю, ты не имеешь права мне рассказывать, но если речь шла о женитьбе Грегора — тогда, возможно, он ради тебя смягчал детали, перестраивал речь на ходу или что-то в этом роде.

— Если он мне не доверяет, то ему вообще не следовало меня допускать, — рявкнул Галени. И нехотя добавил: — Это неплохая мысль, но не совсем соответствует... Жаль, что тебя там не было.

Майлз немедленно ухватился за предоставленную возможность.

— А что ты думаешь?

— Не знаю. СБ потратила кучу денег и времени, делая из меня аналитика. Я ищу изменения в сведениях. Вот одно из них. Но я недавно в городе, и ко всему прочему я комаррец. Ты же знаешь Иллиана всю свою жизнь. Тебе доводилось такое видеть?

— Нет, — признал Майлз. — Но все это смахивает на обычные, свойственные человеку ошибки.

— Если бы они не шли друг за другом, вряд ли бы я вообще их заметил. Мне не нужны — да я и не хочу — подробности, но нет ли у Иллиана каких-то личных проблем, о которых мы, его сотрудники, не знаем?

«Проблем наподобие твоих, Дув?»

— Не уверен, что у Иллиана вообще есть личная жизнь. Не женат и не был... Жил на протяжении пятнадцати лет в маленькой квартирке в шести кварталах от работы, пока здание не снесли. Тогда он два года назад временно переехал в одну из квартир для свидетелей на нижнем этаже штаб-квартиры СБ и до сих пор не потрудился оттуда куда-нибудь перебраться. Не знаю о его молодых годах, но на моей памяти женщин в его жизни не было. И мужчин тоже. И овец. Хотя, допускаю, что овца вполне могла бы быть. Они не говорят даже под воздействием суперпентотала. Шучу, — добавил он, поскольку Галени даже не улыбнулся. — Жизнь Иллиана — размеренная, как часы. Он любит музыку... никогда не танцует... не реагирует на духи, цветы, на запахи вообще. Это то, что не проходит через его чип. Вообще через чип проходит только то, что он видит и слышит.

— Да, я как раз размышлял о чипе. Тебе известно что-нибудь о психозе, вызываемом таким чипом?

— Вряд ли здесь что-то с чипом. Я не слишком много знаю о его технических характеристиках, но все те ребят-

ки посходили с ума через год или два после установки чипа. Если б Иллиан мог от этого свихнуться, то это случилось бы много лет назад. — Поколебавшись, Майлз спросил: — А как насчет стресса? Или микроинсульта? Ему ведь шестьдесят с чем-то... дьявольщина, да, может, он просто устал. Он на этой чертовой работе вот уже тридцать лет. Я знаю, что он собирался уйти в отставку через пять лет.

Майлз решил не объяснять, откуда ему это известно.

— Не могу себе представить Службу безопасности без Иллиана. Это синонимы.

— А я вот как раз не уверен, что ему нравится эта работа. Просто он хорошо с ней справляется. У него такой колоссальный опыт, что его практически невозможно застать врасплох. Или напугать.

— У него весьма своеобразный способ управления конторой, — заметил Галени. — На самом деле очень форский. Большинство небарраярских организаций такого толка стараются так определить задачи, чтобы люди, выполняющие их, были бы взаимозаменяемыми. Такой подход обеспечивает организационную непрерывность.

— И исключает вдохновение. Руководство Иллиана, может, и не очень яркое, признаю, но он гибок и невероятно надежен.

— Надежен? — выгнул бровь Галени.

— Как правило, надежен, — быстро поправился Майлз. И впервые за все время подумал, а не является ли Иллиан от природы серостью. Он-то привык думать, что это результат абсолютно засекреченной работы Иллиана — жизнь, в которой врагам не за что зацепиться. Но, возможно, за его поведением стоял чип памяти, который подавлял все эмоции?

Галени оперся руками в колени.

— Я рассказал тебе о том, что видел. У тебя есть какие-нибудь предложения?

Майлз вздохнул:

— Наблюдай. Жди. То, что ты мне рассказал, — даже не теория, а так, сплошная вода.

— Моя теория в том, что что-то очень скверное скрывается под этой сплошной водой.

— Только интуитивная догадка. И это вовсе не оскорбление, между прочим. Я с огромным уважением отношусь к интуиции. Но не следует путать интуицию с доказательствами. Не знаю, что еще сказать. Если у Иллиана какие-то внутренние проблемы, то главы департаментов должны... — Что? Взбунтоваться? Идти через голову Иллиана? Выше Иллиана на планете только два человека — премьер-министр Ракоши и император Грегор. — Если с ним что-то не в порядке, другие тоже это неизбежно заметят рано или поздно. И будет лучше, если на это укажет кто-то другой, а не ты. Только не я, разумеется. Это будет еще хуже.

— А если все думают так же, как ты?

— Я... — Майлз потер лоб. — Я рад, что ты рассказал обо всем мне.

— Только потому, что ты — единственный мой знакомый, кто знает Иллиана на протяжении многих лет. Иначе... Я не уверен, что вообще стал бы об этом говорить. Во всяком случае, за стенами Службы безопасности.

— И в ее стенах тоже. Однако есть еще Гарош. Он работает непосредственно с Иллианом почти так же долго, как я.

— Ну, может, мне трудно с ним общаться.

— Что ж... Приходи еще, ладно? Если что-то еще начнет тебя беспокоить.

— Может, все это ерунда, — без особой убежденности сказал Галени.

— Ага. Слушай... Может, ты передумал насчет выпивки?

— Давай, — вздохнул Галени.

Через два дня после разговора с Галени, когда Майлз утром разбирал свой шкаф, проводя инвентаризацию небогатого гражданского гардероба, составляя список необходимого и размышляя, не проще было бы завести слугу, которому можно приказать «займитесь этим», раздался вызов комма. Майлз сначала оставил его без внимания, затем встал, потянулся через наваленную на полу кучу вещей и нажал на кнопку.

На экране возникла мрачная физиономия Иллиана. Майлз автоматически вытянулся по стойке «смирно».

— Да, сэр?

— Где тебя носит? — рявкнул Иллиан.

Майлз изумленно уставился на него:

— Я в особняке Форкосиганов, сэр. Вы сюда и звоните.

— Знаю! — раздраженно ответил Иллиан. — Я спрашиваю, почему ты не прибыл ко мне в 9.00, как приказано?

— Простите, кем приказано?

— Мной! Явись в 9.00 ровно с блокнотом. Тебе понравится. Нечто сногсшибательное». Я думал, ты примчишься на всех парах.

Майлз мгновенно узнал телеграфный стиль приказов Иллиана. И в голове у него зазвонил колокольчик. Тревожный колокольчик.

— И в чем дело?

— Нечто, что состряпали мои аналитики по Цетаганде и целую неделю мне вкручивали. Это может оказаться высокоэффективным тактическим дзюдо при низких затратах. Существует некий джентльмен, которого зовут полковник Тремон. Аналитики полагают, что это лучшая кандидатура на пост руководителя мэрилакского сопротивления. Только есть маленькая загвоздка. В настоящий момент он гостит в цетагандийском лагере для военнопленных на Дагуле IV. И их гостеприимство должно сильно подстегнуть полковника, если его освободить.

Анонимно, конечно. Я собираюсь предоставить тебе довольно большую свободу действия, но хочу получить вполне определенные результаты, как то: новый лидер Мэрилака, никоим образом не связанный с Барраяром и с барраярским вмешательством.

Майлз не просто мгновенно узнал задание. Он готов был поклясться, что именно такими же словами Иллиан впервые описал его. На закрытом утреннем совещании в штаб-квартире СБ много лет назад...

— Саймон... задание на Дагуле выполнено пять лет назад. А в прошлом году мэрилакцы выкинули со своей планеты последних цетагандийцев. Месяц назад ты меня уволил. Я больше у тебя не работаю.

— Ты спятил? — спросил Иллиан и резко замолчал. Они молча уставились друг на друга. Затем лицо Иллиана резко изменилось. Застыло. — Извини, — пробормотал он и отключился.

Майлз сидел, глядя на опустевший экран. Никогда еще у него так не билось сердце, как сейчас, в этой пустой комнате. Сообщение Галени вызвало у него беспокойство.

Теперь же он пришел в ужас.

ГЛАВА 14

Майлз сидел неподвижно минут десять. Галени прав. Черт побери, да Галени и половины не знает. Иллиан не просто забывает то, что есть. Он помнит то, чего нет. Ретроспекция?

«Эй, если старик не помнит, какой нынче год, то я знаю способ, как ты сможешь получить обратно свою работу...»

Не смешно.

Что же делать? Он, наверное, единственный человек на всем Барраяре, кто не осмелится сказать ни слова против Иллиана. Это немедленно сочтут нытьем уволенного, или еще хуже — попыткой отомстить.

Но и оставлять все это без внимания тоже нельзя, зная то, что он теперь узнал наверняка. Из кабинета Иллиана непрерывно идут приказы, и люди этим приказам повинуются. Безоговорочно. Тридцать лет безусловного доверия — это банк, который не может рухнуть в одночасье. И сколько вреда может нанести Иллиан за это время? Например, сейчас? Предположим, он вернется к самым кровавым моментам восстания на Комарре?

И сколько это уже продолжалось, пока Галени не заметил странные проявления? Похоже, все произошло внезапно, но, возможно, лишь внезапно проявилось. Сколько недель, а может, месяцев, он в таком состоянии отдает приказы? Кому-то придется тщательно просеивать все исходившие от Иллиана приказы за последние... что? «Кому-то. Но не мне».

Что-то произошло с чипом эйдетической памяти или с нейронами Иллиана? Или это какое-то внезапное синергическое нарушение? Проблема медицинского и биоинженерного характера, и решать ее техническим экспертам. «И опять не мне».

В конце концов Майлз пришел к тому же решению, если это можно назвать решением, что и Галени. «Передай сведения Другому в надежде, что он что-нибудь предпримет». И сколько же времени комитет наблюдателей за Иллианом будет футболить мяч туда-сюда, прежде чем предпринять какие-то решительные шаги? «Это не мне решать. Очень жаль, но это так».

Он нехотя набрал номер на комме.

— Это лорд Форкосиган. Соедините меня с Департаментом внутренних дел, пожалуйста, — попросил он ответившего на вызов капрала.

Генерала Гароша на месте не оказалось.

— Попросите его связаться со мной, как только он появится, — сказал Майлз. — Это срочно.

В ожидании вызова он продолжил перебирать вещи, едва соображая, какие выкинуть, а какие оставить. Гарош не отзывался. Майлз еще дважды связывался с его приемной, прежде чем ему удалось застать генерала на месте.

— Да? — нетерпеливо нахмурился Гарош. — В чем дело, лорд Форкосиган?

Майлз набрал побольше воздуха.

— Некоторое время назад со мной связался Саймон Иллиан. Думаю, вам стоит просмотреть запись вызова.

— Прошу прощения?

— Пойдите в приемную Иллиана и заставьте его секретаря показать вам запись. На самом деле вам обоим стоит ее просмотреть. Я знаю, что разговор записан, это стандартная процедура.

— Зачем?

Вот именно. С какой стати Гарош послушает парию Службы безопасности, которого, как он видел своими глазами, его глубокоуважаемый начальник Иллиан не только выгнал, но лично сопроводил на выход?

— Генерал, это действительно очень важно и очень срочно, и я действительно предпочел бы, чтобы выводы вы сделали сами.

— Вы театрально загадочны, лорд Форкосиган, — неодобрительно нахмурился Гарош.

— Мне очень жаль. — Майлз старался говорить ровным тоном. — Вы сами все поймете, просмотрев запись.

— Вот как? — поднял бровь Гарош. — Что ж, может, и просмотрю.

— Благодарю вас.

Майлз отключил комм. Просить Гароша связаться с ним после просмотра бесполезно. Теперь его и близко не подпустят.

Вот и все. Дело сделано. Он поступил правильно, насколько это возможно в данной ситуации.

Чувствовал он себя скверно.

Так, теперь: стоит ли сообщить Грегору? Нечестно держать императора в неведении по столь серьезному вопросу, но, Боже мой...

Впрочем, Гарош сам вскоре поставит своего сюзерена в известность. Как только он сообразит, в чем дело, и обеспечит Иллиану соответствующий медицинский уход, Гарош, согласно существующему положению, автоматически станет шефом Службы безопасности, и его первейшей обязанностью будет сообщить Грегору о столь неприятном повороте событий и выяснить мнение императора по этому поводу. Так что вопрос разрешится еще до вечера.

Возможно, причиной поведения Иллиана является что-нибудь простое, что легко исправить. Может, он вернется к исполнению своих обязанностей буквально через несколько дней. К примеру, что-то замкнулось в чипе. «С этим чипом ничего простого быть не может». Но СБ позаботится о своем сотруднике.

Вздохнув, Майлз вернулся к своему списку, но никак не мог сосредоточиться. А не мог ли Иллиан сокрыть следы происшедшего? Предположим, Гарош пошел просмотреть запись, а ее уже нет? Но если Иллиан отдает себе отчет в происходящем, то он должен сам обратиться к медикам.

День тянулся бесконечно. Вечером Майлз, сломавшись, попробовал связаться с Гарошем и Грегором, но не нашел ни того, ни другого. Возможно, оба были заняты разрешением возникшего кризиса. Он все же оставил просьбу, чтобы с ним связались, но ответа так и не дождался. Спал он этой ночью плохо.

Как же он ненавидел отсутствие информации! К вечеру следующего дня Майлз уже вполне созрел, чтобы лично отправиться в штаб-квартиру СБ и потребовать сведения, к которым теперь не имел доступа, но тут в особняк Форкосиганов пожаловал Галени. Капитан явно приехал прямо с работы, в мундире, и выглядел мрачным даже по сравнению со своим обычным суровым видом.

— Выпьешь? — спросил Майлз, глянув на физиономию приятеля, которого Мартин, на этот раз по всем правилам представив, привел в Желтую гостиную. — Или поужинаешь?

— Выпью. — Галени плюхнулся в ближайшее кресло и откинул назад голову так, что хрустнули позвонки. — А насчет ужина подумаю. Пока я не голоден. — Дождавшись ухода Мартина, он произнес: — Все кончено.

— Рассказывай. Что произошло?

— Сегодня днем в разгар совещания Иллиан сломался окончательно.

— Днем? Ты хочешь сказать, что генерал Гарош не отправил его на медицинское обследование вчера вечером?

— Что?

Майлз рассказал о своем разговоре с Иллианом.

— Я немедленно поставил в известность Гароша. Только не говори мне, что этот человек не сделал того, что я ему сказал.

— Не знаю, — протянул Галени. — Могу рассказать лишь о том, что сам видел.

Как опытный аналитик — и уж тем более как историк — Галени прекрасно видел разницу между свидетельством очевидца, слухами и досужими домыслами. Всегда можно было понять, к какой категории относится то, что он рассказывает.

— Но теперь-то Иллиан под медицинским наблюдением, не так ли? — озабоченно спросил Майлз.

— О да! — вздохнул Галени. — Совещание началось почти как всегда. Главы департаментов представили еженедельные доклады и перечислили все задачи, которые хотели бы поставить перед другими отделами. Иллиан казался несколько нервным, более беспокойным, чем обычно, вертел в руках лежащие перед ним на столе предметы... порвал справку, пробормотал извинения. Встал, чтобы, как всегда, раздать всем поручения, и тут началось... Фразы не вязались одна с другой. Он совершенно съехал с катушек. Похоже, он не просто перепутал день, а ошибся дней на двадцать. Каждое предложение — абсолютно грамматически правильное и совершенно бессмысленное. И он не отдавал себе в этом отчета, пока не заметил, что у всех присутствующих отвисла челюсть. Тут он остановился.

Тогда Гарош встал — клянусь, это самый смелый поступок, какой я видел в жизни, — встал и заявил: «Сэр, мне кажется, вам следует немедленно обратиться к врачу». Иллиан рявкнул, что вовсе не болен, приказал Гарошу сесть, к чертовой матери, на место... Только в глазах его ярость сменялась недоумением. Его трясло. Где, черт побери, твой подросток-переросток с выпивкой?

— Опять, наверное, перепутал поворот и заблудился в другом крыле. Ничего, скоро выпутается. Продолжай пока.

— А! — Галени потер шею. — Иллиан не хотел никуда идти. Гарош вызвал медика. Иллиан отменил приказ, заявил, что не может все бросить в разгар кризиса, только вот кризис, который он имел в виду — это нападение цетагандийцев на Верван десятилетней давности. Гарош, ставший к этому моменту пепельно-серым, взял его под руку и попытался увести, и это было ошибкой, потому что Иллиан начал сопротивляться. Тогда Гарош заорал: «А, черт, быстро приведите врача!» Очень мудро с его стороны. Потому что Иллиан, как выяснилось, дерется без правил. Никогда такого не видел.

— Я тоже, — кисло ответил Майлз.

— Когда прибежал врач, еще двое нуждались в медицинской помощи. Иллиана накачали успокоительным и привязали к койке в клинике СБ. Так закончилось сегодняшнее совещание. Подумать только, а я-то жаловался, что на них с тоски можно сдохнуть.

— Бог ты мой. — Майлз потер лицо. — Захочешь — не придумаешь более унизительный сценарий с максимумом неразберихи. Не говоря уже о количестве свидетелей.

— Не стоит упоминать, что Гарош до сих пор на службе, — продолжил Галени. — Вообще все заведение вверх дном. И конечно, Гарош всем приказал не говорить никому ни слова.

— Кроме меня?

— Тебя по какой-то причине в списке посвященных не значится, — сухо сообщил Галени. — Так что ты от меня ничего не слышал. Ты вообще ничего не слышал. Точка.

— Отлично. Понимаю. Полагаю, он уже сообщил о происшедшем Грегору.

— Блажен, кто верует.

— Дьявольщина, Гарошу следовало обеспечить Иллиану медицинскую помощь еще вчера, до ухода с работы!

— Он выглядел очень испуганным. Все мы перепугались. Арест главы Имперской службы безопасности в штаб-квартире СБ — не простая задача.

— Да. Да... Наверное, мне не следует критиковать человека, оказавшегося на линии огня. Должно быть, ему требовалось время, чтобы окончательно убедиться. Это такая штука, где никак нельзя ошибиться, если не хочешь рисковать карьерой. А Гарош не из таких.

Проделывать подобное с Иллианом на публике казалось излишней жестокостью. «Иллиан по крайней мере прогнал меня без свидетелей». Но, с другой стороны, так дело было совершенно ясным, исключались слухи и домыслы. И споры.

— Неподходящее сейчас время для такой штуки, — продолжил Майлз. — Хотя я сомневаюсь, что для подобного рода происшествий вообще существует подходящее время. Интересно, не послужила ли поводом для этого сбоя императорская помолвка? Нет, вряд ли. Иллиан выдерживал кризисы и похуже.

— Да, это не самый сложный кризис, хоть и последний, — согласился Галени. — Эта штука вообще могла висеть на волоске Бог знает сколько времени. — Поколебавшись, капитан добавил: — Не думаю, что у него начались нелады уже тогда, когда он тебя выгнал. То есть... ты можешь утверждать, что его поведение уже было неадекватным?

Майлз сглотнул, не будучи уверенным, что благодарен Галени за то, что он произнес вслух то, о чем он сам едва осмеливался думать.

— Хотелось бы мне, чтобы было так. Но нет. Тогда с ним все было в порядке. Мое увольнение вполне логично вытекало из его принципов.

— Так когда же все это началось? Вот основной вопрос.

— Да уж. Я сам себе его задавал. И у остальных он тоже возникнет. Я более чем уверен. Однако, думаю, нам всем

придется подождать, что скажут врачи СБ. И кстати, никто не выдвигал предположений, отчего это могло произойти?

— До меня ничего не дошло. Но они, наверное, еще только приступили к изучению проблемы. Думаю, им придется привлечь множество экспертов.

Наконец появился Мартин с выпивкой. Галени в итоге решил-таки остаться на ужин, отчего Мартин несколько спал с лица. Поскольку матушка Кости мгновенно и по всем правилам подала ужин для обоих мужчин, Майлз пришел к выводу, что Мартину пришлось пожертвовать своей порцией, а самому довольствоваться бутербродами. Зная, что такое бутерброды матушки Кости, Майлз чувствовал себя не слишком виноватым, хотя, возможно, сегодня внимание матушки Кости больше принадлежало им с Галени.

И все же... самое худшее, касающееся Иллиана, позади. Предотвращены огромные проблемы. Все остальное — дело техники.

«Горгульи над боковой дверью штаб-квартиры СБ нынче выглядят особенно потрепанными, — подумал Майлз, — будто скорчились под гнетом скорби и хранимых ими мрачных тайн». И выражение лиц кое-кого из людей, мимо которых он прошел, сильно напоминало гранитных стражей. Охранник на проходной глянул на Майлза, недоуменно моргнув.

— Чем могу быть полезен, сэр?

— Я — лорд Форкосиган. Пришел на встречу с Саймоном Иллианом.

Охранник сверился со списком:

— Вас тут нет, милорд.

— Нет. Я просто проходил мимо и решил навестить его. — Охранник, как и большинство служащих СБ, как минимум, должен был знать, что Иллиана на службе нет. Хотя бы потому, что им сообщили, что теперь их начальником стал Гарош. — Дайте мне карточку гостя и пропустите, пожалуйста.

— Я не могу этого сделать, милорд.

— Можете. Это ваша работа. Кто сегодня дежурный офицер?

— Майор Жарле, милорд.

— Отлично. Он меня знает. Свяжитесь с ним, чтобы он дал разрешение.

Через несколько секунд на экране комма возникло лицо Жарле.

— Да?

Охранник изложил просьбу Майлза.

— Не думаю, что это возможно, милорд, — неуверенно сказал Жарле перегнувшемуся через плечо охранника Майлзу.

Майлз вздохнул:

— Свяжитесь тогда с шефом. Дьявольщина, нет... Чтобы пройти по всей цепочке, потребуется минут тридцать. Давайте выкинем промежуточные звенья, а? Мне очень не хочется беспокоить его сегодня утром, когда он, безусловно, ужасно занят, но все же соедините меня с генералом Гарошем.

Жарле явно тоже не жаждал беспокоить руководство, но игнорировать просьбу фор-лорда тоже не мог. Так что не прошло и десяти минут, как они связались по комму с Гарошем. Рекордный срок, учитывая нынешние обстоятельства, подумал Майлз.

— Доброе утро, генерал, — поприветствовал Майлз Гароша. — Я пришел навестить Саймона.

— Невозможно, — отрубил Гарош.

— Это невозможно, только если он мертв. — Голос Майлза зазвенел. — По-моему, вы хотите сказать, что не хотите допустить моего визита. Почему, смею спросить?

Гарош поколебался, затем приказал охраннику:

— Капрал, заглушите звук комма и уступите на секунду ваше место лорду Форкосигану.

Охранник послушно отошел в сторону, а над Майлзом и коммпультом опустился силовой звуконепроницаемый щит.

— Где вы об этом узнали? — подозрительно спросил Гарош, едва опустился щит.

Подняв бровь, Майлз немедленно включился.

— Я беспокоился. Когда вы мне так и не позвонили два дня назад и не ответили на мои вызовы, я в конце концов связался с Грегором.

— О! — Подозрительность Гароша сменилась неприкрытым раздражением.

«Чуть не промазал», — сообразил Майлз. Если Гарош до сих пор еще не сообщил Грегору, то Майлз сильно прокололся, подставив Галени. Лучше ему не уточнять, когда он предположительно разговаривал с императором, пока действительно с ним не переговорит.

— Я хочу видеть Иллиана.

— Иллиан может вас даже не узнать, — после длительной паузы сказал Гарош. — Он выбалтывает секретные сведения со скоростью метр в минуту. Мне пришлось выставить охрану, имеющую высшую категорию доступа.

— Ну и что? У меня высшая категория. — Черт, да он сам — строго засекреченный материал.

— Нет. Вас должны были лишить допуска, когда вас... уволили в отставку.

— Проверьте. — А, дьявол! Теперь у Гароша есть доступ ко всем файлам Иллиана. Он может узнать всю правду об увольнении Майлза, как только выберет время. Оставалось только надеяться, что последние дни у генерала свободных минут не так уж много.

Гарош, сощурившись, посмотрел на Майлза и набрал на комме код.

— Ваш допуск все еще действителен, — изумленно сказал он.

— Вот и славненько.

— Должно быть, Иллиан забыл об этом. Может быть, он уже тогда был не в себе? Что же... — Гарош набрал что-то на клавиатуре. — Я отменяю ваш допуск сейчас...

«Ты не можешь этого сделать!» Майлз проглотил гневное восклицание. Конечно, Гарош может. Майлз в бешенстве глянул на генерала. Что же ему теперь делать? Вылететь из штаб-квартиры с воплем «А это мы еще посмотрим! Я на тебя старшему брату пожалуюсь!» Нет. Грегор — это карта, которую он может разыграть лишь один раз и только в случае крайней необходимости. Он медленно выдохнул, стараясь совладать с гневом, и так же медленно вдохнул.

— Генерал. Осторожность — это одно, паранойя, когда человек не может отличить друга от врага, — совсем другое.

— Лорд Форкосиган. — Голос Гароша звучал так же напряженно, как у Майлза. — Мы еще не знаем, с чем столкнулись. И у меня нет времени развлекать любопытствующих, будь то друзья или недруги. Будьте любезны не отвлекать моих людей. То, что император сочтет нужным вам сообщить, это его дело. Я же обязан отчитываться только перед ним. До свидания.

Гарош резко отключил связь, звуконепроницаемый щит исчез, и Майлз снова оказался в холле. Дежурный охранник нетерпеливо смотрел на него.

«Похоже, все идет не так».

Первое, что он сделал, вернувшись в особняк Форкосиганов, — закрылся у себя в спальне и связался с Грегором. На это у него ушло сорок пять минут. Но даже если бы потребовалось сорок пять часов, он все равно добился бы своего.

— Грегор, — безо всякого вступления начал Майлз, когда император появился наконец на экране. — Что, черт побери, происходит с Иллианом?

— Откуда ты знаешь? — немедленно отреагировал Грегор, вторя Гарошу. Лицо его стало озабоченным.

Майлз вновь рассказал о звонке Иллиана, о том, что он тут же сообщил об этом Гарошу и что произошло это еще два дня назад. И опять не упомянул Галени.

— Но что случилось потом? Что-то же случилось, это совершенно очевидно.

Грегор вкратце изложил ему происшедшее на совещании, но без удручающих подробностей, рассказанных Галени.

— Гарош поместил его в клинику СБ, что, с учетом всех обстоятельств, вполне логично.

— Да, я пытался увидеться с Иллианом сегодня утром. Гарош меня не пустил.

— Они могут привлечь любых экспертов и получить все необходимое оборудование. Я лично распорядился выполнять все запросы Гароша.

— Грегор, задумайся на минуточку. Гарош не пустил меня. Повидать Иллиана.

Грегор сердито сжал кулак:

— Майлз, отстань от мужика. У него и так забот полон рот. На него как снег на голову свалились все обязанности Иллиана, ему нужно передать свой собственный департамент заместителю... Дай ты ему несколько дней и не толкай под локоть, будь любезен. Когда он чуть освоится, уверен, все встанет на места. Согласись, Саймон первым бы оценил должную осторожность в подобной ситуации.

— Верно. Саймон предпочел бы оказаться в руках людей, которых действительно заботит безопасность. Но я почему-то начинаю постепенно приходить к выводу, что предпочел бы видеть его в руках тех, кого действительно заботит Саймон Иллиан. — Он вспомнил долгий кошмар, в котором жил, когда страдал от посткриогенной амнезии. Самый жуткий период в его жизни, потеря памяти, потеря самого себя. Не переживает ли Иллиан сейчас нечто подобное? Или что-то еще более страшное? Майлз тогда страдал среди чужих. А Иллиан, кажется, страдает среди людей, которые вроде бы должны быть друзьями.

Он вздохнул:

— Ладно. Оставлю беднягу Гароша в покое. Бог знает, как я ему не завидую. Но ты будешь держать меня в курсе медицинских сводок? Все это... меня очень огорчает.

Грегор сочувственно посмотрел на него.

— Иллиан ведь был фактически твоим наставником, правда?

— Да, в свойственной ему ехидной и требовательной манере. И должен отметить задним числом, это был отличный метод. Но еще раньше... Он служил моему отцу тридцать лет, всю мою жизнь. До восемнадцати лет я звал его «дядя Саймон», пока не поступил в Академию. И только после этого стал обращаться к нему «сэр». У него тогда уже не осталось в живых никого из родственников, и его работа, а теперь я начинаю думать, и этот чертов чип у него в голове сожрали все перспективы создать свою семью.

— А я и не думал, что он для тебя что-то вроде приемного отца, Майлз.

Майлз пожал плечами:

— Скорее приемный дядя. Это... семейное дело, Грегор. А я — фор.

— Приятно слышать, что ты это признаешь, — пробормотал Грегор. — А то кое-кто иногда сомневался, сознаешь ли ты это.

Майлз вспыхнул.

— Мой долг перед Иллианом — это нечто среднее между родственным долгом и долгом перед вассалом... А я в настоящий момент — единственный Форкосиган на Барраяре. Поэтому это как... нет, это и есть моя обязанность.

— Форкосиганы всегда отличались верностью, — согласился Грегор.

— Давай согласимся на том, что это своего рода привычка.

Грегор вздохнул:

— Конечно, я буду тебя информировать.

— Каждый день? Я знаю, Гарош будет представлять тебе бюллетени ежедневно, на утреннем совещании.

— Да, Иллиан и мой утренний кофе обычно прибывали одновременно. А иногда, когда он приходил лично, то приносил мне кофе собственноручно. Мне всегда казалось, что это вежливое указание «Сядь и слушай внимательно».

— Иллиан есть Иллиан, — ухмыльнулся Майлз. — Так договорились, каждый день?

— Ой, ну хорошо. Слушай, мне нужно идти.

— Спасибо, Грегор.

Император отключился.

Майлз сел, почти довольный результатом. Нужно дать людям время, и пусть все идет своим чередом. Он вспомнил безмятежный совет, данный им Галени насчет интуиции и доказательств. Его собственный демон интуиции может убираться обратно — Майлз представил, как засовывает в коробку крошечного Нейсмита и закрывает замки. И вообразил еле слышные удары и вопли, доносящиеся изнутри... «Я стал лучшим агентом Иллиана отнюдь не потому, что следовал правилам тщательнее всех». Но еще чертовски рано говорить «что-то неправильно на этой картинке», даже думать об этом вслух.

Служба безопасности заботится о своих. Всегда. И он вовсе не намерен снова делать из себя дурака. Будем ждать.

ГЛАВА 15

Медленно прошла неделя. Сначала краткие ежедневные сведения, получаемые от Грегора по комму, вполне удовлетворяли Майлза, но с каждой последующей сводкой о состоянии Иллиана, подтверждающей отсутствие какого-либо прогресса, осторожность Службы безопасности начала казаться Майлзу уж слишком замораживающей. Он пожаловался Грегору.

— Вечно ты торопишься, Майлз, — укорил его Грегор. — Послушать тебя, так ничто не идет достаточно быстро.

— Иллиан не должен дожидаться врачей. Другие, может, и должны, но только не он. Они что, еще вообще никаких выводов не сделали?

— Это не кровоизлияние в мозг.

— То, что это не кровоизлияние, выяснили в первый же день. Так что же это? Как насчет чипа?

— Вроде бы есть некоторые подтверждения поломки или разрушения чипа.

— Это мы тоже уже предположили. Какого рода? Когда? Каким образом? Почему? Какого черта они там делают все это время?

— Они все еще изучают возможности других неврологических проблем. И психологических. Похоже, это не так просто.

— Идею психоза я отметаю, — угрюмо буркнул Майлз. — Этот чип сидит у него в голове слишком долго, чтобы подобная вещь могла возникнуть.

— Ну... похоже, в этом-то все и дело. Иллиан носил это дополнение в своей голове дольше, чем любой другой человек. Так что сравнивать просто не с чем. Он сам — точка отсчета. Никто не знает, что происходит с человеком, носящим в течение тридцати пяти лет чип эйдетической памяти. Возможно, мы это и выясним.

— И все же я полагаю, что нам стоит пошевеливаться.

— Они делают все, что могут, Майлз. Так что тебе придется просто ждать, как и всем нам.

— Ну да, ну да...

Грегор отключился. Майлз невидящими глазами смотрел на опустевший экран. Проблема со сводками в том, что содержащиеся в них сведения весьма туманны. А главное всегда в подробностях, в необработанных данных. Именно мелкие детали и питают демона интуиции, пока он не становится большим и толстым, а иногда вырастает в какую-нибудь Теорию, а может, и в Доказательство. Так что Майлз сейчас находился как минимум в трех световых годах от реального положения вещей. Врачи СБ подавали сводку Гарошу, перерабатывавшему ее для Грегора, который, в свою очередь, редактировал ее для Майлза. И в конечном итоге в ней не оставалось ничего, на чем можно было выстроить хоть какую-нибудь теорию.

На следующее утро из официальной поездки на Комарру вернулась леди Элис Форпатрил и днем позвонила Майлзу. Он приготовился к очередному потоку поручений. Внутренний голос возопил «караул!» и безуспешно заметался в поисках укрытия. Но внутреннему голосу пришлось просто дать хорошего пинка и поставить по стойке «смирно» в ожидании дальнейших указаний леди Элис.

Но вместо этого первое, что она произнесла, было:

— Майлз, как давно ты знаешь об этой глупости, что творится вокруг Саймона?

— Э-э-э... две недели.

— Неужели никому из вас, троих юных олухов, не пришло в голову, что я захочу об этом знать?

Трое олухов — Айвен, Майлз и... Грегор? Она действительно огорчена.

— Вы все равно ничего не могли сделать. К тому же вы были на полпути к Комарре. И у вас уже было важ-

нейшее поручение. Однако, каюсь, действительно не подумал об этом.

— Дурачье, — выдохнула она. Ее большие карие глаза полыхнули огнем.

— Хм-м... А кстати, как дела? На Комарре, я имею в виду?

— Не очень. Родители Лаисы скорее огорчены. Я сделала все возможное, чтобы успокоить их, особенно если учесть, что кое-какие их опасения весьма небезосновательны. Я попросила твою мать заехать к ним по дороге сюда и еще раз с ними переговорить.

— Мать едет домой?

— Надеюсь, скоро.

— А... вы уверены, что моя мать — лучшая кандидатура на эту роль? Она ведь может быть ужасно прямолинейной в своих высказываниях о Барраяре. И она не отличается избытком дипломатии.

— Верно, но она — кристально честный человек. И она обладает удивительным свойством придавать самым невероятным вещам осязаемость. Во всяком случае, пока говорит о них. Люди в конечном итоге с ней соглашаются, а потом месяц удивляются, почему они это сделали. Во всяком случае, я выполнила все обязанности свахи Грегора.

— Ну и... женитьба Грегора состоится или нет?

— Конечно, состоится! Но есть разница между вещами, выполненными безукоризненно и выполненными вчерне. Имелось некоторое напряжение, которое мне так и не удалось снять. А я не намерена оставлять нерешенными те проблемы, которые могу разрешить. Добрая воля — вот что потребуется в большом количестве. — Тут она сердито нахмурилась. — Кстати, о доброй воле или отсутствии таковой... Мне сообщили, что Саймон лежит в клинике в штаб-квартире Имперской безопасности, и я, конечно же, тут же пошла его проведать. И этот идиот, генерал как-бишь-его, меня не пустил!

— Гарош? — подсказал Майлз.

— Да-да, он. Сразу видно, что он не фор. Майлз, ты можешь что-нибудь сделать?

— Я?! Это не в моей власти.

— Но ты работал с этими, этими, этими... людьми много лет! И теоретически должен их понимать.

«Я и есть Имперская безопасность», — сказал он однажды Элли Куин. Тогда он был чрезвычайно горд тем, что отождествляет себя с этой могущественной организацией, будто их каким-то образом соединили, создав этакого киборга. Что же, теперь его отсекли, а Имперская служба безопасности спокойно продолжает существовать, даже не замечая его отсутствия.

— Я больше с ними не работаю. А даже если бы и работал, то я всего лишь паршивый лейтенантишко. А лейтенанты не отдают приказов генералам, даже лейтенанты-форы.

Гарош меня тоже не пускает. Думаю, вам нужно поговорить с Грегором.

— Только что говорила. Он был дьявольски уклончив.

— Может, он просто не хочет вас огорчать. Насколько я понимаю, Иллиан сейчас пребывает в состоянии очень сильного умственного расстройства, не узнает людей, ну и так далее.

— А как он может кого-то узнавать, если тех, кого он знает, к нему не допускают?

— Хм-м. Отлично подмечено. Слушайте, я вовсе не собираюсь защищать Гароша, он и меня из себя выводит.

— Похоже, не достаточно сильно выводит! — отрезала леди Элис. — У этого Гароша хватило наглости заявить мне — мне! — что это зрелище не для дам. Тогда я поинтересовалась, что он делал во время государственного переворота Фордариана. — В конце фразы ее голос перешел в шипение сквозь зубы. Майлз не был уверен, но ему показалось, что леди Элис с трудом подавила готовую сорваться с языка площадную брань. — Насколько я понимаю, Грегор полагает, что ему, возможно, еще долго предстоит работать с Гарошем. Конечно, прямо об этом сказано не было, но, как я понимаю, Гарош убедил Грегора в том, что его положение на должности и.о. начальника Службы безопасности еще настолько хрупкое, что может не выдержать вмешательства столь опасно некомпетентной личности — да еще и женского пола, — как я. Саймон никогда бы не заявил ничего подобного. Как бы я хотела, чтобы Корделия сейчас была здесь. Она всегда гораздо лучше меня справлялась с проявлениями мужского шовинизма.

— Это как сказать. — Майлз вспомнил о судьбе Фордариана, нашедшего свою смерть от рук графини Форкосиган. Но леди Элис совершенно права: Иллиан всегда обращался с ней как с очень ценным, хоть и несколько отличным от остальных, членом команды Грегора. Новый и чисто профессиональный подход Гароша, должно быть, оказался для нее шоком. Помолчав, Майлз продолжил: — В настоящий момент Гарош имеет все возможности влиять на Грегора. Через него идет весь поток информации, поступающей императору.

Хоть это и нельзя назвать резким изменением обычного хода вещей. Так было всегда, только вот когда этим занимался Иллиан, Майлза сей факт почему-то совершенно не задевал.

Темные брови Элис изогнулись, но она промолчала. Под ее тяжелым взглядом молчание становилось все ощутимее.

Чтобы поправить неловкость, вызванную его неосторожными словами, Майлз сказал:

— Вы можете устроить забастовку. Никакой свадьбы, пока Грегор не выкрутит Гарошу руки.

— Если в ближайшие дни ничего не будет сделано, то я вполне могу это осуществить.

— Я всего лишь пошутил, — быстро произнес Майлз.

— А я нет. — Коротко кивнув, леди Элис отключила комм.

На следующий день, еще на рассвете, Мартин осторожно потряс Майлза за плечо.

— Э-э-э... Милорд, к вам там посетитель.

— В такую рань? — пробурчал Майлз, потер заспанное лицо и, зевнув, спросил: — Кто?

— Сказал, что его зовут лейтенант Форберг. Снова один из ваших приятелей из СБ, наверное.

— Форберг? — моргнул Майлз. — Здесь? Сейчас? Зачем?

— Он хочет с вами поговорить, так что лучше вам поинтересоваться у него самого.

— Право же, Мартин... Хм-м... Надеюсь, ты не оставил его стоять у дверей?

— Нет, я отвел его в бо́льшую комнату на нижнем этаже восточного крыла.

— Во Вторую приемную. Отлично. Скажи ему, что я спущусь через пару минут. Приготовь кофе. Принеси на подносе с двумя чашками и всем, что полагается. Если на кухне осталось что-нибудь из приготовленной твоей матерью выпечки или пирожных, их тоже положи в корзиночку и принеси вместе с кофе, понял? Вот и отлично.

Сгорая от любопытства, Майлз натянул на себя первую попавшуюся рубашку и брюки, босиком пробежал два лестничных пролета, свернул налево по коридору, миновал три комнаты и оказался во Второй приемной. В честь прихода гостя Мартин снял с одного из стульев чехол, который тут же и бросил на полу белой кучей. Солнечные лучи пробивались сквозь тяжелые гардины, лишь подчеркивая темноту, в которой сидел Форберг. На лейтенанте был повседневный зеленый мундир, но лицо его казалось серым от выросшей щетины. Увидев Майлза, он нахмурился.

— Доброе утро, Форберг, — вежливо поприветствовал офицера Майлз. — Что привело вас в такую рань в особняк Форкосиганов?

— Для меня уже разгар дня, — буркнул Форберг. — Я только что освободился от ночного дежурства.

Он нахмурился еще сильнее.

— Похоже, они подыскали вам занятие?

— Да. Я старший офицер ночного караула в нашей клинике.

Майлз опустился на ближайший накрытый чехлом стул, внезапно проснувшись без всякого кофе. Форберг — один из сторожей Иллиана? Ну конечно! Как имперский курьер он обладает нужной степенью допуска. К тому же он в настоящий момент свободен и годен лишь к легкому физическому труду или канцелярской работе. А вдобавок ко всему... еще и чу-

жак в штаб-квартире СБ. Никаких близких друзей, с кем можно потрепаться. Майлз постарался сохранить нейтральный тон.

— О? Так в чем дело?

— Думаю, это крайне непорядочно с вашей стороны, Форкосиган. — Форберг говорил напряженно, почти зло. — Даже низко, учитывая обстоятельства. Иллиан служил вашему отцу много лет. Я передавал сообщение как минимум четыре раза. Почему вы не пришли?

Майлз выпрямился:

— Прошу прощения? По-моему, я что-то упустил. Что, э-э-э... Не могли бы вы сказать мне конкретно, о чем речь? Давно вы выполняете эту работу?

— С самой первой ночи, как только его доставили. Паршивое зрелище, должен сказать. Когда он не спит, то все время что-то бормочет. А под воздействием таблеток, если перед этим был настроен по-боевому, то опять бормочет, но совершенно невозможно понять что. Врачи держат его привязанным почти все время. Такое впечатление, что он совершает экскурс в историю, прокручивает ее вспять в своем мозгу, но изредка он ненадолго приходит в себя и возвращается к реальности. А когда это происходит, он зовет вас. Сначала я думал, что он хочет видеть графа, вашего отца, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что все-таки именно вас. Он говорит «Майлз» и «Приведите сюда этого глупого мальчишку». Потом «Вы еще не нашли его, Форберг? Это гиперактивное маленькое дерьмецо нельзя ни с кем спутать». Прошу прощения, Форкосиган, — добавил Форберг. — Это он так говорит.

— Узнаю манеру речи, — прошептал Майлз. Он откашлялся, и голос его зазвучал громко и уверенно. — Извините. Просто я впервые об этом слышу.

— Не может быть. Я докладывал об этом уже раза четыре или пять, не меньше.

Грегор не забыл передать ему эти слова. Грегор просто понятия об этом не имеет. Обрыв произошел где-то раньше. «И мы выясним, где именно. О да, обязательно выясним».

— Какое лечение он получает и какие анализы ему делают?

— Не знаю. В мое дежурство мало что происходит.

— Полагаю... это разумно.

Оба замолчали, так как в этот момент появился Мартин с кофе и рулетом на противне вместо подноса. «Не забыть провести Урок номер Шесть из обязанностей дворецкого. Поиск необходимых предметов сервировки и прочего». Мартин утащил кусок рулета, мило улыбнулся присутствующим и удалился. Форберг лишь моргнул, изумленно глядя на столь необычное обслуживание, но с удовольствием отхлебнул кофе. Затем снова нахмурился, на сей раз несколько недоуменно.

— По ночам я слышу от него много чего странного. В промежутке, когда он выходит из наркотического сна и

еще не становится слишком — хм — шумным, чтобы заработать следующую порцию транквилизаторов.

— Могу себе представить. Так вы знаете, зачем Иллиан зовет меня?

— В общем-то нет. Даже в самые светлые моменты он говорит не очень-то ясно. Но у меня почему-то чертовски неприятное ощущение, что проблема частично во мне. Не зная, откуда у всего этого ноги растут, я не могу расшифровать, возможно, вполне ясное сообщение. Но я догадался, что вы никогда не были курьером.

— Верно. Я был тайным агентом. — Бивший через плечо солнечный свет придавал кофе какой-то красноватый оттенок.

— Тайным агентом высшего класса, — уточнил Форберг, пристально глядя на Майлза.

— Наивысшего.

— Я не очень-то знаю, за что он вас выгнал...

— А! — мрачно улыбнулся Майлз. — Когда-нибудь я вам непременно расскажу. Насчет иглогранаты — правда. Только не вся.

— Иногда он не помнит, что выгнал вас. Но иногда помнит. И тем не менее все равно зовет вас.

— Вы когда-нибудь докладывали об этом непосредственно Гарошу?

— Да. Дважды.

— И что он сказал?

— «Спасибо, лейтенант Форберг».

— Понятно.

— А мне нет.

— Ну, вообще-то мне тоже не до конца. Но, думаю, теперь я все выясню. Ах, да... мне кажется, будет лучше, если этот наш с вами разговор никогда не имел места быть.

— Вот как? — сощурился Форберг.

— Если кто-нибудь спросит, упомяните только о нашей беседе на ступеньках дворца.

— Хо! Так кто же вы для дендарийских наемников, Форкосиган?

— Теперь уже никто.

— Что же... вы, тайные агенты, — самая хитрая публика из всех, кого я знаю, так что я даже не уверен, стоит ли вам доверять. Но если вы честны со мной... Я рад во имя чести форов, что вы не бросили вассала вашего отца. Немногие из нас достаточно заботятся о... о... не знаю, как сказать...

— Заботятся о том, чтобы форы оставались форами, — подсказал Майлз.

— Да, — благодарно согласился Форберг. — Именно это я и хотел сказать.

— Вы чертовски правы, Форберг.

Ровно через час Майлз шагал к боковому входу штаб-квартиры Службы безопасности. С востока приближался

грозовой фронт, постепенно затеняя утреннее солнце. Майлз чувствовал запах озона. Каменные горгульи выглядели спокойно и уверенно. Здание, на котором они сидели, казалось огромным, закрытым и темным. И уродливым.

Гарош счел первейшей своей обязанностью приставить к Иллиану самых лучших и доверенных охранников. Не лучших врачей или медтехников или, Боже упаси, лучших экспертов, не важно, проверенных или нет. Нет, именно охранников. Он обращается с Иллианом не как с пациентом, а как с пленником. Пленник своей собственной организации. Оценил бы Иллиан иронию этой ситуации? Майлз подозревал, что нет.

Итак, Гарош параноидален и туп от природы или лишь временно запаниковал под грузом свалившейся на него ответственности? Вряд ли Гарош стал бы тем, кем он стал, если б был глуп, но новая и сложная работа свалилась ему на голову совершенно неожиданно. Он начал карьеру в охране, военным полицейским. Как заместитель начальника департамента внутренних дел, а потом и начальник, знал все ходы вниз и в глубь службы, непосредственно работая с весьма предсказуемыми подчиненными — военными. Иллиан же представлял Службу безопасности наверху, имея дело с императором, фор-лордами, и знал от и до все писаные и неписаные законы системы форов. То, как Иллиан обращался с Элис Форпатрил, к примеру, было просто блестящим маневром, открывавшим ему широчайший доступ к сведениям, касающимся внутренней жизни форского общества столицы. А Гарош при первой же встрече глубоко оскорбил этого важного потенциального союзника, будто то, что она не числится в официальном списке государственных деятелей, означает, что у нее и власти нет. То есть наплевал в колодец, руководствуясь изначально неверной гипотезой.

Но вот что касается паранойи — Майлз вынужден был признать, что в голове Иллиана хранилось столько барраярских секретов за последние три десятилетия, что остается лишь удивляться, как его мозги еще не лопнули. Нельзя позволить ему разгуливать по городу просто так, когда он даже не имеет представления, какой год на дворе. Так что осторожность Гароша имела смысл, но ему следовало бы быть более... что? Уважительным? Сочувствующим?

Глубоко вздохнув, Майлз вошел в дверь. Мартин, которому на сей раз необычно повезло — он нашел возле штаб-квартиры достаточно места для парковки громадного бронированного лимузина, неуверенно следовал за ним. Мрачное здание явно производило на него угнетающее впечатление. Майлз остановился возле пропускного пункта и хмуро уставился на охранника, того же, что был здесь на прошлой неделе.

— Доброе утро, капрал. Я пришел повидать Саймона Иллиана.

— Хм-м... — Охранник посмотрел на экран комма. — Вас по-прежнему нет в списке, лорд Форкосиган.

— Верно, но я стою напротив вас. И намерен здесь оставаться, пока не добьюсь результата. Свяжитесь с начальством.

Поколебавшись, охранник решил предоставить возможность кому-нибудь более значительному разобраться с упрямым фор-лордом, пусть даже таким маленьким и странным, как Майлз. Они быстро добрались до бывшего секретаря Иллиана, а нынче — Гароша, и тут Майлз оттеснил охранника и добился, чтобы его связали непосредственно с Гарошем.

— Доброе утро, генерал. Я пришел навестить Иллиана.

— Опять? Мне казалось, что этот вопрос закрыт. Иллиан не в состоянии общаться с кем-либо.

— А я и не думал, что он в состоянии. Я прошу разрешения увидеть его.

— В разрешении отказываю. — Гарош потянулся, чтобы отключить связь.

Майлз сдержал ярость и попытался придумать мягкие увещевания и достойные аргументы. Он намеревался говорить хоть день напролет, если в результате его пустят к Саймону. Нет, никаких мягких увещеваний. Гарош предпочитает грубый стиль. Майлз заговорил в лучшем стиле правящего класса Форбарр-Султана.

— Гарош! Не смейте отключаться! Все это становится утомительным! Что здесь, к дьяволу, происходит, отчего у вас волосы дыбом во всех местах? Я ведь хочу помочь, черт бы вас побрал!

На мгновение лицо Гароша стало менее напряженным, но тут же снова посуровело.

— Форкосиган, вы здесь больше не работаете. Будьте любезны очистить помещение.

— Не буду.

— Тогда я прикажу вас вывести.

— А я вернусь.

Губы Гароша сжались в узкую полоску.

— Полагаю, что не могу вас пристрелить, учитывая, кто ваш отец. Кроме того, всем известно, что у вас... проблемы с головой. Но если вы не прекратите мне надоедать, я прикажу арестовать вас.

— По обвинению в чем?

— Одного прохода на закрытую территорию достаточно, чтобы упечь вас на год. И полагаю, можно найти еще что-нибудь. Сопротивление при аресте, например, вполне сойдет, я думаю. Но я без всяких колебаний прикажу применить к вам парализатор.

«Он не посмеет».

— И сколько раз?

— А сколько, по-вашему, понадобится?

— Вы не способны считать больше, чем до двадцати двух, даже если снимете сапоги, Гарош, — сквозь зубы

процедил Майлз. На этой запуганной мутагенными катастрофами планете упоминать лишние пальцы было страшным оскорблением. Мартин с охранником наблюдали за перепалкой с возрастающей тревогой.

Гарош побагровел.

— Ну, все. У Иллиана явно было разжижение мозга, когда он вас просто уволил. Я бы отправил вас под трибунал. Убирайтесь из моей конторы немедленно.

— Ни за что, пока не увижу Иллиана.

Гарош резко выключил связь.

Буквально через минуту из-за угла появились двое вооруженных охранников и направились прямо к Майлзу, наседавшему на дежурного охранника, чтобы тот снова связал его с секретарем Гароша. «Дьявольщина, он не посмеет... Или посмеет?..»

Посмел. Ни слова не говоря, охранники подхватили его под руки и поволокли к выходу. Они тащили его, не задумываясь, достают его ноги до пола или нет. Мартин тащился следом с видом возбужденного щенка, не зная, то ли лаять, то ли кусаться. Они прошли в двери, миновали ворота и, чудом не уронив, поставили Майлза на тротуар за стеной, огораживавшей здание СБ.

Старший офицер, повернувшись к охранникам у ворот, сказал:

— Генерал Гарош только что приказал: если этот человек снова попытается проникнуть в здание, стрелять из парализатора.

— Есть, сэр, — откозырял старший охранник, неуверенно глядя на Майлза. Майлз, весь красный, ловил воздух ртом, задыхаясь от унижения и ярости. Доставившие его сюда охранники развернулись и ушли.

В пустом сквере, расположенном через улицу, имелись скамейки, с которых можно было любоваться чудовищной архитектурой здания Службы безопасности. Майлз, дрожа, дошел до одной из них и плюхнулся, уставясь на дом, уже во второй раз нанесший ему поражение. Мартин неуверенно проследовал за ним и осторожно уселся на дальнем конце скамейки, молча ожидая дальнейших указаний.

Дикие видения рейдов в стиле адмирала Нейсмита проносились в его мозгу. Он представлял себя во главе одетых в серые мундиры дендарийцев, обрушивающихся, как ниндзя, на штаб-квартиру СБ... Полная чушь. Его тогда действительно пристрелят, верно? Издевательский смешок сорвался с его губ. Иллиан — единственный пленник, которого не сможет освободить Нейсмит.

«Как смеет Гарош угрожать мне?» — бесился про себя Майлз. Дьявол, а почему бы ему не сметь? Сдвинутый на почве желания, чтобы его оценивали лишь по его собственным заслугам, Майлз сам посвятил последние тринадцать лет тому, чтобы выпотрошить лорда Форкосигана. Желал, чтобы в нем видели его самого, Майлза, а не сына своего отца, внука своего деда, вообще отпрыска одиннадцати поколений Форкосиганов.

Приложив к этому столько усилий, нечего теперь удивляться, что он столь блестяще убедил всех, даже себя самого, что лорд Форкосиган... не в счет.

Нейсмит был одержим идеей победить любой ценой и чтобы его победу видели все.

Но Форкосиган... Форкосиган не имеет права сдаваться.

Это не совсем одно и то же, верно?

Не сдаваться — семейная традиция. На протяжении веков лордов Форкосиганов резали, стреляли, топили, топтали и сжигали заживо. Не так давно одного из них чуть не разорвали пополам, затем заморозили, вспороли, зашили и снова вытолкали в жизнь пропихивать себе дальнейший путь. Майлз подумал, не является ли легендарное упрямство Форкосиганов отчасти счастливой чертой? Не понятно только, плохой или хорошей. Может, один или два представителя Форкосиганов пытались сдаться, но упустили свой шанс, как в той байке о генерале, чьими последними словами якобы были: «Не волнуйтесь, лейтенант, противник никак не сможет вдарить по нам при той скорости, с которой мы бежим...»

О жителях Дендарийских гор ходила шутка, что они и хотели бы сдаться, но не нашли никого, достаточно грамотного, чтобы прочитать предложение цетагандийцев о сдаче, так что им пришлось воевать до победного конца. «Во мне гораздо больше от горца, чем я думал». Мог бы и раньше догадаться, с его-то скрытой любовью к кленовой медовухе!

Нейсмит мог демонстративно убить Форкосигана. Он мог лишить маленького лорда всех мало-мальски притягательных человеческих черт и привязать к голой койке, холодной и стерильной. Нейсмит забрал всю его энергию, отнял время, нервы, ум, тембр голоса, даже сексуальность. Но с этого момента даже Нейсмит ничего больше не сможет. Горец, упрямый, как скалы, среди которых живет, не знает, как отступать. «Я тот, кому принадлежит Форкосиган-Вашнуй».

Майлз откинул голову и громко засмеялся, ощущая на языке металлический привкус дождевых капель.

— Милорд? — обеспокоенно позвал его Мартин.

Майлз кашлянул и потер лицо, пытаясь стереть зловещую улыбку.

— Извини. Просто я только что понял, почему до сих пор не занялся лечением. — А он-то думал, что это Нейсмит — хитрец. Последний Бастион Форкосигана, а? — И мне стало смешно.

На самом деле, просто уморительно. Подавив очередной смешок, Майлз поднялся.

— Вы ведь не станете пытаться снова туда войти? — с тревогой спросил Мартин.

— Нет. Не сразу. Сначала поедем в особняк Форкосиганов. Домой, Мартин.

* * *

Он еще раз принял душ, чтобы смыть с себя утренний налет тумана и городской пыли, но главным образом — чтобы соскрести противный запах позора. Он почему-то вдруг вспомнил обряд крещения у соотечественников его матери. Обернув вокруг талии полотенце, он облазил несколько шкафов и ящиков с одеждой, выложив все необходимое на кровать.

Свой мундир Форкосиганов он не надевал много лет, даже на День рождения императора и Зимнепраздник, предпочитая, как тогда ему казалось, более высокий статус настоящей военной формы, повседневной зеленой или красно-синей парадной. Он разложил коричневый мундир на постели — чистый, без всяких украшений и орденов. Проверил состояние кантов и вышитых серебром по вороту, на плечах и отворотах рукавов знаков семьи Форкосиган на предмет затяжек и потертостей, но какой-то аккуратный слуга, видимо, тщательно следил за состоянием мундира: все выглядело как новенькое. Темно-коричневые кавалерийские сапоги, извлеченные из чехла, тоже сияли новизной.

Графам и их наследникам, ушедшим в почетную отставку с государственной службы, по старой традиции дозволялось носить на фамильных мундирах боевые ордена и медали в знак признания официального и исторического статуса форов как «Мышцы Империи, Правой Руки Императора». Но никто никогда не называл форов «Мозгами Империи», сухо отметил про себя Майлз. Так почему же никто не провозгласил себя, скажем, «Желчным Пузырем Империи» или «Императорской Язвой»? Похоже, некоторые метафоры не стоит слишком уж тщательно изучать.

Майлз никогда еще не надевал одновременно все свои награды. Отчасти потому, что четыре пятых из них получил за тайные операции. А что за удовольствие носить ордена, о которых не можешь рассказать никакой захватывающей истории? А отчасти потому... Почему, собственно? Потому что они принадлежат адмиралу Нейсмиту?

Майлз церемонно разложил все свои награды на коричневом мундире в строго выверенном порядке. Медали «невезения», точь-в-точь такие же, как та, что получил Форберг, занимали целый ряд и еще часть следующего. А вообще самую первую награду он получил от правительства Вервана. А самую последнюю, хоть и несколько запоздало, — от благодарных мэрилакцев, переславших ее с курьером. Он любил тайные операции. Благодаря им он побывал в таких необычных местах. Он выложил пять барраярских Звезд Империи разных степеней. Степень зависела скорее от того, сколько пота стоило задание Иллиану, чем от того, сколько крови стоило оно Майлзу. Бронзовые означали, что его начальник лишь изгрыз ногти до второго сустава, золотые — что сглодал их аж до локтя.

Поколебавшись, он аккуратно разложил по воротнику цветную ленту, на которой висел золотой орден «За

Заслуги» — высшая награда Цетагандийской империи. На ощупь орден был холодным и тяжелым. Должно быть, Майлз один из немногих солдат за всю историю, удостоенных наградами обеих воюющих сторон... Хотя, если быть честным, орден «За Заслуги» он получил позже и, разнообразия ради, как лорд Форкосиган, а не как адмирал Нейсмит.

Когда все награды легли на свои места, впечатление получилось умопомрачительное.

А Майлз и не подозревал, сколько их у него!

«Пустим в ход всю артиллерию». Мрачно улыбаясь, он привинтил ордена к кителю. Он натянул белую шелковую рубашку, расшитые серебром подтяжки, коричневые брюки с серебряным кантом, обул сверкающие кавалерийские сапоги. Тяжелый китель он надел в последнюю очередь. Полученный от деда кинжал с печатью Форкосиганов на усыпанной драгоценными каменьями рукоятке аккуратно вложил в ножны и повесил на опоясывающий китель ремень. Причесавшись, Майлз отступил назад, чтобы разглядеть себя в зеркале во всем своем блеске.

«Становишься аборигеном, а?» Саркастический внутренний голос звучал все глуше.

— Если собираешься открыть банку со змеями, — произнес он вслух, — позаботься о том, чтобы иметь под рукой консервный нож.

Мартин, поглощенный изучением какого-то иллюстрированного журнала, заслышав топот сапог, поднял голову и замер с открытым ртом.

— Подгони машину к центральному входу, — холодно приказал Майлз.

— А куда мы едем, милорд?

— В Императорский дворец. Мне назначена встреча.

ГЛАВА 16

Грегор принял Майлза в спокойном уединении своего кабинета, расположенного в северном крыле дворца. Император сидел за комм-пультом, чем-то там занимаясь, и не поднял головы, когда мажордом объявил о приходе Майлза. Он набрал на клавиатуре код, выключил комм и поднял глаза на стоявшего перед ним мрачного невысокого мужчину в коричневом мундире.

— Ну ладно, Майлз, из-за чего весь сыр-бор... О Господи! — Грегор изумленно выпрямился. По мере того как он рассматривал вошедшего, брови его ползли все выше и выше. — Не думаю, чтобы я когда-либо видел тебя, специально вырядившимся Фор-лордом.

— Полагаю, — заметил Майлз, — что это «специально» валит из меня, как дым из ушей. Готов поспорить, — обычно он заканчивал эту фразу «на мои серебряные Глаза Гора», — на все, что угодно, что с Иллианом все гораздо хуже, чем тебе сообщает Гарош.

— Его доклады довольно сжаты, — осторожно ответил Грегор.

— Ха! Значит, ты тоже это почувствовал. А говорил ли тебе Гарош хоть раз, что Иллиан требует меня?

— Нет... А он требует? И откуда тебе это известно?

— Я узнал об этом — как бы это сказать — из надежного анонимного источника.

— Насколько надежного?

— Чтобы предположить, что он накормил меня туфтой, нужно обвинить в маккиавелизме человека, которого я считаю чуть ли не болезненно прямолинейным. К тому же возникает проблема мотивации. Ну, давай скажем так, что он достаточно надежен с практической точки зрения.

— Насколько я понимаю, — медленно проговорил Грегор, — Иллиан в настоящий момент... Ну, скажем прямо, не в своем уме. Он требует массу невозможных вещей. Например, совершить п-в-переход к Ступице Хеджена, чтобы предотвратить воображаемое вторжение.

— Когда-то это было реальностью. Ты сам там был.

— Десять лет назад. Откуда ты знаешь, может, желание видеть тебя из этой же серии галлюцинаций?

— В том-то и дело. Я ничего не могу сказать, потому что мне не разрешают его увидеть. Никому не разрешают. Леди Элис тебе же говорила.

— Э-э-э, да...

— А теперь Гарош уже дважды не пустил меня. Сегодня утром пригрозил мне парализатором, если я не перестану действовать ему на нервы.

— И как сильно ты действовал ему на нервы?

— Ты, несомненно, можешь запросить — на твоем месте я бы затребовал — запись нашей с Гарошем последней беседы. Возможно, она тебя даже развлечет. Но, Грегор, я имею право видеть Иллиана. Не как его бывший подчиненный, а как сын своего отца. Здесь входят в силу обязательства фора, идущие вразрез с военной иерархией Службы безопасности. К их вящему огорчению, я уверен, но это — их проблемы. Я подозреваю... сам не знаю, что я подозреваю. Но я больше не могу сидеть и строить предположения.

— Ты думаешь, там что-то воняет?

— Не обязательно... — осторожно ответил Майлз. — Но иногда глупость может быть хуже злого умысла. Если результат поломки чипа хоть немного смахивает на мою криоамнезию, то Иллиан сейчас в аду. Заблудиться в своем собствен-

ном мозгу... Таким одиноким, как тогда, я не был никогда в жизни. И никто не пришел мне на помощь, пока не вмешался Марк. В лучшем случае Гарош неправильно взялся за дело из-за того, что нервничает и ему не хватает опыта, и поэтому нуждается в мягкой — а может, и не мягкой — встряске. А в худшем... Возможность сознательного саботажа наверняка приходила в голову и тебе. Даже если ты не обсуждал это со мной.

Грегор прокашлялся.

— Гарош меня об этом попросил.

— Прочитал наконец мое досье, да? — поколебавшись, спросил Майлз.

— Боюсь, что так. У Гароша очень... твердые понятия о лояльности.

— Ага, ну что же... Я ставлю под сомнение вовсе не его понятия о лояльности, а его здравый смысл. Я по-прежнему хочу туда.

— Повидать Иллиана? Думаю, что могу распорядиться. К тому же, по моим оценкам, уже пора это сделать.

— Нет, я хочу большего. Я хочу получить доступ ко всем относящимся к этому делу данным, медицинским и прочим. Я хочу надзора.

— Гарошу это не понравится.

— Гарош, я думаю, упрется рогом. А я не могу обращаться к тебе за помощью каждые пятнадцать минут. Я хочу получить конкретную власть. Я хочу, чтобы ты приписал ко мне Имперского Аудитора.

— Что?!

— Даже Имперская безопасность склоняется перед Имперским Аудитором. Аудитор имеет законное право затребовать все, что угодно, и Гарошу, как и любому другому, не останется ничего иного, кроме как рвать и метать — и вежливенько выдать требуемое. Аудитор говорит твоим Голосом. И им придется слушаться. Ты не можешь и дальше прикидываться, будто это дело не заслуживает вмешательства Аудитора.

— Ты прав, но... что, собственно, ты собираешься выискивать?

— Если бы я знал что, мне не пришлось бы искать. Все, что я знаю, это что у этой штуки, — он развел руками, — неправильная форма. Причины могут оказаться вполне банальными. Или нет. Не знаю. Но узнаю.

— И кого из Аудиторов ты хочешь получить?

— Хм-м... Могу я получить Форховица?

— Моего лучшего.

— Знаю. Думаю, что смогу с ним сработаться.

— К сожалению, он в данный момент на пути к Комарре.

— О! Надеюсь, ничего серьезного?

— Чисто превентивный шаг. Я послал его вместе с лордом и леди Форобио, чтобы было легче утрясти проблемы, могущие возникнуть с комаррской олигархией в связи с моей грядущей женитьбой. У него отменный талант дипломата.

— Хм-м... — Майлз колебался. Когда мысль об Аудиторе пришла ему в голову, он имел в виду именно Форховица. — Форлеснер, Валентайн и Форкаллонер несколько... консервативны.

— Боишься, что они станут на сторону Гароша?

— Хм-м...

Глаза Грегора весело блеснули.

— Есть еще генерал Форпарадис.

— Избави Бог!

Грегор задумчиво потер подбородок.

— Предвижу здесь маленькую проблему. Какого бы Аудитора я тебе ни дал, существует пятидесятипроцентная вероятность, что на следующее утро ты опять прибежишь ко мне, требуя второго, чтобы держать под контролем первого. На самом деле тебе вовсе не нужен Аудитор. Тебе нужен лишь щит, чтобы прикрывать тебя, пока ты будешь проводить собственное расследование.

— Ну... вообще-то да. Не знаю. Может быть... может быть, я смогу что-нибудь сделать и в компании Форпарадиса. — При одной лишь мысли о такой перспективе у него сердце ушло в пятки.

— Аудитор, — нравоучительно заявил Грегор, — это не просто мой Голос. Он — мои глаза и уши, зачастую в прямом смысле. Мой слухач. Существо, которое идет туда, куда не могу пойти я, и сообщает мне свои абсолютно независимые суждения. Ты, — тут губы Грегора изогнулись кверху, — обладаешь самым независимым суждением.

Сердце Майлза замерло. Конечно же, Грегор не собирается...

— Думаю, — продолжил Грегор — что избавлюсь от множества хлопот, если просто-напросто назначу тебя временным Имперским Аудитором. Со всеми полномочиями и ограничениями Девятого Аудитора. Все, чем ты имеешь право заниматься, должно быть так или иначе связано с делом, которое ты должен рассмотреть, в данном случае — с болезнью Иллиана. Ты не можешь отдавать приказ о казнях, и вряд ли тебе придется кого-нибудь арестовывать... ну, во всяком случае, я буду очень признателен, если эти аресты будут подкреплены крепкими доказательствами, достаточными для суда. От имперских аудиторов принято ожидать некоего — хм — традиционного декорума и осторожности.

— Что делаешь, то делай хорошо, — процитировал Майлз одно из любимых изречений графини Форкосиган.

Интересно, не светятся ли у него глаза? Во всяком случае, ощущение такое, что они горят, как угли.

Грегор тут же узнал источник цитирования и улыбнулся:

— Вот именно.

— Но, Грегор... Гарош поймет, что это липа.

— В таком случае, — мягко проговорил Грегор, — Гарош совершит опасную ошибку. — И добавил: — Мне

тоже вовсе не нравилось, как идут дела, но, не имея возможности пойти туда сам, я не знал, что делать. А теперь знаю. Удовлетворил ли я вас, лорд Форкосиган?

— Ох, Грегор, ты даже представить себе не можешь, насколько! Работать под чьим-то руководством на протяжении целых тринадцати лет — было все равно что пытаться станцевать вальс со слоном. Медлительным, неповоротливым, готовым наступить на тебя в любой момент и втоптать в грязь. Так имеешь ли ты представление, насколько это приятно — хоть раз получить возможность станцевать на этом чертовом слоне, а не под ним?

— Так и думал, что тебе это понравится.

— Понравится? Да я чуть ли не в экстазе!

— Ты не очень увлекайся, — предупредил Грегор. В уголках его глаз появились веселые морщинки.

— Не буду. — Майлз перевел дыхание. — Но... думаю, все пройдет отлично. Спасибо тебе. Я принимаю ваше поручение, мой сюзерен.

Грегор вызвал мажордома и послал его в хранилище дворца за официальными регалиями Имперского Аудитора: символической цепью и отнюдь не символической электронной печатью. Пока они дожидались возвращения слуги, Майлз рискнул забросить пробный шар.

— Аудиторы традиционно наносят свой первый визит без предупреждения. — И, не удержавшись, добавил: — Должно быть, немало развлекаются при этом.

— Я давно это подозревал, — согласился Грегор.

— Но я не испытываю ни малейшего желания попасть под луч парализатора, проходя в ворота СБ. Ты не думаешь, что тебе стоит лично связаться с Гарошем и известить о моем приходе?

— А ты этого хочешь?

— М-м-м... Не уверен.

— В таком случае... не будем нарушать традиции. — Голос Грегора приобрел холодный профессорский оттенок. — И посмотрим, что из этого выйдет.

Майлз замер, внезапно охваченный подозрением.

— Ты говоришь в точности, как моя мать. Что тебе известно такое, чего не знаю я?

— Чем дальше, тем больше я прихожу к выводу, что в настоящий момент знаю гораздо меньше тебя. Но... я думал о Гароше. Наблюдаю за ним. Не считая проблемы с Иллианом, с которой он, по вполне понятным причинам, заковырялся, он вроде бы довольно легко тянет на себе работу шефа Имперской безопасности. Если Иллиан... так и не поправится, рано или поздно мне придется решать, утверждать ли Гароша на этом посту, или назначить другого. И мне любопытно взглянуть, из какого материала он сделан. А ты будешь для него не самой простой задачей.

— Не пытаешься ли ты сказать, что хочешь дать ему возможность провалиться с треском?

— Лучше раньше, чем позже.

Майлз скривился:

— Но это работает и в обратную сторону, верно? Уж не даешь ли ты и мне шанс провалиться?

Губы Грегора искривились в легкой улыбке.

— Ну, скажем... различные точки зрения на проблему облегчают ее решение. — И добавил: — Я обдумывал возможность диверсий, как и естественного ухудшения нейронных связей Иллиана.

— И?..

— За диверсией должна была последовать какая-нибудь атака, скорее всего немедленно во время неразберихи, возникшей после кризиса Иллиана.

— Или, еще лучше, непосредственно до кризиса.

— Верно. Но ничего необычного, кроме — как бы это назвать? Заболевания, нездоровья? — самого Иллиана, не произошло.

— Нездоровье — хороший термин, — одобрил Майлз. — Заболевание имеет какую-то внутреннюю причину. Ранение — внешнюю. Ни то, ни другое слово я бы пока что не рискнул употребить.

— Пожалуй. Короче, ничего странного, кроме нездоровья Иллиана, не произошло.

«Разрушения Иллиана».

— Понятно, — кивнул Майлз. — Но мотивом могла послужить, скажем, личная месть. То есть не двухступенчатый заговор, а одноступенчатый.

— Не начал ли ты уже, часом, составлять список потенциальных подозреваемых?

Майлз застонал.

— Если принять во внимание не только политические мотивы, но и личные, это могли сделать в отместку за все гадости, что Служба безопасности делала кому бы то ни было за последние тридцать лет. Причем не обязательно пропорционально нанесенному ущербу: кто-нибудь вполне мог взращивать свою ненависть долгие годы, хотя нанесенный лично ему вред ничтожно мал. Это не то, с чего нужно начинать, уж слишком большое поле деятельности. Я предпочитаю начать с чипа. Это во-первых. — Майлз прокашлялся. — Но все еще остается проблема, как избежать парализатора. Я не собирался в одиночестве отправляться в штаб-квартиру СБ. Предполагал, что со мной будет настоящий Аудитор, за которого можно спрятаться. Один из этих важных отставных адмиралов, к примеру. И я по-прежнему полагаю, что предпочитаю иметь свидетеля. Помощника, для пущей надежности. Он же — свидетель. Причем кого-то, кому я

могу доверять и кому можешь доверять ты. Кто-то, обладающий высокой степенью доступа к секретным материалам, но не имеющий отношения к Службе безопасности.

— И у тебя уже есть кто-нибудь на примете? — спросил Грегор.

— О Господи! — как до него Грегор, воскликнул Айвен, уставясь на Майлза. — Это подлинник?

Он ткнул пальцем в тяжелую золотую цепь Имперского Аудитора. Толстые звенья скреплялись большими квадратными пластинами, на которых эмалью были изображены герб и девиз Форбарра. Цепь лежала на плечах и свисала на грудь. По прикидкам Майлза, весила она не меньше килограмма. На конце ее была электронная печать с выгравированным гербом Грегора.

— Хочешь попробовать содрать фольгу и съесть шоколадку? — сухо поинтересовался Майлз.

— Умф! — Айвен оглядел кабинет Грегора. Император сидел на краю стола с комм-пультом, болтая ногой. — Когда посыльный Грегора примчался сломя голову в Генштаб и выдернул меня с работы, я подумал было, что этот чертов дворец горит или что у матери сердечный приступ. Или что-то в этом роде. А оказывается, это всего лишь ты, братец?

— Отныне для тебя Братец — Лорд Аудитор.

— Скажи мне, что это шутка! — воззвал Айвен к Грегору.

— Нет, это правда, — разочаровал его Грегор. — И я хочу именно аудиторской проверки. Точнее, Мы, чтобы придать официальный характер. Мы не довольны ходом дела. Как вам известно, Имперский Аудитор может затребовать все, что хочет. Первое, что он затребовал, это помощника. Поздравляю.

Айвен закатил глаза.

— Ему нужен ишак, чтобы тащить его багаж, и первый осел, о котором он подумал, это я. Какая честь. Премного благодарен, Братец — Лорд Аудитор. Уверен, что это будет сплошное удовольствие.

— Айвен, — спокойно произнес Майлз, — нам предстоит проверить, как Служба безопасности ведет дело о недомогании Иллиана. Я не знаю, какой груз попрошу тебя тащить, но есть большая вероятность, что он окажется весьма взрывоопасен. И мне нужен ишак, на которого я могу положиться целиком и полностью.

— О! — Всю иронию Айвена как рукой сняло. Он насторожился. — Иллиан, значит? — Немного поколебавшись, он добавил: — Отлично. Давно пора развести кое у кого костер под задницей. Матери это понравится.

— Надеюсь, — искренне воскликнул Грегор.

Губы Айвена изогнулись, несмотря на серьезное выражение глаз.

— Ну-ну, Майлз. Должен заметить, она тебе идет. Мне всегда казалось, что тебе нужна цепь.

* * *

На этот раз Майлз приказал Мартину остановиться прямо перед центральными воротами Имперской безопасности. Первыми по его приказу вылезли два императорских оруженосца в мундирах цветов Форбарра. Майлз кивком велел им стать по бокам от себя и двинулся к воротам. Айвен тащился следом, с интересом наблюдая за ходом событий. Майлз предоставил оруженосцам и Айвену первыми пройти сканирование.

— Добрый день, джентльмены, — сердечно приветствовал Майлз охранников, как только ритуал проверки завершился. Те, сощурившись, неуверенно нахмурились. Майлз понадеялся, что это от умственного напряжения. Он обратился к старшему сержанту:

— Пройдите, пожалуйста, к комму, и сообщите генералу Гарошу, что прибыл Имперский Аудитор. Я прошу и приказываю, чтобы он лично встретил меня у центральных ворот. Немедленно.

— А вы не тот самый парень, которого мы выкинули отсюда нынче утром? — обеспокоенно поинтересовался сержант.

Майлз холодно улыбнулся:

— Не совсем. — «С тех пор со мной произошли кое-какие изменения». Он вытянул пустые руки. — Обратите, пожалуйста, внимание, что я не пытаюсь войти. Я не собираюсь ставить вас перед дилеммой нарушить приказ или совершить государственную измену. Но я точно знаю, что путь от кабинета начальника Имперской безопасности до центральных ворот занимает около четырех минут. И на этом ваши проблемы закончатся.

Сержант удалился в караулку и быстро заговорил по комму. Когда он снова вышел, Майлз засек время.

— А теперь поглядим, что будет, как сказал бы Грегор.

Айвен закусил губу, но не проронил ни слова.

Наконец из дверей здания высыпала толпа в мундирах, возглавляемая Гарошем, уверенно шагавшим по сырым булыжникам. За ним по пятам следовал «летописец» — секретарь Иллиана.

— Четыре минуты двадцать девять секунд, — уголком губ шепнул Майлз Айвену. — Неплохо.

— Могу я теперь нырнуть в кусты и сбежать? — прошептал в ответ Айвен, глядя на прущую на них вооруженную толпу офицеров Имперской безопасности.

— Нет. И прекрати мыслить как подчиненный.

Майлз спокойно стоял, дожидаясь, пока Гарош остановится перед ним. Он позволил себе мгновение порадоваться, увидев потрясенное лицо генерала, когда тот разглядел все детали, но тут же забыл об этом. Это воспоминание он может полелеять и позже. Мысль о мучениях Иллиана заставляла его двигаться вперед.

— Добрый день, генерал.

— Форкосиган. Я же велел вам не возвращаться.

— Попробуйте еще раз, — мрачно посоветовал Майлз.

Гарош уставился на блестящую цепь, висящую на груди Майлза. Несмотря на присутствие оруженосцев Форбарры, которых он знал лично, генерал выдохнул:

— Это не настоящая!

— Подделка регалий Имперского Аудитора карается смертью, — ровно ответил Майлз.

Майлзу показалось, что он слышит, как вращаются шестеренки в голове Гароша. Медленно ползли секунды, затем Гарош произнес чуть надтреснутым голосом.

— Милорд Аудитор!

— Благодарю вас, — выдавил Майлз. Теперь, когда его новый статус официально признан и принят, можно приступать к дальнейшему. — Мой повелитель, император Грегор Форбарра, просит и требует, чтобы я провел аудиторскую проверку того, как Имперская безопасность справляется со сложившейся ситуацией. Я прошу и требую вашего сотрудничества при проверке. Не пройти ли нам теперь в ваш кабинет?

Брови Гароша сошлись на переносице. В глазах загорелся ироничный огонек.

— О, конечно. Милорд Аудитор.

Майлз отпустил оруженосцев Грегора, приказав Мартину отвезти их обратно во дворец, и проследовал за Гарошем в здание.

Бесцветный фильтрованный воздух в кабинете Иллиана навевал воспоминания. В этой комнате Майлз стоял или сидел сотни раз, получая приказы или отчитываясь за их выполнение. Здесь он бывал очарован, возбужден. Ему бросали вызов. Иногда торжествовал, иногда признавался в поражении, иногда страдал. Сильно страдал. Эта комната была центром, вокруг которого вращался его мир. Теперь все ушло. Майлз занял привычное место напротив стола Иллиана, но теперь власть исходила от него.

Гарош собственноручно притащил для него стул. Чуть подождав, Айвен сам сходил себе за стулом и сел рядом с Майлзом. Гарош уселся за стол Иллиана, сложил руки «домиком» и с любопытством уставился на Майлза.

Майлз, наклонившись вперед, уперся правой рукой в поверхность стола.

— Ну хорошо. Как вы уже, должно быть, догадались, Грегор серьезно недоволен тем, как ваша организация справляется с проблемой нездоровья Иллиана. Таким образом, вот что я от вас хочу и в какой последовательности. Первое: я хочу увидеть Иллиана. Затем хочу переговорить со всем обслуживающим его медицинским персоналом. Я хочу, чтобы они принесли все наработанные материалы и были готовы проинформировать меня. Потом... я соображу, что потребуется еще.

— Вы, безусловно, можете рассчитывать на мое полное сотрудничество... Милорд Аудитор.

— Теперь, когда мы перешли к делу, можете отбросить формальности.

— Но вы поставили меня перед дилеммой.

И хоть на секундочку на грань инфаркта, понадеялся Майлз. Но нет, сейчас не время для развлечений.

— Вот как?

— Преждевременно обвинять кого-либо в диверсии в связи с поломкой чипа Иллиана до тех пор, пока эта поломка не выявлена. Можно оказаться в очень неловкой ситуации, если причина окажется естественного происхождения.

— Я тоже отдаю себе в этом отчет.

— Да, наверное. Но я обязан думать о будущем. Вообще-то это моя работа. Так что у меня имеется маленький список, который я держу пока про запас в ожидании каких-нибудь данных, позволяющих пришпилить его к реальности.

— Лишь маленький список?

— Иллиан всегда разделял списки на большой и малый. Своего рода сортировка, я полагаю. Кажется, неплохая система. Ну так вот, в моем малом списке вы — почти в самом начале.

— О! — Внезапно Майлз понял, почему Гарош так враждебно к нему настроен.

— А теперь вы сделали себя неприкосновенным, — добавил генерал.

— Полностью фраза должна звучать «неприкосновенным занудой-фором», — не удержавшись, уточнил Майлз. — Понимаю...

Это было то самое унизительное обвинение, которое он опасался услышать, бросаясь на помощь Иллиану. Что ж... очень плохо.

Они молча смотрели друг на друга через темную поверхность стола. Гарош продолжил:

— Таким образом, меньше всего на свете я хочу пропустить вас к Иллиану, где вы можете предпринять вторую попытку. Но теперь, похоже, я вынужден это сделать. Только прошу формально отметить, что делаю это вопреки своей воле. Милорд Аудитор.

— Отмечено. — Во рту Майлза пересохло. — Имеется ли у вас подходящий мотив, которым я якобы руководствовался, а также мои возможности и использованный мною пока-что-несуществующий способ?

— Разве не очевидно? — Гарош развел руками. — Иллиан покончил с вами. Внезапно. Разрушил вашу карьеру.

— Иллиан, в первую очередь, меня создал. И у него есть право уничтожить меня. А с учетом всех обстоятельств, — Майлз по глазам Гароша видел, что тот полностью в курсе дела, — он был практически обязан это сделать.

— Он покончил с вами за подделку рапортов. Документальный факт, который я также прошу формально

отметить, милорд Аудитор. — Гарош глянул на Айвена, сохранявшего великолепную невозмутимость — своего рода защита, которую он совершенствовал всю жизнь.

— Один рапорт. Один раз. И Грегору об этом известно. — Майлз чуть ли не физически ощутил, как под ним колеблется почва. И он считал этого человека тупицей? Майлз терял преимущество почти так же быстро, как набрал. Но, сжав зубы, он подавил желание оправдываться, объяснять, протестовать, извиняться. Он не должен позволить отвлечь себя от цели.

— Я вам не доверяю, лорд Форкосиган.

— Ничем не могу помочь. Я могу быть отозван только императором, который меня назначил, или решением двумя третями голосов на совместном заседании Совета графов и Совета Министров в полном составе. А это вам вряд ли удастся организовать.

— Тогда, возможно, мне следует пойти к Грегору и попросить назначить другого Аудитора.

— Можете попытаться.

— Ха! Вот и ответ. Даже если бы вы были виновны... Я начинаю сомневаться, что мне удалось бы что-нибудь сделать в этом случае. Император — единственный, к кому можно было бы апеллировать, но, похоже, вы уже прибрали его к рукам. Может ли попытка отстранить вас оказаться фатальной для карьеры?

— Ну... Если бы мы с вами поменялись местами, я бы не отступил, пока не приколотил бы вас к стенке самыми большими гвоздями, какие окажутся под рукой. — Чуть помолчав, Майлз добавил: — Но если после моего визита к Иллиану последует второй «выстрел»... Можете быть уверены, что я тщательнейшим образом вычислю траекторию «пули».

Гарош испустил глубокий вздох.

— Это преждевременно. Я буду доволен больше всех, если медики в конечном счете диагностируют естественные причины. Это избавит от кучи неприятностей.

Майлз нехотя согласился:

— Вот тут вы правы, генерал.

Они посмотрели друг на друга с некоторой долей сдержанного уважения. В конце концов Майлз почувствовал, что он, пожалуй, испытывает облегчение, а не нервничает. Гарош, несомненно, не постеснялся расставить точки над «i». Может, рано или поздно они и сработаются?

Гарош внимательно изучал «иконостас» на кителе Майлза и вдруг неожиданно жалобным тоном спросил:

— Форкосиган, скажите — это действительно цетагандийский орден «За Заслуги»?

— Угу.

— А остальное?

— Я не вычищал ящик стола моего отца, если вы это имеете в виду. Все зафиксировано в моем досье. И вы — один из немногих, кто не обязан верить мне на слово.

— Хм. — Брови Гароша приподнялись. — Что же, милорд Аудитор, делайте свое дело. Но я буду за вами присматривать.

— Вот и отлично.

Майлз побарабанил пальцами по столу и поднялся. Айвен вскочил следом.

В коридоре, по дороге в клинике СБ, Айвен пробормотал:

— Никогда еще не видел генерала, отбивающего чечетку сидя.

— По мне, это больше напоминало менуэт на минном поле.

— Удовольствие наблюдать, как ты напустил на него маленького адмирала, стоило неприятностей на входе.

— Что?! — Майлз остолбенел.

— А разве ты не этого хотел? Ты же действовал в точности как тогда, когда изображал адмирала Нейсмита, только без бетанского акцента. Полный вперед, никаких задержек. Мирные жители разбегаются, спасая жизнь. Полагаю, ты думаешь, что ужас мне полезен, прочищает артерии или что-то в этом роде.

Неужели награды адмирала Нейсмита — своего рода волшебный талисман?

— А себя ты считаешь мирным жителем? — беззаботно поинтересовался Майлз.

— Стараюсь по мере сил, — вздохнул Айвен.

Воздух в клинике, которая занимала вместе с лабораториями целый этаж в Имперской безопасности, был насыщен знакомыми ароматами. Майлз ощутил их, едва шагнув на порог. Очень неприятные больничные запахи. Он и сам провел здесь немало дней, в первый раз попав сюда с пневмонией, полученной в результате переохлаждения, а в последний — на медкомиссии. Той самой, после которой отправился спасать Форберга. От местных запахов его пробирала дрожь.

Все четыре отдельные палаты, кроме одной, пустовали и стояли темные и открытые. А перед закрытой стоял суровый часовой.

Полковник СБ с нашивками медика, задыхаясь, подлетел к Майлзу:

— Милорд Аудитор! Я — доктор Рубан. Чем могу быть полезен?

Рубан был невысоким и круглолицым. Густые брови, сросшиеся на переносице, придавали ему вечно озабоченный вид.

— Расскажите мне об Иллиане. Нет, лучше проведите меня к Иллиану. Поговорим после.

— Сюда, милорд.

Врач жестом велел охраннику отойти и провел Майлза в палату без окон.

Иллиан лежал на спине, наполовину прикрытый простыней. Руки и ноги его были привязаны тем, что медики называют «мягкими оковами». Он тяжело дышал. Возможно, он под действием транквилизаторов? Открытые глаза Иллиана смотрели вверх мутным и рассеянным взглядом. Темная щетина

покрывала обычно гладко выбритый подбородок. В теплой палате воняло потом и прочими выделениями. Майлз потратил неделю, пробиваясь сюда всеми правдами и неправдами, прибегнув к экстремальным мерам, на которые никогда бы не осмелился при других обстоятельствах. Но теперь ему хотелось лишь поджать хвост и убежать.

— Почему он голый? — спросил Майлз. — Он что, без сознания?

— Нет, — ответил Рубан. — Из-за процедур.

Майлз не заметил ни капельниц, ни катетеров.

— Каких процедур?

— Ну, в данный момент никаких. Но с ним не так легко справиться. А все время одевать и раздевать его, помимо всего прочего... представляет определенную проблему для персонала.

Похоже. У охранника, стоявшего теперь внутри палаты, багровел под глазом роскошный синяк, у самого Рубана были разбиты губы.

— Понимаю...

Он заставил себя подойти ближе и опустился на колено у изголовья постели.

— Саймон? — неуверенно позвал он.

Иллиан повернул голову. Мутные глаза, моргнув, сфокусировались, и в них загорелся огонек узнавания.

— Майлз! Майлз! Слава Богу, ты здесь. — Голос его зазвенел от напряжения. — Жена лорда Форвана с детьми — тебе удалось спасти их? Коммодор Ривек в Четвертом секторе начинает неистовствовать.

Майлз понял, о чем речь. Это задание он выполнял пять лет назад.

— Да. Обо всем позаботились. Мы их вытащили в целости и сохранности.

Он получил за эту операцию золотую звезду. Сейчас она висела третьей слева во втором ряду у него на груди.

— Хорошо. Хорошо. — Иллиан, вздохнув, откинулся назад. Потрескавшиеся губы шевелились. Потом он снова открыл глаза, и вновь в них зажглось узнавание. — Майлз! Слава Богу, ты здесь. — Он пошевелил руками, но не смог их сдвинуть из-за ремней. — Это еще что? Сними это с меня.

— Саймон, какой сегодня день?

— Завтра День рождения императора. Или сегодня? Ты одет соответствующе... Я должен там быть.

— Нет, — мягко возразил Майлз. — День рождения императора был несколько недель назад. Твой чип памяти разладился. И тебе придется оставаться тут, пока не выяснят, что с ним произошло, и не починят.

— О!

Четыре минуты спустя Иллиан повернул голову к Майлзу. Губы его сердито сжались.

— Майлз, какого черта ты тут делаешь? Я отправил тебя на Тау Кита! Ну почему ты вечно не выполняешь приказы?

— Саймон, твой чип памяти разладился.

Иллиан засомневался:

— Какое сегодня число? Где я?

Майлз терпеливо повторил все заново.

— О Боже, — прошептал Иллиан. — Ах он, сволочь.

И тихо лег с удрученным выражением на лице.

Минут через пять Иллиан глянул на него.

— Майлз! Какого черта ты тут делаешь?

«Вот дерьмо!» Майлз встал и некоторое время ходил по палате. «Я не знаю, на сколько меня хватит». Тут он сообразил, что доктор Рубан внимательно за ним наблюдает.

— И так вот всю неделю? — спросил Майлз у врача.

Рубан покачал головой:

— Нет, имеется определенный прогресс. Его... как бы мне описать... Периоды временного помутнения становятся все чаще. В первый день я зафиксировал всего шесть. А вчера они шли по шесть в час.

А сегодня вдвое чаще. Майлз вернулся к Иллиану. Тот посмотрел на него, и лицо его засветилось.

— Майлз? Что за чертовщина здесь творится?

Майлз терпеливо повторил все заново. Он понял — не имеет значения, что он твердит одно и то же. Иллиану не надоест. Через пять минут он уже ничего не помнит.

В следующий раз Иллиан грозно нахмурился:

— Кто вы такой, черт побери?

— Майлз. Форкосиган.

— Ерунда! Майлзу всего пять лет.

— Дядя Саймон. Посмотри на меня.

Иллиан заботливо посмотрел на него, затем прошептал:

— Будь осторожен. Твой дед хочет тебя убить. Доверяй Ботари.

— Ох, я доверяю, — вздохнул Майлз.

Три минуты спустя:

— Майлз? Какого черта тут творится? Где я?

Майлз покорно начал все снова.

Охранник с подбитым глазом заметил:

— Почему он вам каждый раз верит? Нам он верит в лучшем случае один раз из пяти. Остальные четыре пытается нас убить.

— Не знаю, — ответил Майлз, чувствуя себя выжатым как лимон.

И снова:

— Майлз! Форберг нашел тебя!

— А?.. — Майлз немедленно выпрямился. — Саймон, какое сегодня число?

— Боже, не знаю. Мой гребаный чип развалился напрочь. В моей голове сплошной бедлам. Я от этого с ума схожу. — Он крепко ухватил Майлза за руку и напряженно

посмотрел ему прямо в глаза. — Я не могу этого вынести. Эту штуку починить невозможно... Поклянись, что перережешь мне глотку. Не позволяй этому длиться вечно. Сам я не смогу этого сделать. Поклянись! Дай слово Форкосигана!

— Господи, Саймон, я не могу пообещать такое!

— Ты должен! Ты не можешь оставить меня так мучиться вечно. Поклянись!

— Я не могу... — прошептал Майлз. — Ты... ради этого посылал за мной Форберга?

Лицо Иллиана вновь изменилось, отчаяние сменилось недоумением.

— Кто такой Форберг? — Затем с подозрением: — А ты кто такой?

Иллиан выдернул руку.

Майлз выдержал еще пять приступов и вышел в коридор. Прислонившись к стене, он опустил голову и стоял так, пока дурнота не отступила. Его трясло, спазмы пробегали по всему телу. Доктор Рубан ждал. Айвен тоже воспользовался моментом и вышел в коридор, тяжело дыша.

— Теперь вы видите, с чем нам пришлось столкнуться.

— Это... это непристойно. — Майлз говорил едва слышно, но Рубан отшатнулся. — Рубан. Вы его вымоете. Побреете. Вернете одежду. У него дома полно гражданской одежды, я это точно знаю.

Может, если Иллиан примет человеческий облик, они перестанут с ним обращаться, как с животным?

— Милорд, — возразил полковник, — я не могу просить моих людей еще раз рисковать зубами. Но если вы останетесь, мы попробуем. Вы — единственный, кого он не пытался прикончить.

— Да, конечно, останусь.

Майлз присутствовал при процедуре одевания. Похоже, наличие знакомого человека действовало на Иллиана умиротворяюще. Значит, нужно, чтобы с ним сидели люди, которых он давно знает. Тогда в любое время суток, когда бы он ни открыл глаза, он увидит знакомое лицо. Человека, которому он может верить.

Получив обратно одежду, Иллиан сидел на стуле и ел с принесенного одним из охранников подноса. Видимо, это первая еда за последние пару дней, которую он не пытался превратить в метательное оружие.

В дверях появился офицер и что-то сказал Рубану.

— Совещание, о котором вы просили, созвано, милорд Аудитор, — сообщил Рубан Майлзу. Заискивающему тону Майлз, судя по всему, был обязан не только своему статусу, потому что врач с надеждой спросил: — А после вы вернетесь?

— О, безусловно! А пока... — Взгляд Майлза упал на Айвена.

— Я предпочел бы нагишом заряжать лазерную пушку, чем оставаться здесь, — спокойно сообщил Айвен.

— Учту, — кивнул Майлз. — А пока — оставайся с ним до моего возвращения.

— Угу. — Айвен плюхнулся на стул, с которого только что встал Майлз.

Следуя за Рубаном к двери, Майлз услышал голос Иллиана, для разнообразия любезный, а не взволнованный.

— Айвен, дурак ты эдакий, что ты тут делаешь?

ГЛАВА 17

Конференц-зал клиники был неотличим от всех прочих конференц-залов Службы безопасности, в которых Майлзу за долгие годы довелось провести немало часов. На черном столе стоял проектор головидео с пультом управления, походившим на навигационный пульт прыжкового корабля. Вокруг стола стояли пять стульев, три из которых были заняты. Когда Майлз вошел, сидящие вскочили и замерли по стойке «смирно». При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что все присутствующие — в чине не ниже полковника, кроме самого Майлза. Вещь вполне обычная для Форбарр-Султана. В Генштабе, где служил Айвен, ходила шуточка, что полковники бегают за кофе.

Нет, он не ниже и не выше их по чину, напомнил себе Майлз. Он — в стороне. Хоть и было заметно, что медики привыкли общаться с генералами и адмиралами, с Имперским Аудитором они явно сталкивались впервые. Последний раз Имперская безопасность подвергалась аудиторской проверке пять лет назад, и касалось это финансовой деятельности. Тогда Майлз был на другой стороне, поскольку аудиторов несколько удивили затраты на дендарийских наемников. Расследование имело опасную политическую подоплеку, и из дерьма его тогда вытащил Иллиан.

Рубан представил своих коллег. Сам Рубан был невропатологом. Следующим, а может, и первым, по значимости шел контр-адмирал доктор Авакли, биокибернетик. Авакли входил в группу врачей, которые вживляли всем барраярским пилотам прыжковых кораблей мозговые имплантаты, и это была единственная на Барраяре технология, имеющая хоть что-то общее с чипом, вживленным Иллиану. Авакли в отличие от кругленького Рубана был высоким, худощавым, суровым, уже начинающим лысеть. Майлз понадеялся, что последнее — признак высокого интеллекта. Двое других оказались помощниками Авакли.

— Благодарю вас, господа, — произнес Майлз, когда процедура знакомства завершилась. Он сел, за ним сели и остальные. Кроме Рубана, явно выбранного спикером.

— С чего вы хотите, чтобы я начал, милорд Аудитор? — спросил Рубан.

— Э-э-э... С самого начала.

Рубан послушно принялся перечислять длинный список произведенных исследований, подкрепляя свой рассказ видеопоказом данных и результатов.

— Прошу прощения, — через несколько минут перебил его Майлз. — Наверное, я не совсем точно выразился. Можете пропустить все отрицательные результаты. Давайте только положительные.

Повисла короткая пауза, затем Рубан сказал:

— Короче, никаких признаков неврологических нарушений я не обнаружил. Физиологический и психологический стрессы, достаточно сильные, по моему мнению, являются скорее следствием, чем причиной биокибернетического срыва.

— Вы согласны с таким заключением? — спросил Майлз у Авакли. Тот кивнул, хоть и слегка поджав губы, что, видимо, должно было означать, что человеку вообще-то свойственно ошибаться. Авакли с Рубаном обменялись кивками, и Авакли сменил невропатолога у пульта головидео.

Авакли дал изображение внутренней структуры чипа. Майлз облегченно вздохнул. У него были некоторые опасения, что медицинская служба Имперской безопасности за тридцать пять лет утратила справочник пользователя, но у врачей, похоже, имелась масса сведений об имплантате Иллиана. Чип представлял собой чрезвычайно сложный сандвич из органических и неорганических молекулярных слоев, около семи сантиметров шириной и полсантиметра толщиной, установленный вертикально между двумя долями мозга Иллиана. По сравнению с ним имплантат прыжкового пилота казался просто детской игрушкой. Наиболее сложным являлся участок, отвечающий не за сбор, а за выдачу информации, хотя и тот и другой являлись самообучающейся системой, которая начинала работать после вживления чипа.

— Повреждение затронуло органическую или неорганическую часть? Или обе? — спросил Майлз у Авакли.

— Органическую, — решительно ответил врач. — Почти наверняка.

Авакли относится к тем ученым, которые никогда не говорят того, в чем не уверены, — понял Майлз.

— К сожалению, — продолжил Авакли, — чип не может быть отключен. Там нет никакого выключателя. Только тысячи и тысячи нейронных нитей, покрывающих всю поверхность.

Ничего удивительного. Ведь император Эзар рассматривал чип как сверхнадежное хранилище данных.

— Так... Я всегда считал, что чип работает параллельно с обычной памятью Иллиана. Он ведь не заменяет ее, верно?

— Совершенно верно, милорд. Субъекты, подвергшиеся такой операции, обладают двойной памятью о событиях. И это, судя по всему, является основным фактором воз-

никновения у них в дальнейшем шизофрении. Своего рода внутренний дефект. Причем не чипа, а человеческого мозга.

Рубан кашлянул, вежливо выражая несогласие с этой теорией.

Должно быть, Иллиан — прирожденный шпион. Держать в голове больше одной реальности и не сойти с ума — несомненно, признак величайших шпионских способностей.

Авакли продолжил глубоко научный рассказ о трех предложенных способах возможного отключения чипа. Все они выглядели недоработанными и не гарантировали успешного результата. Сам Авакли, описывая их, вовсе не выглядел довольным и исполненным энтузиазма. Все они требовали многочасовых микронейрохирургических операций. Рубан постоянно кривился.

— Итак, — перебил наконец Майлз, — что случится, если вы извлечете чип?

— Пользуясь обычной терминологией, — ответил Авакли, — это приведет к шоку и смерти. Ясно, что последствия такой операции должны быть именно таковы, чтобы предотвратить... э-э-э... кражу.

Верно. Майлз представил себе Иллиана, со вскрытой головой, оставленного умирать... Кто-то когда-то тоже, видимо, представлял себе нечто подобное. Поколение Эзара — сплошные параноики.

— Чип невозможно изъять в целости из его органической матрицы, — продолжил Авакли. — Во всяком случае, шансы извлечь из него потом информацию минимальны.

— А если не извлекать?

— Протеиновые цепи не выказывают признаков замедления распада.

— Иначе говоря, выражаясь научным языком, чип превращается в месиво в голове Иллиана. Адмирал Авакли, что, по вашему мнению, послужило причиной поломки чипа?

Авакли нахмурился:

— Саморазрушение от старости или какая-то химическая или биологическая атака. Для того, чтобы подтвердить вторую версию, мне нужно разобрать чип на части.

— Так... значит, нет никакой возможности снять чип, починить и поставить на место.

— Именно так.

— И вы не можете починить его in situ*, не зная точной причины расстройства, которую вы не можете определить, не вынимая чип для детального изучения. Что ведет к разрушению последнего.

Авакли поджал губы и холодно кивнул, соглашаясь с кратким изложением сути вопроса.

— Боюсь, о починке и речи быть не может. Я пытался разработать схему постепенного отключения системы.

* в месте нахождения (*лат.*).

— В таком случае, — продолжил Майлз, — вы неправильно поняли смысл моего первого вопроса. Я хочу знать, что будет с Иллианом, если чип извлечь.

Авакли жестом, как бы перебрасывая мяч, переадресовал вопрос Рубану.

— С уверенностью мы ничего сказать не можем... — протянул Рубан.

— Но шансы оценить вы можете? Не превратится ли он снова, я имею в виду в смысле памяти, в двадцатисемилетнего?

— Нет, не думаю. Извлечение чипа без попыток сохранить сам чип — довольно простая операция. Но мозг — штука сложная. Например, мы не знаем, как за тридцать пять лет мозг выстроил свои естественные цепочки вокруг имплантата. Плюс чисто физиологические проблемы. То, что позволяло Иллиану — что бы это ни было — жить с чипом в голове и не сойти с ума, придет в состояние дисбаланса.

— Что-то вроде того, как... отбросить костыли и обнаружить, что ноги атрофировались?

— Приблизительно так.

— И какой же вред будет нанесен? Большой? Маленький?

Рубан беспомощно пожал плечами.

— И экспертов по этой мерзкой технологии пока еще не нашли?

— Пока нет. На это может уйти несколько месяцев.

— И все это время, — мрачно хмыкнул Майлз, — если я правильно понимаю, чип будет разваливаться дальше, и Иллиан либо навсегда утратит разум, либо умрет от истощения.

— Э-э-э... — протянул Рубан.

— Если подвести итог, то именно так, как вы сказали, милорд, — отрубил Авакли.

— Тогда почему вы до сих пор не вытащили эту чертову штуковину?

— Мы получили приказ, милорд, сохранить чип, — ответил Авакли. — Или, на худой конец, извлечь максимальное количество хранимой в нем информации.

Майлз потер подбородок и, немного помолчав, спросил:

— Почему?

Брови Авакли поползли вверх.

— Насколько я понимаю, имеющиеся в нем данные чрезвычайно важны для Службы безопасности и Империи.

— Неужели? — Майлз, наклонившись, уставился в цветную голограмму кошмарного приспособления, находящегося в мозгу Иллиана. — Этот чип имплантировали вовсе не с целью сделать из Иллиана супермена. Это была просто любимая игрушка императора Эзара, которому льстило иметь ходячий видеомагнитофон. Хотя, готов признать, Иллиана это вполне устраивало. Придавало ему эдакую ауру непогрешимости, которая пугала кучу народа. Но все это ерунда, и он сам это пре-

красно знает, даже если остальные — нет. Чип, по большому счету, не имеет никакого отношения к управлению Службой безопасности. Он получил эту должность, потому что был рядом с отцом, когда мятежники Фордариана убили его предшественника, капитана Негри, и мой отец хорошо к нему относился и доверял ему. Тогда не было времени на поиски талантов, в разгар гражданской войны. Так что из всех качеств, благодаря которым Иллиан стал лучшим главой Имперской службы безопасности, чип... наименее важный. — Голос Майлза упал почти до шепота. Авакли и Рубан вынуждены были наклониться к нему. Майлз прокашлялся и выпрямился.

— В чипе имеется четыре вида информации, — продолжил Майлз. — Старая и никому не нужная. Свежая, которая продублирована — Иллиан всегда был вынужден действовать, исходя из предпосылки, что в любой момент может умереть или его убьют, поэтому Гарошу или кому-нибудь еще придется срочно заступать на его место. Затем всякая ерунда, сведения личного порядка, не предназначенные ни для кого, кроме самого Иллиана. А может, даже и ему не нужные. Тридцатипятилетний учет принятых ванн, съеденных блюд, переодеваний и прочего. Несколько половых актов — не очень много, полагаю. Уйма плохих романов и фильмов. Короче, вся жизнь за тридцать пять лет. И всего этого гораздо больше, чем ценных сведений. И десяток тайн, о которых не знает больше никто. И возможно, и не должен знать.

— Что вы хотите, чтобы мы сделали, милорд Аудитор? — спросил Рубан, нарушив молчание, повисшее после этого монолога.

«Ты хотел власти, мальчик, ты ее получил». Майлз вздохнул.

— Я хочу поговорить еще кое с кем. А пока... подготовьте все необходимое для извлечения чипа. Оборудование, безусловно, но прежде всего специалиста. Я хочу, чтобы это был лучший врач, которого можно заполучить, не важно, сотрудник он СБ или нет.

— Когда начинать, милорд? — поднялся Рубан.

— Мне бы хотелось, чтобы вы закончили через два часа. — Побарабанив пальцами по столу, Майлз встал. — Благодарю вас, господа. Все свободны.

Майлз связался с Грегором прямо из клиники.

— Так ты нашел, что хотел? — поинтересовался Грегор.

— Я ничего этого не хотел. Но определенного успеха я добился. Уверен, ты не удивишься, услышав, что проблема не с мозгом Иллиана, а с этим чертовым чипом. Он выдает полную околесицу. Примерно каждые пять минут он выбрасывает новый пакет воспоминаний из разных периодов прошлого. Впечатление... жуткое. Причина неизвестна, починить его

они не могут. Извлечение чипа повлечет потерю всех имеющихся в нем сведений. А оставить его на месте — значит уничтожить Иллиана. Понимаешь, к чему я веду?

— К извлечению чипа, — кивнул Грегор.

— По-моему, другого выхода нет. И это должно было быть... ну, если уже не сделано, то по крайней мере предложено и подготовлено все необходимое. Проблема в том, что Иллиан не в том состоянии, чтобы дать согласие на операцию.

— Понятно.

— Кроме того, они не знают, какие могут быть последствия. Полное выздоровление, частичное, изменение личности, полное разрушение — они гадают на кофейной гуще. Короче, я пытаюсь тебе объяснить, что ты можешь не получить обратно своего шефа Имперской безопасности.

— Понимаю.

— Теперь скажи, есть ли на чипе что-то такое, что бы тебе хотелось сохранить и о чем я не знаю?

Грегор вздохнул:

— Наверное, только твой отец может ответить на этот вопрос. И за пятнадцать лет, с тех пор как я достиг совершеннолетия, он не счел нужным мне что-либо рассказать. Похоже, старые тайны должны таковыми и остаться.

— Теперь Иллиан — твой человек. Вы даете согласие на извлечение чипа, сир?

— А вы рекомендуете именно это, мой Аудитор?

Майлз вдохнул и выдохнул:

— Да.

Грегор задумчиво пожевал губу, затем принял решение.

— Тогда пусть мертвые остаются мертвыми. Будем смотреть в будущее. Делай.

— Слушаюсь, сир.

Майлз выключил комм.

На сей раз Майлза пропустили в кабинет Гароша — Иллиана без звука. Гарош, изучая что-то на комме, жестом указал ему на стул. Майлз перевернул стул и сел верхом, сложив руки на спинке.

— Ну, милорд Аудитор, — повернулся к нему Гарош, выключив комм, — полагаю, мои подчиненные оказали вам полное содействие.

Иллиану ирония удавалась лучше, но стоит отдать Гарошу должное за попытку.

— Да, благодарю вас.

— Признаю, что недооценил вас. — Гарош указал на комм. — Я видел, как вы летаете туда-сюда все эти годы, и подозревал, что вы — оперативник, специалист по тайным операциям. Но я и представления не имел, какой именно и по каким опера-

циям. Неудивительно, что вы были любимчиком Иллиана. — Теперь взгляд, которым он окинул награды Майлза, был скорее оценивающим, чем пораженным.

— Читали мое досье, да? — Майлз не желал уступать Гарошу.

— Просмотрел сводки и некоторые аннотации Иллиана. На изучение всего потребуется неделя. А в настоящий момент я свободным временем не располагаю.

— Да, пожалуй. Я только что говорил с Грегором. — Майлз помолчал. — Мы приняли решение извлечь чип.

Гарош вздохнул:

— Я надеялся, что этого удастся избежать. Это так несвоевременно и нанесет такой... урон.

— Никакой урон не будет хуже того, что происходит сейчас. Кстати, Иллиану определенно с самого начала требовалось присутствие кого-то хорошо знакомого, это его успокаивает. И безусловно, сильно снижает его воинственность. Тогда отпала бы необходимость в транквилизаторах. И в унизительных ремнях. Не говоря уже о привлечении охранников.

— Вначале я не знал, с чем мы имеем дело.

— М-м-м... Но было ошибкой оставлять его одного в таком состоянии.

— Я... признаю, что не ходил в клинику, чтобы посмотреть все самому. Первый день был не самым простым, прямо скажу.

«Вполне понятное поведение, хоть и трусливое».

— Нам с Айвеном удалось добиться многого одним своим присутствием. И я подумал о другом человеке, который может сделать еще больше. Полагаю, леди Элис Форпатрил должна побыть с ним, пока готовят операцию.

Гарош нахмурился:

— Вы с лейтенантом Форпатрилом являетесь, или были, приведенными к присяге военными. А она — гражданское лицо и из-за принадлежности к женскому полу не может быть приведена к присяге.

— Но тем не менее она весьма значительная личность. Если возникнет необходимость, я сам, как Аудитор, прикажу разрешить ей доступ, но я хотел дать вам шанс исправить ошибку. Помимо всего прочего, вы должны понимать, что как официальная сваха Грегора и его ближайшая родственница она будет заниматься организацией императорской брачной церемонии. Вы в этот момент еще можете быть исполняющим обязанности начальника Службы безопасности. И вам придется с ней общаться по вопросам безопасности... это же очевидно. Императрица Лаиса, возможно, потом захочет внести изменения, но пока леди Элис, представительница старой гвардии, отвечает за все. Это форский обычай. Военные, с достойным восхищения упорством стараясь поставить заслуги впереди кровных уз, тратят массу времени, прикидываясь, что институт форов — фикция. А форы, за безопасность и хорошее поведение которых вы

будете нести особую ответственность, пока сидите за этим столом, тратят как минимум столько же энергии, доказывая, что институт форов — реальность.

Брови Гароша поползли вверх.

— Так кто же из них прав?

— Моя мать сказала бы, что это схватка двух конкурирующих фантазий, — пожал плечами Майлз. — Но какого бы мнения вы ни придерживались о достоинствах и недостатках института форов — а у меня, например, имеется ряд соображений по данному вопросу, которые я не стал бы излагать перед Советом графов, — это система, которую мы с вами оба поклялись поддерживать. Форы действительно являются мощью Империи. Если вас это не устраивает, можете эмигрировать, но если предпочитаете остаться, то это — единственная дозволенная игра в нашем городе.

— И как это Иллиану удавалось так хорошо с вами со всеми ладить? Он ведь не больше фор, чем я.

— Я полагаю, что он наслаждался зрелищем. Не знаю, что он думал в молодости. Но к тому времени, когда я действительно хорошо его узнал, то есть в последние десять лет или около того... Думаю, он пришел к выводу, что Империя — это творение, которое он помогает сохранить в целости. Он казался очень в этом заинтересованным. В некотором роде цетагандийский подход — скорее как у художника к своему творению, чем как у слуги к хозяину. Иллиан изображал слугу Грегора с огромным энтузиазмом, но сомневаюсь, что встречал когда-либо менее угодливое человеческое существо, чем Саймон.

— А! — Глаза Гароша загорелись, будто он уловил смысл сказанного. Он побарабанил по столу совсем как Иллиан. Господи, да этот человек действительно слушает! И учится? Это греет душу.

Решительно поджав губы, Гарош набрал на комме номер. На экране появилось лицо секретаря леди Элис. После обмена приветствиями и объяснений причины вызова на видео появилась сама леди Элис. Она хмуро посмотрела на Гароша.

— Миледи, — коротко кивнул генерал. Жест, который можно было счесть либо вариантом приветствия аналитиков, либо попыткой откинуть челку со лба. — Я пересмотрел вашу просьбу по поводу вашего допуска в клинику Службы безопасности. Иллиана, возможно, скоро прооперируют. Я буду чрезвычайно признателен, если вы соблаговолите приехать и побудете с ним до операции. Похоже, в присутствии знакомых он — хм — ведет себя спокойно даже без лекарств.

— Я говорила вам это еще вчера! — бросила леди Элис.

— Да, миледи, — покорно согласился Гарош. — Вы были совершенно правы. Могу я послать за вами машину? И когда?

— Ради такого случая, — заявила Элис, — я буду готова через пятнадцать минут.

Интересно, понял ли Гарош всю прелесть данного заявления? У фор-леди на сборы иногда уходит и пятнадцать часов.

— Благодарю вас, миледи. Думаю, вы окажете нам огромную помощь.

— Благодарю, генерал. — Чуть поколебавшись, она добавила: — И спасибо лорду Форкосигану.

Она выключила комм.

— Ух! — криво улыбнулся Гарош. — Она действительно умна.

— В некоторых аспектах умнее всех.

— Остается лишь удивляться, как лорд Айвен... а, ладно. Ну и как вам это, милорд Аудитор?

«Поразительно!»

— Достойное извинение. Она вынуждена его принять. И вы не пожалеете.

— Должно быть, вам трудно это признать, учитывая ваши взаимоотношения с большинством ваших начальников, — Гарош постучал по комму (какие же файлы он читал?), — но я действительно хочу хорошо выполнять свою работу. Просто выполнять свои обязанности — недостаточно. На нижних эшелонах полно людей, лишь выполняющих свои обязанности и ничего больше. Я знаю, что я не очень-то вежливый человек — никогда им не был...

— Не был вежлив и предшественник Иллиана, капитан Негри, насколько мне известно, — сообщил Майлз.

Гарош кисло улыбнулся:

— Я не напрашивался на оправдания. Скорее всего я никогда не стану таким вежливым и лощеным, как Иллиан. Но я намерен делать свое дело не хуже него.

— Спасибо, генерал, — кивнул Майлз.

Майлз вернулся в клинику, чтобы сменить кузена. Айвен покорно сидел рядом с Иллианом, но настолько глубоко вжавшись в спинку стула, насколько это вообще было возможно. На лице его блуждала затравленная улыбка. Нога нервно постукивала по полу.

Завидев Майлза, Айвен торопливо вскочил и бросился к дверям.

— Слава Богу! Тебе давно пора вернуться! — пробормотал он.

— Как тут дела?

— А ты как думаешь? Теперь я понимаю, почему они пичкают его транквилизаторами, даже когда он не пытается поотрывать всем головы. Просто таким образом им не приходится выслушивать часами всего этого. Майлз, это кошмар!

— Да, я знаю. — Он вздохнул. — Но скоро прибудет подмога. Я попросил твою матушку приехать посидеть с ним.

— О? Отличная мысль! — обрадовался Айвен. — Уж лучше она, чем я.

Майлз криво улыбнулся.

— А ты не боишься, что для нее это будет слишком тяжело?

— О! Хм... Черт, да она крепкая.

— Крепче тебя?

— Она с этим справится, — с отчаянием в голосе пообещал Айвен.

— Отдохни, Айвен.

— Ага! — Не дожидаясь повторного приглашения, Айвен устремился к выходу.

— И, Айвен...

— Что? — чуть притормозив, подозрительно спросил Айвен.

— Спасибо.

— А, да не за что!

Вздохнув поглубже, Майлз шагнул в палату. Там по-прежнему было жарко. Майлз снял китель, аккуратно повесил его на спинку стула, закатал рукава рубашки и сел. Сначала Иллиан не обратил на него внимания, затем изумленно уставился и еще через мгновение лицо его просветлело. И все началось по новой: «Майлз, что ты тут делаешь?» — «Саймон, послушай меня. Твой чип сломался...»

Снова и снова. Без конца.

Через некоторое время Майлз пришел к выводу, что это все равно что разговаривать с человеком, у которого раздвоение или растроение личности. Тридцатилетнего Иллиана сменял Иллиан сорокашестилетний, и оба они сильно отличались от Иллиана шестидесятилетнего. Майлз терпеливо ждал, когда выпадет нужная карта, и повторял заново число, месяц, факты и объяснял ситуацию. Наступит ли когда-нибудь момент, когда все Иллианы окажутся проинформированы, или Саймон будет делиться до бесконечности?

Наконец снова возник тот Иллиан, которого он ждал.

— Майлз! Форберг тебя отыскал? Черт, это кошмар какой-то! Мой проклятый чип развалился. Превращается в кашу у меня в голове. Обещай мне — дай слово Форкосигана — что не позволишь этому продолжаться до бесконечности!

— Послушай, Саймон! Я все знаю. Но я не стану резать тебе глотку. Тебе сделают операцию и извлекут чип. Не позже завтрашнего дня, если это зависит от меня, а это от меня зависит. Починить чип нельзя, поэтому его достанут.

Иллиан немного помолчал.

— Достанут?.. — Он коснулся рукой лба. — Но как я смогу без него действовать?

— Точно так же, как первые двадцать семь лет твоей жизни, пока тебе его не вживили, если верить медицине.

В глазах Иллиана мелькнул страх.

— И вместе с ним... исчезнут все мои воспоминания? Вся жизнь? О Господи, Майлз! — Он замолчал, а потом добавил: — Думаю, что предпочел бы, чтобы ты перерезал мне глотку.

— Это не выход, Саймон.

Иллиан покачал головой. И тут же превратился в другого Иллиана. Пошел следующий раунд:

— Майлз! Что ты тут делаешь? Что я тут делаю? — Он посмотрел на свой штатский костюм. Иллиан либо дей-

ствительно предпочитал унылые тона, либо не доверял своему вкусу. — Я немедленно должен быть на Совете графов и в полном парадном мундире. Им необходимо сообщить... необходимо сообщить...

Майлз так и не понял, согласился ли Иллиан или нет. Но в данной ситуации ничего другого он сделать не мог, поэтому снова и снова повторял одно и то же.

Наконец доктор Рубан привел леди Элис. По просьбе Майлза он по дороге коротко ввел ее в курс дела. Майлз понял это, увидев огорченное и обеспокоенное выражение ее лица.

— Привет, Саймон, — мелодичным альтом поздоровалась она.

— Леди Элис! — На лице Иллиана отобразилась целая гамма чувств, будто он что-то судорожно пытался вспомнить. — Я сожалею о гибели лорда Форпатрила, — наконец произнес он. — Если бы я только знал, что вы в городе. Я пытался вывести адмирала Канзиана. Если бы я только знал. Вы сохранили ребенка?

Извинения и соболезнования по поводу убийства ее мужа, происшедшего тридцать лет назад. Канзиан умер от старости пять лет назад. Элис со скрытой мукой глянула на Майлза.

— Да, Саймон, все в порядке, — ответила она. — Лейтенант Куделка провел нас через позиции Фордариана. Теперь все хорошо.

Майлз кивнул и повторил привычный речитатив, специально для леди Элис. Она внимательно выслушала, наблюдая за сменой эмоций на лице Иллиана. Но с ее приходом солдатский жаргон испарился из речи Иллиана как по мановению волшебной палочки. Майлз соскользнул со стула и предложил присесть леди Элис. Она решительно села и взяла Иллиана за руку.

Моргнув, Иллиан уставился на нее.

— Леди Элис! — Черты его лица смягчились. — Что вы тут делаете?

Майлз отошел к двери, где стоял, наблюдая за происходящим, доктор Рубан.

— Это интересно, — заметил Рубан, глядя на приборную панель. — У него немного упало давление.

— Да, и я... не удивлен. Давайте выйдем в коридор и поговорим. И я хочу перемолвиться словечком с Авакли.

Майлз, Рубан и Авакли сидели в ординаторской и пили кофе. Майлз сообразил, что за окном уже глухая ночь. Похоже, он, как и Иллиан, несколько утратил чувство времени.

— Итак, вы уверяете меня, что возможности для проведения операции здесь у вас имеются, — продолжил разговор Майлз. — Тогда расскажите побольше о хирурге.

— Это мой второй старший хирург, который занимается вживлением имплантатов прыжковым пилотам, — пояснил Авакли.

— А почему не первый старший хирург?

— Тот тоже хорош, но этот моложе и обучался по более современной методике. Я считаю, что в данной си-

туации более предпочтительны современные методы, чем долгий опыт.

— Вы ему доверяете?

— Позвольте мне выразиться таким образом, — начал Авакли. — Если вы за последние пять лет летали на имперском курьерском корабле, то вы уже вверяли ему свою собственную жизнь, точно так же, как и тем инженерам, который налаживали на этом корабле двигатели Неклина. И имплантат личному пилоту императора тоже вживлял он.

— Отлично. Я принимаю ваш выбор. Как скоро он будет здесь и как скоро приступит к делу?

— Мы можем вызвать его сегодня ночью из провинции Фордариана, но будет лучше, если он спокойно переночует дома. Затем я дам ему еще день на изучение задачи и планирование операции. А дальше — на его усмотрение. Вероятнее всего, операция пройдет послезавтра.

— Понял. Быть по сему. — Ускорить события Майлз не мог. Таким образом, у команды доктора Авакли имеется еще два дня, чтобы разобраться с их частью задачи. — Сообщите мне, если узнаете что-то новенькое, что не повлечет для Иллиана новых... осложнений. Да, и у меня есть предложение! После операции команда доктора Авакли станет патологоанатомами чипа. Я хочу, чтобы этой чертовой штуковине сделали вскрытие, даже если она никуда не годится. В чем причина поломки? Это хочет знать и Служба безопасности, и я. И я подумал, что есть человек, которого надо ввести в команду. Человек, который может поделиться с вами интересным галактическим опытом. Он заведует лабораторией в Императорском научно-исследовательском институте биотехнологий недалеко от Форбарр-Султана. Зовут его Воэн Уэдделл. — Ранее известный как доктор Хью Канабе с Архипелага Джексона. Во время одной из ранних операций дендарийцев был тайно вывезен с Архипелага Джексона на Барраяр, где ему сделали пластическую операцию и дали новое имя. Вывезен вместе с рядом самых секретных во всей галактике биоинженерных разработок. Сержант Таура — результат одного из его ранних и самых амбициозных проектов. — Он молекулярный биолог по образованию и роду деятельности, но некоторые его эксперименты касались... совершенно потрясающих вещей. В некотором роде козырная карта и — хм — примадонна по поведению, но я полагаю, что в любом случае некоторые его идеи вас заинтересуют.

— Да, милорд, — Авакли сделал себе пометку. Пожелание Имперского Аудитора равносильно императорскому указу, еще раз убедился Майлз. Ему действительно нужно следить за своими словами.

Похоже, на сегодня все. Ему страстно хотелось вернуться в резиденцию Форкосиганов и рухнуть спать.

Но вместо этого Майлз проспал часа четыре в одной из палат и сменил на ночном дежурстве леди Элис Форпатрил. Лейтенант Форберг, заступив на службу, с удовольствием оставил им место у изголовья Иллиана и занял пост у входной двери. Иллиан спал урывками, каждые двадцать минут просыпаясь и впадая в очередную волну паники и растерянности. Похоже, оставшиеся до операции два дня окажутся очень долгими.

ГЛАВА 18

Два дня прèвратились в три, которые тянулись бесконечно. Последние сутки Иллиан был настолько плох, что даже не в состоянии был молить о смерти или выразить свой ужас перед предстоящей операцией. Для Майлза это стало своего рода передышкой. Участившиеся приступы не оставляли времени для разговора: Иллиан ничего не слышал, и только искажавшие лицо гримасы отражали царивший в его голове хаос.

Даже Элис не выдержала. Периоды отдыха у нее становились все длиннее, а время пребывания у Иллиана — все короче. Майлз держался стойко, сам толком не понимая, зачем он это делает. Вспомнит ли Иллиан что-нибудь из происходящего сейчас? «И смогу ли я забыть?»

Иллиан больше не пытался сопротивляться, но движения его стали резкими и непредсказуемыми. Было принято решение не пытаться держать его в сознании во время операции. С проверкой функционирования высшей нервной деятельности придется подождать, пока он очнется. Майлз испытал глубокое облегчение, когда наконец явились медтехники, ввели Иллиану успокоительное и начали готовить к операции. Иллиан затих.

Как доверенный наблюдатель Грегора Майлз проследовал в операционную, расположенную возле лабораторий чуть дальше по коридору. Никто и не подумал предложить ему подождать в другом месте. «Где находится Имперский Аудитор? Где ему заблагорассудится». Техник помог ему натянуть стерильный халат и принес удобный стул, усевшись на который Майлз имел отличную возможность следить за мониторами, фиксировавшими каждый момент операции, все, что происходило внутри черепа Иллиана и снаружи. И еще он мог видеть из-за плеча хирурга макушку Иллиана. Майлз решил, что, пожалуй, лучше следить за мониторами.

Техник выбрил треугольник на голове Иллиана — в чем, по мнению Майлза, не было особой необходимости ввиду почти полного отсутствия волос. Майлз считал, что давно уже привык к виду крови, но его желудок свернулся в комок, когда хирург умело отделил скальп и часть черепа и обнажил

мозг. Дырочка оказалась совсем маленькой, почти что точка. Затем поставили микрозажимы, и хирург склонился над головой Иллиана. Майлз переключил свое внимание на мониторы.

Остальное заняло менее пятнадцати минут. Хирург лазером перерезал тоненькие артерии, питающие чип кровью и обеспечивающие жизнедеятельность его органической части, и быстро вскрыл слой покрывавших чип нейросоединений, которые были тоньше паутины. Самый тонкий щуп извлек чип из матрицы. Хирург бросил чип на поднос, который предусмотрительно держал озабоченный доктор Авакли.

Авакли с помощниками немедленно устремились к двери, спеша доставить умерший чип в лабораторию. На мгновение задержавшись, Авакли оглянулся на Майлза, будто ожидая, что он последует за ними.

— Вы идете, милорд?

— Нет. Увидимся позже. Идите, адмирал.

Майлз не очень-то понимал то, что видит на мониторах, но по крайней мере мог следить за лицом доктора Рубана, наблюдавшего за физическим состоянием Иллиана. Рубан был сосредоточен, но не напряжен. Значит, ничего страшного не происходит.

Хирург положил отделенный кусок черепа на место, приклеил особым клеем и закрыл лоскутом кожи. На голове Иллиана остался лишь тоненький красный шов. Кошка Царапка и то оставляла более заметные следы.

Врач выпрямился и потянулся.

— Все. Теперь он ваш, доктор Рубан.

— Это оказалось... проще, чем я думал, — прокомментировал Майлз.

— На несколько порядков проще, чем вживление, — согласился хирург. — Я пережил несколько ужасных мгновений, когда впервые увидел видеокарту этой штуки. Тогда я подумал, что мне придется отсоединять все эти нейросоединения по одному с другого конца, от мозга, но потом сообразил, что их можно просто оставить in situ.

— А не будет никаких побочных последствий от того, что они остались внутри?

— Нет. Они просто будут там лежать, инертные и безвредные. Как любой обрезанный провод. Ничего по ним не идет.

Анестезиолог спросил у Рубана и хирурга:

— Вы готовы к тому, чтобы я вывел его из наркоза?

Рубан глубоко вздохнул.

— Да. Будите его. Посмотрим, что мы натворили.

Раздалось шипение газа. Анестезиолог проследил за убыстряющимся дыханием Иллиана, затем по кивку хирурга извлек трубки у него изо рта и освободил голову из фиксаторов. Щеки Иллиана начали постепенно розоветь, утрачивая смертельную бледность.

Карие глаза распахнулись. Иллиан моргнул и посмотрел на присутствующих. Облизнув пересохшие губы, он прохрипел:

— Майлз? Где я, черт побери? И что ты тут делаешь?

У Майлза на мгновение сердце ухнуло в яму, ему почудилось, что сейчас начнется та же песня, что последние четыре дня. Но взгляд Иллиана, хоть и немного мутный, не отрывался от его лица.

Майлз растолкал врачей, охотно уступивших ему дорогу, и подошел к Иллиану.

— Саймон, ты в операционной клиники Службы безопасности. Твой чип эйдетической памяти сломался, починить его нельзя. Мы только что его извлекли.

— О! — нахмурился Иллиан.

— Какое ваше последнее воспоминание, сэр? — спросил Рубан, внимательно глядя на пациента.

— Воспоминание?.. — Иллиан скривился. Он поднял правую руку, коснулся головы и бессильно уронил. — Я... Это как сон... — Он помолчал и добавил: — Кошмарный сон.

Майлз подумал, что это прекрасная демонстрация здравого рассуждения и восприятия, хотя Рубан и нахмурился.

— Кто принял... это решение? — поинтересовался Иллиан, указав на голову.

— Я, — признался Майлз. — Точнее, я посоветовал Грегору, а он согласился.

— Ну конечно. Грегор сделал тебя тут главным?

— Да. — Майлз внутренне запаниковал.

— Хорошо, — вздохнул Иллиан. Майлз перевел дыхание. Взгляд Иллиана стал более пристальным. — А Служба безопасности? Что происходит? Сколько?..

— В настоящий момент за твоим коммом сидит генерал Гарош.

— Лукас? Это хорошо.

— У него все под контролем. Никаких крупных проблем, кроме как с тобой. Можешь отдыхать.

— Должен признаться, — пробормотал Иллиан, — я устал.

Он выглядел совершенно измученным.

— Ничего удивительного, — ответил Майлз. — Это длится вот уже три недели.

— Да? — Голос Иллиана начал затихать. Он снова сделал странный жест, проведя рукой по лицу, будто пытаясь что-то припомнить. Ладонь судорожно сжалась и разжалась. Казалось, ему требуется приложить усилие, чтобы опустить руку на стол.

Тут вступил в свои права невропатолог и провел первичное тестирование. У Иллиана оказались незначительные мышечные спазмы. Саймон с некоторым недоумением посмотрел на свои сбитые костяшки пальцев, но ничего не спросил, как и не поинтересовался происхождением рубцов на запястьях. Его повезли в палату, Майлз потащился следом.

Когда Иллиана уложили в постель, Рубан, выйдя в коридор, объяснил Майлзу:

— Как только его физическое состояние стабилизируется — то есть он поест, поспит и придет в себя, — я начну проводить исследования.

— А как скоро он сможет... Нет, думаю, еще рано об этом спрашивать... Понимаете, я собирался спросить, как скоро он сможет пойти домой.

Туда, что для Иллиана служило домом. Майлз вспомнил свое давнее пребывание в одной из этих лишенных окон квартир для важных свидетелей в подвале здания СБ и внутренне содрогнулся.

Рубан пожал плечами:

— Если все пойдет нормально, я отпущу его через два дня. Конечно, ему придется приходить сюда ежедневно для дальнейшего обследования.

— Так скоро?

— Как вы сами видели, операция не очень сложная. Считается чуть ли не мелкой. В физическом смысле.

— А не в физическом?

— А вот это нам предстоит выяснить.

Майлз вернул стерильный халат медтехнику и вновь натянул на себя китель с орденами. Едва переодевшись, он заглянул в соседний кабинет. Там терпеливо сидела леди Элис Форпатрил. Услышав движение, она оглянулась.

— Сделано, — доложил Майлз. — И пока все идет хорошо. Похоже, он снова постепенно возвращается к нормальному состоянию. Хоть и немного подавлен. Вы вполне можете его навестить, если хотите.

— Хочу. — Леди Элис поднялась и выскользнула из кабинета.

Майлз зашел в секретную лабораторию, где работала команда Авакли.

Авакли уже засунул чип под сканер, но еще не начал разбирать на части. Майлз немедленно заметил нового человека — высокого худого мужчину, стоящего чуть в стороне от других.

Доктор Воэн Уэдделл, урожденный Хью Канабе с Архипелага Джексона, теперь приобрел несколько более светлую кожу, темные волосы и светло-карие глаза взамен почти черных, которые были у него, когда Майлз с ним встретился впервые. Более высокие, чем прежде, скулы и прямой нос придавали ему чуть ли не аристократический вид. Хотя держался он, как всегда, несколько надменно.

При виде Майлза глаза Уэдделла расширились. Майлз мрачно усмехнулся. Похоже, добрый доктор не забыл адмирала Нейсмита. Майлз отвел его в сторону и тихо сказал:

— Доброе утро, доктор Уэдделл. Как вам нравится ваша новая личность?

Уэдделл довольно легко справился с изумлением.

— Спасибо, хорошо. А как... хм... вам нравится ваша?

— Вообще-то это моя старая личность.

— Правда? — Уэдделл поднял брови, рассматривая и расшифровывая родовые цвета мундира, украшавшие грудь награды и сверкающую цепь.

— Хм-м... Насколько я понимаю, вы и есть тот самый Имперский Аудитор, которого я должен благодарить за то, что меня оторвали от работы в институте?

— Совершенно верно. Нам, подданным Империи, иногда приходится выполнять неожиданные поручения, что вам уже должно быть известно. Это цена, которую приходится платить за то, чтобы быть барраярцем. Один из вариантов.

— Что ж, — вздохнул Уэдделл, — по крайней мере климат у вас значительно лучше.

По сравнению с Архипелагом Джексона — безусловно. И Уэдделл имел в виду не только погоду.

— Очень рад, что дела у вас пошли успешно, — сказал Майлз. — Если бы я знал, что увижу вас, то передал бы вам привет от сержанта Тауры.

— Господи, она еще жива?

— О, да. — «Но отнюдь не благодаря вам». — Адмирал Авакли должен был вкратце рассказать вам о той деликатной проблеме, которую я поручил решить его команде. И я надеюсь, что ваш несколько необычный опыт может помочь в ее разрешении. У вас пока нет никаких идей на сей счет?

— Даже несколько.

— И к чему вы больше склоняетесь — к естественным причинам или к диверсии?

— Я поищу признаки диверсии. Если не найду, то методом исключения мы можем прийти к выводу о естественных причинах. На это уйдет несколько дней, если проводить исследование тщательно.

— Я хочу, чтобы вы все проверили самым тщательным образом. Молекулу за молекулой, если понадобится.

— О, вполне возможно, что так и придется сделать.

— И... хм... помните, что, хоть вы и находитесь в закрытой лаборатории Службы безопасности и, безусловно, являетесь членом команды, вы не сотрудник СБ. Поэтому докладывать будете лично мне.

Уэдделл задумчиво нахмурился.

— Это... весьма интересно.

— Тогда приступайте.

Уэдделл чуть иронично кивнул:

— Хорошо, милорд... э-э-э... Форкосиган, не так ли?

— «Милорд Аудитор» тоже будет правильным обращением на этой неделе.

— Весьма возвышенно.

— Вряд ли я могу забраться выше, не рискуя заработать носовое кровотечение.

— Это предупреждение?

— Лишь ориентировка. Любезность с моей стороны.

— А! Спасибо. — Уэдделл кивнул и отошел к столу, чтобы следить за работой через плечо Авакли.

Уэдделл-Канабе по-прежнему отменная задница, подумал Майлз. Но он действительно разбирается в молекулярной биологии.

Переговорив с Авакли, Майлз связался с Грегором, чтобы сообщить о благополучном исходе операции. Потом еще раз навестил Иллиана. Он обнаружил шефа Имперской безопасности сидящим на кровати, полностью одетого. Рядом с ним расположилась леди Элис. Иллиан улыбался. Первый раз за последние несколько дней.

— Приветствую, сэр. С возвращением.

— Майлз, — медленно кивнул Иллиан. Он коснулся затылка. Будто хотел убедиться, что голова у него по-прежнему на месте. — Сколько времени ты тут пробыл? Подойди ближе.

— Дня четыре, наверное. А может, пять. — Майлз устроился с другой стороны, напротив Элис.

Иллиан тоже внимательно оглядел его коричневый с серебром мундир и «иконостас» на груди. Он постучал ногтем по золотой цепи аудитора. Раздался тихий мелодичный звон.

— Это... довольно неожиданно.

— Генерал Гарош не хотел меня впускать. Грегор решил, что это лучший способ избежать дискуссий.

— Грегор весьма изобретателен. — Иллиан рассмеялся коротким смехом. Майлз не совсем понял, как это интерпретировать. — Я бы в жизни до такого не додумался.

— Поскольку вы вроде как способны сами о себе позаботиться, сэр, поэтому я, пожалуй, пойду домой и немного передохну.

— А я останусь, — предложила леди Элис и добавила: — Ты проделал хорошую работу, Майлз.

— Черт, да я не так уж много и сделал, — пожал плечами Майлз. — Только привел в движение техников.

С некоторым усилием он вместо военного салюта вежливо кивнул и откланялся.

Вернувшись в свою спальню в резиденции Форкосиганов, Майлз снял мундир и отложил его в стирку, предварительно отвинтив ордена, которые аккуратно сложил на стол. Скорее всего он их не скоро снова наденет. Если вообще когда-нибудь наденет. Во всяком случае, они сослужили хорошую службу. Золотую цепь — символ своего эрзац-аудиторства он повертел в руках, рассматривая великолепные детали.

«Что ж. По крайней мере это было забавно».

Майлз полагал, что нужно как можно быстрее вернуть цепь во дворец, чтобы ее заперли в казну, откуда извлекли. Казалось несколько безалаберным оставлять предмет столь

большой исторической и художественной ценности просто валяться в ящике письменного стола. И все же... работа не считается законченной, пока не написан доклад. Десять лет в Службе безопасности научили его этому. И не только этому. И пока Авакли и его ребята не подготовят свои доклады, Майлз не сможет представить свой окончательный доклад Грегору.

Он швырнул цепь на кучу рубашек.

ГЛАВА 19

На следующий день Майлз с великой неохотой уселся за комм и связался с управлением Императорского госпиталя по обслуживанию ветеранов. Он договорился о предварительной консультации в связи с припадками. В его ситуации госпиталь — лучше всего. Не потому, что у врачей там больше опыта в области криооживления — опыта у них столько же, сколько и у остальных. Зато у них есть доступ к медицинскому досье Майлза. А одни только записи дендарийского врача избавят всех от длительного хождения вокруг да около. Рано или поздно Айвен вспомнит о своей угрозе и оттащит Майлза к врачу за шиворот. Или еще того хуже, донесет Грегору.

Выполнив задачу, Майлз вздохнул, отодвинулся от коммпульта и встал, чтобы отправится в бесцельное путешествие по коридорам и комнатам особняка Форкосиганов. Не то чтобы он скучал без Айвена, просто... Ну, просто ему недоставало общества. Пусть даже общества Айвена.

Особняк Форкосиганов не предназначен для тишины и спокойствия. Скорее — для гастролей шумного цирка. Состав труппы: оруженосцы, слуги, горничные, грумы, садовники, суетливые курьеры, томные придворные, гости-форы в окружении свиты, дети... Администрация цирка — графы Форкосиганы — центр хаоса, ось, вокруг которой крутится это огромное неповоротливое колесо. Граф и графиня Форкосиган. Пик светской жизни, должно быть, пришелся на времена прапрадеда, как раз перед концом Периода Изоляции. Майлз остановился у окна, выходящего на полукруглую аллею, и представил себе кареты, лошадей, офицеров и дам, которые выходят из экипажей, шурша одеяниями и сверкая шпагами.

Похоже на Дендарийский флот — во всяком случае, в смысле шумного цирка. Только там в роли администрации — адмирал. Интересно, переживет ли Дендарийский флот своего создателя на столько же лет, на сколько особняк Форкосиганов пережил первого графа. Одиннадцать поколений... Да... Будет ли его флот так же часто разрушаться и вновь воссоздаваться? Странно, что ему удалось создать что-то настолько органичное

и живое. То, что сможет существовать без него, Майлза, без того, чтобы он его толкал и пихал. Как ребенок, который живет без всякого давления со стороны родителей.

Куин, безусловно, достойный преемник. Довольно. Хватит притворяться перед самим собой, что он еще вернется к дендарийцам. Хватит. Надо присвоить Куин звание адмирала — и точка. Или теперь назначение — задача Гароша? Иллиану еще можно доверить Куин, Иллиан с ней справится. А Гарош? Достаточно ли у него воображения? И терпения? Майлз неуверенно вздохнул и пошел блуждать дальше.

Паломничество привело его в анфиладу комнат на втором этаже. Отсюда был лучше всего виден сад. Здесь прожил последние годы жизни его знаменитый дед. После смерти старого графа родители не захотели сюда переехать — предпочли остаться в своих апартаментах этажом ниже. Они переделали комнаты старика во что-то вроде апартаментов для высокопоставленных гостей: спальня, ванная комната, гостиная, кабинет. Даже у Айвена, большого ценителя комфорта, не хватило наглости во время своего пребывания потребовать эти элегантные помещения. Айвен скромно поселился в маленькой спальне возле комнаты Майлза. Видимо — чтобы глаз не спускать со своего чокнутого кузена.

И тут, в тишине дедовских покоев, Майлза осенило.

— Похищаете? — промурлыкал на следующее утро генерал Гарош, глядя на Майлза поверх иллиановского комм-пульта.

Майлз холодно улыбнулся:

— Едва ли, сэр. Я приглашаю Иллиана от имени своего отца воспользоваться на период выздоровления гостеприимством резиденции Форкосиганов. Не сомневаюсь, что отец не стал бы возражать.

— Команда адмирала Авакли еще не окончательно отмела версию с диверсий, хотя сам я все больше и больше склоняюсь к естественным причинам. Но учитывая, что ясности пока нет: вы уверены, что особняк Форкосиганов достаточно надежен? По сравнению со штаб-квартирой Имперской безопасности?

— Если чип Иллиана повредили сознательно, это вполне могло случиться и в штаб-квартире. В конце концов, именно здесь Иллиан главным образом и находился. И, э-э-э... если особняк Форкосиганов не охраняется Службой безопасности, то это, безусловно, будет новостью для бывшего лорда-регента. Я бы даже сказал — грандиозным скандалом.

— Туше, милорд Аудитор, — оскалился в улыбке Гарош. Он посмотрел на Рубана, сидевшего рядом с Майлзом. — И как вы отнесетесь к этому предложению с медицинской точки зрения? Хорошее оно или плохое?

— М-м-м... Скорее хорошее, чем плохое, по-моему, — ответил пухлый невропатолог. — Физически Иллиан способен вернуться к нормальной жизни. Я не имею в виду

работу, естественно. И если между ним и нашей конторой будет некоторое расстояние, это поможет избежать лишних дискуссий по данному вопросу.

Гарош выгнул брови. Похоже, такая мысль ему в голову не приходила.

Доктор Рубан добавил:

— Пусть идет в отпуск по болезни, отдохнет, расслабится, почитает книжки или еще чем-нибудь займется, что сможет его отвлечь от дальнейших проблем. Я вполне могу проводить ежедневное обследование и там.

— Дальнейших проблем? — Майлз не оставил без внимания этот оборот речи. — А какие у него проблемы сейчас? Как он?

— Ну, физически он здоров. Но откровенно говоря, у него проблемы с памятью. Вся мозговая деятельность, связанная с кратковременной памятью — а в повседневной жизни в основном требуется именно это, — у него гораздо ниже нормы. Конечно, его прежняя норма была потрясающей. Сейчас трудно сказать, останется ли это навсегда, или же мозг постепенно обучится вновь. Или потребуется медицинское вмешательство. И — в какой форме будет это вмешательство. Мое предписание — две недели отдыха и разнообразной неутомительной деятельности. Потом посмотрим.

Таким образом Рубан выигрывал время для того, чтобы найти решение.

— По мне, так это очень даже разумно, — высказался Майлз.

Гарош согласно кивнул:

— Теперь вы за него головой отвечаете, лорд Форкосиган.

Переговорив с Авакли, Майлз пошел в клинику, чтобы лично пригласить Иллиана. И тут обнаружил неожиданного союзника в лице леди Элис, заглянувшей навестить Иллиана. Одета она была, как всегда, безупречно — сегодня во что-то темно-красное и очень женственное, то есть дорогое.

— Но это же великолепно! — воскликнула она, когда Иллиан начал нерешительно возражать. — Очень правильное решение, Майлз. Корделия согласилась бы.

— Вы думаете? — спросил Иллиан.

— Безусловно.

— И в апартаментах есть окна, — с надеждой добавил Майлз. — Много-много окон. Это то, чего мне больше всего не хватало, когда я тут валялся.

Иллиан оглядел крашеные стены палаты.

— Окна, говоришь? Окна — не всегда преимущество. Кому, как не тебе, об этом знать. Ивон Форхалас швырнул солтоксиновую гранату именно в окно спальни твоих родителей. Я помню ту ночь... — Он сжал руку. — Это как сон...

Упомянутое происшествие имел место чуть больше тридцати лет назад.

— Поэтому все окна в особняке защищены силовыми экранами, — сообщил Майлз. — Так что нет проблем. Сейчас там очень тихо, правда, у меня новый повар.

— Айвен говорил, — кивнул Иллиан, — причем довольно пространно.

— Да, — протянула леди Элис, и на ее лице появилось задумчивое выражение. Может, она сожалела о тех давно ушедших днях, когда по землям форов бегали табуны лошадей, бродили стада коров и мелькали в лесах олени? — И для людей, желающих вас навестить, Саймон, будет значительно удобнее — и приятнее — приходить туда, чем в это мрачное и унылое место.

— Хм-м... — Иллиан, улыбнувшись, посмотрел на леди Элис. — Вот это верно. Что ж, Майлз... Спасибо, я согласен.

— Прекрасно, — заключила леди Элис. — Вам нужна помощь? Не хотите ли воспользоваться моей машиной?

— Снаружи стоит мой автомобиль с шофером, — сообщил Майлз. — Думаю, мы сами справимся.

— В таком случае встретимся в особняке. Уверена, что ты не все предусмотрел, Майлз. Мужчины на это не способны.

Решительно кивнув, леди Элис поднялась, шурша юбками, и стремительно вышла.

— Что она такого собирается принести, чего нет в особняке Форкосиганов? — с некоторым изумлением поинтересовался Иллиан.

— Цветы? — рискнул предположить Майлз. — Танцующих горничных? — «Э-э-э... мыло и полотенца?» Она права, он не все продумал.

— Мне не терпится узнать.

— Ну, что бы она ни затеяла, уверен, все будет сделано, как надо.

— Зная леди Элис, можно в этом не сомневаться, — согласился Иллиан. — Очень надежная женщина. — В отличие от большинства мужчин своего поколения Иллиан, похоже, не находил это словосочетание противоречивым. Поколебавшись, Иллиан, прищурившись, посмотрел на Майлза. — По-моему, я помню... она была здесь. Причем в довольно неприятные моменты.

— Была. Она такая — порода есть порода.

— А какой еще может быть леди Элис? — Иллиан оглядел крошечную палату, будто впервые увидел. — Твоя уважаемая тетушка права. Это место действительно унылое.

— Тогда давай отсюда смоемся.

Они отбыли из штаб-квартиры СБ всего лишь с одним чемоданом и несколькими пакетами. В конце концов, Иллиан путешествовал налегке больше лет, чем Майлз прожил на свете.

Мартин с комфортом доставил их на старом бронированном лимузине в особняк Форкосиганов. Там они обнаружили леди Элис, отдающую распоряжения команде уборщиков. Цветы, мыло и полотенца и даже свежие простыни были рас-

ставлены и разложены по местам. Если бы Майлзу когда-нибудь пришло в голову сделать из особняка Форкосиганов фешенебельный отель, он знал, кого назначить главным управляющим. Мартин потратил целых пять минут, раскладывая небогатый скарб Иллиана по ящикам и шкафам, после чего леди Элис отправила его на кухню.

Некоторая неловкость, испытываемая Иллианом от подобной встречи, тут же исчезла, когда Мартин вернулся с подносом, на котором стояли чайные принадлежности и гора закуски а-ля матушка Кости. Он расставил все на столике возле окна, выходящего на сад. Судя по сервировке, леди Элис приложила руку и тут: наконец-то все необходимые приборы нашлись и были использованы по назначению. Выпив по чашке чая со сливками, поев сандвичей, фаршированных яиц, мясных колобков в сливовом соусе, отведав знаменитого пряного пирога с персиками и чего-то еще очень вкусного и шоколадного, гости расслабились.

Наконец Майлз, потягивая ликер, осмелился спросить:

— Ну, Саймон? На что это похоже? Что ты сейчас помнишь из событий последних нескольких недель и... хм... до того?

«Что мы с тобой сделали?»

Иллиан, удобно развалившись в глубоком кресле, скривился.

— Воспоминания о последних неделях несколько фрагментарны. А до этого... Тоже фрагментарны. — Он судорожно сжал руку. — Это похоже на... скажем, будто человек, всегда обладавший отличным зрением, надел шлем, а стекло заляпано грязью и тиной. Только... я не могу этот шлем снять. Не могу сломать. И дышать в нем не могу.

— Но ты, по-моему... как бы это сказать... полностью владеешь собой. Это не похоже на мою криоамнезию, точно! Я тогда не помнил, ни кто я... Черт, да я даже Куин не узнал!

«Господи, как я соскучился по Куин!»

— Да, тебе пришлось... намного хуже, я полагаю, — кисло улыбнулся Иллиан. — Теперь я начинаю это понимать.

— Не знаю, хуже или нет. Единственное, что я знаю точно, — это очень выводило из равновесия.

Легкое преуменьшение.

— Я, похоже, все узнаю и понимаю, — вздохнул Иллиан. — Просто не могу вспомнить как следует. Ничто не приходит в голову, здесь ничего нет. — Он выпрямился, сжимая кулаки.

— Прошлое всегда похоже на сон, — ласково сказала леди Элис. — Именно такими кажутся воспоминания всем людям. Может быть, вы вспомните, как все было в молодости, пока Эзар не приказал вживить вам этот чип. Если воспоминания придут, немного похожие на сон, это будет совершенно нормально.

— Нормально для вас.

— М-м-м... — Она нахмурилась и молча допила чай.

— Я не просто так спрашиваю, — продолжил Майлз. — Я не уверен, что кто-нибудь потрудился тебе это объяснить, но Грегор назначил меня исполняющим обязанности аудитора специально, чтобы курировать твое дело.

— Догадываюсь, и меня очень интересует, как тебе это удалось.

— Понимаешь, нам был необходим кто-то, кто мог бы приструнить СБ, а кроме аудитора, этого больше никто не может. Когда группа адмирала Авакли закончит изучение чипа, я должен буду представить Грегору аудиторский доклад по всей форме. Если они придут к выводу, что причины поломки носят естественный характер, то тогда конец делу. Но ежели нет... Я хотел выяснить, можешь ли ты припомнить что-то — какой-нибудь момент или событие, — что позволило бы предположить возможность биосаботажа.

Иллиан обхватил голову руками.

— Если бы только у меня был мой чип... и ты бы четко определил временной промежуток... Я смог бы просмотреть каждую секунду. Рассмотреть все подробности. На это ушло бы время, но я бы это сделал. Отловил бы ублюдков. Кем бы они ни были! Не важно, насколько скрытно им удалось нанести удар... Если это саботаж, то они уничтожили все улики окончательно и бесповоротно. — Он сердито крякнул.

— М-м-м... — Майлз откинулся на спинку стула, огорченный, но отнюдь не удивленный. Налив себе полчашки чая, он решил, что не стоит, пожалуй, доедать последний кусок персикового торта, одиноко лежащий на блюде. Если на Иллиана давить, он может сильно разнервничаться. Значит, пока тупик. Пора направить беседу в другое русло.

— Ну, тетя Элис, как продвигается подготовка помолвки Грегора?

— О! — благодарно взглянула на него Элис. — Очень хорошо во всех отношениях.

— Кто отвечает за безопасность? — немедленно спросил Иллиан. — Гарош сам этим занимается?

— Нет. Он поручил это полковнику лорду Фортале-младшему.

— Отличный выбор. — Иллиан опять расслабился и покрутил в руке пустую чашку.

— Да, Фортала в таких делах разбирается. Официальное оглашение и церемония пройдут во дворце. Я пыталась помочь Лаисе с традиционными барраярскими нарядами, хотя, возможно, для помолвки подойдет и комаррский. Но на свадьбе невеста, безусловно, должна быть в барраярском наряде... — И последовала пространная лекция, которую Майлз мысленно обозвал «социально-технические аспекты работы леди Элис». Рассказ тек легко и весело, а Майлз с Иллианом подливали масла в огонь, задавая наводящие вопросы.

Когда Мартин убрал со стола, Майлз предложил сыграть в карты, чтобы убить время. Цель, естественно, была

другая — он хотел проверить работу мозга Иллиана. Нюанс, не ускользнувший от шефа Имперской безопасности. Но возражать Саймон не стал.

Они сыграли в звездный тарот — не слишком сложную игру, требующую умения следить за картами на руках партнеров и запоминать вышедшие. Никогда в жизни Майлз не видел, чтобы кто-нибудь мог выиграть у Иллиана на протяжении многих партий, разве что кому-то очень везло с раскладом. Через шесть партий Майлз с леди Элис поделили очки, а Иллиан пожаловался на усталость. Майлз немедленно прекратил игру. Иллиан выглядел как выжатый лимон, черты лица обострились, но Майлз не был уверен, что усталость — истинная причина, по которой Иллиан не захотел больше играть.

Рубан не преувеличивал. Иллиан утратил способность запоминать детали. Он мог поддерживать разговор, когда одно слово влекло за собой другое, но...

— Так что ты думаешь о человеке, которому Гарош поручил обеспечение безопасности на свадьбе Грегора? — вдруг спросил Майлз.

— А кому он это поручил? — спросил Иллиан.

— А кого бы выбрал ты?

— Думаю, полковника Форталу. Он знает столичные условия получше многих.

— А! — только и произнес Майлз. Элис, уже поднявшаяся, чтобы уйти, вздрогнула. Иллиан внезапно нахмурился, но ничего больше не сказал. Он несколько вызывающе жестом велел Майлзу оставаться на месте и сам пошел проводить леди Элис до машины.

Майлз встал и потянулся. Он устал гораздо больше, чем можно было предположить.

«Кажется, это обещает быть несколько странным».

Новый распорядок — тихий и спокойный, установился быстро. Майлз с Иллианом вставали, когда хотели, и по утрам вполне могли и не встречаться за завтраком, но обедали и ужинали обязательно вместе. Каждый день Майлз ходил в госпиталь, огромный медицинский комплекс на другом берегу реки, разделявшей Старый город. Когда он пришел в первый раз, его заставили ждать в коридоре, как заставили бы ждать любого ветерана. Тогда он как бы случайно сообщил о своем новом статусе Имперского Аудитора. Больше ему уже ждать не приходилось. Что ж, хоть какой-то прок от шоколадной цепочки Грегора.

Дув Галени навестил их на следующий же вечер после переезда Иллиана. Новое обиталище шефа несказанно изумило капитана. Он попытался отказаться от ужина, но Майлз не позволил. Уроженец Комарры чувствовал себя не в своей тарелке, ужиная со своим бывшим начальником. Похоже, подумал Майлз, вся эта история его гнетет. Галени дипломатично делал

вид, что не замечает странную забывчивость Саймона, и быстро подхватил отработанную Майлзом тактику ненавязчивых напоминаний в процессе разговора, помогающих не терять нить беседы. Или, во всяком случае, поддерживающих иллюзию.

Леди Элис, как и обещала, заглядывала очень часто, хоть и была чрезвычайно занята в связи с приближающейся помолвкой императора. Теперь она обзавелась двумя помощниками, постоянно дежурившими во дворце. Айвен тоже забегал, причем каждый раз так, чтобы попасть к обеду или ужину. Еще Иллиана навещали человек шесть старых знакомых — пожилых военных. Они тоже быстро освоили науку общения с Саймоном. У главы департамента по делам Комарры Гая Аллегре, к счастью, хватило ума не беспокоить Иллиана разговорами о конторе.

Охрана СБ, оставленная из вежливости у особняка отсутствующего вице-короля Зергияра, выросла от одного человека до трех, и несчастный капрал Кости лишился привычного домашнего завтрака. Впрочем, он по-прежнему забегал на кухню после дежурства, а потому Майлз решил, что голодная смерть капралу не грозит. Счета, присылаемые в особняк Форкосиганов, значительно возросли. Впрочем, им было еще далеко до счетов, приходивших при родителях Майлза.

Каждый день Майлз беседовал с адмиралом Авакли, интересуясь, как продвигается дело. Авакли имел привычку отвечать довольно уклончиво, но все же Майлз сумел понять, что постепенный прогресс имеется. Хотя бы — в области отсеивания предположений. Он не хотел давить на Авакли, требуя более конкретных ответов. Не тот случай, когда можно допустить даже малейшую ошибку. Да и торопиться особенно некуда. Максимальный ущерб, который можно было нанести, уже нанесен, и с этим ни Майлз, ни Авакли, ни кто бы то ни было другой ничего поделать не мог.

Прорыв, которого так ждал Майлз, произошел на шестой день, но не у группы адмирала Авакли. Криохирург и невропатолог Императорского госпиталя сумели записать показания, когда с Майлзом случился припадок прямо в лаборатории.

Он вышел из привычной темноты, пересыпаемой россыпью конфетти, и обнаружил, что лежит на столе. На голове у него датчики, и весь он опутан проводами. Вокруг копошились три возбужденных медтехника. Наверное, они держали его, чтобы не свалился на пол во время конвульсий. А может, следили за подключением мониторов. Полковник Ченко, невропатолог, и капитан де Гиз, криохирург, громко переговаривались и оживленно жестикулировали, показывая друг другу новые данные. Это было лучшее зрелище с тех пор, как на ярмарку в Хассадаре привезли на велосипеде медведя, который до смерти перепугал лошадей. Майлз застонал, но никто не обратил на него ни малейшего внимания. Мониторы, похоже, представляли куда больший интерес, чем сам пациент.

Врачи так и не заговорили с ним. Тогда он оделся и пошел дожидаться в кабинет Ченко. Даже его аудиторский статус не заставил их поторопиться. Ченко, энергичный подтянутый мужчина средних лет — ходячая реклама профессии медика, соизволил наконец вспомнить о Майлзе. Он зашел в кабинет с целой пачкой дискет в руках. Радостное возбуждение сменилось у него некоторым самодовольством.

— Нам известно, что с вами, лорд Форкосиган, — провозгласил Ченко, усевшись за комм-пульт. — Как мы и предполагали, механизм ваших припадков имеет идиосинкразическое происхождение. Но теперь мы точно знаем, что это такое!

— Превосходно, — холодно произнес Майлз. — И что же это такое?

Не обращая внимания на его тон, врач вставил диск в комм и включил изображение.

— Судя по всему, после криооживления ваш мозг начал работать с очень высокой скоростью функционирования нейронов. Это подняло их деятельность до чрезвычайно высокого уровня. Практически до предела, как вы видите вот тут. Вот обычный уровень, а вот — ваш. Видите разницу? Затем что-то провоцирует гиперактивную мозговую деятельность — стресс или какое-нибудь возбуждение, — и все нейронные связи начинают функционировать одновременно. Видите вот этот пик? Это временно парализует обычную нейронную деятельность вашего мозга, откуда и галлюцинации. Через несколько минут все нормализуется, и активность опускается до нормы — даже ниже нормы. От этого вы и теряете сознание. Затем равновесие восстанавливается, и вы приходите в себя, ощущая небольшую усталость. И весь цикл начинается заново. Это чисто биохимическая, а не фазовая форма эпилепсии. Весьма захватывающее и уникальное явление. Де Гиз хочет написать об этом статью — ваша анонимность, конечно, гарантируется.

Майлз молча пытался осознать свою роль в истории медицины.

— Итак, — сказал он наконец, — что вы можете с этим сделать?

— М-м-м... Случай не локальный, глобальный, захватывает большой участок мозга. Хотя, возможно, к счастью, это главным образом лобные доли, а не ствол, иначе припадок убил бы вас на месте. Это не обязательно требует хирургического вмешательства.

«Никто не коснется моего мозга, ты, придурок!»

— Рад слышать. Тогда какое же лечение необходимо?

— А! — Доктор Ченко несколько утратил апломб и замолчал. — А! Хм-м... — промычал он через некоторое время.

Майлз ждал, пытаясь сохранить остатки терпения. Медицинские познания и сообразительность доктора Ченко вряд ли улучшатся, если Имперский Аудитор прыгнет на него через комм-пульт и попытается удушить. К тому же Майлз не

был уверен, распространяется ли неприкосновенность аудитора на случаи, когда тот сам на кого-то нападает.

— Одним из методов лечения фазовой эпилепсии, — родил наконец доктор Ченко, — является вживление в мозг стабилизирующего чипа. Когда начинается припадок, биочип перехватывает его противофазой. Своего рода система с отрицательной обратной связью. Это не вылечивает, но по крайней мере снимает основные симптомы.

— Боюсь, я не доверяю биочипам, — выдавил Майлз. — Особенно нейронным.

— О, это весьма надежный и апробированный образчик технологии, — заверил его Ченко. — Просто я не уверен, что в вашем случае это поможет.

«Лекарство существует, только ты не можешь его получить. Блестяще».

— Тогда что же?

— Нам с доктором де Гизом придется посовещаться. Теперь, когда у нас появились данные, полагаю, мы сможем выработать пару-тройку подходящих вариантов. Поскольку ваш случай уникален, придется провести ряд экспериментов. Возможно, придется перепробовать несколько вариантов, прежде чем подобрать оптимальный.

Довольно логично.

— Итак, речь идет о днях? Неделях? Месяцах?

«Годах?»

— Ну, вряд ли о месяцах. Если вас это утешит, я думаю, что после сегодняшнего припадка до следующего пройдет некоторое время. Что, кстати, наводит меня на мысль... — Взгляд Ченко стал отсутствующим, он начал что-то быстро набирать на комме, остановился, затем принялся еще быстрее стучать по клавишам. Майлз некоторое время понаблюдал за ним, потом встал и тихонько вышел.

— Я вам завтра позвоню, милорд, — торопливо бросил ему вслед Ченко, когда дверь закрылась.

Войдя в черно-белый холл особняка Форкосиганов, Майлз обнаружил Иллиана сидящим на лавочке возле ступеней. Саймон побрился, причесался и был при полном параде со всеми регалиями и орденами. Майлз пережил ужасное мгновение, подумав:

а) Иллиан запутался и думает, что ему предстоит встреча с императором.

б) Майлз запутался, и Иллиану действительно предстоит встреча с императором.

— Что происходит, Саймон? — притворно небрежно спросил он.

— А, вот и ты, Майлз! Куда, ты сказал, пошел? А, в госпиталь, вот куда. Извини. Да. Леди Элис попросила

меня сопроводить ее на концерт, который она желает послушать сегодня вечером.

— На концерт? А я и не знал, что ты любишь концерты. Куда?

— В Центральный концертный зал Форбарр-Султана. И я понятия не имею, люблю я концерты или нет. Когда я в этом здании обеспечивал безопасность Грегора, мне ни разу не удалось спокойно посидеть и послушать музыку или посмотреть спектакль. Может, теперь я наконец выясню, почему такие красивые люди, как твоя тетя, ходят туда.

— Чтобы покрасоваться друг перед другом, — хмыкнул Майлз. — Хотя, надо думать, это не единственная причина, по которой места там проданы на два года вперед. Видимо, концертный зал столицы — лучший на всем Барраяре.

Надо же, концерт. Ну ничего ж себе! Первое появление Иллиана на публике после срыва, несомненно, произведет фурор в светском обществе. Иллиан выглядел столь же проницательным, как всегда, когда изображал имперского офицера. Послеоперационный шрам почти зажил и, прикрытый волосами, был практически незаметен. Не бросалось в глаза и то, что взгляд его приобрел некоторую неуверенность: раньше, когда Саймон просматривал память чипа, вид у него тоже был несколько отсутствующий, но не такой. Да, но если кто-то специально повредил чип, произвел своего рода нападение... не попытается ли этот некто атаковать снова? Майлз вполне мог представить, как находящийся в депрессивном состоянии Иллиан становится жертвой убийцы, но ему казалось неправильным, что при этом невинной жертвой может оказаться и его, Майлза, единственная тетка.

— А какие ты принял меры безопасности, Саймон?

— Ну, Майлз... сегодня это — проблемы Имперской СБ. Думаю, что им я их и оставлю. — На губах Иллиана заиграла странная улыбка. — А, вот и она!

Из-за двойной входной двери донесся шум приближающейся машины леди Элис. Шелест откидывающейся кабины, шаги шофера. Быстрая поступь леди Элис... Майлз распахнул двери перед своей улыбающейся тетушкой. Нынче вечером на ней было нечто бежевое, с переливающимися складками и оч-чень форское.

— Здравствуй, Майлз, милый, — проворковала она, потрепав его за плечо. Уж лучше так, чем традиционное чмоканье в щеку. По крайней мере она не погладила его по головке. — Саймон!

Иллиан встал и склонился к ее руке.

— Миледи...

Что ж, леди Элис, возможно, и не даст ему заблудиться. Майлз отошел в сторону, позволив ей пройти и забрать свою жертву, которая, кажется, вовсе не возражала. Ради Бога, ведь Иллиан — гость, а не арестант!

— Хм... Будьте поосторожнее! — крикнул Майлз вслед уходящей паре.

Иллиан махнул рукой, затем остановился.

— Подождите. Я... кое-что забыл.

— Да, Саймон? — Леди Элис была само терпение.

— Послание для тебя, Майлз. Очень важное. — Он потер правый висок. — Я положил дискету на твой комм-пульт. Что же там было? А, да. Это от миледи, твоей матери. Она только что вылетела с Комарры и будет здесь через пять дней.

Майлз каким-то образом сумел проглотить готовое сорваться «О черт!».

— Да? А отца с ней нет?

— По-моему, нет.

— Нет, он не летит, — подтвердила леди Элис. — Я сама сегодня получила послание от Корделии — должно быть, она отправила их одновременно. Я так рада, что она поможет мне с помолвкой... Ну, не то чтобы поможет. Ты же знаешь, как твоя мать относится к светским обязанностям. Во всяком случае, окажет моральную поддержку. А нам еще так много нужно успеть.

Губы Иллиана искривились.

— Что-то ты не прыгаешь от радости, Майлз.

— О, думаю, что буду очень рад ее увидеть. Но ты же знаешь, как по-бетански она пытается измерить мою эмоциональную температуру. Одна только мысль о теплой материнской заботе вызывает у меня желание спрятаться и бежать куда подальше.

— М-м-м... — сочувствующе промычал Иллиан.

— Не будь ребенком, Майлз, — твердо заявила тетя Элис.

Шофер поднял колокол кабины, и Иллиан помог леди Элис и ее платью расположиться на сиденье. Годы пристального наблюдения за форами, несомненно, обучили его хорошим манерам.

И Иллиан с теткой уехали, оставив Майлза шататься по особняку и размышлять. Почему же он не водит леди на концерты? Что ему мешает? Ну конечно, припадки. И история с Иллианом. Но и то, и другое, похоже, скоро кончится, и что тогда? Нет, Боже сохрани, никаких двойных свиданий на пару с Айвеном! Майлз вздрогнул, припомнив кое-какие эпические катастрофы. Нет, ему нужно что-нибудь новенькое. Он все еще в лимбе, пленник старых привычек. Он слишком молод для отставника, черт подери! Если бы только Куин была здесь...

Он надеялся, что тетя Элис сегодня вечером будет осторожна. Однажды днем он пошел с Иллианом погулять. Капрал Кости скрытно следовал за ними, и тем не менее Иллиан чуть было не потерялся в двух кварталах от особняка Форкосиганов. Он беспокоился бы гораздо меньше, если б Иллиан с леди Элис остались дома играть в карты.

Иллиан в сопровождении леди Элис вернулся только в два часа ночи. Концерт уже давным-давно закончился. Майлз ворчливо встретил их у самых дверей.

Иллиан не смог скрыть удивления.

— Привет, Майлз! Ты еще не спишь? — Выглядел он нормально, и от него отчетливо пахло хорошим вином и дорогими духами.

— Где ты был столько времени? — требовательно спросил Майлз.

— Сколько столько?

— После концерта.

— О, мы катались. Поужинали. Разговаривали. Ну, ты знаешь.

— Разговаривали?

— Ну, говорила леди Элис. Я слушал. И обнаружил, что это действует на меня успокаивающе.

— А в карты играли?

— Сегодня нет. Иди ложись, Майлз. Во всяком случае, я-то иду спать.

Иллиан, зевая, направился к лестнице.

— Так как тебе понравился концерт? — поинтересовался Майлз.

— Очень, — не оборачиваясь, ответил Иллиан.

«Проклятие, мы все с ума сходим из-за твоего чипа. А ты почему спокоен?»

Нет, нечестно обвинять Иллиана в том, что он стареет. Может, шеф СБ пришел к выводу, что поломка чипа произошла по естественным причинам, и смирился с этим. А может, он лишь более терпелив и искусен в охоте на охотника, чем Майлз. И это тоже неудивительно.

К тому же почему бы Иллиану не провести вечер где-нибудь? Он-то ведь не падает на публике в эпилептическом припадке. Раздраженно хрюкнув, Майлз отправился в постель, но заснуть не мог. Ожидание звонка от доктора Ченко обещало быть долгим.

Доктор Ченко приблизил лицо к своему комму и заговорил:

— Вот что нам удалось сделать на данном этапе, лорд Форкосиган. Мы вынуждены были отказаться от чисто медицинского подхода к проблеме, как, к примеру, ввод наркотиков, замедляющих работу нейронов. Если бы были задействованы только несколько связей, но у вас речь идет о десятках и даже сотнях, а может, и обо всех. Мы не можем их все подавить и, в любом случае, если бы могли, то это лишь снизило бы частоту припадков. К тому же, внимательно изучив данные, мы пришли к выводу, что проблема вообще на молекулярном уровне.

Второй вариант кажется более приемлемым. Мы полагаем, что сможем сделать микроверсию того нейронного стимулятора, с помощью которого мы спровоцировали припадок в лаборатории. Это приспособление можно имплантировать вам вместе с сенсорами, которые будут улавливать возрастающую активность ваших нейронов. Тогда с приближением кри-

тического состояния вы сможете вызывать припадок в определенном месте и в определенное время, что обеспечит, так сказать, вашу безопасность. К тому же, вызванные по графику, припадки станут тише и короче.

— И я смогу водить машину? Летать?

«Командовать?»

— М-м-м, если все как следует отладить, то почему нет? Если это вообще сработает.

После короткой внутренней борьбы — с кем? — Майлз буркнул:

— Я был уволен по болезни из-за этих самых припадков. Смогу я... восстановиться? Вернуться на службу?

— Да, я не совсем понимаю... вас должны были отправить на обследование до принятия окончательного решения о вашей отставке. Хм. Ну ладно. Если бы вы еще были на действительной службе, вы могли бы просить — или нажать на все имеющиеся у вас рычаги — и добиться кабинетной работы. Но, поскольку вы уже уволены, вам, безусловно, понадобится... больше рычагов.

Ченко улыбнулся, демонстрируя, что он далек от того, чтобы недооценивать рычаги, имеющиеся в распоряжении лорда Форкосигана.

— Кабинетная работа. Ни на корабле, ни полевым командиром?

— Полевым командиром? Я думал, что вы галактический оперативник Службы безопасности.

— Ах, это... Скажем так, в криокамере я оказался не в результате несчастного случая во время учений.

«Хотя это было весьма поучительно».

— Хм. Ну, это уже не по моей части. Служба безопасности — сама себе хозяйка. Вашу судьбу будут решать медики СБ. Что же касается остальных родов войск, вам понадобится просто потрясающее стечение обстоятельств, чтобы получить что-либо, кроме кабинетной работы.

«Готов поспорить, что смогу их обеспечить».

Но кабинетная работа — совсем не то, она не вписывается в дальнейшее существование лорда Форкосигана. Провести остаток жизни, занимаясь прачечными, или, того хуже, оказаться на должности метеоролога на какой-нибудь Богом забытой базе, в ожидании повышения, которое никогда не придет... нет, будь благоразумным. Без сомнения, он окажется в комфортабельном кабинете в подвалах Службы безопасности и будет анализировать сведения, добытые другими галактическими оперативниками. Будет регулярно получать денежное довольствие — но будет избавлен от стрессов, связанных с возможностью получить должность начальника департамента или главы Имперской безопасности. Будет каждый вечер возвращаться домой, в особняк Форкосиганов, в точности как Айвен каждый день топает к себе в квартиру. И спать один? Не обязательно.

Если бы только он не подделал это чертов доклад!

Майлз вздохнул:

— Боюсь, все это из области предположений. Что же касается контролируемых припадков... На мой взгляд, это не полное излечение. Не так ли?

— Верно. Но пока не появится кто-нибудь умнее меня, это временно решит проблему.

— Допустим, никого умнее вас не появится. Я буду страдать от этих проклятых припадков до конца дней?

Ченко пожал плечами:

— Честно говоря, понятия не имею. Ваш случай — совершенно уникальный в моей практике.

Некоторое время Майлз сидел молча.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Давайте попробуем. И посмотрим, что получится.

Он улыбнулся любимому обороту речи Грегора. Своего рода семейная шутка.

— Отлично, милорд. — Ченко пробежал свои записи. — Нам нужно будет встретиться с вами... м-м-м... через неделю. — Он помолчал, подняв глаза на Майлза. — Простите мое любопытство, милорд... но чего ради Имперский Аудитор желает вернуться на службу лейтенантом СБ?

«Капитаном СБ. Я хотел восстановиться капитаном».

— Я всего лишь исполняю обязанности Аудитора. И мои полномочия закончатся, как только закончится порученное мне дело.

— Хм... И какое же дело вы ведете?

— Очень тонкое.

— Ах, вот как. Прошу прощения.

Выключив комм, Майлз задумался над вопросом Ченко. Хороший вопрос. И у него, кажется, нет достаточно вразумительного ответа.

ГЛАВА 20

Шли дни, и Майлз невольно все больше и больше склонялся к тому, что генерал Гарош прав и чип поломался по естественным причинам. Новый и.о. шефа Службы безопасности явно уделял этому делу все меньше внимания. Да и чего ради Гарошу беспокоиться, если все тихо и новой атаки в период всеобщего замешательства не последовало? Переход власти прошел без шума. Если целью возможного заговора была дестабилизация работы Имперской безопасности, а не устранение Иллиана, то этот заговор завершился пшиком.

За три дня до прибытия графини Форкосиган нервы Майлза сдали, и он решил удрать в Форкосиган-Сюрло. Конечно, он не надеялся, да и, по правде говоря, не хотел вообще

избежать встречи со своей матушкой. Просто сейчас он к этому еще не готов. Может, несколько дней на лоне природы помогут ему набраться мужества. Кроме того... там — хорошее убежище для Иллиана. Местность — малонаселенная, чужаки заметны сразу, уберечь бывшего шефа СБ от покушения будет не трудно.

Единственное, что вызывало у Майлза сомнение, это удастся ли ему уговорить поехать с ними свою кухарку. Однако Мартину это удалось: матушка Кости отважно решилась покинуть привычный город и отправится в неизведанную глухомань. Майлз начал подумывать о повышении жалованья не кухарке, а ее сыну, чтобы удержать его, а значит, и ее у себя на службе. Но, может быть, вскоре водитель ему больше не понадобится?

Иллиан отнесся к предстоящей экскурсии без особого энтузиазма, даже с прохладцей.

— Эта неделя, скорее всего — последняя, когда здесь еще стоит хорошая погода, — соблазнял Майлз. Действительно, погода в городе портилась все сильнее: похолодало, стало больше дождливых дней, даже выпал первый снег.

— Будет... интересно снова побывать там, — сдался Иллиан. — Посмотреть, соответствуют ли мои воспоминания действительности.

Очередная самопроверка. Саймон мало говорил об этом. Возможно, потому что результаты большинства таких самопроверок были обескураживающими. А может, потому что он быстро забывал об этих самых результатах.

Быстрые утренние сборы — и Майлз, и Иллиан привыкли путешествовать налегке — закончились приятным послеобеденным чаепитием на веранде у озера. Невозможно было не расслабиться этим теплым осенним днем, сидя в тенечке и глядя на окруженную горами зеленую гладь блестящей воды. Деревья уже почти потеряли всю листву и не загораживали панораму. А процесс переваривания пищи излечивал зрителя от последних амбиций. Если так пойдет и дальше, подумал Майлз, придется основательно заняться физической подготовкой, иначе он рискует стать таким же упитанным, как его клон-брат Марк, и свести на нет все старания братца. Он мысленно сделал себе пометку держать Марка подальше от матушки Кости.

В ожидании десерта матушки Кости Иллиан разглядывал лужайку перед домом.

— Хм. Это здесь умер капитан Негри, да? Первая жертва дворцового переворота Фордариана.

— Так мне рассказывали, — ответил Майлз. — А ты тогда был тут? Видел?

— Нет-нет. Я был в столице. Меня переворот застал врасплох, как и всех остальных. — Иллиан задумчиво вздохнул. — Или я так полагаю. Единственное, что я помню — ко мне прибежал кто-то из подчиненных — не могу вспом-

нить его фамилию — с криком «переворот!», а потом я куда-то еду в машине. И что я до смерти перепуган. Это я помню очень живо, как со страху свело живот. Странно... Почему я помню это, а не... более важные факты?

— Наверное, потому что ты всегда это помнил. Чип регистрировал твои эмоции?

— Нет. Хотя, просматривая информацию, можно было их восстановить.

— Вычислить? Или пережить заново?

— Более или менее.

— Странное, должно быть, ощущение.

— Я привык, — иронически улыбнулся Иллиан, глядя на зеленую лужайку. — Чуть ли не первым моим заданием, когда твой отец сделал меня шефом Имперской безопасности, стало расследование убийства моего предшественника. Кстати, если припомнить, то же можно сказать и о первом задании, полученном Негри на этом посту. Конечно, ему было легче, ведь убийство своего предшественника он организовал сам. Да, все, что на Барраяре повторяется дважды, становится традицией. Пожалуй, я еще легко отделался. Никогда не думал, что смогу расстаться со своей работой, не расставшись с жизнью, хотя отставка твоего отца в прошлом году подавала надежду.

— Это тогда... ты начал рассматривать мою кандидатуру на роль твоего преемника?

— О нет, задолго до того. Точнее, мы с Грегором.

Майлз не был уверен, что хочет задумываться над этим.

— Так... А теперь, поразмышляв неделю, ты все еще считаешь, что чип сломался по естественным причинам?

Иллиан пожал плечами:

— Ничто не вечно. Люди, приборы... Ну, адмирал Авакли рано или поздно сообщит о результатах. Интересно, что поделывает сегодня леди Элис?

— Прочесывает список гостей и составляет окончательный, а попутно заставляет своих секретарей тренироваться в каллиграфии. Во всяком случае, так она сказала.

Вчера леди Элис это говорила им обоим.

— А, — только и сказал Иллиан.

Прибыл десерт, и за столом воцарилось молчание, нарушаемое лишь звуком жующих челюстей и невнятными одобрительными восклицаниями.

— Итак, — произнес наконец Иллиан, — чем же занимаются отставные офицеры и джентльмены на отдыхе за городом?

— Чем им угодно. Спят?

— Этим мы занимались всю неделю.

— Верховая езда тебя привлекает?

— Не очень. Генерал, твой дедушка, время от времени настаивал на том, чтобы учить меня, когда я бывал

здесь. Я могу выжить, сидя верхом на лошади, но что-то не припомню, чтобы это можно было назвать сибаритским времяпрепровождением. Скорее из области мазохизма.

— А! Тогда можно погулять. И поплавать, хотя с моей стороны это не очень осторожно... впрочем, я могу надеть спасательный жилет.

— Вода, должно быть, уже прохладная, или нет?

— Не так, как весной.

— Думаю, обойдусь без водных процедур. Все это — для более молодых.

— Да, для ребенка здесь — сплошное раздолье! — Майлз прокрутил оставшиеся варианты. — Можно рыбку поудить. Я-то никогда этим не увлекался. Сержант Ботари не любил чистить рыбу.

— Заманчиво.

— Согласно традиции, следует взять в деревне местного пива — там одна женщина делает просто отменное — и свесить бутылки за борт. Если пиво становится слишком теплым, чтобы его можно было пить, значит, для рыбалки слишком тепло.

— И в какое же время года такое бывает?

— Ни в какое, насколько мне известно.

— Мы, безусловно, станем соблюдать все традиции, — с серьезной миной произнес Иллиан.

На то, чтобы вытащить лодку из сарая, ушло полдня, и в результате они оказались на озере в дневную теплынь, а не в туманную утреннюю прохладцу. Что вполне устраивало Майлза. Основных принципов рыбалки он не забыл, а тонкостей никогда и не знал. Необходимость протыкать крючком несчастных извивающихся червей отпала с изобретением протеиновых кубиков, которые, согласно надписи на упаковке, привлекают рыб стаями, косяками или как там это называется.

Они с Иллианом сложили пиво в сетку, свесили ее за борт и уселись, наслаждаясь тишиной и прекрасным видом. Охранник, один из трех, приставленных сопровождать сюда Иллиана, устроился на берегу возле маленького гидрофлайера и издали наблюдал за ними.

Лески почти одновременно переметнулись через борт, грузила ушли под воду, и крючки с наживкой исчезли в глубине. На таком расстоянии от берега каменистое дно уже не было видно. Майлз с Иллианом расположились на складных стульчиках и открыли по бутылке пива. Напиток оказался пенистым и почти таким же темным, как воды озера. Вне всякого сомнения, он просто бурлил витаминами. Пиво скользнуло Майлзу в глотку с приятным покалыванием, и хмельной аромат ударил в ноздри.

— Было бы интереснее, — заметил через некоторое время Иллиан, — если бы рыба была вооружена и открывала ответный огонь. Как ты думаешь, если бы рыбы ловили людей, какой бы наживкой они пользовались?

Майлз живо представил удочку, на конце которой висит кусок пряного персикового торта.

— «Пошли на людоловлю?» Не знаю. А какой наживкой привык пользоваться ты?

— Человеческими слабостями. Деньги, власть, месть, секс... Вообще-то на самом деле все не так просто. Самое хитроумное дело, которое я помню... Бог мой, почему я помню это, когда не могу вспомнить... А, ладно! Суть в том, что тогдашний премьер-министр Фортала вел тяжелые переговоры с Полом по поводу доступа к п-в-туннелю и перепробовал все, что только мог придумать, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. Посол Пола тогда намекнул Фортале, что больше всего на свете он хочет живого слона. Я по сей день не знаю, действительно ли он хотел слона, или это была просто самая невозможная и абсурдная вещь, которая пришла ему в тот момент в голову. Однако что сказано, то сказано... Вообще-то это было проблемой департамента по делам галактики, но я лично дал задание своему агенту, чтобы понаблюдать за реакцией. До сих пор помню его остекленевший взгляд, когда он выдавил: «И... каких размеров должен быть слон, сэр?» Немного было таких моментов в моей работе. Я их лелею и холю. Это произошло еще до тебя, иначе ты же понимаешь, о ком я бы подумал в первую очередь.

— О, премного благодарен. Ну и... нашел твой агент слона?

— Он был элитой СБ. Конечно, нашел. Маленького. Я, естественно, лично присутствовал, когда Фортала доставил этого самого слона в посольство Пола, произнеся своим сладеньким тоненьким голоском: «Подарок от моего сиятельного владыки, императора Грегора Форбарры...» Грегору тогда было лет десять, и он скорее всего предпочел бы оставить скотинку себе. Твой отец весьма предусмотрительно не сказал ему, что подарил кому-то слона.

— И Фортала получил свой договор?

— Конечно. Думаю, посол действительно мечтал о слоне, потому что когда он вышел из ступора, то был просто счастлив. Они держали слона на задворках посольства около года, и посол сам мыл его и ухаживал за ним, а потом увез домой, на Пол. И это расширило мой кругозор. Деньги, власть, секс... и слоны.

Майлз хрюкнул. Он подумал о своих слабостях, которые вели его так долго и завели так далеко. К смерти и воскрешению. Деньги его не прельщали, видимо, потому, что он никогда не испытывал недостатка в деньгах, разве что в астрономических количествах, необходимых для починки боевых крейсеров. Марк, наоборот, сам сколачивал себе неплохое состояние. Власть? Он отнюдь не стремится править Империей или Дендарийским флотом. Просто он не терпит, когда кто-то пытается управлять им самим. Это не жажда власти, это страх. Страх перед чем?

 Страх стать жертвой их некомпетентности? Страх быть

уничтоженным, как мутант, если постоянно не доказывать свое превосходство? Сознательно, видимо, так оно и есть. Его собственный дед, как ему рассказывали, пытался убить его. Внук-мутант — позор семьи! И в детстве случались еще всякие неприятности. Не будь рядом с ним в то время сержанта Ботари... Но вряд ли это скрытая мотивация. Нет, это не та слабость, из-за которой вляпываешься в крупные неприятности, сам не понимая почему.

Он сделал еще глоток прохладного пива. «Личность. Вот мой слон», пришла уверенная мысль. Не слава как таковая, хотя известность имеет определенное значение. Ты тот, кем тебя делают твои деяния. «А я сделал многое». Если жажду стать личностью можно перевести в категорию пищи, то он был бы таким обжорой, что Марку и не снилось. «Это иррационально, стремиться быть кем-то так сильно, до боли». А достаточно — это сколько?

Иллиан тоже отхлебнул пивка и подергал леску.

— Ты уверен, что здесь вообще водится рыба?

— О, да! Она водится здесь уже не одно столетие. Можно лечь на причал и понаблюдать за мальками, снующими возле камней, или поплавать среди них. Это озеро было терраформировано сразу, как только закончился Период Изоляции. Причем терраформировали его старым добрым дедовским способом: покидали туда всякий органический мусор, украденные водоросли и разнообразных рыбешек, авось возникнет земноподобная экосистема. Поскольку во времена графа — моего дедушки была целая толпа ребят, работавших в администрации графства в Хассадаре, которые занимались научным терраформированием и рыбоводством провинции, то воду можно спокойно пить, а рыба водится вполне приличная. Озерная форель, окуни, пресноводный лосось... тут, под нами, плавают весьма ценные сорта.

Иллиан с некоторым сомнением посмотрел на прозрачную воду:

— Правда?

Он вытянул леску и поглядел на крючок. Протеиновый кубик исчез.

— Я наживку насаживал?

— Да. Я сам видел. Скорее всего она сорвалась.

— Ловкие пальчики у рыбки.

Иллиан удержался от искушения выдать более пространную шуточку насчет рыб-мутантов. Он покрепче насадил наживку и снова забросил удочку.

Открыли еще по бутылке. Майлз сел на борт и свесил ноги в воду.

— Очень неэффективный способ ловли, — заметил Иллиан.

— Я и сам над этим не раз задумывался. Не думаю, что тут предусматривается эффективность. Скорее, рыбную ловлю специально изобрели для того, чтобы создать видимость напряженной деятельности, когда, по сути, не делаешь ничего. Возможно, чтобы отвязаться от жен.

— Я бью баклуши вот уже целую неделю, — хмыкнул Иллиан и немного погодя добавил: — А толку никакого.

— Неправда. Ты уже лучше играешь в карты. Я за тобой следил.

— По-моему, в последний раз вы с леди Элис специально сговорились, чтобы дать мне выиграть.

— Не-а.

— А! — Иллиан просветлел, но лишь на мгновение. — Боюсь, способности играть в карты, изредка выигрывая, недостаточно, чтобы я смог вернуться в СБ.

— Дай время. Ты только-только начал поправляться.

Майлзу свело ноги, и он вернулся на свой складной стул.

Иллиан посмотрел на дальний коричнево-зеленый, освещенный предзакатными лучами, берег.

— Нет. У успеха есть пик. И когда ты побывал на этом пике, играя в полную силу, ты не можешь потом играть хуже. Перефразируя любимое изречение твоей матери, все, что не может быть сделано хорошо, не стоит того, чтобы им заниматься. А руководство Имперской службой безопасности — далеко не игра. Слишком много человеческих жизней от тебя зависят, причем ежедневно.

— М-м-м... — промычал Майлз, отхлебнув пива.

— Я прослужил императору два раза по двадцать лет, — продолжил Иллиан. — Начал в восемнадцать, в военном училище, еще при Эзаре. Не в Имперской Академии, в те времена требовалось больше баллов, денег и слогов в начале фамилии, чтобы попасть туда. Я пошел в провинциальное училище. И никогда не собирался отслужить три раза по двадцать. Понимал, что придется уйти раньше, только не знал, когда именно. Я начал служить Грегору, когда ему было пять лет. А теперь он уже давно взрослый.

— И в этом — немалая твоя заслуга, — сказал Майлз.

Иллиан кивнул:

— Не только моя. Но я не могу... быть тем, кто я есть... кем я был... и не знать этого.

— А я не отслужил и первой двадцатки, — мрачно буркнул Майлз. — Даже близко не подошел.

Иллиан прокашлялся, пристально глядя на леску.

— По-моему, клюет.

— Вряд ли. Иначе бы она сильнее натянулась. Это течение тянет грузило.

— Должен заметить, что вовсе не собирался сейчас в отставку, — бросил Иллиан. — Я бы хотел сам провести Грегора через свадебные церемонии...

— А потом — через следующий кризис, — поддел его Майлз. — И через следующий, и...

Иллиан согласно крякнул.

— Так что... может, оно и к лучшему, — произнес он немного спустя. — Ты не думаешь, что всю рыбу в твоем озере кто-то украл?

— Сначала пришлось бы ее всю поймать.

— Ха! Верно подмечено! — Иллиан выудил сетку с пивом, одну бутылку открыл, а вторую протянул Майлзу. Выпив примерно полбутылки, он сказал:

— Я понимаю, как много для тебя значили дендарийцы. Я рад, что ты выжил.

Он не сказал «извини», отметил Майлз. Катастрофа, произошедшая с Майлзом, была отчасти его рук делом.

— Смерть, где твое жало? — Он подергал леску. — Крюк, где твоя рыба?.. Нет. Я обнаружил, что самоубийство больше для меня не выход. Это не старый добрый подростковый кризис. Я больше не лелею тайную мысль, что смерть каким-то образом минует меня, если я сам не предприму ничего в этом направлении. А отдать жизнь... Ну, кажется глупым не использовать то, что мне дано, целиком. Не говоря уж о том, что с моей стороны это будет чертовски неблагодарно.

— Ты думаешь... ты и Куин... как бы поделикатнее выразиться? Ты думаешь, что сможешь убедить капитана Куин заинтересоваться лордом Форкосиганом?

А, вот в чем все дело. Иллиан пытается извиниться за то, что поломал личную жизнь Майлза. Майлз пил пиво, серьезно размышляя над этой темой.

— Прежде я не имел такой возможности. Хочу попробовать... должен попытаться еще раз. Снова. — Когда? Как? Где? Как больно думать о Куин! Как больно вообще думать о дендарийцах. Ну, значит, и не надо о них думать. Во всяком случае, много. «Хочу еще пива». — Что же до остального... — Майлз, горько усмехнувшись, отхлебнул пива. — Есть неопровержимые свидетельства тому, что я уже слишком стар, чтобы изображать собой живую мишень. На самом деле в последнее время я предпочитал задания, не требующие использования крупной военной силы.

— В конечном счете ты все-таки мудреешь, — резюмировал Иллиан, глядя на Майлза сквозь стекло бутылки. — Хотя даже маневренная война требует значительного количество войск, чтобы было чем маневрировать.

— Мне нравится побеждать, — тихо сказал Майлз. — Вот это мне действительно нравится.

Иллиан швырнул бутылку в ящик и свесился за борт, глядя на воду. Затем вздохнул, поднялся, поправил навес и снова выудил сетку с пивом. Вместо рыбы.

Майлз помахал недопитой бутылкой, показывая, что у него пока есть, устроился поудобнее и уставился на неподвижную леску, уходящую в темную глубину.

— Мне всегда это каким-то образом удавалось. Я добивался победы любой ценой. На столе или под столом, но я выигрывал. Эти припадки — первый враг, которого я не могу перехитрить.

Брови Иллиана вопросительно изогнулись.

— Говорят, самые неприступные крепости в конечном счете были взяты из-за предательства.

— Меня побили. — Майлз задумчиво подул в горлышко бутылки. — И все же я выжил. Сам того не ожидая. И чувствую себя поэтому выведенным из равновесия. Я должен был побеждать. Всегда. Или умереть. Итак... в чем еще я ошибался?.. Вот теперь я возьму еще бутылочку, спасибо.

Иллиан откупорил бутылку и протянул Майлзу. Вода становилась ледяной. Определенно, в этом году уже поздно купаться. Или топиться.

— Может быть, — после продолжительного молчания произнес Иллиан, — поколения рыбаков уже выловили всю рыбу, оказавшуюся достаточно глупой, чтобы дать себя поймать.

— Может, и так, — согласился Майлз. Похоже, его гость заскучал. Как вежливый хозяин, он срочно должен что-нибудь предпринять.

— Сомневаюсь, что здесь вообще есть рыба. Пустое дело, Форкосиган.

— Не-а. Я ее сам видел. Будь у меня парализатор, я бы тебе доказал.

— И ты в наше время ходишь без парализатора, мальчик? Неразумно.

— Эй, я теперь Имперский Аудитор! В моем распоряжении здоровенные бугаи, которые сами таскают парализаторы, как большие мальчики.

— В любом случае ты не смог бы парализовать кого бы то ни было сквозь всю эту толщу воды, — твердо заявил Иллиан.

— Ну, не парализатор, а только зарядное устройство.

— Ха! — Иллиан было возрадовался, но сомнение его не оставляло. — Рыбу ведь можно глушить, верно? Я не сообразил.

— О, это старый способ горцев. У них-то нет времени отсиживать задницы, забрасывая леску. Это форские извращения. А горцы были голодными и хотели есть. К тому же владельцы озера рассматривали это как расхищение их запасов, поэтому было жизненно важно проделать все быстро, пока не заявились графские оруженосцы.

Примерно через минуту Иллиан сообщил:

— У меня случайно оказался с собой парализатор.

«О Господи, мы позволили тебе разгуливать с оружием?!»

— О?

Иллиан поставил недопитую бутылку и достал из кармана парализатор.

— На. Жертвую. Хочу посмотреть, как это делается.

— А, ну ладно... — Майлз поставил бутылку, отдал удочку Иллиану и осмотрел парализатор. Так, заряжен полностью. Он извлек зарядное устройство и начал его переделывать в

 лучшем стиле оперативников СБ «Как Превратить Ваш

Парализатор в Ручную Гранату». Отхлебнув пива, сосчитал до трех и швырнул устройство за борт.

— Надеюсь, оно тонет, — прокомментировал Иллиан.

— Тонет-тонет. Смотри.

Светлый квадратик исчез в глубине.

— Сколько секунд? — спросил Иллиан.

— Ну, точно не знаешь никогда. Одна из причин, почему этот маневр всегда чертовски мудреный.

Примерно через полминуты темная вода осветилась изнутри яркой вспышкой и забурлила вокруг лодки.

Охранник на берегу резко вскочил и уставился на них в мощный бинокль. Майлз успокаивающе помахал ему и медленно сел.

— Ну? — вопросил Иллиан, глядя в воду.

— Обожди.

Минуты через две из глубин поднялась светлая блестящая рыбина. Затем еще одна. И еще. Еще две, серебристые и склизкие, всплыли на поверхность.

— Боже! — Похоже, на Иллиана это произвело впечатление. — Рыба...

Он уважительно отсалютовал Майлзу бутылкой.

Рыба, да еще какая. Самая маленькая — сантиметров пятидесяти длиной. Лосось. Форель, которая, должно быть, плавала тут еще при старом графе Петере. Остекленевшие глаза с укоризной смотрели на Майлза, который, свесившись за борт, собирал рыбу в сеть. Холодные и скользкие. Майлз чуть было не составил им компанию в их водяной могиле, но Иллиан предусмотрительно держал его за щиколотки. Добыча, выложенная в ряд на палубе, весьма впечатляла. Чешуя переливалась в лучах заходящего солнца.

— Мы наловили рыбы, — заявил Иллиан. — Можем возвращаться?

— У тебя есть еще одно зарядное устройство?

— Нет.

— А пиво осталось?

— Мы выпили последнее.

— Тогда можем.

Иллиан злорадно улыбнулся.

— Не могу дождаться, — пробормотал он, — когда кто-нибудь у меня спросит, что мы использовали как наживку.

Майлз исхитрился пристать к берегу, не разбив лодку, несмотря на отчаянное желание пописать и ощущение болтанки, не имевшее никакого отношения к волнам за бортом. Он ринулся к дому, схватив двух самых маленьких рыбин и предоставив Иллиану сражаться с тремя крупными.

— Нам придется их все съесть? — очнувшись от грез, просипел Иллиан.

— Может, одну. А остальные можно почистить и заморозить.

— А кто будет этим заниматься? Матушка Кости? Сомневаюсь, чтобы ты хотел оскорбить свою кухарку, Майлз.

— Никоим образом. — Майлз остановился, задумался и мотнул головой. — А для чего, по-твоему, существуют любимчики?

Мартин, привлеченный шумом, шел к ним вниз по дорожке.

— А, Мартин, — прожурчал Майлз тем самым тоном, от которого многоопытный Айвен немедленно повернулся бы и сбежал. — Ты-то мне и нужен. Отнеси вот это матери, — Майлз вывалил свой груз ему в сложенные руки, — и сделай с ними все, что она тебе велит. Сюда, Саймон.

Ласково улыбаясь, Иллиан отдал молодому человеку свою часть рыбы.

— Спасибо, Мартин.

И они пошли к дому, даже не оглянувшись на его жалобное «Милорд?..». Самым большим жизненным устремлением Майлза в данный момент было добраться до туалета, до душа и постели. Именно в такой последовательности. И этого вполне хватит.

Вечером Майлз с Иллианом сидели в гостиной, поглощая на ужин рыбу. Матушка Кости приготовила самую маленькую форель (которой вполне хватило бы, чтобы накормить весь дом) в таком бесподобном соусе, который сделал бы объеденим печеную доску, а рыбу превратил в пищу богов.

Иллиана явно развлекало это доказательство их способности быть добытчиками.

— И часто ты тут этим занимаешься? Кормишь все свое семейство?

— Когда-то я занимался этим очень часто. Потом сообразил, что моя матушка — бетанка, которая никогда не ест ничего, кроме искусственных протеинов, а рыбу храбро жует и лжет мне, говоря, какой я хороший мальчик. Тогда я перестал — хм — бросать вызов ее кулинарным предпочтениям.

— Могу себе представить, — ухмыльнулся Иллиан.

— Хочешь, наловим завтра еще?

— Лучше подождем, пока закончится эта.

— Ну, тут нам помогут местные кошки. В данный момент их возле кухни отирается штуки четыре: пытаются обаять кухарку. Когда я туда заглядывал в последний раз, они явно добивались успеха.

Майлз медленно потягивал вино. Огромное количество воды, сон и кое-какие таблетки решили проблему пивного похмелья и перегрева. Очень непривычное и необычное ощущение — полная расслабленность. Не надо никуда идти. Или ехать. Вообще куда-то двигаться. Наслаждаться настоящим. Сейчас, которое имеет налет бесконечности.

Приплелся Мартин — на сей раз без еды:

— Милорд, вас вызывают по комму.

«Кто бы это ни был, скажи, чтобы перезвонили завтра. Или на следующей неделе». Нет, это может быть

графиня. Вдруг она приехала раньше или звонит ему с орбиты. Теперь он, кажется, готов к этой встрече.

— Кто?

— Говорит адмирал Авакли.

— О! — Майлз отложил вилку и немедленно поднялся. — Спасибо, Мартин.

На экране комма появилось лицо Авакли.

— Слушаю, адмирал. — Майлз скользнул на стул и отрегулировал изображение.

— Милорд Аудитор, — коротко кивнул Авакли. — Моя группа готова представить доклад. Мы можем доложить одновременно вам и генералу Гарошу, как вы хотели.

— Хорошо. Когда?

Чуть поколебавшись, Авакли произнес:

— Я бы рекомендовал как можно быстрее.

Майлз похолодел.

— Почему?

— Вы хотите обсудить это по комму?

— Нет. — Майлз облизнул вдруг пересохшие губы. — Я... понял. Мне нужно около двух часов, чтобы добраться до Форбарр-Султана. — И для этой встречи лучше бы еще успеть переодеться. — Мы можем встретиться, скажем, в 26.00. Если, конечно, вы не предпочтете перенести это на завтра.

— Как вам угодно, милорд Аудитор.

Авакли не возражает против полуночной встречи. Вердикт «естественная причина» подобной спешки не требует. Все равно теперь вряд ли удастся уснуть.

— Значит, ночью.

— Отлично, милорд. — Прощальный кивок Авакли явно выражал одобрение.

Майлз отключил комм и резко выдохнул. Жизнь снова набирала скорость.

ГЛАВА 21

В здании Имперской безопасности ночная тишина. Конференц-зал клиники походил на склеп. Вокруг стола стояло пять стульев. Так, очередной медицинский брифинг. За последние дни Майлз узнал о содержимом человеческой головы, включая свою собственную, гораздо больше, чем бы ему хотелось.

— Кажется, нам не хватает стульев, — сказал Майлз адмиралу Авакли. — Или вы хотите, чтобы генерал Гарош слушал стоя?

— Я могу принести еще, милорд Аудитор, — тихо ответил Авакли. — Мы не ожидали... — Он бросил взгляд на Иллиана, усевшегося слева от места, предназначенно-

го Майлзу, рядом с полковником Рубаном и напротив доктора Уэдделла.

Майлз не был уверен в разумности присутствия Иллиана, но испытываемая Авакли неловкость придала ему решимости.

— Это избавит меня от необходимости все ему пересказывать, — так же тихо ответил Майлз. — Кроме того, я не знаю другого человека, у кого было бы больше прав на эту информацию.

— Не могу с этим спорить, милорд.

«Да уж, лучше не надо».

Авакли вышел за стулом.

Майлз напялил на себя коричневый с серебром мундир Форкосиганов, но ордена на сей раз оставил в ящике стола. Он хотел, чтобы ничто не отвлекало внимания от золотой цепи Аудитора, висевшей у него на груди. Иллиан предпочел гражданский костюм: рубашку с открытым воротом, свободного кроя брюки и пиджак. Наряд выздоравливающего человека на отдыхе. Любезность по отношению к Гарошу? Только ведь Иллиан так часто носил гражданский костюм и на службе, что послание, если таковое имеется, рискует остаться незамеченным.

Авакли с Гарошем вошли в конференц-зал вместе. Гарош увидел Иллиана, и губы его изумленно дрогнули. Иллиан повернул голову и поздоровался:

— Здравствуй, Лукас.

В низком голосе Гароша звучали мягкие нотки.

— Здравствуйте, сэр. Приятно снова видеть вас на ногах. — Но все же, повернувшись к Майлзу, он прошептал: — С ним ничего не случится? Он готов все это выдержать?

— Вполне, — улыбнулся Майлз, отметая собственные сомнения на сей счет.

Подчиняясь короткому жесту Гароша, присутствующие решили обойтись без официальных армейских приветствий. Послышался стук и скрип — все рассаживались по местам, затем стало тихо. Стоять остался только адмирал Авакли.

— Милорд Аудитор, — начал он, — генерал Гарош, господа. Шеф Иллиан. — Он кивнул Иллиану отдельно. — Не думаю, что то, что я скажу, для вас будет сюрпризом. Как мы выяснили, повреждения эйдетического чипа шефа Иллиана имеют искусственное происхождение.

Гарош, тяжело вздохнув, кивнул:

— Я этого боялся. Надеялся, что причина более проста.

Майлз тоже на это надеялся.

— Простота — последнее слово, каким бы я это описал, — ответил Авакли.

— Значит, мы имеем дело с покушением, — прокомментировал Гарош.

Авакли пожевал губу.

— Это, сэр, уже по вашему профилю. Я, пожалуй, буду придерживаться нашей терминологии. Повреждение искусственного происхождения. А суть вам объяснит док-

тор Уэдделл, который, — над бровью Авакли появилась маленькая морщинка, — сумел восстановить всю цепочку. Доктор Уэдделл, прошу вас.

По этой морщинке Майлз понял, что Уэдделл-Канабе был, как всегда, гениален и несносен. И если его гениальность когда-нибудь изменит ему, он, несомненно, весьма удивится, обнаружив, сколько проблем создает ему его несносность. Но Авакли слишком честен, чтобы присваивать чужие успехи. Уэдделл поднялся, его аристократическое лицо было напряженным, даже чуть мрачным.

— Если вы хотите увидеть виновника, непосредственно виновника, то вот его портрет. — Уэдделл включил изображение. На экране появился ярко-зеленый неровный шарик, вращающийся вокруг своей оси. — Цвет, естественно, — компьютерная добавка — я тут позволил себе художественную вольность. Объект увеличен в несколько миллиардов раз. Это, господа, биоинженерный апоптический прокариот. Точнее, так я его реконструировал.

— Что? — спросил Майлз. — Попроще, пожалуйста.

Уэдделл болезненно улыбнулся, несомненно, роясь в мозгу в поисках односложного слова. Майлз пожалел о последних выпитых бутылках пива.

— Маленький жучок, который поедает всякую всячину, — предложил Уэдделл вариант перевода.

— Не настолько упрощенно, — сухо бросил Майлз. Сидящие за столом барраярцы, зная, какой властью обладает Имперской Аудитор, заерзали, услышав его тон. Иммигрант Уэдделл не отреагировал никак. «Никогда не спорь с педантом о терминологии. Только зря потратишь время и надоешь педанту». Майлз решил не обращать внимания. — Прокариот. Ладно. Реконструированный?

— Я дойду до этого через минуту, милорд Аудитор. Это с натяжкой можно квалифицировать как форму жизни, поскольку он меньше и проще бактерии, но тем не менее осуществляет две жизненные функции. Фигурально выражаясь, он ест. Конкретно, производит энзим, который уничтожает протеиновую матрицу, имеющуюся в эйдетическом чипе и еще в нескольких подобных ему нейроприспособлениях, распространенных по всей галактике. Он разрушает только это и ничто другое. Затем, поглотив полученный в результате продукт, начинает репродуцироваться простым делением. Популяция прокариотов, попав на пастбище, то есть в данном случае на протеиновый чип, где можно кормиться, начнет увеличиваться в геометрической прогрессии. До заранее заданного количества. Прокариот запрограммирован на самоуничтожение после определенного количества циклов деления. К тому моменту, когда чип оказался у нас в руках, почти все они это и проделали, предоставив мне неплохую головоломку. Еще неделя — и анализировать было бы нечего.

Гарош вздрогнул.

— Итак, его создали специально для Иллиана? — спросил Майлз. — Или это промышленное производство?

— На ваш первый вопрос я ответить не могу. Но по его молекулярной структуре могу определить многое. Во-первых, кто бы его ни создал, он не начинал с нуля. Это модификация уже существующего запатентованного организма, предназначенного для разрушения нейронных тромбов. На некоторых молекулярных фрагментах еще можно различить галактический код патента. Модифицированные прокариоты, однако, никаких фирменных знаков не имеют. Как и патентного кода и лицензии. Изначальный патент получен десять лет назад, что, кстати, дает вам точку отсчета в имеющейся у вас временной проблеме.

— Это был мой следующий вопрос, — кивнул Майлз. — Надеюсь, мы сможем сузить временные рамки.

— Конечно. Но вы видите, как много следует уже из наличия и отсутствия кодов. Оригинальный прокариот был похищен для иных целей, и люди, его модифицировавшие, явно не собирались пускать его в промышленное производство. Так что налицо все признаки разовой работы для разового заказчика.

— Не джексонианская ли это работа, часом? — спросил Майлз. «Уж ты-то должен знать».

— Некоторые детали указывают именно на это. К сожалению, я лично с таким не сталкивался.

Значит, это не произведение лабораторий Бхарапутры, бывшего работодателя Уэдделла-Канабе. Да, это было бы слишком большой удачей. Но существует еще добрая дюжина Домов на Архипелаге Джексона, где могли выполнить подобную небольшую работенку. За определенную мзду.

— Сколько стоит его производство? Точнее, заказ на производство?

— М-м-м... — Уэдделл задумчиво уставился в пространство. — Сама работа обойдется примерно в пятьдесят тысяч бетанских долларов. А какова наценка? Кто знает? Одна только просьба о секретности со стороны покупателя поднимет цену процентов на пять. И вообще все зависит от конъюнктуры.

Значит, работа не какого-то одного придурка. Разве что это был фантастически богатый одинокий придурок. Возможно, какая-то организация. На ум пришли комаррские террористы — они, увы, всегда вспоминались в первую очередь.

— Это не может быть работой цетагандийцев? — поинтересовался Гарош.

— О нет, едва ли, — ответил Уэдделл. — Совсем не их стиль. По большому счету, цетагандийская работа всегда отличается качеством, оригинальностью и, если так можно выразиться, элегантностью. А это слеплено кое-как. Весьма эффективно, смею заметить, но кое-как. На молекулярном уровне.

Иллиан скривил губы, но промолчал.

— Программа на самоуничтожение, — продолжил Уэдделл, — могла быть ляпом, просто перенесена с оригинала. Или... создана специально, чтобы уничтожить улики.

— А вы не можете уточнить?

— В ней есть небольшие усовершенствования по сравнению с оригинальным медицинским прокариотом... Но в любом случае она специально оставлена на месте. Я могу предложить вам только факты, милорд. Я не могу вам рассказать о намерениях неизвестного человека.

«Верно, это уже мое дело».

— Так... И когда его ввели Иллиану? И каким образом?

— «Ввели» — не совсем верный термин, хотя при данных обстоятельствах и допустимый. Когда появились первые явные признаки срыва?

— Четыре недели назад, — сказал Гарош. — На общем совещании.

— На самом деле примерно на неделю раньше, — вмешался Майлз. — По словам моего осведомителя.

Гарош бросил на него пронзительный взгляд.

— Неужели?

Иллиан шевельнулся, будто собираясь что-то сказать, но не издал ни звука.

— Хм. Прокариот начинает размножаться не очень скоро. Многое зависит от того, какова была начальная доза.

— Ладно, но как это было сделано? — настойчиво спросил Майлз. — И кстати, как его хранят и транспортируют? Сколько он хранится? Требуются ли какие-то особые условия?

— Хранят сухими, в капсулах, при комнатной температуре, однако небольшой холод тоже не помеха. Сколько хранится? Господи, да сколько угодно! Впрочем, этому явно меньше десяти лет. Активируется влагой, предположительно при введении, для чего требуется влажная поверхность. Слизистая оболочка, например. Его можно вдохнуть, как пыль, вколоть в растворе или заразить через какую-нибудь царапину. Лопнувшая кожа и немного влаги — и все. Причем достаточно небольшой царапины.

— А если проглотить?

— Большая часть прокариотов погибнет под воздействием желудочного сока. В принципе такое возможно, но тогда начальная доза должна быть очень большой, чтобы хотя бы часть попала в кровяной поток и, соответственно, в чип.

— Так... остается выяснить когда. Какой максимальный срок, по-вашему? Не могли бы вы на основании репродуктивного цикла рассчитать время введения?

— Только очень приблизительно. Один из многих возможных вариантов, понимаете? Введение было произведено от одной до десяти недель до появления первых симптомов.

Майлз повернулся к Иллиану:

— Можешь припомнить что-нибудь?

Иллиан беспомощно покачал головой.

— Существует ли возможность... могло ли... возможно ли случайное заражение? — сформулировал наконец вопрос Гарош.

Уэдделл скривил губы.

— Возможно? Кто знает? Какова вероятность случайного события, вот в чем вопрос. — И он поглядел с таким видом, будто несказанно счастлив, что не ему на этот вопрос отвечать.

— Были ли какие-либо сообщения, — развернулся Майлз к Гарошу, — о ком-нибудь на Барраяре, у кого вживлено нечто подобное, и чип таинственным образом сломался? — Кстати говоря, а есть ли вообще у кого-нибудь на Барраяре в голове нечто подобное?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Гарош.

— Мне бы хотелось, чтобы Служба безопасности перепроверила еще раз.

— Слушаюсь, милорд. — Гарош сделал себе пометку.

— У прыжковых пилотов имплантаты сделаны по иному принципу, — сообщил Авакли. — Слава Богу. — Он моргнул, вероятно, представив себе, какой бы возник хаос, порази такая штука пилотов.

— Этот прокариот в любом случае не передается обычным путем, — заверил присутствующих Уэдделл. Довольно бесцеремонно, на взгляд Майлза.

— Насколько я понимаю, нам придется рассматривать самый плохой сценарий, — вздохнул Майлз.

— Да уж, — вздохнул, в свою очередь, Гарош.

— На мой взгляд — это диверсия, — продолжил Майлз. — Преднамеренная, продуманная и коварная. — «И жестокий. Господи, какой жестокий!» — Теперь нам известно, что и как. И приблизительно — когда. Но кто и почему? — «Ах, вот мы опять вернулись к мотивации. Я прикоснулся к слону, и это оказалось очень похоже — какие там шесть ответов? — на канат, дерево, стену, змею, шпагу, веер...» — Метод нам также известен. Неизвестен мотив. У тебя слишком много врагов, Саймон, но ни один из них не имеет к тебе ничего личного. Во всяком случае, так мне кажется. Ты ведь... не спал с чьей-то женой или дочерью, или что-то в этом роде?

Губы Иллиана дрогнули в усмешке.

— Увы, нет, Майлз.

— Следовательно, это кто-то, кто ненавидит вообще Службу безопасности. По политическим мотивам? Дьявольщина, все равно остается слишком много вариантов. Хотя у этих точно есть деньги и — хм — терпение. Сколько времени, по-вашему, требуется на изготовление этих микробестий, доктор Уэдделл?

— В лабораторных условиях — месяца два, не больше. Если не срочно. Если срочно — как минимум месяц.

— Плюс время на перелеты... думаю, заговор начался как минимум полгода назад.

Гарош откашлялся.

— Судя по всему, истоки надо искать за пределами Барраяра. Мне бы хотелось выяснить, в какой именно лаборатории его изготовили и когда. С вашего позволения, милорд Аудитор, я немедленно прикажу департаменту по делам галактики направить своих агентов по джексонианскому следу. С приказом поглядывать и по сторонам, конечно. Например, на Эскобар. В конце концов, Архипелаг Джексона не владеет полной монополией на теневой бизнес.

— Да, пожалуйста, генерал Гарош, — кивнул Майлз. Это как раз та самая работа ногами, которую СБ могла проделать гораздо лучше, чем Майлз. Настоящий Имперский Аудитор обычно располагает своим собственным штатом, которому поручает такого рода работу. Так, похоже, в конечном итоге он таки окажется запертым в подвалах СБ. Должно быть, это рок.

— И я прослежу каждый шаг шефа Иллиана за последние, скажем, шестнадцать недель, — добавил Гарош. — За исключением последних пяти.

— Я главным образом находился в штаб-квартире, — сообщил Иллиан. — Пару раз выезжал в город... кажется... Но я уверен, что за этот период ни разу не покидал Барраяр.

— Был еще официальный ужин у Грегора, — напомнил Майлз. — И еще пара вещей, которые ты лично контролировал.

— Так. — Гарош сделал себе еще пометку. — Нам потребуется список всех инопланетников, с кем шеф Иллиан мог лично контактировать за это время. Список получится большой, но не бесконечный.

— Можете ли вы еще сузить временные рамки? — спросил Майлз у Авакли и Уэдделла.

Уэдделл развел руками. Авакли покачал головой:

— Только не на основании имеющихся у нас данных, милорд.

— А вы можете еще что-нибудь к ним добавить? — спросил Гарош.

Все врачи дружно покачали головами.

— Только если перейти в область домыслов, — произнес Авакли.

— Уж больно странное нападение, — задумчиво протянул Майлз. — Цель которого — служебные функции Иллиана, а не его жизнь.

— Я не уверен, что вы можете отбросить возможность намерения именно убить, — заявил Рубан. — Если бы чип не извлекли, шеф Иллиан умер бы от истощения. Мог еще произойти несчастный случай в периоды помутнения рассудка.

Гарош с шумом втянул воздух. «Правильно», — подумал Майлз. Если кто-то метит в руководителей СБ, Гарош вполне может оказаться следующим на очереди.

Гарош выпрямился.

— Господа, вы проделали блестящую работу. Мое личное поощрение будет занесено в ваши досье. Как только окончательный доклад будет завершен, можете вернуться к вашим повседневным обязанностям.

— Скорее всего мы отдадим его вам завтра, — сказал Авакли.

— Могу я сейчас уехать домой? — спросил Уэдделл. — Моя несчастная лаборатория вот уже неделю находится в руках ассистентов. Я содрогаюсь при мысли, что меня ждет по возвращении.

Авакли скосился на Майлза, предоставляя ему решать. «Ты на меня его свалил, ты с ним и разбирайся».

— Не вижу причины, почему нет, — сказал Майлз. — И я хочу получить копию доклада.

— Безусловно, милорд Аудитор, — кивнул Авакли.

— А также всего, что напишет по этому вопросу ваше заведение, генерал Гарош.

— Конечно. — Гарош собрался было сказать что-то еще, но передумал. — Милорд Аудитор, вы созвали это совещание.

Майлз улыбнулся и встал.

— Господа, свободны. И всем спасибо.

В коридоре Иллиан задержался, чтобы поговорить с Гарошем. Майлз стоял и ждал.

— Что ж, сэр, — вздохнул Гарош, — должен сказать, вы поставили передо мной ту еще задачку.

Иллиан ухмыльнулся:

— Добро пожаловать на горячее местечко. Я говорил Майлзу — вчера, кажется? — что моим первым заданием на посту шефа СБ стало расследование убийства моего предшественника. Так что да здравствуют традиции!

«Ты говорил мне это сегодня днем, Саймон».

— Во всяком случае, вас не убили, — заметил Гарош.

— А! — Улыбка Иллиана увяла. — Я... забыл. — Он посмотрел на Гароша, и голос его упал до едва различимого шепота. Гарош был вынужден наклониться ближе, чтобы расслышать. — Поймай для меня этих ублюдков, хорошо, Лукас?

— Я приложу все усилия, сэр. Все мы приложим. — Невзирая на цивильный наряд Иллиана, Гарош торжественно отсалютовал ему, когда они с Майлзом направились к выходу.

Этой ночью, точнее, утром, Майлзу не удалось уснуть. Хотя мучила его не бессонница, а скорее... что? — Своего рода информационное несварение, надо полагать.

Поворочавшись в постели, он уставился в темноту, куда более светлую, чем проблема, которая только что свалилась ему на голову. Когда он ухватился за возможность поиграть в Имперского Аудитора, он рассчитывал, что это будет именно спектакль, который предназначен лишь для того, чтобы вытащить Саймона Иллиана из лап медиков СБ. Не такая уж сложная задача, как оказалось. Но теперь... теперь он столкнулся с задачей, для решения которой нужен настоящий Аудитор, со всем своим штатом, поддержкой и бессонницей.

Колоссальная власть, полученная по мановению руки Грегора, подавляла. Майлзу не хватало поддержки его дендарийцев. Если бы он хоть на мгновение подумал, что

назначение Аудитором — настоящее, пусть и временное, он немедленно начал бы набирать штат экспертов из других барраярских организаций. Например, он знал нескольких отличных парней в Имперской безопасности, которые отслужили уже свои двадцать лет и, возможно, согласились бы уйти в отставку и поработать на Майлза. Изучи штатную структуру других Аудиторов и создай подобную. Зажми лорда Аудитора Форхаласа в ближайшем углу и держи его там, пока он не выложит все, что знает о работе. Очередное ученичество. «Опять я начинаю не с того конца, черт побери. И кто-то надеялся, что я чему-то научился».

Ладно. Так что ему следует делать дальше? Точнее, с чего начать? Единственная улика, этот самый прокариот, вроде как указывает, что концы надо искать на Архипелаге Джексона. Если, конечно, верить Уэдделлу, а Майлз ему верил. Следует ли ему самому отправиться на Архипелаг Джексона, чтобы лично курировать поиски? От одной лишь мысли об этом его передернуло.

Это как раз та работа, которую следует поручить команде полевых агентов, каким был когда-то он сам. Так что самое очевидное решение данной проблемы — поручить ее... Только вот... дело в том, что сейчас Служба безопасности сама в числе подозреваемых...

Если производство прокариота — чисто коммерческое предприятие, значит, у Архипелага Джексона отсутствует мотив. Разве что месть? Во время своего последнего визита на Архипелаг Нейсмит довольно неплохо отравил существование нескольким Большим Домам. Если они все-таки вычислили, на кого он работал... Однако Дом Фелл, достаточно богатый, чтобы профинансировать диверсию, не слишком пострадал от его демарша. Дом Бхарапутра, пострадавший несколько больше, не настолько спятил, чтобы начать сепаратную войну с Барраяром — в конце концов, выгоды им от этого никакой. Дом Риоваль, и достаточно богатый, и достаточно безумный, чтобы затеять нечто подобное, распался. Барон Риоваль мертв.

Нет. Орудие, возможно, и прибыло с Архипелага Джексона, но преступление совершено здесь. «Интуиция, мой мальчик?» Так что же ему делать? Залечь на дно и попытаться изловить свое собственное подсознание? Похоже, он потихоньку сходит с ума.

А может, ему стоит дать своему бесу интуиции больше пищи? Расшевелить Службу безопасности? «И спровоцировать свое убийство?» По крайней мере это забавно и не так обескураживающе, как пустота.

«Ты действительно полагаешь, что концы нужно искать внутри конторы?» Бес интуиции, как всегда, постеснялся дать прямой ответ. Но фокус вот в чем: поехать и прошерстить Архипелаг Джексона может кто угодно. А в Имперскую службу безопасности может проникнуть только Имперский Аудитор. Конечно, в одиночку с этим не справиться, но совершенно очевидно, чем придется заниматься ему.

«Значит, займемся Службой безопасности».

* * *

В полдень Майлз был на ногах, одетый в мундир Форкосиганов, с цепью Аудитора на груди. Он допивал свой кофе, сидя на лавочке в холле и поджидая, пока Мартин подгонит ко входу лимузин. У дверей раздался шум — слишком сильный, чтобы его источником послужил Мартин (во всяком случае, Майлз не слышал скрежета машины, врезавшейся в столб). Подъехало несколько машин, раздались голоса и звуки шагов. Майлз поставил чашку и встал, собираясь открыть дверь, но та вдруг распахнулась сама. «А, ну конечно!» Графиня Форкосиган со своей свитой миновала орбиту нынче утром, когда он еще спал.

Двое оруженосцев в ливреях вошли в вестибюль и, прежде чем поприветствовать Майлза, склонились перед графиней. Она плыла сквозь толпу охранников, секретарей, горничных, слуг, водителей, носильщиков, очередных охранников, как великолепная яхта плывет по воде, а они расступались, как волны. Высокая, рыжеволосая, уверенная в себе женщина, одетая во что-то кремовое и воздушное, что еще больше усиливало впечатление, будто она плывет, а не идет. Определение «хорошо сохранившаяся» не отдавало должное ее зрелой красоте. Ведь она в свои шестьдесят с небольшим едва достигла по бетанским меркам среднего возраста. Секретарь, шагавший возле нее, был немедленно отставлен в сторону, едва графиня завидела сына.

— Майлз, дорогой!

Майлз расстался со своей чашкой и склонился к ее руке, пытаясь таким образом избежать материнских объятий. Графиня мгновенно оценила его маневр и ограничилась репликой:

— Боже, какой официальный наряд в столь ранний час.

— Я уже уходил на работу, — объяснил Майлз. — Почти.

— Ну, теперь ты, конечно, задержишься...

Взяв его за руку, она утащила его в сторону от перетаскивающих багаж слуг, чье передвижение напомнило Майлзу движение цепочки муравьев. Они нырнули в ближайшую комнату — ту, что перед большой библиотекой. Свита графини Форкосиган прекрасно справлялась со своим делом и без нее.

Стоя на расстоянии вытянутой руки, графиня внимательно оглядела сына с ног до головы.

— Как ты? — Ее улыбка не могла скрыть озабоченности.

В устах графини такой вопрос обладал потенциально опасной глубиной.

— Спасибо, хорошо.

— Правда? — спокойно спросила она.

— Правда.

— Ты действительно выглядишь... лучше, чем я ожидала. Не столь зомбиподобно, как на некоторых твоих — кхм — слишком кратких посланиях.

— Я... У меня, знаешь, было несколько паршивых дней сразу после... Но я справился.

— Мы с твоим отцом чуть было не приехали. Несколько раз собирались.

— Хорошо, что не приехали. То есть нет, я, конечно, рад тебя видеть, — торопливо добавил он.

— Гм. Я думала, все будет зависеть от того, откуда подует ветер.

— Возможно, я до сих пор прятал бы голову в задницу, — нехотя признался Майлз, — но обстоятельства изменились. Ты ведь слышала о Саймоне.

— Да, но не все. Хотя от Элис было гораздо больше проку, чем от вас с Грегором. Как он?

— Нормально. Он здесь. Спит. Сегодня ночью мы поздно легли. Думаю... будет лучше, если он все тебе сам расскажет. Что сможет. — И на всякий случай добавил: — Физически он здоров, но немножко... Ну, боюсь, он не совсем тот Саймон, к которому ты привыкла. Ты сама все довольно быстро поймешь, когда поговоришь с ним.

— Понимаю. — Графиня слегка нахмурилась. — Поговорю, как можно скорее. Примерно через час у меня встреча с Элис. Мне не терпится познакомиться с Лаисой.

— Так тебе удалось уломать ее родителей в тех вопросах, где леди Элис, по ее словам, потерпела неудачу?

— О, Элис отлично подготовила почву. Конечно, чувства родителей Лаисы несколько противоречивы, что вполне понятно. Как те самые Тоскане, они в восторге от перспективы приобрести еще большее влияние, как для себя, так и для своей компании, и, что делает им честь, для Комарры в целом.

— Тут они ошибаются. Грегор слишком заботится о необходимости выглядеть беспристрастным, чтобы открыто делать поблажки родственникам своей жены.

— Именно это я им спокойно и объяснила. С мозгами у них порядок, рада заметить. Их восторг был сильно омрачен искренним беспокойством о безопасности дочери и ее личном счастье, хотя, безусловно, я так же не знаю, как обеспечить счастье своему ребенку, как любые родители. — Она сухо улыбнулась.

Камешек в его огород? Без вопросов.

— Ну... как там отец? Как он... все это воспринял? — Передернув плечами, Майлз таким образом обозначил свой новый, цивильный, статус.

Графиня негромко откашлялась.

— Противоречивые чувства, противоречивые реакции. Он выдал мне массу логически противоположных высказываний, которые я, пожалуй, сведу к одной основной идее: он тебя поддержит. Всегда.

— Это-то я и так знаю. Я о другом хотел спросить. Он был... очень разочарован?

Графиня пожала плечами:

— Мы все прекрасно знаем, как много и тяжело ты работал, чтобы достичь того, чего достиг, и что тебе пришлось преодолеть.

«Она уходит от ответа, черт возьми».

— Его гораздо больше беспокоило, что с тобой может произойти потом, поскольку у тебя выбита почва из-под ног, — сказала она. Постучав длинным пальцем по его цепи, графиня добавила: — Весьма разумно со стороны Грегора. Мальчик с возрастом мудреет. Это меня радует.

— Подожди, пока Иллиан объяснит тебе, какой груз я должен тащить на этой проклятой цепи.

Бровь графини изогнулась, но вопросов она задавать не стала. Майлз задумался на мгновение о сдержанном подходе графини Форкосиган по контрасту с чрезвычайной материнской активностью, которую вела леди Элис против — а это именно против — Айвена. В целом он обнаружил, что спокойное уважение графини намного страшнее любого прямого вмешательства. Потому что ты быстро выясняешь, что тебе чертовски хочется быть достойным этого уважения. Графиня играла роль стороннего наблюдателя почти безукоризненно — стиль, которому Грегор, несомненно, научился у нее.

В дверном проеме возникла физиономия Мартина. При виде графини на лице его появилось несколько ошарашенное выражение.

— Милорд? Э-э-э, ваша машина готова и все такое...

Графиня жестом отпустила Майлза.

— Если тебе нужно идти, иди. Я потереблю Саймона.

— Мне, похоже, предстоит потеребить его бывшую — ему очень не понравилось, как это звучит: «бывшая», — контору. Гарош не слишком торопился с этой проблемой. Хотя не думаю, что могу ругать Службу безопасности за то, что она не хочет двигаться вперед, не имея данных.

— Это почему же? Прежде они так делали. И довольно часто.

— Ну-ну. Не будьте мелочны, миледи моя мать.

Майлз откланялся в лучшем форском стиле.

— В любом случае я рада, что застала тебя здесь, — сказала она ему в спину.

— А где мне еще быть?

Графиня поколебалась, затем сухо призналась:

— Я поспорила с Эйрелом, что ты предпочтешь маленького адмирала.

ГЛАВА 22

Весь остаток дня Майлз провел в кабинете Гароша, проверяя все, что проделала Служба безопасности с предыдущей ночи, и наблюдая за новыми приказами, исходящими от руководства СБ. Он внимательнейшим образом изучал

список всех передвижений Иллиана за последние три месяца, пока у него не зарябило в глазах и он не начал опасаться, что от усталости что-нибудь пропустит. Гарош терпеливо выносил его беспокойное соседство. Пройдут недели, прежде чем поступит информация от галактических оперативников. Гарош сосредоточил почти все силы на Архипелаге Джексона, поскольку туда вело единственное вещественное доказательство, и это полностью соответствовало теориям Майлза. Или его предрассудкам.

Какую бы мелочь Гарош ни упускал, Майлз тут же указывал на нее, и генерал немедленно исправлял оплошность. К концу дня уже не оставалось ничего, что можно было еще предпринять по Архипелагу Джексона. Разве что отправить туда лично Майлза — мысль, которая пришла Гарошу без всякой подсказки со стороны.

— По-моему, вы обладаете колоссальным опытом ведения дел с джексонианскими Домами, — заметил генерал.

— М-м-м, — протянул Майлз, представив себе, как могло бы выглядеть его появление на Архипелаге Джексона. Возвратиться туда в роли Имперского Аудитора, с армадой барраярских боевых кораблей, которые он захватит для поддержки, — весьма заманчивая фантазия.

— Нет, — неопределенно ответил он, — не думаю.

«Ответ лежит здесь, в недрах СБ. Я только пока не знаю, как сформулировать вопрос».

Расстроенный и издерганный Майлз предоставил Архипелаг Джексона полевым агентам, а Гароша — самому себе, и отправился гулять по зданию Имперской безопасности. Он думал, что хорошо помнит штаб-квартиру СБ, но тут оказались такие углы и закоулки, где он никогда прежде не был. Даже целые департаменты, о которых ему раньше незачем было знать. Что ж, теперь он получил возможность исследовать все здание от и до.

Майлз по ходу заглянул в парочку таких подразделений, вызвав у работников изрядный переполох, а потом решил систематизировать свой обход. Он проинспектирует все подразделения, начиная с верхнего этажа, включая подсобные помещения.

Так он и сделал, сея повсюду панику и недоумение. Начальник каждого департамента, который он посещал, начинал судорожно копаться в памяти, пытаясь найти причину визита Имперского Аудитора. «Ха! Виновны, все как один», — мрачно думал Майлз. Некоторые пытались объяснить превышение бюджета, причем, по мнению Майлза, излишне подробно, а один, хоть его никто не спрашивал, принялся оправдываться по поводу проведенного вне планеты отпуска. Майлз вынужден был признать, что видеть этих обычно молчаливых людей в таком состоянии — довольно забавно. Он не мешал им говорить, вставляя различные «хм?» и «м-м-м», но все это, кажется, вовсе не приближало его к формулировке нужного вопроса.

В СБ имелось достаточно департаментов, работающих целые барраярские сутки, равные 26,7 земным часам, и

Майлз мог бы продолжать свою экскурсию ночь напролет, но поздним вечером он прервал обход. Здание, занимаемое штаб-квартирой Имперской безопасности, отнюдь не крошечное. А ему требуется не скорость, а осторожность и внимание.

Проснувшись на следующее утро, Майлз обнаружил, что особняк Форкосиганов шумит и бурлит, наполненный свитой графини. Слуги наводили порядок: снимали чехлы с мебели, суетились вокруг Иллиана, а также постоянно заступали Майлзу дорогу с вопросом «Чего изволите, милорд?», когда он попытался полуодетым пройтись по дому, размышляя и потягивая утренний кофе. В принципе так и должно было быть, но... Это подтолкнуло его отправиться на работу пораньше. Поскольку Аудитор — лицо официальное, он решил для начала представить Грегору официальный доклад в Императорском дворце. К тому же у Грегора может возникнуть какая-нибудь подходящая идея. У самого Майлза в данный момент запас идей явно иссяк.

Его аудиторский стиль быстро превратился в обычный, едва он добрался до кабинета Грегора и они остались одни. Они уселись в удобные кресла у выходившего в сад окна, и Майлз немедленно водрузил ноги на низенький столик, уставившись на глянцевые сапоги.

— Есть что-нибудь новенькое? — поинтересовался Грегор, вольготно откинувшись в кресле.

— В общем, нет. А что Гарош тебе рассказал?

Грегор выдал довольно полную версию ночного совещания, а также перечень приказов и требований, которые изрыгнула контора Гароша вчера у Майлза на глазах.

— Он сказал, что Иллиан во время вашего ночного совещания был чудовищно спокоен, — добавил Грегор. — У меня такое впечатление, что Гарош полагает, будто повреждения, нанесенные Иллиану, серьезнее, чем кажется.

— М-м-м. Иллиан тоже так думает. Лично я считаю, что он не столько травмирован, сколько страдает от недостатка практики. Такое впечатление, что он забыл, как надо сосредотачиваться. То, что хранится у него в голове, должно быть, для него теперь совершенно незнакомый мир. Полагаю, леди Элис сможет дать тебе лучшие пояснения на сей счет, чем Гарош.

— Так что ты сделал?

Майлз скривился:

— Ничего. Стер палец, листая отчеты галактических оперов. Совал нос в шкафы Имперской безопасности, изображая Генерального Инспектора. Это несколько развлекает. И жду.

— Ты ждешь всего день.

— Это предчувствие.

— С Гарошем вы теперь ладите лучше?

— Вообще-то да. Он делает все, что должен. И быстро учится, не повторяет ошибок... Ну, не чаще, чем дважды. Мне сама ситуация в целом не нравится. Она кажется удивительно лишенной концов... не за что дернуть и посмотреть, что получится. Или я их еще не нашел.

Грегор сочувственно кивнул.

— Ты ведь только что начал расследование.

— Угу. — Майлз колебался. — Все оказалось гораздо хуже и сложнее, чем я ожидал, когда бесился от того, как медики СБ проводят лечение Иллиана. Теперь это не шутка. Ты уверен, что... не хочешь передать дело настоящему Аудитору? Форховицу, например.

— Форховиц еще на Комарре. Потребуется неделя, чтобы его отозвать. К тому же он мне нужен там.

— Тогда кому-то другому.

— В чем дело, мужик? — Грегор, сощурившись, внимательно оглядел Майлза. — Хочешь, чтобы я тебя сменил?

Майлз открыл рот, закрыл его и наконец произнес:

— Я полагал, что должен дать тебе возможность пересмотреть свое решение.

— Понятно. — Грегор пожевал губу. — Благодарю вас, лорд Форкосиган, но нет.

«Надеюсь, ты не совершаешь величайшей ошибки, Грегор». Но вслух он этого не сказал.

Кофе, который Грегор велел принести, когда Майлз только пришел, наконец прибыл на подносе, который несла сама леди Элис Форпатрил. За ней следовала Лаиса Тоскане. Грегор просиял.

— Вы готовы сделать небольшой перерыв, господа? — поинтересовалась леди Элис, с шумом ставя поднос и хмуро глядя на сапоги Майлза. Он быстро снял ноги со стола и выпрямился.

— Да, — произнес Грегор, протягивая руку Лаисе, которая взяла ее и села, вернее — скользнула, — в кресло рядом с ним. Майлзу на мгновение стало жутко завидно.

— Полагаю, мы уже закончили, — добавил Майлз. — На сегодня.

«Мой доклад звучит как «докладывать нечего». Фу!»

Лаиса озабоченно и чуть вопросительно улыбнулась.

— Грегор с леди Элис рассказали мне об Иллиане. Думаю, мне... очень жаль? Нет, не совсем верное слово. Скорее я изумлена, что рухнул такой колосс. На Комарре он — легендарная личность. И притом, когда я познакомилась с ним, он показался мне весьма неприметным.

— Едва ли о нем можно так сказать, — заметила леди Элис.

— Ну, не то чтобы совсем неприметным, но именно такое впечатление он и хотел произвести. Такой спокойный. Он оказался совсем не тем... что я ожидала.

«Не чудовищем?» Лаиса — вежливая комаррианка, нужно отдать ей должное.

— Настоящие чудовища, — сказал Майлз, отвечая на ее мысли, а не слова, — довольно часто совсем неприметны. Только мозги у них чуть больше набекрень. А Иллиан — самый здравомыслящий человек из всех, кого я знаю.

Лаиса слегка покраснела. Ей это шло. Она тихонько откашлялась.

— На самом деле мы пришли по делу, лорд Форкосиган.

— Можете называть меня Майлзом, когда мы не на публике.

Она вопросительно глянула на Грегора, который поощрительно кивнул.

— Майлз, — послушно сказала она. — Леди Элис предложила устроить на следующей неделе во дворце прием и танцы для близких друзей Грегора и моих. Никакой политики, ради разнообразия.

«Или таково твое пожелание». Но леди Элис утвердительно кивнула. Ну, если не политический расчет, то уж светский — наверняка. Награда Лаисе за то, что она столь прилежно учится быть фор-леди?

Лаиса тем временем продолжила:

— Вы придете, ло... Майлз, если ваши обязанности вам позволят? Как наш общий друг.

Майлз, сидя, отвесил полупоклон будущей императрице.

— Сочту за честь, если обязанности позволят.

Скорее всего времени у него будет сколько угодно. Когда еще придут сообщения от галактических агентов.

— И конечно, вы можете прийти не один, если хотите, — добавила Лаиса. Она снова поглядела на Грегора, и они обменялись глупыми улыбками.

— У вас есть постоянная... — она запнулась в поисках подходящего барраярского термина, — молодая леди?

— В настоящий момент нет.

— Гм. — Лаиса окинула его оценивающим взглядом. Грегор сжал ее ладонь. Будь у нее младшая сестра, Майлз бы точно знал, как этот взгляд интерпретировать. Любовь, похоже, не просто заразна, она агрессивно заразна.

— У Майлза иммунитет на наших фор-леди, — сообщила далеко не одобрительно леди Элис. Господи, уж не собирается ли она расстаться с идеей женить Айвена и переключиться на него, просто от расстройства?

Лаиса выглядела так, будто пытается сообразить, не хочет ли леди Элис сказать, что Майлз предпочитает мальчиков, но воспитание не позволяло ей уточнить. Во всяком случае, пока она не останется наедине со своей наставницей.

— Не иммунитет, — поспешно возразил Майлз. — Просто мне пока не везет. Мой прежний рабочий график был слишком напряженным, чтобы заводить роман. — «Дома, во всяком случае». — Теперь, когда я обосновался в Форбарр-

Султане, кто знает, как оно будет. Хм... Может быть, приглашу Делию Куделку.

Лаиса довольно улыбнулась:

— Я буду рада ее снова увидеть.

Элис разливала кофе, Лаиса внимательно за ней наблюдала. Пометок она не делала, но Майлз готов был поспорить на что угодно, что в следующий раз Лаиса вспомнит, что он предпочитает черный. Пока он пил кофе, леди Элис вела непринужденную беседу, но вскоре она поднялась и увлекла за собой Лаису. Пошли в дамскую комнату посплетничать о Майлзе? «Не будь столь язвительным, парень». Под руководством Элис Лаиса быстро знакомилась с миром фор-леди и в отличие от Гароша не была склонна недооценивать его значимость для ее будущего.

Грегор с явной неохотой отпустил свою нареченную.

— Леди Элис, — произнес он задумчиво, — если вы считаете, что ему это по силам, почему бы вам не пригласить Саймона на ужин, который мы с Лаисой устраиваем для вас с леди Форкосиган? Я обнаружил, что мне недостает бесед с ним. — Перехватив взгляд Майлза, он криво ухмыльнулся.

— А я полагал, что ваши беседы с Саймоном состояли главным образом из его докладов, — заметил Майлз.

— Довольно интересно узнать, что эти доклады в себя включали, — заметила леди Элис. — Конечно, Грегор. Думаю, ему это пойдет на пользу.

Она повела Лаису к дверям. Майлз вскоре последовал за ними,

Майлз продолжил свое добровольное инспектирование штаб-квартиры СБ с того места, где закончил вчера. Лично он предпочел бы точечным ударом выудить из этой кучи данных необходимое, но, когда ты вообще не знаешь, что тебе, собственно, нужно, приходится осматривать все. Криптография действительно оказалась тайной. Сотрудники этого департамента начали охотно объяснять ему, и в их технических деталях Майлз запутался примерно на второй минуте. «Если не можешь удивить деяниями, утопи в дерьме». Майлз, улыбнувшись, мысленно сделал себе пометку посетить попозже этот департамент еще разок. Финансисты были просто счастливы, что хоть кто-то интересуется их делом, и визит туда грозил затянуться навечно. Майлз продрался сквозь гору распечаток и попросту удрал.

Вспомогательные помещения оказались страшно интересными. Он всегда знал, что здание штаб-квартиры великолепно защищено, но не представлял себе, как эта защита устроена. Теперь он выяснил, где находятся бронированные стены и полы и насколько хитроумно разработаны системы фильтрации и циркуляции воздуха, очистки воды и взрывоустойчивости здания. Его уважение к покойному сумасшедшему архитектору значительно возросло. Это строение было не просто разработано параноиком, оно было разработано отлично. В каждой комнате имелась своя фильтрационная система в дополнение к общей,

которая фильтровала и обрабатывала циркулирующий воздух, разрушая возможные ядовитые газы и микробов, прежде чем вновь запускать его в обращение. Тепловой генератор еще и дистиллировал воду. Так вот почему вода здесь такая безвкусная! Майлзу приходилось видеть космические корабли с менее эффективной системой. Здесь персонал не заразит друг друга гриппом.

Обслуживающий персонал состоял из солдат срочной службы, ветеранов, прослуживших не менее десяти лет. Майлз также выяснил, что они получают гораздо больше, чем такие же солдаты других служб Имперской армии. Моральный дух у них был чрезвычайно высок. Как только они убедились, что Аудитор не собирается критиковать качество их работы, они не только начали оказывать ему всяческое содействие, но и повели себя очень дружелюбно. Похоже, ни один проверяющий офицер не жаждал ползать с ними по вентиляционным трубам. Впрочем, большинство проверяющих были старше, крупнее и выше Майлза. Заодно Майлз узнал, что самая нудная работа во всей Службе безопасности — проверка монитора вдоль многих километров коммуникационных, вентиляционных и прочих шахт здания. Он мог только радоваться, что подобная работа ни разу не свалилась на него в начале его службы, когда он попадал в относительную немилость.

Когда он нехотя собрался уходить, солдаты были очень довольны своим Имперским Аудитором. Как, впрочем, и Аудитор. Сочетание дружелюбия и компетентности на мгновение болезненно напомнило ему о дендарийцах, но он немедленно подавил воспоминания.

Подобная деятельность временно избавляла Майлза от тоскливых размышлений о его нынешнем положении. В целом Майлза оно вполне устраивало. Для СБ он посторонний, гражданское лицо, и при этом он сейчас получает большее представление об этой организации, чем когда работал на нее. Может, это своего рода прощание? «Наслаждайся, пока есть возможность».

На сей раз он ушел домой довольно рано, чтобы поужинать с матерью и Иллианом. Приятно ради разнообразия побыть в обществе гражданских. Он успешно удержал беседу в рамках рассказов о ходе развития колонии на Зергияре, что оказалось не очень сложным, поскольку графине действительно было что рассказать. Вернувшись рано утром в штаб-квартиру СБ, он некоторое время дышал Гарошу в затылок, пока тот не начал перечислять преимущества поездки на Архипелаг Джексона. Ухмыльнувшись, Майлз снова отправился изучать строение.

Визит к аналитикам занял большую часть дня. Помимо всего прочего, он пошел туда, чтобы поговорить с Галени и другими аналитиками, задействованными в решении этой маленькой внутренней проблемы. Они тоже ждали докладов галактических агентов. Заодно Майлз посмотрел, как решаются другие проблемы. То, что дело Иллиана имело первостепенное

значение, вовсе не означало, что можно забросить все остальное. Потом был долгий и интересный разговор с начальником департамента по делам Комарры генералом Аллегре, который по вполне понятной причине перешел в разговор о женитьбе Грегора — тема, которую Майлз старательно избегал в беседе с Галени. Интересно, подумал Майлз, стоит ли слетать хотя бы на Комарру, для личной беседы с коллегой Аллегре в департаменте по делам галактики, находящимся на Комарре. Полковник Ольшанский, шеф департамента по Зергияру, вежливо поинтересовался здоровьем графини. Майлз пригласил его на ужин — дань вежливости, которую полковник, кажется, счел несколько угрожающей, но тем не менее с готовностью согласился.

То, что Майлз оставил на десерт — заключительное, так сказать, звено его инспекции, — отнюдь не случайно пришлось на вечер нынешнего дня.

Хранилище вещественных доказательств СБ находилось в нижних подвальных помещениях, в старом тюремном блоке — комнатах ужасов, как привык думать о них Майлз. Этот блок был самой современной тюрьмой в последние кровавые дни правления императора Ури Безумного, и здесь сохранился устойчивый больничный запах, который казался Майлзу более страшным, чем сырые стены, паутины, цепи и снующие насекомые. Император Эзар тоже пользовался комнатой ужасов, только более скрытно. Сюда он помещал своих политических противников — начиная с тюремщиков Ури, изящный штрих галактической справедливости в общем-то жестокого правления. Майлз подумал, что одно из лучших достижений отца за период регентства — это превращение мрачных казематов в музей. Здесь действительно следовало бы поставить восковые фигуры Ури Безумного и его головорезов.

Но как хранилище вещественных доказательств это самое надежное место на планете. Теперь здесь обитали самые необычные предметы, собранные Службой безопасности в ходе многочисленных расследований. В нескольких комнатах хранились документы, оружие, в том числе биологическое — хорошо запечатанное, надеялся Майлз, — наркотики и всякие странные предметы, конфискованные у врагов и несчастных, ожидавших приговора, дальнейшего расследования или пересмотра дела.

Он позволил себе краткую экскурсию в комнаты с оружием. Последний раз он был здесь два года назад, когда доставил кое-какие забавные погремушки, добытые в ходе одной из операций дендарийцев. На одной из дальних полок Майлз обнаружил ржавый металлический арбалет и несколько пустых канистр из-под солтоксина. Последние свидетельства — кроме него самого, конечно — покушения на вновь назначенного регента лорда Эйрела Форкосигана и его беременную жену, имевшее место тридцать с чем-то лет назад. «Альфа и омега, мой мальчик, начало и конец».

Дежурный сержант, сидевший за столом в бывшей комнате допросов у единственного входа в секцию, был бле-

ден и походил на монастырского библиотекаря. Когда Майлз вошел, он вскочил со стула и замер по стойке «смирно», явно не зная, то ли кланяться, то ли козырять. Наконец он склонил голову — своего рода компромисс.

— Милорд Аудитор, чем могу помочь?

— Сядьте, расслабьтесь и впустите меня внутрь. Я хочу посмотреть, — спокойно сказал Майлз.

— Конечно, милорд Аудитор.

Он сел на место, а Майлз, хорошо знакомый с процедурой, подошел к сенсорному замку и прижал ладонь. Сержант благодарно улыбнулся, поскольку Майлз избавил его от необходимости решать, подлежит ли Имперский Аудитор обычной процедуре проверки или нет, и если подлежит, то как, к дьяволу, его заставить выполнять правила?

Но радость его оказалась недолгой: замигала красная кнопка, и комм издал протестующие звуки.

— Милорд? Вы лишены допуска, по приказу генерала Гароша.

— Что? — Майлз обошел стол и глянул на экран. — А! Проверьте дату. Этот приказ отменен. Если беспокоитесь, то свяжитесь с Гарошем и запросите разрешение на изменение в списке. Я подожду.

Сержант, сильно волнуясь, так и поступил. Пока он объяснялся с секретарем Гароша, который, как только понял, в чем дело, немедленно передал разрешение, рассыпаясь в извинениях, Майлз смотрел на экран. Там высветились все его визиты сюда, расписанные по датам и числам, почти за десять последних лет, а также указывались коды предметов, которые он приносил и выносил. В основном приносил. Здесь указана и веганская бомба с сюрпризом, и те странные генетические образцы с Цетаганды, сейчас скорее всего проходящие тщательное изучение под эгидой доктора Уэдделла. И... что за черт?! Майлз наклонился поближе.

— Простите, на комме указано, что я приходил сюда двенадцать недель назад. — В этот день он вернулся из своей последней дендарийской миссии, тот самый день, когда Иллиана не было в городе. Время указано... сразу после того, как он вышел из приемной Иллиана. На самом деле как раз в этот момент он шел домой. Глаза Майлза расширились, зубы сжались.

— Как интересно, — прошипел он.

— Да, милорд? — спросил сержант.

— В этот вот день вы здесь дежурили?

— Не помню, милорд. Мне нужно сверится с графиком. Э-э-э... А почему вы спросили, милорд?

— Потому что в тот день меня здесь не было. Ни в тот, ни в любой другой день в течение года.

— Вы записаны, сэр.

— Вижу. — Майлз хищно ощерился.

Наконец-то он нашел то, что безуспешно искал все эти дни. Потерянный конец. «Это либо прямое попадание, либо ловушка. Интересно, что из двух?» Так что же он хотел найти? И найдет ли он это сейчас? Мог ли кто-нибудь предвидеть этот его подземный визит? «Не надо ничего предполагать, парень. Просто делай».

«Осторожно».

— Включите защищенный канал связи с Генштабом, — приказал он сержанту, — и соедините меня с капитаном Форпатрилом. Немедленно.

Айвен из Генштаба, расположенного в другом конце города, добирался довольно долго. Майлзу повезло, что он застал его в тот день, когда Айвен для разнообразия не смылся с работы пораньше. Майлз, сидя на краю стола с комм-пультом у входа в хранилище и болтая ногой, ехидно улыбнулся при виде кузена, отмахивающегося от сопровождавших его охранников:

— Ну, вот видите, я не заблудился. Можете идти. Спасибо.

Дежурный по хранилищу сержант и его непосредственный начальник, лейтенант, ждали пожеланий лорда Аудитора. Лейтенант весь позеленел и трясся.

Айвен заглянул Майлзу в глаза и поднял бровь.

— Итак, Братец — лорд Аудитор, нашел что-то веселенькое?

— А я выгляжу довольным?

— Скорее, маниакально счастливым.

— Это сплошное удовольствие, Айвен, просто блеск. Внутренняя система безопасности Имперской безопасности мне лжет.

— Интересно, — осторожно заметил Айвен. — И что же она говорит?

— Она считает, что я навещал хранилище в тот день, когда вернулся с последнего задания. Более того, на входе в СБ данные тоже переделаны — там указано, что я покинул здание на полчаса позже, чем в действительности. Поскольку записи охраны в особняке Форкосиганов содержат реальное время моего возвращения... Впрочем, тогда все равно я укладываюсь в указанный промежуток, но только если ехал на машине. Только вот беда в том, что я в тот день шел пешком. Более того, выяснилось, что картридж внутреннего монитора хранилища за этот день — угадай, что?

Айвен поглядел на бледного трясущегося лейтенанта.

— Отсутствует?

— Точно.

— Почему? — изумился Айвен.

— Действительно, почему? Именно на этот вопрос я и предлагаю найти ответ. Я предполагаю, что это может не иметь никакого отношения к происшествию с Иллианом. Хочешь поспорить?

— Не-а. — Айвен мрачно уставился на кузена. — Надо полагать, это означает, что я должен отменить свои планы на вечер?

— Да, и мои тоже. Свяжись с моей матерью и передай ей мои извинения, но сегодня вечером я домой не приду. А потом садись вот на этот стул. — Майлз указал на стул сержанта, который немедленно освободил место. — Я объявляю это хранилище опечатанным. Не пускай сюда никого, Айвен, ни единого человека, без моего личного разрешения. Вы двое, — обратился он к вздрогнувшим охранникам, — являетесь свидетелями, что я сегодня не входил в хранилище. — И спросил у лейтенанта: — Расскажите мне о процедуре инвентаризации.

С трудом сглотнув, офицер ответил:

— Сведения на комме постоянно обновляются, милорд Аудитор. А инвентаризацию как таковую мы производим раз в месяц. Это занимает неделю.

— Когда была последняя?

— Две недели назад.

— Все на месте?

— Да, милорд.

— И ничего не пропадало за последние три месяца?

— Нет, милорд.

— За год?

— Нет!

— Инвентаризацию проводят одни и те же лица?

— Нет, они меняются. Это... не самое интересное занятие.

— Не сомневаюсь. — Майлз глянул на Айвена. — Айвен, пока ты тут сидишь, свяжись с Генштабом и вызови четверых человек, имеющих самый высокий доступ, но которые никогда не работали на Имперскую безопасность или с ней. Это будет твоя команда.

На лице Айвена отразился испуг.

— О Боже! — простонал он. — Уж не хочешь ли ты заставить меня произвести инвентаризацию в этом чертовом хранилище, а?

— Именно. По вполне очевидным причинам я не могу этого сделать сам. Кто-то повесил здесь красный флажок с моим именем. Если таким образом хотели привлечь мое внимание, то это удалось блестяще.

— И биологическое тоже? И холодильник? — Айвена передернуло.

— Все, от и до.

— И что мне искать?

— Если бы я знал, нам не пришлось бы проводить инвентаризацию, верно?

— А что, если что-то не взято, а, наоборот, принесено? Что, если тебя поджидала не пуля, а бомба? — спросил Айвен, нервно потирая руки.

— Тогда я доверяю тебе ее разрядить. — Майлз жестом позвал охранников с собой. — Пойдемте, господа. Мы идем к генералу Гарошу.

* * *

Гарош тоже немедленно насторожился, увидев выражение лица Майлза, когда маленькая группа вошла к нему в кабинет. Закрыв за ними дверь и выключив комм, генерал спросил:

— Что вам удалось обнаружить, милорд?

— Приблизительно двадцать пять минут переделанной истории. Кто-то поработал с вашими коммами, в них «жучки».

По мере того как Майлз рассказывал, лицо Гароша все мрачнело, а при известии о пропаже картриджа потемнело совсем.

— Вы можете показать, где вы были? — спросил он, когда Майлз закончил рассказ. — Доказать, что вы шли пешком?

— Возможно, — пожал плечами Майлз. — На улице меня видели многие, а я — э-э-э — несколько более приметен, чем большинство людей. Поиск свидетелей по истечении такого времени с момента преступления — постоянное занятие муниципальной охраны. Если нужно, я дам им такое задание. Но мои слова как Имперского Аудитора не подлежат сомнению.

«Пока».

— Э-э-э... Совершенно верно.

Майлз бросил взгляд на охранников.

— Господа, будьте добры, подождите меня в приемной, пожалуйста. Никуда не уходите и ни с кем не разговаривайте.

Подождав, пока охранники выйдут, Майлз продолжил:

— Что совершенно очевидно, это что в вашей внутренней охране есть враг. Исходя из этого, я могу принять такое решение: запечатать всю Имперскую безопасность целиком до тех пор, пока не приведу нейтральных экспертов для проверки всего личного состава. У этого метода есть очевидные недостатки.

Гарош аж застонал:

— Не то слово, милорд!

— Да. Прекратить работу СБ на неделю, а может, и больше, — пока люди, не знакомые с вашей системой, будут пытаться ее изучить, а затем еще и проверять, — мне кажется, это чем-то напоминает стихийное бедствие. Но проводить внутреннюю проверку, используя внутренний же персонал, — в этом тоже... э-э-э... мало плюсов. Есть какие-нибудь идеи?

Гарош потер лоб.

— Понимаю, к чему вы ведете. Предположим... предположим, мы создадим группу для проверки. Подберем троих, которые будут постоянно работать вместе. Один враг — это я еще допускаю, но три, да еще выбранных наобум... Они смогут останавливать работу каждого отдела по очереди, таким образом, ущерб деятельности СБ будет минимальным. Если хотите, я могу предоставить вам список наиболее опытных сотрудников, и вы сами выберете, кого пожелаете.

— Да, — протянул Майлз. — Это может сработать. Отлично. Делайте.

Гарош облегченно вздохнул:

— Я... чрезвычайно вам благодарен, милорд, за благоразумный подход.

— Я всегда благоразумен.

Губы Гароша дрогнули, но спорить он не стал. Генерал вздохнул:

— Дело становится все хуже и хуже. Терпеть не могу внутренние расследования. Даже если выигрываешь, ты все равно в проигрыше. Но что... Должен признаться, я не совсем понимаю, при чем здесь хранилище. Что вы хотите там обнаружить?

Майлз покачал головой:

— Это похоже на рамку. Но в большинство рамок вставлены картины. А эта — пустая. Все это... очень задом наперед. Я имею в виду, что обычно начинают с преступления, а потом вычисляют подозреваемых. Я же вынужден начинать с подозреваемых и вычислять преступление.

— Да, но... Кто может оказаться настолько глуп, чтобы пытаться обложить Имперского Аудитора? Нужно быть сумасшедшим.

Майлз нахмурился и начал мерить шагами комнату. Сколько раз он вот так вышагивал перед Иллианом, когда они прорабатывали детали очередной операции?

— Это зависит... Я хочу, чтобы ваши аналитики именно это и выяснили. Это зависит от того, сколько времени эта информация сидела в комм-пульте хранилища. Это — бомба замедленного действия, которая срабатывает при касании. Когда были сделаны изменения в записи? Ведь это могло произойти в любое время с того дня, что я прилетел, вплоть до сегодняшнего утра. Но если это было сделано раньше, чем несколько недель назад, значит, тот, кто это сделал, и не подозревал, что подставляет Имперского Аудитора. Не вижу, как бы они могли предвидеть это мое назначение, когда я и сам о нем даже не подозревал. Они подставляли, причем подставляли нагло, младшего офицера, притом офицера — опального. Неизвестный сын знаменитого отца, да еще и какой-то полумутант в придачу. Должно быть, я представлялся легкой мишенью. — «Тогда». — Только я не люблю быть мишенью. С некоторых пор у меня на это аллергия.

Гарош недоуменно покачал головой:

— Вы меня поражаете, лорд Форкосиган. Кажется, я начинаю понимать, почему Иллиан всегда...

— Почему Иллиан что? — после долгой паузы спросил Майлз.

Грубое лицо Гароша осветила кривоватая ухмылка.

— Выходил после ваших с ним бесед, чертыхаясь сквозь зубы. А потом снова давал вам самое невыполнимое задание.

Майлз отвесил Гарошу ироничный восточный поклон.

— Благодарю, генерал.

ГЛАВА 23

Айвен нашел то, что искал, за два часа до рассвета, причем не совсем случайно.

Оно лежало на пятом стеллаже второй комнаты под вывеской «Оружие IV». «Биологическое оружие», «Яды» и холодильник он оставил напоследок, в надежде, что до этого дело не дойдет. Майлз поступил бы наоборот — именно оттуда и начал бы. Да, он вынужден был признать, что Айвен не такой уж идиот, каким прикидывается.

Айвен выскочил в комнату, где обычно сидел дежурный охранник. Майлз вот уже несколько часов сидел за коммом и просматривал инвентарные записи.

— Я ведь сейчас в «Оружии», верно? — спросил Айвен, помахивая инвентарными списками.

Майлз оторвался от изучения химического состава девятьсот девятого по алфавиту объекта хранилища ядов — офидиан, три грамма, производство Пол.

— Ну, раз ты так говоришь.

— Ага. Тогда что там делает маленькая коробочка с надписью «Комаррский вирус» на пятом стеллаже, девятой полке, ячейка двадцать семь? Что это за фиговина и почему она не в «Биологическом оружии»? Может, кто-то ее неправильно классифицировал? Я не буду распечатывать эту гадость, пока ты не выяснишь, что это такое. А то еще покроюсь от нее зеленой плесенью или вздуюсь, как те несчастные ублюдки, заразившиеся зергиярским червем. Или еще что похуже.

— Да, эпидемия заражения зергиярским червем была самой мерзкой в новейшей истории, — милостиво согласился Майлз, — но без высокой смертности. Сейчас посмотрю. В перечне по «Оружейной» она есть?

— О да, именно там, где ей и положено. Как они считают.

— Значит, это должно быть какое-то оружие.

Майлз убрал с экрана перечень ядов и вызвал список оружия. На «Комаррксе вирусом» стоял код, означающий, что информация по нему — закрытая. Чтобы ее получить, требовался самый высокий уровень допуска. В штаб-квартире СБ таких людей пруд пруди. Чуть улыбнувшись, Майлз открыл код своей аудиторской печатью.

Прочитав первые три строчки, он тихонько засмеялся. Он охотно бы выругался, если бы только смог подобрать выражения.

— Что? — завопил Айвен, заглядывая Майлзу через плечо.

— Это не вирус, Айвен. Кому-то в классификационном отделе не помешало бы прослушать лекцию доктора Уэдделла. Это биоинженерный прокариот. Маленький жучок, который поедает всякую всячину, в частности, протеины нейрочипов. Тот самый прокариот, прокариот Иллиана. Для тебя он не опасен, разве что ты поставил себе втихую какой-ни-

будь нейрочип. О Господи! Вот откуда он взялся... точнее, откуда он взялся в последний раз. — Устроившись поудобнее, Майлз принялся читать. Айвен стоял у него за спиной, отталкивая его руку всякий раз, как Майлз пытался перейти к следующей странице прежде, чем Айвен успевал прочесть предыдущую.

Да, это был именно он. Спрятанный на самом виду, зарытый среди десятков тысяч других предметов. Сидел тихонько в ячейке двадцать семь на девятой полке, собирая пыль на протяжении пяти лет. С того самого дня, как был доставлен в хранилище офицером из Департамента по делам Комарры. Обнаружен имперской контрразведкой прямо здесь, в Форбарр-Султане, во время ареста комаррских террористов, связанных с... покойным Сером Галеном, убитым на Земле при попытке осуществления сложного, очень театрального и совершенно бесполезного заговора. Заговора, для которого Гален и создал Марка, клон-брата Майлза.

— О черт! — воскликнул Айвен. — Твой проклятущий клон может иметь к этому какое-нибудь отношение?

— Брат, — автоматически поправил Майлз. — Не вижу, каким образом. Он уже больше полугода находится на Колонии Бета. Моя бетанская бабушка может это подтвердить.

— Если ты хочешь подтверждений, — заметил Айвен, — значит, думаешь о том же, что и я. Он не мог ли опять притвориться тобой?

— Вряд ли. Для этого ему пришлось бы сесть на диету.

Айвен хрюкнул.

— Ну, не обязательно голодать... При использовании нужных препаратов.

— Не думаю. Готов поручиться, что меньше всего на свете Марк хочет быть мной. Но я все же проверю все его передвижения. Хотя бы для того, чтобы кто-то другой не начал ломиться в открытые двери. Представитель СБ в посольстве на Бете присматривает за ним. Просто потому, что Марк... тот, кто он есть.

Майлз продолжил чтение. Джексонианский след оказался верным. Прокариот действительно был создан по заказу комаррских террористов одним из малых Домов Архипелага, более известным по производству наркотиков. И мишенью с самого начала был Иллиан. Бардак в Имперской безопасности должен был совпасть по времени с убийством графа Эйрела Форкосигана — тогдашнего премьер-министра. Расследование пятилетней давности проследило весь путь прокариота и комаррские платежи на счет джексонианской команды биохимиков. Новое расследование, только что начатое, рано или поздно должно было прийти к тем же результатам. Поздно, если бы пришлось прокрутить все по второму кругу. Рано — если бы СБ догадалась поискать информацию в собственной базе данных. То есть на это ушло бы от трех до восьми недель, прикинул Майлз.

— Это, во всяком случае... объясняет ловушку, — пробормотал он.

— Как это? — недоуменно спросил Айвен.

— Я стал действовать не в той последовательности. Мой псевдовизит сюда должны были обнаружить — это неизбежно, но в первую очередь должны были обнаружить нечто другое. Эти данные, — Майлз махнул на комм, — должны были привлечь всеобщее внимание к хранилищу. Вместо того, чтобы начать с записей на комме, а затем проверить инвентарные списки, следователи должны были начать с ячейки двадцать семь, а уж потом проверить список входивших и выходивших лиц. Где бы они, к своему превеликому удовольствию, обнаружили меня — только что уволенного офицера, которому тут решительно нечего делать. Если бы все пошло именно так, то это выглядело бы весьма убедительно.

Майлз замолчал, пытаясь привести мысли в порядок. Затем связался с судебной экспертизой СБ и потребовал прибытия старшего офицера. Потом он набрал номер доктора Уэдделла.

Комм Уэдделла блокировал вызов и попытался записать сообщение. Похоже, дражайший доктор не желал, чтобы кто-то беспокоил его сладкий сон. Майлз попытался еще раз — с тем же успехом. Он сосчитал до трех, чтобы взять себя в руки, вызвал императорских гвардейцев и приказал дежурному офицеру отправить двух самых здоровых солдат к Уэдделлу на квартиру с инструкцией разбудить его во что бы то ни стало и немедленно доставить в штаб-квартиру СБ. Если понадобится — за шиворот.

И все же казалось, будто прошла вечность — за окном уже брезжил рассвет, — когда он наконец собрал всю команду и отправился в комнату «Оружие IV». Уэдделл тихо ныл, жалуясь, что его так грубо и бесцеремонно растормошили. Майлз твердо решил не обращать на него внимания. Ни он, ни Айвен этой ночью вообще не сомкнули глаз.

Первым взял слово судмедэксперт.

— Ее несколько раз передвигали, — заявил он, глядя на коробочку. — Кое-какие отпечатки пальцев, несколько смазанные, не очень свежие... — Он считал отпечатки сканером, чтобы потом сверить с отпечатками обслуживающего персонала хранилища, а заодно, если понадобится, и остальных работников штаб-квартиры. — Сигнализация, реагирующая на вынос предмета из хранилища, не включалась ни разу. Нет ни волос, ни волокон ткани. Вряд ли много пыли — здесь хорошо работают фильтры. Больше я ничего не могу сказать. Теперь она ваша, господа.

Судмедэксперт отошел в сторону. Айвен шагнул вперед, снял коробочку с полки и поставил на специально предназначенный для осмотра стол. Коробка была запечатана простейшим цифровым кодовым замком, предохраняющим от случайного открытия при падении. К тому же код доступа был записан прямо в инвентарном списке. Айвен сверился с записью и набрал код. Крышка открылась.

— Так, — довольно провозгласил Айвен, заглянув в коробку и снова сверившись со списком. Коробочка была разделена на шесть секций. В трех лежали коричневые капсу-

лы — настолько маленькие, что их смог бы проглотить и ребенок. Три были пусты. — Шесть доставочных единиц — так они здесь, во всяком случае, называются. Одна изъята для анализа пять лет назад и указана как уничтоженная. Пять должны лежать на месте. Только здесь их всего три. — Судмедэксперт склонился над коробочкой, проверяя печати.

«Так! Так! — мысленно кричал Майлз. — Конечно, та капсула, которую изъяли пять лет назад, рискует усложнить дело. Впрочем, тут помогут лабораторные записи, ежели таковые отыщутся».

— Вы хотите сказать, — простонал Уэдделл, — что я целую неделю потратил, чтобы восстановить это чертово дерьмо, и все это время целехонький экземпляр спокойно лежал здесь?

— Ага, — ухмыльнулся Майлз. — Надеюсь, вы оцените иронию ситуации.

— Не в это время суток.

Эксперт выпрямился и доложил:

— Замок никогда не взламывали.

— Отлично, — сказал Майлз. — Коробка направляется в судебную лабораторию для полной экспертизы. Айвен, я хочу, чтобы ты пошел туда же. Уэдделл, вы возьмете один экземпляр для молекулярного анализа — я хочу, чтобы вы подтвердили, что это — то самое дерьмо, которое вы выудили из чипа Иллиана. И еще я хочу знать все, что вам удастся выяснить дополнительно. Вы не должны покидать здания — можете занять ту же лабораторию в клинике и брать любые материалы, какие вам понадобятся, но никто — никто, — кроме вас, не должен прикасаться к образцу. Докладывать будете только мне, и никому больше. Оставшиеся два экземпляра отправятся в новую коробку и на полку, запечатанные моей аудиторской печатью. Надеюсь, на сей раз они там и останутся.

«Хотя я начинаю склоняться к мысли, что в моем кармане было бы надежнее».

Гарош, крыса эдакая, отправился домой спать, как только была составлена команда аналитиков, то есть через час после полуночи. Дожидаясь его прихода, Майлз позавтракал в кафетерии штаб-квартиры. Большая ошибка, как он понял, едва не заснув над чашкой кофе. Он не осмеливался остановиться. Почему-то ему казалось, что начать снова окажется труднее, чем обычно.

Он зевал во весь рот в приемной Гароша, когда туда вошел также зевающий шеф Имперской безопасности. Гарош подавил зевок и кивком пригласил Майлза пройти в кабинет. Майлз взял стул и уселся, Гарош занял свое место за столом.

— Итак, лорд Форкосиган? Есть какой-нибудь прогресс?

— О да! — Майлз коротко рассказал Гарошу о последних событиях. Гарош сполз на край стула и ни разу не зевнул за весь рассказ.

— Дьявольщина, — чертыхнулся Гарош, вновь сев нормально. — Дьявольщина. Конец всяким надеждам, что искать надо не в конторе.

— Боюсь, что так.

— Таким образом, у нас появляется новый список. Сколько народу могло знать о том, что образцы хранятся внизу?

— Для начала все инвентаризационные команды за пять лет, — сообщил Майлз.

— Люди, которые нашли это и доставили сюда, — добавил Гарош.

— И любой из работающих здесь, кто дружен с теми, кто нашел это и доставил сюда. — Майлз начал загибать пальцы. Интересно, не придется ли ему разуваться? — Запечатано шефом департамента по делам Комарры, предшественником Аллегре. Аллегре и сам работал там в то время как глава местного отделения. Я проверял. Еще... любой комаррец из этой группы, которому удалось избежать ареста или который был арестован и только что вышел на свободу. Люди, с которыми они могли общаться в тюрьме... Этот список тоже хорошо бы проверить, хотя, как вы говорите... фальсификация записей на комме, сдается мне, тоже дело рук кого-то из своих.

Гарош сделал себе пометку.

— Верно. Боюсь, список получится не из коротких.

— Да. Хотя гораздо короче, чем три густо заселенные планеты, с чего мы начали. — Поколебавшись, Майлз нехотя добавил: — Не знаю, известно ли было моему брату, лорду Марку — моему клону, — об этой штуке или нет. Полагаю, это необходимо проверить.

Гарош встретился взглядом с Майлзом, лицо его застыло.

— Не думаете ли вы...

— Физически невозможно, — заверил Майлз. — Марк последние шесть месяцев безвылазно сидит на Колонии Бета. Каждый день был на занятиях, с начала семестра. — «Надеюсь». — Его местонахождение легко проверить.

— Хм. — Гарош нехотя оставил тему.

— А вы сами помните что-нибудь из того периода?

— Я был тогда уже заместителем начальника Департамента внутренних дел. Как раз перед повышением. Я хорошо помню ажиотаж с этими комаррцами в Форбарр-Султане. Дело, из-за которого наш департамент обратил на них внимание, касалось антиправительственной группировки в провинции Форсмита, которую подозревали в контрабанде запрещенным оружием.

— А! Ну, я надеюсь, ваши чудо-мальчики помогут уточнить, — кивнул Майлз. — Кто бы это ни сделал, он недавно имел доступ к внутренним системам СБ, кроме того, у него отличные мозги и крепкие нервы. Малый список будет состоять из людей, числящихся в обоих списках.

— Почему вы решили, что это только один человек?

— О! — Майлз сник. — Верно. Вы правы.

Гарош, напомнил себе Майлз, обладает в такого рода вещах определенным опытом.

— Не то чтобы я не хотел, чтобы это было так, — признался Гарош. — Я сам предпочел бы иметь дело с одним человеком, чем с целым заговором.

— М-м-м. Но, один ли это человек, или целая группа, мотив по-прежнему остается непонятным. Почему я? Почему козлом отпущения выбрали меня? Кто-то ненавидит лично меня, или это случайность? Просто я оказался единственным офицером Службы безопасности, уволенным в нужное время?

— Если мне будет позволено вас просветить, милорд, то искать мотивы в такого рода делах — вещь скользкая. Уж очень заумно. Я всегда двигался значительно быстрее, основываясь на голых фактах. О мотивах можно теоретизировать потом, за победной кружкой пива. Когда знаешь кто, узнаешь и почему. Впрочем, это смотря какой философии ты придерживаешься.

— Верно, за этим может и не стоять ничего личного. Как только преступление было обнаружено... как преступление... этот, этот... полагаю, что назвать его убийцей нельзя.

Гарош невесело усмехнулся:

— Для начала, у нас нет трупа.

Иллиан, несмотря на некоторую рассеянность, едва ли походил на зомби. Но Майлз хорошо помнил его хриплый голос, молящий о быстрой смерти...

— Убийце, — продолжил он, — просто до зарезу нужен был козел отпущения, чтобы не попасть под прицел самому. Потому что это дело может быть закрыто только после успешного завершения. А не «отложено до получения новых данных», пока не зарастет пылью и о нем забудут. Он знал, что Служба безопасности это так не оставит.

— Вы чертовски правы, — прорычал Гарош.

— Это дерьмо внизу было подготовлено очень тщательно. Подготовлено так, чтобы его неизбежно нашли. Слишком много записей во многих местах было сделано, чтобы не упустить след. Все, что я сделал, — Майлз заговорил медленнее, — это изменил график.

— Три дня, — криво улыбнулся Гарош. — Вы перетряхнули всю Службу безопасности всего лишь за три дня.

— Не всю, только штаб-квартиру. И не за три дня, а скорее за четыре. И все же... кто-то должен сейчас здорово дергаться. Я надеюсь. Если они собирались зацепить отставного лейтенанта Форкосигана, то вместо него получили лорда Аудитора Форкосигана. Это все равно что закинуть удочку на форель, а выудить акулу. Да, все-таки я спустился вниз как раз вовремя. Окажись в его распоряжении столько времени, сколько он ожидал, наш убийца мог запросто изъять свою наживку из хранилища и попробовать предпринять что-нибудь другое. Боже, как бы мне хотелось это знать.

«Кто из работающих здесь так меня ненавидит?» Мог ли лейтенант Форберг каким-то образом узнать, кто такой на самом деле адмирал Нейсмит? Но Форберг не настолько безумен, чтобы убивать Иллиана ради того, чтобы посчитаться с Майлзом. «Нет, однозначно, не главная цель». Нет-нет. Альтернатива слишком ужасна, об этом лучше не думать.

— И тем не менее вы добились поразительных успехов, лорд Форкосиган, — заявил Гарош. — Я раскалывал дела, которые начинались с еще меньшего количества данных, чем отыскали вы. Это хорошая, крепкая работа.

Майлз попытался не слишком радоваться похвале Гароша, но почувствовал, что лицо заливает румянец. Гарош — человек очень сдержанный, его похвалу заслужить трудно. Ведь это же не предательство по отношению к Иллиану — надеяться, что его преемник может еще стать достойным? Не таким, как Иллиан, конечно, но тоже неплохим.

— Какая жалость, — вздохнул Гарош, — что в штаб-квартире СБ почти все сотрудники обладают искусственной аллергической реакцией на суперпентотал.

— По-моему, пока еще рано вырывать людям ногти, — заметил Майлз, грызя собственный ноготь. — Хотя очень заманчиво. Теперь нам нужно подождать доклада команды системных аналитиков. Думаю, — Майлз с трудом сдержал зевок, — что я вполне могу пока пойти домой поспать. Вызовите меня сразу же, как только у них что-то появится, будьте добры.

— Хорошо, милорд Аудитор.

— А черт! Почему бы вам не называть меня просто Майлз? Все меня так зовут. Этот титул развлекает лишь первые двадцать минут, а потом начинается обычная работа.

Не совсем так, но...

Когда он уходил, Гарош отсалютовал ему почти «аналитическим» салютом.

Мартин доставил Майлза к дверям особняка Форкосиганов уже днем. Перед глазами стояло заманчивое видение мягкой уютной постели, но он покорно отправился на поиски матери, чтобы сказать ей «доброе утро» или «спокойной ночи».

После долгих блужданий он добрался до верхней гостиной в восточном крыле, где было на удивление солнечно и тепло для ранней зимы. Графиня пила кофе и листала толстый фолиант в кожаном переплете, в котором Майлз безошибочно признал один из томов, принесенных леди Элис. История императорских бракосочетаний — та самая, которую он начал было изучать.

«Уж лучше она, чем я».

— Привет, милый, — сказала графиня и запечатлела у него на лбу материнский поцелуй. Майлз отхлебнул у нее кофе. — Тебя не было всю ночь. Есть какой-нибудь прогресс в твоем деле?

— Думаю, да. Первый прорыв, во всяком случае. — Майлз решил не тревожить мать рассказом о том, в чем именно заключается первый прорыв. Лучше пока не говорить ей, что в роли козла отпущения в этом деле он обнаружил себя.

— А! Я не была уверена, означает ли твой отсутствующий взгляд именно это, или всего лишь признак недосыпания.

— И то, и другое. Я иду спать, но сначала хотел поговорить с Иллианом. Он уже встал, ты не знаешь?

— Думаю, да. Пим только что понес ему завтрак.

— Завтрак в постель около полудня. Что за жизнь!

— Полагаю, он это заслужил, а ты?

— И даже очень. — Майлз отпил у нее еще немного кофе и встал, чтобы отправиться наверх.

— Не забудь сначала постучаться, — посоветовала графиня.

— С какой стати?

— Он завтракает с Элис.

Теперь понятно, откуда взялась книга. Леди Элис принесла. Интересно, какую часть истории форов она заставляет читать беднягу Иллиана?

Следуя совету, он вежливо постучал в дверь гостевых апартаментов на втором этаже. Похоже, Пим не остался подавать завтрак, потому что из-за двери послышался голос самого Иллиана.

— Кто там?

— Майлз. Мне надо с тобой поговорить.

— Минутку.

Минутка превратилась в три или четыре. Майлз, прислонясь к дверному косяку, возил сапогом по ковру. Он постучал снова.

— Ладно, Саймон, дай мне войти.

— Не будь таким нетерпеливым, Майлз, — решительно выговорил ему голос тети. — Это несколько грубо.

Он проглотил резкий ответ и еще повозил сапогом по ковру. Потеребил цепь Аудитора, расстегнул ворот кителя. Из-за дверей донеслось шуршание, позвякивание и тихий смех. Наконец раздались легкие шаги леди Элис, и дверь распахнулась.

— Доброе утро, тетя Элис, — сухо поздоровался Майлз.

— Доброе утро, Майлз, — гораздо более приветливо, чем он ожидал, ответила она и жестом пригласила его войти. Поднос с завтраком стоял на маленьком столике у окна. Увы, на нем остались лишь объедки. Для столь раннего часа леди Элис одета чересчур официально, отметил про себя Майлз. Это платье больше подходит для ужина, чем для завтрака. И она явно экспериментирует с прической. Волосы распущены и зачесаны назад, спадая серебристо-черными волнами на спину.

Иллиан появился из ванной, натягивая китель и рубашку. Обут он был в тапочки.

— Доброе утро, Майлз, — радостно приветствовал он. Но улыбка Иллиана тут же увяла, едва он заметил красные от недосыпа глаза и несколько помятую физиономию Майлза.

— Что случилось? — гораздо более ровным тоном спросил он.

— Этой ночью я обнаружил в штаб-квартире СБ довольно любопытные вещи.

— Прогресс?

— Два шага вперед, три в сторону. Э-э-э... — Майлз, нахмурясь, посмотрел на тетку, размышляя, как бы повежливее ее спровадить. Но тетя Элис, явно не желая понимать намек, спокойно уселась на софу и выжидательно посмотрела на Майлза. Иллиан уселся с ней рядом. Ну что ж, раз так, пусть Иллиан сам делает грязную работу, коварно подумал Майлз.

— Это все под грифом «совершенно секретно».

Он многозначительно замолчал. Тетя Элис и Иллиан спокойно смотрели на него.

— Ты действительно полагаешь, что это предназначено для ушей леди Элис? — добавил он наконец.

Нет, не так нужно было говорить.

— Конечно, — тут же ответил Иллиан. — Выкладывай, Майлз, не держи нас в напряжении.

Что ж, раз уж Иллиан полагает, что можно... Майлз набрал в грудь побольше воздуха и начал быстро излагать события последней ночи. Когда он описывал, как они нашли свой клад в залежах хранилища, леди Элис пробормотала: «Молодец, Айвен». Иллиан окончательно утратил радостный вид и напрягся. Леди Элис, озабоченно посмотрев на него, взяла его за руку. Иллиан нежно сжал ей пальцы.

— Что мне необходимо знать, — закончил Майлз, — это помнишь ли ты хоть что-нибудь о том периоде, когда образцы доставили в штаб-квартиру во время последней облавы на комаррских заговорщиков.

Иллиан потер лоб.

— Это... почти ничего. Конечно, я помню заговор Сера Галена. Был ужасный переполох, когда мы узнали о существовании лорда Марка. Графиня тогда очень расстроилась, увезла твоего отца развеяться. Я помню твой доклад с Земли. Своего рода литературный шедевр. Приключение в Четвертом секторе, когда ты переломал себе обе руки... это было сразу после, верно?

— Да. Но кто-то ведь докладывал тебе о прокариоте. Я понимаю, почему ты мог не пожелать посмотреть на него лично.

— Да, кто-то доложил. — Иллиан выпустил руку леди Элис и сжал кулак. — Несомненно, они сообщили мне все подробности. И я, несомненно, записал все там, где всегда записывал подробности. Но теперь там ничего не осталось.

Леди Элис сердито поглядела на Майлза. Интересно, он-то в чем виноват?

— Кто должен был делать тебе доклад? — не отставал Майлз.

— Генерал Даймент, наверное. Он возглавлял департамент по делам Комарры до Аллегре, ты должен его помнить. Умер через два года после выхода в отставку, бедняга.

Майлз, я действительно не могу... Я бы наверняка все вспомнил, если бы оно было здесь! — Он раздраженно сжал себе голову. Леди Элис снова завладела его рукой и нежно ее погладила.

— А у твоего приятеля капитана Галени нет никаких предположений? — уже более спокойно спросил Иллиан. — У него должен быть какой-то внутренний след. В конце концов, это ведь был заговор его отца.

Майлз горько улыбнулся.

Глаза Иллиана сузились.

— Ты прекрасно понимаешь, что он непременно окажется в малом списке.

— Да.

— Ты сказал Гарошу?

— Нет.

— Почему?

— Зачем? Дува проверят вместе с остальными. К тому же... я и так наделал ему достаточно гадостей.

— Предвзятое отношение, милорд Аудитор?

— Ты сам прекрасно знаешь Галени.

— Не так хорошо, как ты.

— Вот именно. И в данном случае я вовсе не отношусь предвзято. Я сужу по характеру человека. Ищу мотивы, если хочешь.

— М-м-м... — протянул Иллиан. — Последи-ка лучше за своими мотивами, старина.

— Да-да, я знаю. Я должен не только быть нейтральным, но и казаться таковым. Ты сам меня этому научил, — со злостью добавил он. — Причем таким способом, что я вряд ли его когда-нибудь забуду.

— Я? Когда?

— Не важно. — Майлз потер переносицу. Он не только выдохся, от усталости у него разболелась голова. Пора спать, иначе он не сможет работать.

— Ладно, — вздохнул он. — Последнее. Ты не помнишь, за последние четыре месяца тебе никто не давал маленькую коричневую капсулу?

— Нет.

— Не хватает двух. Он мог принять одну сам, вместе с тобой.

«Кто бы это ни был».

— Нет. — Иллиан говорил более уверенно, чем обычно. — За последние тридцать лет я не принял ни одного лекарства, кроме тех, что мне давал мой личный врач собственноручно.

Гарош предполагает существование заговора.

— Это мог быть и твой личный врач. Это маленькую коричневую капсулу я пытаюсь отследить.

Иллиан покачал головой.

Майлз встал, вежливо распрощался и поплелся спать.

Проснулся он далеко за полдень и битых полчаса пы-
 тался снова уснуть. Безуспешно. Отчаявшись, он встал

и связался по комму с Гарошем. Аналитики еще не подготовили доклад. Звонок Уэдделлу в клинику — в ответ сердитое рычание по поводу перерыва и обещание в скором времени дополнительной информации. В скором времени. Пока еще нет.

Вышагивание по комнате прервал звонок мрачного как туча Айвена, доложившего, что биоконтейнер должным образом исследован и возвращен из лаборатории. Так вот, не может ли он, Айвен, во имя всего святого, отдать кому-нибудь эту чертову коробку, сдать дежурство и пойти спать? Майлз виновато моргнул и велел ему передать контейнер в хранилище и отдыхать весь остаток дня.

Только он залез в ванну, как снова запищал комм. На сей раз звонил доктор Ченко из клиники ветеранов Императорского военного госпиталя.

— Лорд Форкосиган, — кивнул Ченко. — Приношу свои извинения за задержку. Эти микроинженерные штуки на практике всегда оказываются более сложными, чем в проекте. Но мы сделали чип, достаточно маленький, чтобы вживить его вам под череп. Надеемся, он сможет регулировать ваши припадки. Мы готовы апробировать его на вас. Если все пойдет нормально, займемся окончательной доводкой и запланируем операцию по его имплантации.

— Отличная работа, — сказал Майлз.

«И совсем неподходящий момент».

— Когда вы сможете прийти? Завтра?

В любое время может позвонить Гарош с результатами работы аналитиков, а тогда события будут развиваться очень быстро. И... где-то в Форбарр-Султане находится очень умный сотрудник СБ, который избрал своей мишенью Майлза. Есть ли в этом экспериментальном изделии Ченко протеиновые связи? Куда делась недостающая капсула? От одной только мысли, что малознакомые люди будут вживлять ему в мозг устройство, в котором он не очень смыслит, Майлза прошиб холодный пот. — Я... По всей вероятности, не завтра. О времени я сообщу вам позже, доктор.

Ченко выглядел разочарованным.

— У вас были еще припадки после того, что мы вызвали в лаборатории?

— Пока нет.

— Хм. Что ж, я бы посоветовал вам особенно не затягивать, милорд.

— Понимаю. Постараюсь как можно быстрее.

— И избегайте стрессов, — добавил Ченко, когда Майлз потянулся к выключателю.

— Спасибо, доктор, — прорычал Майлз пустому экрану.

Уже на полпути в душевую он вспомнил, что сегодня вечером Лаиса устраивает прием. Его присутствие было почти что императорским требованием. И служебные обязанности, похоже, ему это позволяют. На худой конец, неплохо

воспользоваться случаем и сделать Грегору промежуточный доклад. Все, что ему требуется, это найти партнершу на танцы.

Тщательно одевшись, он позвонил Делии Куделке.

— Привет, — кивнул он высокой блондинке. По крайней мере по комму не приходится задирать голову с риском сломать шею. — Что ты делаешь сегодня вечером?

— Я... вообще-то я занята, — вежливо ответила Делия. — А почему ты спрашиваешь?

— О! — Проклятие. Сам виноват, тянул до последней минуты.

— Или... это никак не связано с твоими обязанностями Имперского Аудитора? — обеспокоенно уточнила она.

На миг им овладело гигантское искушение злоупотребить властью. Майлз поборол его с большим трудом.

— Нет. Всего лишь с обязанностями Майлза.

— Извини. — Голос ее звучал искренне.

— Э-э-э... А Марсия дома?

— Боюсь, она тоже сегодня занята.

— А Оливия?

— И она.

— Что ж, все равно спасибо.

— Да не за что.

Делия отключила комм.

ГЛАВА 24

Из-за доклада Майлза они с Грегором опоздали на прием. У императора возникло много вопросов, на большинство из которых Майлз пока не знал точного ответа. Он раздраженно закусил губу, остановившись перед входом в малый зал дворца. Там уже вовсю горел свет и было полно народу. В небольшой комнате играл небольшой оркестр, хорошо видимый сквозь распахнутые двери.

Полковник Фортала-младший, отвечающий сегодня за безопасность, лично сопроводил императора с Майлзом в зал. Фортала — одновременно аккуратный и взъерошенный — откланялся и пошел обратно в коридор, разговаривая по рации с кем-то из подчиненных.

— Трудно привыкнуть к отсутствию Иллиана, — вздохнул Грегор, глядя полковнику вслед. — Впрочем, Фортала справляется прекрасно, — поспешил добавить он и посмотрел на Майлза. — Не будь таким унылым. Даже без твоей аудиторской цепи мы все равно всех озадачили. Теперь все будут гадать, о чем это мы с тобой так долго беседовали. Придется нам остаток вечера потратить на пресечение всяких слухов.

Майлз кивнул.

— К тебе это тоже относится. — Сейчас ему не приходила на ум ни одна хорошая — как, впрочем, и плохая — шутка. — Думай о Лаисе, — посоветовал он.

Грегор мгновенно расцвел. Холодно улыбнувшись, Майлз проследовал за ним в зал. Здесь счастье Грегора стало еще более полным: доктор Тоскане, как всегда, была под крылышком леди Элис. Рядом с ними стояла графиня Форкосиган. Дамы мило беседовали.

— О, вот и они! — произнесла графиня. Грегор немедленно завладел рукой Лаисы и собственническим жестом прижал ее локтем. Она улыбнулась ему, блестя глазами.

— Элис, почему бы тебе не позволить мне немножко поиграть роль свахи, — сказала графиня. — А ты расслабься и ради разнообразия развлекись чем-нибудь.

Свои слова Корделия сопроводила легким кивком. Проследив за направлением, Майлз заметил Иллиана, спокойно стоявшего в тени. На нем был совсем непривычный штатский костюм прекрасного покроя. Впрочем, Иллиан — видимо, по старой привычке — делал вид, что его тут нет. Можно было подумать, что свет его обтекает.

— Спасибо, Корделия, — шепнула леди Элис. Грегор кивнул бывшему шефу Безопасности. Они обменялись стандартными «Как вы себя чувствуете? — Хорошо, сир. — Вы выглядите весьма элегантно», и леди Элис решительно уволокла Иллиана прочь, прежде чем он успел предпринять попытку заговорить о делах.

— Похоже, его выздоровление проходит успешно, — заметил Грегор, одобрительно глядя им вслед.

— Благодари за это леди Элис, — сообщила графиня.

— И вашего сына тоже.

— Насколько я понимаю, да.

Майлз слегка поклонился, причем не так уж иронично. Он смотрел на Иллиана с тетей Элис, явно направлявшихся к столу с прохладительными напитками.

— Не то чтобы я так уж хорошо знал содержимое платяного шкафа Иллиана, но... готов поклясться, он одет как-то по-другому. Как всегда, чертовски консервативно, но все же...

Графиня Форкосиган улыбнулась:

— Леди Элис удалось в конце концов убедить его воспользоваться услугами рекомендованного ею портного. Вкус Иллиана, или отсутствие такового, заставлял ее годами рвать на себе волосы.

— Я всегда считал, что это часть его имиджа. Быть эдаким невидимкой.

— Ну, и это тоже.

Грегор с Лаисой увлеченно рассказывали друг другу, чем они занимались эти бесконечные четыре часа, что не виделись. Майлз, углядев в противоположном конце зала Айвена, оставил влюбленную парочку под бдительным присмотром своей матери. Айвен пришел с Марсией Куделкой. Ага!

Марсия представляла собой более молодую, укороченную и смуглую версию Делии, хотя не менее яркую в своем роде. Сегодня на ней было что-то нежно-зеленых тонов. Точно рассчитанный оттенок, отлично сочетающийся с зеленым мундиром Айвена.

Приблизившись к ним, Майлз услышал, как Марсия, ткнув Айвена локтем в бок, произнесла:

— Айвен, олух ты несчастный, прекрати глазеть на мою сестру! Ты пригласил на этот танец меня, не забыл?

— Да, но... ее я пригласил первой.

— Ты опоздал. И мне стоит наступить тебе на ногу, чтобы оттоптать сапог. — Поглядев на подошедшего Майлза, она добавила, специально для него: — Я буду так счастлива, когда Делия подцепит наконец кого-нибудь и переедет. Мне начинает надоедать роль запасного варианта.

— Но какого очаровательного, миледи! — Майлз, склонившись, поцеловал ей руку.

Это привлекло внимание Айвена. Он вновь овладел рукой Марсии и успокаивающе погладил ее.

— Прости, — вежливо сказал он, искоса глянув куда-то налево.

Проследив его взгляд, Майлз мгновенно заметил светлую головку. Делия Куделка сидела на софе рядом с Дувом Галени. Они увлеченно поглощали закуски с тарелки, стоящей у капитана на колене. Темная голова на мгновение склонилась к светлой, и Делия рассмеялась. Длинные зубы Галени сверкнули в одной из самых мрачных его улыбок. Майлз с неожиданно живым интересом заметил, что колено Дува касается ноги девушки.

Мимо них прошел слуга с уставленным бокалами подносом.

— Не хочешь что-нибудь выпить? — спросил Айвен Марсию.

— Да, пожалуйста, только не красное. Белого, будь любезен.

Айвен отправился вдогонку слуге, а Марсия тем временем объяснила Майлзу:

— Если я пролью на себя белое, будет не так заметно. И как это Делия только умудряется? Никогда ничего не проливает! Иногда мне кажется, что она учится быть леди Элис.

Галени не упоминал, что будет здесь с Делией, когда Майлз с ним разговаривал в СБ... Только вчера?

— И давно это началось? — Майлз кивком указал на Галени.

Марсия хихикнула:

— Делия сообщила нашему па еще месяц назад, что Дув будет тем самым. Сказала, что ей нравится его стиль. По-моему, для старика он очень даже ничего.

— У меня тоже есть стиль, — заметил Майлз.

— Исключительно твой собственный, — равнодушно согласилась Марсия.

Он благоразумно решил закрыть эту тему.

— Хм... И когда же старина Дув это понял?

— Делия пока над этим работает. Некоторым нужно дать кирпичом по голове, чтобы привлечь их внимание. А некоторых требуется бить большим кирпичом.

Пока Майлз пытался сообразить, к какой категории Марсия относит его самого, вернулся Айвен с бокалами. Из соседней комнаты донеслись первые звуки музыки. Айвен спас платье Марсии от рандеву с пряным вином, утащив ее танцевать. Из гражданских здесь были коллеги Лаисы из Консорциума, да и еще немало комаррцев. Никакой политики на вечере, ха! Майлз подозревал, что своим присутствием здесь Галени обязан Лаисе. Как самый лучший друг, разумеется.

Некоторое время Майлз изучал закуски — как всегда, великолепные, — затем перекочевал в соседний зал, чтобы послушать музыку и понаблюдать за танцующими. Он вдруг остро ощутил, что отсутствие партнерши оставляет его, так сказать, за бортом, хоть он и не один здесь такой. Соотношение мужчин и женщин на вечере было десять к девяти, если не к восьми. Протанцевав несколько танцев со старыми знакомыми, он решил потренироваться в изображении традиционной иллиановской позы — мрачно подпирал стену.

А Иллиан все время танцевал с Элис Форпатрил. Айвен, задержавшись возле Майлза, чтобы подкрепиться бокалом подогретого вина, изумленно посмотрел на них.

— А я и не знал, что старина Иллиан умеет танцевать!

— Я-то уж точно не подозревал, что он так хорошо танцует, — согласился Майлз. Айвен — не единственный, кто это заметил. Жена Генри Форволка, глядя на проплывавших мимо нее Элис с Саймоном, что-то прошептала на ухо мужу. Тот посмотрел на них с удивленной улыбкой. — Ни разу не видел, чтобы Иллиан танцевал. Наверное, всегда был при исполнении. — Всегда. Доктор Рубан, говоря о побочных эффектах изъятия чипа, упоминал о возможных изменениях личности. Черт, да для таких изменений достаточно просто сбросить тридцатилетний гнет огромной ответственности.

Из безукоризненной прически леди Элис выбился локон, и она отбросила прядку со лба. Майлз вспомнил, как она выглядела сегодня за завтраком, и ему вдруг показалось, что на него обрушился большой кирпич. Он поперхнулся вином.

«Господи ты Боже мой! Иллиан спит с моей теткой!»

Он не знал, радоваться или возмущаться. Одно понятно: хладнокровное самообладание Иллиана достойно восхищения.

— С тобой все в порядке? — спросил Айвен.

— О да. — «Предоставлю-ка я Айвену возможность самому догадаться...» Он спрятал невольную ухмылку, залив ее глотком вина.

Сбежав от кузена, Майлз вернулся в зал приемов. Возле буфета он налетел на капитана Галени, который выбирал закуску для Делии, скромненько стоявшей неподалеку. Делия изящно помахала Майлзу.

— Ты... э-э-э... как я вижу, нашел себе новую партнершу для танцев, — шепнул Майлз Дуву.

Галени улыбнулся, как лисица, только что слопавшая цыпленка.

— Да.

— Я собирался пригласить ее на сегодняшний вечер. Она сказала, что занята.

— Это очень печально, Майлз.

— Что, ответный удар?

Галени поднял брови.

— Я не говорю, что я выше маленькой мести, но я честный человек. Сначала я спросил ее, не думает ли она, что у тебя с ней серьезно. Она сказала нет.

— О! — Майлз сделал вид, что внимательно изучает ассортимент фруктовых пирожных. — А у тебя с ней серьезно?

— Убийственно. — Галени вздохнул, и улыбка на мгновение напрочь исчезла из его глаз. Майлз вздрогнул, но Галени взял себя в руки и продолжил уже более светским тоном: — С таким происхождением и связями, как у нее, Делия станет отличной спутницей политического деятеля, как по-твоему? — Он расплылся в улыбке. — К тому же красота и ум тоже не помешают.

— Зато она не богатая, — сказал Майлз.

Галени пожал плечами:

— Ну, с этим я и сам как-нибудь справлюсь, если захочу.

— Что ж... — Пожалуй, не стоит говорить «желаю, чтобы на сей раз тебе повезло больше». — Хочешь, замолвлю за тебя словечко перед ее па — коммодором?

— Не пойми меня превратно, Майлз, но я предпочел бы, чтобы больше ты не пытался оказать мне услугу.

— Ага! Думаю, я могу тебя понять.

— Спасибо. Я не собираюсь повторять свои ошибки и намерен сделать ей предложение сегодня, по дороге домой.

Решительно кивнув, Галени удалился.

Дув и Делия. Делия и Дув. Созвучная пара.

Майлз удрал от всех в музыкальную комнату — там никто не будет досаждать ему светской беседой. Он стоял, прислонившись к стене, и невидящими глазами смотрел на проплывавшие мимо танцующие пары. Минут через десять на него стали обращать внимание. Тогда он направился к Лаисе — пригласить ее на танец, пока не поздно. Грегор наверняка затребует два последних танца себе.

Майлз был поглощен сложными па, когда краем глаза заметил в соседнем зале Галени в обществе полковника СБ и двух охранников, приписанных сегодня ко дворцу. Галени с полковником о чем-то приглушенно, но яростно спорили. Делия стояла чуть в стороне, глядя на них широко открытыми голубыми глазами, и теребила пальцами губы. Галени был напряжен до предела. Его лицо приняло то самое каменное выражение, за которым скрывалась хорошо подавленная, но весь-

ма опасная ярость. Что за пожар такой в Имперской безопасности, если пришлось посылать команду, чтобы выкрасть с приема ведущего специалиста по Комарре? Майлз скользил по залу, приседал и делал повороты так, чтобы постоянно держать Лаису спиной к двери.

Полковник, решительно жестикулируя, положил руку на рукав Галени. Галени руку стряхнул. Один их охранников схватил парализатор.

Лаиса замерла одновременно с Майлзом, но потом сообразила, что это вовсе не фигура танца.

— Майлз, что случилось?

— Прошу прощения миледи. Я вынужден вас оставить. Пожалуйста, вернитесь поскорее к Грегору.

Торопливо поклонившись, он скользнул мимо нее и решительно направился в соседнюю комнату. Лаиса невольно проследила за ним взглядом.

— Похоже, у вас какие-то проблемы, господа? — поинтересовался Майлз, подойдя к офицерам.

Полковник неуверенно кивнул ему. На Майлзе не было цепи Аудитора, но офицер должен был знать, кто он такой.

— Милорд, генерал Гарош приказал арестовать этого человека.

Ничем не выдав своего потрясения, Майлз так же спокойно спросил:

— Почему?

— Обвинение не указано. Мне приказано немедленно забрать его из Императорского дворца.

— Что за чертовщина, Форкосиган? — прошипел Галени. — Твоих рук дело?

— Нет. Не знаю. Я такого приказа не отдавал... — Связано ли это с расследуемым им делом? А если так, то как посмел Гарош предпринять что-то без его ведома?

Подошли взволнованные Айвен с Марсией. Полковник деревенел на глазах, видя, что ситуация выходит из-под контроля. Несомненно, ему велено было проделать все тихо.

— У тебя есть неоплаченные счета за проезд, Дув? — продолжил Майлз, стараясь снять напряжение.

— Нет, черт побери!

— Где сейчас генерал Гарош? — требовательно спросил Майлз у полковника. — В штаб-квартире?

— Нет, милорд. Он едет следом. Должен вот-вот прибыть.

Чтобы доложить Грегору? Уж лучше Гарошу иметь при себе хоть какое-нибудь достойное объяснение. Майлз поцокал языком.

— Слушай, Дув... Мне кажется, тебе лучше спокойно пойти с ними. Я разберусь.

Полковник посмотрел на него с благодарностью, Галени — с подозрением и огромным разочарованием. Конечно, слишком сурово — требовать от Галени молча проглотить публичное унижение, но все же лучше так, чем быть оглушенным парализатором или избитым при сопротивлении властям на

приеме у императора. Вот это уж точно привлекло бы внимание всех присутствующих.

Галени посмотрел на Делию, в его темных глазах мелькнула боль. Затем он перевел взгляд на Айвена.

— Айвен, ты проводишь Делию домой?

— Конечно, Дув.

Делия кусала губы. Еще десять секунд, и уже она вмешается в это дело, причем вмешается громко. Майлз хорошо знал Делию.

Повинуясь торопливому кивку Майлза, полковник вывел Галени из зала, предусмотрительно позволив ему идти самому и не пытаясь до него дотронуться. Майлз велел Айвену удалиться и вышел вслед за Дувом. Как он и боялся, едва они свернули за угол, как охранники влепили Дува лицом в ближайшую стенку, обыскали и уже собирались связать.

Майлз повысил голос буквально за мгновение до того, как Галени успел развернуться и наброситься на них.

— В этом нет необходимости, господа!

Они замерли. Галени с видимым усилием разжал кулаки и отбросил от себя охрану — просто стряхнул, не попытался швырнуть их через коридор.

— Он пойдет с вами как коллега-офицер, если вы ему это позволите. — Взгляд Майлза безмолвно добавил: «Не так ли, Дув?» Галени одернул китель и коротко кивнул. — Полковник, так в чем все-таки обвиняют капитана Галени?

Полковник откашлялся. Он не имел права не отвечать Имперскому Аудитору, какой бы приказ Гарош ему ни отдал.

— В измене, милорд.

— ЧТО?! — взревел Галени, а Майлз одновременно с ним рявкнул:

— Брехня!

Трижды глубоко вздохнув, чтобы овладеть собой и показать Дуву хороший пример, Майлз сказал:

— Дув, я приду к тебе, как только переговорю с Гарошем, хорошо?

У Галени ноздри раздувались от ярости, но он повторил эхом:

— Хорошо.

К счастью, от дальнейших комментариев он удержался. Он даже нашел в себе силы идти с достоинством, когда конвоиры повели его к выходу.

Майлз помчался обратно в зал. В коридоре его уже поджидала целая делегация: Грегор, Лаиса, Делия и графиня Форкосиган.

— Что тут происходит, Майлз? — спросил Грегор.

— Почему эти люди увели Дува? — Лаиса посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Майлз, сделай что-нибудь! — потребовала Делия.

Графиня Форкосиган молча стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на сына.

— Не знаю. А обязан бы знать! — завопил Майлз. — Галени только что арестовала Служба безопасности, — он скосил глаза на Лаису, — по какому-то непонятному обвинению. Вроде бы по прямому указанию Лукаса Гароша.

— Я должен предположить, что у него есть причина... — начал Грегор.

— Я должна предположить, что он ошибается! — горячо возразила Делия. — Корделия, помогите!

Взгляд графини Форкосиган устремился куда-то через плечо Майлза.

— Если хотите получить точный ответ, обратитесь к источнику. Вон он идет.

Майлз резко повернулся и увидел выходящего из-за угла Гароша в сопровождении телохранителя Грегора. Взгляд Гароша был столь же тяжелым, как его поступь. Подойдя к ним, он поклонился Грегору:

— Сир.

И отвесил менее формальный поклон Майлзу:

— Милорд Аудитор. Я прибыл так быстро, как только смог.

— Что за чертовщина тут творится, Лукас? — спокойно поинтересовался Грегор. — Служба безопасности только что арестовала одного из моих гостей в самый разгар моего приема. Уверен, ты можешь объяснить причину.

Интересно, настолько ли хорошо Гарош знает Грегора, чтобы уловить гнев, скрытый за этими чуть акцентированными «моих» и «моего»?

— Мои глубочайшие извинения, сир. И вам, доктор Тоскане. Я признаю неловкость происшедшего. Но Служба безопасности обязана обеспечивать вашу — и вашу, — короткий кивок Лаисе, — безопасность. Я только сегодня получил повод усомниться в лояльности этого человека, а затем, к своему ужасу, обнаружил, что сейчас он находится подле вас. Я могу перестраховываться сколько угодно, но не могу допустить ни одной оплошности. Поэтому первой моей заботой было убрать отсюда капитана Галени. Все остальное, включая объяснения, могло подождать. — Он посмотрел на женщин, затем многозначительно отвел взгляд в сторону. — А для объяснений я теперь всецело к вашим услугам, сир.

— О! — Грегор обернулся к графине Форкосиган и неопределенным жестом указал на Лаису с Делией. — Корделия, не могли бы вы...

Графиня наградила его оч-чень сухой улыбкой.

— Пойдемте, дамы. Мужчинам надо поговорить.

— Но я хочу знать, что происходит! — запротестовала Лаиса.

— Мы можем это выяснить потом. Я объясню вам систему. Она удивительно глупая, но ее можно заставить работать. В нее, к слову сказать, входит множество других форских обычаев. А пока мы должны продолжить спектакль, — Корделия кивнула в сторону зала, — и постараться исправить ущерб,

нанесенный этим, — она метнула на Гароша взгляд, способный заморозить пингвина, — злосчастным упражнением в предосторожности.

— Исправить ущерб? — переспросила Лаиса. — Но как?

— Лгать, дорогая. Мы с Элис покажем вам, как это делается...

Графиня Форкосиган увела девушек за собой. Делия, обернувшись к Майлзу, проговорила одними губами:

— Сделай же что-нибудь, черт побери!

— Нам лучше продолжить разговор у вас в кабинете, сир, — тихо сказал Гарош. — Нам понадобится комм. Я принес вам по экземпляру доклада моей команды, проверявшей систему безопасности здания. — Он коснулся кармана кителя и кисло улыбнулся Майлзу. — Я подумал, что вы захотите ознакомиться с ним как можно раньше, милорд Аудитор.

— Разумеется, — кивнул Майлз и проследовал за Грегором и генералом по коридору и вниз по лестнице к кабинету императора. Телохранитель, замыкавший шествие, занял пост у входа в кабинет. Пропустив всех вперед, Грегор закрыл дверь.

— Мой малый список оборвался резко и неожиданно, — начал Гарош. — Если позволите, сир... — Он указал на комм. Грегор немедленно включил пульт. Гарош вставил одну дискету в дисковод, а вторую протянул Майлзу. — Уверен, вы захотите изучить ее потом более подробно, но я могу дать краткую сводку сейчас.

Насчет козла отпущения, Майлз. Вы подходили идеально. Введение в комм информации о вашем «визите» в хранилище было проделано очень аккуратно. Моя команда потратила уйму времени, чтобы выяснить, как это было сделано. Я уже не знал, что и думать. А потом мне пришло в голову перепроверить отпечаток вашей сетчатки. Вы знаете, что после криооживления ваша сетчатка немного изменилась?

Майлз покачал головой.

— Меня это не удивляет.

«Во мне много чего немного изменилось после криооживления».

— Кто-то сказал, что каждый преступник совершает хотя бы одну ошибку. Судя по моему опыту, это не всегда так, но на сей раз именно это и произошло. Отпечаток сетчатки в хранилище — прошлогодний и не идентичен нынешнему. Вы можете увидеть это вот здесь. — Гарош вывел на экран оба изображения. Разница моментально бросалась в глаза: нездорового вида пурпурные точки. — Так что вы чисты, милорд Аудитор, — развел руками Гарош.

— Мерси, — прорычал Майлз. «Меня никто и не обвинял». — Но при чем тут Дув Галени?

— Слушайте. Исходя из имеющихся улик, точнее, из их отсутствия, моя команда сообщает, что запись в комме хранилища, очевидно, была переделана програм-

мой, которую Галени ввел через считывающее устройство. Этот аппарат автономен, и другого способа у него не было.

— Галени или кем-то еще, — поправил Майлз.

Гарош пожал плечами:

— В любом случае на Галени мы вышли по другому следу. Вторым объектом исследования, естественно, стал комм на входе в здание. Там было интереснее. Здесь программу ввели иным путем, поскольку комм подключен к общей сети штаб-квартиры. Для того чтобы докопаться, моей команде пришлось немало повозиться. Я восхищаюсь их находчивостью и терпением, сир. — Гарош указал на экран. — Важные точки указаны красным. Они прослеживают путь до самого верха — здесь система, как видите, имеет закрытый доступ. Войти в нее могу только я, а точнее, теперь мой заместитель в Департаменте внутренних дел, еще Аллегре, Ольшанский и глава департамента по делам галактики. Они проследили цепочку через комм Аллегре до нижнего уровня, до аналитиков. До комма капитана Галени.

Гарош вздохнул.

— Наши аналитики во всех департаментах имеют дело с огромным количеством засекреченных сведений. Такова их работа — просматривать все, ведь, исходя из их докладов и рекомендаций, принимаются жизненно важные решения на высшем уровне. Я сам провел за этим занятием несколько лет. Но Галени, похоже, воспользовался своим доступом для выхода на комм своего руководителя, а оттуда — во всю систему.

— Или тот, кто воспользовался коммом Галени, — предположил Майлз. Ему стало нехорошо. Огоньки на экране напоминали пятна крови. — И это действительно улика?

«Если был один козел отпущения, то почему бы не появиться второму?» Или... столько, сколько потребуется, пока не отыщется подозреваемый, которого Майлз не знает и который ему не нравится?

Гарош помрачнел.

— Это все, что нам удалось обнаружить. Я бы руку отдал, чтобы иметь возможность допросить Галени под суперпентоталом, но перед назначением на нынешнюю должность он прошел аллергическую обработку. Суперпентотал убьет его. Так что придется искать доказательства старым добрым способом. Все вещественные доказательства давно уже обратились в дым. Теперь мы подходим к вашей теории мотивации, милорд Аудитор. Кто из аналитиков департамента по делам Комарры знал о прокариоте и имел повод его использовать? Галени знал. Он встречался со своим отцом, Сером Галеном на Земле, как раз перед провалом первого комаррского заговора.

— Знаю, — отрезал Майлз. — Я был там.

«О Боже, Дув...»

— Я не знаю, как оценивать тот факт, что ваш клон-брат застрелил отца Галени...

— Если бы это было проблемой, она проявилась бы уже давно.

— Возможно. Но, так или иначе, это не могло не задеть его чувства. Затем, помимо всего прочего, вы не так давно невольно разрушили его брачные планы.

— Он с этим смирился.

— Какие брачные планы? — заинтересовался Грегор.

Майлз скрипнул зубами. «Гарош, ты идиот».

— Одно время Дув довольно сильно интересовался Лаисой. Поэтому он и пригласил ее на тот прием, где вы познакомились. С тех пор Дув... хм... нашел другой объект для ухаживания.

— О! — Грегор выглядел несколько ошарашенным. — Я не думал... что между Лаисой и Галени все было настолько серьезно.

— Только с его стороны.

Гарош покачал головой:

— Мне очень жаль, Майлз. Но этот человек назвал вас, если мне память не изменяет, «чертов маленький вкрадчивый сутенер». — Взгляд Гароша стал отсутствующим, и выражение — один в один, как у Иллиана, когда тот выуживал дословную цитату из своего чипа. У Майлза аж дух захватило. — И продолжил дальше, весьма экспрессивно: «Фор действительно означает вор. И вы, проклятые барраярские форы, держитесь друг за друга. Ты и твой долбаный драгоценный император, и вообще вся ваша кодла». И вы всерьез ожидаете от меня, чтобы я подумал, будто он лишь немного огорчился?

Брови Грегора поползли вверх.

— Это было сказано мне прямо в лицо! — рявкнул Майлз. Судя по виду Грегора, император не понимал, почему эта реплика является защитой обвиняемого. — А не за моей спиной, — попытался объяснить он. — Только не за спиной. Только не Галени. Это... не в его стиле. — И специально для Гароша добавил: — Где вы, черт побери, это взяли? Имперская безопасность теперь прослушивает коммы всех своих аналитиков, что ли? Или кто-то наметил своей целью Галени еще до срыва Иллиана?

Гарош кашлянул.

— Вообще-то не Галени, милорд. Вас.

— Что?!

— Все открытые каналы в особняке Форкосиганов прослушиваются из кабинета шефа СБ в целях обеспечения безопасности. Уже несколько десятилетий. Не прослушиваются только три — это личные коммы графа, графини и ваш. Наверняка ваши родители говорили вам об этом. Они знали.

Прослушивались Иллианом, да. Отец с матерью не стали бы возражать против этого. А он в ту ночь разговаривал с Галени... из Желтой гостиной, все верно. Майлз судорожно попытался вспомнить, что и кому он говорил и по какому комму особняка Форкосиганов.

— Ваша верность другу делает вам честь, Майлз, — продолжил Гарош. — Но я не уверен, что он вам друг.

— Нет, — возразил Майлз. — Нет. Я знаю, какую цену заплатил Галени, чтобы попасть сюда. И он ни за что не бросит все это на ветер из-за какой-то... личной неприязни. К тому же, даже если допустить, что у Галени были причины отомстить мне, то как насчет основного преступления? Какой у него был мотив, чтобы расправиться с Иллианом?

Гарош пожал плечами:

— Возможно, политический. Между некоторыми комаррцами и Иллианом существует тридцатилетняя вражда. Я согласен, что дело еще не закончено, но теперь, когда появилось реальное направление, будет проще.

Грегор был чуть ли не в смятении.

— Я надеялся, что моя женитьба хоть немного улучшит дела с Комаррой. Действительно единая Империя...

— Так и будет, — заверил его Майлз. — И даже вдвойне, если Галени женится на барраярке. — «Если не окажется в тюрьме по ложному обвинению в измене, конечно». — Ты же знаешь, как распространяются в Империи модные веяния. Так что ты наверняка положишь начало огромной волне межпланетных браков. А учитывая недостаток барраярских девочек в нашем поколении, устроенный нашими родителями, большинству из нас так или иначе придется импортировать жен.

Губы Грегора изогнулись в печальной улыбке.

Майлз схватил свой экземпляр доклада.

— Я хочу его внимательно изучить.

— Пожалуйста, — кивнул Гарош. — Подумайте над ним. Если сможете обнаружить что-то, чего не заметил я, дайте мне знать. Я вовсе не в восторге от того, что кто-то из моих людей нелоялен, безотносительно его происхождения.

Гарош откланялся. Майлз ушел следом, отправив слугу на поиски Мартина с приказом немедленно подогнать машину ко входу. Если он вернется на прием, женщины тут же накинутся на него с вопросами. А он пока не готов ни давать объяснения, ни действовать. Он не завидовал Грегору, который вынужден вернуться и продолжить вести светские беседы, будто ничего не произошло.

В лимузине, на полпути между дворцом и особняком Форкосиганов, его зрение внезапно обострилось. Дома, видимые сквозь стекло кабины, вдруг стали чрезвычайно отчетливы, приобрели какую-то нереальную реальность, казалось, вот-вот засветятся зеленым светом. «О черт, черт...» — подумал он, и тут все рассыпалось в привычном взрыве конфетти. А потом наступила тьма.

Он очнулся, лежа на заднем сиденье. Над ним нависало встревоженное лицо Мартина. Китель Майлза был расстегнут, кабина открыта. От холодного ночного воздуха его трясло.

— Лорд Форкосиган? Милорд? Вы умираете? Не надо, перестаньте!

— Гх-м-м, — сумел выдавить Майлз. В ушах стоял звон, губы болели. Он коснулся рта — на пальцах осталась кровь.

— Все в порядке, Мартин. Только припадок.

— Так вот как они выглядят? Я было подумал, что вас отравили или пристрелили.

Мартин немного успокоился. Но совсем немного.

Майлз попытался сесть. Мартин протянул руки, не зная, то ли помочь, то ли уложить его обратно. Язык и нижняя губа были прокушены, и кровь текла на его лучший мундир.

— Мне отвезти вас в госпиталь или к врачу, милорд?

— Нет.

— Тогда позвольте хотя бы отвезти вас домой. Может... — Озабоченное лицо Мартина просветлело. — Может быть, леди Корделия скоро вернется.

— И избавит тебя от меня? — Майлз болезненно засмеялся. «Она не вылечит этого поцелуем, Мартин. Как бы ей этого ни хотелось».

Ему отчаянно хотелось поехать в штаб-квартиру СБ. Он обещал Галени... Но он еще не изучил новые данные, и люди, которым он хотел бы задать ряд вопросов по этим данным, несомненно, уже ушли домой. И его до сих пор колотит, и еще эта обычная после припадков слабость.

Военные медики абсолютно правы. Стрессы действительно гарантируют, что эти проклятые припадки всегда будут случаться в самое неподходящее время. Он и правда не годен к службе, любой службе. Не годен.

«Как же я это ненавижу!»

ГЛАВА 25

На следующее утро Майлз, как всегда после припадка, проснулся с головной болью. Пара болеутоляющих таблеток мало помогла. Похоже, последствия с каждым разом все хуже и хуже.

«Мне необходимо как можно скорее увидеться с Ченко».

Он приволок к себе в комнату кофейник и заперся наедине с коммом и докладом Гароша. Он провел — или потратил — все утро, читая и перечитывая этот доклад.

Скудость данных придавала им еще большую достоверность. Если все это задумывалось как двойная подстава, сведений должно быть больше. Как ни пытался Майлз, он не мог найти ни изъянов в изложенных доводах, ни обрывов в логической цепи.

С такими итогами он не осмеливался пойти к Дуву, которого продержали всю ночь в камере предварительного заключения — маленькой комнатушке, пришедшей на смену казематам времен Эзара. Там Галени будет сидеть все время предва-

рительного следствия, до официального предъявления обвинения, а потом его скорее всего переведут в более мрачную военную тюрьму. «Задержан по подозрению». В барраярском военном законодательстве не очень четко определялось, сколько можно держать человека в заключении по подозрению. «Скорее, задержан по причине чьей-то паранойи».

Мрачные размышления прервал звонок доктора Уэдделла, который жалобно поинтересовался, когда он сможет поехать домой. Майлз пообещал прийти за докладом и после этого отпустить доктора. Надев свежий, пусть и не лучший мундир и цепь Аудитора, Майлз замазал разбитый рот и приказал Мартину подать машину.

Запах медицинских и химических препаратов, витавший в клинике СБ, до сих пор вызывал у Майлза неприятные ощущения в желудке. Войдя туда, он немедленно направился в лабораторию, облюбованную Уэдделлом. Спальный мешок в углу свидетельствовал о том, что Уэдделл-Канабе четко следовал указаниям и не оставлял без присмотра образец и полученные результаты. На докторе была та же одежда, что и вчера утром, однако он умудрился побриться. Каким-то образом он выглядел менее помятым, чем Майлз.

— Ну, милорд Аудитор, вы скорее всего не удивитесь, услышав, что я твердо уверен в том, что ваша находка полностью идентична прокариоту, которого ввели шефу Иллиану. Даже из той же партии. — Подведя Майлза к комму, он ударился в подробное сравнение двух образцов, подкрепляя рассказ цветными картинками и перемежая все это самовосхвалениями, поскольку Имперский Аудитор не соизволил проронить ни слова.

— Я говорил с Иллианом, — проговорил наконец Майлз. — Он не помнит, чтобы глотал в последние четыре месяца маленькую коричневую капсулу. К сожалению, память у него не та, что прежде.

— А эту капсулу и не глотали, — уверенно заявил Уэдделл. — Они и не предназначены для глотания.

— Откуда вы знаете?

— Капсула влагоустойчива и не растворяется. Ее нужно сломать — например, раздавить пальцами, — и тогда прокариоты смешиваются с воздухом, а затем вдыхаются. Дизайн указывает именно на это. Они сделаны в виде спор.

— Не понял.

— Вот. — Уэдделл убрал с экрана схему молекулярной цепочки и вывел изображение предмета, напоминавшего сферический спутник, утыканный антеннами. — Прокариоты сами по себе чрезвычайно малы, и их нельзя положить без оболочки в большие капсулы. Поэтому их упаковали в эти спорообразные частицы, — Уэдделл ткнул пальцем в экран, — которые летают в воздухе, пока не соприкоснутся с влажной по-

верхностью, вроде слизистой или бронхов. Здесь оболочка растворяется, выпуская содержимое наружу.

— Их можно разглядеть, как облачко дыма или пыли? Почуять запах?

— При достаточно ярком освещении, полагаю, в момент вскрытия капсулы можно увидеть небольшое облачко, но оно быстро исчезает. Запаха они не имеют.

— Как долго... они могут висеть в воздухе?

— Как минимум несколько минут. В зависимости от работы вентиляции.

Майлз зачарованно смотрел на сферу.

— Это новые сведения.

Которым, впрочем, он пока не видел применения.

— Этого нельзя было выяснить при анализе чипа, — несколько агрессивно заметил Уэдделл, — потому что куски рассасывающейся оболочки никак не могли попасть в чип. А существуют и другие потенциальные способы введения.

— Я... понимаю. Так. Большое спасибо.

Майлз представил себе, как идет к Иллиану: «Ты не можешь вспомнить каждый свой вздох за последние четыре месяца?» Прежний Иллиан мог бы вспомнить и это.

Его размышления прервал сигнал комма. Изображение споры сменилось лицом генерала Гароша.

— Милорд Аудитор, — почтительно кивнул Гарош. — Прошу прощения, что прерываю вас. Но, раз вы здесь, я хотел узнать, не могли бы вы заглянуть ко мне? Когда вам будет удобно, разумеется.

Майлз вздохнул:

— Конечно, генерал. — По крайней мере это дает ему повод отложить визит к Галени еще на некоторое время. — Я буду у вас через несколько минут.

Взяв дискету с докладом и запечатанные останки прокариота, Майлз отпустил доктора Уэдделла, который с радостью удалился. Невольно ускоряя шаг, Майлз шел по знакомым коридорам штабквартиры СБ, вверх и вниз, к кабинету, прежде принадлежавшему Иллиану, а теперь — Гарошу. Может быть — дай-то Бог, — Гарош обнаружил что-то новенькое. Что-то, отчего вся эта головоломка перестанет быть столь болезненной.

Гарош запер за ним дверь и собственноручно принес Имперскому Аудитору стул.

— Вы что-нибудь надумали за ночь, милорд? — поинтересовался генерал.

— Боюсь, что нет. Уэдделл подтвердил идентичность образцов. Наверное, вы захотите иметь копию.

Майлз протянул Гарошу дискету с докладом. Тот, кивнув, вставил дискету в комм и скопировал содержимое.

— Спасибо. — Вернув оригинал Майлзу, он продолжил: — Я пригляделся повнимательнее к остальным четырем ведущим аналитикам по Комарре. Двое из них вообще не имели возможности узнать о существовании образцов. У двух других отсутствует мотив. Во всяком случае, я такового не обнаружил.

— Идеальное преступление, — пробормотал Майлз.

— Почти. Действительно идеальное преступление — такое, которое не раскрывают вообще. Расследуемое нами близко к идеалу. Попытка вас подставить, по всем признакам, имела второстепенное значение и, следовательно, проделана менее тщательно.

— За все время, что я работал с дендарийскими наемниками, мне ни разу не удалось реализовать ни одного идеального плана операций, — вздохнул Майлз.

— Смею вас заверить, Департаменту внутренних дел этого тоже не удавалось, — признал Гарош.

— Все это очень косвенно, без признания.

— Да. И я не знаю, как его получить. Суперпентотал отпадает. Я тут подумал... может быть, вы сможете с этим помочь. Учитывая, что вы хорошо знаете этого человека. Используйте ваш знаменитый дар убеждения.

— Мог бы, — снова вздохнул Майлз, — если б был убежден в виновности Галени.

Гарош покачал головой.

— Как бы нам ни хотелось иметь больше доказательств, я сомневаюсь, что мы их получим. Часто приходится двигаться дальше, отталкиваясь от того, что есть. Необходимо двигаться вперед. Нельзя останавливаться.

— Пусть колесница катится вперед независимо от того, что давят ее колеса? — поднял брови Майлз. — И как же вы собираетесь двигаться вперед?

— Военный трибунал, скорее всего. Дело должно быть доведено до конца по всем правилам. Как вы справедливо заметили, оно не может оставаться подвешенным.

Какое решение примет трибунал, если ему в затылок будет дышать вся махина СБ, принуждая к быстрому решению? Виновен? Не виновен? Или более туманное «За недоказанностью»? Ему потребуется найти лучшего военного адвоката...

— Нет, черт возьми! Не желаю, чтобы кучка военных судей ломала себе голову, а потом все пошли домой ужинать. Если можно догадаться, я и сам могу гадать целый день напролет. А я хочу знать. Вам придется продолжить поиски. Мы не можем останавливаться на одном Галени.

Гарош шумно выдохнул и потер подбородок.

— Майлз, вы хотите, чтобы я начал охоту на ведьм. Это может нанести огромный ущерб моей организации. Вы заставите меня перевернуть СБ вверх дном, и ради чего? Если комаррец виновен — а я почему-то уверен, что так оно и есть, — то

вам придется очень далеко зайти, чтобы получить подозреваемого, который будет вам по вкусу. Где вы остановитесь?

«Уж точно не здесь, черт побери!»

— Будущая императрица вряд ли будет довольна вами. Или мной.

Гарош скривился.

— Я отдаю себе в этом отчет. Кажется, она очень милая молодая женщина, и мне не доставляет удовольствия думать, что это может ее огорчить. Но я присягал не ей, а Грегору. Как и вы.

— Верно.

— Если у вас нет других конкретных предложений, я готов предъявить обвинение, и пусть решает трибунал.

«Ты-то готов предъявить обвинение, да я не готов его поддержать».

— Я могу отказаться закрыть аудиторское расследование.

— Если трибунал вынесет приговор, вам придется это сделать, милорд.

«А я этого не сделаю». Майлза вдруг осенило. Он может не закрывать аудиторского расследования вечно, и Гарошу ни черта не удастся с этим поделать. Неудивительно, что сегодня он столь изысканно вежлив, просто рахат-лукум. Майлз может даже наложить вето на трибунал... Но имперские аудиторы традиционно осторожны со своими огромными полномочиями. Их выбирают не за блестящие успехи в карьере, а за доказанную годами кристальную честность и неподкупность. Раньше даже пятидесятилетней проверки бывало недостаточно. Он не должен нарушать внутренние правила СБ больше, чем минимально необходимо для...

Гарош устало улыбнулся:

— В конце концов мы можем договориться, что не согласны друг с другом, но постарайтесь понять мою позицию. Когда-то Галени был вашим другом, и я понимаю ваше огорчение. Вот что я могу сделать. Вместо обвинения в измене я выдвину обвинение в попытке покушения на старшего по званию. Ничего страшного. Год тюрьмы, отставка без почестей, и Галени свободен. Вы даже можете надавить на имеющиеся у вас рычаги, чтобы добиться для него Высочайшего помилования и избавить от тюрьмы. Я не возражаю, лишь бы он убрался отсюда.

То есть сломать Дуву карьеру. А Галени — честолюбивый человек, стремящийся служить Комарре в новом и более мирном будущем, которое запланировал Грегор, и отчетливо сознающий открывающиеся перед ним возможности.

— Помилование — для виновных, — задумчиво произнес Майлз. — Это не то же самое, что быть оправданным.

Гарош почесал затылок и снова скривился. А может, это была попытка улыбнуться.

— Я... На самом деле у меня была другая причина, чтобы пригласить вас сюда, лорд Форкосиган. Я смотрю в будущее по многим позициям. — Поколебавшись, он продолжил: — Я

позволил себе вольность и затребовал копию доклада вашего невропатолога. Относительно ваших припадков. Мне кажется, предложенный им метод лечения довольно перспективен.

— Имперская безопасность, — пробормотал Майлз, — вездесуща, как тараканы. Сначала прослушивает мой комм, затем смотрит мое медицинское досье... Напомните мне завтра утром, чтобы я снял сапоги.

— Приношу свои извинения, милорд. Думаю, вы меня простите. Я должен был знать это, прежде чем сказать то, что собираюсь сказать. Но если контролирующий припадки чип будет работать так, как вы надеетесь...

— Он только контролирует, а не лечит.

Гарош отмахнулся.

— Это не имеет практического значения. А я практик. Я тут изучил доклады о дендарийских операциях, выполненных по заданию СБ. Вы с Саймоном Иллианом были потрясающей командой.

«Мы были лучшими, да!» Майлз неопределенно хмыкнул, вдруг перестав понимать, к чему клонит Гарош.

Гарош криво улыбнулся.

— Занимать место Иллиана — чертовски не просто. И я не намерен упускать хоть какие-нибудь преимущества. Теперь, когда у меня появилась возможность лично с вами работать и подробно изучить ваши досье... Я все больше прихожу к выводу, что, уволив вас, Иллиан допустил серьезную ошибку.

— Это не ошибка. Я это заслужил. — У Майлза пересохло во рту.

— Я так не думаю. По-моему, Иллиан отреагировал слишком болезненно. Достаточно было бы письменного выговора с занесением в ваше досье. — Гарош пожал плечами. — Вы бы прибавили его к своей коллекции. Я и раньше работал с людьми вроде вас. Теми, кто готов идти на риск там, где никто не хочет рисковать, и добиться результатов там, где никто другой не может добиться. Я люблю получать результаты, Майлз. Очень люблю. Дендарийские наемники имели огромную ценность для Службы безопасности.

— Они и сейчас ее имеют. Командор Куин возьмет ваши деньги. И доставит товар. — Сердце Майлза начало бешено колотиться.

— Я эту Куин не знаю, к тому же она не барраярка. Я бы предпочел, если ваше лечение будет успешным, вернуть туда вас.

Майлзу пришлось сглотнуть, чтобы вновь приобрести способность дышать.

— Чтобы все... было, как прежде? Начать с того, на чем я закончил?

«Дендарийцы... Адмирал Нейсмит...»

— Не совсем. Во-первых, по моим подсчетам, вы еще два года назад должны были получить капитана. Но я думаю, что смогу составить с вами в паре команду не хуже, чем была у вас с Иллианом. — В глазах Гароша мелькнул огонек. — Воз-

можно, вы простите мне мою амбициозность, если я скажу, что даже лучшую. Я был бы горд иметь вас на борту, Форкосиган.

Майлз сидел, совершенно ошеломленный. Какое-то мгновение в его голове вертелась лишь одна идиотская мысль: «Какое счастье, что припадок случился нынче ночью, иначе я бы сейчас катался тут на ковре».

— Я... я... — Руки у него тряслись, в голове шумело от радости. «Да! Да! Да!» — Я... должен сначала закрыть это дело. Вернуть Грегору его шоколадную цепочку. Но потом... конечно! — Поврежденная губа треснула, когда он расплылся в неудержимой улыбке. Майлз слизнул выступившую кровь.

— Да, — терпеливо сказал Гарош, — именно это я и хотел сказать.

На Майлза будто вылили ушат холодной воды. Восторг погас. «Что?!» Он едва мог собраться с мыслями. Перед глазами возникло видение дока, забитого до отказа дендарийцами, скандирующими: «Нейсмит! Нейсмит!»

«Моя первая победа».

«...А ты помнишь, чего она стоила?»

Улыбка застыла у него на губах.

— Я... я... я... — Он дважды сглотнул, затем прокашлялся. Как из глубокого колодца услышал он свой — которого себя? — голос, говоривший: — Мне нужно обдумать это, генерал.

— Пожалуйста, — добродушно кивнул Гарош. — Думайте сколько угодно. Но не оставляйте меня в неизвестности навечно. Я уже вижу, что могут сделать дендарийцы в одной скользкой ситуации; которая вырисовывается возле Станции Клейн. Мне бы хотелось ее с вами обсудить, если вы примете мое предложение.

Глядя на него широко раскрытыми глазами, бледный и взмокший Майлз прохрипел:

— Спасибо, генерал. Большое спасибо.

Он сполз со стула, все еще улыбаясь кровоточащими губами. Он чуть не воткнулся в дверь, как пьяный. Гарош успел ее открыть как раз вовремя, поэтому Майлз не стукнулся. Секретарь Гароша, правильно уловив смысл его невнятного бормотания, обеспечил наличие Мартина с машиной у входа как раз к тому моменту, когда Майлз вышел из здания СБ.

Отмахнувшись от шофера, Майлз сел на заднее сиденье. Он затемнил стекло кабины, сожалея, что не может так же легко снять выражение полного потрясения со своего лица. У него было такое ощущение, что он бежит с поля боя.

Он влетел в особняк Форкосиганов, проскочил мимо слуг матери и обошел подальше апартаменты Иллиана. Запершись в своей спальне, он мерил шагами комнату, пока не обнаружил, что стоит, уставившись на комм. Казалось, комм смотрит на него Глазами Гора. Тогда он поднялся этажом выше, в крошечную каморку со старым креслом. Маленькая, тесная, как смирительная рубашка. То, что ему нужно. На сей раз

он не взял с собой ни бренди, ни кинжала. Это было бы уже излишеством.

Заперев дверь, Майлз плюхнулся в кресло. У него не только тряслись руки, его всего бил озноб.

Получить обратно любимую работу. Все будет, как прежде.

«А теперь расскажи мне об отречении!» Он-то думал, что покончил с Нейсмитом. Ну конечно, лорд Форкосиган превыше всего. Прикидывается, будто ему все равно, что Нейсмиту пришел конец. Прикидывается, что идет по воде аки по-суху. Когда ему это надо. А почему нет?

«Так вот почему мне кажется, что я тону. Правда вылезла наружу».

«Ты этого хочешь? Хочешь получить обратно дендарийцев?»

«Да!»

Но действительно ли он к этому готов с медицинской точки зрения? Ведь ему придется сидеть на капитанском мостике, он не сможет больше участвовать в операциях. Это не ново. С этим он справится. Он боролся со своей физической ущербностью всю жизнь, это всего лишь очередная травма, только и всего. С этим он умеет бороться. «Я смогу! Как-нибудь смогу!»

Он получит обратно Куин. И Тауру — на все то драгоценное время, что ей осталось.

Только вот что делать с этим маленьким демоном, шепчущим где-то в глубине сознания: «Есть тут одна маленькая загвоздка...»

Наконец, медленно, нехотя, он поглядел на этого демона. Сначала краем глаза, а потом повернулся к нему лицом.

«Гарош хочет, чтобы я принес в жертву Галени». Его билет к дендарийцам — закрытое дело, которое Гарош передает в трибунал. У Имперского Аудитора, безусловно, большая власть, но она обрывается там, где дело касается восстановления на службе в Имперской безопасности. Здесь власть целиком в руках Гароша.

Он раскачивался в кресле, постукивая ногой по полу. Что, если Галени действительно виновен? Кстати, об отречении. Опасения Гароша по поводу охоты на ведьм весьма заразны. Майлз с Галени друзья. А если бы обвиняли другого, того, кого он не знал бы, цеплялся бы он так, как сейчас? Или вполне удовлетворился бы представленными Гарошем доказательствами?

Проклятие, да дело вовсе не в дружбе! Дело в знании. Оценке людей. «Я привык считать, что хорошо разбираюсь в людях». Так должен ли он сейчас усомниться в своих суждениях? Но, дьявол, люди такие странные существа. Хитрые и скользкие. Ты никогда их не знаешь до конца, даже после долгих лет дружбы.

Майлз вцепился в ручки кресла. Ему почему-то вдруг вспомнился тот прыжковый пилот, которого он приказал допросить сержанту Ботари во время своей самой первой встречи с дендарийцами тринадцать лет назад. Его очень беспокоило, что он не может вспомнить имени того человека, хотя он и лицемерно говорил речь на его похоронах. Тогда они отчаянно нуждались в кодах, от этого зависела их жизнь. Ботари получил

нужную информацию. Получил очень жестоким способом. Их жизни были спасены. Но прыжковый пилот погиб.

Его военная карьера началась с человеческой жертвы. И для ее возобновления требуется еще одна. Бог знает, он жертвовал друзьями и прежде, много раз, когда вел их в смертельный бой за правое дело, и не все они возвращались обратно. И не все они были добровольцами.

«Я хочу, я хочу...» Прочитал ли Гарош у него на лице откровенное желание? Да, конечно. Майлз видел это в темных глазах Гароша, в его уверенной улыбке, видел по его рукам, спокойно лежавшим на гладкой поверхности стола. Сильные руки, могут дать или отнять так много по своему желанию. «Он видит меня насквозь, о да!» Глаза Майлза сузились, пересохшие губы раскрылись. Он резко выдохнул, будто получил удар кулаком под дых.

«Бог ты мой! Это не просто предложение работы. Это взятка».

Лукас Гарош пытался подкупить Имперского Аудитора.

Пытался? Или подкупил?

«К этому мы еще вернемся...»

И какая взятка! Какая умная взятка. Разве смог бы Майлз когда-нибудь доказать, что это именно взятка, а не искреннее восхищение?

«Я уверен. О, я совершенно уверен! Лукас Гарош, хитрый ты сукин сын, я недооценивал тебя с самого начала».

Вот тебе и твое хваленое знание людей.

Ему не следовало недооценивать Гароша. Гарош — такой же выкормыш Иллиана, как и сам Майлз. Иллиану нравились хорьки. Но Иллиан умел держать их под контролем. Прямой, сдержанный, унтер-офицерский стиль Гароша — всего лишь маска, за которой скрывается острый как бритва ум. Гарош тоже умеет добиваться результатов любыми доступными ему путями, иначе он не возглавил бы Департамент внутренних дел. Не у Иллиана.

Гарош не осмелился бы сделать это свое предложение, если бы не был уверен в Майлзе. А почему бы ему не быть уверенным? Имея доступ ко всем досье Иллиана, он имел массу возможностей изучить карьеру адмирала Нейсмита, ее начало и конец. Особенно конец. Гарош знал, что маленький адмирал — такой же хорек, как и он сам. Он мог с уверенностью предсказать, что Майлз пожертвует всем, даже честью, чтобы сохранить Нейсмита, потому что однажды он уже это сделал. Девственников тут нет.

Капитанское звание. Его капитанское звание. «Гарошу не составило большого труда понять, где мое слабое место». Но Гарош — лояльный хорек, Майлз готов был в этом поклясться. Верный Грегору и Империи, настоящий брат по оружию. Если деньги что-то значили для него, Майлз этого не заметил. Его страсть — это служба в Имперской безопасности, как у Иллиана, да и у самого Майлза. Работа, которую он получил после Иллиана.

У Майлза оборвалось дыхание. На мгновение он заледенел, как криотруп.

Нет. Работа, которую он отнял у Иллиана.

«Ох!»

Майлз согнулся пополам и начал ругаться, тихо и грязно. Ему было худо от ярости и стыда, но больше от ярости.

«Я слепец, слепец, слепец! Мотив! Что нужно сделать слону, чтобы его признали и выдвинули?»

Это Гарош, все время Гарош! Должен быть он. Это Гарош вышиб мозги Иллиану, чтобы украсть его место.

Конечно, вся информация на коммах была профессионально отредактирована. Гарош получил все коды Иллиана и уйму времени для игры. У Гароша десятилетний опыт работы с внутренней системой СБ.

Майлз пулей вылетел из кресла и заметался по комнате, сильно ударяя ладонью по стенке при каждом развороте. Этот слон сильно смахивает на змею, все верно.

«Это Гарош, черт побери! Это Гарош! Я знаю!»

«Да? Ну, так докажи это, мальчик — Имперский Аудитор!»

Все вещественные доказательства давно исчезли, а вся документация целиком и полностью под контролем Гароша. У Майлза намного меньше улик против Гароша, чем у Гароша против Галени.

Не может же он обвинять человека голословно. Его немедленно обвинят тоже Бог знает в чем, в лучшем случае — в истерии. Имперский Аудитор обладает властью, но и у шефа Имперской безопасности власть тоже не маленькая. У него есть один-единственный шанс, а потом Гарош обрушится на него всей своей мощью. «Со мной начинают твориться действительно странные вещи. Неотслеживаемые вещи». На самом деле, если Майлз не примет фантастическую взятку, предложенную Гарошем, генерал немедленно поймет, что ему все известно. «Времени у меня практически не осталось».

Мотив. Суждение. Доказательства. Дым.

Он бросился на пол и уставился в потолок. Стиснутыми кулаками стукнул по траченному молью стертому ковру.

Но... предположим, он сыграет в предложенную Гарошем игру. Примет взятку и выждет, чтобы вцепиться в генерала позже, при первой же возможности. Он ведь может и получить дендарийцев, и добиться справедливости.

«ДА!»

Гарош с Майлзом на некоторое время будут в одной упряжке. Во всяком случае, Гарош будет так считать... Запоздало он сообразил, что раз это взятка, то медоточивая лесть Гароша, все его «вы с Иллианом были потрясающей командой» — чушь болотная! Гарош отнюдь не влюблен в адмирала Нейсмита. И как скоро Гарош устроит «случайную» гибель Майлза, причем на сей раз без всякого криооживления? Жизнь галактического агента так или иначе сопряжена с риском. Честность между ворами, ха! Захватывающая гонка! Интересно было бы посмотреть, кто кого достанет первым. Смерть, традиционная награда за предательство, в виде толовой шашки, подожженной с се-

редины и горящей к обоим концам. «Какой бы жизнью мы оба жили некоторое время! Очень интенсивной!»

Стук в дверь резко оборвал поток его мыслей. Майлз аж подскочил.

— Кто там?

— Майлз? — донесся из-за двери звенящий от волнения голос матери. — С тобой там все в порядке?

— С тобой не случилось припадка? — Это уже был Иллиан.

— Нет... нет, все хорошо.

— Что ты там делаешь? — спросила графиня. — Мы слышали непрерывный звук шагов, удар по полу...

— Я всего лишь... борюсь с искушением, — тщательно подбирая слова, ответил Майлз.

— И кто побеждает? — весело поинтересовался Иллиан.

Глаза Майлза пробежали по трещине на потолке.

— Думаю... я выиграю два сражения из трех, — звонко сообщил Майлз.

Иллиан рассмеялся:

— Ладно, увидимся позже.

— Наверное, я скоро спущусь.

Они удалились, голоса затихли вдали.

«Лукас Гарош, по-моему, я тебя ненавижу».

Но предположим, Гарош ведет с ним честную игру. А это вполне возможно. Допустим, его предложение именно то и только то, чем кажется, и никакого ножа в спину потом не последует. Каков тогда будет его ответ? Да и в любом случае, что он ему скажет?

Гарош правильно просчитал адмирала Нейсмита, это так. Нейсмит закричал бы «Да!», а потом постарался бы ускользнуть от выполнения договора. Но Гарош совсем не знает лорда Форкосигана. Да и откуда ему знать? Его вообще никто не знает, в том числе и сам Майлз. «Я сам только что с ним познакомился». Когда-то давно он знавал мальчика с таким именем. Мальчика, совсем запутавшегося и помешанного на армии. Совершенно справедливо этого мальчика опередил адмирал Нейсмит, дерущийся за свое «я» и за более широкий мир. Но нынешний новый лорд Форкосиган — это кто-то другой. Майлз даже не осмеливался гадать о его будущем.

Ему вдруг надоели до смерти голоса в голове. Гарош, кукловод, заставил его бегать по кругу в попытке укусить себя за хвост. Что, если он не станет играть в запутанную игру Гароша? Что, если он просто... остановится? Какие тут еще могут быть игры?

«Кто ты, парень?»

«...А кто ты, спрашивающий?»

Наступила блаженная тишина. Сначала Майлз воспринял это с внутренним разочарованием. Разочарованием, сродни свободному падению — вечному и не имеющему конца. Никакого движения вообще, ни вперед, ни назад, ни в сторону.

«Я тот, кем предпочту быть. Я всегда был тем, кем предпочитал... Хотя и не всегда тем, кем хотел...»

Его мать часто говорила: «Принимая какое-то решение, ты принимаешь и последствия этого решения». Иногда она выражалась даже куда более прямо: «Если хочешь получить последствия, то лучше тебе самому сделать то, что эти последствия вызовет».

Майлз, взмокший от напряжения, лежал не двигаясь и был очень этим доволен. Странный миг — как кусочек вечности, подхваченный на бегу. Интересно, эта спокойная заводь у него внутри только что появилась, или прежде ему просто не доводилось на нее набредать? Как нечто столь огромное могло так долго оставаться незамеченным? Дыхание его замедлилось и стало глубже.

«Я выбираю... быть самим собой».

Гарош отодвинулся, превратившись в далекую-далекую крошечную фигурку. Майлз не думал, что может заставить своего противника так уменьшиться, и это его поразило.

«Но мое будущее рискует оказаться очень коротким, если я чего-нибудь не предприму».

...Правда? Вообще-то, если уж быть честным, Гарош никого не убил. Пока что. А смерть Имперского Аудитора в разгар расследования вызовет огромные подозрения. На месте Майлза встанут, как многоголовая гидра, как минимум полдюжины аудиторов, опытных, раздраженных и обладающих хорошим иммунитетом ко всякого рода дерьму. Гарош не сможет контролировать их всех.

А вот за жизнь Галени Майлз сейчас не дал бы и ломаного гроша. Что может быть более традиционно, чем самоубийство обесчещенного офицера? Очень по-форски. Это будет истолковано как признание вины, жест отчаяния. И дело закрыто. Это будет, несомненно, отлично отрежиссированное самоубийство. У Гароша огромный опыт в такого рода делах, и он не допустит дилетантских ошибок. Как только Гарош поймет, что Майлзу все известно, начнется гонка со временем. А у Майлз в распоряжении только дым и миражи.

Дым.

Воздушные фильтры!

Глаза Майлза широко распахнулись.

ГЛАВА 26

За час до официального окончания рабочего дня в штаб-квартире СБ Майлз подвел свое маленькое войско к боковому входу в здание. Он мысленно назвал эту операцию «Атака тараканьей цитадели». Впервые он оценил по достоинству габариты бронированного лимузина графа: ему удалось сэкономить драгоценное время, затолкав всю команду на заднее сиденье

и проведя краткий инструктаж по пути от Имперского научного института.

Рядом с Майлзом шли Айвен и Саймон Иллиан, облаченный в зеленый мундир со всеми регалиями. За ними следовал доктор Уэдделл, осторожно державший коробку с надписью «образцы тканей мыши, замороженные. Инвентарный номер 621А, одна дюжина», которых там вовсе не было. Последней гордо ступала на своих длинных ногах Делия Куделка.

Дежурный капрал встревоженно посмотрел на них. Майлз подошел прямо к нему и деланно улыбнулся.

— Генерал Гарош приказал вам докладывать ему, когда я вхожу и выхожу, не так ли?

— Почему... Да, милорд Аудитор. — Капрал поглядел за спину Майлза и отсалютовал Иллиану, ответившему тем же.

— Ну, так не делайте этого.

— Э-э-э... Слушаюсь, милорд Аудитор. — Капрал явно запаниковал, ощущая себя пшеничным зернышком между жерновами.

— Все в порядке, Сметани, — успокоил его на ходу Иллиан. Капрал облегченно вздохнул.

В первую очередь Майлз направил свои стопы на второй этаж в тюремный блок.

— Я очень скоро вернусь допросить капитана Галени, — бросил Майлз дежурному офицеру. — И надеюсь застать его в живых. За это вы отвечаете лично. А пока мадемуазель Куделка его навестит. Никому другому — никому, включая ваше руководство, — в особенности руководству! — вы не позволите к нему пройти до моего возвращения. Вам все ясно?

— Да, милорд Аудитор.

— А ты, Делия, не оставляй Дува одного ни на секунду, пока я не вернусь.

— Я все поняла, Майлз. — Делия решительно вздернула подбородок. — И... спасибо тебе.

Майлз кивнул.

Он надеялся, что таким образом блокирует всякую возможность внезапного «самоубийства» Галени. К настоящему моменту Гарош уже должен быть полностью готов провернуть план «самоубийства» мгновенно. Задача заключалась в том, чтобы ему этого мгновения не предоставить. Остальных своих людей Майлз повел в Хозяйственный департамент, где переговорил с начальником, пожилым полковником. Как только полковник понял, что интерес Майлза к графику проверки воздушных фильтров никак не отразится на его департаменте, он стал очень покладистым. Майлз забрал его с собой.

Майлзу хотелось разорваться на четыре части и присутствовать в четырех местах одновременно, но все должно было быть проделано абсолютно точно, как доказательство в пятимерной математике. Вдохновение — одно, а показ — совсем другое. Прихватив с собой техника, он быстро повел свою

команду в самые нижние подвалы штаб-квартиры. Буквально через несколько минут все его свидетели уже находились в крыле номер пять, Оружейной IV. Уэдделл поставил свою коробку и прислонился к стеллажу, скрестив руки на груди. Его привычное выражение скептического интеллектуального превосходства исчезло, и сейчас на лице доктора читался живой интерес к происходящему.

Полка номер девять оказалась вне пределов досягаемости. Майлзу пришлось попросить Айвена достать оттуда хорошо знакомую запечатанную коробочку. Его аудиторская печать была целой. Две оставшиеся капсулы спокойно лежали на своем месте. Достав одну, Майлз покатал ее в пальцах.

— Хорошо. Смотрите внимательно, вы все. Начали.

Он резко сжал пальцы. Капсула лопнула. Майлз дважды взмахнул рукой над головой. На мгновение в воздухе повисло облачко мельчайшей пыли и исчезло. Остатки капсулы прилипли к пальцам. Майлз заметил, что Айвен затаил дыхание.

— Сколько нам ждать? — спросил Майлз Уэдделла.

— Как минимум десять минут — чтобы оно распространилось по комнате.

Майлз попытался призвать себя к терпению. Иллиан смотрел прямо перед собой, лицо его окаменело.

«Да, — думал Майлз, — вот оружие, которое тебя убило. Ты не можешь к нему прикоснуться, но оно может коснуться тебя...»

Айвен, красный как помидор, сдался и снова начал дышать.

Наконец Уэдделл наклонился и открыл свой ящик. Он извлек оттуда маленькую прозрачную бутылочку со светлой жидкостью и распылитель. За то, что Уэдделл изготовил эту ценную жидкость всего за три часа, Майлз готов был простить ему все грехи гордыни на пять лет вперед. Сам же Уэдделл явно считал это рутиной. С научной точки зрения, может, так оно и есть.

«Обычный щелочной раствор, — отмахнулся тогда Уэдделл. — Внешняя структура оболочки очень четкая и уникальная. Вот если бы вам понадобилось что-то, чтобы определить наличие самих прокариотов, — тогда это была бы задачка».

— Теперь, — обратился Майлз к полковнику из хозяйственного отдела, — мы пройдем туда, где находятся воздушные фильтры и вентилятор.

— Сюда, милорд Аудитор.

Они прошли в противоположный конец крыла и свернули за угол, к маленькой квадратной решетке, вделанной в стену на уровне щиколотки.

— Снимите внешнюю крышку, — приказал Майлз полковнику. — Меня интересует самый верхний фильтр.

Опустившись на колени, полковник снял верхнюю панель, за которой обнаружился запечатанный квадратик, предназначенный для сбора пыли, грязи, волос, спор, дыма и тому подобного. Сами крошки-прокариоты, высвобожденные из своей спорообразной оболочки, смогли бы проникнуть

сквозь этот барьер, а возможно, и сквозь следующий барьер из электролитической резины, и погибли бы лишь в самом конце, достигнув центрального сжигающего агрегата.

Повинуясь кивку Майлза, полковник уступил место доктору Уэдделлу, который уселся по-турецки и обильно оросил из пульверизатора воздух вокруг отдушины.

— Что это он делает? — шепотом спросил полковник.

Майлз с трудом удержался от реплики: «Опрыскивает предателей. Очень назойливые паразиты в это время года, вы не находите?»

— Смотрите, и увидите.

Уэдделл достал из ящика ультрафиолетовый фонарик и направил его на фильтр. Поверхность фильтра засветилась красным светом, разгоравшимся все интенсивнее под лучами ультрафиолета.

— Ну вот, милорд Аудитор, — произнес Уэдделл. — Оболочки застряли в фильтре, как я и говорил.

— Прекрасно. — Майлз поднялся на ноги. — Теперь нам есть от чего плясать. Пошли дальше. Вы, — он указал на техника, — запротоколируйте, упакуйте, пометьте и запечатайте это все. А потом следуйте за нами как можно быстрее.

Выстроившись цепочкой, все двинулись за ним. На этот раз Майлз привел их в департамент по делам Комарры, где попросил взволнованного генерала Аллегре присоединиться к процессии. Затем все они столпились в крошечном кабинете капитана Галени — четвертая дверь по коридору, — где сидели аналитики.

— Ты не помнишь, не заходил ли ты к Галени в последние три месяца? — спросил Майлз Иллиана.

— Уверен, что заходил несколько раз. Я спускался сюда чуть ли не каждую неделю, чтобы обсудить с ним наиболее интересные моменты его докладов.

Как только прибыл запыхавшийся техник, полковник проделал ту же операцию, что и в хранилище, открыв фильтр, абсолютно идентичный первому. Уэдделл снова побрызгал. На сей раз уже Майлз задержал дыхание. От результата этого теста зависела вся его дальнейшая стратегия. Если Гарош его опередил... Ведь, в конце концов, не хватает двух капсул.

Уэдделл, опираясь на руку и колено, поводил фонариком по фильтру.

— Хм. — У Майлза сердце ухнуло в пятки. — Я тут ничего не вижу? А вы?

Он снова смог дышать, а остальные наклонились, чтобы рассмотреть фильтр получше. Тот был грязноватым и сырым.

— Вы можете засвидетельствовать, что его ни разу не меняли с последней летней плановой замены? — спросил Майлз полковника.

Полковник пожал плечами:

— Фильтры не нумерованы, милорд. И конечно, взаимозаменяемы. — Он сверился с записями. — Во вся-

ком случае, никто из моего департамента этого не делал. Его должны заменить только в следующем месяце, перед Зимнепраздником. А так на нем вроде бы нормальное количество осадка для этого периода цикла.

— Благодарю вас, полковник. Я ценю вашу точность.

Поднявшись, Майлз бросил взгляд на Иллиана, наблюдавшего за происходящим с каменным лицом.

— Теперь — твой кабинет, Саймон. Покажешь нам дорогу?

Иллиан покачал головой, вежливо отказавшись от предложения.

— Для меня в этом мало удовольствия, Майлз. Каким бы ни был результат, я все равно теряю подчиненного, которому доверял.

— Но не лучше ли все же потерять того подчиненного, который действительно виноват?

— Да уж, — не совсем, чтобы иронично, хмыкнул Иллиан. — Продолжайте, милорд Аудитор.

Они поднялись на три этажа, потом спустились на один уровень. Если Гароша и удивило внезапное появление Майлза, он сумел это скрыть. Но не мелькнуло ли в его глазах беспокойство, когда Гарош здоровался со своим бывшим шефом и предлагал ему стул?

— Нет, спасибо, Лукас, — несколько прохладно поблагодарил Иллиан. — Не думаю, что мы здесь задержимся.

— Что вы делаете? — спросил Гарош, когда полковник привычно двинулся к вентиляционной решетке, находящейся справа от комм-пульта. Техник покорно следовал за ним.

— Воздушные фильтры, — пояснил Майлз. — Вы не подумали о воздушных фильтрах. Вы ведь никогда не служили на космическом корабле, Лукас?

— К сожалению, нет.

— Тогда поверьте мне на слово, что эта служба быстро приучает вас заботиться о таких вещах, как воздушные системы.

Брови Гароша поползли вверх, когда Уэдделл обрызгал фильтр прозрачной жидкостью. Генерал как бы небрежно откинулся на стуле. Он закусил губу и так и не спросил: «Вы подумали над моим предложением, Майлз?» Хладнокровный человек и очень терпеливый, способный спокойно ждать. Впрочем, пока что у него нет повода для беспокойства. Даже если фильтр забит оболочками, это все равно ничего не доказывает. Через кабинет Иллиана проходили толпы людей.

— Ничего, — немного погодя сообщил Уэдделл. — Посмотрите сами, господа.

Он передал фонарик Айвену и генералу Аллегре.

— Никто и не думал, что они тут будут, — прокомментировал Аллегре, глядя Айвену через плечо.

Сам Майлз оценивал такую вероятность процентов на двадцать пять, хотя и поднял ставки, когда фильтр в кабинете Галени оказался чистым. Значит, остается один из конференц-залов или...

— Нашли что-нибудь? — поинтересовался Гарош.

Майлз разыграл небольшой спектакль, забрав у Айвена фонарик и склонившись к отдушине.

— Проклятие, это не здесь. Я надеялся, все будет просто. Понимаете, если оболочки прокариота застряли в фильтре, то они светятся красным. Мы провели эксперимент внизу.

— И что вы намерены делать дальше?

— А что остается, кроме как проверить все фильтры в штабквартире сверху донизу? Тягомотина, конечно, но я доведу ее до конца. Помните, я говорил, что если узнаю «почему», то буду знать «кто»? Ну, так я пересмотрел свою точку зрения. Теперь я полагаю, что если узнаю «где», то буду знать «кто».

— О, верно! А вы уже проверяли кабинет капитана Галени?

— Самым первым. Там чисто.

— Гм. Может... в одном из залов заседаний?

— Готов на это поспорить.

«Давай же, Гарош! Заглатывай наживку! Давай, давай...»

— Отлично.

— Если хочешь сэкономить время, — включился в игру Гарош, — тебе следует начать с тех мест, где Иллиан бывал чаще всего. Это лучше, чем прочесывать все здание сверху донизу.

— Хорошая мысль, — милостиво согласился Майлз. — Начнем с приемной? Затем — прошу меня простить, генерал Аллегре, но я выполняю свой долг — перейдем к кабинетам всех начальников департаментов. Затем залы заседаний, а потом — все кабинеты аналитиков. Наверное, следовало это сделать в департаменте по делам Комарры, еще когда мы туда пришли в первый раз. Ну а потом видно будет.

Судя по выражению лица, техник мысленно прощался со своим ужином. Аллегре кивнул. Они вышли в приемную, и полковник начал привычную операцию с решеткой. Майлза занимало одно: не заметил ли кто, что у Уэдделла явно не хватит жидкости, чтобы проверить все фильтры в здании Имперской безопасности. Иллиан обменялся равнодушным приветствием со своим бывшим секретарем. Немного погодя генерал Гарош, извинившись, ушел. Иллиан даже на него не посмотрел.

Майлз краем глаза наблюдал, как Гарош удаляется по коридору. «Так, наживка заглочена, теперь главное — не дергать раньше времени...» Он прикинул, сколько нужно времени человеку, с трудом сдерживающему панику, чтобы дойти до одной комнаты, а потом до другой. Майлз жестом велел Уэдделлу не усердствовать с распылителем и, мысленно досчитав до ста, произнес:

— Ну ладно, господа. Соблаговолите проследовать за мной еще раз. Но потише, пожалуйста.

Он вывел их в коридор, свернул налево, потом направо к переходу. В середине этого коридора они повстречали коммодора, возглавившего Департамент внутренних дел после Гароша.

— О, милорд Аудитор! — окликнул он Майлза. — Какая удача! Генерал Гарош только что послал меня за вами.

— А где он велел меня искать?

— Он сказал, что вы направились в хранилище. Так что вы избавили меня от лишней ходьбы.

— О да. Скажите, а Гарош нес что-нибудь?

— Сверток. Он вам нужен?

— Пожалуй, да. Он сейчас здесь, верно? Пошли...

Майлз повернулся и быстро зашагал к приемной начальника Департамента внутренних дел. Дверь в бывший кабинет Гароша была заперта. Майлз разблокировал код своей аудиторской печатью.

Гарош, скорчившись слева от комм-пульта, снимал вентиляционную решетку. В раскрытом свертке рядом с ним лежал фильтр. Майлз готов был поспорить на сколько угодно бетанских долларов, что в одном из залов заседаний между кабинетом Иллиана и этим они обнаружат выпотрошенный вентилятор. Быстрая реакция и очень хладнокровная. «Ты быстро соображаешь, генерал. Но на этот раз у меня была фора».

— Время решает все, — заметил Майлз.

Гарош выпрямился.

— Милорд Аудитор, — быстро заговорил он и осекся. Он увидел маленькую армию, вошедшую вслед за Майлзом. Но даже сейчас, подумал Майлз, Гарош может выкрутится, придумать какое-нибудь убедительное объяснение для Майлза и всей этой проклятой толпы... И тут вперед протолкался Иллиан. Майлзу показалось, что он чуть ли не видит, как ложь обратилась во прах прямо на кончике языка генерала. Хотя внешне это проявилось лишь в том, что в уголке его рта образовалась маленькая морщинка.

Майлз уже заметил, что Гарош избегает встречаться лицом к лицу со своими жертвами. Он ни разу не навестил Иллиана в клинике, тщетно пытался избегать Майлза, пока разрабатывал свою изначальную ловушку, и появился во дворце уже тогда, когда Галени арестовали и увели. Возможно, он и не плохой человек. Просто нормальный сообразительный мужик, соблазнившийся всего лишь на один скверный поступок и не справившийся с последствиями, которые вышли из-под контроля.

«Когда выбираешь какое-то действие, ты выбираешь и последствия этого действия».

— Привет, Лукас, — выдохнул Иллиан. Глаза его были удивительно ледяными.

— Сэр... — Гарош встал. В руках у него ничего не было.

— Полковник, доктор Уэдделл, прошу вас. — Майлз жестом пригласил их подойти. Сам он остался чуть сзади, в стороне от Гароша. Подняв глаза, он на мгновение столкнулся взглядом с генералом.

«Вот миг моего триумфа. Только почему я не радуюсь?»

Все дальнейшие действия были уже доведены чуть ли не до автоматизма. Полковник снял решетку, Уэдделл

побрызгал. Несколько секунд тягостного ожидания. Затем появилось красное свечение, яркое и зловещее.

Майлз вздохнул:

— Генерал Аллегре, теперь вы являетесь исполняющим обязанности шефа Имперской безопасности, до утверждения императором Грегором. Мне очень жаль, но я вынужден сообщить вам, что вашей первой обязанностью на новом посту будет арест вашего предшественника, генерала Гароша. По моему приказу как Имперского Аудитора по серьезному обвинению... — В чем? Диверсии? Измене? Глупости? «Каждый преступник подспудно жаждет быть пойманным», — гласит древняя мудрость. Неправда, подумал Майлз. Преступник хочет вылезти сухим из воды. Это грешник жаждет, чтобы его вытащили на свет. Хочет ползти через покаяние к прощению и своего рода милосердию, пусть скрытому. Так кто же Гарош, преступник или грешник?

— По обвинению в измене, — закончил Майлз. Половина присутствующих вздрогнула, услышав последнее слово.

— Не измена, — прохрипел Гарош. — Никогда.

Майлз чуть взмахнул рукой.

— Но... если он согласен признать свою вину и готов к сотрудничеству, то обвинение может быть только в покушении на старшего офицера. Военный трибунал, год тюрьмы и простое увольнение без почестей. Думаю... что позволю трибуналу принять такое решение.

Судя по выражению лиц Гароша и Аллегре, оба уловили нюанс этого выступления. В конце концов, Аллегре — начальник Галени и, несомненно, должен был внимательно следить за ходом дела своего подчиненного. У Гароша заходили желваки, Аллегре кисло улыбнулся.

— Смею предложить вам, — продолжил Майлз, обращаясь к Аллегре, — сопроводить его вниз, чтобы он поменялся местами с вашим ведущим аналитиком. На некоторое время, пока вы войдете в курс дела.

— Слушаюсь, милорд. — Голос Аллегре звучал достаточно решительно, хотя он и поколебался секунду, сообразив, что под рукой нет пары громил-сержантов для официального ареста.

Впрочем, Аллегре решил задачу, задействовав Айвена, полковника и коммодора.

— Лукас, ты не станешь создавать мне лишних проблем?

— Думаю... нет, — вздохнул Гарош. Он обежал взглядом комнату, но не обнаружил подходящего окна, чтобы решить все одним махом — головой вперед с четвертого этажа. — Я слишком стар для такого рода упражнений.

— Вот и хорошо. Я тоже.

Аллегре вывел его вон.

Иллиан смотрел им вслед.

— Чертовски грустно, — тихо сказал он Майлзу. — Имперской безопасности явно следует выработать новые

традиции смены руководства. Убийства и аресты плохо сказываются на деятельности организации.

Майлз лишь согласно кивнул. Быстро обследовав соседние залы заседаний, он уже во втором из них обнаружил открытую отдушину без фильтра. Он проследил, чтобы техник тщательно запротоколировал и упаковал вещественные доказательства, и, запечатав весь набор аудиторской печатью, отправил его в хранилище до востребования.

Дальнейшее, слава Богу, выходило за рамки его полномочий. Работа Имперского Аудитора завершается докладом Грегору и вручением собранных доказательств соответствующему органу, в данном случае, по всей видимости, Верховному трибуналу. «Мне нужно было лишь найти истину. Мне не нужно думать, что с ней делать дальше». Впрочем, он предполагал, что любые его рекомендации будут иметь огромный вес.

Закончив с делами и уже никуда не торопясь, Майлз с Иллианом чинно шагали по коридору за техником.

— Интересно, какую линию поведения предпочтет Гарош? — вслух размышлял Майлз. — Постарается найти хорошего адвоката и как-то выкарабкаться? Он потратил столько времени и сил, чтобы фальсифицировать данные на коммах — кстати, именно это, по-моему, помешало ему вовремя позаботиться о фильтрах... Я думал, он сразу завопит «засада!». Или он прибегнет к старому форскому способу решения такого рода проблем? Под конец он выглядел... довольно бледным. Сломался быстрее, чем я полагал.

— Ты ударил его гораздо сильнее, чем тебе казалось. Ты сам не знаешь своей силы, Майлз. Но нет, не думаю, что Лукас выберет самоубийство, это не в его стиле, — сказал Иллиан. — И в любом случае это трудно сделать без помощи тюремщиков.

— Ты полагаешь... мне следует намекнуть, чтобы ему помогли? — осторожно поинтересовался Майлз.

— Умереть легко. — Лицо Иллиана вдруг стало каким-то отстраненным. Что он помнит о своей отчаянной мольбе о легкой смерти всего лишь несколько недель назад? — Жить трудно. Пусть сукин сын предстанет перед трибуналом. Пройдет всю процедуру от начала и до конца.

— Уф! — выдохнул Майлз.

Новый тюремный блок Имперской службы безопасности был намного меньше старого, но в нем тоже имелся только один вход и помещение для приема арестованных. У комма на входе они обнаружили капитана Галени и Делию Куделку. Дув заполнял документы об освобождении под наблюдением генерала Аллегре и дежурного офицера. Айвен заглядывал ему через плечо. Гароша, судя по всему, уже провели внутрь. Майлз понадеялся, что его посадили в камеру Галени.

Галени был в том же зеленом мундире, что и на приеме, только очень помятом. Небритый, с красными вос-

паленными глазами, бледный от бессонницы. Опасное напряжение все еще витало вокруг него, как дымка.

Как только Майлз с Иллианом вошли, он резко повернулся на каблуках.

— Черт побери, Форкосиган, где ты был все это время?

— Э-э-э... — Майлз потеребил цепь Аудитора, чтобы напомнить Галени, что он все еще при исполнении.

— Проклятие, милорд Аудитор, — рявкнул Галени, — где вас все это время черти носили? Прошлой ночью ты сказал, что приедешь следом. А потом я не знал, что думать. Я ухожу из этой дурацкой организации параноиков! С меня хватит.

Аллегре вздрогнул. Делия коснулась руки Галени. Он немедленно ухватил ее ладонь, и его кипящая ярость уменьшилась прямо на глазах.

«Ну, у меня был припадок, а потом мне пришлось продираться через «липу» Гароша с коммами, а потом вытаскивать Уэдделла из его лаборатории, а он собирался целую вечность, а я не осмеливался разговаривать с кем бы то ни было по коммам из особняка Форкосиганов, мне пришлось ехать самому, и...»

— Да, прошу прощения. Мне понадобились целые сутки, чтобы собрать доказательства твоей невиновности.

— Майлз, — произнес Иллиан. — Прошло всего пять дней, как выяснилось, что это диверсия. У тебя больше времени уйдет на составление аудиторского доклада, чем на само расследование.

— Доклада, — вздохнул Майлз. — Угу. Но, понимаешь, Дув, мне было недостаточно просто приказать тебя отпустить. Меня бы обвинили в пристрастности.

— Это правда, — пробормотал Айвен.

— Сначала я думал, что Гарош просто допустил промах, арестовав тебя во дворце на глазах у кучи людей. Ха! Только не он. Это было прекрасно отрежиссировано, чтобы испортить твою репутацию. После этого ни освобождение, ни оправдание за недостаточностью улик не сняло бы с тебя подозрения в глазах этой публики. Я просто должен был поймать истинного виновника.

— А! — Галени вдруг нахмурился. — Майлз, а кто же истинный виновник?

— Так ты ему еще не сказала? — обернулся Майлз к Делии.

— Ты же сам велел мне ничего не говорить, пока все не закончится, — возмутилась Делия. — Мы только что выбрались из этой гнусной маленькой камеры.

— Они не такие гнусные, как старые камеры, — мягко возразил Иллиан. — Те я хорошо помню. Сам провел там целый месяц под арестом, тринадцать лет назад. — Он наградил Майлза несколько кислой улыбкой. — Из-за одного дела, связанного с персональной армией сына лорда регента, и, конечно, по обвинению в государственной измене.

— Ты так много забыл, что мог бы забыть и это, — пробормотал Майлз.

— Не повезло, — фыркнул Иллиан. — Поэтому я сразу же превратил их в хранилище и построил новый тюремный блок. Гораздо более удобный. На тот случай, если вдруг снова там окажусь.

Галени уставился на Иллиана.

— Первый раз об этом слышу!

— Задним числом — много позже — я пришел к выводу, что это был полезный опыт. С тех пор я считаю, что каждый старший офицер СБ должен пройти через что-то подобное, по той же причине, по какой каждый врач должен хоть раз побыть пациентом. Расширяет кругозор.

Галени некоторое время молчал, явно переваривая услышанное. Полыхавшая в нем ярость почти утихла. Айвен перевел дыхание. Аллегре, благодарно улыбнувшись Иллиану, посмотрел на капитана.

— Это Гарош, — сообщил Майлз. — Ему хотелось повышения.

Галени недоуменно поднял брови и повернулся к генералу Аллегре, который утвердительно кивнул.

— Как только обнаружили прокариота, — продолжил Майлз, — Гарош потерял всякую надежду на то, что его диверсия пройдет незамеченной — а именно таким, я уверен, был его первоначальный сценарий. И ему потребовался козел отпущения. Не обязательно идеальный, поскольку в его власти было напустить достаточно тумана, чтобы оправдать прекращение поисков. Он не любит меня, ты правильно понял, поэтому он нанес удар так, чтобы утопить нас обоих. Прости, что я заставил Делию держать тебя в неведении, но арест главы Имперской безопасности в самом сердце его владений — не слишком простое дело. Я не хотел давать никаких обещаний, пока не буду уверен в финале.

Глаза Галени стали большими, как плошки.

— Забудь... что я сказал.

— Это касается и вашего намерения уйти в отставку? — озабоченно спросил Аллегре.

— Не знаю... Почему я? Я никогда не думал, что у Гароша предубеждения против комаррцев. Сколько мне еще продираться через это дерьмо, что еще они хотят, чтобы я сделал, чтобы доказать мою лояльность?!

— Думаю, тебе придется продираться всю жизнь, — серьезно ответил Иллиан. — Но благодаря тебе каждому комаррцу, который пойдет следом за тобой, придется продираться сквозь меньшее количество дерьма.

— Ты так многого добился, — умоляюще проговорил Майлз. — Не позволяй этому таракану Гарошу сделать твои жертвы напрасными. Ты нужен Империи. Особенно Службе безопасности, ведь это часть ее работы — представлять имперскому правительству свое видение мира. Если мы будем сообщать им чистую правду, возможно, у нас появится небольшой шанс получить от них верное суждение. И другого шанса у нас нет, это абсолютно точно.

Аллегре поддержал сказанное решительным кивком.

— Кроме того, — Майлз взглянул на Делию, следившую за разговором с возрастающей тревогой, — Форбарр-Султан — отличное место для офицера, который желает продвинуться по службе. Посмотри на людей. С кем ты тут познакомился. И какие тут открываются возможности. — Айвен отчаянно закивал. Майлз продолжил: — Хм... Не то чтобы я хотел вмешиваться во внутренние дела СБ, но, по-моему, департаменту по делам Комарры очень скоро понадобится новый начальник. — Он посмотрел на Аллегре. — Старый, видишь ли, вот-вот унаследует гораздо более паршивую работу.

Аллегре несказанно изумился, а потом впал в глубокую задумчивость.

— Комаррец во главе департамента по делам Комарры?..

— Радикально, — не отступал Майлз, — но может сработать.

Иллиан с Аллегре одарили его одинаковыми уничтожающими взглядами, но Майлз не дрогнул.

— Кроме того, — продолжил Аллегре, — мне кажется, вы опережаете события, лорд Форкосиган. Нет абсолютно никакой уверенности в том, что Грегор утвердит меня на должности шефа Имперской безопасности.

— А кого еще? — пожал плечами Майлз. — Ольшанский еще не созрел, а шеф департамента по делам галактики вполне доволен своей нынешней работой, большое спасибо. Учитывая приближение императорской свадьбы, ваши глубокие познания и опыт в делах Комарры делают вас практически идеальной кандидатурой, я бы сказал.

— Может, оно и так. — Аллегре вроде бы чуть смягчился. Возможно, у него полная картина только сейчас начала вырисовываться? — Но это все — заботы завтрашнего дня. А у меня и на сегодня их достаточно. Господа, прошу меня извинить. Думаю, мне лучше поскорее просмотреть то, что сейчас проходит по комму Гароша... Иллиана... короче, наверху. И собрать глав департаментов, чтобы сообщить им о... хм... событиях. Есть какие-нибудь предложения, Саймон?

Иллиан покачал головой.

— Действуй. У тебя получится.

— Дув, — обратился Аллегре к Галени, — идите домой, поужинайте и выспитесь как следует, прежде чем принимать какое-либо важное решение. Обещаете?

— Да, сэр, — ровным тоном ответил Галени.

Делия сжала ему руку, а он за все время так и не выпускал ее ладони. Он не желал рисковать. Когда он немного очухается, то, может, и поймет, что даже четыре дюжих мужика вряд ли смогут оторвать ее от него. Айвен, заметив наконец этот маленький спектакль, слегка нахмурился.

— Хотите доложить Грегору первым, милорд Аудитор, или это сделать мне? — спросил Аллегре.

— Доклад Грегору я беру на себя. А вы свяжитесь с ним, как только разберетесь с ситуацией наверху.

— Конечно. Благодарю вас. — Они обменялись кивками, и Аллегре удалился.

— Ты собираешься связаться с Грегором прямо сейчас? — поинтересовался Галени.

— Прямо отсюда, — ответил Майлз. — Его нужно срочно поставить в известность, ведь я не мог даже намекнуть ему на возможность подобной развязки. Из кабинета Иллиана прослушиваются все его переговоры.

— Когда будешь разговаривать... — Галени посмотрел на Делию, потом отвел взгляд и сжал ее руку еще крепче. — Ты не мог бы... Не мог бы попросить его... я хочу, чтобы Лаиса знала, что я не предатель.

— Первым делом, — пообещал Майлз. — Даю слово.

— Спасибо.

Майлз отправил с ними охранника — сопроводить к выходу — и разрешил Делии взять лимузин Форкосиганов. Айвена Майлз задержал, зарубив на корню его хитроумное предложение доставить Галени домой, а потом отвезти Делию, напомнив, что он оставил свою машину возле Генштаба. Затем выставил дежурного офицера из-за комм-пульта и уселся за него сам. Иллиан приволок себе стул и сел рядом. Майлз набрал личный код Грегора.

— Сир, — официально начал Майлз, когда на экране появился Грегор. Не успевший доужинать император вытирал губы салфеткой.

Услышав столь официальное обращение, Грегор поднял брови. Майлз целиком и полностью завладел его вниманием.

— Слушаю, милорд Аудитор. Есть прогресс? Или проблемы?

— Я закончил.

— Боже правый! Э-э-э... Не хотите ли сообщить подробности?

— Вы узнаете все подробности, — Майлз искоса глянул на Иллиана, — из моего доклада, но если вкратце, то место шефа Имперской безопасности вакантно. Это не Галени. Это Гарош. Я догадался, что оболочки прокариотов должны были застрять в вентиляционных фильтрах.

— Он признался?

— Лучше. Мы застукали его, когда он менял фильтр в своем прежнем кабинете, где, судя по всему, и ввел их Иллиану.

— Насколько я понимаю... это произошло не случайно.

Губы Майлза растянулись в волчьем оскале.

— Случайность, — провозгласил он, — благоволит подготовленному уму, как кто-то там сказал. Нет. Не случайно.

Грегор откинулся на стуле, чрезвычайно встревоженный.

— Он только сегодня утром лично представлял мне доклад, и все это время он знал... Я был почти готов утвердить его в должности шефа СБ.

Губы Майлза дрогнули.

— Ага. И он был бы хорошим шефом, почти. Слушай... хм... я обещал Дуву Галени, что попрошу тебя сказать Лаисе, что он не предатель. Ты сделаешь это?

— Конечно. Вчерашняя сцена ее ужасно расстроила. Объяснения Гароша вселили во всех болезненное подозрение.

— Лукас всегда был ласковым, — пробормотал Иллиан.

— Почему он это сделал? — спросил Грегор.

— У меня еще целая куча вопросов, на которые мне бы хотелось получить ответ, прежде чем я сяду составлять доклад, — сказал Майлз, — и большинство из них начинается именно с «почему?» А этот вопрос — самый интересный из всех.

— И на него труднее всего ответить, — предупредил Иллиан. — Где, что, как, кто — на эти вопросы мне иногда удавалось ответить с помощью вещественных доказательств. А «почему» зачастую был выше моих возможностей.

— На очень многие вопросы может ответить только сам Гарош, — заметил Майлз. — Но мы не можем накачать ублюдка суперпентоталом, вот ведь досада какая. Думаю... нам удастся у него что-то выудить, если мы возьмемся за него прямо сегодня, пока он еще не очухался. К завтрашнему дню он наверняка включит свои замечательные мозги и потребует адвоката. Нет... не нам. Совершенно ясно, что он ненавидит меня всеми фибрами души, хотя тут возникает очередное почему... Саймон, ты не мог бы... Ты сможешь провести допрос?

Иллиан потер лицо.

— Могу попытаться. Но если он был готов меня убрать, не вижу, почему бы ему не быть готовым выдержать любое моральное давление, которое я на него окажу.

Грегор некоторое время изучал свои руки, сложенные перед коммом, затем поднял глаза.

— Погодите, у меня, кажется, есть идея получше.

ГЛАВА 27

— Мне действительно надо при этом присутствовать? — прошептал Айвен, когда они шли по утыканному следящими устройствами коридору к камере, где сидел Гарош. — Это обещает быть чертовски неприятным.

— Да, и по двум причинам. Во-первых, ты был моим официальным свидетелем на протяжении всего расследования и тебе придется еще не раз давать показания под присягой. Во-вторых, ни Иллиан, ни я физически не справимся с Гарошем, если он надумает взбеситься.

— А ты этого ждешь?

— Вообще-то не очень. Но Грегор считает, что присутствие обычного охранника — бывшего подчиненного Гароша — не будет способствовать его... хм... правдивости. Переживешь Айвен. Говорить тебе не придется, только слушать.

— Тоже верно.

Охранник отпер дверь и почтительно отошел в сторону. Майлз вошел первым. Новые камеры СБ были не очень просторными, но Майлз видал и похуже. Здесь имелись отдельные, хоть и прослеживающиеся, ванные комнаты. В камере стоял запах, свойственный всем военным тюрьмам, — самый противный запах на свете. Вдоль стен были привинчены друг напротив друга две лавки. На одной сидел Гарош в форменных брюках и рубашке. Его еще не переодели в оранжевую форму арестанта, но сапоги и китель с него сняли, как все знаки различия и серебряные Глаза Гора. Майлз ощутил отсутствие этих Глаз как два горящих рубца на шее Гароша.

При виде Майлза Гарош тут же стал замкнутым и враждебным. Вошедший следом Айвен встал возле двери, как всегда пытаясь превратиться в невидимку. С появлением Иллиана на лице генерала мелькнуло замешательство, и он замкнулся еще больше.

И только когда вошел высокий и мрачный император, Гарош потерял над собой контроль. Потрясение и изумление быстро сменились выражением открытой муки. Гарош попытался овладеть собой и принять равнодушный хладнокровный вид, но в результате выглядел скорее каким-то заледеневшим. Он вскочил — Айвен мгновенно напрягся, — но Гарош лишь выдохнул «Сир!» глухим надтреснутым голосом. Трудно придумать менее подходящие обстоятельства, чтобы официально приветствовать своего главнокомандующего, но Гарош был не в том состоянии. Не похоже было, чтобы Грегор собирался отвечать на приветствие.

Грегор жестом приказал своим личным телохранителям подождать за дверью. Майлз сомневался, что от него будет много пользы, если Гарош вдруг вздумает напасть на императора, но, на худой конец, он может броситься между ними. А когда Гарош покончит с ним, уже подойдет подкрепление. Дверь камеры закрылась.

Тщательно сориентировавшись на местности и прикинув имеющиеся в наличии силы, Майлз выбрал себе место возле двери, напротив Айвена, в максимальной близости от Гароша. Они будут стоять неподвижно, как пара горгулий, и Гарош скоро забудет об их присутствии. Грегор об этом позаботится.

Император расположился на лавке напротив Гароша. Иллиан, скрестив руки, прислонился к стене и встал, как умел только он один — живое воплощение Глаза Гора.

— Садитесь, Лукас, — произнес Грегор так тихо, что Майлзу пришлось напрячь слух.

Гарош поднял руки, словно выражая протест, его колени подогнулись, и он тяжело опустился на лавку.

— Сир! — снова выдавил он и прокашлялся. О да, Грегор оказался совершенно прав.

— Генерал Гарош, — продолжил между тем Грегор, — я желаю, чтобы вы сделали ваш последний доклад лично мне. Вы обязаны мне, а за вашу тридцатилетнюю безупречную службу — почти на протяжении всей моей жизни, все мое царствование — я обязан вам.

— Что... — Гарош сглотнул. — Что вы хотите, чтобы я рассказал?

— Расскажите мне о том, что вы сделали. Объясните, почему вы это сделали. С самого начала и до конца. Только факты. Не надо никаких оправданий. Для этого у вас будет время позже.

Майлз часто видел Грегора спокойно-обаятельным, спокойно-весело обреченным, спокойно-отчаявшимся, спокойно-решительным. Но он никогда не видел его спокойно-рассерженным. Это впечатляло. Давило, как толща воды. В этом можно было утонуть, пытаясь вынырнуть на поверхность. «Выскользни, Гарош. Если сумеешь. Грегор наш господин не только формально».

Гарош молчал — очень долго молчал, а потом медленно начал:

— Я... знал о существовании комаррского прокариота уже давно. С самого начала. Даймент из комаррского департамента мне рассказал. Мы тогда вместе работали по розыску группы Сера Галена и обменивались людьми. Я был с ним, когда он отнес капсулы в хранилище. И не вспоминал о них многие годы. А потом я получил повышение, возглавил Департамент внутренних дел... После расследования дела с «Ярроу», помните... сэр? — Это уже относилось к Иллиану. — Вы тогда сказали, что я проделал великолепную работу.

— Нет, Лукас, — изысканно-вежливо ответил Иллиан. — Не могу сказать, что помню.

Молчание, повисшее после этой реплики, грозило затянуться надолго.

— Продолжайте, — сказал Грегор.

— Я... до меня доходило все больше слухов о Форкосигане. И в штаб-квартире СБ, и вне ее. О нем рассказывали довольно дикие истории, говорили, что он своего рода галактический сорвиголова и что его готовят в преемники Иллиану. Было совершенно очевидно, что он любимчик Иллиана. А потом в прошлом году его внезапно убили, хотя, как выяснилось впоследствии... не до конца.

У Грегора слегка дернулся уголок губы — единственная реакция, которую он себе позволил. Глянув на императора, Гарош торопливо продолжил:

— По какой-то причине Иллиан в этот период провел реорганизацию, четко обозначив линию преемственности. Меня назначил своим заместителем. Он сказал мне, что подумывает о выборе нового преемника, на тот случай, если кому-то удастся его убрать, и я был у него на примете. А потом вернулся Форкосиган.

После этого я ничего о нем не слышал до середины прошлого лета. И тут Иллиан спросил у меня, смогу ли я работать с Форкосиганом в качестве моего зама. Предупредил, что он гиперактивен, чертовски недисциплинирован, но дает отличные результаты. Сказал, что я либо полюблю его, либо возненавижу, хотя некоторым удается одновременно и то, и другое. Он сказал, что Форкосигану нужно приобрести опыт на моем поприще. Я тогда ответил... что попытаюсь. Все было предельно ясно. Я бы не возражал обучить своего преемника.

Но обучить своего будущего босса — такое проглотить трудно. Тридцать лет опыта, обойденные... Но тогда я это проглотил.

Внимание Грегора было целиком сосредоточено на Гароше, который, соответственно, был вынужден сосредоточиться на Грегоре. Как будто Грегор включил свой собственный персональный силовой шар, наподобие тех, которыми пользовались цетагандийские аут-леди. Гарош волновался все больше. Он наклонился вперед, его колени едва не соприкасались с коленями Грегора.

— Затем Форкосиган... сам вырыл себе могилу. Фигурально выражаясь. Хорошую и глубокую. Мне не нужно было ничего делать, он все сделал своими руками, причем намного лучше, чем я мог себе вообразить. Я вновь получил этот шанс, но... Иллиан мог проработать еще лет пять, а может, и все десять. За это время могли появиться еще какие-нибудь молодые выскочки. Я не хотел упускать свой шанс. Иллиан начинал сдавать, это было видно, чувствовалось. Начал уставать. Он все время говорил об отставке, но ничего не предпринимал. Я хотел служить Империи, служить Вам, Сир! Я знал, что могу, если мне представится такая возможность. Когда придет время. Мое время. А потом... я подумал об этой проклятой комаррской пыльце.

— Когда именно вы о ней подумали?

— В тот день, когда Форкосиган выполз, спотыкаясь, из кабинета Иллиана с сорванными Глазами Гора. Я тогда пошел в хранилище по какому-то другому поводу, прошел мимо той самой полки, как делал сто раз до этого, но на сей раз... я открыл коробку и прихватил две капсулы. Выйти с ними не составило труда, ведь сигнализация была на коробке, не на содержимом. Конечно, меня никто не обыскивал. Я понимал, что мне придется что-то сделать с мониторами, со временем, но даже если кто и стал бы просматривать записи, то увидел бы всего лишь меня, которому дозволено брать оттуда все, что угодно.

— Где, нам известно. Когда вы ввели прокариота Иллиану?

— Это произошло... несколько дней спустя. Дня через три или четыре. — Гарош взмахнул рукой. Майлз вполне мог представить себе облачко пыльцы, слетающее с его пальцев. — Он постоянно заглядывал ко мне в кабинет, чтобы что-нибудь уточнить или узнать мое мнение.

— Вы тогда использовали обе капсулы?

— Нет. Целую неделю ничего вроде бы не происходило, тогда я использовал вторую. Я не знал, что симптомы будут проявляться так долго. Или... так резко. Но я знал, что это не убьет его. Во всяком случае, я так полагал. Я хотел быть уверенным. Это было чисто импульсивно. А потом было уже слишком поздно отыгрывать назад.

— Импульсивно? — уничтожающе поглядел на него Грегор. — Это после трехдневного раздумья?

— Импульсы, — нарушил свое продолжительное молчание Майлз, — иногда срабатывают медленно. Особенно когда ваша затея действительно плохая.

«Я это по себе знаю».

Грегор жестом велел ему замолчать. Майлз прикусил язык.

— Когда вы решили подставить капитана Галени? — резко спросил Грегор.

— Тогда я еще об этом не думал. Я вообще не собирался никого подставлять, но если бы пришлось, то я хотел, чтобы это был Форкосиган. Он подходил идеально. К тому же тут имелся элемент справедливости. Он практически вышел сухим из воды в деле с имперским курьером. Я бы этого гнома отдал под трибунал, но он по-прежнему оставался любимчиком Иллиана, даже после этой каши. А потом он предстал перед моими дверями с этой проклятой цепью Аудитора, и тут я понял, что он любимчик не только Иллиана. — Взгляд Гароша, встретившийся наконец с глазами Грегора, был обвиняющим.

Взгляд же Грегора был ледяным.

— Продолжайте, — приказал он абсолютно нейтральным тоном.

— Маленький гаденыш никогда не отстал бы. Он напирал и напирал... Если бы мне удалось удержать его на расстоянии еще хотя бы неделю, мне бы не понадобилось подставлять кого-то еще. Это Форкосиган толкал меня под руку. Но теперь стало ясно, что Форкосиган недосягаем, и я никогда не смогу повесить это на него. Галени постоянно крутился рядом с ним и этим привлек мое внимание. Я сообразил, что как подозреваемый он даже лучше Форкосигана. И до него было куда как проще добраться. Помимо всего прочего, он был потенциальной помехой для будущей императрицы. Кто бы стал по нему скучать?

Грегор сделался настолько невозмутим, что казался чуть ли не серым.

«Так вот как выглядит его ярость». Интересно, понимает ли Гарош, что означает отсутствие всякого выражения на лице Грегора? Генерала, казалось, всецело захватил собственный рассказ. Он выглядел возмущенным и говорил еще быстрее:

— Но этот мелкий гаденыш все не отлипал. Три дня! Он нашел капсулы в хранилище через три дня! У него должно было уйти на поиски три месяца! Я не мог этому поверить. Подумал, что стоит заставить его слетать на Архипелаг Джексона и обратно, но он прилип ко мне, как пиявка. Все время, днем и ночью, куда бы я ни пошел, я натыкался на него, шляющегося по всему зданию. Мне было необходимо срочно отделаться от него, пока я его не удавил. Поэтому я и ускорил, насколько осмелился, операцию с Галени и вручил его ему в упаковке, перевязанного ленточкой. Но этот гаденыш опять не успокоился. Тогда я дал ему наживку, которую он так жаждал: я был абсолютно уверен, что уж эту-то он проглотит обязательно. Я чуть не затолкал ее ему в глотку, но он слишком сильно исходил слюной. А потом, на следующий день, я обнаруживаю его в моем кабинете с этим наглым инопланетником, разбирающим фильтры. И вот я здесь, а он... наверху.

Гарош замолчал, чтобы перевести дух.

— Какую наживку? — моргнул Грегор.

«О черт! Гарош, тебе не обязательно вдаваться в подробности, ей-богу...»

Гарош промолчал. Грегор перевел взгляд на Майлза.

— Какую наживку? — спросил он удручающе мягко.

Майлз прокашлялся.

— Он предложил мне дендарийцев. Сказал, что я смогу работать с ним на тех же условиях, что с Саймоном. Нет, даже лучше. Он сказал, что присвоит мне капитана.

Три абсолютно одинаковых ошарашенных взгляда прямо-таки пригвоздили его к стене.

— Ты мне об этом не говорил, — произнес наконец Иллиан.

— Нет.

— Мне тоже, — добавил Грегор.

— Нет.

— Ты хочешь сказать, что не согласился? — обалдело поинтересовался Айвен.

— Да. Нет.

— Почему? — спросил Иллиан после паузы, которая, казалось, тянулась целую минуту.

— Не знал, смогу ли я доказать, что это взятка.

— Нет. То есть я знаю, какого рода это взятка. Бог свидетель, тебе не нужно объяснять это мне, — проговорил Иллиан. — Почему ты ее не принял?

— И оставить ему на растерзание Галени? И позволить ему руководить Службой безопасности в ближайшие десять — двадцать лет, зная то, что я о нем знаю? И сколько, по-твоему, прошло бы времени, прежде чем он перестал бы просто докладывать Грегору и начал манипулировать им при помощи своих докладов или более прямым способом? Ради его же собственного блага, разумеется, и блага Империи.

— Я бы этого делать не стал. Я бы хорошо вам служил, Сир, — решительно сказал Гарош, не поднимая головы.

Грегор нахмурился. Сильно.

«Черт с ним, пусть получит свое отпущение». Майлз не собирался лишать его этой возможности, как не стал бы лишать утопающего соломинки. Ему уже больше ничего не нужно было от Гароша. Он больше не жаждал мести. Он даже не испытывал ненависти. Он мог лишь сожалеть о прежнем Гароше, теперь исчезнувшем навсегда. Нынешний же сам избрал свою судьбу.

— Мы закончили? — вздохнув, спросил он.

Грегор выпрямился.

— Боюсь, что да.

— Вы действуете, будто я совершил убийство, но это же не так! Это не было изменой! — упорствовал Гарош. — Вы же должны это понимать, Сир.

«Попробуй извиниться. Прекрати оправдываться, моли о милосердии. Результат тебя может удивить».

— Саймон не слишком и пострадал!

Спокойно, очень спокойно, Грегор встал и повернулся к нему спиной. Гарош открыл было рот, чтобы еще отчаяннее высказать свое оправдание, но слова застряли у него в глотке. Иллиан, прославившийся ядовитостью своих высказываний, выглядел так, будто никак не может придумать что-нибудь достаточно уничтожающее.

Как только Грегор открыл дверь и вышел наружу, Айвен немедленно выскользнул вслед за ним. Иллиан подождал Майлза, по старой привычке не позволяя ему без прикрытия поворачиваться спиной к потенциальной опасности, и тоже проследовал в коридор. Закрывшаяся дверь пресекла хриплые протесты Гароша, резко обрезав их, как бритвой по горлу.

Они молчали до самого выхода, пока Иллиан не сказал:

— А я-то думал, что это была шутка. Насчет борьбы с искушением.

— Победа со счетом два к одному, Саймон. Всего-навсего. Я... не очень хочу говорить об этом.

— Значит, он пытался подкупить моего Аудитора, — задумчиво протянул Грегор. — Это серьезное преступление.

— Не думаю, что мне захочется объясняться на эту тему с Верховным трибуналом, Сир. Гарошу и так достаточно. Вряд ли его можно уничтожить сильнее. Оставь это. Пожалуйста.

— Как вам угодно, милорд Аудитор. — У Грегора было странное выражение лица. Майлз невольно поежился. Нет, в его глазах было не удивление, не недоумение. Благоговение? Нет, пожалуй, нет. — Что тебя остановило? Я ведь тоже люблю знать «почему». Ты должен мне ответить.

— Я не очень понимаю... как это выразить словами. — Майлз пошарил у себя внутри и, к своему превеликому изумлению, нашел тот спокойный оазис, который обнаружил там вчера. Это помогло. — Просто иногда цена бывает слишком высока независимо от того, насколько сильно ты хочешь получить награду. Единственное, чем нельзя пожертвовать ради исполнения самого заветного желания, — это твое сердце.

— О! — только и сказал Грегор.

Иллиан сказал, что на составление доклада уйдет столько же времени, сколько и на само расследование. Его прогноз оказался чересчур оптимистичным. Большую часть следующей недели Майлз провел в своей спальне, скармливая уйму сведений своему комму. Вычислив все недостающие компоненты, он направился в штаб-квартиру СБ — переговорить с людьми в хозяйственном департаменте, в клинике и еще в дюжине других департаментов и записать показания. Съездил в пригород Форбарр-Султана, чтобы получить медицинские свидетельства от генерала Авакли. Майлз перепроверил абсолютно все. Он не желал, чтобы этот доклад вернули из-за недостаточности улик.

Майлз сидел, погрузившись в составление краткого и эмоционально нейтрального отчета о помехах, учиняемых Гарошем в пик медицинского кризиса Иллиана, и ругая себя

за каждый пропущенный ключ. О, Гарош действительно превосходно им манипулировал. Всеми манипулировал! И тут в комнату ввалился Айвен с воплем:

— Ты знаешь, что творится в твоих гостевых апартаментах?!

Майлз застонал, взъерошил себе волосы, жестом велел Айвену заткнуться, попытался поймать за хвост блестящую концовку параграфа, сдался и выключил комм.

— Тебе совершенно незачем орать.

— Я не ору, — заявил Айвен. — Я просто тверд.

— А ты не мог бы быть твердым потише?

— Нет. Саймон Иллиан спит с моей матерью, и это твоя вина!

— Почему-то мне так не кажется.

— В любом случае это случилось у тебя в доме. Так что ты некоторым образом отвечаешь за последствия.

— Какие последствия?

— Не знаю я, какие! Понятия не имею, какого черта с этим делать! Называть Иллиана «па» или вызвать его на дуэль?

— Ну... можешь начать с рассмотрения варианта, что это вообще не твое дело. Они оба вполне взрослые люди, по моим последним данным.

— Они старики, Майлз! Это... это... это... недостойно. Вот! Скандально. Она — из высших форов, а он... он... Иллиан.

— Тоже своего рода сословие из одного человека, — ухмыльнулся Майлз. — На твоем месте я бы не очень опасался скандала. У меня такое впечатление, что они достаточно... хм... осторожны. Кроме того, учитывая, что она — это она, а он — это он, вряд ли кто осмелится что-либо сказать по этому поводу.

— Это создает неудобства. Мама сказала, что сразу после помолвки Грегора они с Иллианом уедут отдохнуть на южное побережье недели на три. Вместе. В какое-то местечко, где отдыхает средний класс, о котором я даже не слыхал и которое выбрал Иллиан, потому что тоже никогда о нем не слышал. Он сказал, что сойдет любое место, которое ни разу не привлекало внимания СБ. Матушка заявила, что после помолвки хочет сидеть целыми днями на солнышке на берегу, ничего не делая и попивая это отвратительное пойло с фруктом на палочке. А по ночам она — она! — сказала, что они найдут, чем заняться. Боже мой, Майлз, моя родная мать!

— А как, по-твоему, она стала твоей матерью?

— Это было тридцать лет назад.

— Достаточно давно. Значит, южное побережье? Звучит... расслабляюще. Даже лениво, я бы сказал. Тепло. — Нынешнее утро в Форбарр-Султане выдалось мрачным, шел дождь со снегом. Может, ему удастся выспросить Иллиана, что это за место, и как только он покончит с этим чертовым докладом... Но ему не с кем поехать отдыхать, кроме Айвена, а это совсем не то...

— Если тебя это действительно волнует, можешь поговорить с моей матерью.

— Пытался. Она же бетанка! Считает, что это просто здорово. Полезно для сердечно-сосудистой системы, способствует выработке эндорфинов, и все такое. Вообще-то, если подумать, боюсь, что это их совместная с матерью затея.

— Возможно. Но посмотри на светлые стороны этого дела. Леди Элис, занятая своей личной жизнью, перестанет уделять внимание твоей. Разве не этого ты всегда хотел?

— Да, но...

— Припомни, за последний месяц она часто к тебе приставала с тем, чтобы ты ухаживал за подходящими девушками?

— В последний месяц... мы были довольно заняты.

— Сколько помолвок, свадеб и рождений детей у детей ее знакомых она описывала в подробностях?

— Ну... Вообще-то ни одной, если подумать. Кроме помолвки Грегора, разумеется. Так долго она еще ни разу не оставляла меня без напоминаний об обязательствах перед форским обществом. Даже когда я служил в посольстве на Земле, она напоминала об этом дважды в месяц.

— Считай свои преимущества, Айвен.

Айвен скривился.

— Фрукт, — пробормотал он. — На маленьких палочках.

Отделавшись от Айвена, Майлз убил целый час, чтобы собраться с мыслями. Воспользовавшись паузой, он связался с Ченко и наконец договорился о времени, когда придет проверять действие чипа-контроллера. Ченко явно не терпелось выяснить, как эта штука будет работать.

На следующий день, направляясь в госпиталь, уже в дверях особняка Форкосиганов Майлз столкнулся с входящим в дом Иллианом. На улице мело, и Иллиан был в снегу. Лицо его покраснело от холода, но он просто сиял от восторга. Иллиан вроде как был один.

— Где ты был? — поинтересовался Майлз. Он выглянул наружу, но не увидел ни леди Элис, ни телохранителя, вообще никого.

— Гулял по городу.

— Один? — Майлз попытался скрыть тревогу. После всего, что случилось, не хватало еще потерять Иллиана! А потом поставить на уши всю городскую стражу и обнаружить его, испуганного и растерянного, в каком-нибудь Богом забытом углу... — Похоже, тебе удалось благополучно добраться до дома.

— Да. — Иллиан довольно улыбнулся. Он вытянул руку и включил голокуб. — Твоя матушка дала мне карту. На ней Северный и Южный континенты, все обитаемые острова, каждый крупный и мелкий город со всеми улицами, каждая гора высотой свыше метра. Теперь, даже если я и заблужусь, то всегда смогу найти дорогу.

— Многие пользуются картой, Саймон. — «Я круглый идиот! Почему я раньше-то не догадался?»

— А я даже забыл о такой возможности. Это как эйдетический чип, который держишь в руке. Он помнит даже

то, чего ты вообще никогда не знал. Чудесно! — Саймон расстегнул куртку и извлек из внутреннего кармана еще один предмет — самый обыкновенный, хоть и явно наилучшего качества, аудиоорганайзер. — И это она мне тоже дала. Автоматически выдает информацию по ключевым словам. Простенько, но для повседневной жизни вполне достаточно. Это практически искусственная память, Майлз.

В конце концов, этому человеку целых тридцать пять лет не приходилось делать заметки для памяти. Что он откроет для себя следующим номером? Огонь? Письмо? Сельское хозяйство?

— Все, что тебе нужно помнить, — это куда ты ее засунул.

— Я подумываю приковать ее к ремню. А может, повешу на шею.

Иллиан направился к себе наверх, хихикая под нос.

Вечером Майлз оторвался от комма, чтобы поужинать в обществе графини и Иллиана. Первые десять минут ушли на решительное отбивание атак графини, вознамерившейся переманить матушку Кости на Зергияр.

— Она никогда не уедет, пока ее сын служит на Барраяре, — отрезал Майлз.

Графиня задумалась.

— Капрала Кости можно было бы перевести на Зергияр...

— Никаких грязных игр! — взвился Майлз. — Я ее первый нашел, она моя.

— Я просто размышляла вслух, — ласково улыбнулась Корделия.

— Кстати, о Зергияре. Когда отец оттуда прилетит?

— За день до помолвки. А потом мы с ним вместе уедем. Но, безусловно, вернемся летом к свадьбе. Я бы с удовольствием пожила здесь подольше, но нам с твоим отцом необходимо быть на Колонии Хаос. — Она улыбнулась. — Тебе действительно стоит навестить нас. Там теперь совершенно безопасно. Мы уже научились бороться с этими мерзкими червями. Там есть на что посмотреть и чем заняться. Особенно заняться.

Есть что-то всепоглощающее, подумал Майлз, в мрачном огне, которым горят глаза матери, когда она держит в уме огромный список дел.

— Посмотрим. Я надеюсь вручить Грегору мой аудиторский доклад через два дня. А потом... я еще не знаю, что собираюсь делать потом...

Все замолчали и занялись десертом. Наконец Иллиан, откашлявшись, объявил:

— Сегодня я подписал аренду своей новой квартиры. Она будет готова завтра.

— О, превосходно!

— Я хочу поблагодарить вас обоих, особенно тебя, Майлз, за гостеприимство. И за помощь.

— Что еще за квартира? — спросил Майлз. — Боюсь, я всю неделю прожил в своем комме.

— Это точно. Леди Элис помогла мне найти жилье.

— В ее доме? — Это было очень дорогое жилище. Потянет ли его Иллиан? Пенсия вице-адмирала не больно велика, хотя, учитывая вынужденную простоту его прошлой жизни, у него, наверное, накопился неплохой капитал.

— Полагаю, что я теперь представляю значительно меньшую угрозу для своих соседей, чем раньше... Но на тот случай, если у кого-нибудь из старых врагов имеются гнусные намерения... Я поселился через две улицы от Элис. Наверное, было бы неплохо пустить слушок, что мой мозг пострадал гораздо больше, чем на самом деле. Если тебе представится такой случай, это сделает меня менее привлекательной мишенью.

— Ты не думаешь продолжить работу в СБ? Если не шефом, то... Ну, я не знаю... Консультантом, например?

— Нет. Теперь, когда мое... хм... своеобразное убийство раскрыто, я выхожу из игры. Не будь таким удивленным, Майлз. Сорок пять лет службы императору нельзя рассматривать как трагически рано оборванную карьеру.

— Да, пожалуй. Грегор будет скучать. Мы все будем скучать.

— Ну, надеюсь, я буду где-нибудь поблизости.

Майлз закончил свой доклад на следующий день к вечеру. Он блаженно откинулся на стуле и потянулся. Доклад вышел настолько полным, насколько это вообще возможно, и настолько связным, насколько ему удалось удержать в узде свое возмущение. Только сейчас, глядя на плоды своих трудов, Майлз понял, насколько тоньше он сплетал даже свой самый правдивый доклад о деятельности дендарийцев и адмирала Нейсмита, чтобы выглядеть лучше и гарантировать дальнейшее поступление средств и новые задания. Была некая прелесть в том, что ему наплевать, как будет выглядеть лорд Форкосиган.

Доклад предназначался сначала для Грегора, а потом и не только для Грегора. Работая с дендарийцами, Майлз находился на другом конце стола, и ему приходилось выполнять задания, опираясь на весьма сомнительные и неполные разведданные. Поэтому он твердо решил, что ни один бедный олух, которому придется потом пользоваться его докладом, не должен иметь повод поносить лорда Форкосигана.

Он записал окончательный вариант на дискету и связался с секретарем Грегора, чтобы договориться о встрече на следующее утро и вручить доклад вместе с аудиторской цепью и печатью императору. Потом он пошел прогуляться по особняку — размять мышцы, а заодно поглядеть, как там поживает его флайер. Ченко пообещал произвести вживление чипа-контроллера вечером. Мартин, чей столь долгожданный восемнадцатый день рождения прошел незаметно для Майлза где-то в разгар расследования, отложил на две недели свое поступление на императорскую службу, чтобы избавить Майлза от необходимости брать

временного шофера. Но Майлз прекрасно понимал, насколько парню не терпится уйти.

Сегодня утром леди Элис благополучно перевезла Иллиана на новую квартиру, и прислуга уже успела восстановить в гостевых апартаментах прежний порядок. Майлз зашел туда посмотреть из окон на заснеженный сад. Это действительно были самые роскошные покои во всем особняке Форкосиганов. Он вспомнил, как выглядели эти комнаты при дедушке: заваленные сувенирами военных лет, наполненные стойким запахом старых книг, старой кожи и старого человека.

— А почему нет? — пробормотал он себе под нос. Затем повторил громче. — А почему, черт возьми, нет?

Полчаса спустя графиня застала его во главе довольно внушительной армии, состоявшей из Мартина и доброй половины ее слуг. Они перетащили в гостевые апартаменты все барахло Майлза и теперь расставляли его по местам в ванной, спальне, гостиной и кабинете, следуя несколько сумбурным указаниям своего военачальника.

— Майлз, милый, что это ты делаешь?

— Занимаю дедушкины покои. Сейчас тут никто не живет. Почему нет? — Он несколько нервно ждал возражений, мысленно готовя аргументы.

— Отличная мысль! Тебе давно пора перебраться из этой комнатушки. Господи, да ты там жил с пятилетнего возраста!

— Именно об этом я и подумал.

— Мы выбрали ее для тебя, потому что Иллиан подсчитал, что туда слишком трудно выстрелить с улицы.

— Понятно. — Он откашлялся и, набравшись наглости, продолжил: — Я думал взять себе весь второй этаж: Желтую гостиную, гостевые покои и все прочее. Я мог бы... устраивать вечеринки, принимать гостей, ну и так далее.

— Пока мы на Зергияре, ты можешь занять весь особняк.

— Да, но мне нужно место, которым я могу распоряжаться и когда вы не на Зергияре. Раньше у меня не было такой необходимости. Меня практически никогда не было дома.

— Знаю. А теперь ты здесь, а я — нет. Жизнь порой выкидывает странные кренделя. — Графиня удалилась, что-то бормоча себе под нос.

С таким количеством носильщиков переезд занял всего час. Устроившись на новом месте, Майлз обнаружил, что вещей у него совсем немного. Зато по крайней мере тонна пожитков адмирала Нейсмита оставалась в Дендарийском флоте. Надо бы их оттуда забрать. Вряд ли кто другой сможет воспользоваться его одеждой или специально переделанной космической броней. Он бродил по покоям, переставляя вещи с места на место, пытаясь сообразить, какое он сможет найти им тут применение. Здесь было полно места. Не то чтобы он собирался расти, но Майлз вдруг проникся некоторым сочувствием к комнатным растениям, которые слишком долго ждут, когда их нако-

нец пересадят в просторный горшок. Рожденная в космосе Куин обозвала бы его грязеедом. И была бы... наполовину права.

Надо бы отправить ей послание. И не одно. И извиниться, что в суете последних недель оставил без внимания пару присланных ею. Майлз уселся за комм. Огни города отражались в облачном небе. Сад, хорошо видимый из широкого окна, стоял весь белый и словно светился этой снежной ночью.

Собравшись с мыслями и придав лицу должное выражение, он приступил. Записав радостные заверения в своем полном благополучии, в том числе и с медицинской точки зрения, он отправил послание. Элли получит его примерно через неделю, в зависимости от того, где сейчас Дендарийский флот. К его немалому изумлению, задача, казавшаяся прежде невозможной, оказалась сейчас удивительно легкой. Может, ему всего лишь требовалось прочистить себе мозги?

ГЛАВА 28

Майлз решил превратить процедуру возвращения аудиторской цепи и вручения доклада в маленькую церемонию. Традиционная значимость должности не позволяла просто взять и просунуть их в двери дворца в пластиковом пакете. И потому он со всей тщательностью оделся в коричневый с серебром мундир и долго колебался, прежде чем нацепить свои награды — возможно, последний раз в жизни. Но он намеревался просить Грегора об очень личном одолжении, так что пусть уж лучше его награды говорят за него.

Майлза мучили сомнения. То, о чем он хотел попросить, вещь настолько незначительная... а он должен быть выше подобных забот. Но для него это было важно, как тот лишний сантиметр роста, который никто, кроме него, даже бы и не заметил. Он приказал Мартину подогнать машину к восточному входу дворца. На сей раз Мартин не разнес ворот, его навыки в вождении графского лимузина за последнее время сильно улучшились. Мажордом сопроводил Майлза в левое крыло, в кабинет императора.

Должно быть, у Грегора на утро тоже были намечены какие-то официальные церемонии, поскольку он облачился в мундир цветов Форбарра. Император поджидал Майлза у выключенного комма.

— Доброе утро, милорд Аудитор, — улыбнулся он.

— Доброе утро, Сир, — автоматически ответил Майлз. Он выложил на черную поверхность стола дискету, осторожно снял с себя цепь с печатью, пропустил тяжелые звенья сквозь пальцы и тоже положил рядом с дискетой. — Вот. Все сделано.

— Благодарю. — Повинуясь жесту императора, мажордом принес Майлзу стул. Майлз сел и облизнул губы, мысленно перебирая все варианты, как лучше изложить

свою просьбу. Но Грегор махнул рукой, и Майлз покорно замер. Император взял дискету и вставил ее в комм. Переписав содержимое, он протянул ее мажордому.

— Отнесите это в соседний кабинет, пожалуйста.

— Слушаюсь, Сир.

Мажордом удалился, неся дискету на маленьком подносе, как официант — некий странный десерт.

Грегор просматривал аудиторский доклад Майлза, никак не высказывая своего мнения, лишь сопровождая чтение всякого рода «м-м-м» и «хм». Майлз удивленно поднял брови и устроился поудобнее. Грегор вернулся к началу и снова прочитал отдельные куски, уже более внимательно. Наконец он закончил и выключил экран. Взяв в руки аудиторскую цепь, Грегор принялся крутить ее, заматывая и разматывая вокруг руки.

— Должен сказать, это было одно из моих самых удачных решений, Майлз.

Майлз пожал плечами:

— Просто я случайно получил такое дело, в котором имею небольшой опыт.

— Случайно? Если память мне не изменяет, это было вполне преднамеренно.

— Диверсия против иллиановского чипа был внутренним делом. И чтобы с ним разобраться, требовался человек, знакомый с кухней СБ. Многие могли сделать то, что сделал я.

— Нет. — Грегор оценивающе поглядел на него. — Думаю, мне требовался именно бывший сотрудник СБ. И я не могу сразу припомнить еще хоть одного человека, обладавшего одновременно страстью и бесстрастием.

Майлз предпочел не спорить. Сейчас он должен быть вежливым, а не изобретательным. К тому же так ему легче изложить свою просьбу.

— Спасибо, Грегор. — Он затаил дыхание.

— Я тут размышлял о награде за столь хорошо проделанную работу, — добавил император.

— О?

— Традиционно, награда за хорошую работу — новая работа. На этой неделе образовалась вакансия шефа Имперской безопасности.

— И что? — как можно спокойнее спросил Майлз.

— Хочешь ее занять? Хотя по традиции эту должность всегда занимал военный, нет закона, запрещающего мне назначить на этот пост гражданское лицо.

— Нет.

Услышав столь решительный отказ, Грегор несколько изумленно поднял бровь.

— Правда? — тихо спросил он.

— Правда, — решительно подтвердил Майлз. — Я не кокетничаю. Это кабинетная работа с кучей занудной рутины, изредка перемежающейся очередными кризисами.

Шеф Имперской безопасности не только не летает никуда дальше Комарры, он вообще практически не выходит из тарака... из штаб-квартиры СБ. Я бы это возненавидел.

— Я думал, ты справишься.

— Я справлюсь с любой работой, если ты прикажешь, Грегор. Это приказ?

— Нет. — Грегор откинулся на стуле. — Это — обычный вопрос.

— Тогда ты получил обычный ответ. Гай Аллегре гораздо лучше подходит для этой должности, чем я. Он прошел всю лестницу и имеет опыт бюрократической работы. И его уважают на Комарре не меньше, чем на Барраяре. Он всецело поглощен своей работой и очень ее ценит, но его не раздирают амбиции. И возраст подходящий — не слишком молод и не слишком стар. Никто не станет возражать против его назначения.

Грегор едва заметно улыбнулся.

— На самом деле я знал, что ты это скажешь.

— Своего рода упражнение в интуиции?

«Мне такого рода упражнений хватит надолго, благодарю покорно».

У него по-прежнему щемило сердце, как иногда болит при нагрузке перетруженная мышца. И как любой мышечный спазм, это, видимо, пройдет после небольшого отдыха.

— Нет, — возразил Грегор. — Всего лишь вежливость. Я хотел дать тебе возможность отказаться в первый раз.

Но второй раз он предлагать не стал, избавив Майлза от необходимости снова отказываться. Подавшись вперед, император положил на стол золотую цепь и задумчиво посмотрел на нее.

— Хочешь кофе? — неожиданно спросил он. — Или чай? А может быть, хочешь позавтракать?

— Спасибо, нет.

— Чего-нибудь покрепче?

— Нет. Спасибо, ничего не надо. У меня сегодня на вторую половину дня назначена операция. Доктор Ченко готов вживить свой чип-контроллер. Похоже, это должно сработать. А перед операцией мне ничего нельзя есть.

— Хорошо. Давно пора.

— Да. Мне не терпится снова сесть в свой флайер.

— Ты будешь скучать по неповторимому Мартину?

— Немного. Я с ним сроднился.

Грегор снова бросил взгляд на дверь. Чего-то ждет? Кажется, сейчас самый подходящий момент.

— Грегор, я хотел попросить тебя...

Дверь распахнулась, и вошел мажордом. Повинуясь кивку Грегора, он выглянул в коридор со словами:

— Прошу вас, милорды.

И почтительно отошел в сторону.

В кабинет вошли четверо мужчин. Майлз узнал их мгновенно. Он был достаточно барраярцем для того,

чтобы первой панической мыслью стало: «О Боже, что я не так сделал?» Но здравый смысл быстро возобладал. Нужно совершить что-то действительно из ряда вон выходящее, чтобы удостоиться внимания сразу четырех Имперских Аудиторов. Однако это несколько необычно, чтобы не сказать нервирующе, — столько Аудиторов в одной комнате. Майлз откашлялся, выпрямился на стуле и обменялся с вошедшими официальным форским приветствием. Мажордом тем временем расставлял для них стулья вокруг стола.

Судя по всему, лорд Форховиц только что вернулся с Комарры. Ему было чуть за шестьдесят — самый молодой из этих четырех — но тем не менее за плечами у него была блестящая карьера. Солдат, дипломат, посол, заместитель министра финансов. Для Дува Галени — достойный образец для подражания. Хладнокровный, высокий, утонченный — эталон современного форлорда. В руке Форховиц держал дискету с докладом Майлза.

Доктор Фортиц — один из двух недавно назначенных Грегором Аудиторов — не имел военного прошлого. Почетный профессор Университета Форбарр-Султана, он занимался анализом инженерных неполадок и написал по этому вопросу немало трудов. Он и выглядел как типичный профессор — полный, седовласый, улыбчивый, круглощекий, с аристократическим носом и большими ушами. С его приходом в команде Имперских Аудиторов появился человек, обладающий познаниями в технике. Впрочем, Аудиторы, как правило, не работали командой.

Лорд Ван Форгуставсон, который беседовал сейчас с Фортицем, был вторым гражданским Аудитором. Бывший промышленник и известный филантроп, маленький, толстенький, с седоватой бородкой и розовым лицом холерика, вызывавшим опасения по поводу состояния его сосудистой системы. Самый неподкупный — с финансовой точки зрения — из всех Аудиторов Грегора. Он спокойно швырялся такими суммами, каких обычный человек не видел за всю свою жизнь. Но по внешнему виду трудно было догадаться о его богатстве — одевался он, как работяга. Если, конечно, существуют работяги с таким отсутствием вкуса.

Адмирал Форкаллонер являл собой более традиционный тип Аудитора. Он вышел в отставку после долгой и успешной военной карьеры. Придерживался нейтральных взглядов, никогда не примыкал ни к одной партии. Высокий и тучный, он, казалось, занимал много места.

Прежде чем сесть, он сердечно кивнул Майлзу:

— Доброе утро. Значит, вы — сын Эйрела Форкосигана?

— Да, сэр, — вздохнул Майлз.

— Не часто мне доводилось видеть вас последние десять лет. Теперь я знаю почему.

Увидев их всех вместе, Майлз еще более остро почувствовал, какие они все необычные, эти Аудиторы. С огромным опытом, неподкупные, честные, вне или выше всяческих норм. Они более чем огнеупорны, они — пожарные Грегора.

Форховиц уселся слева от императора.

— Итак, каково ваше мнение, господа? — спросил Грегор.

— Это, — Форховиц, наклонившись, положил дискету с аудиторским докладом Майлза на комм, — поразительный документ, Грегор.

— Да, — подключился Фортиц. — Четкий, связный и полный. Ты знаешь, насколько это редко бывает? Мои поздравления, молодой человек.

«Я получил хороший балл, профессор?»

— Меня учил Саймон Иллиан. Он не очень-то жаловал, когда льют воду. Если ему не нравились мои доклады, он отсылал их обратно для переделки. Думаю, у него это было что-то вроде хобби. Я всегда мог сказать, когда в штаб-квартире СБ выдавалась действительно веселая неделя. Десять лет таких тренировок — и ты обучишься делать, как надо, с первого раза.

Форкаллонер улыбнулся.

— Старина Форсмит, — заметил он, — обычно присылал написанные от руки листочки. Не больше двух. Говорил, что все действительно важное всегда можно изложить на двух страницах.

— Почерк у него совсем неразборчивый, — пробормотал Грегор.

— Нам приходилось самим ходить к нему и вытягивать комментарии. Это раздражало, — добавил Форкаллонер.

Форховиц, указав на дискету, обратился к Майлзу:

— Вы практически не оставили работы военному прокурору.

— Вообще не оставил, — сказал Грегор. — Аллегре доложил мне вчера вечером, что Гарош сдался и собирается признать себя виновным, надеясь получить таким образом снисхождение. Ну, вряд ли он мог, признавшись Нам, отказаться от своих показаний и отстаивать свою невиновность перед Верховным трибуналом.

— Не знаю, чего-чего, а наглости у него хватает, — заметил Майлз. — Но я рад слышать, что дело не затянется.

— Это дело действительно необычное, — продолжил Форховиц. — Я, когда впервые услышал о срыве Иллиана, подумал было, что что-то не так. Но я не смог бы восстановить события так, как это сделали вы, лорд Форкосиган.

— Уверен, что вы восстановили бы их каким-нибудь иным способом, сэр, — ответил Майлз.

— Нет, — возразил Форховиц. Он постучал пальцем по дискете. — Насколько я понимаю, критический момент наступил тогда, когда вы притащили этого галактического биохимика, доктора Уэдделла. Именно с этого момента планы Гароша пошли насмарку. Я понятия не имел о существовании Уэдделла и предоставил бы разбираться с чипом команде Авакли.

— Авакли — хороший специалист, — ответил Майлз. — Он бы сделал все, что мог.

— Мы, — Форховиц обвел рукой всех присутствующих Аудиторов, — не часто работаем вместе. Но мы постоянно консультируемся друг с другом. Это увеличивает наш потенциал в пять раз.

— В пять? Я думал, вас семеро.

Форховиц едва заметно улыбнулся.

— Мы считаем генерала Форпарадиса своего рода Почетным Аудитором. Уважаемым, безусловно. Но мы больше не приглашаем его на совещания.

— Вообще-то, — пробормотал Форгуставсон, — мы ему о них даже не говорим.

— А адмирал Валентайн последние несколько лет слишком слаб, чтобы активно участвовать в нашей деятельности, — добавил Форховиц. — Я бы вынудил его уйти в отставку, но пока место покойного генерала Форсмита вакантно, нам нет необходимости просить его уйти.

Майлз совсем забыл, что восьмой Аудитор, генерал Форсмит, умер уже два года назад. Место девятого Аудитора, которое недолго занимал Майлз, обычно оставляли для временных Аудиторов. Экспертов в определенной области, привлекаемых к этой работе, если того требовала Империя, и освобождаемых от нее по выполнению.

— Так что мы четверо, — продолжил Форховиц, — являемся в некотором роде кворумом. Форлеснер не смог прибыть, он сидит на Южном континенте, но я его известил.

— Итак, милорды, — произнес Грегор, — что вы Нам посоветуете?

Форховиц оглядел коллег, которые согласно кивнули, и решительно поджал губы.

— Он подходит, Грегор.

— Благодарю вас. — Грегор повернулся к Майлзу. — Мы недавно обсуждали проблему работы. Так получилось, что на этой неделе у меня еще есть вакансия восьмого Аудитора. Хочешь?

Майлз постарался не выдать своего потрясения.

— Это... постоянная должность, Грегор. Аудиторы назначаются пожизненно. Ты уверен?..

— Не обязательно пожизненно. Они могут уйти в отставку, их могут уволить, подвергнуть импичменту, убить.

— А не слишком я молод? — А он-то только что чувствовал себя таким старым...

— Если вы примете этот пост, — улыбнулся Форховиц, — то станете самым молодым Аудитором за всю историю с окончания Периода Изоляции. Я проверил.

— Генерал Форпарадис... будет, безусловно, возражать. — «Черт, да Форпарадис считает меня мутантом!»

— Генерал Форпарадис, — хмыкнул Форховиц, — считал, что я слишком молод для этого, а мне было пятьдесят восемь, когда я стал Аудитором. Теперь он обратит свое недовольство на вас. Мне не будет скучно без его внимания. А помимо уникального десятилетнего опыта работы в Службе безопасности, у вас уже сейчас больше галактического опыта, чем у троих из нас, вместе взятых, причем в любом порядке. Опыта

весьма специфического, но очень обширного. Это станет существенным добавлением к нашей совместной базе данных.

— А вы читали... э-э-э... мое досье?

— Генерал Аллегре был настолько любезен, что передал нам копии несколько дней назад. — Взгляд Форховица скользнул по груди Майлза и украшавшим ее рекомендациям. К счастью, СБ не вручала медалей за проступки.

— Тогда вам должно быть известно... о маленькой проблеме с моим последним оперативным докладом. Большой проблеме, — поправился Майлз. Он поискал на лице Форховица какую-нибудь реакцию. Лицо его было серьезным, но Майлз не прочел там никаких признаков недовольства. Он что, не знает? Майлз оглядел всех Аудиторов. — Я чуть было не убил во время припадка имперского курьера. Иллиан выгнал меня за то, что я ему солгал.

Вот. Четко, ясно и правдиво — насколько это возможно.

— Да. Вчера мы с Грегором обсуждали это несколько часов. Шеф Иллиан тоже присутствовал. — Форховиц, сощурившись, посмотрел на Майлза. — Учитывая причины, по которым вы сфальсифицировали тот доклад, что помешало вам принять предложенную Гарошем взятку? Могу гарантировать, что никто никогда бы об этом не догадался.

— Гарош бы знал. Галени знал. И я знал. Двое могут хранить секрет, если один из них мертв. Трое — никогда.

— Вы, безусловно, пережили бы капитана Галени и, возможно, пережили бы Гароша. Так что же?

Майлз резко выдохнул и медленно проговорил:

— Кто-то, возможно, и выжил бы. Кто-то с моим именем и моим телом. Но не я. Это был бы человек... который мне... не очень нравился.

— Вы себя высоко цените, не так ли, лорд Форкосиган?

— Научился, — нехотя признал Майлз.

— Тогда, наверное, будем и мы. — Форховиц откинулся назад. На его губах играла странная удовлетворенная улыбка.

— Имей в виду, — заметил Грегор, — что, как самый младший, ты наверняка будешь получать самые паршивые задания.

— Это точно, — пробормотал Форховиц. Глаза его заблестели нехорошим блеском. — Будет очень приятно передать это место кому-то более... э-э-э... активному.

— Каждое задание, — продолжил Грегор, — может быть абсолютно не связано с предыдущим. Это непредсказуемо. Тебе придется либо тонуть, либо выплывать.

— Но не совсем без поддержки, — улыбнулся Фортиц. — Все Аудиторы при необходимости будут помогать вам советом.

Почему-то Майлз вдруг живо представил всех Аудиторов, которые сидят на пляже. В руках у них бокалы с фруктом на маленькой палочке. Он, Майлз, отчаянно барахтается в воде, а Аудиторы, обсуждая его стиль плавания, советуют, как лучше плыть.

— Это... не та награда, о которой я хотел просить, когда пришел, — признался Майлз, чувствуя себя ужасно неловко. Люди никогда не следуют твоему сценарию. Никогда.

— А какую ты хотел? — терпеливо поинтересовался Грегор.

— Я хотел... Я понимаю, что это звучит по-идиотски... Я хотел уйти в запас не лейтенантом, а капитаном. Я знаю, что повышения после отставки даются в знак признания особых заслуг, обычно с целью повышения пенсии. Деньги мне не нужны. Я хочу только звание. — Ну, вот он и высказался. И это действительно прозвучало по-идиотски. Но это правда. — Это болячка, которую я никак не мог содрать.

Он всегда хотел получить капитана, как положено, за заслуги, а не как что-то выпрошенное, как милость. Но не желал он также и всю оставшуюся жизнь представляться в обществе военных как лейтенант.

И тут до Майлза запоздало дошло, что это предложение Грегора не было рассчитанной на отказ вежливостью. Грегор и эти серьезные люди совещались почти неделю. «Я им действительно нужен. Им всем, не только Грегору. Как странно». Но это означает, что у него есть еще один козырь.

— Большинство других Аудиторов со... — он прикусил язык, чуть не ляпнув привычное «солидные», — отставные офицеры в высоких чинах, адмиралы и генералы.

— Но ты и есть отставной адмирал, Майлз, — весело заметил Грегор. — Адмирал Нейсмит.

— А! — Майлз еще не думал об этом с такой позиции. Это его остановило прямо на скаку. — Но... это же не официально. Не на Барраяре. А важность аудиторского поста требует как минимум капитанства для придания веса, ты так не считаешь?

— А он настойчивый, верно? — отметил Форховиц.

— До упора, — согласился Грегор. — Как и предсказывалось. Хорошо, Майлз. Позволь мне вылечить твою болячку. — Волшебный императорский палец указал на Майлза. — Поздравляю. Отныне ты капитан. Мой секретарь проследит, чтобы необходимые изменения были внесены в твое досье. Ты удовлетворен?

— Целиком и полностью, Сир. — Майлз с трудом сдержал счастливую улыбку. Да, по сравнению с тем, как он долгие годы рисовал себе эту процедуру, все оказалось куда как проще. Но жаловаться он не собирался. — Больше мне ничего не надо.

— Но мне надо, — непреклонно заявил Грегор. — Задачи, стоящие перед моими Аудиторами, за редким исключением рутинными не бывают. Я посылаю их только тогда, когда обычные способы себя исчерпали, когда правила не срабатывают или их вообще нет как таковых. Они имеют дело с непредвиденным.

— Со сложным, — добавил Фортиц.

— С тем, чего никто другой не смеет коснуться, — вставил Форховиц.

— С очень и очень странным, — вздохнул Форгуставсон.

— А иногда, — продолжил Грегор, — как Аудитор, доказавший измену генерала Гароша, они разряжают кризисы, смертельно опасные для будущего Империи. Принимаете ли вы пост восьмого Аудитора, лорд Форкосиган?

Официальная присяга будет потом. И торжественная церемония. Но момент истины настал сейчас.

Майлз сделал глубокий вдох.

— Да!

Операция по вживлению чипа-контроллера оказалась не такой длинной и страшной, как он ожидал. Ченко, уже успевший привыкнуть к параноидальному взгляду на мир своего звездного пациента, не стал его усыплять и позволил наблюдать за операцией, расположив монитор так, чтобы Майлз мог все видеть. На следующее утро ему разрешили встать и пойти домой.

Два дня спустя они встретились с Ченко в лаборатории для последней проверки.

— Хотите проделать все сами, милорд? — спросил врач Майлза.

— Да, если не возражаете. Мне все равно нужно привыкать.

— Я бы не рекомендовал вам делать это самому. Особенно вначале. Вам необходим помощник.

Доктор Ченко протянул ему новый загубник и активатор. Аппаратик прекрасно умещался в ладони. Майлз лег на стол, проверил активатор в последний раз, прижал его к правому виску и включил.

Цветные конфетти.

Тьма.

Он распахнул глаза.

— Пфе! — Он подвигал челюстями и выплюнул загубник.

Ченко, радостно подпрыгивая, подобрал загубник и положил руку Майлзу на грудь, заставив его лечь.

— Погодите, лорд Форкосиган. Нам нужно еще кое-что измерить.

Ченко с медтехниками засуетились у аппаратуры. Доктор что-то бормотал себе под нос. Майлз посчитал это добрым знаком.

— Вы закодировали сигналы, как я вас просил? Мне бы не хотелось, чтобы эта чертова штуковина случайно сработала, когда я прохожу через сканирующее устройство или что-то в этом роде.

— Да, милорд. Ничто не может запустить чип, кроме активатора, — заверил его Ченко.

— Если я вдруг ударюсь головой, ну, скажем, при аварии флайера, нет никаких шансов, что эта штука включится и уже не выключится?

— Нет, милорд, — терпеливо ответил Ченко. — Если уж вы получите такую травму, которая повредит этот чип, вам уже не о чем будет беспокоиться.

— Прекрасно.

— Хм, хм, — напевал Ченко, заканчивая возиться с мониторами. — Да. Да. Ваш припадок длился вдвое меньше, чем неконтролируемые. И конвульсии не такие сильные. Головная боль тоже должна уменьшиться. Постарайтесь проследить за ней в последующий цикл и сообщить мне о результатах. Да. Это должно войти в привычку, как чистить зубы. Проверяйте данные каждый день в одно и то же время, скажем, вечером перед отходом ко сну, но прежде чем показатели превысят три четверти, запускайте чип.

— Хорошо, доктор. Я могу летать?

— Завтра.

— А почему не сегодня?

— Завтра, — повторил решительно Ченко. — После того, как я еще раз вас осмотрю. Потерпите, будьте добры, милорд.

— Похоже... придется.

— Я не стал бы с этим спорить, — пробормотал Ченко себе под нос. Майлз сделал вид, что не расслышал.

Леди Элис, подстегиваемая Грегором, назначила официальную церемонию императорской помолвки на самое начало Зимнепраздника.

За день до церемонии на Форбарр-Султан обрушилась такая метель, что парализовала работу всех коммерческих космопортов и сильно снизила активность военных, задержав на орбите вице-короля Зергияра. Метель хлестала по окнам особняка Форкосиганов, наметая сугробы чуть ли не до второго этажа. Было решено, что вице-король граф Форкосиган не будет приземляться до следующего утра, а по прибытии немедленно отправится в Императорский дворец.

Майлз отказался от мысли отправиться на церемонию на своем флайере и решил поехать с графиней на машине. Гениальная идея выставить всех за дверь пораньше потерпела крах в самом начале, когда, открыв свой платяной шкаф, Майлз обнаружил, что кошка Царапка, просочившись с помощью сердобольной кухарки в особняк Форкосиганов, устроила себе гнездо среди его сапог и упавших вещей. Где и родила котят. Шесть штук.

Царапка оставила без внимания его угрозы о возмездии за нападение на Имперского Аудитора. Она шипела и царапалась в своей обычной шизофренической манере. Набравшись храбрости, Майлз утащил свои лучшие сапоги и мундир Форкосиганов, что стоило ему нескольких капель форской крови, и срочно отправил их Пиму — почистить. Графиня, весьма довольная тем, что ее империя увеличилась, примчалась к Царапке, предусмотрительно прихватив поднос с кошачьими лакомствами от матушки Кости. Майлз не возражал бы съесть их и сам. Однако ему пришлось сойти вниз, на кухню, где он и получил свою порцию. Графиня уселась на пол и копалась в шка-

фу добрых полчаса. Она не только не получила ни одной царапины, но даже ухитрилась вытащить всех котят, осмотреть их, определить пол и каждому дать имя.

Наконец караван из трех машин отъехал от особняка Форкосиганов, продираясь сквозь кружащиеся снежинки. Объезжая перекрытые улицы, они перебрались через сугробы и подъехали к металлическим воротам Императорского дворца, где целый взвод охраны и столько же слуг отчаянно работали лопатами, расчищая путь. Ветер, по-прежнему неприятный, дул уже не так свирепо, как ночью, да и небо слегка посветлело.

Они были не единственными опоздавшими. Министры с женами, высокопоставленные офицеры — тоже с женами, графы и графини... Гости все прибывали и прибывали. Те, кому повезло, приехали со сверкающими и сияющими оруженосцами, кому не так повезло — с расхристанными, помятыми и промерзшими оруженосцами. К счастью, большинство знатных комаррцев, включая родителей Лаисы, прибыли заранее, и их разместили в гостевом крыле дворца.

Леди Элис уже столько нахлебалась, устраивая брачные дела Грегора, что ничто не могло поколебать ее мрачного и обреченного спокойствия. Лицо ее просветлело, когда она увидела графиню Форкосиган с Майлзом, а когда к ним присоединился весь занесенный снегом вице-король граф Эйрел Форкосиган, леди Элис просто засияла от радости.

Граф так нежно обнял графиню, что можно было подумать, будто прошел целый год с тех пор, как графиня улетела с Зергияра.

— Думаю, — сказал он жене, чуть отодвинув ее от себя и пожирая глазами, — метеоролог Грегора прошел практику на острове Кайрил.

— Он, правда, сказал, что будет снег, — ухмыльнулся Майлз. — Только не уточнил, в каких количествах. Боюсь, на него оказали давление, чтобы он дал оптимистический прогноз.

— Привет, мальчик! — На людях они лишь обменялись крепким рукопожатием, но граф исхитрился сделать его ласковым. — Ты неплохо выглядишь. Нам необходимо поговорить.

— По-моему, леди Элис желает получить вас первой, сэр...

Леди Элис спускалась по ступеням, ее тяжелое вечернее синее платье развевалось на ходу.

— О, Эйрел, наконец-то. Грегор ждет в Зеркальном зале. Пошли, пошли...

Она провела наверх троих Форкосиганов и пропустила их вперед на встречу с традицией, на добрый час позже намеченного срока.

Учитывая огромное количество приглашенных, церемонию проводили в самом большом бальном зале. Невеста и ее гости выстроились вдоль одной стены, а жених со своими гостями — вдоль другой. Лаиса выглядела весьма элегантно в комаррских пиджаке и брюках.

Лаиса явно унаследовала телосложение от отца — невысокого, пухленького мужчины, а молочно-белую кожу — от матери. Леди Элис, естественно, была свахой. Майлз — свидетелем. Эйрел и Корделия стояли рядом с Грегором — его приемные родители.

Некоторые подарки были явно символические — деньги в красивой упаковке от родителей невесты, куча всякой снеди от родителей жениха, включая мешок разноцветной крупы, перевязанный серебряной ленточкой, и бутылки кленовой медовухи. Отделанное серебром седло несколько озадачивало, поскольку прибыло без лошади. Майлз с удовольствием отметил, что острый нож, который должна была вручить мать невесты как признак чистоты крови, отсутствовал.

Следующей по традиции церемонией было чтение «Наставлений невесте» — задача, павшая на плечи Майлза как свидетеля Грегора. «Наставления жениху» не предусматривались. Майлз вышел вперед, развернул пергамент и начал читать размеренно и спокойно, как всегда, когда объяснял задачу дендарийцам.

Когда Майлз отступил назад, невеста с женихом соединили руки в завершающем церемониальном жесте и обменялись кольцами.

«Если ты думаешь, что это — цирк, то подожди до свадьбы...»

А потом началось празднование.

Грегор первым вцепился в графа Эйрела, поэтому Майлз удалился к буфету. Там он повстречал Айвена, блистательного и великолепного в парадном красно-синем мундире. Айвен наполнял всего одну тарелку.

— Привет, братец — Лорд Аудитор, — сказал Айвен. — Где твои золотые вериги?

— Я получу их на следующей неделе. Я должен принести присягу на совместном заседании Совета графов и Совета Министров.

— Слушок уже пошел. Многие уже спрашивают меня о твоем назначении.

— Если будут сильно доставать, пошли их к Форховицу или Форкаллонеру. Хотя нет, лучше к Форпарадису. Ты привел сегодня партнершу на танцы, а то мне некого пригласить?

Айвен скривился, огляделся вокруг и тихо ответил:

— Я попытался сделать кое-что получше. Предложил Делии Куделке выйти за меня замуж.

«Дальнейшее понятно, но в конце концов это же Айвен».

— Так я и думал, что это заразно. Поздравляю! — произнес он с наигранной сердечностью. — Твоя матушка, должно быть, в экстазе.

— Нет.

— Как это нет? Разве ей не нравятся девочки Куделки?

— Не в том дело. Делия мне отказала. Впервые в жизни я сделал предложение и — паф! — Айвен казался весьма возмущенным.

— Она не согласилась выйти за тебя, Айвен? Какой сюрприз!

Айвен подозрительно глянул на кузена.

— И все, что моя мать сказала по этому поводу, было: «Очень плохо, дорогой. Я же говорила тебе, не тяни так долго». И ушла искать Иллиана. Я видел их пару минут назад, они укрылись в алькове. Иллиан массировал ей шею. Совсем сдурела.

— Ну, она ведь правда тебе говорила. Миллион раз. Она знала демографический расклад.

— Делия сказала, что выходит за Дува Галени! Проклятый комаррский... хм...

— Соперник? — услужливо подсказал Майлз.

— Ты знал!

— Да. Не расстраивайся, тебе по нраву спокойная и беззаботная холостяцкая жизнь.

— Сам такой! — рявкнул Айвен.

— А я не очень-то и рассчитывал, — мрачно улыбнулся Майлз. Пожалуй, хватит поддевать Айвена на эту тему. — Ты можешь попробовать еще раз. С Марсией, например.

Айвен зарычал.

— Что, два отказа в... Ты ведь не сделал сестрам предложения в один и тот же день, а, Айвен?

— Я запаниковал.

— И... за кого же выходит Марсия?

— За кого угодно, только не за меня.

— Да? А... Хм... ты не видел, куда Куделки пошли?

— Коммодор только что был тут. Сейчас, наверное, пошел с твоим па. А девушки будут в бальном зале, как только заиграет музыка.

— А! — Майлз уже было направился в зал, но вдруг, обернувшись, спросил: — Хочешь котенка?

Айвен ошарашенно уставился на него.

— А за каким чертом мне котенок?

— Он внесет радость в твою холостяцкую жизнь. Составит тебе компанию долгими одинокими ночами.

— Иди ты, братец — лорд Аудитор!

Майлз, ухмыльнувшись, удалился.

Он обнаружил семейство Куделка в бальном зале, в самом дальнем углу. Все сестры, кроме Карен, еще не вернувшейся с Колонии Бета. Как ему сообщили, Карен собирается приехать летом к императорской свадьбе. Лорд Марк тоже намеревался пожаловать к свадьбе. Капитан Галени о чем-то серьезно беседовал со своим будущим тестем. Рядом с ним стояла Делия в платье любимых ею голубых тонов. По зрелому размышлению Галени решил не подавать в отставку. К величайшему об-

легчению Майлза, до которого дошли слухи, что Галени уже выдвинули на пост начальника департамента по делам Комарры.

Мадам Куделка благосклонно взирала на будущего зятя. Сестер четверо, значит, Галени своей женитьбой приобретет немалые связи, которыми обладает один из самых ведущих барраярских кланов... Интересно, предупредил ли кто-нибудь Дува, что он рискует в скором времени получить в свояки Марка, клон-брата Майлза? Если нет, то хотел бы Майлз присутствовать при этом известии и полюбоваться на физиономию Дува.

Низкий бархатный баритон за его спиной произнес:

— Поздравляю с повышением, сэр.

Расплывшись в улыбке, Майлз повернулся приветствовать своего отца.

— С которым из двух, сэр?

— Должен признаться, — сказал вице-король граф Эйрел Форкосиган, — что имел в виду назначение Имперским Аудитором, но, как я понял со слов Грегора, ты умудрился втиснуть туда и капитанское звание. Об этом ты не говорил.

— Если не можешь делать то, что хочешь, делай то, что можешь. Или как можешь. Звание капитана... довершало что-то для меня.

— Я рад, что ты дорос наконец до самого себя. Значит, с годами не теряешь инерции, мой мальчик?

— Кажется, нет. — Майлз прищурился. Вновь обретенное спокойствие было на месте, но совсем не давило. — Форховиц утверждает, что я самый молодой Имперский Аудитор с Периода Изоляции. Насколько я понимаю, ты этого поста ни разу не занимал.

— Нет. Как-то вот умудрился упустить. Твой дед тоже его никогда не занимал. И прадед. Вообще-то... нужно будет уточнить, но, мне кажется, ни один Форкосиган не был Имперским Аудитором.

— Я проверил. Ни один. Я первый, — самодовольно сказал Майлз. — Я беспрецедентен.

— Это не новость, Майлз, — улыбнулся граф.

ГЛАВА 29

Майлз стоял у таможни на самой большой пересадочной орбитальной станции Комарры. «Пахнет, как на космической станции, это точно». Не самый приятный запах — машинное масло, электроника, пот... Никакие фильтры не помогут против этого амбре. Но все это — знакомое, родное, близкое. Очень ностальгический запах.

Станция — одна из дюжины орбитальных систем, вращающихся около наполовину пригодной для жизни планеты. Еще три, более отдаленные, кружились вокруг слабой звезды. Все они обслуживали шесть п-в-туннелей и потому являлись одновременно и военными и коммерческими. Отсюда грузы, пассажиры, военные отправлялись на Барраяр, на Пол, Ступицу Хеджена, Зергияр, Эскобар... Да еще и оживившаяся торговля с Ро Кита. Местные таможенные пошлины вносили немалый вклад в казну Барраярской империи. Все это — часть Барраяра. Не забыть бы сказать об этом Элли Куин.

Куин на Комарре должно понравиться. Закрытые куполами города должны напоминать ей родину — космическую станцию. Впрочем, обязанности лорда Форкосигана вынуждают его жить в Форбарр-Султане. Но можно ведь иметь второе жилище на одной из местных орбитальных станций. Такую крохотную космическую дачу...

Вчера он проводил графа с графиней, улетевших обратно на Зергияр. Майлз прилетел с ними на правительственном курьерском корабле. За пять дней в замкнутом и относительно спокойном пространстве прыжкового корабля они успели наконец поговорить. Воспользовавшись случаем, Майлз выпросил у отца личного оруженосца, старого доброго Пима. Графиня поворчала, что в обмен неплохо бы отдать матушку Кости, но Майлз свою кухарку отстоял.

Толпа на выходе с таможенного контроля увеличилась. Пассажиры, обремененные лишь ручной кладью, устремились к пересадочным туннелям. Майлз встал на цыпочки, но это мало помогло. Добрых девять десятых толпы уже успело рассосаться, когда в проходе появилась Куин, одетая по комаррской моде в белый шелковый блузон и брюки. Наряд очень шел к ее темным кудрям и сияющим карим глазам. Впрочем, Куин в любом наряде выглядела потрясающе, даже в драном, перемазанном грязью комбинезоне.

Она тоже оглядывалась в поисках Майлза и издала радостное «Хе!», увидев, как он машет рукой из-за чьих-то спин. Элли быстро направилась к нему, кинула на пол серую сумку, которую несла на плече, и бросилась ему в объятия. «Куин, моя Куин». После доброй дюжины поцелуев они отодвинулись друг от друга ровно настолько, чтобы можно было разговаривать.

— Так почему ты попросил меня привезти все твое барахло? — подозрительно поинтересовалась она. — Мне это совсем не нравится.

— А ты привезла?

— Да. Оно на таможне. Эти ребята совсем ошалели при виде содержимого, особенно оружия. Мне надоело с ними спорить. Ты у нас — барраярец, вот ты с ними и разбирайся.

— Пим, — Майлз подозвал оруженосца. — Возьмите у командора Куин квитанции и спасите мою собствен-

ность от нашей бюрократии, будьте добры. Переадресуйте все в особняк Форкосиганов и отправьте грузовым кораблем. Потом возвращайтесь в гостиницу.

— Слушаюсь, милорд. — Пим взял документы и пошел на таможню.

— И это весь твой багаж? — Майлз кивнул на сумку.

— Как всегда.

— Тогда — в гостиницу. Она очень ничего. — На самом деле лучшая на всей станции, класса люкс. — Я... э-э-э... снял нам на ночь апартаменты.

— Надеюсь.

— Ты ужинала?

— Нет.

— Отлично, я тоже.

Они дошли до ближайшего транспортного терминала и уже через несколько минут были на месте. Интерьер гостиницы был весьма элегантным, широкие коридоры устланы толстыми мягкими коврами, персонал — любезный и вышколенный. Апартаменты — вполне просторные, то есть подходящие для целей Майлза.

— Твой генерал Аллегре очень щедр, — заметила Элли, разбирая свой багаж после краткого ознакомления с сибаритской ванной. — Возможно, мне понравится на него работать.

— Думаю, понравится, но этот номер я оплачиваю из собственного кармана. Мне хотелось побыть с тобой в каком-нибудь спокойном месте, чтобы мы могли поговорить, прежде чем ты завтра встретишься с Аллегре и шефом департамента по делам галактики.

— Тогда... я не совсем понимаю, что происходит. Вдруг получаю от тебя вшивое послание, где ты выглядишь как зомби и бормочешь о том, что Иллиан застукал тебя с этим подделанным докладом о бедолаге Форберге. А я тебя предупреждала! Потом — полная тишина, ни ответа ни привета! А затем я получаю сообщение, где ты радостно чирикаешь, что у тебя уже все хорошо, и перестаю понимать вообще что бы то ни было. Следом — предписание срочно прибыть с докладом на Комарру, причем никаких объяснений, никакого намека на новое задание, за исключением приписки от тебя с просьбой прихватить все твое барахло, а оплату за багаж включить в счет СБ. Ты вернулся на службу в Имперскую безопасность или нет?

— Нет. Здесь я в роли консультанта, чтобы познакомить тебя с твоими новыми боссами. Теперь у меня... э-э-э... другая работа.

— Я действительно ничего не понимаю. Твои сообщения, как всегда, таинственны...

— Трудно отправлять любовные послания, когда знаешь, что все проверяется цензорами СБ.

— Да, но на сей раз они были вовсе не понятны. Что с тобой происходит? — В ее голосе чувствовался такой же подавляемый страх, какой испытывал сам Майлз. «Неужели я тебя теряю?» Нет, не страх. Уверенность.

— Я попытался пару раз составить послание, но... все было слишком сложно и совсем не то, что мне бы хотелось отправлять по лучу. А отредактированная версия больше походила на белиберду. К тому же мне все равно нужно было увидеть тебя лично. Это длинная история, в основном засекреченная. Факт, который я намерен полностью игнорировать. Я это могу, ты же знаешь. Хочешь спуститься вниз поужинать, или заказать ужин в номер?

— В номер. И объяснения, Майлз, — раздраженно ответила она.

Он временно отвлек ее от разговора, предложив обширное меню. Ему надо было собраться с мыслями. Толку от этого оказалось не больше, чем от предыдущих раздумий, на которые он убил несколько недель, готовясь к сегодняшнему разговору.

Они сделали заказ и уселись рядом на маленькой кушетке, глядя друг на друга.

— Чтобы объяснить тебе насчет моей новой работы, я сперва должен рассказать, каким образом я ее получил и почему Иллиан больше не возглавляет Имперскую безопасность... — И Майлз рассказал ей все, начиная с иллиановского срыва, попутно поведав о Лаисе и Дуве Галени, все больше и больше возбуждаясь, размахивая руками и вышагивая по комнате. Рассказал о своем лечении. О предложенной Грегором работе. Все, как было, во всех подробностях. Он не знал, как рассказать о путешествии внутрь самого себя. В конце концов, Элли ведь не барраярка. Она напряженно слушала его, одновременно обдумывая услышанное.

«Да, любимая, нам обоим надо подумать, прежде чем мы поговорим с тобой сегодня ночью».

Она не произнесла ни слова, пока слуга, принесший ужин, не расставил его на столе и не ушел.

Да и потом заговорила не сразу, а лишь съев пару кусков. Может, ей тоже все кажется безвкусным, как и ему?

А когда Элли заговорила, то ровным, нейтральным тоном:

— Имперский Аудитор... звучит вроде бухгалтера. Это не ты, Майлз.

— Теперь я. Я принял присягу. Это один из барраярских терминов, который означает совсем не то, что ты думаешь. Не знаю... Имперский Агент? Чрезвычайный Прокурор? Чрезвычайный Посол? Генеральный Инспектор? Это одновременно и все выше перечисленное, и ни одно из них. Это то... то, что нужно в данный момент Грегору. Практи-

чески неограниченное... Я даже передать тебе не могу, насколько мне это подходит.

— Ты раньше никогда об этом не упоминал как об одном из твоих стремлений.

— Потому что даже представить себе не мог, что такое возможно. Но эта не та работа, которую обычно представляют тому, кто к ней стремится. Желать — да, но никак не стремиться. Для нее требуется... бесстрастие, а не страсть, даже относительно себя самого.

Элли, нахмурившись, молчала целую минуту. Наконец, явно собрав все свое мужество, она задала прямой вопрос:

— А где во всем этом место мне? Нам? Означает ли это, что ты больше никогда не вернешься к дендарийцам? Майлз, я ведь могу больше никогда тебя не увидеть. — Голос ее чуть дрогнул.

— Это... одна из причин, по которой я хотел сегодня поговорить с тобой наедине, до того, как завертятся завтрашние дела. — Теперь настал его черед замолчать. — Понимаешь, если ты... если ты останешься здесь... если ты станешь леди Форкосиган, то сможешь быть со мной все время.

— Нет... — Забытая еда давно бы остыла, если бы не стояла на автоподогреве. — Все это время я бы была с лордом Форкосиганом. Не с тобой, Майлз. Не с адмиралом Нейсмитом.

— Адмирал Нейсмит — всего лишь моя выдумка, Элли, — ласково ответил он. — Мое личное изобретение. Полагаю, я довольно-таки эгоистичный актер, потому что я рад, что тебе понравилось. В конце концов я ведь создал его из себя. Но это не весь я.

Она покачала головой:

— В последний раз ты сказал, что больше не станешь просить меня стать леди Форкосиган. Вообще-то ты говорил это каждый раз, как предлагал мне выйти замуж за лорда Форкосигана.

— Это еще один последний раз, Элли. Только теперь уже действительно последний. Я... Если честно, я должен рассказать тебе о второй части, точнее, о другом предложении. То, что последует завтра, вместе с новым контрактом для дендарийцев.

— Да черт с ним, с контрактом! Ты пытаешься поменять тему, Майлз. Что насчет нас?

— Я не могу иначе. Тут нужна полная откровенность. Завтра мы, то есть Аллегре, СБ и я, Барраяр, если тебе угодно, мы предложим тебе звание адмирала. Адмирал Куин, командующая Дендарийским Флотом Свободных Наемников. Ты станешь работать с Аллегре, в точности по той же схеме, что я работал с Иллианом.

Глаза Куин расширились, загорелись и снова потухли.

— Я не могу делать твою работу, Майлз. Я к этому совсем не готова.

— Ты уже делала мою работу. Ты вполне готова, Куин. Это я тебе говорю.

Она улыбнулась его знакомой властной интонации, которая так часто вела их всех к совершенно невозможным достижениям.

— Признаюсь... что хотела командовать. Но не так скоро и не такой ценой.

— Время пришло. Твое время. Мое. Вот так.

Элли пристально посмотрела на него, пораженная его тоном.

— Майлз... я не хочу сидеть на планете всю оставшуюся жизнь.

— Целая планета — это чертовски большое место, Элли. К тому же в Барраярской империи их три.

— Значит, в три раза хуже. — Наклонившись, она схватила его за руки и крепко сжала. — Предположим, я сделаю тебе другое предложение. Плюнь на Барраярскую империю. Дендарийский флот вполне проживет и без императорских контрактов, хотя, должна признать, благодаря тебе они всегда были очень выгодными. Флот существовал задолго до того, как Барраяр вообще возник на нашем горизонте, и будет существовать и дальше, когда они все провалятся в свой проклятый гравитационный колодец. Мы — космонавты, нам не нужны никакие планеты. Поезжай со мной! Будь адмиралом Нейсмитом, стряхни грязь со своих сапог! Я выйду замуж за адмирала Нейсмита мгновенно, если ты этого хочешь. Мы с тобой станем такой командой, что о нас будут слагать легенды! Ты и я, Майлз, подальше отсюда!

— Я пытался, Элли. Пытался много недель. Ты и представить себе не можешь, как я пытался. Но я никогда не был наемником. Ни единой секунды.

В ее темных глазах вспыхнул гнев.

— И ты думаешь, что имеешь моральное превосходство над всеми нами?!

— Нет, — вздохнул он. — Но это делает меня Майлзом Форкосиганом. А не Майлзом Нейсмитом.

Она покачала головой. А, отказ. Точно, отказ.

— В тебе всегда было что-то, до чего я никогда не могла добраться. — Ее голос звенел от боли.

— Знаю. Я годами пытался изгнать из себя лорда Форкосигана. И не смог, даже ради тебя. Ты не можешь выбрать часть меня, Элли. Я либо все, либо ничего.

— Ты можешь быть чем тебе угодно, Майлз, и где угодно!

Он мрачно усмехнулся:

— Нет. Я обнаружил, что во многом ограничен. — Теперь уже он сжал ее ладони. — А ты, возможно, можешь выбирать. Поедем на Барраяр, Элли, и будь... Отчаянно несчастлива со мной?

Она рассмеялась:

— Это что, еще большая откровенность?

— На длинном пути другого не дано. А я думаю об очень длинном пути.

— Майлз, я не могу. То есть твой дом очень красивый для планеты, но там, внизу, такая тоска!

— Ты можешь сделать это менее тоскливым.

— Я не могу... не могу быть тем, что ты хочешь. Не могу быть твоей леди Форкосиган.

Майлз отвел взгляд, потом снова посмотрел на нее и раскрыл руки.

— Я могу дать тебе все, что у меня есть. Я не могу дать меньше.

— Но взамен ты хочешь всю меня. Адмирал Куин сгорела, а из пепла возникла... леди Форкосиган. Возрождение — не мое амплуа, Майлз. Это по твоей части. — Она беспомощно покачала головой. — Уезжай со мной.

— Останься со мной.

«Любовь побеждает не все». Наблюдая за ее внутренней борьбой, Майлз вдруг понял, что испытывал генерал Гарош. Может, Гарош тоже не получил удовольствие от своей моральной пытки. «Единственное, чем нельзя пожертвовать ради своего самого сокровенного желания...» Он крепче сжал ее ладони, желая от всего сердца не любви, а истины.

— Тогда выбери Элли. Какой бы Элли это ни окажется.

— Элли, это... адмирал Куин.

— Так я и думал.

— Тогда зачем ты со мной это делаешь!

— Потому что тебе нужно выбрать сейчас, раз и навсегда.

— Ты вынудил меня к этому!

— Совершенно верно. Я могу жить с тобой. Я могу жить без тебя, если придется. Но я не могу стоять на месте, Элли, даже ради тебя. Полная консервация не есть жизнь, Элли, это — смерть. Уж я-то знаю.

Она медленно кивнула:

— Я понимаю.

Она начала помешивать свой суп, наблюдая за тем, как он за ней наблюдает...

Они занялись любовью в последний раз, в память о прошлых временах. Это было прощание.

Потом они долго сидели молча.

— Ты рожден быть солдатом, — нарушила наконец молчание Элли. — А не каким-то... высокопоставленным бюрократом.

Майлз расстался с мыслью объяснить ей, что собой являет благородный и древний пост Имперского Аудитора.

— Чтобы стать великим полководцем, нужна великая война. Но таковой сейчас нет, во всяком случае, тут. Цетагандийцы впервые за последние десять лет успокоились. Пол не агрессивен. Да и вообще мы сейчас в прекрасных отно-

шениях со Ступицей Хеджена. Архипелаг Джексона довольно мерзок, но они там слишком разобщены, чтобы представлять собой реальную угрозу. Самой большой опасностью в данной области галактики являемся мы, но нашу энергию поглощает Зергияр. А я не уверен, что жажду сдать себя в аренду на завоевательную войну где-нибудь в другом месте.

— А твой отец это делал. И весьма успешно.

— Успех был неоднозначен. Тебе следует повнимательнее изучить нашу историю, любовь моя. Но я — не мой отец. Мне не обязательно повторять его ошибки, я вполне могу изобрести и свои собственные.

— Ты что-то стал таким политиканом в последнее время.

— Это теперь моя епархия. Военная служба годится только тем, кто может стоять и ждать, а жизнь коротка. Если Империи когда-нибудь снова потребуются мои военные таланты, мне пришлют уведомление по комму.

Элли выгнула брови и устроилась поудобнее, взбив подушки. Майлз положил ее голову себе на грудь и начал поглаживать волосы, наматывая на пальцы завитушки. Она начала водить рукой по его телу. Майлз чувствовал, как на них нисходит спокойствие, уходит прочь напряжение и ужас. Боль сменилась грустью и меланхолией, тихой и вполне понятной.

— Так... — произнес он наконец. — Никто не говорил, что время от времени не будет возникать необходимости в очередных спасательных операциях. Напоминаю тебе как адмиралу Куин, что твое место на командном пункте. Не шляйся с боевыми подразделениями. Это недостойно старшего офицера и слишком опасно.

— Ты жуткий ханжа, любовь моя.

Майлз предусмотрительно решил с этим не спорить. Он кашлянул.

— Есть еще одна вещь, о которой я хотел тебя попросить. Об одной услуге. Это касается сержанта Тауры.

Элли напряглась.

— Что именно?

— Когда мы с ней виделись в последний раз, я заметил у нее седину. Ты знаешь, что это означает. Я тут недавно переговорил об этом со стариной Канабе, ты должна его помнить. Он говорит, что с момента начала метаболического срыва у нее будет пара месяцев, не больше, затем наступит конец. Пообещай, что дашь мне знать вовремя, причем так, чтобы она успела — с флотом, или где она там будет в этот момент — прибыть сюда, до того, как уйдет. Я... не хочу, чтобы она умирала в одиночестве.

Это обещание, которое я дал себе давным-давно, и намерен его сдержать.

Элли угнездилась обратно.

— Хорошо, — серьезно ответила она и через некоторое время добавила: — Так... ты все же спал с ней?

— Хм... — Он сглотнул. — Она была еще до тебя, Элли. — И через минуту добавил: — И потом тоже. Иногда. Очень редко.

— Ха! Я так и знала!

— Ну... А ты? Был и у тебя кто-нибудь, когда я отсутствовал?

— Нет. Я была хорошей девочкой. Ха! — И добавила: — Ну а до тебя... До тебя это была другая Куин.

— Думаю, это и так понятно, но, просто на всякий случай... ты ведь понимаешь, что отныне свободна от всяких обязательств?

— С тем, чтобы ты был свободен тоже? Ты к этому ведешь? — Коснувшись его лица, она улыбнулась. — Мне не нужно, чтобы ты давал мне свободу, любовь моя. Я могу освободиться и сама, в любое время, когда захочу.

— Это как раз то, что мне всегда больше всего в тебе нравилось. — Поколебавшись, он все же спросил: — А ты захочешь захотеть?

— Ну, это уже совсем другой вопрос, не так ли? — мягко ответила она. Они долго смотрели друг на друга, а потом Элли сказала очень ласково и доброжелательно:

— Надеюсь, ты найдешь свою леди Форкосиган, Майлз. Кем бы она ни была.

— Я тоже на это надеюсь, Элли, — вздохнул он. — Хотя терпеть не могу искать.

— Лентяй, — промурлыкала она.

— И это тоже. Ты здорово меня избаловала.

— Мне следует извиниться?

— Никогда.

Последовал долгий поцелуй.

— А пока ты будешь в поиске, мы будем с тобой встречаться? Время от времени?

— Может быть... Не знаю. Если окажемся на одной и той же планете в одно и то же время. Вселенная большая.

— Так почему же я вечно наталкиваюсь на одни и те же лица?

Они предались неторопливым ласкам, не думая о времени. Нет ни будущего, ни прошлого, лишь маленький пузырек во времени, в котором есть только Элли и Майлз.

Нежась, Элли пробормотала ему в волосы:

— Как ты думаешь, твоя новая работа понравится тебе так же, как мне понравится моя?

— Начинаю подозревать, что да. Знаешь, ты ведь действительно к этому готова. Я недавно получил довольно тяжелый урок на тему, как вредно оставлять компетентных подчиненных слишком долго без повышения. Следи в этом плане за личным составом.

— А у тебя есть перспектива роста? Скажем, от Восьмого Аудитора до Первого?

— Только если доживу. Что, если подумать, вполне вероятно. Я моложе их всех на добрых три десятилетия. Но Аудиторов нумеруют просто для удобства. На самом деле они все равны. Когда встречаются, то садятся в круг. Что весьма необычно для иерархии Барраяра.

— Как Рыцари Круглого Стола, — предположила Элли.

Майлз поперхнулся от смеха.

— Если бы ты их видела... Ну, не знаю. Эти самые Рыцари Круглого Стола соревновались за почести фанатично. Именно поэтому старина Артур и придумал круглый стол, чтобы положить этому конец. А Аудиторы... не могу сказать, что лишены амбиций, иначе бы они не достигли таких высот. Превыше амбиций? Эти барраярские паладины — удивительно незаинтересованная компания. Мне не терпится узнать их получше.

Он живописно изобразил своих новых коллег.

Элли невольно улыбнулась.

— Боже мой, Майлз, я начинаю думать, что ты там хорошо впишешься.

— Тебе не доводилось чувствовать себя как дома в месте, где ты ни разу до этого не была? Это примерно то же самое. Это... очень необычно. Но вовсе не неприятно.

Она поцеловала его в лоб — благословляя. Он поцеловал ей руку — на счастье.

— Ну, раз уж ты твердо решил стать штатским, то будь хорошим бюрократом-паладином, — решительно сказала она. — Чтобы я тобой гордилась.

— Я постараюсь, Элли.

Возвращение с Комарры на Барраяр прошло спокойно. Майлз приехал в особняк Форкосиганов тихим зимним вечером и обнаружил, что там тепло и все готово к его приезду. Он решил, что завтра пригласит на торжественный ужин Дува с Делией и остальных представителей семейства Куделка. Но сегодня он предпочел перекусить на кухне со своим оруженосцем и матушкой Кости. Его кухарка была несколько шокирована столь грубым вторжением на ее территорию. Но Майлз веселил ее до тех пор, пока она, рассмеявшись, не огрела его полотенцем. Капрал Кости, заглянув после дежурства, был накормлен по всем правилам и поиграл с котятами, жившими теперь в коробке возле плиты. Капрал с матушкой Кости сообщили Майлзу последние новости о Мартине, который служил теперь в учебке.

После ужина Майлз отправился в винный погреб и церемонно выбрал одно из самых редких и старых дедовых вин. Открыв бутылку, он обнаружил, что вино прокисло, но все равно выпил немного — чисто символически. Затем реши-

тельно вылил вино в ванну и пошел за другим, более позднего урожая.

С лучшим хрустальным бокалом в руке он уселся в невероятно удобное кресло у окна, наблюдая за танцем снежинок. Он чокнулся со своим отражением. Так за что пьем? За третью смерть адмирала Нейсмита? Первая — на Архипелаге Джексона, вторая — в кабинете Иллиана, третья и последняя — в деле с Лукасом Гарошем. Он уселся поудобнее и приготовился часок пожалеть сам себя, потягивая вино.

Но вместо этого вдруг обнаружил, что тихо смеется, откинувшись в кресле. Подавив смех, он подумал, что наконец спятил.

«Как раз наоборот».

Гарош не был чудотворцем. Не был даже учеником чародея. Он не мог ни подарить, ни отнять Нейсмита. Но Майлза до сих пор охватывала криогенная дрожь при мысли, насколько он был близок к тому, чтобы собственноручно отдать себя Гарошу.

Ничего удивительного, что он смеется. Он вовсе не оплакивает смерть. Он празднует побег.

— Я не умер. Я здесь. — Он коснулся своей испещренной шрамами груди.

Было странно и одиноко чувствовать себя единым целым. Не восходящим лордом Форкосиганом, не потерянным Нейсмитом, а чем-то цельным, единым, навсегда.

«Не слишком ли много тут народу?»

«Не очень».

Харра Журик оказалась почти права. Идя вперед, он обрел свою новую жизнь. Его улыбка стала еще шире. Его начинало очень интересовать, каким будет его будущее.

МАЙЛЗ ФОРКОСИГАН-НЕЙСМИТ И ЕГО ВСЕЛЕННАЯ

Краткая хронология

Время	События	Книга хроники
Приблизительно за 200 лет до рождения Майлза	Методами генной инженерии созданы квадди — существа, приспособленные к жизни в условиях невесомости...	*«В свободном падении»*
Во время бетано-барраярской войны	Прямой и честный, контр-адмирал Эйрел Форкосиган стал жертвой изощренных интриг знатных заговорщиков Барраярской империи. Разжалованный, он сослан на только что открытую планету, имеющую для Барраяра огромную стратегическую важность. Там, во время военного конфликта с открывшими планету колонистами Беты, Эйрел встретил Корделию Нейсмит. Враги, они полюбили друг друга. Супруги, они прошли сквозь ад, чтобы спасти Барраярскую империю от надвигающегося кошмара гражданской войны...	*«Осколки чести»*

Попытка дворцового переворота Фордариана	**Императорский дворец захвачен заговорщиками. Дворцовый переворот грозит ввергнуть в кровавый хаос всю Барраярскую империю. Казалось бы, предотвратить кошмар невозможно... Но совершить невозможное ценой нечеловеческого усилия удается Корделии, которая во что бы то ни стало должна спасти своего сына Майлза, жестоко пострадавшего от ядовитого газа...**	***«Барраяр»***
Майлзу 17 лет	**Майлз Форкосиган, не сумевший из-за последствий газового отравления поступить в Императорскую военную академию, создает среди бесчисленных опасностей боевой флот Дендарийских наемников. Отныне вся Галактика будет с восторгом повторять его новое имя — имя адмирала Нейсмита, величайшего из героев космоса...**	***«Ученик воина»***
Майлзу 20 лет	**Майлз Форкосиган вынужден проводить расследование безжалостного убийства ребенка-мутанта, рискуя собственной жизнью. Сам в детстве чудом избежавший гибели, он дерзает выступить против варварского древнего обычая — уничтожать детей с физическими отклонениями...**	***«Горы скорби»*** **из книги** ***«Границы бесконечности»***
	Майлз Форкосиган, все же окончивший академию, получает первое назначение — на полярную базу... Назначение, завершившееся абсурдным обвинением в государственной измене. И тем не менее Майлз ставит на карту свою жизнь, чтобы спасти от верной гибели молодого императора Барраяра. Бесстрашные дендарийцы становятся частью Имперских сил безопасности...	***«Игра форов»***

Майлзу 22 года	Майлз Форкосиган отправляется на планету Цетаганда — на похороны Императрицы. Но, прибыв на скорбную церемонию, он помимо своей воли оказывается втянут в самый центр паутины дворцовых интриг, где на кон поставлены власть и могущество, удары наносятся в спину и из-за угла, а доверять нельзя никому...	*«Цетаганда»*
	Доктор Этан Эркхарт с отдаленной планеты Эйтос со сверхсекретным заданием отправляется на космическую станцию — и неожиданно для себя становится соратником Элли Куин, самой верной и бесстрашной из сподвижников Майлза Форкосигана, в смертельно опасной операции — борьбе против лучших сил цетагандийских спецслужб...	*«Этан с планеты Эйтос»*
Майлзу 23 года	Архипелаг Джексона — планета-притон, планета — логово галактических негодяев всех мыслимых мастей. На Архипелаге Джексона действуют лишь два закона — закон денег и закон силы. В такое чудовищное место бесстрашно отправляется Майлз Форкосиган — на новое рискованное задание. Ему предстоит любой ценой похитить и вывезти на Барраяр гениального специалиста по генной инженерии...	*«Лабиринт»* из книги *«Границы бесконечности»*
Майлзу 24 года	На мрачной планете-тюрьме Дагула IV расположен цетагандийский лагерь военнопленных. Именно туда отправляется Майлз Форкосиган. В аду, в котором практически невозможно выжить, он должен не просто уцелеть, но и выполнить новое задание — провести операцию по освобождению заключенных...	*«Границы бесконечности»* из книги *«Границы бесконечности»*

Майлзу 24 года	Много лет назад, когда Майлз был еще ребенком, террористы с планеты Комарра, похитив из госпиталя его ткани, создали из них клона — двойника Майлза. И вот теперь, когда Майлз оказался на Земле, вдали от Барраяра, комаррцы пытаются подменить его клоном и, ввергнув Барраяр в кровавый водоворот дворцового переворота, возвести клона на императорский трон. Но бесстрашие и хитроумие Майлза опрокидывают все планы террористов...	*«Братья по оружию»*
Майлзу 25 лет	После предыдущей операции Майлз госпитализирован. Сломанные кости рук заменены синтетическими. Лежа на больничной койке, Майлз помогает Саймону Иллиану предотвратить еще одну попытку государственного переворота...	*«Границы бесконечности»*
Майлзу 28 лет	Марк, брат-клон Майлза, воспользовавшись его отсутствием, прибывает на флагманский корабль Дендарийского флота и выдает себя за адмирала Нейсмита, дабы осуществить нападение на Архипелаг Джексона. Операция завершается катастрофой, во время которой убивают примчавшегося на выручку Майлза. Его тело помещают в криокамеру, но криокамера бесследно исчезает. Поиски ведутся по всей Галактике...	*«Танец отражений»*

Майлзу 29 лет	**Криогенное оживление Майлза привело к неожиданному и трагическому результату: его признали непригодным к военной службе, однако, когда над Барраяром нависает новая опасность, бесстрашный лорд Форкосиган вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг шефа Имперской безопасности. Кто и зачем это сделал? Только Майлз может найти предателя и спасти империю...**	***«Память»***
Майлзу 30 лет	**Майлз Форкосиган, ныне — Имперский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярской империи...**	***«Комарра»***

Содержание

Танец отражений 5
Память 391
Майлз Форкосиган-Нейсмит
и его Вселенная 714

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел.: 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ—«Книги по почте»

Литературно-художественное издание

Буджолд Лоис Макмастер

Танец отражений
Память

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 29.07.99.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 37,8.
Тираж 10 000 экз. Заказ 701.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Лоис Макмастер Буджолд принадлежит своеобразный рекорд: она удостоена ТРЕХ "Хьюго" за РОМАНЫ – успех, уступающий лишь достижению Роберта Хайнлайна. И еще рекорд – все эти романы относятся к одному и тому же циклу – самому, пожалуй, популярному циклу в истории научной фантастики – циклу о Майлзе Форкосигане, циклу, который переведен на десятки языков и покорил миллионы читателей.

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн, Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг. И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто ГЕРОЯ.

Что же принесло саге о Майлзе Форкосигане такой огромный успех и обеспечило такую популярность? Острый сюжет? Захватывающие приключения? Блестящий замысел, блестяще воплощенный в жизнь? Искрометный юмор?

Прочитайте – и узнайте сами!!!

ISBN 5-237-03128-5